ПОЛОЦКИЕ ГРАМОТЫ
XIII – начала XVI в.

Том 2

Университет Дмитрия Пожарского

Институт славяноведения Российской академии наук
Институт российской истории Российской академии наук

Федеральное архивное агентство
Российский государственный архив древних актов

Национальная академия наук Республики Беларусь
Институт истории
Центральная научная библиотека им. Якуба Коласа

Белорусский государственный университет
Исторический факультет

Университет Дмитрия Пожарского

Полоцкие грамоты XIII — начала XVI века

А. Л. Хорошкевич (ответственный редактор),
С. В. Полехов (заместитель ответственного редактора),
В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко,
Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин

Том 2

Университет Дмитрия Пожарского

Москва 2015

УДК 930.2:001.814/.816(476.5-21) ″12/15″
П52
ББК 63.2:63.3(4Беи)4

Издание подготовлено и выпущено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Исследовательские гранты 0501-901-05а/б, 11-21-16005
Издательский грант 14-01-16050

Рецензенты:
д-р гуманитарных наук Артурас Дубонис (Институт истории Литвы, Вильнюс)
д-р Мадлена Малинг (Институт истории им. Фридриха Мейнеке Свободного университета, Берлин)

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Том II. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. — 524 с.: CIV с. ил., карт.

ISBN 978-5-91244-136-3

Издание, подготовленное российскими и белорусскими учеными, представляет собой научную публикацию древнейших документов по истории Полоцкой земли 1263–1511 гг. — договоров о взаимоотношениях между Полоцком и Ригой, переписки властей и рядовых жителей этих городов, властей Тевтонского ордена, документов великих князей литовских и их канцелярии, посланий полоцких епископов. Представленные в публикации памятники письменной культуры освещают широкий круг вопросов экономики, политики, общественной жизни, культурных, в том числе и межконфессиональных, связей и являются ярким свидетельством многовекового опыта взаимодействия полочан с их соседями.

Документальные источники из архивов Берлина, Варшавы, Вильнюса, Минска, Москвы, Нижнего Новгорода, Риги и Санкт-Петербурга публикуются в соответствии с новейшей методикой издания исторических источников. Издание снабжено многочисленными репродукциями грамот, их водяных знаков и печатей, другими иллюстрациями, а также комментариями и справочными материалами.

Рассчитано на специалистов в области истории и других гуманитарных наук, а также всех, кто интересуется историй Полоцка и Полоцкой земли.

На обложке — печать великого князя полоцкого Семёна (Лугвеня Ольгердовича) 1379 г. Лицевая сторона.

ISBN 978-5-91244-136-3

Комментарии

Вводные замечания

Комментарии включают в себя обоснование датировки грамот, основные биографические сведения о лицах, которые упоминаются в грамотах, сведения об упоминаемых географических пунктах, толкования ряда терминов, которые могут вызывать затруднения у современного читателя. Большое внимание уделено формуляру грамот.

Для локализации географических объектов были использованы карта Полоцкого повета XVI в., составленная Н. Н. Оглоблиным[1], планы и карты Генерального межевания 1783–1785 гг.[2], десятиверстная специальная карта Европейской России 1870 г.[3] Для идентификации населенных мест были привлечены писцовая книга Полоцка 1564 г.[4], неопубликованные фрагменты писцовых книг 70-х гг. XVI в.[5], а также список населенных мест Витебской губернии конца XIX — начала XX в.[6] и справочник названий населенных пунктов Республики Беларусь[7]. При идентификации населенных мест составители исходили из предпосылки, что антропотопонимы отражают процесс возникновения поселений, получавших имя их основателей. Обычай наименования поселений по именам их основателей сохранялся на Полотчине и Витебщине длительное время[8].

По сравнению с первым изданием «Полоцких грамот» все комментарии были пересмотрены, упорядочены, в ряде случаев существенно расширены и дополнены. Авторство комментариев указывается при помощи инициалов каждого из авторов:

А. В. Б. — А. В. Баранов;
В. А. В. — В. А. Воронин;
А. И. Г. — А. И. Груша;
А. А. Ж. — А. А. Жлутко;
А. В. К. — А. В. Кузьмин;
С. В. П. — С. В. Полехов;
А. Л. Х. — А. Л. Хорошкевич.

---

[1] *Оглоблин Н. Н.* Объяснительная записка и карта Полоцкого повета во второй половине XVI века // Сборник Археологического института. 1879. Кн. 3; 1880. Кн. 2. Отд. 2. С. 3–75.
[2] РГАДА. Ф. 1356. Планы Генерального межевания Витебской и Могилёвской губерний.
[3] Специальная карта Европейской России. Пг., 1919.
[4] *Калачов Н. В.* Писцовые книги Московского государства. Писцовые книги XVI в. Отд. 2. Местности губерний Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. СПб., 1877. С. 421–455.
[5] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 566.
[6] *Сапунов А. П.* Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906.
[7] Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць / У. М. Генкін, І. Л. Капылоў, В. П. Лемцюгова; пад рэд. В. П. Лемцюговай. Мінск, 2009.
[8] *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 3. СПб., 1902. С. 3.

1

[1263 г.] декабря 28. Рига. — Грамота кн. Герденя о его договоре с лив. магистром [Конрадом фон Мандерном] и городами Ригой, Полоцком и Витебском

Грамота, в литературе называемая договором, может быть причислена к такому виду документов лишь условно. В интитуляции обозначена только одна из договаривающихся сторон, вторая отсутствует. Нет сведений о скреплении документа печатями обеих или хотя бы одной стороны. По типу грамота приближается к «осведомительным» (*Лаппо-Данилевский*. 1920. С. 13, 15, 18–30), в «память о совершенной сделке» (*Валк*. 1922. С. 250–251). С. М. Каштанов называет ее «посланием» (*Каштанов*. 1976. С. 76). По своему формуляру это типичная открытая грамота западного Средневековья — извещение, оповещение, обращенное к тем, «што ныне живи суть, а тем, кто напосле приидуть».

Оригинал грамоты, не дошедший до наших дней, был написан в Риге. В судьбе несохранившегося рижского списка грамоты много непонятного. Эта единственная известная копия документа, равно как и следующего — «Слова» Изяслава, происходящая из архива Рижского магистрата, была написана в начале XV в., очевидно, в связи с полоцко-рижскими переговорами в период коренного пересмотра торговых отношений этих городов накануне заключения Копысского договора (*Хорошкевич*. 1963а. С. 79–88). Судя по палеографическим данным, проанализированным еще К. Э. Напьерским и Хр. Стангом (РЛА. С. 12; *Stang*. 1939. S. 15), копия принадлежит тому же писцу, который изготовлял такие ответственные документы, как полоцкий и рижский проекты договора 1405 г. (№ 49, 52), полоцкий экземпляр полоцко-рижского договора 1407 г. (№ 55); возможно, он же писал грамоту полочан 1414 г. (№ 65). Стало быть, либо копия внешнего архива Рижского магистрата происходит из Полоцка, либо она была написана полоцким писцом в Риге на основе оригинала. Как бы то ни было, датировка списка заставляет думать, что он был изготовлен в связи с полоцко-рижскими переговорами о соблюдении купеческих прав, предшествовавшими заключению Копысского торгового договора.

И начальный, и конечный протокол копии носит следы влияния латиноязычного формуляра: в конечном протоколе имеется дата, причем не от Сотворения мира, но от Р. Х. (причем манера указания даты «по Роже[нь]и Б(о)жии» является полной калькой латинского «post Nativitatem Domini» или немецкого «nach Christi Geburt»), указано место составления документа. Датировка грамоты зависит от того, какой хронологической системы придерживались ее составители: если начало года отсчитывалось от Рождества Христова (25 декабря), то грамота составлена 28 декабря 1263 г., если от Обрезания Господня (1 января) — то 28 декабря 1264 г. В зависимости от понимания этой фразы историки датировали грамоту то 1263, то 1264 годом. Согласие господствует лишь в определении дня: 28 декабря — третий день после Рождества Христова. К 1263 г. грамоту Герденя относили Э. Боннелль, Н. фон Баумгартен, Л. К. Гётц, Л. Арбузов-мл. и Ф. Беннингхофен — к 1263 г. (*Bonnell*. 1862. S. 76; *Baumgarten*. 1936. P. 231; *Goetz*. 1916. S. 325; LEKUR. S. 133. № 1025), к 1264 г. — К. Э. Напьерский, Ф. Г. фон Бунге, А. Е. Энгельман, В. Е. Данилевич, Х. Пашкевич, С. М. Каштанов, Д. Н. Александров и Д. М. Володихин (*Напьерский*. Грамоты. 1857. № IIa; РЛА. С. 12; *Энгельман*. 1858. С. 165–166; LECUB. Bd. 6. Reg. 432ab. S. 154; *Данилевич*. 1896. С. 143, 146; *Paszkiewicz*. 1933. S. 106, 111; *Каштанов*. 1976. С. 76; *Александров, Володихин*. 1994. С. 35, 36), а В. Т. Пашуто и А. Л. Хорошкевич — то к 1263, то к 1264 г. (*Пашуто*. 1959. С. 149–150, 386; ПГ. Вып. 1. № 1. С. 35; Вып. 3. С. 117).

А. Л. Х.

Судя по способу написания даты: «коли Б(ог)ъ былъ 1000 лѣ*т* и 200 и 60 лѣ*т* и 4 лѣ[т], по роже[нь]и Б(о)жии дни за три дни», она была передана переводчиком максимально приближенно к тому, как ее обычно писали на латыни. Если делать обратный перевод с «руского» языка на латынь, в оригинале дата была написана примерно так: «Datum Rigae anno Domini M^{o} CC^{o} LX° IIII° tertio die post Nativitatem Christi». Поскольку в конце XIII в. у рижан и в Ливонии в целом начала приобретать популярность система, при которой год начинался в день Рождества Христова — 25 декабря (*Энгельман*. 1858. С. 175–176, 179), то вполне возможно, что именно она и была использована в грамоте Герденя. И тогда дата 28 декабря относится не к 1264 году, который указан в документе, а к предыдущему 1263 году. Другой вариант, который представляется менее вероятным, — писец грамоты, неоднократно допускавший ошибки, принял число MCCLXIII (1263) за MCCLXIIII (1264).

Принять 1263 г. заставляет и еще одно обстоятельство, на которое уже обращалось внимание в историографии: в грамоте Герденя мир заключают полочане и витебляне, а не полоцкий и витебский князья. По всей видимости, это свидетельствует о том, что на тот момент в Полоцке и Витебске не было князей. А таким моментом мог быть только конец 1263 г., когда вскоре после убийства Миндовга (осень 1263 г.) был убит и полоцкий князь Товтивил. Посредничество Герденя в заключении мира, по всей видимости, именно потому и понадобилось, что полочане и витебляне не имели тогда своих князей. С другой стороны, тот факт, что в конце 1263 г. князей одновременно не стало и в Полоцке, и в Витебске, указывает на возможность княжения Товтивила в обоих этих городах.

Именно на латинский язык оригинала очень четко указывают также некоторые характерные выражения и особенности грамматики. Так, например, в одном из пунктов грамоты мы находим следующий пассаж: «што кнѧ*з*(ь) Костѧнтинъ да*л* местерю съ своею бра*т*(ь)ею…». Однако с точки зрения «руского» языка здесь было бы более правильно сказать не «съ своею братьею», а «съ его братьею»: имелись в виду, разумеется, братья-рыцари, а не братья Константина. Но переводчик перевел дословно, как в оригинале. Однако дело в том, что в латинском языке в отношении третьего лица используется только местоимение «свой» (suus). Это и оказалось отражено в переводе. С первоначальным латинским текстом связаны также особенности перевода некоторых выражений и слов. Среди них можно отметить выражение «верху того», которое дважды использовано в грамоте. Это выражение является очевидной калькой с латинского слова «insuper» (свыше того, кроме того), которое очень часто употреблялось при разного рода перечислениях. В частности, с этого выражения нередко начинали пункты договорных грамот. Однако калька с этого слова, использованная в грамоте Герденя, по-русски звучит очень уж неуклюже.

Однако при всём стремлении к точности и даже буквальности перевода его автор не смог избежать помарок и ошибок. Так, например, во фразе: «немечькому гостю в Полочьскую волно еха*т*(и) и торгова*т*(и), купити и прода*т*(и)» после «Полочьскую» пропущено слово «землю».

В. А. В.

Отмеченная языковая особенность грамоты Герденя роднит ее со знаменитыми договорами Смоленска с Ригой и Готским берегом (Готландом), древнерусские тексты которых несут на себе отпечаток влияния средненижненемецкого языка (подробнее см.: *Петрухин*. 2012а; *Петрухин*. 2013). Это может объясняться как отсутствием у Герденя своей канцелярии (ср.: *Сэларт*. 2004; *Selart*. 2006), так и тем, что условия договора были письменно зафиксированы по инициативе ливонцев — властей Риги и/или ливонского отделения Тевтонского ордена. В этой связи примечательно упоминание грамоты князя Константина, скрепленной его печатью, об уступке Ордену Лотыгольской земли.

Гердень — литовский князь, впервые упоминается как князь Нальши, земли в северо-восточной части современной Литвы («Gerdine de Naalse»), среди свидетелей акта 1260 г. о передаче владений Миндовга Тевтонскому ордену в случае смерти литовского короля без наследников (PrUB. Bd. 1/2. № 106. S. 91; Міндаў. 2005. С. 37–40. № 9; там же указана литература по проблеме аутентичности акта). О принадлежности Герденя к числу сторонников Миндовга говорит поход на его владения в 1265 г. псковского князя Довмонта — противника литовского короля, убитого в 1263 г. (*Пашуто.* 1959. С. 33–35; *Gudavičius.* 1998. P. 146–154; *Baranauskas.* 2000. P. 238. № 35). По сообщению Псковской III летописи, Довмонт «все княжение его повоева» (ПЛ. Вып. 2. С. 83). При этом самому Герденю удалось бежать «в мале дружине» (НПЛ. С. 85, 314–315), а в руки Довмонта попала его семья и «вся имениа их» (ПЛ. Вып. 2. С. 16). Возможно, Гердень появился в Полоцке уже в княжение в Литве убийцы короля — Тройната (1263–1264), устранившего оттуда князя Товтивила, княжившего там ранее (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 815, 860; НПЛ. С. 84, 313; *Сэларт.* 2004; *Selart.* 2006). Ни грамота № 1, ни летописи не называют Герденя ни литовским, ни полоцким, ни витебским князем (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 33; НПЛ. С. 83, 314–315), поэтому соответствующие территориальные определения являются более или менее обоснованными гипотезами историков (*Пашуто.* 1959. С. 277; *Кузьмин.* 2007а. С. 36–38). При этом грамота № 1 не называет по имени ни полоцкого, ни витебского князя. По-видимому, ни в том, ни в другом городе князя не было. В то же время более определенно, нежели в договоре 1229 г., подчеркивается роль города как особой корпоративной силы (*Rohdewald.* 2005. S. 79).

Судя по ссылке на «старый мир князя Герденя», сохранившемуся документу предшествовал иной, составленный от имени того же князя Герденя. Его роль при заключении договора, о котором идет речь в грамоте, сводилась к миссии посредника, «створившего мир промежи» магистра, Риги, Полоцка и Витебска.

Лотыгольская земля — Латгалия, ныне Латгале, восточный край Латвии. Главными положениями заключенного при посредничестве Герденя мира был отказ Полоцка от Лотыгольской земли, которую князь Константин передал магистру, с одной стороны, и отказ магистра от земли, «што Руськаа землѧ словеть Полочкаа», с другой, а также отказ обеих договаривающихся сторон от претензий в связи с той «пакостью», «што сѧ в розмирьи створило». Эти главные условия договора повторены в оповещении Герденя дважды с некоторыми вариантами, второй раз с дополнениями («што поклепани на Рѣзне… с всею правдою»).

В оповещении, таким образом, подтверждается отказ князя Константина, закрепленный его грамотой, от притязаний на Латгалию — «не въступатисѧ на тую землю… не поискывати». Как явствует из буллы папы Урбана IV 1264 г., Константин передал Ордену замок Розиттен (рус. Режица, ныне — Резекне в Латвии) (LECUB. Bd. 1. № 380. S. 484–485). В 1366 г. орденские власти во время распри с рижским архиепископом настаивали на том, что озеро Лубан принадлежит им в силу того, что замок Розиттен передал Ордену князь Константин Полоцкий «со всеми правами и его землями». В число последних (pertinencia) входило и спорное озеро. Орденские власти подчеркивали, что князь Константин был полномочен распоряжаться замком и передал его «полным правом» (pleno iure) (LECUB. Bd. 6. № 2884. S. 217). Упоминается князь Константин и в статутах Ордена как благодетель этого духовно-рыцарского объединения (Statuten. 1890. S. 132). Поскольку предшественником Герденя на полоцком столе был Товтивил, то Константин княжил в Полоцке и осуществил свой дар Ордену еще раньше (подробнее о нём см.: *Сэларт.* 2004; *Selart.* 2006; *Кузьмин.* 2007а. С. 37–40)

Грамоту князя Герденя от договора князя Константина отделяет период «розмирья», которое проявилось в соединенном походе литовско-полоцко-новгородских сил в 1262 г. под Юрьев, т. е. Дерпт (НПЛ. С. 83, 311–312; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 32). Грамота князя Герденя содержала дополнительные сравнительно с договором князя Константина условия отказа от претензий. Литовские силы недолго участвовали в походе. Они вынуждены были

быстро отступить от Вендена (ныне — г. Цесис в Латвии) (Livländische Reimchronik. 1876. S. 148–149). Таким образом, предпринятая в 1262 г. попытка вернуть уступленные Ордену земли оказалась безуспешной. «Немци братья» (этот термин знают и летописи: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 816) сохранили вновь приобретенные земли, более того они сумели, по-видимому, и вторгнуться в пределы Полоцкой земли, защитить неприкосновенность которой и был призван «договор» князя Герденя.

А. Л. Х., А. В. К., С. В. П.

Пожалуй, главными статьями соглашения, заключенного при посредничестве Герденя, являются статьи, в которых идет речь о территориальном размежевании владений немцев и Полоцка в Латгалии. Среди них можно выделить две группы. Если в первой лишь подтверждается уступка Полоцким княжеством Лотыгольской земли, совершённой князем Константином, то вторую группу составляют «военные» статьи грамоты, посвященные недавним событиям — полоцко-орденской войне 1262–1263 гг.

В этой связи необходимо обратиться к одному фрагменту грамоты Герденя, который до сих пор, кажется, не привлекал внимания иследователей. Звучит он не совсем понятно: «Што поклепани на Рѣзне и што словеть Лотыгольскаѧ землѧ, ѡ*т* того сѧ ѡ*т*ступили с всею правдою». В древнерусском и старобелорусском языках глагол «клепати» имеет значения: «бить», «ковать», «стучать, шуметь, ударяя чем-либо», «ударять, бить в что-либо звонкое, созывая людей; звонить, подавать сигнал», «указывать, подавать знак», «указывать на кого-либо, обвинять», «несправедливо обвинять, оговаривать кого-либо» (*Срезневский*. Т. 1. Стб. 1218; СлРЯ. Вып. 7. С. 164; СДРЯ. Т. 4. С. 217; ГСБМ. Вып. 15. С. 112). И. И. Срезневский хотя и зафиксировал в своем словаре слово «рѣзьня» (с примером как раз из грамоты Герденя), однако не смог определить его смысл (*Срезневский*. Т. 3. Стб. 221). К сожалению, предложенные словарями и приведеные выше значения слов не намного приближают нас к пониманию текста. Если первую часть фразы рассматривать как указание на какие-то военные столкновения, битвы и убийства людей, ставшие их результатом, то совершено неясной остается вторая ее часть. Как можно «отступить», к примеру, от убийств?

При рассмотрении грамоты Герденя следует иметь в виду, что это — перевод с латинского языка, причем перевод не самый точный, с многими существенными погрешностями. Как представляется, неудачно был переведен и процитированный фрагмент. В латиноязычном оригинале речь шла наверняка не о стычках и убийствах. В Латгалии, в 25 км к юго-западу от озера Нирза и примерно в 20 км от города Резекне находится озеро Резна. Именно в нём и следует видеть не понятую до сего времени «Рѣзню». На берегу этого озера ливонскими рыцарями был построен сильный замок Волькенбург, который существовал уже в 1271 г. (*Нейман*. 1895. С. 30–31; *Сэларт*. 2004; *Selart*. 2006). Вероятнее всего, в первоначальном латинском тексте говорилось именно об этом событии. В ходе войны 1262–1263 гг. рыцари основали в районе озера Резна, который захватили у полочан, свой замок Волькенбург. Полочане же, в соответствии с грамотой Герденя, отказались от своих прав на эти земли. В результате неточного перевода текста (неясно, какое латинское слово было переведено как «поклепани») его смысл был сильно искажен.

В ходе войны Орден и рижане, по всей видимости, захватили и какие-то собственно полоцкие земли. В статье, где оговаривались условия передачи немцам района озера Резна, есть следующее замечание: «Местерь, та*к*же бра*т*(ь)ѧ его ѡ*т*ступили, што слове*т*(ь) Полочьскаѧ землѧ, с всею правдою». Вообще же в договоре очень четко сформулирован этнический принцип территориального размежевания. Немцы стремились закрепить за собой захваченные в ходе войны латгальские земли, и им это удалось, а полочане постарались вернуть утраченные полоцкие территории, что также нашло свое отражение в договоре.

В. А. В.

2

[1264 г. января 1 — 1267 г. июня 31. Полоцк]. — Грамота («слово») кн. пол. Изяслава архиеп. риж., лив. магистру, совету и «всем горожанам» г. Риги о заключении договора

«Слово» Изяслава сохранялось в Полоцке вплоть до начала XV в., когда копия, написанная тем же писцом, что и грамота Герденя, была доставлена в Ригу, где и попала в архив Рижского магистрата. См. подробнее коментарий к № 1.

Грамоту № 2 в соответствии с ее интитуляцией считают грамотой полоцкого князя Изяслава. Правда, И. И. Срезневский приписывал ее Герденю, ставшему полоцким князем после Товтивила (*Срезневский.* 1882. С. 130). В. Т. Пашуто полагал, что было сразу два Изяслава — и в Полоцке, и в Витебске (*Пашуто.* 1959. С. 287). Возможно и иное толкование. Заявление: «А Изаславъ со мною одинъ. На семь къ мне целовати кр(е)*с*т въ правду» сделано не от имени самого Изяслава, но от имени Войшелга.

Грамота № 2, подобно № 1, лишь условно может быть названа договором. Это проект Изяслава, содержащий как характеристику ливонско-литовско-полоцко-витебских взаимоотношений, так и предложения, касающиеся территориальных вопросов и торговых связей Полоцка, Витебска, ливонского отделения Тевтонского ордена, представленного его магистром, Риги и Феллина (жители которого названы «велневицы») (*Goetz.* 1916. S. 328; этот термин обычен и для летописей: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 73). Никаких следов утверждения грамота не имеет.

Она носит самоназвание «слово». Употребление этого термина С. М. Каштанов связывает с применением этой формулы ханами Джучиева улуса (*Каштанов.* 1976. С. 83; см. также: *Усманов.* 1979. С. 188–200). Действительно, в термине «слово» грамоты № 2 есть оттенок просьбы или приказа. Предшествующие исследователи такого оттенка не усматривали: так, для И. И. Срезневского «слово» — полный синоним весьма многозначного термина «грамота» (*Срезневский.* Т. 3. Стб. 418). Однако именно этот оттенок не позволяет согласиться с определением С. М. Каштановым «слова» как вводной части интитуляции (*Каштанов.* 1976. С. 71). «Слово» грамоты Изяслава скорее можно назвать салютацией, аналогичной «поклону» новгородских грамот.

Грамота делится на две части, каждая из которых завершается требованием целоватъ крест. Первая часть посвящена политическим взаимоотношениям договаривающихся сторон, вторая — экономическим и территориальным, а также разрешению конфликтов в связи с территориальными спорами.

Требование целования креста в данном случае может быть названо диспозитивной частью. Польский исследователь литовской дипломатики времени великого князя Витовта М. Косман высказал мысль, что послания немногим отличались по своему формуляру от «руских» документов канцелярии Витовта. К стереотипным формулам посланий он относит адрес, интитуляцию, в некоторых случаях салютацию и дату (*Kosman.* 1971. S. 165). Это требование в отдельных местах грамоты изложено с некоторыми отличиями:

В середине	В конце
На семъ къ мне целовати кр(е)стъ въ правду, любовь имѣти и миръ, какъ было при первыхъ кназ(е)хъ полочьскы[х].	На семъ же целуите ко мнѣ кр(е)*с*тъ по любьви и в правду, без всакого извѣта.

Аналогичное требование, причем также повторенное дважды, содержит договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем (ГВНП. № 1. С. 9–10):

В начале	В конце
На семь ти, княже, хрьст цѣлов[а]ти, на цѣмъ то целовал[ъ хрьстъ] отець твои Ярославъ.	На томъ ти на всемь хрьстъ цѣловати по любъви, безъ всякого извета, въ правьду, при нашихъ послехъ.

Аналогии полоцких и новгородских документов этим не ограничиваются. Почти одинаковая формулировка об отношении к холопу и робе: «А холопу и робе веры не няти» звучит в полоцком областном привилее, или уставной грамоте (№ 476, ст. 14; текст его сложился окончательно в конце XIV в., но это положение считается восходящим к XIII в. — *Якубовский.* 1903б. С. 276–279; *Rohdewald.* 2005. S. 85; *Макараў.* 2008. С. 146), но в более развернутой форме в новгородской грамоте 1268 г.: «А холоп или роба почнет вадити на господу, тому ти веры не няти» (ГВНП. № 3. С. 13; датировка: *Янин.* 1991. С. 147–150).

Как и в «Слове» Изяслава, в новгородско-тверском докончании конечный протокол сведен к требованию целования креста. Условия будущих отношений, скрепленные крестоцелованием, обе грамоты излагают совершенно одинаково: «по любви, в правду, без всякого извета».

Грамота № 2 содержит много установлений, сходных с теми, которые зафиксировали древнейшие грамоты Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, в частности о «рубеже» (см. комментарии к № 54 и 55), должниках и т. д. Есть и сходные обороты. Так, для обозначения договорных отношений грамота Изяслава употребляет словосочетания: «одно есть», «со мною одно». Тверской князь Михаил Ярославич о своем союзе с московским Данилои Александровичем в 1296 г. пишет: «одинъ есмь» (ГВНП. № 4. С. 14; о датировке см.: *Янин.* 1991. С. 150–151).

Совпадения формуляра, юридических норм и фразеологических оборотов «Слова» Изяслава с формуляром, нормами и оборотами древнейших русских грамот показывают, что оригинал документа возник в полоцкой канцелярии, сохранявшей общерусские традиции составления подобных документов. Даже полутора столетиями спустя во времена Витовта эти традиции были живы (см.: *Kosman.* 1971).

«Слово» Изяслава было написано несомненно после № 1. Оно возвращалось к вопросу о том, что было.уступлено Риге, и запрещало «…к тому… приискывати… людеи, …земли, …воды, …борти», подтверждало, что ни та, ни другая сторона не должны мстить за убытки, нанесенные «въ рать… и въ рубежехъ», то есть пограничных мелких конфликтах.

Обобщенная формулировка спорных вопросов свидетельствует о том, что военные действия имели место достаточно задолго до написания грамоты, и составителю «Слова» Изяслава уже можно было не уточнять конкретных случаев. Уступленные в Риге, согласно грамоте Герденя, земли переходили в вечное пользование Ордена. По-видимому, под полоцкими владениями грамота № 2 имела в виду именно замок Розиттен и его земли, до договора князя Константина входившие в состав Полоцкого княжества. От этих-то земель отказался князь Константин, давая обещание в дальнейшем их «не поискивати». Об этих же землях говорит и грамота князя Герденя: заключительная фраза диспозиции, вкратце повторяющая содержание сделки, содержит отказ полоцкой стороны только от Лотыгольской земли (подробнее см. № 1 и комментарий к нему).

А. Л. Х.

Достаточно сложен вопрос о датировке грамоты № 2. В 1-м издании ПГ грамота была отнесена к 1265 г. со ссылкой на известия Ипатьевской летописи: «в условиях, сложившихся после походов Довмонта на Литовскую землю в 1266 и 1267 гг., Войшелг в поисках поддержки обратился к галицкому князю Васильку Романовичу, которого признал своим «отцом» и «господином»» (НПЛ. С. 85; ПЛ. Вып. 2. С. 13; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 862; ПГ. Вып. 3. С. 122). По мнению А. В. Кузьмина, «этим известиям нельзя придавать решающего значения. Данный источник ничего не знает и не сообщает об изменении принципов власти Войшелга

как в Полоцке, так и в Витебске на протяжении 1264–1268 гг. Известие целиком относится к ситуации, сложившейся лишь в русско-литовском Понеманье» (*Кузьмин.* 2007б. С. 36). Вместо этого исследователь предложил датировать грамоту промежутком времени между гибелью Герденя в 1267 г., когда на полоцком столе мог оказаться ставленник Войшелга Изяслав, и началом конфликта новгородцев с Полоцком в конце лета — осенью того же 1267 г. (*Кузьмин.* 2007а. С. 36–41). В свою очередь, А. Дубонис справедливо отметил: Изяслав не мог заявлять, что находится в «воли… Б(о)жии и въ Молшелгове», после отказа Войшелга от власти (*Дубонис.* 2014. С. 67), который произошел, как считается, примерно в середине 1267 г. (*Dubonis.* 2009. P. 51. Nuor. 64; там же указана литература). Поэтому принимаем широкую датировку грамоты № 2 — промежутком между грамотой Герденя (№ 1) и отходом Войшелга от власти, т. е. 1264 — середину 1267 г.

С. В. П.

3

[1299–1305 гг. или 1308 г. Полоцк]. — Послание еп. пол. Якова риж. пробсту, нам. архиеп. риж., и совету г. Риги с просьбой пропустить в Полоцк хлеб, не чинить препятствий полочанам и вершить справедливый суд по торговым спорам между рижанами и полочанами

В самом общем виде хронологические рамки написания грамоты определяются упоминанием литовского князя Витеня, занимавшего престол ок. 1295–1315/16 гг. (подробнее о нём см.: *Rowell.* 1994. P. 55–59). В историографии документ датировался концом XIII или началом XIV в. (см. обзор: *Кузьмин.* 2012. С. 231). Первым датировку 1309 г. предложил В. Г. Васильевский (см.: *Васильевский.* 1872. С. 151–152), основываясь на следующих аргументах:

1) Поскольку епископ Яков пишет «бровстови» (пробсту), «наместнику пискуплю» (рижского архиепископа), следует думать, что самого архиепископа в это время в городе не было. Архиепископ Фридрих фон Пернштейн в 1306–1311 гг. находился в Авиньоне (ELB. T. 3. S. 164–165; см. также: *Biskup, Labuda.* 1986. S. 221, 342–343; *Жлутка.* 2006. С. 154–155).
2) Епископ Яков сообщает, что был у митрополита, вероятно, по случаю поставления нового митрополита. В 1305 г. умер митрополит Максим, на место которого был посвящен Пётр.
3) Наконец, просьба Якова пропустить в Полоцк жито, — вероятно, следствие голода, охватившего всю Северо-Восточную и Северо-Западную Русь (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 253; ТЛ. С. 253; *Пашуто.* 2011. С. 279, 297, 312).

Датировку В. Г. Васильевского попытался скорректировать А. В. Кузьмин. Основываясь на данных о хронологии русского летописания, он обратил внимание, что летописные известия о голоде и поездке епископа Якова к митрополиту Петру относятся скорее не к 1309, а к 1308 г., тем более что 1309 г. уже стал неблагоприятным и для Прибалтики. Стало быть, в это время полоцкий епископ вряд ли мог обращаться с просьбой о пропуске зерна в Полоцк к рижанам, коль скоро они сами испытывали с ним трудности (*Кузьмин.* 2012. С. 231–234).

Ряд обстоятельств заставляет принципиально поставить под сомнение датировки послания епископа Якова концом первого десятилетия XIV в. или во всяком случае предложить возможную альтернативу таким датировкам. Для этого необходимо напомнить основные вехи судьбы Полоцкой земли в конце XIII — начале XIV в. Как выясняется из современных источников — буллы папы Климента V от 19 июня 1310 г. и протокола опроса папским инквизитором Франциском де Молиано свидетелей по делу о злоупотреблениях Тевтонского ордена в Ливонии 1312 г., правивший в Полоцке «король» обратился в католицизм и завещал свои владения Ордену, благодаря которому там обосновалась католическая Церковь. В ответ на чинимые братьями Ордена притеснения полочане призвали на помощь «язычников», которые и изгнали из

Полоцка ливонцев. Эти события, как показал В. А. Воронин, имели место между 1299 г. и 14 сентября 1305 г.; дата 1307 г., фигурирующая в литературе, фактически ни на чём не основана (*Варонін.* 2004б. С. 40–56; *Варонін.* 2009а. С. 30–40, особенно с. 31–37; см. также: *Дубонис.* 2014. С. 70–72). Яков пишет в своем послании: «А нынѣ есмь оувѣдалъ любовь ваша праваꙗ съ с(ы)номь моимь с Витенемь». Значит, оно было написано уже после перехода Полоцка под власть литовского правителя, т. е. не ранее 1299 г., но достаточно скоро после этого события: было бы странно, если бы полоцкий епископ, представлявший город во внешних сношениях и прекрасно осведомленный об отсутствии в Риге архиепископа, узнал о союзе Витеня с Ригой, одним из главных торговых партнеров Полоцка, спустя продолжительное время. Литовско-рижский союз, направленный против Ордена, с которым Рига вела войну в 1297–1330 гг., существовал самое позднее с 1298 г. (*Jakštas.* 1935. P. 149ff.). В таком случае послание Якова могло быть написано в самом конце XIII или начале XIV в., а следующая его фраза («Такоже, дѣти, была любовь ваша перваꙗ с полочаны, съ дѣтми моими: што вамъ было надобѣ, то было ваше») описывает полоцко-рижские отношения накануне перехода Полоцка под власть Ордена. Итинерарии рижских епископов за 1299–1305 гг. чересчур отрывочны, чтобы уточнить датировку послания. И всё же известно, что в ноябре 1299 г. архиепископ Иоганн III находился в Шверине, а в марте 1300 г. — в Риме, где и умер. Его преемник на рижской кафедре Исарн находился в Ливонии весной 1302 г., но в связи с его смертью с апреля этого года кафедра была вакантной, а следующий архиепископ Фридрих фон Пернштейн добрался до Ливонии, очевидно, лишь в 1305 г. (ELB. T. 3. S. 162–164). В один из указанных длительных периодов отсутствия в Риге архиепископа полоцкий епископ и мог обращаться к его «наместнику» — пробсту.

С. В. П.

4

[XIV в. Полоцк]. — Вкладная запись Андрея Данильевича ц. Св. Троицы на его отчинное и désinное сельцо на Просмужке

Грамота, записанная в Полоцкое Евангелие конца XII — начала XIII в., по палеографическим признакам датируется широко — XIV веком.

Идентифицировать Андрея Данильевича не представляется возможным. А. В. Кузьмин считает Андрея Данильевича сыном кн. Даниила Друцкого, ссылаясь на «его санкции в отношении князей и бояр, которые в будущем могли намереваться покуситься на его вклад. Очевидно, что полоцкий боярин позволить себе записи таких слов не мог» (*Кузьмин.* 2007б. С. 64). Однако Андрей Данильевич не называет себя ни Друцким, ни вообще каким бы то ни было князем.

«Сельце на Просмоужьци» находилось в непосредственной близости (в 1,5 верстах) от Полоцка выше по течению р. Двины. В XVIII–XIX вв. оно носило название Присмушки или Пжесмушки (*Сапунов.* 1906. С. 324; РГАДА. Ф. 1356. Витебская губ. Полоцкий уезд). Получателем вклада был Троицкий придел полоцкого Софийского собора (*Варонін.* 2009в. С. 156, 166).

А. Л. Х., С. В. П.

5

[XIV в. Полоцк]. — Вкладная запись Ивана Никоновича Дементеева сына ц. Св. Троицы на земельные владения на Великом поле, на р. Полоте и в г. Полоцке и на половину гумна

Грамота написана уставом XIV в. в середине полоцкого харатейного Евангелия конца XII – начала XIII в. На л. 128 об. располагаются две грамоты — № 5 в верхней половине листа и № 10 под нею (точнее, под ее правым столбцом). Судя по расположению на

л. 128 об., грамота Ивана Никоновича Дементеева сына предшествовала грамоте № 10. Рядом с грамотой № 5 находятся пометы XVI–XVII вв. Возможно, их возникновение как-то связано с тем, что после 1498 г. некоторые земли церкви Св. Троицы были переданы бернардинскому костелу (см. № 345; ср. также № 365).

Единственная из трех почти современных грамот, духовная Ивана Никоновича Дементеева сына открывается стандартной инвокацией («богословием»), присутствующей, как правило, и в русских, и в западных завещаниях (*Лаппо-Данилевский*. 1920. С. 135–136; *Каштанов*. 1973. С. 81; *Семенченко*. 1986). В интитуляции Иван Никонович Дементеев сын, по другим источникам не известный, называет себя «рабом Божиим» и указывает, что документ составлялся тогда, когда автор его находился при смерти. В диспозиции он указывал, что передает земли на память не только по себе, но и по отцу и сыну. Вероятно, все трое оказались жертвой общего бедствия — эпидемии, может быть черной оспы. В таком случае грамоту следовало бы относить примерно к середине XIV в., когда по Восточной Европе прокатились несколько волн эпидемии этой болезни (*Воронин*. 2012а. С. 221–222).

Никаких дополнительных датирующих данных запись духовной не содержит: обозначения участков земли — «ролейных», пашенных мест, пожни, луга, огорода и гумна традиционны даже для древних памятников; конечного протокола запись не имеет. Санкция записи предусматривала возможность попытки отнять передаваемые церкви земли со стороны «вельможи или попа». Первый термин сравнительно редкий (см.: *Срезневский*. Т. 1. С. 240–241; СлРЯ. Вып. 2. С. 72). Это может быть истолковано как намек на то, что грамота написана до каких-либо серьезных перемен в политическом статусе города, то есть до 1377 г. Судя по расположению грамоты, она была записана в Евангелие ранее грамоты Андрея Ольгердовича. Эта последняя размещена ниже на том же листе и могла быть записана не позже апреля 1387 г., когда Андрей окончательно расстался с Полоцком (см. № 16 и комментарий к нему). Значит, и грамота Ивана Никоновича надежно датируется временем не позже апреля 1387 г.

О получателе вклада — Троицком приделе полоцкого Софийского собора — см. комментарий к № 4.

Р. Полота — правый приток р. Двины, в устье которой стоит Полоцк.

«Старый город», по всей видимости, идентичен «старому городищу», которое также иногда упоминается в источниках, и представляет собой городище, расположенное примерно в 1 км вверх по течению Полоты от места ее впадения в Двину. Возможно, на «Старом городе» начиналась городская жизнь Полоцка, и лишь впоследствии укрепления были перенесены на мыс при впадении Полоты в Двину, где находится Софийский собор.

А. Л. Х., С. В. П., В. А. В.

6

Фальсификат

[XIV в. Полоцк]. — Вкладная запись вел. кн. Анофрия м-рю Св. Иоанна Предтечи на Острове на бортные земли на реках Сомнице, Улле и Наче и на ез на р. Лисне

Вкладная грамота князя Анофрия написана на обороте последнего листа евангельских чтений XIV в., находящихся ныне в Основном собрании рукописной книги ОР РНБ. Чтения поступили в Императорскую Публичную библиотеку до 40-х гг. XIX в., так как книга была описана А. Ф. Бычковым (Каталог основного собрания русских книг. Т. 1. № 17). По наблюдениям Г. А. Воскресенского, евангельские чтения неполны, в Евангелии от Марка отсутствует целый ряд отрывков, недостает конца книги. Чтения прерываются на текстах, читае-

мых в великий четверг. Книга написана крупным уставом XIII–XIV вв., правописание русское со смешением «ц» и «ч», в Евангелии много древних югославянских слов (*Воскресенский*. 1896. С. 25).

Рукопись имеет много записей и помет, указанных уже А. Ф. Бычковым и неоднократно воспроизводившихся (*Гранстрем*. 1953. С. 41–45). Большая часть записей восходит к XV–XVI вв. На л. 1 сохранилась часть записи: «мещени*н* поло*ц*кыи ѡстро*в*скыи Конашь Ко*н*драт». Записи об «укупах», написанные одной рукой, относятся, по-видимому, к третьей четверти XVI в., когда Полоцк входил в состав Русского государства. На это указывает специфически «московский» термин «дьяк», вышедший в конце XV в. из употребления в Великом княжестве Литовском. Запись «Я, Ивона...», судя по терминологии и палеографии, относится к концу XVI – началу XVII в.

Некоторые записи пострадали от обрезки в начале XIX в., когда рукопись была переплетена. Многие маргиналии носят следы обработки, вероятно, также в начале XIX в. Так, запись на лл. 9 об. — 11 вытравлена. Следующая за ней вкладная запись Якима Денисовича Туровейского, точно датированная 1507 г. (№ 424), обведена очень черными чернилами (первая половина) и просто черными (вторая половина), причем обведена довольно уверенной рукой, так что аккуратно покрыты все буквы. Обе вкладные Якима Денисовича (на лл. 11–16; № 424, 425) написаны в один столбец, соответствующий столбцу основного текста. Черными чернилами обведены данные грамоты 1540 г. (лл. 21 об. — 22) и 1559 г. (л. 23–23 об.). Грамота Фёдора Фёдоровича Анестирнина (лл. 30 об. — 32) написана черными чернилами. По-видимому, под свежими и ярко черными чернилами более древнего текста не было. Можно думать, что этот документ возник довольно поздно, в конце XVIII — начале XIX в., в период полного пересмотра владельческих прав на землю на новых территориях Российской империи.

Запись вкладной Анофрия сделана чернилами и уставным почерком, отличающимися от основного текста рукописи, но восходящими к XIV в. (мнение Е. Э. Гранстрем и Н. Н. Розова) или второй половине XIV в., в крайнем случае — к началу XV в. (мнение А. А. Турилова; устные сообщения). Киноварный заголовок вкладной, находящийся на самом краю листа, у верхнего обреза, также отличается от киноварных заголовков основного текста.

Вкладная внесена в книгу, по-видимому, значительно позднее написания рукописи. Дважды (на второй строке в слове «монастыри» и в предпоследней, в слове «никому») писец вкладной вынужден был обходить небольшие дырки, находившиеся на последнем листе рукописи. На лицевой стороне того же листа писец основного текста в соответствующих местах писал всё подряд. Вкладная была написана тогда, когда рукопись потеряла окончание и от длительного употребления на ее последнем листе появились повреждения.

Рукопись была переплетена уже после того, как в нее была внесена вкладная князя Анофрия. Во-первых, при переплете пострадал киноварный заголовок грамоты (от второй его половины остались лишь нижние части букв), во-вторых, после написания грамоты на последнем листе рукописи появились новые повреждения (на второй строке, где во вкладной было написано «у С(вѧ)того»). Вероятно, и после того, как рукопись пополнилась записью вкладной, она продолжала оставаться в употреблении без переплета.

Таким образом, широкие хронологические границы внесения вкладной — после XIV и до начала XIX в.

Уточнить дату написания вкладной помогает ее формуляр и терминология. Интитуляция заголовка и самой грамоты отличаются: по классификации С. М. Каштанова, они принадлежат к разным типам и подтипам, правда, в пределах одной группы (интитуляция заголовка — группа А, тип I, подтип 1; интитуляция грамоты — тип II, подтип 1) (*Каштанов*. 1976. С. 72–74). В заголовке титул находится после имени князя, в грамоте — наоборот. Это может говорить о написании заголовка после самой грамоты.

Ни в той, ни в другой интитуляции нет объектной части титула, указывающей географическую сферу власти князя. В заголовке виной тому может быть его неполнота. В грамоте на это сослаться нельзя, как и на отсутствие места (ср. № 10). Древнейшие полоцкие грамоты князя Андрея Ольгердовича (№ 10, 11) содержат объектную (территориальную) часть титула. Более того, и в летописях князь Андрей именуется «полоцким» и лишь в исключителъных случаях «литовским». С другой стороны, грамоту Анофрия с грамотами Андрея роднит титул «князь великий» и отчасти (с № 10) неопределенная характеристика географических координат пожалований — отсутствие описания их границ, что указывает на раннее время написания грамоты.

Вкладная в соответствии с формуляром древнейших грамот подобного рода не называет имени игумена Иоанно-Островского монастыря. По-разному сравнительно с Евангелием определяет она получателя грамоты: Евангелие вкладывается в монастырь, но тут же (над строкой) вносится уточнение — «в церковь», земли передаются неопределенно — «святому Иоанну». Первое общее запрещение «вступатисѧ» имеет своим объектом церковь, монастырь, сёла и людей, второе — старцев и людей, наконец, запрет владыке касается только монастыря. Вкладная передает Иванскому монастырю и его игумену право суда над населением вновь приобретаемых земель. Оно выражено в формуле: «судити и рѧдити» старцев и людей. Вряд ли эта формулировка может быть датирующей. В грамотах Северо-Восточной Руси, где, впрочем, речь идет не о разделении власти между митрополитом или епископом и игуменом того или иного монастыря, но о разделении ее между князем как представителем светской власти и игуменом, употребляется иная формула: «ведает и судит» [АСЭИ. Т. 2. № 45. С. 31 (1397–1427 гг.); № 66. С. 43 (1434 г.); № 92. С. 55 (1439/1440 г.); № 99. С. 59 (1448–1451 гг.); Т. 3. № 6. С. 18 (1392 или 1404 г.)]. Такое же определение судебных прерогатив игумена, как в грамоте Анофрия, встречается в них крайне редко, при этом появление формулы «судят и рядят» относится к концу 30-х годов XV в. [АСЭИ. Т. 2. № 92. С. 55 (1439/1440 г.)]. Если предполагать, что появление формулы «судят и рядят» в Северо-Восточной Руси происходило синхронно с Полоцкой землей, то можно думать, что этот процесс относится к концу первой — началу второй трети XV в. В этом же как будто убеждает сравнение с вкладной мстиславского князя Юрия Онуфриевскому монастырю 1452/53 г.: «Судити ему (игумену монастыря — *Сост.*) и радити тыи люди самому… митрополиту того а*р*химанъдрыта ѡнофреевского не судати ани радити… Ино намъ самымъ того а*р*химанъдрита ѡнофреевского суди*т*(и)» (АЗР. Т. 1. № 43. С. 57–58; новейшее издание и обоснование датировки: *Варонін*. 2010. С. 38. Прим. 7; С. 52–54).

Забота о нераспространении судебной власти владыки над населением монастырских земель могла быть актуальной только тогда, когда эта власть была реальной. Судя по грамоте епископа Якова (№ 3), в начале XIV в. епископ действительно пользовался широкими правами в городе. Но и Яков, и Григорий (№ 9) именовали себя епископами, а не «владыками», в отличие от их преемников середины XV в. и рубежа XV–XVI вв. В последние годы XV в. и в начале XVI в. власть полоцкого владыки, поддержанная великим князем литовским, могла угрожать иванскому игумену и его монастырю. В это время всем православным монастырям необходимо было проверять и предьявлять документы на право владения своими землями и по другой причине: в условиях усиления католического влияния вопрос о землевладении православных монастырей приобрел особую остроту. С другой стороны, неизвестно, насколько последовательно полоцкие епископы XIV в. пользовались именно таким титулом (скажем, не сохранилось их документов второй половины столетия), а практика патроната со стороны князя или иного светского лица в ущерб интересам епископа была широко распространена в Великом княжестве Литовском на протяжении достаточно долгого периода, причем сложилась еще до расхождения исторических путей Западной и Восточной Руси (подробнее см.: *Флоря*. 2007б. С. 53–80).

Данные о составе пожалования в грамоте Анофрия несколько противоречивы. В начале грамоты речь идет о передаче земель с бортями, о населении этих земель ничего не говорится. Во втором запрещении «вступаться» упоминаются сёла и люди, наконец, в третьем запрете состав населения уточняется: оказывается, это и «старци», и «люди». Подобно тому, как нет точности в адресанте грамоты, так нет точности в определении состава пожалования.

А. Л. Х.

Сомневаться в подлинности вкладной грамоты князя Анофрия заставляет и еще одно важное обстоятельство: в ней используется санкция, не типичная для документов в пользу Церкви. Как правило, в таких документах используется религиозная санкция — суд на душой того, кто нарушит владельческие права Церкви, во время Страшного Суда (*Груша.* 2012. С. 477). Во вкладной же Анофрия санкция более «прагматическая», характерная для второй половины XV в. При этом грамота писана типичным уставом XIV в. Не подтверждается гипотеза, согласно которой имелся в виду Андрей Ольгердович, а имя Анофрий возникло в результате неверного прочтения имени Андрей на одном из этапов функционирования грамоты (*Варонін.* 1996. С. 45; там же литература). Между тем о полоцком князе по имени Анофрий источники XIV в. ничего не сообщают. Великий князь полоцкий Анофрий, помимо данной записи, упоминается лишь в полоцкой ревизии 1552 г. при описании владений Иоанно-Предтеченского монастыря: «манастыр светого Ивана Предтечы на Острове, наданьи князя великого полоцького Онофрея». Среди его владений значатся люди Коптевские, Демидовские и Прыстойские «над рекою Улою» и 18 человек на р. Наче, а также ез на р. Лисне (ПР 1552 г. С. 170–171). Таким образом, это упоминание ведет к рассматриваемой здесь грамоте (хотя земли и угодья на Сомнице не указаны), т. е. не является независимым от нее. Возможно, указание имени Анофрия, а не какого-либо реально существовашего полоцкого князя, — например, Андрея Ольгердовича или одного его из сыновей, Семёна-Лугвеня, Скиргайла (все они действительно совершали пожалования православной Церкви), — связано с распространением на белорусских землях культа св. Онуфрия в конце XIV — начале XV в. или позже (*Варонін.* 2010. С. 11–13). И. Мыцько приписывает эту грамоту князю Лугвеню, который в иночестве, согласно синодику Юрия Слуцкого, носил имя Онуфрий (*Мицько.* 2000. С. 26). Однако из современных источников следует, что Лугвень практически до самой смерти (между 19 июня и 1 сентября 1431 г.) продолжал проявлять политическую активность (*Варонін.* 2010. С. 16).

А. И. Г., С. В. П., А. В. К.

Монастырь Св. Иоанна Предтечи на Острове, получатель вклада, находился в Полоцке, на левом (южном) берегу Западной Двины (*Варонін.* 2009в. С. 157, 168–169). Название этой части города происходит от того, что во время половодья часть суши отделялась от остального берега водой (по-видимому, старым руслом Двины) и становилась своего рода островом.

За древность грамоты говорит неопределенносгь характеристики границ пожалованных земель. При этом не все их удалось локализовать: ненайденной осталась земля «на Витебьскомъ рубежи».

Оз. Соминец (Соминцо) в пределах Полотчины не единственное (*Сапунов.* 1906. С. 259, 282 и др.). Дополнительная информация о «великой дороге» облегчает его идентификацию. В XVI в. «великая гостиная дорога» проходила по северо-восточной части Полоцкой земли от оз. Вировля к оз. Оболь (*Калачов.* 1877. С. 450). По-видимому, ее можно отождествить с «большой дорогой» планов Генерального межевания 1783 г., проходившей сначала параллельно р. Полоте, а потом параллельно р. Оболи на Невель, Великие Луки и Новгород. В этом районе между оз. Язно и р. Ущей, левым притоком р. Дриссы, есть озеро Сомино. Полной уверенности в том, что это и есть искомое озеро, нет, так как оно находится в некотором удалении от дороги и в ближайших окрестностях отсутствует р. Сомница.

Более вероятно другое предположение. Та же великая дорога идет из Полоцка на юг. Здесь в р. Ушача (Ушачь), левый приток Двины, в ее среднем течении впадает река Сомница, вытекающая из озера, носившего в XVIII в. название Усомно, а в более раннее время Соменец. Левый берег этой весьма короткой (около 25 верст) реки оставался свободным от поселений и в XVIII в. По-видимому, Иванский монастырь владел ее правым берегом.

Легче разыскать упомянутые грамотой пожалования Онуфрия на рр. Улле и Наче — владения, которыми монастырь располагал и в XVI в. В писцовой книге записано: «В Селецкой же волости монастырское сельцо Ивановское, на реке на Уле, что Иван Предтеча на Острову, да в тои же волости 4 озера да к сельцу 15 деревень». Относительно иванских владений на Наче читаем: «В Ветреной же волости села монастырские: сельцо Иванское на р.на Наче, Ивана Предтеча, что на Острову в Полотцку» (*Калачов.* 1877. С. 442).

Вплоть до XIX в. в верхнем течении р. Уллы, левого притока р. Двины, сохранялись селения под названием Иванск. Здесь два одноименных поселения на левом берегу р. Уллы в 1,5 верстах друг от друга. В XVIII в. вдоль этих селений паралллельно р. Улле проходила узкая полоска леса, все же остальные земли, окружавшие и село, и деревню, представляли собой пашню.

Значительно обширнее пожалования монастырю на р. Наче, также левом притоке Двины, вытекающем из оз. Вобиница и впадающем в Двину ниже Полоцка. В среднем ее течении на расстоянии 12 верст расположены три населенных пункта, название которых происходит от названия монастыря. Это село и деревня Ивановщина на левом берегу реки и Иваньск — на правом. В XVIII в. на Наче в районе Ивановщины и Иваньска уже почти не оставалось леса. Большинство земель было пахотными.

Озера под названием Лисно имеются и в Себежском, и в Невельском районах. Одно из них к западу от оз. Белое, другое — к западу от р. Лонница и к северу от оз. Ассо. Оба они располагаются у самой границы Полоцкой земли.

В целом можно сказать, что монастырь Св. Иоанна Предтечи получал весьма крупные пожалования, разбросанные по всей Полоцкой земле. Пожалования князя Анофрия касаются и южных (на Наче и Улле) и пограничных (на севере и западе) территорий.

Топонимы, связанные с монастырем, подтверждают первую часть пожалования: они доказывают, что поселения на этих территориях возникли лишь после передачи земель Иоанно-Островскому монастырю. Напротив, это находится в противоречии со средней и последней частью диспозиции грамоты Анофрия, повествующей о людях и «старцах и людях», населяющих эти земли. Сами размеры и разброс земель, полученных монастырем, если сопоставить их со скромными княжескими вкладами XIV в. (*Варонін.* 2013б. С. 73–74), говорят о том, что их приобретение не было единовременным.

Таким образом, наличие многочисленных противоречий и несоответствий в грамоте князя Анофрия заставляет предположить, что этот документ возник значительно позднее XIV в. Наиболее вероятным временем его составления представляется либо XV в. в целом, либо конец XV — начало XVI в.

А. Л. Х., С. В. П., В. А. В.

7

[1325 г. июня 2]. Вильня. — Послание вел. кн. лит. Гедимина епископам дерптскому и эзельскому, наместнику г. Ревеля, совету г. Риги и всем, кто заключил с ним мирный договор, с жалобами на Тевтонский орден

В послании Гедимина (ок. 1315/16 — 1341 гг.) отразилось как международное положение Великого княжества Литовского в первой половине — середине 20-х гг. XIV в. в це-

лом, так и положение Полоцкой земли в его составе. В 1322–1323 гг. Гедимин отправил ряд посланий папе римскому Иоанну XXII и горожанам Северной Германии, в которых заявил о намерении «принять веру». Неясно, стояло ли за этим желание креститься по католическому обряду или специально была употреблена двусмысленная, ни к чему не обязывающая формулировка (над этим вопросом дискутировали еще современники). Как бы то ни было, Гедимин совершенно недвусмысленно заявил о стремлении заключить мир с Орденом и попросил папу прислать к нему легатов, запретить Ордену нападать на ВКЛ и утвердить литовско-орденские границы, а также пригласил в Литву купцов, ремесленников, духовенство и воинов из Северной Германии. Эта акция возымела действие. 2 октября 1323 г. в Вильне был заключен литовско-ливонский договор о перемирии сроком на четыре года. С ливонской стороны в его заключении участвовали представители рижского архиепископа, епископов Эзеля и Дерпта, ливонского отделения Ордена, а также г. Риги (Chartularium. 2003. № 25, 51. P. 78, 80, 82, 166, 168, 170) Благодаря этому положение Великого княжества Литовского на время сделалось более благоприятным. 31 августа 1324 г. договор утвердил папа. Однако в том же году Гедимин заявил, что не собирался и не собирается креститься (подробнее о дипломатической акции Гедимина см.: *Rowell.* 1994. P. 189–228). Послание от 2 июня 1325 г. показывает, что, несмотря на утверждение папой, литовско-ливонский договор нарушался. Причем походы в Ливонию совершали и сами литовцы: по сообщению Петра из Дусбурга, в ноябре 1324 г. литовское войско, посланное «королем» (Гедимином), разорило окрестности Розиттена (SRP. Bd. 1. S. 192). В своей жалобе Гедимин тщательно перечисляет условия договора — факт его утверждения папой, процедуру его расторжения (упоминаемая им договоренность о возвращении Орденом крепостей Дюнабурга и Межотне, видимо, была достигнута лишь на словах). Это свидетельствует о складывании серьезных предпосылок утверждения письменной культуры в ВКЛ — пока, впрочем, лишь в сфере международных контактов и на уровне государственного центра.

Сфера действия Виленского договора определялась как Аукштайтия, Жомойть, Полоцк и «вся русь, подчиненная нам» (т. е. Гедимину). Тем самым Полоцк, дававший литовцам контроль над Двинским торговым путем, определялся как один из важнейший центров «русских» земель ВКЛ. Об этом говорит и перечисление в № 7 несправедливостей, причиненных Орденом жителям Полоцкой земли. Вместе с тем регион, перешедший под власть Гедминовичей примерно двумя десятилетиями ранее, уступал по степени интегрированности в их политическую систему Новогородку, пребывавшему под их властью с XIII в. (*Баранаускас.* 2002): именно в Новогородке, наряду с Вильней, по приказу Гедимина был построен францисканский костел, этот город стал и центром православной митрополии, учрежденной в начале его правления. Не исключено, что Новогородок и Полоцк упоминаются в послании Гедимина жителям Северной Германии от 26 мая 1323 г., где говорится, что они без уплаты мыта пересекают границы его владений, когда следуют «Noygardiam Pleskowiamque» (Chartularium. 2003. № 21. P. 59, 60). Во всяком случае в том же самом послании и еще в одном, адресованном саксонским францисканцам и написанном в тот же день, Новогородок называется похоже — Noygardia, Novgardia (Chartularium. 2003. P. 62, 64). Впрочем, в первом случае можно усмотреть и упоминание Новгорода и Пскова. Как бы то ни было, Гедимин всячески подчеркивал принадлежность Полоцкой земли к своим владениям, а ее присоединение к ним вело к усложнению структуры этих владений, то есть Великого княжества Литовского: несмотря на кризис княжеской власти в Полоцке, фиксируемый источниками рубежа XIII–XIV вв., уже под 1326/27 г. упоминается полоцкий князь Воинь — брат Гедимина (НПЛ. С. 98; о дате см.: *Бережков.* 1963. С. 283), а впоследствии, не позже 1338 г. (см. № 8, 9), полоцкий стол занял его сын Наримонт, принявший в православном крещении имя Глеб.

Послание Гедимина адресовано тем светским и духовным правителям Ливонии (включая Эстляндию), которые участвовали в заключении Виленского договора: дерптскому епископу

Энгельберту из Долена (Engelbertus de Dolen, 1323–1341) (*Gams.* 1931. P. 273; *Eubel.* 1913. P. 472), эзельскому епископу Якову II (Iacobus II, 1322–1337) (*Gams.* 1931. P. 297; *Eubel.* 1913. P. 379) и наместнику датского короля в Ревеле Иоганну Канне (Iohannes Kanna, 1323–1329?) (LECUB. Bd. 2. № 692. Sp. 149; № 701. Sp. 170; *Bunge.* 1877. S. 369). Нет среди адресатов представителей ливонского отделения Ордена, обвинявшегося в нарушении договора, и рижского архиепископа Фридриха фон Пернштейна (Fridericus Baro de Pernstein, 1304–1340/41; годы жизни 1270 — 22 марта 1341), незадолго до этого вернувшегося из папской курии. Последний происходил из моравской дворянской семьи Пернштейнов, был членом Ордена миноритов (францисканцев), до 1304 г. был папским пенитенциарием, в конфликте с Тевтонским орденом занимал сторону Гедимина и г. Риги (*Gams.* 1931. P. 306; *Eubel.* 1913. P. 421; *Forstreuter.* 1970. S. 652–665).

Sinogthones — слово, по всей видимости, ошибочно воспроизведенное копиистом, чтение и значение не установлены. В. Т. Пашуто (Послания Гедимина. 1966. С. 166) возводил его к предполагаемому, но не засвидетельствованному в греческих текстах *sinogthones* (так у В. Т. Пашуто, хотя в греческой графике оно должно было писаться как *συγχθτόνες) — «живущие на одной земле». Это мнение было раскритиковано редактором переиздания грамот Гедимина А. В. Назаренко как несостоятельное (Послания Гедимина. 2011. С. 559). Ю. Якштас (*Jakštas.* 1936. P. 42. Nuor. 316) видел в этом слове латинизированную форму *žemaičiai*, что должно было бы предполагать что-то вроде лат. *S(a)mog(i)thones. Однако такую или подобную форму с финалью -(th)ones невозможно отыскать в источниках. С. К. Роуэлл увидел в этом слове искаженное переписчиком сокращение *sin[o]g(uli) ho(mi)nes* — отдельные люди, или *kmethones* — крестьяне. Обе эти версии остаются только гипотезами, которые требуют подтверждения (Chartularium. 2003. С. 350). Графическая форма начальной S, по-видимому, могла бы указывать на какое-то имя собственное.

Упита (ныне Упите — литов. Upytė) — ныне местечко на севере Литвы в Паневежисском районе Паневежисского уезда, в 12 км на юго-запад от Паневежиса.

Войнат по другим источникам неизвестен. Не исключено, что он идентичен Воиню — брату Гедимина, полоцкому князю в 1326 г.

Унгнаде — брат Тевтонского ордена в Ливонии Иоганн Унгнаде (Johannes Ungnade). Происходил, возможно, из рода мелкой знати Вестфалии. Упоминается в 1316 г. как комтур Зегевольда; в 1322 г. претендовал на должность ливонского магистра, пользовался симпатиями ливонских сановников (возможно, в силу вестфальского происхождения, если гипотеза о нём верна), но не был утвержден в этой должности великим магистром Ордена. В 1328 г. упоминается как ливонский ландмаршал (возможно, был им еще в 1324 г.), в 1330 г. — комтур Вендена, в 1335 г. — комтур Дюнамюнде (Ritterbrüder. 1993. № 890. S. 661; *Jähnig.* 2011. S. 246).

Медело (ныне Мядель, белорус. Мядзел, Мядзель) — город, административный центр Мядельского района Минской обл. в 160 км на северо-запад от Минска и в 25 км на юг от Постав. Летописные формы: Мядела, Мядзела, Мядзила, Мядюль, Медело, Медюль.

«Сразу по окончании Четыредесятницы…» — то есть Великого поста, последнее воскресенье которого (воскресенье *Invocavit*) в 1325 г. приходилось на 24 февраля.

Лессе (Лесий? Лесь?) — посол Гедимина. Сохранилась запись его речи, произнесенной в Риге 2 марта 1326 г. (Chartularium. 2003. № 63. P. 228, 230). Из нее выясняется, что он неоднократно ездил в посольства по поручению Гедимина. Там же описывается его недавняя миссия в Ливонию.

Дюнабург (ныне Вецпилс — латыш. Vecpils, Науенская волость, Даугавпилсский край Латвии) — замок Тевтонского ордена в Ливонии, на берегу Западной Двины, в 19 км вверх по течению от нынешнего Даугавпилса. Первоначально входил во владение Ерсики.

Medizota (ныне Межотне — латыш. Mežotne, в нем. источниках Mesothen, находилась в исторической области Земгалии) — населенный пункт Межотне, центр Межотненской волости Бауского края в Латвии, в 10 км на запад от Бауска и около 40 км на юг от Риги.

А. А. Ж., С. В. П.

8

1338 г. ноября 1. — Договор лив. магистра [Эберхарда фон Мунхайма] и вел. кн. лит. [Гедимина] о мире сроком на 10 лет и торговле

Договору 1338 г. предшествовали вооруженные столкновения ВКЛ с ливонским отделением Ордена. Особенно ожесточенная борьба развернулась в 1333–1334 гг. В 1333 г. ливонский магистр Эберхард фон Мунхайм пытался взять Полоцк. Орденский флот поднимался по Двине вплоть до самого города (SRP. Bd. 2. S. 67), а в 1334 г. состоялся сухопутный поход орденских войск. Договор не прекратил военных действий между Литовским государством и Ливонией, поскольку преследовал иную цель — создать мирную зону для безопасной торговли между Ливонией и ее восточными соседями — Литовским государством и Псковской землей, которую С. К. Роуэлл сопоставил с практикой проведения ярмарок в Шампани (*Rowell.* 1994. P. 274–275). Этот договор, по мнению того же исследователя, стал реакцией на урегулирование новгородско-ганзейских торговых взаимоотношений, состоявшееся в мае 1338 г. (*Rowell.* 1994. P. 257; ГВНП. № 40. С. 71–72; *Янин.* 1991. С. 90–91). Прямым следствием литовско-ливонского договора 1 ноября 1338 г. стало соглашение о торговле с Ливонией, которое заключил союзник Гедимина — смоленский великий князь Иван Александрович (СГ. С. 69–70; Chartularium. 2003. № 70. P. 262; *Иванов, Кузнецов.* 2009. С. 655).

Документ известен только на немецком языке, что сужает возможности терминологического анализа. В частности, есть основания полагать, что формулы «город Полоцк» и «город Витебск» как обозначения договаривающихся сторон были соответствием немецкому «совету Риги» (*Rohdewald.* 2005. S. 80). В деловом языке Полоцка в подобных случаях употреблялись формулы типа «мужи полочане». Из договора также неясно, кто именно осуществлял суд по торговым спорам. Выражение «vor eren oversten» (ст. 10) оставляет широкое поле для догадок. В более поздних документах фигурируют «высшие горожане» (uppersten borgers) (HUB. Bd. 5. № 358. S. 105). Но в договоре 1338 г. столь расплывчатая формулировка, по-видимому, была употреблена, чтобы не вдаваться в особенности распределения властных полномочий в Риге, Полоцке и Великом княжестве Литовском.

Нововведением договора 1 ноября 1338 г., прижившимся в дальнейшем, была подсудность преступников каждой стороны властям их родины. Договор 1229 г. предусматривал иную норму — суд на месте преступления. Введение нового правила вполне соответствовало нормам любекского права, принятого в ганзейских городах (*Rohdewald.* 2006. S. 81).

И в договоре Гедимина, и в последующем полоцко-рижском договоре о взвешивании (№ 9), как отметил Л. К. Гётц (*Goetz.* 1916. S. 335), отсутствует имя рижского архиепископа Фридриха фон Пернштейна (1304–1341), уже в 1324 или 1325 г. покинувшего Ливонию (см. также: *Forstreuter.* 1970. S. 660–661 и комментарий к № 7). Не указано и имя ливонского магистра Эберхарда фон Мунхайма (1328–1340).

А. Л. Х.

Мирная зона, установленная данным договором, охватывала торговые пути, связывавшие Ливонию с Вильней, Полоцком и Псковом (*Rowell.* 1994. P. 257–258). Р. Эвяста (нем. Ewst, ныне Айвиексте — латыш. Aiviekste) — правый приток Двины, ныне на территории Латвии. Р. Педедзе, Педетси (эст. Pedetsi jõgi, латыш. Pededze), правый приток р. Айвиексте, ныне

на территории Латвии и Эстонии, отделяет Эстонию от России. Упоминаемые в договоре двор Ушполь (ныне Ужпаляй — литов. Užpaliai, местечко в Утянском районе Литвы), «земли» Бальнинкай, Гедрайчяй (Гедройти) и Неменчине находятся к северу от Вильни.

Разбойники (нем. *strutere*, лат. *latrunculi*) широко действовали на пограничье ВКЛ как с Пруссией, так и с Ливонией, и в условиях войны ВКЛ с Тевтонским орденом использовались обеими сторонами для нападений на противника (*Rowell.* 1994. P. 245–246; Lietuvos istorija. T. 3. P. 267–273).

Эберхард фон Мунхайм — ливонский магистр в 1328–1340 гг. Происходил из рода министериалов графов Берга. Комтур Виндау в 1309–1311 гг., комтур Гольдингена в 1327–1328 гг.; в 1340 г. вернулся в Священную Римскую империю и до 1346 г. был комтуром Мехельна (Ritterbrüder. 1993. S. 451–452; Chartularium. 2003. P. 357).

Полоцким епископом в момент заключения договора был Григорий, который также утвердил полоцко-рижский договор о взвешивании (№ 9), а в 1331 г. участвовал в поставлении новгородского архиепископа Василия Калики на церковном соборе под руководством митрополита Феогноста (НПЛ. С. 343).

Наримонт (в православном крещении Глеб) Гедиминович (? — 2.2.1348), кн. пинский, кн. полоцкий (между 1326 и 1338 — 1348), в 1333 г. был призван новгородцами и получил от них пригороды — Ладогу, Ореховый и Корельский городки и пол-Копорья «в отцину и в дедину» для себя и своих детей (НПЛ. С. 345–346; ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 263–264; *Янин.* 1998. С. 90–91). В 1338 г. он уже находился в Литве (НПЛ. С. 349). В 1345–1346 гг. бежал в Орду (НПЛ. С. 358). Погиб в сражении с войском Тевтонского ордена на р. Страве (*Tęgowski.* 1999. S. 21–27; *Nikodem.* 2001). Хотя полоцкий князь по имени в договоре не назван, участие именно Наримонта в его заключении подтверждается договором смоленского великого князя Ивана Александровича: «докончалъ ѥсмь по тому докончанью, како то бра*т* мои старѣишиі Кедименъ докончалъ и ѥго дѣти Глѣбъ и Алкердъ» (СГ. С. 69–70; Chartularium. 2003. № 70. P. 262; СРА. С. 655, 657). Речь идёт как раз о договоре 1 ноября 1338 г. (ср.: *Иванов, Кузнецов*. 2009. С. 657). Поэтому сомнения Я. Никодема в полоцком княжении Наримонта (*Nikodem.* 2001. S. 613–619) необоснованны.

Ольгерд Гедиминович (? — 1377), кн. витебский (ок. 1318–1345), вел. кн. литовский (1345–1377) (*Воронин.* 2013). Хотя витебский князь в договоре не назван по имени, об участии именно Ольгерда говорит фраза из договора Ивана Александровича Смоленского, приведенная выше.

С. В. П.

9

[1338 г. ноября 1 — 1341 г. Полоцк]. — Договор кн. пол. Глеба [Наримонта Гедиминовича] и еп. пол. Григория, с одной стороны, и лив. магистра [Эберхарда фон Мунхайма] и г. Риги, с другой, о порядке торговли весовыми товарами

Полоцко-ливонский договор об условиях торговли сохранился в трех «руских» списках. Один из них утвержден полоцкой стороной, он имеет две привешенные печати — князя Глеба и епископа Григория. Два другие написаны полууставом XIV в., возможно, одновременно с оригиналом. Одна из копий договора сопровождается переводом на нижненемецкий язык. Вероятно, копии договора использовались при более поздних переговорах того же столетия.

Формуляр «руского» текста договора не имеет ни развернутого начального протокола, ни какого-либо конечного. Интитуляция договора включает лишь названных неопределенно «горожан» и «мештеря», т. е. одну из договаривающихся сторон — рижан и ливонского магистра.

Немецкий текст значительно полнее «руского», возможно, это не просто перевод «руского» текста соглашения, но копия немецкого противня договора. Сопоставление нижненемецкого и «руского» текста договора показывает, что «точкой отсчета» для составителя «руского» текста была Рига: в ст. 1 «руского» текста местоимение «вам» употребляется по отношению к полочанам, а рижский вес в той же статье называется «нашим». В ст. 2 обнаруживается, в противоположность ст. 10, полное незнакомство с порядками судопроизводства в Риге, на которую составитель «руского» текста распространяет порядки полоцкие, предполагая, что в Риге, как и в Полоцке, суд по торговым делам принадлежал князю.

Противоречивость точки зрения составителя «руского» текста и незнание политического устройства Риги заставляет видеть в нём урожденного полочанина, скорее всего находившегося в Полоцке, но имевшего в качестве образца немецкий проект договора. Полоцкая сторона согласилась с такои формулировкой начального протокола, которой подчеркивалась неравноправность сторон: «Тако хочемъ мы, горожане, с мѣштеремь». Эта фраза обнаружила некоторую односторонность данного договора, явно исходившего от немецкой стороны.

Не только в «руском», но и в немецком тексте, вопреки традиции немецкоязычных договоров, нет имен ливонского магистра и рижского бургомистра, равно как и представителей полоцкой стороны. Впрочем, нет их и в литовско-ливонском договоре 1338 г. (№ 8). Лишь благодаря легендам на печатях выясняется, кто из полоцких властей утвердил договор, — кн. Глеб-Наримонт и еп. Григорий (см. о них комментарии к № 8). Узость содержания, посвященного только условиям торговли и ее правилам, в особенности весовой торговли, заставляет думать, что договор № 9 представлял собою только приложение к договору № 8, который предусматривал не только целость и неприкосновенность полоцких земель, но и урегулирование торговых отношений.

Процедура выработки и заключения соглашения подробно описана в современном источнике (см. Прил. № 1). В Риге побывали полоцкие послы, и по результатам их переговоров с рижанами была составлена грамота, список которой послы отвезли в Полоцк. Там согласованные условия были утверждены особой, специально составленной грамотой, которую утвердили своими печатями князь Наримонт и епископ Григорий. Как следует из упомянутого источника, несмотря на отсутствие в договоре № 9 упоминаний об участии полочан в подготовки, такое участие имело место. На это указывает и упоминание в договоре № 8 не только «короля», но и «города Полоцка» среди тех, кто утвердил его присягой.

Главным нововведением полоцко-рижского договора 1338 г. стало требование отправлять купцов, привезших «ненастоящий», «нечистый» товар, обратно на родину, где их должны были судить. Эта норма была закреплена Копысским договором 1406 г. (№ 54) и полоцко-рижским договором 1407 г. (№ 55). Порядок взвешивания определялся договором 1338 г. впервые, хотя весы упоминались уже в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. Да и в Полоцке они, разумеется, использовались давно, поскольку в 1338 г. речь шла о замене старых весов новыми (*Rohdewald.* 2006. S. 81. Anm. 5).

Скалвы представляли собой большие равноплечные коромысловые весы, состоявшие «из обоймы, в которой на оси было подвешено коромысло со стрелкой, указывающей верх». К концам же коромысла были подвешены площадки из досок и металла, на которых устанавливались гири и товар. В XIII–XIV вв. на Руси в связи с расширением торговли тяжелыми и объемными товарами, такими как соль и воск, скалвы приходили на смену более примитивным пудным весам и сохранили за собой роль главного орудия взвешивания в торговле вплоть до XIX в. (*Клейненберг.* 1973).

Лисфунт (ливонский, или ливский фунт, «руское» название — пудок) — мера веса, равная 20 фунтам. В свою очередь, один шиффсфунт (корабельный фунт, «руское» название — берковеск, или берковец) равнялся 20 пудкам. Лисфунт-пудок — мера веса, первоначально употреблявшаяся для взвешивания воска, а в XV в. — и соли, и хмеля, и металлов (олова и

железа, изредка — серебра). Попытку Г. Гильдебранда приравнять лисфунт к 8 фунтам оспорил Я. К. Земзарис, подчеркнувший, что реальный вес соответствующей гири, как и всех других единиц взвешивания, очень различался в зависимости от места ее изготовления и отчасти использования (так, вес фунта, базовой единицы, колебался, судя по сохранившимся гирям, по преимуществу от 412 до 460 г.). Тем не менее общая система единиц веса была единообразной: 1 ласт = 12 берковцам = 240 пудкам = 4800 фунтам; 1 берковец = 20 пудкам = 400 фунтам, хотя реальный вес был разным (*Земзарис*. 1955. С. 208–217). Установление разного веса шифсфунта-берковца, означавшее неравноправные условия торговли, вполне соответствовало обычной практике извлечения ганзейцами прибыли: на импортный товар в пункте его продажи они уменьшали единицы измерения (веса, объема, длины) (*Kleinenberg*. 1981. S. 51–62), что же касается экспортных товаров, то они были заинтересованы в увеличении веовых единиц на месте производства или покупки, как это и было закреплено в Полоцке относительно воска. Что касается других товаров - импортных, взвешиваемых тем же способом, меди и олова, то из текста не ясно, используется ли при этом такое же правило, как при взвешивании покупаемого рижанами воска. Однако соль, согласно договору, должна была взвешиваться не на скалвах, а «пудным ремнем». Неясно, почему для нее сделано такое исключение.

Весчая пошлина согласно полоцко-рижскому договору взималась в разных денежных единицах. В договоре упомянуты четыре такие единицы. Это заушня, которая присутствует и в немецком и в полоцком текстах (при этом в немецком она транслитерирована — «zausen»), «долгая», также упомянутая в обоих текстах (в немецком — точная транслитерация), и две иностранные денежные единицы — эре, в Полоцке превратившееся в «оврь» (мало напоминающий исходный латинский aureus, т. е. золотой), и, наконец, любекский пфенниг (в полоцком тексте дважды упомянут просто «любецкий»).

В современной нумизматической науке считается, что реальных денежных единиц в договоре было названо только две, то есть любецкий и эре. С этим можно было бы согласиться, если бы в немецком тексте полоцкие денежные термины не транслитерировались. Если бы за этими полоцкими терминами не скрывались какие-то реалии, нужды в их транслитерации не возникло бы.

Обратимся к их конкретным упоминаниям. Ст. 4 действительно требует от рижан платить весчему на скалвах (в Полоцке) одинаковую сумму, невзирая на происхождение товара (импорт или экспорт) и его сорт – воск ли это будет, медь или олово — заушню. Однако полочанин в Риге за те же товары должен был платить пол-овря (ст. 6). Специалист по истории денежного обращения в ВКЛ Ш. И. Бектинеев на основании этой статьи пришел к выводу о том, что «заушня», которая упоминается лишь в договоре Риги с Полоцком (СлРЯ. Вып. 5. С. 331) — это и есть половина эре, исходя из мысли о равенстве контрагентов, которые якобы должны были платить одинаковую пошлину за взвешивание, хотя некоторое неравенство партнеров в вощаной торговле закреплено уже самой первой статьей договора. Согласно же выкладкам Ш. И. Бектинеева в монографии 2014 г., соотношение упоминаемых в договоре денежных единиц было следующим: рубль весом 189 г серебра равнялся 315 заушням или 525 долгеям, тогда как гривна весом 108 г состояла из 160 заушень или 300 долгей. «Оврь» (эре) равнялся 2 заушням по 0,6 г. (*Бектинеев*. 2014. С. 171).

Заушня — несомненно, монета, ибо сам термин происходит от глагола «заушить» — бить (*Фасмер*. Т. 2. С. 83). Исключительная редкость упоминания полоцкого термина при сохранении использования той монеты, половину от которой она составляла, в течение весьма длительного времени (практически до нашего времени) заставляет несколько сомневаться в этом отождествлении. Скорее можно было бы предполагать, что этим словом обозначалась монета, которая недавно и, может быть, ненадолго вошла в обращение в полоцко-рижской торговле. Конец безмонетного периода потребовал создания новых монетных терминов. Вряд ли за

термином «заушня» скрывался пражский грош, известный по кладам на территории Беларуси уже в начале XIV в. (*Рябцевич*. 1965. С. 8). Не исключено, что это был висбийский гот, чеканка которого началась в 1320 г., по образцу которого в Ревеле и Дерпте было налажено производство двусторонних артигов. Против этого предположения говорит факт преобладания висбийского гота во второй половине XIV в. в кладах современной Латвии (*Пелда*. 1980. С. 18), а в его пользу — соотнесенность заушни с висбийским и, более того, общескандинавским денежным номиналом. Разумеется, высказанная гипотеза нуждается в критическом обсуждении нумизматами.

Равенство весовой пошлины, а заодно и терминов полоцкого (долгая) и рижского (любецкий пфенниг) можно было бы предположить при покупке и продаже серебра: за взвешивание гривны серебра или рубля немец в Полоцке должен был платить «долгую», а полочанин в Риге – любецкий пфенниг. Зная, как дорожили рижане серебром, поверить в их стремление к равенству пошлины при продаже такого «стратегического» товара довольно трудно. Рубль в ВКЛ впервые упоминается в договоре кн. Глеба, хотя в Новгороде он утвердился еще в конце XIII в., будучи приравненным к 105 ногатам, литовский же рубль весил 189 г, а новгородский — 196,2 г. (*Бекцінееў*. 1989. С. 65). Однако и в данном случае не все так просто.

Полоцкий текст договора в разделе о торговле серебром менее логичен, нежели рижский. Так, в ст. 5 и 8 разделено положение о пошлине за взвешивание слитков (о рублях речь идет в ст. 5, о гривне серебра — в ст. 8), которые в немецком тексте объединены словосочетанием «stucke sulvers», однако по существу полоцкий текст, может быть, точнее. Рубль 5-й статьи полоцкого варианта договора – это литовский рубль, впервые упомянутый в письменном источнике конца XIII в. (М. П. Сотникова) – так называемый «изрой» весом 180,1 г. Гривна же серебра (stucke sulvers) – это пережиточный остаток безмонетного периода, в течение которого в обращении находились лишь слитки разного типа: киевские шестиугольные весом 163,72 г, новгородские палочкообразные весом около 204,5 г. С начала XIII в. в ВКЛ к ним добавились литовские, также палочкообразной формы, весом 105–108 г., быстро ставшие наряду с новгородскими основной денежной единицей в этом государстве. Литовская гривна равнялась 60 ногатам (*Бекцінееў*. 1989. С. 62–64).

Рижский текст объединяет эти понятия, но размеры весовой пошлины определяет разными терминами для рижанина и полочанина: первый за взвешивание гривны должен был платить любецкий пфенниг, а полочанин в Риге — долгую. Ту же долгую немец обязан был выложить за взвешивание рубля. Таким образом, при взвешивании серебряных слитков разного веса преимущество согласно договору получал рижанин. По-видимому речь шла о различных видах любецкого пфеннига, мелкой монеты, имевшей обращение в Ливонии. Однако так назывались не только монеты, чеканенные собственно в Любеке, но и подражания им, чеканенные в Пруссии и Дании. С последних десятилетий XIV в. до 1420 г. они чеканились и в Ливонии, а в 1405–1420 гг. имели хождение и составляли основу денежного обращения в Новгороде и Пскове («лобци» новгородских летописей и долгея грамоты 1305 г) (СлРЯ. Вып. 4. С. 296; *Молвыгин*. 1963. С. 381–385; *Хорошкевич*. 1963б. С. 292–294). Долгая — по мнению А. Молвыгина и Ш. И. Бектинеева, это полоцкое наименование одной из разновидностей любецкого пфеннига весом от 0,36 до 0,42 г (*Молвыгин*. 1963; *Бекцінееў*. 1989. С 65). Вероятно, этим термином обозначался самый легкий (или один из самых легких) вариант любецкого пфеннига.

Итак, величина весовой пошлины зависела не только от места совершения покупки-продажи, самого товара и этнополитической принадлежности покупателя и продавца, но и от способа или инструмента взвешивания: на скалвах, т. е. весах с чашами, или с помощью «пудного ремня». Так, за взвешивание соли пудным ремнем немец должен был платить долгую от берковска соли, а за взвешивание на скалвах воска, меди, олова – заушню.

Очевидно, полочанам в 1338 г., учитывая сложную для них политическую обстановку, пришлось согласиться на дополнительное ущемление собственных интересов – за счет разницы «уровня» самой весовой пошлины.

«Harpoys» — смесь золы, дегтя и смолы, которую недобросовестные купцы добавляли в воск для увеличения его веса (РЛА. С. 55. Прим. 11).

А. Л. Х., С. В. П.

10

[1348 г. февраля 2 — 1377 г. или 1381 г. — 1387 г. апреля 27. Полоцк]. — Вкладная запись вел. кн. пол. Андрея Ольгердовича ц. Св. Троицы на р. Званицу с бобровыми гонами

Вкладная грамота Андрея Ольгердовича датируется широким отрезком времени — периодом его полоцкого княжения. По мнению А. В. Кузьмина, отсутствие упоминания о свидетелях пожалования — архаичная черта форумляра этой грамоты, которая косвенно указывает на то, что она была составлена ранее жалованной грамоты Корсакам (№ 11), во всяком случае в первое княжения Андрея в Полоцке (*Кузьмин*. 2007б. С. 62). Однако отсутствие имен свидетелей может объясняться и другими причинами — недостатком места для них или же вовсе их необязательностью, поскольку считалось, что пожалование, оформляемое записью в Евангелии, совершается непосредственно перед Богом (*Груша*. 2012. С. 477). Недостатком места можно объяснить и другую особенность грамоты, которая отличает ее от № 11, — отсутствие отчества Андрея, постоянно присутствующего в летописных известиях о его деятельности. Вместе с тем имеются черты формуляра, общие как для двух грамот Андрея, так и для более широкого круга актов. Так, формула «А се азъ», открывающая грамоту, находит соответствия и в «руских» грамотах польского короля Казимира III Великого (1333–1370), и в более обширном актовом материале разных русских земель (*Каштанов*. 1996. С. 96–99; *Золтан*. 2002. С. 558–559; *Gudavičius*. 2006. P. 24). Не характерен для XIV в. термин «приход» в значении «доступ».

Андрей Ольгердович — старший сын Ольгерда от его первой жены, витебской княжны Марии. Андрей начал свою политическую деятельность во Пскове. В 1341 г. псковичи пригласили витебского князя Ольгерда на помощь против Ордена. В 1342 г. Ольгерд с сыном приехал во Псков, где и «повеле крестить сына своего» (НПЛ. С. 354). Крещение состоялось в церкви Св. Троицы (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 274), молодому князю нарекли имя Андрея. После этого Ольгерд «посади его во Плескове» (НПЛ. С. 354).

В Полоцке Андрей вокняжился, судя по всему, сразу после гибели в 1348 г. прежнего полоцкого князя Глеба-Наримонта (подробнее о нём см. комментарий к № 7) и оставался там до 1377/78 г. Уже после гибели 15 апреля 1349 г. князя Юрия Витовтовича — вероятно, псковского наместника Андрея Ольгердовича — псковичи упрекали Андрея: «инде собе княжишь, а Псков повергъ, то оуже еси самъ лишилъ Пскова» [ПЛ. Вып. 1. С. 21; Вып. 2. С. 26–27, 98–99 (цитата)]. В 1349/50 г. Андрей «с полочаны» повоевал Вороначскую волость Псковской земли (ПЛ. Вып. 2. С. 27). Помимо этого, за время своего первого княжения в Полоцке Андрей участвовал в целом ряде военных предприятий Гедиминовичей: в 1359 г. он участвовал в походе на Смоленское княжество (ПСРЛ. Т 15. Вып. 1. Стб. 68), а в 1368 г. целью его похода снова были Хорвач и Родня [ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 79 (о походе Ольгерда под Смоленск); Т. 18. С. 107; Т. 35. С. 29, 48, 105]. В 1372 г. в союзе с великим князем тверским Михаилом Александровичем князья Андрей Ольгердович, Кейстут, Витовт и Дмитрий Друцкий захватили Кашин (ПСРЛ. Т. 18. С. 188; Т. 15. С. 431; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 297), Торжок, Любуцк, Дмитров и Переяславль (ПСРЛ. Т. 35. С. 120). На обратном пути Андрей

Полоцкий и Кейстут в союзе с Михаилом Тверским захватили Кашин и привели его к подчинению тверскому князю. Однако «услуга» не осталась безнаказанной Михаилу Александровичу. Андрей Полоцкий и Дмитрий Друцкий, «мимо Тверь идучи, много пакости учиниша» (ПСРЛ. Т. 15. С. 431), согласно Рогожскому летописцу, «много зла створили христианом» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 100).

В середине 70-х гг. в сфере внимания полоцкого князя постоянно находились взаимоотношения и Орденом, достигшие в это время большой остроты. Договор 7 ноября 1367 г. Ольгерда и Кейстута с магистром, содержавший договоренность о соблюдении границ между Икскюлем и Витебском (LECUB. Bd. 2. № 1041. S. 772–773; Chartularium. 2003. № 81 P. 302; *Ліцкевіч.* 2010б. С. 104–106), соблюдался в течение 6 лет. В ответ на агрессивные действия дюнабургского комтура войско, руководимое Андреем Полоцким, в 1373 и 1374 гг. совершало походы на Дюнабург. Во втором из них участвовал и Друцкий князь (de Odriske) (SRP. Bd. 2. S. 104). Два похода были совершены в 1375 г. В феврале Андрей с тремя братьями и Кейстут напали на Ливонию с трех сторон и 8 дней находились в ее пределах. Весенний поход был ответом на ливонский поход в Литву. Однако расплачиваться за него пришлось полочанам. Комтур Розиттена напал на Полоцкую землю, пленил около 100 человек. В ноябре 1375 г. Андрей Ольгердович совершил ответный поход — одновременно по суше и по Двине и достиг владений дюнабургского комтура. На следующий год целью похода оказался замок Розиттен (SRP. Bd. 2. S. 105, 107–108, 111–112). Таким образом, борьба против Ливонии, в особенности дюнабургского и розиттенского комтуров, в середине 70-х гг. поглощала почти все силы полоцкого князя.

После смерти Ольгерда в 1377 г. положение кн. Андрея в ВКЛ изменилось к худшему: великое княжение перешло к Ягайлу, сыну Ольгерда от второго брака, поддерживаемому в это время Кейстутом. Тогда-то и была достигнута договоренность Андрея с его братьями о его статусе, оформленная документальная, о чём Андрей вспоминал в 1385 г. (см. № 13, 14).

Помимо укрепления своего положения в Полоцке, князь Андрей сделал попытку расширить власть в Великом княжестве Литовском. Как старший сын Ольгерда он имел право претендовать на великое княжение, оказавшееся уже занятым. Вероятно, в этой связи Андрею пришлось обращаться за помощью к ливонскому магистру. Последний не упустил случая вмешаться во внутренние дела Литовского княжества и тотчас выслал войско на помощь Андрею [SRP. T. 2. S. 591 (хроника Виганда Марбургского); *Kolankowski.* 1930. S. 18]. Благодаря этому осада Полоцка была снята. Тем не менее князю Андрею пришлось покинуть город, и уже зимой 1377/78 г. он «прибѣже» во Псков, где «цѣлова крестъ ко пьсковицам» и был принят ими на княжение (НПЛ. С. 375; ПЛ. Вып. 1. С. 24; Вып. 2. С. 105–106). Вскоре после этого Андрей отъехал оттуда через Новгород в Москву на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу (будущему Донскому): «побыв немного в Пскове и иде на Москву к великому князю Дмитрею Ивановичю» (ПСРЛ. Т. 25. С. 200). И. Б. Греков предлагал два объяснения отъезда Андрея: это было «стремление московского князя Дмитрия иметь в своем непосредственном распоряжении влиятельного эмигранта из Литовской Руси или нежелание Пскова и Новгорода портить отношения с новым литовским князем Ягайло, союзником Орды, одержавшей только что победу на реке Пьяне» (*Греков.* 1975. С. 96–97). Не исключено, что в Москве полоцкий князь искал союзника в борьбе за возвращение своего и приобретение литовского великокняжеского стола.

В период службы Дмитрию Московскому Андрей Ольгердович принял участие в Куликовской битве 1380 г. (подробнее см.: *Кучкин.* 1980. С. 75, 87, 107, 111; *Флоря.* 1980. С. 140, 158–162). В Полоцк Андрей Ольгердович вернулся, по-видимому, не ранее лета 1381 г., когда борьба полочан против насильно навязанного им Ягайлом князя Скиргайла, остававшегося язычником, достигла апогея (*Kolankowski.* 1930. S. 20). Как подчеркивает Ш. Родевальд, полочане выдержали осаду без собственного князя и его «дружинников» (*Rohdewald.* 2005.

S. 98–99). Еще весной 1381 г. в Полоцке вспыхнуло восстание с целью изгнания Скиргайла (SPR. Bd. 2. P. 607; Bd. 3. P. 117), на исход которого повлияли перипетии внутренних распрь в Литовском княжестве. Захват Кейстутом Вильни и арест его и матери сопровождался отзывом литовских войск из-под Полоцка. Скиргайло бежал к немцам, а в Полоцке была восстановлена власть Андрея Ольгердовича.

Возвращение на литовский великокняжеский стол Ягайла, произошедшее летом 1382 г., не сразу изменило положение князя Андрея. До тех пор, пока литовская сторона была заинтересована в союзе с Москвой, — а проект женитьбы Ягайла на дочери Дмитрия Донского, известный по описи архива Посольского приказа 1627 г., относится, скорее всего, к 1383 1384 г. (ОАПП. Ч. 1. С. 34; *Черепнин*. 1951. Ч. 1. С. 50–51; *Флоря*. 2007а; *Tęgowski*. 2009), — положение полоцкого князя, некогда соратника Дмитрия Донского, казалось прочным. Внешнеполитические успехи Ягайла, установление контактов с бывшим противником Витовтом Кейстутовичем, равно как и договоренность о бракосочетании с наследницей польского престола Ядвигой сделали этот проект неосуществимым. С прекращением литовско-московских переговоров о браке изменилось и положение полоцкого князя. Андрей Ольгердович стал лихорадочно искать союзников (см. ниже № 13, 14).

Среди них оказались ливонский магистр и, по-видимому, Дмитрий Донской. В московских войсках по-прежнему участвовал выходец из Полоцка сын Андрея Михаил (см. ниже комментарий к № 15). Еще одним союзником Андрея стал смоленский князь Святослав, недовольный потерей Мстиславля. Военные действия открылись 2 февраля 1386 г. (подробнее о них см. комментарий к № 15), но уже 29 апреля потерпели поражение смоленские войска. Когда же в начале 1387 г. и Полоцк был взят в результате обмана («лестью» — ПЛ. Вып. 2. С. 106), Андрей попал в плен и был отправлен в Литву, а затем в Польшу, в Хенцинский замок, где просидел до 1394 г. После этого он был выпущен по соглашению Гедиминовичей, некоторое время провел при королевском дворе и во Пскове, после чего вернулся в ВКЛ и погиб в сражении Витовта с татарами на Ворскле 12 августа 1399 г. (ПСРЛ. Т. 35. С. 64, 70; ПЛ. Вып. 2. С. 106; *Воронін*. 2009г. С. 2–6; *Tęgowski*. 1999. S. 67–71).

О получателе вклада, Троицком приделе Софийского собора, см. комментарий к № 4.

Р. Званица является левым притоком р. Дриссы и протекает в северо-западной части Полоцкой земли. При этом крайне неопределенно указаны границы пожалования. Неясно, переходили ли в собственность церкви Св. Троицы берега р. Званицы или церковь получала лишь право пользования водами реки. В грамоте № 11 точно указаны границы передаваемой земли. Различия описания пожалования могут объясняться характером его объекта: в одном случае — земель и вод, в другом — одних только вод. Труднее понять отличия второй половины диспозитивной части акта, где идет речь о запрете дальнейшего использования жалуемой территории:

№ 10	№ 11
А к тои реце никому прихода нетъ.	А через тот рубеж нашим людем не надобе ходити никому ни с собакою, а ни с пешнею.

Эта часть диспозиции грамоты № 10 также не имеет аналогий. Запрет в ней носит более общий характер, нежели в № 11, поскольку распространяется не только на людей полоцкого князя.

В санкции отличаются от акта № 11 и возможныи нарушитель пожалования (в № 11 это великокняжеский человек, перешедший через границы нового владения, в № 10 — преемник князя Андрея на полоцком столе), и судья (соответственно князь и Св. Троица), и мера наказания (штраф в три гривны золота и проклятие). Обозначал ли в данном случае термин «золото» просто деньги [ср.: АСЭИ. Т. 3. № 127. С. 166 (1444–1461 гг.); № 142. С. 166 (ок. 1450 г.)] или был употреблен в прямом смысле, неясно.

В этих различиях заметно не только воздействие того обстоятельства, что адресатами грамот выступают в одном случае светские владельцы, а в другом — церковная организация. По-видимому, в формуляре грамот отразился и факт их составления в разных канцеляриях: № 11 — в княжеской, № 10 — в церковной. Зависимость формуляра от времени составления грамот проследить не удается.

А. Л. Х., С. В. П.

11

[Ок. 1370–1377 гг. или 1381 г. — 1387 г. апреля 27. Полоцк]. — Жалованная грамота вел. кн. пол. Андрея Ольгердовича Фёдору и его сыну Дмитрию [Корсакам] на с. Семенцово «на Березвячи», с указанием границ владений

В 1-м издании ПГ грамота была датирована 1350–1378 гг. по времени первого княжения Андрея Ольгердовича в Полоцке (ПГ. Вып. 1. № 6. С. 43) или 80-ми гг. XIV в. — по упоминанию свидетелей (ПГ. Вып. 3. С. 140–152). А. В. Кузьмин на основе сведений о генеалогии Друцких князей отнес эту грамоту к первой половине 70-х гг. XIV в., до 1377 г. (*Кузьмин.* 2007б. С. 61–62). Действительно, с учетом верхней хронологической границы деятельности гарантов пожалования (начало второго десятилетия XV в.) грамота могла быть составлена, вероятнее всего, не ранее 1370 г.

В публикуемой копии жалованной грамоты Корсакам указано, что к оригиналу была привешена одна печать — стало быть, княжеская, как и к другим актам Андрея Ольгердовича (№ 13, 14) и прочих князей XIV в. (№ 9, 15, 17, 18) — за исключением, разумеется, записей в Евангелиях. Однако ничего не сообщается ни о материале печати, ни об изображении или надписи на ней. Подробное описание печатей Андрея Ольгердовича см. в Прил. № 2.

Настоящая грамота Андрея Ольгердовича — одна из немногочисленных жалованных грамот светским землевладельцам, выданных во владениях Гедиминовичей до прихода к власти Витовта. За этот период известны полные тексты лишь подольских грамот, выданных князьями Кориатовичами (*Tęgowski.* 2005). Для Литовской земли подобные грамоты известны лишь по упоминаниям (*Jablonskis.* 1933b. P. 397).

Получатели пожалования Фёдор с сыном Дмитрием — по-видимому, первые известные представители знаменитого впоследствии полоцкого рода Корсаков. Фёдор упоминается в грамотах № 13 (как «старший из… бояр» Андрея Ольгердовича в 1385 г.) и № 61, на обороте которой оттиснута печать из желтого воска с родовый знаком Корсаков по центру. В пользу идентификации Фёдора и Дмитрия как представителей рода Корсаков говорит расположение пожалования. В XV в. земли Корсаков находились в той же западной или, скорее, северо-западной части Полоцкой земли, что и зе́мли, тянувшие к с. Семенцову.

Земли, передаваемые Фёдору и Дмитрию и принадлежавшие к округе села Семенцова, располагались в западной части Полоцкого княжества. Вплоть до конца XIX в. существовало село Прудовое, погост и село Березвячь, сёла Залесье и Заборье, правда последнее располагалось в значительном отдалении от первых. По-видимому, настоящей грамотой в руки Корсаков передавались весьма обширные и, насколько можно судить по большому количеству населенных пунктов, хорошо освоенные земли. Этим, вероятно, и определялась необходимость точного указания «рубежей», как правило, отсутствующих в жалованных грамотах XIV в. (ср. № 10).

Грамота содержит уникальное запрещение: «А через тот рубеж нашим людем не надобе ходити никому ни с собакою, а ни с пешнею». Аналогии этому запрещению неизвестны.

В грамотах Северо-Восточной Руси собаки упоминаются как непременная принадлежность княжеской охоты: «ни собак моих у них не ставят кормить» [АСЭИ. Т. 2. № 426. С. 466 (июль 1502 г.)], «псари... мои съ собаками въ их деревни ездять полничяти» [АСЭИ. Т. 2. № 206. С. 134 (1471–1475 гг.)]. Можно думать, что и в данном случае речь шла о запрещении великокняжеской охоты или охоты великокняжеских людей на передаваемых Корсакам землях. Вторая часть запрещения касалась либо великокняжеских рыболовов, либо бортников. Слово «пешня» в русском языке, во всяком случае в позднейшее время (XVII–XIX вв.), имело два основных значения: железный лом с трубкой, в которую вставлялась рукоять (употреблялся для колки льда и копки), долото на долгом черене, служившее для долбления ульев (*Даль*. 1882. С. 109; СлРЯ. Вып. 15. С. 42). По аналогии с первым запрещением (охоты) второе можно расценить как запрещение рыболовства, причем зимнего, когда для создания неводных прорубей следовало пользоваться пешней.

Грамота называет должностное лицо, в обязанности которого входило оформление границ земли («рубежа зарубати»), «ездока», известного еще со времен Русской правды (в форме «ездовой») и постоянно упоминающегося в актах Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. («ездок») (ПРП. Вып. 1. С. 107).

Кн. Василий Друцкий, согласно правдоподобному предположению А. В. Кузьмина, идентичен кн. Василию Михайловичу, который вместе со своей женой княгиней Василисой дал и оковал Евангелие в церковь Пречистой Богородицы в Друцке, а также осуществил ряд пожалований тому же храму (см.: СК XIV в. Вып. 1. С. 330–331). Судя по данным помянника Киево-Печерской лавры и ряда других источников, кн. Василий был сыном Михаила Михайловича Друцкого (Древний помянник. 1892. С. 31). В. М. Друцкий умер до 12 августа 1399 г., поскольку в известии Московского летописного свода конца XV в. о состоявшейся в этот день битве на Ворскле его сын Андрей Васильевич Друцкий назван пасынком князя Дмитрия Ольгердовича (ПСРЛ. Т. 25. С. 229), а возможно, и ранее — до 12 октября 1398 г., когда одним из гарантов Салинского договора Витовта с Орденом был кн. Иван Друцкий (SVDO. Bd. 1. № 2. S. 12). Другим сыном кн. В. М. Друцкого был Глеб, отъехавший в конце 1377 г. с Андреем Ольгердовичем во Псков, а оттуда через Новгород в Москву, и погибший в сражении с нижегородско-суздальскими князьями 15 января 1411 г. (ДРВ. Ч. 6. С. 452). Наконец, как предполагает А. В. Кузьмин, сыном В. М. Друцкого мог быть Лев — свояк и союзник Витовта, который в 1383 г. отправился с ним в Пруссию и был одним из гарантов договора Витовта с Орденом 30 января 1384 г. (CEV. № 13, 101. P. 3–4, 31–32; подробнее см.: *Кузьмин*. 2007б. С. 50–63).

Братоша — боярин нелитовского происхождения, которого позднейшие генеалогии выводят от сербских князей, живших в Молдавии, родоначальник Зеновичей (Зеновьевичей). Сохранились сведения о поручительстве литовских бояр за него, в котором было названо и его отчество — Койлутович (*Halecki*. 1919. S. 166; *Лицкевич*. 2014. С. 29–31). Вотчина — Мышь или Мысса, локализация которой остается дискуссионной (населенные пункты с подобным названием известны в Гродненской и Брестской областях Беларуси). На связи Братоши с Полоцкой землей указывают его участие в посольстве Семёна-Лугвеня Ольгердовича, ранее княжившего в Полоцке, в Новгород в 1388 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 214), выполнение поручений Витовта в Полоцке в 1399 г. (HUB. Bd. 5. № 364. S. 184), а возможно, и существование в Полоцкой земле с. Браташино, упоминаемого в 1500 г. (см. № 363). Братоша был свидетелем (гарантом) присяжной грамоты Дмитрия Ольгердовича королю Владиславу Ягайлу и королеве Ядвиге 16 декабря 1388 г., одним из поручителей по Гридке Константиновиче кн. Скиргайлу ок. 1392 г. (*Пещак*. № 47, 54. С. 98, 108). Впоследствии боярин Витовта, свидетель (гарант) Городенского и Салинского договоров Витовта с Тевтонским орденом 1398 г., Виленского акта унии с Польшей 18 января 1401 г., Рацёнжского договора с Орденом 1404 г. (CEV. № 103). Умер, вероятно, до 1414 г., т. к. в этом году его сын Зеновий получил от Ви-

товта подтверждение на вотчинные владения (Vitoldiana. S. 74; подробнее см.: *Пташицкий.* 1878; *Ptaszycki.* 1894; *Petrauskas.* 2003. P. 62, 82–83, 217–218; *Karpova.* 2007; *Лицкевич.* 2014).

Гирдений Забельский идентификации не поддается. Его имя указывает на литовское происхождение (ср. кн. Герденя грамоты № 1).

А. Л. Х., С. В. П.

12

1380 г. [февраля 27]. Рига. — Договор лив. магистра [Вильгельма фон Фримерсгейма], с одной стороны, и вел. кн. лит. Ягайла и полочан, с другой, о перемирии сроком до 1380 г. мая 13

Дневная дата выдачи акта определяется по году и указанию на следующий день после воскресенья Окули (лат. *Oculi*), называемого так по первым словам литургии: «Oculi mei semper ad Dominum, quia ipse evellet de laqueo pedes meos» (Пс. 24:15, в русском Синодальном переводе: «Очи мои всегда к Господу; ибо Он извлекает из сети ноги мои»; см.: *Grotefend.* 1891. S. 138). Это воскресенье в католической Церкви начинает третью неделю Великого Поста и в 1380 г. приходилось на 26 февраля. Сроком истечения договора названа Пятидесятница — 13 мая того же года.

Договор о перемирии между ливонским магистром Вильгельмом фон Фримерсгеймом, с одной стороны, и великим князем литовским Ягайлом и полочанами, с другой, принадлежит к числу тех нескольких договоров, которые новый правитель Великого княжества Литовского заключил с крестоносцами в первые же годы своего правления. В отличие от своего отца и предшественника Ольгерда, который в последние годы своего княжения вел непрерывную борьбу с Орденом, Ягайло практически сразу взял курс на примирение с крестоносцами. И перемирие, заключенное в Риге 27 февраля 1380 г., было одним из важных шагов в этом направлении, пусть оно пока и имело локальный «ливонский» характер (упоминаемые в нём *praeceptores* — это сановники, т. е. комтуры, ливонского отделения Ордена: *Jähnig.* 2011. S.145). Дальнейшие события показали, что за этим шагом последуют и другие, еще более значимые. Так, например, владения Кейстута исключены из сферы действия как Рижского перемирия, так и договора, который Ягайло заключил с великим магистром Тевтонского ордена Винрихом фон Книпроде 31 мая 1380 г. в Давидишках (Даудишках) (LECUB. Bd. 3. Sp. 361–362; *Ліцкевіч.* 2010б. С. 110–112). Этот последний договор распространялся не только на прусское, но и на ливонское отделение Тевтонского ордена. При этом, по мысли Р. Варакаускаса, перемирие с ливонским отделением Ордена позволило Ягайлу изолировать Андрея Ольгердовича, который рассчитывал на союз с ливонцами (*Varakauskas.* 1982. P. 78–79). Вместе с тем договоры с Орденом, заключенные в самый канун Куликовской битвы, развязали Ягайлу руки для активных действий на Руси.

Рижский договор сообщает важные сведения о положении Полоцка в тот период. Полочане выступают в нём как вторая после и наряду с Ягайлом сила, вступающая в соглашение с ливонским отделением Ордена. Фактически Полоцк действует здесь как субъект международного права. И эта самостоятельность имела давние и прочные традиции. Так, в послании епископа Якова рижскому пробсту и городскому совету (№ 3) говорится: «была любовь ваша перваѧ с полочаны, съ дѣтми моими: што вамъ было надобѣ, то было ваше». Аналогично в послании полоцкого наместника Монтигирда и полочан в Ригу конца XIV в. упоминается торговый мир, заключенный Ригой «со княземъ съ Семеномъ… і с мужи полочаны» (имеется в виду Лугвень), очевидно, относительно недавно (№ 32). Примечательно, что это послание

скреплено печатью не только Монтигирда, на нём также оттиснута «печать полоцкая и святое Софии», стабильно использовавшаяся вплоть до введения магдебургского права в 1498 г. В 1338 г. полочане целовали крест на соблюдении литовско-ливонского договора (№ 8), а об их участии в последующем заключении договора о взвешивании подробно рассказывается в современном рижском документе (см. Прил. № 1 и комментарий к нему). В сентябре 1386 г. смоленский князь Юрий Святославич, присягая Ягайлу и Скиргайлу, обещал «со Ондреемъ Полоцкимъ и с полочаны миру не держати… а ни сылатися» (СГ. С. 72). В уставе рижского торгового двора в Полоцке, датированном 29 сентября 1393 г., предусматривалась ситуация, когда купцам нужно было идти вместе с их старостой «к королю или к полочанам» (HUB. Bd. 5. № 125. S. 74. § 4). Несомненно, здесь нашла отражение более ранняя практика, поскольку Скиргайло был сведен с полоцкого стола всего лишь за несколько месяцев до этого (подробнее см. Прил. № 3 и комментарий к нему). Эти традиции сохранялись и впоследствии, после того как Полоцк перешел под власть великого князя литовского, сажавшего там своих наместников.

Как явствует из Рижского перемирия, в момент его заключения Полоцк признавал верховную власть Ягайла или, по крайней мере, не враждовал с ним, как это было буквально двумя годами ранее. Но княжил ли там в это время какой-либо его ставленник? Исключать этого полностью нельзя: в эти годы князья менялись здесь часто, и указание в договоре имени одного из них могло, в случае смены этого князя, поставить под сомнение законную силу всего договора — по крайней мере, в отношении Полоцка. В этом и могла заключаться одна из причин, по которой в качестве контрагента выступили непосредственно сами полочане — «illi de Plotzek».

Зимой 1377/1378 г. войско Великого княжества Литовского изгнало из Полоцка Андрея Ольгердовича, правившего городом на протяжении трех десятилетий. Через некоторое время новым полоцким князем стал Лугвень (в православном крещении Семён) Ольгердович, брат Ягайло. Об этом свидетельствует надпись на печати, привешенной к договору Ягайла и Кейстута с прусским отделением Ордена 29 сентября 1379 г.: «**ПЕЧАТЬ | КНАЗА ВЕ|ЛИКОГО СЕ|МИѠНА П[О]|ЛОЦКОГО**» (оригинал: GStAPK, XX. HA, Perg.-Urk., Schiebl. 52. № 3; публ.: *Rimša*. 2002. P. 91–92. См. каталог печатей в настоящем издании: Т. 1. Табл. I, № 5, 6). И Лугвень действительно назван в тексте договора, хотя и без титула полоцкого князя: он заключил его вместе с Ягайлом, тогда как совместно с Кейстутом договор скрепил своей печатью его сын Витовт (CDPr. Bd. 3. № 134. P. 182). Несомненно, Лугвень и был тем князем Семёном, который осуществил пожалование села на р. Ушачи Троицкому приделу Софийского собора, известное по позднейшему упоминанию (ПР 1552 г. С. 174). Вполне возможно, что тот же Лугвень правил Полоцком и в конце зимы 1380 г., хотя мы и не находим подтверждения этому в источниках.

Как бы то ни было, княжение Лугвеня в Полоцке было не слишком продолжительным. Уже в 1381 г. войско ВКЛ под предводительством Скиргайла, еще одного брата Ягайла, совместно с ливонскими немцами пыталось взять Полоцк (ПЛ. Вып. 1. С. 24; Вып. 2. С. 29, 106). По свидетельству немецких хроник XIV–XV вв., в частности Виганда из Марбурга, и последовавшего за ним Яна Длугоша, причиной этого похода стало нежелание полочан принять на княжение Скиргайла (SRP. Bd. 2. S. 607–608; Bd. 3. S. 116–117; *Dlugossius*. 1985. Lib. 10. P. 94–96; см. также: *Varakauskas*. 1982. P. 79; *Nikodem*. 1998. S. 97). Полочане упорно защищали город. Опять-таки, в точности неизвестно, делали они это самостоятельно или во главе с Андреем Ольгердовичем, который к тому времени вполне мог вернуться из Москвы. Переворот 1381 г., приход к власти Кейстута и последовавший за этим новый виток внутриполитического противостояния в Литве на какое-то время оставил Полоцк вне поля активной деятельности великих князей литовских. Именно это и позволило вернуться в город его прежнему князю, Андрею Ольгердовичу — разумеется, если он не находился в Полоцке уже в 1381 г.

Вильгельм фон Фримерсгейм — брат Тевтонского ордена в Ливонии, ливонский магистр в 1364–1385 г., умер в марте 1385 г. (Ritterbrüder. 1993. № 260. S. 234–235).

Некоторые исследователи пытались отождествить упоминаемого здесь Германа с Германом Дасбергом, ездившим к Скиргайлу в 1393 г. (*Maciejewska.* 1933. S. 14–15; *Ліцкевіч.* 2010б. С. 109. Прим. 1; о Дасберге см. Прил. № 3 и комментарий к нему), однако для такого отождествления недостаточно оснований.

В. А. В., С. В. П.

13

1385 г. [октября 10]. Недрица. — Ленная грамота кн. пол. Андрея Ольгердовича лив. магистру [Робину фон Эльтцу]

Как отмечено в видимусе 1386 г., в составе которого сохранилась ленная грамота Андрея Ольгердовича, ее текст был составлен параллельно на «руском» и латинском языках (см. Прил. № 2; там же см. об оформлении грамот Андрея). Поскольку «руский» текст грамоты не сохранился, остается лишь гадать, как он соотносился с латинским, — переводились ли латинские конструкции дословно, как в грамоте Герденя (№ 1) и договорах Смоленска с Ригой и Готским берегом, или же передавались при помощи неких устойчивых аналогичных по смыслу элементов «руского» формуляра. Во всяком случае латинский текст ленной грамоты не был вторичен по отношению к «рускому»: еще А. Прохаска справедливо отметил, что в целом ленная грамота Андрея оформлена по образцу типичного ливонского акта (*Prochaska.* 1894. S. 70–71). Формуляр ленной грамоты Андрея Ольгердовича обнаруживает черты, не свойственные полоцким грамотам конца XIV в. В интитуляции князь Андрей назван «королем» в Полоцке, а не «князем», при этом отсутствует определение «великий», обычное для интитуляции «руских» грамот Андрея (№ 10, 11). Я. Адамус привел целый ряд примеров титулования Гедиминовичей XIV в. в латиноязычных источниках «королями» (*Adamus.* 1930. S. 314ff.), поэтому высказанное им же мнение об отражении в этом титуле стремления Андрея к независимости от Ягайла представляется поспешным. Вообще, как показал тот же исследователь, титулатура литовских монархов и их родственников, княживших на Руси, в XIV в. очень сильно варьировала и далеко не была устоявшейся. В ленной грамоте Андрея Ольгердовича, в отличие от его «руских» грамот, имеется салютация, вслед за ней преамбула. При этом салютация ленной грамоты Андрея демонстрирует наибольшее сходство с салютациями и промульгациями латино- и немецкоязычных актов Ливонии и Северной Германии XIV – начала XV в. (см. о них подробнее: *Gudavičius.* 2006. P. 14, 16–23), под влиянием которых, возможно, аналогичная формула появилась в некоторых «руских» актах (*Gudavičius.* 2006. P. 23). Обычно кириллические акты разных частей Руси этого времени открывались вступительной частью интитуляции «се яз» (*Каштанов.* 1996. С. 70, 96–99; *Золтан.* 2002. С. 558–559; *Gudavičius.* 2006. P. 24). Очень подробен конечный протокол, содержащий и сведения о печати, которой был скреплен акт, и дату.

Ленная грамота полоцкого князя Андрея Ольгердовича ливонскому магистру Робину фон Эльтцу явилась ответом на заключение 14 августа 1385 г. Кревского договора о браке Ягайла с Ядвигой, с одной стороны, и упрочение власти Ягайла в Литовском княжестве благодаря союзу с Витовтом Кейстутовичем, с другой (*Maciejewska.* 1933. S. 5; *Kolankowski.* 1930. S. 40). Ленная грамота предусматривала передачу княжества со всеми землями ливонскому магистру, переход самого князя и его наследников под покровительство Ордена и, наконец, защиту, оказание помощи князю Андрею в том случае, если ему это окажется необходимым. Для полоцкого князя именно последний пункт представлял особый интерес.

Обосновывая свои права на власть в Полоцкой земле, кн. Андрей ссылался на волю отца, подтвержденную согласием братьев и зафиксированную на письме. Решение о передаче княжества в лен Ордена было принято полоцким князем в согласии с его советниками. Фёдор, названный вторым из них, — очевидно, то же самое лицо, которое было адресатом грамоты № 11, то есть Фёдор Корсак, на этот раз названный «старшим из… бояр». Что касается первого советника, брата Фёдора, то его идентифицировать не представляется возможным. Гипотетическое отождествление его с Вежгайлом, наместником вилькомирским в 1398 г., или Вяжем — родоначальником Вяжевичей, предложенное в 1-м издании ПГ, не имеет под собой никаких прочных оснований. Его наименование *Werzilen* можно интерпретировать как прозвище «Верзила» или литовское имя «Виршила».

По справедливому предположению М. Космана, Ольгерд выразил свою последнюю волю исключительно устно, и лишь после его смерти отношения братьев были урегулированы и зафиксированы письменным документом. Требование Андрея зафиксировать его положение полоцкого князя в письменной форме создало прецедент для дальнейших отношений между князьями литовской династии. Оно свидетельствовало о повышении роли письменных документов в практике междукняжеских отношений и падении роли присяги как форме их урегулирования. М. Косман сопоставляет это новое явление с практикой русских междукняжеских докончаний, как правило, оформляемых в письменной форме (*Kosman.* 1971. S. 145). Предположение С. Смольки, что все удельные князья получали подобные грамоты (*Smolka.* 1889. S. 9), представляется маловероятным. Сама выдача подобной грамоты (или грамот) Андрею Ольгердовичу служит показателем кризисной ситуации, одной из причин которой была устная форма «завещания» Ольгерда, оставлявшая широкое пространство для его интерпретации.

Для понимания текста грамот № 13 и 14 существенны оттенки значения латинских терминов:

а) *advocatus* — не имеет идентичного понятия в древнерусском и старобелорусском языках. Условно переводим его «слугой», может быть значение «представитель», «советник» и даже «владетельный государь» (*Niermeyer.* 1954. Fasc. 1. P. 26–27). В источниках о ВКЛ XIV в. это слово употребляется в значении «наместник», «представитель», «уполномоченный» (*Petrauskas.* 2003. P. 169). Лишь впоследствии, после унии ВКЛ с Польшей и крещения Литвы, этим термином в ВКЛ стал обозначаться фогт, действовавший в городах на магдебургском праве (*Rohdewald.* 2005. S. 195). В Ордене же этот термин был названием одной из должностей в системе территориального управления, причем если в Пруссии фогт стоял на лестнице административной иерархии ниже комтура, то в Ливонии они находились на одном уровне. Фогт занимался сбором налогов и судом, но вместе с тем стояли во главе администрации таких замков, как Феллин, Розиттен и др. (*Militzer.* 2007. S. 114; *Jähnig.* 2011. S. 145–146, 221–222).

б) термин *patentes litterae* — «открытая грамота» в практической дипломатике Руси не употреблялся. В дипломатике латинской Европы им обозначался любой документ, скрепленный снаружи печатью (вислой или оттиснутой внизу листа под текстом) и не свернутый или не сложенный в виде конверта, предназначенный для всеобщего оповещения (*Niermeyer.* 1962. Fasc. 9. P. 772). Данный термин можно интерпретировать и как «открытые грамоты» во множественном числе: в классической латыни слово *litterae* в значении «грамота, письмо» имело лишь форму множественного числа (*pluralia tantum*), в отличие от *littera* — «буква», но в средневековой латыни от этого правила могли делаться отступления. Поэтому остается неясным, сколько грамот выдали Андрею Ольгердовичу его братья — одну общую или несколько, каждый от своего имени.

в) *habere, tenere, possidere* — три постоянно употреблявшихся в латиноязычных актах термина, обозначавшие: первый — условное владение землей (держание феода), второй — полную феодальную собственность на землю, третий — владение и пользование землей (*Niermeyer*. 1957. Fasc. 5. P. 478; *Niermeyer*. 1964. Fasc. 10. P. 1018; *Niermeyer*. 1962. Fasc. 9. P. 817).

г) *dominium* — из многочисленных значений этого слова в данном случае наиболее подходящим представляется «владение» (*Niermeyer*. 1956. Fasc. 4. P. 353–354).

д) *adjacentia* — угодья, округа (соседство), вообще то, что к чему-либо принадлежит (*Niermeyer*. 1954. Fasc. 1. P. 18).

е) *pertinencia* — всё принадлежащее к домену, совокупность земельных угодий, составляющих домен, подчиненная территория, тянущая к замку или центру домена (*Niermeyer*. 1962. Fasc. 9. P. 793). В грамоте № 16 этот термин соответствует описанию: «усеми тыми месты и городы и волостми и людми, усею тою землею, што коли тягло и тягнеть к городу Полоцку».

Недрица — населенный пункт в Ливонии близ границы с Полоцкой землей, ныне деревня и железнодорожная станция Ниедрица в Латвии, примерно в 15 км от латвийско-белорусской границы (*Варонін*. 1996. С. 48).

А. Л. Х., С. В. П.

14

1385 г. [октября 11]. Недрица. — Послание кн. пол. Андрея Ольгердовича великому магистру Тевтонского ордена [Конраду Цёльнеру фон Ротенштейну] с сообщением о передаче Полоцкой земли лив. отделению Тевтонского ордена в лен

Направленное великому магистру Тевтонского ордена Конраду Цёльнеру фон Ротенштейну послание полоцкого князя Андрея Ольгердовича уточняет условия договора, изложенного в грамоте № 13. Из послания явствует, что в договоре речь шла о передаче ливонскому магистру прав сюзерена, полоцкий же князь и его наследники продолжали владеть княжеством в качестве вассалов Ордена, как указано в грамоте.

Как отмечено в видимусе 1386 г., в составе которого сохранилось послание, оно было написано на немецком и лишь при подготовке видимуса переведено на латынь (Прил. № 2; там же см. об оформлении грамот Андрея Ольгердовича).

Послание носит черты составления в орденской канцелярии. Формуляр его весьма близок предшествующей грамоте. Воздействие полоцкой традиции можно обнаружить в обращениях полоцкого князя к орденским властям. Андрей Ольгердович называет ливонского магистра своим «братом», великого магистра — «отцом и дорогим другом». В латиноязычной практике этого времени не было обычая, чтобы светские власти называли руководителей ордена «отцом» [см.: LECUB. Bd. 6. № 2891. Sp. 227 (ок. 1366 г.); № 2894. S. 236 (1368 г.)], тогда как в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси термины родства характеризовали иерархию князей. Кроме того, «отец» — это и традиционное для русской дипломатики именование епископа в княжеских актах (*Каштанов*. 1996. С. 101–102). Покоряясь рижскому епископу Альберту после похода на Ерсику в 1209 г., ее князь Всеволод, по свидетельству Генриха Латвийского, «называл епископа отцом, а всех латинян братьями по христианству» (XIII, 4). В 1212 г. полоцкий князь Владимир, примиряясь с тем же епископом, назвал его «отцом духовным» (XVI, 2) (цит. по: *Генрих Латвийский*. 1938. С. 128, 154).

Хотя послание было составлено на немецком языке, некоторые его места дословно совпадают с элементами формуляра ленной грамоты Андрея Ольгердовича, написанной на латыни и «руском» (№ 13). Ниже такие элементы выделены полужирным шрифтом:

In presentibus publice profitemur, quod nos christianitatis intuitu et ob respectum amicicie singularis, quam ad venerabiles religiosos dominos, ad magistrum et ad fratres Ordinis Theutunici in Lyvonia, gerimus, **cum bona voluntate et animo deliberato**, et nostrorum heredum consensu attendente, necnon consiliariorum nostrorum, videlicet Werzilen, nostri advocati, ipsiusque fratris, nostrorum baronum superioris, Foder nunccupati, totum regnum Ploscoviensem, quod **pater noster Algirde, quondam rex Littovie, nobis in vita sua assignavit et dedit, et post patris obitum fratres nostri nobis dederunt et assignaverunt, sicut in eorundem fratrum nostrorum patentibus litteris clarius apparet,** venerabilibus religiosis dominis, magistro et fratribus Ordinis Theutunici in Lyvonia damus et assignamus, ac rite et rationabiliter resignamus, in perpetuum libere habendum, tenendum et possidendum, sine impetitione qualiqunque, cum omnibus dominiis, juribus, libertatibus, adiacenciis et pertinenciis, scilicet terris, civitatibus, castris, aquis, silvis et ceteris utilitatibus quibuscunque, sicut nos predictum regnum hucusque possedimus et in presencia possidemus.

Scire debetis, quod optinuimus diem placitorum in Nedritsen cum dilecto nostro fratre, magistro Lyvonie, feria tercia post festum beati Dionisii, et **cum bona voluntate et deliberato animo** dileccionis et amicicie ob respectum dedimus rationabiliter et totaliter resignavimus magistro et Ordini totum nostrum regnum in Ploskow perpetue libere possidendum, cum omnibus dominiis, pertinenciis, sicut **pater noster Algirden, quondam rex Littovie, in vita sua nobis idem regnum dederat, et post patris nostri obitum fratres nostri nobis dederunt, super quo patentes literas habemus fratrum nostrorum eorundem** et sicut actu predictum regnum possidemus.

Ceterum subicimus nos et commitimus protectioni et defensioni nostrosque heredes venerabilis domini magistri et Ordinis Theutunici in Lyvonia, qui **nos et nostros heredes, si necesse fuerit, protegant et defendant.**

Ceterum predictum regnum in Ploskow in pheudum recepimus a magistro Lyvonie et ab ordine perpetue a nobis et a nostris heredibus jure pheodali possidendum; nosque ipsos et liberos nostros commisimus et dedimus magistro et Ordini, ita quod magister et Ordo **nos et nostros liberos protegant et defendant**, et sua auxilia erga nos et nostros liberos fideliter faciendo, **si quis nos et nostros liberos expellere vellet de regno Ploscoviensi,** et juvare nos, quod regnum illud valeamus possidere.

Et si quis nos vel nostros heredes a regno Ploscoviensi expellere conetur, ex tunc magister et Ordo in Lyvonia nos seu nostros heredes suo possetenus adiuvabunt et pro optencione regni nobis seu nostris heredibus suis auxiliis fideliter assistant.

Dilecte pater et care amice, magister generalis, rogamus eciam vos amicabiliter, quatenus nos et nostros liberos protegatis et juvare nos, **si quis vellet nos vel nostros liberos expellere de regno predicto**, quia totaliter committimus nos et nostros liberos vestre gracie.

Вместе с тем в некоторых случаях одни и те же мысли в двух грамотах выражаются по-разному: так, существенно различаются формулы корроборации, в № 13 блаженный Дионисий назван мучеником, в № 14 это определение отсутствует. Остается заключить, что при переводе послания Андрея Ольгердовича с немецкого на латынь рижский доминиканец Николай пользовался латинским текстом его ленной грамоты как образцом.

Составление послания Андрея Ольгердовича великому магистру на немецком объяснялось тем, что уже в конце XIV в. немецкий был распространен как язык письменной коммуникации между прусским и ливонским отделениями Ордена (*Forstreuter.* 1963. S. 378–380; см. также: *Glauert.* 2002). С другой стороны, если в Ливонии в силу ее активных контактов с Русью не было недостатка в знатоках «руского» языка, в том числе умевших читать и писать на нём (ср. введение к настоящему изданию в т. 1), то в Пруссии такие знатоки были большой редкостью, а переписка с Русью и Литвой велась на немецком и латыни (*Forstreuter.* 1931).

А. Л. Х., С. В. П.

15

[1386 г. февраля 2 — декабря 31. Полоцк]. — Послание вел. кнг. пол., супруги кн. Андрея Ольгердовича, и ее детей Семёна и Ивана [Андреевичей] совету и купцам г. Риги с просьбой выдать ее пушнину купцам Пронку и Кольцу

С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов датировали грамоту концом XIV в. и считали, что она написана вдовой князя Андрея (*Обнорский, Бархударов.* 1952. С. 143–144). Однако Андрей Ольгердович погиб лишь в 1399 г., когда в Полоцке уже сидели наместники Витовта; между тем содержание грамоты и ее печати указывают на владельческие права княгини и ее сыновей по отношению к Полоцку.

Составление грамоты от имени жены и сыновей Андрея Ольгердовича говорит о том, что она писалась в его отсутствие в Полоцке, когда не было ясно, как скоро он туда вернется, скорее всего — в период военного похода. Поскольку в грамоте не упоминается старший сын Андрея Михаил, она была написана после его гибели, произошедшей в мае — июне 1385 г. (подробнее см. ниже). Поэтому представляется, что грамота была написана во время похода Андрея Ольгердовича совместно с ливонским войском на Литву, начавшегося 2 февраля 1386 г. (подробнее о нём см. комментарий к № 16). Эта дата принята в качестве нижней хронологической границы написания грамоты. Сложнее определить верхнюю границу. Андрей вернулся в Полоцк не ранее разгрома литовскими войсками на р. Вехре сил его союзника, великого князя смоленского Святослава Ивановича 29 апреля 1386 г., но когда именно это произошло, неизвестно. Несомненно, он был в Полоцке в начале 1387 г., раз в это время Скиргайло, взяв Полоцк, захватил Андрея в плен (см. комментарий к № 16). Поэтому условно верхней хронологической границей служит конец 1386 г., хотя вполне вероятно, что Андрей вернулся в Полоцк значительно раньше: Скиргайло вернулся в Литву из Польши весной 1386 г. (*Nikodem.* 1998. S. 107–108).

По-видимому, во время отсутствия князя Андрея его предприимчивая супруга пустилась в торговые операции (или не прекратила их). Ее положение в это время было далеко не блестящим. Грамота написана на крохотном клочке бумаги. Пожалуй, это наименьшая по размерам из всех полоцких грамот. К ней привешены уже не свинцовые печати, как к грамотам епископов Якова и Григория, князя Глеба-Наримонта, но восковые, притом без ковчежцев и без специальной основы, придававшей им прочность — как, например,

на договоре Ягайла и Витовта о десятилетнем перемирии с Орденом 1379 г. (GStAPK, XX. HA, Perg.-Urk., Schiebl. 52. № 3), и не на шелковых нитях, но на простых льняных.

Имя и происхождение жены Андрея Ольгердовича неизвестны.

Семён и Иван Андреевичи — сыновья князя Андрея Ольгердовича (*Tęgowski*. 1999. S. 67–72). Старшим сыном Андрея Ольгердовича был Михаил: в Полоцкой ревизии 1552 г. упоминается его пожалование монастырю Св. Петра в Полоцке (ПР 1552 г. С. 173). Михаил был убит на московской службе во время похода на Рязань в мае — июне 1385 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 150). Семён погиб при взятии Полоцка Скиргайлом в начале 1387 г. (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 347; *Кузьмин*. 2007б. С. 63–64). Иван Андреевич в 1389–1399 гг. находился «на кормлении» во Пскове, умер между 1437 и 1439 гг. (*Tęgowski*. 1999. S. 73).

Фёдор Сорочков — очевидно, родственник (отец?) полоцкого купца Андрона (Ондрона) Сорочковича, упоминаемого в начале XV в. (№ 40).

А. Л. Х., А. В. К., С. В. П.

16

1387 г. апреля 28. Скойстери, «ловы». — Жалованная грамота кор. польск. и вел. кн. лит. Владислава [Ягайла] кн. лит. Скиргайлу на Трокское, Менское и Полоцкое княжения

На основании договоренностей с ливонским отделением Тевтонского ордена 1385 г. (см. № 13, 14) князь Андрей Ольгердович и ливонский магистр в начале 1386 г. предприняли поход на Литву, начавшийся 2 февраля — как раз в то время, когда Ягайло, литовские князья и бояре находились в Кракове. Союзники направились в район Вильни и Ошмян, а Святослав Смоленский по согласованию с ними — к Орше, Витебску и Мстиславлю, причем ему удалось овладеть Лукомлем (ПСРЛ. Т. 35. С. 64, 88, 99, 113; Т. 15. Вып. 1. С. 152–153; Т. 18. С. 74; Т. 25. С. 213–214; SRP. Bd. 3. P. 145; CEV. Appendix № 6. P. 1004–1005; *Kolankowski*. 1930. S. 40–41).

Однако успехи были кратковременными. Витовт, Скиргайло, Семён-Лугвень и Казимир-Коригайло, бывший наместник мстиславский, спешно направились из Кракова в Литву, чтобы выступить на стороне Ягайла (AUPL. № 6, 10–14). Скиргайло с большим отрядом литовских войск захватил Лукомль и в битве на р. Вехре 29 апреля 1386 г. разбил смольнян. Князь Святослав погиб, а его дети Юрий и Глеб оказались в плену (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 343–344; *Ліцкевіч*. 2007). Впрочем, Юрий вскоре был посажен в не занятый литовскими войсками Смоленск и согласно своей грамоте от 16 сентября 1386 г. обязался «со Ондреемъ полоцкимъ и с полочаны миру не держати... а ни сылати ся» (СГ. С. 72).

После Смоленска наступила очередь Полоцка. Попытка Скиргайла взять Полоцк не удалась. Лишь в результате осады, в которой участвовали и немецкие войска, город пал. Князь Андрей был отправлен в Хенцинский замок, где провел семь лет до марта 1394 г. (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 347; Rachunki dworu. 1896. S. 183; *Варонін*. 2009г. С. 2–6). 28 апреля 1387 г. формально можно датировать окончание его княжения в Полоцке. Туда был посажен Скиргайло Ольгердович (в православном крещении Иван) — младший брат польского короля, вскоре обещавший, что в случае его бездетной смерти Полоцкое княжество отойдет к Польскому королевству (№ 17). Это обещание было тем более важным, что Скиргайло, скорее всего, не был женат и не имел детей. Одновременно Скигайло получил Трокское и Менское княжества, что обеспечивало ему особое место в реализации планов Ягайла по удержанию в подчинении земель Великого княжества Литовского (подробнее см.: *Nikodem*. 1998).

В жалованной польского короля, литовского и «руского» «господаря» говорится, что Скиргайлу передано его «место». Ссылка Владислава на волю Ольгерда противоречит заявлению князя Андрея в грамотах № 13 и 14. Очевидно, это объясняется отсутствием завещания Ольгерда, оформленного в письменном виде.

Подробное описание Трокского и Менского княжеств в жалованной грамоте Ягайла делает ее чрезвычайно ценным и важным источником по истории Великого княжества Литовского — как в период после смерти Ольгерда, так и вообще для эпохи до унии с Польшей и крещения Литвы (подробнее см.: *Jakubowski.* 1907). Полоцкое княжество в грамоте не описано, по весьма вероятному предположению Я. Якубовского, потому, что его границы были хорошо известны, а само княжество представляло собой политическое единство (*Jakubowski.* 1907. S. 44). Эту мысль поддержал Ш. Родевальд, подчеркнувший, что город в правовом отношении в это время не отделялся от «земли» (*Rohdewald.* 2005. S. 167). Впрочем, последнюю мысль, распространенную в историографии, не подтверждают недавние исследования П. В. Лукина (*Лукин.* 2014. С. 299–311).

Анализ языка грамоты (*Stang.* 1935. S. 165) не позволил Хр. Стангу отнести ее к какому-либо определенному диалекту, тогда как В. Курашкевич отнес ее к «северобелорусскому наречию» (*Kuraszkiewicz.* 1937. S. 287).

«Панъ Хрещонъ Козегловьскии» (ум. 1417) — Кристин из Козеглов (в Северском княжестве, к югу от Ченстоховы), придворный Владислава II Ягайла, участник похода на Литву 1390 г., гарант унии 1401 г., командующий хоругвью в Грюнвальдской битве 1410 г., участник Городельской унии 1413 г. (*Błaszczyk.* 2007. T. 2. S. 33).

«Доктор Святослав» (ум. 1388) — Святослав из Шаньца (в Вислицкой земле, в Сандомирском воеводстве), доктор канонического права, заместитель коронного канцлера (*Błaszczyk.* 2007. T. 2. S. 35).

Интересна архивная судьба грамоты. Очевидно, после смерти Скиргайла, не оставившего потомства, она попала в Коронный архив, где хранилась вплоть до конца XVIII в. (в это время с нее были сняты копии для польского историка А. Нарушевича). После разделов Речи Посполитой ее следы теряются. В отличие от других грамот ВКЛ, хранившихся в Коронном архиве, она не упоминается в описи 1808 г. В начале XIX в. ею интересовался Н. П. Румянцев, но его усилия остались бесплодными. Каким-то образом грамота оказалась на русском Севере, и во время поездки туда в 1828 г. ее приобрел в Шенкурске известный литератор и коллекционер П. П. Свиньин. Грамота вошла в состав его «Русского Музеума» (Свиньин. 1904. С. 220), а после его смерти попала в Библиотеку Академии наук, где и хранится по сей день.

А. Л. Х., С. В. П.

17

1387 г. [июня 18]. Лида. — Ленная грамота кн. лит., трокск. и пол. Скиргайла кор. польск. Владиславу [Ягайлу], кор-ве Ядвиге и Короне Польского королевства

Ленная грамота Скиргайла, литовского князя и «господаря трокского и полоцкого», польскому королю Владиславу II Ягайлу и королеве Ядвиге была выдана спустя полтора месяца после пожалования Скиргайлу Полоцка и накануне отъезда Ягайла в Польшу: 1 июля 1387 г. король уже находился в Люблине (*Gąsiorowski.* 1972. S. 30).

Грамота составлена в иных традициях, нежели ленная грамота князя Андрея магистру. В грамоте Скиргайла отсутствует салютация, имеющаяся в № 13, а инвокация, в грамоте

Андрея имеющая самостоятельное значение, в грамоте № 17 слита с интитуляцией. Аренга, «излагающая высшие мотивы и цели составления документа» (*Каштанов.* 1969. С. 145), широко развернута в «гимн верности», и напротив, промульгация сокращена до предела. В соответствии с конкретными обстоятельствами в наррации совершенно по-разному излагаются события, предшествовавшие выдаче грамоты и побудившие к этому действию: в грамоте князя Андрея — это «христианские чувства и уважение исключительной дружбы» по отношению к магистру, в грамоте Скиргайла — это соблюдение тех обязательств, которые взял на себя польский король и королева по отношению к литовскому князю, и чувство благодарности за пожалование ему Полоцкого княжества. Конечный протокол и в том, и в другом случае содержит корробарацию, то есть удостоверение о скреплении документа печатью, и дату, хотя и выражены они в совершенно разном стиле.

Сравнение ленных грамот князея Андрея и Скиргайла показывает, что и в том, и в другом случае составители не имели перед собой полоцких образцов, а пользовались иными, соответственно ливонскими или польскими.

В отличие от князя Андрея, Скиргайло даже не сослался на волю представителей населения, судьбы которого он решал. Возможно, у князя Скиргайла в момент написания грамоты не было поддержки со стороны боярской верхушки города. Тот же вывод можно сделать и из анализа диспозитивной части его ленной грамоты. Она вносит новые условия в права владения Скиргайлом Полоцком и Полоцкой землей. Скиргайло соглашается на включение этого княжества в Польское королевство в том случае, если он умрет без мужского потомства. Таким образом, передача ему Полоцкого княжества согласно ленной грамоте рассматривалась как наследственная. Одновременно с этим Скиргайло оговаривает расширение своих прав в Полоцкой земле. Ленная грамота закрепляет за ним право жаловать земли Церкви, причем эти пожалования не должны были отменяться самим королем. В этом можно усмотреть попытку расширения своей социальной базы в Полоцке. И по крайней мере одно такое пожалование Скиргайла на территории Полоцкой земли известно — это передача Софийскому собору нескольких сёл, из-за которых спустя сто лет развернулась тяжба между полоцким архиепископом Лукой, с одной стороны, и полоцкими магдебургскими властями, мещанами и боярами, — с другой (№ 353).

Вопреки жалованной грамоте Владислава (№ 16) Скиргайло признает, что Полоцкое княжество он получил лишь из рук Ягайла, и не ссылается при этом на волю отца. Положение Скиргайла, судя по его ленной грамоте, коренным образом отличалось от положения князя Андрея. Последний называл себя «королем Полоцка», а Полоцкую землю — «королевством Полоцким»; Скиргайло — лишь «господарь» Полоцка, одновременно и «князь литовский» (последнее — по праву рождения); Скиргайло уже не пользуется титулом «полоцкого князя», хотя по отношению к Полоцкой земле он употребляет термин «княжество».

Сравнение титулов Владислава и Скиргайла ясно обнаруживает разницу их положения: первый — сюзерен, «господарь», «король»; второй же — просто «господарь трокский и полоцкий». Поскольку титул *dominus* в соответствии со словоупотреблением «руских» актов XIV в. переводится как «господарь», то другой титул, *princeps*, переведен словом «князь» в значении «владетельный правитель», «государь» (последнее слово не свойственно «руским» документам, подробнее см.: *Золтан.* 2002). Термин «господин» в грамотах ВКЛ как титул главы светской власти не употреблялся. Так называли старших членов семьи [*Пещак.* № 72. С. 134 (21 ноября 1398 г.)] или церковных иерархов [(Там же. № 6. С. 21. (8 декабря 1322 г.); о проблеме подлинности и датировке см.: *Флоря.* 2000; *Флоря.* 2005; *Турилов.* 2005].

А. Л. Х., С. В. П.

18

*1387 г. [июля 9]. Курчмы. — Договор кн. лит. Скиргайла
с лив. магистром Робином фон Эльтцем
о перемирии сроком до 1388 г. декабря 25*

После заключения польско-литовского династического союза, за которым в историографии закрепилось не совсем точное название Кревской унии 1385 г., война Ордена с Литвой продолжалась: в 1386–1389 гг. Орден организовал 11 разорительных походов («рейз») на владения литовских князей, главным образом на Жомойть. В начале 1387 г. польский король Владислав II Ягайло попытался достичь соглашения с великим магистром Конрадом Цёлльнером фон Ротенштейном. Перемирие между Литвой и ливонским отделением Тевтонского ордена 9 июля 1387 г. имело переломное значение для литовско-орденских отношений, поскольку было первым официально зафиксированным успехом на пути прекращения войн, хотя и не охватывало Жомойть. Достичь соглашения помогли общие экономические интересы ВКЛ и Ливонии — торговля по Двине (*Błaszczyk.* 2007. Т. 2. S. 114–117; там же указана литература предмета). Из документов этого перемирия сохранилась лишь грамота ливонского магистра Робина фон Эльтца. Несомненно, существовала, но не дошла до нас грамота второго участника переговоров — литовского князя Скиргайла.

Обращает на себя внимание титул «верховного князя Литвы», употребленный в грамоте № 18 по отношению к Скиргайлу. В историографии его интерпретировали по-разному: и как проявление исключительной позиции Скиргайла в Литве, и как специальный торжественный титул для сношений с внешними контрагентами (ПГ. Вып. 3. С. 163–164), и как ливонскую интерпретацию порядков, воцарившихся в Литве после заключения унии с Польшей (*Nikodem.* 1998. S. 111–112). Последняя точка зрения представляется наиболее близкой к истине. Прав Я. Никодем и в том, что в первые годы польско-литовской унии Скиргайло занимал исключительное положение в Литве как доверенное лицо Ягайла.

Курчмы [лат. и нем. *Curczini(i), Kurzum*, старобелорус. *Курчмы*, польск. *Kurczymy*] — местность близ оз. Курцумс на литовско-ливонском пограничье, к юго-западу от Дюнабурга (ныне в Медумской волости Латвии), где в XIV–XVI вв. неоднократно проходили литовско-ливонские переговоры (*Wojtkowiak.* 2010. S. 216, 235–242, 249–253; *Čelkis, Antanavičius.* 2011). Согласно тогдашней дипломатической практике подобные встречи проходили на нейтральной, «ничейной» территории. Таким местом мог быть остров на реке (например, на Немане, Дубиссе) или незаросший и невозделанный участок земли в пуще, который также называли «островом» (см., например: *Груша.* 2010а). Слово «campus» в данном сочетании несколько условно переводим как «место»: близким словом «местъце» Курчмы названы в документах литовско-ливонской делимитации 1542 г. (МВКЛ. Кн. 560. С. 40).

Разрешение полоцким и виленским купцам торговать лишь в Риге отражает традиционную политику купечества этого города, направленную на недопущение «руских» купцов дальше Риги и концентрацию в своих руках посреднической торговли.

Робин фон Эльтц (Robin von Eltz) — брат Тевтонского ордена в Ливонии, происходил из рода министериалов Трирского архиепископа; кумпан ливонского магистра (1367), фогт Каркуса (1374), ландмаршал (1375–1385), ливонский магистр (1385–1388), ум. после 10 августа 1388 г. (Ritterbrüder. 1993. S. 206–208).

Иоганн фон Оле (Johann von Ohle) — брат Тевтонского ордена в Ливонии (вступил туда не ранее 1381 г.), происходил из Вестфалии, из рода министериалов графов Арнсбергских; ландмаршал (1387–1393), комтур Дюнамюнде (1402–1403) (Ritterbrüder. 1993. S. 488–489).

Альберт фон Бренкен (Albert von Brenken) — брат Тевтонского ордена в Ливонии (вступил туда не ранее 1343 г.), происходил из Вестфалии, рода министериалов епископов Падер-

борна; фогт Вендена (1371–1375), комтур Пернау (1382–1383), комтур Риги (1387) (Ritterbrüder. 1993. S. 141–142).

Герхард фон Баэк (Gerhard von Baeck) — брат Тевтонского ордена в Ливонии, происходил из рода министериалов графов Гельдерна; фогт Вендена (1385–1386) (Ritterbrüder. 1993. S. 94).

Конрад фон Фитингхофф (Konrad von Vietinghoff) — брат Тевтонского ордена в Ливонии, происходил из Вестфалии; комтур Ашерадена (1387–1393), комтур Феллина (1396–1401), ливонский магистр (1401–1413), ум. после 14 февраля 1413 г. (Ritterbrüder. 1993. S. 670–671).

Бернгард Хёфельманн (Bernhard Hövelmann) — брат Тевтонского ордена в Ливонии, комтур Дюнабурга (1387–1390), ландмаршал (1395–1404) (Ritterbrüder. 1993. S. 334–335).

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

19

[1393 г. апреля 28 — 1406 г. июля 2]. — Послание вел. кн. лит. Витовта риж. купцам, находящимся в Полоцке, с сообщением о соблюдении их прав

В качестве нижней хронологической границы этого послания, как и всех остальных недатированных полоцких документов Витовта, условно принят следующий день после последнего упоминания Скиргайла в качестве полоцкого князя (см. Прил. № 3 и комментарий к нему), верхней же границей служит дата заключением полоцко-рижского торгового договора в Копыси (№ 54). Возможно, нижнюю хронологическую границу следует отодвинуть примерно к 1395 г., к которому восходят наиболее ранние датированные и достоверные примеры использования Витовтом титула великого князя литовского (*Adamus*. 1930. S. 327 ff.; *Skurvydaitė*. 2000. P. 15, 17–18; *Дзярновіч*. 2013б. С. 65–67). Еще один аргумент в пользу ранней датировки послания — палеографический: оно написано писцом, руке которого принадлежат еще три послания Витовта совету г. Риги, датируемые 1397–1399 гг. («вторая рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 318–321, 494, № 12). Наконец, эту датировку в целом подтверждают данные сфрагистики: экземпляры конной печати Витовта, оттиснутой на послании (4-й тип по классификации В. Семковича), известны за 1397–1411 гг. Следующая конная печать Витовта (7-го типа) начинает постепенно вытеснять ее в 1407 г., а с 1413 г. безраздельно господствует (*Semkowicz*. 1931. S. 11, 22).

В 1-м издании ПГ послание было предположительно датировано 1398 или 1406 г. (ПГ. Вып. 3. С. 177–178). Поскольку Витовт подтверждает рижанам неназванное право, «которое вы исстари имели и которое изложено в ваших грамотах», послание было написано до 2 июля 1406 г. Иначе в нём имелась бы ссылка на Копысский торговый договор, подробно регламентировавший полоцко-рижские взаимоотношения, тем более что в его заключении участвовал Витовт (см. № 54, 55).

Рижский посол Генрих Гримпе по другим источникам неизвестен. Его однофамилец или родственник Фридрих Гримпе в конце XIV — начале XV в. был каноником в Риге; вероятно, он был тем рижским священником, который давал показания в Любеке в мае 1424 г. (*Arbusow*. 1901/1902; LECUB. Bd. 7. № 126. S. 96).

Упоминание в данном послании «руской» грамоты, отправленной полочанам, свидетельствует о высокой степени развития письменной коммуникации между политическим центром и периферией ВКЛ уже в конце XIV — начале XV в. (ср. о ней также № 29, 30). Как и в других источниках, здесь подчеркивается, что языком письменной коммуникации с Полоцком был «руский» [ср.: HUB. Bd. 5. № 345; LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 114].

А. Л. Х., С. В. П.

20

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Грамота вел. кн. лит. Витовта пол. боярам о порядке сбора с них экстраординарных податей

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта (*Tęgowski*. 1999. S. 211). См. также комментарий к № 265.

21

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта полочанину Тереху Радковичу на с. Петрово

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта. См. также комментарий к № 375.

№ 21 открывает серию грамот эпохи Витовта, хранившихся в частных архивах полоцких бояр и мещан и известных по упоминаниям в актах XVI в.

22

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Подтвердительная жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта [пол. мещанину] Фёдору Сущову [на куплю у Тереха Непоротовича] сельца Скоморошовичи в с. Коровайно Полоцкого пов.

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта. См. также комментарий к № 378.

23

Упоминание

[После 1393 г. апреля 28]. — Духовная грамота [пол. мещанина] Фёдора Сущова

Настоящая грамота была выдана после № 22, поэтому для них условно принята одна и та же нижняя хронологическая граница. См. также комментарий к № 378.

24

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта Селивестру на право проживания в г. Полоцке [и выполнение мещанских повинностей]

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта.

Настоящая грамота, хотя и известная лишь по упоминанию, весьма важна для характеристики Полоцкой земли в эпоху Витовта. Из нее выясняется, что уже в это время полоцкие

мещане несли военную службу наравне с боярами (очевидно, имеются в виду мещане вообще, а не только владевшие имениями и служившие с них боярскую службу). Впрочем, неизвестно, присутствовал ли этот термин в тексте несохранившейся грамоты. Именование горожан «местичами» фиксируется с конца XIII в., а на территории ВКЛ — с первой трети XV в. (*Золтан.* 1977; *Золтан.* 2014. С. 102–104; *Лукин.* 2010; см. также № 68). Лишь впоследствии, во второй половине XV в., на смену термину «местич» пришел новый — «мещанин».

Предъявители грамоты Витовта названы мещанами. Наиболее состоятельным из них, судя по упоминаниям в источниках, был Антушко Селиверстович, но и он в 1528 г. выставлял лишь одного коня (МВКЛ. Кн. 523. С. 155 — запись в разделе «Меща*н* полоцки*х* люди, выслуга и куплѧ ихъ»), а в 1552 г. участвовал в ремонте одной городни Полоцкого замка (ПР 1552 г. С. 9).

Предписание жалованной грамоты Витовта об оставлении Селивестра «во впоко*и*» в Полоцке перекликается с положением областного привилея 1511 г., восходящим к более раннему времени, о «добровольном» проживании там полочан, «покуль хто хочеть» (№ 476). Из этой грамоты видно, что власти ВКЛ могли переселять его жителей по своему усмотрению, хотя эта страна и не знала крупномасштабных акций наподобие «выводов» из новоприсоединенных регионов, характерных для Русского государства XV–XVI вв.

С. В. П.

25

Упоминание

[1393 г. апреля 28 –1430 г. октября 27]. —
Грамота вел. кн. лит. Витовта Михалку
на держание вол.供 Мородно Полоцкого пов.

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта.

Миколай Миколаевич Радивиловича (Радзивилл), рассматривавший дело, занимал должности виленского воеводы и канцлера с июня 1510 г. до своей смерти в январе 1522 г. (UWKL. T. 1. S. 193. № 1103).

Один из предъявителей грамоты Витовта мещанин Яцко Ососков по переписи войска 1528 г. был обязан выходить на службу с одним конем (РИБ. Т. 33. Стб. 196; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 140).

Местонахождение волости Мородно установить не удалось.

А. Л. Х.

26

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Продажная грамота
земянки Полоцкого пов. Машки Отрушковой
Трухону Болоту на с. Улино

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта. Эти хронологические рамки в значительной степени условны, поскольку неясно, упоминался ли Витовт в самой купчей или же ее отнесение ко времени его княжения основано на устной традиции.

Трухон (Трифон) Болото принадлежал к роду, из которого в XVI в. вышло несколько священников: предъявитель купчей Михайло Болотович, Иван Болотович, назначенный в 1531 г. священником в православную церковь Св. Николая в Риге (LVVA. F. 673. Apr. 4.

K. 19. L. 104, 105). Лист Сигизмунда Августа не указывает социальной принадлежности ни Михайла Фёдоровича, его современника, ни Трухона Болота, жившего во времена Витовта. Обычно лица, в XVI в. сообщавшие о своем владении землей на условиях «земской службы», не принадлежали к боярам. Однако в № 26 родственниками Болотовичей названы бояре Иван Онихимович и Занко Гридкович. Может быть, от Трухона Болота пошли две ветви — мещан Трухоновичей (ср. комментарий к № 130) и бояр Болотовичей (ср. комментарий к № 347)?

С. Улино по картографическим материалам неизвестно. Возможно, это искаженное название с. Уличе, границы которого описывались в 1583 г. (прежний шифр: ЦГАДА. Ф. 2188. Оп. 4. № 3311. Л. 15–16; в настоящее время материалы хранятся в РГАДА. Ф. 1603). Спор о с. Улине рассматривал полоцкий воевода Пётр Монтигирдович в 1458 или 1459 г. (см. № 142).

Судя по пересказу, продажная («купчая») содержала описание границ, вероятно, подобное тому, которое было включено в жалованную князя Андрея Корсакам (№ 11).

А. Л. Х., С. В. П.

27

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Грамота вел. кн. лит.Витовта об освобождении села на Чернице от уплаты бобровщины

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта.

28

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта [не названному по имени] предку бояр Полоцкого пов. Оскерчичей и Теличиничей на землю на [р.] Ушача и [оз.] Солонец

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта. Об упоминаемых лицах и географических объектах см. комментарий к № 121, 221.

29

[1393–1412 гг.] ноября 8. Новогородок. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги с сообщением об освобождении лив. купцов, задержанных в Полоцке

Нижней хронологической границей служит переход Полоцка под власть Витовта (см. комментарий к № 19). Верхнюю хронологическую границу определяет печать Витовта, которой скреплено послание. Известны экземпляры малой (конной) печати этого типа 1397–1411 гг. Печать следующего типа начинает использоваться с 1407 г. и полностью вытесняет предыдущую не позднее января 1413 г. (*Semkowicz*. 1931. S. 11, 22). Поэтому в качестве верхней хронологической границы выбран 1412 г.

Послание написано рукой писца, которому принадлежат еще четыре документа на немецком языке и латыни 1407–1409 гг. («четвертая рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 327–334, 493, № 8). Поэтому и данное послание

можно предположительно отнести к концу первого десятилетия XV в. Однако данные об итинерарии Витовта и полоцко-ливонских отношениях не позволяют уточнить датировку.

С. В. П.

30

[1394–1406 гг.] января 13. Василишки. — Послание вел. кн. лит. Витовта лив. магистру с сообщением о порядке торговли между рижанами и полочанами в связи с установлением последними нового соляного веса

Послание написано в один день с № 31 и тем же писцом, работавшим в великокняжеской канцелярии в первые годы XV в. (см. комментарий к № 31). На датировку до 1406 г. указывает упоминание пудного ремня для взвешивания соли, который был заменен скалвами согласно Копысскому торговому договору (см. № 54, 55). Ранее принятая датировка посланий № 30 и 31 третьим десятилетием XV в. невозможно еще и потому, что в это время резко обострились отношения г. Риги с ливонским отделением Ордена (*Brück*. 2003. S. 65–69). Между тем Витовт в послании властям г. Риги (№ 31) ограничился краткой отсылкой к посланию ливонскому магистру (№ 30), список с которого тогда же попал в городской архив, что говорит о мирных и даже дружественных рижско-орденских взаимоотношениях. Оба послания написаны по результатам поездки Витовта в Полоцк, состоявшейся в декабре в конце XIV или, что более вероятно, начале XV в. (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 78, 114), однако сведения об итинерарии Витовта пока не позволяют точно установить год этого визита.

Василишки — великокняжеский двор, ныне деревня, центр сельсовета Щучинского р-на Гродненской обл. Беларуси.

С. В. П.

31

[1394–1406 гг.] января 13. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги с сообщением об ответе лив. магистру относительно порядка торговли между рижанами и полочанами в связи с установлением последними нового соляного веса

Послание написано писцом, руке которого принадлежат более десятка документов Витовта 1400–1406 гг. («третья рука» по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 321–327, 509, № 123). О датировке данного послания см. также комментарий к № 30.

С. В. П.

32

[1394–1396 гг. Полоцк]. — Послание пол. нам. Монтигирда и полочан совету г. Риги с предложением сохранять мир, заключенный кн. Семёном [Лугвенем]

К. Э. Напьерский датировал эту грамоту широко — концом XIV в. Ф. Г. фон Бунге предложил более узкую датировку — 1396 г., основанную на факте расторжения торгового договора уже в начале 1397 г. (LECUB. Bd. 6. S. 82. Reg. 1717ac) и принятую впоследствии в «Ганзейских грамотах» и 1-м издании ПГ. Широкие хронологические рамки написания грамоты — между 28 апреля 1393 г. (см. комментарий к № 19) и летом 1396 г., когда начались

разногласия полочан с ливонцами по торговым вопросам (LECUB. Bd. 6. № 2935; HUB. Bd. 5. № 250. S. 133), в результате чего полоцкий наместник Монтигирд и полочане по приказу Витовта в конечном счете расторгли торговый договор с Ригой (LECUB. Bd. 6. № 2932; HUB. Bd. 5. № 247. S. 131; см. также ниже № 34, 35). Фактически же грамота могла быть написана, вероятно, не ранее 1394 г., поскольку после перехода Полоцка под власть Витовта тамошним наместником какое-то время должен был пробыть князь Семён (Лугвень), заключивший упомянутый в грамоте торговый договор с Ригой. Очевидно, грамота была написана вскоре после вступления Монтигирда в должность.

Структура подтвердительной грамоты Монтигирда имеет много общего с древнейшими смоленскими подтвердительными грамотами. В ней содержатся три статьи: предложения сохранять мир, давать купцам возможность приезжать для торговли и обеспечивать их личную неприкосновенность. В смоленских грамотах, как правило, упор делается на вторую статью, она присутствует в подтверждениях Фёдора Ростиславича и Александра Глебовича конца XIII в. и рубежа XIII–XIV вв. Вторая и третья статьи включены в подтвердительную Ивана Александровича, правда, в иной формулировке, нежели в грамоте Монтигирда [СГ. С. 66 (1284 г.); С. 67 (1300 г.); С. 70 (первая половина XIV в.)]. Грамота Ивана Александровича говорит о праве «немцемь» или «моим» (то есть смольнянам) «ездити» и обещании «блюсти» приезжающих иноземцев.

Грамота Монтигирда обнаруживает и некоторые общие черты с древнейшими новгородскими грамотами: в обозначении адресанта, как и в новгородских грамотах, настойчиво повторяется предлог «от», поставленный не только перед существительными, но и перед прилагательным. Аналогичное явление встречается в договорных грамотах Новгорода с князьями Михаилом Александровичем Тверским и Дмитрием Ивановичем Московским — будущим Донским [ГВНП. № 15–17. С. 29–32; *Янин*. 1991. С. 165–171 (1371–1376 гг.); ср.: ГВНП. № 42–45]. Трудно сказать, является ли мена «ц» и «ч» в прилагательном «полочького» новгородизмом или нет, так как подобное написание его имеется и в грамотах № 2, 44, 68. Сомнительно отнесение к новгородизмам и наречия «чисто» в статье о беспрепятственном проезде купцов («А на томъ миру ваши пусть к намъ ѥдуть чисто»), так как это же наречие присутствует и в подтверждении смоленского князя Александра Глебовича: «...а поуть имъ чистъ» (или в другом случае «чистѡ» — СГ. С. 67); ср. в новгородско-тверском договоре 1376 г.: «...тотъ товаръ... подавати... все чисто по челованию» (ГВНП. № 18. С. 34; *Янин*. 1991. С. 165–171).

Сопоставление грамоты Монтигирда с подтвердительными смоленскими и договорными новгородско-тверскими и новгородско-московскими показывает, что грамота Монтигирда составлена в соответствии с древнейшими традициями Северо-Западной, а возможно, и Северо-Восточной Руси. Очевидно, появление в Полоцке наместников-литовцев не привело к смене канцелярского персонала. Возможно также, что вместе с князем Семёном Лугвенем в Полоцк могли приехать новгородцы, способствовавшие сохранению общерусских традиций делопроизводства. В дальнейшем третья статья подтверждения Монтигирда была повторена полоцко-рижским договором 1407 г.: «А вамъ блюсти полочанина какъ бы своѥго немъчина» (№ 32); «А полочаном блюсти рижанина оу Полоцку, какъ себе» (№ 55.I). Одновременно подтверждение Монтигирда обнаруживает следы воздействия иной традиции, восходящей, вероятно, к ливонской. Глагол «хочем» как выражение намерений верховной власти знаком только Смоленску (см. грамоту Александра Глебовича) и Ливонии (№ 9), при этом в ливонско-полоцкой договорной грамоте положение о «воле» вынесено в начальный протокол (особенно выразителен немецкий текст, см. № 9). Статья смоленского подтверждения: «а язъ тоѣ же любви хочу с вами» (СГ. С. 67), хотя и более ранняя, носит вторичный характер. Она включена в диспозицию и касается лишь части подтверждения, как и в грамоте Монтигирда. В ранних договорах Смоленска с Ригой в Готским берегом «волю» или «хоте-

ние» изъявляли только купцы, а не представители власти. Ни в одной статье подтверждения Монтигирда нет следов воздействия литовской или польской канцелярской традиции. Именно в этом документе впервые появляется термин «мужи».

Вероятно, подтвердительная Монтигирда предшествовала переговорам его с рижскими купцами в Полоцке.

Монтигирд — знатный литовский боярин, владения которого находились близ Солечников. Умер до 1410 г. (*Petrauskas.* 2003. P. 259–260). Отец Петра Монтигирдовича — полоцкого наместника в 1459 г. (см. о нём комментарий к № 141).

Семён Лугвень — сын Ольгерда от его второй жены Ульяны Александровны Тверской. Участвовал в заключении Трокского перемирия 1379 г. (в это время княжил в Полоцке) и Дубисского договора 1382 г. с Тевтонским орденом, Кревского соглашения с Польшей 1385 г. В 1389–1392 гг. находился «на кормлении» на новгородских пригородах, после чего вернулся в ВКЛ и получил в удел Мстиславское княжество. Участвовал в войнах Гедиминовичей со смоленскими князьями и их союзниками в 1386, 1402 и 1404 гг., вновь был «на пригородах» в и 1407–1412 гг., участвовал в войне ВКЛ и Польши с Тевтонским орденом 1409–1411 гг., в заключении союзного договора с ним в 1431 г. В том же году умер (*Tęgowski.* 1999. S. 118–121; *Янин.* 1991. С. 172; *Янин.* 1998. С. 92–95; *Rimša* 2002a. P. 91–92; *Варонін.* 2010. С. 9–11). Отец Юрия Лугвеневича (см. о нём комментарий к № 100).

Из послания Витовта от 23 января 1397 г. (№ 36) выясняется, что полоцко-рижский торговый договор был заключен князем Семёном сроком на пять лет. При этом Витовт называет Лугвеня своим «слугой», значит, он заключил этот договор не в конце 70-х гг., когда княжил в Полоцке, а уже будучи полоцким наместником Витовта, в 90-е гг. XIV в., точнее, не ранее 28 апреля 1393 г. (см. комментарий к № 19). Стало быть, его подтверждение Монтигирдом последовало еще до истечения срока действия мира князя Семёна, что обычно для дипломатической практики Руси.

А. Л. Х., С. В. П.

33

Фальсификат

1396 г. Полоцк. — Вкладная грамота кн. пол. Ярослава Изяславича Борисоглебскому м-рю на берег на р. Бельчице для строительства мельницы

Грамота Ярослава Изяславича, широко известная в литературе, имела примечательную судьбу. Она хранилась в полоцком Борисоглебском монастыре. По просьбе Е. Ф. Канкрина, генерал-интенданта 1-й армии, действовавшего по поручению Н. П. Румянцева, смотритель полоцкого провиантского магазина Репин в конце 1818 г. снял с нее копию, которая вскоре после этого была доставлена Н. П. Румянцеву (копия рапорта Репина Е. Ф. Канкрину от 13 декабря 1818 г.: РГБ. Ф. 255. Ед. хр. 8. № 2. Л. 28–28 об.; письмо Е. Ф. Канкрина Н. П. Румянцеву от 31 декабря 1818 г.: Там же. Л. 5–6 об.). В 1816 г. второй список грамоты принадлежал К. Ф. Калайдовичу, который получил ее то ли от иезуита Мореловского, то ли от проф. Залесского, то ли от борисоглебского архимандрита Исайи Шулякевича. 31 декабря 1816 г. К. Ф. Калайдович писал: «Господин профессор Залесской сообщил мне на сих днях довольно старинную пергаменную грамоту с привесью восковой вовсе неизвестной печати. Сию грамоту доставил нам униатского Борисоглебского монастыря архимандрит, который монастырь находится вблизи Полоцка». Приблизительно те же сведения сообщил он на списке, изготовленном им для И. И. Григоровича (БГАМЛИ. Ф. 796. Оп. 1. Д. 8752. Л. 30. См. подробнее: *Улащик.* 1973. С. 27). Благодаря этим копиям грамота стала известна широкому кру-

гу ученых уже в начале XIX в. «Подлинник» же грамоты остался в Борисоглебском монастыре: в 60-е годы XIX в. ее не только напечатал некритичный К. А. Говорский, — причем по подлиннику, судя по расхождениям со списками Румянцевского собрания (Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862. Сентябрь. Год 1. Т. 1. С. 122–123), но и видел А. В. Рачинский, неутомимый искатель «русских древностей Северо-Западного края», нашедший грамоту «похожей на подделку» (РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 1034. Л. 17; за указание на этот источник составители благодарят А. С. Кибиня). В дальнейшем грамота пропала из поля зрения ученых, и в настоящее время местонахождение ее «подлинника» неизвестно.

Мнения историков по поводу этой грамоты не разделились: и Евг. Болховитинов, и А. Х. Востоков, и П. И. Кеппен, и, наконец, И. И. Григорович усомнились в ее подлинности (Переписка митрополита киевского Евгения. Вып. 3. С. 7; *Востоков.* 1842. С. 116–117; Кеппен 1822. С. 72). И. И. Григорович исключил эту грамоту как «явно подложную» из 2-го тома подготавливавшегося им «Белорусского архива древних грамот» (БГАМЛИ. Ф. 796. Оп. 1. Д. 8763. Л. 127. См. подробнее: *Улащик.* 1973. С. 27–28). Основанием для этого была датировка грамоты (не совпадали даты по индикту и от Сотворения мира: 11-му индикту соответствовал 6911 год, а 6904-му году — 4-й индикт) и упоминание никому не известного в истории Полоцка князя: попытки отождествить его с кем-либо из правивших в Полоцке князей не увенчались успехом.

К соображениям, выдвинутым в начале XIX в., можно добавить еще некоторые. Весь формуляр грамоты являет резкий контраст с современными как полоцкими, так и новгородскими, смоленскими и грамотами Северо-Восточной Руси. Некоторые выражения грамоты намекают, пожалуй, даже на время, когда она была написана. Инвокация в форме «Во имя Божое стансе» получила распространение в документах, происходивших с территории Великого княжества Литовского, в начале XVI в. Это два жалованных листа Сигизмунда Старого гетману князю Константину Острожскому [АЗР. Т. 2. № 29. С. 30 (27 ноября 1507 г.); № 115. С. 143 (17 августа 1522 г.)], подтвердительные мещанам г. Высокого и Берестья на магдебургское право [Там же. № 59. С. 71 (26 июня 1510 г.); № 73. С. 93 (20 сентября 1511 г.)]. Казалось бы, этому утверждению противоречат два факта: употребление этой формулы инвокации в жалованной Витовта литовским евреям 1388 г. и ленной грамоте молдавского воеводы Романа королю Владиславу Ягайлу 1393 г. (*Пещак.* № 45, 62. С. 85–87, 120–121). Что касается первой из них, то, как бы ни оценивать ее аутентичность, она сохранилась лишь в позднейших списках, и какие-то элементы формуляра могли быть «исправлены» при переписывании, как, например, титул великого князя, употребление которого было невозможно в 1388 г. (*Грушевський.* 1907. Т. 4. С. 172. Прим. 1; *Halecki.* 1935. S. 5. Przyp. 12; *Kosman.* 1971. S. 152; *Лазутка, Гудавичюс.* 1993). Как установили С. Лазутка и Э. Гудавичюс, грамота Витовта евреям была написана на латыни и лишь впоследствии переведена на «руский» язык. В древнейшем (около 1470 г.) и наиболее исправном латинском списке в Коронной метрике Витовт титулуется «Божьей милостью князь Литвы и наследник городенский, берестейский, дорогичинский, луцкий, владимирский и других земель», а открывается она обычной для латинских документов инвокацией «In nomine Domini amen» (*Лазутка*, *Гудавичюс.* 1993. С. 16–22, 32–36, 56). На «руский» же язык эта грамота была переведена не позже 1507 г., когда ее подтвердил Сигизмунд Старый. Вторая передает традиции как молдавской, так и польской дипломатической практики. На территории Великого княжества Литовского инвокация типа «Во имя Божое, стансе» получила распространение значительно позднее XIV в.

Некоторые особенности формуляра грамоты Ярослава имеют общность с формуляром древнейших русских грамот и потому могут ввести в заблуждение. Так, интитуляция грамоты, принадлежащая по классификации С. М. Каштанова к типу II группы А (подтип I, вид I), была свойственна и смоленским, и новгородским, и литовским грамотам XIV в. (*Каштанов.* 1976.

С. 73–75). Есть сходство с литовскими грамотами и в конечном протоколе. В нём очень подробно обозначено место выдачи жалованной: «во граде нашо*м* Поло*ц*кꙋ». В грамотах Витовта, современника мифического Ярослава (и 1396, и 1403 гг. приходятся на время, когда Полоцк был подчинен верховной власти литовского князя Витовта), подобный способ обозначения места выдачи документа считается признаком литовской канцелярии (*Kosman.* 1971. S. 164).

Наряду с теми элементами формуляра, которые имеют нечто общее с «современными» грамоте Ярослава документами XIV в., в ней присутствуют детали, резко отличные от формул XIV в. Имеет ярко выраженные особенности санкция (запрещение нарушать жалованную). Обычной для фидеистичных санкций XIV в. была формула: в случае нарушения «рассудится со мною пред Богом». В жалованной Ярослава не встречающееся в грамотах XIV в. выражение: «бꙋде*т* часть его со Арие*м* и со Юдою», указывающее на ситуацию, полную конфессиональных споров (ср. санкцию во вкладной записи Аврама Езофовича Ребичковича 10 апреля 1518 г. в Евангелии виленского Никольского монастыря: *Транстрем.* 1953. С. 37). В дате также имеются отличия от датировок XIV в.: дополнительно указано: «о*т* созда*н*ного мира». Двойное обозначение времени, от сотворения мира и по индиктам, характерно для великокняжеских актов, начиная с первого десятилетия XVI в. До этого русские грамоты датировались от Сотворения мира, «руские» грамоты литовской великокняжеской канцелярии — от Рождества Христова (*Kosman.* 1971. S. 164).

Многочисленные полонизмы грамоты («кꙋ потребе, выживеню и пожыткꙋ и*х*», «на... сожыждение», оборот «берег вол(ь)ны*и*» в значении «свободный», «пустой») характерны для начала XVI в.

Возможно, «грамота Ярослава Изяславича» принадлежит к серии подделок первого десятилетия XVI в., когда в Полоцке производился пересмотр прав на владение церковными землями, совпавший с аналогичным процессом проверки прав на землю в Польском королевстве (*Sułkowska-Kurasiowa.* 1967. S. 289–298). В условиях быстрой внутренней колонизации земель, перехода к фольварочному хозяйству, с одной стороны, активного насаждения католичества со стороны государственной власти, с другой, вопрос о владениях православной церкви, не пользовавшейся поддержкой государственной власти, стоял очень остро (ср.: *Wójcik.* 1959. S. 114–122; *Wójcik.* 1967. S. 88–105). Факт широкого использования подделок в Великом княжестве Литовском уже отмечался в историографии (*Введенський.* 1939. С. 77–113; см. также: *Bardach.* 1970. S. 363–370).

На начало XVI в. указывает и самый объект пожалования. Строительство водяных мельниц в Полоцке в более раннее время неизвестно. В Польше использование вод для строительства мельниц началось несколько раньше (*Podwińska.* 1970. S. 377).

Другим, хотя и менее вероятным временем составления грамоты мог быть конец XVIII в., когда архимандритом Полоцкого Борисоглебского монастыря (тогда уже базилианского) стал предприимчивый Исайя Шулякевич, организовавший восстановительные работы в соборе Бориса и Глеба. Викарий и казначей монастыря Варлаам Пешка составил «Известие о Полоцкой Борисоглебской архимандрии», где, ссылаясь на грамоту «Ярослава Изяславича», утверждал, что монастырь «почти со времени основания своего возведен был на степень архимандрии» (*Сапунов.* 1898. № 5. С. 86), что позволило его настоятелю занять подобающее место в системе российских церковных иерархов. В «Известии», записанном до 25 июня 1794 г., ссылка Варлаама Пешки на грамоту столь «древнюю» была тем более уместной, что право владения Борисоглебского монастыря Бельчицкой мельницей («млыном») уже с начала XVII в. не вызывало никакого сомнения [ИЮМ. Вып. 29. Витебск, 1901. № 31. С. 127–130 (1623 г.)]. Итак, к 1799 г. «грамота Ярослава Изяславича» несомненно существовала. Обязана ли она своим происхождением началу XVI в. или концу XVIII в., трудно сказать с уверенностью.

А. Л. Х.

Возможно, на время создания данного фальсификата проливает свет полоцкая ревизия 1552 г. Раз грамота Ярослава Изяславича в ней не фигурирует, значит, к этому времени она еще не существовала (ПР 1552 г. С. 165–180).

А. В. К.

О том, что некая грамота Ярослава Изяславича существовала, неоспоримо свидетельствуют ее списки, в которых совпадает расположение выносных букв и ошибки («сожыждение», «однюута»). Но в качестве времени возникновения грамоты, с которой были сняты эти списки, следует предпочесть XVIII в. Во-первых, этому времени наиболее соответствует почерк, которым была переписана грамота, судя по ее прориси (хотя фальсификатор и стремился передать расположение выносных букв). Во-вторых, способ прикрепления печати абсолютно не соответствует практике предшествующих эпох — ни конца XIV в., ни начала XVI в. Так мог прикрепить печать лишь человек, никогда не видевший подлинных грамот этого времени с печатями. В начале XVI в. печать прикреплялась к загибу внизу документа, на который его текст никогда не заходил, во всяком случае не переходил через линию загиба. Для пропуска шнуров сквозь пергамен использовались прорези круглой или ромбовидной формы, но не горизонтальные, которые легче сделать.

С. В. П.

34

Упоминание

[1396 г. — 1397 г. января 10. Полоцк]. —
Послание пол. нам. [Монтигирда] и полочан
комтуру Дюнабурга с сообщением о расторжении
договора о торговле между г. Полоцком и г. Ригой

35

Упоминание

[1396 г. — 1397 г. января 10. Полоцк]. —
Послание пол. нам. Монтигирда совету г. Риги
и лив. магистру [Веннемару фон Брюггенею] с жалобами
на нарушение комтуром Дюнабурга договора
о торговле между г. Полоцком и г. Ригой

Несохранившееся послание № 34 было составлено, как и № 32, от имени полоцкого наместника и полочан. Как отмечено в № 34, комтур Дюнабурга получил его 10 января 1397 г., что и определяет дату его написания, — скорее всего, самый конец 1396 г. Конфликт начался летом 1396 г., когда комтур Дюнабурга конфисковал у полочан, возвращавшихся домой, купленных в Ливонии коней; в ответ они конфисковали в Полоцке 1,5 лашта соли, принадлежавшей комтуру. Несмотря на его четырехкратное посольство «к наместнику и всем полочанам», они отказались передать дело на рассмотрение ливонского магистра, и осенью комтур в качестве ответной меры не пропустил в Полоцк струги, нагруженные солью. Это и послужило основанием утверждать, что комтур своими действиями привел к расторжению торгового договора (HUB. Bd. 5. № 250. S. 133).

Срок выезда рижских купцов из Полоцка, указанный в нём, — 4 недели, — соответствует обычной норме расторжения договоров, принятой на Руси.

С. В. П.

36

[1397 г.] января 23. В четырех милях от Вильни, на охоте. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги о неправомочности кн. [Семёна] Лугвеня и пол. нам. Монтигирда заключать договор с г. Ригой от имени Литвы

Послание написано писцом, руке которого принадлежат еще несколько посланий Витовта Рижскому городскому совету последних лет XIV в. («вторая рука» по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 318–321, 493, № 6). Точную датировку 1397 г. предложил Ф. Г. фон Бунге на том основании, что только в этом году возможно было обозначение дня как «вторника после праздника св. Винцентия». В 1396 г. день этого святого (считая от следующего дня после его памяти) приходился на вторник, обозначение же даты восьмым днем после памяти какого-либо святого необычно. В 1398 г. день св. Винцентия совпадал с праздником обращения св. Павла, и день должен был бы отсчитываться от этого праздника (LECUB. Bd. 6. S. 82–83).

О Монтигирде и князе Семёне Лугвене см. комментарии к № 32.

Судя по посланиям Витовта № 36 и 37, предлогом к разрыву торгового договора Полоцка с Ригой послужило участие литовцев в каком-то очередном полоцко-рижском торговом конфликте. Рижане при этом пытались апеллировать к договору, заключенному Монтигирдом по «старому миру» Лугвеня и его предшественников, Витовт же указывал, что эти договоры касались только полочан, но не литовцев. Возникновение конфликта описано в послании комтура Дюнабурга властям Риги: летом 1396 г. он конфисковал у полочан коней, купленных в Ливонии, в ответ на что в Полоцке была задержана его соль (при этом полочане отказались отправлять посольство к ливонскому магистру, чтобы добиться выдачи коней), и той же осенью комтур конфисковал соль, принадлежавшую полочанам, что и послужило поводом для расторжения торгового договора (HUB. Bd. 5. № 250. S. 133).

А. Л. Х., С. В. П.

37

[1397 г.] января 30. Вильня. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги о неправомочности пол. нам. Монтигирда заключать торговый договор с г. Ригой и возвращении конфискованных товаров рижан

Ф. Г. фон Бунге датировал это послание Витовта 1397 г. (за ним последовал К. Кунце), а в 1-м издании ПГ была принята датировка 29 января 1398 г., поскольку в тексте упоминается оживленная переписка по поводу возвращения захваченных рижских товаров и «трудно думать, будто великий князь переменил свои намерения в течение нескольких дней» (ПГ. Вып. 3. С. 178). Однако если принять эту датировку и допустить, что рижане и Витовт ровно через год вернулись к застарелому торговому конфликту, то непонятно, как объяснить чрезвычайную текстуальную близость № 36 и 37. Поскольку недели явно было недостаточно, чтобы в Риге получили послание Витовта № 36, составили ответное послание и доставили его Витовту, очевидно, рижские власти направили Витовту еще одно послание, не дожидаясь его ответа на первое свое письмо.

Послание написано писцом, руке которого принадлежат еще несколько посланий Витовта Рижскому городскому совету последних лет XIV в. («вторая рука» по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 318–321, 493, № 7).

О полоцко-рижском торговом конфликте 1396–1397 гг. см. комментарий к № 36.

С. В. П.

38

[1399 г. января 27]. Ольшаны. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с сообщением о его предстоящем приезде в г. Полоцк и готовности разрешить там конфликт между полочанами и рижанами

Послание написано в 1399 г.: в январе этого года к Витовту ездил Герман Бадинг, а 6 марта фиксируется пребывание Витовта в Полоцке (№ 39; см. также: HUB. Bd. 5. № 354, 358, 363–365). Праздник Обращения апостола Павла (25 января) приходился в 1399 г. на субботу. Послание написано писцом, руке которого принадлежат еще несколько посланий Витовта Рижскому городскому совету последних лет XIV в. («вторая рука» по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 318–321, 494, № 10).

Герман Бадинг — рижский бюргер, упоминается в 1394–1418 гг. (Erbebücher. 1888. S. 20, 22, 31, 54, 62, 65, 68; *Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 107).

Великий пост в 1399 начинался 12 февраля, таким образом, Витовт планировал прибыть в Полоцк 4 марта (ср. № 39).

Гольшаны (Ольшаны) — центр владений кн. Гольшанских, ныне агрогородок Гольшаны в Ошмянском р-не Гродненской обл. Беларуси.

С. В. П.

39

1399 г. марта 6. Полоцк. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта бургомистру г. Риги Т. Ниенбрюгге и риж. купцам на право свободной торговли рижан в г. Полоцке

Несмотря на то, что жалованная Витовта имеет точную дату, издатели «Собрания государственных грамот и договоров» относили ее к 1400 г. Впоследствии же утвердилась правильная дата 1399 г., принятая П. Кеппеном, К. Э. Напьерским, И. И. Срезневским (*Срезневский*. 1882. С. 288), А. Прохаской. В обоснование 1399 г. как года выдачи грамоты К. Э. Напьерский привел важные хронологические выкладки: четверг четвертой недели поста в 1399 г. приходился как раз на 6 марта, указанное в грамоте (Пасха в 1399 г. была 30 марта).

Урегулирование полоцко-рижских отношений в 1399 г. оказалось результатом активного вмешательства великого князя Витовта в их ход, о чём свидетельствует форма грамоты. Документ от 6 марта 1399 г. — это не полоцко-рижский договор, но жалованная великого князя Витовта рижскому купечеству, представленному на переговорах в Полоцке рижским бургомистром Тидеманном Ниенбрюгге, членом городского совета Риги в 1389–1400 гг. (см. о нём ниже), Люббертом Виттенборгом, еще одним членом городского совета (см. о нём: *Bothführ*. 1877. S. 85. № 238), и Германом Бадингом (см. комментарий к № 38). На переговорах с Витовтом в Литве, а затем и с полочанами в Полоцке, они добивались разрешения ездить по торговым делам далее Полоцка, выдачи задержанных товаров и того, чтобы их оставили «при старых правах» (HUB. Bd. 5. № 363–365. S. 183–186).

Условия дальнейшей торговли в грамоте изложены совершенно иначе, чем в подтвердительной Монтигирда, исходившего из практики международных отношений русских земель XIV в. (№ 32). Первым пунктом грамота Витовта предусматривает двустороннее целование креста на том, «што [полочанам или рижанам. — *Сост.*] чини*т*(и)... все оу правду и оу вѣсѣ*х*, и оу торговли, и во всемъ торгово*м* дѣлѣ». Столь общей и неопределенной формулировки не было ни в одной предшествующей грамоте, не только полоцкой, но и новгородской, смоленской и т. д.

Два других пункта жалованной Витовта, по-видимому, не представляют собой плодов творчества его канцелярии, но восходят к более древним нормам межгосударственных договоров. Второй пункт: «А рубежа не чи[ни]ти промежи себе на ѡбѣ сторонѣ ни нѣмце*м*, а ни полочано*м*» — содержит норму об отказе от задержки купцов противоположной стороны и аресте или конфискации их товаров. Само слово «рубеж» в этом значении созвучно «рубежу» в значении «границы», что нередко вводило исследователей в заблуждение. «Рубеж» подразделялся на прямой (конфискация имущества должника в счет его долга) и косвенный (конфискация у третьих лиц за долги недоступного должника). Подобные акции постоянно происходили в новгородско-ганзейских отношениях, несмотря на запрет «рубежа», повторявшийся из договора в договор (*Рыбина*. 2008). В жалованной грамоте Витовта данный пункт соответствует статьям: «Рубежа не творити» договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1191–1192 гг. и «А рубежа не деяти» смоленско-рижского договора 1229 г. (рижской редакции) (ГВНП. № 28. С. 56; датировка: *Янин*. 1991. С. 81; СГ. С. 38, 43, 49; то же в подтвердительной Фёдора Ростиславича от 18 мая 1284 г.: Там же. С. 66). В других договорных грамотах статья о «рубеже» была сформулирована иначе. Предусматривалось, что «гость» может «ходить» или «гостить» «без рубежа» [договоры Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем: ГВНП. № 6–7. С. 16–17 (1305–1307 гг.); № 12. С. 24 (1317 г.); датировка: *Янин*. 1991. С. 152–161]. Предоставлялся «путь чист без рубежа». Кара ждала того, «кто учинит рубеж или вывод» (см. московско-рязанские договоры 1381 и 1402 гг., московско-тверской договор 1399 г.: ДДГ. № 10, 20, 15. С. 30, 55, 42; *Кучкин*. 2003. С. 345, 347). Стороны обещали: «А за рубеж... суда не водити, не судити» (договор Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем 1307 г.: ГВНП. № 10. С. 22; *Янин*. 1991. С.155), «рубежа межи себе не замышлати» (московско-тверской договор 1375 г.: ДДГ. № 9. С. 27, 28; *Кучкин*. 2003. С. 342). Развернутую формулировку о не названном в договоре «рубеже» содержит грамота Герденя 1263 г.: «А где буде*т*(ь) кто кому винова*т*, в томь городе правити, где тотъ ч(е)л(о)в(е)къ живеть» (№ 1).

Изменчивость статьи о «рубеже», выражавшей по существу одно и то же общее положение о правилах средневековой торговли и суда, но формулировавшейся в зависимости от местной традиции, позволяет наметить три группы статей на эту тему: 1) смоленско-новгородско-полоцкие с немецкими городами и Готским берегом, 2) новгородско-тверские, 3) московско-рязанские и московско-тверские. Категорическое запрещение «творити», «деяти» или «чинити» «рубеж» было, возможно, продиктовано партнерами Новгорода, Смоленска и Полоцка. Таким образом, краткий обзор статей древнейших межгосударственных договоров показывает, что второй пункт жалованной Витовта восходит к наиболее древним грамотам, регулировавшим отношения русских и немецких городов, а также Готского берега. В грамотах Северо-Восточной Руси статья о «рубеже» была сформулирована иначе, чем в русско-немецких договорах.

Наконец, третья статья жалованной Витовта также восходит к давней традиции смоленско-немецких отношений. В договоре 1229 г. (рижской редакции) имеется статья: «ити истъцю к ыстьцю» (СГ. С. 33, 43, 49). В той же формулировке, что и в жалованной Витовта, эта статья включена в Нибуров мир 1392 г.: «...знати исцю исца» (ГВНП. № 46. С. 82) и почти в той же — в серию новгородско-тверских докончаний 1317–1318 гг.: «знати ему своего истьця» (ГВНП. № 12, 13. С. 24, 25). Междукняжеские докончания Северо-Восточной Руси этой статьи не знают. В докончаниях рязанских, пронских, новосильских и одоевских князей с великими князьями литовскими 1427, 1442, 1459 гг. эта статья звучит так: «а виноваты истець заплатить» (ДДГ. № 25, 26, 39, 60. С. 68, 69, 118, 193) и по смыслу отличается от рассматриваемой третьей статьи жалованной Витовта. Можно предполагать, что и эта статья была включена в жалованную по инициативе рижской стороны, апеллировавшей к древнейшим документам, регулировавшим отношения рижан с русскими городами.

Жалованная Витовта лишена санкции. В конечном протоколе очень подробная дата: год (вопреки русскому обычаю — от Рождества Христова, что свойственно многим «руским» грамотам Витовта: *Kosman.* 1971. S. 164), месяц и день (и дополнительно день по церковному календарю). В грамоте имеется пометка «сам», что свидетельствует о составлении грамоты по личному распоряжению Витовта.

Отлична от русских грамот и интитуляция: вместо «се аз» употреблено местоимение «мы». Типичен для «руских» грамот Витовта его титул: «великий князь» (*Kosman.* 1971. S. 164), более скромный, нежели в его же немецких и латинских (в последних имеется ссылка на «Божью милость» и объектная часть — указание географических пределов власти князя: «литовский, руский и проч.»).

В целом анализ этой грамоты убеждает в справедливости мнения М. Космана о большом влиянии русской дипломатики на «руские» грамоты Витовта (*Kosman.* 1971. S. 140) (в данной грамоте это заметно на двух статьях, имеющих несомненное сходство с аналогичными в древнейших докончаниях русских городов с их западными и северо-западными контрагентами). Однако и по ней можно судить о складывании иной традиции — литовской, выразившейся в интитуляции, корроборации, особенностях конечного протокола.

Вторая же и третья статьи диспозитивной части грамоты были включены в нее по инициативе рижской стороны, исходившей из норм рижской редакции смоленско-рижского договора 1229 г. Этому не противоречит тот факт, что жалованная Витовта была написана, по мнению А. И. Соболевского, полочанином. Судя по указанным им примерам («у» вместо «в» — «у правду»; «чс» и «шс» вместо «ч» и «щ» — «чсто», «шсто»; «ц» вместо «ч» — «полоцаном», «о» вместо «е» – «цоловати») (*Соболевский.* 1886. С. 11), эти наблюдения относятся не к оригиналу жалованной, а к ее копии. Мнение А. И. Соболевского относительно копии разделяет и Х. Станг: по его наблюдениям писец списка Б жалованной Витовта и писец списка договора 1338 г. — это одно и то же лицо (*Stang.* 1939. S. 15). По-видимому, копия договора 1338 г. была изготовлена для переговоров с полочанами и Витовтом в конце XIV в. Грамота № 39 написана тем же почерком, что и жалованная грамота Витовта виленским каноникам на Березынскую землю (KDKW. № 36. S. 64–66; подлинник: MAB RS. F 6–6). Близким, но не идентичным почерком написан приговор суда Витовта по делу между виленским «бискупом» и Вигайлом (KDKW. № 93. S. 121–122; подлинник: BPAU. Rkps 2017. K. 20). Этот почерк близок почерку ряда грамот канцелярии Владислава Ягайла, но также не идентичен ему (*Stang*. 1935. S. 12–13). Хр. Станг допускал, что писец грамоты № 39 происходил с украинских земель (*Stang*. 1935. S. 21), тогда как Я. Станкевич был склонен отыскивать параллели ее языку в говорах Центральной Беларуси (*Stankiewicz*. 1936. S. 396).

Грамота Витовта 1399 г. создавала базу для дальнейших полоцко-рижских переговоров, состоявшихся только в 1405–1407 гг. (см. № 48–55).

Тидеманн Ниенбрюгге — член городского совета Риги в 1389–1400 гг., упоминается как ландфогт в 1389–1392 гг., бургомистр в 1392 и 1399 гг. Участвовал в заключении «Нибурова мира» ганзейских городов с Новгородом в 1392 г. (*Böthführ*. 1877. S. 84. № 234; ГВНП. № 46. С. 80–83; *Кузнецов, Иванов*. 2011).

А. Л. Х., С. В. П.

40

[1399 г. марта 7 — 1407 г. марта 25. Полоцк]. —
Послание пол. нам. и полочан совету г. Риги с жалобой
на неверные весы и сообщением о взятии воска у полочан

Послание датируется по содержанию и упоминанию рижанина Ивана Колина — Иоганна Кёльне, который привез весы в Полоцк. Он умер до 25 марта 1407 г. (см. о нём ниже). Приве-

зенные им весы упоминаются в одном недатированном послании, написанном в конце года (возможно, 1398 г.: HUB. Bd. 5. № 358), а 31 января 1399 г. рижские послы уже писали в Ригу, что привезенные им весы отвергнуты полочанами (HUB. Bd. 5. № 364). Стало быть, послание было написано до весны 1407 г., но после 1399 г. Ссылка полочан на «хрѣстъное цолованье» не дает дополнительных данных для датировки послания, поскольку такие акции происходили достаточно часто и по разным поводам (№ 30, 31, 39, 42).

Грамота имеет весьма своеобразную салютацию: «здороваєть намѣсник полоцькии і вси полочане посадниковъ ризьских и всѣхъ ратъманъ». В ней обращают на себя внимание две особенности: термин «здороваеть» и обозначение рижских властей как «посадников». Первый термин не встречается нигде, кроме этой грамоты. В более ранних посланиях светских властей или епископа, если он осуществлял и светскую власть, салютация выражалась термином «поклон» или опускалась, а имена отправителей грамоты вводились предлогом «от» с родительным падежом (№ 3, 15, 32). Термин «здороваеть» больше подчеркивает равное положение адресата и адресанта и более соответствует салютации рижских властей. Второй термин интересен как возможная реминисценция полоцкой терминологии времени независимости от Литовского государства. В сознании полоцкого наместника слово «посадники» еще не стало анахронизмом и архаизмом, за ним еще скрывалось реальное представление о высших городских магистратах. Именование бургомистров немецких городов «посадниками» характерно для грамот Великого Новгорода, где, впрочем, институт посадничества сохранялся вплоть до падения независимости в 1478 г.

Перечисление нескольких наместников можно объяснить двумя способами. Во-первых, собственно наместником — представителем великого князя мог быть один из них (Домонт, названный первым?), а остальные — его «наместниками» в значении «заместителей», широко распространенном в ВКЛ (например, в Смоленске во второй половине XV в.: LM. Kn. 5. № 17. P. 45–46; подробнее см.: *Petrauskas.* 2002. P. 14). Во избежание путаницы великокняжеский наместник иногда уже в XV в. титуловался воеводой, что в начале XVI в. получило повсеместное распространение. Во-вторых, все перечисленные «наместники полоцкие» могли стоять на одном и том же уровне иерархии должностей. Известны случаи одновременного занятия одной и той же наместничьей должности несколькими лицами: так, захватив Смоленск в 1395 г., Витовт назначил туда наместниками кн. Ямонта Тулунтовича и Василия Борейкова (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 379; Т. 6. Вып. 1. Стб. 512), а в Козельске после его взятия в 1406 г. «посадиша посадникы своа» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 472). В Ковно в нач. XV в. наместниками одновременно были Ян Сунгайло и Гинтовт, в нач. 30-х гг. XV в. — вероятно, Судивой и Шедибор Волимонтовичи (*Petrauskas.* 2002. P. 13). В 1386 г. кн. Фёдор Острожский, став луцким наместником Ягайла, принес ему присягу совместно с братом Михаилом (AS. T. 1. № 7. P. 7–8). В начале сентября 1432 г., заняв великокняжеский престол, Сигизмунд Кейстутович назначил виленским воеводой трокского воеводу Явна, но сохранил за ним его прежнюю должность, а его «соправителем» сделал князя Олелька Владимировича (GStAPK, OBA 6210; *Petrauskas.* 2003. P. 180, nuor. 136).

Иван Колин — Иоганн фон Кёльне, рижский бюргер, упоминается как член городского совета Риги в 1386–1391 гг. Вёл торговлю солью в Полоцке. Умер до 25 марта 1407 (*Böthführ.* 1877. S. 83. № 226; LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 110; HUB. Bd. 5. № 746. S. 391. Anm. 1).

О положении учеников в Полоцке данных крайне мало, в отличие от Новгорода, где о них много говорится в скре Немецкого двора (*Schlüter.* 1916; *Rohdewald.* 2005. S. 129).

Ондрон Сорочкович — полочанин (в других источниках не упоминается), очевидно, родственник Фёдора Сорочькова из послания «княгини Андреевой» (№ 15).

Домонт, или Довмонт, полоцкий наместник, судя по имени — литовский боярин, также упоминаемый в недатированном послании немецких купцов из Полоцка в Ригу (LVVA.

F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 79). По-видимому, от его имени происходит прозвание Степанка Домонтовского (см. № 378).

Василий Дмитриевич Корсак — полоцкий боярин, сын Дмитрия и внук Фёдора (№ 11). Впервые упоминается, возможно, еще в 90-е гг. XIV в. Полоцкий наместник, по-видимому, в начале XV в. и 20-е годы того же столетия (№ 67). В 1432 г. был одним из гарантов договора ВКЛ с Тевтонским орденом (РЛА. № 231b. С. 191; GStAPK, OBA 6087, 6088). В период династической войны 30-х гг. XV в., как и другие полочане, поддерживал Свидригайла. Подписал послание его сторонников Базельскому собору от 22 марта 1433 г. (ВР. Т. 5. № 1361. Р. 251), в 1435 г. поддерживал контакты с руководством ливонского отделения Ордена и властями Риги (№ 70, 71, 72; *Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 191). В это время, как и в середине 40-х гг. (№ 107), занимал высокое неформальное положение в общественной иерархии Полоцкой земли — вероятно, был ее «старшим боярином» (см. также № 135). Был получателем пожалований Казимира Ягеллона (№ 78). Отец Остафия и Зеновия Корсаков (*Варонін*. 1998. С. 39–42). В. Д. Корсака не следует путать с паном Василием Андреевичем Полоцким, который несколько раз фигурирует в грамотах Свидригайла 1445–1451 гг. (см. о нём комментарий к № 135).

«Вильневьци» — жители Феллина (см. комментарий к № 2).

Различие полоцких и рижских мер веса было отмечено в проектах торгового договора и зафиксировано в окончательной версии договора (№ 48–52, 54, 55).

Учан — вид речного судна. Это слово тюркского происхождения, известное еще в домонгольское время, встречается в полоцких грамотах единственный раз (*Срезневский*. Т. 3. Стб. 1332–1333; *Фасмер*. Т. 4. С. 179).

А. Л. Х., С. В. П.

41

[1400 г.] октября 23. Полоцк. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги с сообщением о намерении запретить поездки риж. купцов далее г. Полоцка в ответ на отказ продать вел. кн. ткани в кредит, об установлении в Полоцке присяжных весцов, с предложением сообщать вел. кн. о случаях продажи полочанами в Риге фальшивого товара

Дата послания Витовта устанавливается благодаря другому его посланию, датированному 4 февраля 1401 г., в котором речь идет о той же ситуации (№ 42). Эта датировка была принята также рижскими архивистами XIX–XX вв. и Р. Чапайте (*Čapaitė*. 2007. P. 494, № 13). Таким образом, датировка 1399 г., принятая в 1-м издании ПГ (по визиту Витовта в Полоцк весной этого года), оказывается неверной. Письмо написано «третьей рукой» великокняжеской канцелярии (по классификации Р. Чапайте), датированные документы которой относятся к 1400–1406 гг. (*Čapaitė*. 2007. P. 321–327, 494, № 13). Это один из документов, свидетельствующих, что писец сопровождал великого князя в его поездках; он также дополняет сведения об итинерарии Витовта, сообщая о посещении им Полоцка (ср.: *Purc*. 1971. S. 85).

Ситуация, сложившаяся в Полоцке в октябре 1400 г., описана также в послании полоцкой общины немецких купцов Рижскому городскому совету от 26 октября 1400 г. (РЛА. № 135. С. 105; LECUB. Bd. 6. № 2948. S. 316–317; HUB. Bd. 5. № 433. S. 221). Из него выясняется, что Витовт во время своего визита в Полоцк в ответ на отказ рижан продать ему ткани в кредит принял ряд мер: разрешил хождение в Полоцке исключительно литовского «серебра», конфисковал фальшивый воск у смольнян и полочан и пригрозил делать то же самое с рижским, а также запретил «гостям» (как из Риги, так и из городов ВКЛ) ездить по торговым де-

лам дальше Полоцка. Последнее требование неоднократно выдвигалось самими полочанами и до, и после инцидента 1400 г., поскольку закрепляло за ними функцию торговых посредников. Таким образом, Витовт умело использовал раздор с рижскими купцами для усиления своих позиций в Полоцке.

С. В. П.

42

1401 г. февраля 4. Мереч. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги с сообщением о возобновлении торговли между Полоцком и Ригой

Послание точно датировано. Оно написано писцом, руке которого принадлежат более десятка документов 1400–1406 гг. («третья рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 318–321, 495, № 16).

О конфликте Витовта с рижскими купцами, разгоревшемся в октябре 1400 г., см. комментарий к № 41.

Мереч — город в Литве, один из ее стратегических центров, ныне — местечко Мяркине (Merkinė) в Варенском районе Алитусского уезда Литвы.

С. В. П.

43

[1402 г. марта 1 или 1403 г. марта 28]. Дубич. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с требованием возместить торговые убытки полочан

В «Ливонских грамотах», «Кодексе писем Витовта» и 1-м издании ПГ послание датировано 28 марта 1397 г. (LECUB. Bd. 6. Reg. 1742b. S. 83; ПГ. Вып. 3. С. 177–178), в «Ганзейских грамотах» — 21 марта 1403 г. Однако в первом случае непонятно, почему ответ Витовта на враждебные действия дюнабургского комтура, имевшие место в конце года (см. № 34, 35), последовал лишь в конце марта. Кроме того, в 1397 г. полоцкий наместник и полочане заранее известили рижских купцов о разрыве торгового договора, чтобы те могли беспрепятственно покинуть Полоцк в назначенный срок (№ 34). Между тем из послания Витовта видно, что рижане пытались сослаться на полоцко-рижский договор, в нарушение которого задержаны их сограждане. Необходимо принять во внимание и палеографию письма великого князя литовского: согласно классификации Р. Чапайте, оно написано «третьей рукой» канцелярии Витовта, документы которой датированы 1400–1406 гг. (*Čapaitė*. 2007. P. 321–327, 495, № 17). Более того, этой рукой написаны почти все датированные документы Витовта с 1400 по середину 1404 г. (за исключением одного) (*Čapaitė*. 2007. P. 494–496, № 13–19, 21–22).

В послании упоминается нападение ливонского магистра на Полоцкую землю без объявления войны. Несомненно, имеется в виду война ВКЛ и Польши с Орденом 1401–1404 гг., во время которой ливонцы нападали на ВКЛ в 1402 и 1403 гг. И хотя прямое свидетельство о нападении немцев на Полоцкую «волость» в нарушение мирного договора («на хрестном целовании») относится к 1402 г. (ПЛ. Вып. 1. С. 27; Вып. 2. С. 110), а для 1403-го имеется лишь известие о разорительном февральском походе ливонского магистра «в Литву» без уточнения его направления (SRP. Bd. 3. S. 265), вторая дата послания выглядит более предпочтительной, поскольку в нём упоминается «надежда на мир»: в 1403 г. начались переговоры Витовта с Орденом о мире (*Błaszczyk*. 2007. S. 286–290). Всё это заставляет принять датировку послания 21 марта 1403 г. как наиболее вероятную.

Как бы то ни было, послание Витовта свидетельствует, что его ответом на нападение ливонцев было задержание рижских купцов в Полоцке: нормальные торговые отношения Полоцка с Ригой, таким образом, стали жертвой агрессивной политики ливонского магистра.

Дубич находится в Литовской земле к юго-западу от Вильни, пребывание там Витовта согласуется с известными данными о его итинерарии (*Purc.* 1971. S. 86; здесь на с. 85 данное послание отнесено к 1397 г.).

С. В. П.

44

[1402–1404 гг.]. — Послание пол. воев. Прижкинта, пол. бояр и «всех полочан» лив. магистру и совету г. Риги с сообщением об освобождении рижанина Еремея, с просьбой отпустить полочан Илью Лишняна, Павла Себезского и Якова Виховичского

Датировка послания вызывает затруднения. В 1-м издании ПГ оно было отнесено к 1439 г. (ПГ. Вып. 1. С. 139; Вып. 3. С. 212–213), и эта датировка утвердилась в историографии (*Petrauskas.* 2002. P. 24; *Petrauskas.* 2003. P. 320). Она подкреплялась ссылкой на исследование Хр. Станга, который отметил сходство почерка грамот № 44 и 68 с почерком полоцкого и рижского (второго) проектов договора 1405 г. (№ 49, 52), оригинала и копии полоцкого экземпляра полоцко-рижского договора 1407 г. (№ 55.I), а также поручительства полочан за пленных начала XV в. (№ 65). По его словам (в свою очередь, со ссылкой на эксперта Й. Булля), почерк послания Прижкинта представляет собой модификацию почерка, которым написаны полоцкие документы 1405 и 1407 гг., причем писец № 44 и 68 либо подражал почерку писца грамот начала XV в., либо был его учеником. Различия почерков он объяснял двумя способами: либо разницей материала (№ 44 и 68 написаны на бумаге, в отличие от более ранних — пергаменных), либо различием писцов (*Stang.* 1939. S. 5–6, 16–17). В итоге было решено, что, «скорее всего, сходство почерка объясняется подражанием: в процессе подготовки к переговорам начала 1439 г. полочанам необходимо было снова обратиться к материалам предшествующего соглашения» (ПГ. Вып. 3. С. 213). Между тем палеография и дипломатика грамоты и упоминаемые в ней реалии заставляют пересмотреть эту датировку.

Послание Прижкинта написано полууставным письмом, близким к уставу. Отнести к полууставу тот вариант письма, которым написано послание, позволяют главным образом следующие признаки: наличие в буквах «а» и «д» нижних выносных элементов, в буквах «ъ» и «ы» верхних выносных элементов. Фактически все остальные признаки больше характерны для устава. На рубеже XIV–XV вв. в выборе полочанами того или иного типа письма для их посланий наблюдается отказ от устава и переход к регулярному использованию полуустава, в том числе полуустава, переходящего в скоропись. С 40-х гг. XV в. в письме посланий полочан главенствует скоропись. Это дает основание отнести письмо грамоты Прижкинта к более раннему времени и датировать его концом XIV — первой четвертью XV в. К рубежу XIV–XV вв. ведет стиль грамоты, имеющий много архаичных черт. Вводная часть интитуляции «се аз» ведет ко второй половине XIV в., когда ею начиналась интитуляция жалованных грамот и вкладных записей (№ 5, 6, 10, 11), и вообще весьма архаична (*Золтан.* 2002. С. 559). Заявление «хочем слушати» напоминает о желании полочан «держати... любовь на обѣ сторон(е)» в № 52. «Просьба и мольба» («просим и молимся») магистру и ратманам намекает на стиль епископских посланий (ср. комментарий к № 68).

К концу XIV — началу XV в. ведут и упоминания Прижкинта и его брата Застовта. Литовский боярин Прижкинт, по-видимому, идентичен Przezhgindo, упоминаемому в договоре ВКЛ с Польшей 1401 г., — брату Застовта; последний, в свою очередь, входил в окружение

Витовта в конце XIV — начале XV в. (*Petrauskas.* 2003. P. 309; AUPL. S. 37–38). В других источниках Прижкинт в должности полоцкого воеводы не упоминается. Он, разумеется, не может быть идентичен «чоловеку» Прижкинту, который был пожалован Книстовту в Кнетовской волости Жомойти, скорее всего, в начале 40-х гг. XV в. (LM. Kn. 3. P. 50). Скорее всего, не идентичен он и другому носителю того же имени — жомойтскому боярину Прышгинту, которому Сигизмунд Кейстутович распорядился пожаловать человека 29 сентября 1434 г. (LM. Kn. 225. P. 269; датировка: *Палехаў.* 2014. С. 84). Воеводами в XV в. именовались далеко не только высшие светские сановники Вильни и Трок, как было установлено Городельским привилеем 1413 г. (*Старостина.* 1991. С. 288–299).

В силу перечисленных обстоятельств № 44, по всей вероятности, следует связывать с войной ВКЛ и Тевтонского ордена 1401–1404 гг., в ходе которой ливонские войска в марте 1402 г. напали на Полоцкую землю, в частности «псковскии гости побиша на озере на Нещерде» (ПЛ. Вып. 1. С. 27; Вып. 2. С. 110). О связи № 44 с боевыми действиями 1402 г. говорят прозвища полочан, которых должны отпустить магистр и рижане. Прозвание Ильи Лишняна, вероятно, происходит от названия с. Лисно на берегу одноименного озера. Это село в форме Лисно или Лисняне упоминается в середине XVI в. (ПР 1552 г. С. 56). Павел Себежский, судя по прозванию, происходил из Себежской волости на северо-восточной окраине Полоцкой земли (ныне г. Себеж — районный центр Псковской обл. РФ). Хотя обычно первым упоминанием Себежа считается известие Мацея Стрыйковского под 1414 г., достоверность этого упоминания весьма сомнительна, как и всего содержащего его рассказа о походе Витовта на Псков, якобы состоявшемся в 1414 г. (*Варонін.* 2004a. С. 21), а археологические исследования показывают, что территория Себежа была заселена и ранее этой даты, начиная с конца I тысячелетия н. э. (*Харлашов.* 2013). Прозвание Якова Виховичского образовано от названия с. Виховичи, упоминаемого в середине XVI в. (ПР 1552 г. С. 90, 96, 100). С. Лисно и Себежская волость находились как раз на пути из Ливонии к оз. Нещердо.

А. Л. Х., А. И. Г., С. В. П.

45

[1403 г. февраля 4 или 1404 г. февраля 3]. Вильня. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с предложением прислать послов для обсуждения и разрешения возникшего между рижанами и полочанами конфликта при условии установления мира с ливонским отделением Тевтонского ордена

Послание написано писцом, руке которого принадлежат еще три послания Витовта Рижскому городскому совету, датируемые 1397–1399 гг. («вторая рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė.* 2007. P. 318–321, 494, № 11). Однако в это время отношения ВКЛ с Ливонией были мирными. Это заставляет думать, что слова Витовта об отсутствии мира в отношениях с Орденом указывают на войну 1401–1404 гг. В таком случае послание не могло быть написано ни в 1401 г., поскольку война началась лишь в марте (*Błaszczyk.* 2007. S. 284–285), ни в 1402 г., поскольку 29 января Витовт еще находился в Кракове на свадьбе Ягайла и не мог к началу февраля успеть в Вильню (*Purc.* 1971. S. 85). Маловероятен и 1404 г., поскольку в это время между ВКЛ и Орденом уже вовсю шли мирные переговоры, несколько раз заключалось перемирие (*Neitmann.* 1986. S. 153–157; *Błaszczyk.* 2007. S. 287–295). Всё это склоняет к датировке послания Витовта 4 февраля 1403 г., что не противоречит и его итинерарию.

С. В. П.

46

1403 г. июня 5. Городно. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с предложением прислать послов в г. Вильню для обсуждения и разрешения возникшего между рижанами и полочанами конфликта

Послание точно датировано. Оно написано писцом, руке которого принадлежат еще более десяти документов 1400–1406 гг. («третья рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 318–321, 495, № 18).

В грамоте № 46 обращают на себя внимание сразу несколько моментов. Во-первых, Витовт титулуется не великим (magnus), а верховным (supremus) князем Литвы. Во-вторых, грамота написана на латыни, хотя послания Витовта властям Риги обычно писались на немецком (средневерхненемецком), которым писец грамоты прекрасно владел. Возможно, оба эти новшества преследовали одну цель — подчеркнуть дистанцию между Витовтом и властями Риги, его суверенные права на территории ВКЛ. Этой цели подчинено и содержание грамоты. В свою очередь, стремление полочан вести переговоры с рижанами лишь при посредничестве Витовта, вероятно, объясняется количеством и остротой накопившихся вопросов, которые не удавалось решить на двусторонних переговорах (об этом ярко свидетельствуют послания немецких купцов из Полоцка в Ригу, в которых постоянно поднимаются одни и те же вопросы торговли двух городов на Двине), и вместе с тем свидетельствует о степени интеграции Полоцкой земли в состав ВКЛ, коль скоро полочане видели в Витовте своего могущественного защитника.

Праздник св. Петра — 29 июня 1403 г.

С. В. П.

47

[1405 г. января 1]. Грути. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с сообщением о намерении поддержать полочан в их требованиях, касающихся торговли, с требованием соблюдать принятые правила при плавке серебра, ввозимого в г. Полоцк, с сообщением о распоряжении, данном полочанам, присягнуть о соблюдении правил торговли

Послание написано писцом, руке которого принадлежат еще более десяти документов 1400–1406 гг. («третья рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 318–321, 495, № 14).

Вопросы, обсуждаемые в послании, в частности о розничной торговле тканями, мехами и воском в Полоцке, приобрели особую актуальность накануне заключения торгового договора 1406 г., судя по их детальной регламентации в полоцком проекте 1405 г. и окончательном варианте торгового договора (№ 52, 54, 55). На время до 1406 г. указывает и упоминание пудных весов («bezemer»), употреблявшихся для взвешивания воска. Поэтому следует думать, что послание Витовта написано 1 января 1405 г. Его итинерарий не позволяет уточнить эту датировку.

Золотник — мера веса, равная примерно 4 г серебра.

Грути — ныне дер. Грутас в Алитусском уезде Литвы, близ г. Друскининкай.

С. В. П.

48

[Около 1405 г. мая 17. Рига]. — Договор между г. Полоцком и г. Ригой о торговле. Рижский проект. Черновик

49

1405 г. мая 17. [Рига]. — Договор между г. Полоцком и г. Ригой о торговле. Рижский проект

50

[1405 г. мая 17 — 1406 г. июня 30]. — Договор между лив. магистром Конрадом фон Фитингхофом и г. Ригой, с одной стороны, и вел. кн. лит. Витовтом, Полоцком и др. землями Вел. кн-ва Литовского, с другой стороны, о торговле. Проект лив. магистра и г. Риги

51

[1405 г. мая 17 — 1406 г. июня 30]. — Договор между вел. кн. лит. Витовтом и полочанами, с одной стороны, и лив. магистром Конрадом фон Фитингхофом и г. Ригой, с другой стороны, о торговле. Проект экземпляра Витовта и полочан

52

1405 г. июня 21. — Договор между г. Полоцком, с одной стороны, и лив. магистром [Конрадом фон Фитингхофом] и г. Ригой, с другой стороны, о торговле. Полоцкий проект

Грамоты № 48–52 представляют собой проекты полоцко-рижского торгового договора, отразившие разные этапы его выработки. Она заняла больше года: первый датированный проект (№ 49) относится к 17 мая 1405 г., предшествовавший ему проект (№ 48), возможно, был составлен еще ранее, а договор был заключен лишь 30 июня 1406 г. (№ 55). Рижские расходные книги, которые за XV в. сохранились с конца 1405 г., под 1405–1406 гг. фиксируют поездки полоцких послов в Ригу, рижских — в Полоцк и к Витовту (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 78, 80).

Первый этап отразили рижские проекты № 48 и 49. Они излагают условия договора, предложенные рижской стороной, в одинаковой последовательности и в очень близких, местами совпадающих выражениях. Первоначальный вариант представлен в № 48: об этом свидетельствуют отсутствие начального протокола и даты, неудачный грамматический и синтаксический строй текста и неумелое начертание букв (фактически они не написаны, а нарисованы). Всё это говорит о том, что писцом № 48 был немец, для которого «руский» язык не был родным. Смешение «ц» с «ч», «з» с «ж», «с» с «ш» («мѣсяние» вместо «мѣшание») характерно для Пскова и, в меньшей степени, для Новгорода, что говорит об изучении писцом грамоты древнерусского языка в одном из этих городов. Особенно ярко об этом свидетельствует последний пример, поскольку первые две пары букв писец мог смешивать в силу отсутствия в его родном немецком языке противопоставления указанных фонем и, как следствие,

соответствий для «ж» и «ч» (составители приносят благодарность А. А. Гиппиусу за подробную консультацию). Грамота № 48 рассматривалась именно как проект, судя по завершающему ее предписанию привесить печати в будущем. В грамоте № 49, хотя она также является проектом, о привешивании печатей говорится уже как о свершившемся факте. Кроме того, исправлен язык, документ снабжен датой (в ней, впрочем, говорится лишь о его написании, но не об утверждении).

Следующий этап переговоров отразился в № 50. Проекты № 48 и 49 составлялись на «руском» языке, поскольку рижане вели переговоры напрямую с полочанами. В проекте № 50 среди договаривающихся сторон появились ливонский магистр Тевтонского ордена Конрад фон Фитингхоф, великий князь литовский Витовт и «всё купечество» Литовского государства (формулировка «der gemeine koffmann» характерна для немецкой стороны), а сам проект составлен на немецком языке в двух вариантах — средненижне- и средневерхненемецком. Это указывает на то, что переговоры велись уже не с полочанами (или во всяком случае не только с ними), но с Витовтом, который был вправе договариваться от всего купечества ВКЛ. Для этого, очевидно, и было подготовлено средневерхненемецкое переложение проекта договора: именно этим языком пользовалась при контактах с г. Ригой и ливонским магистром канцелярия Витовта, тогда как в самой Ливонии обходились средненижненемецким. Немецкоязычный проект № 50 весьма точно излагает содержание предшествующих ему «руских» (№ 48–49), существенным образом уточняется лишь порядок взвешивания серебра (№ 50, ст. 8). Это уточнение могло быть позаимствовано из договора 1338–1341 гг. о порядке торговли весовыми товарами (№ 9) или из полоцкого проекта договора, составленного, как и рижский, в 1405 г. (№ 52); в последнем случае нижнюю хронологическую границу № 50 и 51 можно сдвинуть до 21 июня 1405 г. (в пользу того, что полоцкий проект № 52 предшествовал проектам № 50 и 51, составленным в Ливонии, может говорить и включение в число договаривающихся сторон № 52 ливонского магистра без уточнения его имени; вместе с тем создание проектов № 48 и 51 было разделено очень небольшим промежутком времени, о чём свидетельствует чрезвычайная близость их водяных знаков в виде двух кругов, лежащих на прямой линии). При переходе от средненижненемецкого текста № 50 к средневерхненемецкому было исключено положение об отказе от «рубежа», что трактовалось как безопасное пребывание немецких купцов с их товарами в ВКЛ в случае невозможности покинуть его «из-за погоды или плохой дороги» (№ 50, ст. 9а; подробнее об этой норме см. комментарий к № 39). Также из ст. 2 исчезла фраза о сохранении Ригой «старых привилегий» относительно объемов торговли.

Положения рижских проектов договора с Полоцком № 48–51 можно разделить на две группы. К первой относятся нормы торговли, обычные для того времени в целом и/или выгодные обеим сторонам: о равенстве купцов обеих сторон и справедливом отношении к контрагентам (ст. 1, 3), об экстерриториальности суда, который должен происходить не на месте правонарушения, а в родном городе купца (ст. 4), о безопасности пребывания купцов на чужой территории и свободе их проезда по этой территории независимо от политической обстановки (ст. 9, 9а), о принципе личной ответственности за совершённые правонарушения (ст. 10). Сюда же можно отнести статьи, которые регламентировали порядок взвешивания (ст. 5, 6, 8). Вторую группу составляют нормы, выгодные рижскому купечеству, — разрешение вести торговлю на территории контрагента в любых объемах (ст. 2) и принцип изготовления и ремонта полоцких весов в Риге (ст. 7). Первое угрожало интересам более слабого полоцкого купечества, второе в конечном счете ставило его в зависимость от властей Риги в столь важном деле, как взвешивание товара (подробнее см.: *Хорошкевич.* 1963а). Недаром все первые годы XV в. болезненными вопросами в полоцко-рижских взаимоотношениях были розничная торговля, которую полочане постоянно пытались запретить рижанам, порядок взвешивания и состояние весов.

Полоцкий проект договора датирован 21 июня 1405 г. и содержит всестороннее изложение программы полоцкого купечества. Подробно регламентировался порядок взвешивания, рижанам запрещалось торговать в Полоцке непосредственно с «гостями» (т. е. купцами из других городов, за исключением «Литовьское земли», — прежде всего из Новгорода и Москвы), торговать в Полоцке в розницу (при этом покупать товары в розницу им разрешалось), ездить с торговыми целями в другие города «мимо горо*д*(а) Польтескъ» (имеются в виду Смоленск и Витебск), продавать в Полоцке спиртные напитки, брать для осмотра мех к себе на двор (подробнее см.: *Хорошкевич.* 1963а). При этом полочане оставляли за собой право покупать коней в Риге без уплаты пошлины. Из современной переписки известно, что в первые годы XV в. полочане настойчиво пытались провести свою программу самостоятельно, так сказать, явочным порядком, запрещая немецким купцам розничную торговлю, продажу невзвешенной соли и поездки дальше Полоцка. По-видимому, решения об этом полочане принимали на вече (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 111). Но неопределенность сохранялась, пока ситуация не была зафиксирована письменным документом: жалованная грамота Витовта 1399 г. (№ 39) оформляла полоцко-рижские отношения лишь в самых общих чертах, детали же, по-видимому, регулировались специальными процедурами крестоцелования. Чтобы на этот раз придать своим требованиям большую весомость, полочане сопроводили их ссылкой на «Б(ог)ъ, св(я)т(о)го Софеѧ м(и)л(о)сть и кнѧ*з*(я) велико*г*(о) Витовта здровье». В этой формуле отразились разные аспекты самосознания полочан, поскольку упоминается как патрон Полоцка — св. София (здесь в новой форме мужского рода «святой Софей»), так и его верховный правитель — Витовт. Эта формула находит некоторые соответствия как в полоцких грамотах (№ 125, середина XV в.), так и в дипломатике и летописных памятниках разных земель Руси. В пожаловании мстиславского князя Юрия Лугвеневича боярину Воронцу 1455 г. читаем: «Б(о)жею м(и)л(о)стию… [наш]его великог(о) короля Ондрѣя Казимира, польскои Короуны осп(о)д(а)ря и Вел[икого кня]цьста Литовьског(о), Роуского и Жомоитьског(о) и иных многих земль осп(о)д(а)ря его м(и)л(о)сти здровьемъ мы, кн(я)зь Юрьи Лынквеневич» (*Гильдебрандт.* 1901; *Варонін.* 2010. С. 56; оригинал грамоты — ГЭ. ОИРК. Инв. № ЭРБ-74). Договор Новосильских и Одоевских князей с великим князем литовским Казимиром 1481 г. открывается словами: «М(и)л(о)*с*тью б(о)жьєю и г(о)*с*(по)д(а)рѧ Казимира, королѧ Польского и вєликого кн(ѧ)зѧ Лито*в*ского и Ру*с*ского, и кнѧжєти Пру*с*ского и Жамоитьского, и ины*х*» (*Казакоў.* 2010. С. 298). Челобитные бобруйских мещан и волощан первой половины XVI в. адресованы не просто королеве Боне, но «Б(о)гу и вашей м(и)л(о)*с*ти» (Архив СПбИИ РАН. Колл. 124. Оп. 1. № 57. Л. 1 — 2об). За пределами ВКЛ аналогичные формулы встречаются в договорах Пскова с Ливонией конца XV — начала XVI в. (ГВНП. № 78, 347. С. 133, 331–332; *Казакова.* 1983) и псковских летописях (например: ПЛ. Вып. 1. С. 68). Эти и многие другие аналогичные формулы (см.: *Груша.* 2015б. С. 80–81) подчеркивали, с одной стороны, верховную власть правителя над городом, ее божественное происхождение, с другой — постепенную секуляризацию общественных отношений (вмешательство высших сил в земную жизнь для поддержания порядка считалось уже недостаточным, его должны были осуществить земные же правители).

Основой всех «руских» проектов был так называемый «старый закон», впервые упоминающийся в качестве прообраза проектов именно в них. Можно предполагать, что в понятие «старого закона» входили грамоты Герденя и Изяслава, копия которых была изготовлена в начале XV в., хотя неясно, ограничивалось ли оно ими.

Полоцкий проект № 52 в соответствии с договором князя Глеба и епископа Григория (№ 9) декларирует: «...хоче*м* с тобою, кнѧ*ж*(е) местерю, любовь держа*т*(и)... Тако*ж* хоче*м* с ва*м*(и), ризьки*и* ратьмѧне, и со все*м*(и) ризькии купьци, межи себе приѧзньство держа*т*(и) и любовь на обѣ сторон(е) крѣпко».

Проекты представляют интерес и для изучения начальной стадии формирования белорусского языка. Термины «слично», «выложено», «одиночьство», «ополу», «мешанье» явно связаны с соответствующими польскими, также как и «здровье», «приязньство» (№ 52). К полонизмам или белорусизмам этой грамоты относится и превращение патрона города — святой Софии, как это зафиксировано ранними материалами, и в первую очередь полоцкой городской печатью, в «святого Софея», то есть имя собственное мужского рода. Так же, в мужском роде, употреблялось это слово и в XVI в., как явствует из надписей иеромонаха Алексея на книгах городского собора, посвященного Софии. Впрочем, он именовал таким образом самый собор, а не святого патрона города (Восточнославянские и южнославянские книги. Вып. 1. С. 38. № 10; *Щапов.* 1974. С. 200–204; *Щапов.* 1976. С. 271; *Варонін.* 2007б).

В проектах по-разному написано наименование города Полоцка, особенно в косвенных падежах: «Польтескь», «оу Полочьку», «оу Полочьсце» (№ 34), «Польтеск», «оу Полотьсце» (№ 35).

По-видимому, уже на следующем этапе переговоров был составлен немецкоязычный проект № 51; в таком случае его следует датировать промежутком времени между 21 июня 1405 г. и 30 июня 1406 г. Он составлен от имени Витовта и полочан, но в Ливонии на средненижненемецком языке — очевидно, самими рижанами. В основу этого проекта лег проект № 50, из которого были исключены статьи о торговле на территории контрагента в любых объемах (№ 50, ст. 2) и о «рубеже» (№ 50, ст. 9а), но был уточнен на основе полоцкого проекта или договора 1338–1341 гг. порядок взвешивания (о соотношении серебряных весов — ст. 4, о об отходе весца от весов при взвешивании — ст. 5) и добавлен принципиально важный пункт о взвешивании соли и воска на скалвах, которые должны были изготавливаться и ремонтироваться в Риге (№ 51, ст. 3): ранее для этой цели использовались менее точные пудные весы. Этот проект и лег в основу Копысского договора между Витовтом, ливонским магистром и властями Риги о торговле Полоцка с Ригой (№ 54). Полочанам не удалось полностью реализовать свою торговую программу. Это было связано с тем, что в начале 1406 г. Витовт напал на Псков, что положило начало военным действиям, в которые оказались втянуты Великое княжество Московское и Тевтонский орден. Псковичи разорили Полоцкую землю, и полочанам пришлось искать защиты не только у Витовта, но и у ливонского отделения Ордена, что позволяло ему диктовать свои условия (подробнее см.: *Хорошкевич.* 1963а. С. 87).

Конрад фон Фитингхоф (Konrad von Vietinghoff) — брат Тевтонского ордена в Ливонии, происходил из вестфальского рода министериалов кёльнских архиепископов (родовое гнездо — дворец Фитингхоф, ныне в г. Эссене), члены которого вступали в ливонское отделение Ордена с XIV в. В 1387–1393 гг. упоминается как комтур Ашерадена, в 1396–1401 гг. как комтур Феллина, в 1401–1413 гг. ливонский магистр (утвержден в должности великим магистром в Мариенбурге 21 октября 1401 г., умер после 14 февраля 1413 г.) (Ritterbrüder. 1993. S. 669–671).

А. Л. Х., С. В. П.

53

1406 г. февраля 23. Вильня. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта рижанам на земельный участок в г. Полоцке для строительства католической церкви

Жалованная Витовта рижанам на участок в Полоцке для строительства католической церкви сохранилась на немецком и «руском» языках: в первом случае — в виде «открытого листа» на пергамене с привешенной печатью Витовта, во втором — в гораздо менее презентабельном виде, в форме бумажного «листка» или послания, под текстом которого оттиснута великокняжеская печать. По-видимому, «руский» экземпляр грамоты предназначался в конечном счете для полочан: ср. упоминания о посланиях Витовта, отправленных полочанам (в № 19

уточняется, что им была направлена «руская грамота»), и практику письменных контактов рижан с полочанами на «руском» языке (в одном из писем конца XIV в. рижские купцы в Полоцке просят членов городского совета Риги писать полочанам только «по-руски», ибо они плохо понимают немецкие грамоты и не признают их: HUB. Bd. 5. № 358. S. 175). В конце концов обе грамоты оказались в архиве Рижского магистрата, но в разных его частях — соответственно «внутреннем» и «внешнем» архивах (ныне ф. 8 и 673). Сохранился и неумелый (по-видимому, позднейший) список «руской» грамоты, выполненный в Риге.

Немецкая грамота написана писцом, руке которого принадлежат еще более десяти документов Витовта 1400–1406 гг. («третья рука» по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė.* 2007. P. 321–327, 509, № 27). Обе грамоты — и немецкая, и «руская» — снабжены печатями одного и того же, четвертого типа. Экземпляры такой печати известны за 1397–1411 гг. (*Semkowicz.* 1931. S. 11), она привешена и к жалованной рижанам 1399 г. (см. № 39). Размер ковчежца — 50–55 мм, диаметр печати без ковчежца — 29 мм.

Сопоставление «руского» и немецкого вариантов одной и той же жалованной проливает свет на особенности дипломатической практики в разных отделах канцелярии Витовта. Сравнение показывает, что в немецком тексте значительно больше подробностей: указано местонахождение Полоцка в «Руской земле», имеется сообщение об отводе земли маршалком Чупурной, иначе определены получатели грамоты — не одни только «рижане», но «всё немецкое купечество и торговцы», предусмотрена возможность строительства как каменной, так и деревянной церкви, а также постоянного пребывания при ней священника. Гораздо более развёрнут формуляр грамоты. В интитуляции указано христианское имя Витовта — Александр, имеется ссылка на «Божью милость» как источник его власти, указано, что он «литовский» князь; имеется публикация, отсутствующая в «руском» тексте, и аренга. В конечном протоколе добавлена корроборация, соответствующая внешнему виду грамоты. Более полна и дата, в ней указан год от Рождества Христова.

Станислав Чупурна — знатный литовский боярин, владения которого находились близ Солечник. В 1395–1407/11 гг. упоминается как господарский маршалок, в 1407–1411 гг. — как земский маршалок. Несколько раз ездил в посольства в Тевтонский орден, поддерживал дружеские отношения с его сановниками. Гарант Салинского договора с Орденом 12 октября 1398 г. и Виленского договора унии с Польшей 18 января 1401 г. Умер ок. 1411 г. (*Petrauskas.* 2003. P. 222–223).

В других источниках немецкая церковь в Полоцке упоминается лишь однажды — в послании немецких купцов из Полоцка в Ригу. Оно датировано днем св. Иоанна (24 июня) без указания года, но, скорее всего, было написано в 1399–1405 гг., поскольку отразило очередные разногласия рижан с полочанами по поводу весов, предшествовавшие заключению Копысского договора и ставшие одной из его причин. В нём о немецкой церкви говорится как о реально существующей (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 133). Вероятно, претензии полочан, упоминаемые в этом письме, и послужили причиной выдачи Витовтом жалованной грамоты на участок земли для строительства *новой* католической церкви. В дальнейшем же она напрямую не упоминается, что даже дало повод усомниться в реалиизации жалованной грамоты Витовта 1406 г. (*Воронин.* 2012д. С. 440–441). Ш. Родевальд полагает, что в 1471 г. товары рижских купцов, задержанные полочанами, хранились именно в их церкви (*Rohdewald.* 2005. S. 105. Anm. 7; см. в наст. изд. № 198), что представляется сомнительным: скорее имелся в виду полоцкий Софийский собор. Учитывая упоминание в письме начала XV в. и роль церкви как одного из важнейших центров немецкой купеческой общины, известную по средневековому Новгороду, сложно представить себе, что после 1406 г. немецкая церковь в Полоцке вовсе перестала функционировать. Скорее источники умалчивают о ней по другим причинам. В качестве аналогии можно заметить, что «немецкая» католическая церковь Девы Марии в Смоленске неоднократно упоминается в источниках XIII–XIV вв., но не более поздних (*Кучкин.* 1966. С. 110–111, 114; HUB. Bd. 5. № 364. S. 184).

На существование «немецкой» церкви в Полоцке в XV в. косвенно указывает и список «руской» жалованной грамоты Витовта. Он переписан полууставом, причем книжным, характерным примерно для середины XV в. — согласно определению А. А. Турилова, не ранее первой четверти XV в. и не позднее последней четверти того же столетия (составители приносят искреннюю благодаргость А. А. Турилову за консультацию). Писец этого списка, с одной стороны, был не понаслышке знаком с оформлением кириллических документов: так, перед текстом он поместил символическую инвокацию в виде креста, которой нет в подлиннике, не просто перерисовывал из него буквы, но некоторым из них придавал иное начертание (например, «е»), исправлял неудачные написания (например, в слове «недели»). С другой стороны, ему не хватало опыта переписки старых скорописных текстов, и некоторых мест он не понял (начало грамоты, написание «т» с тремя ножками вместо «ж»). Раз в середине XV в. понадобился список этой грамоты, значит, это было вызвано практическими потребностями.

Несомненно, столь важный шаг навстречу рижанам, как выдача им жалованной грамоты на землю для строительства костела в Полоцке, был связан с литовско-рижскими переговорами о торговом договоре, который был заключен несколькими месяцами позже (№ 54; *Воронин.* 2012д. С. 441). О большом значении этих переговоров для Витовта говорит тот факт, что жалованную грамоту рижанам он выдал спустя считанные дни после возвращения из похода на Псковскую землю, где воевал еще 10 февраля, когда псковичи просили помощи у новгородцев (HUB. Bd. 5. № 704. S. 364).

А. Л. Х., С. В. П., А. И. Г.

54

1406 г. июня 30, июля 2. Копысь. — Договор между вел. кн. лит. Витовтом и г. Ригой о торговле между городами Полоцком и Ригой

55

1407 г. мая 14. Могилёв, Рига. — Договор между городами Полоцком и Ригой о торговле

Копысский договор и его подтверждение полочанами завершили примерно десятилетний (если считать от грамоты Монтигирда и полочан № 32) период переговоров относительно правовых основ полоцко-рижской торговли.

Копысский договор сохранился в трех вариантах — средневерхненемецком, средненижненемецком и латинском. Все они составлены от имени Витовта, расхождения между ними незначительны. При этом оригинал его грамоты, хранившийся в Рижском городском архиве еще в первой половине XVII в., до нас не дошел. Возникает вопрос: на каком языке была написан оригинал (во всяком случае литовский) договора, который лег в основу полоцко-рижских отношений на последующие десятилетия, и каково соотношение его списков?

Прежде всего обращает на себя внимание количество и характер списков Копысского договора. Средневерхненемецкий текст сохранился в пяти списках, из которых четыре находятся в составе транссумптов, т. е. нотариально заверенных копий, содержащих описание подлинника. Два из них были подготовлены в 1412 г., когда Витовт конфисковал в Полоцке товары рижских купцов (HUB. Bd. 5. № 1084, 1088, 1093; CEV. № 541), еще два — в 1438 и 1447 гг., при подготовке аналогичных договоров о полоцко-рижской торговле с великими князьями Сигизмундом Кейстутовичем и Казимиром Ягеллоном (№ 73, 120). Еще один средневерхненемецкий список начала XV в. выполнен на листе бумаги. Официальный характер

транссумптов и совпадение воспроизводимых в них текстов заставляют думать, что и оригинал грамоты Витовта был написан на средневерхненемецком языке. К тому же именно этим языком пользовалась канцелярия Витовта при контактах с властями Риги (см. № 19, 29, 31, 36, 37, 38, 41, 42, 43, 45, 47, 59, 60), но для самой Ливонии он совершенно не был характерен, поскольку там в это время преобладал средненижненемецкий (*Schmidt.* 1938. S. 14–33; *Forstreuter.* 1963). На этом последнем сохранился единственный список, помещенный на одном листе пергамена с «руским» текстом рижского экземпляра полоцко-рижского договора (№ 55; Прил. № 4). По-видимому, оба текста были переписаны на столь долговечном материале для постоянных частых обращений к ним, которые позволили бы ссылаться на оба договора при контактах с властями Полоцка («руский» текст, договор 1407 г.) и Великого княжества Литовского (Копысский договор 1406 г., переложенный со средневерхне- на средненижненемецкий для лучшего понимания рижанами).

Остается несколько непонятным характер и назначение латинского текста Копысского договора. Он сохранился в единственном списке начала XV в., снабженном пометкой о его транссумировании. Имеются в нём и расхождения с обоими немецкими текстами: согласно латинскому тексту, полочане должны были оплачивать не только ремонт весов, но и их отправку в Ригу (ст. 5); иначе сформулирована статья о неприкосновенности купцов в случае начала военных действий (ст. 10); отличается и дата — пятница после праздника св. Петра и Павла (2 июля 1406 г.) вместо среды (30 июня). Употребленный в латинском тексте необычный титул Витовта «magnus princeps» вместо «magnus dux» заставляет думать, что перевод на латынь выполнялся не работниками великокняжеской канцелярии, а ливонской стороной, во всяком случае при ее участии. Однако цели такой процедуры остаются неясными.

Транссумпты Копысского договора сохранили сведения о печати Витовта, которой он был скреплен. Выясняется, что это была малая (конная) печать великого князя, хорошо известная по сохранившимся экземплярам 1397–1411 гг. (*Semkowicz.* 1931. S. 11; см. также подробные описания печатей этого типа, привешенных к грамотам № 39 и 53). Надпись на ней в транссумптах передана немного неточно: «s. Wytowti domini Litouie» вместо «s. Witowdi ducis Lithvanie». Малая печать считалась менее престижной и значимой, чем большая, но неизвестно, была ли эта последняя в это время у Витовта: самые поздние сведения об использовании им большой гербовой печати относятся к 1404 г., а первый известный экземпляр тронной («маестатной») печати датируется 1407 г. (*Semkowicz.* 1931. S. 19; *Rimša.* 2011. P. 84). К полоцкому экземпляру договора 1407 г. привешена «печать полоцкая и Св. Софии», сохранившаяся до наших дней, тогда как рижский экземпляр, возможно, был скреплен не одной печатью, а несколькими. На это указывает форма множественного числа в современном списке (Прил. № 4; в списке 1483 г., выполненном в Полоцке, о печати говорится в единственном числе), а также упоминание грамоте № 158 о печатях г. Риги и ливонского магистра.

Как показывает сравнение Копысского договора с проектами, предшествовавшими его заключению (№ 48–52), ближе всего он к рижскому проекту, составленному от имени Витовта и полочан. Но есть между ними и существенные отличия. Во-первых, Копысский договор был заключен от имени одного только Витовта, тогда как полочане заключили с рижанами особое соглашение на понятном обеим сторонам «руском» языке (№ 55). Во-вторых, в Копысском договоре обеим сторонам запрещается розничная торговля на территории противоположной стороны, но дальнейшее решение этого вопроса оставлено на усмотрение самих полочан и рижан (ст. 1). В-третьих, хотя оба договора (№ 54 и 55) декларируют свободный выбор обеими сторонами места торговли на территории контрагента, договор предусматривает возможность учреждения стапеля (в № 55 назван «искладом»), т. е. перевалочного пункта торговли, — рижанами в Риге, а Витовтом и его наследниками в Полоцке (ст. 2). Наконец, ст. 3 начинается с констатации равноправия приезжих купцов с местными жителями. Последующие статьи договора (от второй половины ст. 3 до ст. 10) почти дословно повторяют ст. 2–7

проекта № 51. Таким образом, на завершающей стадии переговоров Витовту и рижанам удалось достичь определенного компромисса: с одной стороны, хотя розничная торговля запрещалась, в будущем этот вопрос передавался на усмотрение рижан и полочан (последнее было в интересах рижан); с другой стороны, хотя рижанам разрешалось ездить не только в Полоцк, а полочанам — не только в Ригу, в будущем этот вопрос мог быть пересмотрен властями Риги или великим князем литовским (такой пересмотр, означавший запрет поездок дальше одного и другого города, был выгоден прежде всего полочанам).

Полоцко-рижское соглашение (№ 55) точно передает содержание заключенного в Копыси договора. Однако формуляр грамот имеет некоторые детали, достойные особого рассмотрения. Полоцкая грамота дана от имени «мужей полочян». Это один из первых примеров употребления такого оборота в документах, исходящих от Полоцка (см. также № 44), он сменяет еще более неопределенное «полочане». В наррации полоцкой грамоты Витовт — также впервые — назван и «литовьским» князем, и «нашим осподарем». Распространение термина «осподарь» как титула главы государства на протяжении середины XIV — начала XV в. прошло несколько этапов. Хотя вполне возможно, что он мог использоваться последними галицко-волынскими князьями в первой половине XIV в. (*Золтан.* 2002. С. 558–561), впервые он появляется в титуле польского короля Казимира III после включения в состав Польского королевства земель Галицко-Волынской Руси: в 1349 г. он стал титуловаться «Рускои земли господар» [*Пещак.* № 12. С. 27 (после 1349 г.); № 17. С. 35 (25 июля 1361 г.); № 22. С. 44 (1371)]. Князь Владислав Опольский, которому польский и венгерский король Людовик Анжуйский передал Галицкую Русь в управление, добавил к этому титулу «и дедичь», подчеркивая наследственный характер своей власти над Галицкой Русью [Там же. № 28. С. 59 (1378 г.); в 1375–1378 гг. он называл себя не только «господарем Рускои земли», но и Опольской, и Велюнской: Там же. № 29. С. 61 (1378 г.); ANK. ZR. Perg. 861 (1375 г.)]. Титул Владислава Ягайла, ставшего польским королем в 1386 г., звучал так: «кроль польский, литовскии, рускии дедич и иных многих земль господарь» [Там же. № 41, 42, 46, 48, 59, 61, 66. С. 79, 81, 97, 101, 115, 118, 126 (1388, 1389, 1393, 1395 гг.); переходную к этому форму см. выше № 16]. Для жителей галицких земель он стал «господарем нашим милостивым» или «господарем нашим великим, королем», а для молдавских бояр — «кролем господарем» [Там же. № 34, 38, 51, 65. С. 64, 72, 104, 125 (около 1386, 1386–1418 гг., 1390, 1395 гг.)]. Наконец, на рубеже XIV–XV вв. кн. Александр Патрикеевич Стародубский в своей присяжной грамоте впервые применил этот титул к литовскому князю: «наш господарь великий князь Витовт», уравняв его таким образом с польским королем — «господарем кролем Владиславом польским» [*Пещак.* № 81. С. 146 (1400 г.)]. Однако для сына молдавского воеводы Петра — Ивашка в это время еще оставалась весьма существенная разница между «господарем кролем польским» и «велебным князем Витовтом литовским» [Там же. № 83. С. 148 (1400 г.); см. также: *Золтан.* 2002. С. 558–561, 567–573].

Во второй половине ст. 2 Копысского договора, предполагающей возможность установления стапеля — «исклада» (nedderlage, deposicio) самим Витовтом или его преемниками, эти последние называются по-немецки «heren», на латыни «domini». Подтвердительная и Витовта, и его преемников называет «осподарями». Очевидно, формулировка «ѡсп(о)д(а)рь полоцкіи» по отношению к наследникам Витовта отразила представления полочан об их взаимоотношениях с государственным центром ВКЛ: с одной стороны, Витовт для них — «ѡсп(о)д(а)рь на*ш*», т. е. полочане признавали его власть над своей землей в том же объеме, что и жители Галицкой земли по отношению к королю польскому; с другой же, взаимоотношения с наследниками Витовта мыслятся как нечто наподобие персональной унии, Полоцк не входил в объектную (территориальную) часть титула великого князя литовского (*Пресняков.* 1939. С. 110). Термин «осподарь» был включен в титул без географического уточнения, то есть так, как это было принято в Польше рубежа XIV–XV вв., на третьем этапе формирования титулатуры польского короля.

Сопоставление ст. 9 Копысского договора с соответствующим местом полоцко-рижского договора важно для понимания терминологии не только полоцких грамот, но и более широкого круга источников. Выясняется, что термин «рубеж» обозначал задержание купцов за долги — как их собственные (т. н. прямой рубеж), так и третьих лиц, их сограждан (т. н. косвенный рубеж). В списке рижского экземпляра, выполненном в Полоцке в 80-е гг. XV в., «рубеж» уже сменяется более понятным термином «поруб», означавшим конфискацию, арест имущества, задержание кого-либо (СлРЯ. Вып. 17. С. 134). Это подтверждает интерпретацию данного термина А. А. Зализняком и Е. А. Рыбиной (*Рыбина*. 2008; см. также комментарий к № 48–52).

Язык № 55 имеет несколько полонизмов или белорусизмов, отличных от тех, которые были в полоцком проекте. Это «завада» в значении «препятствия», «последки» (наследники), «истрава» (порча), «полепшити» (исправить), «смиренье» (договор, мир). Введение их в подтвердительную показывает, что в составлении ее принимали участие жители не только одного Полоцка. К полоцкой традиции, возможно, восходит наименование ливонского магистра «мештерем задвиньским» (ср. «местерь задвиньскии» в № 65), тогда как в полоцком проекте, правда, в обращении к нему: «княж(е) местерю», в послании полоцкого наместника 1409 г.: «кнѧз(ю) мештерюли ризком(у)» (№ 52, 57).

А. Л. Х., С. В. П.

56

[1409 г. августа 11–26. Полоцк]. — Послание пол. нам. кн. Ивана Семёновича [Друцкого] и полочан лив. магистру и совету г. Риги с требованием возвратить струги с товаром, конфискованные у пол. купцов, и челядь

57

1409 г. [августа 26]. Полоцк. — Послание пол. нам. кн. Ивана Семёновича [Друцкого] и «всех полочан» ливонскому магистру и совету г. Риги с сообщением о договоренности о возобновлении свободной торговли, достигнутой в результате переговоров кн. Ивана и ратмана г. Риги Фёдора

Грамоты № 56 и 57 посвящены урегулированию одного и того же конфликта, в ходе которого в Полоцке были задержаны рижане с их товарами в ответ на захват в Риге струга, челяди и торговых людей полочан. Урегулирование отношений потребовало вмешательства великого князя. Рижская расходная книга содержит запись о расходах на прием великокняжеского посла Давыда и полоцких послов, находившихся в Риге одновременно с ним: 21 эре за напитки и доставку их полоцким послам и 3,5 фердинга за подарки и доставку Давыду, послу Витовта (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 91). В результате переговоров в Риге было достигнуто соглашение о том, что полочанин Игнатий и другие его соотечественники, находившиеся в Риге, могут отправить свои товары вверх по Двине мимо Дюнабурга, как только они будут готовы. Сами же полочане должны были оставаться в Риге и в пределах Ливонии до тех пор, пока не вернутся из Полоцка немецкие купцы и не привезут охранной грамоты князя. Всё это магистр и Рижский городской совет сообщили князю Ивану Семёновичу, полоцкому наместнику («бургграфу», по их терминологии), в своем послании от 11 августа 1409 г. (LECUB. Bd. 6. № 2979. S. 360; HUB. Bd. 5. № 893. S. 469–470). Иван Семёнович известил магистра и Рижский городской совет о возвращении полоцких послов и изложил причины возникновения конфликта (№ 56).

Вместе с полоцкими послами из Риги выехал и тот ратман, о котором упоминали рижские и орденские власти в послании от 11 августа, по имени Годеке, чьи расходы на поездку в Полоцк составили 6 марок и 1 фердинг (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 91–92). Возможно, он идентичен рижскому ратману Годеке (Готфриду, Годекину) Одесло, упоминаемому в первые два десятилетия XV в. (*Böthführ*. 1877. S. 89. № 263). Годеке, которого в Полоцке называли Фёдором, пришлось пойти на уступки: в Полоцк должны были сначала вернуться все полочане, а не только их товары, предусматривалась возможность поездки сушей — «на конех». Ливонцы должна были вернуть и струг и челядь, захваченную у полочан «без кун», после чего в две очереди вывозились товары ливонцев: сначала товар, «который поторгованыи воск а белку», а потом все остальные, по прибытии полочан на стругах. Второе послание Ивана Семёновича датировано 26 августа.

В издании «Ганзейских грамот» оба эти документа рассматривались как один: № 56 считался переводом № 57 (HUB. Bd. 5. № 896. S. 471–472). Однако в них, как показывает сравнение, шла речь о разных вещах. В послании № 56 Иван Семёнович извещал о возвращении полоцких послов, в № 57 — о прибытии рижского ратмана Годеке. Условия окончательного урегулирования конфликта различались. № 56 лишен многих подробностей: нет имени полоцкого посла — «доброго человека Климяты», приехавшего в Ригу вместе с Годеке и встреченного там с богатыми подарками, на которые было израсходовано 3 фердинга без 2 артугов (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 91); не указан вид транспорта, которым могут возвращаться полочане; иной порядок изложения; в № 56 указаны имена ливонцев, которые первоначально были задержаны в Полоцке. Вместе с тем издатель «Ганзейских грамот» К. Кунце был прав в том, что № 56 представляет собой не оригинал, а перевод послания полоцкого наместника: грамота лишена всяких знаков удостоверения и признаков отправки в качестве послания — печати или ее следов, прорезей для ее подкладки. К тому же употребление средненижненемецкого языка в контактах с властями Риги не характерно для полоцкой стороны: почти все послания полоцких наместников и воевод XV в. (за исключением № 197) написаны на «руском» языке.

Каким образом был доставлен в Ригу несохранившийся подлинник грамоты № 56, неясно. Скорее всего, ее привезли немецкие купцы, поэтому грамоты № 56 и 57, подобно жалованной Витовта на участок для строительства церкви в ее «руском» и немецком вариантах (№ 53), оказались в разных отделах рижского городского архива.

В салютации № 57 вновь появляется известный по ранним грамотам термин «поклон». Однако других следов продолжения старых традиций не чувствуется. Формула о свободе торговли и передвижения ничем не напоминает соответствующие формулы предшествующих договоров и посланий.

Полоцкий наместник кн. Иван Семёнович — это, несомненно, Иван Семёнович Друцкий. Имя Иван носили два сына Семёна Дмитриевича Друцкого — Иван Баба и Иван Путята. Поскольку Иван Баба как в современных документах, так и в позднейших источниках упоминается перед Иваном Путятой (Dokumenty. 2004. S. 11; BCz. Dok. perg. № 374; *Кузьмин*. 2007б. С. 68. Прил. 2), то старшим из двух Иванов был Иван Баба, а значит, скорее всего, он и был полоцким наместником Витовта. Он был гарантом договоров ВКЛ с Орденом 1422 и 1431 гг., а после поражения Свидригайла под Вилькомиром бежал в Ливонию, а оттуда — во Псков и Москву, где остался на службе. Часть его потомства продолжила службу в Москве, другая часть осталась в ВКЛ (*Wolff*. 1895. S. 59–60; *Рыбчонок*. 2014. С. 230).

Дополнительным аргументом в пользу идентификации полоцкого наместника 1409 г. как Ивана Семёновича Бабы Друцкого служит изображение на его печати — стрела с двумя парами полумесяцев по обеим сторонам от нее. Близка к ней печать И. С. Бабы Друцкого 1431 г., тогда как на соседней печати Ивана Путяты Друцкого изображен символ, который можно интерпретировать как процветший крест (*Хоруженко*. 2014. С. 125). «Стреловой» тип личных клеймовых знаков (по классификации А. Шаланды) характерен и для печатей потом-

ков Ивана Бабы. Впрочем, встречается он и на печатях потомков Григория Семёновича Друцкого — брата Ивана Бабы (*Шаланда*. 2014. С. 320; см. также в настоящем издании: Т. 1. Табл. V. № 23, 24; о Григории Друцком см. комментарий к № 66).

А. Л. Х., С. В. П.

58

[1409 г. сентября 1 — после 1415 г. ноября 15. Полоцк]. — Послание архиеп. пол. Феодосия совету г. Риги с сообщением об отправке священника [в ц. Св. Николая в г. Риге], с просьбой передать «рускому» населению Риги наставление оказывать покровительство этому священнику

Грек Феодосий был поставлен во епископа полоцкого митр. Киприаном в 1392 г., в 1395–1396 гг. сопровождал Киприана в поездке в Новгород, Псков и Москву. После смерти Киприана (16 сентября 1406 г.) выехал в Константинополь как кандидат Витовта на митрополию, однако эта попытка сделать митрополитом всея Руси ставленника великого князя литовского оказалась безуспешной, и митрополичью кафедру занял грек Фотий, впоследствии упрекавший Феодосия в попытке сделать это «по мьзде». Очевидно, лишь во время этой поездки Феодосий мог получить сан архиепископа. В 1415 г. участвовал в соборе западнорусских епископов в Новогородке Литовском, где митрополитом был избран Григорий Цамблак. В некоторых списках соборной грамоты Феодосий титулуется архиепископом не только полоцким, но и литовским (*Chodynicki*. 1934. S. 35–36. Przyp. 2; *Кузьмин*. 2012. С. 237, 239–241).

Поскольку Феодосий именуется архиепископом, грамота могла быть написана не раньше его возвращения из Константинополя. Он отправился туда не ранее 1407 г., а вернулся, надо полагать, примерно в одно время с приездом на Русь 1 сентября 1409 г. занявшего митрополичью кафедру грека Фотия (*Прохоров*. 1989. С. 475). Эта дата выбрана в качестве условной нижней хронологической границы грамоты. Верхняя хронологическая граница также условна: ориентиром для нее служит последнее упоминание Феодосия в соборном деянии епископов Западной Руси о поставлении Григория Цамблака (АЗР. Т. 1. № 24. С. 33). Следующий полоцкий владыка Симеон II Старый (Новгородец) упоминается лишь в первой половине 40-х гг. XV в. (см. ниже № 74, 75, 102, 135).

«Писания ваша дошло до менѣ, и вразумѣлъ есми, што ми пишетѣ про попа» — Имеется в виду просьба Рижского городского совета прислать в Ригу нового священника для православной церкви Св. Николая. Эта церковь предназначалась для проживавшей в Риге и приезжей «руси», в частности купцов, которыми использовалась также в качестве склада (см. № 60). Православная церковь Св. Николая была центром Русского подворья в Риге и дала название улице Русской (впоследствии — Пивоварная улица, ныне ул. Алдару) к северу от улицы Св. Якова (ныне ул. Екаба) (см. о ней подробнее: *Катре*. 1937; *Кампе*. 1938; *Ангерманн*. 2003. С. 266; *Цауне*. 2009).

С. В. П.

59

1409 г. октября 1. Троки. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с просьбой содействовать в правосудии [не названному по имени] полочанину — предъявителю данного послания по делу между ним и вдовой рижанина Дорофея о возмещении ущерба за утраченный товар

Письмо написано писцом, руке которого принадлежат еще 33 документа Витовта 1407–1421 гг. («шестая рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P.

335–345, 498, № 39). Оно заполняет пробел в итинерарии Витовта на заключительной фазе первого этапа войны Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом 1409–1411 гг. (*Purc.* 1971. S. 89; *Tęgowski.* 2006. S. 69). Если еще в середине — конце сентября в Ордене располагали информацией, что Витовт со своими войсками находится в Мазовии и готовится принять участие в польско-литовской контратаке на Пруссию (*Jóźwiak, Kwiatkowski, Szweda, Szybkowski.* 2010. S. 138–140), то уже 1 октября он занимался торговыми делами своих подданных в Троках.

Рижанин Дорофей упоминается также в № 60.

С. В. П.

60

[1409 г.] декабря 23. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с просьбой содействовать в правосудии [не названному по имени] полочанину — предъявителю данного послания по делу между ним и вдовой рижанина Дорофея, с сообщением о приказе прислать для заседания в суде представителя от полочан

Письмо написано писцом, руке которого принадлежат еще два документа Витовта, написанные в 20-х числах мая 1409 г. («рука E» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė.* 2007. P. 397–399, 498, № 40). Местопребывание Витовта в момент написания письма неизвестно; есть основания полагать, что он находился в Литовской земле (*Purc.* 1971. S. 90). Письмо посвящено тому же делу, что и № 59. Примечательна ссылка Витовта на заключенный несколькими годами ранее Копысский торговый договор (№ 54).

«Русская церковь» — православная церковь Св. Николая в Риге (см. комментарий к № 58). Как выясняется из данного послания, она служила не только местом совершения богослужений, но и выполняла функцию склада товаров русских купцов, как и немецкая церковь Св. Петра в Новгороде.

С. В. П.

61

[1409 г. августа 27 — 1412 г. апреля 14]. — Послание пол. нам. Фёдора совету г. Риги с сообщением о результатах судебного разбирательства по делу между [полочанином] Петром и [рижанином] Пантелеем о недоброкачественной сельди

Конфликт полочанина Петра и рижского купца Пантелея из-за поставки вторым недоброкачественного товара (сельди) разбирали два полоцких наместника — Фёдор и Немир (№ 61, 62). Коль скоро в грамоте № 62 говорится, что по поводу конфликта из-за сельди уже имела место длительная переписка, значит, грамота № 61 написана раньше — между 26 августа 1409 г., когда полоцким наместником еще был князь Иван Семёнович (№ 57), и до 15 апреля 1412 г., когда в этой должности впервые упоминается Немир (CEV. № 492. P. 231; *Łowmiański.* 1983. S. 415–416. Przyp. 228. О Немире см. комментарий к № 62).

Послание позволяет судить о процедуре судопроизводства по торговым конфликтам. Наместник и бояре (неопределенным числом) выслушали жалобу истца и показания свидетелей — «людников», установив предварительно, что свидетели не состоят в родственных отношениях с истцом. На этом этапе судебного процесса присутствовали два немца (ответчик и свидетель с его стороны), роль которых в послании приближается к роли бояр, «перед» которыми свидетели приносили присягу в точности своих показаний. Такой порядок судопроизводства с участием сторон и свидетеля был заложен еще договором 1229 г. (*Rohdewald.*

2005. S. 126). Указывая сходство процесса судопроизводства с ливонским рыцарским и земским правом, Ш. Родевальд вопреки предшествующему наблюдению приходит к неоправданному выводу о влиянии немецкого права на полоцкое (*Rohdewald.* 2005. S. 127).

Обращает на себя внимание тот факт, что бояре, в отличие от свидетелей, по имени не названы. Вероятно, это можно объяснить тем, что в Риге и без того знали, с кем из бояр наместник осуществляет суд, а имена свидетелей, вероятно, тоже, как и истец, участников торговли с Ригой, представляли особый интерес. Трудно согласиться с мнением Ш. Родевальда, будто на наместничьем суде присутствовали два боярина (по именам названы два свидетеля). Судя по практике XVI в., их бывало и больше в зависимости от разных обстоятельств (*Варонін.* 1998. С. 47). Вместе с тем это упоминание говорит о существенной роли бояр, наряду с местичами, в общественно-политической жизни Полоцка уже в начале XV в.

Из послания явствует, что сделка полочанина Петра с немцем Гранем не была письменно оформлена. Покупатель и продавец ограничились устной договоренностью в присутствии свидетелей. В торговле северо-западных городов Руси, согласно словарю Т. Фенне, такие обычаи сохранялись довольно долго (Tonnies Fenne. 1960–1961). Можно предполагать, что сама сделка носила характер товарного кредита, причем в качестве заимодавца выступал рижанин, что в целом для полоцко-рижской торговли было не очень характерно (подробнее см.: *Хорошкевич.* 1977б).

По мнению Ш. Родевальда, послание было выдано истцу, чтобы тот предъявил его в Риге (*Rohdewald.* 2005. S. 127). Адресат действительно указан на обороте документа — рижские ратманы. Но каким путем послание было доставлено по назначению, сказать трудно. Наиболее вероятной представляется отправка его официальным путем.

Адрес послания очень архаичен. Писец последовательно употребляет буквы древнерусского алфавита, которых избегали писцы проекта договора и полоцкой подтвердительной грамоты 1405–1407 гг. В грамоте полностью отсутствуют полонизмы. Скорее всего, в канцелярии наместника Фёдора писцами были полочане.

Полоцкий наместник Фёдор — это Фёдор Корсак, боярин князя Андрея Ольгердовича, упоминаемый в грамотах № 11 и 13. Идентифицировать его позволяет печать его внука Василия, которой скреплена грамота № 61. В таком случае данное послание показывает, что Фёдор Корсак сохранил свои владения и влияние и после многократной смены власти в Полоцке (*Rohdewald.* 2005. S. 101).

«Кгрань» — имеется в виду Ганс Гран, рижский бюргер, торговавший с Полоцком, где в 1412 г. были задержаны его товары (LECUB. Bd. 6. № 2992. Sp. 377; HUB. Bd. 5. № 1084. S. 563).

Участники тяжбы полочанин Пётр и рижанин Пантелей упоминаются также в № 62, который посвящен тому же делу.

А. Л. Х., С. В. П.

62

[1411 г. февраля 2 — 1422 г. сентября 26; скорее всего, около 1412–1413 гг.]. — Послание пол. нам. Немира совету г. Риги с сообщением о результатах судебного разбирательства по делу между полочанином Петром и [рижанином] Пантелеем, с просьбой возместить Петру торговые убытки

Поскольку грамота № 62 посвящена тому же конфликту между полочанином Петром и рижанином Пантелеем, что и № 61, то она была написана достаточно скоро после вступления Немира в должность полоцкого наместника (ср.: *Łowmiański.* 1983. S. 415–416. Przyp. 228). С другой стороны, уже при нём посланию № 62 предшествовала некая переписка с рижскими

властями по тому же вопросу, т. к. в документе говорится от имени Немира: «Што и перво писали есмо к вамъ про того Петра…» В самом общем виде хронологические рамки задаются деятельностью Немира: он стал полоцким наместником не ранее 1 февраля 1411 г. и перестал им быть не позже 27 сентября 1422 г. (см. ниже). Учитывая обстоятельства дела, верхний хронологический рубеж следует сдвинуть в конец 1412 г., когда по приказу Витовта в Полоцке были задержаны рижские купцы, а их товары отняты (HUB. Bd. 5. № 1084, 1088, 1093).

Ян Немир (Немира) — знатный литовский боярин, вотчиной которого был Вселюб в Новогрудском повете. В конце XIV — начале XV в. входил в окружение Витовта. Впервые упоминается в числе гарантов Салинского договора Витовта с Тевтонским орденом 12 октября 1398 г. как великокняжеский конюший. В должности полоцкого наместника упоминается в документах о присоединении Витовта к миру между польским королем Владиславом II Ягайлом и римским и венгерским королем Сигизмундом Люксембургским в апреле 1412 г. (CEV. № 492. P. 231; CESXV. T. 2. № 49. P. 55), а также в одном из актов Городельской унии (AUPL. № 49. S. 54). Перед этим он без всякой должности фигурирует в документах первого Торнского мира 1411 г. (SVDO. Bd. 1. № 83. S. 89; CESXV. T. 2. № 35. P. 42). Таким образом, полоцким наместником он стал не ранее 1 февраля 1411 г., а перестал им быть не позднее 27 сентября 1422 г., когда полоцким наместником был уже пан Ходко Юрьевич. В 1413 г. В Городло Ян Немир получил польский герб «Ястребец». В последний раз упоминается, уже без должности, как один из гарантов Мельненского договора 1422 г. (*Semkowicz.* 1989. S. 49; *Petrauskas.* 2003. P. 276; Dokumenty. 2004. S. 83–84; *Jaszczołt.* 2015. S. 191–192). Немира и его потомков не следует путать с другими Немирами и Немировичами, действовавшими в то же время в ВКЛ и соседних государствах, самый известный из которых — волынский боярин Немира Рязанович (*Semkowicz.* 1989. S. 49–50, 53–55; *Halecki.* 1915. По указ.; *Petrauskas.* 2003. P. 84, 276, nuor. 55).

А. Л. Х., С. В. П.

63

[1411 г. февраля 2 – 1422 г. сентября 26]. — Послание пол. нам. Немира совету г. Риги с просьбой содействовать в правосудии полочанину Хварзу по его делу с рижанином Артемием Толковиной о долге

В общем виде грамота датируется периодом, в который Ян Немир мог занимать должность полоцкого наместника (см. комментарий к № 63). Поскольку в № 63 по сравнению с № 62 усложнены адрес и салютация, к ратманам добавляются «судьи», т. е. бургомистры, а к «поклону» — «верное приятельство», то полагаем, что грамота № 63 написана позже № 62. Она написана другим писцом, чем № 62.

Участники разбирательства по другим источникам неизвестны.

А. Л. Х., С. В. П.

64

Упоминание

[1411 г. февраля 2 — 1422 г. сентября 26]. — Приговор суда пол. нам. Немира о присуждении [не названному по имени] предку бояр Полоцкого пов. Оскерчичей и Теличиничей земли на [р.] Ушача и [оз.] Солонец, пожалованных вел. кн. лит. Витовтом

Датируется периодом, в который Ян Немир мог занимать должность полоцкого наместника (см. комментарий к № 63).

65

1414 г. ноября 7. Полоцк. — Грамота полочан об освобождении лив. магистром задержанных полочан и возвращении их товара, с обязательством представить указанных полочан и их товар магистру по его требованию

В предыдущих изданиях и историографии грамота датировалась то 1404 г. (*Востоков.* 1842. № XLV, 29. С. 63; РЛА. № 152. С. 118–119), то 1414 г. (СГГД. Т. 2. № 16. С. 17), а иногда обоими способами сразу (LECUB. Bd. 4. № 1651. Sp. 468; Bd. 5. № 1987. Sp. 39–40; CEV. № 303, 603. P. 108, 299). Датировка зависит от того, как понимать «и восьмеричное» («і») в дате грамоты — как обозначение десятка или как соединительный союз «и». В 1-м издании ПГ выбор был сделан в пользу 1404 г. на основе особенностей формуляра документа (ПГ. Вып. 3. С. 191–192).

Однако нет никаких данных об обстоятельствах, которые могли бы вызвать появление этого документа в ноябре 1404 г. Поручительство полочан перед ливонским магистром (им в 1401–1413 гг. был Конрад фон Фитингхоф, см. о нём комментарий к № 54), а не только рижанами, указывает на причину задержки полочан и их товаров в Ливонии — одну из войн ВКЛ с Орденом начала XV в., а точнее, войны 1401–1404 гг. или же 1414 г. В первом случае последняя вспышка боевых действий с Ливонией пришлась на апрель 1403 г., а уже летом с ведома Витовта начались полоцко-рижские переговоры (см. № 46). Начавшиеся вскоре переговоры самого Витовта с Орденом завершились в мае 1404 г. заключением мира в Рацёнжке (его ратификация, в свою очередь, была окончена в 1405 г.) (*Neitmann.* 1986. S. 153–157; *Błaszczyk.* 2007. S. 287 i nast.; *Szweda.* 2009. S. 293–294). Было бы странно, если бы за всё это время полочане не договорились с ливонским магистром о судьбе своих сограждан, задержанных ранее (как показывают прусско-литовские отношения, обмен пленными и их временный отпуск под поручительство имел место и в 1402–1403 гг.: SRP. Bd. 3. S. 262, 264–265). Поэтому более подходящим представляется отнесение данной грамоты к 1414 г.: осенью этого года состоялась очередная война Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом, в историографии получившая название «голодной». В ней приняло участие и ливонское отделение Ордена. Перемирие было заключено в октябре 1414 г., т. е. незадолго до выдачи грамоты № 33. В ноябре оно было дополнено новыми условиями, а в декабре 1414 г. ливонский магистр выдал Витовту специальную грамоту о свободе торговли купцов из ВКЛ в его землях вплоть до истечения срока действия перемирия (РЛА. № 189. С. 157; *Szweda.* 2009. S. 295).

Задержка купцов после начала боевых действий была тогда обычной практикой: так, верховный маршал в начале этой войны взял в плен в Кёнигсберге двух горожан из Литвы (CEV. № 604. P. 299), а соответствующий пункт Копысского договора (ст. 10) постоянно нарушался. Отсутствие всяких упоминаний о пленных полочанах в хорошо сохранившейся переписке Витовта с великим магистром, посвященной обмену пленными после войны 1414 г., объясняется тем, что контакты с ливонским отделением Ордена велись отдельно, а архив его магистра не сохранился. Известно, например, что ливонский магистр выдал документ, гарантировавший литовским купцам свободную торговлю на подвластной ему территории, 26 декабря 1414 г. (LECUB. Bd. 5. № 1989. Sp. 41–42), тогда как великий магистр сделал это лишь в конце марта, после напоминания со стороны Витовта (CEV. № 618, 624, 625, 628). Отнести грамоту к ноябрю 1414 г. заставляют и условия возвращения пленных: они были возвращены не насовсем, а лишь на время, до требования ливонского магистра. Это говорит о том, что выдаче грамоты сопутствовало заключение перемирия, а не «вечного мира» (перемирие несколько раз продлевалось и было заменено «вечным миром» лишь после следующей войны с Орденом, в 1422 г.).

О том, что «и десятеричное» в дате не является соединительным союзом «и», а передает цифру 10, свидетельствует передача этого союза при помощи «и восьмеричного» во всём ос-

тальном тексте грамоты. Написание «ід» вместо «ді» необычно для тогдашних кириллических документов, но также возможно. Неясно, относить ли его на счет многочисленных описок, которыми пестрит грамота («ю» вместо «сю», «векого» вместо «великого» и т. д.).

Грамота № 65 имеет некоторые оригинальные черты. Она написана от имени неопределенных «полочан»: «Мы, полоча*н*(е), даемъ ва*м* ведомо...» В конце имеет дату не от Сотворения мира, но от Рождества Христова, подобно полоцко-рижскому договору или грамоте Ивана Семёновича (№ 55, 57). Публикация грамоты носит отчетливые следы влияния латинских и немецких документов. Наименование города — вероятно, родного, — передается как «Полочьска» или «Полочь*к*(у)». Если грамота адресована ливонскому магистру (названному также своеобразно: «местерь задвиньскии»), то непонятно, каким образом она оказалась в архиве Рижского городского совета.

Наибольшее сходство № 65 обнаруживает с проектами полоцко-рижского торгового договора (№ 49, 52). Рижский проект договора предусматривал соглашение с «полочанами», такими же неопределенными, как и в № 65. В № 65 и 49 обозначение даты совершенно одинаковое: в них ведется исчисление лет от Рождества Христова, в конечном протоколе нет слова «грамота», а стоит неопределенное: «А писано...», тогда как в последующих (№ 52, 55, 57) — «А писана... грамота» Тех же «полочан» как полномочных контрагентов рижан встречаем и в полоцком проекте (№ 52). Тем не менее нельзя утверждать, что № 65 и 52 вышли из одной и той же канцелярии.

А. Л. Х., С. В. П.

66

[Около 1420–1429 гг. Полоцк]. — Послание пол. нам. кн. Григория и полочан совету г. Риги с требованием возместить ущерб полочанину Якову, пострадавшему из-за покупки недоброкачественной сельди у риж. купцов Ивана и Еремея

По палеографическим данным послание может быть датировано 20–30-ми гг. XV в. К этому времени ведет и его адрес, похожий на адреса древнейших «руских» грамот. Вместе с наместником в качестве отправителей указаны «мужи полочане», фигурирующие в полоцко-рижском договоре 1407 г. (№ 55) и близкие ко «всем мужам полочанам» грамоты Ивана Семёновича 1409 г. (№ 57). На этом основании Х. Ловмяньский считал грамоту № 66 написанной ранее № 61–63 (*Łowmiański.* 1983. S. 415–416. Przyp. 228).

Князь Григорий, единственный раз упомянутый в должности полоцкого наместника в данной грамоте, — скорее всего, Григорий Семёнович Друцкий, третий сын Семёна Дмитриевича (таким образом, он, как и другие Друцкие, состоял в свойстве с Витовтом, что наверняка поспособствовало его назначению полоцким наместником). Как деятель общелитовского масштаба князь Григорий выступил только один раз — в 1422 г. он был одним из гарантов Мельненского мирного договора Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом (Dokumenty. 2004. S. 11, 13; *Wolff.* 1895. S. 59; *Рыбчонок.* 2014. С. 226–227).

Послание направлено в Ригу от имени наместника и «мужей полочан». О боярах речи нет, они, как и в № 68, видимо, подразумевались в составе избранных «мужей». Наместник не упоминает и о полоцкой судебной процедуре, которая, будучи основанной на Копысском договоре, к этому времени приобрела рутинный характер (*Rohdewald.* 2005. S. 128).

Участники тяжбы идентификации по другим источникам не поддаются.

А. Л. Х., С. В. П.

67

[1422 г. сентября 28 — 1434 г. декабря 25. Полоцк]. — Послание пол. нам. Василия Дмитриевича Корсака, пол. бояр, местичей и «всех полочан» совету г. Риги с сообщением о решении по делу между полочанином Чернятой и рижанином Александром

Ф. Шварц, издатель грамоты, отнес ее ко времени около 1456 г. Такая датировка была подкреплена ссылкой на послание сановников ВКЛ на 17 июня 1455 г., в котором содержится последнее известное Ф. Шварцу упоминание Андрея Саковича в должности полоцкого воеводы (опубл.: *Korczak.* 2008a. Dod. № 4. S. 169–170). Однако в действительности Андрей Сакович упоминается как полоцкий воевода в 1444–1458 гг., ему предшествовали Сенько Гедигольдович (1440 г.) и Ивашко Гойцевич (между 1440 и 1445 гг., подробнее см. № 97, 98, 101).

Датировать послание позволяют сведения о Василии Дмитриевиче Корсаке (подробнее о нём см. комментарий к № 40) и других полоцких наместниках. Он занимал высокое место в неформальной общественной иерархии Полоцкой земли, вероятно, был «старшим боярином», по крайней мере какое-то время (подробнее см.: *Воронін.* 1998. С. 39–42). Неясно, занимал ли он какую-либо должность 15 мая 1432 г., когда упоминается в расширенном списке гарантов литовско-орденского союзного договора (РЛА. № 231b. С. 191; GStAPK, OBA 6087, 6088), и 22 марта 1433 г., когда подписал послание сторонников Свидригайла Базельскому собору (BP. T. 5. № 1361. P. 251). В последнем случае он назван без должности («Wayssili Dowyor Dymytriehwicz Poloczky»), в отличие от других подписавших послание, но следует учитывать, что оно сохранилось в западноевропейской копии. Уже в записи рижской расходной книги за 1434–1435 гг. упоминается полоцкий наместник Михаил, а В. Д. Корсак фигурирует без должности (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 191, 192; см. также № 70, 71). Соперник Свидригайла, великий князь литовский Сигизмунд Кейстутович, чью власть полочане признали летом 1436 г., на первых порах жестоко расправлялся со знатными полоцкими послами, приезжавшими к нему (LECUB. Bd. 9. № 133. S. 89). Известно, что в других городах (Луцке, Смоленске) Сигизмунд заменял прежних наместников на своих людей (LECUB. Bd. 8. № 855. S. 501; *Petrauskas.* 2003. P. 221, 242, 321). Всё это заставляет думать, что В. Д. Корсак, хотя и избежал участи казненных полоцких послов (см. № 61, 67), вряд ли мог быть полоцким наместником во второй половине 30-х гг. XV в. Таким образом, верхняя хронологическая граница написания грамоты — 1434/35 г. (возможно, даже до 22 марта 1433 г., если В. Д. Корсак тогда действительно не был полоцким наместником). Нижнюю границу определяет упоминание предыдущего полоцкого наместника, боярина Ходка Юрьевича (родоначальника Ходкевичей), в Мельненском договоре 27 сентября 1422 г. Когда он лишился этой должности, точно неизвестно, по крайней мере в документах 1430–1432 гг. (правда, по большей части они сохранились в списках) он уже фигурирует без нее (BPAN. Rkps 203. S. 34–35; AGAD. AZ. Rkps 32. S. 932; GStAPK, OBA 5633; OF 14. S. 691, 708; LUB. Bd. 8. № 462, 649. S. 273, 380; BCz. Rkps 233. S. 479).

Ряд особенностей формуляра послания сближает его с грамотами № 68 и 71. В интитуляции имеется сходство с № 68 («ѡ*т* велика и до ма*л*(а)») и № 71 (перечисление всех прослоек полоцкого общества). В отличие от предшествующей грамоты нет термина «все поспольство». Отличается от № 71 и салютация: вместо «поклона» в № 67 «чолобитье», подобно № 122, отчасти № 130 («Боярꙗ полоцкые и мѣ҃стичи... кланꙗють*с*(я) и чело*м* бьють») и № 147 («челобитье и соуседьскаꙗ вѣ҃рнаꙗ приязнь»). К сожалению, ни бумага, ни почерк, не имеющий сходства с почерком других грамот, ни стиль грамоты не позволяют проверить или уточнить дату ее написания.

Упоминаемый в послании полочанин Чернята, очевидно, идентичен Олферию Черняте, правившему посольство в Ригу в середине XV в. (№ 107, 108). Рижанин Александр идентификации не поддается.

А. Л. Х., С. В. П.

68

[Около 1430–1439 гг. Полоцк]. — Послание пол. нам. и «всех полочан» совету г. Риги с сообщением об освобождении из-под стражи рижан и просьбой освободить из-под стражи полочан

К. Э. Напьерский относил эту грамоту к концу XV в., исходя из обозначения в ней горожан термином «местичи». По его предположению, этот термин, появившийся лишь во второй половине XV в. для характеристики жителей города как определенной корпорации, входит в употребление в связи с введением магдебурского права (в Вильне — 1387 и 1432 гг., в Полоцке — 1498 г., в Менске — 1499 г., в Витебске — 1503 г. и т. д.) (РЛА. С. 240–241, комм. к № 287). Это наблюдение неточно. В полоцких грамотах термин «местичи» появляется значительно раньше. Его знает ряд грамот Андрея Саковича и анонимных наместников 40-х гг. XV в. (№ 105, 108, 109, 112, 117 и др.). Стало быть, уже в 40-е гг. XV в. этот термин получил широкое распространение в полоцком наречии. К сожалению, лингвисты ограничиваются общим указанием на распространение этого термина в старобелорусском языке XV–XVI вв., не фиксируя внимания на времени его появления. Так, М. Г. Булахов приводит лишь более поздние грамоты Олехна Судимонтовича (*Булахаў.* 1961. С. 79).

Не совсем справедливо и другое наблюдение К. Э. Напьерского — о том, что слово «кривда» является полонизмом. В древнерусском языке оно употреблялось значительно ранее и, по-видимому, не является заимствованием (*Срезневский.* Т. 1. Стб. 1322; СлРЯ. Вып. 8. С. 53; СДРЯ. Т. 4. С. 296).

На более раннее время указывают и другие признаки. Сам К. Э. Напьерский обратил внимание на почерк грамоты, идентичный тому, которым было переписано «Слово Изяслава» (№ 2). Хр. Станг, продолжив палеографическое исследование грамот, пришел к выводу, что почерк этой грамоты и № 44 представляет собой модификацию почерка начала XV в., которым были написаны проекты 1405 г. и полоцко-рижский договор 1407 г. (*Stang.* 1939. S. 15, 38; см. № 49, 52, 55).

Стиль грамоты ведет также к более раннему времени, подкрепляя правильность точки зрения Г. Гильдебранда о 30-х гг. XV в. как времени написания грамоты. Так, в адресе и салютации грамоты употребляются термины «мужи полочане» и «поклон». Первый из них встречается в договоре 1407 г., послании князя Григория (№ 55, 66) и близок ко «всем мужам полочанам» грамоты Ивана Семёновича (№ 57). Позднее он исчезает, смененный другими существительными, обозначающими всё население Полоцка или отдельные его группы, — «бояре», «местичи», «поспольство». Грамота № 68 зафиксировала переходный этап смены терминологии. Совместное употребление двух терминов — «мужи» и «местичи» (вернее «местици») — указывает на 30-е годы и даже конец этого десятилетия. Грамота, вероятно, относится к тому времени, когда термин «местичи» только входил в обиход полочан и употреблялся исключительно по отношению к рижанам. Второй термин, «поклон», встречается с конца XIII — начала XIV в. (в грамоте епископа Якова № 3), изредка в первой трети XV в. (в послании Ивана Семёновича № 57) и довольно часто в середине XV в. — в грамотах Василия Дмитриевича, мещан, наместников Ивашка Гойцевича и Андрея Саковича (№ 71, 101, 105, 107, 108, 117, 125, 127–129). В середине столетия салютация редко ограничивалась одним «поклоном» (№ 101, 117, 125, 127). К «поклону» прибавлялась «верная приязнь»

(№ 105, 119), «приятельство» (№ 107, 108, 129), «верная приятельская приязнь» (№ 71), «приязнь по вся часы» (№ 110), просто «приязнь» (№ 146, 156, 160) и «поздровенье» (№ 129, 161). В адресе есть еще одна особенность. К рижанам «малу и велику» обращались «мужи полочане» «от мала и до велика». Это уточнение, правда, с инверсией, «от велика и до мала», встречается лишь в двух грамотах, кроме № 68, — грамоте наместника Василия Дмитриевича и верительной грамоте полочан Курилу (№ 67 и 104), написанных в середине 30-х и начале 40-х гг. По-видимому, и эта деталь свидетельствует, что грамота № 68 относится к 30-м годам.

На протяжении первой половины XV в. изменилась и административная терминология Полоцка: «наместник» уступил свое место «воеводе». Употребление термина «наместник» говорит о написании грамоты не позднее 40-х годов.

Некоторые стилистические особенности грамоты ставят под вопрос ее написание в наместничьей канцелярии. Составитель грамоты в наррации излагает просьбу рижан при помощи выражения «молитися про свои дети». Пожелание полочан охарактеризовано тоже как «мольба»: «мы сѧ пакъ вамъ молимъ… штобы есте пустили нашю бра*т*(ь)ю на наши рукы». И глагол «молить», и существительное «дети» по отношению к горожанам свойственно епископским посланиям: «дети» в № 3, 102, 148, «молю» — в № 3, «молить» — в № 75, 148. Может быть, грамота № 68 была составлена при участии писцов епископской канцелярии в тот момент, когда в Полоцке не было наместника. Не случайно грамота была запечатана только полоцкой городской печатью, следов оттиска наместничьей печати не сохранилось, а сам наместник не назван по имени.

Полочане, в отличие от рижан, названы не «детьми», но «братьей». Этот термин применительно к жителям Полоцка без уточнения их социального положения знает грамота Василия Дмитриевича зимы 1435–1436 гг. (№ 71); «старых ратманов» епископ Симеон II называл «вашей братьей» (№ 75, до 1446 г.). Полоцкие бояре и местичи в грамоте № 105 термин «брат» прилагали к рижским ратманам и к полоцким местичам. Полоцкие местичи называли представителей своего сословия «нашей братьей» (№ 117), равно как и рижских торговцев (№ 119). Наконец, полоцкие послы в верительных, выданных от имени бояр и местичей (№ 130, 147) или одних местичей (№ 162), характеризовались в качестве «нашей братьи», независимо от того, кто входил в состав посольства — одни ли мещане (№ 130) или и бояре, и мещане (№ 147, 162). В целом на середину XV в. приходится 8 случаев использования этого термина, причем три из них — в грамотах, выданных от имени одних местичей (№ 117, 119 и 162), три — от имени бояр и местичей, 1 — от имени Василия Дмитриевича, бояр и местичей, 1 — от имени епископа. По использованию термина «братья», которым в самом широком смысле назывались все участники полоцкой торговли, грамота № 68 примыкает к традиции городской канцелярии середины XV в.

В грамоте идет речь об отпуске или пропуске рижан и их праве «ходити» «добро и волно» под ответственностью самих рижан — «на ваших руках». Эти термины также встречаются в грамотах первой половины XV в.: «добровольно» и «доброволно» в № 55 и 57, «на свои руки» в № 44 и 65.

Таким образом, дипломатические формулы грамоты № 68 указывают, скорее всего, на 30-е гг. XV в. как на время ее написания. Поскольку в грамоте речь идет о взаимном поручительстве полочан и рижан за своих купцов, она могла быть написана тогда, когда возникла потребность урегулировать взаимные отношения. В таком случае грамота № 68 относится, скорее всего, к первому этапу переговоров, предваривших заключение торгового договора (№ 73), когда в них участвовали только полочане и рижане, то есть к осени 1438 г. В противном случае в ней содержалось бы какое-нибудь указание на деятельность великого князя литовского.

А. Л. Х.

69

Упоминание

[1432 г. сентября 3 — 1436 г. сентября 1]. — Лист вел. кн. лит. Свидригайла пол. мещанам об освобождении от уплаты мыта на территории Вел. кн-ва Литовского

Свидригайло Ольгердович (в католическом крещении Болеслав) — кн. витебский (1393), подольский и новгород-северский (1399/1400–1401/1402), брянский (1404–1408), стародубский (1406–1408), черниговский (1420–1430), великий князь литовский (1430–1432) (*Полехов.* 2014а). В 1432 г. был свергнут с великокняжеского престола, бежал в Полоцк и начал борьбу за отвоевание престола и Литовской земли у нового великого князя Сигизмунда Кейстутовича (1432–1440). Потерпев решающее поражение в битве при Вилькомире 1 сентября 1435 г., Свидригайло явился в Полоцк, оттуда перебрался в Витебск, а вскоре отправился в южные земли ВКЛ. Между тем войско под командованием кн. Михаила, сына Сигизмунда, после Вилькомирской битвы в течение нескольких недель осаждало Полоцк и Витебск, но безуспешно. Летом 1436 г. оба города, «не чюя собе помощи ниоткуля», признали власть Сигизмунда (ПСРЛ. Т. 35. С. 58, 77, 108; *Lewicki.* 1892; *Matusas.* 1991). Свидригайло был окончательно вытеснен Сигизмундом из своих былых владений к концу 1438 г. В 1442–1452 гг. княжил в Луцкой земле (*Halecki.* 1915).

Несомненно, выдача настоящей грамоты полочанам объясняется особыми отношениями, которые сложились у них со Свидригайлом после его свержения с престола: из Ошмяны, где произошел переворот, он направился именно в Полоцк, где принялся собирать войска для похода на Литву. После этого известны еще три его визита в Полоцк — в декабре 1432 г. (после проигранной им Ошмянской битвы), в июле 1433 г. и в сентябре 1435 г. (после Вилькомирской битвы, опять-таки им проигранной). До этого, пока Свидригайло занимал престол Великого княжества Литовского (с осени 1430 г. до 31 августа 1432 г.), о его визитах в Полоцк ничего не известно, а все сведения о его контактах с жителями Полоцкой земли сводятся к участию Корсаков в подтверждении союзного договора с Орденом (см. комментарий к № 67). Но Корсаки всё же были боярами, а в благоприятных условиях торговли были заинтересованы занимавшиеся ею мещане. Поэтому нижней хронологической границей служит появление Свидригайла в Полоцке после ошмянского переворота (LECUB. Bd. 8. № 624), верхней — начало осени 1436 г. как крайняя дата перехода Полоцка под власть Сигизмунда Кейстутовича.

В упоминании грамот Свидригайла, Казимира и Александра говорится, что они освободили полочан от уплаты мыта, «яко ви*л*(ь)новцовъ и трочанъ», причем только на территории Великого княжества Литовского. Жители Вильни получили такое освобождение 23 сентября 1432 г. (СДГА. Ч. 1. № 2. С. 2). Вполне возможно, что Свидригайло, выдавая такую грамоту полочанам, последовал примеру Сигизмунда, однако содержать ссылку на пожалование его заклятого врага такая грамота не могла. Эта ссылка могла появиться не ранее княжения Казимира, если не позже. Вместе с тем указание на территорию Великого княжества Литовского было бы закономерно для грамоты Свидригайла, который, вопреки распространенному мнению, стремился не к созданию «Великого княжества Руского» (это конструкция, при помощи которой осмыслял территориальный раскол ВКЛ смоленский летописец), а к отвоеванию у Сигизмунда исторического центра государства с Вильней и Троками (подробнее см.: *Полехов.* 2014. С. 185–188). Обращает на себя внимание и другое: хотя освобождение полочан от уплаты мыта на территории ВКЛ предусматривалось областным привилеем (возможно, эта норма попала туда как раз в 30-е гг. XV в.; см. № 476), специальная грамота об этом подтверждалась почти каждым новым правителем.

С. В. П.

70

Упоминание

1435 г. [сентября 24 — октября 17. Полоцк]. — Послание [не названного по имени] пол. нам., Василия [Дмитриевича Корсака] и полочан лив. ландмаршалу с сообщением о ходе боевых действий между Свидригайлом и Сигизмундом Кейстутовичем и просьбой предоставить военную помощь против последнего

Послание с просьбой о помощи, адресованное руководству ливонского отделения Ордена, было написано полочанами в то время, когда Орден еще не успел оправиться от сокрушительного поражения в Вилькомирской битве 1 сентября 1435 г., в котором погиб и ливонский магистр Франке Керскорф. Поэтому его обязанности исполнял ливонский ландмаршал Генрих Бокенфорде по прозванию Шунгель, не участвовавший в битве. Поскольку он получил послание 17 октября 1435 г., то написано оно было, вероятно, не позже чем за неделю до этого, учитывая скорость сообщения между Полоцком и Ригой. Нижняя хронологическая граница определяется тем, что 24 сентября 1435 г. Свидригайло был в Витебске, а осада города войсками Сигизмунда к этому времени еще не началась (LECUB. Bd. 8. № 981. S. 591–592). Получив письмо полоцких властей 17 октября, ливонский ландмаршал незамедлительно написал им, призывая не сдаваться Сигизмунду и заверяя в соблюдении союзного договора (LECUB. Bd. 8. № 998. S. 610), однако никакой помощи так и не оказал. Сигизмунд Кейстутович отошел от Полоцка и Витебска поздней осенью 1435 г., когда его атаковали войска Свидригайла (MAB RS. F 15–73. L. 6 v).

«…наместник Полоцка и еще некий [человек] по имени Василий, вместе с полочанами…» — Полоцкий наместник, возможно, идентичен некоему Михаилу, упоминаемому с такой должностью в рижской расходной книге под 1434–1435 гг. (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 191, 192). Василий — это полоцкий боярин Василий Дмитриевич Корсак (см. о нём комментарии к № 40, 67). Сохранилось аналогичное послание рижским властям, составленное от имени В. Д. Корсака и полочан, но уже без участия наместника (№ 71).

С. В. П.

71

[1435 г. декабря 1 — 1436 г. августа 31. Полоцк]. — Послание Василия Дмитриевича [Корсака], пол. бояр, местичей и «всех полочан» совету г. Риги с просьбой предоставить убежище полоцким беженцам из Жомойти и побудить лив. [магистра] освободить полочан, плененных [в битве на р. Святой], с обещанием взаимности в решении других вопросов

Поскольку в послании говорится, что «побитье» в Жомойти (Вилькомирское сражение) состоялось «в сии ж годъ», оно датируется промежутком между 1 сентября 1435 г. и 31 августа 1436 г. Эту дату можно сузить до осенних месяцев 1435 г.: очевидно, оно написано вскоре после получения известий о пленении полочан властями ливонского отделения Ордена, причем говорится о «князе мештере», хотя ливонский магистр Франке Керскорф погиб в Вилькомирской битве и его полномочия осуществлял ливонский ландмаршал, о чём в Полоцке на первых порах не было известно. Массовое бегство пленных из Жомойти объясняется тем, что войска оттуда, как и из других владений Сигизмунда Кейстутовича, были брошены против Свидригайла и ливонского отделения Ордена с целью развить успех (LECUB. Bd. 8. № 998, 999, 1002; GStAPK, OBA 9400).

О полоцком боярине Василии Дмитриевиче Корсаке см. комментарии к № 40 и 67.

«Побитье» — сражение между войсками Свидригайла и Сигизмунда Кейстутовича у Вилькомира, состоявшееся 1 сентября 1435 г. В нём участвовали полоцкие путные слуги (№ 124) и «местичи» (ПСРЛ. Т. 35. С. 59).

Жомойть — историческая область в западной части современной Литвы. Восточная граница Жомойти с конца XIV в. проходила по р. Невяже (совр. Невежис) (*Saviščevas*. 2010. P. 36), а место Вилькомирской битвы находится восточнее этой границы. Впрочем, так же определяют место этого сражения псковские летописи (ПЛ. Вып. 2. С. 45, 131–132), что, возможно, свидетельствует о получении данной информации от полочан, с которыми псковичи поддерживали регулярные контакты.

А. Л. Х., С. В. П.

72

Упоминание

[1436 г. января 1 — марта 9]. — Послание [не названного по имени] пол. нам. лив. ландмаршалу с сообщением о положении дел у вел. кн. лит. Свидригайла

Нижняя хронологическая граница условна. Поскольку речь шла о недавних событиях, скорее всего, послание полоцкого наместника было написано в феврале 1436 г. Верхняя хронологическая граница определяется датой упоминания этого послания. Из него следует, что в начале 1436 г. полочане еще поддерживали контакты со Свидригайлом, который удалился в южные земли ВКЛ (Киевщину) и планировал крупномасштабный поход против Сигизмунда Кейстутовича (LECUB. Bd. 9. № 2, 27). Он, однако, так и не состоялся, и летом того же года Полоцк и Витебск признали власть Сигизмунда.

С. В. П.

73

1439 г. [февраля 5]. Троки. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Сигизмунда [Кейстутовича] договора вел. кн. лит. Витовта с лив. магистром Конрадом фон Фитингхофом и советом г. Риги о торговле между городами Полоцком и Ригой

Текст грамоты о подтверждении торгового договора Полоцка и Риги практически полностью повторяет текст Копысского договора 1406 г. (№ 54). Подтверждению договора предшествовал переход Полоцка под власть Сигизмунда Кейстутовича и очередные разногласия полочан с рижанами. Сближение Сигизмунда с ливонским штатгальтером (исполняющим обязанности магистра) Гейденрейхом Финке фон Офербергом и рижским архиепископом Геннингом способствовало преодолению этих разногласий.

О полоцко-рижских переговорах в конце 30-х гг. сообщают несколько источников. В рижской расходной книге отмечено пребывание в Риге двух полоцких посольств, связанных с возобновлением полоцко-рижских торговых отношений, — осенью 1438 г. и в начале зимы 1439 г. (дважды записаны расходы на овес, пиво, мед и мясо для полоцких послов: *Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 205, 207). Тогда же, 13 сентября 1438 г., по просьбе Рижского городского совета в канцелярии рижского архиепископа была составлена нотариально заверенная копия Копысского договора (LECUB. Bd. 9. № 415. S. 287; *Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 207; см. также легенду к № 54). В январе 1439 г. в Ригу прибыло посольство великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 207), которое достигло договоренности о возобновлении торговли и союзе рижского архиепископа Геннинга, ливонского магистра и великого князя литовского. Эти документы (подтверждение Копысского мира и согла-

шение о политическом союзе) были утверждены Сигизмундом в Троках 5 февраля 1439 г. (LECUB. Bd. 9. № 415, 416. S. 287–289). Поскольку грамоту Сигизмунда Кейстутовича переписал писец комтура Дюнабурга, она написана на средненижненемецком языке, распространенном в Ливонии и абсолютно не характерном для литовской великокняжеской канцелярии, хотя в 1438 г. был транссумирован средневерхненемецкий текст Копысского договора. Возможно, для написания договора 1439 г. было использовано средненижненемецкое переложение Копысского договора (см. № 54). При этом текст договора 1439 г., за исключением протокола и эсхатокола, дословно повторяет текст договора 1406 г.: так, в ст. 10 упоминается умерший в 1413 г. (см. комментарий к № 54) ливонский магистр Конрад фон Фитингхоф, с которым у великого князя литовского может возникнуть «обида, вражда или ссора».

А. Л. Х., С. В. П.

74

[Около 1440 г. — 1446 г.] апреля 27. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. Симеона II совету г. Риги с просьбой разрешить покупку извести для ремонта ц. Св. Софии в г. Полоцке

75

[Около 1440 г. — 1446 г.] декабря 29. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. Симеона II совету г. Ригис просьбой покрыть крышу ц. Св. Николая в г. Риге за счет церковных средств и давать ругу священнику этой церкви Ивану

102

[1440–1446 гг.] сентября 20. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. Симеона II совету г. Риги с требованием передать церковные деньги священнику ц. Св. Николая в Риге Ивану

Все три грамоты вышли из канцелярии полоцкого архиепископа Симеона II, известного как Симеон Старый (№ 380) или Симеон Новгородец (ПР 1552 г. С. 177). Точные даты его владычества неизвестны. Ранее в литературе он смешивался с Симеоном III, упоминаемым на полоцкой кафедре в 1470–1481 гг. (*Arbusow*. 1902/1904. S. 273; *Arbusow*. 1911–1913/1914. S. 94).

Грамотам присуща определенная общность стиля и почерка (можно утверждать, что № 74 и 102 написаны одним почерком, а № 75 — очень близким к нему), а также скрепляющей их печати Симеона. Грамота № 74 написана на бумаге с водяным знаком «Гроздь винограда». Он имеет сходство с филигранями письма немецких купцов из Полоцка от 20 февраля 1448 г. (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 172; публикация текста: LECUB. Bd. 10. № 416. S. 287) и одной из грамот полоцкого воеводы Петра Монтигирдовича 1459 г. (№ 143). Однако филиграни этих трех документов не тождественны. Поскольку водяной знак грамоты № 74 расположен по обрезу, т. е. виден лишь частично, а филигрань «Гроздь винограда» была в середине XV в. очень распространенной, найти близких соответствий в альбомах филиграней не удалось. В грамоте № 74 речь идет о пожаре в Полоцке, от которого пострадал и Софийский собор. Если считать, что это большой пожар, когда «Полотско городѣ выгорѣ весь», упоминаемый в псковских летописях (ПЛ. Вып. 1. С. 45; Вып. 2. С. 46, 133), то грамоту следует относить к 1440 г.

Terminus ante quem грамоты № 102 определяется упоминанием «великого князя». Отсутствие королевского титула свидетельствует, что грамота написана до коронации Казимира 25 июня 1447 г. Грамоты № 75 и 102 посвящены одному и тому же сюжету — положению церкви Св. Николая в Риге и вопросам распоряжения церковной казной, которая находилась в распоряжении рижских ратманов и которую никак не мог получить полоцкий священник с тем, чтобы израсходовать деньги на нужды церкви. В обеих грамотах упомянут священник по имени Иван — возможно, один и тот же. Поэтому написание обеих грамот, вероятно, разделено небольшим промежутком времени.

Во всех трех грамотах инвокация символическая, в виде креста.

Подобно грамоте епископа Якова (№ 3), грамоты Симеона содержат «благословение». Дата обозначена месяцем и числом.

Из-за неполноты сведений о рижском городском совете трудно сказать, кого имел в виду Симеон под названием «старые ратманы». Возможно, имелись в виду члены городского совета — казначеи 30-х гг. XV в. Известно несколько казначеев 30-х гг. XV в.: Фридрих Сефенекен (1431 и 1432 гг.), Генрих Герсе (1431 и 1434 гг.), Тидеманн Бокель (1432 и 1435 гг.), Томас Виттенборг (1432–1435 и 1437 гг.), Готшалк Фиш (1435, 1439 и 1440 гг.). Лишь об одном из казначеев 30-х гг. известно, что он занимал эту должность и в 40-е гг., — это Годеке Снюфер (1438–1439, 1441, 1447 и 1448 гг.). Все остальные казначеи 40-х гг. новые: Иоганн Герезем (1442–1446, 1449–1454 гг. и др.), Веннемар Кармен (1440, 1450–1456 гг.), Иоганн Фойнкхузен (1447–1449, 1452 и др. годы), Корд Бартман (1445 г.), Иоганн Трерос (1446 г.) (*Böthführ*. 1877. S. 99–105). Это обстоятельство также может указывать на 40-е годы XV в. как время написания грамоты № 75.

А. Л. Х.

76

Упоминание

[Около 1440 г.]. — Продажный лист Симона и Селивестра Михайловых детей и зятя Симонова Ивана [протопопу ц. Св. Софии в г. Полоцке] Юрию на с. Горспле и др. земли в Полоцком пов.

Датируется условно, по времени деятельности протопопа Софийского собора Юрия, который в 1440 г. получил грамоту князя Юрия Лугвеневича (№ 100).

О протопопе Юрии, его владениях и потомках см. № 135, 364 и комментарии к ним.

С. В. П.

77

[1440 г. июня 29 — 1451 г.]. — Запись о пожаловании [вел. кн. лит. Казимира пол. боярину] Остафию Васильевичу [Корсаку] шести данников на р. Псуе [в Полоцком пов.]

Настоящей грамотой открывается группа кратких записей (№ 77, 78, 79, 80, 81, 98Б), сохранившихся в составе «Книги данин Казимира» — древнейшей книги Метрики Великого княжества Литовского (подробнее о ней см. введение к настоящему изданию: Т. 1. С. 16–18). Не исключено, что на каком-то этапе складывания «Книги данин Казимира» была произведена попытка объединить полоцкие записи по географическому признаку в единую группу: на это может указывать заголовок № 77 «ꙋ Полоцку», если допустить, что он относится

не только к этой записи, но и ко всей группе. Если такая попытка и имела место, то она увенчалась удачей лишь отчасти: полоцкие записи перемежаются относящимися к другим частям ВКЛ, причем в одном случае полоцкая запись (№ 133) продолжает лукомскую — в обеих говорится о пожалованиях членам одного и того же рода Саковичей.

Нижней хронологической границей № 77 является дата возведения Казимира Ягеллона на престол ВКЛ (*Tęgowski.* 1999. S. 140), верхняя определяется окончанием деятельности писаря Ивана Кушлейка (см. о нём ниже).

Остафий Васильевич — полоцкий боярин, сын Василия Дмитриевича Корсака (о последнем см. комментарий к № 40 и 67). Активная деятельность Остафия Корсака приходится на 60–80-е гг. XV в. (см. № 179, 192, 194, 210 и комментарии к ним). Но, как явствует из настоящей записи, он еще при жизни своего отца считался правоспособным субъектом. Вероятно, причина «внимания» правящих кругов ВКЛ к Остафию Корсаку в 40-е гг. XV в. заключается в их стремлении всеми средствами укрепить позиции Казимира в Полоцкой земле, где Корсаки пользовались очень большим влиянием.

Псуя — село на юго-западе Полоцкой земли к северу от оз. Сто.

Первое имя под записью обозначает лицо, которое инициировало пожалование или выступило посредником между его получателем и великим князем. В документах с полным формуляром это лицо обычно называется в составе формулы «приказ такого-то» или «правил такой-то». В данном случае это Сенько Гедигольдович, в 1440 г. бывший полоцким наместником (см. комментарий к № 97). Однако неясно, в каком качестве он выступил в данном случае — как полоцкий наместник или просто как вельможа, знакомый получателю пожалования, например, по предшествующему занятию этой должности. Впрочем, «приказ» мог отдавать и сам великий князь (*Hruša.* 2011). В отличие от Русского государства, где «приказ» столетием позднее, в XVI в., стал функционально связан с учреждениями того же наименования, в Великом княжестве Литовском в XV в. право «приказа» осталось личным, прерогативой монарха и его ближайшего окружения.

Второе имя обозначает писаря, непосредственно составившего документ. Им был Иван Кушлейко — писарь (дьяк) канцелярии великого князя литовского Казимира, упоминаемый в этом качестве в 1440–1460 гг. Он владел землями в Менске, семьями и отдельными людьми в Жомойти, в том числе полученными за службу от Казимира (РИБ. Т. 27. Стб. 55, 76, 79; подробнее см.: *Груша.* 2006б. С. 142; *Груша.* 2012а. С. 68–69).

А. Л. Х., С. В. П.

78

[1440 г. июня 29 — 1447 г. июня 25]. — Запись о пожаловании [вел. кн. лит. Казимира пол. боярину] Василию Корсаку шести человек [в Полоцком пов.]

Датируется по именованию Казимира великим князем, без указания королевского титула, и упоминанию Яна Довгирда — знатного литовского боярина, занимавшего должность виленского воеводы до своей смерти ок. 1443 г. (см. о нём: *Semkowicz.* 1989. S. 117–118; *Petrauskas.* 2003. P. 224–225).

О получателе пожалования полоцком боярине Василии Дмитриевиче Корсаке см. комментарий к № 40 и 67.

Семён Сопега — писарь канцелярии великого князя литовского Казимира, упоминаемый в этом качестве в 1440–1450 гг., родоначальник Сапег (Сопег, Сопежичей) (*Груша.* 2006б. С. 142).

С. В. П.

79

[1440 г. июня 29 — 1455 г.]. — Запись о пожаловании [вел. кн. лит. Казимира] полочанину Яцку восьми человек и двух землиц, Милковской и Кобелковской, в с. Быстри [Полоцкого пов.]

Датируется по расположению в «Книге данин Казимира». Верхняя дата условна: хотя большинство записей, занесенных в эту книгу, относится ко времени до 1455 г., есть и такие, котоые были сделаны после этой даты. Поскольку копии пожалований Яцку и Ходору вписаны в Метрику Великого княжества Литовского одна за другой, не исключено, что речь шла об одной семье — Ходоровича.

Яцко полочанин — полоцкий боярин. Во время воеводства Андрея Саковича в Полоцке жили два боярина с таким именем — Яцко Ходорович и Яцко Григорьевич (оба упоминаются в № 121). «Яцко полочанин» грамоты № 79 был, скорее всего, сыном Григория — родоначальника полоцких бояр Быстрейских (*Варонін.* 1998. С. 49–50), а не Ходора из рода Радковичей, упоминаемого в следующей записи (№ 80).

Вол. Быстрея, на территории которой находились пожалования Казимира Яцку, находилась на правом берегу р. Двины в 30 верстах выше Полоцка. В XVIII в. здесь было два селения с созвучными названиями — Быстрое и Быстрая. В XVI в. там находилась церковь Преображения Спасова, в волости было 3 деревни, «…было то с. пана Яцка Быстрейского» (*Калачов.* 1877. С. 438). Таким образом, род потомков Яцка стал именоваться Быстрейскими благодаря пожалованию Казимира, оформленному грамотой № 79. Имя Яцко, по-видимому, было особенно популярным в этом роду: в переписи войска ВКЛ 1528 г. Яцко Быстрейский назван первым в реестре Полоцкой земли. Выставляемый им отряд насчитывал 8 коней (РИБ. Т. 33. Стб. 192; МВКЛ. Кн. 523. С. 154; LM. Kn. 523. P. 138).

Милковскую и Кобелковскую «землицы» найти не удалось. В Полоцкой земле известен двор Мильковичи (№ 376), однако в конце XV в. его «держал» кн. Иван Трубецкой, что может служить аргументом против его отождествления с Милковской «землицей».

А. Л. Х., С. В. П.

80

[1440 г. июня 29 — 1455 г.]. — Запись о пожаловании [вел. кн. лит. Казимира пол. боярину] Ходору бобровых гонов на р. Наче и держания волости Себежа в очередном порядке после Валфромея

Датируется по расположению в «книге данин Казимира» (см. введение к настоящему изданию в т. 1, а также комментарий к № 77).

Имя Ходор известно в Полоцке и до другим источникам. Боярин Ходор Радкович упомянут в грамоте Андрея Саковича № 121. Ходар Медведь назван в грамоте Василия Дмитриевича Корсака (№ 67) среди других «добрых людей», присутствовавших при торговой сделке полочанина Черняты с немцем Александром. Судя по различию сфер их действия, скорее всего это разные лица, Ходора же грамоты № 80 следует отождествлять с боярином Ходором Радковичем.

Нача — река в Полоцкой земле. Возможно, еще до момента этого пожалования Ходору принадлежали земли на этой реке. Населенного пункта под названием Лежневцы найти не удалось. Волость Собеж находилась на северо-западе Полоцкой земли (ее центр — нынешний г. Себеж, районный центр Псковской обл. России).

Валфромей (Варфоломей), возможно, идентичен Волфромею Шипило (№ 121) и мог быть отцом Костюшки Волфромеевича (№ 422, 464).

А. Л. Х., С. В. П.

81

[1440 г. июня 29 — около 1450 г.]. — Запись о пожаловании [вел. кн. лит. Казимира пол. боярину] Гридку Радковичу и его сыну Бенку Измаилу земель, находившихся во владении Яцка Григорьевича

Датируется по времени княжения Казимира и деятельности писаря Семёна Сопеги (см. комментарий к № 78).

Гридко (Григорий) Радкович — полоцкий боярин, один из первых известных представителей обширной династии Радковичей. Возможно, он был сыном того полоцкого боярина Радка (Radeke), который, по сообщению Германа из Вартберге, погиб во время похода Ольгерда и Андрея Полоцкого в Ливонию в марте 1375 г. (SRP. Bd. 2. S. 107–108).

Бенко Измаил, полоцкий боярин, сын Гридка Радковича, в других источниках не упоминается. Позднее действовал сын Гридка — Сенько (№ 82, 86, 87, 114, 115). Скорее всего, в данном случае мы имеем дело не с опиской, а с другим человеком, поскольку указано второе имя — Измаил.

Яцко Григорьевич — полоцкий боярин, родоначальник Быстрейских (*Воронін.* 1998. С. 49–50), упоминается также в № 121 в числе семи бояр — участников суда по земельному спору.

А. Л. Х., С. В. П.

82

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1476 г. декабря 31]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира [пол. боярину] Гридку на пять человек Ставровичей в Полоцком [пов.]

Датируется по времени княжения Казимира и выдачи им подтвердительного листа Сеньку Радковичу (см. № 145 и комментарий к нему).

83

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1447 г. июня 25]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира [пол. боярину Селяве] на людей сельчан [в Полоцком пов.]

Датируется временем великого княжения Казимира до занятия им польского престола. Настоящее упоминание — редкий случай точного указания того периода, когда была выдана грамота Казимира. В других случаях не всегда отмечалось, что ту или иную грамоту Казимир выдал еще до коронации, будучи «королевичем» (см. комментарий к № 98). О содержании грамоты см. комментарий к № 342.

С. В. П.

84

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1447 г. июня 25]. — Лист вел. кн. лит. Казимира пол. мещанам об освобождении от уплаты мыта на территории Вел. кн-ва Литовского

По именованию Казимира «королевичем» датируется временем великого княжения Казимира до занятия им польского престола. См. также комментарии к № 69, 313.

С. В. П.

85

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1486 г. августа 31]. — Лист вел. кн. лит. Казимира пол. боярам о порядке сбора с них экстраординарных податей

Датируется временем великого княжения Казимира до выдачи им грамоты № 265.

86

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1451 г. мая 1]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира пол. боярам Гринку и его сыну Сеньку на восемь людей свилян в Полоцком пов.

87

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1451 г. мая 1]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира пол. боярам Гринку и его сыну Сеньку на с. Свило в Полоцком пов.

Датируется периодом великого княжения Казимира до смерти Сенька Гедигольдовича, разбиравшего жалобу Гринка и Сенька на полоцкого воеводу Андрея Саковича (см. комментарии к № 114, 115, 314, 318).

С. В. П.

88

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1492 г. июня 7]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира пол. городским дворянам Пантелею и его брату Анципору на половину [с.] Стукачева и землю Свиряевщину

Датируется временем великого княжения Казимира. См. также комментарий к № 319.

89

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1492 г. июня 7]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира [пол. мещанину, вероятно, Харитону Кортеню] на с. Антониково на боярскую службу

90

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1492 г. июня 7]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира [пол. мещанину, вероятно, Харитону Кортеню] об освобождении его владений от ряда повинностей

№ 89 и 90 датируются временем великого княжения Казимира. См. также комментарий к № 350.

91

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1492 г. июня 7]. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Казимира жалованной грамоты вел. кн. лит. Витовта полочанину Тереху Радковичу на с. Петрово

Датируется временем великого княжения Казимира. См. также комментарий к № 375.

92

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1492 г. июня 7]. — Уставной привилей вел. кн. лит. Казимира Полоцкой земле

Датируется временем великого княжения Казимира. См. также комментарий к № 476.

93

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1492 г. июня 7]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира [пол. боярину] Сурвилу на сбор варных куниц

94

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1476 г. декабря 31]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира [пол. боярину] Сурвилу на держание медового ключа

Точной датировке грамоты № 93 и 94 не поддаются. Ни в «Книге данин Казимира», ни в книгах 80-х гг. XV в., сохранившихся в составе современной 4-й книги записей Метрики, нет сведений о раздаче в Полоцке «варных куниц» и медового ключа. Вопрос о праве Сурвила и его брата Ивана на держание медового ключа рассматривал ок. 1463–1476 гг. полоцкий наместник Олехно Судимонтович (см. № 154). Поскольку медовый ключ давался в держание на два года, то и грамота № 94 могла быть выдана Казимиром в годы воеводства Олехна Судимонтовича или незадолго до этого, в период ок. 1459–1476 гг., а скорее всего — уже в 70-е гг. XV в., т. к. деятельность Сенька Яцкевича Епимаховича приходится на конец 70-х гг. XV в. — начало XVI в. (№ 223, 255, 380). Грамота же № 93 датируется широко — годами правления Казимира, ибо неясно, предшествовала ли она грамоте № 94 или была выдана уже после нее.

«Кꙋницы варныи» — по-видимому, установленное отчисление в пользу князя с любого пира или братчины, ради которых предпринималась варка пива. Об архаизме этого сбора свидетельствует наименование денег «куницами».

Сурвило — боярин, судя по имени, литовского происхождения. Имя Сурвило было распространено в Литве: это имя носили литовский боярин, перешедший на службу Ордена вместе с князем Бутовтом Кейстутовичем в 1365 г. (впоследствии оно в качестве родового прозвания закрепилось за потомками Сурвила и его брата Килле, оставшихся в Пруссии: *Białuński*. 2012), брат Минигайла Гедигольдовича (*Semkowicz*. 1989. S. 39–40) и отец Свидригайлова сторонника Гринька Сурвиловича (AGAD. MK. Ks. 39. K. 556–558; AS. T. 1. № 35), получавшего пожалования от Казимира в начале его правления, как и его брат (LM. Kn. 3. P. 22, 23, 68). Предположение о том, что один из предъявителей грамот Казимира был сыном этого Гринька (Григория) Сурвиловича, высказанное в 1-м издании ПГ, оказывается ошибочным, поскольку оно основано на неверном прочтении патронима Микулы — Гришкович вместо Хришчевич (искаженное «Хрящевич» — см.: ПР 1552 г. С. 10, 158). Более отдаленные потомки Сурвила, боярин Богдан Рокуса и мещанин Яцко Ососкович, упоминаются в переписи войска ВКЛ 1528 г. (РИБ. Т. 33. Стб. 193, 196; МВКЛ. Кн. 523. С. 154, 155; LM. Kn. 523. P. 139, 140).

А. Л. Х., С. В. П.

95

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1492 г. июня 7]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира [людям] Полоцкого пов. — предкам мещан «задорожан» на мещанскую службу

Датируется временем великого княжения Казимира.

Федко Сорочинич, Максим и Михалко Фёдоровичи Заговаловичи упоминаются как мещане в 1524 г. Их земли находились на оз. Мнюто (LM. Kn. 14. № 401. P. 334).

96

Упоминание

[1440 г. июня 29 — 1492 г. июня 7]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира путным людям Олексеевичам на их перевод с путной на панцирную службу

Датируется временем великого княжения Казимира. С. Олексеевичи можно предположительно отождествить с нынешней дер. Алексеевцы в Верхнедвинском районе Витебской обл. Беларуси.

С. В. П., В. А. В.

97

[Около 1440 г. июля 29 — 1444 г. апреля 15]. — Послание пол. воеводы Семёна Гедигольдовича совету и «судьям» г. Риги с просьбой содействовать в правосудии полочанину Бобоеду по делу между ним и риж. штурманами

Датируется условно, по времени занятия Семёном Гедигольдовичем должности полоцкого воеводы. Единственный точно датированный документ с его упоминанием в этой должности относится к 29 июля 1440 г. (№ 98). Однако неясно, за какое время до этого Семён Гедигольдович занял эту должность, в частности, повлекли ли за собой «кадровые перестановки» на Полотчине такие события, как убийство Сигизмунда Кейстутовича и вокняжение Казимира.

Грамота написана по делу полочанина Бобоеда, который, по словам послов великого князя, нанял в Риге кормника на свой корабль. Лоцман обокрал его и сбежал с корабля. Бобоед его поймал и поставил перед рижским судьей, названным Лисицей (в немецком тексте Liszicczi или Lisitckki, но, скорее всего, это не фамилия, а прозвище). Воры (по-видимому, лоцман крал не в одиночку, раз в «руском» тексте повсюду множественное число — «стюрманове») признались: «Мы деньги истратили и пропили с литовцами (Litten)». Судья спросил у Бобоеда, чего тот хочет от них, ведь у них нет больше денег. Однако он велел посадить их в башню, а на следующий день сообщил Бобоеду, что воры сбежали (LECUB. Bd. 10. № 194. S. 129). Подобный конфликт мог возникнуть только летом, пока Двина оставалась судоходной (см.: *Сапунов.* 1893).

Бобоед, скорее всего, был мещанином, владевшим землей: с. Бобоедово находится в юго-восточной части Полоцкой земли. Он мог быть и предком одного из зависимых от Юхна Вороны людей (см. комментарий к № 376).

Семён (Пётр Сенько) Гедигольдович — знатный литовский боярин герба «Лелива», сын Георгия Гедигольда, виленского воеводы, умершего ок. 1435 г. Вотчина — Вишнево. Упоминается как маршалок господарский в 1429 г., воевода полоцкий в 1440 г., наместник смоленский в 1447–1451 гг., каштелян виленский в 1451 г. Сторонник Сигизмунда Кейстутовича, а затем Казимира, Семён Гедигольдович активно участвовал в политической жизни Великого княжества Литовского, присутствовал на коронации Казимира в Кракове 25 июня 1447 г., а в 1448 г., в преддверии заключения литовско-московского договора, ездил в посольство к Василию II. Его воеводство в Полоцке продолжалось, по-видимому, недолго: вскоре его сменяет Ивашко Гойцевич (см. № 101). Умер в 1451 г. (*Semkowicz.* 1989. S. 21–22; *Petrauskas.* 2003. P. 232–233; *Peltz.* 1971. S. 28; *Флоря.* 2001. С. 195–196. Прим. 99; см. также комментарий к № 134). Обращает на себя внимание, что Семён Гедигольдович именует себя воеводой, хотя последовательно этот термин в Полоцкой земле стал применяться лишь с 1504 г.

А. Л. Х., С. В. П.

98

[1440 г.] июля 29. Троки. — Лист вел. кн. лит. Казимира пол. наместнику Семёну Гедигольдовичу о пожаловании [пол. мещанину] Ивану Булавину права гнать бобров на его земле и на земле его соседей Исачка Вилодеева и Офанаса Морхинича в с. Островно, а также на его земле на реках Ушаче и Сомнице, и на борть на его земле на р. Ушаче

Датируется по титулу Казимира: он назван великим князем и королевичем, что указывает на время между его возведением на престол в ВКЛ (29 июня 1440 г.) и коронацией в Польше (25 июня 1447 г.), и по 3-му индикту, приходившемуся на 1 сентября 1439 г. — 31 августа 1440 г. Таким образом, это одна из первых грамот Казимира. Почти полный текст грамоты сохранился в составе листа Сигизмунда Старого от 19 августа 1544 г.; таким образом, она вошла в состав Метрики не как исходящий, а как включенный акт. В «Книге данин Казимира» сохранилась и краткая запись середины XV в. о том же пожаловании. Сопоставление записи с практически полным текстом грамоты дает редкую возможность воочию увидеть путь складывания «Книги данин Казимира» (ср.: *Saviščevas.* 2008). В ее записи не упомянуты пожалования на р. Сомнице, но вместо земель на р. Островне указаны земли на р. Травне. Очевидно, «Травна» здесь — это искаженное «Островна». В XVIII в. в Лепельском у. было две реки под названием Травна. Здесь же существовала и дер. Травники (*Сапунов.* 1906. С. 200. № 77; РГАДА. Ф. 1356. Генеральный план Лепельского уезда Витебской губ.). В записи «Книги да-

нин Казимира» искажено и имя Ивана Булавина, названного Балавиным. Зато отмечено, что документ готовил писарь Семён Сопега (см. о нём комментарий к № 77). В списке грамоты в 24-й книге Метрики сведения об этом оказались опущенными.

О полоцком наместнике Семёне Гедигольдовиче см. № 97 и комментарий к нему, а также № 77. Характерна непоследовательность наименования его должности в указанных документах: если в собственном послании он именовал себя «воеводой», то в великокняжеском листе он всего лишь «наместник».

Иван Булавин — полоцкий мещанин (см. о нём № 99, 107, 132, 135, 136, 151, 152). Из грамоты № 98 выясняется, что к 1440 г. Иван Булавин уже владел «землицей» на рр. Островне, Сомнице и Ушаче, в придачу к которой он получил право гнать там бобров и держать борть (очевидно, ранее это была привилегия великого князя). Пожалование земли Ивану Булавину было составной частью политики литовских панов, правивших от имени малолетнего Казимира, по утверждению его власти в регионах ВКЛ за счет раздачи владений и зависимых людей. Подобные акции известны, в частности, на Волыни и в Жомойти. Судя по посланию № 99, Иван Булавин отправился к Казимиру, недавно возведенному на литовский престол, чтобы просить его ходатайствовать перед властями Данцига о возвращении долга тамошнего торгового партнера.

Местонахождение земли Ивана Булавина на р. Ушаче удается определить в связи с тем, что он завещал ее своему племяннику («сестренцу») Андрею Заскорке, от которого она перешла к сыновьям Омельяну и Тишку (см. № 256, 322 и комментарии к ним). Возникшие там сёла получили названия от их фамилий и прозвищ. Между реками Ушачей и ее притоком Сомницей (см. комментарий к № 11) в XVIII в. существовало три поселения Заскорки. Они уцелели и до XIX в. Вплоть до XVIII в. вдоль р. Усомницы сохранились леса (по болоту, или по суходолу, как написано на генеральном плане Лепельского у.) (РГАДА. Ф. 1356. Генеральный план Лепельского уезда Витебской губ.).

Настоящая грамота предъявлялась наследниками Ивана Булавина великому князю Александру в 1496 г. (№ 322). При этом в грамоте Александра она последовательно именуется «листом короля его милости». Это обстоятельство весьма существенно для датировки грамот Казимира, известных лишь по упоминаниям: даже если в этих последних он именуется королем, соответствующие грамоты могли быть выданы еще в бытность его великим князем и «королевичем», т. е. в 1440–1447 гг., а именование объясняется тем, что он остался в памяти своих подданных и их потомков именно как король.

А. Л. Х., С. В. П.

99

1440 г. [июля 30]. Троки. — Послание вел. кн. лит. Казимира совету г. Данцига с просьбой содействовать в правосудии пол. мещанину Ивану Булавину по делу между ним и данцигским бюргером Германом Роэ

Послание датировано следующим днем после выдачи Казимиром известительного листа Семену Гедигольдовичу о пожаловании земель Ивану Булавину (№ 98).

Послание в Данциг, написанное непосредственно от имени великого князя, показывает важность вопроса о возобновлении торговли Великого княжества Литовского с ганзейскими городами и одним из крупнейших среди них — Данцигом. Судя по указанию на «времена князя Свидригайла» до его бегства из «этих земель» (Литвы), контакты Ивана Булавина с данцигским бюргером имели место в 1430–1432 гг. Именно к этому времени (январь 1430 г.) относится жалоба ганзейского съезда в Любеке на то, что полочане, не ограничиваясь торговлей в ливонских городах, ездят в Данциг (HR. Abt. I. Bd. 8. № 712. § 12. S. 460). В условиях

войны Сигизмунда Кейстутовича со Свидригайлом и его союзником — ливонским отделением Тевтонского ордена — торговля Полоцка с прусским Данцигом на время полностью прекратилась. Лишь в результате Ленчицкого перемирия короля польского Владислава III и великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича с Орденом, в том числе с его ливонским отделением, от 15 декабря 1433 г., как сообщал 3 января 1434 г. данцигский городской совет брюггскому, открылась возможность свободной торговли с Великим княжеством Литовским. Время от времени нарушались и традиционные связи с Ливонией: так, после того как в 1434 г. ливонское отделение Ордена возобновило военные действия против Сигизмунда, ливонские купцы были задержаны в его владениях (LECUB. Bd. 8. № 762, 854, 855, 873). Позднее же, после перехода Полоцка под его власть, по-видимому, произошел перерыв в торговле полочан и витеблян не только с Ригой, о чём говорилось в послании ливонского магистра от 20 февраля 1437 г. (LECUB. Bd. 9. № 133. S. 89). Однако уже к 11 апреля 1437 г. в Полоцке находились рижские купцы, а сами полочане намеревались освоить торговые пути в Данциг, Вроцлав и Варшаву (LECUB. Bd. 9. № 153. S. 98–99).

Отношения с ливонским отделением Ордена несколько улучшились в последние годы династической войны в Великом княжестве Литовском. Это позволило урегулировать отношения Полоцка и Риги. Гостями рижского городского совета в 1438/39 г. были литовские послы, по-видимому, представители великокняжеской власти, чье пребывание в Риге обошлось хозяевам в 7 марок 1 ферд. (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 208). Значительная сумма расходов свидетельствует о том, что в качестве литовских представителей прибыли весьма высокопоставленные лица. Вслед за ними Ригу посетил полоцкий гонец, снабженный овсом и пивом на сумму в 7 ферд. 3 шилл. (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 208). Наконец, ко двору великого князя был отправлен Герд Слитер, во время пребывания в Литве израсходовавший целую кипу бумаги. Общие расходы на его посольство в Великое княжество Литовское составили почти 100 марок, достигнув 1/30 части всех городских расходов за год (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 211). Полоцко-литовско-ливонские переговоры увенчались подтверждением Копысского договора (№ 73).

Как следствие урегулирования полоцко-рижских отношений капитальному ремонту подверглись весы в Полоцке, для которых в 1441–l442 гг. были изготовлены новые чаши и гири, что также оказалось дорогостоящим предприятием (около 60 марок) (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 220; см. также: *Клейненберг*. 1973).

В отличие от Ливонии, отношения Сигизмунда Кейстутовича с прусской частью Ордена оставались натянутыми, и этим, по-видимому, объясняется то, что ходатайствовать за полочанина Ивана Булавина перед властями Данцига пришлось уже Казимиру.

Таким образом, публикуемая грамота великого князя Казимира представляет одно из звеньев в цепи мероприятий, направленных на урегулирование торговых отношений Великого княжества Литовского с его северными и северо-западными соседями, а также укрепление власти великого князя литовского на территории его государства.

Данцигский бюргер Герман Роэ, согласно сведениям, которые любезно сообщил С. Шибковский (Гданьск), по другим источникам неизвестен.

А. Л. Х., С. В. П.

100

Упоминание

[1440 г. июня 29 — ноября 14]. — Жалованный лист вел. кн. Юрия [Лугвеневича] протопопу ц. Св. Софии в Полоцке Юрию на освобождение его от платежей и повинностей с с. Горспле [Полоцкого пов.]

Датируется промежутком времени, в который князь Юрий Лугвеневич мог контролировать Полоцк. В 1438–1440 гг. он находился в Новгороде, но после убийства Сигизмунда Кей-

стутовича вернулся в ВКЛ и получил от Казимира свою «отчину» — Мстиславское княжество, а вскоре принял приглашение восставших смольнян и вокняжился в Смоленске, после чего, согласно современному сообщению Новгородской первой летописи, «засяде» Полоцк и Витебск. Поскольку 14 ноября 1440 г. («на Филиповы запуски») литовское войско осадило Смоленск, очевидно, что к этому времени Юрий Лугвеневич уже не контролировал городов Подвинья (НПЛ. С. 420; *Воронін.* 2010. С. 20–28; *Полехов.* 2014б. С. 188–189). Настоящая грамота подтверждает летописное сообщение и раскрывает его смысл: заняв Полоцк и Витебск, Юрий Лугвеневич не просто добился от местного населения признания своей власти, а начал осуществлять там властные полномочия. Понятно и его стремление заручиться поддержкой местного духовенства, в частности, клириков кафедрального собора Полоцкой епархии. Коль скоро эта грамота предъявлялась спустя почти сто лет после этих событий, значит, она не осталась пустым звуком, т. е. протопопу Юрию удалось реализовать и закрепить за собой оформленное ею пожалование, несмотря на скоротечность княжения Юрия Лугвеневича и последующие мероприятия Казимира и литовских правящих кругов.

Протопоп Софийского собора Юрий по-видимому, идентичен владычному наместнику Юрию, упоминаемому в 50-е гг. XV в. (№ 135). О его потомках см. № 364. Село Горспле находится к северу от Полоцка, ныне — в Россонском р-не Витебской обл.

С. В. П.

101

[1440 г. июля 30 — 1444 г. апреля 15]. — Послание пол. нам. Ивашка Гойцевича совету г. Риги с просьбой вернуть захваченные у полочан товары и разрешить споры между полочанами и рижанами судебным порядком

По палеографическим признакам послание датируется серединой XV в. Поскольку «осподарь» назван лишь великим князем, но не королем, оно написано до коронации Казимира 25 июня 1447 г., скорее всего между 1440 г., когда полоцким наместником был Семён Гедигольдович (см. № 98; ср. № 97), и 1445 г., когда Иван Гойцевич был уже витебским наместником. Дополнительно уточнить дату помогает документ от 16 мая 1444 г., в котором в качестве полоцкого «державцы» упоминается уже Андрюшко Сакович (KDKW. № 179. S. 206). Хотя издателями этот документ признан «сомнительным», его датировка и перечень свидетелей вполне правдоподобны.

Иван (Ивашко) Гойцевич — знатный литовский боярин (возможно, родственник Довойн). Упоминается с 1433 г.: как новогрудский староста в 1433–1435 гг., полоцкий наместник между 1440 и 1444 гг., витебский наместник в 1445–1452 гг.. В середине 40-х гг. XV в. активно участвовал во внешнеполитических акциях ВКЛ. Умер после 1452 г. (*Petrauskas.* 2003. P. 237–238).

«Ино на наши*х* записе*х* и на ваши*х* та*к* стоить, што жь знати истьцю истьцა» — Ивашко Гойцевич дословно цитирует одно из положений полоцко-рижского договора 1407 г. (№ 55), которое, в свою очередь, воспроизводит ст. 9 Копысского договора 1406 г. (№ 54), повторенную в подтверждении Сигизмунда Кейстутовича 1439 г. (№ 73). Интересно, что литовский наместник, присланный из Вильни, называет «записи» полочан «нашими» (если бы имелся в виду договор 1406 или 1439 г., то был бы упомянут великий князь как одна из заключивших его сторон). При этом он угрожает рижанам нарушить это положение, конфисковав товары их сограждан.

Накануне 1446 г., когда состоялась встреча литовских и рижских представителей, резко увеличилось количество внешнеторговых конфликтов. Однако в жалобах литовских послов не был указан случай, разбиравшийся грамотой № 101 о претензиях рижского купца к полочанам из-за задержки его товаров. Может быть, арест его вина в Полоцке был ответом на одну из несправедливостей, допущенных по отношению к полочанам.

А. Л. Х., С. В. П.

102

[1440–1446 гг.] сентября 20. Полоцк. —
Послание [архиеп.] пол. Симеона II совету г. Риги
с требованием передать церковные деньги священнику
церкви Св. Николая в Риге Ивану

См. комментарий к грамотам № 74–75.

103

Упоминание

[1440 г. ноября 15 — 1492 г. июня 7]. — Продажный
лист священника Ярмолы на [часть] с. Горспле
и другие земли в Полоцком пов.

Датируется временем после получения протопопом Софийского собора Юрием, отцом Фёдора, жалованного листа Юрия Лугвеневича. Впрочем, если Юрий еще действовал в 50-е годы (см. № 135 и комментарий к нему), то Фёдор мог совершить покупку у своего брата — священника, как и сам Юрий, — уже после этого времени. Верхней хронологической границей условно служит дата смерти великого князя Казимира. См. также комментарий к № 354.

С. В. П.

104

[1441–1442 гг. Полоцк]. — Верительная грамота «всех полочан»
Курилу, направленному для ведения переговоров
с советом г. Риги о весах и гирях

Синтаксический строй послания указывает на его большую древность, может быть даже XIV в., однако почерк его (скоропись с большим наклоном), имеющий сходство с почерком Бориса Толандинича (см. о нём комм. к № 203), свидетельствует о ее более позднем происхождении. Судя по формулам начального протокола, где в салютации употребляются выражения «чоломъ бью*т*(ь)» (ср. № 67) и «ѡ*т* вѣлика и до мала» (ср. № 68 и комментарий к нему), грамота относится ко второй половине 30-х — началу 40-х гг. XV в. Символическая инвокация в виде креста в начале грамоты роднит ее с более поздними, в частности № 107 (Василия Дмитриевича Корсака и пана Олехна — наместника Андрея Саковича), № 110, 111 (пана Омельяна — наместника Андрея Саковича), № 74, 75 (владыки Симеона) и др. В более раннее время подобная инвокация встречается лишь в посланиях № 3 (епископа Якова), № 58 (архиепископа Феодосия) и № 66 (наместника кн. Григория).

После подтверждения Копысского договора в 1439 г. рижане постарались отремонтировать весы. В 1441–1442 гг. были заново сделаны чаши и гири («Item 37½ mark vnd 14 s. geuen her Johanne up dem Orde vor de Russchen schalen vnd lode to makende. Item 20 mark. noch her Johanne up dem Orde geuen vor eyne Ploszkowesche schalen» — *Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 220). Этого оказалось недостаточно. В начале 1444 г. пришлось сделать еще какую-то доску для полоцких весов («Item ½ mark geuen her Johane Brothagen vor I bret, dat tor Ploszkoweschen wage qwam» — *Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 224).

Курило — возможно, это тот же Чюрило, мещанин, который вел торговлю в Риге (см. № 160, 169). Вероятно, он, как и другие зажиточные мещане, был землевладельцем. Заманчиво было бы приписать ему с. Куриловичи (или Чюрилово), находящееся на правом берегу р. Двины ниже Полоцка, но выше впадения в Двину р. Начи (имеется также с. Куриловляне Язенской вол.: БА. Т. 2. № 203. С. 149). В 1528 г. «люди мещанские» и мещане с. Курилови-

чи выставляли в войско 3 и 4 коней (РИБ. Т. 33. Стб. 196; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 140).

А. Л. Х.

105

[1441 г. — 1446 г. декабря 31. Полоцк]. — Послание пол. бояр, местичей и «всего поспольства» совету г. Риги с требованием возместить пол. местичу Русану Кожчичу ущерб, нанесенный ему риж. ратманом Филиппом [Рейнгольдом Зольтрумпом]

Датируется временем до смерти Рейнгольда Зольтрумпа 31 декабря 1446 г. (см. ниже) и закрытия полочанами для немецких купцов дороги в Витебск и Смоленск в феврале 1448 г. [LECUB. Bd. 10. № 416. S. 287 (20 февраля 1448 г.)]. В качестве нижней хронологической границы несколько условно принято заключение договора Новгорода с Казимиром (ГВНП. № 70. С. 115; о датировке см.: *Янин*. 1991. С. 177–178; *Янин*. 2003. С. 364–371).

Интитуляция грамоты содержит упоминание бояр, местичей и «всего посполства». Последний термин впервые появляется в № 71, а позднее повторяется в № 105, 122 и 131 по отношению к боярам и местичам, в № 117 — по отношению к местичам. В инскрипции обращает на себя внимание термин «посадники» применительно к рижским бурмистрам.

Русан Кожчич — полоцкий мещанин, один из первых представителей семьи Кожчичей (Козчичей), пользовавшейся большой властью в Полоцке в середине XV в. Он вел крупную оптовую торговлю сукнами, предпринимал далекие поездка в Смоленск, Новгород и Ригу (о роде Козчичей см.: *Хорошкевич*. 1977а. С. 146–149).

«…вашь бра*т* ратманинъ Филипь…» — имеется в виду Рейнгольд Зольтрумп, рижский бюргер, член городского совета (ратман), в 1420–1422 гг. рижский казначей (*Böthführ*. 1877. S. 96), отец Иоганна Зольтрумпа — Гануса Филиповича полоцких грамот 60–70-х гг. XV в. (см. № 143). Рейнгольд Зольтрумп умер 31 декабря 1446 г. [LECUB. Bd. 10. № 416. S. 287 (20 февраля 1448 г.)].

Рижан, упоминаемых в данном послании, идентифицировать не удаётся.

«…его ссадившо с великое дорогы…» — Великая дорога, ведшая в Новгород Великий (возможно, она же упоминается в № 316), в 40-е гг. XV в., вероятно, также была открыта и для полочан, и для рижан, после заключения Казимиром договора с Великим Новгородом (ГВНП. № 70. С. 115).

А. Л. Х.

106

Упоминание

[Около 1443–1445 гг.]. — Долговая запись пол. местича Артемия Демеховича рижанину Индрику

Датируется условно: очевидно, Артемий Демехович выдал свою долговую запись рижанину Индрику (Генриху; идентификации не поддается) незадолго до отправки послания № 112, по упоминанию в котором эта запись и известна.

Упоминание долговой записи Артемия Демеховича важно как одно из первых свидетельств письменной коммуникации отдельных полочан с рижанами в сфере торговли. В немецкой корреспонденции подобные свидетельства сохранились уже для конца XIV — начала XV в. (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 98). Сохранились же подобные записи начиная с первой половины XVI в. (см., например: LVVA. F. 8. Apr. 4. L. 7, 8).

С. В. П.

107

[Около 1444 г. апреля 16 — 1459 г. февраля 17. Полоцк]. —
Послание пол. боярина Василия Дмитриевича Корсака,
наместника пол. воеводы Андрея [Саковича] пана Олехна
и всех пол. бояр совету г. Риги с сообщением о высылке
в Ригу рижан Аврамка и Захарка, нарушивших
запрет держать корчмы в г. Полоцке

Датируется в самом общем виде по упоминанию полоцкого воеводы Андрея Саковича. Впервые в этой должности он упоминается в несколько сомнительном документе о пожаловании Казимира виленскому капитулу от 16 апреля 1444 г. (KDKW. № 179. S. 206; впрочем, соответствие перечня свидетелей указанной дате сомнений не вызывает) и отчете о съезде литовских и ливонских сановников в Курчмах 15–20 сентября 1445 г. (LECUB. Bd 10. № 170. S. 108), а в последний раз — в листе Казимира Ягеллона от 2 марта 1458 г. (№ 140). После смерти в том же году виленского воеводы Ивашки Гаштольда его должность не позже 11 сентября 1458 г. (UWKL. T. 1. № 1099. S. 192) занял трокский воевода Ивашко Монивидович, а должность этого последнего, в свою очередь, Андрей Сакович. Как трокский воевода он впервые упоминается 6 апреля 1459 г. (AS. T. 1. № 53. S. 51). Полоцким же наместником стал Пётр Монтигирдович, впервые упоминаемый в этой должности 18 февраля 1459 г. (№ 143), чем и определяется верхняя хронологическая граница грамот Андрея Саковича, публикуемых в настоящем издании. Внутри этих 15 лет имеется рубеж, который делит грамоты Андрея Саковича на две неравные половины, — коронация Казимира польской короной, состоявшаяся 25 июня 1447 г. Грамоты, именующие Казимира королем, написаны уже после этого события. Дальнейшее уточнение дат написания грамот Андрея Саковича довольно затруднительно. Все они принадлежат разным писцам. Из-за этого и применявшийся выше прием датировки грамот по формуле обращения дает небольшие результаты. Из 20 грамот полоцких властей времени воеводства Андрея Саковича, сохранившихся в подлинниках, только 7 были написаны от его собственного имени (№ 109, 112, 121, 126, 127, 129, вероятно, и № 118), 7 — от имени его наместников (№ 107, 110, 111, 113, 122, 124, 134), 5 — от имени местичей (№ 108, 117, 125, 128, 130), 1 — от имени бояр и местичей (№ 131). Хотя официального возведения Полоцка в ранг воеводства, в отличие от Вильни и Трок, не было, Андрей Сакович, как правило, именовал себя воеводой (№ 109, 112, 126, 127, 129), так же называли Андрея его наместники (№ 107, 113, 122) и полоцкие местичи и бояре (№ 117, 123, 131). Впрочем, в № 121 Андрей Сакович называет себя наместником полоцким, как и великий князь литовский Казимир в № 140.

Символическая инвокация роднит грамоту № 107 с владычными и городскими грамотами 40-х гг. XV в. Несколько уточнить датировку послания № 107 позволяет формулярный анализ грамоты № 108, написанной одновременно с ним от имени полоцких местичей и «всих муж полочан» и посвящённой тому же вопросу.

Василий Дмитриевич Корсак — полоцкий боярин, см. комментарии к № 40 и 67. Даже не занимая «официальных» должностей, В. Д. Корсак сохранял по традиции свое влиятельное положение в Полоцке, на которое в данном случае указывает титул «пан», еще в середине 30-х гг. бывший для работавшего в Смоленске летописца атрибутом крупных литовских бояр, и упоминание перед наместником полоцкого воеводы, также носящим этот титул. Вполне вероятно, что в момент написания письма Василий Корсак был полоцким «старшим боярином» (*Варонін*. 1998. С. 41–42).

Олехно — наместник воеводы Андрея Саковича в Полоцке. Ф. Шварц отождествлял его с Олехном Судимонтовичем. Однако в XV в. имя Олехно, сокращенная форма от имени Александр, было достаточно распространенным в ВКЛ: так, примерно в одно время с Олех-

ной Судимонтовичем в окружении Казимира действовал пан Олехно Довойнович (*Petrauskas.* 2003. P. 229). Чтобы выполнять свои должностные обязанности, литовскому вельможе, проводившему время между своим наместничеством (воеводством), имениями, великокняжеским двором и встречами рады ВКЛ, особенно важными во время отъездов господаря в Польшу, приходилось оставлять в городе своего наместника. По-видимому, среди наместников Андрея Саковича не было полочан: так, литовцем был, судя по имени, Вежгайло, возможно, также Верькстень (№ 123, 134). На неполоцкое происхождение наместников Ивана и Омельяна (№ 110, 111, 127) указывает их упоминание без отчеств. Дважды воеводский наместник вообще не называется по имени (№ 113, 124). В отсутствие воеводы росла роль полоцких бояр и мещан, с которыми он поддерживал связь при помощи писем и послов.

Андрей (Андрушко) Сакович — знатный литовский боярин герба «Помян», появляется в источниках в 1431 г. В 1434–1435 гг. упоминается как дубницкий староста, в 1440 г. как смоленский воевода. Впервые в качестве полоцкого воеводы он упоминается в документах 1444–1445 гг., а в последний раз — 2 марта 1458 г., тогда как 6 апреля 1459 г. он уже именуется трокским воеводой (подробнее см. выше). На этом посту он пробыл до 1465 г. В одном документе 1455 г. назван высшим предводителем войска ВКЛ. Один из самых влиятельных вельмож в правление Казимира, неоднократно ездил в посольства в Орден, Польшу, а также Новгород. В 1445 г. участвовал в войне с Московским великим княжеством. Ему принадлежит основание костела в Мяделе, где он был старостой при Казимире. Сыновья — Богдан (полоцкий наместник в 1477–1484 гг., см. о нём комментарии к № 200, 217), Георгий и Михаил (*Petrauskas.* 2003. P. 287–288).

Андрей Сакович часто отсутствовал в Полоцке. В апреле 1444 г. он пребывал при великокняжеском дворе в Литве (KDKW. № 179. S. 206), в 1444/45 г. был одним из предводителей войск ВКЛ в походе на земли Великого княжества Московского (ПСРЛ. Т. 18. С. 192–193), в сентябре 1445 г., начале 1446 г. и 1447 г. находился на съездах с орденскими сановниками (LECUB. Bd. 10. № 170, 196, 401. S. 108–113, 130–131, 270–272), 25 июня того же 1447 г. участвовал в коронации Казимира в Кракове [*Dlugossius.* 2003. Lib. 12 (1445–1461). P. 46], 29 октября 1447 г. находился в Радошковичах близ Менска (KDKW. № 187. S. 211–212), а между сентябрем 1447 и августом 1448 г. — при дворе Казимира, где вместе с панами Яном Гаштольдом и Петрашом (Монтигирдовичем) ведал королевскими пожалованиями (РИБ. Т. 27. Стб. 47; LM. Kn. 3. P. 37). 20 февраля 1448 г. Андрея Саковича всё еще не было в Полоцке (LECUB. Bd. 10. № 416. S. 287). 10 марта, будучи в Берштах, он судил и рядил там вместе с другими воеводами Михайлом (Кезгайловичем), Радивилом, Николаем и Олехном Судимонтовичем (РИБ. Т. 27. Стб. 61). Когда власти ВКЛ в связи с ухудшением здоровья Свидригайла озаботились сохранением за собой Луцкой земли на случай его смерти, 24 июля 1450 г. Андрей Сакович выступил в качестве «сведока» пожалования Казимира луцкому боярину Олизару Шиловичу ряда земель на Волыни и Подляшье, а 31 января 1451 г. вместе с другими членами рады был в Вильне (LM. Kn. 3. P. 59; РИБ. Т. 6. № 67. Стб. 563–566). Оттуда Андрей Сакович вместе с паном Петрашом Монтигирдовичем сопроводил Казимира в Смоленск, где они находились 8 марта 1451 г. (РИБ. Т. 27. Стб. 49; LM. Kn. 3. P. 38). 30 апреля 1451 г. Андрей Сакович был в Вильне свидетелем пожалования Казимира новому смоленскому наместнику Михайлу Кезгайловичу (GStAPK, Urkunden Zasztowt, № 5). 22 мая 1451 г. Казимир уполномочил Андрея Саковича установить границы между Литвой и Ливонией (LM. Kn. 1. № 13. P. 25; LECUB. Bd. 11. № 138. S. 112; CESXV. T. 3. № 44. S. 56). В начале 1452 г. (3–8 января, 2 марта, 23 апреля) Андрей пребывал при особе Казимира в составе его рады (*Любавский.* 1900. С. 328; KDKW. № 208. S. 235–236). В июне 1453 г. он входил в состав литовского посольства на переговорах с поляками в Парчове (*Dlugossius.* 2003. Lib. 12 (1445–1461). P. 158; *Любавский.* 1900. С. 120), а в августе того же года во Вроцлаве участвовал в переговорах о женитьбе Казимира на дочери покойного римского короля

Альбрехта II Эльжбете (*Dlugossius*. 2003. Lib. 12 (1445–1461). P. 170; BCz. TN. T. 18. № 142). 28 марта 1455 г. Андрей Сакович был в Троках (РИБ. Т. 27. Стб. 52; LM. Kn. 3. P. 39), 28 мая и 17 июня того же года и 29 декабря 1456 г. — в Вильне, откуда вместе с другими литовскими вельможами писал орденским сановникам (*Rowell*. 2005. P. 49–50; *Korczak*. 2008a. S. 169–171), 13 июня 1456 г. — в Березинах, 21 февраля 1457 г. — вероятно, в Мяделе (KDKW. № 224, 226. S. 248–250, 252–253). 1 ноября 1458 г. Андрей Сакович прибыл в Великий Новгород в составе посольства от Казимира (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 198); впрочем, не исключено, что к этому времени он уже стал трокским воеводой. Таким образом, итинерарий Андрея Саковича по своей полноте сопоставим с итинерариями воевод, каштелянов и старост Западного Подолья 1434–1535 гг. (*Михайловський*. 2012. С. 328–356), но значительно уступает итинерариям краковских каштелянов и воевод 1386–1434 гг. (*Węcowski*. 1998. S. 133–179). В любом случае ясно, что какие-то отлучки Андрея Саковича из Полоцка не попали на страницы дошедших до нас источников или не поддаются датировке (в частности, многочисленные записи с его упоминанием в «Книге данин Казимира»: LM. Kn. 3. По указ.). Поэтому датировать ту или иную полоцкую грамоту конкретным периодом его отлучки или присутствия в Полоцке, как это сделано в 1-м издании ПГ, можно лишь в высшей степени гипотетически.

«…помните вы сами, ка*к* ва*м* было с нами докончанıе, што ва*м* было оу нас оу Лоцкꙋ корчмы не держати, ни вина на розницю не продавати, а ни пива, ни меду» — Полоцкие власти уверенно ссылаются на запрет немцам держать корчмы в Полоцке, хотя это требование, выдвинутое в полоцком проекте торгового договора 1405 г. (№ 52), не вошло ни в Копысский договор Витовта с Ригой, ни в полоцко-рижский договор 1407 г. (№ 54, 55).

Федько (Фёдор) Булавинич, полоцкий мещанин, родственник (брат?) Ивана Булавина (см. о нём № 98, 99, 132, 135, 136, 151, 152).

Фалалей Севрюкович упоминается лишь в двух документах — настоящем послании и написанном одновременно с ним № 108.

Олферий (Елевферий) Чернята — полочанин (судя по всему, мещанин), вел активную торговлю с Ригой и во время наместничества В. Д. Корсака (вероятно, еще в 20–30-е гг.) пытался получить долг с «немчина» Александра (№ 67).

Упоминаемые в данном послании рижане идентификации не поддаются.

А. Л. Х., С. В. П.

108

[Около 1444 г. апреля 16 — 1459 г. февраля 17. Полоцк]. — Послание пол. местичей и «всех полочан» совету г. Риги с сообщением о высылке в Ригу рижан Аврамка и Захарка, нарушивших запрет держать корчмы в г. Полоцке

Послание посвящено тому же вопросу, что и № 107, — розничной торговле вином в Полоцке — и составлено в тех же самых выражениях. Очевидно, оба послания составлены одновременно, но от имени разных субъектов власти: № 107 — от имени пана Василия Дмитриевича Корсака и пана Олехна, наместника полоцкого воеводы Андрея Саковича, «и ѡ*т* вси*х* бояръ полоцкы*х*», № 108 принадлежит «полоцким местичам и всем мужам полочанам». Употребление термина «вси мужи полочане» говорит о сравнительно ранней дате написания грамоты. Об этом свидетельствует и эволюция формул начального протокола посланий В. Д. Корсака. Эти формулы всё время усложнялись, наращивались новые прибавления и эпитеты, а в числе отправителей грамот место «мужей полочан» заняли бояре и местичи:

№ 67	№ 71	№ 107	№ 108
Ѡ*т* пана Васильѧ Дмитриеви*ч*(а) Корса*к*(а), наместни[ка] полоцко*г*(о), ѡ*т* **боѧръ** полоцки*х* и ѡ*т* **местичовъ**, и ѡ*т*то всихъ **мужъ** полоча*н* ѡ*т* **велика** и **до ма*л*(а)** паномъ ратманомъ ризки*м* **чолобитье**.	Ѡ*т* пана Василиѧ Дмитрiевича, и ѡ*т* боѧръ полоцкы*х* и ѡ*т* мѣстичовъ, и ѡто всѣ*х* **моужь** полочанъ, всего **поспольства, приѧтеле*м* на*шим*** пано*м* ратмано*м* ризьскы*м* и всѣмъ моужо*м* рижано*м*, всѣмоу поспольствоу, **покло*н*** и **вѣрнаѧ приѧтельскаѧ приѧзнь**.	Ѡ*т* пана Василья Дмитреевича Корсака, и ѡ*т* пана Олехна, наместника пана Ондреева, воеводы полоцкого, и ѡ*т* вси*х* **бояръ** полоцкы*х* ратманѡ*м* ризькы*м* **поклонъ** и **приятел*с*тво**.	Ѡ*т* **местичовъ** полоцкы*х* и ѡ*т* вси*х* **м*ꙋж*** полочанъ.

Параллельное составление двух посланий — боярско-наместничьего и мещанского — ярко свидетельствует об усилении социальной дифференциации в Полоцке и росте самосознания отдельных общественных групп.

О реалиях, упоминаемых в № 108, см. комментарий к № 107.

А. Л. Х., С. В. П.

109

[Около 1444 г. апреля 16 — 1459 г. февраля 17]. — Послание пол. воеводы Андрея [Саковича] совету г. Риги с просьбой не задерживать проезд пол. местичей Ивана Ворушина и Василия «Камшикуви» далее Риги по делам воеводы

Грамота датируется временем полоцкого воеводства Андрея Саковича (см. комментарий к № 107).

Из полоцких местичей, ездивших в Ригу по делам воеводы Андрея Саковича, впоследствии известен Иван Ворушин (Варушинич) (№ 171) и его потомки.

С. В. П.

110

[Около 1444 г. апреля 16 — 1447 г. июня 25 (?) или 1459 г. февраля 17. Полоцк]. — Послание нам. пол. воеводы Андрея [Саковича] Омельяна, пол. бояр и местичей совету г. Риги с сообщением о высылке в Ригу немца Индриха, с требованием наказать его за совершённые преступления и взыскать с него компенсацию «бесчестья» в пользу пострадавших

Послания № 110 и 111 написаны от имени Омельяна, наместника воеводы Андрея Саковича. В них король не упоминается ни разу, а полочане не называются «королевыми людьми» или «королевскими людьми». На этом основании гипотетически можно отнести № 110 ко времени до коронации Казимира.

Грамоты Омельяна написаны разными почерками: первая (№ 110) — мелкой небрежной скорописью, вторая (№ 111) — более крупным, но тоже небрежным почерком, похожим на почерк грамоты Немира (№ 62), но в деталях отличающимся от него.

Омельян, наместник Андрея Саковича в Полоцке, упоминается также в № 111, по другим источникам неизвестен.

Индрих, т. е. Генрих — рижанин, идентификации не поддаётся.

А. Л. Х.

111

[Около 1444 г. апреля 16 — 1447 г. июня 25 (?) или 1459 г. февраля 17]. — Послание нам. пол. воеводы Андрея [Саковича] Омельяна совету г. Риги с требованием возвратить беглого слугу Андрея Саковича Зубца и два рубля

Датируется временем полоцкого воеводства Андрея Саковича (см. комментарий к № 107). Датировка грамоты № 111 временем до коронации Казимира более гипотетична, чем № 110, поскольку в № 111 речь идет не о полочанах, а о «панском» (т. е. Андрея Саковича) слуге. К тому же разные почерки № 110 и 111 могут указывать на то, что они написаны во время разных отлучек Андрея Саковича из Полоцка.

Омельян, наместник Андрея Саковича в Полоцке, упоминается также в № 110, по другим источникам неизвестен, как и слуга Андрея Саковича Зубец.

«…ѿ*т* пана побѣгъ к Чорторыискому…» — Имеется в виду князь Александр Васильевич Чарторыйский, по происхождению Гедиминович; как и его братья, активный сторонник Свидригайла, участник заговора против Сигизмунда Кейстутовича и его убийства (1440 г.), после которого бежал в Московское великое княжество. В 1443–1447 гг. находился на княжении во Пскове, в 1447–1455 гг. — в Новгороде, в 1455–1460 гг. — опять во Пскове (*Wolff*. 1895. S. 19–20).

Примечательно упоминание о перекрещивании Зубца в Ливонии из православия в католицизм. Оно, среди прочего, показывает, насколько укоренилось в православной части общества ВКЛ представление, усиленно насаждаемое польским и литовским католическим епископатом, об обязательном перекрещивании как пути перехода из православия в католицизм. Вместе с тем Омельян — возможно, такой же слуга или клиент Андрея Саковича, как и Зубец, — заявляет о терпимом отношении к факту перекрещивания последнего. Несомненно, здесь сказался опыт службы литовскому пану-католику и постоянного общения с немцами, приезжавшими в Полоцк по торговым делам.

С. В. П.

112

[Около 1444 г. апреля 16 — 1446 г. октября 1]. — Послание пол. воеводы Андрея Саковича совету г. Риги с требованием осуществить правосудие по делу между пол. местичем Артемием Демеховичем и рижанином Индриком

В самом общем виде грамота датируется периодом полоцкого воеводства Андрея Саковича (см. комментарий к № 107). Инскрипция (обозначение адресата) соответствует инскрипции предшествующих грамот. В № 112, как и в № 105, 108, 118, употребляется термин «местичи». О подданстве их польскому королю ничего не говорится. Символическая инвокация в виде креста имеется и в некоторых грамотах наместника Андрея Саковича Омельяна (№ 110, 111), хотя для его собственных грамот начального периода полоцкого воеводства (до 1447 г.) это нехарактерно (№ 109, 118). В завершающий период полоцкого воеводства и грамоты Андрея Саковича открывались той же символической инвокацией (№ 126, 127).

Уточнить датировку могла бы фраза: «А передъ ваши*м* Гармано*м* жаловалсѧ намъ». Известно, что Герман фон Зундерн ездил в Полоцк в 1446 и 1448 гг. (№ 118; *Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 238), но были ли эти его поездки единственными — неизвестно.

По источникам не удается идентифицировать участников сделки — ни полоцкого местича Артемия Демеховича, ни рижского бюргера Генриха, названного в послании Индриком.

«Гарман» — Герман фон Зундерн, рижский бюргер, упоминается как ратман с 1452 г., фогт — с 1456 г. Умер после 1479 г. (*Böthführ*. 1877. S. 105).

А. Л. Х., С. В. П.

113

[Около 1444 г. апреля 16 или около 1454 г. (?) — 1459 г. февраля 17]. — Послание [не названного по имени] нам. пол. воеводы Андрея [Саковича] совету, «судьям» и «местичам» г. Риги с требованием осуществить правосудие в отношении полочан, пострадавших от рижан

Наиболее надежно послание наместника полоцкого воеводы Андрея Саковича датируется временем полоцкого воеводства этого последнего (см. комментарий к № 107). Возможно, уточнить его позволяют особенности его формуляра. В 1-м издании ПГ такой особенностью было сочтено то, что послание адресовано не только ратманам, как это было раньше, но и рижским «су*д*(ь)я*м* и мѣстичо*м*». Появление в инскрипции послания «судей», т. е. фогтов, связывалось с написанием грамоты после 1454 г. Хотя в Риге и ранее существовали фогты, право назначения которых принадлежало Риге, по мнению Ф. Г. фон Бунге, с 1225 г. (*Bunge*. 1874. S. 9), а по мнению В. Калныня, — с XIV в. (*Калнынь*. 1980. С. 33–34; указанием этой книги составители обязаны Я. К. Земзарису), в их статусе и полномочиях в середине XV в. произошли значительные изменения. В соответствии с Кирхгольмским (Саласпилсским) договором Риги и Ордена 1452 г. выбираемый городом и утверждаемый магистром и архиепископом фогт сосредоточивал в своих руках высшую судебную власть (*Kroeger*. 1930. S. 179; см. также: Feodālā Rīga. 1978. Lp. 54–55). Отныне формально положение фогта отчасти зависело от магистра и архиепископа, тем не менее реальная власть городского фогта заметно выросла. Это было следствием, в некоторой степени, того, что одним из первых фогтов Риги стал Герман фон Зундерн, активная деятельность которого подняла авторитет занимаемой им должности (см. о нём комментарий к № 112). Впервые фогт среди членов городского магистрата известен в 1454 г. (*Böthführ*. 1877. S. 104, 106). Однако «судьи» упоминаются уже в адресе послания № 97, которое надежно датируется началом 40-х годов, так что их упоминание в № 113 не может служить надежным датирующим признаком.

Более показательны, как представляется, другие особенности грамоты № 113: она имеет некоторое стилистическое сходство с посланиями Омельяна (№ 110, 111). Только его грамоты и № 113 употребляют термины «збродень» и «избродня». В грамоте № 110 читаем: «А сами вы вѣдаете, коли децкого бити, какаѧ то изъбродна великаѧ», в грамоте № 111: «паньскии слуга Зубѣцъ пѣрво былъ збродилъ: ѡ*т* пана побѣгъ… того збродна Зубца выдаитѣ…», в грамоте № 113: «Ино ве*д*(ь) сами вѣдаете, коли ва*ш* нѣмьчи*н* што избради*т*(ь), и мы к ва*м* опишо*м*, а сами не казни*м*. А на*ш* ч(о)л(ове)къ што оу ва*с* избради*т*(ь), и вы к на*м* шлите…» Поэтому, возможно, грамота № 113 написана вскоре после № 111.

Сходство некоторых оборотов указывает на общность или преемственность канцелярии (даже формат бумаги посланий неизвестного и Омельяна почти одинаков). Однако все они написаны разными почерками.

Грамоту не удается приписать ни одному из ранее известных полоцких наместников Андрея. Оттиск печати, следы которого сохранились на этой грамоте, по размерам ближе всего к печати самого Андрея Саковича.

А. Л. Х., С. В. П.

114

Упоминание

[Около 1444 г. апреля 16 — около 1451 г. мая 1]. — Приговор суда Сенька Гедигольдовича по делу между пол. боярами Гринком и его сыном Сеньком, с одной стороны, и пол. воеводой Андреем Саковичем, с другой стороны, о принадлежности с. Свило в Полоцком пов.

Датируется периодом полоцкого воеводства Андрея Саковича до смерти Сенька Гедигольдовича (см. комментарии к № 107, 134, 314 и 318). Судя по упоминанию о полоцком воеводстве Андрея Саковича, к моменту суда Сенько Гедигольдович уже перестал быть полоцким воеводой. Возможно, он был назначен судьей, поскольку был знаком с реалиями Полоцкой земли.

С. В. П.

115

Упоминание

[Около 1444 г. апреля 16 — 1459 г. февраля 17]. — Лист [пол. воеводы] Андрея Саковича [пол. боярам] Гринку Радковичу и его сыну Сеньку о принадлежности им с. Свило

Датируется временем полоцкого воеводства Андрея Саковича (см. комментарии к № 107, 314 и 318).

116

Упоминание

[Около 1444 г. апреля 16 — 1459 г. февраля 17]. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира пол. воеводе Андрею Саковичу о пожаловании Григорию Пашковичу пустого сельца в с. Ладостно

Грамота датируется периодом полоцкого воеводства Андрея Саковича.

С. Ладостна (Ладосна) находится в южной части Полоцкой земли, к западу от верховьев р. Уллы и к юго-западу от оз. Суша. Получатель пожалования Григорий Пашкович по другим источникам неизвестен.

А. Л. Х.

117

[Около 1444 г. — 1458 г., вскоре после 24 июня]. Полоцк. — Послание пол. местичей и «всего поспольства» совету г. Риги с просьбой сообщить о результатах переговоров полочан в Риге пол. воеводе Андрею [Саковичу] и пол. местичам

Грамота датируется временем полоцкого воеводства Андрея Саковича (см. комментарий к № 107). Точная датировка затрудняется отсутствием дополнительных данных о прибытии

полоцких послов в Ригу на Иванов день, т. е. к 24 июня. Рижская расходная книга, главный источник о сношениях Полоцка с Ригой, умалчивает о таком посольстве. Оно состояло из местичей (мещан), «нашей братьи», грамота написана только от их имени, что весьма характерно для конца 40-х — 50-х гг. XV в., когда мещане располагали значительной властью в городе. Характерно для полоцких грамот этого времени и именование рижских бургомистров в инскрипции и адресе «посадниками», применявшееся также в Великом Новгороде вплоть до падения его независимости (ГВНП. № 44, 50, 53, 57, 58, 65, 69, 71). В языке полоцких грамот уже в 60-е гг. прочно закрепляется термин «бурмистры».

А. Л. Х., С. В. П.

118

[1446 г. октября 1 — декабря 31. Полоцк.] — Послание [не названного по имени пол. наместника] совету г. Риги с требованием побудить лив. магистра [Гейденрейха Финке фон Оферберга] возвратить конфискованные у полочан товары и суда, не препятствовать торговле полочан в Риге и проезду далее этого города, прекратить противоправные действия против них

Грамота, почти не имеющая датирующих указаний (к ним К. Э. Напьерский относил только почерк и упоминание Гармана, которого он идентифицировал с Германом Зундерном), издателями «Ливонских грамот» помещена дважды с датами: осень 1446 г. и осень 1469 г. (на основании сведений о конфликтах полочан с ливонцами). К сожалению, не сохранился оттиск печати, которая по размеру (примерно 2 см) ближе всего к печати Андрея Саковича Почерк грамоты не имеет прямых аналогий ни в 40-х, ни в 60-х годах, хотя можно отметить некоторую близость к почерку грамот Омельяна (№ 110, 111). Обращение послания «Почестнымъ мужомъ, приятеле*м* наши*м* ратмано*м* рыски*м*» весьма своеобразно. Если термин «мужи» характерен для более раннего времени, а термин «приятели» употреблялся довольно долго и датировке не помогает, то еще один новый компонент инскрипции, прилагательное «почестные», входит в широкое употребление только в 60-е гг. XV в.

Однако грамота дважды называет «князя великого», ни разу не именуя его ни «осподарем», ни «королем» (ср. № 124), что в 60-е годы было бы невозможно или во всяком случае маловероятно (см., впрочем, № 246 и 247, написанные в начале 80-х годов). Таким образом, грамота могла быть написана не позднее последних месяцев 1446 г. Судя по тому, что в Ригу Дашко и полочане отправились по Двине, «а ѡ*т*ле оужо нелга ѣхати водою — замержеть, и ѡни собѣ та*м* кони покупя*т*(ь)», послание писалось в предчувствии приближающегося ледостава. Как правило, Двина замерзала около 20 ноября, но по материалам наблюдений XIX в. известны случаи, когда это происходило и 21 октября, и 28 декабря (*Сапунов*. 1893. С. 206–207). Поэтому послание датировано максимально широким временным промежутком — от 1 октября до 31 декабря 1446 г. Эту датировку подтверждает водяной знак — козлик, ближайшие аналогии которому отыскиваются в рукописях Нюрнберга и Утрехта 1440–1441 гг. (подробнее см. каталог водяных знаков в т. 1 настоящего издания).

О «Гармане» — Германе фон Зундерне — см. комментарий к № 113. Возможно, этот визит, во время которого Герман фон Зундерн ходатайствовал перед полоцким воеводой за своих сограждан, описан во фрагментарно сохранившемся послании одного из них в Ригу (LECUB. Bd. 10. № 286. S. 190–191).

В послании указано, что ее автор — воевода или наместник — отсутствовал в Полоцке и, по-видимому, сравнительно недавно вернулся туда: «Изде ка*к* приѣха*л* есмь оу Полотескъ, и купци кн(ѧ)зя великого полочане били на*м* чело*м*». Об отсутствии Андрея Саковича летом

1446 г. ничего не известно, может быть, это один из тех случаев, когда сведения о пребывании Андрея в Литве не датированы.

Конфликт с магистром, вызвавший отправку этого послания, мало похож на конфликт, разгоревшийся в 1466 г. Зато он вполне соответствует сведениям о несправедливостях, которые чинил полочанам комтур Дюнабурга и которые стали поводом жалоб Казимира орденским властям в 1446 г. (LECUB. Bd. 10. № 193, 214. S. 127–128, 144–147). Послание показывает, что рижане, вопреки положениям Копысского договора и его подтверждений (№ 54, 55, 73), стремились в одностороннем порядке закрыть полоцким купцам проезд «за море» (коль скоро специальные гарантии соблюдения этого условия потребовались от Германа фон Зундерна), а полоцкие власти могли от случая к случаю пользоваться возможностью закрытия проезда в Витебск и Смоленск. Первые точно датированные сведения о нём относятся к началу 1448 г. (LECUB. Bd. 10. № 416. S. 287), однако проблема сохраняла актуальность и в последующие годы. Так, около 1451 г. в это время на запрет полочанами поездок в Смоленск жаловались прусские купцы (APG. 300 D/8, 17. Fol. 4. Составители благодарят С. Шибковского за предоставление копии этого источника). Когда же немецкие купцы жаловались на новые порядки Казимиру, посетившему Полоцк в 1451 г., тот дал им понять, что меры полочан являются ответом на закрытие рижанами пути «за море», т.е. встал на сторону своих подданных (LECUB. Bd. 11. № 167; ср. в настоящем издании № 131).

Невгиня — «руское» название Дюнабурга.

«А ваши записи старые оу полоча*н*, а полоцкии записи старыи оу вас» — Имеется в виду полоцко-рижское соглашение 1407 г. (№ 55).

А. Л. Х., С. В. П.

119

Упоминание

[Около 1447 г. Полоцк]. — Послание пол. местичей совету г. Риги с жалобой на риж. купцов, продающих полочанам некачественные товары

Датировка условна: настоящее послание могло быть написано и позже, вплоть до 1459 г. (см. датировку № 128). Оно примечательно как свидетельство интенсивности письменной коммуникации полоцких местичей с властями Риги.

С. В. П.

120

1447 г. [мая 3]. Вильня. — Договор избранного кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира с г. Ригой о торговле между городами Полоцком и Ригой

Подтверждению договора о торговле между Полоцком и Ригой предшествовали полоцко-литовско-рижско-ливонские переговоры 1446–1447 гг. с изложением претензий сторон (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 233, 234; см. также комментарий к № 118). Казимир утвердил договор в Вильне в самый канун отъезда в Польшу на коронацию, на следующий день после другого важного документа — земского привилея от 2 мая 1447 г. (CESXV. T. 3. № 7). Примерно тогда же великий князь выдал областной привилей Смоленской земле (*Ластовский.* 2001. С. 89–90). Очевидно, это было сделано Казимиром с целью укрепить позиции в своей «отчине» Великом княжестве Литовском, которое он покидал на неопределенное время, что было особенно важно в свете претензий Михаила Сигизмундовича — сына Сигизмунда Кейстутовича. Вскоре были урегулированы и отношения с Орденом: Казимир, князья и паны Великого княжества Литовского 9 января 1448 г. утвердили «вечный мир» (*Kolankowski.* 1930. S. 285).

Как и Сигизмунд Кейстутович в 1439 г., Казимир в 1447 г. практически дословно повторил текст Копысского договора (№ 54). В частности, в ст. 10 повторено имя давно умершего ливонского магистра Конрада фон Фитингхофа.

С. В. П., А. Л. Х.

121

[1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17]. — Приговор суда пол. нам. Андрея Саковича, пол. бояр и местичей по делу между [пол. местичем] Евлашком Козчичем и Александром Оскерчиничем о части оз. Солонец

Как показывает титулатура Казимира, грамота написана между его коронацией (25 июня 1447 г.) и переходом должности полоцкого воеводы от Андрея Саковича к Петру Монтигирдовичу (1458 или 1459 г.). Обращает на себя титул Казимира — «великий король». Этим титулом источники награждают всех Ягеллонов, которые были одновременно королями польскими и великими князьями литовскими, начиная с самого Ягайла и заканчивая его правнуком и последним представителем династии Сигизмундом Августом. Правда, стоит отметить, что чаще всего этим необычным титулом именуют монархов другие люди, называя их то во втором, то в третьем лице. В официальных же документах, выданных от имени самого правителя, титул в такой форме встречается редко. При этом он был характерен для Полоцкой земли (ср. № 125, 131, 385) и вообще «руской» письменности Великого княжества Литовского, как свидетельствуют многочисленные примеры употребления этого титула в записях писцов на богослужебных книгах (см. примеры 1466, 1474, 1489, 1502, 1512, 1514, 1520 гг.: *Cicėnienė.* 2011. P. 197, 199, 201–205; см. также: *Кузьмин.* 2011. С. 46–47). Исследователь титулатуры правителей Великого княжества Литовского Ян Адамус характеризовал титул «великий король» достаточно противоречиво. Он то утверждал, что Ягайло носил его до крещения, то замечал, что этот титул встречается уже после Кревской унии (*Adamus.* 1930. S. 315, 316, 320). Но в любом случае, происхождение этого титула известный исследователь связывал с исторической традицией, а также с тем фактом, что в конце XIV в. титулатура польских королей и великих князей литовских еще не устоялась. Он не усматривал никакой зависимости между этим титулом и унией между Польским королевством и Великим княжеством Литовским. Если в случае с Ягайлом это, возможно, и так, то что касается его преемников, то связь их титула «великий король» с унией двух государств вряд ли можно оспаривать. Очевидно, что этот оригинальный титул использовался потомками Ягайла как гибрид титулов «король» и «великий князь».

№ 121 — наиболее ранний образец собственно судебного решения полоцкого наместника/воеводы. Формуляр грамоты отражает традиционно двойственную природу политической власти в Полоцке: в качестве судебной инстанции наместник выступает не в одиночку, но совместно с боярами и местичами (тем не менее грамота скреплена лишь наместничьей печатью). В конечном протоколе перечислены имена бояр, присутствовавших при судебном разбирательстве (7 человек). Относительно местичей указано в общей форме: «а мѣстичо*в* добры*х* людеи мно*г*(о) было».

Символическая инвокация (крест), открывающая грамоту, изредка встречается в документах, вышедших по канцелярии полоцкого наместника (см. комментарий к № 112), в особенности в тех случаях, когда в качестве отправителей посланий выступает наместник вместе с боярами (№ 122) или боярами и мещанами (№ 124, 134). Более типично употребление этого символа для городской и епископской канцелярий в грамотах, написанных от имени бояр и мещан (№ 130, 131), одних мещан (№ 125, 128), епископа (№ 74, 75). Можно предполагать, что введением в протокол наместничьих грамот символической инвокации в виде креста на-

местничья канцелярия обязана воздействием городской, а может быть и епископской канцелярий. Санкция, разбивающая текст конечного протокола, предусматривает штраф в гривну золота в пользу короля, в титуле которого соединены и традиционный «великий князь», и «король». В конечном протоколе указано имя писца грамоты — писаря наместника, его дьяка Тешка. Как и прежде, и впоследствии, для осуществления своих административных функций полоцкий наместник/воевода был вынужден пользоваться собственными ресурсами, в том числе штатом писцов.

Социальное положение одной из тяжущихся сторон известно: местич Евлашко Козчич в середине XV в. играл ведущую роль в управлении Полоцком и его внешних сношениях (см. о нём: *Хорошкевич*. 1977а. С. 146–149). Александр Оскерчинич принадлежал, вероятно, к той же самой прослойке полоцкого общества, хотя в конце 70-х — начале 80-х годов XV столетия Оскерчичи (из коих назван лишь один Фёдор Никифорович), ссылаясь на привилей Витовта, заявляли, что служили «слꙋжъбу земскую» (№ 221). В середине XVI в. они квалифицировались боярами (№ 221), а в XVII в. один из потомков Оскерчичей Пётр Казимирович Оскерка владел имениями Нача и Сковородчиково [ИЮМ. Вып. 28. № 61. С. 284 (25 октября 1668 г. Закладная Петра Казимировича Оскерки на заставу Петру Шелюте 4 служб на 2 года в имениях Нача и Сковородчиково)]. Оскерть, откуда родом Александр Оскерчинич, лежит на р. Яжель, притоке Свечанки, которая в свою очередь является притоком р. Уллы. К западу от р. Ушачи (в среднем течении южнее Воронеча) на расстоянии 5–10 верст друг от друга находится группа озер: Рясно, Остров, Солонец, Умильно. В XVIII в. вся земля между ними была пахотной, здесь совсем не было болот и лесов. Р. Глубочицы в этом районе даже на картах Генерального межевания не было обнаружено, хотя рек с таким названием на Полотчине много.

Свидетелями земельных сделок Александра Оскерчинича с Евлашком Козчичем были «добрыи люди, мѣстич(и) и… землѧнѣ… суседи»: Пахомий Одинец, посол в Ригу в 1466 г. (№ 181, 182), родственник Евлашка — Яцко Козчич, Филипп Теличинич, представитель того рода, который вместе с Оскерками добивался признания боярства (№ 221). О других свидетелях Филиппе Чиковчиниче и Василии Красавке дополнительных сведений не имеется.

Среди участников суда имеются представители ведущего боярского рода Полоцка — Радковичи: Яцко Ходорович и Сенко Григорьевич. Первый из них — возможно, сын того самого Ходора, который был держателем волости Собеж и получил от Казимира в 1440–1455 гг. право гнать бобров на р. Наче (№ 80), а в грамоте № 121 был назван по имени-отчеству — Ходор Радкович. Он вторично изучал границы спорных земель в качестве ездока, но ко времени окончательного разбирательства его уже не было в живых

Яцко Григорьевич — очевидно, тот же самый, что упоминается в № 81 (1440–1447 гг.). Волфромея Шипило можно идентифицировать с Валфромеем № 80, где он назван очередным держателем волости Собеж (1440–1455 гг.). Обращает на себя внимание отсутствие среди участников разбирательства представителей рода крупнейших полоцких бояр — Корсаков (*Варонін*. 1998. С. 42, 49–50).

Фёдор Шах, возможно, идентичен тому Шаху, который без титула упоминается в грамоте № 144 в качестве слуги Петра Монтигирдовича, а в грамоте 27 августа 1486 г. в качестве свидетеля вместе с Андреем Саковичем, при написании данной Иваном Зиновьевичем дядьковичу своему Олехну Пугачу на имение Сутковское (РИБ. Т. 27. Стб. 407; LM. Kn. 4. № 97. P. 123–124). В листе Богдана и Юрия Андреевичей Саковича о разделе их владений от 19 июня 1473 г. в качестве свидетеля упоминается князь Андрей Шах (*Jablonskis*. 1933a. № 3. P. 420). Он же фигурирует в перечне свидетелей грамоты об основании костела в Березинах сразу после Андрея Саковича (KDKW. № 224. S. 249). Вполне вероятно, что он принадлежал к окружению Саковичей.

О Миките Оплечуеве и Семёне Мокидернятиче дополнительных данных не имеется. Из самой грамоты ясно, что первый из них уже участвовал в рассмотрении этого дела:

в качестве ездока вместе со слугой Андрея Саковича Миклашем Чехом он устанавливал границы («рубежи») спорных земель.

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

122

[1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17]. — Послание наместника пол. воеводы Андрея [Саковича] Ивана, пол. бояр, местичей и «всего поспольства» совету г. Риги с требованием побудить лив. магистра «держать твердо» комтура Дюнабурга, убившего пол. местича Грица, до оповещения о случившемся вел. кн. лит. [Казимира] и панов рады

Грамота датируется периодом полоцкого воеводства Андрея Саковича после коронации Казимира (подробнее см. комментарий к № 107). В адресе и инскрипции послания обращает на себя внимание употребление термина «посадники» по отношению к бургомистрам г. Риги, традиционного также для новгородских грамот (см. комментарий к № 117). В интитуляции наряду с наместником воеводы фигурируют и полоцкие бояре и местичи. Обращает на себя внимание призыв поспособствовать принятию мер по отношению к комтуру Дюнабурга, «докуль о то*м* осп(о)*д*(а)рь нашь его м(и)л(о)*с*ть король вьзвѣдае*т* и панове рада осподарьская». В нём отразился рост значения литовских вельмож за время правления малолетнего Казимира в ВКЛ и его отсутствия там после коронации, в период занятия польского престола. Возможно, послание написано во время одной из таких его отлучек, происходивших регулярно (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 271–290; *Rutkowska*. 2014. S. 71–174).

Иван, наместник Андрея Саковича в Полоцке, по другим источникам неизвестен.

Невгиня — «руское» название Дюнабурга. За рассматриваемый период известен, да и то предположительно (в 1451 г.), лишь один комтур Дюнабурга — Конрад фон Фитингхоф (*Militzer*. 2002. S. 111).

А. Л. Х., С. В. П.

123

[1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17]. — Вкладная запись Ивана Полупяты Михайловича ц. Св. Иоанна Предтечи на Острове на сеножать Железковскую

Вкладная датируется периодом полоцкого воеводства Андрея Саковича после коронации Казимира (подробнее см. комментарий к № 107). О рукописи, содержащей вкладную запись, см.: *Гранстрем*. 1953. С. 41–45, а также комментарий к № 6.

Ивашко Полупята Михайлович — представитель известного полоцкого боярского рода (о нём см. также № 193, 341, 378). Несмотря на продажу части земель уже в XV в., ему и его братьям принадлежали земли на Просмужице, в непосредственной близости от города, а также на Суше. Они же претендовали и на землю Хвостовщину. В начале XVII в. Полупятиничи владели многочисленными имениями — Островном, Оболью, Сосной, Ладосной, Витовичами, Стайками [см. раздел Павла Васильевича Полупяты с Давыдом и Самуилом Федоровичами Полупятами (27 октября 1601 г.) и размежевание П. В. Полупяты и С. Ф. Полупяты владений в с. Островна (30 июля 1630 г.): ИЮМ. Вып. 28. № 51, 52. С. 255–267]. В реестре же 1528 г. назван лишь Иван Полупятин, выставлявший в литовское войско одного всадника (РИБ. Т. 33. Стб. 193; МВКЛ. Кн. 523. С. 154; LM. Kn. 523. P. 139).

О монастыре Иоанна Предтечи на Острове см. комментарий к № 6.

С. Бобыничи находится на одноименном озере, из которого берет начало р. Нача, к юго-юго-западу от Полоцка, а с. Воронеч — на р. Ушаче к юго-западу от Полоцка. Сеножатка Железковская у Савина ручья находилась, по-видимому, невдалеке от города, где эти дороги еще не далеко разошлись (РГАДА. Ф. 1356. Сенненский уезд Могилёвской губ.).

Вежгайло упоминается в качестве наместника Андрея Саковича в Полоцке лишь в этой грамоте. Вежгайло Ивашкович фигурирует в документе Олехна Судимонтовича 1478–1490 гг. (РИБ. Т. 27. Стб. 124–125; LM. Kn. 3. P. 69–70). В одном из документов Свидригайла упоминается дьяк Вежгайло, которого О. Халецкий отождествил с виленским тивуном Вазкайлом, известным в 1457 г. (*Halecki*. 1915. S. 293; см. также: UWKL. T. 1 № 223. S. 89), однако «оригинал» этого документа написан почерком первой половины XVII в. (ANK. ZR. Perg. 121), так что неясно, восходит ли упоминание Вежгайла к подлинному документу. Киевский епископ-элект и жомойтский епископ Николай Вежгайло, действовавший в первой трети XVI в., происходил из семьи мелких бояр Трокского повета (из Ейшишек) (*Ališauskas etc*. 2009. № 1451. P. 254). Неясно, можно ли говорить об идентичности или хотя бы об общем происхождении кого-то из названных лиц. Ясно лишь, что полоцкий наместник Андрея Саковича по происхождению был литовцем.

Бояре Володковичи известны в Витебской земле, где они получали в держание «волостки», около 1480 г. (РИБ. Т. 27. Стб. 373; LM. Kn. 4. № 61. P. 109). Среди них был и Митко (РИБ. Т. 27. Стб. 33; LM. Kn. 3. P. 31; по упоминаниям лиц датируется 1449–1456 гг.), но вряд ли это то же лицо, что Мишко № 123.

«…попъ Ива*н*, крылошани*н* с(вя)т(о)го Софеꙗ, Глезнови*ч*» — возможно, идентичен Ионе Глезне, будущему полоцкому архиепископу и митрополиту Киевскому и всея Руси (см. о нём комментарий к № 249).

А. Л. Х., С. В. П.

124

[1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17]. — Послание [не названного по имени] наместника пол. воеводы Андрея [Саковича], пол. бояр и местичей совету г. Риги с просьбой освободить плененного в Ливонии полочанина — путного человека Санка

Датируется периодом полоцкого воеводства Андрея Саковича после коронации Казимира (см. комментарий к № 107). В 1-м издании ПГ послание гипотетически датировалось 1449–1450 гг., поскольку «хранит живые воспоминания о пребывании короля в Полоцке в 1449 г.»: задержанный дюнабургским комтуром подчеркнуто назван «ч(о)л(о)в(е)къ ѡсп(о)д(а)ря нашо*г*(о) короле*в* путныи ч(о)л(о)в(е)къ», а в санкции, носящей угрожающий характер, полочане сообщают рижанам о том, что, если Санко не будет отпущен, «ѡсп(о)д(а)рь па*к* на*ш* оузвѣдае*т*(ь) коро*л*(ь), ка*к* за свое стоя*т*(и)» (ПГ. Вып. 4. С. 37). Сведения о приезде короля в Полоцк сохранили псковские летописи, куда со слов псковских послов в ВКЛ в 1470 г. было занесено сообщение: «сам король был в Полочску одну неделю, а прежде того был за 20 год и за год» (ПЛ. Вып. 2. С. 169). Вероятно, этот визит состоялся в начале 1449 г. В 1451 г. Казимир вновь побывал в Полоцке (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 273–274, 276; *Rutkowska*. 2014. S. 103; LECUB. Bd. 11. № 167; *Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 247). Однако, как показывает обширная документация XV в. (полоцко-рижская переписка, великокняжеские документы), полочане и тем более полоцкие воеводы со своими слугами всё время хорошо помнили о подданстве великому князю литовскому, а не вспоминали об этом от случая к случаю, в моменты редких визитов монарха в Полоцк.

Формуляр грамоты, написанной от имени Андрея Саковича, бояр и мещан, имеет некоторые особенности. Так, инскрипция отделена от интитуляции и вынесена в эсхатокол. Адрес грамоты и инскрипция различаются.

«…то*т* Санко завоева*н* бы*л* на С(вя)тои рецѣ оу Жомотъ» — Имеется в виду сражение на р. Святой (Свента, совр. Швянтойи), или у Вилькомира, между войсками Свидригайла и Сигизмунда Кейстутовича, состоявшееся 1 сентября 1435 г. (об этом сражении и его локализации см. № 71 и комментарий к нему). Как видно из этого упоминания, последствия битвы не были изжиты в течение долгого времени (ср.: *Rowell.* 2005. P. 50, nuor. 163).

Невгиня — «руское» название Дюнабурга.

В данном послании впервые упоминается такая категория служилого населения Полоцкой земли, как путные люди, или путные слуги, многочисленные в конце XV — первой половине XVI в. (подробнее см.: *Варонін.* 2000а).

А. Л. Х., С. В. П.

125

[1447 г. июня 25 – 1459 г. февраля 17; 1449 г. (?) Полоцк]. —
Послание пол. местичей и «всего места Полоцкого» совету
и «местичам» г. Риги с требованием выдать пол. местичу
Пронку Тупичиничу его беглого купца Тараска и товар

Грамота имеет две инвокации: одну — символическую в виде креста, традиционную для посланий полочан, причем повторенную дважды, и вторую — словесную формулу: «Б(о)жьею м(и)л(о)*с*тью и вѣлико*г*(о) корол*ѧ* здоровье*м*», где наряду с посвящением Богу упомянут и «великий король», как это было принято в грамотах полочан (см. № 52, 55, 121 и комментарии к ним). Возможно, вторая часть словесной инвокации появилась в связи с пребыванием Казимира в Полоцке в 1449 или 1451 г. (см. комментарий к № 124). Против отнесения послания к 1449 или 1451 г. может говорить санкция, где полочане не угрожают карой со стороны короля, но ограничиваются туманными обещаниями самостоятельно воздать должное рижанам. Это свидетельствует, что данное послание писалось не одновременно с воеводским посланием по тому же делу № 127, в котором Андрей Сакович угрожает задержать троих рижан в Полоцке, а предшествовало ему.

В интитуляции значатся не только местичи, но и «все место Полоцкое», сменившее в № 125 «все поспольство» предшествующих грамот. В инскрипции и адресе послания снова встречается термин «посадники» (ср. № 105, 117, 122, 130, 131).

Полоцкий местич Пронко Тупичинич и его слуга Тараско упоминаются также в № 127, написанном по тому же делу.

А. Л. Х., С. В. П.

126

[1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17; 1449–1451 гг. (?)]. —
Послание пол. воеводы Андрея Саковича совету г. Риги с требованием
осуществить правосудие в отношении пол. местича Сергея
Мошневича по делу между ним и риж. конюхом

В самом общем виде послание датируется периодом полоцкого воеводства Андрея Саковича после коронации Казимира (см. комментарий к № 107). Именование Сергея Мошневича «слуга ѡсп(о)*д*(а)ря наш*о*г(о) велико*г*(о) короля», возможно, было связано с посещением По-

лоцка Казимиром в 1449 или 1451 г., хотя такая связь вовсе не обязательна (см. комментарий к № 125).

Инскрипция наместничьих грамот (№ 126, 127) существенно отличается от инскрипции грамот полочан: нет упоминания рижских «посадников» и «местичей». Географическая принадлежность обозначается не определением, но описательным оборотом: «Ризкое место», как и в двух других послания Андрея Саковича (№ 112, 127). Такой же оборот встречается и в послании бояр и мещан 1447 — ок. 1459 г., возможно 1449 г. (№ 125), и более поздних грамотах — наместника Олехна Судимонтовича (№ 159) и мещан (№ 155, 162).

Сергей Мошневич, полоцкий местич, упоминается также в № 129, посвященном тому же делу.

А. Л. Х., С. В. П.

127

[1447 г. июня 25 – 1459 г. февраля 17; около 1449–1451 гг. (?)]. — Послание пол. воеводы Андрея Саковича совету и «всем местичам» г. Риги с требованием выдать пол. местичу Пронку Тупичиничу его беглого торговца Тараска и деньги

В самом общем виде послание датируется периодом полоцкого воеводства Андрея Саковича после коронации Казимира (см. комментарий к № 107). Поскольку оно посвящено тому же делу, что и № 125, но написано в гораздо более решительном тоне, возможна датировка концом 40-х или началом 50-х гг. XV в. (см. также комментарий к № 125).

А. Л. Х., С. В. П.

128

[1447 г. июня 25 — около 1459 г. февраля 17; около 1449–1451 гг. (?). Полоцк]. — Послание пол. местичей и купцов совету г. Риги с сообщением о высылке в Ригу купцов-мошенников, с требованием наказать их и возместить ущерб пострадавшим от их деятельности

Упоминание в данном послании о помощи «милостива*г*(о) корол*ѧ*» указывает на время после коронации Казимира 25 июня 1447 г. Это подтверждается и формуляром: грамота написана только от имени мещан, что характерно для ряда грамот конца 40-х гг. XV в. Датировка послания 1449–1451 гг. (по связи с визитами Казимира в Полоцк) имеет в высшей степени гипотетический характер (ср. комментарии к № 124, 125).

А. Л. Х., С. В. П.

129

[1447 г. июня 25 – 1459 г. февраля 17; 1450–1451 гг. (?)]. Полоцк. — Послание пол. воеводы Андрея Саковича совету г. Риги с очередным требованием содействовать в правосудии пол. [местичу] Сергею Мошневичу по делу между ним и риж. конюхами

Послание посвящено тому же конфликту из-за коня Сергея Мошневича, что и № 126. Имеет ссылку на два предшествующих обращения Андрея Саковича к рижским властям (од-

но из них — № 126, второе не сохранилось). Санкция № 129 содержит уже реальную, а не предположительную, как в № 126, угрозу захвата имущества у «правых людѣи» рижан.

В наиболее общем виде послание датируется периодом полоцкого воеводства Андрея Саковича после коронации Казимира (см. комментарий к № 107).

Обе грамоты (№ 126 и 129) написаны одним и тем же почерком — крайне неаккуратной скорописью средней величины с наклоном в разные стороны.

А. Л. Х., С. В. П.

130

[Около 1448 г. Полоцк]. — Верительная грамота пол. бояр и местичей [пол. местичам] Митку Труфановичу и Павлу Медведю, направленным для переговоров с советом г. Риги

Верительная грамота полоцких бояр и местичей Митку Труфановичу и Павлу Медведю была написана около 1448 г. Инскрипция грамоты, как и адрес, содержит тот же термин «посадники», что употреблен и в № 105, 117, 122, 125, 131. Редкое в полоцких посланиях слово «посадники» употреблялось главным образом в 40–50-е гг. Этим и определяются широкие границы написания грамоты. Рижская расходная книга сообщает о нескольких визитах полоцких и литовских послов в Ригу, а рижских — в Полоцк в 1447–1450 гг. Среди этих послов были наместник полоцкого воеводы и полочанин Микита — очевидно, Козчич (Кожчич), — которому было послано 5½ ферд. на мед (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 236–240, 243).

Верительная отправлена в Ригу от имени бояр и местичей. В салютации говорится не только о «поклоне», но и о «челобитье» полочан рижанам («кланаютьс(а) и челом бьють», ср. № 104, 122). Эти архаичные формулы роднят № 130 с более ранними грамотами полочан. Стилистические особенности могли быть обусловлены не только происхождением грамоты, но и сохранением традиционного формуляра самих верительных (ср. № 104, 181, 182).

Митко Труфанович — по-видимому, полоцкий мещанин. Дмитрий Труфанович (Трухонович) в верительных грамотах 1466 г. (№ 181, 182) причислен к мещанам.

Павел Медведь — по-видимому, полоцкий мещанин. Его родственник Ходор Медведь, «добрый человек», был свидетелем торговой сделки в наместничество Василия Дмитриевича Корсака, по-видимому, между 1422 и 1434 гг. (№ 67).

А. Л. Х., С. В. П.

131

[Около 1448 г. Полоцк]. — Послание пол. бояр, местичей и «всего поспольства» г. Полоцка совету г. Риги с объяснением причин задержки риж. купцов в Полоцке, запрета их поездок далее — в города Витебск и Смоленск, условий освобождения задержанных и пропуска риж. купцов в указанные города и др.

Послание, как и № 105, 117, 122, 125, 130, адресовано «посадніком ризкым и ратманом» (в адресе добавлено: «и всимъ рижаномъ»). В интитуляции упомянуты бояре, местичи и «все поспольство» (см. комментарий к № 108). Всё это в сочетании с упоминанием полоцкого воеводы пана Андрея (Саковича, см. комментарий к № 107) и «великого короля» указывает на конец 40-х гг. XV в. (после 25 июня 1447 г.).

Содержащееся в грамоте сообщение о задержании полоцким воеводой Андреем Саковичем немецких купцов из-за такой же акции комтура Дюнабурга (Невгини полоцких грамот) не подкрепляется никакими другими известиями. Зато о конфликте, происшедшем из-за же-

лания рижан ехать в Витебск и Смоленск, хорошо известно из письма немецких купцов из Полоцка от 20 февраля 1448 г. (LECUB. Bd. 10. № 416. S. 287). В этот год произошли бурные столкновения Полоцка и Риги, состоялся обмен посольствами. Летом в Полоцк ездил Ганс Эппеншеде (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 236), возможно, в ответ на посольство наместника Андрея Саковича («undirhouetman») и упомянутое в № 130 (если относить его к 1448 г.) посольство полочан (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 236). Вслед за Эппеншеде в Литву отправился Герман фан Зундерн, правда, неясно, успел ли Казимир к его приезду вернуться из Польши (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 238; *Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 273; *Rutkowska*. 2014. S. 79–86). В самом конце 1448 г. состоялось еще одно посольство полочан, которым на этот было послано 9 фердингов (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 239). Как явствует из данного послания, рижане стремились ограничить поездки полочан дальше Риги одним лишь Юрьевом, т. е. Дерптом.

Грамота № 131, трактующая вопросы равноправия полочан и рижан, «чистого пути» за море, свободы торговли на территории Ливонии (а не только в Юрьеве, т. е. Дерпте, на чём пытались настоять рижане), выглядит программным документом полочан. При этом они демонстрируют хорошее знание полоцко-рижского договора 1407 г. (№ 55) и настаивают на том, чтобы рижане соблюдали его положения и удерживали ливонских орденских сановников и подданных рижского архиепископа от несправедливостей по отношению к полочанам.

Ссылка на жалование королем рижан «по стары*м* записе*м*» имеет в виду, несомненно, подтверждение Казимиром и Ригой Копысского договора, состоявшееся в 1447 г. (№ 120).

В конечном протоколе своеобразная салютация: «А чересъ то боу*д*те здорово», не встречающаяся ни в каких других грамотах, и подпись: «А сія грамота ѡ*т* бояръ полоцкы*х* и ѡ*т* полочанъ», несколько напоминающая подпись верительных грамот. Появление последней формулы было бы оправдано предположением, что одновременно с этим посланием было направлено аналогичное от имени наместника, но о нём ничего не известно. Либо оно не сохранилось, либо полоцкие бояре и местичи воспользовались своим правом самостоятельных внешних сношений.

А. Л. Х., С. В. П.

132

[1448 г. января 5]. — Запись о пожаловании [кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира пол. мещанам] Ивану Булавину и Сеньку Кошчичу на с. Погост в Полоцком пов. «до воли господарской»

Датируется по индикту и упоминанию писаря Сопеги (см. о нём комментарий к № 77). В 1-м издании ПГ грамота была ошибочно отнесена к 1449 г. и связана с визитом Казимира в Полоцк (ПГ. Вып. 4. С. 37–38). Однако 5 января 1448 г. он, несомненно, находился в Литве (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 272; *Rutkowska*. 2014. S. 79–80).

С. Погост находится на правом берегу р. Двины в 20–25 км ниже Полоцка (*Сапунов*. 1906. С. 169. № 79, 96). На картах Генерального межевания его найти не удалось.

О полоцком мещанине Иване Булавине см. № 98, 99, 107, 132, 135, 136, 151, 152 и комментарии к ним.

Сенько (Семён) Кожчич (Кошчич, Козчич) — полоцкий мещанин, выходец из той же семьи, что и Евлашко (Евлампий) Фёдорович, крупный политический деятель, часто представлявший Полоцк в Риге в 60–70-е гг. XV в. Сенько Фёдорович Кожчич, получивший земельные пожалования от самого великого князя в начале своей карьеры, выступал и полоцким послом в 1476 г. (№ 216) и вместе со своим сыном Микитой в 1469 г. (№ 187). Последний также не раз ездил в Ригу (о поездке 1448 г. см. комментарий к № 130). Поскольку С. Ф. Кож-

чич и И. Булавин получили одно общее пожалование, можно думать, что они были родственниками.

А. Л. Х., С. В. П.

133

[1450 г., около июля 19]. Новогородок. — Запись о пожаловании [кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира] жене пана Станька Васке с. Улы

Датируется по 13-му индикту и указанию на канцлерство Михайла Кезгайловича (1444–1477 гг.; см. о нём комментарий к № 134). Поскольку в данном случае он не назван виленским воеводой, каковым стал не позже 25 марта 1459 г., пожалование состоялось между 1 сентября 1449 г. и 31 августа 1450 г. Это заставляет отвергнуть мнение И. И. Лаппо, который все грамоты, выданные от имени канцлера Михайла и снабженные указанием индикта, отнес к 60–70-м гг. (РИБ. Т. 27. Стб. 15, 54–56 и др.). За указанный период король был в Литве в сентябре — ноябре 1449 г. и в июле — августе 1450 г. (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 274–276; *Rutkowska*. 2014. S. 88–90, 98–103). К этому времени, а именно 19 июля 1450 г., относится запись «Книги данин Казимира» о пожаловании имения Узда в Менском повете Михайлу, Васку и Ивашку Корсаковичам (РИБ. Т. 27. Стб. 24; LM. Kn. 3. P. 28). Поскольку приказ при этом осуществлял Михайло Кезгайлович, как и в № 133, то относим этот последний ко времени около 19 июля 1450 г.

«Пан Станько» идентифицируется как Станько Сакович по упоминанию в предыдущей записи о пожаловании Олехну Саковичу и его братьям Болина в Лукомле «по тому, какъ братъ и*х* Ста*н*(ь)ко Сакови*ч* де*р*жалъ» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 13 об.; LM. Kn. 3. P. 29). Станько и Олехно Саковичи были сыновьями Андрея Саковича, полоцкого воеводы ок. 1444 — ок. 1459 гг. (см. о нём комментарий к № 107) (*Petrauskas*. 2003. P. 289).

Ула (Улла) — левый приток Двины, впадающий в нее 20 км выше по течению от Полоцка.

«Жикгимонтъ» — Сигизмунд Кейстутович, великий князь литовский в 1432–1440 гг.

Якуб — писарь великокняжеской канцелярии, упоминаемый в 1449–1466 гг. (*Груша*. 2006а. С. 143).

А. Л. Х., С. В. П.

134

[1451 г. апреля 10 — 1459 г. февраля 17. Полоцк]. — Послание наместника пол. воеводы Андрея Саковича Верькстня, пол. бояр, местичей и «всего поспольства» г. Полоцка совету г. Риги с требованием выдать ответчика по делу смольнянина Пашка

Послание Верькстня датируется периодом смоленского наместничества Михайла Кезгайловича (о его нижнем хронологическом рубеже см. ниже). Более точная датировка затруднительна (см. комментарий к № 107). Возможно, с отправкой № 134 связан записанный в рижских казначейский книгах расход в 4 марки 2 шилл. по приему полоцких послов в 1451–1452 гг. (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 250).

Первый издатель грамоты Ф. Шварц читал имя наместника Андрея Саковича как «Вѣрыктня», а вслед за ним это чтение приняла издательница ПГ, отметив, что возможно и другое чтение — «Вѣрькстня». Внимательное изучение палеографии грамоты склоняет к тому, чтобы принять второй вариант в качестве основного. Во-первых, вертикальная линия, следующая за «ь», отстоит от нее гораздо дальше, чем в обычном для писца этой грамоты написании буквы «ы». Во-вторых, буква «к» в других местах этой грамоты пишется в виде

сочетания вертикальной линии и полукруга или полуовала, разомкнутого справа, и никогда – в виде двух полукругов или полуовалов, следующих друг за другом. Стало быть, второй из них — это буква «с». Возможно, имя «Верькстень» (такова предположительная форма именительного падежа) имеет один корень с современным литовским глаголом *verkti* — «плакать», ср. *verksnys* — «плакса».

Грамота Верькстня написана мелкой скорописью коричневыми выцветшими чернилами с характерной округлостью букв «а», «б», «в», «р».

Михайло Кезгайлович — знатный литовский боярин герба «Задора», сын Кезгайла Волимонтовича. Вотчинные владения находились в Делтуве (Дявилтове). Упоминается с 1437 г., как канцлер ВКЛ в 1444–1476 гг., смоленский наместник в 1451–1458 гг., виленский воевода в 1459–1476 гг., один из самых влиятельных вельмож при Казимире. Умер в феврале или марте 1476 г. (*Petrauskas*. 2003. P. 251). Определенные затруднения вызывает датировка перехода смоленского наместничества от Петра-Сенька Гедигольдовича к Михайлу Кезгайловичу. Последние документы, в которых Пётр-Сенько Гедигольдович именуется смоленским наместником, датированы 27 марта, 7 и 9 апреля 1451 г. (*Ліцкевіч*. 2009a. № 6. С. 19–20; KDKW. № 202, 203. S. 228–231; LM. Kn. 1. № 397. P. 87). Судя по их содержанию, они составлены незадолго до его смерти. Михайло Кезгайлович впервые фигурирует как смоленский наместник в одной из записей «Книги данин Казимира» с датой 2 февраля 13 индикта (т. е. 1450 г.: LM. Kn. 3. P. 28), в грамоте Казимира от 30 апреля 1451 г. (GStAPK, Urkunden Zasztowt, № 5) и в документе от 2 мая 1451 г. (LECUB. Bd. 11. № 112). Указанная запись «Книги данин» иногда и считается первым упоминанием смоленского наместничества Михайла Кезгайловича (*Petrauskas*. 2003. P. 251, 321), хотя это мнение разделяется не всеми учеными (UWKL. T. 4. № 36. S. 50). Однако в феврале 1450 г. Казимир — субъект пожалования — находился в Польше (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 274– 275; *Rutkowska*. 2014. S. 93–94), а значит, в номере индикта была допущена описка (она имеется и в неизданном краковском списке «Книги данин Казимира»: BCz. Rkps 2329. S. 27) и Михайло Кезгайлович стал смоленским наместником между 10 и 30 апреля 1451 г. Следующей ступенью его карьеры стало назначение виленским воеводой после смерти Ивашка Гаштольда в конце 1458 г. Впервые с этой должностью Михайло Кезгайлович упоминается 25 марта 1459 г. (UWKL. T. 1. № 1100. S. 192).

Смольнянин Пашко по другим источникам неизвестен.

«Гарман» — Герман фон Зундерн, см. о нём комментарий к № 112.

А. Л. Х., С. В. П.

135

[1452 г. февраля 11 — около 1458 г.]. — Вкладная грамота архиеп. пол. Симеона II монастырю Св. Николая на Лучне на село «на Тулове» и другие земли [в Полоцком пов.]

Вкладная грамота архиепископа Симеона ныне хранится в Центральном архиве Нижегородской области. По предположению Б. М. Пудалова, в первой половине — середине XIX в. грамота находилась в коллекции Петербургской или Виленской Археографической комиссии, откуда позднее невыясненным путем и попала в Нижний Новгород (*Пудалов*. 2000. С. 202). Польскоязычные пометки, сделанные в XVII–XVIII вв. на обороте грамоты, свидетельствуют о том, что в указанное время она хранилась где-то на территории Речи Посполитой. Возможно, местом ее хранения был полоцкий иезуитский коллегиум: в том же фонде ЦАНО хранится грамота польского короля и великого князя литовского Сигизмунда III Вазы 1589 г. с предписанием полоцким «земянам» передать церковные сёла иезуитскому колле-

гиуму (*Пудалов*. 2000. С. 204–205). Спустя же некоторое время после разделов Речи Посполитой грамота, очевидно, была передана в распоряжение одной из археографических комиссий, которые действовали в Российской империи.

Издатели и исследователи датировали грамоту второй половиной XV в. (по совокупности лингвистических и исторических признаков — Н. М. Каринский, И. И. Матвеев) или 1531 г. (по позднейшей архивной записи на обороте грамоты — Б. М. Пудалов). Из предлагавшихся в литературе вариантов ближе всего к истине датировка 40–50-ми годами XV века (*Варонін*. 2009б. С. 62; *Варонін*. 2009в. С. 169), но и ее можно уточнить благодаря сведениям о хронологии деятельности упоминаемых в грамоте лиц. «Послух» грамоты Василий Андреевич — это Василий Полоцкий, упоминаемый в нескольких волынских грамотах Свидригайла 1445–1451 гг. (*Розов*. 1928. № 81; LM. Kn. 22. № 9.21. P. 94; Kn. 25. № 240; AS. T. 3. № 11; УГ XV ст. № 11; о датировке см.: *Halecki*. 1915. Dod. 1. № 24, 32, 36. S. 292, 294–295; *Halecki*. 1919. T. 1. S. 376, przyp. 3). Значит, грамота могла быть написана либо после смерти Свидригайла (10 февраля 1452 г.), когда Василий Андреевич мог вернуться на Полотчину, либо еще до того как он покинул родные края. Скорее всего, это произошло еще в 1436 гг., когда Полоцк перешел под власть Сигизмунда Кейстутовича, после чего тот казнил нескольких знатных полочан, ездивших к нему с посольством (LECUB. Bd. 9. № 133. S. 89). Сохранившиеся документы свидетельствуют о деятельности полоцкого епископа Симеона II в 40–50-е гг. XV в. (№ 74, 75, 102). Но точные даты его епископства неизвестны: предыдущий епископ Феодосий Грек упоминается в 1415 г. (АЗР. Т. 1. № 24), а следующий Каликст — около 1458 г. (№ 138, 139). Поэтому в качестве нижней хронологической границы условно принят следующий день после смерти Свидригайла — 11 февраля 1452 г., в качестве верхней — первое упоминание полоцкого епископа Каликста около 1458 г. Этому не противоречат и упоминания полоцких бояр и мещан, которые фигурируют как раз в источниках 40–50-х гг. XV в. (подробнее см. ниже).

Грамота являет собой редкий образец вкладного акта, который был оформлен как особый документ, а не как, например, запись в богослужебной книге. Следует отметить, что этот второй способ фиксации вклада в церковь имел гораздо более широкое распространение. Многочисленные вкладные записи XIV–XVI вв. имеются и в книгах полоцкого происхождения (см. в настоящем издании № 4, 5, 6, 10, 123, 138, 231, 413, 424, 425, а также: *Гранстрем*. 1953. С. 31, 39–40, 41–45; подробнее см.: *Груша*. 2012б. С. 475–479; *Груша*. 2015а). Известны случаи, когда одновременно оформлялись и вкладная грамота на отдельном носителе, и вкладная запись в богослужебной книге. Например, таким образом было оформлен вклад князя Олелька (Александра) Владимировича в Лавришевский монастырь 1433/34 г.: наряду с записью в знаменитом Лавришевском Евангелии (*Розов*. 1928. № 62. С. 113), сохранилась и грамота, из которой выясняется дата вклада (НИАБ. Ф. 179. Оп. 2. Ед. хр. 179. Л. 1; публ.: *Мікульскі*. 2014. С. 159–160, вклейка между с. 96–97). Такой обычай, безусловно, имел свой смысл и был до определенной степени удобен. Вкладную грамоту можно было передавать на хранение третьим лицам, — и именно так было сделано с грамотой Симеона. Это обеспечивало необходимое доверие к сделке и самому документу. В случае отчуждения земли у светского землевладельца грамота переходила к новому владельцу (ср.: *Груша*. 2014б. С. 19–23). Внесенная же в книгу запись постоянно находилась в церкви либо монастыре. Кроме всего прочего, раздельное хранение грамоты и записи обеспечивало более надежную сохранность актов.

Грамота написана полууставом, с характерными для некоторых его разновидностей чертами: средним темпом письма (наличие отдельных безотрывных написаний), средним весом («вес» буквы определяется по толщине линий); средним размером письма (размер корпуса букв составляет 2–3 мм); с буквой «д», которая пишется в более, чем две линейки; чередованием прямолинейных и криволинейных форм движения пера. Использование одновременно двух вариантов написания буквы «ъ» («ер»), двухлинейного и с верхним выносным элемен-

том, при преобладании первого варианта, а также частое употребление трехножковой «т» со слегка укороченными боковыми ножками являются характерными чертами полууставного письма первой половины XV в. Изящная извилистая форма нижнего выносного элемента «р», использование выносной титлообразной «м» (употребляемой без титла), волнообразной формы титла для слов, сокращаемых при помощи контракции (удаление букв внутри слова), более свойственны для второй половины XV в. По совокупности этих признаков письмо может быть датировано временем ближе к середине XV в. Региональным признаком данного образца письма, указывающим на происхождение писца из западных регионов Руси, является наличие изящной извилистой формы нижнего выносного элементы «р» (о палеографии грамоты Симеона см. также: *Матвеев*. 1953. С. 75).

Указанные признаки, в совокупности характерные для письма второй половины XV в., встречаются во многих скорописных памятниках Великого княжества Литовского данного периода. Похожее полууставное письмо использовано в жалованном листе смоленского владыки Иоакима Юрию Миколаевичу Радивиловича за 1485 г. (AGAD. Dok. perg. № 7370), листе князя Ивана Семёновича Кобринского его жене Федке на 2000 угорских золотых на двух дельницах его отчинных имений за 1487 г. (AGAD. Dok. perg. № 4628).

Уже первый публикатор грамоты И. И. Матвеев, подробнейшим образом проанализировав ее язык, отметил: «На фоне западнорусских документов, оставшихся от XV в., насыщенных полонизмами официальной и бытовой речи, рассматриваемая грамота представляет собой разительный пример сохранения чистоты русского языка» (*Матвеев*. 1953. С. 83). Этот вывод справедлив в том числе и для социальной и культурной лексики документа: употребляются такие редкие для середины XV в. слова, как «грамота» (вместо ставшего привычным «листа»), «послухи» (свидетели), «мужи полочане».

Формуляр грамоты оставляет впечатление некоторой неупорядоченности. Впрочем, ее можно объяснить и еще не устоявшимся построением такого рода документов, что подразумевает достаточно свободный стиль их составления. В инвокации Троица не названа святой, как это обычно делалось. Нет корроборации, хотя к грамоте были привешены печати. Скорее всего, первоначально грамота была написана только на одной стороне листа, и содержание этой части логически завершено. Текст же на обороте был дописан позже и связан с грамотой уже скорее тематически. Первое предложение, помещенное на обороте, дополняет сведения о повинностях либо долгах крестьян — жителей села Отулова. Однако фраза построена таким образом, что ее смысл остается не вполне понятным. А заключительное предложение сообщает о вкладе, который внесло в монастырь вообще другое лицо — «княгини Мария» (о ней см. ниже).

Этим не исчерпываются особенности оформления грамоты Симеона. Примечателен необычный для ВКЛ способ прикрепления печатей к грамоте, известный как «куриная лапа» — по фигуре, которую образуют шнуры на лицевой и оборотной сторонах грамоты (*Каштанов*. 1998. С. 265–266). Таким способом к грамоте были привешены все три печати (можно предположить, что они принадлежали, помимо самого Симеона, Василию Корсаку как вероятному «старшему боярину» и игумену Каликсту). В XV в. этот способ крепления вислых печатей практиковался в московской великокняжеской канцелярии, но совершенно не был характерен для земель ВКЛ, где печать привешивалась к грамоте либо на пергаменном ремешке, который пропускался сквозь прорезь в загибе внизу грамоты, либо на довольно толстом шнуре, витом из шелковых нитей и пропущенном сквозь отверстия в загибе. Кажется, единственный известный документ эпохи ВКЛ, к которому печати прикреплены таким способом, — договор луцкого князя Дмитрия-Любарта Гедиминовича с польским королем Казимиром III Великим 1366 г., написанный на бумаге (BCz. Dok. perg. № 254; публ.: *Соболевский, Пташицкий*. 1903. № 8; *Розов*. 1928. № 7. С. 13–14). Поэтому возможно, что «куриная лапа» была архаичным способом крепления печатей или же ее применение диктовалось материалом — бумагой, бо-

лее хрупкой, чем пергамен, а потому требовавшей иного распределения веса печати. Не характерен такой способом прикрепления печатей и для многочисленных сохранившихся до наших дней грамот Великого Новгорода, откуда происходил Симеон (сведения о них сообщены И. Ю. Анкудиновым, которому составители приносят искреннюю благодарность). Вместе с тем в Северо-Восточной Руси в XIV–XVI вв. получил распространение иной способ крепления к грамотам вислых печатей церковных иерархов, при котором нить пропускалась через отверстия в загибе на нижней части листа в форме четырехконечного креста или буквы «М» для митрополичьей печати, буквы «А» — для архиепископской, буквы «Е» – для епископской (*Новикова*. 2014).

Юридический автор грамоты, архиепископ Симеон II, или Симеон Старый, как его называли сами полочане (№ 380), занимал полоцкую кафедру, судя по всему, продолжительное время и умер около 1458 г. Из Полоцкой ревизии 1552 г., которая упоминает о данном вкладе, следует, что владыка Симеон II имел прозвание Новгородец (ПР 1552 г. С. 177). На новгородское происхождение Симеона указывают и некоторые другие данные — правда, скорее косвенные. Так, в публикуемой вкладной грамоте он утверждает, что купил село Отулово и другие земли «не епископьскымъ добыткомъ, но с собою… принеслъ». Это указывает на неместное происхождение Симеона. Очевидно также, что он был выходцем из богатого социального слоя.

В XV в. представители новгородского духовенства пользовались высоким авторитетом в Русской церкви. В качестве примера можно назвать современника Симеона, новгородского архиепископа Евфимия II (1429–1458), через сто лет канонизированного. Евфимий отличался широкой богословской образованностью, с его именем связано масштабное церковное и монастырское строительство как в самом Новгороде, так и в его окрестностях. Симеон также был известен своими глубокими познаниями в области христианского богословия. Так, московский митрополит Иона в своем весьма резком по тону послании к Симеону, тем не менее, отмечал: «божественому писанию искусенъ еси…» (РИБ. Т. 6. Стб. 611).

Вполне возможно, что именно образованность и богатство Симеона и определили его выбор полочанами. Здесь следует отметить, что жители Полоцка, судя по всему, весьма требовательно относились к кандидатурам своих церковных иерархов. В конце XIV — начале XV в. полоцким владыкой был амбициозный грек Феодосий, который одно время претендовал на сан митрополита. Его преемником (правда, возможно, не непосредственным) стал не менее честолюбивый новгородец Симеон. Похоже, что церковники — местные уроженцы не пользовались в то время особым весом и авторитетом у жителей Полоцка. Полочане явно отдавали предпочтение иностранцам или выходцам из других областей Руси. Очевидно, их престиж был выше.

Вполне возможно, что Симеон равнялся на пример новгородского архиепископа Евфимия II в области церковного строительства. По всей видимости, именно Симеон был основателем монастыря Св. Николы на Лучне. В ревизии 1552 г. — редкий случай — поименно перечислены все вкладчики земель в монастырь (ПР 1552 г. С. 177–178). Симеон поставлен среди них на первое место, что, правда, может быть связано с его статусом. Однако из перечня также следует, что он жил ранее всех остальных упомянутых там людей.

Монастырь Николы на Лучне располагался, судя по всему, на берегу р. Двины, примерно в 12 км к востоку от Полоцка. К сожалению, точная его локализация до сих пор не выяснена. На сегодняшний день в этом районе существует две деревни с названием Лучно. Одна расположена на правом, северном берегу Двины (в Горанском сельсовете Полоцкого р-на Витебской обл.), другая — напротив нее, на левом берегу Двины (в Заозерском сельсовете Полоцкого р-на). В деревне Лучно, расположенной на левом, южном берегу Двины, недавно проводились археологические раскопки (*Клімаў*. 2003. С. 150–159). Несмотря на открытые там богатые и разнообразные материалы конца X — начала XVI в., доказательств того, что монастырь находился именно в этом месте, всё-таки не было найдено. Однако такой результат сам по себе не может свидетельствовать о том, что монастыря там не было, поскольку

выявить и идентифицировать такой объект археологическим путем очень непросто. Как бы то ни было, именно данная местность больше всего соответствует письменным известиям о местонахождении монастыря.

Отметим, что недалеко от Великого Новгорода находятся деревни Большое и Малое Лучно (обе — в Новгородском р-не Новгородской обл., соответственно в 20 и 15 км к юго-востоку от Великого Новгорода). Вполне возможно, что мы имеем дело не просто с совпадением топонимов. Симеон Новгородец мог происходить именно оттуда. Нет ничего невероятного в том, что он дал название родного села местности, в которой основал монастырь.

Публикуемая вкладная имеет ключевое значение для изучения истории Лученского монастыря на начальном этапе его существования. Важность грамоты еще раз подчеркивается тем фактом, что ее содержание достаточно точно и подробно пересказано в Полоцкой ревизии 1552 г. А это значит, что в середине XVI в. и в монастыре, и за его стенами прекрасно знали этот документ. Кроме того, ревизия сообщает важные дополнительные сведения о землях, которые закрепил за Лученским монастырем Симеон.

Владыка приобрел для монастыря сразу несколько сёл. Все они располагались в районе озера Отулово (современное название — Отолово), которое принадлежит к группе Ушачских озер. Судя по описанию, данному во вкладной, самым крупным из них было село, которое Симеон купил у вдовы Зиновии и ее детей Ариста и Ленидка. За него была уплачена весьма значительная сумма — 18 рублей грошей. При этом локализовать приобретение архиепископа довольно сложно: даже на подробных картах не удается отыскать р. Прокшицу и Липницу (вероятно, это совсем небольшие речки). Оз. Липно расположено примерно в 3 км от юго-восточной оконечности оз. Отолова, в том же юго-восточном направлении. Можно предположить, что озером Туросно тогда считалось часть озера Отолова (по всей видимости, северная): последнее имеет очень сложную конфигурацию (вроде полумесяца), с многими «отростками» и заводями. Внутри этого полумесяца расположена, в частности, деревня Старые Туросы, а неподалеку — также деревня Туросполье. Два других приобретения Симеона, которые характерно названы сельцами, были помельче и обошлись владыке в 2 рубля каждое. Социальную принадлежность продавцов выяснить не удается. В грамоте указаны трое «земцев», живших на этой земле: Савва Величкович, Данило Олешчинич и Родион Власович. Все три села располагались к югу от Отоловского озера. Именно здесь обнаруживается, в частности, деревня Величковцы (ныне в Сорочинском сельсовете Ушачского р-на Витебской обл.). К юго-востоку от Отолова лежит озеро и село Суша (в Бобровском сельсовете Лепельского р-на Витебской обл.). Очевидно, о границе с жителями именно этого села идет речь во вкладной: «а роубежь с Оушаны…». В описании земель Лученского монастыря, которое содержится в Полоцкой ревизии 1552 г., нет села под названием Тулово (Отулово). Нет его и на современных картах. Строго говоря, в грамоте указано не название села, а лишь место его расположения: «село на Тоулове». Иными словами, село лежало где-то в окрестностях одноименого озера. В ревизии 1552 г. среди владений Никольского монастыря на Лучне обнаруживается «село купленое Кугони», которое «к тому манастыру владыка полоцький Симеон Новгородецъ надал». По всей видимости, «село на Тоулове» вкладной грамоты и село Кугони — это один и тот же населенный пункт. Село Кугони расположено у юго-восточной оконечности озера Отолова, в Веркудском сельсовете Ушачского р-на.

В ревизии 1552 г. упомянут и еще один вклад Симеона Новгородца в Лученский монастырь — «село над Сосною». Оно также было куплено полоцким владыкой. Село располагалось, очевидно, на небольшой речке Соснице, которая впадает в Двину справа, в непосредственной близости от Лучна. При впадении Сосницы в Двину расположена деревня Сосница (ныне в Горанском сельсовете Полоцкого р-на), о которой, вероятнее всего, и идет речь в ревизии.

Та же полоцкая ревизия сообщает, что вкладчицей земель в Лученский монастырь была княгиня Мария Лукомская. Очевидно, та же самая «княгини Мария» упоминается в грамоте

Симеона. Согласно ревизии, ее вкладом было «село на Лучне». Идентифицировать эту личность достаточно сложно. В «Книге данин Казимира» среди записей начала 40-х гг. XV в. находим упоминание о передаче Станьку Саковичу села Болина «у Лукомли… по кнегини Марине животе» (LM. Kn. 3. P. 29). Ю. Вольф предполагал, что речь здесь идет о княгине Марине Лукомской (*Wolff.* 1895. S. 213). Возможно, это и так, однако сложно сказать, одно ли это лицо с интересующей нас Марией Лукомской: Марина и Мария всё-таки разные имена. Однако следует иметь в виду, что «Книга данин» — это копия, причем такая, которая содержит массу ошибок в передаче имен и географических наименований. При переписке такие похожие имена легко было перепутать. Из записи «Книги данин» следует, что княгиня Марина, скорее всего, была бездетной вдовой. Мария Лукомская, передавшая земли Лученскому монастырю, тоже действовала самолично. По крайней мере, во вкладной Симеона и в ревизии 1552 г. никакие ее родственники не упомянуты. В завершение отметим, что ранняя история рода князей Лукомских известна очень плохо, место в ней княгини Марии, как и княгини Марины, пока не удается выяснить (см.: *Wolff.* 1895. S. 213–214).

В качестве свидетелей вклада выступают четверо полоцких бояр и четверо духовных лиц. Виднейшим из этих бояр был Василий Дмитриевич (Корсак), который особенно активно действовал в 30–40-е гг. XV в. (подробнее о нём см. комментарии к № 40, 67). Его не следует путать с Василием Андреевичем, который также был «послухом» грамоты: и тот и другой упоминается в окружении князя Свидригайла как «Василий Полоцкий» (BP. T. 5. № 1361. P. 250–251; *Варонін.* 1998. С. 39–42; о Василии Андреевиче см. выше). Боярин Ленид Патрикеевич осенью 1432 г. ездил к ливонскому магистру просить о военной помощи по приказу Свидригайла, пребывавшего в Полоцке, накануне его первого похода в Литву (LECUB. Bd. 8. № 632). В этой поездке его сопровождал некий князь Василий Иванович — вероятно, Друцкий (*Korczak.* 2008a. S. 91. Przyp. 179), что свидетельствует о высоком положении в социально-политической иерархии Полотчины и самого Ленида Патрикеевича. Кстати, его появление в источнике 50-х гг. показывает, что репрессии Сигизмунда Кейстутовича против знатных полочан в 1436–1437 гг. имели ограниченный масштаб (см.: *Палехаў.* 2014. С. 81–82). Вообще грамота интересна тем, что проливает свет на персональный состав и генеалогию полоцкого боярства, относительно слабо известного по сравнению с мещанством (ср.: *Хорошкевич.* 1977a). При этом, несмотря на прогрессирующий процесс социальной дифференциации, бояре и мещане выступают в грамоте Симеона вместе, хотя и в разных функциях — соответственно как «послухи» и как хранители грамоты.

Небезынтересна также личность Каликста, игумена Лученского монастыря. Настоятель монастыря, который был основан архиепископом Симеоном и в который Симеон сделал такой большой вклад, очевидно, был его близким сподвижником. И неудивительно, что именно Каликст стал преемником Симеона II на полоцкой кафедре. «Наместникъ владычень Юрьи» — это, по всей вероятности, протопоп полоцкого Софийского собора Юрий, упомянутый в период недолгого смоленско-полоцко-витебского княжения Юрия Лугвеневича 1440 г. (№ 100). Ведь именно именно Софийский собор считался резиденцией полоцких епископов, и кому, как не настоятелю кафедрального собора, быть заместителем владыки?

Вкладная грамота была передана на хранение влиятельным полоцким мещанам, среди которых выделяются Герасим и Захарий Заскорчины, а также Иван Булавчин (Булавин). Они были представителями известнейших городских семей (см. № 98, 99, 107, 132, 136, 151, 152).

Основанием нового монастыря и своими богатыми вкладами Симеон Новгородец, очевидно, стремился оставить по себе добрую память среди полочан. В связи с этим стоит особо отметить, что опекунами Лученского монастыря он определил именно местных бояр и мещан. Последние несколько архаично названы в грамоте «мужами полочанами». Своим же преемникам — полоцким владыкам («А хто боудеть нашь брат по нашем животе…») он категорически запретил «вступаться» в монастырские земли. Эти распоряжения Симеона фактически

означали, что назначать игуменов должны были сами полочане (бояре и мещане), а не местные архиепископы. Оставляя в стороне вопрос о каноничности этого решения, необходимо отметить, что уже через несколько десятилетий оно стало предметом судебного разбирательства. В 1496 г. полоцкие бояре и мещане обратились к великому князю литовскому Александру с жалобой на своего архиепископа Луку, который попытался назначать настоятелей в Никольский монастырь. Александр принял решение, согласно которому обитель была признана «господарским подаваньем», и запретил Луке «вступаться» в Лученский монастырь. Интересно, что в качестве доказательства своей правоты бояре показали Евангелие, в котором якобы было записано, что монастырь издавна был «господарским подаваньем» (№ 337). К сожалению, неизвестно, что это было за Евангелие и какая именно запись была истолкована таким образом, равно как и то, каким образом монастырь, «приказанный» полочанам, за несколько десятилетий превратился в «господарское подаванье». Однако вовсе не исключено, что в монастырскую книгу были внесены вкладные записи Симеона Новгородца, по крайней мере одна из которых была продублирована публикуемой вкладной грамотой.

В. А. В., А. И. Г., С. В. П.

136

Упоминание

[1452 г. февраля 11 — 1476 г. декабря 31]. — Духовная грамота [пол. мещанина] Ивана Булавина

Датируется промежутком времени между наиболее ранней датой последнего упоминания Ивана Булавина (№ 135) и концом полоцкого воеводства Олехна Судимонтовича, к которому Казимир обращался уже после смерти Булавина.

Об Иване Булавине и его родственниках см. № 98, 99, 107, 132, 135, 151, 152.

С. В. П.

137

Упоминание

[Ок. 1458 г. — ок. 1500 г.]. — Продажные листы [не названных по именам] путных людей из с. Черсвято Якову на земли к с. Ладостно

Датируется условно, по времени окончания полоцкого воеводства Андрея Саковича, при котором Григорий Пашкович получил с. Ладостно (см. комментарий к № 107, 116). Судя по тому, что земли к этому селу прикупали уже его родственники, а не он сам, эти купли были совершены после его смерти.

С. В. П.

138

[Около 1458 г. — 1470 г. мая 3]. — Вкладная запись кн. Ивана Юрьевича Мстиславского [ц. Св. Софии в г. Полоцке] на сельцо «на Мырынцы», с указанием границ владений

Вкладная запись находится в Евангелии первой четверти XV в. из собрания Ф. А. Толстого. Согласно консультации А. А. Турилова, который уточнил датировку (и которому составители приносят искреннюю благодарность), Евангелие переписано рукой Христофора — второго настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря. Сохранился ряд рукописей, переписанных им (см. подробнее: *Турилов.* 2004). Таким образом, рукопись рано попала из Московской Руси в Литовскую.

В описании К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева указаны пополнения рукописи, вставки новых листов (*Калайдович, Строев*. 1825. Отд. II. № 3. С. 212, прим.). На лл. 58–60 об. находится приписка XIX в., стилизованная под XV–XVI вв. На отдельно вставленном листе помещена жалованная княгини Ульянии Александровны (жены Ольгерда) скорописью XVI в. порыжевшими чернилами (*Гранстрем*. 1953. С. 40). На лл. 73–75 запись, которая вытравлена. Однако А. Ф. Бычков еще мог прочитать: «М(и)л(о)стью божою мы, князь Иванъ Юрьевичь с моею кнегинею Іульяніею» (*Гранстрем*. 1953. С. 40). Сейчас эти слова без специальных технических средств читаются с большим трудом. Почти тот же текст находится на л. 82, хотя и там он размыт, часть листа замазана коричневыми чернилами или лаком. На трех строках, на каждой из которых размещалось около 35 букв, возможно различить лишь некоторые из них. Продолжение грамоты на лл. 82 об. – 83 написано жгуче черными чернилами, великорусской скорописью XVI в., имеются следы травления. Возможно, либо запись первоначально находилась на лл. 73–75, а со временем была перенесена на лл. 82–83, либо же это были две разные записи с одинаковым начальным протоколом.

Вкладная запись датируется по упоминанию архиепископа Калиста. Он занял полоцкую кафедру между 1451 и 1459 гг., когда власть митрополита Ионы распространялась на епархии, расположенные в пределах ВКЛ: известно послание Ионы Калисту по случаю его избрания в полоцкие епископы, написанное еще до хиротонии и датированное 25 июля. Публикаторы условно относят его ко времени около 1458 г. (АИ. Т. 1. № 270. С. 501–502; РИБ. Т. 6. № 79. Стб. 613–616; *Абеленцева*. 2009. Прил. № 44. С. 414–416), однако оно могло быть написано и раньше. Калист уже именуется полоцким епископом в верительной грамоте полоцким послам в Ригу от 9 августа 1459 г. (№ 148) и в послании епископов Северо-Восточной Руси епископам ВКЛ от 13 декабря 1459 г. (РИБ. Т. 6. № 84. Стб. 631–634). Верхняя хронологическая граница определяется наиболее ранним упоминанием его преемника на полоцкой кафедре — Симеона III (№ 195).

Иван Юрьевич — мстиславский князь из рода Гедиминовичей, сын Юрия Лугвеневича, внук Семёна-Лугвеня Ольгердовича. О нём сохранилось крайне мало сведений: он известен многочисленными вкладами в церкви и монастыри, умер до 1489 г. (*Wolff*. 1895. S. 264; *Варонін*. 2010; см. также комментарии к № 32 и 100).

Земли, передаваемые Иваном Юрьевичем владыке Калисту, находятся в северо-восточной части Полотчины на границе с Витебщиной. Вероятно, владения на Обели восходят еще к началу XV в., когда дед Ивана Юрьевича находился в Полоцке, будучи наместником Витовта.

А. Л. Х., С. В. П.

139

[Около 1458 г. — 1470 г. мая 3]. — Послание еп. пол. Калиста совету г. Риги с просьбой не препятствовать приводу священника ц. Св. Николая в Риге Ивана в г. Полоцк по делу между ним и Прошком Дыбиничем

Датируется по упоминанию епископа Калиста (см. комментарий к № 138).

Грамота Калиста, в отличие от посланий в Ригу его предшественников, лишена каких-либо специфических черт, если не считать того, что крест поставлен и в начале грамоты, как символическая инвокация, и на обороте грамоты в адресе. Сам текст сугубо светского и делового характера. Он свидетельствует лишь о том, что в соответствии с уставом Владимира и в Полоцке XV в. право юрисдикции над священнослужителями принадлежало церковному иерарху — владыке (архиепископу) (ДКУ. С. 15, 18–19, 21, 23, 31–33 и др.).

А. Л. Х., С. В. П.

140

[1458 г.] марта 2. Вильня. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира пол. наместнику Андрею Саковичу об освобождении пол. мещанина Евлашка Козчича от хождения на стан и дачи подвод с его с. Лодыжиничи [Полоцкого пов.]

Датируется по 6-му индикту, титулу Казимира «кн(я)жа пр*ꙋ*ское» (с 1454 г.) и указанию на наместничество Андрея Саковича (см. комм. к № 107). Пребывание Казимира в Вильне в начале марта 1458 г. подтверждается независимыми источниками; также известно, что в начале января он был в Сандомире, а в конце апреля — в Пётркове (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 288; *Rutkowska*. 2014. S. 163–164).

А. Л. Х., С. В. П.

141

[1458 г. марта 3 — около 1459 г. декабря 31]. — Послание пол. воеводы Петра Монтигирдовича совету г. Риги с требованием соблюдать принятый порядок решения споров между полочанами и рижанами

Данное послание, как и № 143, 144 и 146, написано одним из писцов Петра Монтигирдовича. Его предшественник Андрей Сакович в последний раз упоминается как полоцкий воевода 2 марта 1458 г. (№ 140). Следующий день и представляет собой *terminus non ante quem* полоцких документов Петра Монтигирдовича. Сам он в последний раз назван полоцким воеводой в послании от 9 августа 1459 г. (№ 146), незадолго до смерти. Преемник Петра на этом посту Олехно Судимонтович в 1461 г. назван просто «паном» (см. комментарий к № 149); возможно, полоцкое воеводство некоторое время оставалось незанятым (см. № 149, 156 и комментарии к ним). Более точных данных о времени написания грамоты нет. Формуляр ее не имеет датирующих признаков.

Символическая инвокация (крест) присутствует во всех грамотах Петра Монтигирдовича. Подобно Андрею Саковичу (№ 109, 112, 126, 127, 129), Пётр Монтигирдович называет себя «воеводой» во всех четырех грамотах. В инскрипции возрождается прежняя форма «ратманы ризкые», наряду с «приятелями» рижане называются «суседами». Последнее существительное в инскрипции — новшество грамот Петра Монтигирдовича. Салютация — двучленная: «поклонъ и приятельство». Такая же двучленность была и в ряде предшествующих грамот — Андрея Саковича, а также бояр и мещан, однако все они употребляли иные существительные: «[п]ок[л]ѡ[*н*] и вѣрнаа при[я]знь» (послание местичей № 128), «покло*н* и поздровѣнье» (послание Андрея Саковича № 129). Формула салютации в грамотах Петра Монтигирдовича неустойчива: в № 143, адресованной Ганусу Филиповичу, это «поклонъ и приятельская приязнь», в № 146 — «покло*н* и приѧзнь», в крайне официальном послании № 144, как и в ранних грамотах Андрея Саковича, салютация отсутствует вообще. За исключением № 141, в конечном протоколе указано место написания грамоты и дата (месяц и число). Конечный протокол грамот Петра Монтигирдовича сравнительно с грамотами Андрея Саковича значительно более развитый.

Грамоты № 141 и 144 написаны на одинаковой бумаге, практически точно совпадающего размера (примерно 22×13 см), по-видимому, их составление не могло быть разделено большим сроком.

Пётр (Петраш) Монтигирдович — знатный литовский боярин, сын Монтигирда, бывшего полоцким наместником в конце XIV в. (см. о нём комментарий к № 32). В 1413 г. в Городле

получил польский герб «Вадвич». Упоминается как староста подольский ок. 1424–1426 гг., маршалок дворный в 1422/23 г., наместник новогородский в 1430–1432 и 1445–1456 гг., маршалок земский в 1434–1459 гг., наместник копыльский в 1435 г., воевода полоцкий в 1459 г. Неоднократно участвовал в переговорах с поляками, татарами и Орденом, внутриполитической жизни ВКЛ, был одним из самых влиятельных вельмож при четырех великих князьях — Витовте, Свидригайле, Сигизмунде Кейстутовиче и Казимире. Вотчинные владения Петра Монтигирдовича располагались в Ошмянском повете и близ Солечников, также он имел имущественные интересы на Волыни, о чём свидетельствует сделка по приобретению имения Долгие Шии в Луцком повете в декабре 1458 г. Она поспособствовала тому, что карьера его внука Петра Яновича Монтигирдовича оказалась в значительной степени связана с Луцкой землей (*Petrauskas.* 2003. P. 260–262; НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 178. Л. 430).

А. Л. Х., С. В. П.

142

Упоминание

[1458 г. марта 3 — около 1459 г. декабря 31]. — Приговор суда пол. воеводы Петра Монтигирдовича по делу между неизвестными лицами о с. Улине

Датируется временем воеводства Петра Монтигирдовича (см. комментарий к № 141). О содержании грамоты см. комментарий к № 26.

143

[1459 г.] февраля 18. Ветрено. — Послание пол. воеводы Петра Монтигирдовича ратману г. Риги Ганусу Пилиповичу [Иоганну Зольтрумпу] с просьбой сообщить о результатах посольства лив. магистра, архиеп. рижского, совета и «всего поспольства» г. Риги к пол. боярам и местичам и к нему

Ганус Пилипович (Филиппович) — Иоганн Зольтрумп, с 1454 г. рижский ратман, в 1458 г. — эрцфогт, с 1464 г. — бургомистр, постоянно представлял Ригу в различных городах (*Böthführ.* 1877. S. 105). Можно предполагать, что посольство Иоганна Зольтрумпа было ответным на полоцкое, которое правили Остафий (Остафий Васильевич Корсак) и Дмитрий Трухонович (Митко), еще при Андрее Саковиче выполнявший такие поручения. Об этом посольстве сохранилась запись в рижской расходной книге под 1458 г. (перед Пасхой, приходившейся на 2 апреля): «7 марок послано Астафию и Митке, руским полоцким послам на вино, мед, пиво, хлеб и овес» (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 272). Большие суммы денег, израсходованные на его прием, свидетельствуют о том, что посольство было очень большим и состояло из знатных лиц (одним из них был Остафий Васильевич Корсак). Расходы на посольство Иоганна Зольтрумпа почему-то не занесены в рижскую расходную книгу, но оно упоминается в верительной грамоте бояр и мещан и послании Петра Монтигирдовича от 9 августа 1459 г. как состоявшееся той же зимой (№ 146, 147). Рижская расходная книга упоминает лишь поездку в Полоцк Хинрика Резена, состоявшуюся вскоре после посольства полочан (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 272). Возможно, обмен посольствами был связан с торговыми затруднениями: 6 июня 1458 г. Энгельбрехт Гунтер с тревогой писал из Риги Гансу Лидинку в Любек, что в Ригу не приезжают купцы ни из Полоцка, ни из Литвы (*Stein.* 1899. № 14. S. 97–98).

Ветрено — двор в Полоцкой земле, ныне поселок городского типа Ветрино в Полоцком районе Витебской обл., в 20 км к юго-западу от Полоцка. Характерна описка писца, сначала назвавшего местом написания грамоты Ивье — двор в Ошмянском повете (ныне — город, районный центр в Гродненской обл.), пожалованный Петру Монтигирдовичу Сигизмундом Кейстутовичем, которую потомки Петра впоследствии указывали как свою вотчину (возможно, Сигизмунд лишь подтвердил ему родовую вотчину: *Petrauskas.* 2003. P. 260–262). Эта описка свидетельствует, что писец приехал в Полоцкую землю из Ивья вместе с Петром Монтигирдовичем накануне составления грамоты (о недавнем прибытии последнего говорится и в ее тексте), а значит, это был его личный писец (см. о таких писцах литовских вельмож: *Petrauskas.* 2003. P. 148, также см. № 197 и комментарий к нему).

А. Л. Х., С. В. П.

144

[1459 г.] марта 10. Полоцк. — Послание пол. воеводы Петра Монтигирдовича совету г. Риги с просьбой провести опрос свидетелей и выявить виновников гибели струга Гануса Герковича

Относим грамоту к 1459 г. на том основании, что она написана тем же почерком, что и № 146. Все буквы имеют ясно выраженный наклон влево (в особенности буквы, имеющие вертикальные линии, такие как «а», «и», «р»), петли букв «а» и «б» округлые, исключение составляет лишь буква «в» с острыми окончаниями петель.

«Пан Ганус» — Иоганн Зольтрумп, известный в Полоцке под именем Гануса Филиповича (см. комментарий к № 143). Кого имеет в виду грамота под именем Гануса Романовича и Гануса Герковича, неясно.

Болванцы локализовать не удалось.

А. Л. Х.

145

[Около 1459 г. марта 25 — 1476 г. декабря 31]. — Подтвердительный лист [кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира пол. боярину] Сеньку Радковичу жалованного листа его отцу Гридку на пять человек Ставровичей в Полоцком пов.

Датируется временем виленского воеводства Михайла Кезгайловича (см. комм. к № 134).

Боярин Сенко Гридкович Радковича часто упоминается в документах 70-х гг. XV в. Одна из ветвей его потомков в конце XV в. приняла фамилию Кублицких: так, в 1528 г. известен Гаврило Кублицкий (РИБ. Т. 33. Стб. 193; МВКЛ. Кн. 523. С. 154; LM. Kn. 523. P. 139). Они-то и унаследовали с. Ставровичи. Семёну Митьковичу в 1552 г. принадлежало 11 дымов, жители села обязаны были «толоки служить» и отдавать четвертую часть урожая. В его селе (или части села) оставался и один слуга путный, «который ему конем служыть». Фёдору Богдановичу принадлежало только 3 дыма, вместо толок жители давали ему дани ½ пуда меда (ПР 1552 г. С. 128–129).

Сёла Мошно и Ставровичи находятся на границе с Витебском в бассейне р. Оболь. Упомянуты они и в писцовой книге 1570 г. Этим владения Семёна Григорьевича не ограничиваются. При Александре он получил бобровые гоны на Улле (БА. Т. 2. № 195. С. 143–144).

В середине XVI в. с. Мошно или соседнее с ним под тем же названием оказалось в руках мещан Ески Ходашковича и Давыда Грыцовича. В ревизии 1552 г. записано, что это их «отчызное село». Вольные люди этого села (3 дыма) «бобровщыны дають широких грош тридцать», «на стан к Ловожу про господаря его милости послов и гонцов подводы и стацыю дають» (ПР 1552 г. С. 41).

А. Л. Х.

146

[1459 г.] августа 9. Полоцк. — Послание пол. воеводы Петра Монтигирдовича совету г. Риги с сообщением о направленных в г. Ригу послах — пол. мещанах Сенке Кожчиче, Евлашке и др. для переговоров о соблюдении прежних договоров

147

[1459 г. августа 9. Полоцк]. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всего поспольства» [пол. мещанам] Сеньку Фёдоровичу [Кожчичу], его брату Евлашку и др., направленных для переговоров с советом г. Риги

Поездка полоцких мещан в Ригу стала ответом на посольство Иоганна Зольтрумпа (Гануса Пилиповича), побывавшего в Полоцке зимой 1458/59 г. (см. № 143). Одни и те же полоцкие послы были снабжены верительными грамотами воеводы Петра Монтигирдовича (№ 146), полоцких бояр и мещан (№ 147) и архиепископа Калиста (№ 148). Грамоты вышли из разных канцелярий, т. к. ни бумага, ни почерк не совпадают. Это свидетельствует о далеко зашедшем процессе становления социально-политического самосознания полочан: бояре и мещане выступают уже отдельно от воеводы, но пока еще вместе, образуя «все поспольство».

Вызывает удивление, что в рижских расходных книгах прием этих послов не нашел отражения. Под 1460/61 г., скорее всего осенью 1460 г., записана выдача огромной суммы — 225 марок — ратманам Хинрику Мею и Хартвигу Зегефриду для подготовки посольства в Полоцк (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 281). О пребывании Е. Ф. Кожчича в Риге по тому же источнику известно значительно позднее — в 1467/68 г., когда ему, названному «русином по имени Ивлашке» (Ivlaszke), было выдано на вино 3 ферд. (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 308). Таким образом, о пребывании мещанского посольства в Риге в 1459 г. данных не имеется.

Несмотря на то что послы поименованы «панами», все они были не боярами, а мещанами (о Сеньке и Евлашке Кожчичах см. комментарии к № 121 и 132; о Колчижиничах см.: *Хорошкевич.* 1977а. С. 155–157). Этот статус сохранили их потомки, и лишь Харитону Кортеневичу и его родственникам суждено было выбиться в шляхту. В XVI в. земли Кортеневичей находились на Росице, где Василию и Никуле Кортеневым принадлежало 87 дымов, где жили «вольные люди», и имение с «пущей, в которой [находились] борти дворные, буда попельная и гоны бобровые» (ПР 1552 г. С. 147–148). Кроме того, они имели земли и в самом Полоцке: Василий — на Островском (Кривцове) посаде, где жило 30 мещан, двор на Великом посаде, два дворища — на Заполоцком и Островском (Кривцове) посадах; Никула — два дворища, на Великом и Заполоцком посадах. Братьям Кортеневым вменялось в обязанность строить две городни в замке (ПР 1552 г. С. 7, 10, 26, 148); одну из них они строили одни, а другую — совместно с Константином из Дрисы и Сволны (см. № 233).

А. Л. Х., С. В. П.

148

[1459 г. августа 9. Полоцк]. — Верительная грамота архиеп. пол. Калиста [пол. мещанам] Сеньку Фёдоровичу [Кожчичу], его брату Евлашку и др., направленным для переговоров с советом и «всем поспольством» г. Риги

Верительная грамота архиепископа Калиста для полоцких послов написана одновременно с аналогичными грамотами бояр, мещан и «всего поспольства» и воеводы Петра Монтигирдовича. В отличие от предшествующей грамоты Калиста (№ 139), в № 147 имеется двучленная салютация: «бл(аго)*с*(ло)в(е)ні[е] и м(о)л(и)тва наща (так в ркп. — *Сост.*) да е*с*(ть) кꙋпно съ всеми вами». Первая часть, «благословение», имелась уже в грамотах Симеона (№ 74, 75, 102), вторая часть — дополнение самого Калиста. Повторение салютации в конечном протоколе содержит обещание возносить молитву не за рижан, но «ѡ мирѣ и оупокои», в соответствии с целями посольства, отправляемого в Ригу. Отличается от прежних владычных грамот и интитуляция. Симеон ограничивался сообщением о том, что он «владыка полоцкий». Калист же именовал себя «пресвященным архиепископом». Инскрипция в основном повторяет эту часть формуляра предшествующих владычных грамот, добавлено в соответствии с обычаями времени «сꙋсѣдо*м* наши*м* посадникѡ*м*… и всемоу поспольствоу». Географическая принадлежность контрагентов полочан указывается описательным оборотом: «Ризьское место».

А. Л. Х.

149

[1461 г.] мая 8. Городно. — Послание кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира совету г. Риги с требованием осуществить правосудие в отношении полочанина Иевка по делу между ним и Якубцем Гинивиловичем и вернуть Иевку деньги и соль

Грамота датируется по 9-му индикту и топологическим сведениям. 8 мая 9-го индикта в сочетании с титулом «кнѧжа прꙋсское», принятым Казимиром в 1454 г., может указывать на 1461, 1476 или 1491 г. Из всех указанных лет Казимир находился в Городне 8 мая лишь в 1461 г. (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 292, 312, 329; *Rutkowska*. 2014. S. 180, 269, 355).

Казимир, король польский и великий князь литовский, в данном случае выполняет функции полоцкого наместника. Он выступает не в качестве высшей инстанции, к которой обращается полочанин, не получивший удовлетворения от наместника, а в качестве первой инстанции, к которой обращается Иевко. К тому же грамота Казимира от 6 мая 1461 г. из Метрики Великого княжества Литовского, посвященная земельным делам в Жижморской волости Трокского повета, была выдана в присутствии Олехны Судимонтовича, который еще не назван полоцким наместником, но просто «паном» (LM. Kn. 3. P. 26). Вероятно, это объясняется тем, что весной 1461 г. в Полоцке вообще не было никакого наместника. Впрочем, не исключено и другое объяснение — сокращение формуляра этой грамоты.

Ни полочанин Иевко, ни житель Великого княжества Литовского Балагур, из-за которого он пострадал, по другим источникам неизвестны. Якубец Гинивилович — очевидно, рижанин. Судя по отчеству, он мог происходить из литовцев (ср. данные о литовском боярине Гинивиле и его потомстве: *Petrauskas*. 2003. P. 235–237).

«…оу записѣхъ межи нами записано, што *ж* знати истцю истця на обѣ стороны, а порꙋбꙋ не чинити» — Казимир ссылается на норму Копысского договора 1406 г. и полоцко-рижского договора 1407 г. (№ 54, 55). Интересно, что в случае невыполнения его просьбы он угрожает ответными мерами не со своей стороны, а со стороны своих подданных — очевидно, полочан.

А. Л. Х., С. В. П.

150

Упоминание

[1461 г. мая 9 — 1463 г. сентября 10]. — Послание кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира совету г. Риги с требованием прекратить дополнительно проверять и опечатывать рижской печатью воск, привозимый из г. Полоцка

Первое послание Казимира властям Риги, посвященное полоцкой восковой печати, вероятно, информировало их о ее введении. Оно не сохранилось и известно лишь по упоминанию в следующем его послании (№ 156), посвященном тому же предмету. Нижней хронологической границей служит следующий день после написания № 149, поскольку в нём о полоцкой восковой печати еще ничего не говорится. Вероятно, грамота № 150 была написана в 1462 или 1463 г.: сохранилось послание немецких купцов из Полоцка в Ригу, в котором они с неудовольствием сообщают о недавнем введении восковой печати по образцу Вильни, сопровождавшемся запретом простукивать и осматривать («колупать») воск с целью проверки его качества, и спрашивают, как им поступать. Интересно, что полочане, обосновывая такие меры, ссылались на королевское пожалование (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 99). Этот источник датирован праздником св. Власия, т. е. 3 февраля, без указания года.

Значение введения в Полоцке восковой печати трудно переоценить: вопрос об удостоверении ею качества полоцкого воска открыл новый этап полоцко-рижских торговых конфликтов (*Goetz.* 1922. S. 493; см. № 156, 161, 163). То, что за небольшой промежуток времени великокняжеская канцелярия посвятила этому вопросу целых два послания, может говорить в пользу предположения об отсутствии в это время воеводы в Полоцке (см. комментарий к № 149, 156).

С. В. П.

151

Упоминание

[Около 1463 г. мая 20 — 1476 г. декабря 31]. — Лист [кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира пол. воеводе] Олехну Судимонтовичу о сохранении бортной земли и бобровых гонов на рр. Ушаче и Усомнице во владении Омельяна Андреевича и Тишка Заскоркиных

Грамоты № 151–154, известные лишь по упоминаниям, датируются временем полоцкого воеводства Олехна Судимонтовича. Поскольку неясно, когда он стал полоцким воеводой — возможно, лишь спустя некоторое время после Петра Монтигирдовича (см. № 149, 150, 156 и комментарии к ним), — то нижняя хронологическая граница приурочена к первому упоминанию Олехна на этой должности в привилее Казимира г. Ковну от 20 мая 1463 г. (*Срезневский.* 1867. С. 82–86; *Kiaupa.* 1992. P. 34–39; латинский перевод: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 202–207). Не исключено, впрочем, что полоцким воеводой Олехно Судимонтович был уже 10 марта 1463 г., когда назван в числе «воевод панов» — свидетелей подтверждения Казимиром его пожалования Ганке Сангушковой имения Тростяницы (LM. Kn. 3. P. 43; AS. T. 3. № 15. S. 11–12). А. фон Бульмеринк отодвигал нижнюю хронологическую границу вступления в должность Олехны Судимонтовича до 1460 г. на основании уставы Казимира об исполнении городового дела в Полоцке (LECUB. Bd. 12. S. 137), однако правильная ее дата — 1475 г. (№ 209). Верхней хронологической границей служит конец 1477 г., когда Казимир приехал из Польши в Литву и назначил Олехна Судимонтовича виленским воеводой по-

сле смерти его предшественника на этом посту Михайла Кезгайловича (см. комментарий к № 214). В № 151–153 должность Олехна Судимонтовича никак не именуется, для ее обозначения использован глагольный оборот «как от его милости Полтеск держал». В № 154 он назван «державцей», и, возможно, так он именовал сам себя в своей несохранившейся грамоте (ср. № 214). В посланиях властям Риги Олехно Судимонтович последовательно называет себя воеводой. Наконец, в некоторых грамотах Казимира Олехно Судимонтович именуется «старостой полоцким» (*Срезневский.* 1867. С. 82–88; *Kiaupa.* 1992. P. 34–39; AS. T. 1. № 63. S. 60)

О реалиях грамоты № 151 см. комментарий к № 256, 322.

С. В. П.

152

Упоминание

[Около 1463 г. мая 20 — 1476 г. декабря 31]. — Лист [пол. воеводы] Олехна Судимонтовича о сохранении бортной земли и бобровых гонов на рр. Ушаче и Усомнице во владении Омельяна Андреевича и Тишка Заскоркиных

См. комментарии к № 151, 256, 322.

153

Упоминание

[Около 1463 г. мая 20 — 1476 г. декабря 31]. — Судебное решение [пол. воеводы] Олехна Судимонтовича по тяжбе между жителям сс. Дольцы и Судиловичи о принадлежности первых архиеп. пол.

См. комментарии к № 151, 312, 353, 368 и 380.

154

Упоминание

[Около 1463 г. мая 20 — 1476 г. декабря 31]. — Приговор суда пол. державцы Олехна Судимонтовича по делу между Сурвилом и неназванным лицом о держании медового ключа

См. комментарии к № 151, а также № 25, 93, 94 и комментарии к ним.

Сенько Яцкевич Епимахович (Сенька Епимах) — полоцкий боярин. Между 1477 и 1484 гг. ездил послом в Ригу (№ 223), в 1484 г. получил право ловли рыбы на р. Бейлейце (Билевице) (№ 255), в январе 1494 г. приезжал в Москву в составе литовского посольства, присланного за великой княжной Еленой Ивановной, невестой Александра (Сб. РИО. Т. 35. № 13. С. 160); в 1502 г. выступал свидетелем по делу о церковных землях (№ 380). Начало деятельности Сенька Епимаха относится к 70-м гг., возвышение связано со временем наместничества Богдана Андреевича, а грамота № 154 была выдана Олехном Судимонтовичем, скорее всего, в последние годы его воеводства (ср. комментарий к № 83).

А. Л. Х.

155

1463 г. [января 1 — декабря 31]. Полоцк. — Послание пол. мещан бурмистру и совету г. Риги с просьбой содействовать в правосудии [пол. мещанам] Миките Сенкову сыну Козчичу, Климяте Стрелковичу и Прошку Дыбиничу по делу между ними и рижанином Юрием

Послание написано от имени одних только мещан. Формуляр № 155 несколько отличается от более ранних мещанских грамот. После традиционной инвокации, изобилующей пышными определениями: «почестливы*м* сусѣдо*м* наши*м* и приятеле*м* ч(е)*с*тны*м* и милы*м*», наряду с новыми адресатами «пану бꙋръмистру» упоминаются и старые — «посадники и ратманы», однако вместо определения «всем» добавлено «все*м* посполите». Географическая принадлежность, подобно грамотам конца 50-х годов, указана описательным оборотом: «Ризкое место». Интитуляция значительно короче и более традиционна: «ѡт мѣщанъ полоцки*х* все*х* посполите», в ней имеется лишь одна новация — наречие «посполите». В салютации к «поклону приятельскому» добавлено: «со все*м* добры*м*». Годовая дата указана от Рождества Христова, а не от Сотворения мира. Такая датировка впервые встречается в полоцких грамотах. Эти особенности формуляра свидетельствуют об изменениях, произошедших в городской канцелярии в начале 60-х гг. XV в. Несмотря на то, что в наррации грамоты указан день «матъки Б(о)жіи» как срок расчета полочан с рижанами, на этом основании уточнить время написания ее не удается, т. к. неизвестно, Успение какого года подразумевали составители послания — 1462 или 1463. Конфликт полочан с рижанином не был разрешен не только в 1463 г., но и на следующий год (см. № 166).

Кого из рижан имели в виду авторы послания под именем Юрия, по одному только имени трудно сказать. Позднее известен тезка Юрия этой грамоты, охарактеризованный как «Дюстерев брат» (№ 258).

Микита (Никита) Сенкович Кожчич — полоцкий мещанин, представитель влиятельного и зажиточного рода. Вел, как и его отец, активную торговлю в Риге (см. № 187), владел с. Доложце на р. Улле (№ 341; *Хорошкевич.* 1977а. С. 132–141). О землевладении и торговых операциях Климяты Стрелковича и Прошка Дыбинича дополнительных данных не имеется.

А. Л. Х.

156

[1463 г.] сентября 11. Брест Куявский. — Послание кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира бурмистру и совету г. Риги с требованием прекратить дополнительно проверять и опечатывать риж. печатью воск, привозимый из г. Полоцка

Послание датируется по индикту, титулатуре Казимира и топологическим сведениям. 12-й индикт после 1454 г. приходился на 1 сентября 1463 г. — 31 августа 1464 г. или на 1 сентября 1478 г. — 31 августа 1479 г. Именно осенью 1463 г. король находился в Бресте Куявском, а в октябре отправился оттуда в Пётрков (*Сулковска-Курасёва.* 1989. С. 295; *Rutkowska.* 2014. S. 195). Эта дата подтверждается тем, что Иван Ходкевич титулуется просто паном, а Богдан Андреевич Сакович — просто маршалком, без указания более высоких должностей, которые они заняли впоследствии (см. ниже).

В инскрипции впервые в полоцких грамотах (с учетом грамот, относимых к ним условно) упоминается рижский бургомистр, причем в единственном числе. Такое обращение могло быть адресовано «ведущему» (*wortführender*) бургомистру. Бургомистр в единственном числе занесен и в инскрипцию и адрес посланий № 111, 112, 114, 116–118, 120–123, 125, 130, 131, 138. Наряду с этим в 60-е годы употреблялось и множественное число — «бурмистром» (№ 119,

124, 126, 128, 132–137). Это более соответствовало реальным порядкам управления городом, во главе которого стояли 4 бургомистра, один из которых был эрцфогтом (*Blumenbach.* 1901. S. 4). Такое же смешение единственного и множественного числа применительно к бургомистру наблюдается и в 70-е годы в посланиях, вышедших из наместничьей и городской канцелярий и от частных лиц (единственное число: № 167, 172, 173, 175, 176; множественное: № 166, 169, 170, 174, 177). В грамоте № 111, в которой, возможно, говорится об отправке грамоты Казимира № 109, слово «бурмистр» также употреблено в единственном числе.

О полоцкой восковой печати см. комментарий к № 150.

Ивашко (Иван) Ходкович, знатный православный боярин, возможно, литовского происхождения, сын Ходка Юрьевича — полоцкого наместника в 1422 г. Упоминается как староста менский в 1459 г., наместник лидский в 1470–1471 гг., господарский маршалок в 1470–1479 гг., наместник витебский в 1477 гг., староста луцкий в 1478–1479 гг., воевода киевский в 1480–1483 гг. Во время набега на Киев крымского хана Менгли-Гирея в сентябре 1482 г. попал в плен к татарам, где и умер (*Petrauskas.* 2003. P. 222; *Kirkienė.* 2008. P. 75–91).

С. В. П., А. Л. Х.

158

[1463 г.] октября 20. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича совету и «всем мещанам» г. Риги с сообщением о наказании в г. Полоцке рижанина Валфромея Вибольта за преступления против полочан

По общему характеру требований к рижанам и ссылкам на Копысский и полоцко-рижский договоры (№ 54, 55) грамота воеводы Олехна Судимонтовича напоминает аналогичную грамоту Петра Монтигирдовича (№ 146). Поскольку Олехно ссылается на судебное решение своего предшественника, можно думать, что она написана вскоре после вступления Олехна в эту должность. Это произошло после 1459 г., когда полоцким воеводой еще был Пётр Монтигирдович, но не позднее 20 мая 1463 г., когда Олехно Судимонтович уже именуется полоцким старостой (подробнее см. комментарий к № 151). На этом основании относим грамоту к 20 октября 1463 г.

Г. Гильдебранд отнес № 158 к 1465 г., указав, что в документах от 17 апреля и 20 мая следующего, 1466 г. (в настоящем издании № 176, 178) содержатся те же жалобы полочан (LECUB. Bd. 12. S. 196. Anm. 2). Правда, речь шла о разных вещах: в № 158 указано, что полочан «пороубають и коують, и в неоучтивости держа*т*», а в грамоте от 17 апреля 1466 г. полочане жалуются на то, что «и*м* та*м* великаѧ щкода и кривда стави*т*сѧ ѡ*т* ваши*х* в торговли и в посмѣсе». Насмехательство могло добавиться в период жалоб полочан на позиции рижских властей.

Появление Олехна Судимонтовича на полоцком воеводстве сопровождалось некоторыми изменениями в оформлении документов, выходящих из воеводской канцелярии. В интитуляции Олехно Судимонтович назван не только «воеводой полоцким», но и «подчашим освеценого кроля». Определение «освеценый» — очевидно, калька с латинского «serenissimus» (пресветлый) — сменило прилагательное «великий» грамот Андрея Саковича и Петра Монтигирдовича, характерное для традиций «руской» письменности Великого княжества Литовского. В инскрипции появились новые термины: «ростропны*м* моужо*м* пано*м* рѧдцѧ*м*». Последний термин сменил «ратманов». Остались (тоже в измененной форме) «вси*м* мѣщано*м*» и в традиционной форме «приѧтеле*м* наши*м*». Иначе, чем в предшествующих грамотах, звучит и салютация: «давамы поздровенья тым то наши*м* листо*м*». В конечном протоколе, как в последних грамотах Андрея Саковича и Петра Монтигирдовича, указаны число и месяц написания грамоты.

А. Л. Х., С. В. П.

159

[1463 г.] декабря 7. Полоцк. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру, совету и всем «мещанам» г. Риги с сообщением об отправке послания кор. [польск. и вел. кн. лит. Казимира] указанному совету

Датируется на основании указания об отправке Олехном Судимонтовичем королевского послания, вероятно № 156 (от 11 сентября 1463 г.). Затянувшуюся пересылку его можно объяснить тем, что король находился вдалеке от Полоцка, в Бресте Куявском на территории Польского королевства. Впрочем, не исключено, что речь идет об одном из позднейших посланий Казимира в Ригу, которое не сохранилось (см. № 157). Послами, доставившими королевское письмо, были Григорий Ильинич и Матфей Наумович (см. № 162).

А. Л. Х., С. В. П.

160

[1464 г.] марта 8. Черсвет. — Послание пол. нам. Олехна Судимонтовича совету г. Риги с требованием принудить рижанина Мину к уплате долга полочанину Чюрилу

Послание посвящено урегулированию торговых обязательств Чюрила и Мины Зесембека. Конфликты полочан с ним продолжались в течение двух лет (см. № 170, ср. также № 171). Судя по содержанию, это одна из первых грамот, связанная с делом неисправного должника-рижанина.

Интитуляция, инскрипция и салютация составлены в полоцких традициях: король именуется «великим», грамота адресована только ратманам, отсутствует упоминание о бургомистрах и войтах, салютация — двучленная (обычные для полоцких городских посланий «поклон и приязнь»). Возможно, грамота написана полоцким (черсвятским?) писцом. Скромное сравнительно с другими грамотами Олехна Судимонтовича оформление № 160 может указывать и на раннее время ее создания. Однако отнесение № 160 к 1463 г. было бы неверным: 10 марта этого года полоцкий наместник находился в Берштах (РИБ. Т. 27. Стб. 61), а значит, находиться в Черсвятах под Полоцком двумя днями ранее никак не мог.

Мина Зесембек принадлежал к той же семье, что и рижанин Инча Зашембака и его брат Ортемий — переводчик ливонского магистра («местерев толк»), которые в 1418–1420 гг. задерживали выплату долга новгородцу Олександру Труфанову сыну (ГВНП. № 57, 58. С. 95–96; *Янин.* 1991. С. 104–105), а также Юрген Зассенбеке, упоминаемый как ратман в 1481 г. (тремя годами ранее — еще без титула «herr», означавшего эту должность) (*Böthführ*. 1877. № 383. S. 114). Рижанин Захарка идентификации не поддается.

Черсвяты (ныне Черствяды) — великокняжеский двор под Полоцком. В первой половине XVI в. он занимал важное место в административной и хозяйственной структуре Полоцкой земли, не позже 1517 г. был основан Черсвятский замок. Очевидно, эту роль Черсвятский двор сохранил с княжеских времен (*Варонін.* 2013б. С. 68–72). Настоящее послание показывает, что полоцкие воеводы, находясь на Полотчине, проводили некоторое время не только в самом Полоцке, но и в крупнейших господарских дворах Полоцкой земли (ср. № 165 о пребывании Олехна Судимонтовича в Бельчицком дворе).

А. Л. Х., С. В. П.

161

[1464 г. марта 17 (?) или июля 17]. Полоцк. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру, совету и «всем мещанам» г. Риги с просьбой объяснить причину неприятия пол. восковой печати

Грамота излагает историю переговоров относительно торговли воском и введения печати для воска в Полоцке. Написана позднее № 156 и 159, т. е. после 11 сентября 1463 г. Г. Гильдебранд относил ее к 1464–1465 гг. Согласно записи «Книги данин Казимира», датированной 13 индиктом, Олехно Судимонтович участвовал в королевском пожаловании в Троках вместе с панами Монивидом (т. е. Войтехом Яновичем Монивидовичем) и Михайлом (Кезгайловичем), что указывает на 1 сентября 1464 г. — 31 августа 1465 г. (РИБ. Т. 27. Стб. 6; LM. Kn. 3. P. 20). Это пожалование могло состояться в декабре 1464 г. — середине апреля 1465 г., когда Казимир находился в ВКЛ. Пребывание короля в Троках фиксируется 9 февраля 1465 г. (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 297; *Rutkowska*. 2014. S. 202), а как раз 17 февраля этого года Олехна Судимонтовича не было в Полоцке, коль скоро послание рижским властям адресовал его наместник (№ 168). Значит, № 161 следует относить к 1464 г.

Определенные трудности вызывает более точное определение даты. Память Алексия Человека Божия празднуется православной Церковью 17 марта, католической — 17 июля, и неизвестно, какого календаря придерживался писец грамоты. Г. Гильдебранд датировал послание по православному церковному календарю 17 марта. Однако фразу: «Нынѣ па*к* слыши*м* чере*с* послы ѡсп(о)*д*(а)рьскии, которыи ѡ*т* его м(и)л(о)*с*ти оу ва*с* были», — как представляется, имеет смысл связывать с записью рижской расходной книги, сообщающей о расходах на прием литовских панов 24 июня 1464 г. (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 294). Поэтому более вероятной выглядит датировка 17 июля 1464 г.

Настоящее послание важно для понимания социально-политической стратификации населения Полоцка в середине XV в. «Поспольство» явственно делится на бояр и мещан, причем первые всё активнее включаются во внешнюю торговлю (в данном случае это продажа воска в Ригу), не особенно считаясь со вторыми (*Rohdewald*. 2006. S. 143–149). Вместе с тем среди мещан выделяется небольшая влиятельная группа, с которой советуется полоцкий воевода. На это указывает фраза: «И мы того, сѣдше, ѡсмотрили с осподаря нашого мѣщаны полоцькими». В вечевых собраниях Полоцке, как и других городов Руси, вероятно, могли участвовать все свободные и полноправные горожане, на что указывает известие начала XV в. о его созыве при помощи колокольного звона (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 111), а столь широкий состав потенциальных участников заставляет думать, что они стояли (ср.: *Лукин*. 2014. С. 286–299). Сидеть же имело смысл участникам собрания менее многочисленного, более узкого по своему составу.

А. Л. Х., С. В. П.

162

[1464 г. июля 18 — 1465 г. января 11. Полоцк]. — Верительная грамота пол. мещан «всех посполите» пол. мещанам Григорию Ильиничу и Миките Колчижиничу, направленным для переговоров с бурмистром и советом г. Риги с посланием пол. воеводы Олехна Судимонтовича

Судя по содержанию, грамота написана позднее посланий Казимира от 11 сентября 1463 г. и Олехна Судимонтовича от 7 декабря 1463 г. (№ 156, 159). Ее имеет смысл связывать с поездкой в Ригу полоцких послов, траты на которых — 2 марки 2 шилл. на всякие расходы, пиво и вино — отмечены в рижской расходной книге летом (после 24 июня) 1464 г. (*Bulmerincq*. 1909.

Bd. 1. S. 294). Это заставляет думать, что «лист» Олехна Судимонтовича, с которым ехали в Ригу Григорий Ильинич и Микита Колчижинич, — № 161 настоящего издания. На этом основании относим № 162 ко второй половине 1464 г. Верхней хронологической границей служит день накануне написания следующего датированного послания мещан (№ 167).

Интитуляция, инскрипция и салютация № 162 полностью повторяют начальный протокол № 155. Это дополнительный аргумент в пользу отнесения грамоты к 1464 г. В соответствии с полоцкой традицией король титулуется «великий король», правда, этому предшествуют определения «его милость милостивый», новые для мещанских посланий.

Григорий Ильинич и Матфей Наумович, по-видимому, ездили в Ригу в декабре 1463 г. (№ 159).

А. Л. Х., С. В. П.

163

[1464 г. июля 18 — 1465 г. января 11]. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру, совету и «всем мещанам» г. Риги с просьбой дать ответ относительно великокняжеского послания о полоцкой восковой печати и с сообщением о посылке собственного воска, запечатанного ею

Датируется по содержанию и аналогии с № 162 (см. комментарий к нему). Упоминаемое в грамоте послание Казимира — это № 157, уже третье, посвященное введению в Полоцке собственной восковой печати (после № 150 и 156). Возможно, переписка короля с властями Риги этим не исчерпывалась: в феврале — апреле (Великий пост) 1466 г. там находился великокняжеский писарь Мартин (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 299). Именно пожалование полочанам права опечатывать воск собственной печатью имел в виду Олехно Судимонтович, когда писал о «повышении прав» мещан. Формулировки интитуляции и инскрипции больше всего похожи на № 159, почему можно полагать, что написание № 159 и 163 не было разделено большим промежутком времени. За то же говорит и употребление термина «мужи» в инскрипции, характерное по преимуществу для ранних грамот Олехна (№ 158, 159, 161, 166). Исключение составляет грамота № 180, также содержащая этот термин.

А. Л. Х.

164

[1464 г.?] сентября 16. Полоцк. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру, совету и всем «мещанам» г. Риги с просьбой содействовать в правосудии пол. мещанину Оникею Селецкому по делу между ним и рижанином Радивоном

Датировка условна. Судя по водяному знаку, грамота относится к 60-м гг. В грамоте отчетливо прослеживаются традиции полоцкой деловой письменности («великий король» — в интитуляции, «поклон» — в салютации).

Смольнянин Куприянович, очевидно, идентичен Ивану Куприяновичу, участнику торговли с Ригой, упоминаемому в недатированном послании старосты места Смоленского Фёдора Боногурова и смоленских мещан властям Риги (*Хорошкевич*. 1966. № 3. С. 332). Куприяновичи владели селом в Смоленской земле (LM. Kn. 3. P. 37).

А. Л. Х., С. В. П.

165

[1464–1465 гг.] ноября 17. Бельчица. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистрам, войтам и совету г. Риги с просьбой содействовать в правосудии полочанину Михалку Онтончину по делу между ним и риж. ратманом Гарманом Зундиром [Германом фон Зундерном]

Грамота датирована по содержанию — начальным периодом воеводства Олехна Судимонтовича до торгового конфликта, разгоревшегося весной 1466 г.

Инскрипция и самый адрес, в которых упомянуты «бурмистры и воиты», свидетельствует в пользу более позднего времени, вероятно, после 1468 г., когда и в городских посланиях (№ 168, 170, 186, 189, 196, 199, 202–204, 206, 211, 212, 216) стали указываться «войты» — фогты, с 1458 г. утверждавшиеся лишь архиепископом (*Kroeger*. 1930. S. 215; ср. комментарий к № 113). Бурмистры в № 165 названы во множественном числе, единственный раз в посланиях Олехна. В остальных посланиях, вышедших из наместничьей канцелярии, это слово употребляется в единственном числе. В данном случае можно отметить влияние городской канцелярской практики: в городских посланиях «бурмистры» во множественном числе — исключение, см. № 167 (1465 г.), № 206 и 211–212 (середина 70-х годов). Наименование рижских ратманов «рядцами» типично для наместничьих посланий первой половины 60-х годов (№ 158, 159, 163, 164). Позднее наряду с рядцами указываются и ратманы (№ 168, 200, 214). К 1475–1476 гг. «рядцы» постепенно вообще исчезают из инскрипции и адреса наместничьих грамот (№ 166, 169, 180, 181, 190, 201). Между тем в посланиях от имени «поспольства», бояр или мещан «рядцы» становятся обычными адресатами во второй половине 60-х – 70-е годы (№ 170, 177, 182, 185–189, 199, 202–204, 206, 108, 212, 216). Превосходная форма прилагательного «освеценый» — «наосвеценейший» (дословный перевод латинского «serenissimus») и приложения «его милость» в интитуляции встречается еще один раз в грамоте № 214 (1476 г.). Несколько странным для наместничьей канцелярии является начало грамоты — символическая инвокация в виде креста, которой открывается несколько грамот Олехна (№ 165, 169, 171, 180, 181). Подобное начало более типично для городских грамот (№ 155, 162, 170–171, 176–178, 182, 185–189, 208, 211–212, 224), да и то в 70-е годы послания часто не имеют креста (№ 198–199, 202–204, 206–207, 216). По-видимому, в данном случае несомненно воздействие городских канцелярских обычаев на наместничьи, а в 70-е годы — обратное. Таким образом, различные элементы формуляра начального протокола не дают возможности с уверенностью датировать № 165.

А. Л. Х.

166

[1464–1465 гг.] ноября 28. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру, совету и «всем мещанам» г. Риги с просьбой содействовать в правосудии пол. мещанам Миките Сенковичу, Климяте и др. по делу между ними и рижанином Юрием, а также Сергею по делу между ним и риж. «мещанином» Артёмом

Послание разбирает тот же торговый конфликт, что и № 155, но со времени его возникновения прошло, как указано в грамоте, два года. На этом основании относим ее к 1464–1465 гг.

А. Л. Х.

167

1465 г. января 12.Полоцк. — Послание пол. мещан и «всего поспольства» бурмистру, совету и «всем мещанам» г. Риги с сообщением о прекращении эпидемии и с предложением возобновить торговлю

Это одна из немногих городских грамот, датированных годом, месяцем, числом и индиктом. Указание года содержала ранее лишь грамота № 155. Однако в № 167 неточно указан индикт. Как справедливо заметил К. Э. Напьерский, сентябрьскому 6973 году должен соответствовать не 12-й, как в № 167, а 13-й индикт (РЛА. С. 203). Либо полоцкая канцелярия не очень хорошо была знакома с этой системой счета времени, либо произошла описка. В дальнейшем датировка по индиктам изредка встречается в городских посланиях середины и второй половины 70-х гг. XV в. (№ 176, 177, 206, 208, 211–212).

Грамота № 167 примечательна и другим — возрождением термина «поспольство» для обозначения общности городского населения. В предшествующих грамотах с этой же целью употреблялось наречие «посполите» (№ 147, 155, 162). Однако грамоты 40-х гг. и середины XV в. знают и термин «поспольство» (№ 105, 117, 122, 131, 134), который при Петре Монтигирдовиче на время вышел из употребления. Во второй половине 60-х (за исключением грамоты № 182 от 12 июля 1466 г.) и 70-х гг. городские грамоты постоянно употребляют термин «поспольство». В № 167 впервые в инскрипции городских посланий употреблен термин «мещане», который в их интитуляции встречается с 1459 г. (№ 147 и далее), а в инскрипции наместничьих — с начала 60-х гг. (№ 158–159, 161, 163–164, 166, 180–181, 200). Позднее термин «мещане» становится обычным в инскрипции городских посланий (№ 203, 206–208, 211–212).

«…тое повѣтрие оунѧлосѧ ѡ*т* Б(о)жьѧ Нароженьѧ…» — то есть начиная с 25 декабря 1464 г.

А. Л. Х.

168

[1465 г.] февраля 17. Полоцк. — Послание пол. наместника [воеводы] Олехна [Судимонтовича] Михайла, пол. мещан и «всего поспольства» бурмистру, войтам и совету г. Риги с сообщением о прекращении эпидемии и с предложением возобновить торговлю

Грамота датирована по содержанию. Эпидемия в Полоцке имела место в конце 1464 г. (№ 167).

Обозначение адресата характерно для более позднего времени, нежели 1465 г. Здесь указаны «пан буръмистр и воиты, и рядцы, и все ратманы Ризкого места». Появление «войтов» среди лиц, которым направляли свои послания полочане, отмечается в 1468 и последующих годах. Однако первоначальный вариант звучал так: «паном бурмистром и воитом» (№ 186–189, 196, 199, 204, 206, 214 и др.). Упоминание бургомистра в единственном числе, а войтов по-прежнему во множественном характерно для грамот № 171, 211–212. В 70-е годы «войт» в инскрипции городских посланий иногда употребляется в единственном числе (№ 203, 211–213, 216), обозначая в этом случае эрцфогта.

Начальный протокол № 168 имеет особенности, восходящие к традициям оформления посланий как наместничьими писцами («бурмистр» в единственном числе, «рядцы»), так и городскими («поклон» и «поспольство»). Соединение особенностей, типичных для документов обеих канцелярских традиций, объясняется тем, что № 168 написан от имени наместника Олехна Судимонтовича Михайла, мещан и «поспольства». Последний термин знает и грамота № 167, точно датированная 1465-м годом (ссылка на нее имеется в тексте № 168).

В момент написания грамоты Олехна Судимонтовича, очевидно, не было в Полоцке.

А. Л. Х.

169

[1465–1466 гг.] марта 19. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру и совету г. Риги с просьбой содействовать в правосудии пол. мещанину Чюрилу по делу между ним и риж. «мещанином» Гарманом Герковичем

Послание написано до конфликта 1466 г., т.е. самое позднее в 1465 или ранней весной 1466 г. Первую грамоту по делу Мины Зесембека и Чюрила см. № 160. Известно, что Олехно Судимонтович был в Вильне 20 февраля 1466 г. (РИБ. Т. 27. Стб. 14).

Грамота, написанная вне Полоцка, в Вильне, имеет наиболее безликий начальный протокол. Из особенностей стиля, которые можно было бы причислить к полоцким (впрочем, они характерны и для письменности других центров ВКЛ), можно указать титулование Казимира «великим королем» и символическую инвокацию в виде креста.

А. Л. Х.

170

[1465 г.] сентября 20. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги с просьбой содействовать в правосудии пол. мещанину Чурилу по делу между ним и рижанином Миной Зесембеком

Датируется по содержанию: в послании говорится, что «тому оужо годовъ и два, ка*к* имѣлъ бы*л* то*т* Мина Чюрилу заплату дати». При этом первое послание по тому же делу было написано Олехном Судимонтовичем 8 марта 1464 г. (№ 160), но отнесение № 170 к 1466 г. на этом основании маловероятно, поскольку в это время разгорелся торговый конфликт Полоцка с Ригой. Поэтому датируем грамоту 20 сентября предыдущего 1465 г.

С. В. П.

171

[1465 г.] октября 2. Полоцк — Послание наместника [пол. воеводы] Олехна [Судимонтовича] Михайла бурмистру, войтам, совету и «всем мещанам» г. Риги с жалобой по делу между пол. мещанином Иваном Варушиничем и рижанином Миной Зесембеком

Г. Гильдебранд датировал эту грамоту 1465 г. В качестве основания для датировки он выдвигал факт прекращения торговых сношений в 1466 г. (LECUB. Bd. 12. S. 192). К этому можно добавить следующее: 17 февраля (1465 г.) наместником Олехна Судимонтовича был Михайло (№ 168). Возможно, сам Олехно в эти два года, до раннего лета 1466 г. в Полоцк не приезжал. Поэтому грамоту пана Михайла следует датировать 1465 г. Кроме того, из других грамот известно, что конфликты Мины Зесембека с полочанами, об одном из которых идет речь в грамоте, происходили в 1464–1465 гг. (№ 160, 170). Символическая инвокация в виде креста обнаруживает воздействие традиций городского делопроизводства.

Микита Колчижинич ездил в Ригу с посольством в 1464 г., вероятно, он родственник Мокея, участника большого посольства 1459 г., которое возглавлял Евлашко Фёдорович Кожчич.

А. Л. Х.

172

Упоминание

[Около 1466 г. — около 1480 г.]. — Продажный лист Гришка Фёдоровича, Гриши и Прошка Степановичей Сущевича и др. [пол. мещанам] Зеновию Буцку и его сыну Артемию Буцковичу на земли на р. Суше и Ухвище в Полоцком пов.

173

Упоминание

[Около 1466 г. — около 1480 г.]. — Продажный лист Гришка Фёдоровича, Гриши и Прошка Степановичей Сущевича и др. [пол. мещанам] Зеновию Буцку и его сыну Артемию Буцковичу на земли на р. Сушичи

174

Упоминание

[Около 1466 г. — около 1480 г.]. — Продажный лист людей Полоцкого пов. Мелешка Кононовича Сущевича, жены Ивана Сущевича и ее детей и Офонаса Хомина сына Седедновича [пол. мещанам] Зеновию Буцку и его сыну Артемию Буцковичу на сельцо на Матырине

175

Упоминание

[Около 1466 г. — около 1480 г.]. — Продажный лист Ивана Овдеевича Сущевича, Мокея и Оксентия Сущевичей и Степанка Домонтовского [пол. мещанам] Зеновию Буцку и его сыну Артемию Буцковичу на сельцо на Журавне

Продажные листы обедневших членов полоцкого рода Сущевичей их состоятельным родственникам Зеновию Буцку и его сыну Артемию, известному как Тулубей, датируются по времени деятельности покупателей. Нижняя хронологическая граница определяется наиболее ранними данными о деятельности Тулубея: в мае 1466 г. он ездил послом в Ригу и к рижскому архиепископу Сильвестру в Кокенгузен (№ 178, 179). Вероятно, в это время Тулубей был еще совсем молодым человеком и начинал свою карьеру в качестве городского слуги, или городского писца. Эта должность так и осталась одной из первых ступеней в его карьере: писцом многочисленных грамот 70–80-х гг., вопреки утверждению в 1-м издании ПГ, был не Тулубей, а городской дьяк Борис Толандинич, подписавший одну из них (№ 266; см. о нём комментарий к № 203). Верхней же хронологической границей служит последнее упоминание Зеновия Буцка (№ 226). О содержании грамот подробнее см. комментарий к № 378.

С. В. П.

176

[1466 г.] апреля 17. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» совету г. Риги с требованием предоставить полочанам нормальные условия для торговли в г. Риге

Датируется по индикту (см. комментарий к № 167), начальному протоколу (см. комментарий к № 165) и по содержанию. В угрозах полочан в ответ на несправедливости, чинимые

их согражданам в Риге, отреза́ть рижанам уши, носы и губы, которые вначале были высказаны устно Герману фон Зундерну во время его визита в Полоцк, а затем повторены в данном послании, рижане видели одно из оснований для прекращения торговых отношений с Полоцком (LECUB. Bd. 12. № 434. S. 237–240; ср. № 226 в настоящем издании). В ответ на это они задержали струги с солью, шедшие в Полоцк. Согласно записи рижской расходной книги, городскому слуге Риги пришлось немало поездить по Двине вверх и вниз, чтобы задержать все струги с солью, направлявшиеся весной и в начале лета 1466 г. в Полоцк (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 302).

Сами полочане, в противоположность рижанам, не рассматривали это послание как ультиматум или предлог для разрыва торговли (см.: *Goetz*. 1922. S. 494–495). Наоборот, они продолжали заниматься разбирательством мелких недоразумений с рижанами (см. следующую грамоту).

А. Л. Х.

177

[1466 г.] апреля 18. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» совету г. Риги с просьбой принудить рижанина Мину [Зесембека] к уплате торгового долга полочанину Андрею Филимоновичу

Датируется по индикту (см. комментарий к № 171) и упоминанию Мины Зесембека, известного в качестве упорного неплательщика, не поставлявшего товары полоцким мещанам в 1464–1466 гг. (см. № 160, 170, 171). О Мине Зесембеке (Зассенбеке) см. комментарий к № 160.

Послание № 177 имеет почти дословное сходство с № 171:

№ 177	№ 171
А смотрите ваша м(и)л(о)*с*ть сами, какаѧ то великаѧ кривда и несправе*д*ливость нашим ставитсѧ ѿ*т* ваши*х*.	Про то *ж* сами смотрите ва*ш*(а) м(и)л(о)*с*(ть) того, ижь [ка]каѧ невымолъвнаѧ великаѧ щкода и кривда стави*т*сѧ ѿ*т* ваши*х* оспо*д*(а)рскы*м* людемъ королѧ его м(и)л(о)*с*ти.

«А имѣлъ тотъ Мина дати соль на горѣ тому Ан*д*рѣю» — То есть в Полоцке, выше Риги по течению Западной Двины.

Грамота показывает разнообразие форм письменного документа, использовавшихся полочанами в торговле с рижанами: помимо расписки Мины Зесембека с указанием на его согражданина, у которого Андрей Филимонович должен был получить соль, упоминаются два послания последнего, адресованные Мине.

А. Л. Х., С. В. П.

178

[1466 г. мая 20]. Полоцк. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всего поспольства» городскому слуге Тулубею, послу к совету г. Риги

Верительная грамота бояр и мещан городскому писцу Тулубею (Артёму Буцкову), адресованная властям г. Риги, датируется по современному немецкому переводу второй верительной этому же лицу, но адресованной рижскому архиепископу Сильвестру (№ 179). О первом пребывании Тулубея в Риге (второй раз он ездил туда в конце 1471 г.; см. № 202) сохранилась запись в рижской расходной книге за весну 1466 г.: «3 марки 4 шилл. послано полоцкому писцу на вино, романею, пиво, хлеб и мясо» (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 300).

Начальный протокол верительной, адресованной городу Риге, отличается некоторыми особенностями: в инскрипции упомянуты «паны ростропные», «купцы», не встречающиеся в других городских посланиях. Состав начального протокола обычен (символическая инвокация, инскрипция, интитуляция, салютация, ср. № 162), однако порядок их расположения характерен как для городских, так и для наместничих посланий середины 60-х годов: интитуляции предшествовала инскрипция, что несомненно свидетельствует о борьбе полочан за укрепление своего международного престижа.

Тулубей — полоцкий мещанин Артём Буцков Тулубей. Здесь он назван «городским слугой». В реестре 1528 г. с этим редким наименованием упоминается некий Артём, которого, однако, вряд ли можно отождествлять с Тулубеем, поскольку тот, судя по хронологии деятельности его потомков, к этому времени уже умер (РИБ. Т. 33. Стб. 195: МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 140). Термин «городской слуга» полностью соответствует рижскому «Stadtdiener». Этот последний имели многочисленные гонцы из Риги в Полоцк (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 302, 303). «Писцом» же его называют и записи рижского казначея, и рижский архиепископ Сильвестр в своем послании властям г. Риги от 27 мая 1466 г. («Dubbelen, schriver» — LECUB. Bd. 12. № 395. S. 215). Вместе с тем многочисленные грамоты, ранее считавшиеся написанными Тулубеем, на самом деле принадлежат руке городского дьяка Бориса Толандинича (см. комментарий к № 203).

А. Л. Х., С. В. П.

179

[1466 г.] мая 20. Полоцк. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всего поспольства» писцу Тулубею, послу к архиепископу риж. Сильвестру

О поездке Тулубея в Ригу и к рижскому архиепископу в мае — июне 1466 г. см. выше, комментарий к № 178. Верительная грамота Тулубея была переведена в Риге после 27 мая 1466 г.: в этот день рижский архиепископ переслал ее «руский» оригинал рижским властям с просьбой перевести на немецкий, поскольку у него не было никого, кто мог бы это сделать (LECUB. Bd. 12. № 395. S. 215–217).

Сильвестр Стодевешер (Silvester Stodewescher), рижский архиепископ (1448–1479), брат Тевтонского ордена (*Schwartz.* 1892). Поездка к нему Тулубея с жалобами на рижан объясняется статусом рижского архиепископа как сюзерена г. Риги, закрепленным в Кирхгольмском договоре 1452 г. В ответ на миссию полоцкого писца архиепископ предложил прислать к нему 24 июня 1466 г. посольство от полоцких бояр и «поспольства», облеченное полномочиями, необходимыми для переговоров с рижанами (LECUB. Bd. 12. № 395, 396. S. 215–218). Это посольство прибыло в Кокенгузен лишь 17 июля 1466 г. (LECUB. Bd. 12. № 418. S. 230; см. № 181, 182 и комментарии к ним).

Остафий Васильевич Корсак († дек. 1485) — полоцкий боярин, сын Василия Дмитриевича Корсака, от которого, по-видимому, унаследовал положение старшего из полоцких бояр. В 1476 г. вместе с группой православных князей и бояр ВКЛ подписал послание избранного митрополита Киевского и всея Руси (западнорусского) Мисаила папе римскому Сиксту IV с выражением готовности признать церковную унию, причем это упоминание имеется и в древнейшем списке послания, датируемом 30–40-ми гг. XVI в. (*Варонін.* 1998. С. 42–43; *Заторський.* 2013. С. 410; *Калечыц.* 2011. С. 119 — с ошибкой в датировке надписи; с. 222). При этом вся деятельность О. В. Корсака была связана с Полоцкой землёй, утверждение о его принадлежности к раде Казимира (напр.: *Варонін.* 1998. С. 43) основано на ошибке в переводе данного послания в 1-м издании ПГ. Упоминаемый здесь визит О. В. Корсака в Ри-

гу отмечен в рижской расходной книге, согласно которой в течение 14 дней в июле 1465 г. «пан Астафий» (pane Astaffyen) находился в Риге вместе с сыном и получил полное содержание от городского совета: ему было выдано 46 марок 12 шилл. на вино, хлеб, пиво, рыбу, мясо. В его честь магистрат устроил роскошный прием, обошедшийся рижской казне в 25½ марок, на котором Корсак присутствовал с сыном и «своими». Пребывание полоцкого боярина в Риге не обошлось без мелких недоразумений. В течение 1466/1467 финансового года магистрат вынужден был выплатить компенсацию некоему Томасу Хофенеру за убытки, нанесенные ему «русью из Полоцка… в 65-м году, когда здесь был Астафий Дмитрович (так в рукописи. — *Сост.*) со своим сыном» (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 297, 303).

«…они причиняют нам большую, неописуемую несправедливость, не по вечным записям, которые мы с ними имеем…» — Имеется в виду Копысский договор 1406 г., подтвержденный Казимиром 3 мая 1447 г., и полоцко-рижский договор 1407 г. (№ 54, 55, 120).

С. В. П.

180

[1466 г.] июня 28. Полоцк. — Послание пол. воеводы Олехны Судимонтовича совету г. Риги с предложением о возобновлении торговли и с сообщением об отъезде полоцкого посольства к архиеп. риж. [Сильвестру]

Датируется по содержанию. Олехно Судимонтович излагает причины и ход конфликта 1466 г., указывает на предстоящую отправку полоцкого посла к рижскому архиепископу (№ 180, 181), активному участнику переговоров об урегулировании конфликта.

А. Л. Х.

181

[1466 г.] июля 11. Полоцк. — Верительная грамота пол. воеводы Олехна Судимонтовича послам к совету г. Риги пол. боярину Семёну Григорьевичу, мещанам Митку Трухоновичу, Одинцу и Никите Мокееву сыну

182

[1466 г.] июля 12. Полоцк. — Верительная грамота пол. Бояр и мещан послам к совету г. Риги пол. боярину Семёну Григорьевичу, мещанам Дмитрию Трухоновичу, Евлашку Козчичу, Илье Васильевичу, Пахомию Одинцу, Никите Колчижиничу

Верительные грамоты № 181 и 182 даны одним и тем же послам и были доставлены в Ригу вместе: на грамоте Олехна Судимонтовича (№ 181) отпечатался оттиск полоцкой городской печати, приложенной к верительной бояр и мещан (№ 182). Последняя же имеет современную немецкую надпись, содержащую дату получения — 22 июля (праздник св. Марии Магдалины) 1466 г. Эта надпись и датирует обе грамоты. В рижской расходной книге расходы на полоцких послов отмечены накануне 15 августа — Вознесения Девы Марии (Успения Богородицы): им было выдано 7 ферд. 3 шилл. на пиво, вино и хлеб; здесь же отмечены расходы на поездку рижских послов в Кокенгузен к рижскому архиепископу, а затем к ливонскому магистру, которые пытались посредничать при урегулировании полоцко-рижского

конфликта (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 301). Первоначально, впрочем, полоцкие послы направились в Кокенгузен, куда прибыли 17 июля вечером и провели переговоры в течение следующих двух дней (LECUB. Bd. 12. № 418. S. 230). Лишь затем они выехали в Ригу, где переговоры продолжились при посредничестве комтура Дюнамюнде и других орденских сановников (LECUB. Bd. 12. № 434. S. 237–240).

Пребывание и этих полоцких послов в Риге не обошлось без конфликтов. Рижскому магистрату позднее пришлось возмещать убытки, нанесенные полочанами вдове русина, вероятно, постоянного жителя Риги, Луки (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 301). Переговоры полоцких послов с рижскими при посредничестве рижского архиепископа, равно как и орденских сановников, также не привели к желаемым результатам лишь отчасти: обе стороны выдвигали взаимные требования, и было решено передать дело на рассмотрение Казимира, который в это время отсутствовал в ВКЛ (LECUB. Bd. 12. № 418. S. 230–231). Тем не менее июльское посольство полочан открыло серию многолетних полоцко-рижских переговоров об урегулировании конфликта: в ответ на визит к полоцкому воеводе был направлен рижский городской слуга Христофер Слохоуве, истративший на эту поездку свыше 16 марок (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 302). Такие большие расходы, непропорциональные статусу рижского посланца, свидетельствуют о том, что уже осенью 1466 г. рижане почувствовали все отрицательные последствия разрыва торговли с Полоцком и стремились восстановить отношения со своим постоянным контрагентом. При этом рижане разрешили полочанам возобновить торговлю в Риге, но потребовали письменных гарантий безопасности рижских купцов в ВКЛ от панов рады (РЛА. № 254; LECUB. Bd. 12. № 433. S. 237).

В начальном протоколе верительной, подобно грамотам середины 60-х годов, инскрипция следует за интитуляцией. В грамоте полочан употреблен архаизирующийся к этому времени термин «посполите».

А. Л. Х., С. В. П.

183

Упоминание

[1466 г. июля 13 — 1469 г. сентября 13]. — Послания кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира совету г. Риги с требованием об уплате долга Гармана Зундера [Германа фон Зундерна] пол. боярину Сеньку Григорьевичу

Датируется промежутком времени между отъездом Сенька Григорьевича в Ригу (№ 181, 182), во время которого он имел возможность поднять вопрос о задолженности Германа фон Зундерна, и написанием письма Олехна Судимонтовича, в котором упоминаются королевские послания (см. № 190 и комментарий к нему).

С. В. П.

184

Упоминание

[Около 1468 г.]. — Долговая запись полочан Прошка и Мелешка рижанину Ганусу Тимофеевичу о продаже ему поташа в кредит

Датируется условно, временем незадолго до написания грамоты № 186 (см. комментарий к ней).

185

[1468 г.] апреля 17. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» совету г. Риги с требованием наказать рижанина Матфейку, в нарушение существующего порядка державшего корчму в Полоцке

Датируется по современной немецкой надписи с указанием даты получения грамоты — 10 мая (вторник после воскресенья Jubilate, т. е. третьего воскресенья после Пасхи) 1468 г.

Рижанин Матфейко не поддается идентификации.

Запрет на содержание корчем в Полоцке немцами, требование которого выдвигали полочане в 1405 г. (№ 52), не был включен ни в Копысский договор 1406 г., ни в полоцко-рижское соглашение 1407 г. (№ 54, 55), тем не менее полочане требовали от рижан выполнения этого условия (см. № 107).

А. Л. Х., С. В. П.

186

[1468–1469 гг.] июля 9. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги с просьбой содействовать в правосудии полочанам Прошку и Мелешку по делу между ними и рижанином Ганусом Тимофеевичем

Грамоты № 186–188, подобно воеводской грамоте № 180 (но в отличие от № 161, содержащей указание дня только по церковному календарю), датированы не только календарными числами месяца, но и церковными праздниками, следующими друг за другом — 9, 13 и 15 июля. Подобная датировка городских посланий — исключительное явление.

В конечном протоколе № 186–188 имеются типичные для стиля духовного лица обороты: «останте о Б(о)зѣ з Б(о)*ж*(ь)ю помоцью» (№ 186–187), «останте… въ добро*м* здоровъи з Бо*ж*(ь)ю помоцью» (№ 188). Сходство этих грамот (а две из них, № 186 и 188, написаны одним и тем же почерком) объясняется единством происхождения — они вышли из городской канцелярии. Их писец несомненно был знаком с практикой владычной или церковной переписки.

Начальный протокол грамот № 186–188 имеет некоторое сходство с первой частью грамоты № 137, несомненно относящейся к 1469 г.: «Ѡ*т* бояръ полоцкы*х* и мѣща*н*, и всего поспо*л*(ь)ства ты*м* доброро*д*ны*м* (№ 188, 189) и почестливы*м* (№ 187–189), и ростропны*м* (№ 187–189; в № 187, 188 — «и опатрьным») пано*м* буръмистро*м*, и воито*м*, и рᴀдца*м*, и всѣмъ ратмано*м* Ризкого мѣста наша вѣрнаᴀ приязнь, што коли може*м* доспѣти, («добродным» — в № 189 опущено) наши*м* милы*м* приятеле*м* и сусѣдо*м*». В инскрипции № 188 впервые появляется прилагательное «доброродныи», которое употребляется последовательно в № 189, 196, 199, 202, 204. В № 187–188 имеется еще одно — «опатрьныи», не встречающееся в других посланиях полочан времени наместничества Олехны Судимонтовича. В титуле Казимира в № 187, равно как и в № 198 и 199, соединились традиции и полоцкого («великий король») и наместничьего («освеценыи») делопроизводственного стиля.

Исходя из формул начального протокола и адреса, относим № 187–188 к концу 60-х годов, скорее всего к 1469 г.

А. Л. Х.

187

[1469 г.] июля 13. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги с просьбой содействовать в правосудии пол. мещанам Сенку Козчичу и его сыну Миките в случае возникновения споров между ними и рижанами

О датировке см. комментарий к № 186.

«А про то *ж*, наши милии приятели и сусѣди, естли хто буде*т* каки*х* щко*д* мѣнити а либо искати на ни*х*, ино вѣдаете ваша м(и)л(о)*с*ть сами, што *ж* есмо из обу сторону ѡ щкода*х* до ѡспо*д*(а)рѧ нашого его м(и)л(о)*с*ти ѡсвѣценого вѣлико*г*(о) королѧ изложили, не заимаи то ѡспо*д*(а)рь на*ш* его м(и)л(о)*с*ть досмотри*т*» — Уже в послании рижского архиепископа Казимиру от 7 июня 1468 г. упоминается посольство полочан к Казимиру с жалобами на рижан (вероятно, оно состоялось незадолго до этого, когда король находился в Польше: LECUB. Bd. 12. № 588. S. 319–321; *Сулковска-Курасёва.* 1989. С. 301; *Rutkowska*. 2014. S. 217–218). В этом послании архиепископ предложил провести съезд сановников ВКЛ и Ливонии, по два или три представителя от каждой стороны. Рижские же ратманы предложили передать дело на рассмотрение Казимира еще раньше, сразу после переговоров с полочанами в июле 1466 г. (см. комментарий к № 181 и 182). В приведенной фразе из послания полочан властям Риги отразилось недоверие первых по отношению ко вторым, опасение мести за события двухлетней давности.

Неясно, связана ли с этой поездкой запись в рижской расходной книге о выплате «рускому слуге Миките» 24 шилл. на 4 стопы вина (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 315). Во всяком случае статус этого гостя (слуга) и отсутствие почетного титула заставляют в этом усомниться.

А. Л. Х., С. В. П.

188

[1469 г.] июля 15. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги с требованием содействовать в правосудии полочанину Василию Голому по делу между ним и [не названным по имени] рижанином

О датировке см. комментарий к № 186.

А. Л. Х.

189

[1469 г.] августа 18. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и всего поспольства г. Полоцка бурмистрам, войтам и совету г. Риги с предложением прислать послов к кор. польск. и вел. кн. лит. Казимиру для рассмотрения конфликта между полочанами и рижанами, имевшего место в 1466 г.

Датируется по современной немецкой надписи с указанием точной даты получения грамоты — 26 августа (в субботу после праздника св. Варфоломея) 1469 г.

Грамота написана на бумаге с таким же водяным знаком («греческий» крест), как и № 191. Совпадение филиграней бумаги посланий полочан (№ 189) и Симеона (№ 191) свидетельствует либо об одновременной закупке бумаги городской и архиепископской канцеляриями, либо о написании послания полочан в архиепископской канцелярии (см. комментарий к № 186–188).

«…как был посол(ь)ствомъ до вашеи м(и)л(о)сти пан Семенъ Григорьевич и мѣстичи Митко Трухонович и Евлашко Кожчич и иныи, а длѧ то и хотѧчи тог(о), иж што нашим ѡт ваших оучиненыи щкоды поплачены были бы, и ваша м(и)л(о)сть того не вчинили, а сами ваша м(и)л(о)стъ так слюбили и заложили ѡ тых щкодах на оспод(а)рѧ нашог(о), ѡсвѣценого великог(о) королѧ его м(и)л(о)сть, как послышав ѡспод(а)рѧ нашого его м(и)л(о)сть оу Литовскои земли, так ехати до его м(и)л(о)сти» — Упоминаемое здесь посольство ездило в Ригу и Кокенгузен в июле 1466 г. (см. № 181, 182 и комментарии к ним). Польский король и великий князь литовский Казимир с весны 1466 г. находился в Польше, а в Литве он после этого появлялся в феврале — апреле 1467 г., затем в октябре 1467 г. — марте 1468 г. Следующий визит Казимира в ВКЛ, о котором и идет речь в данном послании, приходится на июль — октябрь 1469 г. (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 299–303; *Rutkowska*. 2014. S. 207–226).

«…на послѣднии Матки Божьи д(е)нь…» — имеется в виду Рождество Богородицы, 8 сентября 1469 г. О пребывании Казимира в этот день в Городне упоминает Ян Длугош (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 303; *Rutkowska*. 2014. S. 225).

А. Л. Х., С. В. П.

190

[1469 г.] сентября 14. Городно. — Послание пол. наместника Олехна Судимонтовича бурмистру и совету г. Риги с требованием об уплате долга Гармана Зундера [Германа фон Зундерна] пол. боярину Сеньку Григорьевичу

Начальный протокол № 190 обнаруживает наибольшее сходство с № 160, отнесенным к 1464 г. Однако по топологическим данным грамота датируется иначе. Она написана в Городне. О пребывании там Олехна Судимонтовича известно только в мае 1461 г. и апреле 1473 г. (9-й и 6-й индикты) (РИБ. Т. 27. № V, XX. Стб. 20, 84; LM. Kn. 3. P. 26, 52). Казимир же и его двор находились там и в 1469 г. (РИБ. Т. 27. Стб. 49; LM. Kn. 3. P. 38 — грамота, подготовленная Михайлом Кезгайловичем 14 сентября 3-го индикта, что во время его канцлерства и воеводства приходится на 1469 г.). Возможно, в это время туда прибыл и полоцкий наместник. В присутствии Олехна Судимонтовича Сенько Григорьевич принес жалобу на одного из влиятельнейших рижских бюргеров. После этого полоцкий наместник 14 сентября 1469 г. направил грамоту Риге (уже третью, поскольку две первые принадлежали королю) с требованием уплаты торгового долга Германом фон Зундерном Семёну Григорьевичу. Не исключено, что именно он был тем «рыцарем из Полоцка» рижской расходной книги, которому перед Рождеством 1469 г. магистрат отправил рейнского вина и романеи (каждого по 4 стопы) и овес (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 314). Как бы то ни было, послание Олехна Судимонтовича не помогло. Вплоть до 1480 г. Семён Григорьевич не получил своего долга (см. № 240).

А. Л. Х.

191

[Около 1470 г.] июля 20. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. Симеона III бурмистру, совету и «всему поспольству» г. Риги с сообщением о присылке священника для ц. Св. Николая, с просьбой не посягать на церковное имущество, достойно относиться к священнику, с заверением в том, что этот священник является достойным лицом для данного сана и места

195

[1470 г.] мая 4. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. Симеона III бурмистру, совету и «всему поспольству» г. Риги и церковному старосте ц. Св. Николая Полтарею с сообщением о присылке священника для ц. Св. Николая Ивана, с просьбой не посягать на церковное имущество, достойно относиться к священнику, с заверением в том, что этот священник является достойным лицом для данного сана и места

213

[1476 г.] февраля 23. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол., витеб. и риж. Симеона III бурмистру Ганусу Пилиповичу [Иоганну Зольтрумпу], войту и совету г. Риги с просьбой найти колокольного мастера и оплатить колокол для ц. Св. Софии в г. Полоцке к весне того же года, за средства, присланные ранее

215

[1476–1481 гг.] апреля 29. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. и витеб. Симеона III бурмистрам и совету г. Риги с просьбой оказывать покровительство священнику ц. Св. Николая в Риге Ивану

243

[1481 г.] августа 21. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. и витеб., нареченного митрополита Киевского и всея Руси Симеона III совету г. Риги и церковным старостам ц. Св. Николая с сообщением о присылке священника для ц. Св. Николая Савы взамен священника Ивана, с просьбой достойно относиться к священнику и ввести его в служение в этой церкви

Датировка грамот, написанных от имени владыки Симеона, затруднительна. Поскольку в Полоцке в течение XV в. было два владыки с таким именем, Симеон II (Старый, Новгородец) и Симеон III, не исключена вероятность смешения их грамот. Решающее значение для атрибуции грамот имеет эволюция типов епископских печатей с именем Симеона. Известны два их типа. Печати первого типа имеют линейную надпись, у других — в центре расположено имя, написанное вязью, а в круговой надписи помещено указание сана. Все полоцкие печати на протяжении XV в. проделали почти одну и ту же эволюцию. Линейные надписи принадлежали, как правило, древнейшим печатям, круговые надписи с элементами вязи — более новым. По аналогии с другими печатями считаем возможным атрибутировать печати первого типа Симеону II, печати второго типа — его позднейшему тезке и преемнику. Смена надписи на печати произошла, вероятно, по двум причинам — из-за желания сделать свою печать отличной от печати Симеона II и по общей моде 60–70-х гг. XV в.

Сравнение формуляра начального протокола посланий предшествующих полоцких епископов Симеона Старого и Калиста с грамотами Симеона III резко выделяет грамоты последнего.

<table>
<tr><th>№ 75, 102</th><th>№ 148</th><th>№ 195</th></tr>
<tr><td>Бл(а)г(о)с(ло)в(е)ніе Семиѡна, вл(а)д(ы)ки полоцког(о), ѡ С(вя)т(е)мъ д(у)се възлюбленным дѣтем нашим ратманом рижьскым всѣмъ (№ 102; в № 75 всѣмъ опущено).</td><td rowspan="3">Прес(вя)щ(е)ннаг(о) архиеп(и)с(ко)па полоцког(о) Калиста въ С(вя)тѣмъ д(у)сѣ возлюбленным дѣтемъ нашим и сѹсѣдом нашим посадникѡм и ратьманѡм и всемоу поспольствоу Ризьског(о) мѣста. Бл(аго)с(ло)в(е)ні[е] и м(о)л(и)тва наша да ес(ть) кѹпно съ всеми вами</td><td rowspan="3">Бл(аго)с(ло)в(е)нье вл(а)д(ы)кы Симеѡна Б(о)гомъ сп(а)саемаг(о) града Полоцка еже ѡ С(вя)темъ дѹсѣ возлюбленымъ с(ы)новомъ панѹ бѹръмистрѹ и тым почестливымъ ратманомъ, и ѡпатрьнымъ рѧдцамъ, и старосте ц(е)рк(о)вномѹ с(вя)т(о)го Николы Полтарею, такеж всемѹ поспольствѹ мѣста Ризького, а и сѹсѣдомъ дѣтеи наших, ихъ м(и)л(о)сти бояръ полоцкых и мѣщанъ. Бл(аго)с(ло)влѧемъ вас, наших сѹсѣдов и приятелѣи.</td></tr>
<tr><th>№ 74</th></tr>
<tr><td>Бл(а)г(о)с(ло)в(е)ніе Семиѡна, вл(а)д(ы)кы полотского, о С(вя)т(е)мъ д(у)сѣ възлюбленным приѧтелемъ нашимъ ратманомъ ризькым.</td></tr>
</table>

Подобно тому как на печати Симеона III лаконичная линейная надпись сменилась витиеватым узором вязи, в его грамотах появилось много отяжеляющих речь выражений барочного типа («Богом спасаемого града», «почестливым», «опатрьным» и т. д.), свойственных отчасти и наместничьим, и городским посланиям. Витиеватость стиля характерна для всех полоцких грамот 70-х годов XV в.

Начальный протокол владычных грамот претерпел и существенные структурные изменения. В посланиях Симеона Старого за символической иквокацией следовала салютация: «благословение». В послании Калиста на первое место вынесена интитуляция. Писцы Симеона III вернулись к порядку расположения частей начального протокола, характерному для грамот Симеона Старого. Его послания начинаются с благословения, повторенного, впрочем, и в самом конце начального протокола.

Точно неизвестно, когда Симеон II был возведен на полоцкую кафедру — сразу после Калиста в 1459–1460 гг. или примерно десятью годами позднее: к этому времени относится наиболее ранняя точно датируемая (по указанию 3-го индикта — 1470 г.) грамота № 195. Некоторые из его грамот (№ 191) написаны на бумаге с «греческим» крестом, бытовавшей в Полоцке в конце 60-х гг. XV в. (№ 189 — 1469 г.). Симеон III титуловался полоцким и витебским архиепископом, и лишь однажды (№ 213) к этим титулам добавляется еще и титул «рижского архиепископа». Впоследствии же (№ 215) он отказался от этого титула: очевидно, соответствующие претензии не реализовались. В 1481–1487/88 гг. Симеон был митрополитом Киевским и всея Руси (западнорусским) (*Макарий*. 1996. С. 53–57; ПСРЛ. Т. 35. С. 122).

Сравнение формуляра начального и конечного протоколов посланий Симеона II позволяет точнее датировать его грамоты.

№ 191	№ 195	№ 213	№ 215	№ 243
Бл(аго)*с*(ло)в(е)нье вл(а)*д*(ы)кы Симеѡна Б(о)гомъ сп(а)саемаго града Полоцка бл(а)горо*д*нымъ	Бл(аго)*с*(ло)в(е)нье вл(а)*д*(ы)кы Симеѡна Б(о)гомъ сп(а)саема*г*(о) града Полоцка еже ѡ С(вя)темъ дѹсѣ возлю-	Бл(аго)*с*(ло)в(е)ние вл(а)*д*(ы)кы Семиѡна полоцко*г*(о), и витебско*г*(о), и ризкого по Б(о)жиеи воли наши*м*	Бл(аго)*с*(ло)в(е)ние вл(а)*д*(ы)кы Семиѡна Б(о)гомъ сп(а)саемы*х* градо*в* Полоцка и Витебска по С(вя)т(о)го	Бл(аго)*с*(ло)в(е)ние вл(а)*д*(ы)ки Семиѡна, Б(о)гомъ сп(а)саемы*х* градовъ Поло*ц*ка и Вите*б*ска, наре*ч*(е)ныи митропо-

и хр(и)*с*толюбивы*м*, наипаче тымъ почестливы*м* дѣте*м* наше*г*(о) смиренья, панꙋ бꙋръмистрꙋ и ѡпатрьнымъ радцамъ, и ратманомъ, и всемꙋ поспольствꙋ мѣста Ризькаго.	бленымъ с(ы)новомъ панꙋ бꙋръмистрꙋ и ты*м* почестливымъ ратманомъ, и ѡпатрьнымъ радцамъ, и старосте ц(е)рк(о)вномꙋ с(вя)т(о)го Николы Полтарею, таке*ж* всемꙋ поспольствꙋ мѣста Ризького, а и сꙋсѣдомъ дѣтеи наши*х*, ихъ м(и)л(о)*с*ти бояръ полоцкы*х* и мѣщанъ.	милы*м* сыно*м* и приятелемъ и соусѣдо*м* паноу Пиливичю Ганоусꙋ, боурмистроу, и паноу воитоу, и ратмано*м*, ва*м*, наши*м* дѣте*м* почтивы*м*, справедливы*м*, боудоучи*м* по*д* Б(о)жиимъ страхо*м* и требоующи*м* ѡ*т* не*г*(о) м(и)л(о)*с*ти, напре*д* наша приязнь и м(о)л(и)тва за ваше здоровье по вси часы.	Д(у)ха бл(а)г(о)дати дѣте*м* наши*м* и приятеле*м* и соусѣдо*м*, пано*м* мѣста Ризко*г*(о), почтивы*м* боурмистро*м* и ратмано*м*, шлахотны*м* врадником Ризко*г*(о) мѣста. М(о)л(и)тва наша ко Б(о)*г*оу ѡ ваше*м* здоровии.	ли*т* киевскии и всея Роуси, почтивы*м* и исправедливы*м* и добротливы*м* ѡ С(вя)томь д(у)се дѣте*м* наши*м* и соусѣдо*м* и приятеле*м* милы*м*, ратмано*м* ризки*м*, старостам ц(е)рковным с(вя)т(о)го Николы, которыи смотра*т*(ь) врадоу ц(е)рковна*г*(о) и ѡ*т* кривдъ боронать, требоующи*м* м(и)л(о)*с*ти Б(о)жии и с(вя)т(о)го велико*г*(о) Николы и ѡ*т* на*с* бл(аго)*с*(ло)в(е)ния и м(о)л(и)твы.
А мы ва*с*, свои*х* дѣтеи, бл(аго)*с*(ло)вляемъ.	А бл(а)г(о)*д*(а)ть и м(и)л(о)*с*ть ѡ*т* всѣдѣржителя Б(о)га, а ѡ*т* на*с* бл(аго)*с*(ло)в(е)нье да есть з вами, з наши*х* дѣтеи, бояръ полоцкы*х* и мѣщанъ, сꙋсѣды и приятелми.	А мил(о)*с*ть Б(о)жиа боудъ с вами.	А мы Б(ог)а моли*м* ѡ ваше*м* посполито*м* добро*м* здоровии.	А м(и)л(о)*с*ть Б(о)жия и наше бл(аго)*с*(ло)в(е)ние и м(о)л(и)тва да е*с*(ть) с вами, с нашими милыми дѣтми.

Изменяется титул: вместо «владыки полоцкого» (№ 191, 195) появляется «владыка полоцкии и витебскии и ризкии» (№ 213), «владыка… Богом спасаемых градов Полоцка и Витебска» (№ 215) и, наконец, «владыка… градов Полоцка и Витебска, и нареченыи митрополит киевский и всея Руси» (№ 243).

Отличаются грамоты и по тону: «смирение» грамоты № 195 сменяется скрытой угрозой Божьей кары (рижские власти характеризуются как «будучие под Божиим страхом и требующии от него милости») № 215, и из «детей нашего смирениа» и «суседей и приятелей» «наших детей, бояр полоцкых и мещан» (№ 195) превращаются в «детей наших» (№ 191, 213, 214, 243).

Первые два послания Симеона III в Ригу содержат как бы развернутую программу полоцкого владыки по отношению к русской церкви в Риге. Он подробно обосновывает необходимость для самих рижан существования этой церкви, требует справедливого отношения к ней, защиты церковного имущества, обеспечения свободы личности священников, характеризуемых в обоих грамотах почти одними и теми же выражениями. Послания № 191 и 195 разде-

лены небольшим промежутком времени, т. к. они оба написаны одним и тем же почерком. Возможно, их отправка была связана с возобновлением торговых сношений Риги и Полоцка.

№ 213 датируется по упоминанию рижского бургомистра Ганса Зольтрумпа (Гануса Пили[по]вича) (о нём см. комментарий к № 143), Ганса Смолбеха, о котором шла речь в № 212 (это послание написано в 9-м индикте, который в данном случае означает 1476 г.), и водяному знаку.

№ 215, судя по интитуляции, написан после № 213, но до 1481 г., когда Симеон стал киевским митрополитом. № 243 можно отнести к 1481 г., последнему году пребывания Симеона II в Полоцке.

А. Л. Х., С. В. П.

192

[Около 1470 г. – 1476 г.] августа 17. Словня. — Послание пол. боярина Остафия Васильевича [Корсака] бурмистру г. Риги Ганусу Пилиповичу [Иоганну Зольтрумпу] с сообщением о присылке Ивана Похистки в Ригу по делам Остафия

Для датировки грамоты можно принять широкие пределы: время бургомистерства Ганусa Филипповича — Иоганна Зольтрумпа и время самостоятельной деятельности Остафия Васильевича. Последняя падает на конец 50-х — середину 80-х гг. XV в. Иоганн Зольтрумп был бургомистром Риги с 1464 г. Судя по формуляру (эпитеты «добродродный», «почестливый» и т. д.), грамота не могла быть написана ранее 70-х гг. XV в. Если считать радость Остафия Васильевича по поводу здоровья Иоганна Зольтрумпа откликом на какие-то конкретные события, угрожавшие его здоровью, то грамоту можно было бы отнести к 1470, 1474 или 1475 г., когда в Риге свирепствовали эпидемии (см. № 196, 208, 212 и комментарии к ним). Формула инскрипции и салютации также характерна для 70-х годов XV в.

Верхней хронологической границей грамоты служит дата смерти Иоганна Зольтрумпа, наступившей, до 29 июня 1477 г. — вероятно, незадолго до этой даты (SRL. Bd. 2. S. 761; *Böthführ*. 1877. S. 105–106). В последний раз он упоминается как участник съезда ливонских городов в Вольмаре 2 марта 1477 г. (HR. Abt. 3. Bd. 1. № 2. S. 2).

Из детей Иоганна Зольтрумпа хорошо известен его сын Рейнгольд, названный так, очевидно, в честь деда. В 1465 г. он был имматрикулирован в Лейпцигском университете, где изучал право, впоследствии стал магистром права, а ок. 1477 г. вернулся в Ригу. Рейнгольд Зольтрумп-младший состоял в ордене францисканцев и владел собранием печатных книг, которые сам украшал, снабжал пометами и записями. До наших дней сохранилось полтора десятка конволютов 1472–1489 гг. из этого собрания (подробнее см.: *Taimiņa*. 2004). Если считать, что Рейнгольд Зольтрумп-младший был одним из «милых дѣтѣи», здоровью которых радовался О. В. Корсак, то послание № 192 могло быть написано и ранее 1470 г., условно указанного в заголовке в качестве примерной нижней хронологической границы, и даже ранее 1465 г., пока он еще был в Риге. На это может указывать написание буквы «ъ» без выносной мачты, с которой она обычно писалась в 70-е годы.

Почему Остафий Васильевич назвал жену Иоганна Зольтрумпа своей невесткой, неизвестно. Вероятно, это так же фигурально, как наименование Ганусa Филипповича братом. Предлогом для такого наименования могло служить сходное с бургомистерским положение Остафия Васильевича, унаследовавшего не только земли, но и политический престиж отца Василия Дмитриевича Корсака.

А. Л. Х., С. В. П.

193

Упоминание

[Около 1470 г. — 1492 г. июня 7].– Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира [пол. боярину] Богдану Альшутиничу на след земли Хвостовщизны

При датировке Казимирова жалованного листа Богдану Альшутиничу, упоминание о котором сохранилось в документах полоцкого воеводского суда, исходим из того, что вдова последнего Авдотья была жива в 1533 г. Какова бы ни была разница лет супругов, ранее 70-х гг. XV в. ее муж еще не мог выслужить землю у Казимира. Более вероятно, что это случилось еще позднее, в конце 80-х гг. — 1492 г. В 1528 г. Авдотья причислена к мещанам, вместе с которыми записано ее обязательство выставлять 1 коня (РИБ. Т. 33. Стб. 195; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 140). Местонахождение земли Хвостовщизны, о которой идет речь в грамоте, установить не удается.

А. Л. Х.

194

[70-е гг. XV в. — 1485 г. декабря 31]. — Послание [пол. боярина] Остафия Васильевича [Корсака] бурмистру и совету г. Риги с требованием принудить немца Ернолта [Арнольда] прекратить противоправные действия по отношению к Остафию

Датируется по личности адресанта Остафия Васильевича Корсака (см. комментарий к № 179) и формулировкам вступительной части послания. Радость по поводу здоровья адресата в салютации впервые появляется в послании № 192 Остафия Васильевича (ок. 1470 г.), затем в № 212, отправленном в 1476 г. от имени полоцких бояр, мещан и «поспольства» рижскому городскому совету, № 217 — от Ивашка Данильевича в 1477–1480 гг., № 232 — от Зеновия Васильевича в 1480 г. Верхнюю хронологическую границу определяет запись о смерти полоцкого боярина Остафия Васильевича в декабре 6[9]94 г. (т. е. 1485 г. от Сотворения мира), оставленная на стене Спасо-Преображенского храма в Полоцке (*Калечыц.* 2011. С. 119–120, 222, фото 60, рис. 180). 6994 г. от Сотворения мира по принятому в конце XV в. сентябрьскому стилю приходился на 1 сентября 1485 г. – 31 августа 1486 г. Впрочем, палеографический критерий — отсутствие выносной мачты у буквы «ъ» — может указывать на 60-е годы XV в., поскольку для письма 70-х годов такая мачта характерна.

Истец рижанин Ернольт (Арнольд) идентификации не поддается.

А. Л. Х., С. В. П., А. И. Г.

195

[1470 г.] мая 4. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. Симеона III бурмистру, совету и «всему поспольству» г. Риги и церковному старосте ц. Св. Николая Полтарею с сообщением о присылке священника для ц. Св. Николая Ивана, с просьбой не посягать на церковное имущество, достойно относиться к священнику, с заверением в том, что этот священник является достойным лицом для данного сана и места

См. комментарий к № 191.

196

[1470 г.] сентября 7. Полоцк. — Послание наместника [пол. воеводы] Олехны [Судимонтовича], пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги с просьбой сообщить об эпидемии в Риге

Грамота датируется по современной немецкой надписи, содержащей указание на время ее получения в Риге — 13 сентября (канун праздника Воздвижения честного Креста Господня) 1470 г. По-видимому, в сентябре 1470 г. Олехна Судимонтовича снова не было в Полоцке. 24 декабря 1470 г. он находился в своем имении Волпа в Литве (см. № 197).

Настоящая грамота — второй пример послания, отправленного боярами, мещанами и наместником воеводы Олехна Судимонтовича. Любопытно, что наместник воеводы не только не назван до имени, но и не оттиснул своей печати на грамоте, так что она снабжена только городской печатью.

А. Л. Х.

197

1470 г. декабря 24. Волпа. — Послание пол. воеводы Олехны Судимонтовича бургомистру и совету г. Риги с разъяснением причин задержки его ответа и с пожеланием впредь писать ему послания на «руском» или латинском языках

Данное послание чрезвычайно важно для характеристики тех ресурсов, которые позволяли литовским вельможам вести переписку и выдавать документы в многоязычной ситуации ВКЛ. Как и Пётр Монтигирдович (см. № 143 и комментарий к нему), Олехно Судимонтович переписывался с Ригой силами своих собственных, а не полоцких писцов. Эта переписка велась на «руском» языке или латыни: хотя к 1470 г. Олехно Судимонтович уже несколько лет занимал должность полоцкого воеводы, в это время у него не было постоянно работающего немецкоязычного писца, содержание которого вдобавок к латинскому и «рускому» писцам было бы большой роскошью (ср. данные о писцах литовских вельмож XV в.: *Petrauskas.* 2003. P. 143–144, 147–148). Служба силезцев в качестве писцов в ВКЛ восходит ко временам Витовта, в канцелярии которого они работали (*Kosman.* 1969. S. 105–112; *Čapaitė.* 2012). По-видимому, их привлечение связано с тем, что они владели латынью (а иногда и немецким) и вместе с тем могли без труда изъясняться со своими литовскими патронами на польском языке.

Волпа — имение Олехна Судимонтовича, полученное им от Казимира в 1449 г. (LM. Kn. 1. № 374. P. 84). В XV в. принадлежала к Трокскому повету, в середине XVI в. — к Городенскому рядом с Волковысским [*Любавский.* 1900. С. 481; Прил. С. 140, 160 (1565–1566 гг.)]. Ныне — с. Волпа, центр сельсовета Волковысского района Гродненской обл.

А. Л. Х., С. В. П.

198

1471 г. [марта 30 — июля 20. Полоцк]. — Удостоверительный лист [пол. бояр и мещан] о передаче по приказу кор. польск. и вел. кн. лит. [Казимира] рижанам товаров, конфискованных у них

В 1470 г. к властям Риги с целью урегулирования полоцко-рижского конфликта обратились виленские епископ и воевода. После переговоров магистрата с архиепископом рижане начали переговоры с Олехном Судимонтовичем (их вел Ганс Шпегель, отправившийся в Полоцк

вслед за партией шонской сельди и угря на 7 марок, адресованной воеводе) и королем (к нему в феврале 1471 г. поехали Иоганн Зольтрумп и Герман фон Зундерн) (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 318–321). На встрече с королем в Троках они достигли предварительного соглашения о возврате рижанам их товаров с условием окончательного урегулирования конфликтов на порубежном съезде. 9 марта 1471 г. грамоту об этом выдали рижские послы, а 30 марта ее утвердил городской совет Риги (LECUB. Bd. 12. № 788, 795. S. 453–454, 456–457).

Последняя дата определяет нижнюю хронологическую границу настоящей грамоты (год указан в ее тексте). Условие о выдаче полочанами рижанам их задержанных товаров было выполнено накануне съезда литовских и ливонских представителей на Индрице, состоявшегося 8 сентября того же года (№ 202). Поскольку съезд изначально был запланирован на 20 июля (№ 200), относим грамоту к промежутку между 30 марта и 20 июля 1471 г. Вероятно, ее следует датировать апрелем, учитывая хронологическое указание рижской расходной книги (см. ниже) и заинтересованность рижан в получении своих товаров.

Водяной знак грамоты близок к водяному знаку новгородской грамоты конца апреля — мая 1472 г. (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 12. Lp. 2; публ.: *Хорошкевич.* 1966. С. 327–328, 331–332; о дате см. комментарий Н. А. Казаковой: *Янин.* 1991. С. 119–120).

Обращает на себя внимание форма грамоты, совершенно не характерная для дипломатики средневековой Руси и Литвы. Она представляет собой типичный хирограф (лат. *charta partita*, нем. *Kerbzettel*) — разновидность грамоты, фиксировавшей соглашение двух сторон. Текст такого соглашения дважды писался на листе пергамена или бумаги, между первым и вторым списками текста крупными буквами надписывалось какое-либо слово, после чего данный лист разрезался посередине по зигзагообразной линии, проходившей по этому слову. Таким образом, подлинность двух хирографов — экземпляров одного и того же соглашения определялась при их сложении по линии разреза. Хирографы получили особенную популярность в Англии и Германии в условиях слабого распространения печати как средства удостоверения документа. В данном случае форма грамоты, несомненно, пришла в Полоцк из Риги (*Trusen.* 1983; пример хирографа см. также: *Clanchy.* 1979. Plate VII). Грамота 1471 г. лишь отчасти соответствует критериям хирографа, поскольку маюскульные буквы латинского алфавита при ее разрезании остались нетронутыми: возможно, они были надписаны уже после разрезания.

«…слѹгу своего ратѹшског(о) на имѧ Ольбраха…» — для получения товара в Полоцк перед Пасхой, приходившейся в 1471 г. на 14 апреля, отправился городской слуга Альберт Шпервин, истративший на свою поездку 9½ марки (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 321).

«Ино колко было их товарѹ забавлѣно и положено въ ц(е)ркви, то все дано им» — Ш. Родевальд видит в этих словах единственное, если не считать грамоты Витовта 1406 г. (№ 53), упоминание «немецкой» церкви в Полоцке (*Rohdewald.* 2005. S. 105. Anm. 7; см. также комментарий к № 53). В действительности, скорее всего, речь здесь идет о полоцком Софийском соборе.

А. Л. Х., С. В. П.

199

[1471 г. марта 30 — июля 20. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги с сообщением о передаче по приказу кор. польск. и вел. кн. лит. [Казимира] рижанам товаров, конфискованных у них

О дате послания см. комментарий к № 198.

В № 199, как и в № 187 и 198, король именуется «освеценым великим», к этому добавлено и «его милость». Последний титул не заменил «осподаря», как полочане называли короля еще в середине XV в., во времена Андрея Саковича (№ 126, 127), строго отделяя его от «осподина» — полоцкого наместника (№ 206, 207). «Осподарем» называет короля и Олехно Су-

димонтович (№ 158). Таким образом, в данном случае сочетаются традиционный для полоцкой письменности эпитет короля «великий» (см. комментарий к № 121) и укоренившийся в ней под влиянием латинской письменности эпитет «освеценый».

«…слугу своег(о) вѣрног(о) на имѧ Ѡльбраха» — о рижском городском слуге Альберте Шпервине, приезжавшем в Полоцк весной 1471 г., см. комментарий к № 198.

А. Л. Х., С. В. П.

200

[1471 г.] июля 6. Хожова. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру, совету и «всем мещанам» г. Рига с сообщением о возможной задержке приезда его, а также витебского и мценского воеводы Миколая Немировича, господарского маршалка и браславского воеводы Богдана Андреевича к установленному времени и месту для улаживания конфликтов между полочанами и рижанами, с предложением уладить данные конфликты с участием пол. бояр и мещан и окончательно их разрешить с участием указанных сановников в другой установленный по решению обеих сторон срок

Датируется по сообщению о назначенном пограничном съезде литовских и рижских послов на Индрице. Память св. апостола Иакова, в день которого грамота была получена рижанами (согласно современной немецкой пометке на ее обороте), празднуется 25 июля.

Ильин день — 20 июля 1471 г. На этот день был назначен съезд литовских и рижских послов, предусмотренный договоренностью 30 марта 1471 г. (см. комментарий к № 198). Поскольку предупреждение об отсутствии литовских панов рижане получили с большим запозданием (спустя 5 дней после назначенного срока съезда), эти последние ездили на Индрицу к назначенному сроку (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 321; *Bulmerincq*. 1923. Bd. 1. S. 49). В это время были проведены переговоры с одними полочанами (№ 202).

Николай Немирович — литовский боярин герба «Ястребец», сын полоцкого наместника начала XV в. Яна Немира (см. о нём комментарий к № 62). Упоминается с 1412 г., как воевода (староста) витебский в 1463–1470 гг., воевода смоленский в 1467 г., воевода (староста) любуцкий и мценский в 1467–1471 гг., маршалок господарский в 1471 г. (*Semkowicz*. 1989. S. 51–52; *Petrauskas*. 2003. P. 277–278; LECUB. Bd. 12. № 366. S. 201–202; ВРА. № 1. С. 25–26).

Богдан Андреевич Саковича — литовский боярин герба «Помян», сын полоцкого воеводы середины XV в. Андрея Саковича, Его вотчинные имения находились в Ошмянском повете, также располагал владениями в Гомельском повете (РИБ. Т. 27. Стб. 374, 511). Упоминается как маршалок господарский (дворный) в 1463–1477 гг., староста браславский в 1466–1474 гг., воевода полоцкий в 1479/80–1484 гг. (вероятно, занял эту должность около 1 января 1477 г.), земский маршалок в 1480–1491 гг., воевода трокский в 1484–1491 гг. Богдан Андреевич неоднократно выполнял дипломатические поручения: в 1473 г. участвовал в делимитации ВКЛ с Ливонией (*Dorna*. 2013), в 1474 г. вместе с великокняжеским писарем Василием Любичем ездил послом в Москву (ПСРЛ. Т. 28. С. 138, 309); на Русь он ездил и в 1482 г., вместе с Я. Ю. Заберезинским [ПСРЛ. Т. 6. С. 234; Т. 20. С. 349; Сб. РИО. Т. 35. № 2–4. С. 33 (14 мая 1482 г.)]; скорее всего, в 1485 г. (во всяком случае до 22 августа 1486 г.) ездил послом в Крым; в 1487 г. вел переговоры с Орденом. Один из наиболее влиятельных вельмож в конце правления Казимира Ягеллона. Умер в 1491 гг. (*Semkowicz*. 1989. S. 116; *Petrauskas*. 2003. P. 290–291; *Korczak*. 1993).

Хожова — родовое имение Олехны Судимонтовича (ныне центр сельсовета Молодечненского района Минской обл.). Его отцу Судимонту Доргевичу Хожову пожаловал Сигизмунд

Кейстутович в 1434 г., однако не исключено, что в такой форме он подтвердил уже имеющиеся владения (*Petrauskas.* 2003. P. 95).

А. Л. Х., С. В. П.

201

[1471 г.] августа 30. Полоцк. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру и совету г. Риги с сообщением о назначении кор. польск. [и вел. кн. лит. Казимиром] окончательного срока съезда его, Миколая Немировича и Богдана Андреевича, с одной стороны, и рижан, с другой, с предложением незамедлительно съехаться в указанном месте в установленный срок для окончательного разрешения конфликтов между рижанами и полочанами

Датируется по содержанию. Речь идет о том же съезде литовских и ливонских представителей, который был перенесен с 20 июля на 8 сентября (см. № 200).

«…на М(а)тки Б(о)жьее д(е)нь последнее…» — Рождество Богородицы, 8 сентября.

А. Л. Х.

202

[1471 г. сентября 8 — декабря 31. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги с просьбой вернуть рижские товары в г. Полоцк ввиду неудачи переговоров

В съезде на Индрице 8 сентября 1471 г. участвовали с рижской стороны Иоганн Зольтрумп, Герман Зундерн и Ламберт Хюльшер. Приняли в нём участие и орденские сановники (LECUB. Bd. 12. № 831. S. 473–474). Магистрат тщательно готовился к встрече, отправив заблаговременно каждому из участников будущего съезда — воеводам Полоцка, Витебска и Браславля — по бочке красного вина (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 322). Однако и на этот раз достичь соглашения не удалось, и в конце 1471 г. Тулубей (Tolbe van Ploszkouve), отправился в Ригу, очевидно, требовать возвращения товаров (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 323). Вероятно, он и доставил в Ригу это послание полочан. Условно считаем верхней хронологической границей его составления конец 1471 г.

«…вѣдае*т* Гану*с* Пилипови*ч* и Гарма*н* Зȣнды*р*, которы*м* ѡбычае*м* и оу которои мѣрѣ ѡсп(о)*д*(а)рю нашому его м(и)л(о)*с*ти ѡсвѣценому великому королю рȣки свои дали оу Троце*х* и записъ на то дали, што *ж* е*с*ли бы не стало право на*м* з вами на то*м* соимѣ, што | бы*л* на Идрiци, ино то*т* весь товаръ, што бы*л* забавлѣ*н*, ѡпѧ*т*(ь) было засѧ к на*м* вѣрну*т*(и)» — Имеется в виду грамота Иоганна Зольтрумпа и Германа фон Зундерна от 9 марта 1471 г. (LECUB. Bd. 12. № 788; см. комментарий к № 198).

«А пото*м* ваша м(и)л(о)*с*ть прислали до на*с* слугȣ свое*г*(о) рату*ш*ско*г*(о) на имѧ Ѡлбраха и с такими *ж* листы, ка*к* ѡсп(о)*д*(а)рю его м(и)л(о)*с*ти записали*с*(ь), а жадаючи того, и*ж* быхо*м* то*т* товаръ вѣрнули ва*м* на того Гануса и Гармана рукое*м*ство и злюбъ, и запи*с*, ка*к* ѡсп(о)*д*(а)рю его м(и)л(о)*с*ти злюбили и записали*с*(ь), и на ваши записы и пѣчати, ка*к* же есте писали до на*с*…» — Грамота рижского городского совета полоцким властям о передаче назад освобожденных товаров в случае неудачи съезда на Индрице не сохранилась. Она упоминается в полоцко-рижском соглашении 1478 г., где сказано, что полочане отдали этот «листъ… записъныи» рижанам и «помертвили», т. е. аннулировали, лишили его юридической силы (подробнее см. комментарий к № 226).

А. Л. Х., С. В. П.

203

[Около 1473 г. Полоцк]. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всего поспольства» [пол. боярину] Андрею Селяве, направленному для ведения переговоров с войтом, бурмистрами, советом и «всеми мещанами» г. Риги

Судя по водяному знаку, грамота написана в 70-х годах. На это же время указывает и употребление зеленого воска для оттиска городской печати, практиковавшееся в первой половине — середине 70-х гг. (ср.: *Хорошкевич.* 1972. С. 140–141). Борис Толандинич, руке которого принадлежит настоящая грамота, был городским дьяком примерно в 1473–1493 гг. и вплоть до старости употреблял обороты, характерные для более раннего времени. Грамота, по-видимому, написана в отсутствие полоцкого воеводы, что имело место в начале 60-х гг., в 1465, 1472–1473 гг. и т. д. О визите Селявы (Sylleuie van Ploszkouwe) в Ригу известно по записи рижского казначея (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 328). Этот визит следует датировать не 1472 г., как в 1-м издании ПГ, а весной 1473-го, поскольку соответствующая запись помещена под 1472/73 г., между Пасхой (18 апреля) и праздником св. Иакова (скорее всего, 25 июля). На этом основании относим верительную грамоту ко времени около 1473 г., но эта дата условна, поскольку эта его миссия могла быть и не единственной.

Андрей Селява — полоцкий боярин, в 60-е годы вел торговлю с Ригой (№ 179). Установление подробностей его и биографии затрудняется тем, что он был не единственным носителем прозвища «Селява», образованного от названия рыбы: так, в 40–80-е гг. известен смоленский боярин Селява (LM. Kn. 3. P. 35; Kn. 4. № 1.6. P. 34; *Полехов.* 2014б. С. 167–168). К 1497 г. полоцкого боярина Андрея Селявы уже не было в живых (см. жалобу его вдовы: № 342). Его сын Иван Андреевич был жив и в 1533 г. [БА. Т. 2. № 185. С. 136 (30 июня 1533 г.)].

Послание № 203 открывает ряд грамот, написанных полоцким городским дьяком Борисом Толандиничем. Они идентифицируются благодаря продажному листу мохонковлян 1487 г. (№ 266), в котором указано имя писца. Почерк этого документа очень своеобразен — это скоропись, для которой характерны, в частности, написание букв с наклоном вправо, обильное использование точек между словами, частое употребление буквы «ѣ». Тем же почерком написаны 19 посланий властям Риги, составленных от имени полоцких бояр и мещан (№ 203, 206, 207, 208, 211, 212, 216, 224, 225, 237, 241, 248, 253, 254а, 259), Зеновия Васильевича Корсака (№ 232, 233, 236) и его слуги Якуша (№ 234), а также список рижского экземпляра договора с Полоцком 1407 г., выполненный в 1483 г. (№ 55.II; о датировке см. № 254а и комментарий к нему). Кроме того, два документа, написанные Борисом Толандиничем, сохранились в списках латинской графикой XVIII в., — это лист мохонковлян 1482 г. (№ 249) и продажный лист полоцкого мещанина Кунцы Евлашковича Фёдоровича (Козчича, или Кожчича) 1493 г. (№ 316).

В 1-м издании ПГ грамоты, написанные Борисом Толандиничем, ошибочно были приписаны другому полочанину — Артему Буцкову Тулубею, известному дипломату, торговцу и приобретателю земель. Впоследствии убежденность в том, будто он на протяжении многих лет (1466–1487) выполнял обязанности городского писца, закрепилась в историографии (*Rohdewald.* 2005. S. 152; *Груша.* 2011а. С. 51; *Філіповіч.* 2014. С. 118, 120). Однако городским писцом он назван лишь в нескольких документах, связанных с его поездкой в Ригу и Кокенгузен в 1466 г. (см. № 178, 179 и комментарии к ним). Поскольку Тулубей действовал вплоть до 90-х годов XV в. (см. № 272), следует полагать, что эта должность стала одной из первых ступенек в его карьере, тогда как Борис Толандинич занимал должность городского дьяка (так он назван в № 249 и 266) на протяжении многих лет (известные документы охватывают период примерно с 1473 по 1493 гг.), обслуживая не только полоцкие власти (ве-

че?), но и отдельных полочан, среди которых был и такой состоятельный и влиятельный боярин, как З. В. Корсак.

А. Л. Х., С. В. П.

204

[Около 1474 г. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войту и совету г. Рига с просьбой содействовать в возвращении полоцких товаров, захваченных комтуром Дюнабурга

По формуле адреса относится к 70-м гг. XV в. Относим № 204 ко времени около 1474 г., когда в должности комтура Дюнабурга в последний раз упоминается Гульберт Ляппе фон Кёнинген, что, впрочем, несколько условно, поскольку фраза об «отнятии» Дюнабурга у комтура могла иметь в виду и его предшественника — Эберхарда Ляппе фон дер Рура, упоминаемого на этой должности в 1471 г. Следующий комтур Дюнабурга известен по имени лишь в 1481 г. [*Militzer.* 2002. S. 111; ср.: *Arbusow.* 1899/1901. S. 48]. Весной 1473 г. Олехна Судимонтовича не было в Полоцке. 10 апреля он находился в Городне при короле (РИБ. Т. 27. № IV, XX. Стб. 15, 84; LM. Kn. 3. P. 24, 52).

Невгиня — «руское» название Дюнабурга.

С. В. П.

205
Упоминание

[1474 г. января 1 — сентября 1]. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича пол. боярам, мещанам и «всему поспольству» с просьбой отправить полоцкого кормника Ивана Снюкова в г. Ригу для содействия ему в правосудии между ним и [не названным по имени] рижанином

Нижняя хронологическая граница условна, верхняя определяется датой упоминания № 205 в № 206 (см. комментарий к нему).

С. В. П.

206

[1474 г.] сентября 2. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистру, войтам, совету и «всем мещанам» г. Риги с просьбой содействовать в правосудии полоцкому кормнику Ивану Снюкову по делу между ним и [не названным по имени] рижанином

Почерк городского дьяка Бориса Толандинича, водяной знак, употребление зеленого воска для оттиска городской печати (ср.: *Хорошкевич.* 1972. С. 140–141) и даже упоминание индикта, характерное для грамот середины 70-х гг., а также формулы начального протокола — всё это указывает на середину 70-х гг. XV в. как время написания грамоты. 8-й индикт приходился на 1 сентября 1474 г. — 31 августа 1475 г., поэтому грамота датируется 2 сентября 1474 г. (в 1-м издании ПГ ошибочно отнесена к 1475 г.). Эту датировку подтверждает целая серия записей в рижской расходной книге по делу русина, которому отрезали ухо, за май 1474 г. В частности, был вознагражден труд Ганса фан Рекена, написавшего об этом «рускую грамоту» полочанам (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 332).

Как следует из содержания письма, в момент его написания Олехна Судимонтовича не было в Полоцке. 30 июня и 22 ноября 1474 г. он находился в Литве вместе с другими литовскими панами (*Korczak.* 2008a. Dod. № 9. S. 174–175; CESXV. T. 3. № 188. P. 212). Интересно

упоминание о письменной форме сношений Олехна Судмонтовича с полочанами во время таких отлучек (№ 205).

А. Л. Х., С. В. П.

207

[Около 1475 г. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, совету и «всем мещанам» г. Риги с заверением в безопасном проезде рижских послов по территории Полоцкой земли

Упоминание Олехна Судимонтовича (правда, отсутствовавшего в Полоцке в момент написания грамоты) и почерк Бориса Толандинича дают очень широкие границы для ее датировки: ок. 1463 г. — ок. 1476 г. Их несколько сужает начальный протокол, отдельные формулы которого указывают на середину 70-х гг. XV в., и дословное совпадение некоторых выражений грамоты с оборотами других грамот середины 70-х гг. XV в. (например, № 208). Салютация грамоты двучленная: наряду с обычным «поклоном» городских посланий в № 207 и «поздровлѣнье», заимствованное из арсенала воеводских писцов. На первую половину — середину 70-х гг. указывает и употребление печати из зеленого воска (ср.: *Хорошкевич.* 1972. С. 140–141).

А. Л. Х., С. В. П.

208

[1475 г.] марта 2. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» войту, бурмистрам, совету и «всем мещанам» г. Риги с предложением возобновить торговлю между полочанами и рижанами и отправить посольство к кор. польск. и вел. кн. лит. [Казимиру] для урегулирования конфликта, имевшего место в 1466 г.

Датируется по индикту, указанию месяца и числа и итинерарию Казимира, а также употребляемой терминологии. 2 марта 14-го индикта в период правления Казимира в Польше приходилось на 1460, 1475 и 1490 гг. Из них исключен 1460 г., поскольку в марте этого года Казимир находился в Польше. В марте 1490 г. он пребывал в Литве, но поскольку термин «поспольство» к 90-м гг. уже вышел из употребления, грамоту остается отнести ко 2 марта 1475 г., когда Казимир, действительно, был в Литве (пребывание в Берестье фиксируется уже 28 января 1475 г.: *Сулковска-Курасёва.* 1989. С. 291, 311, 328; *Rutkowska.* 2014. S. 175, 262, 351–352). На середину 70-х гг. также указывает употребление печати из зеленого воска (ср.: *Хорошкевич.* 1972. С. 140–141). В таком случае становится понятным, что упоминаемые затянувшиеся «щькоды», для разрешения которых приходилось неоднократно обращаться к господарю, — это торговый конфликт 1466–1478 гг.

«…и какъ ѡсп(о)*д*(а)рь король его м(и)л(о)*с*ть бы*л* оу своеи ѡччинѣ оу Литовъско*м* кнѧжьствѣ пѣре*д* си*м*, и вы налиса стати перѣ*д* ѡсп(о)*д*(а)ремъ королѣмъ его м(и)л(о)*с*тью и ѡ ты*х* щькода*х* конѣць с нами оучинити, и ва*ш*(а) м(и)л(о)*с*ть тогды нѣ стали» — Предыдущее пребывание Казимира в ВКЛ фиксируется в январе — апреле 1473 г. (*Сулковска-Курасёва.* 1989. С. 307; *Rutkowska.* 2014. S. 246–248). Рижская расходная книга сохранила известие о визите в Ригу королевского посла по полоцким делам после Пасхи (18 апреля) 1473 г. (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 328). Очевидно, это посольство было ответом на упомянутую здесь миссию рижан к Казимиру.

«Што пишетѣ ва*ш*(а) м(и)л(о)*с*ть к на*м* о свое*м* здоровьи, што да*л* Б(о)*г*ъ оу ваш*о*м мѣсте здорово, и мы то*м*у ра*ди*, вашѣмоу здоровъю…» — об этой эпидемии, охватившей, по всей

видимости, не только Ригу, ливонский магистр писал великому магистру 2 октября и 17 декабря 1474 г., 12 февраля 1475 г. [GStAPK, OBA 16510, 16513, 16532; LECUB. Bd. 13 (в печати)].

А. Л. Х., С. В. П.

209

[1475 г.] марта 27. Вильня. — Лист [кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира] пол. нам. Олехну Судимонтовичу об освобождении пол. бояр, мещан и «всего поспольства» г. Полоцка от городничего

Датировка листа Казимира об исполнении городового дела в Полоцке очень важна: ряд исследователей именно ее считал первым указанием о полоцком наместничестве Олехны Судимонтовича, не говоря уже о том, что она проливает свет на организацию власти в Полоцке. В 1459–1476 гг., когда Михайло Кезгайлович был виленским воеводой, 8-й индикт приходится на 1 сентября 1459 г. — 31 августа 1460 г. и 1 сентября 1474 г. — 31 августа 1475 г. Первый публикатор грамоты прот. И. И. Григорович датировал ее 1460 г. (АЗР. Т. 1. № 64. С. 79). В начале XX в. И. И. Лаппо отнес грамоту об отмене должности городничего в Полоцке к 1475 г. (РИБ. Т. 27. Стб. 28–29).

Решающее значение для датировки грамоты имеют топологические сведения. В 20-х числах марта 1460 г. Казимир находился в «руских» землях Польского королевства — Перемышле и Львове, а конец января — апрель 1475 г. провел в Литве (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 291; *Rutkowska*. 2014. S. 175, 262–263). 22 апреля того же 8 индикта в Троках была написана другая грамота, посвященная Полоцкой земле (№ 210). На 1475 г. дополнительно указывает и термин «поспольство» применительно к населению Полоцка (ср. № 217, 218).

А. Л. Х.

210

1475 г. апреля 22. Троки. — Лист [кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира] пол. наместнику Олехне Судимонтовичу о пожаловании [пол. боярину] Остафию Корсаковичу человека Мякала на оз. Язно Полоцкого пов.

Датируется по указанию индикта и итинерарию Казимира (подробнее см. комментарий к № 209). 24 апреля 1490 г. Казимир был в Лосичах южнее Дорогичина, у самой границы ВКЛ с Польшей (LM. Kn. 4. № 22. P. 77–78; *Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 329 — здесь в переводе с польского ошибочно передано как «Лошице»; *Rutkowska*. 2014. S. 352).

Об Остафии Корсаковиче см. комментарии к № 143, 179, 194.

С. Язно находится в северной части Полоцкой земли. Это село очень скоро выбыло из владений Остафьевичей. В конце XV в. оно перешло в руки одного из их бывших вассалов — Мартина Проселка (о нём см. № 224, 272, 346, 366, 428), а затем его сына Фёдора. К 1552 г. в «дворце» на Язне жило шестеро вольных людей, обязанных «служить толоки» и отдавать четвертую часть урожая, и 4 огородника, «которые только толоки служить». Все они платили бобровщины 12 грошей широких и в счет сторожовщины давали корец ячменя (ПР 1552 г. С. 150).

Богдан Сопежич, сын Семёна Сопеги (см. комментарий к № 78) — писарь канцелярии ВКЛ. Первое упоминание Богдана Сопежича в качестве королевского писаря приходится на 2 февраля 1471 г. (РИБ. Т. 27. Стб. 25; LM. Kn. 3. P. 28). Он оставался писарем до марта 1488 г. (*Груша*. 2006б. С. 144. № 22), был наместником мценским и любуцким, а в 1508 г.,

кроме того, наместником высокодворским, в начале 90-х годов — окольничим смоленским (РИБ. Т. 27. Стб. 131, 208, 862; LM. Kn. 6. № 216. P. 154; Kn. 8. № 427. P. 318–319). Таким образом, упоминание о Богдане Сопежиче ведет к 70-м годам XV в.

А. Л. Х., С. В. П.

211

[1476 г.] февраля 23. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистру, войту, совету и «всем мещанам» г. Риги с просьбой вернуть медь, выданную покойному Ганусу Смолбеху для изготовления колокола для ц. Св. Софии в г. Полоцке, а также деньги и хлеб, переданные ему в качестве вознаграждения за труд, и найти нового колокольного мастера

Послание написано по делу рижанина Ганса Смолбеха (Смольбеха, Смальбеке), обязавшегося найти мастера для отливки колокола для церкви Св. Софии. Этому же вопросу посвящены послания полоцкого и витебского архиепископа Симеона III (№ 213) и воеводы («державцы») Олехна Судимонтовича (№ 214). Грамота датируется по указанию 9-го индикта и формулам начального протокола.

Практика отливки колоколов в немецких городах Пруссии и Ливонии по заказам из ВКЛ и русских земель, очевидно, была широко распространена в XV–XVI вв. Так, в 1454 г. бельский (на Подляшье) староста Ивашко Довойнович жаловался городскому совету Данцига, прославленного центра колокольного литья, на тамошнего бюргера Петра Зольтовица, который получил аванс за отливку колокола и не выполнил взятых на себя обязательств. Одновременно супруга Ивашка Довойновича Анна написала эмоциональное письмо жене Зольтовица (*Możejko.* 1999. S. 213). В 1521 г. каштелян трокский и староста жомойтский Станислав Янович (сын Яна Кезгайловича) собирался заказать в том же Данциге отливку колокола, но она не состоялась из-за смерти мастера (APGd, 300D/8, 194. Составители благодарят С. Шибковского за предоставление копии послания Станислава Яновича данцигскому городскому совету от 30 июля 1521 г.). Новгородский архиепископ Евфимий II (1429–1458) посылал в Ригу своего слугу Петра (возможно, в середине 50-х гг. XV в.) с целью нанять колокольного мастера (ГВНП. № 65. С. 108; *Янин.* 1991. С. 116–117). В 1488 г. уже упоминавшийся рижский бургомистр Иоганн Шёнинг (см. о нём комментарий к № 226) продал полоцкому наместнику, которым в то время был Ян Юрьевич Заберезинский, три колокола в обмен на партию воска (*Brück.* 2004. S. 145, 153).

Благодаря серии посланий по делу Ганса Смолбеха выясняется, что на один рубль (100 грошей) в Полоцке можно было купить 32,5 лукна ржи.

А. Л. Х., С. В. П.

212

[1476 г.] февраля 23. Полоцк. — Послание пол. мещан и «всего поспольства» бурмистру, войту, совету и «всем мещанам» г. Риги с сообщением о возобновлении торговли между рижанами и полочанами

К. Э. Напьерский и Г. Гильдебранд датировали эту грамоту 1476 г. по указанию индикта.

Любопытно, что в один и тот же день 23 февраля бояре и мещане отправили в Ригу две грамоты разного содержания, с отличными друг от друга и от предшествующих городских грамот протоколами. В № 211 за символической инвокацией в виде креста помещены стан-

дартные для середины 70-х гг. инскрипция, интитуляция и снова салютация (в первый раз — «на*ш*(а) вѣликая приязнь», во второй — «поклонъ и приязнь по всѧ часы»). В № 212 салютация вообще отсутствует, вслед за инвокацией помещена инскрипция (где к обычным формулам добавлено «вашѣи м(и)л(о)*с*ти») и, наконец, стандартная интитуляция. Чем объясняется такой разнобой в грамотах, написанных одним и тем же городским дьяком Борисом Толандиничем, неясно. В других случаях Борис Толандинич активно использует привычные формулы:

№ 212	№ 207
…то*г*(о) хотимъ, штобы и*х* м(и)л(о)*с*ть к намъ ехали здорови, а и същастьни… А ва*ш*(а) м(и)л(о)*с*тъ живѣ*т*(е) добри зъдрви и същастьни.	И ваша м(и)л(о)*с*ть едьтѣ до на*с* здорови и съчастни…
…а нашихъ людѣи полочанъ такѣ*ж* къ собѣ поускаитѣ доброволно приехати и ѡ*т*(ъ)ехати.	…штобы вашѣи м(и)л(о)*с*ти доброволно приехати до на*с* и ѡ*т*(ъ)ехати волно.

Возможно, такое совпадение может свидетельствовать о том, что грамота № 207 была написана почти одновременно с грамотой № 212, в отсутствие Олехна Судимонтовича, прибывшего в Полоцк к февралю 1476 г.

«Ра*ди* слыши*м* вашѣе м(и)л(о)*с*ти з*д*оровъе…» — Эти слова и последующее согласие пропустить рижских купцов в Полоцк связаны с прекращением эпидемии в Ливонии, о которой ливонский магистр писал великому магистру 20 ноября 1475 г. [GStAPK, OBA 16583; LECUB. Bd. 13 (в печати)]. Она вспыхнула вскоре после прекращения предыдущей эпидемии (см. № 208 и комментарий к нему).

А. Л. Х., С. В. П.

213

[1476 г.] февраля 24. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол., витеб. и риж. Симеона III бурмистру Ганусу Пилиповичу [Иоганну Зольтрумпу], войту и совету г. Риги с просьбой найти колокольного мастера и отлить колокол для собора Св. Софии собора в г. Полоцке к весне того же года, за средства, присланные ранее

О ситуации, в связи с которой было написано данное послание, см. № 211, 214 и комментарии к ним. О посланиях архиепископа Симеона III см. комментарий к № 191. Водяной знак грамоты № 213 чрезвычайно близок к водяному знаку точно датированной грамоты № 212.

Обращает на себя внимание титул владыки Симеона, в котором к определениям «полоцкий» и «витебский» добавилось еще и «рижский». Это справедливо связывается с тем, что в Риге находилась православная церковь Св. Николая, священников которой назначали полоцкие владыки (*Варонін.* 2009б. С. 61), однако почему такая новация имела место в 1476 г. и почему от нее пришлось отказаться — неясно.

«А по первои водѣ пошле*м* по зво*н* наше*г*(о) старше*г*(о) кого». — Согласно данным наблюдений конца XIX в., Двина обычно вскрывалась в последние дни марта старого стиля, при этом наиболее раннее вскрытие было зафиксировано 6 марта, а наиболее позднее — 15 апреля (*Сапунов.* 1893. С. 206–207). Интересно и отразившееся здесь представление об общественной иерархии.

С. В. П.

214

[1476 г.] февраля 24. Полоцк. — Послание пол. державцы Олехна Судимонтовича бурмистру, войтам и совету г. Риги с просьбой вернуть средства, выданные на изготовление колокола [для ц. Св. Софии в г. Полоцке], и передать их уполномоченному на это полоцкому мещанину, который прибудет в г. Ригу

Датируется по содержанию (см. № 211, 213).

Это последняя грамота, отправленная из Полоцка Олехном Судимонтовичем. Здесь он, в отличие от большинства своих грамот, именуется редким словом «державца». В начале 1477 г. он был назначен виленским воеводой и канцлером вместо Михайла Кезгайловича, умершего между 29 февраля и 19 марта 1476 г. Такая задержка в назначении на высшую светскую должность объясняется тем, что Казимир приехал в ВКЛ из Польши лишь к концу 1476 г. (*Petrauskas.* 2003. P. 251; GStAPK, OBA 16652; *Сулковска-Курасёва.* 1989. С. 313; *Rutkowska*. 2014. S. 275).

В отличие от полочан и владыки, Олехно Судимонтович в своем послании указывает весьма приблизительный объем расходов на изготовление колокола: три берковеска и пять пудков меди (вместо трех берковесков и пяти с половиной пудов), 40 коп, т. е. 2400 грошей наличными деньгами и рожью (вместо 30 рублей — 3000 грошей).

А. Л. Х., С. В. П.

215

[1476–1481 гг.] апреля 29. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. и витеб. Симеона III бурмистрам и совету г. Риги с просьбой о покровительстве над священником ц. Св. Николая в г. Риге Иваном

Судя по титулатуре Симеона, усложнившейся даже сравнительно с его титулатурой 1476 г. (№ 214), грамота была написана после 1476 г., однако до избрания Симеона киевским митрополитом, т. е. до 1481 г. См. подробнее комментарий к № 191.

А. Л. Х.

216

[1476 г.] июля 22. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистру, войту и совету г. Риги с требованием приводить к присяге риж. новоназначенных весчих перед полочанами и соблюдать условия торговли солью

Грамота о нарушении правил торговли солью датируется по указанию 9-го индикта и водяному знаку. В отличие от Г. Гильдебранда, Ф. Шварц и А. фон Бульмеринк ошибочно отнесли эту грамоту к 1461 г. на основании того, что в ней упоминается посольство Евлашка и Сенька Фёдоровичей Кожчичей, Мокея Колчижинича в 1458 г. в Ригу (LECUB. Bd. 12. № 94. S. 46). О том, что после этого посольства прошло немало времени, свидетельствует примечательная перестановка имен. В грамоте № 216 участники посольства названы так: «Сенко Федорови*ч* Кожчичь а бра*т* его Евлашко Федорови*ч* и МокЂи Колчижини*ч*». В грамотах, современных посольству, первые два участника посольства перечисляются в обратном порядке (см. № 146–148). По-видимому, в середине 70-х гг. политическая карьера Евлашка Фёдоровича, игравшего первую роль в Полоцке 50-х гг., уже завершалась. Правда,

вплоть до 1478 г. он продолжал еще активно участвовать в политической жизни города, а в 1478 г. ездил в составе полоцкого посольства в Ригу и 22 июля участвовал в заключении нового договора (№ 225, 226). Таким образом, текст грамоты имеет признаки написания в 70-е гг. XV в.

А. Л. Х.

217

[Около 1477 г. января 1 –1481 г. октября 31. Полоцк]. —
Послание нам. пол. [наместника] Богдана [Андреевича Саковича]
Ивашка Данильевича, пол. бояр, мещан и «всего поспольства»
бурмистру, совету и «всему поспольству» г. Риги с требованием
наказать рижанина Адама, торговавшего, вопреки запрету,
в г. Полоцке с купцами из г. Пскова и утаившего весчее

Это первая грамота, посвященная делу немца Адама, утаившего в Полоцке весчее. Оно подвергалось новому разбирательству в ноябре 1480 г. Таким образом, грамота могла быть написана в промежутке между 1477 и 1480 гг., скорее всего в 1479 г. Нижней хронологической границей служит 1 января 1477 г. — условная дата, около которой Казимир, приехавший в ВКЛ из Польши, мог назначить Олехна Судимонтовича виленским воеводой, а Богдана Андреевича Саковича — полоцким наместником. Верхняя хронологическая граница определяется датой написания послания по тому же делу от имени Богдана Андреевича — 1 ноября 1480 или 1481 г. (№ 238).

Грамоты № 219, 222, 238, 239, 240, 255 связаны с деятельностью Богдана Андреевича Саковича в качестве полоцкого наместника. В последний раз он назван полоцким наместником 12 августа 1484 г. (№ 255). Во время своего наместничества в Полоцке Богдан Андреевич подолгу не бывал там. 18 июня 1482 г. он находился в Вильне, 15 августа того же года — в Троках, 17 апреля и 12 мая 1483 г. соответственно в Троках и Вильне, 12 и 25 августа и 10 сентября 1484 г. — в Троках (РИБ. Т. 27. Стб. 282, 386, 373–374, 389, 390, 395, 397).

По-видимому, в связи с делом немца Адама псковичи в 1480 г. жаловались Казимиру на то, «што по твое*и* де*р*жаве, по городомъ, воеводы и мещане нашимъ псковичомъ купцомъ с немъцы то*р*говати не дадуть». В ответ на это великий князь литовский обещал узнать, «какъ будеть здавна бывало», и сообщить об этом в Псков (РИБ. Т. 27. Стб. 342–345; LM. Kn. 4. № 35, 36. P. 96–97). Грамота представляет большой интерес, как единственное полоцкое свидетельство о фактической торговле псковичей в Полоцке.

Судя по характеру исправлений, первоначально в грамоте речь шла о правонарушении двух немцев — Адама и еще кого-то, и лишь после того, как послание было написано, имя его соучастника было вычеркнуто, а множественное число всюду исправлено на единственное. Это определенным образом свидетельствует о том, как составлялись такие послания.

В инскрипции и интитуляции грамоты, написанной от имени наместника Богдана Андреевича — Ивана Данильевича и полочан, упомянуто «все поспольство» и Риги, и Полоцка. В соответствии с полоцкой традицией в салютации не только «приязнь», но и «поклон». Возможно, такие грамоты — результат совместного творчества наместничьих и полоцких писцов.

Ивашко Данильевич, наместник Богдана Андреевича в Полоцке, упоминается также в № 219.

А. Л. Х., С. В. П.

218

[Около 1477 г. января 1 — 1484 г. октября 9. Полоцк]. — Послание нам. [пол. наместника] Богдана Андреевича [Саковича] [Ивашка Данильевича], пол. бояр, мещан и всего поспольства г. Полоцка совету г. Риги с требованием осуществить правосудие в отношении полочанина Санка Марковича по делу между ним и рижанином Радивоном Ламарем

Грамота датируется временем наместничества в Полоцке Богдана Андреевича. Написана от имени его наместника, не названного по имени.

Радивон Ламарь (Ляморт) — Ламберт Хюльшер, упоминается как член городского совета Риги в 1470–1480 гг. (в т. ч. ряд лет занимал должность фогта), бургомистр в 1481 г. (*Böthführ*. 1877. P. 109. № 366).

А. Л. Х., С. В. П.

219

[Около 1477 г. января 1 — 1484 г. октября 9. Полоцк]. — Послание нам. [пол. наместника] Богдана [Андреевича Саковича] Ивашка Данильевича бурмистрам, совету и «всему поспольству» г. Риги с требованием содействовать в правосудии полочанину Фоме по делу между ним и [рижанином] Ганусом Шепелем

Датируется временем наместничества в Полоцке Богдана Андреевича. В инскрипции грамоты Ивана Данильевича упомянуто «поспольство». В салютации вновь появилось «чоломбитье», давно исчезнувшее как из наместничьих, так и из городских посланий.

Ганус Шепель — Иоганн Шепер, с 1493 г. рижский ратман, умер в 1497 г. (*Böthführ*. 1877. S. 115, 117).

Судя по этой грамоте, полочане и рижане вели кредитную меновую торговлю, лишь в исключительных случаях оплачивая товар деньгами. Так и поступил полочанин Фома по отношению к своему рижскому контрагенту: не имея золы, он вынужден был расплачиваться деньгами.

А. Л. Х.

220

Упоминание

[Около 1477 г. января 1 — 1492 г. июня 7]. — Лист [кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира] о подтверждении купли пол. боярина Сеньки Григорьевича у путных слуг Максима Осиповича, Еремия Якимовича и др. земель на р. Усвае

Поскольку «призволенье» на купли Сенька Григорьевича давали полоцкие воеводы Олехно Судимонтович и Богдан Андреевич, а лист Казимира о подтверждении этих купель упоминается лишь один, то выдан он был не раньше начала воеводства Богдана Андреевича. Верхней хронологической границей служит дата смерти Казимира.

О полоцком боярине Сеньке Григорьевиче см. комментарий к № 145.

С. В. П.

221

Упоминание

[Около 1477 г. января 1 — 1484 г. октября 9]. —
Приговор суда пол. наместника Богдана Андреевича боярам
Оскерчичам и Теличиничам по делу о землях на р. Ушаче и оз. Солонце

Датируется временем наместничества в Полоцке Богдана Андреевича.

Теличиничи — полоцкие мещане, один из немногих мещанских родов Полоцка, представителям которого удалось сохранить свое положение мещан вплоть до середины XVI в. Отдельным представителям рода удалось выбиться в бояре. В переписи войска 1528 г. по реестру Полоцкой земли значился мещанин Левон Теличинич (РИБ. Т. 33. Стб. 196; МВКЛ. Кн. 523. С. 156; LM. Kn. 523. P. 141). По ревизии 1552 г. род предстает более многочисленным: Матвей, Василий, Зиновий Матвеевичи, Максим Артемович, Григорий Иванович и Степан Янкович Теличиничи владели «имениями» и «дворами с пашнею» на Ушачи (по 3–7 дымов). У Матвея был один человек, у его сына Василия — 2, наконец, Занько Матвеевич «сам пашеть» (ПР 1552 г. С. 38–39).

Оскерчичи — полоцкие мещане, ближайшие соседи Теличиничей на Ушачи. Части этих мещан также удалось сохранить свои земли. «Именье отчызное на Вшачы дворец с пашънею» имели Фёдор Степанович, Грышко, Андрей и Тишко. Размеры их земель также были невелики — соответственно 2 человека, 3 дыма, 4 дыма, 1 человек (ПР 1552 г. С. 39–40). См. также № 121 и комментарий к нему.

А. Л. Х.

222

[1477 г. марта 24]. Городно. — Послание кор. польск.
и вел. кн. лит. Казимира совету г. Риги о возобновлении
переговоров между рижанами и полочанами

Послание написано между началом 1477 г., когда Казимир Ягеллон по приезде в Литву назначил полоцкого воеводу Олехна Судимонтовича виленским воеводой вместо умершего Михайла Кезгайловича (*Petrauskas.* 2003. P. 251, 297–298, 320, 324; GStAPK, OBA 16652), и 22 июля 1478 г., когда Полоцк и Рига окончательно урегулировали торговый конфликт (№ 226). Судя по всему, в начале 1477 г. рижане еще не знали, что Олехно Судимонтович стал виленским воеводой, и поэтому обращались к нему, согласно обычной практике, еще как к полоцкому воеводе. Это предположение подтверждает итинерарий Казимира Ягеллона. Его пребывание в Вильне фиксируется 28 января, в Троках 12–17 и 20 февраля, 5 марта, в Люблине 2–9 апреля (*Сулковска-Курасёва.* 1989. С. 313; *Rutkowska*. 2014. S. 275; *Барбаро, Контарини.* 1971. § 36–38. С. 206–207, 232–234; LM. Kn. 1. № 689. P. 136), так что на Благовещение 24 марта 1477 г. по пути из Литвы в Польшу он находился в Городне. Между тем в 1478 г. король находился в Польше до 16 марта, когда был в Радоме; 30 марта и 20 апреля он был в Берестье, а уже 25 апреля — в Люблине (*Сулковска-Курасёва.* 1989. С. 314; *Rutkowska*. 2014. S. 281–282; Архив ЮЗР. Ч. 4. Т. 1. № 2), стало быть, его визит в Городно 24 марта 1478 г. исключен. Составители благодарят П. Венцовского (Варшава) за предоставленные сведения об итинерарии Казимира Ягеллона.

Таким образом, лишь в 1477 г., когда рижане вернулись к обсуждению последствий конфликтной ситуации 1466 г., Казимир распорядился вернуть в Полоцк отданные им товары, конфискованные 11 годами ранее.

«Почтенные Ганс Зольтрумп и Герман Зундерн поручились перед нами, и в вашей грамоте говорится, что если не свершится правосудие или дружеское решение, то вашей мудрой

милости надлежит те же самые товары или столько же [товаров] снова положить в городе» — Имеется в виду грамота Ганса Зольтрумпа и Германа фон Зундерна от 9 марта 1471 г. (LECUB. Bd. 12. № 788) и ее подтверждение рижским городским советом от 30 марта 1471 г. (LECUB. Bd. 12. № 795; см. также комментарий к № 198).

Иоанн (Ян) Лосович — католический епископ луцкий в 1463–1468 гг., епископ виленский в 1468–1481 гг. Происходил из семьи виленских мещан. В 70-е гг. XV в. как член рады ВКЛ активно участвовал в контактах с Тевтонским орденом. Умер между 6 февраля и 27 августа 1481 г. (*Kłoczowski*. 1973. S. 427–428; *Ališauskas etc*. 2009. № 688. P. 123–124).

С. В. П.

223

[1477–1484 гг.] мая 5. Полоцк. — Верительная грамота пол. наместника Богдана Андреевича [Саковича] пол. боярину Сенку Яцковичу [Епимаху] для ведения переговоров с бурмистрами и советом г. Риги

Датируется временем наместничества в Полоцке Богдана Андреевича Саковича.

Грамота № 223 имеет некоторые особенности формуляра. Крест в верительной не только заменяет инвокацию, он еще и завершает грамоту. После указания места и времени снова стоит крест, на этот раз, по-видимому, выполняющий функцию подписи Богдана Андреевича. Ни в каких других полоцких грамотах в этом качестве он не употребляется.

Инскрипция грамот Богдана Андреевича существенно отличается от инскрипций грамот его предшественника. Послания Богдана Андреевича адресованы лишь «бурмистрам» и «ратманам» (последние заменили «рядцев»), исключено упоминание «войтов», «мещан» (№ 238 и др.), сокращены все прилагательные перед «приятелями и суседами». Это же отчасти касается и грамот его наместников, в частности Ивашка Данильевича (№ 217, 219). Отсюда можно заключить, что переписка Богдана Андреевича в Полоцке согласно обычной практике велась силами его личных писцов, которым его грамоты и обязаны этими изменениями формуляра (*Petrauskas*. 2003. P. 148; см. также № 143, 197 и комментарии к ним).

О Сеньке Яцковиче Епимахе см. комментарий к № 154.

А. Л. Х., С. В. П.

224

[Около 1478 г. — около 1487 г.] ноября 24. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, совету и «всем купцам» г. Риги с требованием вернуть товары полочанину Мартинцу, ограбленному в г. Риге

Послание написано городским дьяком Борисом Толандиничем, которому принадлежат полоцкие послания Риге 70–80-х годов XV в. (см. комментарий к № 203). Сузить датировку позволяет салютация: «покло*н* приятѣльскии со вси*м* добры*м*», характерная для посланий, написанных Борисом Толандиничем начиная с конца 70-х гг. XV в. (№ 225, 235, 241).

Мартинец, полочанин, названный в № 224 «господарским человеком», — возможно, тот же самый Мартынец, который в конце 80-х гг. претендовал на землю, завещанную ему и его брату Проселку Остафием Васильевичем (см. № 210, 272, 346, 366, 428).

Под «вечными записами» подразумевается полоцко-рижский договор 1407 г. (№ 55).

А. Л. Х., С. В. П.

225

[1478 г.] июля 4. Полоцк. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всего поспольства» [пол.] боярину Сеньку Радьковичу, мещанам Евлашку Фёдоровичу Кожчицу и Зенову Буцьку, направленным для переговоров с бурмистром, войтом, советом, «всеми мещанами» и «всем поспольством» г. Риги

Датируется 1478 г. по соглашению об урегулировании последствий конфликта (№ 226), выработкой которого в Риге занимались полоцкие послы.

Начальный протокол верительной сохранил все те элементы, которые были характерны для городских посланий начала 70-х гг.: изобилие прилагательных («почестливые», «милые»), «бурмистры» во множественном числе, «войты», «рядцы», «мещане», «поспольство» — в инскрипции, «поспольство» — в интитуляции, «поклон» (также с многочисленными определениями) — в салютации. Полоцкая канцелярия надолго сохранила все эти элементы оформления начального протокола посланий (см. № 235, 241, 242, 246, 248, 252, 253) — практически на всё время наместничества Богдана Андреевича.

О полоцких послах боярине Сеньке Радковиче, мещанах Евлашке Фёдоровиче Кожчиче и Зенове (Зеновии) Буцьке, отце Тулубея, см. комментарии к № 121, 132, 145, 172, 226.

А. Л. Х.

226

1478 г. июля 22. Полоцк, Рига. — Договор между городами Полоцком и Ригой об урегулировании конфликта 1466 г. и порядке дальнейшей торговли

Договор 22 июля 1478 г. урегулировал отношения Полоцка с Ригой и подтвердила правовые основания их торговли на Двине. Согласно договору 1478 г. полочане одержали победу. Полоцкие кормники получили возмещение за понесенные ими в 1466 г. убытки в размере 100 руб. Договор подробно излагает ход конфликта и попытки его ликвидации, условия урегулирования конфликта, объявляет о нерушимости Копысского договора 1406 г. (№ 54) и его подтверждений 1439 и 1447 гг. (№ 73, 120), при этом повторяет важнейшие их положения — о защите полочан в Риге и рижан в Полоцке наравне с жителями этих городов, о порядке решения их споров («знати исцю исца»). Тексты экземпляров сторон почти дословно совпадают, оба экземпляра снабжены одинаковыми пометами о совпадении текстов: полоцкий, хранившийся в Риге, — пометой на немецком языке, а копия рижского, полученного полочанами, — на «руском» языке. Эти тексты, очевидно, составлялись при участии обеих сторон, но ведущая в их составлении роль принадлежала полочанам: на это указывает «руский» язык соглашения, характерная для Полоцка социально-политическая терминология, в том числе применительно к Риге («все поспольство»), и «рутенизированные» формы имен рижан. Вероятно, дошедший до наших дней рижский экземпляр на одной из стадий подготовки соглашения служил черновиком договора, поскольку содержит дополнения, которых нет в сохранившемся полоцком оригинале: к «гневу» и «неизгодам» в описании событий 1466 г. добавлены «щкоды», перечислены имена литовских участников неудачного съезда на Индрице (впоследствии, впрочем, вычеркнутые). Хотя полоцкий экземпляр последовательно составлен от имени полочан, одна из его фраз ошибочно сформулирована от имени рижан: «А либо што будеть учинено промежи нами с обею сторонъ, и тыи товары полоцькыи за нами, за рижены, замешькали ѿт Вознесенья да Ильина дня».

Оригинал полоцкого экземпляра и копия рижского экземпляра переписаны, по всей видимости, одним и тем же писцом, которого выдает ряд особенностей языка и письма: «аканье», редкое (в отличие от Бориса Толандинича) использование буквы «ѣ», сокращений и выносных букв, использование запятой в качестве сигнального знака для отделения друг от друга смысловых частей текста.

Полоцкий экземпляр соглашения, сохранившийся в оригинале, был введен в научный оборот еще в начале XIX в. По сообщению П. И. Кеппена, копии начала и конца его были изготовлены для Н. П. Румянцева (*Кеппен*. 1822. С. 85–86). Впрочем, в его собрании сохранилась копия всей грамоты.

«…в лето после Б(о)жьего нароженіа тисеча летъ и четыриста и шездесятъ шостого году на ве*с*не ѡбо Възнесении Б(о)жии…» — праздник Вознесения Господня в 1466 г. приходился на 15 мая. Полоцко-рижский конфликт разгорелся несколько раньше этой даты. Полоцкие послы Сенько Григорьевич, Митько Трухонович, Евлашко Фёдорович Козчич пробыли на переговорах в Кокенгузене 17–19 июля 1466 г., а в Ригу прибыли 22 июля (см. № 180–182, 189 и комментарии к ним). Примерно этот же срок, Ильин день (20 июля), называет № 226. О выдаче рижских товаров см. № 198, 199.

«А такъже из Риги приехали ризькыи послы да Кукуноса: панъ Ганусъ Филиповичь, буръмистръ, панъ Ганусъ Боръхъ, панъ Гаръмонъ Жунъдерь» — От лица властей Риги переговоры с полочанами в Кокенгузене в 1466 г., помимо Иоганна Зольтрумпа и Германа фон Зундерна (см. о них комментарии к № 112 и 143), вел Иоганн фон дер Борх, упоминаемый как ратман в 1464–1475 гг., причем в 1464–1466 гг. он был вторым (младшим) ландфогтом, в 1469 г. — фогтом, в 1468 г. упоминается как второй (младший) бургомистр наряду с Иоганном Зольтрумпом, а в 1474–1475 гг. — как бургомистр. В 1470 г. он ездил к Казимиру в Смоленск (*Böthführ*. 1877. № 302, 359. S. 98, 108).

«…своихъ пословъ послали да ѡсвеценого короля ѡсподаря нашего и его м(и)л(о)*с*ти да Смоленьска и потомъ к Вильни и къ Трокомъ…» — за время полоцко-рижского торгового конфликта 1466–1478 гг. Казимир Ягеллон был в Смоленске только в начале 1470 г. Оттуда он направился в Литву, куда после поездки в Польшу вернулся лишь в первые месяцы 1471 г. (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 303, 305; *Rutkowska*. 2014. S. 227, 231). По современным документам известен визит полочан к Казимиру в августе 1469 г., вероятно, в Городно, куда они приглашали рижан к 8 сентября (см. № 137). Странно, что никак не упомянут визит Казимира в Полоцк, где он пробыл неделю во второй половине января 1470 г. (ПЛ. Вып. 2. С. 169). Посольства полочан и рижан в Вильню и Троки состоялись в феврале — марте 1471 г. (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 305; *Rutkowska*. 2014. S. 232; см. также комментарий к № 198).

«…на великои страве…» — с большими тратами («страва» — еда, питание; плата за них: ГСБМ. Вып. 32. С. 446–447).

«Ино тогды рижене товары свои выслобонили и листъ свої записали полочаномъ, коли промежи насъ единанья не будеть, ино намъ рижене слюбили ѡпять тыи товары поставити в Полоцьку, какъ у листу записано. …И мы, полочане, тотъ листъ ихъ записъныи ѡ*т*дали и помертвили» — Грамота рижан 1471 г., содержавшая обязательство вернуть полочанам товары, задержанные в 1466 г. и выданные рижскому городскому слуге Альбрехту весной 1471 г. (см. № 198, 199), не сохранилась. Как следует из данного упоминания, эту грамоту полочане передали рижанам при окончательном урегулировании конфликта. Во внешнем архиве Рижского магистрата сохранились грамоты рижских послов и властей Риги с аналогичным обязательством, данные Казимиру 9 и 30 марта 1471 г., а после неудачи съезда на Индрице также возвращенные властям Риги и «помертвленные», т. е. аннулированные, — надрезанные тонкой линией по диагонали (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 3, 4; публ.: LECUB.

Bd. 12. № 788, 795). О процедуре аннулирования грамот в рижской правовой культуре позднего Средневековья см.: *Mahling*. 2015 (в печати). S. 128–131 (1.4. Vernichtung und Verluste).

«А после того былъ суемъ на Индрици и тътъ коньца не чинили» — съезд литовских и рижских представителей на Индрице состоялся 8 сентября 1471 г. (см. № 200–202).

«Ино н(ы)нечи послали полоцькыи бояре и мещане и все поспольство Полоцькое место свои послы полоцькыи и з верещимъ листомъ *ѡт* бояръ, на імя панъ Сенько Радькови*ч*, а *ѡт* мещанъ панъ Евлашько Федоровичь, панъ Зеновеи Боцько да вашее ратуши и *д*(о) всего Ризького места» — Верительную грамоту полоцким послам 1478 г. см. под № 225.

«И рижене выбърали *ѡт* своихъ ратъмоновъ три, а *ѡт* купъцовъ три, на имя панъ Конъдротъ Гостилови*ч*, панъ Радивонъ Ламорь, буръмистры, панъ Ганусъ Крысныи, ратъмонинъ, а *ѡт* купъцевъ панъ Володимеръ Меи, панъ Петръ Инъдрикови*ч*, панъ Ганусъ Герькови*ч*» — Из этого перечня рижских переговорщиков поддаются идентификации Радивон Ламорь — Ламберт Хюльшер, Ганус Красный — Иоганн Шёнинг, а также Володимер Мей — очевидно, Веннемар Мей, упоминаемый в 1457–1482 гг., и Пётр Индрикович — Петер Хинрикс, упоминаемый в 1468–1509 гг. и занимавший должность бургомистра в 80-е гг. Кондрата Гостиловича можно отождествить либо с Кордом Бартманном, либо с Кордом Фишем (*Böthführ*. 1877. № 352, 372, 388. S. 107, 110, 115; *Brück*. 2004. S. 150–151). Пожалуй, самым примечательным членом рижской делегации был Иоганн Шёнинг — выдающийся политический деятель последней трети XV в. (начал свою деятельность в начале 70-х годов, стал бургомистром в 1479 г., умер в декабре 1502 г.). Он неоднократно представлял Ригу на разных встречах, в том числе с властями Полоцка, с которым его связывали и коммерческие интересы (*Brück*. 2004. S. 145, 153). Как отметил исследователь его биографии Т. Брюк, все члены рижской делегации 1478 г. были тем или иным образом связаны друг с другом (*Brück*. 2004. S. 151–152).

«…князя Конъдрата *ѡт* Виньтикыѡфь, мешьтеря Лифляньское земли и Немецького закона…» — о ливонском магистре Тевтонского ордена Конраде фон Фитингхофе см. комментарий к № 54. Интересно, что в данном случае на «руский» дословно переведен предлог «von» («van» в средненижненемецкой версии) — «из», означающий происхождение из некоего родового владения. В данном случае им был дворец Фитингхоф (Vitinghof) в Вестфалии, ныне в г. Эссене (Ritterbrüder.1993. S. 669).

«…а такъ потвердилъ ты*х* записовъ князь великыи Жимонтъ, и н(ы)нечи ѡсподарь нашь ѡсвеценыи король такъже потвердилъ…» — имеются в виду договоры с Ригой великих князей литовских Сигизмунда Кейстутовича 1439 г. (№ 73) и Казимира 1447 г. (№ 120).

А. Л. Х., С. В. П.

227

Упоминание

[1479 г. января 1 — октября 1]. — Послание [пол. боярина] Зеновия Васильевича [Корсака] бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги с просьбой содействовать в правосудии его слуге Якушу по делу между ним и немцем Симоновичем

Первое послание Зеновия Васильевича Корсака по делу его слуги Якуша (см. № 232, 233, 234, 236) не сохранилось, но известно лишь по упоминаниям в последующих. Нижняя хронологическая граница условна, но, вероятно, № 227 был написан незадолго до № 232 и 233, учитывая интенсивность последующей переписки. Верхняя хронологическая граница — праздник Покрова Пресвятой Богородицы 1479 г., до которого городской совет Риги обязал немца Симоновича вернуть долг Якушу.

С. В. П.

228

Упоминание

[Около 1480–1484 гг.]. — Торговая запись полочанина Ивашка Терешковича рижанам Микуле и Юрию

Датировка условна: несомненно лишь то, что несохранившаяся запись № 228 предшествовала посланию № 239, вероятно, была составлена незадолго до его написания.

С. В. П.

229

Упоминание

[Около 1480 г. — около 1496 г.]. — Продажный лист Гришка Степановича Сущевича [пол. мещанину] Артёму Буцкову на земли в Полоцком пов.

Датируется периодом активной самостоятельной деятельности Артёма Буцкова Тулубея: ранее он покупал земли вместе со своим отцом Зеновием Буцком, который в последний раз упоминается как член полоцкой делегации, заключившей соглашение с Ригой в 1478 г. (№ 225, 226). Верхней хронологической границей служит последнее упоминание Тулубея (№ 331, ср. № 332). См. также комментарий к № 378.

С. В. П.

230

Упоминание

[Около 1480 г. — 1486 г. мая 31]. — Продажный лист полочанина Игната и его сыновей Фёдора, Офанаса и др. пол. боярину Зеновию [Васильевичу Корсаку] на земли на р. Уроде [в Полоцком пов.]

Датируется временем активной деятельности Зеновия Васильевича Корсака: наиболее ранние сохранившиеся его послания городскому совету Риги датируются 1480 г. (№ 232, 233, 236), а умер он, согласно граффито в полоцкой Спасо-Преображенской церкви, в мае 1486 г. (см. комментарий к № 232). Уже в 1499 г. действуют его сыновья (№ 359, 360). См. также комментарий к № 468.

С. В. П.

231

Упоминание

[Около 1480 г. — 1486 г. мая 31]. — Вкладная запись пол. боярина Зеновия [Васильевича Корсака] монастырям Пречистой Богоматери на Бельчице и Св. Бориса и Глеба в г. Полоцке на землю р. Уроде

О датировке см. комментарий к № 230. См. также комментарий к № 468.

232

[1480 г.] января 4. Полоцк. — Послание [пол. боярина] Зеновия Васильевича [Корсака] бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги с просьбой содействовать в правосудии его слуге Якушу по делу между ним и немцем Симоновичем

Судя по водяному знаку и 13-му индикту, послание написано в промежутке между 1 сентября 1479 г. и 31 августа 1480 г. В пользу даты 4 января 1480 г. говорит и формула адреса, в которой, как и в других посланиях второй половины 70-х гг., появляется специальный раздел о здоровье адресата и автора или отправителя грамоты (см. комментарий к № 194).

Зеновий Васильевич Корсак — полоцкий боярин, младший сын Василия Дмитриевича Корсака (см. о нём комментарии к № 40, 67), в конце 70-х гг. активно включился в торговлю с Ригой. Умер в мае 1486 г. (*Калечыц*. 2011. С. 119–120, 222, фото 60, рис. 180; см. также комментарий к № 194). Его слуга Якуш упоминается также в № 233, 236, 247, а № 234 написан от имени самого Якуша. Первое послание З. В. Корсака о долге рижанина Симона его слуге Якушу, положившее начало делу, не сохранилось (см. № 227).

Покров Пресвятой Богородицы — 1 октября, в данном случае 1479 г.

А. Л. Х., С. В. П.

233

[1480 г. января 4 — августа 31. Полоцк]. — Послание [пол. боярина] Зеновия Васильевича [Корсака] бурмистрам, совету и «всему поспольству» г. Риги с требованием содействовать в правосудии его слуге Якушу по делу между ним и немцем Симоновичем

Послание написано позднее грамоты № 232, о которой в нём говорится: «И я до вашѣ м(и)л(о)*с*ти зимꙋсь дрꙋгии свои листъ писа*л*». Указание «зимꙋсь», т.е. «этой зимой», позволяет ограничить верхнюю хронологическую рамку написания грамоты 31-м августа, поскольку 1 сентября начался уже следующий год. Должник Якуша рижанин Симонович должен был приехать в Полоцк к 1 октября 1479 г., но не выполнил своего обещания, в связи с чем и был написан № 232.

О Зеновии Васильевиче Корсаке и его слуге Якуше см. комментарий к № 232. Первое послание З. В. Корсака о конфликте Якуша с рижанином Симоном не сохранилось (№ 227), второе см. под № 232.

Должник Якуша рижанин Симон и его сын, названный лишь по отчеству, — Симонович — упоминаются в такой форме лишь в посланиях З. В. Корсака и идентификации не поддаются. Сумма долга, указанная в данном послании (115 грошей), совпадает с указанной в № 232, но выражена иначе: в № 232 — «15 грошей да рубль» (рубль содержал 100 грошей), в № 233 — «две копы грошей без пяти грошей» (копа содержала 60 грошей).

А. Л. Х., С. В. П.

234

[1480 г.] февраля 22. Полоцк. — Послание слуги [пол.] боярина Зеновия Васильевича [Корсака] Якуша бурмистру г. Риги Ляморту [Ламберту Хюльшеру] и Ганусу Красному [Иоганну Шёнингу] с заверением в готовности довести судебное дело между ним и рижанином немцем Симоновичем до конца

Грамота написана по тому же делу Якуша с Симоновичем, о котором вел переписку Зеновий Васильевич Корсак (№ 227, 232, 233). Датируется по 13-му индикту. В 1-м издании ПГ

из-за неверного прочтения индикта грамота была ошибочно датирована 1482 г., хотя правильную дату предлагал еще Г. Гильдебранд (см. легенду).

Примечательно почти фамильярное обращение Якуша к рижским городским властям, показывающее, что этот боярский слуга очень хорошо знаком с бургомистром и ратманом.

Радивон Ляморт — Ламберт Хюльшер, см. комментарий к № 218. Ганус Красный — Иоганн Шёнинг, с 1479 г. бургомистр Риги (см. комментарий к № 226).

А. Л. Х., С. В. П.

235 (254а)

[1483 г. августа 1 — декабря 20]. — Послание пол. бояр, мещан и «всех купцов» бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги с призывом соблюдать условия договора и с сообщением о намерении известить архиеп. риж. о противоправных поступках рижан по отношению к пол. мещанину Кузме Есковичу и слуге [пол. боярина] Остафия [Васильевича Корсака] полочанину Олексею

Комментарий к данному посланию см. под № 254а.

236

[1480 г. июня 1 — ноября 25]. Полоцк. — Послание пол. [боярина] Зеновия Васильевича [Корсака] бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги с сообщением об ответных мерах по отношению к риж. купцу Радивону за бездействие рижан в связи с избиением Якуша — слуги Зеновия, избиении и грабеже его людей

Это третье из сохранившихся посланий Зеновия Васильевича Корсака, посвященных злоключениям его слуги Якуша (см. № 232, 233; о наиболее раннем, несохранившемся послании по этому делу см. № 227). Скорее всего, грамота написана летом 1480 г., т. к. в предшествующих не упоминается о нападении на Якуша на р. Дубне и в Лыкошеве. Вопрос о принадлежности Лыкошева обсуждается в точно датируемом послании Богдана Андреевича от 26 ноября 1480 г. (№ 240).

Любопытны маршруты путешествий Якуша. Р. Дубна — правый приток среднего течения р. Западной Двины (Даугавы), следующий вниз после Десны, уже за пределами Полоцкой земли. Лыкошево находится на крайней северной границе Полоцкой земли. По-видимому, Якуш поднимался и опускался по р. Дубне, а затем сухим путем добирался до северной части Полоцкой земли, где у Зеновия Васильевича, вероятно, были земли.

Немчин Радивон идентификации не поддается: если бы это был Ламберт Хюльшер, упоминаемый в нескольких грамотах под именем Радивона Ляморта, или Ламаря (например, № 218, 234), то он был бы назван ратманом или бурмистром.

А. Л. Х., С. В. П.

237

[1480 г. сентября 1 — октября 31]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» г. Полоцка бурмистрам, совету и «всем купцам» г. Риги с сообщением о приезде в Ригу для участия в судебном разбирательстве пострадавшего от рижан слуги [пол. боярина] Зеновия [Васильевича Корсака] Гридка Порщаки

Судя по водяному знаку, относится к началу 80-х гг. XV в. Дату можно определить и точнее. Грамота написана после предшествующей грамоты Зеновия (№ 236 описывает, как

он отнял у немчина Радивона круг воска, а № 237 сообщает, что он уже вернул его), но ранее грамоты Богдана Андреевича от 26 ноября 1480 г. (№ 239). Скорее всего, она относится к сентябрю — октябрю 1480 г.

Невгиня — «руское» название Дюнабурга.

А. Л. Х.

238

[1480–1481 гг.] ноября 1. Полоцк. — Послание пол. нам. Богдана Андреевича [Саковича] бурмистру и совету г. Риги с заверением в ответственном разбирательстве наместником Богдана Ивашком Данильевичем и пол. мещанами дела между рижанином Адамом и пол. весчими

В бытность Богдана Андреевича полоцким наместником только две грамоты (№ 238 и 239) датированы месяцем, числом и днем по церковному календарю. Первая из них написана в день Всех святых, вторая в Юрьев день. На этом основании можно отнести обе грамоты, датированные ноябрем, к одному и тому же году. Если считать датирующим признаком современную «рускую» надпись на обороте: «Ѡ Ѡдамовъ с*ꙋд*», то грамоту № 238 следует относить к тому же году, что и грамоты № 246 и 247, написанные в 1481 г. и снабженные аналогичными надписями той же рукой: «Ѡ во*с*къ», «Ѡ сребро». Если же датирующим признаком для № 239 считать современную немецкую помету на обороте: «to by mercke b», то его следовало бы относить к тому же 1480 г., что и № 240, снабженный пометой «to by merke a».

Конфликт, описанный в грамоте № 238, по-видимому, продолжался и позднее (см. № 241, 348), правда, впоследствии Адам Бизеверт предъявлял претензии исключительно к Олферу Кортеню.

Олфер (Олифер) Кортеневич происходил из рода полоцких мещан. Благодаря раннему включению в торговлю продуктами переработки леса Кортеням удалось разбогатеть, добиться влияния в Полоцке (№ 241) и протекции у великого князя (№ 348) и войти позднее в состав боярства (см. № 350). См. подробнее комментарии к указанным грамотам, а также статью: *Хорошкевич*. 1977а. С. 153–154.

Ортем Буцкович — Тулубей, см. комментарий к № 172.

А. Л. Х.

239

[1480 г. ноября 1 — 1484 г.] — Послание пол. нам. Богдана Андреевича [Саковича] бурмистру и совету г. Риги с сообщением о результатах разбирательства дела между рижанином Юрием и полочанином Ивашком Терешковичем

Грамота написана непосредственно от имени Богдана Андреевича. Его пребывание в Полоцке зафиксировано осенью 1480 г. (см. № 238, 240). Кроме того, рижане жалуются на наместника Богдана Андреевича — Ивана Данильевича, который находился в Полоцке в первую половину наместничества Богдана. Вместе с тем грамота снабжена современной немецкой пометой на обороте: «to by mercke b»; такая же помета («to by merke a») имеется на обороте грамоты № 240, написанной осенью 1480 г. Поэтому наиболее вероятна датировка № 239 концом 1480 — началом 1481 г.

А. Л. Х., С. В. П.

240

[1480 г.] ноября 26. Полоцк. — Послание пол. нам. Богдана Андреевича [Саковича] бурмистру и совету г. Риги с заверением в соблюдении условий договора, с требованием заплатить пол. боярину Сенку Григорьевичу неоплаченную с продажи рижанину Гарману Жондеро [Герману фон Зундерну] товара сумму, а также осуществить правосудие в отношении Сенка по делу между ним и рижанином Тимофеем Грибом и др.

Точно датируется по указанию индикта и имени полоцкого наместника Богдана Андреевича. В его наместничество 14-й индикт приходился только на 1 сентября 1480 г. – 31 августа 1481 г.

Грамота интересна трактовкой торговых договоров 1406–1407 гг. (№ 54, 55). В изменившейся ситуации конца XV в. полочане настаивали на буквальном исполнении договоров, не обращая внимания на новые политико-географические условия. Лыкошково (Лыкошево), не указанное в договорах, по мнению полочан, принадлежало к Ливонии, а стало быть, полочане должны были охраняться рижанами (см. также № 237).

Обращает на себя внимание состав участников полоцко-рижской торговли — жалобщиков на произвол и несправедливости рижан. По преимуществу это крупные бояре: Сенко Григорьевич Радкович, Андрей Селява (о нём см. № 203, 342), отправлявшие в Ригу своих приказчиков (Матвея, Гатишу и Капусту) с экспортным товаром, лесом, за импортными, в частности сукнами и солью. Известно, что Капуста принадлежал к мещанам: в 1528 и 1533 гг. упоминается мещанин Мишко Капустин (РИБ. Т. 33. Стб. 195; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 140; БА. Т. 2. № 237. С. 170). Превращение мещан в приказчиков бояр — характерное явление конца XV в. Среди этих новых участников торговли свое положение независимого торговца сохранил Артем Буцкович (Тулубей), полутора десятилетиями ранее начинавший свою карьеру в качестве городского писца (см. № 172, 178, 179 и комментарии к ним), и несомненный мещанин, некий Василий Кислая Каша. Торговым контрагентом полоцких бояр выступает рижский бургомистр Герман фон Зундерн (см. о нём комментарий к № 112). О конфликте Сенька Григорьевича с Германом фон Зундерном, разбиравшемся еще во время съезда на Индрице в 1471 г. (№ 200–202), см. также № 190.

А. Л. Х.

241

[Около 1481 г. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги с просьбой содействовать в правосудии пол. мещанину купцу Олферу Кортеневичу по делу между ним и Адамовым складником Ганусом Единко

Датируется по упоминанию немца Адама, по-видимому, того самого, который по обвинению в неуплате весчего был отправлен скованным в Ригу (№ 238). В ответ на это его «складник» (компаньон) Ганус Вединг задержал товары Олфера Кортеневича (о нём см. комментарии к № 238, 348). Временем около 1482 г. на основании водяного знака и почерка писца грамоту № 241 датировал Г. Гильдебранд.

А. Л. Х.

242

[Около 1481 г.] октября 12. Полоцк. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всей Полоцкой земли» пол. боярину Богдану Яцьковичу и пол. мещанину Мишку Орловичу, направленным в г. Ригу для переговоров с войтом, советом и «всеми мещанами» г. Риги

Судя по водяному знаку, грамота относится к 80-м годам XV в. В сентябре 1481 г. в Ригу ездил полоцкий мещанин Михайло Орёл (№ 247). Скорее всего, его совместная с Богданом Яцковичем поездка состоялась примерно тогда же. Однако ее отнесение к тому же 1481 г. маловероятно, учитывая, что путь в Ригу занимал не меньше недели.

В полоцких верительных грамотах, как правило, отсутствовала салютация. В данном случае она имеется: «поклон приятел(ь)скии съ всимъ добрым». Кроме того, в начальном протоколе посланий № 242, 246 и 247 имеется примечательное политико-географическое новшество. Полочане называют свою родину «всею землею Полоцкою», а рижан (в № 242) — «соседи наши милые, паны Лифлянское земли, ратманы Ризьского места». Появление терминов «Полоцкая земля» и «Лифлянская земля» можно связать с повышением социального и регионального самосознания полоцких феодалов. Высказанное ранее предположение о связи этой формулы с «заговором князей» 1481 г. не подтверждается с учетом того обстоятельства, что о заговоре был осведомлен чрезвычайно узкий круг лиц.

А. Л. Х.

243

[1481 г.] августа 21. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. и витеб., нареченного митрополита Киевского и всея Руси Симеона III совету г. Риги, церковным старостам ц. Св. Николая о присылке священника для этой церкви Савы взамен священника Ивана, с просьбой достойно относиться к священнику и ввести его в служение в этой церкви

Послание написано от имени полоцкого архиепископа Симеона III (о датировке его грамот см. комментарий к № 191). Г. Гильдебранд, Ф. Шварц и Л. Арбузов ошибочно относили № 243 к 1457 г., приписав ее Симеону II Старому. Наименование архиепископа полоцкого нареченным митрополитом Киевским и всея Руси заставляет датировать грамоту 21 августа 1481 г., поскольку в июне этого года Константинопольский патриарх Нифонт выдал полоцкому архиепископу Симеону «благословенный лист» на Киевскую митрополию (*Макарий.* 1996. С. 53–54, 381–382).

А. Л. Х., С. В. П.

244

Упоминание

[1481 г. августа 22 — 1488 г.]. — Продажный лист Якова Красчинича архиепископу пол. и витеб. Ионе на сельцо на Болдавицах [в Полоцком пов.]

Датируется временем архиепископства Ионы (см. комментарий к № 249), при этом нижней хронологической границей служит следующий день после последнего упоминания Симеона III в качестве полоцкого и витебского владыки (№ 243). См. также комментарии к № 339 и 344.

Сельцо на Болдавицах — не единственное приобретение полоцкого архиепископа Ионы, доставшееся его наследникам: к его куплям принадлежало имение «на Вличах», которое после смерти его вдовы старицы Фетиньи перешло к ее зятю (мужу ее дочери Любы) господарскому дворянину Ивану Радобыльскому (LM. Kn. 14. № 402. P. 334).

С. В. П.

245

Упоминание

[1481 г. августа 22 — 1496 г. сентября 29]. — Продажный лист старицы монастыря Св. Михаила в г. Полоцке Фетиньи и ее дочери Татьяны и зятя Волфромея Ивашку Сопежичу на сельцо на Болдавицах [в Полоцком пов.]

Датируется промежутком времени между последним упоминанием Симеона III в качестве полоцкого и витебского владыки (№ 243) и первым упоминанием продажного листа в документе великого князя Александра 1496 г. (№ 339). См. также комментарии к № 339 и 344.

С. В. П.

246

[1481 г.] сентября 9. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» г. Полоцка бурмистрам, войтам, совету и «всем мещанам» г. Риги с просьбой содействовать в правосудии пол. мещанину Кузме Еськовичу по делу между ним и ратманом Ганусом Красным [Иоганном Шёнингом]

Датируется по 15-му индикту и указанию рижского ратмана Гануса Красного — Иоганна Шёнинга, в 1479 г. избранного в бургомистры. В грамоте он назван только «ратманом». Г. Гильдебранд датировал грамоту правильно, отнеся ее к 1481 г. Грамота на обороте имеет надпись «Ѡ вос*к*ъ», аналогичную пометам на № 238 и 247. Об этом же конфликте Кузьмы Есковича с рижанами из-за воска см. № 254а (235). Об особенностях формуляра грамоты см. также комментарий к № 242.

«А е*с*ли па*к* ваша м(и)л(о)*с*ть чере*с* тое нашимъ полочано*м* не всхочете справе*д*ливости чини*ти* и доконча*н*(ь)я того не *в*схочете по*л*нити, ка*к* жо пре*ж*нии г(о)*с*(по)д(а)ри наши и ваши межи нами, полочаны, и вами, рижаны, тое доко*н*ча*н*(ь)е положили, а тепере г(о)*с*(по)д(а)рь на*ш*, великии кн(я)зь, по тому *ж* на*м* врᴀди*л*…» — имеются в виду договоры великих князей литовских Витовта, Сигизмунда Кейстутовича и Казимира с Ригой о полоцко-рижской торговле 1406, 1439 и 1447 гг. (№ 54, 73, 120). Неясно, почему о последнем из них говорится «тепере», хотя с момента его заключения прошло почти три с половиной десятилетия. Во всяком случае никакое позднейшее соглашение Казимира с Ригой неизвестно.

В грамотах № 246 и 247, написанных одним и тем же писцом, бросается в глаза еще одна особенность: Казимир Ягеллон именуется лишь «господарем нашим великим князем», но не королем, хотя королевским титулом своего правителя полочане чрезвычайно дорожили и гордились. Возможно, за этой особенностью, равно как и за отмеченным выше «докончанием», стоят некие контакты полочан с Казимиром. Во всяком случае он пробыл в Великом княжестве Литовском с поздней осени 1479 г. по начало 1484 г. (*Rutkowska*. 2014. S. 290–305). Не позже конца 1479 или начала 1480 г. Казимир распорядился, что после его смерти один из его сыновей станет великим князем литовским, другой – королем польским. Это ре-

шение было скреплено присягой подданных. По мнению О. Халецкого, это произошло уже на Берестейском сейме 1478 г. (*Halecki*. 1919. T. 1. S. 421–422).

А. Л. Х., С. В. П.

247

[1481 г.] сентября 9. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам, совету и «всем мещанам» г. Риги с требованием освободить полочан из-под стражи, с сообщением о передаче полномочий по ведению дальнейших переговоров пол. мещанину Мишку Орлу

Датируется по 15-му индикту и водяному знаку, относящемуся к последней четверти XV в. Имеет на обороте надпись «Ѡ сребро», аналогичную пометам на № 238 и 246. Таким образом, в один и тот же день полочане адресовали в Ригу два послания.

«Докончание», условия которого пересказываются в послании, — это договоры великих князей литовских Витовта, Сигизмунда Кейстутовича и Казимира с Ригой о полоцко-рижской торговле (№ 54, 73, 120). См. о них также комментарий к № 246.

Полочанин Якуш — по-видимому, тот самый слуга Зиновия Васильевича Корсака, о котором говорится в № 232, 233, 234 и 236.

Полоцкий мещанин Мишко Орёл (Орлович) неоднократно ездил послом в Ригу (см. № 242).

А. Л. Х.

248

[1482–1483 гг. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги с сообщением о невозможности пропуска риж. ратмана купца Тимофея Дирки с рожью в Ригу ввиду общего запрета кор. польск. [и вел. кн. лит. Казимира] вывозить рожь из Полоцка

Датируется по почерку Бориса Толандинича и сообщению о недороде в Ливонии, который во время его писарства случился в 1482–1483 гг. Уже в 1482 г. Казимир Ягеллон запретил вывоз зерна из ВКЛ (*Łowmiański*. 1983. S. 444; *Rowell*. 2009. P. 86–88, 95–96). Рижане пытались купить зерно в Ревеле в октябре и декабре 1483 г. (TLA, 230, 1, BB 52 IX, fol. 29; BB 24 III, fol. 99. Составители выражают благодарность М. Малинг за возможность ознакомиться с текстами указанных документов). Вероятно, в те же годы недород поразил и ВКЛ, из-за чего полочане и отказали рижанам в хлебе.

Грамота показывает весьма своеобразную позицию Полоцка по отношению к королевским запретам. С одной стороны, полочане утверждают, что «держатся» «осподарьского слова», с другой — объявляют, что если бы сами имели рожь, «тогды… к вашѣи м(и)л(о)сти и бѣзъ прозбы посылали». Это свидетельствует о большой заинтересованности полочан в торговле с Ригой. Послание можно рассматривать в качестве одного из первых документальных подтверждений вывоза хлеба из Полоцка, о котором говорится в приговоре суда великого князя Александра о наместничьем и войтовском суде 1499 г. (№ 354). В 1457–1458 гг. в Полоцк для закупки ржи приезжал Хинрик Резен (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 274). Вероятно, уже к началу 80-х гг. хлебная торговля приобрела значительные размеры. Рижане предполагали, что полочане могут отправить 40 стругов хлеба. Поскольку грузоподъемность одного струга, по данным конца XVIII — начала XIX в., составляла 48–80 т, то речь шла о 2–3 тыс. т зерна.

Рижский ратман Тимофей Дирка идентификации не поддается.

А. Л. Х., С. В. П.

249

[1482 г.] февраля 28. Полоцк. — Лист «мохонковлян» Овсея Игнатова сына, Семёна Сенковича, Осташка Семёнова сына и др. о сделке между ними, с одной стороны, архиепископом пол. Ионой, с другой, по передаче им «навечно» борти ц. Св. Софии в г. Полоцке в обмен на уплату ежегодной дани на эту церковь

Список грамоты XVIII в., вероятно, написан кем-то из семьи Меницких, в архиве которых он сохранился. Датируется по 15-му индикту, который во время архиепископства Ионы приходится на 1 сентября 1481 г. – 31 августа 1482 г. (окончательный вариант годовой даты, приведенный в списке, 1409 г., совершенно неверен).

Формуляр грамоты имеет много общего с формуляром продажного («купчего») листа. Это такая же «открытая» грамота, адресованная «всем почестливым людям». Промульгация грамоты имеет отдельные элементы, общие и с договором Полоцка и Риги 1478 г. (№ 226). В интитуляции перечислены по именам мохонковляне, всего 5 человек. Наррацию заключает рассказ о челобитии мохонковлян полоцкому владыке по поводу борти на мохонковской земле, мед из которой выбирали владычные люди. Владыка согласился на передачу борти мохонковлянам.

Диспозиция содержит два обязательства. Мохонковляне обещали ежегодно уплачивать 5 пудов меда «святому Софею», а владыка Иона, от собственного имени и от имени всех своих будущих преемников, — «не вступоватися» в эту борть. Таким образом, сделка сродни купле-продаже, с одной стороны, и вступлению в зависимость, с другой.

В конечном протоколе указаны свидетели сделки. Городские власти представлены двумя крупнейшими боярами — Зеновием Васильевичем Корсаком и Семёном Григорьевичем Радковича. Наряду с ними в качестве свидетелей названы представители мещан и духовные лица, по преимуществу владычные бояре и члены двора. Указан писец грамоты — городской дьяк Борис Толандинич — и дата. В двух отдельных фразах (одной до указания писца, другой — после) сообщено об удостоверении грамоты печатями Зеновия Васильевича и Семёна Радковича, крупнейших землевладельцев Полоцка (*Воронин*. 1998. С. 39–54). Влиятельное положение занимали свидетели из мещан — Микита Мокеевич (Колчижинича) и его брат Тимофей (*Хорошкевич*. 1977а. С. 155–157). Грамота содержит единственные в своем роде сведения владычных боярах и вообще владычном дворе.

Социальный статус мохонковлян неясен. По-видимому, они не принадлежат к зависимым от владыки лицам, хотя и именуют его «господином». «Королевскими людьми» мохонковляне называют себя для обозначения не феодальной зависимости, но просто подданства. Иначе они вынуждены были бы пригласить для удостоверения сделки представителей не только городской, но и наместничьей власти. Однако именно они-то и отсутствуют.

Маловероятно, что мохонковляне принадлежали к мещанам, хотя последние в середине XV в. и в 1487–1492 гг. называли себя «королевскими». В середине 80-х гг. XV в. мещане уже не ограничивались этой общей формулировкой, а кроме нее точно указывали свою принадлежность к определенной социальной прослойке.

В 80-х гг. «королевскими людьми» безо всяких дополнений могли называть себя только свободные жители. Факт отсутствия у мохонковлян печатей говорит об их принадлежности низшему сословию (скреплялась эта грамота печатями не «мохонковлян», а свидетелей этой сделки). В данном случае речь идет о свободной крестьянской общине. Были ли ее члены родственниками, трудно сказать. Часть их, несомненно, родственники, — это Андрей (в № 249 ошибочно назван Овдеем, ср. № 266) и Овсей (Овсевий) Игнатовы, Семён Санкович

с не названной по именам «братьею», Ульяна Терешкова с сыновьями. Возможно, что и все они были родственниками, может быть дальней степени родства.

Имена мохонковлян с небольшими изменениями встречаются позднее, в грамоте 1487 г. (№ 266).

Иона Глезна занял полоцкую епископскую кафедру после Симеона III, т. е. не ранее конца августа 1481 г. (см. № 243 и комментарий к нему). После смерти митрополита Симеона, наступившей между 1 сентября 1487 г. и 31 августа 1488 г. (ПСРЛ. Т. 35. С. 122, под 6996 сентябрьским годом), Иона был хиротонисан в сан киевского митрополита константинопольским патриархом Максимом (*Макарий.* 1996. С. 53–54, 381–382; Описание Киевской епархии. С. 112; ВС. Т. 1. С. 521; АСД. Т. 1. С. 2–3). Распространенная в историографии датировка поставления Ионы на митрополию и, соответственно, хиротонии его преемника на полоцкой кафедре 1488-м годом (*Макарий.* 1996. С. 88; *Флоря.* 1996а. С. 519) условна, поскольку, как писали православные князья ВКЛ Константинопольскому патриарху в конце XV в., митрополия после смерти Симеона «немало въдовствѹѧ бѣ», а выбор Ионы кандидатом на митрополию состоялся «по многи*х* временны*х* днехъ», затем какое-то время должно было уйти на утверждение его кандидатуры патриархом (*Перетц.* 1906. С. 46, 49; *Флоря.* 1996б. С. 428. Прим. 40). В грамотах № 249, 254, 266 Иона назван лишь архиепископом (владыкой) полоцким, а в № 251 — архиепископом полоцким и витебским. В жалованных листах великого князя литовского Александра от 29 сентября 1496 г. и 20 декабря 1497 г. (№ 339, 344) покойный Иона назван «владыкою полоцким и витебъским», а от 26 декабря 1502 г. (№ 380) — только «полоцким». Точная дата его смерти неизвестна. Митр. Макарий (Булгаков) относил ее к 1494 г., по-видимому, справедливо (*Макарий.* 1996. С. 61). Вдова Ионы, постригшаяся под именем Фетиньи, до 29 сентября 1496 г. продала землю, выделенную ей Ионой, великокняжескому писарю Ивашку Сопежичу (см. № 245, 339, 344). С 1496 г. (№ 337) известен полоцкий владыка Лука.

Речь в № 249 идет о местностях, расположенных в юго-западной части Полоцкой земли на р. Ушаче. Мохонковщизна переменила свое название в XVI в. на Крупницу. Поселений с таким названием в XVIII в. насчитывалось три. Все они были окружены пашенными землями.

А. Л. Х., С. В. П.

250

Упоминание

[1482 г. марта 1 — 1503 г. июля 16]. — Лист пол. боярина Степана Зеновьевича [Корсака] о передаче сс. Оболе и Зерчиничи [в Полоцком пов.] его брату Ивану

Датируется промежутком времени между последним упоминанием Зеновия Корсака (№ 250) и вынесением великокняжеского решения по делу между его сыновьями Михайлом и Андреем, с одной стороны, и Иваном, с другой (№ 382). Вероятно, передача состоялась в 90-е годы XV века (см. комментарий к № 382).

С. В. П.

251

[1482–1488 гг.] апреля 25. Полоцк. — Послание архиеп. пол. и витеб. Ионы бурмистру г. Риги Ганусу, другим бурмистрам и «мещанам» Риги о «поданье» ц. Св. Николая в Риге священнику Лукьяну, с просьбой передать ему ключи от церкви и всё церковное имущество

Датируется временем архиепископства Ионы Глезны, при этом верхняя хронологическая граница условна (см. комментарий к № 249).

Рижский бурмистр пан Ганус — скорее всего, Иоганн Шёнинг, «Ганус Красный» полоцких грамот (см. комментарий к № 226).

Священник Лукьян по другим источникам неизвестен. Предыдущий священник Никольской церкви Сава был отправлен в Ригу полоцким архиепископом Симеоном III в августе 1481 г. (№ 243).

А. Л. Х., С. В. П.

252

[1482 г.] июня 28. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» г. Полоцка бурмистрам, совету и «всем купцам» г. Риги с сообщением об успешных переговорах с риж. послами и осуществленном в отношении рижан правосудии

Датируется по почерку городского дьяка Бориса Толандинича (70–90-е годы XV в.), 15-му индикту, упоминанию рижского бургомистра Гануса Красного, т.е. Иоганна Шёнинга, упоминаемого в должности бургомистра с 1479 г. (*Böthführ.* 1877. S. 110–111. № 372; см. комментарий к № 226). Благодаря современному немецкому переводу, публикуемому впервые, выясняется, что ратманин Аврам — это Эверт Штевен, годом ранее упоминаемый в качестве рижского бургомистра и умерший в 1511 г. (*Böthführ.* 1877. № 384. S. 114–115; LECUB. Abt. 2. Bd. 2. № 412. § 3, 17, 85, 89, 125; № 474, 678, 679, 810).

А. Л. Х., С. В. П.

253

[1482 г.] июля 9. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, совету и «всем купцам» г. Риги с требованием осуществить правосудие в отношении пол. мещан Петра Успятева и кормника Якова Понамаревича по делу между ними и рижанином Индриком Седлом

Датируется по почерку городского дьяка Бориса Толандинича (см. комментарий к № 203), указанию 15-го индикта, водяному знаку, несомненно относящемуся к 80-м гг. XV в. Для начала 80-х гг. типична интитуляция с упоминанием «бурмистров», ратманов и купцов, сменивших мещан (интитуляции с упоминанием купцов см. № 232, 235, 248, 252). Салютация, как и в грамотах Ивана Данильевича (№ 219) и Зеновия Васильевича Корсака (№ 232 и 236), включает «чолобитье». Наибольшее сходство салютация обнаруживает с соответствующим разделом грамоты Зеновия Васильевича: «чо*л*(о)битье и оуставичная приязнь п[о вся ч]асы» (№ 236).

Имена полоцких мещан больше нигде не встречаются.

А. Л. Х.

254

[1483 г.] апреля 5. Носилицы. — Послание [архиеп.] пол. Ионы совету г. Риги и старосте ц. Св. Николая в Риге с сообщением о присылке священника для ц. Св. Николая Климента, с просьбой передать ему ключи от церкви и церковное имущество, оказывать покровительство церкви

Датируется по 1-му индикту, который во время владычества Ионы приходится на 1 сентября 1482 г. – 31 августа 1483 г.

Верительная грамота Ионы точнее, чем предшествующие, определяет обязанности старосты русской Никольской церкви в Риге — охранителя не только имущества, но и самой личности священника, которому угрожают «кривды некоторых безумных». Неизвестно, кого имел в виду Иона — русских еретиков или немцев.

О полоцком архиепископе Ионе см. комментарий к № 249.

А. Л. Х., С. В. П.

254а (235)

[1483 г. августа 1 — декабря 20]. — Послание пол. бояр, мещан и «всех купцов» бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги с призывом соблюдать условия договора и с сообщением о намерении известить архиепископа риж. о противоправных поступках рижан по отношению к пол. мещанину Кузме Есковичу и слуге [пол. боярина] Остафия [Васильевича Корсака] полочанину Олексею

Датируется по почерку Бориса Толандинича, формуле адреса, характерной для конца 70-х – начала 80-х гг. XV в., и упоминанию о временном отсутствии в Риге архиепископа и избрании нового. Фраза «есмо много вашѣи м(и)л(о)*с*ти тѣрьпѣли, што сѧ ты*х* часовъ оу вашѣе м(и)л(о)*с*ти ѡсп(о)*д*(а)рѧ арцибискѹпа нѣ пригодило», свидетельствует о длительном отсутствии архиепископа в Риге и позволяет наиболее точно установить дату послания.

Рижский кафедральный капитул избрал 13 августа 1479 г. ревельского епископа Симона фон дер Борха, двоюродного брата магистра Тевтонского ордена в Ливонии Бернда фон дер Борха, в качестве нового архиепископа. Избрание произошло под непосредственным давлением магистра, который в апреле 1479 г. победоносно завершил затяжной конфликт с тогдашним рижским архиепископом Сильвестром Стодевешером. Все его владения и замки были присоединены к территории Ордена и отныне, согласно плану Бернда фон дер Борха, последующие архиепископы должны были ограничиваться духовными полномочиями, лишившись, таким образом, статуса ландсгерра. Магистр обратился к генеральному прокуратору Тевтонского ордена при Римской курии и епископу Трои Стефану Грубе для ходатайства перед папой Сикстом IV (1471–1484) об утверждении Симона фон дер Борха на новом посту. Однако генеральный прокуратор Ордена использовал свое положение по-другому, и 12 марта 1480 г. папа римский провозгласил самого Стефана Грубе архиепископом Риги. Тем не менее папский кандидат не мог прибыть в Ригу, так как город на тот момент находился под полным контролем Ордена. Лишь в конце июля 1483 г., в тот период, когда горожане уже находились в состоянии открытого вооруженного конфликта с магистром, Грубе удалось тайно пересечь литовско-ливонскую границу и прибыть в Ригу. 18 ноября Бернд фон дер Борх был отправлен в отставку, в связи с чем закончился и проект по продвижению Симона фон дер Борха на пост архиепископа. Однако вскоре, 20 декабря 1483 г., Стефан Грубе скончался. 19 января 1484 г. кафедральный капитул избрал в качестве нового архиепископа графа Генриха Шварцбургского. Орден же выдвинул своего кандидата — каноника Михаэля Гильдебранда, который был утвержден Сикстом IV 4 июня 1484 г. Однако и этот архиепископ смог въехать в Ригу лишь спустя несколько лет после формального вступления в должность. 1 марта 1486 г. Гильдебранд прибыл в город и был признан в качестве нового архиепископа. В сентябре 1489 г. он был вынужден покинуть Ригу, так как вновь разгорелся вооруженный конфликт между горожанами и Орденом. Рижское восстание было окончательно подавлено орденом к марту 1491 г. Только в январе 1492 г. Михаэль Гильдебранд прибыл в Ригу, где бургомистр принес ему и Ордену присягу на верность согласно Кирхгольмскому договору от 30 ноября 1452 г., устанавливавшему двойную власть над городом (ELB. T. 3. S. 189–197; *Kroeger*. 1930. S. 277–279; *Neitmann*. 1991; *Hellmann*. 1993. S. 29–31; *Steinführer*. 2002; *Schwarz*. 2007).

Таким образом, за период 1479–1492 гг. можно выделить несколько длительных этапов «двоевластия» и отсутствия архиепископа в городе по различным причинам. Уточнить дату позволяют некоторые другие особенности терминологии послания. Коль скоро Кузьма Ескович охарактеризован как «ѡсп(о)*д*(а)рьскии ч(о)л(о)в(е)къ ѡсп(о)*д*(а)рѧ нашѣг(о) королѧ его м(и)л(о)*с*ти», послание было написано не позже 7 июня 1492 г., когда в Городне умер Казимир Ягеллон, занимавший одновременно польский и литовский престолы. После его смерти королем стал его сын Ян Ольбрахт, а великим князем — другой сын Александр (король с 1501 г.). Остафий Корсак, умерший в декабре 1485 г. (см. комментарий к № 194), чей слуга Алексей был «уморен» в Риге, не назван «небожчиком», а это заставляет думать, что послание писалось при его жизни; отсюда его датировка промежутком времени между 1 августа и 20 декабря 1483 г. Верхняя хронологическая граница, впрочем, условна, учитывая, что полочане при тогдашней скорости сообщения с Ригой могли узнать о смерти архиепископа как минимум спустя неделю.

Примечательна терминология грамоты: рижского архиепископа, подобно великому князю литовскому, полочане называют «осподарем», т. е. признают за ним светскую власть над г. Ригой. Это дополнительно свидетельствует, что послание было написано до 1492 г.

«Е*с*ли вашѣи м(и)л(о)*с*ти то*г*(о) бꙋдѣ*т* не въ памѧти, и мы послали и списо*к* из вашѣ*г*(о) листа к вашѣи м(и)л(о)*с*ти» — Имеется в виду список рижского экземпляра торгового договора с Полоцком 1407 г., переписанный Борисом Толандиничем и сохранившийся до наших дней во «внутреннем архиве» Рижского магистрата (№ 55.II). Список был изготовлен в связи с нарушением правил торговли, чтобы наглядно напомнить их рижанам. Вопрос о качестве товара, принадлежащего полочанину, мог решать только полоцкий суд в рамках статьи о суде согласно принципу места жительства подозреваемого.

Интересны и сообщения об участниках торговли. Пан Остафей — это неоднократно упоминаемый грамотами в качестве землевладельца, купца, дипломата Остафий Васильевич Корсак, брат другого постоянного участника торговых и дипломатических сношений Полоцка с Ригой пана Зеновия Васильевича Корсака. Таким же постоянным участником этих сношений был мещанин Прокоп (Прошко) Буцков брат — дядя Тулубея, доставивший послание № 254а (235) в Ригу. Несколько скромнее роль мещанина Кузьмы Есковича, известного лишь по его торговле с Ригой.

А. Л. Х., А. В. Б., С. В. П.

255

[1484 г.] августа 12. Троки. — Лист [кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира] пол. нам. Богдану Андреевичу [Саковича] о пожаловании пол. боярину Сеньку Епимаху права бить езы и ловить рыбу на р. Бейлейца (Билевица) в Полоцком [пов.]

Датируется по 2-му индикту, упоминанию Олехна Судимонтовича в качестве воеводы виленского и канцлера, а Богдана Андреевича — в качестве полоцкого наместника. О пребывании Казимира в Троках в конце июля — начале октября 1484 г. известно и по другим документам (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 320; *Rutkowska*. 2014. S. 310-311).

Семён (Сенько) Епимах — полоцкий боярин, см. о нём комментарии к № 113, 234. О его брате Петре см. № 245, 268.

Оз. Белое, Листно (Лисно) и соединяющая их р. Бейлейца (ныне — Билевица) находятся на северо-западе Полоцкой земли. Р. Билевица несколько длиннее, чем указывал Сенько Епимах.

Поскольку значительная часть владений Епимахов в XVI в. (начиная с 30-х гг.) отошла к Русскому государству, восстановить полностью их комплекс, как и определить местонахождение, очень трудно. Вплоть до 1552 г. потомки Семёна Епимаха сохранили двор Усвие,

двор на Славне, с. Оболе и двор Ветрино (ПР 1552 г. С. 115–116; о Ветрине и Ветринской вол. см.: БА. Т. 2. № 240. С. 172, а также комментарий к № 143). Кроме того, впадения Епимахов находились у оз. Двято. В писцовой книге читаем: «А по другую сторону оз. Двята с велижские стороны селищо Опимахово, а по смете на том селище пашенные земли пер., что лесом не поросло, во всех трех полях четвертей с 5, а иная пашенная земля лесом поросла, и того лесу пашенного и непашенного в длину версты на 2, а поперег на версту, сена по смете коп. с 5, а около тех селищ все лес чорной, и из тех селищ в чорном лесу бортные ухожеи и звериные ловли» (*Калачов*. 1877. С. 444).

А. Л. Х.

256

Упоминание

[1484 августа 26 — 1496 г. июля 24]. — Лист пол. нам. Яна Юрьевича Заберезинского пол. мещанам Омельяну Андреевичу и Тишку Андреевичу Заскоркам о непревращении в обычай охоты пол. наместника в их землях

Датируется по времени полоцкого наместничества Я. Ю. Заберезинского — знатного литовского боярина герба «Лелива», сына Юшка Римовидовича. Имение Заберезье в Ошмянском повете последний получил от Сигизмунда Кейстутовича (ранее оно принадлежало кн. Фёдору Корибутовичу). Я. Ю. Заберезинский упоминается с 1456 г., как маршалок господарский в 1482–1496 гг., наместник полоцкий в 1484–1496 гг., каштелян трокский в 1492–1498 гг., воевода трокский в 1498–1505 гг., маршалок земский в 1498–1508 гг. После долгого конфликта с кн. Михаилом Глинским убит его слугой в 1508 г. (*Petrauskas*. 2003. P. 285, 309; *Pietkiewicz*. 1995. P. 90–93; *Szulc*. 2005; *Груша*. 2010б. С. 134. Прим. 6, 9). См. также комментарий к № 257.

Предъявитель листа Глеб Иванович Ясман, как выясняется из документа Сигизмунда Старого от 19 августа 1544 г., приобрел Заскорки у наследников полоцкого «млынара» Никона в бытность полоцким воеводой Яна Юрьевича Глебовича, выдавшего ему разрешение на эту куплю, т. е. между 1532 и 1542 гг. (*Wolff*. 1885б. S. 46). В свою очередь, Никон купил Заскорки у наследников некоего Нерона, которому их продали Заскорки — потомки Ивана Булавина. Это произошло уже в правление Сигизмунда Старого, т. е. после 1506 г., поскольку в том же привилее упоминается подтверждение, выданное им Омельяну и Тишку Андреевичам Заскоркам на данные земли (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 258 об.).

Первым из полоцких мещан Заскорок, чье прозвище дало название их владениям, был Андрей Заскорка, унаследовавший земли своего дяди Ивана Булавина (см. № 98, 322 и комментарии к ним). Два селения под названием Заскорки находятся в 12 верстах к юго-западу от Полоцка на правом берегу р. Уллы, в двух с небольшим верстах друг от друга. Здесь же находится и оз. Усомля, возможная Усомница (см. № 322). Расстояние между Заскорками — 2 версты, от северных Заскорок до озера — 3 версты, от южных Заскорок до озера — 1 верста.

К концу XV в. двор Заскорок был настолько велик, что 13 апреля 1497 г. мог вместить великого князя литовского Александра вместе с его свитой (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 173; см. также № 322).

Настоящее упоминание показывает разнообразие тематики письменного документа в ВКЛ в конце XV в.: убив лося во владениях полоцких мещан Заскорок, полоцкий наместник выдал им лист, которым обязался не превращать охоту в их владениях в постоянную практику.

А. Л. Х., С. В. П.

257

[1485–1492 гг.] февраля 20. Полоцк. — Послание пол. нам. Яна Юрьевича [Заберезинского] бурмистру и совету г. Риги с просьбой содействовать в правосудии полочанину купцу Омельяну Решотке по делу между ним и Индриком Плинтом

Грамотой № 257 открывается серия посланий, подготовленных писцами Яна Юрьевича Заберезинского. Поскольку он стал полоцким наместником между 25 августа и 10 октября 1484 г. (*Ліцкевіч.* 2009. № 16. С. 29; LM. Kn. 25. № 9. P. 76), а данный документ следует датировать, вероятно, 20 февраля (в тексте ошибочно указано 30 февраля), то наиболее ранняя возможная годовая дата — 1485 г. В № 257, 258 и 267 Ян Юрьевич Заберезинский назван лишь полоцким наместником и маршалком короля. В момент написания этих грамот он находился в Полоцке, но время от времени, как и его предшественники, отлучался в свои владения и к господарскому двору. Так, 30 марта 1490 г. он был в Вильне (РИБ. Т. 27. Стб. 443); в отсутствие Яна Юрьевича написаны и послания полоцких бояр, мещан и поспольства (№ 259, 260). Оставаясь до июля 1496 г. полоцким наместником (*Pietkiewicz.* 1995. S. 208), со второй половины 1492 г. Ян Юрьевич стал одновременно трокским каштеляном (впервые назван «паном троцким» 14 июля 1492 г.: Сб. РИО. Т. 35. № 17. С. 68, так же в дополнение к прежней титулатуре именуется в № 314, 318, 323). После этого основным местом его пребывания стали Троки и Вильня: так, в августе 1492 г. он был в Кривичах (Сб. РИО. Т. 35. № 17. С. 70), 29 сентября — в Новогрудке, 4 октября — в Маркове, 5 и 11 декабря 1492 г. — в Троках, 23 августа, 18 мая 1493 г. — в Вильне, 7 августа 1493 г. — в Троках, 26 марта и 26 мая 1494 г., 18 марта 1495 г. — в Вильне (РИБ. Т. 27. Стб. 511, 514, 130, 140, 541, 549, 582; Сб. РИО. Т. 35. № 17, 18. С. 72, 80). 14 июля 1492 г. и 26 февраля 1493 г. он находился в Полоцке (Сб. РИО. Т. 35. № 17, 20. С. 69, 85). В Русское государство слухи о возможности его замены в Полоцке просочились уже в январе 1491 г. (Сб. РИО. Т. 35. № 41. С. 214). «Люди» Яна Юрьевича (во главе главе с Яманом, Посывней, Станком Волосатым и Голяшом) принимали активное участие в порубежных наездах на Русское государство в 1490–1491 гг. (Сб. РИО. Т. 35. № 16. С. 65–66), что не помешало самому Яну Юрьевичу в качестве трокского каштеляна выступить инициатором переговоров с кн. И. Ю. Патрикеевым по поводу заключения мира между двумя государствами. Он посылал писаря Лаврина, Ивана Ермолова, сокольника Павла к новгородскому наместнику Якову Захарьевичу, Василия — в Москву к Патрикееву со своими предложениями по этому поводу (Сб. РИО. Т. 35. № 17. С. 68–72; № 19. С. 83; № 20. С. 85). Именно Ян Юрьевич во время пребывания в Москве вместе с Богданом Андреевичем (Сб. РИО. Т. 35. № 2, 4, 17. С. 12, 14, 17, 71) первым начал переговоры с кн. И. Ю. Патрикеевым о «доброте» между великими князьями литовским и московским по образцу отношений кн. Василия Васильевича и Витовта (Сб. РИО. Т. 35. № 17. С. 71).

Вместе с Александром Юрьевичем Гольшанским и своим сыном Станиславом Я. Ю. Заберезинский, выехав из Вильни 3 декабря 1494 г., приезжал в Москву в январе 1495 г. за великой княжной Еленой Ивановной — невестой великого князя литовского Александра Казимировича (Сб. РИО. Т. 35. № 31. С. 159–172), а его супруга с дочерью встречали и привечали великую княжну московскую в Полоцке, вместе с Еленой Ивановной присутствовали на обедне в «Софее великом», которую служил полоцкий владыка. Супруга Янова «ударила челом» княжне двумя камками бурскими, а владыка — одной (Сб. РИО. Т. 35. № 35. С. 184).

Грамоты № 257, 258, 264, 267 относятся к первой половине полоцкого наместничества Яна Юрьевича.

Начальный протокол послания Яна Юрьевича Забрезинского рижским ратманам отличается от следующих его посланий:

1. Новгородскому наместнику Якову Захарьевичу от 14 июля 1492 г. (Сб. РИО. Т. 35. № 17. С. 68; изложение 1501 г.: Там же. № 67. С. 313–314);

2. Ему же от 26 февраля 1493 г. (Сб. РИО. Т. 35. № 20. С. 85);
3. Ему же от 18 мая 1493 г. (Сб. РИО. Т. 35. С. 87–88);
4. Московскому воеводе И. Ю. Патрикееву от 29 сентября 1492 г. (Сб. РИО. Т. 35. № 17. С. 71–72);
5. Ему же от 11 декабря 1492 г. (Сб. РИО. Т. 35. № 18. С. 79).

В послании в Ригу на первом месте стоит интитуляция, в остальных — инскрипция (обозначение адресата), как и в его посланиях февраля и апреля 1501 г. (Сб. РИО. Т. 35. № 67, 68. С. 313–314, 327–329). В интитуляции грамот на Русь Ян Юрьевич никогда не называет себя маршалком. В послании рижским ратманам полностью отсутствовала салютация. В пяти же посланиях 1492 и 1493 гг. она была либо одночленной — «челобитье» (№ 3, 5), либо двучленной: «челобитье и приязнь», как и в других частных письмах полочан, например Корсаков (№ 236). В начальный протокол всех грамот входит сообщение о здоровье адресата, а также его жены и детей и радость по этому поводу (№ 1).

Всё это свидетельствует, по-видимому, о том, что в 1492–1493 гг. полоцкий наместник и трокский каштелян считал себя рангом ниже и наместника Великого Новгорода, и московского воеводы, с одной стороны, и очень стремился добиться их расположения — с другой. Рижских же ратманов полоцкий наместник считал рангом ниже себя, почему и считал возможным начать свои послания в Ригу с интитуляции.

По-видимому, «челобитье» было новшеством в сношениях полоцкого и новгородского наместников. Этот термин на Руси воспринимался с некоторым оттенком неравноправия: по мнению К. В. Базилевича, это была форма обращения вассала к своему сюзерену (*Базилевич*. 1952. С. 275). Недаром Яков Захарьевич запрашивал Ивана III, как ему следует писать в своем ответе — «записи», «челобитье» или «поклон» (Сб. РИО. Т. 35. № 20. С. 86). В грамоте рижским ратманам Ян Юрьевич употребляет традиционный термин, свидетельствующий о равноправии сторон, — «поклон».

Купец дюнабургского комтура Индрик Плинт, возможно, принадлежал к той же фамилии, что и рижский протонотарий Иоганн Флинт, упорядочивший Рижский городской архив в конце XVI — начале XVII в. (см. введение к настоящему изданию в т. 1).

Масть — мачтовое дерево (ГСБМ. Вып. 17. С. 275, 293; ср. в кратком содержании грамоты средненижненем. mast — MHDWB. Bd. 2. T. 1. Sp. 922).

А. Л. Х.

258

[1485–1492 гг.] мая 29. Полоцк. — Послание пол. нам. Яна Юрьевича [Заберезинского] войту, бурмистрам и совету г. Риги с требованием осуществить правосудие в отношении полочанина купца Артёма Иванова сына Корейвина по делу между ним и риж. мещанином Юрком Дюстеревым братом

Грамота № 258, как и № 259, 260 и 264, написаны по одному и тому же делу — об ограблении Артёма Корейвы: № 258 и 264 — от имени полоцкого наместника и маршалка (но еще не каштеляна троцкого) Яна Юрьевича (1484–1492 гг.), № 259 и 260 — от имени полоцких бояр, мещан и «всего поспольства» (или «всех купцов»). Поскольку Ян Юрьевич стал полоцким наместником между 25 августа и 10 октября 1484 г. (см. комментарий к № 257), а послание № 259 датировано 29 мая, то его нижняя хронологическая граница — 1485 г. См. также комментарии к № 259, 260 и 264.

Во всех посланиях, посвященных делу Ивана Корейвы и его сына Артёма, имеются ссылки на договоры Витовта с Ригой и ливонским магистром Конрадом фон Фитингхофом («Кондратом») 1406 г. и Полоцка с Ригой 1407 г. о двусторонней торговле (№ 54, 55).

А. Л. Х., С. В. П.

259

[1485–1492 гг. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всех купцов» г. Полоцка бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги с требованием осуществить правосудие в отношении пол. мещанина Ивана Корейвы

Датировка и порядок расположения посланий № 259 и 260 условны. Возможно, что грамоты от имени полоцкого наместника (№ 258, 264) одновременно сопровождались посланиями «бояр полоцких и мещан и всех купцов Полоцкого места». Этим может объясняться отсутствие в посланиях всякого указания на дату. Но более вероятным представляется, что послания полочан были написаны тогда, когда наместник отсутствовал в городе. В таком случае они (или по меньшей мере какое-то одно из них) могли быть написаны и до 29 мая 1485 г. — наиболее ранней возможной даты написания первого из посланий Яна Юрьевича. По-видимому, первым из посланий полочан был написан № 259, поскольку в нём жалоба излагается от имени одного Ивана Корейвы (в № 260 к нему добавляется его сын Артём) и снабжена меньшим количеством подробностей, чем в № 260.

А. Л. Х., С. В. П.

260

[1485–1492 гг. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги с требованием осуществить правосудие в отношении пол. мещан Ивана Корейвы и его сына Артёма по делу между ними, с одной стороны, и Юрием Дюштеревым братом и Радивоном Малым, с другой

О датировке послания см. комментарии к № 258, 259, а также к № 264.

С. В. П.

261

Упоминание

[1485 г. ноября 1 — декабря 31]. — Лист пол. боярина Остафия Васильевича [Корсака] о пожаловании его слугам Проселку и его брату Мартину земли Фалеевщины [в Полоцком пов.] с условием службы одному из сыновей Остафия

Датируется по сообщению о написании незадолго до смерти Остафия Корсака: известно, что он умер в декабре 1485 г. (см. комментарий к № 194). Поэтому условно датируем документ двумя последними месяцами этого года. О том, что распоряжения о судьбе слуг в завещаниях полочан не были редкостью, свидетельствует «духовница» княгини Софьи Подберезской 1509 г. (№ 452).

С. В. П.

262

Упоминание

[Около 1486 г. — 1499 г. октября 10]. — Продажный лист пол. мещанина Кунцы Евлашковича Кожчича Федьку Григорьевичу на с. Усая [в Полоцком пов.]

Нижняя хронологическая граница условна, ею служит начало упоминания Федька Григорьевича в качестве господарского писаря (*Груша*. 2006б. С. 144; ср. с. 158), поскольку своим благосостоянием он, по-видимому, был обязан этой службе. Верхняя хронологическая

граница определяется датой упоминания несохранившегося продажного листа в № 358 (см. также комментарий к нему).

С. В. П.

263

1486 г. марта 27. — Записи о выдаче [кор. польск. и вел. кн. лит. Казимиром] жалованья Михайлу Сеньковичу и Федьку Григорьевичу

Датируется по нахождению в реестре Фёдора Янушковича в 4 книге записей Метрики Великого княжества Литовского (*Бережков.* 1946. С. 152; *Груша.* 2006б. С. 159) и упоминанию наместника полоцкого и маршалка Яна Заберезинского, в 1484 г. сменившего Богдана Андреевича (см. комментарий к № 257).

Настоящие записи лишь условно можно назвать грамотами. Неизвестно, оформлялись ли многочисленные единовременные натуральные и денежные пожалования великого князя литовского его подданным в конце XV в. особыми грамотами. Скорее всего, они должны были оформляться письменно, ибо распоряжение об этом исходило из великокняжеской канцелярии в столице, а получали их бояре по преимуществу у себя на родине или в другом отдаленном регионе страны.

Получателями пожалований в данном случае выступили писарь Федько Григорьевич (см. комментарий к № 263) и Михайло Сенькович — возможно, сын полоцкого боярина Сенька Радковича.

А. Л. Х., С. В. П.

264

[1486–1492 гг.] июня 6. Полоцк. — Послание пол. нам. Яна Юрьевича [Заберезинского] бурмистру и совету г. Риги с повторным требованием осуществить правосудие в отношении пол. мещанина Ивана Корейвы

Послание посвящено тому же вопросу, что и предшествовавшая ему грамота № 258, упоминаемая в тексте. Поскольку путь из Полоцка в Ригу занимал не менее недели, очевидно, № 264 и 258, датированные соответственно 6 июня и 29 мая, не могли быть написаны в одном и том же году. Вероятнее всего, № 264 был написан лишь через год после № 258. Поэтому в качестве нижней хронологической границы принят 1486 г.

С. В. П.

265

[1486 г.] августа [1–31]. — Приговор суда [кор. польск. и вел. кн. лит.] Казимира и панов рады по делу между мещанами, дворянами, черными людьми и «всем поспольством» г. Полоцка, с одной стороны, и пол. боярами, с другой, о порядке сбора «земской помочи»

Документ имеет форму судебного решения, вынесенного господарем и панами радой по жалобе полоцких мещан, городских дворян и черных людей на бояр. Это отразилось в его названии в заголовке XVI в.: слово «декрет» применялось к постановлениям и решениям по каким-либо судным делам.

Датировка грамоты определяется 4-м индиктом и итинерарием Казимира. На основании 4-го индикта прот. И. И. Григорович относил ее к 1456 г., И. И. Лаппо — к 1486 г. Однако 1 августа 1456 г. Казимир был в Нешаве, 1 августа 1471 г. — в Кракове, в июле — августе 1486 г. — в Троках (*Сулковска-Курасёва*. 1989. С. 286, 305, 323; Rutkowska. 2014. S. 150, 235, 325–326). Поэтому правильной оказывается датировка И. И. Лаппо.

Не свойственны великокняжеским документам середины XV в. термины «городские двораны», «чорные люди», указывающие опять-таки на конец правления Казимира. В документах полоцкого происхождения наиболее раннее бытование термина «дворянин» зафиксировал рижский проект договора Полоцка с Ригой от 17 мая 1405 г. (№ 49). Полоцкий проект не имеет статьи о «нелюбьи» между различными социальными прослойками Полоцкой земли и Ливонии, а потому лишен и этого термина. Вероятно, термин «дворянин» в № 49 относился к жителям Полоцкой земли, хотя конкретных данных о представителях этой прослойки населения не имеется. В великокняжеских документах обобщающего характера, где употребляются собирательные понятия (помимо № 265, это № 343), идет речь о «городских дворянах». В остальных случаях, когда в великокняжеских грамотах упоминаются дворяне, они именуются просто «нашими», т. е. господарскими. Так, дворянином Казимира был Иван Сенкович, потомок бояр Радковичей, выступавший в роли «децкого» великого князя (№ 348); дворянами Александра — Юхно Воронич (№ 376), Стефан (№ 399), дворянами Сигизмунда Старого — Пётр Семёнович Епимах (№ 401, 467; РИБ. Т. 20. Стб. 771, июль 1511 г.), Василий и Иван Глебовичи Корсаковичи (№ 427), Тыш Иванович Быковский (№ 451). В начале XVI в. известны лишь великокняжеские (господарские) дворяне, в их числе Пётр Семёнович Епимах и Иван Андреевич Полубенский (РИБ. Т. 20. Стб. 771, 401 (б.д.). О бытовании этого термина в начале XVI в. см. там же по указателю: «дворяне»). Термин «городские дворяне» мог распространяться на тех великокняжеских дворян, которые постоянно жили в данном городе, т. е. для грамот № 265 и 343 — в Полоцке, либо же обозначать владельцев дворов в «городе», т. е. замке (см. № 319, 320 и комментарий к ним). Как бы то ни было, употребление термина «городские двораны» применительно к одной из категорий населения Полоцка ведет к концу XV в.

Еще сложнее обстоит дело со вторым из указанных выше терминов — «чорные люди», который крайне редко встречается в источниках, относящихся к землям Великого княжества Литовского. Тем не менее «черные люди» упоминаются в Смоленске и в Полоцке (*Полехов*. 2014б; см. также № 459 настоящего издания). Анализ этих данных и их сопоставление с данными о «черных людях» других русских городов, прежде всего Новгорода и Пскова, показывает, что они представляли собой низший слой городского полноправного населения (*Алексеев*. 1980; *Лукин*. 2013).

В 80-е гг. отношения боярства и мещанства резко обострились. К этому времени явно обозначился перевес бояр в экономической и политической жизни города. Мещане же упорно боролись за сохранение прежнего положения, когда власть в Полоцке равномерно делилась между этими двумя слоями господствующего класса.

А. Л. Х., С. В. П.

266

[1487 г.] января 7. Полоцк. — Продажный лист мохонковлян Семёна Санковича, Андрея и Овсея Игнатовых и др. архиепископу пол. Ионе на землю Мохонковщину «вечно неподвижно» за 17 рублей (с указанием границ владений)

Датируется по имени архиепископа Ионы и 5-му индикту, который в его владычество приходился на 1 сентября 1486 г. — 31 августа 1487 г.

№ 266 — один из немногочисленных продажных листов (которые современники также называли купчими — см., например, № 421), сохранившихся до наших дней. Он написан городским дьяком Борисом Толандиничем (см. о нём комментарий к № 203), очевидно, по канонам, принятым в Полоцке для этого типа документов. Его открывает символическая инвокация в виде креста. За ней следует публикация (объявление), в № 266 отличающаяся от публикации договорной грамоты Полоцка и Риги 22 июля 1478 г. (№ 226). В публикации № 266 отсутствует «требование, чтобы было известно то, что будет объявлено далее», собственно и составляющее содержание этой части протокола. В № 266 оно заменено указанием на лиц, которые могут оказаться чтецами или слушателями нижеследующего акта; таким образом, публикация продажного листа занимает промежуточное положение между публикацией и инскрипцией (т. е. обозначением тех, кому документ адресуется).

Эти две части начального протокола, как правило, отсутствуют в купчих грамотах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, начинающихся непосредственно с интитуляции. В полоцком продажном листе здесь содержится поименное перечисление группы продавцов, выступающих в качестве единого юридического лица («вси мы посполито»), что несомненно указывает на принадлежность всей этой группы к единой социальной ячейке. Интитуляция № 266 также иная, чем в купчих Северо-Восточной Руси, где обычно указывается один продавец, но приближается к интитуляциям новгородских и псковских купчих, где также продавцами нередко выступают группы людей (смерды-рожитчане и т. д.).

В диспозиции указан факт продажи, имя и положение покупателя, объект сделки, его временные условия. В этом же разделе указана и цена земли. В диспозитивной части выделяется описание «рубежей» — границ продаваемой земли. Для позднейшего владельца земли В. П. Меницкого (XIX в.) именно эта часть представляла наибольший интерес, в связи с чем всю грамоту он называл «obodnica», т. е. «рубежная», «граничная».

Временные условия отражены двумя отдельными предложениями — одно излагает их в позитивной форме («продали есмо… вѣ*ч*но неподвижно»), второе — в негативной («…вси*м* намъ… не поискывати»). Второе — как бы переходное к санкции, где предусматривается штраф («вина») в 20 рублей за попытку вернуть («поискывати») продаваемую землю.

Диспозитивная часть продажного листа также отличается от соответствующих частей аналогичных современных документов из Северо-Восточной Руси. В последних отсутствует раздел о временных условиях сделки (он имеется в купчих Северо-Западной Руси), значительно короче описаны границы земли, если вообще описаны. По-разному определяется цена земли. В полоцком продажном листе, как в и новгородских и псковских купчих, нет того «пополонка», который неизменно присутствует при оформлении земельных сделок в Северо-Восточной Руси, — пережитка архаичных правил меновой торговли.

В конечном протоколе находится весьма развернутая корроборация — удостоверение о скреплении документа печатями свидетелей и обстоятельствах этого скрепления. Указан писец документа, его положение и дата.

Конечный протокол обнаруживает наибольшие черты сходства с другими русскими купчими. Свидетели («послухи»), имя писца купчей — неизменные части конечного протокола купчих Северо-Восточной Руси. В них, правда, как и в купчих Северо-Западной Руси, нет даты и сведений о скреплении документа печатями, вероятно потому, что последние не были в таком ходу у частных лиц, как в Великом княжестве Литовском.

Таким образом, формуляр полоцкого продажного листа весьма детализирован, что свидетельствует о длительном бытовании подобного рода документов в Полоцке. По аналогии с купчими грамотами Северо-Восточной Руси можно полагать, что формуляр продажного листа на землю в таком виде, в котором он предоставлен в № 266, вырабатывался на протяжении ряда столетий.

Социальное положение продавцов земли не совсем ясно. В двух документах (№ 249, 266) группа людей, состоящая из 5 мужчин и одной женщины со своими семьями (вероятно, Ос-

ташко Семёнов сын № 249 в № 266 назван Осташкой Максимовичем; кроме того, в № 266 прибавилась «наша невестка» Ульяна Терешкова с ее детьми Радивоном и Иваном) выступают в качестве правомочной единицы, покупающей и продающей землю, берущей на себя обязательство уплачивать дань и т. д. Как и в грамоте № 249, речь идет о свободной крестьянской общине, по-видимому даже не соседской, но кровнородственной, владевшей своими землями на правах аллода.

Их основные земли, если таковые еще оставались, располагались, по-видимому, где-то рядом с куплей архиепископа Ионы, о которой идет речь в грамоте № 266. Купленные же им земли находились на левом берегу р. Ушачи. Позднее пашенная земля Мохонковщизны располагалась между оз. Уличе, Грайно и Селигоры. На картах Генерального межевания находятся указанные грамотой места, кроме Хотьевичей. Как и прежде, в XVIII в. все эти земли были пашенными, их общая площадь составляла 12 верст.

Уличские владения архиепископа сохранились до середины XVI в. К владычному двору в полоцком замке тянуло село «на Вличох»: «В том селе людеи отчычов зъ их старцомъ дымов трыдцать тры, которые к тому двору уроком на год шесть недель служать, дани владыце дають меду пудъ один, солоду ржаного шеснадъцать четьвертокъ, овса деветънадцать четьвертокъ, сена два возы, хмелю пудъ один; сторожомъ замковым осмъ корцовъ овса и к тому по реце Вшачы и по реце Сосне на владыку бобры гонять. Там же, на Вличох, один чоловек с пашни своее всякого збожа владыце четьвертый снопъ даеть» (ПР 1552 г. С. 165).

Местность около Селигор в XVI в. находилась в руках мелкой шляхты. В писцовой книге XVI в. записано: «С. Силигор у оз. Селигора, пана Яцково Буцково» (*Калачов*. 1877. С. 441). Пан Яцко Буцков — это бывший мещанин, потомок Артема Буцкова Тулубея. То же относится и к Меницам: «Вол. Меницы на р. на Ушаче, а в ней храм Николы Чюдотворца, на погосте, 7 дв., да в той же вол. панских и земетцких сел и дев.: Микиты да Ивана да Якова Ондреевых детей Селявина да Олехна Рагозина да Гарасима Коробова да Григорья Глебова да пана Герчикова, да земцов: Олексея да Гордея Гридиных да Васки Матфеева да Ондрея Прокопова да Василья Петрова; а к тем селам 12 оз.» (*Калачов*. 1877. С. 440).

Покупателем этой земля, границы которой очень точно обозначены в грамоте, выступает архиепископ Иона. Этой грамотой открывается серия документов конца XV в., отразивших владычную деятельность по стяжанию земель.

Любопытен состав свидетелей этой сделки: архимандрит монастыря Св. Николы на Лучне Иона и еще 9 «добрых людей», принадлежность большей части которых к мещанам не вызывает сомнения. Микита Мокеевич — это, по-видимому, Колчижинич, а Фёдор представлял известный род Варушиничей (об этом роде см. комментарии к № 109 и 392). Нестер Онаньинич назван мещанином в записи о получении присяжного листа (№ 272), Иван Солок, очевидно, родственник Омельяна Солоковича, покупателя земли Зубрыковичи (№ 362). Иван Солок либо идентичен Ивану Солоковичу, «местскому дьяку» продажного листа 1507 г. (№ 416), либо является его близким родственником.

А. Л. Х., С. В. П.

267

[1487 г.] марта 30. Полоцк. — Послание пол. наместника Яна Юрьевича [Заберезинского] бурмистру, совету и «всем мещанам» г. Риги с требованием наказать риж. купцов, державших корчмы в г. Полоцке, с напоминанием об осуществлении правосудия в отношении пострадавших [от рижан полоцких] купцов

Датируется временем наместничества Я. Ю. Заберезинского (см. комментарий к № 256, 257) и 5-м индиктом, приходившимся в это время на 1 сентября 1486 г. — 31 августа 1487 г.

Вопреки ссылке на «докончанье старые записы», под которыми подразумевается, скорее всего, полоцко-рижский договор 1407 г. (№ 55), запрета держать корчмы в Полоцке не было ни в этом договоре, ни в договорах великих князей литовских с Ригой о полоцко-рижской торговле (№ 54, 73, 120). Такое требование выдвигали полочане в проекте договора 1405 г. (№ 52), но ни в один из договоров оно не было включено. Тем не менее полоцкие власти достаточно последовательно ссылались на этот запрет в контактах с Ригой (см. № 107, 108, 185).

Боярин Андрей Микитинич — очевидно, представитель одного из боярских родов Полоцка. В любом случае не был родственником кн. Матвея Микитинича, который выехал в ВКЛ из Русского государства в 1495 г. в свите княгини Елены Ивановны и прочно обосновался на новом месте, где остался и после смерти Елены в 1513 г. (*Казакоў*. 2011. С. 153–155).

А. Л. Х., С. В. П.

268

[1488 г. августа 7]. — Записи о выдаче [кор. польск. и вел. кн. лит. Казимиром] жалованья пол. боярину Сеньку Григорьевичу и его сыновьям Ивашку и Якубу

Записи датируются по нахождению в реестре Федька Янушковича (*Бережков*. 1946. С. 152. № 19).

Получателями пожалований выступили Сенько Григорьевич (Радковича) — один из крупнейших полоцких бояр, активно участвовавший в политической жизни города и его внешней торговле, и его сыновья Ивашко и Якуб.

А. Л. Х.

269

Упоминание

[1488 г. августа 8 — 1497 г. июня 7]. — Продажный лист полочан Давыда Осташковича и его братьи пол. боярину Ивашку Сеньковичу на землю на Осесне в Полоцком пов.

270

Упоминание

[1488 г. августа 8 — 1497 г. июня 7]. — Лист пол. боярина Ивашка Сеньковича о передаче [не названной по имени] матери кн. Семёна Богдановича земель на Осесне в Полоцком пов. «обель вечно» в счет долга размером в 50 коп гр.

271

Упоминание

[1488 г. августа 8 — 1506 г. марта 9]. — Продажный лист полочан полочан Андрея, Ходора и др., Ивановых детей Максимовича [не названной по имени] матери кн. Семёна Богдановича на земли в Полоцком пов.

Все три грамоты не сохранились до наших дней и известны лишь по упоминаниям в № 395. Их общей нижней хронологической границей служит следующий день после послед-

него упоминания полоцкого боярина Сенька Григорьевича Радковича — отца Ивашка Сеньковича (№ 268), верхней — дата № 395. См. также комментарий к № 395.

С. В. П.

271а

[1491 г. октября 11 — 1492 г. мая 11]. — Запись обращения кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира к властям Псковской республики с требованием положить конец несправедливостям, причиняемым жителями Псковской республики жителям Полоцкой земли, и выдать беглецов

Датировка документа затрудняется тем, что хронологическая дата приведена в нём лишь частично: пропущено название месяца. 7000 год соответствует 10-му индикту и приходился на 1 сентября 1491 г. — 31 августа 1492 г. Казимир умер в Городне 7 июня 1492 г., при этом вплоть до 19 сентября 1491 г. фиксируется его пребывание в Радоме, 24 сентября — в Мельнике, а с 14 октября — в Городне (*Rutkowska.* 2015. S. 356–359). Поскольку посольство псковичей он принимал, скорее всего, находясь в Великом княжестве Литовском, документ датируется промежутком между 11 октября 1491 г. и 11 мая 1492 г.

Настоящий документ важен как одно из редких свидетельств о взаимоотношениях Полоцкой земли с Псковской республикой — не только торговым партнером (см. № 217 и комментарий к нему), но и ближайшим соседом, куда бежали жители Полоцкой земли — очевидно, из-за усиления феодальной эксплуатации, как можно заключить из упоминания о боярских людях.

С. В. П.

272

[Около 1492 г.]. — Запись о получении полочанами «присяжного» листа

В 1-м издании ПГ документ был отнесен ко времени вскоре после смерти Казимира Ягеллона 7 июня 1492 г., а его составление связано с возведением Александра на великое княжение, состоявшимся, вероятно, 26 июля (*Papée.* 2006. S. 12), и присягой ему жителей ВКЛ. Однако документ сохранился в составе нынешней 4-й книги записей Метрики ВКЛ, включающей документы за 1479–1491 гг., тогда как документы, связанные с восшествием на престол Александра, образуют компактную группу в нынешней 5-й книге записей (LM. Kn. 5. № 267 и след. P. 172 etc.). Поэтому не исключено, что данная грамота относится к той же ситуации 1486 г., что отразилась в № 265.

Ряд получателей присяжного листа поддается идентификации. Дворянин Тулубек, очевидно, идентичен Артёму Буцкову Тулубею. Нестер Онаньинич был свидетелем продажи мохонковлянами земли полоцкому владыке Ионе в 1487 г. (№ 266). Исаак Гатиша, вероятно, родственник того Матвея Гатиши, который, возвращаясь из Риги, «провадил» товар Сенька Григорьевича Радковича (№ 240). Еську Тихи принадлежал к той же самой семье, что и Матвей Тиха, в числе других «добрых людей» выступавший свидетелем продажи земли Кунцей Евлашковичем Кожчичем (№ 316). Потомок этого рода Михей Тихий сидел на Великом посаде в Полоцке, на его земле жил 1 мещанин и платил ему позема 8 грошей (ПР 1552 г. С. 17).

Относительно идентификации других лиц, указанных в записи, можно высказать лишь гипотезы. В Полоцке 90-х гг. XV в. — начала XVI в. известен Мартин, брат Ивана Проселка (имя Проселка становится известным из документа от 16 марта 1533 г.: БА. Т. 2. № 160. С. 119), бывший вассал Остафия Корсака (№ 338), изгнавший вдову Проселка с ее земли — «вдовьего стольца» (№ 366), ведший торговлю в Риге в 1471–1487 гг. (№ 150), и «человек»

Я. Ю. Забрезинского, наместник с. Немещинского, участник пограничной войны с Русским государством в конце 80-х гг. XV в. (Сб. РИО. Т. 35. № II. С. 42, 44.). Некий «добрый местич» Грица, убитый дюнабургским комтуром до 1448 г. (№ 122), мог доводиться отцом Льва Грицова, а Санко Маркович, в 1477–1487 гг. пострадавший от самоуправства Ламберта Хюльшера (№ 218), — отцом Ходашка Санькова. Ходашко Саньков мог быть отцом Леонида Ходашковича, по реестру 1528 г. выставлявшего 2 коней в войско ВКЛ (РИБ. Т. 33. Стб. 195; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 140). «Кгирина» — не есть ли это испорченное при переписке «Скорина» (принимая во внимание, что диграф *кг*, обозначавший взрывной звук [г], совершенно не характерен для «руского» языка)? Мещанин Лукьян Скорина в мае 1492 г. упоминается в жалобных списках русского посла в Литовское княжество И. Беклемишева как виновник — вместе с мещанином Прокофьевым («купци полотцкие») — ограбления лучанина (жителя Великих Лук) Дорофея Иванова на 42 рижских рубля (Сб. РИО. Т. 35. № 16. С. 67). Примерно полувеком ранее, в 40-е годы XV века, полочанин Гридко Скорина торговал с Ригой воском (LECUB. Bd. 10. № 194. S. 128-129; *Полехов*. 2015).

А. Л. Х., С. В. П.

273

Упоминание

[Около 1492 г.]. — Лист полочанина Волфромея Ходотова сына Есковича о записи двора в г. Полоцке Ивашку Сопежичу

Датировка условна. См. комментарий к № 344.

274

Упоминание

[Около 1492 г. — 1500 г. мая 27]. — Продажный лист пол. мещан, путных людей Федка и его брата Михалка, Андреевых детей Висковича и др. Петрашку Фёдоровичу Юрцевича на земли на Горспле на оз. Обиж в Полоцком пов. «обель вечно»

Нижняя хронологическая граница условна, верхней служит дата упоминания продажного листа. См. комментарий к № 364.

275

Упоминание

[Около 1492 г.]. — Продажные листы [неназванных лиц] Лениду на земли в г. Полоцке

276

Упоминание

[Около 1492 г. — около 1506 г.]. — Продажный лист [неназванных лиц] Митьку Ленидовичу на участок земли в г. Полоцке

Датировка № 275 и 276 условна. См. комментарий к № 413.

277

[1492 г.] февраля 2. — Соглашение Семёна и Ходора Ивановых Васковичей с [пол. боярами] Богданом и Глебом Остафьевичамм [Корсаками] о продаже матерью Васковичей сельца Плисица [в Полоцком пов.] в обмен на отказ от посягательств на владения по берегу одноименной реки

Датируется по индикту и упоминанию Богдана и Глеба Остафьевичей Корсаков как совместных владельцев земель, еще не разделившихся после смерти их отца Остафия, наступившей в декабре 1485 г. (см. комментарий к № 194).

С. В. П.

278

Упоминание

[1492 г. февраля 3 — 1507 г. августа 11]. — Раздельный лист [пол. бояр] Богдана и Глеба Остафьевичей [Корсаков] на их имения

Датируется промежутком времени между № 277, в котором Богдан и Глеб Остафьевичи еще выступают совместными владельцами земель, и № 420, в котором упоминается вдова Глеба Остафьевича.

С. В. П.

279

Упоминание

[1492 г. февраля 3 — 1496 г. июля 17]. — Лист [пол. боярина] Богдана Остафьевича [Корсака] Проселку и его брату Мартину о держании половины земли Фалеевщины с людьми на р. Островне [в Полоцком пов.] при условии службы Богдану Остафьевичу

280

Упоминание

[1492 г. февраля 3 — 1496 г. июля 17]. — Лист [пол. боярина] Глеба Остафьевича [Корсака] Проселку о держании половины земли Фалеевщины с людьми на р. Островне [в Полоцком пов.]

Поскольку каждый из братьев Остафьевичей выдал грамоту от своего имени, они датируются промежутком времени между разделом сыновей Богдана (не ранее 2 февраля 1492 г., см. № 277, 278) и их наиболее ранним упоминанием (№ 338). См. также комментарии к № 338, 346.

С. В. П.

281

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1500 г. мая 27]. — Завещание Петрашка Фёдоровича Юрцевича и его жены Ульяны их зятю Васку Исаковичу, дьяку господарского писаря Ивашка Сопежича, на все их имения в Полоцком пов.

Нижней границей этой грамоты, как и последующих частных документов полочан, условно служит начало правления великого князя литовского Александра Ягеллона (см. комментарий к № 272), верхней — упоминание в его документе. См. также комментарий к № 364.

Граффито о смерти короля Казимира в полоцкой Спасо-Преображенской церкви датирует вокняжение его сына Александра 31 июля 1492 г. Возможно, эта запись была сделана несколько позже названных событий, поскольку в той же строке и тем же почерком сообщается, что Александр побывал в Полоцке «на 5-е лѣ*т*(о)», т. е. в 1497 г. (*Калечыц*. 2011. С. 120, 222).

С. В. П.

282

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. мая 11]. — Продажный лист [не названных по именам] тяглых людей Полоцкого пов. [пол. мещанину] Петру [Хариничу] на четыре «следа» в Полоцком пов. на р. Сарье

283

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. мая 11]. — Продажный лист пол. мещанина Митка Петровича браславскому и жижморскому наместнику Ивану Сопеге на владения в Полоцком пов. на р. Сарье, с описанием их границ

284

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. мая 11]. — Продажный лист путных слуг Полоцкого пов. Сидора, Ходора и Ивана Андреевичей и др. браславскому и жижморскому наместнику Ивану Сопеге на землю в Полоцком пов. на р. Сарье

285

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. мая 11]. — Продажный лист тяглых людей Полоцкого пов. Радивона и Лукьяна Щолкановичей браславскому и жижморскому наместнику Ивану Сопеге на землю в Полоцком пов. на р. Сарье

Нижней хронологической границей грамот № 282–285 служит вокняжение Александра Ягеллона (см. комментарий к № 281), верхней — их упоминание в подтвердительном листе

этого великого князя (№ 397). Поскольку покупатели земель в Великом княжестве Литовском в начале XVI в. старались достаточно быстро утвердить свои купли у господаря (см. № 416, 421 и комментарии к ним), следует думать, что и сделки, зафиксированные № 282–285, произошли в первые годы XVI в., возможно, около 1505 г.

С. В. П.

286

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист путных слуг Полоцкого пов. Репчиничей, Ворониничей и др. пол. боярину Фёдору Ловейку и его племяннику Васку на землю в с. Тоболчиничи Полоцкого пов.

287

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Лист вел. кн. лит. Александра о подтверждении купли пол. боярина Фёдора Ловейка и его племянника Васка у путных слуг Полоцкого пов. на землю в с. Тоболчиничи Полоцкого пов.

Поскольку грамота № 287 о подтверждении купли была выдана Александром, то и сама купля, зафиксированная № 286, надо полагать, состоялась незадолго до этого (см. № 416, 421 и комментарии к ним). Условно датируем обе грамоты периодом княжения Александра.

С. В. П.

288

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра [пол. боярину] Глебу Остафьевичу [Корсаку] на человека Селивестра с тремя сыновьями и пятью «братаничами» в с. Горки Полоцкого пов.

289

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Костюшку Волфромеевичу на три службы людей и пустую землю Перфуровщину в Полоцком пов.

290

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Костюшку Волфромеевичу на людей Кузьму и Кострицу в с. Домники и две «пустовщизны» их братьи в Полоцком пов.

291

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Костюшку Волфромеевичу на «пустовскую землю» Козловщину в Полоцком пов.

292

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Костюшку Волфромеевичу на «пустовскую землю» Токаревщину в Полоцком пов.

293

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на людей с землей и обязанностью уплачивать бобровщину в Полоцком пов.

294

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на пустые земли на оз. Росоно в Полоцком пов.

295

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист бояр и путных людей Полоцкого пов. Ивашка Горла и его сына Васка, Понасовых детей Шипиловича и др. пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на их владения в Юховицкой земле Полоцкого пов.

296

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист путных людей Ходора и Игната Кузминых детей, Мафея Гавриловича и др. на земли в с. Юховичи Полоцкого пов.

297

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист Окатия Новошича и Костюшка Волхромеевича на земли в с. Захарьиничи Полоцкого пов.

298

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист пол. мещан Терешка и Максима, Ходоровых сынов Сорочковича, пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на сельцо «на Черепете» в Полоцком пов.

299

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист Маньки Ивановой Лясковой и ее сына Андрея и др. пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на землю на р. Оболь в Полоцком пов.

300

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист Ивашка Михашковича Головни пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на землю на р. Оболь в Полоцком пов.

301

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист Костька Климятина сына пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на землю «на Девичи» в Полоцком пов.

302

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист Якуба Митьковича и его братаничей пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на землю в с. Забелье Полоцкого пов.

303

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист Степана и Филиппа Лукьяновичей пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на землю в с. Санники Полоцкого пов.

304

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист Екима Есиповича пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на путную землю в с. Пименовщина Полоцкого пов.

305

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Продажный лист пол. мещанки Ланковой Синцовой пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на дворище в г. Полоцке

306

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра [пол. боярину] Глебу Остафьевичу [Корсаку] на людей с их землями и тремя пустовщинами на р. Мочаже в Полоцком пов.

307

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Никифору Коробовичу на людей Ромболтовичей, их «братанича» Зеновка и его невестку Нелюбу на р. Менице в Полоцком пов.

308

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра кн. Фёдору Ивановичу Глинскому на людей Овдеевичей и Тулубеевцев в Полоцком пов.

309

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1498 г. октября 4]. — Уставной подтвердительный привилей вел. кн. лит. Александра Полоцкой земле

310

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Василию Богдановичу Яцкевича с братьей на путного человека Семёнка Сверщка с детьми и их земли «на Нещерци»

311

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра Олексеевичам на пожалование вел. кн. лит. Казимира их перевода с путной на панцирную службу

312

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Лист вел. кн. лит. Александра об освобождении жителей с. Дольцы от давания подвод

Жалованные листы великого князя литовского Александра № 288–294, 306–308 и 310, известные лишь по упоминаниям, датируются периодом его правления. Хотя во всех этих упоминаниях Александр называется королем, соответствующие грамоты могли быть выданы им и до коронации, в период великого княжения (см. комментарий к № 98).

К периоду правления Александра условно относим и многочисленные (№ 295–305) продажные листы на купли Ивана Зеновьевича Корсака, предъявленные им Сигизмунду Старому в 1507 г., коль скоро в его подтвердительном листе упоминаются «листы дозволеные» Александра и полоцких «де*р*жавецъ». При этом ни те, ни другие не приведены в качестве отдельных упоминаний, поскольку неизвестно ни их точное количество, ни кто конкретно из полоцких наместников и воевод эпохи Александра (Ян Юрьевич Заберезинский, Юрий Пацевич, Станислав Глебович) санкционировал своими грамотами купли Корсака.

Верхней хронологической границей областного привилея Александра Полоцкой земле (№ 309) служит дата выдачи им привилея г. Полоцку на магдебургское право (№ 349), что обосновал еще Я. Якубовский (*Якубовский*. 1903б. С. 273–274).

О реалиях грамот № 288–312 см. комментарии к содержащим их упоминания грамотам № 420, 422, 423, 427, 433, 444, 479. О с. Дольцы, упомянутом в № 312, см. комментарий к № 353.

С. В. П.

313

Упоминание

[1492 г. июля 26 — 1506 г. августа 19]. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра об освобождении пол. мещан от уплаты мыта на территории Вел. кн-ва Литовского

Датировка акта расширена по сравнению с 1-м изданием ПГ на том основании, что в позднейших пересказах и даже копиях документов титулатура монархов не всегда передавалась с безукоризненной точностью (см. комментарий к № 98). Поэтому, несмотря на то, что грамота называет Александра королем, она могла быть выдана также в период, когда он был лишь великим князем литовским.

Не совсем понятно, о какой именно грамоте Александра идет речь. Это вполне может быть магдебургский привилей Полоцку 1498 г., где также говорится о том, что полочане освобождаются от выплаты мыта на территории всего Великого княжества Литовского, «как вилневцы и трочане». Однако не исключено, что имеется в виду уставная подтвердительная грамота Александра всей Полоцкой земле, которая не дошла до нас, но, безусловно, существовала. В подтвердительном уставном привилее Полоцкой земле, выданном 23 июля 1511 г. Сигизмундом Старым, находим сообщение о том, что «мыта имъ ѡтъпꙋстили по вьсеи нашои державе» (№ 476, ст. 33). Уставная подтвердительная Александра имела много общего с аналогичным привилеем его брата и, по всей видимости, содержала такой же пункт. Исходя из существовавшей тогда практики, Александр издал свою областную подтвердительную грамоту Полоцкой земле в течение нескольких ближайших лет после занятия престола. Для примера, Сигизмунд Старый издал подтвердительную областную грамоту Полоцкой земле через пять лет после того, как пришел к власти в Великом княжестве Литовском, а его сын Сигизмунд Август — через три года (в 1547 г.).

См. также комментарии к № 69, 84.

В. А. В.

314

[1492 г.] сентября 4. Марково. — Лист вел. кн. лит. Александра пол. наместнику Яну Юрьевичу [Заберезинскому] о подтверждении пол. боярину Васку Сенковичу и его «братье» пожалования [вел. кн. лит. Казимира] их деду Гридку и их отцу Сенку на с. Свило в Полоцком пов.

Датируется по 11-му индикту и княжению Александра, пребывание которого в Маркове подтверждается другим документом, выданным днем ранее (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 160).

Это первая из подтвердительных грамот Александра, данная крупнейшим полоцким боярам времени Казимира (№ 268). Вокняжение Александра, обещавшего сохранить все прежние владения бояр, сопровождалось массовым пересмотром и подтверждением их прав. Вероятно, Сеньковичи Радковичи Кублицкие получили с. Свило в первые же годы княжения Казимира. Как и все пожалования середины XV в., о которых упоминают документы конца века, оно было наследственным. На с. Свило претендовали дети Семёна и внуки Григория.

С. Свило — в юго-западной части Полоцкой земли, на р. Шоше или на р. Мноте (?), правом притоке Дрисенки. С. Свило находилось на самой границе Полотчины, так что во время описания Полоцкого повета в 1570 г. московским писцам пришлось специально подчеркнуть, что Лукомль, Чашники, Кубличи, Свило, Ивановщина — «те села и волости Полотцкои повет» (*Калачов.* 1877. С. 435). В XIX в. здесь располагалось 6 топонимов, производных от «Свило» — 3 деревни (меньше 10 дворов) под названием Свилки, 2 села — Свила (одно — до 50 дворов) и, наконец, село до 500 дворов — Подсвилье. От сев. Свилы до Подсвилья 6 верст, от зап. Свилков до Подсвилья 8 верст. Общая площадь земель, носивших название Свилы, — около 45 кв. верст.

Сравнение этой грамоты с № 266 ясно показывает разницу в величине боярских и крестьянских земель. Если в № 266 группе полочан из 8 человек, не считая членов их семей, принадлежало в общей сложности около 12 кв. верст, то боярин только за один раз получал земли в 4 раза больше. Разница заключается и в том, что свободные полочане вынуждены были расставаться и с этой землей, а бояре, наоборот, увеличивали свои земельные владения, приобретавшие всё большую ценность.

С. Свило в середине XVI в. принадлежало шляхтичам Кублицким — Семёну Митьковичу, Фёдору Богдановичу, Грынашку и Ганне Лаврыновне, вдове Василия Олехновича Кублицкого. В их владении находилось в общей сложности 44 дыма отчизных людей, жил 1 слуга путный. Кроме того, они имели владения в Кубличах, откуда и получили свою фамилию, в Ставровичах в Березынцах (ПР 1552 г. С. 128–130). Фамилия Кублицкие сменила Сеньковичей—Радковичей. В реестре 1528 г. значатся «Богдевичи Кублицкие» (сыновья Богдана Сенковича) и Семён Григорьевич (безо всякого родового имени), обязанные выставлять 4 и 1 коня (РИБ. Т. 33. Стб. 194; МВКЛ. Кн. 523. С. 154-155; LM. Kn. 523. P. 139). Генеалогическую схему Сеньковичей—Радковичей см. на с. 422 настоящего тома.

А. Л. Х., С. В. П.

315

1492 г. декабря 12. Троки. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра господарскому писарю Федку Григорьевичу на людей полян Полоцкого пов. «вечно»

Документ имеет полную дату, которая подтверждается итинерарием Александра: его пребывание в Троках фиксируется с 30 октября по 17 декабря 1492 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 160).

Федько (Фёдор) Григорьевич — один из наиболее деятельных великокняжеских писарей 80-х – 90-х гг. XV в. не только внутри Великого княжества Литовского, но и за его пределами. Фёдор Григорьевич был членом великого посольства января — февраля 1494 г. о заклю-

чении мира и брачного договора Александра и Елены Ивановны, послом в марте 1496 г., членом посольства во главе со Станиславом Петрашковичем Кишкой в апреле 1500 г. (Сб. РИО. Т. 35. № 24. С. 112–137; № 42. С. 215–219; № 64. С. 295–300; ПСРЛ. Т. 27. С. 366). Им составлен реестр пожалований Казимира 1486–1490 гг., так называемый Федков реестр (*Бережков*. 1946. С. 117. № 19; *Банёнис*. 1978. С. 34; *Груша*. 2006б. С. 145).

В руки великокняжеской бюрократии при Александре переходят земли из числа тех, которые входили непосредственно в великокняжеский домен, «тянули» к дворам Черсвятскому или Бельчицкому.

Двор в Черсвятах находился, вероятно, на месте так называемого «Дворца» XIX в., где рядом с господским двором располагалась церковь. Свое название двор получил от наименования левого притока р. Полоты, р. Червятки, вытекавшей из оз. Червито (Черсвято) и впадавшей в р. Полоту в 4 верстах выше «Дворца» (подробнее см.: *Варонін*. 2013б).

Топонима «Поляне» в середине XVI в. уже не существовало. Вероятно, его место с течением времени заняло другое поселение — Заполье, село в 1 км к юго-западу от оз. Черсвято.

Вряд ли возможна другая интерпретация происхождения этого топонима, как обозначения людей, живших непосредственно на р. Полоте, хотя в XIX в. в 2 км к северу от дворца находилось селение под названием «Полота». Против этого предположения говорит прежде всего суффикс первого топонима -ян- (ср. полоч-ан-е) и отсутствие вблизи от Полоты XIX в. какого-либо озера, о котором идет речь в жалованном листе. Впрочем, не исключено, что упоминание «с озеры» — просто элемент обычной формулы диспозитивной части жалованного листа.

В южной части Полоцкой земли находится оз. Черствито, вокруг которого располагалось несколько селений того же названия. И в этом районе нет никаких топонимов, производных от «полян» или намекающих на то, что в них была резиденция великокняжеского наместника. Однако писцовая книга пишет о последнем прямо: «Вол. Черстие, писано Судиловичи, с. королевское — Черствие, а в нем был храм Архангила Михаила. С. королевское Судиловичи, на Ушаче» (*Калачов*. 1877. С. 440). По-видимому, Черсвяты во второй половине XVI в. переменили название на Судиловичи. Таким образом, Черсвяты грамоты № 315 находились в районе оз. Черсвяты к югу от Полоцка.

А. Л. Х.

316

1493 г. мая 16. [Полоцк]. — Продажный лист [пол. мещанина] Кунцы Евлашкова Фёдоровича [Кожчича] Орине Петровой Харинича и ее сыновьям Гридку и Митку на село на р. Ушаче [в Полоцком пов.] за 70 коп широких гр. «вечно, непорушно», с указанием границ владений

Упоминание об этой грамоте содержится в работе крупнейшего знатока полоцкой истории Р. Меницкого (*Mienicki*. 1930. S. 902).

Поздняя (XVIII в.) копия, сохранившаяся в книгах Главного трибунала Великого княжества Литовского, в целом довольно правильно передает оригинал. Документ не вызывает сомнений в подлинности. Формуляр его в основных чертах повторяет формуляр продажного листа № 266, написанной тем же городским писцом Борисом Толандиничем. Отличия формуляра № 316 от № 266 незначительны. Так, в копии не указано наличие символической инвокации в виде креста, переставлены местами интитуляция и инскрипция, так что первая предшествует второй. В диспозиции № 316 имеются все те же разделы, что и в № 266.

Значительно подробнее, чем в № 266, описание рубежей продаваемой земли, в особенности его вторая половина, содержащая некоторые полонизмы («бужавый», «нахол»).

Временные условия выражены несколько иными словами: «вечно непорушно» вместо «вечно неподвижно» № 266.

В санкции предусматривается штраф в «две гривны золота» полоцкому воеводе. Архаичное выражение размера штрафа (в гривнах, да еще и золота, которое не использовалось в реальных расчетах) находит соответствие в № 347. То же относится и к воеводе: хотя последовательно это название высшей должности местного управления начинает употребляться лишь в начале XVI в., оно достаточно часто встречается на протяжении всего XV в., особенно в середине — второй половине столетия, чередуясь с термином «наместник».

Конечный протокол содержит сведения о свидетелях, скреплении продажного листа печатью продавца земли и имени писца. Грамота точно датирована.

Обращает на себя внимание способ датировки грамоты. В дате подчеркивается не то, что миновал 7000-й год, а то, что началась восьмая тысяча лет от Сотворения мира. В Полоцке, как и в других частях Руси, с большим опасением и напряжением ожидали наступления «восьмой тысячи» (*Лурье.* 1960. С. 380–383; *Романова.* 2002). Эти ожидания не были чужды и полочанам. Об этом говорят пропуски сотен в датах смертей полоцких бояр в граффити на стенах Спасо-Преображенского храма (*Калечыц.* 2011. С. 117–120).

В целом формуляр продажного листа соответствует другим аналогичным документам конца XV в.

Свидетели — это по большей части известные по другим грамотам лица. В 1534 г. Бириболдичи (Бириболдиничи) вместе с другими родственниками вынуждены были доказывать свое «благородное» происхождение, скорее всего от боярина середины XV в., державшего медовый ключ (№ 25, 93, 94, 154). О Матвее Тихе см. выше № 272.

Покупательница этого села — одна из родоначальниц рода Меницких, Ирина, была вдовой Петра Харинича (об их сыне Дмитрии Петровиче см. подробнее № 416, 421, 473). Один из ее сыновей, упомянутых в грамоте, Митко Петрович позднее был полоцким войтом и лентвойтом (РИБ. Т. 33. Стб. 194–195; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 139; БА. Т. 2. С. 176–177; *Воронин.* 2012в. С. 240, 241). Он был женат на дочери Волфромея Есковича и Татьяны, которые записали ему и продали ему имение на Начи и на Бедрице. Это второе имение перешло в руки третьего мужа дочери Волфромея Есковича Андрея Михайловича Епимаховича (БА. Т. 2. С. 154; ПР 1552 г. С. 152). Однако села на Ушачи, упомянутого в настоящей грамоте, не оказалось в руках А. М. Епимаховича.

Орина Петровна приобрела земли, находившиеся далеко от того имения, которое дало имя этому роду, т. е. от Меницы.

Продавец села — сын знаменитого в 50–80-х гг. XV в. Евлашка Фёдоровича Козчича (Кожчича). Судя по № 316, владения Кожчича были разбросаны далеко друг от друга. Село на Ушачи (см. № 147) находилось в 60 верстах по прямой от села Усая.

А. Л. Х., С. В. П.

317

1494 г. октября 26. Ковно. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Глебу Остафьевичу [Корсаку] на имения Узда, Гатово и Закревье [в Менском пов.] «вечно»

16 октября 1494 г. Александр был в Бирштанах, 26 октября — в Ковно, 12 ноября — в Троках (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 165).

Включение настоящей грамоты в издание условно, поскольку подтверждаемые полоцкому боярину Глебу Остафьевичу Корсаку имения Узда (на р. Уздянке системы Немана), Гатово (село на р. Свислочи) и Закревье находились не в Полоцком, а в Виленском повете (*Любавский.* 1892. С. 121). Казимир вернул Михайлу, Василию и Ивану Корсакам Узду, которую держал их отец, еще в 1450 г. (LM. Kn. 3. P. 28). Земли Корсаков находились и в вол. Пупо-

вичи, взятой к Великим Лукам до 1494 г. (Сб. РИО. Т. 35. № 21. С. 122). Грамота включена в издание как важный источник для реконструкции генеалогии и характеристики крупного землевладения влиятельного рода Корсаков (см. подробнее: *Варонін*. 1998. С. 39–49, 53, а также генеалогическая схема на с. 420 настоящего тома). Однако Корсаки, владевшие Уздой и Гатовом в Менском повете, и полоцкие Корсаки – это совершенно разные роды. Генеалогически они никак не были связаны между собой, во всяком случае эти связи никак не прослеживаются на уровне источников. Кроме того, они пользовались разными гербами. Судя по всему, полоцкие и менские (новогородские) Корсаки были всего лишь однофамильцами – и не более того. Вероятно, к роду полоцких Корсаков не принадлежал и Ивашко Корсакович, владевший сёлами Винники и Калусов во Владимирском повете на Волыни (LM. Kn. 22. № 9.23, 9.24. P. 95–97).

Корсаковичи занимали ведущее место среди бояр Полоцка. В свите литовских послов, прибывших в Москву за великой княжной Еленой в январе 1495 г., значились не только полоцкий наместник Я. Ю. Забрезинский, но и два Корсаковича (Сб. РИО. Т. 35. № 31. С. 160).

В грамоте нет еще последовательности в употреблении терминов «имения» и «отчина». Одни и те же земли называются обоими терминами: отчина его жены, имения его и его шурина — все они, вероятно, рассматривается еще как имения.

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

318

[1495 г.] марта 11. Вильня. — Приговор суда вел. кн. лит. Александра и панов рады по делу между пол. боярами Васком, Гаврилом и Богданом Сеньковичами Радковича, с одной стороны, и крестьянами с. Свило в Полоцком пов., с другой, о владельческой принадлежности последних

Датируется по индикту, княжению Александра и наместничеству Я. Ю. Заберезинского. Пребывание Александра в Вильне фиксируется с 3 декабря 1494 г. по 22 августа 1495 г. (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 165–167).

О тяжбе Радковичей с жителями с. Свило см. № 314. В 1495 г. состоялся полный пересмотр дела, с предъявлением грамот Сенька Гедигольдовича и Андрея Саковича. По-видимому, временное нарушение прав Гридковичей Андреем Саковичем давало жителям с. Свило некоторые основания для непризнания своего подданства Радковичам, и в 1492 г., узнав о подтверждении Александра, они не успокоились. В 1495 г. свиляне проиграли дело. Странно, что в грамоте 1495 г. нет ссылки на предшествующую грамоту 1494 г. Может быть, это просто объясняется беспорядком в делах великокняжеской канцелярии.

А. Л. Х., С. В. П.

319

[1495 г.] апреля 13. Вильня. — Приговор суда вел. кн. лит. Александра по делу между пол. городскими дворянами Занком, Иваном и Федком Пантелеевичами, с одной стороны, и их «братьей» Иваном и Ходором Ивановичами, с другой, о половине [с.] Стукачева и земле Свиряевщине [в Полоцком пов.]

320

[1495 г.] апреля 13. Вильня. — Приговор суда вел. кн. лит. Александра по делу между пол. городскими дворянами Занком, Иваном и Федком Пантелеевичами, с одной стороны, и их «братьей» Иваном и Ходором Ивановичами, с другой, о половине [с.] Стукачева и земле Свиряевщине [в Полоцкрм пов.]

Датируются по индикту и времени правления Александра. Пребывание Александра в Вильне фиксируется с 3 декабря 1494 г. по 22 августа 1495 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 165–167).

Грамоты являют собой пример того, какими неточными или вообще ошибочными могли быть заголовки документов Метрики Великого княжества Литовского, составлявшиеся при переписке этих книг в конце XVI — начале XVII в.

Полоцкие городские дворяне, о которых идет речь в судебном решении, упоминаются лишь в источниках последней четверти XV в. В приговоре суда Казимира 1486 г. (№ 265) они выступают вместе с полоцкими мещанами, черными людьми и «всем поспольством» как антагонисты местных бояр. Согласно этому документу, городские дворяне вместе с другими вышеуказанными группами населения Полоцка принимали участие в местных «соймах». Еще раз дворяне упомянуты как одна из основных социальных групп Полоцка наряду с мещанами и «поспольством» в № 272.

Вероятнее всего, название городских дворян получили те жители Полоцка, которые владели дворами в «городе», то есть в замке. Согласно данным Полоцкой ревизии 1552 г., в полоцком замке находилось 130 дворов «князских, панских, земянских…, церковных…, мещанских» (ПР 1552 г. С. 15). Наверняка и в XV в. городские дворяне не были единственными владельцами замковых дворов. Однако выделение городских дворян в отдельный слой городского населения и само значение этого слоя в жизни Полоцка было обусловлено, по всей видимости, именно тем обстоятельством, что им принадлежало много дворов, а значит, и немалая доля земли в самом престижном и самом безопасном районе города.

Происхождение социальной группы городского дворянства вряд ли было очень уж древним. Скорее всего, она выделилась в том же XV веке в результате общего процесса социальной дифференциации, который в ту эпоху особенно интенсивно шел в Полоцке. Исчезновение же этого специфичного местного социального слоя, думается, следует связывать с пожалованием Полоцку магдебургского права в 1498 г. Однако переход всех городских дворян в разряд мещан, как это можно было бы предполагать, не так очевиден. Есть основания полагать, что среди них были и те, кто пополнил шляхетское сословие. И здесь, по всей видимости, решающую роль сыграл факт владения землями за пределами города.

Документ сообщает о том, что по крайней мере некоторые городские дворяне владели землями в сельской местности, причем достаточно далеко от Полоцка. Так, земля Свиряевщина (ныне — деревня Свиравщина в Бельковщинском сельсовете Верхнедвинского р-на Витебской обл.) находилась на р. Свольне, примерно в 50 км к северо-западу от Полоцка. В той же местности лежало и Стукачево. Еще в XX в. существовала одноименная деревня, но в современных справочниках это название значится как исчезнувшее (Назвы. 2009. С. 155). «Дворецъ Стукачевщына» упоминается в ревизии 1552 г. как владение мелких полоцких шляхтичей Валфромея и Матвея Заньковичей (ПР 1552 г. С. 162). Не вызывает никаких сомнений то, что они были сыновьями городского дворянина Занька Пантелеевича, который фигурирует в документе.

В. А. В.

321

[1495 г.] июля 13. Вильня. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Сеньку Григорьевичу на подтверждение [вел. кн. лит. Казимира] купли у путных слуг из с. Усая в Полоцком пов. Максима Осиповича, Еремея Якимовича, Харпы Якововича и др. земель

Датируется по индикту и упоминанию великого князя литовского Александра. Датировка подтверждается его итинерарием (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 165–167).

Сенько Григорьевич — по-видимому, имеется в виду не представитель рода Радковичей, а некий другой полоцкий боярин, носивший такие имя и отчество. Сенько Григорьевич Радковича до 1488 г. был отправлен наместником в Великие Луки для сбора дани и урегулирования порубежных конфликтов. Русские наместники не впустили его туда. Казимир жаловался на то, что дань с этого района «не доходит» в великокняжескую казну (Сб. РИО. Т. 35. № 4. С. 15). В мае 1492 г. были составлены списки жалоб московской стороны, которые посол в ВКЛ И. Беклемишев должен был представить королю. Там значились жалобы и на людей Сенька Григорьевича, ограбивших на полоцкой дороге лучанина Пантелея на 13 с половиной рижских рублей и убивших его (Сб. РИО. Т. 35. № 16. С. 67). Стало быть, до начала 1492 г. Семён Григорьевич был жив. Но поскольку в грамотах № 314 и 318, составленных в декабре 1492 г. и марте 1495 г., со свилянами тяжутся сыновья Сенька Григорьевича Радковича, скорее всего, сам он к этому времени уже умер.

Позднейшая история с. Усваи (если оно не перешло в другие руки) также заставляет усомниться в правильности идентификации Семёна Григорьевича № 321 с Сеньком Григорьевичем Радковича. Согласно полоцкой ревизии 1552 г., дворы Усвие держат Епимахи — Богдан Андреевич, а также Фридрих, Ян и Василий. Для каждого из них это имение — «отчызное». Во владениях Богдана и трех его родственников было 15 дымов + 18 дымов, 5 слуг путных + 2, «которые ему конем служат» (ПР 1552 г. С. 115–116).

С. Усвая находится на оз. Усвее в среднем течении Двины ниже устья Уллы.

Продавцами земли в 1463–1484 гг. были 16 путных людей, по большей части родственников. Уже при Олехне Судимонтовиче (скорее всего, в конце его наместничества) и Богдане Андреевиче начался переход земель путных слуг в руки бояр.

А. Л. Х.

322

[1496 г.] января 17. — Лист вел. кн. лит. Александра пол. наместнику Яну Юрьевичу [Заберезинскому] о подтверждении полочанам Омельяну Андреевичу и его брату Тишку Заскоркину бортной земли и права гнать бобров на реках Ушаче и Сомнице

Датируется по индикту, трокскому каштелянству и полоцкому наместничеству Я. Ю. Заберезинского. Пребывание Александра в Городне фиксируется с 17 января по 2 марта 1496 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 168–169). О полоцком мещанине Иване Булавине, его владениях и документах, упоминаемых в № 322, см. № 98, 99, 132, 136, 151, 152 и комментарии к ним.

Земли «на Вшачи и по Всомници», несмотря на неопределенность их обозначения, удается идентифицировать (подробнее см. № 98 и комментарий к нему). В листе Сигизмунда Старого Глебу Ивановичу Ясману от 19 августа 1544 г. их границы в соответствии с продажным листом Никоновичей, чей отец купил эти земли у Норона, который, в свою очередь, приобрел их у Заскорок — наследников Ивана Булавина, описаны следующим образом: «почо*н* ѡ*т* самое речки Вшачое болото*м* до Великое дороги, а чере*з* Великую дорогу и чере*з* мо*х* до*л*ги*и* болото*м* ты*м* же к Заско*р*чыне пашни, по*д*ле владыное *(так в ркп. — Сост.)* зе*м*ли луговиною в Караси*н*ски*и* мо*х* и в острово*к* сосновы*и*, што межы ѡзе*р*, с остро*в*ка в Со*м*но або ȣ-в

Островно ѡзеро, а ты*м* ѡзеро*м* просто в реку Со*м*ницꙋ, што с того ѡзера Со*м*на тече*т*, а Со*м*ницею рекою ꙋ-в Ушачу реку» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 258 об. — 259).

В XIX в. большая часть этой земли была занята болотами. Вероятно, и в конце XV в. это была малопригодная для земледелия земля, несмотря на упоминание «земли пашной» в купчем листе Никоновичей (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 258 об.): недаром в № 322, как и в № 98, говорится лишь о бортной земле и бобрах в озере и реке.

А. Л. Х., С. В. П.

323

[1496 г.] марта 12. Бериты. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. наместнику Яну Юрьевичу [Заберезинскому] на имение Дубина «вечно»

Датируется индиктом, именем Александра и его наместника Яна Юрьевича Заберезы (Заберезинского, Забрезинского). Пребывание Александра в Берштах фиксируется с 5 по 21 марта 1496 г. (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 169).

Грамота включена в настоящее издание условно, как свидетельство размещения и формирования земельных владений литовских вельмож, занимавших должность полоцкого наместника/воеводы в XV в.

Заберезинские имели родовые земли к северо-западу от великокняжеского двора Ошмены в Заберезье на р. Бондаревке Ошмянского у. (см. комментарий к № 256). Яну Юрьевичу же, после того как в 1507 г. он был сведен с трокского воеводства и остался лишь городенским старостой, принадлежали дворы Камень, Волма, Дубины в Марковском повете, двор Олита и Троцком и др. (*Любавский*. 1892. С. 117–118). Здесь, вероятно, и жил один из известных по имени писарей Я. Ю. Забрезинского — Заяц (Сб. РИО. Т. 35. № 16. С. 65, май 1492 г.). В Полоцке у Яна Юрьевича был двор с большим количеством слуг, активно участвовавших в порубежной войне с Русским государством. Яман, Посывня, Станко Волосатой и Голяш незадолго до мая 1492 г. возглавили набег на Брянский стан Великолуцкой волости, сожгли не менее четырех деревень, 8 человек повесили, 6 «голов» (холопов) увели и взяли грабежа на 200 рижских руб. (Сб. РИО. Т. 35 С. 67).

В 1-м издании ПГ имение Дубина было локализовано в Полоцкой земле, к юго-западу от Невеля (со ссылкой на материалы Генерального межевания), и на этом основании грамота была включена в число полоцких, т. е. относящихся к территории Полоцкой земли. На картах Генерального межевания отыскивается дер. Дубинина, расположенная на дороге, ведущей из Невеля в Полоцк (слева от дороги, если двигаться по ней в указанном направлении), к югу от оз. Усвая (см.: РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 96. Витебская губ. Генерального плана Невельского уезда ч. 2). Однако известно, что Ян Юрьевич Заберезинский владел имением Дубина в Марковском повете, и это склоняет к отнесению данной грамоты к Литовской земле.

Иван Юрьевич Лугвеневича принадлежал к роду мстиславских князей (см. комментарий к № 138).

А. Л. Х., В. А. В.

324

[1496 г. июля 9 — 1501 г. марта 28. Полоцк]. — Послание нам. пол. [воеводы] Юрия Пацевича Сенька Моньковича бурмистрам, совету и войтам г. Риги о содействии в правосудии Петроку и Олисею по делу между ними и Гридьком

Датируется временем наместничества в Полоцке Юрия Пацевича (LM. Kn. 6. P. 147; *Wolff*. 1885. S. 45; CESXV. T. 3. P. 438, 440; *Pietkiewicz*. 1995. S. 208; KDKW. S. 566). Как и большинство предшествующих полоцких наместников и воевод, Юрий Пацевич не был урожденным полочанином, а происходил из знатного рода литовских бояр-католиков герба «Гоздава»

(в 1495 г. он вместе с первой женой Анастасией и группой киевских бояр и духовных лиц записался в римское братство Св. Духа). Юрий Пацевич начал свою карьеру в 1480 г. как господарский маршалок, которым оставался до 1492 г. Впоследствии занимал должности ковенского старосты (1481), киевского воеводы (1486–1492), новогородского наместника (1492–1496), полоцкого наместника (упоминается в этой должности с 1496 по 1500 г.), наконец, мерецкого старосты (1505). Вместе со своей второй женой Федорой, в католическом крещении Зофьей, внучкой кн. Андрея Владимировича Ольгердовича (бывшей в первом браке за кн. Иваном Семёновичем Кобринским), он владел Айной, Словенским, Кашенцом, Логожеском и др. землями. Кроме того, Юрий Пацевич сосредоточил в своих руках владения в Берестейском воеводстве, Лидском повете. Умер в 1505 или начале 1506 г. (*Wolff*. 1885б. S. 6–9; *Любавский*. 1892. С. 113; *Wiśniewski*. 1979; *Petrauskas*. 2003. P. 281; *Baronas*. 2014. P. 21, 27). В правление Александра Юрий Пацевич, став наместником в Новогородке Литовском, начал чаще появляться при господарском дворе и участвовать в решении общегосударственных вопросов. Монарх доверял ему поручения на «руских» землях ВКЛ: так, в начале 1493 г. он был отправлен в Смоленск с войском на помощь Юрию Глебовичу, а в 1495 г. встречал Елену Ивановну, невесту Александра. На время таких отлучек Юрий Пацевич, как и его предшественники, вынужден был оставлять в Полоцке наместника. Тем не менее в 1496–1500 гг. Юрий Пацевич, по-видимому, немало времени проводил в Полоцке. Сохранилась его грамота о пожаловании его слуге Ходыке Еленского двора (по-видимому, в Новогородском повете), выданная в Полоцке 9 февраля 1497 г. Интересно, что в этой грамоте Юрий Пацевич именует себя не воеводой, как многие его предшественники середины — второй половины XV в., а лишь наместником (AGAD. AR. Dz. XV. T. 13. P. 1. K. 1. Составители благодарят М. Кловаса за возможность ознакомиться с неопубликованными архивными материалами).

Сенько Монькович — наместник Юрия Пацевича в Полоцке, по происхождению не полочанин. В 1495 г., будучи «служебником» Юрия Пацевича, в то время новогородского наместника, Сенько купил землю у бояр ейшишских (LM. Kn. 6. № 111. P. 111).

Гридько, Петрок, Олисей — вероятно, всё это не мещане, поскольку мещане, во всяком случае в середине XV в., назывались по имени-отчеству. Между тем у одного из них, Гридька, был свой «молодец», скорее всего его приказчик, что счел нужным специально объяснить Сенько Монькович. Впрочем, в этой же грамоте термин «молодец» употреблен в собирательном смысле, для обозначения просто человека, может быть, молодого (слово употреблялось в обоих этих значениях: ГСБМ. Вып. 18. С. 132–133).

А. Л. Х., С. В. П.

325

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1497 г. декабря 19]. — Продажные листы полочан Михайла Олтушкова сына Левковича, его сыновей Хрола и Семёна и др. господарскому писарю Ивашку Сопежичу на земли «на Березуи и за Березуем»

326

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1497 г. декабря 19]. — Дозволенный лист пол. наместника Юрия Пацевича на продажу полочанами Михайлом Олтушковым сыном Левковичем, его сыновьями Хролом и Семёном и др. господарскому писарю Ивашку Сопежичу на земли «на Березуи и за Березуем»

Датируются промежутком времени между первым упоминанием Юрия Пацевича в должности полоцкого наместника и упоминанием грамот в № 344 (см. также комментарий к нему).

С. В. П.

327

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1498 г. сентября 10]. — Приговор суда пол. наместника Юрия Пацевича и витеб. наместника Станислава Глебовича по делу между немцем Адамом Бизевортом и пол. мещанином Олифером Кортенем о долге

Датируется промежутком времени между первым упоминанием Юрия Пацевича в должности полоцкого наместника и упоминанием грамоты в № 348 (см. комментарий к нему).

С. В. П.

328

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1499 г. мая 25]. — Продажный лист пол. мещан Горасима Сысоевича, Анисима, Андрея Александровых Хоминича Немчиновичей и др. господарскому коморнику, сыну [архиеп. пол.] Луки Андрею на с. Низголово «обель вечно»

Датируется промежутком времени между первым упоминанием Юрия Пацевича в должности полоцкого наместника и упоминанием грамоты в № 351 (см. также комментарий к нему).

С. В. П.

329

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1499 г. мая 30]. — Продажный лист путных людей Полоцкого пов. Митковичей Студеницких Ивашка, Еска, Дорошка Харковых детей и др. сыну [архиеп. пол.] Луки Андрею на земли в с. Митковичи

330

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1499 г. мая 30]. — Лист вел. кн. лит. Александра о подтверждении продажи путными людьми Полоцкого пов. Митковичами Студеницкими Ивашком, Еском, Дорошком Харковыми детьми и др. сыну [архиеп. пол.] Луки Андрею земель в с. Митковичи

Датируются промежутком времени между первым упоминанием Юрия Пацевича в должности полоцкого наместника и упоминанием грамот в № 352 (см. также комментарий к нему).

С. В. П.

331

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1501 г. марта 20]. — Приговор суда пол. [наместника] Юрия Пацевича по делу между [пол. мещанином] Артёмом Буцком и людьми Сущевичами о спорной земле

332

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1499 г. мая 30]. — Продажный лист Прошка Буцковича с его детьми, Мархининичей Матфея, Семёна и др. пол. мещанам Ивану и Гридку Артёмовичам Буцковича на земли в Полоцком пов.

Датируются промежутком времени между первым упоминанием Юрия Пацевича в должности полоцкого наместника и вероятным окончанием его наместничества (см. комментарий к № 368). См. также комментарий к № 378.

С. В. П.

333

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1501 г. марта 20]. — Продажный лист путных слуг Черсвятского двора Зенова и Степана Дегтярёвых [не названному по имени] брату Занка на их отчину в с. Островно за 14 коп гр. «на вечные часы»

334

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1501 г. марта 20]. — Дозволенный лист пол. воеводы Юрия Пацевича на куплю [не названного по имени] брата Занка у путных слуг Черсвятского двора Зенова и Степана Дегтярёвых их отчины в с. Островно

335

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1501 г. марта 20]. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра [не названному по имени] брату Занка на куплю у путных слуг Черсвятского двора Зенова и Степана Дегтярёвых их отчины в с. Островно «на вечность»

336

Упоминание

[1496 г. июля 9 — 1501 г. марта 20]. — Вызволенный лист вел. кн. лит. Александра [не названному по имени] брату Занка на землю в с. Островно от платежей и повинностей на Черсвятский двор «на вечность»

№ 333–336 датируются временем наместничества Юрия Пацевича. Не исключено, что один или оба листа Александра были выданы в апреле 1497 г. или в сентябре — середине октября 1500 г. во время его пребывания в Полоцке (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 173, 188–189).

Из упомянутых здесь документов наиболее интересен № 336 — «лист вызволеный» Александра, ибо, как правило, земля не освобождалась от уплаты общегосударственных повинностей. О покупателе земель путных людей Занке ничего не известно.

С. В. П., А. Л. Х.

337

[1496 г.] июля 15. Вильня. — Приговор суда вел. кн. лит. Александра по делу между пол. боярами и мещанами, с одной стороны, и [архиеп.] пол. Лукой, с другой, о «подаванье» монастыря Св. Николая на Лучне

Датируется 14-м индиктом, который в княжение Александра приходился на 1 сентября 1495 г. — 31 августа 1496 г. Очередное его пребывание в Вильне фиксируется с 6 июня по 1 сентября 1496 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 170–171).

Монастырь Св. Николая на Лучне близ Полоцка (см. о нём № 135 и комментарий к нему) играл значительную роль во внутренней жизни земли. Так, архимандрит этого монастыря Иона был первым свидетелем продажи мохонковлянами своей земли полоцкому владыке Ионе (№ 266).

Начавшееся при последнем активное расширение земельных владений продолжалось и при Луке (1488–1505/08), притязания которого на расширение прав владыки в области церковной юрисдикции потерпели крах. В условиях покровительства великокняжеской власти католической церкви попытка полоцкого архиепископа поставить под свой контроль все церкви и монастыри Полоцка натолкнулась на сопротивление главы государства. Его поддержали православные полоцкие бояре и мещане, не желавшие лишаться монастыря.

А. Л. Х., С. В. П.

338

[1496 г.] июля 18. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра данины Остафья Васильевича Корсака Проселку с сыном на землю Фалеевщину [в Полоцком пов.] при условии их службы Богдану и Глебу Остафьевичам Корсакам

Датируется 14-м индиктом, который в княжение Александра приходится на 1 сентября 1495 г. — 31 августа 1496 г., что подтверждается данными о его итинерарии (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 170–171).

Грамота № 338, как и № 346, предетавляют интерес для выяснения взаимоотношений внутри класса феодалов. По показаниям Василия Богатыревича 1533 г., его братья Иван и Мартин Проселок — «люди... служебные, приежчие», служившие Остафию и Глебу Корсакам. По мнению последнего, Иван Проселок был «отчизным человеком» Остафья; Семён Иванович подтвердил, что отец его служил обоим Корсакам, от Остафия в течение 9 лет держал Марково и имел «под ним» имение в Залесье, «але шляхта был» (БА. Т. 2. № 160. С. 120). В русских дипломатических документах 1492 г. Проселок именуется уже «Глебовым Остафьевым человеком» (Сб. РИО. Т. 35. № 16. С. 67. Май 1492 г.). В № 346 Богдан Корсак называет Мартина «непохожим слугой». В жалованном же листе Сигизмунда Старого Станиславу Глебовичу Мартин Проселок и Василий Богатыревич характеризуются как «слуги городские» (№ 428). В реестре 1528 г. Мартин и Семён Проселки значатся среди князей и бояр, а вдова Василия Богатыревича и Алексей Проселко — среди мещан (РИБ. Т. 33. Стб. 194–196; МВКЛ. Кн. 523. С. 154–156; LM. Kn. 523. P. 138–141. См. также № 272, 346, 366). По-видимому, бывшие слуги Корсаков к XVI в. превратились в бояр или мещан, а грамота № 338 зафиксировала их положение как вассалов бояр, для обозначения которых в Полоцке не было даже особого термина. Заголовок конца XVI в. в Метрике Великого княжества Литовского называет Проселка и Мартынца «боярами» полоцкого боярина.

Земля Фалеевщина на р. Островне, которую получил О. В. Корсак по жалованной Казимира, находится в районе оз. Язно.

Глеб Остафьевич Корсак, относительно недавно начавший самостоятельную деятельность после смерти отца (см. № 277, 278), в начале 90-х гг. XV в. вместе со своим слугой активно участвовал в порубежной войне с Русским государством. Г. О. Корсак сделал набег на Хрянский стан Великолуцкой волости, убил «лучшего человека» Алексея Родишина и его семью, разграбил его имущество на 30 рублей рижской монетой. Бутанко Еремеев с товарищами, люди Г. О. Корсака, на дороге ограбили лучанина Окатку Иванова и взяли у него имущества на 5½ рижских рублей. У лучанина Семёна Носкова бежали «шесть голов», т. е. холопов, прихватив мерина ценой рубль и 30 грошей рижской монеты. Они скрывались у Проселка, который отвел их «в Литву за Полотско, а мирин его себе взял». Вместе о Г. О. Корсаком в порубежных действиях принимал участие его брат Богдан. По дороге из Полоцка лучанина Артема ограбил человек Б. О. Корсака Данило. Лучанин Фёдор Мартынов, ехавший из Пскова, подвергся нападению людей Богдана Корсака, которые отобрали у него 2 меринов ценою 2 рижских рубля (Сб. РИО. Т. 35. № 16. С. 67. Май 1492 г.).

А. Л. Х.

339

1496 г. сентября 29. Бельск. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра господарскому писарю Ивашку Сопежичу на куплю у монахини монастыря Св. Михаила Фетиньи, ее зятя Волфромея и дочери Татьяны сельца в с. Болдавцы в Полоцком пов. «вечно и непорушно»

Пребывание Александра в Бельске фиксируется 28–29 сентября 1496 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 171).

С. Болдавицы находится на Двине в нескольких километрах выше Полоцка. На протяжении 25 лет оно сменило несколько хозяев. Первым был Яков Красчинич, вероятно, мещанин. Он продал это село владыке Ионе, который отдал его своей жене, в монашестве Фетинье, старице Михайловского монастыря в Полоцке, она же продала это имение великокняжескому писарю Ивашку Сопежичу. Вероятно, его купля состоялась незадолго до выдачи № 339, поскольку в начале XVI в. полочане старались достаточно быстро добиваться подтверждения своих приобретений у господаря (см. № 416 и 421), тем более что для Ивашка (Ивана Семёновича) Сопежича, служившего при дворе Александра и сделавшего блестящую карьеру, это явно не составляло большого труда (см. о нём: *Груша.* 2006б. С. 145–146).

См. также № 344.

А. Л. Х., С. В. П.

340

Упоминание

[1497 г.] февраля 11. Полоцк. — Приговор суда пол. наместника Юрия Пацевича по делу между Глебом и его братом Богданом Остафьевичами Корсаками о праве ловить рубы в оз. Плиса [в Полоцком пов.]

Настоящая грамота, упоминаемая в документах Корсаков XVII в., интересна, среди прочего, тем, что проливает свет на повседневную деятельность полоцкого наместника Юрия Пацевича: 9 февраля 1497 г., находясь в Полоцке, он жаловал своему слуге двор, вероятно, в Новогородском повете (см. комментарий к № 324), а спустя два дня разбирал тяжбу сыновей Остафия Корсака.

С. В. П.

341

1497 г. апреля 5. Полоцк. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра господарскому писарю Федьку Григорьевичу на куплю у пол. бояр Петрашка Полупятинича и его «братанича» Ивашка земли и сеножати «на Просмужци» [в Полоцком пов.] и купли у пол. мещан Микиты Кожчича и его сыновей Богданца, Феденка и Васенка с. Доложцо «вечно»

Грамота написана во время первого пребывания Александра вместе с панами радой в Полоцке, которое фиксируется с 5 по 11 апреля 1497 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 173). Интересно, что посещение великим князем Полоцка отметил автор граффито на стене Спасо-Преображенской церкви, записавший, что Александр побывал там «на 5-е лѣ*т*(о)» после вокняжения (*Калечыц.* 2011. С. 120, 222).

Грамота — еще одно свидетельство роста землевладения великокняжеской бюрократии. Купли Фёдора Григорьевича, известного писаря еще со времен Казимира (*Груша.* 2006б. С. 144–145, 158), были совершены «навечно». На таких же условиях было дано и пожалование Александра. В его руки перешли земли и сеножати на Просмужке под самым Полоцком, чуть выше города по течению Двины, и с. Доложце в среднем течении р. Уллы на правом и левом ее берегах (здесь XIX в. находилось три села с одинаковым названием).

В конце XV в. расставались с частями своей отчины и дедины бояре Пётр и Иван Полупятиничи, однако часть их земель в этом районе сохранилась и позднее, но настолько незначительная, что Иван выставлял в войско лишь одного коня (РИБ. Т. 33. Стб. 193; МВКЛ. Кн. 523. С. 154; LM. Kn. 523. P. 139).

Показательна судьба с. Доложце, принадлежавшего Кожчичам. Земли почти на всём течении р. Уллы и Ушачи принадлежали мещанам. Однако в конце XV в. они один за другим продавали свои земли. Даже представители богатых и сильных мещанских фамилий, в том числе Кожчичи, в конце XV в. вынуждены были расставаться со своими землями (продажный лист сына Евлашка Фёдоровича Кожчича от 16 мая 1493 г. см. № 316).

В грамотах № 341–343 обращает на себя внимание отсутствие при совершении акта полоцкого воеводы Юрия Пацевича, несомненно находившегося в это время в Полоцке. Оба документа, Федьку Григорьевичу и вдове Андрея Селявы, были выданы в присутствии виленского воеводы канцлера Николая Радивиловича, а № 341 — и при маршалке дворном, мерецком наместнике Григории Станковиче.

А. Л. Х., С. В. П.

342

[1497 г.] апреля 9. Полоцк. — Приговор суда вел. кн. лит. Александра по делу между людьми с. Сельцо [в Полоцком пов.], с одной стороны, и пол. боярыней Андреевой Селявиной Овдотьей, ее детьми Андреем, Иваном и др., с другой, о принадлежности этого села

Датируется по 15 индикту, который в княжение Александра приходится на 1 сентября 1496 г. — 31 августа 1497 г., и указанием на Полоцк как место составления грамоты: пребывание Александра там фиксируется с 5 по 11 апреля 1497 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 173). Несмотря на передачу еще Казимиром до 1447 г. людей сельчан (жителей с. Сельцо) отцу Андрея Селявы (см. № 83), вплоть до 1497 г. они не могли смириться и утверждали, что они «люди твоее м(и)л(о)*с*ти г(о)*с*(по)д(а)ръские».

Грамота интересна не только как свидетельство протестов великокняжеских крестьян против их передачи боярам, судебной деятельности канцлера, рассматривавшего их спор с

Селявами, но и как пример земельной политики Казимира и свидетельство активного освоения боярами полученных ими земель.

Как и все другие пожалования, это пожалование было наследственным. Отец Андрея Селявы получил людей сельчан, и сам он в полученном селе поставил себе «двор», т. е. господский дом, окруженный многочисленными службами. Это одно из наиболее ранних сообщений о существовании боярского двора, который возник в 40–60-е годы (в 70-е годы эти земли и люди перешли в руки Андрея Селявы). Впоследствии этот двор приобрел такое значение, что дал название целой волости.

Волость Веденичи располагалась по соседству с Быстрейской волостью.

Дети Андрея Селявы Иван, Богдан и Василий действовали в 30-е гг. XVI в. [БА. Т. 2. С. 114, 116, 128, 131, 145, 151, 164, 214, 228, 240, 241, 246, 251–254 (Иван); с. 158, 273, 280, 287 (Богдан); с. 262, 273, 287 (Василий)]. В 1528 г. они выставляли в войско ВКЛ соответственно 4, 3 и 10 коней (РИБ. Т. 33. Стб. 193; МВКЛ. Кн. 523. С. 154; LM. Kn. 523. P. 139. Василий Селявич в реестре 1528 г. упомянут дважды, с 7 и 3 конями). До 1552 г. они поделили имение, «двор Видиничи», таким образом, что у Ивана было 13 дымов людей отчизных и 6 — людей вольных, у Богдана соответственно 11 и 12, у Василия — 8 и 7 (ПР 1552 г. С. 132–134). По писцовым книгам 70-х гг. XVI в. считалось, что во владениях Ивана было 4 деревни, Богдана — 5, Василия — 3. Какой-то Иван Селявин в середине XVI в. имел землю и в Лепеле (*Калачов*. 1877. С. 439). Братья поделили владения и на Горспле, Менице, Ропне и Ушачи (ПР 1552 г. С. 132–134).

В районе Сельцов (Селища) вплоть до середины XVIII в. сохранились имения Селяв, в частности Иосафата Антоновича (ИЮМ. Вып. 29. № 10. С. 44–46. 20 июня 1740 г., 30 июня 1746 г.).

А. Л. Х.

343

1497 г. апреля 10. Полоцк. — Лист вел. кн. лит. Александра пол. наместнику Юрию Пацевичу о передаче пол. мещанам бобровых гонов [в Полоцкой земле] при условии ежегодной уплаты ими 100 руб. гр., с запрещением вызывать этих мещан в суд по делам о нанесении ущерба данным угодьям без веских оснований

Грамота написана во время визита Александра в Полоцк, который фиксируется с 5 по 11 апреля 1497 г. (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 173). Распоряжение полоцкому наместнику Юрию Пацевичу было дано по челобитью мещан, городских дворян и всех волостных людей — по-видимому, тех самых людей, которые в грамотах выступают в статусе свидетелей, соседей и т. д. О городских дворянах см. комментарии к № 265 (первое упоминание этой социальной прослойки), 319 и 320.

Александр, в целом проводя политику укрепления боярского землевладения, в 1497–1499 гг. делал иногда попытки поддержать и другие социальные слои — формирующийся слой дворян и мелких землевладельцев. Так, грамотой № 343 в 1497 г. он не только вдвое сократил размер бобрового, но и передал в руки мещан бобровые гоны на землях светских и духовных крупных феодалов, обязав бояр, владыку и полоцкую игуменью не «пустошить» эти земли. Это одна из робких попыток Александра ограничить позиции бояр и владыки. Не исключено, что она связана с желанием упрочить позиции великокняжеской власти в районах, близких к порубежью с Русским государством накануне новой войны с ним.

Грамота представляет интерес для изучения организации управления и суда в Полоцке.

А. Л. Х., С. В. П.

344

1497 г. декабря 20. Городно. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра господарскому писарю Ивашку Сопежичу на разные купли, в том числе у полочан в Полоцком пов., «вечно и непорушно»

Пребывание Александра в Городне фиксируется с 15 декабря 1497 по 2 марта 1498 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 174–175). Подтвердительный лист Александра по своему формуляру почти ничем не отличается от предшествующих. Несколько своеобразна инвокация, не встречавшаяся раньше: «Во имѧ всесил(ь)ного Бога, амин(ь)». При составлении этого документа, в отличие от № 341–343, присутствовал и полоцкий наместник Юрий Пацевич.

Бóльшая часть полоцких владений Ивашка Сопежича была подтверждена Александром в 1496 г. (см. № 339). За год с 29 сентября 1496 г. по 20 декабря 1497 г. он купил еще сёла на Березуе и за Березуем, а также двор Безумовский в Полоцке. Основная же часть его приобретений находилась в Смоленской земле, где, вероятно, располагалось родовое гнездо Сопег.

Сёла на Березуе принадлежали, по-видимому, либо мещанам, либо волостным людям, названным в грамоте просто «полочанами». Одни из них носил имя Гафона Прокофьева сына Посадниковича. Происхождение этого имени трудно объяснить. Волфромей, сын Ходота Есковича — это тот же самый Варфоломей, который назван «зятем владычным» в грамоте № 249 от 28 февраля 1482 г. В документе 1524 г. он упоминается с отчеством — Ходотович; из него же выясняется, что старица Фетинья была вдовой владыки Ионы, постригшейся в монастыре Св. Михаила (LM. Kn. 14. № 402. P. 334; см. также № 339). Таким образом, грамота показывает процесс потери земли местными полоцкими землевладельцами.

А. Л. Х., С. В. П.

345

Упоминание

[1498 г. — 1506 г. августа 19]. — Меновный лист вел. кн. лит. Александра ц. Св. Троицы в г. Полоцке на следок Онанькин в Замшанах вместо огорода Св. Троицы, отданного бернардинскому монастырю

Датируется промежутком времени между основанием бернардинского монастыря в Полоцке (см. № 384) и смертью Александра Ягеллона. Возможно, данное пожалование имело место одновременно с № 365 (см. комментарий к нему).

Церковь Св. Троицы — это придел Св. Троицы в соборной церкви Св. Софии.

Местонахождение земельных угодий придела Св. Троицы вне Полоцка можно определить по ревизии 1552 г. Здесь перечислены село «в Замшанех, наданое от великого князя полоцького Андрея» (см. № 10), село на Ушачи, «даное от великого князя полоцъкого Семена», т. е. Лугвеня, княжившего в Полоцке в 1379 г. (ПР 1552 г. С. 174). В обоих этих селах в 1552 г. сидели 8 человек, платившие дань — четвертую часть урожая. Предоставленная великим князем Александром земля, не упомянутая ревизией, должно быть, прилегала к старинным владениям церкви.

Труднее найти городские владения этой церкви. Часть их (7 дворищ) находилась на Великом посаде. На этих дворищах жили 11 мещан, платившие 75 грошей и 5 пенезей позема (ПР 1552 г. С. 174, 21).

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

346

[1498 г.] июня 4. Вильня. — Запись о решении вел. кн. лит. Александра дать свободу Мартинцу Федкову сыну в выборе службы с земли, пожалованной ему пол. боярином Богданом Остафьевичем [Корсаком], с приказом Богдану вернуть отнятые у невестки Мартинца, Проселковой жены, челядь и домашнее имущество

Датируется по указанию индикта, что подтверждается пребыванием Александра в Вильне с 1 апреля по 21 июля 1498 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 175–177). От обычного приговора суда эту запись отличает то, что в ней сильно сокращен начальный и конечный протокол. Решения, как такового, в документе нет, его заменяет «приказ» Богдану Остафьевичу Корсаку.

Ссылаясь на свое предшествующее разбирательство конфликта и подтверждение грамот Корсаков (№ 338), великий князь Александр на этот раз ограничился приказом Богдану Остафьевичу. Тем не менее три решения великого князя носят форму судебного приговора: это оправдание Мартина, утверждение права Богдана Остафьевича на землю Мартина, распоряжение Богдану Остафьевичу вернуть челядь и «статки домовые» жене Проселка.

Об участниках конфликта см. № 210, 224, 338, 366.

А. Л. Х., С. В. П.

347

[1498 г.] сентября 7. [Полоцк]. — Продажный лист Василия Семёновича Редки из с. Рылковичи [в Полоцком пов.] Богдану Есковичу Бардовскому на отчинную землю в этом селе за 3 копы гр. «обель вечно»

Продажный лист датируется по скорописи второй половины XV в. и упоминанию великого князя, но не короля: очевидно, имеется в виду Александр в бытность его лишь великим князем. 2-й индикт в его правление приходится на 1 сентября 1498 г. — 31 августа 1499 г. Соответствуют этому времени и упоминаемые лица.

Формуляр продажного листа путного человека В. С. Редки несколько отличается от формуляра продажного листа мохонковлян. В нём отсутствуют инвокация и промульгация. Поскольку В. С. Редка продавал десятую долю («жеребей») разного вида земель и угодий — пашенной земли, сеножати, а также «делницу» в реке, борти, хоромы, то описания рубежей этого «жеребья» не дается. По-видимому, размеры его крайне невелики: В. С. Редка получил за всё лишь три копы грошей (ср. с 17 руб. № 266).

В формуле срока продажи фигурирует архаичное «обель», которое, по наблюдениям В. И. Пичеты, дольше всего сохранялось именно в продажных листах — вплоть до начала XVI в. (*Пичета.* 1961. С. 155). В купчей Редки употреблена формула «обель вечно» вместо «вечно неподвижно» (№ 266) или более стандартного «вечно непорушно».

В санкции предусмотрена различная кара за возможное нарушение условий продажи: в № 266 — штраф архиепископу в размере 20 руб., в № 347 — великому князю 2 гривны и полоцкому воеводе гривна золота (ср. № 316 и комментарий к нему).

В отличие от мохонковлян, путный человек Василий Семёнович Редка в момент заключения сделки имел собственную печать, оттиск на зеленом воске которой и скрепил его продажный лист. Эта печать имеет весьма архаичную по своей палеографии надпись по окружности. Это можно объяснить, предположив, что она была вырезана задолго до конца XV в., вероятно, в 60-е гг., когда ее владелец был еще молодым.

В качестве писца указан Трофим Болотович — потомок Трухона Болота времен Витовта (№ 26), родственники которого Иван и Фёдор Болотовичи в 1528 г. были причислены к мещанам (РИБ. Т. 33. Стб. 195, 196; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 140). Его должность называется так же, как и должность Бориса Толандинича, — «городскии дьякъ» (см. комментарий к № 203). Вероятно, незадолго до составления № 347 Борис Толандинич уже отошел от дел. Возможно, Трофим Болотович — этот тот самый полоцкий писец, который приезжал в Ригу в 1471 г. и назван в рижской расходной книге именем Trachgon (*Bulmerincq.* 1909. Bd. 1. S. 321).

Покупатель земли Богдан Ескович Бардовский (Бордовский) в начале 90-х гг. участвовал в порубежной войне с Русским государством. Он с Еремеем Глухим ограбил лучанина Анисима на 5 руб. рижской монеты. В русских посольских делах он назван «остреянином» (Сб. РИО. Т. 35. № 16. С. 67. Май 1492 г. Ср.: *Шеламанова.* 1969. С. 78–79), стало быть, его основные земли располагались в вол. Острея.

Остафий Наумович мог быть братом посла в Ригу 60-х гг. Матвея Наумовича (№ 162) или восковничего 1507 г. Петра Наумовича (№ 419), а Гридко Мелентеевич — Гридком Мелешковичем 1493 г. (№ 316). Остафий Васильевич Щучин принадлежал к мещанам, как и его родственник Гаврило, упоминаемый в 1528 г. (РИБ. Т. 33. Стб. 196; МВКЛ. Кн. 523. С. 156; LM. Kn. 523. P. 141). Яков Сергеевич, вероятно, идентичен портному из № 357.

Землю Рылковичи найти не удалось. А. П. Сапуновым указаны топонимы Рыли у оз. Шевино, Рыльки на р. Крючки Себежского у. (*Сапунов* 1906. С. 292. № 117, 118; С. 394. № 8).

А. Л. Х.

348

[1498 г.] сентября 11. Троки. — Приговор суда вел. кн. лит. Александра и панов рады по делу между немцем Адамом Бизевортом и пол. мещанином Олифером Кортенем о долге

Датируется по имени Александра, индикту и итинерарию господаря: его пребывание в Троках фиксируется с 21 июля по 25 октября 1498 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 177–178).

Адам Бизеворт — вероятно, тот же самый рижанин немец Адам, который в конце 70-х гг. обвинялся в неуплате весчего (№ 217, 238), в результате чего был в оковах отправлен в Ригу. Уже в 70–80-е гг. он поддерживал связи с Олфером (Олифером) Кортенем, который, впрочем, отказался подтвердить, что Адам платил весчее, за что, по-видимому, его товары (кипу сукна) задержал в Риге компаньон («складник») Адама Бизеворта (№ 241). Не исключено, что конфликт, разбиравшийся в 1498 г. великим князем литовским, восходит к 1477–1480 гг.

Дело Адама Бизеворта против Кортеня рассматривали полоцкий наместник Богдан Андреевич (№ 238), великий князь литовский и король польский Казимир в последние годы своего правления (к этому времени ведет и упоминание децкого Ивашка, сына полоцкого боярина Сенька Григорьевича), снова наместник, на этот раз Юрий Пацевич (1496–1500/01 гг.), и снова великий князь — теперь Александр Казимирович.

Грамота содержит интересные сведения об управлении Полоцком (в качестве высшей инстанции для решения спорных торговых дел выступает великий князь), ассортименте торговли (уже в 80-е гг. из Полоцка, судя по грамоте, вывозилась зола), ее размерах (речь идет о 20 т золы) и участии в ней мещанства (Кортень принадлежал к богатейшему мещанскому роду).

Комплекс грамот по делу Бизеворта против Кортеня ясно рисует облик противников. Бизеворт, упорно боровшийся за восстановление попранной, на его взгляд, справедливости и за 20 лет конфликта приобретший, вероятно, черты сутяги, противостоял ловкому беспринципному полочанину, быстро улавливавшему, куда дует ветер — как в торговых делах (благода-

ря раннему включению в торговлю продуктами переработки леса Кортеням удалось разбогатеть и войти позднее в состав шляхты, см. № 350), так и в судебных: недаром на его защиту так последовательно вставали и бояре и мещане Полоцка (№ 241), и полоцкие наместники, и сами великие князья (№ 348). Олфер Кортень не останавливался и перед применением насилия в торговых делах. В этом его и Тихона Варушина обвиняли новгородские купцы в 1498 г.: по их словам, Кортень и Варушин им «силу в торгу учинили», одного же новгородца посадили в тюрьму (Сб. РИО. Т. 35. № 55. С. 264).

А. Л. Х., С. В. П.

349

1498 г. октября 4. Троки. — Уставной привилей вел. кн. лит. Александра г. Полоцку на магдебургское право

Пребывание Александра в Троках фиксируется с 21 июля по 25 октября 1498 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 177–178). В 1-м издании ПГ документ из-за ошибочного прочтения даты «в че*т*ве*р*(тыи) де*н*(ь) светого Фра*н*цишка» вместо «в четве*р*(г), де*н*(ь) светого Фра*н*цишка» ошибочно датирован 7 октября. В действительности 4 октября, когда католическая Церковь празднует память св. Франциска, в 1498 г. приходилось на четверг (*Варонін.* 2001. С. 30). Возможно, эта дата была выбрана не случайно, поскольку в том же 1498 г. в Полоцке был основан монастырь ордена бернардинцев — ответвления ордена францисканцев (*Воронин.* 2012д. С. 441; см. также в настоящем издании № 384 и комментарий к нему).

Введение магдебургского права рассматривается в литературе по-разному: так, русские дореволюционные историки видели в нём отрицательное явление, а такой крупный историк XX в., как Ю. М. Бардах, оценивал его положительно (*Bardach.* 1980; *Bardach.* 1988).

Чтобы правильно оценить привилей Полоцку на магдебургское право, необходимо поставить его в связь со всеми особенностями социально-экономической и политической истории Полоцка. Усиливавшееся с 70–80-х гг. феодальное землевладение, за счет, в первую очередь, мещанского, проникновение феодалов в торговлю, тоже за счет мещан, подрывали экономическую базу активности последних. Раздача великокняжеского фонда земель в руки бояр, превращение их в «вечных» наследственных собственников земли, сокращали источники дохода господарской казны и заставляли Александра лихорадочно искать новые источники дохода. Результатом этого и явилась его кратковременная политика поддержки мещан, следствием чего и было введение магдебургского права в Полоцке.

Еще одной предпосылкой выдачи Полоцку магдебургского права была международная обстановка. К осени 1498 г. ясно определилась не только конфронтация двух крупнейших восточноевропейских государств, но и неизбежность войны между ними. Обеспечение поддержки мещанами, поставлявшими значительные воинские контингенты, было не лишним, особенно учитывая близость Полоцка к предполагаемому театру военных действий.

Таким образом, пожалование магдебургского права Полоцку произошло по инициативе великого князя литовского и его окружения, а не самих полочан. Последние были хорошо знакомы с немецкой системой городского самоуправления по контактам с Ригой, однако перенимать эту систему не спешили (*Воронин.* 2012в. С. 237).

Введение магдебургского права в Полоцке существенно изменило его социально-политический, культурный и даже градостроительный облик. Главой городского самоуправления становился войт, назначавшийся великим князем. Он назначал 20 «рядских» (членов городского совета), из которых половина должна была быть православными, а другая половина — католиками. Войт и «рядские» выбирали из своей среды двух бурмист-

ров — одного православного и одного католика. Войт становился высшей инстанцией в Полоцке, подчиненной непосредственно господарю. Если войт мог принимать решения единолично, то бурмистры и «рядские» могли это делать лишь совместно с войтом. Таким образом, ключевую роль в сложившейся системе самоуправления играл великокняжеский ставленник, иногда вовсе не полочанин по происхождению. Вообще большим влиянием в городе стали располагать великокняжеские дворяне (Михайло Скепьевский, первый войт Родион и др.). Еще один потенциальный источник конфликта был заложен в разделении городского совета по конфессиональному принципу: привилей предусматривал непропорционально большую долю католиков в органах городского самоуправления (ср. № 416). Одновременно в городе был основан бернардинский монастырь (№ 384). Впрочем, неясно, удавалось ли реализовать это требование на практике или же оно так и осталось декларативным (см. перечни должностных лиц городского самоуправления 1498–1563 гг.: *Воронин*. 2012в. С. 240–243; о позднейшем периоде см.: *Макараў*. 2014). Практически сразу после выдачи привилея возникли конфликты по поводу принадлежности тех или иных категорий городского населения к магдебургской или воеводской юрисдикции (см. № 354–356, 367, 381). Наконец, за право иметь самоуправление город должен был уплачивать в господарскую казну довольно большую сумму — 400 коп грошей в год. Вместе с тем привилей отменил ряд повинностей городского населения, а также окончательно запретил рижским купцам ездить по торговым делам дальше Полоцка — в Витебск и Смоленск (последний пункт представлял наибольший интерес для рижан, как свидетельствует упоминание привилея в описи Рижского городского архива 30-х годов XVII века: LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1482). Таким образом, было удовлетворено требование, выдвигавшееся полочанами более ста лет, которое они пытались осуществить «явочным порядком», несмотря на договоры 1406–1407 гг. и их подтверждения (№ 54, 55, 73, 120).

В начале XVI в. в Полоцке была воздвигнута ратуша. Поменялась и городская печать: на смену «Печати полоцкой и Св. Софии», сохранявшейся с конца XIV в. и выполненной по древнерусскому образцу, пришла готическая печать с изображением епископа на корабле и минускульной надписью (см. в каталог и репродукции печатей в т. 1 настоящего издания, табл. XVI, № 93, 94). В целом же учреждение «магдебургии» в Полоцке способствовало укреплению великокняжеской власти, но вовсе не содействовало упрочению положения мещан.

И всё же, несмотря на пожалование Полоцку магдебургского права, в городе сохранились традиционные институты, такие как институт «старших бояр» (см. упоминание в № 354), известный со времен Андрея Ольгердовича (*Варонін*. 1998. С. 39–54). Сохранили свое влияние и некоторые боярские и мещанские роды — Корсаки, Быстрейские, Радковичи и др. Сама форма полоцкого самоуправления подвергалась видоизменениям практически вплоть до взятия Полоцка войсками Ивана Грозного в 1563 г. (*Варонін*. 2007а; *Воронин*. 2012в).

Под упоминаемым в магдебургском привилее «сигнетом» подразумевается тот из них, которым Александр начал пользоваться в 1492 г., еще не став великим князем, и продолжал это делать и после коронации в 1501 г. — восьмигранная печать размером 13,5×16 мм с изображением коронованного орла на щите, который держит ангел, и буквами **A–P** (т. е. Alexander Princeps). Известен и другой тип его «сигнета», с изображением польского орла, литовской «Погони» и австрийского герба, возникший, скорее всего, после коронации. Сигнет принадлежит к категории частных печатей, и изображение орла свидетельствует лишь о том, что владелец данной печати — сын польского короля (*Piech*. 2003. S. 76–77; *Rimša*. 2007. P. 152–154; *Szybkowski*. 2013. S. 35–42).

А. Л. Х., С. В. П.

350

1498 г. октября 8. Вораны. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра боярину Полоцкого пов. Олферу Кортеневу на пожалование [вел. кн. лит.] Казимира отцу Олфера сельца Антониково, освобождение его владений от въезда хмельников, кормления бобровников, различных «пошлин» «вечно»

Документ имеет полную дату. Итинерарий Александра фиксирует с 21 июля по 25 октября 1498 г. его пребывание в Троках, однако между 7 и 16 октября в итинерарии пробел, и в этот промежуток великий князь мог выехать в Вораны (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 177–178). В 1-м издании ПГ документ ошибочно датирован 8 октября 1499 г. Вероятно, выдача документа Олиферу спустя месяц после благоприятного для него приговора господарского суда (№ 348) не случайна: № 350 «правил», а при вынесении приговора присутствовал трокский воевода Ян Юрьевич Заберезинский, хорошо знакомый с Олифером Кортеневичем по периоду наместничества в Полоцке.

Копия подтвердительного листа сохранила его текст безо всяких сокращений. Полностью написан титул, сохранилась промульгация, не сокращен и конечный протокол. Это объясняется тем, что текст документа занесен в Метрику Великого княжества Литовского не в качестве исходящего документа времени ведения оригинальной книги (как большинство предшествующих копий грамот), но в составе исходящего документа более позднего времени, полностью включившего и этот более ранний документ. Грамота Александра была предъявлена потомками Олфера Кортеня — его сыном, господарским боярином Полоцкого повета Василием Кортенем с его сыновьями Иваном и Росицким и братаничем Микулой Костюшковичем — 31 июля 1551 г.

Подтвердительный лист Александра называет Олфера Кортеня боярином, а еще в № 348 он выступает в качестве мещанина. Впрочем, в 1528 г. Василий и Константин Кортеневичи с еще одним, не названным по имени братом в реестре Полоцкой земли записаны среди мещан. Размеры же их собственного отряда — 9 всадников — не намного уступали боярским (РИБ. Т. 33. Стб. 195; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 140). Процесс превращения Кортеней в шляхтичей начался при Казимире, который в придачу к собственным землям отца Олфера — отчизне и дедизне на Росице (правом притоке Двины на крайнем северо-западе Полотчины) пожаловал Кортеню сс. Антониково и Каменец в порогах. Последнее по карте XIX в. находилось к югу от Росицы на правобережье Двины в некотором удалении от нее, хотя наименование «порогов» ведет, казалось бы, к самой Двине, изобиловавшей ими (*Сапунов.* 1893. С. 165–183). Вновь образовавшееся владение имело весьма значительные размеры, будучи ограниченным рр. Клееваницей, Пернью и Росицей.

Несмотря на весьма активное освоение этой земли, заселение всей местности, где раньше находились лишь «ловы… зубрыные» великого князя, происходило медленно. Даже позднее, в середине XVI в., на земле потомков Олфера Кортеня сохранилась пуща и «буда попельная» (ПР 1552 г. С. 147–148).

Вероятно, вплоть до середины XVI в. Кортени продолжали торговлю золой и лесными материалами (см. № 146, 147).

Настоящий документ — один из немногих подтвердительных листов, согласно которым владения освобождались от всех пошлин, от въезда хмельников, бобровников и др. Вероятно, всё это оговаривалось потому, что с. Антониково ранее было «куничным», т. е. населенным тяглыми людьми, а передавалось мещанину «на боярскую службу».

А. Л. Х., С. В. П.

351

1499 г. мая 26. Вильня. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра господарскому коморнику, сыну [архиеп. пол.] Луки Андрею на купли у пол. мещан Горасима Сысоевича, Анисима, Андрея Александровых детей Хоминича Немчиновичей и др. с. Низголово «у вотчыну, вечно»

Пребывание Александра в Вильне фиксируется с 8 марта по 10 сентября 1499 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 180–182).

В отличие от многих подтвердительных листов, № 351 в диспозитивной части содержит условие: «и с тое земли неха*и* ѡнъ намъ служить». Вероятно, включение его было обусловлено положением Андрея как коморника (соответствует лат. *cubicularius*, *camerarius*) великого князя (*Pietkiewicz.* 1997. P. 83).

Лука известен в качестве полоцкого владыки с 1496 г. (см. № 337). Сын его Андрей, как и Лука, в 90-е гг. упорно приобретал земли на Полотчине, пользуясь положением отца в Полоцке, и закреплял эти владения великокняжескими подтверждениями, пользуясь своим положением при дворе Александра (см. № 352).

Настоящим документом подтверждается совершенная им купля земли у 7 мещан, владевших ею на протяжении не менее 60–70 лет («отчина и дедина»). Скорее всего, и это наследственное владение мещан восходит ко времени Витовта.

На среднем течении р. Уллы на ее левом берегу равносторонним треугольником (каждая сторона которого равна 4 верстам) стоят три поселения под одним названием Низголовье. Одно из них (северное) было в XIX в. господским двором, южное — селом с церквью, в самом западном также находилась одна только церковь. По-видимому, южное и западное существовали раньше. На картах Генерального межевания находятся южное и западное Низголовье. В писцовой книге о волости записано: «Вол. Низголов, по обе стороны дороги, от Усаи 10 верст, а в ней села и деревни многие» (*Калачов.* 1877. С. 437).

К середине XVI в. эти земли принадлежали «княгине Объяте, княж Ильине жене Костянтиновича Острожского» (*Калачов.* 1877. С. 438).

А. Л. Х., С. В. П.

352

1499 г. мая 30. Вильня. — Приговор суда вел. кн. лит. Александра по делу сына епископа полоцкого Луки, Андрея и путных людей о с. Митковичи на Двине [в Полоцком пов.]

Пребывание Александра в Вильне фиксируется с 8 марта по 10 сентября 1499 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 180–182).

Другое приобретение Андрея, сына полоцкого владыки Луки, с. Митковичи, находится в 4 верстах от Двины на ее правом берегу, в 15–20 верстах выше впадения в Двину р. Уллы. Эта земля тоже была «дединой и отчыной», на этот раз не мещан, а путных людей. Стало быть, она, как и Низголовье, после 70–80-летнего перерыва оказалась предметом купли-продажи. Потеря путными людьми их мизерных владений (ибо на этой земле сидели 10 путных людей) — примечательный для конца XV в. факт.

Концентрация земли в руках крупных и средних феодалов за счет других прослоек феодального общества (так, Андрей купил земли у 7 мещан и 10 путных людей), сокращение мелкого и мельчайшего землевладения — основная тенденция социально-экономического развития Полоцкой земли конца XV в.

Оба документа, № 351 и 352, подтверждают Андрею владение этой землей «ꙋ-в о*т*чынꙋ, вечно» (№ 351), «вечно, емꙋ и его матъце, и потомъ бꙋдꙋчымъ и*х* насле*д*комъ» (№ 352).

А. Л. Х., С. В. П,

353

[1499 г.] июня 5. Вильня. — Приговор суда вел. кн. лит. Александра по делу между [архиеп.] пол. Лукой, с одной стороны, и пол. боярами, войтом, бурмистрами и радцами г. Полоцка, с другой, о принадлежности сёл Дольцы, Весницк и Путилковичи

Датируется по 2-му индикту и княжению Александра. Его очередное пребывание в Вильне фиксируется с 8 марта по 10 сентября 1499 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 180–182).

По-видимому, конфликт возник в результате пересмотра всех владельческих прав после введения в Полоцке магдебургского права. В промежуток между 4 октября 1498 г. и 5 июня 1499 г. бояре и мещане предприняли попытку расширить, а может быть, просто сохранить владения Софийского собора, находившегося под городским патронатом. Сёла Дольцы, Весницк и Путилковичи были переданы Софийскому собору. Владыка опротестовал это.

В ходе разбирательства дела мещане ссылались на князя Скиргайла, который якобы передал спорные сёла и людей церкви Св. Софии. Александр, явно пристрастный, не потребовал от мещан никаких письменных документов на владение селами (они их и не предъявили), а лишь у архиепископа, у которого их не оказалось. В результате он присудил сёла церкви Св. Софии.

Грамота чрезвычайно интересна сведениями о внутреннем устройстве полоцкой деревни и феодальных повинностях ее населения. Выигравшие дело крылошане патрональной городской церкви вместе со старцами должны были судить население этих сёл. Размеры дани с этих сёл неизвестны. Однако кроме нее население спорных сёл было обязано исполнять и натуральные повинности — крыть церковь Св. Софии и огораживать ее.

В XX в. упомянутые в грамоте сёла известны под названиями: Путилковичи, Весницк, Дольцы. Они находятся в самом верховье р. Ушачи, левого притока Двины. Первые два лежат на самой реке, Весницк — в 8–10 верстах от нее не левом берегу р. Ушачи. В XX в. в этом районе находилось 4 села под названием Дольцы, одно из них носило название Малых Долец. Какое из них имела в виду грамота, помогает определить запись в писцовой книге 70-х гг. XVI в.: «Вол. владычня Долцы Болшие на рчк. на Губянице, храм Козмы и Дамьяна, на погосте, 3 дв., а владычних 5 дер.» (*Калачов.* 1877. С. 440).

Дольцы Большие — это, по-видимому, самые северные. В них и в XIX в. находилась церковь. Владычная волость находилась в XVI в. на самой границе Полотчины. В той же писцовой книге указано: «Владычних сел Полотцкого: с. Веснитцкого да с. Болших Долец да Менших Долец, да Путилкович рубеж сказали Василью Низовцову Полотцкому повету с Виленским поветом реку Березыню, а до р. до Березыни от владычных сел верст с 15, а инде 20 вер., а приходили от владычних сел мхи и болота и лесы и до Березыни» (*Калачов.* 1877. С. 427).

Владычная волость была довольно большой. Сёла удалены друг от друга на расстояние 12–14 верст: от Путилковичей до Весницка 12 верст, от Путилковичей до самых северных Дольцов — 14 верст.

В Весницком и Путилковском сёлах в середине XVI в. было 40 домов отчизных людей, в Долецком — 63 дома, служивших через неделю к владычному двору в замке. Жители последнего села на долецкий стан «на послы и гонцы стацею и подводы дають».

Вплоть до XVII в. архиепископской кафедре принадлежали сёла Великие Дольцы и Весницк (ИЮМ. Вып. 28. № 75. С. 323–325, 5 октября 1668 г.).

Первым войтом Полоцка был Радивон (см. также № 355), названный господарским дворянином, однако никаких данных о его родословной нет. В каком качестве по отношению к крылошанам их «опекальником» назван Глеб Остафьевич Корсак, неясно, скорее всего как глава «старших бояр» (ср. № 354) или как городничий.

А. Л. Х., С. В. П.

354

[1499 г.] июля 12. Вильня. — Приговор суда вел. кн. лит. Александра и панов рады по делу между пол. боярами и мещанами о суде

Пребывание Александра в Вильне фиксируется с 8 марта по 10 сентября 1499 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 180–182).

По форме документ представляет собой приговор суда, на что указывает и заголовок копии Метрики Великого княжества Литовского, назвавший его «выроком». По существу же это уставная грамота о разделении сфер наместничьего и войтовского (городского) суда.

О Юрии Ивановиче Зеновьевича см. № 360.

Вскоре после введения магдебургского права выяснились его недостатки и неполнота. В частности, вопрос о подсудности земельных дел оказался крайне запутанным.

Вводимый настоящей грамотой порядок рассматривался Александром как временный. В некоторых делах великий князь требовал возвращения к старинным обычаям: так, суд по земельным делам должен был осуществлять наместник со старшими боярами «подлугъ давного ѡбычая». Спорные же пограничные дела с Новгородом, Псковом и Ливонией должны были решать те же официальные деятели вместе со старшими мещанами.

Боярские же земли, купленные ими у мещан, и их наследственные земли изымались из подсудности общегородского, в том числе и мещанского, суда.

Не подлежали мещанскому суду и боярские люди, занимавшиеся торговлей. До 1498 г. бояре и мещане собирали вместо пошлины за взвешивание (вагу) и за проезд (узвоз) и за это должны были платить великому князю 400 коп грошей. По-видимому, последний долг бояр с 4 октября 1498 г. по 12 июля 1499 г., т. е. 100 коп грошей, заплатил единолично Юрий Зеновьевич (о нём см. ниже комментарий к № 360).

А. Л. Х.

355

[1499 г.] июля 14. Вильня. — Лист вел. кн. лит. Александра войту, бурмистру, радцам и всем мещанам г. Полоцка о возвращении [архиеп.] пол. Луке и пол. боярам дворов, земель, купель, полей и сеножатей, отнятых у них войтом Радионом

Пребывание Александра в Вильне фиксируется с 8 марта по 10 сентября 1499 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 180–182).

Введение в жизнь магдебургского права сопровождалось различными нарушениями прежнего порядка — в частности, захватом боярских и владычных окологородных земель. Согласно магдебургскому привилею 1498 г. и областному привилею 1511 г., закрепившему давний порядок (№ 476), окологородние земли принадлежали всему городу. Однако к 1499 г. часть их перешла (различными способами, в том числе и насильственным) к боярам. В 1499 г. в отмену одного из постановлений магдебургского привилея (о передаче мещанам домов, купленных насильственно боярами, см. № 363), великий князь встал на сторону бояр

и, предав интересы городского населения, распорядился вернуть эти земли, а соответственно, и дома, их прежним владельцам. Таким образом, конкретная земельная политика Александра противоречила документам, данным Полоцку как Казимиром, так и им самим, и магдебургскому привилею.

О деятельности Яцки Полозовича данных нет. Известен боярский род Полозов в Киеве и Пинске (РИБ. Т. 27. Стб. 147, 195, 197, 201, 262, 295, 308, 315 и др.; *Любавский.* 1900. С. 68, 156, 236, 401, 402, 441), а также в Полоцке в 1528 г. (не названный по имени Полоз выставлял 2 коней: РИБ. Т. 33. Стб. 194; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 139).

А. Л. Х.

356

Упоминание

[1499 г. июля 14 — 1506 г. августа 19]. — Уставной лист вел. кн. лит. Александра об освобождении пол. мясников от всяких платежей, кроме 40 коп гр. «врочыстого»

Грамота передатирована по сравнению с 1-м изданием ПГ. В качестве нижней хронологической границы документа принято последнее упоминание в документах полоцкого войта Родиона Борова (№ 355). Упомянутый в акте Тваровский, которому и адресовано послание, был его преемником (или одним из преемников). Верхней хронологической датой является смерть великого князя и короля Александра. Возможно, титул Александра передан в пересказе неверно.

По содержанию документ примыкает к приговору суда Александра от 12 июля 1499 г. (№ 354), уточнившему права и обязанности бояр и мещан.

А. Л. Х., В. А. В.

357

1499 г. [августа 27]. Полоцк. — Послание войта и совета г. Полоцка бургомистру и совету г. Риги с просьбой оказать содействие мещанину Якову Сергеевичу в получении долга с Эверта Штейна

В согласии с приговором суда Александра (№ 354) право сношений с Ливонией по земельным вопросам передавалось наместнику, старшим боярам, войту и старшим мещанам. Ни привилей на магдебургское право, ни тот же приговор суда 1499 г. не определяли порядка сношений по торговым делам. По-видимому, они совершались по традиции. Уже в 60-е гг. одни мещане сносились с Ригой по этим делам, а в конце XV — начале XVI в. конфликтами полочан по торговым делам с рижанами ведали городские магдебургские власти (войт, бургомистр).

Документ представляет интерес как первое послание полочан, написанное по-немецки. До этого лишь Олехно Судимонтович прибегал к латыни, и то из-за неимения под рукой немецкого писца (№ 197). Позднее городские власти «магдебургского» Полоцка сносились с Ригой на немецком языке (№ 386, 393). Несомненно, в составе городских властей появились немцы, а в городской канцелярии — немецкие и латинские писцы (см. № 416).

Хотя и ранее в полоцких посланиях, даже написанных на «руском» языке, чувствовалось латинское и немецкое влияние (за счет проникновения некоторых формул), отныне формуляр полоцких посланий приобрел больше западных черт: исчезла символическая инвокация, столь характерная для посланий, вышедших из городской канцелярии в середине и второй половине века, в конечном же протоколе появилось поручение рижан Божьей милости, более развернутое, чем ранее. В отличие от предшествующих, послание датировано от Рождества Христова, а не от Сотворения мира, и имеет подпись отправителя.

№ 357 (как и № 386, 393) запечатан не традиционной «печатью полоцкой и святой Софии», а новой — с изображением корабля и латиноязычной надписью. Эта печать использовалась вплоть до взятия города войском Ивана Грозного в 1563 г., а изображение корабля в полоцкой городской сфрагистике утвердилось вплоть до конца XVIII в. Подобный тип изображения характерен для средневековых европейских портовых городов (см. подробнее: *Rimša*. 2009). Появление печати с латиноязычной надписью и изображением, характерным для культуры латинской Европы, свидетельствует об усилении позиций католиков в городе и стремлении новых властей найти общий символический язык с самоуправляющимися городами латинской Европы.

А. Л. Х., С. В. П.

358

1499 г. октября 10. Вильня. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра господарскому писарю Федьку Григорьевичу на разные купли, в том числе у пол. мещанина Кунцы Евлашковича Кожчича сельца Усая Полоцкого пов. «вечно и непорушно»

Очередное пребывание Александра в Вильне фиксируется с 29 сентября по 27 октября 1499 г. (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 183).

Среди многочисленных владений, права на которые великий князь Александр подтверждал писарю Федьку Григорьевичу, значится, правда указанное мельком, село Усая. Согласно настоящему документу Кунца Евлашкович Кожчич продал ему это село с «призволеньем… королѧ его м(и)л(о)сти», т. е. Казимира, стало быть до 1492 г. На картах XIX в. известно два села с таким названием. В северном находилась церковь.

О Федьке Григорьевиче и его земельных приобретениях в Полоцке см. № 315. Об общих размерах его владении там можно судить по тому, что его сын Михайло Федкович Григорьевича в 1528 г. обязан был выставлять 9 коней, лишь в два раза меньше, чем каждый из Корсаков (РИБ. Т. 33. Стб. 192; МВКЛ. Кн. 523. С. 154; LM. Kn. 523. P. 138; *Пичета*. 1961. С. 232).

А. Л. Х.

359

[1499 г.] октября 22. Вильня. — Лист вел. кн. лит. Александра пол. наместнику Юрию Пацевичу о сохранении прежнего объема городовой повинности за пол. боярами Богданом и Глебом Остафьевичами, Михайлом и Иваном Зеновьевичами [Корсаками]

Датируется по 3-му индикту, который во время княжения Александра приходится на 1 сентября 1499 г. — 31 августа 1500 г. Очередное пребывание Александра в Вильне фиксируется с 29 сентября по 27 октября 1499 г. (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 183).

Заголовок списка в Метрике Великого княжества Литовского называет этот документ «листом бояром полоцким». Сама же грамота адресована наместнику. Как выясняется из № 402 (ср. № 343), документ с распоряжением наместнику выдавался на руки получателю пожалования.

№ 359 содержит интересные сведения о городских укреплениях Полоцка (вплоть до 1563 г. они оставались деревянными, а потому подвергались уничтожению во время пожаров: ПЛ. Вып. 2. С. 46; НПЛ. С. 420), организации городового дела и системе управления городом.

Если правильна предложенная в публикации пунктуация, то в конце XV в. полоцкий наместник в соответствии с распоряжением Казимира 1475 г. (№ 209) одновременно исполнял обязанности городничего. Так было и при Яне Юрьевиче, который сам ведал работами по ремонту

крепости. Возможна и иная пунктуация: «…а тобе, наместнику нашемꙋ, и городничомꙋ полоцкомꙋ посокирщины… не надобе брати». Если принять этот вариант, можно думать, что речь идет об отдельной должности городничего, отмененной Казимиром в 1475 г. В начале XVI в. эта должность существовала, она находилась в руках представителей рода Корсаков, в 1533 г. городничим был внук Остафия Васильевича — Иван Глебович (БА. Т. 2. С. 114, 116 и др.).

В связи с чем Корсаки возбудили вопрос о пересмотре возложенной на них Юрием Пацевичем нормы строительства замковых укреплений, неизвестно. Можно предполагать, что в условиях подготовки к очередной войне ВКЛ против Русского государства проверялось состояние всех пограничных укреплений, в том числе и полоцких. Вероятно, осенью 1499 г. были предприняты работы по восстановлению полоцкой крепости.

В строительстве Полоцка участвовали еще со времен Витовта и Сигизмунда Кейстутовича, если верить № 317, Задвинские волости, тяглые люди, «полоцкий пригон» (о порядке выполнения городовой повинности и «пригона» жителями Нищенской и Нещердинской вол. см.: БА. Т. 2. № 178. С. 130–131, 5 марта 1533 г.) и отдельные боярские роды силами зависимого от них населения. Наряду с натуральной повинностью по строительству крепости зависимые от бояр люди обязаны были и уплатой денежного налога, так называемой «посокирщины». По-видимому, к концу XV в. положение зависимого населения ухудшилось за счет введения специального налога, не упомянутого еще в листе Казимира 1475 г.

Существовавший на рубеже XV–XVI вв. порядок строительства крепостных сооружений приобрел законченные формы в 70–80-е гг. Тогда-то и были закреплены обязанности отдельных боярских родов. По мере роста боярского землевладения расширялись и размеры строительства, возлагаемые на Корсаков. До ревизии 1552 г. одну городню должны были возводить Глеб Корсак из Могилок и Дмитрий Корсак из Большевичей вместе с господарскими людьми угольничанами и борисовичами, кроме того, каждый из них строил по одной городне самостоятельно (Дмитрий со своих владений в Уменце, Глеб — с владений в Блошниках). Одну городню Глеб должен был возводить вместе с величковичами и олешчиничами, а Дмитрий — с ситнянами. На долю Ивана Глебовича приходились четыре городни (вместе с Яцком Быстрейским и Давыдом Панковым, с Семёном, купцом князя Михаила Соколинского, и жителями Солоневского стана, Заскорок, с. Павловичи и др.). Между четвертой Себежской и Михайловской вежами находилась городня всех панов Корсаков «отчизная» и еще 6 городен «наметных». Таким образом, к середине XVI в. доля представителей рода Корсаков в строительстве полоцкого замка была весьма заметной, хотя, может быть, и уступала их доле в полоцком землевладении.

А. Л. Х., С. В. П.

360

1499 г. октября 24. Вильня. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра браславскому наместнику Юрию Зеновьевичу на куплю у людей Полоцкого пов. Зенова и его братьи Василя и Якова Харпиных земли «вечно и непорушно», с указанием границ владений

Датируется по титулу Александра, 3-му индикту и итинерарию господаря. Очередное пребывание Александра в Вильне фиксируется с 29 сентября по 27 октября 1499 г. (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 183). В 1-м издании ПГ документ ошибочно отнесен к 1500 г.

Подтвердительный лист составлен по обычному образцу этого типа документов, он содержит ссылку на продажный («купчий») лист, указывает границы земли. Отличием от всех предшествующих документов является указание на «сябров» бывших владельцев земли.

Покупатель земли и получатель жалованной — Юрий Зеновьевич, точнее Юрий Иванович Зеновьевича, т. е. сын Ивана Зеновьевича (его родство устанавливается по приговору суда

Казимира по делу вдовы Олехны Пугача Агафьей и ее сына Остафия Олехновича с паном Юрием Зеновьевичем об имении Сутковское от 27 августа 1486 г., в котором Юрий назван сыном покойного пана Ивана Зеновьевича: РИБ. Т. 27. Стб. 407–409; LM. Kn. 4. № 97. P. 123–124), и внук небезызвестного Братоши (см. № 11). Юрий Иванович Зеновьевич наместничал в Браславле еще при Казимире и оставался на этой должности вплоть до 1500 г. (РИБ. Т. 27. Стб. 267, 306, 407–409, 589, 708, 856; LM. Kn. 6. № 276. P. 183; *Petrauskas*. 2003. P. 312), в феврале — марте 1504 г. участвовал в посольстве в Москву во главе со Станиславом Глебовичем, в 1507–1508 гг. был наместником в Смоленске, а в 1514–1516 гг. — в Могилёве (Сб. РИО. Т. 35. № 77, 79, 80. С. 445, 447, 455, 463, 467; LM. Kn. 7. № 350, 351. P. 569–570; *Любавский*. 1892. С. 122–123; *Любавский*. 1900. С. 333, 337; UWKL. T. 4. S. 51. № 46). Ездил он с посольством и в Крым к Менгли-Гирею (Сб. РИО. Т. 35. № 85. С. 522). В качестве браславского наместника он в январе 1495 г. входил в состав посольства за великой княжной Еленой Ивановной (Сб. РИО. Т. 35. № 31. С. 160–172), а в 1496 г. вместе с полоцким наместником выезжал «на рубежи» по «обидным делам» (Сб. РИО. Т. 35. № 42. С. 218).

Если верно отождествление Юрия Зеновьевича грамоты № 354 с Юрием Зеновьевичем — покупателем земли в Полоцком повете № 360, то он занимал высокое место в иерархии полоцких бояр: благодаря своим экономическим возможностям он заплатил долг бояр города за 1498 г. — первую половину 1499 г.

Земли, покупаемые Юрием Зеновьевичем, находятся на крайнем западном рубеже Полоцкой земли, на границе с Браславским поветом к югу от Друи около 8–10 км.

Продавцы ее названы «людьми нашими Полоцкого повета». По-видимому, под этим определением скрываются тяглые люди. На земле, проданной ими, остались «сябры тых людей» Тречевичи — судя по именам, литовского происхождения (например, «Кгреити», написанное с употреблением не характерного для «руского» языка диграфа «кг», ср. современное литовское прилагательное *greitas* — «быстрый»). Они, по-видимому, уже крепки земле, подобно холопам, ибо Александр в своей подтвердительной дает разрешение на куплю земли и «сябров»: «и тую землю Шове*н*скую дозволили есмо в ты*х* люде*и* емꙋ кꙋпити и тыи сѧбры ты*х* люде*и* Тречевичовъ».

А. Л. Х., С. В. П.

361

Упоминание

[1500 г. — 1506 г. августа 19]. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра кн. Юрию, Василию и Андрею Соколинским на сёла путных людей Камень и Бабча в Черсвятской вол. Полоцкого пов.

Датируется временем правления великого князя Александра после начала войны с Русским государством 1500–1503 гг., ставшей причиной ущерба, о котором идет речь в грамоте. См. также комментарий к № 446.

С. В. П.

362

Упоминание

[Около 1500 г. — 1502 г.]. — Продажный лист пол. мещанина Климяты Евлашковича Козчича Омельяну Солоковичу на землю Зубрыковичи возле Кушликович

Датируется на основании хронологических выкладок в показаниях участника тяжбы и упоминания о «великой осаде» в воеводство Станислава Глебовича (имеются в виду события 1501/1502 г.).

В. А. В.

363

[1500 г.] мая 7. Вильня. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Грыдку Юрьевскому на освобождение его и его людей от хождения на стан, давания бобровщины, выполнения мостовой и дорожной повинностей, других «тяглых» повинностей и платежей с его с. Браташино Полоцкого пов.

Датируется по 3-му индикту и княжению Александра, который в очередной раз был в Вильне с 11 апреля по 9 июня 1500 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 185–186).

Копия жалованного листа сохранила текст без сокращений (за исключением части конечного протокола), т. к. он, подобно № 350, был занесен в Метрику Великого княжества Литовского спустя полвека в качестве исходящего документа, в составе листа Сигизмунда Августа от 15 декабря 1551 г. Документ (№ 363) предъявил господарский боярин Полоцкой земли Костюшко Грыдкович Юрьевский — сын его получателя.

Сельцо Браташино находится в верхнем течении р. Начи, в 16–20 км от Воронеча. Возможно, его название происходит от имени боярина Братоши, служившего Андрею Полоцкому и Витовту (подробнее см. № 11 и комментарий к нему). Его собственные земли, полученные в 1397 г., располагались в Мыше, а его сына Зеновия, действовавшего в первой трети XV в., — в Сморгони. История рода прослежена С. Пташицким (*Ptaszycki.* 1894; *Пташицкий.* 1878). Среди потомков Братоши, по его схеме, нет того Юрия, который мог бы быть основателем рода Юрьевских.

Боярин Иоанн Юрьевицкий упоминается в одном из граффити полоцкой Спасо-Преображенской церкви. В этой записи он отнесен к «боярам полоцким Васильевичам» наряду с Остафием и Зеновием — иными словами, Иван был одним из сыновей Василия Дмитриевича Корсака. Из записи следует, умер в апреле 1486 г. (*Калечыц.* 2011. С. 119–120, 222; *Залилов.* 2014. С. 57–63, табл. XXXV). Возможно, Грыдко Юрьевский был его потомком (сыном?). На это может указывать имя другого представителя рода Юрьевских — Остафия (№ 391). Но в таком случае остается неясным, почему источники ничего не сообщают о родстве Юрьевских (Юрьевицких) с Корсаками. Не все Юрьевские стали боярами. В 1528 г. Василий Юрьевский был занесен в список мещан, а Григорий значился среди бояр и выставлял 2 всадников (БА. Т. 2. С. 248, 249, 264; LM. Kn. 523. P. 139, 140). Имением Юрьевичи, сохранившимся в роду Юрьевских на протяжении XVI в., в 1552 г. владели сыновья (Григорий и Константин) и их отчим Фёдор Тарасович Шоболинский (в имении было 7 дымов). Гаврило унаследовал имение на Начи с 6 дымами, которое держал также отчим. Во всех этих именьях были «гоны бобровые, озера, дерева бортные и ловы зверынные и лес будъный». В середине XVI в. паны Юрьевские вместе с Василием Полупятой, Иваном Стрежевичем и Иваном Селявой с Сахаровщины строили 1 городню в Полоцком замке (ПР 1552 г. С. 5, 132).

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

364

1500 г. мая 28. Вильня. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра дьяку господарского писаря Ивашка Сопежича Васку Исаковичу на дар от тестя Васка, Петрашка Фёдоровича Юрцевича, всех его земельных владений, а также с. Горспле, земли и сеножати на р. Гарспля, двор и огород в г. Полоцке «вечно»

Петрашко Фёдорович Юрцевич был внуком протопопа полоцкого Софийского собора Юрия, действовавшего в середине XV в. (см. о нём и его владениях № 100, 135 и комментарии к ним).

С. В. П.

365

Упоминание

[1500 г. сентября 8 — 1506 г. августа 19]. — Лист вел. кн. лит. Александра пол. ц. Св. Петра в замке об освобождении церковных людей мосорян от утиной охоты черсвятских наместников на их землях

В подтвердительном листе Сигизмунда Августа (л. 47) отмечено, что Александр забрал монастырский огород и лавки у Петровского монастыря и передал их бернардинцам, «будучи тамъ, в Полоцку». Александр бывал в Полоцке дважды: в апреле 1497 г. и с 8 сентября по 17 октября 1500 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. S. 173, 188–189). Первая дата отпадает, поскольку бернардинский монастырь был основан только в 1498 г. (см. комментарий к № 384). Накануне приезда в Полоцк в сентябре 1500 г. Александр несколько дней провел в Черсвяте.

С. Мосор располагается в 10 верстах к северу от Камня и в 12 верстах к юго-западу от самой южной оконечности Черсвятского озера. Это село находилось у южного края богатого дичью болота, простиравшегося примерно на 8 км.

Сведения о повинностях мосорян в пользу церкви Св. Петра и великого князя содержит ревизия 1552 г.: на Мосоре жило 57 дымов пригонных людей, исполнявших 21 службу. «Дани на манастыр дають меду дванадцать пудов, жыта шеснадъцать четьверток. Бобровщыны на господаря его милости дають сорок грошеи шыроких. По тои же земли чотыры озера монастырских» (ПР 1552 г. С. 173).

Об организации великокняжеского двора грамота сообщает немногое — во главе его стояли наместники. Важно другое сообщение грамоты — о наличии собственной запашки на великокняжеском дворе, вероятно, мельницы и рыбного прудового хозяйства (о Черсвятском дворе см. специальную работу: *Варонін.* 2013б).

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

366

[1500 г.] сентября 27. Полоцк. — Лист вел. кн. лит. Александра пол. наместнику Юрию Пацевичу о возвращении по результатам суда пол. боярыне Проселковой имения и о введении Проселковой в это имение господарским дворянином Станиславом Пацевичем

Датируется по 4-му индикту и княжению Александра, который был в Полоцке с 8 сентября по 17 октября 1500 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 188–189). № 366, подобно № 350 и 363, сохранился почти полностью (сокращен титул Александра) в составе исходящего документа полоцкой воеводской канцелярии.

О Проселках см. № 338, 350 и комментарии к ним. Видимо, Иван Проселок умер между первым и вторым визитами Александра в Полоцк, т.е. между апрелем 1497 г. и сентябрём 1500 г. Вопреки предшествующим документам № 338 и 350, согласно которым Проселок должен был лишиться земли, уйдя от Остафия Васильевича, он остался в качестве самостоятельного владельца своего «имения». В XVII в. в Ветринской вол. существовало село Проселковщина (ИЮМ. Вып. 28. № 32. С. 131–142, 1627 г.). В грамоте № 366 нет речи о зависимости Проселковой вдовы или Мартина Проселка от Корсаков, а вдова Проселка называется боярыней.

Станислав Пацевич, вероятно, идентичен одноименному жижморскому боярину начала XVI в. (LM. Kn. 6. № 178. P. 138; *Любавский.* 1900. С. 573, 614, 684, 770 и др.). Неясно, был ли он родственником полоцкого наместника Юрия Пацевича. В любом случае он не может

быть идентичен его внуку Станиславу Миколаевичу Пацу, витебскому воеводе в 1566–1588 гг. (*Wolff*. 1885a. S. 27–32).

А. Л. Х.

366а

[1500 г.] октября 6. Полоцк. — Жалованный лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Гриньку Ловейковичу на человека Офанаска с его детьми и землей и пустовщины Данилковщину, Дорошковщину и Кинговщину в Полоцком пов.

Датируется по 4-му индикту и пребыванию Александра в Полоцке с 8 сентября по 17 октября 1500 г. (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 188–189). В 1-м издании ПГ грамота первоначально была отнесена к 1501 г., но впоследствии ошибка была исправлена (ПГ. Вып. 4. Комм. № 246. С. 162).

Гринко Ловейкович — боярин из рода Ловейков. Сын его Михайло Гринкович (Гридкович) в 30-е годы XVI в. выполнял обязанности полоцкого воеводы. Он был жив еще в 1533 г. (БА. Т. 2. С. 115, 119, 120, 126–128, 149, 156, 158, 168–169, 245). О нём и его роде см. также № 411, 428, 429.

Местонахождение передаваемых земель определить не удалось.

А. Л. Х.

367

1500 г. декабря [1–31. Вильня]. — Уставной лист вел. кн. лит. Александра пол. сельским путникам

Очередное пребывание Александра в Вильне фиксируется с 5 ноября 1500 г. по 4 апреля 1501 г. (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 189–190).

Список в Метрике Великого княжества Литовского называет эту грамоту «постановеньем». Этот термин применялся уже по отношению к № 354, хотя альтернативно: «вырок а*л*(ь)бо постанове*н*(ь)е». Великокняжеские писцы делали, по-видимому, различие между «привилеем» (по отношению, например, к жалованному листу на магдебургское право, № 349) и «постановеньем», понимая под последним определение по какому-либо более частному вопросу, возникавшее иногда в результате судебного рассмотрения (№ 354).

Настоящее «постановенье» обязано своим происхождением пребыванию Александра в Полоцке в сентябре — октябре 1500 г., когда он смог ознакомиться с некоторыми результатами введения магдебургского права для великокняжеского хозяйства. Уставной лист дан в разъяснение и дополнение привилея на магдебургское право.

Согласно привилею 1498 г. все сельские путники оказались под юрисдикцией новых органов городского самоуправления. По уставному же листу 1500 г. проводилось строгое различие между сельскими путниками, жившими постоянно в селах, не имевшими дворов в Полоцке и служившими вместе с другими сельскими путниками, и теми, кто имел дома в Полоцке. Первые отдавались под управление наместника. Они должны были служить к полоцкому замку, платить вместе с мещанами серебщину, нести военную службу и исполнять городовые работы. Вторые, названные мещанами, получили права сохранить свои родовые владения — «отчынные» и купленные (у бояр, мещан, сельских путников и пригонных людей), независимо от того, на каком расстоянии от Полоцка находятся эти земли, и населявших их людей. И мещане, и их «люди» подлежали юрисдикции магдебургского права. Мещане с купленных владений должны были нести путную службу. Однако впредь мещанам запрещалась покупка земли «у пригонных людеи» без великокняжеского разрешения.

Таким образом, ставился юридический барьер росту мещанского землевладения. Впрочем, социально-экономические предпосылки для этого исчезли уже давно. Теперь возникало и новое препятствие — чисто юридическое. Грамота эта очень важна, т. к. не только определяет современный ей статус мещан, но и позволяет представить прошлое этой прослойки, по-видимому, очень близкой к сельским путникам. Сами же сельские путники принадлежали к пригонным людям и, стало быть, должны были исполнять городовые работы (см. № 317) дополнительно к военной службе и уплате серебщины.

Земельные тяжбы мешан решались войтом, лентвойтом, бурмистрами, радцами и мещанами, «городских людей» (в настоящем контексте бояр) с мещанами — наместником полоцким («врадником») и боярами совместно с бурмистрами, радцами и мещанами.

Любопытно, что великокняжеская канцелярия с большим трудом усваивала терминологию немецкого городского права.

Магдебургскому праву по новой грамоте подлежали «люди владычины, игуменины, боярские и поповские», наместник и бояре не должны были вступаться в них. Все подданные церковных и светских феодалов обязаны были платить серебщину.

А. Л. Х.

368

1501 г. марта 19. Троки. — Лист вел. кн. лит. Александра пол. боярину Глебу Остафьевичу [Корсаку], пол. лентвойту, бурмистрам, радцам и мещанам о передаче ц. Св. Софии в Полоцке сёл Дольцы, Весницк и Путилковичи согласно великокняжескому судебному решению

Датируется по 4-му индикту и правлению Александра, находившегося в Троках с 7 марта по 3 апреля 1501 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 191). Грамота сохранилась полностью, т. к. была предъявлена в полоцкую наместничью канцелярию в 1533 г. (ср. № 350, 363 и др.). О спорном деле клирошан собора Св. Софии с архиепископом Лукой и местонахождении спорных сел см. выше № 353.

Распоряжение Александра адресовано Глебу Остафьевичу Корсаку — в это время, вероятно, старшему из полоцких бояр, а также членам недавно созданного полоцкого магистрата и мещанам. Значит, на момент издания грамоты в Полоцке не было наместника: Юрий Пацевич уже не исполнял эти свои обязанности, а его преемник Станислав Глебович, вероятно, еще не был назначен на эту должность. 22 февраля 1501 г. он еще оставался витебским наместником (*Pietkiewicz.* 1995. S. 208). Таким образом, полоцкое наместничество Станислава Глебовича могло начаться не ранее 20 марта 1501 г.

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

369

Упоминание

[1501 г. марта 20 — 1506 г. августа 19]. — Лист вел. кн. лит. Александра пол. наместнику Станиславу Глебовичу и уставной лист пол. наместника Станислава Глебовича пол. мещанам Самсону, Борису, Тишку, Гаврилу и Левону Зветиным и их братьям об освобождении их от становой и подводной повинностей и об обязанности нести в дальнейшем военную службу вместе с другими мещанами

Датируется временем правления Александра и периодом, когда полоцким наместником, а затем воеводой был Станислав Глебович — примерно с 1501 г. (см. комментарий к № 368). Стан Езеньский — стан на оз. Язно.

Зветиным удалось добиться их причисления к мещанам. В реестре 1528 г. среди мещан числились Самсон, Борис, Иванович, Тихон (Тишко) Васкович. Первые два выставляли по одному, Тихон — трех коней. Кроме того, отдельно записаны «мещане цветинские», которые все вместе снаряжали еще 4 всадников (РИБ. Т. 33. Стб. 196; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 140).

А. Л. Х., В. А. В.

370

Упоминание

[1501 г. марта 20 — 1505 г. февраля 18]. — Дозволенный лист вел. кн. лит. Александра пол. воеводе Станиславу Глебовичу на покупку с. Низголова у архиеп. пол. Луки

371

Упоминание

[1501 г. марта 20 — 1505 г. февраля 18]. — Продажный лист архиеп. пол. Луки пол. воеводе Станиславу Глебовичу на с. Низголово

Оба документа, № 370 и 371, датируются промежутком времени между наиболее ранней возможной датой занятия Станиславом Глебовичем должности полоцкого наместника (см. комментарий к № 368) и их упоминанием в № 389 (см. комментарий к нему).

С. В. П.

372

Упоминание

[1501 г. марта 20 — 1508 г. мая 9]. — Продажный лист путных слуг Василия Демидовича, Агафона, Кохана и Хомы Ходосовичей и др. Гриню Ловейковичу на землю в с. Кохановское в Полоцком пов.

Датируется промежутком времени между наиболее ранней возможной датой занятия Станиславом Глебовичем должности полоцкого наместника (см. комментарий к № 368) и их упоминанием в № 429 (см. комментарий к нему).

С. В. П.

373

Упоминание

[1501 г. марта 20 — 1513 г.]. — Дозволенный лист пол. воеводы Станислава Глебовича Индриху (Генриху) Лодяте на приобретение угла земли «подле Кузовищ от Дубровок» у пол. бояр Тишковичей

374

Упоминание

[1501 г. марта 20 — 1513 г.]. — Продажный лист пол. бояр Андрея и Ивана Тишковичей и их матери Индриху (Генриху) Лодятичу на угол земли «подле Кузовищ от Дубровок»

Датируются временем занятия Станиславом Глебовичем должности полоцкого наместника, а впоследствии воеводы (см. комментарий к № 368).

Пересказ продажного листа (№ 374) позволяет восстановить некоторые его клаузулы. Как всегда, это была продажа на вечность, с обещанием «не поискивать» землю. В санкцио предусматривалась уплата гривны золота полоцкому воеводе, т. е. штрафа в весьма архаичной форме.

Станислав Индрихович — сын Индриха Лодяты (см. № 404). Анастасия, жена Тихона Колчижинича, принадлежавшего к одному из ведущих мещанских родов Полоцка, владела и другими землями на Двине (см. № 460). Это имение перешло к Юрию Зеновьевичу после неудачной поруки за город в 500 копах грошей (БА. Т. 2. № 164. С. 121–122).

№ 373 — это упоминание о разрешительной грамоте полоцкого наместника (воеводы) на сделку купли-продажи земли. Такого рода документы иногда упоминаются в источниках, однако, к сожалению, не удалось отыскать ни одного такого «дозволенного листа», который бы относился к Полоцку. Теоретически, предварительное согласие на сделки с недвижимостью должен был давать сам великий князь литовский. Однако сомнительно, чтобы великие князья действительно давали такие разрешения для всех таких сделок на всей территории государства. Для этого им понадобился бы слишком большой объем работы и просто невероятный для того времени уровень информационного обеспечения. Поэтому на деле разрешения выдавали представители местной власти — да и то, возможно, не всегда до заключения сделки, а в том числе и уже после того, как она была совершена. Правда, в источниках, — например, подтвердительных листах, — иногда упоминается тот факт, что разрешение на подтверждаемую сделку дал сам великий князь. Однако такого рода утверждения следует рассматривать скорее как формальность. Возможно, великие князья литовские и давали такие разрешения, — но также, вероятно, часто постфактум, с тем, чтобы еще раз подкрепить юридическую силу уже совершённой сделки.

А. Л. Х., В. А. В.

375

1501 г. мая 5. Вильня. — Приговор суда вел. кн. лит. Александра и панов рады по делу между полочанами Вальком Федковичем и Григорием Исаковичем, с одной стороны, и пол. наместником Станиславом Глебовичем, с другой, о с. Петрово [в Полоцком пов.]

Грамота сохранилась в копии 20–30-х гг. XIX в. В. П. Меницкого (о нём см. комментарий к № 266 и введение в т. 1 настоящего издания). Датируется по индикту, правлению Александра и топологическим сведениям. Александр был в Вильне с 4 апреля по 31 июля 1501 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 191–193).

Возможно, копия содержит неточность в передаче титулатуры. 5 мая 1501 г. Александр еще не мог титуловать себя королем польским, поскольку в это время был еще жив его брат и предшественник на польском королевском троне Ян Ольбрахт. Он умер лишь 17 июня 1501 г. в Торуни (*Papée.* 2006. S. 198, 232). Сам Александр был избран королем польским 30 сентября, а короновался 12 декабря 1501 г. в Кракове (*Papée.* 1999. S. 51, 54).

Если предложить, что неверно указан индикт, то грамоту можно отнести либо к маю 1503 г., либо к маю 1506 г., когда Александр снова находился в Вильне (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 205–210, 235–236).

В грамоте в качестве полоцкого наместника упоминается Станислав Глебович, занявший эту должность около 1501 г., не ранее февраля, а скорее всего, и не ранее марта (см. комментарий к № 368) и остававшийся на ней и после ее переименования в воеводскую, до 1513 г. (до этого в 1492–1494 гг. он был мерецким державцей, в 1495–1501 гг. — витебским наместником) (*Pietkiewicz.* 1995. S. 208–209, 213). Если исходить из того, что дата в № 375 указана правильно, то это дает возможность с большой точностью определить время назначения

Станислава Глебовича на пост полоцкого наместника: в таком случае это произошло между 19 марта (см. № 368 и комментарий к нему) и 5 мая 1501 г.

Станислав Глебович — активный участник переговоров с Русским государством, в 1492 г. он был отправлен в Москву вместе с писарем Владыкой [Сб. РИО. Т. 35. № 17, 18, 42, 75, 78. С. 70, 72–78 (4 ноября — 29 декабря 1492 г.)], в 1496 г. рассматривал порубежные споры, в 1503 г. в составе большого посольства (с Петром Мышковским, Войтехом Яновичем) вел переговоры о заключении мира (посольство покинуло Вильню 9 января 1503 г.: Сб. РИО. Т. 35. С. 218, 363–412, 4 марта — 5 апреля 1503 г.; ПСРЛ. Т. 28. С. 336), был членом посольства и в 1504 г. (Сб. РИО. Т. 35. С. 454–463, 19 февраля — 7 марта 1504 г.). В 1510 и 1511 гг. Станислав Глебович дважды был в Москве и вел переговоры о возвращении в Великое княжество Литовское пленных в битве на Ведроши (в том числе и Станислава Юрьевича, и Николая Юрьевича Глебовичей) и выдаче родственников перешедших в 1507–1508 гг. литовских князей и бояр (Сб. РИО. Т. 35. № 84. С. 486–487, 493–495). При этом происхождение рода Глебовичей, члены которого в XVI в. неоднократно становились виленскими и трокскими воеводами, до конца не ясно. Как и Вяжевичи и Монивидовичи, они пользовались гербом «Лелива» (*Ragauskienė*. 2012; *Рыбчонак*. 2014)

Грамота определена как приговор суда, хотя она носит и некоторые черты жалованных листов. Так, например, для последних характерна промульгация. В наррации же обнаруживаются черты приговора суда. Указано, что грамота — результат суда великого князя с панами радой по иску Валька Фёдоровича и Григория Исаковича Мишковича к полоцкому наместнику Станиславу Глебовичу.

Грамота имеет все основания считаться подлинной. Ее формуляр точно соответствует формуляру грамот Александра 1500–1502 гг., за одним исключением. Только в этой грамоте указаны условия владения селом Петровом: «они… тую отчызну свою… держати мают(ь), как у Королевстве Польском и в Князтве Литовском князи, паны а бояре держат(ь)». Такого условия ни в одной другой грамоте Александра нет. Если «Королевство Польское» в этой формуле не было добавлено впоследствии, то перед нами характерное порождение литовской великокняжеской канцелярии, поскольку перечисленные группы были присущи социальной структуре именно ВКЛ, а не Польши. Аналогичная формула встречается в земских (общегосударственных) привилеях великих князей литовских.

Грамота принадлежит к числу тех, которые касаются феодального землевладения и при этом сохранились не в составе книг Метрики ВКЛ. Она дважды заносилась в официальные копийные книги Полоцкого воеводства, и с этих записей дважды делались копии. Впервые грамота попала в земские книги Полоцкого воеводства. 20 января 1654 г. судья Михайло Тышкевич (см. о начале его деятельности: ИЮМ. Вып. 29. № 95. С. 331), подсудок Ян Подбипента и писарь Габриэль Корсак разбирали дело Яна Вальковского, который представил грамоту Александра, написанную на пергамене и имевшую вислую печать. Ян Вальковский просил, чтобы этот привилей был актикован и вписан в земские книги Полоцкого воеводства. Основанием его просьбы была древность и ветхость документа. Действительно, копия В. П. Меницкого, вероятно, верная, изобилует пропусками слов, замененных многоточиями, и восстановлением части слов, которые в копии В. П. Меницкого помещены в скобки. Можно предполагать, что в документе, представленном Яном Вальковским, уже были дефекты, и что эти пропуски восходят к копии документа 1654 г. в земских книгах.

13 октября 1707 г. каптуровые судьи Полоцкого воеводства по требованию короля Августа II занимались делом Романа Ленкевича. Последний представил выпись («экстракт») из земских книг Полоцкого воеводства. Выпись была выдана уже не Яну, а Василию Вальковскому, служившему у Мацея Климанского. Просьба Романа Ленкевича заключалась в занесении грамоты в каптуровые книги Полоцкого воеводства. На этот раз грамота Александра попала в официальные документы уже вместе с подтверждением 1654 г.

Кому и когда была представлена выпись, оказавшаяся впоследствии в архиве В. П. Меницкого, неизвестно.

Даже эта случайная грамота вместе с ее двукратными подтверждениями рисует историю одного владения за два с половиной столетия. Названное в грамоте село Петрово находилось, по-видимому, где-то вблизи Ушач.

Валько Федкович принадлежал к роду, сохранившему свое положение и в XVI в. Другой истец Григорий Исакович Мишкович, по всей видимости, не идентичен тому Григорию (Гринку) Мишковичу, который несколько раз появляется на страницах Метрики Великого княжества Литовского: этот последний уже в конце 40-х гг. XV в. и даже ранее получал великокняжеские пожалования, но не в Полоцкой земле, а в Смоленской (РИБ. Т. 27. Стб. 48, 66, 71; LM. Kn. 3. P. 37, 43, 44, 47). Трудно допустить, чтобы Григорий Мишкович, уже до 1448 г. добившийся господарских милостей, будучи преклонным старцем, не менее 80 лет, в 1501 г. снова отправился в Вильню защищать свои владения от посягательств полоцкого наместника.

Имена свидетелей грамоты к моменту снятия В. П. Меницким ее копии, очевидно, уже были искажены. Можно предположить, что «marszałok nasz dwornyj pan Lwoi» — это князь Михаил Львович Глинский, занимавший эту должность в 1500–1506 гг. (UDR. T. 11. № 434. S. 76). Вторым же свидетелем грамоты был, вероятно, Григорий Станиславович Остиковича.

Грамота от 5 мая 1501 г. представляет большой интерес, поскольку наполняет конкретным содержанием жалобы полочан на наместника Станислава Глебовича, с которыми они обратились к Александру в 1502 г. (№ 381). Сама же грамота Александра представляет собой не что иное, как подтверждение двух предшествующих грамот Казимира и Витовта. Она позволяет судить о том, на каких условиях раздавал земли Витовт и на каких отчасти следовавший за ним Казимир закреплял пожалование земли в отчину.

А. Л. Х., С. В. П.

376

[1501 г.] октября 12. Мельник. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра господарскому дворянину Юхну Вороничу на двор Мильковичи в Полоцком пов.

Пребывание Александра в Мельнике, во время которого была выдана грамота, фиксируется с 18 сентября по 6 ноября 1501 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 194).

Юхно Ворона был женат на внучке Глеба Остафьевича Корсака (БА. Т. 2. № 154–157. С. 117–118). Среди его подданных известен Иван Бобоед (БА. Т. 2. № 233. С. 168; ср. комментарий к № 97). Кн. Иван Глинский продал Юхну Вороне имение Овдеевичи (БА. Т. 2. № 381. С. 270–271), принадлежавшее вдове Фёдора Глинского Опрене, с которой он тягался из-за своего слуги (БА. Т. 2. № 233. С. 168), и ее сыновьям Дмитрию и Богдану.

Юхно Ворона владел в Полоцке и другими землями, в частности сс. Омбросовичи и Тулубиевцы на Двине (см. № 444).

Мильковичи — ныне деревня Верхнекривинского сельсовета Бешенковичского р-на Витебской обл., находится на Двине выше впадения в нее р. Кривины (*Любавский.* 1892. С. 258).

Князь Иван — это Иван Юрьевич Трубецкой, наместник мценский и любутский в 1487–1490 гг. (Сб. РИО. Т. 35. С. 17, 19, 21, 37, 49; *Любавский.* 1892. С. 45; *Wolff.* 1895. S. 542–543). В 1500 г. он перешел на сторону Русского государства.

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

377

Упоминание

[1501 г. ноября 29 — 1502 г. мая 3]. Краков. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра пол. мещанам Ивану и Гридку Артёмовичам Буцковича на земли Сущи и Ухвище в Полоцком пов.

Дата несохранившегося подтвердительного листа Александра устанавливается благодаря указанию в его упоминании обстоятельств, в которых он был выдан: сообщается, что это произошло в Кракове, где Александр пробыл с 29 ноября 1501 г. по 3 мая 1502 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 194–198). Возможно, полоцкие мещане отправились в далекий Краков по случаю коронации Александра. В таком случае перед нами редкий конкретный пример практики взаимодействия подданных с монархом, занимавшим два престола и вынужденным поэтому находиться то в одном, то в другом государстве.

См. также комментарий к № 378.

С. В. П.

378

[1502 г.] августа 9. Менск. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра пол. мещанам Ивану и Гридку Артемовичам Буцковичам на земли Сущи и Ухвище в Полоцком пов.

Неясную дату грамоты, сохранившейся в списке в Метрике Великого княжества Литовского, помогают исправить королевский титул и итинерарий Александра. Пребывание Александра в Менске фиксируется с 1 августа по 19 сентября 1502 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 201–202).

Грамота весьма интересна для характеристики социальной структуры Полоцкой земли и социальной мобильности в Великом княжестве Литовском эпохи позднего Средневековья, великокняжеской политики и взаимоотношений с подданными, истории мещанского землевладения, наконец, функционирования письменного документа в XV — начале XVI в., поскольку она перечисляет многочисленные акты — жалованные и продажные («купчие») листы за весь XV в. Последним из них был подтвердительный лист самого Александра, выданный им в течение конца ноября 1501 г. — начала мая 1502 г. во время его пребывания в Кракове (см. № 377 и комментарий к нему).

Грамота № 378 возникла в результате конфликта Князя Сестренца с мещанами, в связи с чем последним и пришлось мобилизовать весь семейный архив, содержавший земельные документы более чем за целое столетие. Сестренец очень быстро делал карьеру: в 1482–1488 г. он конюший городенский (РИБ. Т. 27. Стб. 193, 203, 252; UWKL. T. 2. S. 257. № 1667), а в 1502 г. — наместник кревский. Неясно, тот ли самый это Сестренец, который в 1488 г. назван просто «брянцем» (в середине 80-х годов находился на службе у кн. Вяземского: Сб. РИО. Т. 35. № 1. С. 2), а в 1486 г. получал королевские пожалования в Вильне. По-видимому, «Князь» в данном случае — не титул, а личное некалендарное имя [АЗР. Т. 1 (6). С. 445]. Судя по указанию на пребывание Александра в Кракове, он добился получения мещанских земель на Суше в первой половине 1502 г. Таким образом, из-за полной неразберихи в великокняжеской канцелярии с учетом земель и земельных документов и возникла конфликтная ситуация.

Александр, передавший земли полоцких мещан Сестренцу, вынужден был под давлением неопровержимых документов вернуть Сущевичам их земли. Восстановление «справедливо-

сти» на этот раз имело и далеко идущие политические цели — укрепить и расширить социальную опору великокняжеской власти в Полоцке.

Первым владельцем одного из упомянутых в грамоте сёл — с. Скоморошовичи был некий Терех Непоротович. Позднее он «поступился» этим селом Витовту. Неизвестно, была ли эта уступка добровольной или насильственной. Во всяком случае, можно предполагать, что отказ Тереха Непоротовича от этого села связан с социальными и политическими переменами, происходившими в Полоцке во времена Витовта (№ 22).

Терех Непоротович, судя по полному имени-отчеству, был боярином. Его имя напоминает название Непоротова, села и волости в северо-восточной части Полоцкой земли. Еще одно село Непороты находится в восточной части Полоцкой земли в 12 верстах к северо-востоку от Митковичей. Либо он происходил оттуда, образовав свое имя от топонима, либо он держал эту волость до Витовта, либо же название волости и/или села происходило от имени одного из его предков. Владельцами земель на Суше и Ухвище при Витовте и позднее становятся по преимуществу мещане из рода Сущовых, Сущевичей, Сущовичей. Примерно за 100 лет сменилось пять поколений, причем последнее предстает уже вполне правоспособным и само заключает сделки. В настоящее время можно уточнить их генеалогию и хронологию деятельности (ср.: *Хорошкевич.* 1977а. С. 144–146; ПГ. Вып. 4. Коммент. № 252. С. 167–171; см. также с. 423 настоящего тома).

Витовт отдал с. Скоморошевичи одному из основателей рода Сущовых — Фёдору, скорее всего в последние годы княжения (№ 23), коль скоро тот успел завещать их внуку Зеновию (Буцку), который еще действовал в 70-е или даже 80-е годы (№ 173, 225, 226). Дед Зеновий Буцко вместе со своим сыном Артёмом (Тулубеем) покупал земли на Суше и Ухвище у своего дяди Григория Фёдоровича и сыновей другого дяди Степана (Григория, Прошка, Василия, Дениса; № 172). Зеновий и Артём скупали земли и у полоцких бояр Зеновия Васильевича (Корсака), Ивана и Леонида Полупят, вероятно, в 70–80-е гг. XV в. (№ 173). Скорее всего, отцу принадлежит покупка у Мелешка Кононовича, Ивана Овдеевича и его жены, Мокея и Оксентия Сущевичей и Офонаса Хомича сына Froedновича и сельца на Мотырине, и у Степанки Довмонтовского — сельца на Журавне Маревина следа (№ 174, 175). Учитывая совместные действия Зеновия и его сына Артёма, эти грамоты датируем периодом, на который могла приходиться их совместная деятельность, — примерно 1466–1480 гг. (хотя не исключена и более ранняя датировка).

Уже один Артём в наместничество Юрия Пацевича (1496–1501) «правом изыскал» землю (№ 331), которая принадлежала Борису Степановичу и которую Григорий Степанович продал прихожему человеку Федяю (№ 229).

Последние покупки Артёма Буцкова Тулубея произошли в самом конце века — в 1496–1500 гг., когда он был уже старым человеком (он умер в 1501 г.). Он купил поле над озером Вапленом и сёла над Островом у своего брата Прошка Буцковича, Матвея, Семёна и Андрея Мархининичей, а также Марка Тивуновича (№ 332).

Судя по размаху приобретательской деятельности и возможности судом добиться перехода земли «по близкости», отец Ивана и Гридка Буцковичей Артём (Тулубей) принадлежал к богатейшим и влиятельнейшим людям своего времени. Кстати, и отчество праправнуков Фёдора Сущова намекает на это: Артёмовичи — превратились под рукой писца или в народном говоре в Термовичей.

Таким образом, Термовичи-Буцковичи — это единственная процветавшая на протяжении XV–XVI вв. ветвь мещанского рода Сущовых. В 1528 г. Буцковичи выставляли в войско 8 человек (6 — все вместе и 2 — Григорий Буцко: РИБ. Т. 33. Стб. 195; МВКЛ. Кн. 525. С. 156; LM. Kn. 523. P. 140).

В середине XVI в. Остафий Иванович Буцько оказывается уже шляхтичем, владельцем отчизного имения «двора Сушыньского и пашнею», где сидит 8 человек и 4 огородника,

и двух человек и 2 огородников на Островне. В его владениях находились «борти дворные» и 13 озер, «спольные з ынъшыми земяны» (ПР 1552 г. С. 151–152). Наконец, в городе на Великом посаде у него было дворище, «спольное з братанкою его Ганной Андреевой» (ПР 1552 г. С. 69). Остальные же Сущевичи в это же время, по-видимому, теряли свои земли и из мещан превращались в путных людей. Во время воеводства Станислава Глебовича люди путные Сущи, Андрей и Васко, продали свои земли Станиславу Глебовичу (№ 450, ср. также № 431).

Сын Фёдора Сущова Конон и внук Мелешко Кононович (в 1465 г. в грамоте № 171 назван «Буцковым братом» — имеется в виду двоюродный брат) дали начало шляхетскому в XVI в. семейству Мелешковичей. Мартин Мелешкович, причисленный к боярам, снаряжал одного всадника в литовское войско в 1528 г. (РИБ. Т. 33. Стб. 193; МВКЛ. Кн. 523. С. 154; LM. Kn. 523. P. 139). В 30-е годы он имел земли в Черсвятском повете, соседние с владениями «панят троцких», т. е. детей троцкого каштеляна, вероятно, Петра Станиславовича Кишки (БА. Т. 2. С. 268, 269; UWKL. T. 2. S. 125. № 513). В середине XVI в. трое Мелешек: Фёдор Иванович, Иван Опонаскович и Шимко Мартинович (предполагаемый сын Мартина Мелешка 20–30-х годов) имели отчизные имения Поулье (с 7, 12 и 4 человеками вольными), где располагались «борти дворные» (ПР 1552 г. С. 154).

Другая ветвь потомков Конона (вероятно, потомство его второго сына) — это мещане, вполоть до середины XVI в. прочно сидевшие на Ушачи. Это Дмитр Курылович, Матвей Федаев, Сава Левошков, Конаш Петрович и Калист Петрович, имевшие земли на Ушачи, где у каждого из них сидело по одному человеку (ПР 1552 г. С. 39). Часть этой ветви оказалась в феодальной зависимости — в 30-х гг. XVI в. Парфён и Пётр, жившие в районе Замошья, были людьми пана Яцка Богдановича Быстрейского.

Данные грамоты № 378 показывают, как происходило социальное расслоение в рамках одного и того же рода: в то время как земли концентрировались в руках одной из его ветвей, представители которой разбогатели, вероятно, благодаря торговле с Ригой, а со временем сумели выбиться из мещан в шляхту, их дальние родственники беднели и нисходили до положения путных слуг. Вместе с земельными владениями в руках Зеновия Буцка и его потомков концентрировались и документы на них: к 1502 г. в семейном архиве насчитывалось не менее десяти грамот XV в. (см.: *Груша*. 2014б).

А. Л. Х., С. В. П.

379

1502 г. декабря 26. Вильня. — Подтвердительный уставной лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра православной церкви и духовенству Полоцкой епархии на привилегии, изложенные в т. наз. «Свитке Ярослава», и на другие права

В конце 1502 г. в Вильню, где находился с 6 октября 1502 г. по 17 января 1503 г. Александр (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 203–205), а при нём и полоцкий наместник Станислав Глебович, прибыли две большие делегации: одна — полоцкого и витебского архиепископа Луки, и другая — мещан. Первый вел тяжбу с боярами и мещанами, вторые — с наместником.

Полоцкий и витебский архиепископ Лука привез с собою в Вильню свежесоставленный «свиток права» великого князя Ярослава Владимировича.

По-видимому, текст этого «свитка» был изготовлен во владычной канцелярии в 1499–1502 гг. Уже митр. Макарий (Булгаков) писал: «о подлинности Ярославова Свитка не может быть и речи». Он полагал, что свиток был составлен или переделан в Западной Руси, где первые его следы заметны в середине XV в. (*Макарий*. 1996. С. 83–84), что подтвердили позд-

нейшие исследования (см.: *Щапов*. 1972; ДКУ. С. 136–138, 191–193). Ещё в 1499 г. Лука, доказывая свои права на некоторые полоцкие земли и в 1496 г. — на церкви, не ссылался на этот «список» (№ 337, 353).

Однако причинами его составления были не только земельные притязания Луки, но, главным образом, церковная политика Александра, который в самом конце XV в. совершил очередную попытку осуществления церковной унии при активном содействии митрополита Киевского и всея Руси Иосифа. Изготовление этого списка — фальсификата, как бы сказали в наше время, было последней попыткой Луки удержать свои позиции. Александр, учитывая условия московско-литовской войны, пошел ему навстречу.

А. Л. Х.

380

1502 г. декабря 26. Вильня. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра архиепископу пол. Луке на жителей сёл Дольцы, Весницк и Путилковичи [в Полоцком пов.]

О спорных селах и начале судебной тяжбы см. № 353 и 368. В условиях войны с Русским государством Александру важно было иметь опору в лице православной церкви. Это, по-видимому, и повлияло на пересмотр дела, решенного теперь уже не в пользу мещан, а в пользу владыки. Победа владыки была неполной. Часть доходов с этих сёл он должен был уделить крылошанам церкви Св. Софии, т. е. полоцкого Софийского собора.

Грамота рисует положение крестьян этих сёл: они дают «врочную» (т. е. ежегодную) дань крылошанам Св. Софии, а «в пригон» ходят «на двор». Позднее, в 1552 г. в селах Весницк и Путилковичи жило 40 дымов «отчичей», которые «к тому двору [владычному. — *Сост.*] замковому по неделям на перемену служать, крылошанам софеиским дани дають 10 пудов меду и 30 грошеи шыроких».

В Дольцах население было больше: «людеи отчычов з их старцом и десятником дымов 63, которые к тому двору также по неделям на перемену служать, крылошанам Софеиским дани дають 8 пудов меду и 9 грошеи шыроких. И к тому на стан Долецкии на послы и гонцы стацею и подводы дають» (ПР 1552 г. С. 165).

О Семёне (Яцкевиче) Епимахе см. комментарий к № 154.

А. Л. Х.

381

1502 г. декабря 30. Вильня. — Приговор суда кор. польск. и вел. кн. лит. Александра по делу между пол. мещанами и пол. наместником Станиславом Глебовичем о нарушении им магдебургского права

Наряду с уставной грамотой боярам и мещанам о наместничьем и войтовском суде (№ 354) и уставной сельским путникам (№ 367), приговор суда Александра от 30 декабря 1502 г. является одним из трех основных документов, которые этот великий князь литовский был вынужден выдать для того, чтобы урегулировать ситуацию, сложившуюся в Полоцке в результате введения там магдебургского права (см. № 349). Уже первые две уставные, выданные в 1499 г. (№ 354, 355), показали, что с пожалованием Полоцку «немецкого права» резко обострился конфликт между местными боярами и мещанами. Третьей сторо-

ной конфликта стал полоцкий наместник, поскольку кардинальные изменения в управлении Полоцком затронули и его интересы. Конфликт охватил самые разные сферы, но преобладали здесь вопросы юрисдикции над теми или иными группами населения и суда вообще, вопросы собственности на землю, а также вопросы денежных доходов и несения разного рода повинностей.

Выдача документов, регулировавших магдебургское право в Полоцке, была прервана войной ВКЛ с Русским государством 1500–1503 гг. Однако как только военные действия прекратились и наметилось перемирие, полоцкие мещане обратились к господарю с жалобой на своего наместника Станислава Глебовича. Их обвинения касались в основном попыток наместника разными способами улучшить свое финансовое положение, которое сильно пошатнулось после того, как мещане вышли из-под его юрисдикции. Александр встал на сторону мещан, в очередной раз заявив, что не собирается нарушать или тем более ликвидировать магдебургское право, которое он пожаловал Полоцку всего четырьмя годами ранее. Причем великий князь не остановился и перед силовыми методами — по отношению к тем мещанам, которые не пожелают подчиняться магдебургским властям и попытаются найти себе нового владельца. Исполнителем монаршей воли и помощником лентвойта, бурмистров и радцев был назначен господарский дворянин Михайло Скепьевский. Именно он должен был провести решения Александра в жизнь, — выполняя в том числе и «грязную работу». По всей видимости, Скепьевский вполне успешно справился со своей миссией и даже, возможно, что-то на этом заработал. Во всяком случае, уже в октябре 1503 г. Александр сдал Скепьевскому в аренду все корчмы г. Полоцка на 5 лет за огромную сумму в 2 000 коп грошей (см. № 383).

В. А. В.

382

1503 г. июля 16. Вильня. — Приговор суда вел. кн. лит. Александра по делу между пол. боярами Зеновьевичами [Корсаками] о разделе их земельных владений

Грамота посвящена разделу наследственных имений между братьями — сыновьями Зеновия Васильевича Корсака. Нередко кто-либо из наследников оказывался недовольным таким разделом, что и приводило к конфликтам, которые иногда разрешались на высшем судебном уровне. Это как раз один из таких случаев.

Степан отдал свою часть Ивану, что вызвало недовольство двух других братьев. Степан составил свой «запис» при трех свидетелях — смоленском окольничем и наместнике высокодворском Богдане Семёновиче Сопежиче, виленском городничем Заньке Ивановиче и смоленским конюшем Иване Фёдоровиче. Все эти лица появляются в источниках конца XV в. Богдан Семёнович был наместником мценским и любуцким в 1494–1496 гг., а окольничим смоленским — в 1503–1512 гг. (*Pietkiewicz.* 1995. S. 29, 215; UWKL. T. 4. S. 53), Занько — упоминается в качестве городничего виленского с 1499 по 1514 гг. (UWKL. T. 1. № 323. S. 102), о землевладении Ивана Фёдоровича, если его идентифицировать с князем И. Ф. Полубенским, см. № 398.

Село Оболь находится на среднем течении р. Оболь, Зерчиничи — к северо-востоку от оз. Сто. Возможно, Зерчиничи принадлежали к родовым землям Корсаков. Недалеко от Зерчиничей располагалось село под названием, очень редким в Полоцкой земле, — Боярщина. Жители этих сёл были освобождены от уплаты посокирщины.

О дальнейших спорах из-за этих сёл см. № 441.

А. Л. Х., С. В. П.

383

[1503 г.] октября 20. Мельник. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра пол. наместнику Станиславу Глебовичу о передаче на откуп Михайлу Скепьевскому корчем в г. Полоцке на 5 лет за 2000 коп гр.

Пребывание Александра в Мельнике фиксируется 19–21 октября 1503 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 210).

Судя по магдебургскому привилею Полоцку, право держать корчмы принадлежало всем жителям города. В 1498 г. «горелого вина делатели, теж продавцы» передавались во власть войта (см. № 349) — стало быть, корчемство до этого времени было частным делом. В № 383 в качестве владельцев корчем перечисляются владыка, бояре, мещане и волостные люди.

Отныне все они лишались права держать корчмы. Господарскому дворянину Михайлу Скепьевскому было поручено отобрать их все на короля. Ни Скепьевский, ни его слуги, ни наместник впредь не должны были держать своих собственных корчем. Исключение было сделано для тех, кто уже раньше получил пожалование Александра. Однако таких грамот не сохранилось.

Кроме Михайла Скепьевского, в Полоцке с разрешения короля продолжали существовать и корчмы других владельцев — Торопчанина, Миклаша и Степана Пушкаревых.

Термина «аренда» грамота не употребляет, ограничиваясь глаголом «продали».

Монополизация полоцких корчем в руках великого князя — одно из мероприятий Александра, направленное на улучшение его финансового положения (*Любавский.* 1892. С. 506–511). Ежегодно в два срока великий князь должен был получать от Скепьевского 400 коп грошей. Это была огромная по тем временам сумма: столько же весь город Полоцк должен был платить за магдебургское право.

Грамота дает основания более пристально взглянуть на то положение, которое занимали в государстве и обществе господарские дворяне. Как оказывается, далеко не все они были небогатыми шляхтичами, которые рассчитывали с помощью господарской службы получить именьице, а при благоприятном ходе дел — и продвинуться по карьерной лестнице. На этом фоне Михайло Скепьевский выглядит вполне обеспеченным человеком, своего рода магнатом среди дворян. Он не только служит сам, но также имеет собственный штат слуг.

А. Л. Х., В. А. В.

384

[1504 г. февраля 4 или 5. Пётрков]. — Учредительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра на основание монастыря и костела бернардинцев в г. Полоцке

Основание монастыря бернардинцев в Полоцке было одним из главных шагов великого князя Александра, направленных на реализацию унии между католической и православной церковью в Великом княжестве Литовском. Александр перешел к осуществлению этих своих планов в 1498 г., когда смог привлечь на свою сторону смоленского епископа Иосифа (Болгариновича), который стал главным кандидатом на митрополичью кафедру и вскоре действительно был наречен митрополитом. По сообщению хрониста бернардинского ордена Яна из Коморова, монастырь ордена бернардинцев в Полоцке был учрежден Александром в 1498 г. (*Ioannes de Comorowo.* 1888. P. 282. В данном издании хроники первоначально был указан 1490 год, но это — опечатка, см.: Ibid. P. 1171). Вполне возможно, что уже тогда великий князь издал какие-то имущественные документы в пользу католических монахов. О каких-то более ранних земельных распоряжениях Александра говорит и сам публикуемый источник.

Во всяком случае, есть документальные подтверждения тому, что уже в 1500 г. бернардинцы получили участок земли «подле замъку». В этом районе (вероятнее всего, в Заполотье) находились земли разных владельцев: в частности, огород и шесть лавок православного монастыря Св. Петра в замке, а также огород церкви Св. Троицы (см. № 345). Монастырь и церковь были вынуждены уступить свои земли бернардинцам, но компенсацией, полученной за них от Александра, игумен упомянутого монастыря был явно недоволен (см. № 365). Троицкая церковь (Троицкий придел Софийского собора) получила за потерянный огород тоже не так много — след земли в деревне Замшанах на реке Дриссе.

Публикуемый документ уже был однажды напечатан (KDKW. № 460. S. 537–538), однако его датировку в этой публикации (1498 г.) следует признать ошибочной. Публикаторы посчитали, что документ был выдан в том же году, в котором был основан монастырь. Однако это вовсе не очевидно и к тому же противоречит некоторым фактам. Так, в литературе уже отмечалось, что учредительные документы, которые должны были юридически зафиксировать основание монастыря, могли выдаваться в разное время, и очередность их выдачи далеко не всегда соответствовала действительной хронологии создания обители (*Maciszewska.* 2001. S. 34). Иными словами, учредительный документ мог быть выдан и значительно позднее реального основания монастыря. Кроме того, если учредительная грамота полоцким бернардинцам на самом деле была выдана Александром в 1498 г., то непонятно, почему она была внесена в Коронную метрику, а не в Метрику Великого княжества Литовского, коль скоро Александр в то время был еще только великим князем литовским. Вместе с тем в документе указан королевский титул Александра. Акт был внесен в 20-ю книгу записей Коронной метрики среди документов за 4 и 5 февраля 1504 г. Один из этих дней и следует считать датой его выдачи.

То, что Александр в период реализации очередной попытки унии решил поселить в Полоцке именно бернардинцев, конечно же, не было случайностью. Именно этот орден был активным сторонником проведения унии православной и католической церкви. Однако, в отличие от католического клира, входившего в виленский капитул, бернардинцы не настаивали на перекрещивании православных. Бернардинский монастырь в Вильне, который был основан в 1468 г. и грандиозные здания которого сохранились до наших дней, также был размещен в предместье, где проживало «руское» население.

Интересно, что документ сообщает о согласии всех местных жителей на поселение бернардинцев. Вероятно, это всё-таки преувеличение, но отметим здесь важность юридической стороны вопроса: в акте всё же зафиксировано согласие полочан.

По всей видимости, именно об основании бернардинского костела и монастыря вели речь представители Ивана III, когда на переговорах в Москве в апреле 1500 г. заявили послам великого князя Александра, что он «колко велелъ поставляти божницъ римского закона въ русскихъ городехъ, въ Полотцку и въ иныхъ местехъ…» (Сб. РИО. Т. 35. С. 299).

Решительная прокатолическая и проуниатская риторика документа понятна. Нельзя не обратить внимание также на яркую характеристику жителей Полоцка как «народа хотя нам и верного, но в вере схизматика». Во время войны с Русским государством 1500–1503 гг. полочане действительно продемонстрировали свою верность Александру, но само основание бернардинского монастыря, наряду с другими проуниатскими шагами великого князя литовского, было использовано Иваном III как безусловный «casus belli». Отметим, что в Москве в то время не отличали унию от католичества.

По всей видимости, тот факт, что пожалование Полоцку магдебургского права и основание здесь бернардинского монастыря произошли в одном и том же году, вовсе не был случайным совпадением. Как видно, 1498 год стал важной вехой в вестернизация города Полоцка. Это нашло свое отражение как в области управления городом, так и в области конфессиональной жизни. Поразительно, но в Полоцке, крупном городе, который находился под властью католических государей и поддерживал самые тесные торговые контакты с немец-

кой Ригой, вплоть до конца XV в., похоже, не было ни единого католического приходского храма. Правда, еще в 1406 г. великий князь литовский Витовт разрешил рижским купцам построить свой католический храм в Полоцке (№ 53). Однако сведений о его функционировании практически не сохранилось, и если даже этот католический костел и был открыт, то он действовал специально для купцов из Риги и других немецких городов, а для местных жителей — полочан — он, по всей видимости, просто не предназначался.

Бернардинский монастырь был построен в западной части города Полоцка, на его Заполоцком посаде. Место было очень удобным, поскольку монастырь оказывался на некотором удалении от центра города и в то же время находился под защитой замковых стен. Остатки деревянного фундамента этого монастыря были открыты Д. В. Дуком во время археологических раскопок 2010 и 2011 гг. (*Воронин.* 2012д. С. 441). Грамота содержит редкие сведения по топографии города Полоцка. Так, например, мы узнаём из нее о существовании моста через реку Полоту.

В. А. В.

385

1504 г. мая 24. Бобыничи. — Выходная запись писца, дьячка Савелия Нефедьевича о переписке им книги, январской Минеи, «повелением» пол. мещанина, церковного старосты Савы Бернищева, с просьбой простить писца за ошибки, благословить и не проклинать

Выходная запись дьячка Савелия Нефедьевича открывает перед нами новую страницу в истории книжной культуры Полотчины начала XVI столетия. Наряду с деятельностью знаменитого иеромонаха Алексия — предполагаемого библиотекаря библиотеки Софийского собора и вкладчика книг в саму эту библиотеку, а также в библиотеки монастырей (например, монастыря Иоанна Предтечи на Острове) (подробнее см.: *Варонін.* 2007б), мы сталкиваемся с фактом переписки книг также в сельских поселениях.

Запись сообщает, что Савелий Нефедьевич был дьячком Михайла Зеновьевича Корсака — владельца Бобыничей. В качестве заказчика выступает один из самых влиятельных полоцких мещан того времени Сава Бернищев. Из записи выясняется, что он был церковным старостой.

Показательна иерархия власти (светской и церковной), представленная в записи. К сожалению, не удается идентифицировать личность игумена Геннадия и, таким образом, связать его с каким-либо полоцким монастырем. Если бы это было можно выяснить, то стала бы более ясной неофициальная иерархия полоцких православных монастырей. По крайней мере, выяснилось бы, какой из них полочане (или, возможно, только полоцкие мещане — ведь Сава Бернищев принадлежал именно к этому сословию) считали самым престижным.

Стоит обратить внимание на титул, который дьячок наградил Александра. В записи этот монарх назван «великим королем», который владеет «землей Литовской, Руской, Жомойтской и иных». Как представляется, статус Великого княжества Литовского здесь несколько понижен: Александр не назван великим князем, а только королем — пусть и великим, а само Великое княжество обозначено всего лишь как «земля». Правда, термин «земля» иногда использовался в Великом княжестве Литовском в качестве синонима понятия «государство». О титуле «великий король» см. комментарий к № 121.

Обращают на себя внимание две вставки. По всей видимости, производилось редактирование записи — и, похоже, другим лицом.

В. А. В.

386

[Около 1505 г.] августа 12. Полоцк. — Послание бургомистра и совета г. Полоцка совету г. Риги с просьбой разрешить торговый конфликт между предъявителем послания, [не названным по имени] пол. мещанином, и рижанином Веннемаром Штевеном

Как и № 357, № 386 принадлежит к немногим немецкоязычным грамотам, вышедшим из магдебургской канцелярии Полоцка. Вслед за издателем «Ливонских грамот» Леонидом Арбузовым-старшим относим это послание ко времени около 1505 г., когда было отправлено письмо от имени полоцкого «наместника» (видимо, наместника воеводы Станислава Глебовича), написанное тем же почерком (№ 393).

Веннемар Штевен известен в Риге между 1493 и 1506 гг. (Erbebücher. 1888. S. 140, 144, 155, 156, 162, 163). Он был старостой Большой гильдии (LECUB. Abt. 2. Bd. 2. № 412, § 2, 3, 85; № 699, 801), а его брат Эверт («Оврам») в начале 80-х гг. XV в. был бургомистром и правил посольство в Полоцк (см. № 252 и комментарий к нему).

А. Л. Х., С. В. П.

387

Упоминание

[Около 1505 г. — 1506 г. июня 17]. — Продажный лист пол. мещанок Матруны и Овдотьи, Ивановых дочерей Шиповича, кн. Ивану Фёдоровичу Полубенскому на землю Братовщину в Полоцком пов.

Датируется временем незадолго до упоминания в листе Александра от 18 июня 1506 г. (№ 398; см. комментарии к нему).

С. В. П.

388

Упоминание

[Около 1505 г. — 1506 г. июня 20]. — Продажный лист пол. путных людей Олешчиничей господарскому дворянину Стефану на земли на р. Переслове в Полоцком пов.

Датируется временем незадолго до упоминания в листе Александра от 21 июня 1506 г. (№ 399; см. комментарии к нему).

С. В. П.

389

1505 г. февраля 19. Берестье. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра пол. воеводе Станиславу Глебовичу на покупку с. Низголово в Полоцком пов. у архиеп. пол. Луки

Документ построен по типу «открытых» грамот, он имеет промульгацию и был снабжен вислой печатью. Отсутствие титула великого князя литовского в интитуляции, вероятно, объясняется тем, что он был опущен при переписывании в копийную книгу документов князей Острожских, в составе которой сохранилась грамота.

Село Низоголово на Улле было куплено Андреем, сыном архиепископа Луки, в 1499 г. (см. № 351). В № 389 говорится иначе, — что сам Лука купил эту землю для сына Андрея, которого к 1505 г. не было в живых. Лука продает землю наместнику Станиславу Глебовичу. Утверждение купчего листа произошло на сейме в Берестье, где Александр провел с 1 февраля по 17 марта 1505 г. (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 225–226).

О местонахождении этой земли см. комментарий к № 351.

А. Л. Х., С. В. П.

390

[1505 г.] марта 12. Берестье. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра лантвойту, бурмистрам, совету и «всем мещанам» г. Полоцка о передаче на откуп пол. корчем пол. воеводе Станиславу Глебовичу сроком на 1 год за 600 коп гр.

Грамота входит в противоречие с № 383, согласно которому 20 октября 1503 г. полоцкие корчмы были отданы в аренду дворянину Михайлу Скепьевскому сроком на 5 лет за 2000 коп грошей. Сложно сказать, что произошло за эти полтора года, но Скепьевский не смог держать полоцкие корчмы весь установленный ему срок. Возможно, дело в том, что Станислав Глебович пообещал выплатить более крупную сумму — 600 коп за год.

В № 390, как и в № 383, упомянуты «склады звечныи», которые издавна бывают в Полоцке. Здесь речь идет о реликтах древнего обычая братчин — праздничных пиров в складчину, известных в Полоцке еще с середины XII в. (см. упоминание в Ипатьевской летописи: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 495; подробнее см.: *Варонін*. 2011). Своими грамотами Сигизмунд разрешил полочанам и дальше устраивать такие праздничные сходки, на которых в качестве угощения изготавливались в том числе спиртные напитки. Однако он поставил два условия: во-первых, количество этих «складов» не должно было расти, а во-вторых, изготовленное там спиртное нельзя было продавать.

В. А. В.

391

[1505 г.] мая 26. — Продажный лист пол. путных слуг земцев Данила и Никиты Алексеевых детей Косых и др. пол. боярину Левону Михайловичу на землю «на Отулове» в Черсвятской вол. «обель вечне и непорушно», с указанием границ владений

Датировка продажного листа условна. Судя по индикту, он может относиться к 1490, 1505, 1520 и 1535 гг.

Большинство упоминаемых в грамоте в качестве свидетелей лиц неизвестно, за исключением Богдана Кублицкого и Остафия Юрьевского — вероятно, родственника Гридка (см. № 363).

Формуляр продажного листа № 391 отличается от формуляра аналогичного документа 1487 г. (№ 266). В № 391 отсутствует инвокация, значительно сокращена промульгация, она сформулирована иными словами, как и временное условие сделки («вечно и непорушимо» вместо «вечно неподвижно»). Добавлено сообщение о добровольности продажи. В санкции штраф за нарушение сделки предусматривается в пользу короля и полоцкого воеводы, и исчисляется он не в рублях, а в копах грошей.

Как и в № 266, свидетели сделки своими печатями удостоверили документ.

Терминологические и формулярные особенности продажной могут объясняться не только временным разрывом, но и различным происхождением продажных листов. Если № 266 был составлен городским писцом, то № 391 принадлежит священнику.

Озеро Отулово (современное название — Отолово) находится чуть к югу от сёл Черствяды и Загорье, которые располагались на южном берегу Черствядского озера.

Покупатель земли Левон Михайлович имел не названных по имени, стало быть еще малолетних, детей, которые в 1551 г. вносили эту купчую в Метрику Великого княжества Литовского. Один из сыновей Левона Михайловича Герасим в 1551 г. был игуменом Воскресенского Мошоноцкого монастыря в полоцком замке. Относительно двух других, Михна и Василия Левоновичей, ничего не известно.

В грамоте не указана социальная принадлежность продавцов, но из подтвердительной грамоты 1551 г. следует, что они были путными слугами. Однако в продажной они называют себя также земцами. Земцы (или иногда одноземцы) — это термин, которым обозначали коллективных владельцев того или иного участка земли. Действительно, земли «на Отулове» продает большая группа людей, по крайней мере некоторые из них были родственниками. Отметим также, что в двух километрах к югу от озера Отолова расположена деревня Земцы.

А. Л. Х., В. А. В.

392

[1505 г.] июня 28. Краков. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра о получении от пол. лентвойта Якуба Кезмарковича финансового отчета о деньгах, собранных им с г. Полоцка в пользу государственной казны за последние 3 года

№ 392 представляет собой делопроизводственный документ великокняжеской канцелярии, в самом тексте названный «квитацией». Речь в нём идет об уплате ежегодных 400 коп грошей, предусмотренной привилеем Александра Полоцку на магдебургское право 1498 г. (см. № 349).

Тихон (Тишко) Варушнич принадлежал к роду Варушиных, известных еще в середине XV в. торговыми операциями с рижскими купцами (см. № 171). Тихон Варушин в конце XV в. торговал с новгородцами Василием (Васюком) Кошурником и Афанасием (Офонаско) Гойтанником. Новгородцы жаловались на него и Олфера Кортеня, которые «им силу в торгу учинили», а одного из них, Софрона, посадили в тюрьму [Сб. РИО. Т. 35. № 55. С. 264 (1498 г.)].

О бернардинском монастыре см. комментарий к № 384.

О Михайле Скепьевском см. № 381 и 437. Этот дворянин, несмотря на существование наместника, был правой рукой Александра в Полоцке, как во время войны с Русским государством 1500–1503 гг., так и позднее. Из помощников М. Скепьевского по найму жолнеров часть известна по другим источникам. Якуба Рика можно отождествить с ландскнехтом Якобом фон Рейдтом, которого великий магистр отпустил в конце декабря 1502 г. после службы в Ливонии против «русских схизматиков» (LECUB. Abt. 2. Bd. 2. № 421. S. 316). Повидимому, Михайло Скепьевский происходит из княжества Слуцкого: в 1528 г. Матрене Скепьевской принадлежало с. Турец на р. Свислочи позднейшего Игуменского уезда (*Любавский*. 1892. С. 134; LM. Kn. 15. № 64, 66. P. 101–102, 104–105). «Нимец» Барбер и Харитон — это, вероятно, Ульрих Бартер и Адам фон Харборг, кнехты, служившие великому магистру в феврале 1502 г. (LECUB. Abt. 2. Bd. 2. № 238. S. 165).

№ 392 представляет интерес для понимания взаимоотношений города и великого князя в соответствии с магдебургской уставной грамотой, с одной стороны, и внешней и внутренней

политики, с другой. Наем солдат, осуществлявшийся и господарскими дворянами (М. Скепьевский), и перешедшими на службу к Александру ландскнехтами на последнем этапе войны с Русским государством (после февраля 1502 г.), свидетельствует о том, что Александр использовал все возможные средства для обороны восточных земель Великого княжества Литовского. Одновременно он продолжал политику поддержки католической церкви, на что жаловались православные феодалы Великого княжества Литовского с конца XV в.

А. Л. Х.

393

1505 г. августа 23. Полоцк. — Послание наместника [пол. воеводы Станислава Глебовича?] Хинрика, войта и совета г. Полоцка совету г. Риги с просьбой сообщить об эпидемии в Риге

Послание, снабженное точной датой, написано тем же почерком, что и № 386. Создается впечатление, что оно написано очень поспешно, чем и могут объясняться многочисленные ошибки в тексте: в частности, в адресе писец первоначально указал Полоцк вместо Риги. Возможно, это связано с предметом послания — эпидемией в Ливонии, которая продолжалась и в декабре 1505 г. (LECUB. Abt. 2. Bd. 2. № 828, 832).

Хинрика грамоты № 393 можно идентифицировать с Индрихом Лодятой грамот № 374 и 404. Поскольку полоцким воеводой в это время оставался Станислав Глебович, то наименование должности Хинрика «hovetman» (ср. совр. нем. Hauptmann) точнее всего переводить словом «наместник». Возможно, он был наместником Станислава Глебовича в Полоцке. О том, что тот нередко покидал Полоцк и оставлял там своего наместника, свидетельствует № 402.

Есть основания полагать, что Индрих Лодята был чехом и появился в Полоцке незадолго до того времени, о котором идет речь. На чешское происхождение Лодяты указывает, в частности, его фамилия — она явно славянская. В связи с этим следует вспомнить, что во время войны 1500–1503 гг. в Полоцке, как и в других городах северной части Великого княжества Литовского, стояли большие гарнизоны, укомплектованные в основном чешскими наемниками. Так, например, полоцкий гарнизон возглавлял ротмистр Ян Черны — по всей видимости, именно так на родном языке звучали его имя и фамилия, которые источники передают в великом множестве вариантов (см., напр.: AA. S. 125, 165; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 562, 563). Очень похоже, что Индрих Лодята был одним из этих чешских наемников — и вполне возможно, что тоже ротмистром. В счетах двора Александра за 1503 г. упоминается некий «Lacheta de Vythepsko rothmagister» (AJSK. P. 88). Этот «Лахета, ротмистр из Витебска» в действительности вполне может быть Индрихом Лодятой. По завершении войны он вполне мог поступить на службу к полоцкому воеводе Станиславу Глебовичу и осесть в этом регионе. Еще в XVII в. мы встречаем здесь его потомков — Лодятичей (см. № 404).

А. Л. Х., С. В. П., В. А. В.

394

Упоминание

[Около 1506 г.]. — Продажный лист Митька Леонидовича Павлу (Пацку) и его жене Фёкле на земли близ ц. Св. Богоявления в г. Полоцке

Датировка условна. Подробнее см. комментарий к № 413.

395

1506 г. марта 10. Люблин. — Жалованный подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра кн. Семёну Богдановичу [Одинцевичу] на земли «на Осесне», полученные его матерью за долг от пол. боярина Ивана Сенковича и купленные ею у полочан Максимовичей

Грамота точно датирована. Пребывание Александра в Люблине зафиксировано с 14 января по 18 марта 1506 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 232–234). Земля на Осене — это позднейшее Осенское на р. Чернице Ловожской волости (*Сапунов.* 1906. С. 313. № 144).

Ивашко Сенкович — боярин из полоцкого рода Радковичей. Его вдова в 1528 г. снаряжала двух всадников (РИБ. Т. 33. Стб. 193; МВКЛ. Кн. 523. С. 154; LM. Kn. 523. P. 139).

Князь Семён Богданович — сын Богдана Фёдоровича Одинцевича. О последнем в родословии Одинцевичей сказано, что он «понял у пана Сенка Григоревича дочку» (ПСРЛ. Т. 35. С. 282).

Социальное положение продавцов земли в грамоте не указано. В первом случае ее владельцами выступают лица, составлявшие соседскую общину (Давыд Осташкович с двумя братьями и 5 их дядьковичей). По второму продажному листу землю продавали 7 братьев.

А. Л. Х., С. В. П.

396*

1506 г. [марта 22]. Вильня. — Жалованный подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра кнг. Анне (Духне) Масальской и ее сыновьям кн. Петру, Юрию и Ивану Масальским на имения Друю, Залесье и Чуриловичи в Полоцком пов., вечным правом

Жалованный подтвердительный лист Александра вдове князя Тимофея Владимировича Масальского Анне дошел до нас в поздней копии XVIII в. Этим можно объяснить утраты текста, а также определенные несоответствия в датировке и месте издания документа. Дата его издания обозначена как «воскресенье „Летаре“», т. е. первый день четвертой недели Великого поста. В 1506 г. воскресенье «Летаре» приходилось на 22 марта. Вместе с тем известно, что 24 марта 1506 г. Александр находился в Берестье, а до Вильни он добрался лишь к началу апреля (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 234–235). По всей видимости, эту ошибку следует отнести на счет многократного переписывания документа. Ошибочно указан также индикт — 10-й вместо правильного 9-го. Наконец, в тексте употребляются термины, нетипичные для латинских документов канцелярии ВКЛ начала XVI в., такие как *provintia*, *senatores*, *krolewszczyzna*. Тем не менее подлинность грамоты не вызывает сомнений.

С началом войн Великого княжества Литовского с Русским государством небольшое Мосальское княжество, входившее в состав ВКЛ, раз за разом стало попадать под удары московских воевод. В 1492 г. Мосальск был разорен и сожжен ими. Один из представителей местного княжеского рода Тимофей Владимирович Масальский оставил после этого родные края и перешел на непосредственную службу к великому князю литовскому. Александр с пониманием отнесся к затруднительному положению князя. По некоторым сведениям, в 1496 г. он пожаловал Тимофею замок Друю вместе с его волостью (*Wolff.* 1895. S. 249, со ссылкой на книгу: «Historya z autorów i dyplomatów domu xiążąt Masalskich», которая вышла в Вильно в 1789 г. Согласно этому изданию, документ хранился в архиве Сопег). Женой Ти-

* Составители благодарят А. Дубониса за ценные замечания, высказанные при обсуждении рукописи.

мофея Масальского была Анна (Духна) Сопега. Вполне возможно, что их брак был заключен еще до переселения Масальских в Друю. Вообще же представители этих двух родов уже давно были связаны между собой — хотя бы тем, что вотчина Сопег Опаков находилась совсем недалеко от Мосальска.

Судя по подтвердительной грамоте Александра, Тимофей Масальский, умерший в 1497 или 1498 г. (*Wolff*. 1895. S. 249), имел большие заслуги перед Александром. Верно служила великому князю литовскому и жена Тимофея, которая после смерти мужа продолжала выставлять в войско значительные контингенты и несла большие траты на военные нужды. По всей видимости, у нее были хорошие связи при дворе, о чём также упоминает публикуемая грамота. Это и не удивительно, поскольку родными братьями Анны были очень близкие ко двору Богдан и Иван Семёновичи Сопеги. Подтвердительный акт Александра закрепил Друю и близлежащие селения Залесье и Чуриловичи за Анной и ее сыновьями «навсегда и навеки». Судя по всему, жалованная грамота Александра 1496 г. Тимофею Масальскому была выдана на других условиях — возможно, пожизненно, или вообще без указания срока владения.

Друя была довольно значительным замком на северо-западных рубежах Великого княжества Литовского. Как «Новый замок руси» она упоминается в хронике Германа Вартберга еще в 1374 и 1377 гг. (SRP. Bd. 2. S. 104, 113). Друя была основана еще полоцкими князьями и, скорее всего, тогда же, в XIV веке (*Варонін*. 2012а. С. 116). В 1515 г. друйский замок был сожжен русскими войсками (ПЛ. Вып. 1. С. 98).

Как выясняется из документа, в конце XV — начале XVI в. район Друи входил в состав Полоцкой земли, хотя в дальнейшем он перешел к Браславскому повету.

Обращает на себя внимание тот факт, что, наряду с широкими правами на использование земельных угодий, Масальские добились широких привилегий в области торговли. Из этого следует, что Друя и ее жители вели активную торговлю и в своем регионе, и за границей — в первую очередь с Ригой, о чём также есть упоминание в документе. Торговля с Ригой описана как обычное занятие друйских мещан, а схема этой торговли очень напоминает схему торговли Полоцка с Ригой: друйские мещане, как и полочане, везли в Ригу воск, а возвращались оттуда с грузом соли. Документ сообщает, что термином «берковеск», который так часто упоминается в разного рода торговых документах, назывался мешок соли.

Писцом грамоты был Адам Якубович из Котры, русин незнатного происхождения родом из Литовской земли, обучавшийся в Краковском университете и сделавший духовную карьеру (в частности, был виленским каноником), латинский секретарь Александра Ягеллона и Сигизмунда Старого в 1492–1517 гг., неоднократно ездивший в посольства в Русское государство, Польшу и Ливонию (*Груша*. 2006б. С. 152; *Pietkiewicz*. 2007. P. 131; *註Ališauskas etc.* 2009. P. 20–21. № 12). В списке XVIII в. его имя искажено.

В. А. В., С. В. П.

397

1506 г. мая 12. Вильня. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра господарскому маршалку, канцлеру королевы, браславскому и жижморскому наместнику Ивану Семёновичу Сопеге на купли у пол. мещанина Митка Петровича [Харинича], путных слуг и тяглых людей земель «на Сарьи»

Грамота имеет полную дату. Пребывание Александра в Вильне фиксируется с 7 апреля по 18 июля 1506 г. (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 235–236).

Грамота принадлежит к числу тех немногих актов великого князя литовского Александра, касающихся Полоцкой земли, которые дошли до нас в оригинале. Но, разумеется, она имеет

немалое значение и с других точек зрения. В частности, она проясняет на конкретном примере пути проникновения на территорию Подвинья новых землевладельцев, а также проливает свет на движущие силы и ход хозяйственной колонизации слабо освоенных его районов.

Иван Семёнович Сопега (ум. 1517) был одной из виднейших и влиятельнейших фигур при дворе Александра. Великокняжеский маршалок и личный секретарь, канцлер великой княгини Елены, Иван Сопега известен также тем, что в течение своей долгой и успешной карьеры он с большой старательностью и целеустремленностью приобретал земли в различных регионах Великого княжества Литовского. Начав службу при дворе писарем канцелярии, к концу своей жизни он, по словам К. Петкевича, уже входил в число крупнейших вельмож государства (*Pietkiewicz*. 1995. S. 25; см. биографические сведения: *Груша*. 2006б. С. 145–146).

Одним из тех регионов Великого княжества, где в полной мере проявилась приобретательская активность Сопеги, была Браславщина. Он начал сколачивать здесь свою латифундию в последние годы XV в. Оборотистый царедворец делал это и скупая земли у небогатых местных владельцев, и получая в качестве пожалований: сначала от Александра, а после его смерти — от его вдовы Елены. После того, как примерно в 1500 г. Сопега стал браславским наместником, его возможности в этом деле значительно расширились. Так, например, 26 апреля 1504 г. Александр позволил Ивану Сопеге основать в его владении Иказнь замок и «место» — торгово-ремесленное поселение (СГЧА. Ч. 1. С. 32).

Примерно в это же время Иван Сопега начал скупать земли на западной окраине соседней Полотчины. Не лишним будет отметить, что близлежащей от Браславля и Иказни Друей владела его сестра Анна (Духна), вдова князя Тимофея Масальского (см. № 396). Район же Друи административно входил в состав Полоцкого повета. Вероятно, Иван Сопега получал информацию о продаваемых на Полотчине землях в том числе и от сестры.

Район реки Сарьи и ее притоков, где Иван Сопега купил себе владения, лежал в слабозаселенной и слабоосвоенной части Полоцкой земли, на самой границе с Ливонией. В описаниях рубежей этих мест, которые мы находим в подтвердительном акте, не упомянут ни один населенный пункт. Приобретения Сопеги обозначены всего лишь как «следы» и «земля на реце на Сарьи». Однако Иван Семёнович, очевидно, знал, что делал. Очень скоро он показал себя рачительным хозяином, который намерен самым серьезным образом осваивать эти места.

Уже документ 1513 г. называет людей Ивана Сопеги пустынчан и сарьян (*Варонін*. 2013а. С. 216–217). Очень характерно первое название — населеннный пункт был основан в пустынной местности. Эта деревня находится на берегу озера Гусена (ныне на территории Латвии), и совсем недалеко от района Сарьи. Что же касается самой Сарьи, то эта деревня, расположенная в среднем течении одноименной реки, была основана, очевидно, Иваном Сопегой — на землях, подтверждение на которые он получил от Александра в 1506 г. Вероятнее всего, деревня Пустынка также была основана Сопегой. Она лежала совсем недалеко от купленных им земельных владений. Кроме того, вблизи Пустынки расположена деревня Икаженци, которая ясно указывает на то, что ее первые жители происходили из местечка Ивана Сопеги Иказнь, которое в XVI в. называлось Икажна (*Варонін*. 2013а. С. 211–212).

Очень характерна социальная принадлежность продавцов земель. Иван Сопега купил свои новые владения у представителей трех социальных групп, которые в это время стремительно теряли свою недвижимость. Причем за тяглыми людьми и путными слугами далеко не всегда признавалось право собственности на их земли, а значит, и право их продавать. Что же касается мещан, то они занимали, скорее, промежуточное положение в этой цепочке продавцов и покупателей. У стоявших на более низких ступенях социальной лестницы тяглых людей и путных слуг они покупали земли, а вот шляхте, — как правило, продавали. Тот же Митко Петрович Харинич, который иногда фигурирует в документах и как боярин, хорошо известен как покупатель земель у полоцких путных слуг и тяглых крестьян (см. № 416, 421, 473). Зна-

чит, он и покупал, и продавал земли. Судя по тому, что только за 1506–1511 гг. известно не менее четырех его сделок с землей, это был один из важнейших видов его деятельности, — а может быть, и самый важный.

В. А. В.

398

1506 г. июня 18. Вильня. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра кн. Ивану Фёдоровичу Полубенскому на путных и тяглых людей в Ловожском стане Полоцкого пов., а также земли, купленные им там же у пол. мещан

Копия жалованного листа, судя по формуляру, полностью соответствует его подлиннику. Пребывание Александра в Вильне фиксируется с 7 апреля по 18 июля 1506 г. (*Neuman, Pietkiewicz*. 1996. P. 235–236).

Грамота открывается инвокацией, которой раньше не встречалось («Во имя всесильного Бога, аминь»). Впервые встречается и преамбула, излагающая причины составления грамоты (подтверждение благородства происхождения для будущих поколений), написанная темно и витиевато.

Титулатура Александра в копии грамоты передана полностью. В наррации подробно излагаются мотивы пожалования: награда за успешную службу в прошлом и надежда на ее продолжение в будущем. Эта часть также изложена очень сложно и запутанно, с изобилием прилагательных.

В диспозиции очень подробно указаны все виды земель, которыми якобы владели путные люди. Виды этих земель указываются в соответствии со стандартом жалованных середины первого десятилетия XVI в.

Особый пункт диспозитивной части жалованного листа предусматривает освобождение передаваемых кн. И. Ф. Полубенскому людей от предоставления стаций и подвод, за исключением подвод для самого господаря. Полубенский получил широкие права пользования землей, он мог ее «отдать, продать, заменить, расширить».

Князья Полубенские появились в Полоцке после перехода смоленских земель в состав Русского государства в 1503 г. (см. № 460, 462). Иван и Лев Фёдоровичи имели земли в Киевском воеводстве (*Boniecki*. 1887. S. 253). Андрей Полубенский, действовавший в конце XV — начале XVI в., назван боярином смоленским (РИБ. Т. 27. Стб. 184, 204, 205, 212, 240, 278). Уже в начале XVI в. он и его сын переселились из Смоленской земли. Известно, что Андрей жил в Берестье (РИБ. Т. 27. Стб. 277). Василий же начал с Берестья, затем обзавелся землей в Троцком, Владимирском и др. поветах (LM. Kn. 6. № 492. P. 289; Kn. 8. № 191, 302, 356, 379. P. 188, 250–251, 277, 287; Kn. 9. № 165, 216. P. 150, 178; Kn. 11. № 52. P. 74; Kn. 12. № 124, 305. P. 188–190, 285–286; *Wolff*. 1895. S. 368–372).

Настоящей грамотой Александр передал земли путных людей в Ложовском стане, в том числе и те, что последние «позастовляли» мещанам, при этом князьям Полубенским разрешалось выкупить их, а также подтвердил покупку земли Братовщины у мещанок, двух дочерей Ивана Шиповича. Их родственница или свойственница, жена Андрея Шиповича сохранила часть земель до 1528 г. По реестру этого года, она должна была снаряжать двух всадников (РИБ. Т. 33. Стб. 196; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 140).

Грамота очень важна, поскольку характеризует новые явления в экономической жизни Великого княжества Литовского. Если о «заставе» имений было известно уже давно (*Пичета*. 1961. С. 198–206), то о «заставе» земель путных людей, и притом не боярам, а мещанам, упоминания встречаются впервые (*Любавский*. 1892. С. 695–697; *Довнар-Запольский*. 1901. С. 181–182). Вероятно, и объект «заставы», и ее субъект специфичны именно для Полоцка.

В начале XVI в. происходил процесс потери мещанами их родовых земель.

А. Л. Х.

399

1506 г. июня 21. Вильня. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра господарскому дворянину Стефану на путных людей Шоловиничей и их земли в Полоцком пов.

Формуляр жалованного листа традиционен, в отличие от № 398. Пребывание Александра в Вильне фиксируется с 7 апреля по 18 июля 1506 г. (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 235–236).

Жалованный лист имеет две части — две наррации и две диспозиции в связи с тем, что наряду с пожалованием Александр подтверждает и «лист купчий» Стефана.

В отличие от № 398, первая часть жалованного листа имеет характеристику обязательств путных людей по отношению к Стефану: служить не меньшей службой, нежели великому князю. Наряду с этим в первой же диспозиции оговаривается право путных людей уйти с передаваемой Стефану земли, которая переходит в вечное владение семьи последнего.

Во второй диспозиции (в подтверждении «листа купчего») такого условия нет. Здесь указано лишь обязательство Стефана служить великому князю с купленных им у путных людей земель.

О Стефане дополнительных данных не имеется. Предположительно его можно идентифицировать со Степаном Пушкарёвым, имя брата которого Миклаш также выдает неместное происхождение (№ 437).

Дальнейшая судьба людей Шоловиничей и их земли неизвестна. Какой-то дворец в Шолавах Францко Каспорович купил у земянина Волотьки Игнатевича (ПР 1552 г. С. 123). Трудно предположить, что эта та самая земля, о которой идет речь в грамоте № 399.

А. Л. Х.

400

[1506 г.] июля 17. Ейшишки. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра Петру Семёновичу Епимаховичу на сс. Тветутино, Горы и Чуриловичи в Полоцком пов.

Грамота сохранилась в двух поздних копиях XVIII в., транслитерированных польской графикой. На лицевой стороне списка В находим ряд записей XVIII в., которые не имеют непосредственного отношения к содержанию документа, однако представляют некоторый интерес с точки зрения исторической хронологии и датировки списка:

«Od stworzenia swiata według rabinow 5477
Od stworzenia swiata według rzymian 5666
Od stworzenia swiata według grekow 7225
Od początku Krolestwa Polskiego 1165
Od uniey W(ielkieg)o X(ięstw)a L(itewskieg)o z Koroną Polską 136
Od zaczęcia nowego kalendarza 136».

Документ отличается достаточно редкой инвокацией — обращением к «Святой, Живоначальной и Нераздельной Троице», которая более характерна для латиноязычных актов. В обоих списках грамота датирована 17 июля, однако итинерарий Александра фиксирует его пребывание в Вильне 16 и 18 июля, а в Ейшишках — лишь 19 июля (*Pietkiewicz, Neuman.* 1996. P. 236). Возможно, туда к этому времени уже перебрался его писец, готовивший грамоту.

Пётр Епимах, по всей видимости, принадлежал к числу тех господарских дворян, которые сопровождали Александра в его последней поездке по Великому княжеству Литовскому.

Думается, именно этим обстоятельством можно объяснить факт получения им в течение восьми дней двух довольно крупных пожалований, в результате которых в его руки перешло целых пять сёл в Полоцкой земле (см. также № 401, 402).

Пётр Семёнович Епимах был весьма заслуженным человеком при дворе Александра. Грамота сообщает о том, что он служил этому Ягеллону «од тых часов, как есмо сели на отчизне нашей, на Великом Князстве Литовском», т. е. с 1492 г. В документе сообщаются и другие факты из его биографии — в том числе из области военной и дипломатической деятельности. Епимах участвовал в походах и брал в плен «языков» (см. комментарий к № 402). Тяжелым испытанием для него стала посольская поездка в Ногайскую орду.

О посольстве из Великого княжества Литовского в Ногайскую орду мы узнаём из послания Александра ливонскому магистру 1503 г. (LM. Kn. 5. № 503. P. 307). В Вильне хорошо знали об опасностях пути в Ногайские степи: по дороге участников посольства нередко грабили, избивали, чинили им прочее насилие. Еще в 1500 г. Александр изъявлял намерение отправить к ногайским мурзам «велики*х* посло*в* з бо*л*шыми поминъки», однако тогда не решился сделать это из-за опасностей пути — «тру*д*но до васъ доехати» (LM. Kn. 5. № 440. P. 280).

Все эти невзгоды в полной мере испытал на себе Пётр Епимах, когда ездил в посольство в Ногаи. Согласно документу, в дороге он подвергся нападению и грабежу, потерял всё свое имущество и был вынужден залезть в долги.

В составе свидетелей рядом значатся Я. Ю Заберезинский и М. Л. Глинский — ярые антагонисты и злейшие личные враги. По всей видимости, в тот момент их весьма натянутые отношения удалось каким-то образом на время примирить.

В. А. В., С. В. П.

401

Упоминание

[1506 г. июля 17 — августа 19]. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра [пол. боярину] Петру [Семёновичу] Епимаховичу на с. Тоболчиничи в Полоцком пов.

Датируется условно, на основании датировки актов Александра о пожалованиях Петру Семёновичу Епимаховичу (№ 400, 402), второй из которых, адресованный полоцкому воеводе Станиславу Глебовичу (№ 402), был непосредственно связан с настоящим пожалованием. Подробнее см. комментарий к № 402.

С. В. П.

402

[1506 г.] июля 25. Лида. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра пол. воеводе Станиславу Глебовичу о пожаловании пол. боярину Петру Семёновичу Епимаху сс. Теличиничи и Тоболчиничи в Полоцком пов.

Датируется по индикту, месту выдачи и правлению Александра. Его пребывание в Лиде 24–25 июля 1506 г. зафиксировано и другими источниками (*Neuman, Pietkiewicz.* 1996. P. 236).

Формуляр листов, которые великие князья литовские отправляли своим наместникам с целью проинформировать их о пожаловании и ввести его получателя во владение, на протяжении второй половины XV в. не претерпел никаких изменений.

Описание подлинной грамоты, сделанное асессорами земских судов Полоцкого повета 20 января 1780 г., содержит сведения о ее удостоверении. Этой цели служила восковая конная печать Александра (очевидно, оттиснутая под текстом) — несомненно, имеется в виду хорошо известная в литературе малая (диаметром 37 мм) печать этого монарха с изображением

всадника, скачущего вправо, с занесенным над головой, горизонтально расположенным мечом в правой руке, на готическом щите, с латинской надписью по окружности, выполненной готическим маюскулом. Известны 52 экземпляра этой печати 1492–1506 гг. (*Rimša*. 2007. P. 154–155; *Однороженко*. 2009. № 43. С. 61–62, 204). Расположенная рядом надпись, которую попытался воспроизвести писец конца XVIII в., расшифровывается следующим образом: «Пр(а)*в*(ил) м(а)*р*(шалок) д*в*(орныи), де*р*(жавца) бе*л*(ьскии) и у*т*(енскии) кн(я)*з*(ь) Ми*х*(аило) Льво*в*(ич) Гли*н*(скии)». М. Л. Глинский был свидетелем и других грамот Александра последних месяцев его жизни.

Судьба грамоты № 402 показывает, что лист о пожаловании, адресованный наместнику, мог оказаться в руках получателя пожалования. Ср. № 343, 359.

Пётр Семёнович Епимахович (Епимахов) — сын Семёна (Сенька) Яцкевича Епимаха (см. комментарий к № 255), королевский дворянин, полоцкий боярин. В апреле 1502 г. «пан Петряш Епимахович» во главе «желнырей» из Полоцка сделал набег на волость Пуповичи, однако неудачный, «дети боярские… многих избиша, а иных поимаша» (ПСРЛ. Т. 28. С. 335). 20 октября 1503 г. из Мельника был отправлен гонцом в Москву, куда и прибыл 1 декабря («Петрашко Сенкин сын Епимахова»), 7 декабря 1503 г. отбыл из Москвы, изложив от имени Александра претензии смоленских землевладельцев (Сб. РИО. Т. 35. С. 444–449). В 1509 г. Остафий Дашкович передал ему г. Кричев, наместником которого он был [РИБ. Т. 20. Стб. 771 (июль 1511 г.); ср. стб. 804 (без даты)]. В 1510 г. Пётр Епимах находился в Киеве (Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 6. № 8. С. 15, 9 февраля 1510 г.

Теличиничи — жители села, находящегося на левом берегу р. Ушачи рядом с селом Ушачь (*Сапунов*. 1906. С. 208. № 85). В 1528 г. здесь жили Климята Теличинич и Левон, выставлявшие 7 и 1 коня (РИБ. Т. 33. С. 195, 196; МВКЛ. Кн. 523. С. 155, 156; LM. Kn. 523. P. 140, 141).

А. Л. Х., С. В. П.

402а

Упоминание

[1506 г. октября 20 — 1507 г. сентября 1]. — Послание кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого лив. магистру Вольтеру фон Плеттенбергу о задержке пол. мещан с их товарами в г. Риге

Нижней хронологической границей служит дата вокняжения Сигизмунда Старого, верхней — дата его ответа на два послания ливонского магистра Вольтера фон Плеттенберга. Последнее из них, пересказ которого в книгах Метрики Великого княжества Литовского в настоящем издании приведен полностью, в изданиях обычно датируется 26 июля 1507 г., как и предыдущее, но могло быть написано и несколько позже, учитывая, что сам пересказ даты не содержит.

О термине «поруб» см. комментарии к № 54, 55.

С. В. П.

403

Упоминание

[1506 г. октября 20 — 1508 г. мая 9]. — Прошение пол. воеводы Станислава Глебовича об освобождении жителей половины земли Кохановской, принадлежащей пол. земянину Федку Михайловичу Маскевича, от уплаты бобровщины и выполнения других повинностей

Датируется начальным периодом правления Сигизмунда Старого (о дате его интронизации в Великом княжестве Литовском см.: *Finkel*. 1910. S. 175–176), до упоминания настоящей грамоты в № 429 (см. комментарий к нему).

С. В. П.

404

Упоминание

[1506 г. октября 20 — 1509 г. февраля 8]. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого Гендрыху (Генриху) Лодяте на стан Бездедовский и с. Дубровки в Полоцком пов. и его же лист [пол. воеводе Станиславу Глебовичу] об этом пожаловании

Датируется периодом от избрания Сигизмунда Старого великим князем литовским до суда по делу путных людей Бездедовского стана против Индриха Лодяты (№ 440).

Пересказ жалованного листа в № 440 также говорит о Бездедовском стане и сельце Дубровках со всем их населением — «слугами путными, служебными и тяглыми». Совпадение формулировок в двух пересказах 9 февраля 1508 г. и 14 января 1623 г. заставляет думать, что именно об этом населении и шла речь в грамоте 1506–1508 гг. В ней наряду со слугами путными и тяглыми упомянуты и «служебные» люди.

В комиссарском декрете от 17 мая 1621 г. отмечено, что уже в 1509 г. Сигизмунд Старый рассматривал жалобу путных слуг села Бездедовичей на то, что Индрих Лодята якобы незаконно владеет ими (см. № 440 настоящего издания). В этом декрете также указано, что копия привилея была выдана Александром и Миколаем Станиславовичами Лодятичами (внуками Индриха Лодяты) Фронцу Касперовичу — наместнику полоцкого воеводы Станислава Довойно. Последний занимал эту должность в 1542–1563 гг. Эта копия была предъявлена комиссарскому суду в 1621 г. доверенным лицом («умоцованым») панов Яроша и Яна Лодят. Кроме того, известно, что Миколай Лодята 7 августа 1567 г. внес сведения об имущественных документах, утраченных им при взятии Полоцка в 1563 г., в гродские книги Новогрудского воеводства, откуда получил соответствующую выписку — «видымус» (НИАБ. Ф. 1778. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 99 об. — 100).

А. Л. Х., В. А. В.

405

Упоминание

[1506 г. октября 20 — 1509 г. августа 5]. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого об освобождении пол. мещан тройдевлян от стационной и сторожевой повинностей

Датируется начальным периодом правления Сигизмунда Старого, до упоминания настоящей грамоты в № 449 (см. комментарий к нему).

С. В. П.

406

Упоминание

[1506 г. октября 20 — 1510 г. сентября 5]. — Лист о пожаловании кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого кн. Ивану Фёдоровичу Полубенскому на путных и тяглых людей в Черсвятской вол. Полоцкого пов.

407

Упоминание

[1506 г. октября 20 — 1510 г. сентября 5]. — Продажный лист Митька Ганусовича кн. Ивану Фёдоровичу Полубенскому на землю Лещинскую в Полоцком пов.

408

Упоминание

[1506 г. октября 20 — 1510 г. сентября 5]. — Продажный лист Настасьи Тишковой Колчижинича и ее сыновей Андрея и Ивана кн. Ивану Фёдоровичу Полубенскому на следы Мядневский и Рустинский в Полоцком пов.

№ 406–408 датируются начальным периодом правления Сигизмунда Старого, до упоминания их в № 460 (см. комментарий к нему).

С. В. П.

409

Упоминание

[1506 г. октября 20 — 1511 г. июня 24]. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. воеводе Станиславу Глебовичу с распоряжением ввести полочан Фёдора Игнатовича с братьями во владение землей «на Уроде», якобы незаконно отнятой [пол. боярином] Зеновием [Васильевичем Корсаком]

Датируется начальным периодом правления Сигизмунда Старого, до упоминания настоящей грамоты в № 460 (см. комментарий к нему).

С. В. П.

410

Упоминание

[1506 г. октября 20 — 1513 г. декабря 31]. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. воеводе Станиславу Глебовичу на Голомышскую вол. «на вечность»

Датируется временем правления Сигизмунда Старого в Великом княжестве Литовском и полоцкого воеводства Станислава Глебовича.

В позднейших упоминаниях держание Станиславом Глебовичем этой волости возводится к княжению Александра. Так, в полоцкой ревизии 1552 г. читаем: «…иншые волости, которые перед тем тую гору подрубывали, держыт(ь) пани Яновая Глебовича, воеводиная виленская — Голомыслъ и Домъники, а пан Станислав Кишъка, воевода витебский, держыт(ь) волост(ь) Освейскую. Тые тры волости выслужылъ пан Станиславъ Глебовичъ на королю его милости Александре…» (ПР 1552 г. С. 11). Кем бы ни было дано это держание, оно сохранилось на протяжении примерно полувека.

Список категорий людей, подлежавших передаче Станиславу Глебовичу по жалованному листу 1506–1513 гг., значительно шире, нежели по жалованным листам Александра и даже Сигизмунда (ср. № 404); к трем категориям, известным и ранее, — путным, служебным и тяглым — добавляются «данные» и «слободичи». Подробно указаны и виды их платежей и повинности — три вида дани (денежная, медовая и куничная), волостные подати, различные службы, — в особенности городовые работы (см. комментарий к № 209).

А. Л. Х.

411

[1506 г.] ноября 20. Городно. — Приговор суда кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого по делу между пол. боярами Фёдором Ловейком и его племянником Васком, с одной стороны, и господарским дворянином Петром Епимаховичем, с другой, о присвоении Петром крестьян и земель «у Тоболчиничах» в Полоцком пов.

Датируется по индикту и топологическим сведениям. Пребывание Сигизмунда в Городне зафиксировано 20 ноября — 8 декабря 1506 г. (*Бережков*. 1962. С. 191).

Судебное дело возникло в связи с неупорядоченностью делопроизводства в великокняжеской канцелярии (см. подробнее: *Bardach*. 1970. S. 351–368; *Груша*. 2006б. С. 57–70). Одна и та же земля оказалась подтвержденной великим князем в качестве купленной одним лицам и пожалованной им же другому лицу.

О роде Ловейков см. комментарий к № 366а.

О Петре Епимаховиче см. комментарий к № 402.

Грамота прокламирует свободу службы путных людей: «…ѡни маю*т*(ь) слꙋжыти, комꙋ хотячы» и заявляет относительно их статуса: «то неслушная речъ, абы слуги пꙋтъные мяли кому в неволю даны быти».

А. Л. Х.

412

Упоминание

[Около 1507 г. — 1508 г. мая 9]. — Продажный лист пол. мещанина Тишени Сергеевича земянину Фёдору Михайловичу Маскевича на земли «на Сволни на Долгом» «обель вечно»

Датировка условна. См. комментарий к № 429.

413

[1507–1515 гг. Полоцк]. — Вкладная запись Павла (Пацка) и его жены Фёклы монастырю Св. Иоанна Предтечи на Острове в г. Полоцке на двор с землей и огородами, расположенный в г. Полоцке

Датировка записи основана на упоминании в ней игумена монастыря Иоанна Предтечи на Острове в Полоцке — Евфимия Торопки, который фигурирует в этом качестве начиная с 1507 г., а в 1515 г. настоятелем Предтеченского монастыря был уже Мисаил (*Варонін*. 2009в. С. 168–169). Поскольку первое упоминие не равнозначно времени занятия Евфимием должности игумена, то запись могла быть сделана и ранее.

Анализ формуляра записи обнаруживает черты ее явного сходства с актовым материалом, особенно с продажными (купчими) грамотами. Отличие состоит разве что в отсутствии тестации (перечня свидетелей). Также в записи нет даты. Вместе с тем, весьма оригинальна ее корроборация. Вместо обычного в таких случаях указания на наличие печатей и подписей вкладчики в качестве подтверждения сделки зафиксировали факт передачи новому владельцу — монастырю — купчих грамот на эти земли их прежних владельцев, в том числе и своих собственных.

Из записи следует, что достаточно распространенное в Великом княжестве Литовском имя Пацко (или Пац) является сокращенной формой имени Павел.

Обращает на себя внимание формула: «при животѣ нашемъ на вкоуп, а по животѣ на впис». Его смысл не до конца ясен, но речь идет, вероятно, о том, что благодаря своему вкладу супруги еще при жизни «вкупились» в монастырь, то есть стали его насельниками. По смерти же их вклад должен был обеспечить занесение их имен в монастырский помянник.

В. А. В.

414

[1507 г.] марта 26. Краков. — Запись о получении пол. восковничим Петром 200 квитанций на оплату мыта с торговли воском

№ 414, 419 и 432 представляют собой делопроизводственные документы великокняжеской канцелярии.

№ 414 датируется по индикту, месту выдачи, хронологическим рамкам 8-й книги записей Метрики Великого княжества Литовского и положению в этой книге.

Восковничие появились в Полоцке после получения городом магдебургского права. Об их деятельности известно лишь с 1507 г. Пётр Наумович и Сава Бернищев в 1528 г. были причислены к мещанам, последний был одним из богатейших (РИБ. Т. 33. Стб. 194–196; МВКЛ. Кн. 523. С. 155–156; LM. Kn. 523. P. 140–141), он снаряжал 9 всадников, как и, например, Андрей Семёнович Епимах.

«…по*д* сыкгънѣтомъ королѧ его м(и)л(ос)ти Великого кн(ѧ)зьства…» — употребленная здесь формулировка подразумевает существование двух отдельных «сигнетных» (перстневых) печатей Сигизмунда Старого — литовской (ВКЛ) и польской. Однако в настоящее время известен «сигнет» Сигизмунда лишь одного типа — восьмигранная печать размером 13×15 мм, с буквами **S–D–S** (т. е. Sigillum или Signetum Domini Sigismundi) и изображенным на щите коронованным орлом — гербом Польского королевства (*Piech.* 2003. S. 80). Ср. комментарий к № 349.

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

415

Фальсификат

1507 г. июня 27. Берестье. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. хоружему Александру Пётуху на имение Плиса в Полоцком пов. «вечными часы»

Грамота подложная. В титулатуре Сигизмунда, который назван «Первым», есть противоречащее дате документа перечисление подвластных ему земель: «мазовецкий, инфлянский, северский, черниговский». Первые два определения появились в титулатуре Сигизмунда III в конце XVI в. (ВС. Т. 1. № 30, 31, 33, 38; 1584–1597 гг.), а последние два пополнили титул Владислава IV в 30–40-е гг. XVII в. (Там же. № 61. С. 118; 1636 г.).

Язык грамоты гораздо более поздний: в нём много не только польских, но и латинских (в частности, «антецессоры») заимствований, что очень характерно для XVII в.

10-й индикт мог приходится и на 1567 и на 1597 гг. Но если бы речь шла лишь об описке в дате, то не было бы ошибок в «номере» короля и его титуле.

Наконец, в грамоте государство названо Речью Посполитой, что характерно для времени после 1569 г.

Дате грамоты не противоречит лишь термин «хорунжий». Этот институт сложился в Великом княжестве Литовском в начале XVI в. (*Любавский*. 1900. С. 341, 346, 414–415, 479, 480, 500 и др.; *Kamieniecki*. 1965. S. 178–182).

На территории Полоцкой земли можно назвать по крайней мере два населенных пункта с названием, идентичным или близким указанному в документе. Один из них, деревня Плиса, на сегодняшний день является центром сельсовета Глубокского р-на Витебской обл. Другой, деревня Плисы, принадлежит к Островенскому сельсовету Бешенковичского р-на той же Витебской области. Сложно сказать, какому из них посвятил свой труд человек, подделавший документ.

Село Плиса находится к северо-востоку от Ушач. В XVI в. «двор Плиский» принадлежал Корсакам. Дмитрий Корсак называл его своим отчизным селом, при котором находилась церковь Св. Пятницы (ПР 1552 г. С. 74–76, 79). С. Хотьевичи, в котором находилась грамота в XIX в., в начале XVI в. принадлежало полоцким мещанам, которые продали его Митку, отцу Василия (ПР 1552 г. С. 136). Возможно, уже к 1538 г. оно перешло к Василию Митковичу (БА. Т. 2. № 412. С. 290).

Первым из рода Пётухов известен Фёдор, в 1528 г. причисленный к боярам, но владения его были незначительны: он снаряжал лишь одного всадника (РИБ. Т. 33. Стб. 194; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 139). Иона Пётух был ксендзом в Кубличах в 1722 г. (ВС. Т. 5. № 167. С. 344–345. 10 июля 1722 г.). Имя Александр в Полоцке XV–XVI вв. было очень редким, в отличие от конца XVI столетия (см.: ПР 1552 г. По указ.).

Трудно установить личность Софьи. В историографии высказывалось мнение, что речь идет о второй жене виленского воеводы и канцлера конца XV — начала XVI в. Миколая Радивиловича, который после ее смерти женился в третий раз (*Boniecki*. 1887. S. 270; *Malczewska*. 1985. S. 51; *Pietkiewicz*. 1987. S. 316; *Petrauskas*. 2003. P. 282). Однако в таком случае непонятно, почему имение его второй супруги не осталось за ним, а перешло в казну. Неизвестен и писарь Остафий Копец. В 1506–1531 гг. одним из «руских» писарей канцелярии ВКЛ был Сидор Васильевич Копоть (*Груша*. 2006б. С. 148), а в 1658–1670 гг. полоцким воеводой был Ян Кароль Копоть (*Wolff*. 1885б. S. 47).

Таким образом, многие несообразности текста, его стилистические особенности несомненно указывают на то, что перед нами подделка. Время же этой подделки определить трудно. По стилю грамота похожа на акты XVII в. Думается, эта подделка была создана в конце XVII — начале XVIII в.

Не была ли грамота поновлена? В Великом княжестве Литовском даже при позднейших подтверждениях грамоты существовал обычай, не изменяя ее текста полностью или в изложении, вписывать текст нового подтверждения. Насколько можно судить по описанию грамоты в АЮЗР, грамота не была ни новым подтверждением, ни выписью из Метрики Великого княжества Литовского или книг его Главного трибунала. Она была документом, создание которого относилось якобы к тому времени, которое проставлено в нём самом.

Начальная дата владения семейством Пётуха с. Плисо или Хотьевичи не могла быть более ранней, чем конец XVI в.

А. Л. Х., В. А. В.

416

1507 г. июля 2. [Полоцк]. — Продажный лист Трухона и Давыда Василевичей, Курила Филиповича, Парасковьи Филипович с детьми и Игната, Якова и Дениса Адамовичей пол. мещанину Митьку Петровичу Харинича на земли «в Даниловичох» в Полоцком пов. «обель вечно», с описанием границ владений

Один из немногих продажных (купчих) листов, сохранившихся в оригинале.

Социальная принадлежность продавцов не указана, однако в подтвердительной грамоте Сигизмунда Старого Митку Петровичу на эту куплю (№ 421) сообщается, что они были тяглыми людьми. Земля продается коллективными собственниками, что для Полоцкой земли было в то время обычным делом. Продавцы принадлежат к трем семьям — Василевичей, Филиповичей и Адамовичей. Все собственники-продавцы перечислены поименно, их девять человек. В их числе — одна женщина (очевидно, вдова Кузьмы Филиповича) с сыновьями. Все остальные, по всей видимости, — взрослые мужчины, главы семейств и владельцы дворохозяйств. Земли «в Даниловичох» находились на берегу Двины, при впадении в нее речки Венужи (совр. Вянужка), что примерно в 10 км к западу от Дисны. В продажной указано, что среди них были земли как наследственные (отчизные), так и купли. Вообще же на рубеже XV–XVI вв. Полотчина обладала весьма динамичным рынком земельной собственности. Сделки с землей были широко распространены, коль скоро эти земли покупали не только представители привилегированных и богатейших слоев общества, но и те, кто занимали не столь высокое положение. На не слишком высокий социальный статус продавцов указывает и тот факт, что в качестве подтверждения сделки они «клейна свои написали». Очевидно, собственных печатей у них просто не было. Бортными клейнами обычно подписывали свои документы тяглые люди, а также путные слуги (ср. № 450, 455, 461, 473; см. также: *Груша*. 2011б. С. 274–278).

Покупателем земли был Митко Петрович Харинича, полоцкий мещанин, которого документы иногда называют также боярином (см. о нём комментарии к № 397, 421).

Судя по тому, что в грамоте в качестве свидетелей фигурируют сразу три представителя магдебургской администрации, в том числе лентвойт, а двое остальных свидетелей также относились к мещанскому сословию (об Антушке Селивестровиче, предъявившем грамоту Витовта в 1530 г., см. № 24), сделка была заключена и документально оформлена в Полоцке. Это было связано, по всей видимости, с тем, что покупатель был мещанином. «Керъста*н* р*а*дца», т. е. Карстен (ср.: LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 97) судя по имени, был немцем и принадлежал к католической половине полоцкого магистрата.

Лицом, написавшей продажный лист, был «местский дьяк» Иван Солокович — либо сын одного из свидетелей продажного листа мещан мохонковлян 1487 г. Ивана Солока (№ 266), либо он сам. Другой представитель того же рода Омельян, в самом начале XVI в. купивший земли у Климяты Евлашковича (см. № 362), выступил свидетелем продажного листа 1507 г. Интересно, что дал согласие на сделку и заверил ее городской писарь Георгий (Юрий). Его собственноручная подпись сделана на латыни. К сожалению, мы больше ничего не знаем об этом человеке. Однако он был в это время не единственным человеком в Полоцке, владевшим латынью на делопроизводственном уровне. 6 октября 1508 г. также на латыни, но уже другим человеком, было написано послание священника Прокопия в Ригу (№ 435). На латыни составлено и письмо полоцких бурмистров и радцев ливонскому магистру Вольтеру фон Плеттенбергу от 27 февраля 1509 г. (№ 443). Таким образом, продажный лист № 416 проливает свет на функционирование полоцкой магдебургии на начальном этапе ее существования.

В. А. В., С. В. П.

417

Фальсификат

1507 г. июля 7. Вильня. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. боярину Миколаю Александровичу Пётуху на имение Плиса в Полоцком «въезде» «на вечность»

Так же, как и № 415, настоящая грамота является несомненной подделкой, обнаруживая с № 415 много общих черт. Это касается, в частности, титула Сигизмунда III, который в них практически полностью совпадает: во второй грамоте лишь после «черниговского» добавлен «подляски».

Среди отличий отметим особенности языка: во второй грамоте читаем «Полоцкий въезд», тогда как в первой значился «повет». Несколько разнятся объекты собственности, которые должны были перейти к Александру Пётуху, названному во второй грамоте еще и Миколаем. По-разному он их и приобрел. Вместе с тем судьба главного из этих объектов, имения Плиса, в двух грамотах излагается совершенно по-разному: согласно № 415, оно было великокняжеским пожалованием, согласно же № 417 - куплей у Константина Острожского.

Стоит особо остановиться на истории появления этих подделок. 7 июля 1755 г. Доминик Немира, доверенное лицо речицких мечниковичей Игнатия, Юзефа и Антония Пётухов, предъявил в гродский суд Минского воеводства целый ряд документов, которые рисуют яркую, но в то же время полную неясностей историю семейного архива Пётухов. Два «привилея» якобы Сигизмунда Старого 1507 г. были активованы в книгах Главного Трибунала Великого княжества Литовского соответственно 18 и 28 мая 1610 г. Эти активации и предъявил минскому гродскому суду Немира. Одновременно он принес в суд активацию из гродских книг Оршанского повета от 25 октября 1708 г., которую потребовалось внести в минские гродские книги из-за того, что документ оказался в некоторых местах поеден крысами. В этой оршанской активации утверждалось, что Пётухи утратили многие свои документы в том же 1708 году, когда в ходе военных действий их имение Тросливец подверглось разграблению русскими и шведскими войсками, которые вторглись «в местные белорусские края» (НИАБ. Ф. 1727. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 716–717 об.).

Тогда же, 7 июля 1755 г. Доминик Немира предъявил и активовал в книгах Минского гродского суда и еще несколько документов, несомненно связанных с подложными привилеями Сигизмунда I. Это были, в частности, «продажная» грамота «земянина господарского въезду Полоцкого» Якуба Щита полоцкому хоружему Александру Пётуху на «именьице» Блошники от 8 мая 1567 г. (НИАБ. Ф. 1727. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 722 — 723 об.) и «привилей» Сигизмунда Августа сыновьям полоцкого городничего Миколая Пётуха — Яну и Михаилу — на земли в Полоцком повете, в том числе в Плисе, данный в Кракове 27 июня 1550 г. (НИАБ. Ф. 1727. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 724 об. — 725 об.). Обе эти грамоты являются бесспорными подделками и имеют самые явные черты сходства с публикуемыми «привилеями» Сигизмунда Старого. Например, титул Сигизмунда Августа в его «привилее» 1550 г. звучит следующим образом: „Божою милостью король польски, велики князь литовски, руски, пруски, жмудски, мазовецки, инфлянтски, северски, черниговски etc. etc.». То есть он дословно повторяет титулатуру первого поддельного жалованного листа 1507 г. (№ 415) и очень близок к титулатуре второго (№ 417).

Время подделок определить сложно за неимением их рукописей. Но в любом случае, в 1755 г. все эти фальсификаты уже существовали (в разных видах), и их следы ведут к семейному гнезду Пётухов.

Здесь нелишним будет отметить, что Пётухи имели какое-то отношение к позднейшим вставкам и дополнениям, которые были внесены в текст официальной копии переписи войска Великого княжества Литовского 1528 г. По мнению А. И. Груши, эти дописки были сделаны после 1641 г. Тенденция дополнений та же, что и в двух публикуемых фальсификатах: обоснование древнего происхождения рода и его прав на имения (*Груша*. 2003. С. 39–40).

В. А. В.

418

[1507 г.] июля 16. — Запись приговора суда кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого по делу между рижанином Степаном и пол. воеводой Станиславом Глебовичем о незаконном вывозе за границу металлов и воска

Год определен по дневной дате, дню недели и расположению документа в Книге судных дел Метрики. 16 июля приходилось на пятницу именно в 1507 г. «Справа» — это не приго-

вор суда, а лишь судное дело, рассмотрение обвинения немецким купцом Степаном Станислава Глебовича во взимании взяток — «посулов».

Решение о запрете вывоза серебра из Великого княжества Литовского было принято еще в 1494 г. (*Хорошкевич.* 1980. С. 69–70). Вероятно, во время очередной русско-литовской войны был запрещен экспорт металлов и воска из этого государства точно так же, как и из Ливонии (*Казакова.* 1975. С. 302, 307).

А. Л. Х., В. А. В.

419

[1507 г. июля 20 — июля 30]. — Запись господарского маршалка Ивана Сопеги и [земского] подскарбия Федка [Хребтовича] о получении с пол. восковничих Радиона Борова, Савы Берницева и Петрашка Наумовича денег за аренду пол. восковой коморы

Документ передатирован по сравнению с 1-м изданием ПГ. В настоящем издании он датирован временем пребывания Сигизмунда Старого в Вильне в 1507 г. (*Бережков.* 1962. С. 192; *Gąsiorowski.* 1973. S. 259).

Как видно из цифр, приведенных в записи, полоцкая восковая комора имела высокую доходность. За период с 6 декабря (Николина дня зимнего) 1506 г. до 20 июля (Ильина дня) 1507 г. она дала в казну 1 089 коп и 15 грошей прибыли. Из документа следует, что деньги с полоцкой коморы поступали не только непосредственно в скарб, но и сразу расходовались на другие нужды государства — например, на содержание яза (еза). Скарб заказывал восковничим и покупку воска — очевидно, для своих собственных нужд.

Обращает на себя внимание также тот факт, что «личбу» принимал не только подскарбий земский Федько Богданович Хребтовича, но и маршалок господарский Иван Семёнович Сопега. Последний не потерял своих позиций после смерти Александра и остался весьма значительной фигурой также при дворе Сигизмунда.

В. А. В.

420

[1507 г. августа 11–12]. Менск. — Приговор суда польск. кор. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого по делу между пол. боярыней, вдовой Глеба Остафьевича [Корсака] и ее детьми, с одной стороны, и людьми Горчанами, с другой, о личной зависимости последних

Датируется по расположению «вырока» во 2-й книге судных дел Метрики Великого княжества Литовского. Дневная дата документа определяется по датам соседних актов. Один из предшествующих актов датирован: «В середȣ, авгу*ст*(а) 11 де*н*(ь)» (л. 97 об.), а следующий непосредственно за нам: «В пѧтницу, авгу*ст*(а) 13 день» (л. 101). Заголовок всей этой серии судебных дел следующий: «Справа Свѧташина. Сȣды, што было в Ме*н*скȣ, в пѧ*т*ницȣ, августа 6 де*н*(ь), инди*к*(т) десѧты*и*» (л. 96 об.). Годовая дата указана также в заголовке книги: «В тых книга*х* початы писатисѧ листы сȣдовые и тэ*ж* про памѧ*т*(ь) сȣды и инъшие дела, в Горо*д*нѣ, при великомъ кн(я)зи Жикгимонъте, лѣта Божъего тисѧчъного пѧ*т*(ь)сотъ шостого, м(е)*с*(е)ца ноя*б*(ря) 20 де*н*(ь), инди*к*(т) 10» (л. 73).

А. Л. Х., В. А. В.

421

[1507 г.] августа 21. Крево. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого на куплю пол. боярина Митка Петровича у тяглых людей Васильевичей, Филиповича и др. их земель в Полоцком пов.

Продажный (купчий) лист, который подтвердил своей грамотой Сигизмунд Старый, сохранился — причем в подлиннике (№ 416). Среди прочего, это дает возможность выяснить степень буквальности и точности пересказа содержания продажного листа в подтвердительном акте. Как оказывается, содержание передано весьма точно, хотя и не дословно. Так, например, слово «отчизные» (земли) заменено термином «звечные». На этом основании данные понятия следует считать синонимичными.

Решением господаря, принятым по просьбе нового владельца, служба с этих земель была заменена с тяглой на панцирную, то есть военную. Боярин, — а именно так в подтвердительной назван Митко Петрович, — разумеется, не мог себе позволить нести типично крестьянскую тяглую службу. Не мог ему этого позволить и великий князь литовский.

Боярин Митко Петрович занимал в последние годы жизни должность полоцкого лентвойта (LM. Kn. 12. № 403. P. 335). О размерах его владений можно судить по тому, что в 1528 г. он снаряжал в войско ВКЛ 4 всадников, а его сын Борис — одного (РИБ. Т. 33. Стб. 194; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 139), то есть он принадлежал к числу мелких феодалов Полоцка (ср. № 443).

В случаях с грамотами № 416 и 421 мы имеем редкую возможность выяснить, какое время могло проходить между заключением сделки купли-продажи и ее подтверждением у монарха. Для начала XVI в. это бывает сложно сделать по той причине, что продажные (купчие) листы тогда еще не вносились в подтверждение «от слова до слова», как это стали делать позднее, а просто пересказывались. Пересказ же никогда не снабжался датой документа. Сделка была заключена 2 июля, а подтверждена господарем 22 августа того же 1507 года. Следует отметить оперативность этих юридических действий. Возможно, они не всегда происходили с такой скоростью, а в данном случае быстрота была обусловлено тем, что Сигизмунд находился в Великом княжестве, а не за границей, в Польше. Но всё-таки похоже на то, что с получением монарших подтверждений сделок купли-продажи старались не затягивать.

А. Л. Х., В. А. В.

422

[1507 г.] августа 22. Ошмена. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. боярину Костюшке Волфромеевичу на людей в с. Домники и др. населенных пунктах и пустовщины в Полоцком пов.

Датируется по индикту. О пребывании Сигизмунда в Ошмене известно лишь по этой грамоте (*Бережков*. 1962. С. 193; ср.: *Gąsiorowski*. 1973. S. 259).

Не исключено, что Костюшко Волфромеевич (Константин Варфоломеевич) был сыном боярина Варфоломея Шипило.

Большую часть топонимов не удается идентифицировать, за исключением Домников, располагавшихся к северо-западу от Полоцка в бассейне р. Дриссы (*Сапунов*. 1906. С. 308. № 13). Тем не менее жившие там «люди» служили к Бельчицкому двору, находящемуся к югу от Полоцка.

Грамота представляет большой интерес подробным описанием крестьянских повинностей.

А. Л. Х.

423

1507 г. августа 22. Медники. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. боярину Ивану Зеновьевичу [Корсаку] на земли в Полоцком пов.

Иван Зеновьевич — сын Зеновия Васильевича Корсака. Его земли, в том числе и приобретенные во время княжения Александра, были разбросаны по всему Полоцкому воеводству. Значительная часть их не поддается идентификации. В частности, неизвестно, где жили названные по именам люди «Себежского пригона», а также человек с «невельской» землей.

Можно лишь предполагать, что и эти земли, и земли в Санниках на Косомеевском располагались недалеко от оз. Росоно, которое лежит к западу от оз. Нещердо между дорогами на Пустошку и Себеж. Земли у оз. Росоно также были пожалованы ему Александром.

Два селения с названием Захарьиничи лежат на р. Полоте, одно — на оз. Щелопок (*Сапунов*. 1906. С. 327, № 3. С. 328, № 61. С. 298, № 203. Поселение в XIX в. принадлежало Артейковской вол.).

Целая серия покупок Ивана Зеновьевича связана с бассейном р. Оболи. Более точное местоположение сельца на Оболи, ранее принадлежавшего мещанам, определить не удается. В бассейне р. Оболи располагались бывшие мещанские сёла — на Головне, Девиче, наконец, в Заобелье (на среднем течении р. Оболи).

К западу от излучины р. Оболи в нескольких километрах к северу от оз. Ловож лежит с. Горки, у жителя которого — путного человека — Иван Зеновьевич также купил земли.

Кохоновский жеребей, вероятно, представляет собой часть с. Кохановичи на правом берегу р. Водьги, притоке Свольны, впадающей в Дриссу.

Еще одно приобретение этого боярина у мещан находится в Санниках на левом берегу р. Двины (*Сапунов*. 1906. С. 178, № 73 и 77) и последнее — дворище в самом Полоцке напротив церкви Св. Пятницы.

Олона (ныне Алуона) — река в Трокском повете. На ней стояло дворище, завещанное Ивану Зеновьевичу тещей, пани Якубовой Анной («дворец Олонский» — LM. Kn. 9. № 118. P. 130–131).

Грамота характеризует мещанское землевладение в восточной части Полоцкой земли на рубеже XV и XVI вв. и широкий размах приобретательской деятельности одного из представителей семьи Корсаков.

А. Л. Х.

423а

[1507 г. сентября 1]. — Запись о послании кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого лив. магистру Вольтеру фон Плеттенбергу с просьбой вернуть задержанный воск полочан, предложением прислать «вижа» и жалобой на комтура Дюнабурга

Датируется по положению в двух книгах Метрики Великого княжества Литовского.

С. В. П.

424

1507 г. сентября 6. [Полоцк]. — Вкладная запись Якима Денисовича Туровейского монастырю Св. Иоанна Предтечи на Острове в г. Полоцке на село «на Туровьи» [в Полоцкой земле] «вечно и непорушно», с описанием границ владений

425

[1507 г. сентября 6 — 1531 г. Полоцк]. — Вкладная запись Якима Денисовича Туровейского монастырю Св. Иоанна Предтечи на Острове в г. Полоцке на земли по течению р. Туровьи [в Полоцкой земле] «вечно и непорушно», с описанием границ владений

Сведения о рукописи, в которой сделаны записи № 424 и 425, см.: *Гранстрем.* 1953. С. 42–43; СК XIV в. Вып. 1. С. 302–307, а также в комментарии к № 6.

Запись № 424 датирована годом и индиктом, тогда как запись № 425 лишена этих указаний. Она датирована по месту в рукописи. Непосредственно перед ней внесена запись от 6 сентября 1507 г. (№ 424), а сразу после нее (л. 16 об. — 18 об.) — запись, относящаяся к 1515–1531 гг. Игуменом Предтеченского монастыря здесь назван Мисаил, который фигурирует в таком качестве с 1515 г., а в 1531 г. он стал полоцким архиепископом (см. подробнее: *Варонін.* 2009б. С. 64–65; *Варонін.* 2009в. С. 168–169). Можно предполагать, что обе записи, посвященные правам владения на один и тот же участок земли, были составлены одновременно.

В этом же убеждает и формуляр второй из них, лишенный инвокации и начинающийся непосредственно с диспозиции, в отличие от № 424. Эта последняя часть начинается союзом «што», который показывает некую незавершенность грамматической структуры.

Обещание суда Богоматери (наряду с Божьим судом и св. Иоанна) в санкции № 425 напоминает инвокацию № 424.

В целом формуляр вкладных записей начала XVI в. несколько сложнее, чем в конце XIV в. В трех из четырех вкладных записей конца XIV в. отсутствовала инвокация. В № 425 она выглядит следующим образом: «М(и)л(о)*с*тію Божіею и Пр(е)ч(и)*с*тое Б(о)гом(а)т(е)ре». Новым сравнительно с вкладными записями конца XIV в. является временно́е условие пожалования: «вѣчно и непорꙋшно» (№ 424), «вѣчно и никы*м* непорушно» (№ 425).

Санкция записей № 424–425 отличается: в первой нарушителя данной ждет перспектива «рассудиться на Страшном Суде» с дарителем, во второй — «соуди*т*(ь) емоу Б(о)гъ и Пр(е)ч(и)*с*тая Б(о)гом(а)т(е)рь и с(ве)тыи Іѡаннъ на Страшно*м* Соудѣ, да боуде*т*(ь) проклꙗт».

Хотя записи № 424–425, записанные в Евангельских чтениях, вероятно, принадлежавших монастырю Св. Иоанна Предтечи, имели целью закрепить земельные владения за этим монастырем, лишь в санкции второго акта имеется угроза церковного проклятия тому, кто будет покушаться на земли монастыря. Таким образом, санкция № 425 угражает более серьезными карами, поскольку земля была уже один раз передана Якимом Денисовичем его внуку.

Санкция № 425 приближается к санкции грамот XIV в. Проклятие и суд патрона той церкви, куда передается земля, обещают и записи № 4, 10.

Более развернутым сравнительно с данными XIV в. является описание рубежей земли, новшеством XVI в. — список свидетелей передачи земли.

Участок земли, передаваемой монастырю Св. Иоанна Предтечи (который находился в Полоцке на Острове), локализуется довольно хорошо. Р. Туровля — левый приток р. Уллы в ее нижнем течении. На картах XIX в. находятся два села под названием Туровля, в северном из них находится церковь, и два села под названием Пукановка, одно у истока р. Туровли из оз. Туровля, другое несколько ниже по течению р. Туровли. «Городская дорога» XVI в., вероятно, сохранилась вплоть до XIX в. Она проходит к западу от северной Туровли и к востоку от южной.

Очень интересен состав свидетелей при составлении этой жалованной: здесь священнослужители главных полоцких и близлежащих церквей, священник из церкви в Бобыничах, из церкви Рождества. Церковь Рождества Богородицы находилась, вероятно, к югу от Туровли в селе, известном в XIX в. под названием Богородицкая.

Как и в 1528 г., в 1507 г. село Пукановка, вероятно, принадлежало мещанам. В переписи войска ВКЛ среди мещан указан Алексей Пуканович (РИБ. Т. 33. Стб. 195; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 140).

О владениях Иоанно-Предтеченского монастыря известно лишь в XVI в. Это сёла — Демидовичи, Пристои, Коптевичи (БА. Т. 2. № 195. С. 143–144), расположенные далеко от Туровли. По-видимому, в свидетели пожалования священнослужители этого монастыря попали не как соседи Я. Д. Туровейского.

А. Л. Х., В. А. В.

426

1508 г. января 9. Радом. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. боярину Петру Семёновичу Епимаховичу на сс. Телитиничи и Тоболчиничи в Полоцком пов.

Документ имеет полную дату, все элементы которой не противоречат друг другу. Пребывание Сигизмунда Старого в Радоме фиксируется 6–17 января 1508 г. (*Бережков*. 1962. С. 193; *Gąsiorowski*. 1973. S. 259).

Это первый известный великокняжеский жалованный лист полочанину, где появляется новая формула инвокации: «Во имѧ Б(о)жье, ста*н*(ь)сѧ». Впрочем, она и ранее применялась в «руских» документах великокняжеской канцелярии, встречается и в документах, адресованных Полоцку — например, в привилее Александра на магдебургское право 1498 г. (№ 349; об этой формуле см.: *Pietkiewicz*. 1994. S. 73, а также комментарий к № 33). В целом формуляр жалованного листа вполне соответствует формуляру более ранних аналогичных документов. Лишь кое-где появляются отдельные выражения, свидетельствующие о польских заимствованиях («статку и горла своего не лютуючи», «шляхотне врожены» и т. д.).

Упомянутое в подтвердительном листе пожалование Александра — это № 402 настоящего издания.

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

427

1508 г. января 9. Радом. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. боярам Василию и Ивахну Глебовичам Корсакам на земли в Горках и Мочаже в Полоцком пов.

Василий и Иван (Ивахно) Васильевичи Глебовичи Корсаковичи — это правнуки Василия Дмитриевича Корсака. Жалованный лист Александра не сохранился. Ссылка на него имеется в № 420 (там же см. о местонахождении с. Горки).

В XVI в. село Горки перешло к другой ветви Корсаков — Зиновьевичам, а именно сыну Андрея Зиновьевича Аникею. В ревизии 1552 г. за ним записано «именье отчызное, которое ему досталось в делу от дятковъ и брати его, двор Горки» (ПР 1552 г. С. 103). О его размерах можно судить по той же ревизии. В Горках было 19 дымов, 2 дыма отчизных людей, выполняющих 2 службы. Они «каждого дня ходят на работу», 12 дымов вольных людей, дающих четвертую часть «со въсякого збожа», 2 дыма вольных людей, которые ничего не платят, 2 дыма слуг, «которые з листы ездять», и наконец 3 человека, «которые ему куницы 36 грошеи платят».

Другое приобретение Глеба Остафьевича находилось на Мочаже, озеру к юго-западу от Себежа (*Шеламанова*. 1969. С. 78).

Корсаки удержали последнее владение и позднее — в 40–50-е годы оно на две трети принадлежало Корсакам, на треть — церкви Св. Спаса в Полоцке (Сб. РИО. Т. 59. С. 132, 138, 141, 164–166, 194–196, 248–249, 439).

А. Л. Х.

428

[1508 г.] мая 5. «Радов». — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. воеводе Станиславу Глебовичу об исключительном праве покупки половины земли Кохановской земянином Федьком Михайловичем, которому принадлежит первая ее половина, у пол. городских слуг Мартина Проселка и Васка Богатыревича

Датируется по индикту. Не совсем ясно место выдачи акта — «Радов». Возможно, оно было искажено при переписывании грамоты. Согласно данным Коронной метрики, 5 мая 1508 г. Сигизмунд находился в Новом Корчине (*Gąsiorowski*. 1973. S. 259).

О Мартине Проселке см. выше комментарий к № 338, 346.

Слуга Богдана Остафьевича Корсака (с 1498 г.) к 1508 г. превратился в слугу городского. О полоцких городских слугах встречаются лишь единичные упоминания. Фёдор Михайлович № 428 — это, несомненно, Фёдор Михайлович Маскевича № 429. О Грине Ловейковиче см. комментарий № 366а.

Деревня Кохановичи расположена на реке Водьге — притоке Свольны.

А. Л. Х., В. А. В.

429

1508 г. мая 10. Ужендов. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого земянину Фёдору Михайловичу Маскевича на часть земли Кохановской, купленной первым мужем его жены Гринем Ловейковичем у путных слуг Василия Демидовича, Агафона, Кохана и Хомы Ходосовичей и др., и земли «на Сволни на Долгом», купленной им у пол. мешанина Тишени Сергеевича

Грамота имеет полную дату. 10 мая 1508 г. Сигизмунд Старый действительно находился во «Вредове», т. е. Ужендове — городе в Люблинском воеводстве Польского королевства (*Gąsiorowski*. 1973. S. 259).

№ 429 представляет интерес конкретным и полным перечислением путных людей.

Кто такой Тишеня (Тихон) Сергеевич, неизвестно. Это имя было очень распространено среди мещан (Тихон Колчижинич, Тихон Варушинич).

Местонахождение земли «на Сволни на Долгомъ» не удается определить. Господарские «люди клясичы» — это жители деревни Клястицы на реке Нище.

Интересно упоминания о езе (язе) на реке Лисне. Правда, не совсем понятно, о какой реке идет речь: через озеро Лисно протекает река Свольна.

А. Л. Х., В. А. В.

430

Упоминание

[1508 г. июня 1–29]. — Лист пол. воеводы Станислава Глебовича кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунду Старому об ущербе, нанесенном имениям кн. Василия Соколинского отрядами кн. М. Л. Глинского и войсками Русского государства

Датируется по хронологии боевых действий в Великом княжестве Литовском летом 1508 г. Подробнее см. комментарий к № 431. Упоминание несохранившейся грамоты интересно тем, что дает представление о скорости документооборота в Великом княжестве Литовском в начале XVI в.

С. В. П.

431

[1508 г.] июня 29. Менск. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. воеводе Станиславу Глебовичу о пожаловании кн. Василию и Андрею Соколинским сёл путных людей Ладостно, Величковичи и Дерницы в Черсвятской вол.

Датируется по индикту, месту выдачи, указанию воеводы Станислава Глебовича и упоминаемым событиям. Сигизмунд Старый находился в Менске 11–30 июня 1508 г. (*Бережков.* 1962. С. 194; *Gąsiorowski.* 1973. S. 259)

Документ выдержан в традициях великокняжеской канцелярии. Одно отличие его от предшествующих заключается в том, что в наррации в качестве ходатая за князя Василия Соколинского выступает сам полоцкий воевода. Обычно получатель пожалования сам хлопочет о получении новых земель (как в данном случае поступил Андрей Соколинский).

Имущество кн. Соколинских (о них см. № 446) пострадало от нападения во время мятежа кн. М. Л. Глинского весной — летом 1508 г. (*Зимин.* 1970. С. 68–73).

Объект пожалования — путные люди сёл Ладосно (к северо-востоку от Камня), Величковичи и Дернцы в Черсвятской волости. Вообще Сигизмунд неохотно раздавал путных людей частным лицам. В начале своего правления он даже намеревался скорректировать политику своего брата и предшественника Александра, сделав попытку прекратить такие раздачи. Однако в чрезвычайных условиях мятежа Михаила Глинского долго раздумывать, очевидно, не приходилось (подробнее см.: *Воронін.* 2000).

Среди путных людей привлекает внимание Семён Сущов, вероятный родственник мещан Сущей (№ 378).

А. Л. Х., В. А. В.

432

[1508 г.] августа 1. Смоленск. — Удостоверительная запись кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. восковничиим Родиону Борову, Саве Берницеву и Петрашку Наумовичу о получении с них денег, собранных за провоз соли через пол. восковую и соляную комору

Запись передатирована по сравнению с 1-м изданием ПГ. Основания новой датировки — индикт, указание дня и месяца и факт пребывания Сигизмунда Старого в Смоленске, которое фиксируется с 30 июля по 10 октября 1508 г. (*Бережков.* 1962. С. 194; *Gąsiorowski.* 1973. S. 259). По своему содержанию запись близка к записям № 414 и 419. Однако в данном случае деньги с полоцких восковничих получает сам великий князь и король. Это не совсем

обычно, но вполне объяснимо. Сигизмунд находился в Смоленске в связи с подавлением мятежа М. Л. Глинского и ощущал острую потребность в деньгах. Именно поэтому полоцким восковничим пришлось прибыть в город на Днепре.

Обращает на себя внимание также факт сбора полоцкими восковничими пошлин с соли (ср. № 436). По другим материалам ясно видно, что полоцкая восковая комора действительно занималась сбором провозной пошлины не только с воска, но и с соли. Данный факт легко объясняется той схемой торговли, которая к началу XVI в. сложилась в Полоцке. Как полочане, так и немецкие купцы в очень больших объемах везли из Полоцка в Ригу воск, а в обратном направлении — соль.

В. А. В.

433

1508 г. августа 5. Смоленск. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. боярину Микифору Коробовичу на его земли «на Менице», пожалованные ему вел. кн. лит. Александром, с условием уплаты бобровщины в великокняжескую казну

438

1509 г. января 21. Вильня. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. боярину Микипору Коробовичу на его людей и земли «на Меницы»

Деревня Меница находится в Вороничском сельсовете Полоцкого р-на Витебской обл., на берегу реки Ушачи.

«Люди» без более точной характеристики их социального положения — это, по-видимому, тяглые.

Оба документа представляют собой подтверждения Сигизмундом Старым пожалований Александра. Их выдача разделена небольшим сроком в полгода. В первом из них подтверждались земли, пожалованные Александром, во втором — опять пожалование Александра и купли Микипора (Никифора) Коробовича у неких «людей наших полоцких». Во второй грамоте исчезло упоминание об обязанности людей Микипора Коробовича, возможно, принадлежавшего к роду Меницких, платить великому князю бобровщину. Микипор Коробович был настолько неуверен в своих правах владения на пожалованные и купленные земли, что предпринял два путешествия — одно в Смоленск, другое в Вильню, — чтобы получить подтверждение своих прав от нового великого князя Сигизмунда.

А. Л. Х., В. А. В.

434

[1508 г.] августа 6. Полоцк. — Верительная грамота нареченного архиеп. пол. и витеб., архимандрита Евфимия священнику ц. Св. Николая в г. Риге Миките

435

1508 г. октября 6. Полоцк. — Послание бывшего священника ц. Св. Николая в г. Риге Прокопия совету г. Риги с просьбой о ходатайстве за него перед кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмундом Старым о повторном его назначении священником этой церкви

447

[1509 г.] апреля 25. Витебск. — Верительная грамота нареченного архиеп. пол. и витеб. Евфимия вновь назначенному священнику ц. Св. Николая в г. Риге Миките

448

[1509 г.] апреля 27. Витебск. — Послание нареченного архиеп. пол. и витеб. Евфимия бурмистрам и совету г. Риги с просьбой оказывать содействие священнику ц. Св. Николая в г. Риге Миките в наказании православных купцов, которые будут нарушать принятые в парвославии обычаи

456

[1510 г.] марта 4. Полоцк. — Послание архиеп. пол. и витеб. Евфимия бурмистрам и совету г. Риги с просьбой сообщить об источниках средств на ремонт ц. Св. Николая в г. Риге, который производил священник этой церкви Прошко (Прокопий)

458

[1510 г.] мая 2. Витебск. — Верительная грамота архиеп. пол. и витеб. Евфимия священнику ц. Св. Николая в г. Риге Миките

Грамоты касаются одной проблемы и укладываются в небольшой хронологический период, в связи с чем объединены в один комплекс. Некоторые из них передатированы по сравнению с 1-м изданием ПГ, а № 448 публикуется впервые.

Хронологически первой из них является грамота № 434, написанная 6 августа 1508 г. в Полоцке, в канцелярии вновь назначенного местного владыки Евфимия (Окушковича). Евфимий происходил из холмских земян и занимал полоцкую кафедру в 1508–1511/1512 гг. В послании Евфимий называет себя архимандритом. Это говорит о том, что до занятия полоцкой кафедры он был настоятелем какого-то монастыря. Вероятнее всего, этот монастырь находился где-то на Холмщине (*Варонін*. 2009б. С. 63). Судя по тому, что Евфимий использовал в послании свою старую печать, он был наречен полоцким владыкой недавно. Едва заняв полоцкую кафедру, Евфимий отправил в рижскую церковь Св. Николая нового священника, Никиту. Именно этому и посвящено его послание.

Священник Прокопий, который был назначен в Ригу еще предшественником Евфимия, архиепископом Лукой, оказался не у дел и вернулся в Полоцк. Он был очень обижен на Евфимия и 6 октября того же года отправил в Ригу послание, в котором изложил свои претензии (№ 435). Оказалось, что Прокопий на свои, а также на одолженные «у добрых людей» деньги сделал ремонт Никольской церкви. Будучи священником в Риге, он рассчитывал и вернуть собственные деньги, и расплатиться с заимодавцами. Вместо этого он был отозван в Полоцк и лишился всяких возможностей выйти из своего затруднительного финансового положения. Прокопий просил рижских бурмистров и ратманов ходатайствовать перед королем Сигизмундом, чтобы тот вновь назначил его священником в Ригу. Интересно упоминание Прокопия о планах Сигизмунда в скором времени посетить Полоцк. По всей видимости, Сигизмунд, который с 30 июля по

10 октября 1508 г. находился в Смоленске (*Бережков.* 1962. С. 194; *Gąsiorowski.* 1973. S. 259), действительно намеревался заехать в Полоцк, но так и не осуществил этот свой план.

Однако все эти попытки Прокопия остались безрезультатными. В своем послании, отправленном 25 апреля 1509 г. из Витебска, Евфимий подтвердил свое прежнее решение и еще раз назначил Никиту священником в Ригу (№ 447).

Судя по всему, к тому времени Никита уже успел побывать в Риге и ознакомиться с нравами проживавших там полоцких и других православных купцов. Результат был удручающим: ему на это было «мерзъко смотрети». Вернувшись на родину, Никита поделился впечатлениями с Евфимием. В своем письме от 27 апреля 1509 г., которое было отправлено из того же Витебска, Евфимий просил рижские городские власти помогать Никите в его деятельности по исправлению нравов (№ 448).

В двух последних посланиях Евфимий по-прежнему фигурирует как нареченный архиепископ, оба послания были запечатаны одинаковой печатью с легендой: **НАРЕЧЕНОГО ВЛ(А)Д(Ы)КИ ПОЛОЦКОГО ЕВ(ѲИМЬЯ)**. Сходство посланий легко объясняется тем, что они были написаны с разницей всего в два дня, причем в одном месте — Витебске. По этим грамотам, а также по № 458 видно, что Евфимий отдавал предпочтение именно этому городу, несколько пренебрегая первым и более именитым городом своей епархии — Полоцком.

Поставление Евфимия полноправным полоцким архиепископом произошло, очевидно, на православном соборе, проходившем с 25 декабря 1509 г. по 18 января 1510 г. в Вильне.

Вернувшись в Полоцк, он принялся за решение застаревшей проблемы Никольской церкви. 4 марта 1510 г. он отправил в Ригу новое послание, в котором просил местных бурмистров и радцев выяснить, действительно ли Прокопий (Прошко) производил ремонт храма за собственные, а не за церковные деньги и издержал на это немалую сумму в 112 коп грошей (№ 456). В этом послании Евфимий называет себя уже архиепископом, владыкой полоцким и витебским — без «нареченного». Кстати, в грамоте содержится упоминание о его поездке в Вильню. Однако Евфимий по-прежнему пользуется старой печатью с определением «нареченный». По всей видимости, новая печать на тот момент еще не была изготовлена.

Послание Евфимия № 456 имеет несомненную связь с грамотой полоцкого воеводы Станислава Глебовича, отправленной из Полоцка 5 марта — и уже бесспорно 1510 г. (№ 457). Они не только были написаны с разницей всего в один день, но и, вероятнее всего, были отправлены в Ригу одновременно, с одним человеком.

Наконец, 2 мая 1510 г. Евфимий отправил из Витебска в Ригу новую верительную грамоту для священника Никиты. Он не только называет себя здесь архиепископом, владыкой полоцким и витебским, но и пользуется новой печатью, легенда которой уже полностью соответствует его духовной титулатуре. Таким образом, в данном случае мы имеем редкую возможность с большой точностью определить время изготовления новой владычной печати: между 4 марта и 2 мая 1510 г. Местом же ее изготовления мог быть Полоцк или, что даже более вероятно, столь любимый Евфимием Витебск.

Начальный протокол посланий имеет многие различия. В № 434 и 458 интитуляция предшествует инскрипции, тогда как в № 447 и 456 порядок обратный. Неодинаковы и формулировки в интитуляции: в № 434 Евфимий называет себя «архимандритом», «нареченым владыкой архиепискупьи полоцкое и витебское», в № 447 и 448 — «нареченым владыкой полоцким и витебским», а в № 456 и 458 — «архиепископом, владыкой полоцким и витебским».

Вопрос о положении Евфимия в системе церковной иерархии Великого княжества Литовского долго оставался спорным. На Виленском соборе 1509–1510 гг. из-за титула и места Евфимия возник конфликт с владыкой Владимира-Волынского (см. № 471).

В инскрипции всех посланий, направленных рижским властям, адресаты именуются по-разному. В № 434 это просто «приятели наши, … бурмистры места Ризского», в № 448 и 456 они уже «велеможно врожены паны и приятели наши бурмистры и рядцы» (аналогичная

инскрипция содержалась в послании, адресованном неустановленному лицу и использованном для изготовления кустодии печати № 456), в № 447 и 458 добавлено «места Ризского». Таким образом, № 434 не совсем точно обозначает адресатов «бурмистрами», тогда как на самом деле часть их, по-видимому, была просто ратманами, что и было исправлено в последующих посланиях. Появление пышных определений «велеможно врожены» — не только признак конца XV — начала XVI в. с их любовью к подобным эпитетам, но и свидетельство изменения взаимоотношений владыки и рижских городских властей.

Первая часть салютации грамот Евфимия отличается от предшествующих владычных посланий. Вместо обычного для них «благословения» в его посланиях «поклон и молитва» (№ 434), «поклон и молитва нашее покорности к милому Богу за вашее милости здоровье, приятелеи наших и вашее милости милых панеи и детеи, вашее милости Богом даных, которых то маете от милого Бога з ласки его святое» (№ 447, 456, 458). В салютации № 434, подобно частным письмам, Евфимий выражал радость по поводу здоровья адресатов и членов их семей. Третья часть салютации, также подобно частным письмам, содержит сообщение о здоровье самого владыки.

Иначе, нежели в верительных предшественников Евфимия, сформулированы цели отправки священника в Ригу и передачи ему церкви — молить Бога за Сигизмунда и рижских ратманов, в № 458 и за самого владыку — «богомольца господарского».

Все эти отличия могут быть объяснены сменой состава владычной канцелярии и изменения взаимоотношений владыки и рижского городского совета.

Рижские ратманы, названные в его посланиях Григорием и Иваном Белым, не поддаются идентификации. Ратман Аврам, возможно, идентичен Эверту Штевену, который правил посольство в Полоцк в 1482 г. и еще был жив в первом десятилетии XVI в. (см. № 252 и комментарий к нему)

Послание священника Прокопия (№ 435) выдержано в традициях латиноязычной переписки. Оно датировано годом от Рождества Христова, месяцем и числом.

А. Л. Х., В. А. В.

436

[1509 г. января 1–31]. — Удостоверительная запись о получении денег, собранных пол. восковой и соляной коморой в 1507 и 1508 гг.

Датируется по положению в 8-й книге записей Метрики Великого княжества Литовского. См. комментарии к № 414, 419, 432 и 439.

В. А. В.

437

[1509 г.] января 20. Вильня. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. воеводе Станиславу Глебовичу о передаче в аренду медовых, пивных и винных корчем в г. Полоцке смоленскому старосте Авраму [Езофовичу Ребичковича] на три года за ежегодную плату в 400 коп гр.

Грамота Сигизмунда, по формуляру не отличающаяся от грамот его предшественника, датируется по его правлению, пребыванию в Вильне (с 8 ноября 1508 г. по 3 февраля 1509 г.) и указанию индикта (*Бережков.* 1962. С. 194; *Gąsiorowski.* 1973. S. 259. Ср. № 439, 441, 442).

Новый арендатор полоцких корчем Аврам Езофович Ребичкович (Рабинкович, Рабичкович) — заметная фигура в Великом княжестве Литовском. Сын киевского таможенника, он в 1482 г. переехал из Киева в Литву, в 1488 г. принял православие, в 1494 г. стал ковенским городничим, с 1494 г. арендовал смоленскую таможню, с 1499 г. — и менскую, в 1504 г. взял в аренду на 3 года смоленскую таможню и корчмы, в 1496–1510 гг. был старостой смолен-

ским, в 1506 г. взял в аренду ковенские корчмы и таможни, а в 1507 г. — вместе с Яном Дитриховичем — менскую, новогородскую таможни. В 1507 г. был принят маршалком Я. Ю. Заберезинским в гербовый род «Лелива» и получил шляхетство, позднее стал подскарбием Великого княжества Литовского (ДПЛЕ. № 53. С. 81–83; *Бершадский*. 1888; *Любавский*. 1892. С. 175–176; *Wolff*. 1885в; *Balaban*. 1911; *Pociecha*. 1947).

По-видимому, в Полоцке Аврам Езофович получал в аренду новые корчмы. В грамоте ясно сказано, что корчмы Михайла Скепьевского и других владетелей корчем — наместника и частных лиц — продолжают существовать по-прежнему. Срок же аренды Михайла Скепьевского истекал через 10 месяцев.

На протяжении 10 лет со времени введения магдебургского права в Полоцке количество корчем значительно увеличилось. Сначала их держали Пушкарёвы и Торопчанин, затем Михайло Скепьевский, наместник (воевода) полоцкий Станислав Глебович и, наконец, Аврам Езофович Ребичкович. Увеличился и персонал слуг этих людей, зависимых только от самого великого князя, сокращалась сфера применения магдебургского права. Увеличивались — и весьма значительно — доходы великокняжеской казны.

А. Л. Х.

438

1509 г. января 21. Вильня. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. боярину Микипору Коробовичу на его людей и земли «на Меницы»

См. комментарий к № 433.

439

[1509 г.] января 25. Вильня. — Удостоверительная запись кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. восковничим и соляничим Родиону Борову, Саве Бернищеву и Петрашку Наумовичу в получении денег, собранных пол. восковой и соляной коморой в 1507 и 1508 гг.

Датируется по правлению Сигизмунда, его пребыванию в Вильне и индикту (см. комментарий к № 437).

Штефан пушкарь — вероятно, Стефан (Степан) Пушкарёв грамоты № 437.

Любопытно упоминание витебского мещанина Павла Ножки, который, вопреки всем уставным грамотам о введении и сохранении штапельного права в Полоцке, вел там самостоятельную торговлю.

А. Л. Х.

440

[1509 г. февраля 9. Вильня]. — Запись приговора суда кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого по делу между путными людьми Бездедовского стана и Индрихом Лодятичем о социальной принадлежности и личной зависимости первых

Дневная дата указана в предыдущем документе 2-й книги судных дел (кн. № 222) Метрики Великого княжества Литовского: «В пѧтницѹ, фе*в*(раля) 9 де*н*(ь)» (л. 121 об.). Годовая дата обозначена для всей этой серии актов: «Сѹды, которыи *ж* сѧ стали въ Ви*л*(ь)ни на со*и*ме

великомъ лета Бож(ъ)его тисѧча пѧтсотъ ѡсмого, м(е)с(е)ца дек(абра) 13 ден(ь), индикъ 12» (л. 107 об.). Таким образом, грамота передатирована по сравнению с 1-м изданием ПГ, где она ошибочно отнесена к 1508 г.

Жалованный лист Сигизмунда Индриху Лодяте см. № 404. Подробнее о нём см. комментарий к № 393, 404.

Село Дубровки находится в нижнем течении рек Ушачи и Начи, в их междуречье.

А. Л. Х., В. А. В.

441

[1509 г.] февраля 11. Вильня. — Запись приговора суда кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого по делу между красносельским наместником Иваном Зеновьевичем [Корсаком], с одной стороны, и его невесткой Ганной и ее детьми, с другой, о незаконном владении имением его брата Степана Плино

В грамоте Сигизмунда речь идет о тех же лицах, что и в № 382. Возможно, что это дети Зеновия Васильевича Корсака, двоюродные братья Глеба и Богдана Остафьевичей. Об их родственных связях см. генеалогическую схему на с. 420 настоящего тома.

Село Плино находится в 6 км к северо-западу от Ушачи. От с. Плина до другого владения Корсаков, с. Зерченич, 12–15 км.

Степан Зеновьевич Корсак был женат на дочери другого полоцкого пана — Епимаха.

Уже в конце XV в., когда Степан, по-видимому, уже развелся со своей женой, — существовала практика «заставы» земель за долги. Правда, родственники сохраняли право выкупа заставленных имений.

А. Л. Х.

442

[1509 г.] февраля 11. Вильня. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого смоленскому старосте Авраму [Езофовичу Ребичковичу] на заведование пол. восковой и соляной коморой, а также другими коморами до сбора с них 5 630 коп 50 гр.

Датируется по правлению Сигизмунда, его пребыванию в Вильне и индикту.

Об А. Е. Ребичковиче см. комментарий к № 437.

Грамота указывает огромную задолженность великокняжеской казны смоленскому старосте и менскому войту А. Е. Ребичковичу (*Довнар-Запольский*. 1901. С. 541, 561; Прил. С. XX–XXII).

А. Л. Х.

443

1509 г. февраля 27. Полоцк. — Послание бурмистров и совета г. Полоцка лив. магистру Вольтеру фон Плеттенбергу с просьбой о возвращении воска, который его подданные, риж. горожане, отняли у полочан

Ближайший вторник после дня апостола Матвея (24 февраля) в 1509 г. приходился на 27 февраля.

Когда произошло задержание в Риге полоцкого воска, неизвестно. Однако тяжба продолжалась очень долго, поскольку история произошла еще во времена Александра. Любопытна ссылка на «старый обычай» возвращать фальшивый воск из Риги и других городов в Полоцк. Именно такие действия предписывает полоцкий областной привилей (см. № 476, ст. 30).

Примечательно именование адресата письма, Вольтера фон Плеттенберга, одновременно магистром Ливонии и верховным (великим) магистром Немецкого (Тевтонского) ордена. То ли полочане не очень хорошо разбирались в иерархии сановников Тевтонского ордена, то ли хотели подчеркнуть высокое положение, фактически суверенный статус ливонского магистра (см. о его политике: *Бессуднова*. 2015. С. 125–132).

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

444

[1509 г.] марта 20. Пётрков. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого господарскому дворянину кн. Фёдору Ивановичу Глинскому на людей Овдеевичей и Тулубеевцев в Полоцком пов. и Омбросовичей в Витебском пов., с их землями

445

[1509 г.] марта 20. Пётрков. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого витеб. наместнику кн. Ю. И. Жеславскому и господарскому дворянину Тише Ивановичу Быковскому с распоряжением о введении кн. Ф. И. Глинского во владение сельцами Овдеевичи в Полоцком пов. и Амбросовичи и Санники в Витебском пов.

451

[1509 г.] октября 10. Овдеевичи. — Ввязчий лист представителей кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого витеб. наместника кн. И. Ю. Жеславского и господарского дворянина Т. И. Быковского кн. Ф. И. Глинскому на земли Овдеевичи в Полоцком пов. и Санники и Амбросовичи в Витебском пов., которые были пожалованы ему вел. кн. лит. Александром и подтверждены Сигизмундом

Годовая дата № 444 и 445 определена на основании индикта и места пребывания Сигизмунда. Год в обоих документах указан ошибочно: во-первых, он противоречит индикту, а во-вторых, не соответствует итинерарию монарха. По другим документам известно, что в 20-х числах марта 1508 г. Сигизмунд находился в Кракове, а в этот же период 1509 г. — именно в Пётркове, где в то время проходил сейм Польского королевства (*Бережков*. 1962. С. 195; ср.: *Gąsiorowski*. 1973. S. 259). Интересно, что датировка указана ошибочно и в жалованном листе, и в листе витебскому наместнику. Причем ошибка совершенно одинаковая — неверно указан год при правильном указании индикта и дня. Хотя такие случаи достаточно редки, но они всё-таки встречаются. Так, например, в той же 8-й книге записей Метрики Великого княжества Литовского, откуда происходит № 444, обнаруживаются копии еще восьми документов, которые относятся к февралю — марту 1509 г. (Городно, Мельник, Бельск, Радом, Пётрков) и имеют одну и ту же ошибку в датировке — 1508 г. и 12-й индикт.

В данном случае мы имеем дело с очень редким случаем, когда в нашем распоряжении оказался полный комплект документов, посредством которых производилась передача имения в руки нового владельца. До нас дошли жалованный лист Сигизмунда Старого, его же

указной или известительный (по терминологии А. И. Груши) лист, а также ввязчий, оформленный от имени главы местной власти (витебского наместника) и господарского дворянина, которые и провели процедуру «ввязания» нового владельца в имение.

В формуляре грамоты № 444 появилось небольшое дополнение сравнительно с предшествующими грамотами в той части диспозиции, где говорится о правах нового владельца земли: «Воленъ ѡнъ… дворы собѣ збȣдовати, и ставы и млыны собѣ справити», которое показывает особенности экономического развития этого времени — заведение собственного хозяйства, в том числе и разведения рыб в прудах, мукомольного дела. В описании прав нового владельца на жителей получаемых им земель также имеется дополнение: «со въсѣмъ правомъ и па*н*ствомъ».

Князь Фёдор Иванович Глинский происходил из так называемой смоленской ветви этого княжеского рода (*Wolff.* 1895. S. 89–90). Его земли, как и отцовские, в 1503 г. вошли в состав Русского государства. Его отец Иван Семёнович умер в 1504 г., а время деятельности князя Фёдора Ивановича исследователи ограничивают 1494–1514 гг. (*Бычкова.* 1977. С. 124). Его вдова, постригшаяся под именем Александры, сохранила земли в Полоцке и, по сведениям реестра 1528 г., должна была снаряжать двух всадников (LM. Kn. 8. № 470. P. 343–344; РИБ. Т. 27. Стб. 477; Т. 33. Стб. 194; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Kn. 523. P. 139).

Село Овдеевичи находилось на правом берегу Двины на востоке Полоцкой земли, почти напротив села Санники, которое стоит на берегу р. Кривины. Местонахождение с. Тулубеевцы установить не удалось.

Все жители передаваемых сёл названы неопределенно «людьми». Можно думать, что это были тяглые люди.

Ввязчий лист № 451 — единственный образец подобного типа документов, касающихся Полоцкой земли. Грамота лишена начального протокола и открывается интитуляцией, в котором поименованы «господарские высланники» кн. Юрий Иванович Жеславский и Тихон Иванович Быковский. В жалованной грамоте в качестве витебского наместника фигурирует Иван Сопега, в указной и ввязчей — князь Юрий Иванович Жеславский. Известно, что Иван Семёнович Сопега занимал должность витебского воеводы (наместника) в 1508–1514 гг. Кроме должностей витебского воеводы и браславского наместника, Сопега имел также важные придворные должности господарского секретаря и маршалка (см. комментарий к № 397). В связи с этим он вынужден был проводить основное свое время при дворе, рядом с особой монарха. А это означает, что он управлял Витебском и Браславлем не лично, а назначал туда своих наместников. По всей видимости, одним из таких витебских наместников Ивана Сопеги и был князь Жеславский, названный в № 445 Юрием Ивановичем, а в № 451 — Иваном Юрьевичем.. Генеалогии не знают князя Юрия Ивановича Жеславского (см.: *Wolff.* 1895. S. 587–605). Однако он вполне мог быть сыном князя Ивана Юрьевича Жеславского (Заславского) и братом князей Михаила, Кузьмы и Андрея Ивановичей Жеславских (*Wolff.* 1895. S. 597–600, 605), либо же в № 445 допущена описка и речь идет о самом князе Иване Юрьевиче.

Полоцкий дворянин Тыш (Тихон) Иванович Быковский в качестве «боярина господарского» участвовал в политической жизни Полоцка в 30-е годы XVI в. (БА. Т. 2. С. 138, 148), в 1528 г. выставлял в войско 2 коней (РИБ. Т. 33. Стб. 194; МВКЛ. Кн. 523. С. 155-156; LM. Kn. 523. P. 140).

В диспозиции говорится о процедуре объезда земель, переданных кн. Ф. И. Глинскому. Границы их были указаны соседями Глинского и подробнейшим образом описаны во ввязчем листе.

В конечном протоколе поименованы соседи Глинского. Здесь же помещена санкция («Князю Федору Ивановичу так держать и болеи не обидеть никого»), указано место и дата составления документа. Ввязчий лист был написан в с. Овдеевичи, одном из владений Глинского.

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

446

[1509 г.] марта 25. Пётрков. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого господарским дворянам кн. Юрию, Василию и Андрею Соколинским на сёла путных людей Камень и Бабча в Черсвятской вол. Полоцкого пов.

Обоснование датировки см. в комментарии к № 444. В 1-м издании ПГ грамота была ошибочно отнесена к 1508 г.

Для формуляра этой великокняжеской грамоты характерны те же особенности, что и для № 444.

Князья Соколинские — дети кн. Семёна, который до 1490 г. имел земли в Дрецких (Дречьих) Луках Витебского повета (Сб. РИО. Т. 35. № 11. С. 44). Его владения в Пуповичах до 1494 г. перешли в состав Русского государства, став частью Великолуцкой волости (Сб. РИО. Т. 35. № 24. С. 124). В 1528 г. жена Василия снаряжала 9, Ивана — 4 всадников, а кроме того жена Юрия и Павел — соответственно 8 и 2 (РИБ. Т. 33. Стб. 194; МВКЛ. Кн. 523. С. 154-155; LM. Kn. 523. P. 139).

Путные люди и их земли, которые пожаловал Юрию, Василию и Андрею Семёновичам Соколинским Александр и подтвердил Сигизмунд, находились в деревнях Камень и Бабча Черсвятской волости (ныне — в Каменском сельсовете Лепельского р-на Витебской обл.). Некогда Черсвятская волость была населена большим количеством путных слуг. Однако во времена Александра и Сигизмунда большинство их было роздано в частное владение, а многие продали свои земли (см.: ПР 1552 г. С. 69–72).

А. Л. Х., В. А. В.

447

[1509 г.] апреля 25. Витебск. — Верительная грамота нареченного архиеп. пол. и витеб. Евфимия вновь назначенному священнику ц. Св. Николая в г. Риге Миките

448

[1509 г.] апреля 27. Витебск. — Послание нареченного архиеп. пол. и витеб. Евфимия бурмистрам и совету г. Риги с просьбой оказывать содействие священнику ц. Св. Николая в г. Риге Миките в наказании православных купцов, которые будут нарушать принятые в православии обычаи

См. комментарий к № 434.

449

[1509 г.] августа 6. Полоцк. — Приговор суда пол. воеводы Станислава Глебовича по делу между дрисецкими пригонными людьми, с одной стороны, и пол. мещанами тройдевлянами, с другой, о стороже и стационной повинности

Датируется 12-м индиктом, который в воеводство Станислава Глебовича приходился на 1 сентября 1508 г. — 31 августа 1509 г.

Район, где жили «люди пригонные», находился на северо-востоке Полоцкой земли, на границе с Русским государством. Волость Ситно располагалась в окрестностях одноименного озера. Дрисецкая волость — в окрестностях озера Дрысы, что примерно в 30 километрах к северу от Ситна. Деревня Заборье лежит в нескольких километрах к югу от озера Дрысы. Замшанами названы, скорее всего, жители деревни Замошица либо Замошица Канашовская (ныне в Невельском р-не Псковской обл. России). О Дрисецкой вол. см. также № 354. Полоцкие мещане тройдевляне — это, очевидно, жители села Тройдевичи (теперь Тродовичи в Краснопольском сельсовете Россонского р-на Витебской обл.), расположенного в верховьях р. Дриссы, практически на ее берегу.

По грамоте можно судить об организации пригонных людей, во главе которых стояли десятники, и порядке выполнения ими своих обязанностей. Грамота характеризует также реальное положение и юридический статус полоцких мещан, в соответствии с привилеем на магдебургское право освобожденных от выполнения стационной повинности (ср. № 349, 459). При этом мещане вполне могли владеть собственностью на селе, причем далеко от Полоцка — как, например, те же тройдевляне. В других грамотах упоминаются и мещане ушачане.

О Головниничах см. также № 455.

№ 449 показывает фактическую организацию торговой блокады Русского государства, предпринятой Великим княжеством Литовским вместе с ливонским отделением Тевтонского ордена в 1507–1509 гг.

А. Л. Х., В. А. В.

450

[1509 г.] августа 22. Островно. — Продажный лист Ивана и Семёна Сущей, Левонида и Якима пол. воеводе Станиславу Глебовичу на их отчизную землю «на Островне» [в Полоцком пов.]

Датируется по индикту и времени занятия Станиславом Глебовичем должности полоцкого воеводы.

Судя по тому, что продавцы не имели собственных печатей, а вписали в продажную лишь свои бортные знаки — клейна, они принадлежали к путным слугам или тяглым людям (ср. № 391, 416, 450, 455, 461, 473).

Земля, о которой идет речь в документе, находилась в окрестностях оз. Островно, которое принадлежит к группе Ушачских озер и расположено в 20 километрах к северо-востоку от Лепеля. Как и в № 416 и 473, продавцы выступают здесь как коллективные собственники, которые продают свою землю «вси посполито».

Пользуясь своим положением, Станислав Глебович довольно активно скупал недвижимость на Полотчине. Сумма, которую он заплатил за крестьянскую «отчизную землицу», была совсем небольшой — восемь с половиной рублей широких (пражских) грошей.

В. А. В.

451

[1509 г.] октября 10. Овдеевичи. — Ввязчий лист представителей кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого витеб. наместника кн. И. Ю. Жеславского и господарского дворянина Т. И. Быковского кн. Ф. И. Глинскому на земли Овдеевичи в Полоцком пов. и Санники и Амбросовичи в Витебском пов., которые были пожалованы ему вел. кн. лит. Александром и подтверждены Сигизмундом

См. комментарий к № 444.

452

[1509 г.] октября 20. Полоцк. — Завещание («душевница», «духовница») кнг. Софьи Подберезской

Завещание княгини Софьи Подберезской является во многих отношениях уникальным документом. Душевницы, оставленные женщинами, дошли до нас от той эпохи лишь в единичных экземплярах, а эта сохранилась в оригинале.

13-й индикт позволяет отнести духовницу Софьи Подберезской к 1509 или 1524 году. Вторую дату следует исключить в связи с тем, что одного из свидетелей завещания княгини, полоцкого боярина Яцка Сеньковича, не было в живых уже по крайней мере в июне 1522 г. (LM. Kn. 10. № 106. P. 102).

Документ невелик по объему, его составитель обошелся без каких-то особых формулярных изысков.

Софья была женой Фёдора Ямонтовича-Подберезского, представителя древнего, но в начале XVI в. уже небогатого княжеского рода. Его имение Подберезье (теперь это деревня в Волковичском сельсовете Толочинского р-на Витебской обл.) находилось недалеко от Друцка. Приблизительно в 55 км к юго-востоку от него была расположена и Басея, также упомянутая в завещании. Судя по тому, что Софья писала свое завещание в Полоцке, а ее духовным отцом был архимандрит одного из местных монастырей, она происходила из какого-то полоцкого боярского рода. Софья имела двоих детей: сына Семёна и дочь Ульяну. Они также упомянуты в духовнице — правда, дочь не названа по имени. Семён был господарским дворянином, керновским державцей, он умер в 1540 г. Ульяна прожила большую, полную драматизма жизнь и умерла около 1555 г. игуменьей знаменитого полоцкого Спасо-Преображенского монастыря.

В соответствии с завещанием, Софья отпустила на свободу всю свою невольную челядь. По всей видимости, именно это распоряжение «по своеи души» она считала важнейшим и достойным внесения в душевницу. Невольной челядью, которой у княгини оказалось 25 человек, были в основном женщины. Что же касается ее движимого и недвижимого имущества, то мы не находим о нём в документе ни слова. Можно догадываться, что Софья разделила его между сыном и дочерью, однако этот раздел был проведен отдельно.

В качестве свидетелей завещания выступают полоцкие бояре: пан Яцко Сенькович, представитель одного из самых известных местных родов Сеньковичей-Радковичей, а также Иван Мелешкович. Яцко Сенькович впоследствии стал вторым мужем Ульяны Подберезской и умер, по всей видимости, не позднее 1522 г. Печать Яцка оттиснута на завещании.

Душевницу Софьи написал собственноручно ее духовный отец Антоний, архимандрит полоцкого монастыря Св. Михаила на Городце. По всей видимости, он не отличался большой ученостью. Во всяком случае, этот составленный им небольшой документ изобилует ошибками и описками. Упоминания об Антонии в источниках относятся к тому же времени, когда была составлена душевница. Известно, что он принимал участие в Виленском православном соборе 1509–1510 гг. (АИ. Т. 1. С. 525). Архимандрит Антоний фигурирует также в № 462.

В. А. В.

453

Упоминание

[Около 1510 г. — 1511 г. июля 27]. — Продажный лист витеб. воеводы, господарского маршалка и секретаря, браславского наместника Ивана Сопеги пол. воеводе Станиславу Глебовичу на земли Медведовскую, Хроловскую и Маркьяновскую в Полоцком пов.

454

Упоминание

[Около 1510 г. — 1511 г. июля 27]. — Продажные листы путных людей Полоцкого пов. Василия, Ивана и Микипора Мартиновичей и др. пол. воеводе Станиславу Глебовичу на земли «на Островне» в Полоцком пов. «обель вечно»

Нижняя хронологическая граница составления обеих грамот, № 453 и 454, условна. См. комментарий к № 477.

С. В. П.

455

[1510 г.] февраля 9. [Полоцк]. — Продажный лист Богдана Фёдоровича Головнинича пол. воеводе Станиславу Глебовичу на его материзну, с. Деренцо «подле Островна» в Полоцком пов.

Формуляр продажного листа незначительно отличается от формуляра других аналогичных документов (ср. № 266, 316, 347, 391). Прежде всего, в качестве продавца выступает один человек, соответственно этому написана и инскрипция. Отсутствует указание о цене земли, что делает спорным сам факт продажи, как и заявление № 466 об уплате Станиславом Глебовичем денег самим жителям села Дернцы.

Отсутствует и подробное описание границ. Дополнительно вставлена статья санкции о сестрах продавца. В современных продавцу денежных единицах исчисляется штраф в случае нарушения условий продажного листа.

Документ написан «местцким» дьяком и скреплен, подобно № 266 и 391, печатями свидетелей. В качестве последних выступают крупнейшие феодалы Полоцка — Иван Зеновьевич (Корсак), кн. Иван Фёдорович Полубенский, несомненно, приглашенные Станиславом Глебовичем, а также Никифор Коробович (см. № 433 и 438), до 1510 г. получивший подтверждение пожалований Александра.

О социальном положении продавца земли грамота прямо ничего не сообщает. В приговоре суда от 9 июня 1509 г. его «однофамильцы» Нестер и Яков Ильич Головниничи названы мещанами (№ 449). Пётр Головнин, возможный родственник двух первых, в 1528 г. значится среди витебских бояр (РИБ. Т. 33. Стб. 197; МВКЛ. Кн. 523. С. 156; LM. Kn. 523. P. 141). Вряд ли Богдан Фёдорович Головнинич относился к самым низам полоцкого крестьянства. Например, у местных тяглых людей, а также у путных слуг не было своих печатей (см. № 391, 416, 450, 461, 473). Головнинич же имел собственную печать. Землю он продает как индивидуальный собственник, тогда как, например, тяглые люди были собственниками коллективными. Вероятнее всего, Богдан Головнинич был мещанином.

Точное местонахождение села Деренцо установить не удается, однако оно лежало в окрестностях оз. Островно. Это была уже не первая купля Станислава Глебовича в данном районе (ср. № 450). См. также № 466.

А. Л. Х., В. А. В.

456

[1510 г.] марта 4. Полоцк. — Послание архиеп. пол. и витеб. Евфимия бурмистрам и совету г. Риги с просьбой сообщить об источниках средств на ремонт ц. Св. Николая в г. Риге, который производил священник этой церкви Прошко (Прокопий)

457

[1510 г.] марта 5. Полоцк. — Послание пол. воеводы Станислава Глебовича совету г. Риги с просьбой наказать риж. купцов, провинившихся и осужденных в г. Полоцке

458

[1510 г.] мая 2. Витебск. — Верительная грамота архиеп. пол. и витеб. Евфимия священнику ц. Св. Николая в г. Риге Миките

См. комментарий к № 434.

459

[1510 г.] августа 27. Краков. — Уставной подтвердительный привилей кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого мещанам г. Полоцка на магдебургское право и другие свободы

В документе точно указан год — 1509, однако он противоречит указанному там же 13-му индикту, который соответствует промежутку времени с 1 сентября 1509 г. по 31 августа 1510 года. В данном случае верен именно индикт. В пользу правильности индикта говорит итинерарий Сигизмунда. В 20-х числах августа 1509 г. господарь находился в районе Перемышля и Львова, тогда как в августе 1510 г. — в Кракове (*Бережков*. 1962. С. 195; *Gąsiorowski*. 1973. S. 260). Также стоит напомнить, что в 8-й книге записей Метрики Великого княжества Литовского несоответствие года индикту встречается часто (см. Комментарий к № 444, 445, 451). Наконец, в описи «Рутеники» Рижского городского архива 30-х годов XVII в. выдержка из польского перевода привилея, посвященная порядку торговли в Полоцке (по-видимому, не сохранилась), датирована 21 июля (ошибочно вместо 27 из-за сходного начертания цифр) именно 1510 г. (LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1482. Lp. 10; см. об этой описи введение в т. 1 настоящего издания). В 1-м издании ПГ грамота была ошибочно датирована 1509 г.

Разночтения подведены по еще одному списку, который был известен прот. И. И. Григоровичу. По всей видимости, этим списком была подтвердительная грамота короля Владислава IV Вазы от 28 июля 1634 г., которую Григорович указал в легенде своей публикации во 2-м томе «Актов, относящихся к истории Западной России»; она была им подготовлена к печати еще в составе 2-й части «Белорусского архива древних грамот», которая так и не вышла в свет.

В целом подтвердительный привилей Сигизмунда от 27 августа 1510 г. повторяет привилей Александра от 4 октября 1498 г. (№ 349) с незначительными изменениями.

В начальном протоколе, в промульгации вместо «люди» указано «мещане». В этой же части появилось новое объяснение причин введения магдебургского права Александром: «…видячи сказꙋ и впадъ, которꙋю жъ мещане мѧли длѧ права того, которимъ сѧ перве*и* рѧдили…».

Далее следует любопытная вставка, которая говорит о сомнениях полоцких мещан («ꙋ вꙋ*н*тпени были») по поводу магдебургского права из-за уточняющих документов Александра, о конфликтах («росторжка и роздел») в мещанской среде, в результате чего многие из них перешли под юрисдикцию воеводы, «а многи*и* и про*ч*(ь) розышлисѧ». Этот пассаж хорошо характеризует развитие города Полоцка с начала века до 1510 г. и первоначальное воздействие введения магдебургского права на городскую жизнь. Сигизмунд, как сообщает

далее его привилей, обратился к самому первому привилею Александра и снова подтвердил полоцким мещанам магдебургское право.

Новая вставка от слов «Нежли тая вина…» до слов «…посполитое мѣстьское доброе» запрещает использование городских доходов для личного обогащения бурмистра и радцев.

Мясники-«резники» по-прежнему должны платить войту и на ратушу. Кроме них никто не должен иметь «яток» и «клеток». Вновь войту отдавались доходы «з вина зжоного» (ср. «горелого» в № 349).

В разделе привилея, посвященном перечислению категорий людей, подлежащих городскому праву («Тежъ вси мещане, и чорные люди…»), выпущено упоминание о посельских и слугах путных, которые «завсе*г*ды з мещаны на выправу вое*н*ную звыкли ходити и вси поплатки нашы пocполу с ними на*м* давати» (№ 349). В этом пункте Сигизмунд следует не привилею 1498 г., а позднейшим поправкам Александра (№ 367).

Уточняются и вызывавшие большие споры в начале XVI в. взаимоотношения мещан, живущих на церковной, княжеской и боярской земле. Была внесена новая статья об уплате позема: «А которы*и* с ты*х* седя*т*(ь) на земли ц(е)р(ко)внои або на кня*з*ской и на боярьскои, тотъ толко маеть г(о)*с*(по)д(а)рȣ своемȣ поземъ заплатити», т. е. князю, боярину, церкви. В новой статье: «Не*ж*ли кажъды*и* кн(я)зь и бояры*н*…» строго ограничивалось и количество боярских и княжеских закладней, которых иметь ранее запрещалось. По-видимому, это было связано с массовым переходом мещан в закладни в начале XVI в., с одной стороны, и с усилением позиции крупных феодалов, в частности князей, с другой.

Особо вводился пункт о мещанах, имевших дворы в Полоцке и сёла вне города, где они и жили. Факт владения двором и дворищем являлся основанием для их подсудности магдебургскому праву. К мещанам приравнены и ремесленники (золотари, кушнеры, кравцы, седлари, ковали, слесари, шевцы и др., в том числе и скоморохи). Перечисление различных категорий городских ремесленников, подлежащих магдебургскому праву, было новым для привилея Сигизмунда. Ремесленники, равно как и мещане, подлежали городскому суду — войта, бурмистра и рядцев. Узаконивалось владение мещанам землей, купленной ими у бояр, сельских путников, данных и пригонных людей.

Сравнительно с привилеем 1498 г. уточнился порядок рассмотрения спорных дел. Подтверждался введенный одной из дополнительных грамот Александра (№ 354) порядок разбора земельных тяжб мещан с боярскими людьми, фиксировалась плата наместнику за отправку своих слуг за город. Спорные же дела мещан с боярами и духовными феодалами должны были решаться бурмистром и радцами в ратуше.

Запрещался постой воеводских слуг в домах мещан.

Пункты привилея Александра об освобождении мещан от подвод, сторожи, порядке торговли импортными товарами повторяются почти без изменения. Исчезли пункты об обязанности мещан в «час непокоя» находится в замке, об установлении трех ярмарок в Полоцке. По-видимому, роль Полоцка как центра международной и межобластной торговли упала с 1498 г.

Вводилась штапельное право — немцы должны были торговать только с полочанами. Однако в одном из следующих пунктов предусматривалась, как раньше, в 1498 г., возможность поездки рижан в Витебск и Смоленск для получения долгов.

Во изменение грамоты Александра, Сигизмунд передает доходы с важницы, т. е. со взвешивания товаров, на ратушу. В статье о важнице привилей дает исторический экскурс о порядке ее држания при Казимире (боярами и мещанами), затем господарем. Относительно капницы сохранился порядок, введенный Александром.

Согласно новому пункту разрешалось устройство на р. Полоте мельницы, доходы с которой должны были быть разделены между великим князем и городом. Горожанам вменялось в обязанность содержать за свой счет мельника. Было разрешено строительство бани и четырех гостиных домов.

Следующий пункт носил характер не разрешения, а приказания — устроить ратушу, которой, стало быть, еще не существовало до 1510 г., с различными лавками внизу. В помещениях при ратуше следовало и клеймить коней, можно было продавать вино, мед, пиво. Для ее строительство Сигизмунд передавал сеножать Бор, где можно было устроить «плитницу» — предприятие по производству кирпича.

По-прежнему в ратушу должно было избираться 24 человека.

Особо указывалось, что владыка сам должен рассматривать церковные дела. Это нововведение восходит к грамоте Александра, удостоверившей так называемый «свиток Ярославль» (№ 379). Однако оговаривалось, что владыка не имеет права вмешиваться в городские дела.

Повторяется требование боярам вернуть мещанам те дома и земли, которые были куплены у мещан насильно. Привилей 1510 г. вторит предшествующему о передаче в ведение войта пустых земель в города, о свободе пастьбы в тех же местах, что и раньше, и в бассейне р. Ушачи. В последней пункт вводится лишь дополнение, что в бассейне Ушачи «де*р*жавецъ нашихъ полоцъкихъ а ни боярьскихъ коне*и* тамъ не мають паствити».

Доходы с корчем по-прежнему передавались великому князю. Как и в 1498 г., прокламировалась свобода полочан от уплаты мыта во всём Великом княжестве Литовском.

Дополнительно была введена статья об ордынщине, взимаемой одновременно во всех других землях.

В последней части привилей Сигизмунда, как и Александра, возвращается к вопросу о подсудности полоцкого городского населения, которое не имеют права судить ни воеводы, ни старосты, ни наместники. В дополнение к привилею 1498 г. предусматривалась посылка великокняжеских слуг — децких (приставов) только в случае измены горожан. Эта статья, очевидно, была живым откликом на события московско-литовских войн начала XVI в., в частности на восстание Михаила Глинского. Сам же институт децких, восходящий ко временам Русской правды, существовал в Полоцке в течение XIII–XV вв. (ср. № 131, 348).

Уставная грамота строго разделяет доходы войта и бурмистра. Все «платы», предусмотренные в пользу города, доходы от судов — «вины» должны поступать бургомистру, а не войту.

Грамота завершается довольно архаично сформулированными положениями об обязанностях мещан ездить на войну и об освобождении их от стаций.

О статусе мещан ср. № 440, 449 и др.

А. Л. Х., В. А. В.

460

1510 г. сентября 6. Краков. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого кн. Ивану Фёдоровичу Полубенскому на путных людей Опонасковичей, тяглых людей словенчан и на земли в Черсвятской вол. Полоцкого пов.

Грамота сохранилась в двух независимых списках. Судя по данным, приведенным Д. И. Довгялло в 29-м выпуске «Историко-юридических материалов», список Г был опубликован там не непосредственно из земской книги 1727 г., куда грамота была внесена под датой 16 июня, а из земской актовой книги Полоцкого воеводства 1753 г., где выпись из земской книги 1727 г. была активована под датой 6 сентября. Во всяком случае, в земской книге 1727 г. этот документ найти не удалось. Возможно, причина состоит в том, что в этой книге нет некоторых листов (см.: НИАБ. Ф. 1778. Оп. 1. Ед. хр. 15). Эти листы могли быть изъяты оттуда уже в XVIII столетии или позже — например, при подготовке ряда документов книги к печати на рубеже XIX–XX вв. В описи фонда 1778 «Полоцкий земский суд» Национального исторического архива Беларуси актовая книга за 1753 г. не значится: вероятнее всего, она утрачена.

О князе И. Ф. Полубенском см. № 398, 462.

Дмитрий (Митько) Ганусович, вероятно, появился в Полоцке в начале XVI в. вместе с другими ливонскими наемниками. Тишко Колчижинич, вдова которого Анастасия и дети Андрей и Иван упоминаются в этой грамоте, принадлежал к роду богатых и влиятельных людей (см. № 374). Один из представителей этого рода Мокей Колчижинич в 1459 г. входил в состав полоцкого посольства в Ригу (№ 146, 147, 148).

В грамоте указывается число путных людей, жалуемых И. Ф. Полубенскому, — «десять чоловеков», однако по именам перечислены 15 человек, кроме того, неопределенное количество — «с сынъми» (2 раза), «з братьею» (1 раз), т. е. еще не меньше 6 человек. Таким образом, вместо обещанных десяти И. Ф. Полубенский получает свыше двадцати людей. Вероятно, они исполняли 10 служб путных, откуда и происходит такое расхождение в цифрах. То же самое наблюдается относительно тяглых людей Слован — «10 дымов», которые выполняли «8 служб тяглых».

Село Словани (совр. Славени) находятся на западном берегу Черсвятского оз., село Апонасковичи — на северном его берегу (*Сапунов.* 1906. С. 210. № 47). Землю Лещинскую найти не удается; село с похожим названием находилось на р. Уше Режицкого уезда Голомышской вол. (*Сапунов.* 1906. С. 340. № 32). Не удается обнаружить и «следъ Мядневъскии а Рустинскии… на низу Двины».

А. Л. Х., В. А. В.

461

[1510 г.] ноября 19. — Продажный лист пол. путных слуг земцев Андрея и Максима Олисеевых и др. пол. боярину Левону Михайловичу на землю «на Мосорыне» в Черсвятской вол. «обель вечно и непорушно», с указанием границ владений

Грамота датируется по индикту и упоминанию боярина Ивана Зеновьевича (Корсака), известного в 1502–1513 гг. в качестве красносельского наместника (LM. Kn. 6. № 471. P. 278; Kn. 9. № 118, 119. P. 130–131; *Любавский.* 1892. С. 100; см. также в настоящем издании № 359, 423).

Об Иване Полубенском см. № 398.

Фёдор Епимахович был зятем полоцкого владыки Евфимия [РИБ. Т. 20. Стб. 287 (около 1506 г.)], а в 1533 г. полоцким хоружим (БА. Вып. 2. С. 113–115, 118, 128, 132–134, 141, 179, 180, 183 и др.). Левон Михайлович по другим источникам неизвестен.

Земля «на Мосорыне» — это, возможно, деревня Матырино, которая находится в 5 км к югу от оз. Островна (ныне в Бобровском сельсовете Лепельского р-на Витебской обл.).

А. Л. Х., В. А. В.

462

[1511 г.] января 28. Краков. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. воеводе Станиславу Глебовичу об освобождении людей монастыря Св. Михаила на Городке в г. Полоцке от бобровщины, стации и мостовщины «вечно»

Датируется по 14-му индикту и упоминанию полоцкого воеводы Станислава Глебовича.

О князьях Полубенских см. № 398, 460. В данном случае, вероятно, имеется в виду Иван Фёдорович Полубенский, официальное положение которого неизвестно. Возможно, он отвечал за выполнение повинностей и сбор податей в своем районе. Может быть, Полубенский

получил какие-либо земли, соседние с михайловскими, согласно жалованному листу от 6 сентября 1510 г. (№ 460). Если правильно последнее предположение, то соприкосновение михайловских земель и владений князя Полубенского могло иметь место в районе Черсвят или в Ловожском стане (см. № 398 и 460).

Монастырь Св. Михаила на Городке находился в Полоцке или его окрестностях (БА. Т. 2. С. 193–194; *Варонін*. 2009в. С. 170). Об архимандрите Антонии см. комментарий к № 452.

Согласно № 462 монастырские люди освобождались от оплаты бобровщины, стации и мостовщины. Думается, это в какой-то мере связано с пограничным расположением Полоцка и необходимостью для великокняжеской власти обеспечить поддержку или хотя бы нейтралитет местных православных феодалов в эпоху войн с Русским государством.

А. Л. Х., В. А. В.

463

[1511 г. июня 1 — октября 20. Берестье]. — Записи о пожаловании кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. православной архиепископии на человека Бобра, его детей и их земли в Черсвятской вол.

Записи датированы по положению в 9-й книге записей Метрики Великого княжества Литовского среди документов, выданных на Берестейском сейме 1511 г., и по времени работы этого сейма.

По большому счету, мы здесь имеем дело не с самими документами, а с двумя внесенными в книгу Метрики записями: первая сообщает о сделанном вкладе, а вторая — об отправке указной на этот счет полоцкому воеводе (Станиславу Глебовичу).

Это один из редких земельных вкладов великих князей литовских православной церкви — правда, вклад достаточно скромный. Местность, где проживал «чоловек Бобр и з детьми его» также традиционна для пожалований Сигизмунда — это Черсвятская волость.

11 сентября 1517 г., находясь в Полоцке, Сигизмунд подтвердил местному архиепископу Иосифу этот свой вклад, наряду с несколькими другими вкладами «ку архибискупи Полоцкои и Витебскои» (LM. Kn. 9. № 300. P. 367).

Об архиепископе Евфимии см. комментарий к № 434.

В. А. В.

464

[1511 г. июня 1 — октября 20. Берестье]. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. воеводе Станиславу Глебовичу о пожаловании пол. боярину Костюшку Волфромеевичу людей ситнян

Грамота датирована по времени работы Берестейского сейма 1511 г., среди документов которого находится.

Как и в случае с № 463, мы имеем здесь дело не с самой грамотой, а с записью о ее выдаче. Грамоту, адресованную воеводе, получил на руки Костюшко Волфромеевич — получатель пожалования, известный полоцкий боярин. Волость Ситно располагалась на северо-востоке Полоцкой земли, в окрестностях одноименного озера (см. комментарий к № 447).

В. А. В.

465[*]

[1511 г.] июня 24. Берестье. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого епископу смол. Варсонофию о пересмотре его дела с архиепископом пол. Евфимием и ввязчий лист господарскому дворянину Ивашку Скипореву на ввод Евфимия в сбор мстиславской десятины

Датируется по индикту и факту пребывания Сигизмунда Старого в Берестье.

Грамота открывает серию из трех документов (см. также № 470 и 471), которые посвящены урегулированию проблемы положения полоцких архиепископов в православной иерархии Великого княжества Литовского, границ их епархий, а также владычных доходов.

Архиепископ Евфимий (см. о нём комментарии к № 434 и № 463) выбрал для разрешения этих вопросов «великий сейм берестейский» 1511 г. Действительно, сейм собрал очень широкое представительство как светских вельмож, так и духовных иерархов. Как выясняется из № 465, а также из судебных решений, вынесенных Сигизмундом и панами радой 5 июля, Евфимий основательно подготовился к разбору дел в самой высокой инстанции. В качестве свидетелей он привлек полоцких бояр, а также князей Друцких. По крайней мере некоторые из них, очевидно, принимали участие в работе сейма.

Евфимий начал отстаивание своих прав с менее значимого и, в общем, частного вопроса о мстиславской десятине. Как выясняется из документа, за какое-то время до этого смоленский владыка Варсонофий смог доказать свои права на мстиславскую десятину, которую прежде собирали полоцкие архиепископы. В № 465 указано, что спор вышел именно между Варсонофием и Евфимием. Поскольку Варсонофий занял смоленскую кафедру в 1509 г. (а Евфимий полоцкую — годом раньше), то передача ему мстиславской десятины произошла в 1509 г. или 1510 г. Прошел год или два, и Евфимий добился возвращения десятины. В качестве доказательства своей правоты он сослался на свидетельство «всех бояр полоцких». Бояре утверждали, что порядок, по которому эту десятину собирали полоцкие владыки, существует уже несколько десятков лет. Здесь отметим не только обычную и юридически очень авторитетную для того времени ссылку на старину, но и редкое указание на конкретное содержание термина, который и обозначает эту старину, — «здавна»: как оказывается, это несколько десятков лет.

По большому счету, вопрос о мстиславской десятине — это один из аспектов более общего вопроса о церковно-административной принадлежности района Мстиславля. Ведь в известительном листе речь идет не только о сборе десятины, но также о «соборных куницах», присудах и других доходах. Иными словами, выяснялось, какой епископ должен был собирать эти церковные подати и, соответственно, к какой епархии принадлежал этот район.

Земли Мстиславщины на протяжении столетий были частью Смоленской епархии. Смоленские владыки и должны были собирать здесь десятину и другие причитавшиеся им доходы. Даже после того, как в 1359 г. Мстиславль был захвачен Ольгердом, этот район, судя по всему, еще долгое время входил в состав Смоленской епархии. Он перешел в подчинение к полоцким владыкам, по всей видимости, лишь в середине — второй половине XV в.

К сожалению, мы в точности не знаем, когда именно и по какой причине это произошло. Можно лишь предполагать, что это было как-то связано с позицией мстиславских князей Лугвеневичей. Так, во вкладной грамоте Юрия Лугвеневича 1452/53 г. есть указание на то, что этот амбициозный князь стремился к созданию особой Мстиславской епархии: «А владыце, которыи коли будеть епископию мстиславскую держать…» (АЗР. Т. 1. С. 58; *Варонін.* 2010. С. 39, 53). Однако реализация этого плана была возможна только в случае отделения

[*] При подготовке комментария использованы материалы А. В. Кузьмина.

Мстиславля от Смоленской епархии. Лугвеневичам не удалось осуществить свои намерения в первоначальном виде. Но результатом этих их намерений и, очевидно, каких-то действий мог стать переход Мстиславля из-под власти смоленских епископов под юрисдикцию полоцких владык, — тем более что статус полоцких архиепископов в православной иерархии Великого княжества Литовского был очень высоким (см. № 470 и 471). На близость мстиславского князя Ивана Юрьевича к полоцкой епархии указывает, в частности, тот факт, что в конце 50-х или в 60-е гг. XV века он вместе со своей женой Ульяной записал полоцкому архиепископу Каллисту сельцо на Марынце в Полоцкой земле (№ 138). А в начале XVI в. Мстиславщина уже наверняка относилась к Полоцкой епархии. Именно по этой причине во вкладной записи Якима Туровейского полоцкому монастырю Иоанна Предтечи на Острове 1507 г. в качестве одного из свидетелей значится «свещенникъ Киприанъ со Мстиславля» (№ 424).

В. А. В.

466

[1511 г.] июня 24. Берестье. — Приговор суда кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого по делу между кн. Василием и Андреем Соколинскими, с одной стороны, и пол. воеводой Станиславом Глебовичем, с другой, о селах Ладосно, Дернцы и Величковичи Черсвятской вол. Полоцкого пов.

Датируется по индикту и топологическим сведениям — пребыванию Сигизмунда Старого в Берестье, где в то время проходил сейм.

Василий и Андрей Соколинские — это сыновья Семёна, братья Ивана Семёновича (см. № 472).

Приговор суда продолжает дело о пожаловании князьям братьям Василию и Андрею Соколинским сёл Ладосно, Дернцы и Величковичи в Черсвятской волости. Начало этой истории относится к лету 1508 г., когда братья и получили названные сёла в качестве пожалования от Сигизмунда (см. № 431). Купчая грамота Станислава Глебовича на земли в Дернцах (там село названо Деренцо) у местных путных слуг также сохранилась (№ 455). Представляет интерес сообщение грамоты именно о покупке с. Дернцы Станиславом Глебовичем и уплате им денег самим жителям села.

О сс. Ладосно, Дернцы, Величковичи см. также № 116, 102.

Продолжение истории с пожалованиями Сигизмунда кн. Василию и Андрею Соколинским путных слуг см. в № 475 и 482.

А. Л. Х., В. А. В.

467

[1511 г.] июня 25. Берестье. — Приговор суда кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого по делу между путными слугами Теличиничами и пол. боярином, господарским дворянином Петрашком Епимаховичем о социальной принадлежности и личной зависимости Теличиничей

См. также № 426 и 478.

По-видимому, «дядьки и братья потужники» Артёма Матвеевича настоящей грамоты — это Матвей с братьею и Сидор с братьею Телитчиничи № 478.

Настоящая грамота — один из этапов борьбы полоцких мещан за сохранение своих земель, не увенчавшийся успехом. Телитчиничи, несомненно мещане, были признаны слугами путными, соответственно, не располагающими своими землями по собственному усмотрению. См. также комментарий к № 478.

А. Л. Х.

468

[1511 г.] июня 25. Берестье. — Приговор суда кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого по делу между полочанином Фёдором Игнатовичем и его братьями, с одной стороны, и красносельским наместником Иваном Зеновьевичем [Корсаком], с другой, о якобы незаконном владении и передаче отцом Ивана Зеновьевича бельчицкому монастырю Св. Бориса и Глеба земли «на Уроде» в Полоцком пов.

Если отец красносельского наместника Ивана Зеновьевича, Зеновий Васильевич Корсак — полоцкий боярин и политический деятель 60–70-х годов, то последнее упоминание о нём относится к 1482 г. (№ 249), умер он в мае 1486 г. (см. комментарий к № 232), а его сыновья начинают упоминаться с 1499 г. (№ 359, 360). Это заставляет датировать вкладную запись в евангелии, упомянутую в № 468, промежутком времени примерно между 1480 и маем 1486 г., а чуть более ранним временем — и продажный лист на эту землю (№ 230, 231).

Два «ввязанья», т. е. ввода во владение сына продавца земли Игната, Фёдора и его братьев согласно распоряжениям Александра и Сигизмунда, могли иметь место в 1501–1506 гг. и в 1506–1511 гг. При этом о письменной форме такого распоряжения упоминается лишь во втором случае (№ 409).

Личность и социальная принадлежность Игната и его сыновей неизвестны. Владения бельчицкого Борисоглебского монастыря на Уроде сохранились вплоть до середины XVI в. В полоцкой ревизии 1552 г. читаем: «К тому ж монастырю на Уроде людеи шестнадцат чоловеков, которые дают на монастыр с пашъни своее всякого збожа четвертый сноп и зо всих борти половицу меду. Тамъ же, на Уроде, людей, наданых от князя Павла а князя Михала Соколинскихъ, осмнадцат чоловеков и два огородники, которые такъжо даютъ на монастырь с пашъни своее всякого збожья четверътый снопъ и зо всихъ бортей половицу меду» (ПР 1552 г. С. 177). Та же ревизия называет Бельчицкий Борисоглебский монастырь коллективным «наданьем» Корсаков (подробнее см.: *Варонін*. 2009в. С. 161–162, 167–168).

А. Л. Х., С. В. П.

469

Упоминание

[1511 г. июня 25 — августа 2]. — Отступной лист пол. боярина, господарского дворянина Петрашка Епимаховича пол. мещанам Никифору Оскерчичу, Ивану Козчичу, Саве Микитиничу и др.

Датируется промежутком времени между выдачей грамот № 467 и 478 (см. комментарии к ним). По-видимому, сделка полоцких мещан с Петрашком Епимаховичем состоялась в Берестье, где они судились перед господарем в дни работы Берестейского сейма.

С. В. П.

470*

[1511 г.] июля 5. Берестье. — Приговор суда кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого по делу между архиеп. пол. и витеб. Евфимием и митр. Киевским и всея Руси Иосифом II [Солтаном] о закреплении за Евфимием титула архиепископа

Датируется по индикту и топологическим данным.

Вопрос о титуле был вторым вопросом, который полоцкий владыка Евфимий поднял перед великим князем литовским Сигизмундом и панами радой на Берестейском сейме 1511 года (см. также № 465 и 471). Возмущение Евфимия и его обращение в суд были вызваны тем фактом, что митрополит Иосиф II (Солтан) перестал называть его архиепископом, тем самым нарушив старую традицию. Ответ митрополита сводился к тому, что прежние митрополиты использовали этот титул в отношении полоцких владык по своей доброй воле, а не по обязанности. На основании свидетельств полоцких бояр и князей Друцких (в том числе, очевидно, Соколинских, которые участвовали в работе сейма и также решали там свои проблемы) суд господаря и панов рады вынес решение в пользу полоцкого владыки.

Первым полоцким иерархом, который начал титуловаться архиепископом, был грек Феодосий, занимавший кафедру с 1392 г. и как минимум до 1415 г. Сохранилось одно его послание в Ригу, где он также называет себя архиепископом (№ 58). Его преемники Симеон II Старый (№ 74, 75, 102), Каллист (№ 139) и Симеон III (№ 191, 195, 215, 243) в переписке с Ригой называли себя просто владыками. Этот неофициальный титул традиционно использовался по отношению ко всем высоким церковным иерархам: епископам, архиепископам, митрополитам. Поэтому лишь на основании употребления термина «владыка» невозможно решить, какой именно титул носил архиерей. Только Иона (Глезна), занимавший полоцкую кафедру в 1481–1488 гг., снова стал использовать в переписке с Ригой архиепископский титул (№ 251, 254). Однако похоже, что во внутренних церковных делах этим титулом регулярно пользовались и его предшественники. Так, например, во вкладной грамоте монастырю Николы на Лучне Симеон Старый называет себя архиепископом (№ 135). Вкладные называют архиепископом и его преемника Каллиста (№ 138), хотя в надписи на его печати он именуется всё же епископом. Похоже, что Симеон Старый использовал архиепископский титул и в переписке с московским митрополитом Ионой (см.: РИБ. Т. 6. Стб. 611–612).

Трудно сказать, чем было вызвано нежелание Иосифа II именовать Евфимия архиепископом. Но очевидно, что оно связано с попыткой этого же митрополита отодвинуть полоцкого владыку со второго места в православной иерархии Великого княжества Литовского и продвинуть туда владимирского и берестейского владыку — Вассиана (см. № 471).

В. А. В.

471*

[1511 г.] июля 5. Берестье. — Приговор суда кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого по делу между архиеп. пол. и витеб. Евфимием и владыкой владимирским и берестейским Вассианом о положении в церконой иерархии («о местце»)

Датируется по индикту и топологическим данным.

Судебное постановление о месте полоцких архиепископов в церковной иерархии было вынесено в тот же день, что и постановление по тематически связанному с ним делу о титуле

* При подготовке комментария использованы материалы А. В. Кузьмина.

полоцких владык (№ 470). «Выроки» по этим тяжбам были внесены в одну и ту же книгу Метрики Великого княжества Литовского (кн. 222 по современной валовой нумерации ф. 389 РГАДА или книга судебных дел № 2) также один за другим. По всей видимости, господарь и паны рада рассматривали эти дела или одновременно, затем разделив их на две проблемы и выдав две разных грамоты, или одно за другим.

Как и в случае с вопросом о титуле, инициатором судебного разбирательства стал полоцкий архиепископ Евфимий. В качестве ответчика выступал владимирский и берестейский владыка Вассиан, который попытался, вопреки традиции, занять более высокое, по сравнению с полоцким владыкой, место. Из позднейших материалов 1541 г. мы определенно знаем, что полоцкие архиепископы занимали второе место в церковной иерархии — сразу после митрополита.

Нет ясности в том, имел ли Евфимий в виду какой-то конкретный случай или это была общая тенденция, которая обозначилась в то время. Тем не менее, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в деянии Виленского собора 1509–1510 гг. полоцкий и витебский архиепископ Евфимий поставлен среди владык на четвертое место — после владимирского и берестейского Вассиана, смоленского Варсонофия и луцкого и острожского Кирилла (АИ. Т. 1. № 289. С. 525). Вряд ли это можно считать случайностью.

Вассиан не пожелал отвечать в суде на претензии Евфимия. А полоцкие бояре и князья Друцкие, сославшись на древний обычай, засвидетельствовали правоту полоцкого владыки. В результате было принято решение в пользу Евфимия.

В общем и целом, на основании № 470 и 471 можно с полным правом констатировать попытку понизить статус полоцких архиереев. И за этой попыткой стоял, по всей видимости, митрополит Иосиф Солтан.

История с «местцем» полоцких владык имела продолжение. В 1541 г. тогдашний полоцкий архиепископ Симеон V (Рагоза) вновь обратился к Сигизмунду Старому с жалобой на митрополита — Макария. Жалоба была вызвана тем, что Макарий попытался отодвинуть Евфимия со второго места в церковной иерархии — и снова в пользу владимирского и берестейского владыки (АЗР. Т. 2. № 212. С. 375–377; LM. Kn. 231. № 112. P. 105–107). Интересно, что Макарий также не захотел давать ответ перед судом господаря. Он заявил, что это дело подлежит духовному суду, а «король… речей духовныхъ не справуеть ани ся въ то вступуеть», и предъявил Сигизмунду его же привилей, который тот выдал еще митрополиту Иосифу. Очевидно, речь шла о привилее от 2 июля 1511 г., адресатом которого был митрополит Иосиф II Солтан. В этом документе монарх гарантировал права православного духовенства, в том числе его судебный иммунитет (LM. Kn. 9. № 6. P. 76–78). В результате Сигизмунд не принял окончательного решения и перенес рассмотрение дела на более поздний срок.

О деятельности Евфимия см. также № 465.

В. А. В.

472

[1511 г.] июля 14. Берестье. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого кн. Семёну и Ивану Соколинским на людей мничан, городчан, заболотчан и их земли

Датируется по индикту и факту пребывания Сигизмунда Старого в Берестье.

В этой грамоте князья Семён и Иван Семёнович Соколинские впервые появляются на страницах полоцких источников. Братья Ивана — Юрий, Василий и Андрей Семёновичи Соколинские — получили земельные пожалования в Полоцкой земле еще до 1511 г. (см. № 431, 446).

Связать «людеи… мнича*н*, а городча*н*, а забол*о*т*ча*н*»* с теми или иными населенными пунктами не так просто. Деревни с названием Заболотье, Городок, Городец были очень распространены в Полоцкой земле. Не исключено, что речь идет о деревнях Заболотье и Городок в современном Сорочинском сельсовете Ушачского р-на Витебской обл., лежащими к юго-западу и западу от Черствятского озера. Их отделяет расстояние в 12 км. Однако это могут быть также деревни Заболотье и Городец, которые находятся, соответственно, в Кубличском и Жарском сельсоветах того же Ушачского р-на., к юго-западу от Ушачей. Их разделяют всего около 6 километров. Местонахождение села, жителями которого были мничане, неизвестно. Сёла с похожими названиями расположены далеко от первых двух. См.: *Сапунов*. 1906. С. 102, № 131, 137; с. 317, № 105 (Минки и Миненки); с. 369, № 21; с. 355, № 141; с. 359, № 14; с. 249, № 24; с. 250, № 17; с. 259, № 34; с. 252, № 113.

Герасим Андреевич Халецкий принадлежал к знаменитому роду Халецких, из которого известны киевский городничий, посол к татарам Михайло и его сын, овруцкий староста, также носивший имя Михайло. Герасим Халецкий в 1528 г. находился в московском плену, а в 1540–1559 гг. был свидетелем документов в Житомирском повете (*Kuczyński*. 1934. S. 19, 23).

А. Л. Х., В. А. В.

473

1511 г. июля 16. — Продажный лист пол. путных слуг одноземцев Хотьевичей [пол. боярину] Митку Петровичу на землю «у Хотьевичох» и шестую часть озера Улича «обель вечно и непорушно», с описанием границ владений

Продажный лист имеет наиболее полный формуляр сравнительно со всеми предшествующими (№ 266, 316, 347, 391, 416, 450, 455, 461), хотя основные его части остались прежними. В публикации употребляются термины «вызнаваем» и «знакомите чиним».

В диспозицио имеется не только описание земли — пашной и сенажатей, но и ее подробнейший «обвод» (описание границ). В перечень продаваемых угодий входила и часть озера: «шостая доля на изгоне». Указана цена земли, которая продана «ѡбе*л*(ь) вечно и непорꙋшно».

В санкции указан штраф не только королю и воеводе, как обычно, но и городским властям (ратуше) Полоцка. Интересно, что этот штраф исчислен в архаичных денежных единицах — гривнах. Назначение штрафа в пользу ратуши было связано, очевидно, с тем, что покупатель земли Митко Петрович был полоцким мещанином — причем очень влиятельным (см. № 397, 416, 421 и комментарии к ним). Среди свидетелей мы находим известных по другим грамотам (№ 419, 432, 439) полоцких восковничих Родиона Борова и Савву Берницева, скрепивших своими печатями грамоту. Включение в число свидетелей известных полоцких мещан еще более усиливает уверенность в том, что продажный лист был оформлен в магдебургской канцелярии города Полоцка. В таком случае писавший грамоту Омельян Санкович — это очередной известный нам «дьяк местский» (см. их перечень: *Воронин*. 2012в. С. 242–243).

Социальная принадлежность продавцов выясняется из подтвердительного листа Сигизмунда Августа от 28 октября 1551 г., в котором указано, что они были путными слугами. Все продавцы были родственниками и, судя по общему патрониму — Хотьевичи, — происходили от одного предка. Именно по этой причине они совместно владели продаваемой землей. В силу того, что они были коллективными собственниками одного участка земли, они и назвали себя в продажной одноземцами.

Как и другие путные слуги, Хотьевичи не имели собственных печатей. И поэтому, как и другие путные слуги, поставили в документе вместо печатей свои бортные знаки — «клейна».

Судя по достаточно крупной сумме сделки — 33 рубля широких (пражских) грошей, а также по описанию границ, продаваемый участок земли имел немалые размеры. Он лежал на юго-восточном берегу озера Навлицкого, которое расположено примерно в 20 км к юго-западу от Полоцка. Именно здесь расположено село Хотьевичи. Название озера в грамоте передано явно неточно, и к тому же в разных случаях по-разному: «Улично», «Овличье». Вообще в грамоте много описок и ошибок, что стало результатом, очевидно, многократного ее копирования. Одна из таких ошибок привела к появлению «заборского мху» — по всей видимости, первоначально «загорского» — от деревни Загорцы, которая лежит на южном берегу Навлицкого озера. «Дорога великая сушинская», упомянутая в обводе, вела от деревни Сушино, расположенной в 7 км к югу от Навлицкого озера, к Полоцку.

В том же описании границ упомянуты «дуброва» и «владычное дубье». Отметим, что и сейчас на берегах Навлицкого озера растет роскошный дубовый лес.

А. Л. Х., В. А. В.

474

1511 г. июля 20. Берестье. — Уставной подтвердительный привилей кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого мещанам г. Полоцка на магдебургское право и другие свободы (позднейшая переработка и компиляция)

Текст грамоты сохранился в составе рукописного сборника, в который также входят еще одна копия этого документа, — правда, по большей части транслитерированная польской латиницей, а также немецкий ее перевод. Публикуемая «руская» кириллическая копия помещена в сборнике первой и датируется рубежом XVI–XVII вв. Два остальных документа переписаны несколько позднее и, таким образом, относятся к XVII в. Сборник отмечен в описи «Рутеники» Рижского городского архива, составленной в 30-е гг. XVII в., а содержание привилея довольно подробно пересказано (LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1482. Lp. 10; об этой описи см. введение в т. 1 настоящего издания.

Акт оформлен как подтвердительный привилей Сигизмунда Старого городу Полоцку на магдебургское право и датирован 20 июля 1511 г. Местом выдачи названо Берестье. Однако есть основания считать, что документ имеет несколько иной характер и в действительности создан позднее. Обратимся к его формуляру и содержанию.

Инвокация и аренга обнаруживают черты явного сходства с инвокацией и аренгой подтвердительного привилея Полоцку на магдебургское право, выданного тем же Сигизмундом Старым 27 августа 1510 г. (№ 459). Правда, аренга сильно искажена переписчиком, который, похоже, просто не уловил ее смыслового содержания. Немецкий перевод этой части вполне осмыслен и весьма точно передает ее смысл, при этом содержит исправления, которые свидетельствуют о его редактировании.

Наррация носит оригинальный характер. В общем и целом она основывается на трех документах, выданных великим князем литовским Александром в 1499–1502 гг. с целью уточнения и усовершенствования тех порядков, которые он ввел в Полоцке в 1498 г. (№ 354, 367, 381). Здесь же Сигизмунд декларирует нерушимость магдебургского права и от своего имени подтверждает его полочанам.

Диспозиция состоит в основном из статей, которые заимствованы из других, уже известных нам документов. Эти статьи лишь немного переработаны и отредактированы: иногда в них изменен порядок слов, в ряде случаев добавлены вводные слова и отдельные небольшие выражения, некоторые статьи пересказаны и т. п.

Первые статьи от слов: «Напервеи, што се дотычеть…» и до слов: «…весь на воита» взяты из уже упомянутого привилея 1510 г.

Несколько следующих статей от слов: «Теж, што се дотычетъ закла*д*нев…» и до слов: «…и*м* не надобе» заимствованы из подтвердительного привилея Полоцкой земле, выданного Сигизмундом Старым 23 июля 1511 г. в Берестье (№ 476, ст. 25–28).

Далее снова цитируются статьи привилея 1510 г.

Статья: «А пригодитьца мещанину… ани люде*и* ихъ сꙋдити» является пересказом одного из положений уставной грамоты Александра полоцким сельским путникам (№ 367).

После нее опять идет большая группа статей, взятых из привилея 1510 г., — до слов: «толъко свои*х*». В статье «А пригоди*т*ца мещанинꙋ которое дело до боярина…» в конце есть небольшое добавление, которого мы не находим в тексте привилея 1510 г.: «або то, щого хто подо*и*меть, або хто щого выкине*т*(ь)ся».

Статья о важнице взята из привилея 1511 г. (ст. 24).

Затем составитель снова возвращается к привилею 1510 г. Однако в многочисленных статьях этой группы мы находим ряд важных уточнений и дополнений.

Например, в статье о торговле лошадьми добавлено: «Так борышников… ховати мають».

Сильной переработке подверглась статья о выборах бурмистров. Если в привилее 1510 г. говорится о том, что их должно быть двое (годовых), то в публикуемом привилее бурмистров должно быть уже восемь, но каждые три месяца состав действующих бурмистров должен меняться. Иначе говоря, в Полоцке одновременно должно было быть два действующих бурмистра (один православный, другой католик), и таких пар должно было быть четыре в течение года.

В конце статьи: «Те*ж* бояре, которые домы…» добавлена новая фраза: «А па*к* ли бы хто хоте*л* мети… Алекса*н*де*р* коро*л*(ь) его мило*ст*(ь)».

Несколько переиначена статья об условиях выпаса лошадей, принадлежащих полоцким боярам и воеводе.

По сравнению с привилеем 1510 г. уточнена статья о суде над злодеями и разбойниками — судьи для них должны назначаться в зависимости от социальной принадлежности преступника. В качестве судей могли выступать воевода совместно с боярами (в тех случаях, когда преступник — господарский, княжеский, боярский или церковный человек) либо мещане (когда нарушивший закон был мещанином).

Не удалось найти первоисточник статьи: «Те*ж* которы*и* ли ко*л*(ь)ве*к* го*ст*(ь)… ино воевода маеть поправить».

Далее и до даты привилея дословно цитируются статьи привилея 1510 г. Единственное исключение — это статья о том, что полоцкие мещане будут обязаны ежегодно выплачивать в казну 200 коп грошей.

Хронологическая и топологическая даты указаны точно по шаблону привилея 1511 г. Состав свидетелей также практически полностью повторяет свидетельский состав подтвердительной 1511 г. Единственное исключение составляет киевский воевода, мозырский и мерецкий наместник Юрий Миколаевич (Радивиловича), который дополнительно фигурирует только в нашем документе. Кроме того, Немира Грималич назван здесь мельницким старостой, тогда как в подтверждении 1511 г. — наместником.

Корроборация также списана с областного привилея 1511 г.

Из вышесказанного видно, что публикуемый документ носит в основном компилятивный характер. Главным источником компиляции послужил подтвердительный привилей Сигизмунда Старого городу Полоцку на магдебургское право 1510 г. Однако разбираемый документ содержит также ряд дополнений и изменений, которые дают определенный материал для выяснения возможных причин и времени его создания.

Статья о сокращении магдебургских выплат «места Полоцкого» до 200 коп грошей носит уникальный характер, источник ее заимствования неизвестен. Самое раннее упоминание о

сокращении суммы магдебургских выплат «места Полоцкого» с 400 коп грошей, указанных в привилее Александра 1498 г., до 200 коп содержится в «судовом листе» Сигизмунда Старого и панов рады, который датирован февралем 1529 г. (АЛРГ. Вып. 1. № 191. С. 217; LM. Kn. 224. № 359. P. 302). К сожалению, в точности неизвестно, когда произошло это изменение, однако в подтвердительной на магдебургское право 1510 г. мы его еще не находим. Вместе с тем, «судовый лист» 1529 г. утверждает, что выплата этих 200 коп на тот момент не была нововведением: мещане вносили их и ранее («перед тым даивали»).

Сообщение привилея о восьми годовых бурмистрах, порядке их избрания и деятельности также является оригинальным. В уставной Александра и подтвердительной Сигизмунда речь идет всего о двух бурмистрах, которые избираются на год. Однако ситуация менялась. В середине XVI в. в Полоцке было уже четыре бурмистра (ПР 1552 г. С. 31–33). Подтвердительный привилей Стефана Батория на магдебургское право Полоцку 1580 г. также говорит о четырех бурмистрах, ссылаясь при этом на прежние порядки (АЗР. Т. 3. № 121. С. 256). Не совсем ясно, чем была эта фраза об увеличении количества бурмистров до восьми. Если планом, то он, по всей видимости, так никогда и не был реализован.

Указанные факты как будто говорят в пользу того, что компиляция была составлена между 1511 и 1529 гг. Для вящей важности и доверия она была оформлена в виде подтвердительного привилея, причем выданного во время работы сейма, в присутствии многих важных сановников.

Местом создания компиляции была, скорее всего, Вильня. Однако на такую роль может претендовать и Полоцк. Мотивом составления документа могло быть стремление полочан, а возможно, и центральной власти свести воедино и систематизировать все документы, посвященные введению в Полоцке магдебургского права и его дальнейшему изменению. Действительно, таких документов к 1511 г. было уже довольно много, и одновременное использование всех их создавало определенные трудности.

Однако каким путем, когда и зачем этот документ оказался в Риге?

Нельзя исключать, что это произошло уже в ближайшие десятилетия после создания компиляции — по крайней мере, до Ливонской войны. Конечно же, рижане были заинтересованы в том, чтобы больше знать о порядках и законах, которые царили в Полоцке, их важном торговом партнере (об этом свидетельствуют многочисленные пометы XVII в. на полях немецкого перевода привилея, которые помогают сориентироваться в его тексте). Однако имели ли они в это время возможность получить такой документ — либо из Вильни, либо из Полоцка? Такой вариант выглядит весьма проблематичным. Поэтому более правдоподобно, что документ попал в Ригу позже — между 1581 и 1621 гг., когда город входил в состав Речи Посполитой. В таком случае наиболее вероятная история создания документа выглядит следующим образом.

Компиляция, составленная еще в 10–20-е гг. XVI в., хранилась в Вильне. Когда Рига вошла в состав Речи Посполитой, рижане попросили прислать им официальный документ, который бы ознакомил их с порядками, существовавшими в полоцкой магдебургии. В ответ где-то на рубеже XVI–XVII вв. с компиляции была снята копия, которая и была отправлена в Ригу. Копию снимали, скорее всего, в Вильне. И совершенно определенно — в Великом княжестве Литовском, о чём говорит бумага местного производства. Возможно, экземпляр компиляции был и в Полоцке, однако полоцкие архивы сильно пострадали во время Ливонской войны, многие документы были уничтожены или вывезены в Москву. Поэтому вариант создания копии в Полоцке и ее пересылки оттуда в Ригу маловероятен.

Против создания компиляции непосредственно между 1581 и 1621 гг. говорит тот факт, что в ней не нашла никакого отражения подтвердительная грамота Стефана Батория на магдебургское право Полоцку, выданная 15 июня 1580 г. А ведь в глазах рижан ссылка на такой документ была бы очень авторитетной, ведь именно усилиями Стефана Батория Рига

была присоединена к Речи Посполитой. Разумеется, заимствования из привилея Стефана Батория 1580 г. были бы очень актуальными и для самих полочан, однако мы не находим их в компиляции.

В. А. В., С. В. П.

475

1511 г. июля 22. Берестье. — Жалованный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого господарским дворянам кн. Василию и Андрею Соколинским на волостку путных людей Непоротовцы в Полоцком пов.

История с пожалованиями князьям Василию и Андрею Соколинским сёл полоцких путных слуг началась еще 29 июня 1508 г., когда они получили от Сигизмунда Старого села Ладосно, Величковичи и Дернцы в Черсвятской волости Полоцкой земли (№ 431). Однако им пришлось судиться с полоцким воеводой Станиславом Глебовичем, который не желал им отдавать эти сёла, но был вынужден отступить на господарском суде 24 июня 1511 г. (№ 466). Как оказалось, это его отступление носило временный характер. Он всё-таки сумел убедить Сигизмунда в том, что передача этих сёл путных слуг в частные руки «шкодно» скажется на состоянии государственного хозяйства и обороноспособности Полоцкой земли. Не прошло и месяца, как Сигизмунд всё-таки изменил свое решение и изъял указанные сёла у Соколинских. 22 июля 1511 г. они получили замену в виде еще одной волостки путных людей — Непоротовской, которая находилась к северо-востоку от Себежской волости, в верховьях р. Великой, на самой границе с Русским государством. Однако и здесь Соколинские не смогли надолго удержаться. Уже очень скоро Непоротовская волостка была возвращена в состав великокняжеских владений (№ 482).

Путные же люди, населявшие ее, позднее находились на особом положении «панцырных бояр». После же включения этого района в Российскую империю они упорно добивались свободы. В 1819 г. возникло даже специальное дело: «Об отыскивающих вольности панцырных боярах, пожалованных разным лицам» (РГИА. Ф. 1347. Оп. 64. Ч. 1. Д. 718).

Весьма любопытен рапорт из Полоцкого наместнического правления в Третий департамент Сената от 13 января 1781 г. (РГИА. Ф. 1347. Оп. 64. Ч. 1. Д. 718. Л. 21 — 21 об.): «Литовския князья и польские короли, будучи во время Великого княжества Литовскаго и Белоруссии наследственными владельцами, желая иметь в военное время конницу, разныя разным обывателям жаловали земли с обязательством, дабы с таковой земли военная служба производилась, между которыми находились бояра, земяна и сельские мещана, и имея жалованныя земли по привиллегиям, обязаны были производить конную военную службу, как о том давныя привиллегии и статут великаго княжества Литовского показывают. А в силу таковаго узаконения еще в прошлом 1547 году февраля 21-го числа последней наследник из фамилии Ягелла, польской король Зигмунт Август, по прозбе бояр, рыцерства, мещан и всей Полоцкой земли, на основании жалованных грамот и давних привиллегий, жалуя полоцким обывателям, боярам, рыцерству и мещанам, разныя вольности, пространно во оной привиллегии изображенные, между прочем и то для них предохранил, ежели бы кто содержал отцовския имении, или те, которые велики князи Витолд дал и великой князь Свидригайло, дед, дядя и отец наш и мы сами дали; то ему во владении так, как в Польском королевстве, князья, и помещики, и мещане содержать, и пожелали бы кто из них свое имение продать, отьдать, променять, то о том объявив нам или наместнику нашему, учинить вольно будет».

Панцырные и путные бояре в течение XVI–XVII вв. неоднократно получали привилеи на земли и вольности — от короля Стефана Батория (7 мая 1580 г.), короля Сигизмунда III (15 июня 1593 г.), полоцких воевод Андрея Сапеги (27 ноября 1597 г.) и Януша Кишки

(13 октября 1632 г.), королей Владислава IV (30 апреля 1636 г.), Михаила Корибута Вишневецкого (19 апреля 1670 г.), Яна III Собеского (15 марта 1680 г.), Августа II (3 марта 1720 г.), Августа III (12 ноября 1746 г.), Станислава Августа Понятовского (19 сентября 1764 г.) (РГИА. Ф. 1347. Оп. 64. Ч. 1. Д. 718. Л. 21 об. — 23; см. также: ИЮМ. Вып. 28. № 38. С. 161–165, 15 декабря 1681 г.).

Удалось им добиться свободы и в Российской империи. В 1828 г. в результате межевания они были причислены к помещичьим, а в 1832–1838 гг. вновь возникло Непоротовское войтовство (ЦГИА СПб. Ф. 384. Оп. 1. Д. 1104, 1832–1838 гг.), в виде Непоротовского сельского общества дожившее до конца XIX в. (*Сапунов*. 1906. С. 377–379).

О князьях Соколинских см. также № 431, 446, 472.

А. Л. Х., В. А. В.

476

1511 г. июля 23. Берестье. — Уставной подтвердительный привилей кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого Полоцкой земле

Привилей Полоцкой земле, утвержденный на «великом сейме» в Берестье, продолжавшемся с 23 мая по 10 сентября 1511 г. (*Любавский*. 1900. С. 188–189), на всём протяжении дальнейшего существования ВКЛ и Речи Посполитой определял основы социально-политического устройства этого региона. Он подтверждался 21 февраля 1547 г. (АЗР. Т. 3. № 5), 7 мая 1580 г. с дополнениями Стефана Батория (сохранился оригинал: Архив СПбИИ РАН. Кол. 13. Оп. 1. Ед. хр. 312), 25 июня 1593 г. (АВАК. Т. 13. № 21), в 1634 г. (АЗР. Т. 2. С. 90. Прим. 3) и даже в 1788 г., когда Полоцк входил в состав Российской империи. В последнем случае он вошел в постановление о панцырных боярах (*Леонтович*. 1894. С. 45; SD. Т. 2. № 2344). Привилей был занесен в полоцкие гродские книги 13 мая 1763 г., а в витебские — 12 мая 1663 г. (ИЮМ. Вып. 28. Витебск, 1900. № 42. С. 221–233). Витебский областной привилей, в отличие от полоцкого, уже в середине XVI в. потерял значение: он подтверждался лишь в 1503, 1509 и 1547 гг. (*Якубовский*. 1903б. С. 247–248).

Документ имеет два самоназвания: в заголовке конца XVI в. он назван «привилеем», т. е. жалованной грамотой, в наррации — «листом». «Листами» там же названы и предшествовавшие документы Казимира и Александра. Однако для предшествующего времени говорится просто о «доброволенствах» — Витовта, Сигизмунда Кейстутовича и Скиргайла (правда, в заголовке и оны превращены в «привилеи»). Разница самоназваний объясняется просто: термин «лист» к концу XV — началу XVI в. сменил и полностью вытеснил наименование «грамота», а «привилей» — наименование «жалованная грамота» всех разновидностей.

Хотя, действительно, по форме сохранившийся в виде привилея 1511 г. документ и называет себя привилеем или листом, называть его так с точки зрения его содержания не вполне корректно, в особенности если иметь в виду этапы его складывания (об этом см. ниже). Для привилея характерно такое соотношение сил, при котором проситель лишь приносит челобитную, а верховная власть дарует то или иное право или преимущество. В полоцком же областном привилее закрепляются прежние установившиеся в течение столетий отношения города и верховной власти. В данном документе речь идет не столько о предоставлении каких-то прав, но в основе своей — о наступлении на права города, о ломке рядных грамот, ограничении прежних прав города и т. д. Лишь тогда, когда были сломлены эти права, — тогда уже можно было предоставлять какие-то иные. Однако в сохранивших некоторые прежние установления рядных города с князьями часть статей оформлена в виде негативных — «городом не дарити», «не ездити» и т. д. Одновременно речь шла и об ограничении прерогатив

верховной власти по отношению к городу, и о частичном сохранении тех отношений, которые характерны для периода самостоятельности города.

Пожалуй, наиболее точно специфику уставных определил Я. Якубовский, сравнивший их с *privilegia terrestria*, *Landesprivilegien*. Он писал: «Это были жалованные грамоты, по форме своей являвшиеся односторонними обещаниями государя (иногда скрепленными присягой) хранить основные права земли. В действительности же это были компромиссы между могущественными сословными корпорациями и монархом. Монарх отказывался от части своей власти в пользу господствующих сословий» (*Якубовский*. 1903а. С. 239). Последнее обстоятельство подчеркивал и Н. П. Ковальский, правда, по отношению не к Полоцкой, но к Волынской грамоте, которую он называет «уставной грамотой, выданной светским и духовным феодалам Волыни королем Александром… о подтверждении их прав, привилегии и осуществлении судопроизводства» (*Ковальский*. 1978. С. 20). Вероятно, по существу Н. П. Ковальский прав, однако документ представлен его составителями как адресованный всей «земле» со свойственной феодализму тенденцией идеологической маскировки.

Адресатами № 476 названы «бояре и мещане и вся земля Полоцкая» как в его заголовке, так и в самом тексте. Правда, в тексте добавлено — «весь город». Содержание грамоты заголовок определяет как «привилей… на права и вольности», текст грамоты — как подтверждение «прав и доброволенств», «доброволенств, листов» и предоставление «прав вольных христианских добрых и справедливых».

В этой связи обращают на себя внимание термины — «право», «доброволенство». Термин «право» был в высшей степени многозначен (*Старостина*. 1976. С. 101), на территории ВКЛ он уже в XVI в. практически вытеснил термин «правда», сохранив его семантическую нагрузку. Исключением являются договорные грамоты литовских господарей со Псковом, Новгородом, князьями Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси, в которых термин «правда» употреблялся до середины XV в. Так, в договоре со Псковом от 30 декабря 1440 г. предусматривался суд: в ВКЛ «по великого князя правде», во Пскове — «по псковской правде» (ГВНП. № 335. С. 322); в договоре с Новгородом и в ВКЛ «по княжой правде» (ГВНП. № 70. С. 116). Удивляет отличие формулировок в этих договорах, либо в договоре с Новгородом просто описка, либо в 1441–1442 гг. (*Янин*. 1991. С. 178) в Новгороде еще не существовало Судной грамоты. В договоре Казимира с Фёдором Львовичем Новосильским и Одоевским 1442 г. также употребляется этот термин: «А толко кто не въсхочетъ правъды дати… ино снять целованье долов, а нам воля…». Предусматривался, как и в предшествующих докончаниях, суд «в правъду» (ДДГ. № 39. С. 117).

В памятниках полоцкой письменности термин «право» впервые встречается в 1405 г. (№ 52) для обозначения совокупности юридических норм, принятых в Риге и Полоцке. Характерно, однако, в этом проекте договора сочетание терминов «правда» и «право». Полочане требовали, чтобы рижане «дали правду» полоцкому послу, и обещали, что «наш посол вам дастъ чисто правду без всякоя хитрости нашим правом». В полоцком проекте торгового договора 1405 г. «правда» выступает более узким понятием сравнительно с «правом».

В привилее же 1511 г. этот термин, обозначающий сумму конкретных привилегий населения Полоцкой земли, сопровождается определениями «во*л*(ь)ная хр(ес)тия*н*скаѧ добраѧ и справе*д*ливаѧ». По мнению Я. Якубовского, так обозначены статьи, заимствованные составителями из земского привилея 1447 г. (*Якубовский*. 1903б. С. 270–272). Однако впоследствии выяснилось, что эта характеристика охватывает более широкий спектр прав и свобод (*Груша*. 2014а. С. 237–243; *Hruša*. 2015).

Термин «доброволенство» ранее употреблялся лишь в уставной грамоте на магдебургское право (№ 349). По-видимому, он вошел в оборот лишь в самом конце XV в. для обозначения каких-то конкретных прав и привилегий. Лишь позднее термин приобрел собирательное значение.

Привилей открывается инвокацией, содержащей одну из ее модификаций начала XVI в. («Во имя Божье, аминь»), апрекации, формулы вечности, сходной с земским привилеем 1447 г., точнее, его «руским» переводом второй половины XV в. В последнем читаем: «Вси речи, которые ж бывают, от людской памяти поспол с часом отходять, а ни потом к памяти могуть приведены бытии: олиж писмом имають потвержены быти» (АЗР. Т. 1. № 61. С. 73; латинский текст: CESXV. T. 3. № 7). Если в земском привилее 1447 г. формула вечности была помещена отдельно: «К вечной речи памяти», то в уставной грамоте 1511 г. она включена в аренгу.

Формула нотификации в сочетании с инскрипцией («Чиним знаменито сим нашим листом») употреблялись очень широко в международных договорах, земских привилеях великих князей литовских, правых, присяжных и пр. (*Старостина*. 1976. С. 102–103).

В наррации великий князь литовский объясняет, что исходным моментом для выдачи уставной было «челобитье» полоцких бояр, мещан, всего города и земли, однако причины выдачи грамоты Сигизмунд объясняет как желание вознаградить полочан за их «суполную верность» литовскому правящему дому. Естественно, в условиях, когда правители Русского государства не оставляли намерения объединить под своей властью земли Древнерусского государства, верность полочан нуждалась в материальном подкреплении. Действительно, на протяжении войн первого десятилетия XVI в. (1500–1503, 1507–1508 гг.) полоцкие феодалы, в частности Епимахи, активно участвовали в обороне ВКЛ.

Однако всё содержание привилея нельзя возводить ни к началу XVI в., ни ко времени выдачи земского привилея 1447 г. Как справедливо отметил Я. Якубовский, полоцкая уставная грамота пополнялась и после 1447 г. Он объяснял это значительной ролью города в политической жизни ВКЛ: в особенности важно было участие полочан в обороне государства.

Диспозитивная часть полоцкого привилея имеет весьма странную, на первый взгляд, структуру: это мешанина без определенного порядка и плана. Содержание этой части привилея, включающей в себя несколько хронологических пластов, было предметом специального внимания в новаторской статье Я. Якубовского 1903 г., который развил высказанную ранее мысль М. Н. Ясинского. Я. Якубовский выделил в основной части статьи, восходящие ко времени полоцкой независимости и входившие в состав рядной грамоты полочан с приглашаемыми в город князьями, а также статьи привилеев Витовта, Сигизмунда Кейстутовича, Скиргайла, Казимира, Александра и, наконец, Сигизмунда Старого (*Якубовский*. 1903б. С. 272). Тот же исследователь установил приблизительное время их возникновения: грамоты Витовта в 1392–1399 гг., Казимира — вслед за М. К. Любавским (*Любавский*. 1900. С. 109–110) — в 1451 г., Александра — в 1492–1499 гг. Эти выводы можно уточнить. Так, если верхней хронологической границей выдачи областного привилея Витовтом Я. Якубовский справедливо считал его визит в Полоцк в начале марта 1399 г. (см. о нём № 39 и комментарий к нему), то нижняя не может быть древнее 27 апреля 1393 г., когда в Полоцке еще распоряжался Скиргайло (см. Прил. № 3 и комментарий к нему). Выдачу областного привилея Казимиром не обязательно относить к сейму 1451 г. или его последующему визиту в Полоцк. Более того, несмотря на совпадение некоторых статей полоцкого областного привилея с положениями земского привилея 1447 г., первый мог быть выдан и раньше этого последнего, например, вскоре после возвращения Полоцка под власть Казимира в 1440 г. или накануне его отъезда в Польшу, в мае 1447 г. (см. комментарий к № 120). К примеру, ряд норм земского привилея 1447 г. нашел воплощение уже в Казимировом привилее Новогородской земле 1440 г. (*Жемайтис*. 1997). Палеографические и дипломатические признаки этого документа вполне соответствуют концу 30-х — началу 40-х годов XV в. (*Hruša*. 2015. S. 121, przyp. 9), так что попытки объявить его фальсификатом (*Старостина*. 2005) неубедительны.

Заслуживает внимания предложенная Я. Якубовским методика исследования — сопоставления областных грамот с «общеземскими», с одной стороны, и другими областными, с дру-

гой. При этом существенно, что Я. Якубовский не ограничился сопоставлением с грамотами, вышедшими с территории ВКЛ, но привлек и другие восточнославянские рядные, в частности новгородские (*Якубовский.* 1903б. С. 269, 270, 273). В целом выводы Я. Якубовского сохраняют актуальность по сей день, с учетом некоторых поправок и дополнений, предложенных М. Д. Макаровым (*Макараў.* 2008. С. 134–159). В настоящее время можно лишь проверить и уточнить некоторые положения, провести терминологические сравнения с памятниками восточнославянского права, еще не привлекавшимися в этой связи. Возможно, подлежит пересмотру и положение Я. Якубовского, правда, нигде им отчетливо не сформулированное, о несколько прямолинейном наращивании статей уставной грамоты. Не исключена и другая гипотеза — статьи древнего происхождения извлекались из сокровищницы «актовой мысли» в результате реального соотношения сил (ср. новгородские рядные, значительно отличающиеся друг от друга), некоторые опускались, наконец, третьи видоизменялись.

Не вызывает сомнений, что ст. 2 («А хто кого ѡбади*т*(ь)… казънити»), 3 («А которыи котор*ꙋ*ю вину… винова*т* б*ꙋ*детъ»), 4 («Такъже хто де*р*жить… де*р*жать»), 5 («Въсхоче*т*(ь) ли свое именье… заменити»), 8 («Такежъ которы*и* бояринъ… пе*р*вого м*ꙋ*жа»), 9–10 («Такъже на бояръски*и* люди… въст*ꙋ*патисѧ») восходят к земскому привилею 1447 г. Ст. 25 («Такъже которы*и* домы и мѣстца… платити»), 26 («А которые за местомъ фольваръки… хлебъ робили»), 27 («Таке*ж* бояре полоцъкие… к*ꙋ* пожитъку нашом*ꙋ* и земъскому») восходят к правотворчеству Александра, с соответствующими поправками от имени Сигизмунда Старого. Наконец, этому последнему бесспорно принадлежат ст. 24 («Такъже важъниц*ꙋ*… на свои потребы»), 28 («А што сѧ тыче*т*(ь) серебъшчины… не надобе»), 29 («Те*ж* которые бояре… въ его воли»). М. Д. Макаров обосновал датировку 1511 г. ст. 19 (о запрете давать в Полоцк «заставы», т. е. гарнизоны, вопреки воле полочан) и 23 (о традиционном порядке охоты на бобров) (подробнее см.: *Макараў.* 2008. С. 140–144).

По синтаксическому строю Я. Якубовский разделил полоцкую уставную на две части: одна состоит «из пространных статей… не ранее второй половины XV столетия» и другая — «из коротких» (*Якубовский.* 1903б. С. 268). И ту и другую части следует подразделить еще на несколько: одни начинаются с союза «А» (это ст. 6, 10–15, 17–23, 31–32, 36–39, 41–45, 47, 48, 50, 52, 53), другие — со словосочетания «А которыи» (ст. 3, 26, 34, 51). Имеется еще два словосочетания, открывающие фразу: «А што» (ст. 28) и «А хто» (ст. 2). Две статьи лишены какого бы то ни было союза (ст. 1, 5). Все остальные открываются различными формами союза «также» или «теж» (4, 7–9, 16, 24, 25, 27, 29–30, 33, 35, 40, 46, 49, 54). Подобные союзы и словосочетания могут служить некоторыми индикаторами древности происхождения: статьи, открывающиеся «А», несомненно принадлежат к наиболее ранним и по содержанию.

Следы разновременности можно обнаружить и в терминологии, обозначающей местного представителя великокняжеской власти: в двух статьях это наместник (ст. 5 и 9), в десяти — воевода (ст. 21, 37, 39, 40, 46–48, 51, 52, 54). Я. Якубовский полагал, что в привилее просто непоследовательно проведена замена термина «наместник» на термин «воевода», предпринятая при Александре или даже Сигизмунде, ибо вслед за Ю. Вольфом считал, что воеводы появились в Полоцке лишь в начале XVI в. Это, однако, не совсем точно: воеводами полоцкие наместники именуются уже с начала XV в. (если правильна датировка послания Прижкинта), особенно интенсивно — в середине и второй половине XV в. Впрочем, оба случая употребления термина «наместник» трудно связать с конкретными полоцкими статьями. «Наместник» упомянут в статьях, заимствованных из земского привилея.

Воевода в полоцком привилее выступает то с определением «наш» (ст. 21, 47 и 51 — союз «А», ст. 46 и 54 — союз «также»), то безо всякого определения (ст. 37, 39, 48 — союз «А», ст. 40 — «такъже»). Поскольку употребление «воеводы» без определения по преимуществу совпадает с применениям союза «А», можно думать, что статьи, где воевода не имеет определения, сохранили более старую традицию.

Стилистические различия в определении представителя местной власти в Полоцке и верховной власти также свидетельствуют о разновременности создания таких статей. Ст. 11 о правилах суда над мещанами предписывает «судити ему», по-видимому наместнику, в остальных же случаях идет речь от первого лица множественного числа (откровенного «мы» Сигизмунда в ст. 31 и его же в переработанной статье Александра — ст. 27, «мы» Александра — ст. 25, более прикрытого «нам» — ст. 6, 15, 18, 19, 30, 32–34, 44, 49, 51 или «с нами» — ст. 20, «от нас» — ст. 47). Такого же порядка применение притяжательного местоимения множественного числа «наш»: «наш княжий двор» — в ст. 14 Александра (или просто «наш двор» в ст. 37а), «место наше Полоцкое», «предки наши», «ласка наша», «отец наш» — в ст. 24 Сигизмунда, «предки наши» — в ст. 25 Александра, «наши боры и лесы» (ст. 29), «наши реки и озера» (ст. 31), «наша держава» (ст. 33). Употребление местоимений «мы» и «наш» ясно обнаруживает следы переработки или позднего создания тех или иных статей, написанных от имени великого князя: в ст. 44 значение личного местоимения раскрывается — «нам, господару». Поэтому форма тех статей, в которых встречаются эти личные местоимения, не идентична их древней форме.

По-разному определяются и жители Полоцка и Полоцкой земли. В древнейших статьях получатель привилегии не называется. Это безличные предложения, где глагол стоит в инфинитиве в сочетании с дательным падежом (предписание кому-либо делать или не делать что-либо): «веры не няти», «не сажати», «не ездити», а сами постановления касаются и жителей, и представителя местной власти. Вторым хронологическим пластом могут быть статьи, в которых появляется упоминание о «полочанах» (например, ст. 17), собирательное наименование, напоминающее «новгородцев» новгородских рядных. В третьем пласте (ст. 9, 17, 18) появляются лица с более точной социальной характеристикой: бояре, мещане, затем и сябры городские, и посельские путники.

Для выделения древнейшей части полоцкого привилея Я. Якубовский пользовался по преимуществу сопоставлением с аналогичным витебским привилеем, который в основном сохранил статьи, внесенные до 1447 г. и даже до 1440 г., правда, в очень переработанном с точки зрения языка виде (*Якубовский*. 1903б. С. 263, 264). Дополнительные аргументы в пользу причисления тех или иных статей к древнейшим Я. Якубовский черпал из новгородских рядных грамот второй половины XIII — начала XIV в. Признавая перспективность такого сопоставления, нельзя не отметить, что она, как и сопоставление статей полоцкого и других областных привилеев ВКЛ, всё же дает очень широкий простор для датировки отдельных статей памятника. Статья могла на протяжении долгого времени повторяться в одной и той же архаичной формулировке: например, такие формулировки встречаются в отмеченных выше статьях Новогородского областного привилея 1440 г., за которым, судя по всему, не стоит какая-либо древняя традиция (если только не считать, что они попали туда из полоцкого областного привилея, привезенного полочанами в Троки в 1440 г. и использованного в качестве образца). Формулировки статей могли развиваться разными путями и с разной скоростью в разных частях Руси — Западной, Северо-Западной и Северо-Восточной. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что какие-то «доброволеньства» полочане получили не позже эпохи Витовта, несмотря на то что соответствующее указание в тексте 1511 г. можно толковать двусмысленно — и как указание на существование письменного документа, и как воспоминание о нём. Вероятно, существлвал и некий предшествовавший им «ряд» полочан с князем, откуда были заимствованы эти статьи. Я. Якубовский датировал его возникновение первой половиной XIV в. — временем утверждения в Полоцке литовских князей (*Якубовский*. 1903б. С. 278). Известны случаи, когда и в других частях Руси подобные «ряды» оформлялись письменными документами.

К «ряду» полочан с князьями Я. Якубовский относит ст. 1, 6, 7, 12–15, 17, 31, 53. К этому он добавляет исчезнувшее из полоцкой грамоты после 1447 г. установление: «А о обаде ис-

права дати» (*Якубовский*. 1903б. С. 296–297). С большинством этих предположений можно согласиться. Доказательство древности некоторых из этих статей можно обнаружить и в других уставных ВКЛ и в договорных князей Северо-Восточной Руси. Так, в привилее киевским мещанам значится: «А холопу и робѣ не верити» (LM. Kn. 5. № 35. P. 52), в новгородской рядной 1270 г. — «А холоп и роба почнетъ вадити на господу, тому ти веры не яти» (ГВНП. № 3. С. 13; ср. № 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22. С. 16, 17, 20, 22, 28, 30, 36, 40). Несколько отличное установление содержит договор Василия I с тверским князем Михаилом Александровичем 1399 г.: «А кто холопъ или роба имеет ся тягати с осподарем и пошлется на правду, а не будет по них поруки, ино их обинити» (ДДГ. № 15. С. 42; *Кучкин*. 2003. С. 347). Если предположить, что на всём протяжении восточнославянского мира в конце XIV в. происходили изменения в положении холопов, то **ст. 14** полоцкого привилея можно датировать второй половиной XIII — концом XIV в. Впрочем, А.А. Зимин относит эту статью исключительно к тверским грамотам (*Зимин*. 1973. С. 349).

Принцип окончательности суда и непересмотра прежних судебных решений (**ст. 17**) был краеугольным камнем всего судебного порядка средневековья: «Суженого не посужати» (ДДГ. № 9, 15. С. 28, 42; *Кучкин*. 2003. С. 341, 347). То же самое в новгородской рядной 1265 г. «грамот не посуживати» или «не посужати» (ГВНП. № 3, 14). Можно предполагать, что и в указной Казимира Брянску 1465 г., где содержалось положение: «а суды судити по старине», речь шла о таких же порядках (LM. Kn. 3. № 4. P. 69; *Хорошкевич*. 1998. С. 55).

Несколько сложнее обстоит дело со **ст. 12** о поруке: «А черезъ порѹку в ня*т*ство не сажати». Ближайшей аналогией к этой полоцкой статье является статья Двинской уставной грамоты: «А черес поруку не ковати» (АСЭИ. Т. 3. № 7. С. 21). Сходство этих статей — смысловое, синтаксическое и лексическое — поразительно, но вместе с тем и понятно. Порука была одной из важнейших форм судопроизводства на Руси. Обвиняемый, как правило, давался приставом, вызывавшим его в суд или обвинявшим его от имени истца, на поруку. При этом подчеркивалось право жителей подчиняться лишь соответствующему приставу, например, дворцовому рыболовов и сокольников дворцовой Переяславской волости или митрополичьей волости Караш (АСЭИ. Т. 3. № 25, 26. С. 46, 48, 1506 и 1507 гг.; АФЗХ. Т. 1. № 6. С. 26). Михаил Андреевич Верейский предупреждал, что жителей с. Илемна «на поруку не дать без моеи без приставнои грамоты» (АСЭИ. Т. 1. № 345. С. 252, 1 апреля 1467 г.; АФЗХ. Т. 1. № 280. С. 244, 1464–1473 гг.). Аналогичные предупреждения делал и Иван III игуменам Спасо-Ярославского монастыря (АСЭИ. Т. 3. № 197, 216. С. 209, 233, 1463–1478, 1498 гг.), а Михаил Борисович Тверской — старцам Калязина монастыря (АСЭИ. Т. 3. № 158. С. 174, июль 1483 г.). На Белоозере пристав ничего не получал от «дачи» на поруку (АСЭИ. Т. 3. № 22. § 16, 22. С. 40, март 1488 г.). Согласно жалованным несудимым иммунист освобождался от поруки (АСЭИ. Т. 3. № 253, 269 и др.; АФЗХ. Т. 1. № 71, 190, 210, 264. С. 76, 171, 185, 234).

Нарушителей привилегий, в том числе освобождения от стана и предоставления корма, следовало давать на поруку и ставить перед верховной властью, в частности перед князем (АСЭИ. Т. 1. № 360, 405, 493, 500. С. 264, 297, 373, 374 и др.). В случае обнаружения поличного, задержания татя или душегубца, виновного в укрытии ворованного или преступника следовало дать на поруку, установив срок явки на суд (АСЭИ. Т. 1. № 516. С. 390–391, июнь 1485 г.; Т. 2. № 108. С. 67, 1448–1470 гг.; конкретный случай применения этой нормы см.: АФЗХ. Т. 1. № 222. С. 194–197, 2 июня 1528 г.).

На поруку «подавали» за неуплату пошлин (АСЭИ. Т. 1. № 532. С. 409, 1486–1490 гг.), за невозвращенные долги. Так, в духовной Остафия Онаньевича конца XIV в. содержится следующее условие: «у Селенца… полтина, а Максимке в поруке» (АСЭИ. Т. 3. № 292. С. 317). Вывод серебрянников из Ферапонтова монастыря разрешался Михаилом Андреевичем Верейским только при условии поручительства за это серебро: «А которые будут вышли в монастырском серебре въ твои путь, и они бы дело доделывали на то серебро, а в серебре бы

ввели поруку; а осень придет, ини бы серебро заплатили» (АСЭИ. Т. 2. № 326. С. 308, 1455–1467 гг. Ср.: АСЭИ. Т. 3. № 366. С. 387, 1487–1500 гг.). На «поручников» ссылались, давая то или иное обещание: будь то исправить межу, как Фёдор Владимирович Долгоруков (АСЭИ. Т. 1. № 647. С. 564, 1503–1504 гг.), будь то обязательство не отъезжать от великого князя. Так, И. Н. Воронцов ручался за кн. Данила Дмитриевича Холмского (АСЭИ. Т. 2. № 19. С. 35, 8 марта 1474 г.). Поручником кн. Дмитрия Шемяки выступал кн. Пётр Ряполовский (правда, в ничтожной сумме 50 руб.), а Иван Засека был «на поруце во сте рублях» (ДДГ. № 34. С. 88, 1435 г.).

Лишь в начале XVI в. порука как средство обеспечения долга иногда сменялась закладом недвижимого имущества. Евфимия (Афимья), вдова Дмитрия Фёдоровича, с сыном «закобалили… в тех деньгах с сабою, поруки места, отчину свою деревню Бегаркина» (АСЭИ. Т. 3. № 370. С. 390, 1509–1510 гг.).

Как показывают приведенные примеры из юридической практики Северо-Восточной Руси (к сожалению, аналогичных данных, происходящих из Полоцкой земли, не имеется), сфера действия поруки была очень широка. Порука применялась и в случае тех конфликтов, которые носили межгосударственный характер. Запись о душегубстве середины XV в. предусматривала: «А поимают (тверитина. — *А. Х.*) в пенном деле, ино его дать на поруце, а искати на нем во Тфери» (АСЭИ. Т. 3. № 12. С. 28). В договоре Дмитрия Донского с Михаилом Александровичем Тверским предусматривается неограниченный срок давности по делам о «поручном»: «суд от века» (ДДГ. № 9. С. 28; № 15. С. 42 и последующие: № 43, 44, 48 и др.; *Кучкин*. 2003. С. 342, 347).

В Двинской уставной грамоте 1397–1398 гг. подробно объяснялось, что иноземца, на которого кто-либо подает иск, следовало дать на поруки: «А кто на кого челом бьет… а он не станет у суда… а кто будет не тутошнеи человек, ине его дадут на поруце» (АСЭИ. Т. 3. № 7. С. 21).

В полоцком «Слове Изяслава» XIII в. значится: «Поручники и должники и холопы выдати» (см. № 2). То же условие содержится в древнейших новгородских, тверских и московских грамотах (ГВНП. № 4. С. 14, 1296 г.; ср. № 9, 10, 12. С. 20, 21, 24, 1307, 1317 гг.).

Применение нормы полоцкой уставной грамоты объясняет договор Смоленска с Ригой, где предусматривается случай, когда «извинить ся» иноземец в Смоленске или смольнянин в Риге: «оже будеть порука на нь, то дати на поруку», запрещалось сажать его «в дыбу», «в погреб» и т.д. в случае же отсутствия поруки, «то лзе его в железо въсадити» (СГ. С. 11, 21, 26, 31, 40–41, 46–47). В Двинской уставной грамоте указывалась и оплата за это: «А железного четыре белки, толко человека скуют, а не будет по нем поруки» (АСЭИ. Т. 3. № 7. С. 21). Однако полоцкий привилей употребляет иной термин, нежели договор Смоленска с Ригой: вместо «дыбы», «погреба», «желез» здесь «нятство» — термин, связанный в XIV в. чаще всего со сферой военных отношений. Так, в докончании Дмитрия Московского с Михаилом Тверским 1375 г. дважды повторено почти в одних и тех же выражениях требование «снять» поруку и отпустить «нятцев», т. е. полоняников (*Зимин*. 1973. С. 349): «А что еси целовал к нам наперед сего, что будет на ком не взято на нятцех или на их поручницех княженья великого, или нятци не попущаны или порука не сведена… взятое все отъдати по тому целованью, а с поручников порука свести, а нятци попущати». Во второй раз уточнено, что это же касается и «новгородцев, новоторжан» и жителей пригородов, а нятцы находятся у самого великого князя, его бояр, слуг или «у людеи в твоеи вотчине» (ДДГ. № 9. С. 26–28; *Кучкин*. 2003. С. 340, 341). Аналогичное установление и в договоре Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским и Боровским: «А что в наше нелюбье кого есмы поимали твоих, а иных на поруку издавали и к целованью привели, нятцев нам отпущати, а порука и целованье свести, а взятое по исправе отъдати» (ДДГ. № 13. С. 38, 1390 г.). «А нятци вы мои, которые у вас сидят, те вы отпустите свободны. А которые на поруце, а с тех вы порука свести», — требовал Василий Темный от двух братьев Дмитриев Юрьевичей (ДДГ. № 34. С. 88, около

1435 г.) «А хто будет нятцев изниман, или на поруце дан, или к целовань приведен, а тех пустити без окупа, и порука и целованье свести на обе стороне» (ДДГ. № 24. С. 65, 67, 1428 г.).

Если в конце XIV в. в понятии «нятци» трудно было выделить какие-либо оттенки: «нятцами» были все полоняники, отпускаемые на поруки, при условии, если находились «поручники», как показывает текст договора Василия Дмитриевича Московского и Фёдора Ольговича Рязанского (ДДГ. № 19. С. 54. 1402 г.; ср.: *Срезневский*. Т. 2. Стб. 490), то в XV в. «нятци» противопостовляются «полону» более определенно. В договоре Василия II с Василием Юрьевичем Галицким идет речь отдельно о «нятцах», «на которых пойманы кабалы или в целованьи и на поруце у мене, или серебру перевод учинил…», и о «полоне» (ДДГ. № 36. С. 102, 104–105, 1435 г.). То же и в договоре с Дмитрием Юрьевичем Галицким (ДДГ. № 38. С. 108, 111, 114, 116, 1441–1442 гг.). Вероятно, в двух последних договорах под «нятцами» понимались лица, принадлежавшие к привилегированному сословию, могшие получить свободу при условии поручительства за них, то есть почетные пленники.

В памятниках Северо-Восточной Руси термин «нятство» применялся по отношению к лицам феодального происхождения. Уже в середине XV в. термин «нятство» применялся в значении «ареста, задержания» по отношению к князьям, боярам, дворянам: в «нятстве», например, находился кн. Василлий Ярославич (ДДГ. № 62. С. 200, конец 50-х — начало 60-х гг. XV в.). В памятниках Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси отчетливо прослеживается противоположность грабежа и «того, что взято на нятцах»: «А что отець твои Олег Иванович воевал Коломну в наше нелюбье и иная места, что нашеи отчине взято что на нятцех, то отдати… А с поручников порука и целованье свести. А что грабеж, тому погреб». Со своей стороны Василий Дмитриевич обещает Фёдору Ольговичу Рязанскому: «А что взято на полоняницех, а то нам отдати, а порука и целование свести. А что грабеж, тому погреб» (ДДГ. № 19. С. 54, 1402 г.).

Очевидно, что толкование нятцев как пленных, полоняников (И. И. Срезневский, А. А. Зимин) совершенно правильно. В Северо-Восточной Руси термин «нятство» приобрел значение «ареста, задержания» лишь в самом конце XV в. По-видимому, на Западе Руси, в том числе и на территории верхнедвинских земель, он раньше приобрел это значение, так как употребление слова «нятство» в полоцком и витебском привилеях имеет значение общей нормы, включает все виды поручительств, весьма разнообразные в Средневековье.

Сопоставление полоцко-витебской и смоленской статьи с двинской дает основание предположить, что нятство обязательно сопровождалось наложением железных оков, уз.

Сопоставление этих грамот с двинской важно и для хронологического приурочения этой статьи. Очевидно, подобная практика была уже настолько распространенной во всех — весьма удаленных друг от друга — частях Руси, что в конце XIV в. была сформулирована в сходных выражениях на крайнем западе и севере. Этим еще раз доказывается правильность мысли Я. Якубовского относительно времени сложения полоцкого «ряда». Всюду этой статьей гарантировалась личность поручителя, гаранта сохранения правопорядка, гаранта развития товарно-кредитных отношений, в том числе и за пределами отдельных политических образований. В условиях, когда государственная власть еще не могла взять на себя всю полноту функций обеспечения правопорядка, а неразвитость товарно-кредитных отношений придавала им личностный характер, и могла возникнуть подобная статья.

Вопрос о принадлежности к полоцкому ряду **ст. 1 и 6**, крайне спорный, будет обсужден несколько ниже.

К числу древнейших Я. Якубовский относит и **ст. 53** о челобитье: «А чоломъбитье намъ в полоча*н* при*и*мати». Термин «челобитье» появился на рубеже XIII–XIV вв. в значении «земной поклон» (*Волков*. 1974. С. 36). Впоследствии имел очень большое количество значений — это и приветствие, и поклон, и жалоба, и дароприношение, и прошение, и заявление

и т. д. По И. И. Срезневскому, *челобитье* — это поклон, приветствие, просьба, для словосочетания *челом бить, ударить* и пр. он указывает больше значений: жаловаться, принести в дар и т.д. (*Срезневский.* Т. 2. Стб. 490; Т. 3. Стб. 1488–1490). И. А. Голубцов «челобитие» расценивает то как «прошение» «в службу с вотчиной» (АСЭИ. Т. 1. С. 760), то как прошение, заявление (АСЭИ. Т. 3. С. 649). Одним из наиболее хронологически ранних значений в юридических памятниках этого термина было «жалоба» (АСЭИ. Т. 1. № 5, 6, 7, 229, 248, 291а, 373, 472), вторым — «просьба», будь то о приеме на службу или о наделении землей (ДДГ. № 39. С. 118, 1442 г.; АСЭИ. Т. 3. № 37, 45, 272 и др.). Термин «бить челом» употреблялся и для обозначения и признания вины (Даниил Дмитриевич Холмский «повинился» Ивану III в 1474 г.: АСЭИ. Т. 3. № 365. С. 387), и передачи (данная в форме челобитной 1407–17 гг.: АСЭИ. Т. 3. № 483. С. 467). Одним из наиболее ранних был поклон — приветствие с принесением даров, в связи с чем Ю. М. Бардах считает челобитье повинностью подданых (*Bardach.* 1970. S. 385; ср.: *Goetz.* 1922. S. 169; подробнее см.: *Доўнар-Запольскі.* 2009. Камент. 17. С. 730–734 — комментарий А. И. Груши).

В каком смысле употреблен этот термин в полоцком привилее, сказать трудно. По аналогии с Двинской уставной грамотой 1397 г., с которой Полоцкая имеет много общего, можно думать, что речь идет о принесении жалобы: «А кто на кого чолом бьет, дворяне и подвойские позовут к суду» (АСЭИ. Т. 3. № 7. С. 21). Местоимение «нам» указывает на адресата челобитья — великого князя, существительное «полочане» — в данном контексте на некоторую дистанцию между челобитчиком и лицом, к которому он обращается. Думается, эту статью можно отнести к новеллам Витовта. Для рядной полочан с князем такая дистанция не столь велика, чтобы ее следовало подчеркивать. Даже если статья звучала: «А челобитье приимати», и в таком виде не было смысла ее внесения в рядную, подобно тому как аналогичная статья отсутствовала в новгородских рядных.

В XVI–XVII вв. сфера применения «челобитий», как показал Ю. М. Бардах, была чрезвычайно велика, как и велик был доход, получаемый великокняжеской властью от них — за получение земель, должностей, как светских, так и церковных. Статью о челобитье в полоцкой уставной Ю. М. Бардах связывает со следующей — о получении воеводой «гостинца» — подарка, дара (*Bardach.* 1970. S. 386–387). Думается, это подтверждает мнение о том, что статья о челобитье не могла входить в состав полоцкого ряда XIV в.

Спорным представляется отнесение к XIV в. и **ст. 15**: «А въ по*д*воды намъ коне*и* в полочанъ не брати». Аналогией для этой статьи Я. Якубовский считает требование новгородского ряда 1264 г.: «у купцов повозов не имати» (*Якубовский.* 1903б. С. 276, 278; ГВНП. № 2. С. 11). Аналогия довольно далекая: в одном случае речь идет обо всех видах перевозок, в другом — о повинностях купцов. Впрочем, сама всеобщность запрета Полоцкой уставной и неопределенность формулировки, может быть, и есть свидетельство древности этой статьи.

Обращает на себя внимание разница в объектах спора между полочанами и князем, с одной стороны (озера и реки), и новгородцами и князем, с другой (волость и оброки княжие) (ГВНП. № 1. С. 9). Вопрос о распоряжении волостями, праве их держателя занимать должности были спорными не только в Новгороде. В Киевский областной привилей было занесено: «А волости киевъские кияномъ держати, а иному никому» (*Ващук.* 2008. Дод. 3. С. 280. Ст. 21).

Ст. 20 «А с нами имъ быти готовымъ на во*и*ну» Я. Якубовский относит к новеллам Витовта. Правильность этого мнения подверждается и материалом Северо-Восточной Руси. Уставная договорная Василия I с митрополитом Киприаном 1404 г. содержит условие: «А про воину, коли яз сам, князь великии, сяду на конь, тогды и митрополичим боярам и слугам» (ДКУ. С. 178).

Вопрос о материальном обеспечении князя — один из центральных в новгородских рядных XIII в. Не мог он быть обойден и в Полоцке. Вероятно, **ст. 21**: «А по волости Полоцько*и* воеводе нашомꙋ не езъдити. А поеде*т*(ь) ли коли в ловы, ино по становъ не дари*ти*» — вос-

ходит ко временам полоцкой независимости и первоначально ограничивала источники получения даров с полоцкой волости. В новгородских рядных второй из них соответствует регламентация поездок на охоту — «звери гонитъ» (ГВНП. № 2. С. 10).

Термин «стан» — общерусский, он впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1187 (6695) годом и известен в русской письменности XIV в. (*Срезневский*. Т. 3. Стб. 492). Согласно духовной Ивана Ивановича предусматривалась возможность «кони ставити по станом и по варям» (ДДГ. № 4. С. 15, 17, 1358 г. Ср.: № 7, 11, 12. С. 23, 31, 33 и др.; *Кучкин*. 2008г. С. 97. Ст. 4; *Кучкин*. 2009. С. 94. Ст. 3).

О других источниках доходов князя говорят переработанные статьи относительно «дара». **Ст. 48** «А воеводꙋ городомъ не дари*ти*» произошла, кажется, из «А князя городом не дарити». «Дар» как источник княжеских доходов известен и в Новгороде. Рядная 1268 г. предусматривала взимание дара от ряда волостей: «А дар, княже, тобе имати от тех волостии» (ГВНП. № 3. С. 12).

Нет единого мнения о том, когда возникла и как видоизменялась статья о доходах от варь (**ст. 54**): Я. Якубовский в ее сохранившемся виде относит к 1430–1440 гг., а М. Д. Макаров обосновал ее датировку 1511 г. или во всяком случае временем после 1498 г. (*Макараў*. 2008. С. 156). В Северо-Восточной Руси князья имели свою долю от «варь» (см. духовную Ивана Ивановича конца 50-х гг. XIV в.: ДДГ. № 4. С. 15, 17; *Кучкин*. 2008г. С. 97. Ст. 4; *Кучкин*. 2009. С. 94. Ст. 3). Разделение дохода от «варь» предусматривалось в договорных грамотах Дмитрия Донского и Василия I с Владимиром Андреевичем в 60–90-х гг. XIV в. (ДДГ. № 5, 11, 13. С. 20, 31, 38). В докончании Василия II с Василием Ярославичем Серпуховским и Боровским 1447 г. доход от варь уже не значился. Возможно, к этому времени он уже потерял свое значение (ДДГ. № 45). В Северо-Восточной Руси доход от варь собирал даньщик, а сам доход входил в состав дани. В Полоцке же это просто «гостинец», т. е. подарок, хотя и фиксированный — в литовской монете (полкопы грошей).

Весьма существенным источником доходов князя и города были судебные доходы. Распределение их между князем, будь то великий князь литовский или полоцкий, и городом — больной и острый для городской общины вопрос. Этой теме посвящен ряд статей. Одна из них — о доходах княжеской власти от «змиршчыны» (**ст. 34**): «А которые полочане межи собою побью*т*(ь)сѧ, а за децъкимъ простя*т*(ь)ся, ино намъ кꙋница ше*р*стью зми*р*шчыны». Эта статья имеет некоторую аналогию в Двинской уставной грамоте 1397–1398 гг.: «А учинится бои в пиру, а возмут прощение, не выида ис пиру, — и наместником и дворяном, не взяти ничего; а вышед ис пиру возмут прощение, — ине наместником дадут по кунице шерстью» (ПРП. Вып. 3. С. 162). В Псковской судной грамоте (ПСГ) редакции 1481 г., но восходящей к началу XV в., читаем аналогичное постановление: «А кто с ким побьется… а толко приставом не позовутся, а промеж себе прощение возмут, ино ту князю продажи нет» (ПРП. Вып. 3. С. 296). В Двинской уставной грамоте ясно, что речь идет о ссоре на пиру, на братщине, может быть; в Псковской судной грамоте и полоцком областном привилее место драки неопределенно, оно скрыто за словами: «кто с ким» и «межи собою», не исключено, что ст. 34 полоцкого привилея говорила о той же драке. Разными лицами представлена и власть: в Полоцке децкий — активный участник примирения, во Пскове — пристав, князь же получает или не получает вознаграждения; в Двинской уставной грамоте указан лишь наместник, в пользу которого поступает плата. Поражает однако полное сходство размеров платы и ее формы в Двинской уставной грамоте и Полоцкой уставной. Это сходство формы — несомненное свидетельство древнего возникновения статьи, в то время, когда еще меха считались деньгами и не были сменены серебряными деньгами.

Однако трудно быть вполне уверенным в том, что настоящая статья восходит к ряду полочан с князем: подобной статьи не знают новгородские рядные, возможно, это было нововведением конца XIV в., т.е. новеллой Витовта. На это указывает и форма статьи: оборот

«А которые» характерен для тех статей Псковской судной грамоты, например, которые восходят к началу XV в.

Я. Якубовский считал, что продолжением статьи о «змирщине» была **ст. 41** — о соборной кунице. На наш взгляд, прямой связи между этими статьями нет (подробнее о ст. 41 будет сказано ниже).

Я. Якубовский полагал, что непосредственно следующее за ст. 34 установление о получении «вины» и о «закладной кунице» (**ст. 35–36**) возникли позже, нежели статья о змирщине после драки. Это мнение подробно разобрал и убедительно оспорил М. Д. Макаров, отнесший названные статьи к первоначальному привилею Витовта (*Макараў*. 2008. С. 149–150). Иное дело, что ст. 34, как оперирующая более архаичной единицей счета, в таком случае может восходить к «ряду» полочан с князьями XIV в. По содержанию ст. 34–36 близки к ст. 16–18 Новогородского привилея 1440 г. (*Жемайтис*. 1997. С. 223)

Можно добавить, что обычай «выдачки», сопровождавшийся впоследствии киданием шапки, был обязателен для судопроизводства в ВКЛ и Северо-Восточной Руси.

Материальным свидетельством готовности сторон начать судебный процесс была «выдачка» — представление суду денежного заклада, который они согласны были уплатить в случае, если бы их доказательства не были приняты и они проиграли бы дело. Отказ одной из сторон выставить заклад приводил к проигрышу процесса ею, но не сопровождался потерей заклада в пользу княжеской власти или судей (*Kulisiewicz*. 1982). Об этом единодушно пишут Витебский и Полоцкий областные привилеи: «А коли посворятся (поссорятся. — *Сост.*) … а выдастся один, а другий не выдастся, за то нам их не казнити», в несколько иных выражениях Смоленский и Киевский, сохранившиеся в редакциях начала XVI в., но переработавшие установления, восходящие ко временам Казимира (РИБ. Т. 27. Стб. 546–547; АЗР. Т. 1. С. 360). В привилее киевским мещанам 1494 г. оно записано так: «А которыи два тяжу межы собою будуть мети, и оди*н* ся выдасть, а други*и* ся не выдасть, ту*т* вины нѣ*т*» (LM. Kn. 5. № 35. P. 53). Еще более обширна аналогичная статья уставной грамоты 1646 г. (ИЮМ. Т. 2. Витебск, 1872. С. 246).

Размер «выдачки» (согласно более позднему термину конца XVI в.) по ст. 35 произволен («выдадуться в ко́льце», т. е. «на сколько»), по ст. 36 предусмотрен минимальный размер заклада — куница переводится на денежный счет: «за закладъную куницу брати по десяти грошей».

Трудно сказать, кому поступал заклад. Судя по тому, что расходы по доставке ответчика указывались отдельно, а проезд исчислялся в зависимости от расстояния, нужно думать, что «децкованье» не входило в заклад. Так, Белозерская уставная грамота 1488 г. также исчисляет «езд» в зависимости от расстояния: «А езд в станы и в волости по две версты денга, а в городе хоженого денга, а на правду вдвое» (АСЭИ. Т. 3. № 22. С. 39. § 16). Отдельная оплата расходов членов исполнительного аппарата суда децких заставляет думать, что заклад в Полоцке поступал в распоряжение членов суда, в том числе и князя. Несколько иначе расходовался он в Великом Новгороде. В Новгородской судной грамоте точно указывается, на какие нужды берется заклад — на проезд шестнику за свидетелями (ПРП. Т. 2. С. 215). Связь обычая заклада с Древней Русью исследователи отмечали уже в XIX в. (АВАК. Т. 1. С. 11–12). Заклад в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси с середины XV в. поступал судье — будь то светскому или церковному. В договорных грамотах Великого Новгорода с Василием II Темным и Иваном III 1456 и 1471 гг. значится: «А что заклад в рядных грамотах, а то велехом имати князем великим с владыкою на виноватом от сего докончания» (ГВНП. № 23, 27. С. 41, 49). Правило уплаты «заклада» виноватым существовало в Новгороде в XV в.: «а заклад дать виноватому истцю на сто верст шестнику» (ПРП. Вып. 2. С. 215). Возможно, эта статья была занесена в Новгородскую судную грамоту после 1456 г. Статут Казимира Великого, вероятно, после 1420 г. хорошо известный в Новгороде Великом, преду-

сматривал возможность получения «заклада» и за «вину» (хотя и осуждал его), в том числе и волами, конями и т. д.). На этом основании некоторые исследователи делали вывод о том, что «вина», поступившая судье, это и есть «заклад» или «выдачка» (*Roman, Vetulani.* 1959. S. 11, 16). Против подобного мнения свидетельствует, правда, более позднее установление Судебника 1551 г.: ст. 31 этого Судебника отличает «пошлины и продажи» в пользу судьи от «езду и хоженого», взимаемых даже в том случае, если стороны не пойдут на суд (Судебники. С. 150).

Указание в Полоцкой уставной отдельно «вины» и отдельно закладной куницы свидетельствует против мнения о том, что заклад — это и есть вина. По-видимому, «вина» была одним из важных источников дохода князя в XV в. (начиная с 30-х годов?).

Однако пределы судебной власти князя были ограничены. **Ст. 39** запрещала воеводский суд в Черсвяте: «А на Че*р*свѣте воеводинымъ слꙋга*м* не сꙋдити, сꙋди*ти* тивꙋну по старо*и* пошълине». Возможно, в первоначальной редакции этой статьи стояло: «княжим слугам». Особое положение в судебном отношении занимал Невель (**ст. 40**): «Такъже на Невли сꙋ*д*(ь)и не быти… сꙋдити воеводе на городе». Это установление, более позднее сравнительно со статьей о суде на Черсвяте, вероятно, принадлежит 30-м годам XV в.

Весь комплекс статей о прерогативах воеводы и его слуг, смысл которых заключается в регламентации прав и доходов воеводы, распределении судебных обязанностей между воеводой и тиуном, стилистически разных, объединяется упоминанием воеводы. Хотя при Витовте в Полоцке появились наместники, статьи 34–38 (доходы от змирщины, оплата судебных расходов, запрещение держать городское тиунство воеводиным слугам и распределение судебных обязанностей между тиуном и воеводой), 46–48 (назначение воеводы по воле полочан, его крестоцелование о сохранении порядка суда, запрещение дарить его городом), 52, 54 (запрещение посулов от пригонов, регламентация «гостинца» от варь) производят впечатление более поздних.

При этом можно выделить два стилистических слоя: в одном термин «воевода» употребляется без определения «наш» (ст. 35, 36, 37, 38, 46), в другом (ст. 44, 45, 50, 52) это определение имеется. Можно предпологать, что вторая группа статей вставлена позднее.

Полоцкий и витебский привилеи зафиксировали бóльшие атрибуты автономии, чем грамоты других «руских» земель ВКЛ. Например, право на участие в выборе воевод, право жителей на суд над ними только в пределах их земли, право не посылать их жителей на гарнизонную службу («заставу») в другие города и не ставить «без их воли» к ним «застав» (ст. 46, 51, 18, 19) (*Старостина.* 1979. С. 126). В датировке последней из этих статей ученые мнения разошлись. Я. Якубовский относил ее возникновение к 30-м или началу 40-х гг. XV в., но М. Д. Макаров обратил внимание на ее отсутствие в витебском областном привилее, которое странно при такой датировке (Полоцкая и Витебская земли практически одновременно признавали власть последовательно трех великих князей — Свидригайла, Сигизмунда Кейстутовича и Казимира). Сопоставив расположение ст. 18–20 в полоцком областном привилее с аналогичными статьями витебского областного привилея 1503 г. и подтвердительного привилея г. Полоцку на магдебургское право 1510 г. (№ 459), он убедительно отнес возникновение ст. 19 к 1511 г.

Увеличение роли города, рост его самостоятельности сопровождались и повышением роли мещан. К новеллам Свидригайла (около 1432–1435 гг.), возможно, относится запрещение судить мещан без боярских и мещанских представителей (**ст. 11**: «А мешчанъ ѡдномꙋ не сꙋдити, сꙋдити е*му* с бояры и мешчаны»). Аналогичная норма содержится в Новогородском привилее 1440 г. (*Жемайтис.* 1997. Ст. 10)

Подверглись переработке и многие из тех статей, которые сохранились в Полоцкой уставной с XIV в. Так, **ст. 17** получила дополнения (выделены подчеркиванием): «А старыхъ сꙋдовъ намъ не посꙋживати, а ни своихъ сꙋдовъ, сꙋдивъши, не посꙋживати». Была пополнена

и **ст. 15**: «А въ по*д*воды намъ коне*и* в полочанъ не брати, ни въ посе*л*(ь)скихъ пꙋтьниковъ, ни въ сѧбровъ горо*д*ски*х*».

Трудной для датировки являются **ст. 22** о татьбе. Сопоставляя эти статьи в Витебском и Полоцком областных привилеях, И. П. Старостина пришла к выводу о том, что витебская редакция более древняя. Однако этот вывод нуждается в поправках. Полоцкая статья оставляет вопрос о татьбе и возмещении ее в пределах отношений ответчика и истца. В полоцкой статье неясно, во всяком случае по формулировке, кому выдается вор — истцу или государственной власти. В полоцкой статье речь идет действительно о выдаче истцу, как убедительно показала И. П. Старостина, сопоставляя полоцкую статью с витебской и смоленской. Витебская же статья предусматривает вмешательство государственной власти, что свидетельствует о более прочных позициях этой власти, нежели в полоцкой грамоте. Думается, витебская статья содержит два дублирующие условия — об отсутствии у преступника средств для возмещения убытков пострадавшему (с некоторыми отличиями: украденное не найдено «лицом» в доме ответчика, или у ответчика просто нет средств) — и в ней даются противоречащие ответы: в первом случае судьбу «татя» решает некто «мы», в котором нетрудно узнать великого князя, во втором случае тать передается ответчику. Второй ответ более традиционен для памятников права Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.

И. П. Старостина полагает, что полоцкая статья «не противоречит положению общеземского привилея (имеется в виду 4 ст. общеземского привилея 1447 г. о «неответственности семьи за преступления ее главы») в отличие от витебской, сложившейся до 1447 г.» (*Старостина*. 1979. С. 121). Полоцкая статья не противоречит и другому — древней практике русского судопроизводства. Обычай «выдачи» татя в случае отсутствия у него возможностей возместить украденное характерен для всех древних уставных грамот. Например, в Двинской уставной грамоте читаем: «А татя впервые продати противу поличного» (ПРП. Вып. 3. С. 162. Ст. 5). Псковская судная грамота (ст. 52) также предусматривает личную ответственность грабителя перед истцом (ПРП. Вып. 2. С. 293). Аналогичны и установления Белозерской уставной грамоты и грамоты переславским рыболовам («А доведут на кого татьбу или розбои или душегубство, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а тот разбойник или душегубець наместником в продаже и в казне» — АСЭИ. Т. 3. № 22. С. 39; № 25. С. 45) и Судебника 1497 г.: «Если на кого-нибудь наговорят, что он тать, а довода на него в прежнем деле не будет, у кого крал или кому татбу плачивал, ино на том взяти исцеву гыбель бес суда» (ПРП. Вып. 3. С. 348. Ст. 12); «А доведут на кого татьбу … и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево доправити из его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе»; «А не будет у которого лихого статка, чем исцево заплатити, и боярину лихого вь его гыбели невыдати, а велети его казнити смертною казнию…» (ПРП. Вып. 3. С. 347. Ст. 8); «А которого татя поимают с какою татбою ни буди впервые… ино его казнити торговою казнию, бити кнутом да исцево на нем доправя, да судие его продати. А ну будет у того татя статка, чем исцево заплатить, ино его бив кнутиемь, да исцу его выдать вь его гибели головою на продажю, а судье не имати ничего на нем» (ПРП. Вып. 3. С. 347. Ст. 10 «О татех»).

Позволим себе не согласиться с И. П. Старостиной в понимании витебской статьи: первоначально искали имущества потерпевшего «лицом», в случае отсутствия этого имущества жена и дети вора продавались, тем самым оплачивалась «гибель» истца, т.е. его имущество, которое не было найдено и не возмещено (*Старостина*. 1979. С. 121).

Термин «гибель» объясняют по-разному: И. И. Срезневский — как потерю (*Срезневский*. Т. 1. Стб. 618), Л. В. Черепнин — как «убыток, потерю в результате кражи, нарушения прав собственности» (Судебники. С. 56), И. А. Голубцов — как «убыток» (АСЭИ. Т. 1. С. 742; Т. 3. С. 632). В середине и второй половине XV в. в Северо-Восточной Руси этот термин обозначал «пропажу», случившуюся на пиру или братщине, когда туда приходил незванный че-

ловек (АСЭИ. Т. 1. № 264, 312, 315, 322, 327, 354, 356, 414, 462, 463, 534, 567, 568; то же в Белозерской уставной грамоте: АСЭИ. Т. 3. № 22. С. 40; в грамоте переславским рыболовам: АСЭИ. Т. 3. № 25. С. 45; № 77, 92, 98, 466; АСЭИ. Т. 2. № 364, 386, 426, 497). В таком же смысле употреблен он и в постановлении новгородского архиепископа Иоанна о применении суда Божьего в случаях «великой гибели и малой». В постановлении разъяснялось, что оно касается и крестьянской, и владычной собственности: «А то вам о нашои гибели и о вашеи писано, што нами ся корыстують» (РИБ. Т. 6. № 36. Стб. 308, после 1410 г.). Суд Божий, разумеется, мог касаться лишь вопросов незначительных, небольшого убытка или потерь.

Пониманию термина «гибель» как «пропажа», — будь то в результате нарушения прав собственности, будь то в результате несчастного случая, пропаже, столь же естественной, как исчезновение (ср. выражение «гибель солнца»), — в XV в. пришло на смену другое, близкое к толкованию Л. В. Черепнина — «убыток в результате нарушения прав собственности» (сначала в Нижегородской земле): «А у кого учинитца какова гибель и хто пригонит каков след на монастырские земли… х кому на чью землю, и государь тое земли обрез у нево возмет да следом ведет; … а тому государю гибели не платить, у кого ся след утеряет…» (АСЭИ. Т. 3. № 296. С. 324, 1423 г.; АФЗХ. Т. 1. № 230. С. 202; № 233. С. 204, конец 20-х — начало 30-х гг. XV в.). Однако еще в 1473 г. в Московской земле «гибель» противопоставлялась «татьбе», «потеря» — «краже». В жалованной Андрея Васильевича митрополиту Геронтию на сёла в Звенигородском уезде в статье о братщине записано: «а учинится у них… какова гибель или татьба». Именно в таком смысле употреблен этот термин в посольских делах с Крымом (Сб. РИО. Т. 41. С. 79). В памятниках права «гибель» с татьбой впервые связывает Судебник 1497 г. (Судебники. С. 20 и др.).

Когда на белорусских землях произошел перенос или расширение значения термина «гибель», трудно сказать. Если процесс происходит синхронно, то можно отнести этот факт ко второму – третьему десятилетию XV в. (именно к этому времени относят употребление термина «гибель» в расширенном значении в нижегородских грамотах). Стало быть, витебская статья о татьбе возникла не ранее этого времени, в ней термин «гибель» употреблен в расширенном значении. Полоцкая же статья, сохранившая традиционные для всего восточнославянского региона установления, могла возникнуть и раньше. Скорее всего, судя по употреблению местоимения «который», характерного для начала XV в., она была записана именно в это время.

Количество статей, посвященных вопросам регулирования торговли и разрешения торговых конфликтов, в Полоцком привилее ничтожно. Это, в частности, **ст. 30** о наказании торговца, продающего недоброкачественный воск. Статья развивает положения договора 1338 г.: «…привезет нечистый товар, а нелюб будет, поехати ему назад со своим товаром, а свои князь тамо казнить его» (см. № 9). По Я. Якубовскому, ст. 30 относится к новеллам Витовта 1392–1399 гг. (*Якубовский.* 1903б. С. 297).

О месте суда по конфликтам, в которые вовлечены жители разных земель, «Слово Изяслава» середины XIII в. и Полоцкий привилей говорят по-разному. «Слово Изяслава» предусматривало свободу выбора места суда: «А где кому годно, ту тяжеться» (см. № 2). Практически ту же идею развивает торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. (СГ. С. 23 и др.) и договор Святослава Мстиславича 1233–1240 гг. (Там же. С.12). Полоцкий привилей исходит из принципа территориальной подсудности. Тот же принцип развивает и договор 1338 г. Однако договор 1338 г. и Полоцкий привилей по разному решают вопрос о том, кому именно подлежало решение международных торговых конфликтов: согласно первому из этих документов — князю, согласно второму — неопределенным «полочанам». По-видимому, после 1338 г. произошло очередное изменение порядка суда по торговым конфликтам, оно было передано от князя горожанам. В Новгороде, насколько можно судить по Уставной грамоте кн. Всеволода, суд по торговым делам был передан архиепископу (ПРП. Вып. 2. С. 164. Ст. II).

Полоцкий привилей сохранил право полочан решать самим торговые конфликты. Вероятно, вплоть до предоставления Полоцку магдебургского права в Полоцком привилее сохранились те же статьи, что были в Витебском привилее, о праве города решать вопросы мер: «Такежъ и у весы витебъскии ани в локоть намъ не въступати се, и коли которы*и* ви*т*блянинъ у весехъ проступить, або у локти, ино ви*т*бляномъ самимъ казнити по своему праву, а намъ в то не въступати ся» (LM. Kn. 5. № 255. P. 162).

Статья о мыте (**ст. 33**), древность которой противоречит привилею на магдебургское право 1498 г., тем не менее восходит, по Я. Якубовскому, к привилею Витовта: «…право безмытной торговли было как Полоцку, так и Витебску даровано Витовтом» (*Якубовский.* 1903б. С. 267). Это мнение следует скорректировать в связи с упоминанием в середине XVI в. документов Свидригайла, Казимира и Александра об освобождении полочан от уплаты мыта на территории ВКЛ (№ 69, 84, 313). В них имелась ссылка на образец жителей Вильни и Трок. Известно, что первых освободил от уплаты мыта Сигизмунд Кейстутович в 1432 г. Значит, и ст. 33 областного привилея возникла не ранее 30-х годов XV в., когда свергнутый с престола Свидригайло обосновался в Полоцке и ему важно было заручиться поддержкой полочан в борьбе за власть. Это известие в совокупности со ст. 33 дает конкретное представление о взаимоотношениях Свидригайла с полочанами, роль которого в расширении их вольностей, по-видимому, преувеличивается в историографии.

Группа статей, посвященных взаимоотношениям центральной власти и церкви, с одной стороны, и внутрицерковным отношениям, с другой, представляет особенность полоцкой уставной грамоты сравнительно с новгородскими рядными, псковской и новгородской судными, а также с уставными грамотами другим землям ВКЛ, за исключением Витебской.

Статьи, касающиеся положения церкви, распадаются на три группы: первая из них касается внутрицерковных отношений, вторая — отношений церкви и города, третья — великого князя и церкви.

К первой группе можно отнести статьи о размерах соборного, освобождении попов и игуменов от пригона к владыке, о запрещении владычным слугам держать церкви, т. е. ст. 41–42, 44.

Ко второй группе принадлежит ст. 43, вменяющая в обязанность городским старостам «присматривать» за церковными домами, а также разрешение держать в городе слуг и закладней, а в селе — только «людей сельских», и, наконец, освобождение церковных людей от уплаты серебщизны, когда ее собирают войт и бурмистры (ст. 25, 26, 28).

В третью группу, если не причислять к ней ст. 25 или 28, входит одна-единственная статья: обязательство «не вступатися» в церковное имущество (ст. 1), имеющаяся и витебской уставной грамоте и в указной Казимира Брянску: «а въ це*р*ковное ся ни у во што не вступати» (LM. Kn. 3. № 4. P. 69; *Хорошкевич.* 1998. С. 55).

Три из этих статей несомненно относятся к правотворчеству времени Александра. Ст. 25, 26, 28 настолько ясно выделяются и по содержанию, будучи тесно связанными с привилеем на магдебургское право, и по синтаксису, и по лексике, что их отнесение к привилею Александра не вызывает никаких сомнений (*Якубовский.* 1903б. С. 273–274).

Несколько сложнее определить время возникновения и время занесения в уставную грамоту статей первой группы, ст. 43 и, наконец, ст. 1.

Ст. 43 и статьи первой группы 41–42, 44 объединяются своим синтаксическим строем. Все они, за исключением ст. 41, начинаются союзом «А», крайне лаконичны, древни по языку. Ст. 41 начинается словами «А также», что указывает на ее сравнительно позднее занесение в грамоту. Я. Якубовский связывал эту статью со ст. 36, которой устанавливались размеры «децкованья», в том числе и «владычнему слузе» (*Якубовский.* 1903б. С. 271–272). Эта мысль представляется правильной, возможно, статья о соборной кунице была продолжением мысли о доходах владыки. В таком случае можно согласиться с Я. Якубовским, что ее появление

в уставной грамоте произошло одновременно со статьями о «закладной кунице». Но возникновение этих статей, совершенно очевидно, не может быть отнесено к одному и тому же времени. Если в статье о «децкованье» и закладной кунице исчисление идет на гроши, то в ст. 41 в качестве денежной единицы употребляется «куница шерстью». По-видимому, сложение этой статьи произошло ранее, нежели на территории ВКЛ утвердилась грошовая система, то есть до середины, или в крайнем случае конца XIV в. Как установил В. Н. Рябцевич, в конце XIV в. гроши широко проникли в денежный оборот ВКЛ (*Рябцевич.* 1965. С. 8–9; *Рябцевич.* 1968. С. 39).

Вопрос о «соборном» активно обсуждался на Владимирском соборе 1274 г. На этом соборе, где присутствовал и полоцкий епископ Симеон, было запрещено поставление по мзде и ограничена эксплуатация низшего духовенства высшим: «Аще ли кто по уставе нашемь… егда божественныя съборы собирая, когда некако сбирание от властель церковных… таковыя отлучаем» (Правило митрополита Кирилла см.: РИБ. Т. 6. Стб. 93. Подробнее см.: *Голубинский.* Т. 2. Пол. 1. С. 69–75; *Клибанов.* 1960. С. 99).

Возможно, результатом Владимирского собора было ограничение размеров «соборного». Во всяком случае в уставной жалованной (или, как называет ее Я. Н. Щапов, договорной) великого князя московского и всея Руси Василия I Дмитриевича, адресованной митрополиту Киприану, от 28 июня 1404 (?) г. (ДКУ. С. 176) о «разграничении юрисдикций, торговых и других пошлин и земельных владений», ближайшей аналогии к ст. 41 Полоцкого привилея, значится: «А зборного митрополиту имати с церкви 6 алтын… А имати зборное о Рождестве Христове» (ДКУ. С. 179; АСЭИ. Т. 3. № 6. С. 19). Речь идет об одной и той же пошлине, будь то плате за объезд, как считает А. И. Клибанов, или просто о «приношениях и подарках во время их (епископов. — *А. Х.*) приезда на епархиальные соборы, имевшие место в так называемое «сборное воскресенье», как полагает Е. Е. Голубинский, или о «поборе церквей в пользу митрополита и епископа, платившемся в соборное воскресенье», по определению И. А. Голубцова (*Клибанов.* 1960. С. 90; *Голубинский.* Т. 2. Пол. 1. С. 71; АСЭИ. Т. 1. С.745; Т. 3. С. 635).

Фиксация размеров сборного происходила в начале XV в. в разных районах Руси, так, митрополит Фотий в жалованной грамоте архимандриту Нижегородского Печорского Вознесенского монастыря Иосифу объявил о замене сборного оброком: «А дают оброку в мою казну с церкви по полтине на збор» (АСЭИ. Т. 3. № 303. С. 332, 11 марта 1418 г.). В конце же XV в., как правило, жалованными придусматривалось освобождение священников отдельных церквей от уплаты сборного (АСЭИ. Т. 2. № 487. С. 527, 15 января 1496 г.; Покровский монастырь в Переславле-Залесском — АФЗХ. Т. 1. № 138–139. С. 126, 18 июля 1496 и 18 января 1524 г.; Нижегородский Благовещенский, Владимирский Царевоконстантиновский монастыри — № 203. С. 181, 4 января 1478 г.).

К сожалению, более точное время возникновения статьи о сборном определить не удается. Конец XIII — конец XIV в. — таковы широкие границы ее сложения. Занесена же она в Полоцкую уставную грамоту, вопреки мнению Я. Якубовского, относящего ее ко времени Витовта, не ранее 30-х годов XV в.

Для датировки отдельных статей первой группы данных еще меньше. Для запрещения пригона может быть также весьма существенным постановление того же Владимирского собора, который запретил все виды натуральных работ низшего духовенства в пользу высшего: «Аще ли кто по оуставе нашемь боле сего емля от дьякона, ли от попа, или от игоумена, или от проскоурнице и от нищихъ, насилье деюще, или на жатвоу, или сенасечи, или провозъ деяти… [таковыя отлучаемъ]» (РИБ. Т. 6. № 6. Стб. 92–93). Не исключено, что статьи 40–42 возникли в развитие решений Владимирского собора. Однако они могли сложиться и позднее, например, в начале XV в., когда полоцкий епископ Феодосий сделал попытку занять место митрополита Киприана (РИБ. Т. 6. № 38. Стб. 309). В 1415–1416 г. митрополит Фотий упрекал Феодосия: «прелщеный не-епископе полочьскыи Феодосие, по представлении свя-

топочившаго митрополита Киприана не ты ли был, погыбелниче, шел на митрополию? И ты сам, окаанне, веси, елика еси порекл серебра и злата о том поставлении…» (РИБ. Т. 6. № 39. Стб. 329). Разумеется, сборы средств на предстоящее поставление Феодосия во митрополита должно было сопровождаться усилением нажима на рядовое духовенство.

Освобождение попов и игуменов от пригона к владыке, которое было зафиксировано ст. 40, возможно, не освобождало от каких-то работ по распоряжению церковного старосты. Для аналогии приведем выдержку из жалованной митрополита Симона священнику церкви Василия Кесарийского: ему «ненадобе… к старосте поповскому с тяглыми попы тянуть» (АСЭИ. Т. 2. № 487. С. 527, 15 января 1496 г.; АФЗХ. Т. 1. № 142. С. 128, 29 мая 1516 г.; № 189. С. 17, 19 декабря 1464 г.; то же: № 190, 15 декабря 1490 г.; № 203. С. 181, 4 января 1478 г.).

В полоцких грамотах церковные старосты упоминаются лишь с 70-х годов XV в., между тем институт церковных старост в Новгороде отмечен письменными источниками уже в XIII в. (НПЛ. С. 67, 273. Под 1228 г.: «Липинский староста»). Е. Е. Голубинский полагает, что в приходских церквах они существовали с самого древнего времени. Думается, включение всего комплекса статей, сложившихся на протяжении XIV — начала XV вв. и регулировавших внутрицерковные отношения и отношения города и церкви, в уставную жалованную грамоту произошло при Казимире, когда полоцкий владыка претендовал на положение «брата» митрополита всея Руси.

К этому комплексу, на наш взгляд, примыкает непосредственно следующая за ним статья: «А грывострызцꙋ по волости не е*з*дити, а ни *л*(ь)ну брати» (**ст. 45**). Термин «грывогрызец» или «грывострижец» (так!) встречается лишь в этом памятнике, сохранившем какой-то городской церковный устав. «Грывогрызца» можно идентифицировать со сборщиком коневой тамги на Северо-Востоке и Северо-Западе. Запрет сбора льна объясняется из существовавшей на Северо-Востоке повинности монастырских крестьян выделывать «сежи и дели неводные» изо льна, который игумен дает в «села».

Наконец, **ст. 1** — обязательство не вступаться в «церковные домы». В ней уставная грамота прокламирует обязательство великокняжеской власти не вступаться в «ц(е)ркви Бо*ж*(ь)и и в ыменьѧ це*р*ковъные». Формулировка этой грамоты имеет некоторую дублировку — сначала речь идет о церквах вообще, затем это понятие конкретизируется: перечисляются те именно церкви, которые охранаяются этой статьей — это «до*м* Божи*и* С(ве)т(о)го Софеѧ… и Светого Спаса» (т. е. Софийский собор и Спасский монастырь) и другие «домы церковные». Подобная дублировка наводит на мысль о том, что статья разновременна по своим источникам. Мало оснований для датировки дает терминология статьи. Неясно, в каком смысле употреблен в ней термин «имение», в значении имущества или земельного владения. Древнейшим было первое. Так, Новгородская первая летопись и старшего и младшего изводов знает только его (НПЛ. С. 93, 104, 110 и др. Ср: СлРЯ. Вып. 6. С. 227). Трудно установить, когда возникло выражение «дом церковный»: в НПЛ младшего извода под 1259 г. оно обозначает церковь: «умрем честно за Святую Софию и за домы церковныя» (НПЛ. С. 310). Термин «дом Божии» Северо-Восточной Руси — довольно поздний. За исключением Пандектов Никона Черногорца (*Срезневский*. Т. 1. Стб. 701) он встречается лишь в памятниках XVII в. (СлРЯ. Вып. 4. С. 306. Впрочем, выражение «дом святой Троицы» употреблялось и в XV в.: АСЭИ. Т. 1. № 19. С. 13, 19 и др.). Между тем в Северо-Западной Руси он употреблялся и в XV в., см. послание новгородского архиепископа Симеона псковичанам 1419 г.: «И вы, дети, в церковное не вступайтеся ни во что же… в дом Божии святыя Софии в земли, в воды, в суды, в печать и во все пошлины церковныя не вступайтеся» (РИБ. Т. 6. № 47. Стб. 402).

Однако традиционным для памятников полоцкой письменности является употребление наименования соборного храма в мужском роде: «святого Софея».

Согласно Я. Якубовскому, эта статья появилась тогда, когда Полоцк попал под власть литовских князей — иноверцев, т. е. к первой половине XIV в. «Она могла явиться, — пишет

он, — только при князьях литовцах, язычниках или недавно обращенных в христианство» (*Якубовский*. 1903б. С. 279). В пользу его мнения говорит тот факт, что эта статья присутствует и в витебской уставной, сложившейся до 1447 г.

Однако вплоть до конца XV в. неприкосновенность православных церквей в Полоцке была само собой разумеющимся делом. Лишь в самом конце XV в. положение православной церкви изменилось, началось активное проникновение католических организаций в Полоцк, православные церкви стали терять свои владения.

Именно поэтому статья не только сохранилась в полоцкой и витебской уставных, но в них обоих вынесена на первое место. Ясно, что этому пункту придавали огромное значение как в восточнобелорусских городах, так и в столице ВКЛ.

В условиях войн ВКЛ с Русским государством, когда великим князьям литовским пришлось идти навстречу интересам православного населения и духовенства этой земли, уместно было повторить тезис о неприкосновенности церковных имений — «дома Божьего». Нужно думать, что в данном контексте речь шла не об имении как имуществе, но об имении как земельном владении.

В витебской уставной за этим непосредственно следует статья о неприкосновенности особых форм земельной собственности — «купленин», «безадщин» и «отумерщин». В полоцкой уставной эта статья отделена от первой целой серией статей из земского привилея 1447 г., которая отсутствует в витебском. В полоцкой грамоте статья о купленинах (**ст. 6**) помещена после статьи о праве полочан распоряжаться своим имуществом с согласия наместника или великого князя. Она, таким образом, служит логическим развитием мысли о неприкосновенности частной собственности, а в особенности земельной, полочан. Та же мысль в общей форме выражена в указной Казимира Брянску после пожалования его кн. Ивану Андреевичу Можайскому: «А ему ва*с* приказали есмо с вашихъ имене*и* не гнати, ани о*т*нимати» (LM. Kn. 3. № 4. P. 69; *Хорошкевич*. 1998. С. 55). Первоначально же, судя по витебской грамоте, статья о купленинах была развитием мысли о церковных владениях.

Все древнейшие упоминания термина «безадщина» (**ст. 7**) тесно связаны именно с церковным землевладением. В жалованной великого князя всея Руси Ивана Даниловича Калиты Юрьеву монастырю на землю на Волоке Калита обещает: «А коли розмирье князю великому с Новымгородом, а тогды их безадщину не ставити, ни обидети их в то время» (ГВНП. № 86. С. 143, 1337–1340 гг.). В Пространной редакции устава кн. Ярослава о церковных судах, возникшем не позднее XIV в., предусматривалась передача безадщины «волостелю митрополичю»: «А что ся деет в монастырских делех (в других изводах – «людех»), в церковных, в самех монастырех, да не вступается князь, ни волостель, безадщина приидет к волостелю митрополичю» (ДКУ. С. 90, 92, 99, 140). В Архивном изводе (список 60–70-х гг. XV в.), возникшем в Западной Руси, эта статья изложена иначе: «А что удеют монастырьскыя люди, да не вступает(ь)ся в них князь, никакии суд(и)я, а безадщина идет(ь) митрополичим заказником» (ДКУ. С. 107). В краткой редакции того же устава читаем: «А что дееться в домовных людех, и в церковных, и в самех монастырех, а не вступаются княжи волостели в то, а ть ведают их пископли волостели, и безадщина их пископу поидеть» (ДКУ. С. 114, 120, 125, 131). Исключение составляет Румянцевская редакция, соединившая два ранних текста Пространной и Краткой редакций. Краткая редакция устава Ярослава, наиболле ранние списки которой относятся к третьей четверти XV в., знает понятие «домовых людей», произошедшее из того самого «дома Божьего», о котором шла речь в первой статье полоцкой уставной грамоты.

Полоцкая и витебская уставные грамоты, пожалуй, единственные памятники, в которых прокламируется действие церковного устава Ярослава, при это в тех же терминах, что и в самом уставе. Однако не только этого устава. Устав Ярослава предает церковным судам более ограниченную сферу действия, нежели устав Владимира. Согласно последнему, церковному суду подлежали тяжбы о наследстве (согласно различным редакциям: «сын и дочи

бьется, иже истяжются о задницы» (ДКУ. С. 15), «или братья или дети тяжются о задницу» (ДКУ. С. 19, 23, 63, 71), указываются то одни братья (ДКУ. С. 20, 21), то одни дети (ДКУ. С. 31, 38), то сестры, дети, «племя» (ДКУ. С. 43, 47, 56, 77). Их должен был решать, по разным редакциям, то митрополит (ДКУ. С. 44, 48), то епископ (ДКУ. С. 33, 40), то митрополит или епископ (ДКУ. С. 24, 63, 68, 72). Естественно в связи с этим, что запрещение «вступатися в безадщины» было равносильно запрещению вмешиваться в церковный суд.

Повторим, что вопрос о правах церкви и ее компетенции стал особенно актуален в конце XV в., в связи с чем и был извлечен «Свиток Ярославль», подтверждающий права главы полоцкой епархии.

Термин «безадщина» не получил широкого распространения ни в Северо-Западной, ни в Северо-Восточной Руси. По-видимому, о «безадщине», не называя ее таким образом, писал и Симеон: «А которыи чернець преставится того манастыря, ино что ни остало того черньца, ино все то святыя Богородица тоя святыя обители, а мирьстии людие к тому да не приобщаются» и далее: «А кто ли почнеть въступатися… или князь или посадник, или судья который или мирьский человек почнеть чего взыскивати умерьшаго черньца или племя или род общежительства, а тем того не искати: тому поити в общее житие» (РИБ. Т. 6. № 45. Стб. 390, 392. 1417–1421 гг.).

Известен термин «безадщина» и в Юго-Восточной Руси. По жалованной Олега Ивановича Рязанского 1390–1401 гг. Солотчинскому монастырю передавался Савицкий остров «с безатщинами» (АСЭИ. Т. 3. № 325. С. 354; ср. № 341а).

Столь же мало распространен оказался и термин «отуморщина», «отумерщина». Для обозначения наследства без завещания он употребляется только в Псковской судной грамоте, ст. 55 предусматривает свидетельство 4 или 5 человек, соседей или «сторонних людей» для удостоверения выяснения действительного характера имущества и принадлежности его к «отморщине» (ПРП. Вып. 2. С. 293).

Я. Якубовский предполагал, что статья о наследстве, первоначально входившая в ряд полочан с князем, существовала отдельно от статьи о неприкосновенности «купленин», также относимой им к ряду полочан. Думается, древнейшим текстом было положение относительно безадщин и отумерщин, купленины же были добавлены позднее. Сам термин довольно поздний, в полоцких грамотах он встречается лишь в начале XVI в. Более древним был термин «купля».

А. Л. Х., С. В. П.

477

1511 г. июля 28. Берестье. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. воеводе Станиславу Глебовичу на куплю у витеб. воеводы Ивана Сопеги земель Медведовской, Хроловской и Маркьяновской и на купли у других лиц земель «на Островне» в Полоцком пов.

Как видно, полоцкий воевода Станислав Глебович проявлял немалую покупательскую активность на вверенной ему территории. Он приобретал здесь недвижимость у самых разных лиц. Одним из продавцов был витебский воевода (с 1508 г.) Иван Семёнович Сопега, который и сам скупал земли в Полоцкой земле (см. № 397). К сожалению, из-за распространенности однокоренных топонимов не удалось идентифицировать куплю И. С. Сопеги, землю «Медведовскую а Хроловскую а Маръкьяновскую», которую он и перепродал Станиславу Глебовичу.

Станислав Глебович особенно интересовался землями в районе оз. Островно, которые и покупал у местных жителей. Некоторые из продажных листов, упомянутых в № 477, сохра-

нились (например, № 455). Социальная принадлежность продавцов в грамоте Сигизмунда не указана, однако в данный период свои земли продавали в основном тяглые люди, путные слуги и мещане.

В. А. В.

478

1511 г. августа 2. Берестье. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. мещанам Никифору Оскерчиничу, Ивану Козчичу, Саве Микитиничу и другим отступного листа пол. боярина, господарского дворянина Петрашка Епимаховича на них самих и продажного листа Петрашку на их земли

Предыстория данного заключительного решения представлена в № 426 и 467. Полоцкие путные слуги Телитчиничи, пожалованные Петрашу Епимаховичу еще Александром, были подтверждены ему вместе с их землями в 1508 г. уже Сигизмундом. Все попытки Телитчиничей «отняться» от Епимаховича и доказать, что они не путные слуги, а полоцкие мещане — такие же, как ушачане, — ни к чему не привели. 25 июня 1511 г. господарским решением они снова были закреплены за Петрашком, — равно как и их земли. Однако Телитчиничи на этом не сдались и подошли к проблеме с другой стороны. Совместно с группой ушачан, а, судя по всему, некоторые из них, как и телитчиничи, не смогли доказать свою принадлежность к мещанам, они решили пойти на сделку с Епимаховичем и выкупить у него свои земли. Сумма этой выкупной операции была необычайно крупной — 400 коп грошей. И дело здесь было, очевидно, не в цене самой по себе земли. Фактически Телитчиничи и ушачане выкупали у Петраша Епимаховичне не только и не столько свои земли, сколько свою свободу. Далеко не все путные слуги решались на такой шаг. Большинство их не шло дальше суда, хотя и это было немало. В результате Телитчиничи вошли в состав полоцкого мещанства.

В грамоте упомянуты редкие документы — «отступные листы», которыми Петраш Епимахович отказывался от прав на Телитчиничей.

В. А. В.

479

1511 г. августа 8. Берестье. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. боярам Василию Богдановичу Яцкевича и его братьям на путного человека Семёнка Сверщка с детьми и их земли «на Нещерцы» с извещением пол. воеводы Станислава Глебовича об этом пожаловании

Документ относится к редкой разновидности жалованных и одновременно известительных (т. е. адресованных воеводе) листов.

Сигизмунд лишь подтвердил пожалование, которое было сделано его братом и предшественником Александром. Во времена Александра получателем пожалования был полоцкий боярин Богдан Яцкевич, а сейчас — его сыновья во главе с Василием, который был, по всей видимости, старшим. Объектом пожалования был путный человек Семёнко Сверщок вместе с детьми, а также их земли. Местность, в которой они жили, находилась на севере Полоцкой земли, в окрестностях оз. Нечерица (в документе «на Нечерци»). Ныне это территория Себежского р-на Псковской обл. России. Документ хорошо укладывается в общую тенденцию раздач полоцких путных слуг, которые проводил Александр и которые продолжал Сигизмунд, — правда, с определенными колебаниями и отступлениями.

Обращает на себя внимание тот факт, что грамоту «правил», то есть распорядился о ее оформлении витебский воевода, господарский маршалок и секретарь Иван Семёнович Сопега (см. о нём комментарий к № 397). Это еще раз указывает на то большое влияние, которым сановник пользовался при дворе.

В. А. В.

480

[1511 г.] августа 12. Берестье. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. воеводе Станиславу Глебовичу о пожаловании пол. боярам Михайлу и Ивану Невельским двух служб путных людей в с. Кубличи в Полоцком пов. взамен их отчины, отошедшей к Русскому государству

Датируется по индикту и топологическим данным.

Пожалование 11 человек (2 служб) путных людей полоцким боярам Михайлу и Ивану Невельским было связано с утратой ими отчины — Невеля — в результате войны с Русским государством 1500–1503 гг. Во время проведения ревизии Полоцкого воеводства 1552 г. местный шляхтич Пётр Невельский (по всей видимости, сын Михайла или Ивана) заявил, что в его невельской вотчине проживало 20 людей «отчизных» и около 300 «вольных» (ПР 1552 г. С. 142). Однако эти цифры следует рассматривать как явное преувеличение.

Любопытно, что Михайло и Иван Невельские очень долго не обращались к великим князьям литовским за компенсацией за утраченную отчину. По всей видимости, они рассчитывали на скорое ее возвращение.

Село Кубличи (ныне деревня, центр сельсовета Ушачского р-на Витебской обл.) лежало в южной, хорошо освоенной части Полоцкой земли.

Пожалование упоминается в Полоцкой ревизии 1552 г. (ПР 1552 г. С. 140). Здесь же указано, что Сигизмунд не только пожаловал Невельским кубличских путных людей, но и освободил их от несения стационной подати на стан в Кубличах.

В. А. В.

481

1511 г. августа 19. Берестье. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого пол. воеводе Станиславу Глебовичу о пожаловании пол. боярину Яцку Сеньковичу четырех служб путных людей «на Могильне» в Полоцком пов.

Данное пожалование полоцкому боярину Яцку Сеньковичу имело свою историю, которая изложена в грамоте. Сначала Сигизмунд передал ему «люде*и*… приго*н*ных ꙋ Полоцко*м* повѣте на имѧ Луги*н*цо*в*». Однако этому воспротивился полоцкий воевода Станислав Глебович, заявив, что они необходимы для нормального функционирования господарского двора Бельчицы. Бельчица была одним из всего лишь двух дворов (хозяйств), которые государство имело на территории Полоцкой земли. Из ревизии 1552 г. выясняется, что это был совсем небольшой «дво́рец», и крестьяне села Лугиновичей составляли его основную рабочую силу (ПР 1552 г. С. 72–73). Так что на этот раз позиция Глебовича была обоснована, судя по всему, действительно государственными интересами (ср. № 466).

В качестве замены Сигизмунд пожаловал Сеньковичу 21 человека (4 службы) путных людей, которые проживали в окрестностях оз. Могильно, распологавшегося на севере Полоцкой земли. Ныне это оз. Могилинское на территории Себежского р-на Псковской обл. России.

Интересная особенность — при пожаловании в качестве альтернативы «пригонным людям» выступили путные слуги, которые стояли на социальной лестнице гораздо выше «пригонных». Очевидно, дело было в том, что последние имели намного большую ценность как рабочая сила, тогда как путные слуги не несли практически никаких трудовых повинностей, а основной их службой была военная.

Правил указную грамоту сам ее адресат — полоцкий воевода Станислав Глебович.

О Яцке Сеньковиче см. комментарий к № 452.

В. А. В.

482

Упоминание

*[1511–1513 гг.]. — Листы кор. польск. и вел. кн. лит.
Сигизмунда Старого и пол. воеводы Станислава Глебовича
жителям Непоротовской вол. об отмене пожалования
их князьям Василию и Андрею Соколинским
и о возвращении их на службу к Полоцкому замку*

Нижняя хронологическая граница выдачи грамот определяется днем пожалования князьям Василию и Андрею Соколинским Непоротовской волости — 22 июля 1511 г. (№ 475), верхняя — смертью полоцкого воеводы Станислава Глебовича (декабрь 1513 г.). Однако в действительности отмена пожалования произошла, разумеется, не сразу после самого пожалования. Поэтому думается, что нижнюю хронологическую границу можно поднять как минимум до осени 1511 г.

Непоротовская волость оставалась в собственности князей Соколинских совсем недолго. Этот факт не может не вызвать удивления — ведь волость была им пожалована самим Сигизмундом, а в качестве свидетеля в господарской грамоте фигурирует в том числе и полоцкий воевода Станислав Глебович. Именно Глебович чаще всего и выступал против тех пожалований, которые считал «шкодными» для государственных интересов, и неоднократно добивался их отмены. Почему Глебович не стал протестовать на этот раз и что стало причиной столь скорой отмены пожалования — загадка. Ее разгадку, возможно, следует искать в начале очередной войны между Великим княжеством Литовским и его восточным соседом. Когда в 1512 г. начались военные действия, затронувшие и Полотчину (см. подробнее: *Варонін*. 2013а), значение и важность путных слуг, которые жили на северной границе Полоцкой земли (и одновременно на границе с Русским государством), резко возросли. По всей видимости, государство посчитало необходимым вернуть их себе.

В. А. В.

Приложения

1

[1338 г. ноября 1 — 1341 г.] — Грамота совета г. Риги [полочанам] по вопросам торговли

Разновидность документа в заголовке не обозначена, поскольку нет полной ясности по поводу того, что он собой представляет. С одной стороны, он имеет черты послания, составленного от имени совета г. Риги и адресованного полочанам. На адресата, который в дошедшем до нас источнике не отмечен, указывает форма 2-го лица множественного числа, применяемая в обращениях к нему. Можно думать, что оно было фактически подготовлено к отправке, но по каким-то причинам не отправлено. О том, что это не черновик, свидетельствует аккуратный почерк, отсутствие исправлений и использование такого дорогого материала, как пергамен, который в первой половине XIV в. еще служил для текущей переписки (см., например, послание еп. Якова — в настоящем издании № 3, а также: *Glauert*. 2002. Пергаменным было, судя по описанию в видимусе, и послание Андрея Ольгердовича великому магистру 1385 г., см. № 14 и Прил. № 2). При этом текст занимает менее ½ пергаменного листа, а всякие следы прикрепления печати отсутствуют.

Вместе с тем бросается в глаза полное отсутствие важнейших элементов формуляра послания, в особенности начального протокола. Это может указывать на то, что данный документ служил подробной инструкцией рижским послам, отправленным в Полоцк (такое предположение высказала при обсуждении данного документа М. Малинг). Против этого, в свою очередь, может говорить структура текста, по которой источник всё же ближе к посланию. Сохранился ряд инструкций послам конца XIV — начала XV в. Они, как правило, писались на бумаге (впрочем, изредка — и на пергамене) и представляли собой перечни вопросов, которые необходимо было затронуть на переговорах и которые записывались в очень сжатых формулировках; как правило, каждый пункт начинался латинским словом «Item» («Также»).

Как бы то ни было, данный документ адресован полочанам и излагает обращение к ним рижских властей по торговым вопросам.

Под грамотой, скрепленной печатями «короля и епископа Полоцка», подразумевается договор о взвешивании 1338–1341 гг. (№ 9). Хотя в его тексте не говорится об участии полочан в его выработке, оно имело место, как выясняется из данного источника. Это согласовывается со многими данными источников XIV в. об участии полочан в политической жизни своей земли как полноправного контрагента (см. комментарий к № 12). По всей видимости, представлявшим их органом власти было вече, упоминаемое в послании немецких купцов из Полоцка в Ригу начала XV в. (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 111. Lp. 2). Вероятно, оно в это время переживало период институционализации: при договоре 1338–1341 гг. еще отсутствует «печать полоцкая и святое Софьи», но «полочане» уже выступают в роли полноправного контрагента. Аналогичный процесс шел в Новгороде (*Лукин*. 2014. С. 253–273). Претензии полочан по поводу содержания этого договора говорят о том, что документ был написан вскоре после его заключения, по всей видимости, еще при жизни Гедимина. Также упоминается договор Гедимина с ливонским отделением Ордена и г. Ригой от 1 ноября 1338 г. (см. № 8). Поскольку соблюдение полочанами этого договора названо условием действия полоцко-рижского соглашения о взвешивании товаров, становится очевидным, что первое предшествовало второму, а не наоборот, как иногда утверждается (*Кузьмин*. 2012. С. 234–235).

Употребление формулы «De kopman» с определенным артиклем указывает на то, что речь идёт об общине немецких купцов в том или ином городе, в данном случае в Полоцке (*Squires*. 2006. S. 69–70).

Полоцкие послы Димитрий и Ворона по другим источникам неизвестны. Нет сведений и о времени их поездки в Ригу. О немецком купце Иоганне Конинге см.: HUB. Bd. 2. Anh. I. № 96. S. 345.

С. В. П.

2

1386 г. марта 13. Рига. — Видимус грамот вел. кн. пол. Андрея Ольгердовича о вассальной присяге лив. магистру, подготовленный приором конвента ордена доминиканцев в г. Риге Николаем

Видимус грамот полоцкого князя Андрея Ольгердовича сохранился в составе формулярника канцелярии великих магистров Тевтонского ордена, составленного из нескольких частей, переписанных на пергаменте. Древнейшая часть создана около 1380 г., последняя запись сделана в 1494 г. (*Hein*. 1937–1940; *Forstreuter*. 1952. S. 51–52; *Koeppen*. 1958. S. 173–176). Формулярник обнаружил директор Кёнигсбергского архива Эрнст Геннигс 12 декабря 1811 г., а уже 26 января 1812 г. список видимуса был отправлен известному собирателю древностей графу Н. П. Румянцеву (ОР РГБ. Ф. 256. Ед. хр. 568 (Ин. 6). Л. 3–5 об.).

Обычно исследователи исходили из того, что обе грамоты Андрея Ольгердовича были изначально составлены на латыни (*Prochaska*. 1894. S. 70–71). Однако из видимуса, который полностью публикуется впервые, выясняется, что присяжная грамота ливонскому магистру была составлена в двух экземплярах — «руском» и латинском, а послание великому магистру — на немецком и переведено на латынь лишь впоследствии.

Первая из печатей Андрея Ольгердовича, привешенная к присяжной грамоте ливонскому магистру, принадлежит к типу печатей с изображением стоящего воина с мечом и щитом. До сих пор были известны лишь печати Кейстута и Витовта с изображением стоящего воина, из чего делалось заключение, что этот тип изображения на печати характерен для линии Кейстута и его потомков, в противоположность Ольгердовичам, на печатях которых изображался всадник, впоследствии усвоенный и Витовтом (см., например: *Jankauskas*. 2013. P. 70–71). Однако чтó было изображено на печати Ольгерда, доподлинно неизвестно: как выяснил Э. Римша, приводимые в историографии данные о печатях Ольгерда имеют сомнительное происхождение или вовсе являются плодами недоразумений (*Rimša*. 2002b; *Rimša*. 2005). О печатях Кейстута более или менее надежных данных несколько больше. Одна его печать, с изображением стоящего воина, обращенного вправо, с занесенным мечом в правой руке и щитом в левой, некогда была привешена к привилею его и Любарта для торнских купцов (*Sochaniewicz*. 1928–1929). Вторая, с изображением воина с занесенным мечом в правой руке и опущенным щитом в левой — к договору о границах с Мазовией 1358 г. (KDKM. № 80. S. 74; см. о проблеме подлинности документа: *Ліцкевіч*. 2013; *Палехаў*. 2014. С. 88). Третья сохранилась при договоре о десятилетнем перемирии с Тевтонским орденом, заключенном в Троках 29 сентября 1379 г. (см. репродукцию в т. 1, табл. I, № 5–6). Все они имели латинские надписи по окружности. Еще одна печать с подобным изображением, но с кириллической надписью, согласно сведениям XVIII в. (достоверность и точность которых, впрочем, вызывают сомнения), была привешена к одному из документов о перемирии литовских князей с польским королем Казимиром Великим 1366 г. (*Gumowski*. 1930. S. 702–703; tabl. IV, rys. 29, 30; *Rimša*. 2005. P. 129–130). К тому же договору 1379 г. привешена печать Витовта с изображением воина, идущего влево, с занесенным мечом в правой руке и щитом в левой, с латинской круговой надписью (*Gumowski*. 1930. S. 717; tabl. VI, rys. 40; *Semkowicz*. 1931. S. 4–5). Со временем — во всяком случае не позже 1398 г., когда Витовт скрепил Салинский договор с Тевтонским орденом большой гер-

бовой печатью, — пеший воин стал символом его вотчины Трокской земли (*Шаланда*. 2001. С. 53; *Rimša*. 2011. P. 83–85, 93–94).

Печать Андрея второго типа, привешенная к посланию великому магистру, принадлежит к распространенному в древнерусской сфрагистике типу печатей с линейной кириллической надписью. Несколько экземпляров свинцовой печати с линейной надписью «**ПЕЧАТЬ | КНАЗА | ѠНДРѢ|Я**», возможно, принадлежавшей Андрею Ольгердовичу, найдены в Новгороде; на обороте ее изображен простой восьмиконечный крест на подножии (*Янин, Гайдуков*. 1998. № 800. С. 220, 484). Печатями такого типа в конце XIV в. пользовались и другие Гедиминовичи: известны печати с линейными надписями Дмитрия-Корибута Ольгердовича (3 экземпляра двух разновидностей, 1385 г. и 1386–1388 гг.) и Семёна-Лугвеня Ольгердовича (1379 г.). Все они двусторонние и оттиснуты на воске (*Rimša*. 2002a. P. 88–92). Печать же Андрея Ольгердовича, привешенная к посланию великому магистру в восковом ковчежце, несомненно, была односторонней. Возможно, были использованы два штемпеля, которые в других обстоятельствах могли применяться для изготовления булл.

Обращает на себя внимание различие в цвете воска печатей, привешенных к документам одного и того же князя с разницей в один день. Возможно, в данном случае цвет воска соответствовал «рангу» документа. Впрочем, послание великого князя литовского Ягайла великому магистру Конраду Цёльнеру фон Ротенштейну 1383 г., как выясняется из его транссумпта, было скреплено красновосковой печатью: «Sigillum eiusdem litere fuit figura equi currentis, in quo sedebat vir armatus, tenens in manu dextera gladium extensum, in cera rubea, et circumscripcio sigilli fuit: Jagal, Dei gracia rex Letthowye» (GStAPK, Perg.-Urk., Schiebl. 52, № 9; публикация текста послания: CDPr. Bd. 4. № 14. S. 15–16). Известные печати литовских князей второй половины XIV в. чаще всего оттиснуты на красном воске, менее распространенным был зеленый, также использовался желтый воск и воск натурального цвета (*Rimša*. 1997. P. 5–6).

Слово «pressula» может обозначать как пергаменный ремешок, так и шнурок, на котором к грамоте привешивалась печать (SŁŚ. T. 7. Szp. 1109). В данном случае, вероятно, имеется в виду всё же шнурок, поскольку пергаменный ремешок иногда обозначался с уточнением — «pressula pergamenea» (транссумпты Копысского договора). Способ скрепления между собой нескольких листов пергамена с текстом при помощи шнурков, на которых привешивались печати, известен в древнерусской дипломатике. Таким образом скреплены между собой две грамоты Новгорода тверскому князю Михаилу Ярославичу 1305–1307 гг. (ГВНП. № 7–8. С. 16–19; РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. III. № 9а, 9б, в настоящее время разъединены; датировка: *Янин*. 1991. С. 152–155), древнерусский и средненижненемецкий тексты послания властей Новгорода властям Любека 1370–1371 гг. (РГАДА. Ф. 1490. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1; публикация древнерусского текста: ГВНП. № 44. С. 79; датировка: *Янин*. 1991. С. 92–93), начало и окончание текста закладной грамоты Обросима и Василия Лаврентьевых детей Фёдору Макарову на село на Лодме середины XV в. (здесь бумажный листок с окончанием текста прикреплен к пергаменному: РНБ. ОЛДП. О.172; ГВНП. № 197. С. 229–230), немецкий и русский тексты договора Пскова с ливонским магистром и епископами от 25 марта 1509 г. (LECUB. Abt. 2. Bd. 3. № 584. S. 424), а также русский и латинский тексты союзного договора Василия III с Тевтонским орденом от 10 марта 1517 г. (GStAPK, Perg.-Urk., Schiebl. 81, № 6).

Трое участников составления видимуса известны и по другим документам. Брат Николай, приор рижского конвента доминиканцев в Риге, упоминается в 1384–1392 гг. (*Arbusow*. 1901/1902. S. 76). Иоганн де Мунте (фон дем Берге), упоминается как рижский каноник в 1385–1406 гг., причем в 1406 г. уже как «старый» (*Arbusow*. 1900/1902. S. 46). Вольдемар из Хафесфордена, в марте 1386 г. клирик Ревельского диоцеза, публичный нотарий; ок. 1392 г. был писцом ливонского магистра и действовал в Риме (*Arbusow*. 1901/1902. S. 11). Лишь Бартоломей Пеллифекс (Кожевник), викарий Рижского замка, и Иоганн Лёвен, пресвитер

Кульмского диоцеза (возможно, брат Тевтонского ордена), известны только по данному документу (*Arbusow*. 1901/1902. S. 60, 84).

С. В. П.

3

[1393 г. апреля 27]. — Послание Германа Дасберга немецким купцам в г. Полоцк о результате его переговоров с кн. трокск., менск. и пол. Скиргайлом об их освобождении с их товаром

Письмо относится к периоду между 28 апреля 1387 г., когда Скиргайло получил от Ягайла Полоцк (см. № 16), и концом 1394 или началом 1395 г., когда Скиргайло умер. Известны три поручных грамоты, выданных Скиргайлу Германом Дасбергом 27 мая, 30 мая и 6 июня 1393 г. (*Halecki*. 1919. S. 166; CEV. № 106. P. 34; CESXV. T. 2. № 20. P. 25; подробнее см.: *Лицкевич*. 2010. С. 13–14). Поэтому вслед за издателем HUB К. Кунце послание правомерно относить к 1393 г.; обычно в средневековых немецких источниках днем св. Креста назывался праздник Воздвижения Креста Господня (14 сентября), однако в 1393 г. он приходился на воскресенье, поэтому предшествующее воскресенье, 7 сентября, скорее было бы названо кануном Рождества Девы Марии, которое празднуется 8 сентября. Следовательно, в данном случае имеется в виду праздник Обретения Креста Господня (3 мая), в 1393 г. приходившийся на субботу (*Grotefend*. 1891. S. 108–109).

Необходимо подчеркнуть, что распространенное в научных, популярных и справочных работах представление, согласно которому Витовт стал великим князем литовским в 1392 г., неточно. Согласно Островскому соглашению с Ягайлом Витовт получил лишь свою «отчину» (Троки), но о месте этого княжества и его правителя в системе княжеств Гедиминовичей данный акт дипломатично умалчивает. Поначалу Ягайло пытался сохранить систему удельных княжеств Гедиминовичей, важнейшим из которых был его брат Скиргайло, в 1392 г. лишившийся Трок, но сохранивший за собой Полоцк и Менск (ср. № 16). Однако энергичные действия Витовта привели к тому, что к 1395 г. почти все удельные княжества были ликвидированы, а сам он начал титуловаться великим князем литовским (подробнее см.: *Nikodem*. 2013. S. 141–166; там же обзор историографии). Данный документ показывает, что в апреле 1393 г. власть Скиргайла, лишившегося Трок по Островскому соглашению Ягайла с Витовтом, еще распространялась на Полоцк. Из источников мая — июня 1393 г. (см. выше) выясняется, что в это время он находился в другом центре своих владений, полученных в 1387 г. от Ягайла, — Менске, который в это время был значительным административным, коммуникативным и торговым центром.

Герман Дасберг — рижский бюргер. Он и некий его однофамилец неоднократно упоминаются в книге расходов Риги (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. По указ.). В 1404 г. упоминается дом некоего Дасберга в Риге (HUB. Bd. 5. № 627. S. 325).

В данном случае, как и во многих других немецкоязычных и «руских» документах Рига неоднократно обозначается как «низ» (по течению Западной Двины), а поездки из Полоцка в Ригу передаются выражением «съехать на низ» (например: № 57, 67, 101, 107).

С. В. П.

4

[1407 г. мая 14]. Могилёв. — Договор между городами Полоцком и Ригой о торговле. Рижский экземпляр. Современный список

Впервые данный источник опубликовал К. Э. Напьерский, он же правильно определил его как фрагмент раннего списка рижского экземпляра договора Полоцка и Риги о торговле. На

это указывают формулировки, отличающие его от полоцкого экземпляра, сохранившегося в подлиннике (№ 55.I): « Т*а*кже серебрьныи вѣсы оу Ризѣ дѣржа*т*(и) полузолотникомъ бо|лши полоцко*г*(о) вѣсу во ѡдно*г*(о) рублѧ» (в полоцком экземпляре — просто «…полузолотнико*м* болши во ѡдно*г*(о) рублѧ»); «А вѣсебно имати вѣсцю, какъ оу Полоцку емлють на рижанѣ*х*, такъ имати оу Ризѣ на полочѧне*х* вѣсебное» (в полоцком экземпляре — иной порядок слов: «…ка*к* оу Полоцку на рижѧне*х* емлю*т*…»).

Хотя список неполон (не окончена дата, срезано начало текста), он ценен тем, что был переписан примерно одновременно с заключением договора, тогда как подлинник рижского экземпляра, хранившийся в Полоцке, не сохранился. Его полный список был переписан в 1483 г. полоцким городским дьяком Борисом Толандиничем (см. № 254а и комментарий к № 203) и отправлен в Ригу, благодаря чему и сохранился. Сравнение неполного современного списка с полным позднейшим показывает, каким изменениям подвергся текст при переписывании. Помимо изменений написания некоторых слов, употребления более привычных писцу форм тех же слов («по Б(о)жье*м* нарожѣньи» вместо «по Б(о)жьемъ роженьи»), а также механических ошибок («кꙋда емꙋ надобѣ» вместо «коли ему надобѣ»), замене подверглись некоторые термины: «весцы» — на «весчие», «весебное» — на «весчее», «рубеж» — на «поруб». Это не только говорит об отношении писца к тому тексту, который он переписывал, но и о постепенном изменении терминологии (о последнем термине см. комментарии к № 54 и 55).

Для чего предназначался рижский список? Он помещен на одном листе со средненижненемецким переложением экземпляра Витовта договора о торговле между Полоцком и Ригой, и это наводит на мысль о практическом предназначении списка обоих договоров: пергамен предназначался для более долговременного хранения и использования, чем бумага. И если средненижненемецкий текст Копысского договора был нужен рижанам для более легкой ориентации в нём (поскольку оригинал был составлен на менее привычном для них средневерхненемецком языке), то благодаря списку собственного экземпляра договора с полочанами рижане даже после передачи его оригинала в Полоцк всегда имели возможность ознакомиться с ним именно в той версии, которая была актуальна для контактов с полочанами, — с учетом того, что эти контакты осуществлялись на «руском» языке.

С. В. П.

5

[1486 г. или 1501 г.] июля 15. Рига. — Поручная грамота псковских купцов Оксентия Кожевника, Стефана Портного мастера, Ивана Тверитина и др. по [псковском купце] Иване Цюзонове, получившем товар своего брата, псковского купца Василия Цюзонова, умершего в Риге

Грамота датируется по филиграни «Тиара», ближайшие соответствия которой обнаруживаются в конце XV – начале XVI в. (в Западной Европе они фиксируются начиная с 80-х гг. XV в., поэтому в Риге бумага с таким водяным знаком могла появиться несколько позже), а также по указанию индикта. К этому времени ведут и особенности почерка (скорописи) грамоты: учитывая индикт, грамота могла быть написана в 1501 г., если не раньше (впрочем, возможно, священник Иван к моменту ее написания был уже немолодым). При этом поручники называют себя «кꙋпци пъсков*скии*», а между тем известно, что после ликвидации независимости Псковской республики (1510 г.) верхушка местного купечества была «выведена» в глубь Русского государства (*Масленникова.* 1982. С. 58–59), а ее место заняли купцы-москвичи. Аналогичную поручную грамоту 1518 г. выдали властям Риги уже «кꙋ*п*ци моско*в*-

ские, сведены во *Псков*» (*Иванов, Кузнецов*. 2013. № 1. С. 184). Вместе с тем прозвища купцов рассматриваемой грамоты (кожевник, портной мастер, котельник) свидетельствуют об их происхождении из ремесленных кругов, которое еще не успело забыться, или даже об употреблении здесь слова «купцы» в значении «ремесленники» (*Лукин*. 2014. С. 213–214). Поэтому не исключено, что к верхушке псковского купечества они и не принадлежали. Как бы то ни было, с учетом особенностей почерка более предпочтительна датировка 1501 г.

В настоящем издании грамота помещается условно, как представляющая большой интерес с точки зрения истории православной церкви Св. Николая в Риге и, шире, истории языковых и культурных контактов. Псковские купцы, оказавшись перед необходимостью оформить поручительство за своего согражданина письменным документом, обратились с просьбой составить такой документ к священнику рижской Никольской церкви. Эта церковь была центром контактов православных купцов как из ВКЛ, так и из городов Северо-Западной Руси: так, при проверке имущества церкви Св. Николая в 1548 г. присутствовали представители не только Полоцка и Вильни, но и Новгорода, и Пскова (LVVA. F. 673. K. 4. Apr. 19. L. 120). Священник же Никольской церкви назначался полоцким архиепископом, и ему были хорошо знакомы традиции кириллической деловой письменности Великого княжества Литовского. Отсюда в поручной грамоте псковских купцов многочисленные обороты, характерные для языка старобелорусских документов, — «вызнаваемъ си*м* наши*м* листо*м* вси посполито» («лист» вместо «грамота»), «пано*вѣ* Ризко*г*(о) места» («панове» для обозначения властей Риги вместо традиционно употреблявшегося в Северо-Западной Руси слова «посадники» в значении бургомистров; существительное «место» в значении «город» было в это время известно и в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси). Всё это свидетельствует как о далеко продвинувшемся объективном расхождении судеб Северо-Западной и Западной Руси, так и об осознании жителями этих двух частей Руси языковой, конфессиональной и культурной общности. Несмотря на то, что в момент составления грамоты Русское государство, с интересами которого уже прочно ассоциировали себя псковичи, вело войну с Великим княжеством Литовским и ливонским отделением Тевтонского ордена, сохранявшиеся представления об общности языка, веры и культуры оказались сильнее.

Из поручной грамоты псковских купцов выясняется имя священника Никольской церкви в 1501 г. (если верна эта датировка) — Иван. Предыдущие священники Лукьян и Климент упоминаются в 80-е гг. XV в. (№ 251, 254), а следующий, Прокопий, к 1508 г. уже некоторое время служил в этой церкви (подробнее см. № 436 и комментарий к нему). По-видимому, священники в православной церкви Св. Николая в Риге сменялись достаточно часто.

С. В. П., А. И. Г.

Исследовательские статьи

Полоцк и Полоцкая земля эпохи Позднего Средневековья в исследованиях 1985–2014 гг.

В. А. Воронин, С. В. Полехов

Вряд ли найдется работа по истории Полоцкой земли, в которой не были бы учтены результаты исследований А. Л. Хорошкевич. Некоторые из этих исследований хорошо известны и часто цитируются в литературе, тогда как другие прошли практически незамеченными. К числу последних принадлежит очерк «Полоцкие грамоты как исторический источник», который по своей научной значимости выходит далеко за рамки региональной полоцкой тематики. Широта исследовательского кругозора автора делает эту работу универсальным подспорьем для каждого, кто обратится к изучению социально-экономической (в широком понимании) истории Восточной Европы эпохи Позднего Средневековья — причем как на региональном уровне, так и на уровне обобщений. Основу работы, опубликованной в 1-м издании «Полоцких грамот», составила докторская диссертация А. Л. Хорошкевич «Очерки социально-экономической истории Северной Белоруссии в XV веке», защищенная в 1974 г. Для публикации ее текст был дополнен с учетом литературы 1974–1985 гг. и отчасти сокращен: так, не был опубликован большой раздел о торговле Полоцка, нашедший отражение в статьях А. Л. Хорошкевич[1].

Во второй половине 80-х гг., вскоре после публикации «Полоцких грамот», вышли работы и других авторов, в которых история Полоцка и Полоцкой земли рассматривались с точки зрения прежде всего социально-экономических отношений. К их числу принадлежат коллективная монография «Полоцк: Исторический очерк»[2] и статья М. Ф. Спиридонова (кстати, также не слишком известная) о Полотчине в середине XVI столетия[3]. В общем и целом они укладывались в рамки советской историографической школы, уделяя первоочередное внимание традиционным для нее темам — например, закрепощению крестьянства (работа М. Ф. Спиридонова). Вместе с тем, они существенно расширили фактологическую базу дальнейших исследований.

Но в последние два с половиной десятилетия общее направление исследований по истории Полоцкой земли сильно изменилось — как сильно изменился и весь облик исторической науки постсоветских стран. Произошел крен в сторону социально-политической и военной истории, исследовательская тематика стала несравнимо разнообразнее.

Практически сразу же привлекла внимание проблема борьбы за Полоцк (и, шире, за пограничные земли) между двумя крупнейшими государственными образованиями Восточной

---

[1] *Choroschkewitsch A. L.* Die Polozker Urkunden aus dem ehemaligen Stadtarchiv Riga als Quelle zur Geschichte der russisch-hansischen Beziehungen am Ende des 15. Jahrhunderts // Neue Hansische Studien (Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte. Bd. 17.) Berlin, 1970. S. 29–57; *Хорошкевич А. Л.* Внешняя торговля Полоцка и ее влияние на политическое и социально-экономическое развитие Полоцкой земли // Społeczeństwo – gospodarka – kultura. Studia ofiarowane Marianowi Małowistowi w czterdziestolecie pracy naukowej. Warszawa, 1974. S. 59–68; *Choroškevič A. L.* Der Handel Rigas mit Polock im 14./15. Jahrhundert: Nach den Polocker Urkunden // Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit. Beiträge zur Erforschung mittelalterlicher und frühneuzeitlicher Handelsbeziehungen und -wege im europäischen Rahmen (Schriften der Baltischen Historischen Kommission. Bd. 11.) Lüneburg, 2001. S. 137–155.

[2] Полоцк: Исторический очерк. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 1987.

[3] *Спірыдонаў М. Ф.* Полаччына: XVI стагоддзе // За передовую науку. 1990. 19 января, 26 января, 2 февраля, 9 февраля и 16 февраля; *Спірыдонаў М. Ф.* Полаччына ў сярэдзіне XVI ст. // Полацкія гістарычныя запіскі. Т. 1. Новаполацк; Мінск, 2004.

Европы — Русским государством и Великим княжеством Литовским. И если работа Д. Н. Александрова и Д. М. Володихина была выдержана в традиционном ключе[4], то книга М. М. Крома стала действительно новым словом в изучении этой борьбы и проблем интеграции «руских» земель в состав обоих государств[5]. Его выводы заставляют видеть в событиях конца XV и первых десятилетий XVI в. уже не просто «справедливую борьбу Русского государства за возвращение исконных русских земель», как писала А. Л. Хорошкевич (с. 66), а гораздо более сложное явление.

Дальнейшее развитие получило археологическое изучение Полоцка, которое имеет уже достаточно богатую и продолжительную традицию. Монографические исследования С. В. Тарасова и Д. В. Дука существенно расширили и во многом изменили наши представления о жизни Полоцка в эпоху Средневековья и Раннего Нового времени[6]. Несмотря на то, что археологи традиционно уделяют особенно пристальное внимание ранней истории города, слои XIV–XVI вв. также принесли важные результаты — и прежде всего для изучения городского ремесла и торговли.

Своего рода полоцкой летописью оказались граффити Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиньевского женского монастыря[7]. Их открытие и изучение происходит параллельно с открытием и изучением уникальных фресок XII–XIII вв. Особенно любопытны эти надписи с точки зрения фиксации тех или иных лиц — как светских, так и духовных, а также событий, привлекших внимание полочан.

Помимо памятников эпиграфики, увидели свет и публикации письменных источников — уже известных и новых. В частности, новым изданием вышла 573-я книга Метрики Великого княжества Литовского, состоящая из московских писцовых книг Полоцкого повета эпохи Ливонской войны[8]. Была опубликована подборка документов из актовой книги Полоцкого магистрата за 1650 год[9]. Вышли из печати и другие документальные издания[10]. Несмотря на то, что все эти источники относятся к более позднему периоду, тем не менее, они имеют значение и для средневековой эпохи.

Одно из новых исследовательских направлений представлено монографией М. А. Филипович[11]. Эта работа посвящена отражению образа Полоцка и Полоцкой земли в древнерусском и белорусско-литовском летописании, а также в актовом материале. По мнению автора, во всех этих группах источников выступает свой, особый образ Полоцкой земли. И если для древнерусского летописца она скорее «чужая», то для составителей белорусско-литовских сводов — уже несомненно «своя».

Особняком стоит труд швейцарского исследователя Штефана Родевальда «О Полоцкой Венеции», который стал первой попыткой создания истории Полоцка (от первых упо-

---

[4] *Александров Д. Н., Володихин Д. М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994.

[5] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010 (1-е изд. — 1995).

[6] *Тарасаў С. В.* Полацк IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія. Мінск, 1998; *Дук Д. У.* Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада. Наваполацк, 2007; *Он же.* Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк, 2010.

[7] *Калечыц І. Л.* Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. Мінск, 2011; *Залилов И. З.* Граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке XII–XVII вв. Полоцк, 2014.

[8] Иван Грозный — завоеватель Полоцка: (новые документы по истории Ливонской войны) / Сост. В. Ю. Ермак. СПб., 2014. См. об этом комплексе источников: *Воронин В. А.* Московские писцовые книги Белорусского Подвинья: исторический источник на границе войны и мира // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. P. 315–328; *Дзярновіч А. І.* Прызабытая публікацыя матэрыялаў Метрыкі ВКЛ // Metriciana. Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Т. 1. (Athenaeum. Vol. 4.) Мінск, 2001. С. 145–151.

[9] Актавая кніга Полацкага магістрата 1650 г.: Зборнік дакументаў / Падр. М. Ю. Гардзееў. Мінск, 2006.

[10] *Варонін В. А.* Рэестр путных баяр Полацкага ваяводства 1585 года. Мінск, 2009.

[11] *Філіпович М. А.* Полоцька земля в літописних та актових джерелах XI–XVI століть. Київ, 2014.

минаний города до 1914 г.) в западноевропейской историографии[12]. В центре внимания глав книги, посвященных Позднему Средневековью, находятся стратегии коммуникации полочан с властями и жителями Риги. Несмотря на широкий хронологический охват, исследование основано на самостоятельном и вдумчивом изучении источников, и некоторые из них на его страницах впервые раскрывают свой потенциал: например, архивные пометки рижских архивистов XVI–XVII вв. на полоцких грамотах проливают свет на представления рижан об общественно-политическом строе Полоцка.

Наконец, своеобразным итогом историко-археологического изучения Полоцка за последнюю четверть века стала новая коллективная монография, выход которой был приурочен к очередному юбилею города[13].

Нельзя не сказать и о трудах, посвященных истории Великого княжества Литовского в целом и имеющих существенное значение для понимания истории Полоцкой земли. Некоторые аспекты генеалогии Гедиминовичей, княживших в Полоцке в XIV в., уточнил в специальной книге Я. Тенговский[14]. Литовской знати, к которой принадлежали многие полоцкие наместники и воеводы в конце XIV — первой половине XVI в., посвящено фундаментальное исследование Р. Петраускаса[15]. На основании тщательно собранных сведений о персональном составе, происхождении, генеалогии, владениях, политической деятельности знатных бояр решаются более общие проблемы — структура и функции рода, характер власти знати Великого княжества Литовского. Р. Петраускас полемизирует с теорией «служебного происхождения» литовского боярства, глубоко укорененной в польской историографии, и заключает, что великие князья литовские, не располагая административным аппаратом Нового времени, как минимум с конца XIV в. доверяли важные административные посты людям, обладающим значительным влиянием и ресурсами. Р. Петраускас посвятил специальные работы формированию институционального великокняжеского двора как центра политической жизни страны и других властных институтов[16]. Обстоятельный труд Р. Чапайте через призму палеографии латинских и немецких документов раскрывает деятельность канцелярии Витовта, писцы которой готовили документы, посвященные Полоцку, и сопровождали великого князя во время его визитов в этот город[17].

Как видно даже из приведенного краткого обзора, последние десятилетия стали, в общем и целом, весьма плодотворным периодом в исследовании Полоцка. Несколько отстают работы, относящиеся к его региону — Полоцкой земле. Разумеется, новейшие публикации оказывают то или иное влияние на сегодняшнее видение тех проблем, которые поставила и решала в своих трудах А. Л. Хорошкевич. Некоторые из этих проблем в работах других авторов решены по-иному или до сих пор остаются дискуссионными. Это касается, в частности, содержа-

---

[12] *Rohdewald S.* «Vom Polocker Venedig»: Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914). Stuttgart, 2005. В настоящее время готовится к печати перевод этой книги на белорусский язык.

[13] Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв. Минск, 2012.

[14] *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. (Biblioteka genealogiczna. T. 2.) Poznań; Wrocław, 1999.

[15] *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a.: Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius, 2003. Перевод на белорусский язык: *Пятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV — XV ст.: Склад — структура — улада / Пераклад з літ. мовы А. Мікуса. Смаленск, 2014.

[16] *Petrauskas R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės seimo ištakos: didžiojo kunigaikščio taryba ir bajorų suvažiavimai XIV–XV a. // Parlamento studijos. T. 3. Vilnius, 2005; *idem.* Ankstyvosios valstybinės struktūros Lietuvoje XIII amžiuje — XV amžiaus pradžioje // Lietuvos istorijos studijos. Vilnius, 2005. T. 16; *idem.* Didžiojo kunigaikščio institucinio dvaro susiformavimas Lietuvoje (XIV a. pabaigoje — XV a. viduryje) // Lietuvos istorijos metraštis. 2005. T. 1. Vilnius, 2006 (перевод на белорусский язык: *Пятраўскас Р.* Фармаваньне інстытуцыйнага двара вялікага князя ў Літве (XIV — пачатак XV ст.) // Arche. 2009. № 9).

[17] *Čapaitė R.* Gotikinis kursyvas Lietuvos didžiojo kunigaikščio Vytauto raštinėje. Vilnius, 2007.

ния некоторых социальных терминов, вроде термина «земец». Можно спорить о том, действительно ли путные слуги были близки по своему положению к пригонным людям[18] и насколько правомерно для характеристики социально-экономического строя Полоцкой земли привлекать данные других регионов Великого княжества Литовского (с. 391, 408). Вывод о пожаловании неизвестной княгини церкви Св. Иоанна Предтечи (с. 371, 403–404), отразившемся в знаменитой грамоте Ягайла 1387 г. (№ 16), оказался основанным на неверном понимании текста источника: в действительности в нём употребляются формы двойственного числа 1-го лица перфекта, которые указывают на пожалование самих Ягайла и Скиргайла и, таким образом, проливают свет на отношения литовских князей с православной Церковью в эпоху перехода Литвы от язычества к католицизму. Не подтвердился с энтузиазмом воспринятый в историографии[19] вывод о писарской деятельности отпрыска влиятельного рода полоцких мещан Артема Буцкова Тулубея, известного дипломата и приобретателя земель. Наконец, ретроспективное изучение источников Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, их сопоставление с более древними известиями не подтверждает мысли о том, что децимальная (десятичная) организация, представленная на Полотчине десятниками, восходит к чрезвычайно древней, — возможно, даже догосударственной, — стихийно сложившейся организации сельского населения (с. 405) (иное дело, что со временем функции этой системы могли меняться)[20]. Вообще же публикуемое исследование А. Л. Хорошкевич показывает, сколь динамично развивался в эпоху Средневековья даже такой регион Великого княжества Литовского, как Полоцкая земля, которая не могла похвастаться благоприятными природными условиями. На смену одним семействам, родам и даже целым социальным группам и институтам приходили другие, и это позволяет взглянуть на Полоцкую землю и в целом на «руские» земли Великого княжества Литовского шире, чем просто на заповедник архаичных норм и традиций, из которых несложно извлечь данные о долитовском периоде их истории, как это нередко делается в историографии. Публикуемое же исследование А. Л. Хорошкевич до сих пор сохраняет высокую научную ценность как наиболее полный и разносторонний очерк социально-экономической истории Северной Белоруссии в XV столетии.

* * *

При подготовке настоящего издания составители стремились воспроизвести публикуемую ниже статью максимально близко к тому виду, в котором она увидела свет в 1985 г. (это касается и написания имен собственных, и принятой терминологии). Были исправлены лишь очевидные стилистические и фактологические погрешности, по возможности проверены цитаты и ссылки, некоторые части текста уточнены по докторской диссертации А. Л. Хорошкевич, в ряде случаев учтены находки новых источников и передатировки уже известных. Цитаты из полоцких грамот в тексте статьи приводятся по настоящему изданию, с учетом их номеров и датировок, принятых в нём. Ссылки на книги Метрики Великого княжества Литовского, изданные в 1993–2014 гг., приводятся параллельно по их рукописям, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов, и изданиям этих книг.

---

[18] См. подробнее: *Варонін В. А.* Полацкія путныя слугі ва ўрадавай палітыцы ВКЛ (XV — сярэдзіна XVI ст.) // Беларускі гістарычны агляд. 2000. Сш. 2 (13). С. 305–324.

[19] *Rohdewald S.* Op. cit. S. 152; *Груша А. І.* Дакументы як сродак пісьмовай камунікацыі паміж палачанамі і рыжанамі ў канцы XIV — пачатку XVI стст. // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Зборнік навуковых прац міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 160-годдзю з дня нараджэння А. П. Сапунова (Полацк, 21–23 красавіка 2011 г.). Ч. 2. Наваполацк, 2011. С. 51; *Філіповіч М. А.* Указ. соч. С. 118, 120.

[20] *Кучкин В. А.* Десятские и сотские Древней Руси // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 270–425.

Полоцкие грамоты как исторический источник

А. Л. Хорошкевич

§ 1. Общая характеристика

Полоцкая земля, в XI–XII вв. занимавшая часть Подвинья, верховьев Днепра и Березины[1], к началу XIV в. (т.е. к последнему периоду самостоятельности) пришла очень ослабленной.

На протяжении XIII–XV вв. происходил процесс экономического, этнического и культурного обособления, которому в какой-то степени соответствовал и аналогичный процесс в политической сфере. В самостоятельные княжества еще в XII в. выделились Витебск, Минск. Последний в XV в. становится местом пребывания наместника и административным и политическим центром, а также центром складывания белорусской народности. Часть полоцких земель перешла под власть ВКЛ раньше, чем собственно Полоцк. А. Е. Пресняков полагает, что Минское княжество в начале XIV в. целиком входило в состав Литовского княжества, хотя в 1326 г. упоминается князь Василий Минский[2]. Несомненно, что к концу XIV в. Минск не был зависим от Полоцка.

Сопоставление формулировок жалованной грамоты Владислава, короля польского и великого князя литовского, кн. Скиргайле на троцкое, минское и полоцкое княжения 1387 г. показывает разницу в статусе центра княжения (Полоцк), центра волости (Свислочь), отдельного вполне зависимого города (Пропойск, Бобруйск и т. д.) и нового обособившегося княжения, ставшего зависимым от литовских князей (Минск) (№ 16). Особое положение занимал Логойск, давно потерявший независимость, как и другие мелкие города. Однако часть дани с Логойска была передана Войшвилтом или Скиргайлой монастырю св. Иоанна (вероятно, Иоанно-Предтеченскому Островскому монастырю в Полоцке). Дань эта, по жалованной Владислава, должна была поступать по-прежнему в Полоцк. Таким образом, даже литовская власть признавала неразрывность связей Полоцка и Логойска.

Восточная граница Полоцкой земли в XV в. менялась. Озерищская и Усвятская волости отписаны от Витебска при Казимире, но в XVI в. они снова входили в Витебский повет. В середине XVI в. Озерищская волость уже была рубежом[3]. В 1576 г. граница Полоцкого и Витебского воеводств шла «рѣкою Оболью внизъ въ Двину рѣку, Двиною у верхъ по рѣку Крывину, а Крывиною у верхъ, займуючи Вятцо, по границу князей Лукомскихъ»[4]. Можно предположить, что и Лукомль по-прежнему тянул к Полоцку[5].

О западных границах Полоцкой земли известно немногое. Устье р. Лисны, по жалованной князя Анофрия (№ 6), также принадлежало Полоцку. В начале XV в. псковский пригород Себеж

---

[1] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 148–158 и карта. Полоцкая земля по летописям в XI–XII вв. включала Минск, Изяславль, Логойск, Борисов, Друцк, Лукомль, Дудичи, Стрежев, Неколочь, Витебск, Усвят, Еменец. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля IX–XIII вв. М., 1966. См. также карты: Витебская губерния. Историко-географический и статистический обзор. Вып. 1. История, природа, население, просвещение / Под ред. В. М. Долгорукова. Витебск, 1890. С. 22–23.

[2] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 63–64.

[3] *Калачов Н. В.* Писцовые книги. С. 433, 436; ПР 1552 г. С. 9.

[4] АЗР. Т. 3. № 74. С. 199–200 (25 ноября 1576 г.).

[5] Сведения о его положении относятся по преимуществу к XVI в.: ПР 1552 г. С. 1; см. также: *Довгялло Д. И.* Лепельские архивы. Лепель, 1902. С. 17–28; *Оглоблин Н.* Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во 2-й половине XVI-го века // Сборник Археологического института. Кн. 3. Отд. II. СПб., 1880. С. 34.

перешел под власть ВКЛ и стал частью Полоцкого наместничества. Это случилось в 1414 г., после того как Витовт захватил и сжег этот город[6]. До XVI в. к Полоцку тянула и Невельская волость (№ 476), крайне опустошенная и сократившаяся в своих размерах в результате войны с Русью. Граница Полоцкой земли на севере проходила в районе Ситна: «ситняны» в начале XVI в. были «на моско*в*ско*м* рубежи» (№ 449, 464)[7]. Судя по грамотам, в Полоцкую волость входили бассейны среднего течения Двины и ее притоков Начи, Ушачи, Уллы с левой стороны, Обели, Полоты, Дриссы — с правой. М. К. Любавский по договору 1503 г. определяет Полоцкую волость как включавшую Мошники, Дриссу, Освею, Нещерду, Непоротовичи, Клично, Ситняны, Лисну, Себеж и Замошье[8], занимавшие территорию около 15 тыс. кв. верст[9].

Таким образом, судя по грамотам конца XIII — начала XVI вв., территория Полоцкой земли была значительно меньше ее территории в предшествующее время.

Полоцкие грамоты включают в себя источники различного происхождения[10]: в сфере социально-политических отношений возникли жалованные, данные, купчие, уставные, в сфере социально-экономической — делопроизводственные материалы (квитанции и пр.), в сфере политических, в особенности внешнеполитических и внешнеторговополитических — договоры и многочисленные послания полоцких властей — духовных и светских, а также отдельных лиц.

К первой группе документов можно отнести материалы, возникшие в сфере внутренних социально-политических отношений в Великом княжестве Литовском.

В связи с потерей Полоцком самостоятельности, материалы времени независимости крайне редки. Это несколько жалованных грамот последних полоцких князей духовным и светским феодалам, а также духовные полочан церквам и монастырям. Они представляют собой случайную выборку, имеющую иллюстративное значение.

Подобно всем документам такого характера, иллюстративная выборка имеет значение для понимания общественных явлений только при условии дополнения ее косвенными данными результатов исследования других особенностей социально-экономического развития того или иного региона, или сочетания ее с заключением по аналогии, полученным в итоге изучения других явлений, близких по своим признакам к исследуемому. Нужно сказать, что второй путь таит в себе много опасностей, ибо он может привести к ложным выводам, в которых особенности того или иного явления не будут учтены.

Путем исследования актовых материалов может быть только формулярный анализ. С его помощью можно понять влияние полоцкой традиции XIII–XIV вв., если таковая существовала, в оформлении актов XV–XVI вв. и особенности социально-политического и экономического развития Полоцка.

Все грамоты XIV в. обнаруживают большое сходство с русскими грамотами[11]. В них, как правило, отсутствует инвокация, салютация, публикация, наррация и дата[12].

---

[6] *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Wyd. nowe. Warszawa, 1846. S. 150–151.

[7] *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1970.

[8] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892. С. 255–256; см. также: Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 398–402.

[9] *Стрельбицкий И.* Исчисление поверхности Российской империи в общем ее составе в царствование имп. Александра III и смежных с Россиею азиатских государств. СПб., 1889. С. 9.

[10] Об основах классификации источников по происхождению см: *Каштанов С. М., Курносов А. А.* Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. 1962. № 4. С. 173–186; *Каштанов С. М.* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 158–162.

[11] Еще Н. П. Павлов-Сильванский писал об аналогии их терминологии и содержания «московским» грамотам: *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 300.

[12] Ср.: *Каштанов С. М.* Богословская преамбула жалованных грамот // ВИД. Вып. 7. Л., 1973. С. 81–82; *Он же.* Дипломатический состав древнерусского акта // ВИД. Вып. 2. Л., 1969. С. 155.

В пожалованиях XIV в. речь идет только о земле, без указания названия[13] селений или жителей, что, несомненно, свидетельствует о слабом внутреннем освоении. Передаются земли на Просмужице, на Званице и т. д. Исключением является грамота великого князя Анофрия (№ 6). Правда, указание на сёла и людей находится не в «вотчинной части» диспозиции[14], но в санкции. Подробность изложения в санкции жалованной Анофрия, ее исключительное внимание к взаимоотношениям отдельной, пусть даже княжеской, церкви с владыкой ведет ко временам несколько более поздним, нежели XIV в. Sanctio полоцких грамот конца XIV в. весьма показательны для напряженной политической обстановки потери Полоцком независимости.

Материалы XV в. более разнообразны. Это купчие и жалованные частных лиц, жалованные великих князей литовских боярам и мещанам, наместникам и воеводам, духовным феодалам, уставные грамоты городу и отдельным корпорациям населения. Численно значительно преобладают великокняжеские грамоты.

Подавляющее большинство жалованных частных лиц передавало земли церкви. Это жалованные Зиновия Васильевича Корсака, Якима Денисовича Туровейского, Ивана Михайловича Полупяты. Лишь одна жалованная адресована частному лицу. Согласно ей Мартин и Сенько Проселки становились субфеодалами, обязанными службой одному из Корсаков. Редкость подобного рода грамот, на наш взгляд, соответствует слабому распространению самого института — субвассалитета.

Адресатами-получателями великокняжеских жалованных грамот, в отличие от Руси, в литовское время никогда или почти никогда (за исключением самого конца XV в.) не были православные церковные или духовные феодалы. Это представление создается на основе сохранившихся до нашего времени комплекса источников[15], и порождено оно не только гибелью церковных архивов, но и реальным положением вещей. Литовская великокняжеская власть, за исключением самого начала XVI в., была весьма далека от поддержки православной церкви на всей территории Литовского княжества, хотя и считается в целом «веротерпимой»[16].

Грамоты, написанные от имени великого князя литовского, сохранившиеся по преимуществу в составе Литовской метрики, рисуют социально-экономическую жизнь Полоцка сквозь призму великокняжеской канцелярии. Что же представляла собою эта призма, как трансформировала она импульсы внутренней жизни Полоцка, трудно сказать, так как история литовской канцелярии еще не изучена. Попытки, предпринятые в этом направлении К. Ходыницким, Н. Г. Бережковым, М. Косманом и Ю. Бардахом, еще не раскрыли всего механизма действия этой канцелярии.

Формуляр великокняжеских жалованных грамот до 80-х гг. XV в. изучать очень трудно. Они дошли в виде упоминаний в подтвердительных, пересказов или включенных актов (грамоты Витовта), кратких записей в книге данин (40–50-е гг. — начало княжения Казимира), в реестрах дач (70–80-е гг.) или в виде почти полных копий (с 80-х гг. XV в.), где опускается лишь титул великого князя[17].

Отсутствие жалованных конца XIV — начала XV в. нельзя рассматривать и исключительно как свидетельство невнимания великого князя к вопросам земельной политики. Исчезно-

---

[13] Характеристику методики подобного изучения см.: *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1965. С. 17–28.

[14] *Зимин А. А.* О дипломатике жалованных грамот Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 166.

[15] См. введение к настоящему изданию в Т. 1.

[16] *Грицкевич А. П.* Историография истории православной церкви в Белоруссии (XIV – середина XVI века) // Из истории книги Белоруссии. Минск, 1976. С. 137–138.

[17] *Синицына Н. В.* Пергаменные кириллические акты XIV–XVII вв. в собраниях Польской народной республики и задачи их изучения // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 248.

вение грамот первой половины XV в. связано с отсутствием великокняжеского архива, с одной стороны, и гибелью тех лиц, которые получали эти пожалования, с другой.

Грамоты Витовта, данные неполочанам, кажутся калькой с латинского языка, на котором писались польские акты XIV в.[18] Наследники Витовта, вернее, их канцеляристы, несколько растеряли традиции латинских грамот конца XIV–XV вв. Акты 30–40-х гг. XV в., в основном кириллические, не имеют ни инвокации, ни салютации, ни публикации, приближаясь к формуляру русских грамот предшествующего времени[19].

Краткие записи в книге данин Казимира содержат имя получателя, состав пожалования, иногда его условия («до воли») и имя жалователя («сам», то есть великий князь; Сапега, Кушлейко и т. д.), поэтому формуляр грамот середины XV в. с трудом поддается изучению. Отчасти его можно восстановить путем сравнения кратких записей в книге данин с подтвердительными конца XV в. Так, о пожаловании Ивану Булавину читаем:

40-е гг. XV в. (№ 98Б)	90-е гг. XV в. (№ 322)
Ивашкꙋ Балавина землѧ на Травне, на Ꙋшаче и бобры гони*ти*. Сопега.	…повѣдили на*м*, што *ж* ѡте*ц* нашъ, коро*л*(ь) его м(и)л(о)сть, далъ дѧ*д*(ь)ку и*х* Ивану Булавину зе*м*лю бо*р*тную и бобры на Вшачи по Всо*м*ници… Неха*и* ѡны тую зе*м*лю и бобры де*р*жать, а на*м* с того службу служа*т*(ь) по давному.

Подтвердительная грамота точнее указывает род земельных угодий, переданных Ивану Булавину, и условия службы. Возможно, и то, и другое содержалось и в жалованной грамоте. Еще короче сведения в реестрах дач 80-х гг. XV в.: имя получателя, размер пожалования, как правило, мелкого: или деньгами, или натурой (сукнами, солью, лошадьми) в масштабах всего ВКЛ дают картину финансовой политики великих князей, подлежащую и качественному, и количественному анализу, уточняют незначительными деталями представление об их политике по отношению к различным слоям полоцкого общества. Трудно сказать, оформлялись ли пожалования, занесенные в реестры, особыми документами. Сам характер пожалований — очень мелких, боярам и мещанам различных городов ВКЛ — заставляет предполагать, что никаких иных документов, кроме этих реестров, не составлялось. Однако не исключено, что и они оформлялись особыми документами, поскольку и разбросанность мест жительства жалуемых лиц, получавших «дачи» не в том городе, где они жили, и разнообразия источников этих пожалований (с «мыта» или с «вин», т. е. с доходов от торговли в том или ином городе) требовали письменного оформления.

Наиболее редки жалованные на держание волостей. Ни одной такой грамоты не сохранилось в полном виде. На этот раз причиной была не слабая распространённость этого явления, но его отмирание к середине XV в., когда начали составляться книги-копии Литовской метрики. Кроме того, погодное держание волостей не создавало прочной связи держателя с землей, и эти жалованные впоследствии оказывались ненужными.

Также редки несудимые грамоты. Однако делать на этом основании вывод о слабом развитии судебного иммунитета было бы неверным. Напротив, широкое распространение последнего привело к сокращению выдачи иммунитетных грамот. Они предоставлялись только в том случае, если принадлежность получателя к числу иммунистов вызывала какие-либо сомнения. По-видимому, иммунитетные грамоты давались и тогда, когда путная или тяглая земля переходила в руки бояр. Перемена владельца приводила к освобождению земли от выполнения служб, уплаты «подачек». Так, после продажи путными людьми Черсвятского двора земли на Островне Занке, после смерти которого Александр дал эти земли новому вла-

[18] *Kosman M.* Dokumenty łacińskie wielkiego księcia Witolda // Archeion. T. 51. Warszawa, 1969. S. 73–90.
[19] *Каштанов С. М.* Русские княжеские акты X–XIV вв. (до 1380 г.) // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 106–111.

дельцу — брату Занки, отцу Ивана Григорьевича Служки, Занка получил лист «вызволены*и* ѡ*т* всяки*х* слꙋжобъ и по*д*водъ и повинносте*и* че*р*свя*т*ских» (№ 333–336).

Особой разновидностью жалованных грамот являются жалованные подтвердительные с тщательно разработанным формуляром, подробным начальным (впервые появилось инвокация, развернутые салютация, публикация) и конечным протоколом. Такой разновидности Русь не знала, грамоты подтверждались простой подписью на их обороте. Жалованные подтвердительные появляются в огромном количестве в княжение Александра. Это объясняется чисто формальным моментом — сменой великого князя, подтверждавшего пожалования отца. Но не только этим. Мобилизация земли шляхтой, в том числе и полоцкой, зашла уже настолько далеко, что возможности новых пожалований значительно сократились, а ценность земли повысилась, что вызывало желание феодалов закрепить ее за собою.

О повышении ценности земли, ее последовательном хозяйственном освоении и расширении сферы боярского землевладения свидетельствует изменение «вотчинной» части диспозиции, т. е. той части, в которой описываются жалуемые земли. В XIV в. в диспозиции неопределенно говорилось о землях, по преимуществу вдоль рек, потом стали указываться различные промысловые угодья (бортная земля или река с бобрами), в середине XV в. передавались данники — феодально-зависимое население с обрабатываемыми ими землями, в 70-е гг. земля населенная тяглыми и пригонными людьми, в конце XV — начале XVI вв. земля, населенная путными слугами и путными людьми. Таким образом, в сферу эксплуатации частных лиц попадали всё новые и новые категории сельского населения, а вместе с тем и новые виды земельных угодий. В середине XV в., наряду с бортными, стали указываться пашные земли и сеножати, в конце XV в. — различные виды лесных угодий и воды, и наконец, имения.

В целом жалованные грамоты дают материал по вопросам земельной политики великих князей литовских в Полоцке, поддержки ими того или иного слоя населения[20], распространения различных видов феодального землевладения (княжеского, церковного, боярского, мещанского и т. д.), социальной и хозяйственной истории Полоцкой земли. Особо следует подчеркнуть важность имеющихся в них топонимических[21] и генеалогических сведений.

В сфере социально-политических отношений возникли уставные грамоты. Уставные грамоты принадлежат исключительно великим князьям — это уставная грамота мещанам Казимира, уставные грамоты Александра и Жигимонта на магдебургское право и, наконец, уставная грамота Жигимонта Полоцкой земле 1511 г.

Ранние уставные Полоцку сохранились в составе грамоты Жигимонта 1511 г. Исследователь этого источника И. Якубовский путем сопоставления ее с витебской, смоленской уставными грамотами середины XVI в., новгородскими договорными грамотами XIV в. выделил в ней древнейшую часть, относящуюся к первой половине XIV в. и представляющую собой «ряд» — договор полоцких князей с Полоцком (11 статей), уставную грамоту Витовта,

---

[20] В качестве субъектов великокняжеских пожалований в различные периоды выступают то мещане, то бояре, то и те и другие вместе (как это было в начале княжения Казимира), то одни бояре. К концу XV в. жалованные данные получали исключительно бояре. Мещане в это время изредка добивались только подтверждения старых пожалований.

[21] Эти данные очень важны для истории феодального землевладения, поскольку с формированием феодализма появлялись и названия, отвечавшие на вопрос «чье?» (*Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965. С. 30) и, как правило, образованные от имен собственных (*Miklosich F.* Die Bildung der Ortsnamen im Slawischen. Heidelberg, 1924. S. 1). В Белоруссии это названия с суффиксом *-ичи* (*Жучкевич В. А.* Топонимика. (Краткий географический очерк). Минск, 1964. С. 145; см. также: *Лемцюгова В. П.* Беларуская айканімія. Мінск, 1970; Першая беларуская анамастычная канферэнцыя. Тэзісы дакладаў. Мінск 1967; *Прищепчик А. М.* Микротопонимия Столбовщины. Минск, 1970; Микротопонимия. М., 1967; *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. Мінск, 1966; *Rospond St.* Południowo-slowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -ity-. Kraków, 1937. S. 6; *Никонов В. А.* Славянский топонимический тип // Вопросы географии. Т. 58. М.-Л., 1962. С. 25, 28).

включавшую 24 статьи, дополнения Свидригайла, Жигимонта и Казимира 1430–1440 гг., а также те дополнения — «права вольная добрая хрестиянская», которые были сделаны на основе привилея 1447 г. (6 статей) и внесены, вероятно, в 1451 г. Кроме того, в 1492–1498 гг. грамота была пополнена двумя статьями относительно прав владения боярами и православным духовенством городскими участками. Наконец, в 1511 г. были приписаны еще три статьи относительно устройства важницы, сбора серебщины и права пользования лесными угодьями, принадлежащими боярам и городу.

Существовал еще один вид уставных грамот — грамоты, фиксировавшие размеры и характер крестьянских повинностей. Они хранились в семейных (или волостных?) архивах крестьян, и, как правило, не сохранились. Исключение составляет уставная грамота Жигимонта III от 15 августа 1589 г. о размерах повинностей жителей ряда сёл Полоцкой волости[22], в которой подтверждались старые нормы эксплуатации крестьян. В ней указаны все те повинности, которые были распространена в ВКЛ в XV в. Система обложения и, в частности, упоминаемая иногда единица обложения — «дым» также вздет к ранним временам. Денежные налоги исчислялись в «широких» и «узких» грошах. Этот «реестр» был составлен, вероятно, в 20-е гг. XVI в., сами же повинности восходят к еще более раннему времени.

Из сферы социально-экономических отношений вышла особая разновидность актов — купчие грамоты и подтвердительные купчих. Большинство их относится ко второй половине XV в., и происходят они не только из великокняжеской канцелярии, но и из частных архивов.

Дату появления купчих грамот в Полоцке определить не удается. От времени независимости не сохранилось ни одной купчей, что и естественно, поскольку купчие появляются значительно позднее жалованных, когда упрочиваются права земельных собственников. О формуляре купчей времени Витовта и начала княжения Казимира можно извлечь некоторые сведения из их пересказов в грамоте 5 ноября 1551 г.; в последней покупатель и продавец упомянуты по именам, указано их социальное положение, время покупки, точное название села или земли и описание тянувших к ним угодий, а также описание границ. По сравнению с жалованными неправдоподобным представляется перечисление в купчей полного перечня угодий уже в конце XIV — начале XV в. Впрочем, возможно, «вотчинная часть» диспозиции купчих была шире, чем жалованных. В более подробных пересказах купчих, составленных в 60-е гг. XV в., где упомянуты условия купли («обелъ вечно») и происхождение земли («купля их»), отсутствовавшие в предшествующих пересказах, опущены сведения о границах земли.

Первые подлинные купчие относятся к 7 января 1487 г., 1505–1510 гг. Основные части их формуляра совпадают полностью, очевидно, формуляр купчей не претерпел существенных изменений и на протяжении конца XV — начала XVI в.

В грамотах 1505 и 1510 гг. обращает на себя внимание дословное совпадение многих формул, отличающихся от других купчих. Это salutatio, обозначение границ: «рубежи и обиход», одинаковая сумма штрафа — «вины» за нарушение запрещения «поискивать» ее, требовать возвращения этой земли, термин «обель вечно и непорушно» и т. д. Имеются, однако, и в этих грамотах различия. Так, в грамоте 26 мая 1505 г. особо оговаривается: «[без] никоторого припуженья» (№ 391); промульгация 1510 г. «Нинешънимъ и напото*м* бȣдȣчимъ, комȣ бȣдеть того потребъ ведати або чтȣчы слышати» (№ 461) — восходит к более ранней грамоте от 7 января 1487 г. (№ 266). Возможно что обе грамоты вышли из-под пера одного и того же дьяка, однако с промежутком в 5 лет, что, конечно, наложило отпечаток на них.

Сравнение формуляра подлинной купчей с пересказами показывает, что пересказы опускают публикацию или промульгацию (которая в грамоте 1487 г. состояла из двух частей — теоретического обещания не вступаться в продаваемую землю и практического установления

---

[22] АЮЗР. Т. 1. № 193. С. 229–230.

размера штрафа за нарушение), корроборацию (также состоявшего из двух частей — перечня свидетелей и указания на скрепление грамоты своими печатями), большую часть конечного протокола (дату, описание печатей, в данном случае клейм продавцов, имя дьяка) и часть диспозиции (в первую очередь цену земли, изредка описание границ этой земли). Однако в пересказах купчих остается главная часть диспозиции, довольно полно передается инскрипция, (если этот термин в купчих можно применить к продавцам земли). Для формуляра купчих характерно отсутствие инвокации, то есть обращения к Богу, подробное указание границ, свидетельство соседей или жителей той же местности.

По-видимому, купчие составлялись без помощи великокняжеской администрации, а также духовных лиц, в период, когда освоение земли зашло уже настолько далеко, что стало возможным подробно обозначать границы владений. Купчие совершались не только в Полоцке, но и в местных центрах. Этими особенностями их оформления объясняется редкость данного рода актов в настоящее время. Они хранились у владельцев земли и вместе с частными актами подвергались легкому уничтожению.

В 60-е гг. XV в. появились и подтвердительные купчих[23], неизвестные в первые десятилетия XV в., что, вероятно, свидетельствует о растущей мобилизации земли. Если в первую половину XV в. купчие приобретали законную силу благодаря свидетельству местных феодалов, то во второй половине XV в. этого стало уже недостаточно. Потребовалось удостоверение подобной сделки великокняжеской властью.

По включенным актам-пересказам трудно установить, отличаются ли подтвердительные купчих от подтвердительных на земельные владения в первый период существования и тех и других, то есть в 70–80-е гг. Трудно также ответить на вопрос, подтверждались ли в 70–80-е гг. XV в. все купли или только некоторые. Можно предположить, что подтверждались не все, а только купли крупнейших феодалов или представителей великокняжеской администрации. Купли-продажи мещан или путных слуг вряд ли подтверждались наместником, а тем более королем.

Подтвердительная купчей носила название «дозволенного листа» (№ 378, 389), «потверженого листа» (№ 352, 389) или просто «потверженья» (№ 341). Различались грамоты, выданные наместником и великим князем. Первый давал «дозволенье», второй — «подтверждение» (№ 341). Всегда ли проводилось такое различие, трудно сказать из-за недостатка сведений[24].

Подтвердительные купчей строились по такой схеме: интитуляция, наррация с изложением купчей, которая подтверждается, и челобитья покупателя земли, затем диспозиция, включавшая 1) позволение купить («волен он тое сельцо купити» или «продати») или подтверждение владения («дозволяем мети»), 2) условия и сроки будущего владения — а) «у-в отчину»), б) «вечно», в) «нехай держить, как слушало», г) «подлуг того, как он купил, а с того нам служить», наконец, конечный протокол.

Подтвердительные купчей в той части, которой оговариваются условия и срок владения землей, имеют большое сходство с жалованными, почему их можно назвать жалованными подтвердительными купчих.

Главным отличием подтвердительной купчей от купчей явяется включение наррации, из которой явствует, что подтвердительная давалась после совершения сделки, когда покупатель мог уже предъявить купчую или сообщить, что он купил землю. Лишь в единичных

---

[23] Олехно Судимонтович в 1463–1476 гг., а скорее всего, в 70-е гг. подтвердил куплю Сенки Григорьевича земли на Усваи у путных людей. Эту же куплю подтвердили позднее Богдан Андреевич (в 1476–1484 гг.) и Казимир (в 1484–1492 гг.) (№ 321). Если первая может действительно быть названа подтвердительной купчей, то вторая — это жалованная подтвердительная на владения Сенки Григорьевича, независимо от того, каким путем были получены земли.

[24] Ср.: Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / Сост. А. Л. Хорошкевич, С. М. Каштанов; отв. ред. В. Т. Пашуто, Ю. М. Юргинис. Вильнюс, 1985. С. 28–29.

случаях подтвердительная купчей давала разрешение на продажу земли, вероятно, предварявшее самую эту продажу. Это показывает, что права продавца по распоряжению землей были довольно велики.

Купчие грамоты — важный источник по социальной истории Полоцкой земли, в том числе и истории землевладения, так как они, в отличие от центрально-русских, содержат сведения о социальном положении продавцов и покупателей земли. В первых купчих продавцы появляются под названием земян, позднее путных людей (вероятно, в конце XV — начале XVI в.), в 80-х гг. — мещан. Изредка в грамотах середины XV в. речь шла о продавцах земли из числа бояр. Позднее, в конце XV — начале XVI в., среди продавцов крайне редко выступают бояре или церковные феодалы.

Противоположную эволюцию проделывали покупатели земли в первую половину XV в. Это и мещане, и бояре, и неопределенные лица. С 80-х гг. XV в. ясно намечается перелом в составе покупателей — остаются одни только бояре или представители великокняжеской бюрократии (наместник, великокняжеские писари).

Характер сохранившихся купчих ясно показывает направление социального развития. Земли концентрировались в руках бояр, а вместе с землями собирались и документы, удостоверявшие права владения этой землей. Другие же прослойки теряли земли, а потому и не нуждались в сохранении земельных документов.

Сравнение формуляра купчих и подтвердительных купчих с купчими и докладными купчими, происходящими с территории центрально-русских земель, позволяет выяснить некоторые особенности землевладения Полоцкой земли.

Новым типом грамот, появившихся в начале XVI в., были так называемые откупные, согласно которым тому или иному лицу передавалось право держания корчем в Полоцке. Эти грамоты повторяли вырабатывавшийся в последние годы XV в. формуляр откупных на держание мыта[25]. Однако ни тот ни другой к началу XVI в. еще не приобрели устойчивых форм. Общая же схема этих грамот такова: после обычных для грамот intitulatio следует указ наместнику с обозначением лица, которому передавалась корчма, и изложением условий держания корчем и платы за них. В диспозитивную же часть включалось запрещение держать корчмы наместнику, владыке и волостным людям, а также требование конфисковать подобные корчмы в пользу великого князя (№ 383, 437). Откупные грамоты характеризуют финансовую политику великого князя, отчасти уровень экономического и социального развития города Полоцка.

В сфере политико-экономических отношений возникли материалы торгово-политической переписки Полоцка и Риги, а также других западнорусских и белорусских городов (Витебска, Смоленска) с ливонскими городами, немецкого купечества Риги с немецким двором в Полоцке, отдельных ливонских, ганзейских и полоцких купцов друг с другом, полоцкого и витебского архиепископа с городскими советами Риги, Полоцка и Витебска.

Каждая из этих групп разновелика по объему, относится к различному времени и имеет вследствие этого самую различную ценность для изучения полоцкой внешней торговля и внешнеторговой политики Полоцка.

Грамоты, адресованные Рижскому городскому совету, посвящены как общим спорным вопросам внешнеторговых взаимоотношений Полоцка и Риги (в частности, вопросам взвешивания товаров, установления их качества, назначения весчих), так и отдельным торговым конфликтам. К сожалению, они дают лишь общее представление о внешнеторговой политике и еще более приблизительное о ходе самой торговли, ее ассортименте, объеме и т. д., зато позволяют познакомиться с участниками торговли, определить их экономическое и социальное положение. Грамоты писались от имени наместника или воеводы, а иногда от неопреде-

[25] См. подробнее: *Хорошкевич А. Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики, Рига, 1970. С. 70–71.

ленного поспольства или «бояр или мещан», или только «мещан», благодаря чему по ним можно представить себе политическое устройство Полоцка и его эволюцию.

Письма архиепископов Рижскому магистрату — их сохранилось около десятка — посвящены в основном частным вопросам взаимоотношений полоцкого владыки с Ригой. Это верительные грамоты новым священникам в церкви св. Николая в Риге, просьбы о закупке различных товаров (в том числе и хлеба). Лишь изредка эти грамоты касаются более общих вопросов взаимоотношений всего Полоцка с Ливонией. Такие грамоты относятся только к середине XV в.

Реальное соотношение сил на том или ином этапе полоцко-рижских отношений оказалось зафиксированным в договорах 1263, 1265, 1338, 1407 и 1478 гг. (№ 1, 2, 9, 55, 226)[26]. Все пять договоров были заключены от имени разных властей: первые три от имени князей и епископов, договоры XV в. — от имени города Полоцка («мы, полочане», «мы, мужи полочане»). Особую формулу начального протокола имеет грамота Изяслава: «Сло*в*(о) Изѧсла*в*(а), кнѧ*з*(ѧ) полочько*г*(о), къ еп(иско)пу и къ местерю и къ всемь вельневице*м* и ратьмано*м*, всемъ горожано*м*». Отличался договор 1338 г., заключенный, как явствует из его вступительной фразы, по воле магистра и рижских горожан. Полочане скрепили этот договор своими печатями. Возможно, так же было и со «Словом Изяслава», только на этот раз стороной, скрепившей договор, выступили Рига и ливонский магистр. Только договоры 1263, 1407 и 1478 гг. имеют в заключении дату: таким образом, только эти три договора имеют все черты окончательного оформления. Договор 1338 г., заключенный «по воле магистра и рижских горожан», был только приложением к иному договору, а потому и не имеет никаких датирующих указаний в конце.

Договоры Полоцка с Ригой в своей диспозитивной части содержат ценный материал о правовых основах и характере полоцкой внешней торговли.

Наряду с ними важное значение имеют общелитовские договоры с русскими городами и княжествами (Новгородом, Псковом, Москвой), такие, как договор Свидригайлы 1431 г., Казимира 1440–1441, 1470 гг., великого князя Александра с Иваном III и в 1494 г., Жигимонта с Василием III в 1508 г.

Распределение грамот по типам, крайне неравномерное, предопределяет и возможности использования их в целях анализа социально-экономической, политической и культурной истории Полоцка XIV — начала XVI в.

А. Данные грамот об эволюции сельского хозяйства

В силу специфики полоцких грамот развитие земледелия нашло в них весьма слабое отражение. Данных относительно почв, малоблагоприятных для сельского хозяйства (Полотчина изобилует подзолами и болотистыми почвами, обусловленными их ледниковым происхождением[27]), почти нет. При описании земель упоминаются болота и мхи (№ 266), один раз назван «глинник» в верховьях р. Туровьи (№ 424) — выход на поверхность подстилающего слоя — тяжелой гончарной глины.

Наиболее ранние (XIV в.) данные о земледелии относятся к городам, остававшимся и центрами сельскохозяйственного производства. Пашенные и огородные земли в актовых источниках XIV в. упоминаются только в пределах города: в завещании Ивана Никоновича Дементьева — «три места ролеиная на Великомъ поли, да поженька, да лугъ на Полоте» (№ 5). Здесь же производилась и молотьба: «полгумна» тот же Иван Никонович передает церкви св.

[26] Подробнее см.: *Goetz L. K.* Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916. S. 327–329, 330–332, 335–338, 341–362; *Хорошкевич А. Л.* Договоры Полоцка 1405–1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 79–87.

[27] *Медведев А. Г.* Супесчаные и песчаные дерново-подзолистые почвы севера Белоруссии, развитые на озерно-ледниковых песках и супесях. Минск, 1959. С. 12; см. также *Юркевич И. Д.* Дубравы Белорусской ССР и их восстановление. Минск, 1960. С. 12.

Троицы. О том, насколько объективны эти сведения о городе как центре пашенного земледелия в XIV в., можно судить и по археологическим материалам[28].

Находки зерен и сошников XI–XIII вв. были сделаны только в пределах городских поселений Полотчины. Чем объясняется это явление? Вероятно, слабым развитием земледелия: в стране лесов, болот, рек и озер занятие земледелием представляло большие трудности. Городские же поселения располагались на моренных возвышенностях, где преобладающим типом почв были суглинки, покрытые либо торфом, либо озерной глиной[29]. В письменные документы сведения о пашных землях вне города проникли лишь в XV в. Первое включение пашенной земли в состав пожалования относится только к концу XV в. (№ 315). Несколько ранее пашная земля упоминается в купчих. Так, купчая мохонковлян, продавших в 1487 г. свою землю владыке Ионе, содержала упоминание о пашенной земле (№ 266).

К сожалению, о земледельческих терминах, как и о самом земледелии конца XV — начала XVI вв., можно узнать лишь из жалованных грамот, в которых господствовал стандарт в обозначении земель[30]. Сам этот стандарт определялся уровнем экономического и социального развития, которое, впрочем, не тотчас находило отражение в формуляре. В середине XV в. объектом пожалования стали данные люди, в конце века описывалась и земля разных родов, и дани, уплачиваемые зависимым населением. В конце XV в. прочно утвердилось разделение земли на три типа: пашной, бортной и сеножатей (№ 350, 461и др.).

Расширение формулы пожалования за счет включения в нее различных видов земельных угодий, вероятно, соответствует перераспределению значения каждого из видов этих угодий не только в крестьянском хозяйстве, но и в хозяйстве феодала. В период господства того или иного стандарта были и отступления, характеризующие индивидуальное разнообразие земель. Так, земли путных людей в Соховичах включали «земли пашные и бортные, и сеножати, и реки, и озера, и зверынъные ловы» (№ 423). На Оболи и в Заобелье земли значительно отличались. В той же грамоте упомянута отчинная земля Бориса Омельянова сына Пашковича за Оболью «с озеры, и з реками, и *з* бобровыми гоны, и з бо*р*тнымъ деревомъ и с тымъ ѡстровкомъ, што за ѡзеромъ» (№ 423).

Еще более подробная характеристика земли, причем именно пашной, содержится в грамоте от 21 августа 1507 г. Три семьи тяглых людей, согласно этому акту, имели земли «звечны*и*, пашны*и* и бо*р*тны*и*, и сеножати, и старины, и лада» (№ 421). Единственный раз в грамотах земли называются «звечными». Термины «старины и лада» встречаются еще раз в подтверждении купли И. Ф. Полубенскому у Митьки Ганусовича земли Лещинской «зъ землею пашъною и борътною, и зъ сеножатьми, и зъ старинами и з ляды» (№ 460).

Старины — это, вероятно, как и в центральной Руси, — старопахотные земли[31]. Ляда — пашные земли, покинутые и заросшие лесом[32], характерные для переложной системы земледелия[33]. На протяжении первой трети XVI в. переложная система, по-видимому, преобладала в Полоцке. Ляда упоминаются при рассмотрении земельных споров и в 30-е гг. XVI в. В некоторых случаях говорится о ляде «отчизном», существование которого, стало быть, восходит к началу XVI в.[34]

---

[28] *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. Минск, 1978. С. 33.

[29] *Якушко О. Ф.* География озер Белоруссии, Минск, 1967. С. 14; *Она же.* Озера Белоруссии и их использование в народном хозяйстве. М., 1966. С. 128.

[30] *Хорошкевич А. Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики. С. 58. Уровень этого стандарта нами несколько переоценивался.

[31] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С.150–165.

[32] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.; М., 1881. С. 286.

[33] *Петров В. Н.* Подсечное земледелие. Киев, 1963; *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1985. С. 129–132.

[34] БА. Т. 2. С. 251, 285, 100.

Появление пустошей, полей, покинутых надолго — результат перелога, в его ходе в конце XV — начале XVI в. крестьяне легко бросали истощенные старопахотные земли, меняя место жительства. Еще при великом князе литовском Александре Иван Зеновьевич получил пустые земли над оз. Росоном (№ 423). Три пустовщины находились на Мочаже (№ 427) и т. д. (№ 422).

На Полотчине в XV в. переложная система сочеталась с подсекой[35]. Роль последней, если судить по свидетельству второй половины XVI в. А. Гваньини[36], в XVI в. возросла.

Преувеличение А. Гваньини роли подсеки связано с тем, что, действительно, во всей Полоцкой земле в его время выжигались леса, однако не только и не столько с целью приготовления земли к пахоте, сколько для производства золы.

Вероятно, в конце XV в. роль подсеки несколько увеличилась сравнительно с перелогом. Тем не менее сочетание этих двух систем земледелия — наиболее характерная черта сельского хозяйства Полотчины. Это сближало ее с собственно литовскими землями, где перелог и подсека существовали вплоть до XVIII в.[37], однако сельское хозяйство Полотчины было более архаичным по сравнению с центральной и северо-западной Русью, где подсека господствовала, хотя и перелог и трехполье во второй половине XV в. тоже получили распространение[38], и с Польшей, где трехполье утвердилось как ведущая система сельского хозяйства в XIII–XIV вв.[39]

О застойном характере земледелия свидетельствует и отсутствие специфической сельскохозяйственной лексики в полоцком диалекте, как, впрочем, и в белорусском языке. Употреблялись лишь общеславянские термины: орать, пахать, ратай, севец, бороноволок, земля, пашня и т. д.[40] Таким образом, земледелие в Полоцке развивалось не интенсивно, но экстенсивно, то есть таким же образом, как сельское хозяйство Западной Европы до середины XVIII в.[41], пока существовали возможности для его расширения и основания новых поселений. В северо-западных и восточных районах Германии на западнославянских землях этот процесс продолжался позднее. Тем не менее Полоцкая земля полностью снабжала себя хлебом уже в XIV в., за исключением голодных лет, например, 1309 г., когда епископ Яков просил рижан «пустить жито оу Полотеско» (№ 3).

К концу XV в. общее количество производимых сельскохозяйственных продуктов увеличилось, в результате чего начался экспорт хлеба из Полоцка в Ригу.

---

[35] *Пичета В. И.* История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Ч. 1 (до конца XVI в.). Минск, 1927. С. 43.

[36] Ср.: *Gwagninus A.* Sarmatiae Europeae descriptio. Cracovia, 1578. Перевод А. П. Сапунова см.: Полоцко-Витебская старина. Вып. 3. Витебск, 1916. С. 325–329.

[37] *Ючас М. А.* Начало разложения крепостничества в Литве (60-ые годы XVIII — 30-ые годы XIX в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Вильнюс, 1971. С. 18. Впрочем, некоторые авторы полагают, будто трехполье появилось в Литве в IX в. (*Łowmiański H.* Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. T. 1. Wilno, 1931. S. 214–218; *Ochmański J.* Rolnictwo na Litwie feudalnej w świetle nowszych badań // KHKM. 1961. R. IX. № 4. S. 820–821.

[38] Ср.: *Горский А. Д.* Сельское хозяйство и промыслы // Очерки русской культуры. XIV–XV вв. Ч. 1. М., 1969. С. 47–58.

[39] Zarys historii gospodarstwa wiejskiego w Polsce. T. 1. Warszawa, 1964. S. 300–306; T. 2. Warszawa, 1964. S. 116–119; *Gieysztor A.* W sprawie początków trójpolówki w Polsce i w krajach sąsiednich // Prace z dziejów Polski feudalnej, ofiarowane R. Grodeckiemu w jego 70. rocznicę urodzin. Warszawa, 1960. S. 71–79.

[40] *Шадурскi I. В.* З гiсторыi земляробчай лексiкi ў беларускай мове // Весцi АН БССР. Сер. гуманiтарных навук. 1965. № 2. С. 123–130; *Шейн К. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Т. 3. СПб., 1902; см. также: *Никифоровский Н. Я.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895; *Он же.* Очерки Витебской Белоруссии // Этнографическое обозрение. Кн. 20. М., 1894. С. 31–88.

[41] *Duby G.* L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval (France, Angleterre, Empire IXe–XVe siècles). T. 1. Paris, 1962. P. 184.

В 1483 г. рижане просили продать им 40 стругов с рожью (№ 248). В уставной грамоте о наместничьем суде 1499 г. боярам разрешается экспорт не только жита, но и круп (№ 354), произведенных в их собственных владениях. О ценах на рожь можно судить по тому, что полочане в 70-е годы расплачивались с рижанами за изготовление колокола из расчета 260 лукон ржи на 8 руб. (№ 211, 213, 214). За счет чего создалась возможность вывоза хлеба за границу? Традиционными земледельческими культурами на Полотчине XI–XIII вв. были ячмень, рожь, овес, гречиха[42]. В письменных источниках из хлебных злаков упоминается только рожь, а из технических культур — только лен (№ 476). В самом конце XV в. в грамоте на магдебургское право появлялся и другие культуры — крупяные (№ 349). В полоцкой ревизии 1552 г. записана дань овсом[43]. В конце XV в. основная часть дани в частных в великокняжеских землях взималась зерном (так, господарский езовничий получал с жителей с. Кохановского 6 корцов ржи, № 429).

Распространение подсеки в середине XV в. и земледельческое освоение новых территорий — гребней и южных склонов морен, а также массовый свод леса, превращаемого в золу, имели своим результатом увеличение сельскохозяйственной продукции и, вероятно, — временный рост урожайности.

Подъем сельского хозяйства в результате распространения подсеки был кратковременным. Уже в начале XVII в. хлеб исчезает из полоцкого экспорта[44].

Б. Данные грамот о развитии скотоводства

В середине XV в. значение скотоводства в хозяйственной жизни Полотчины значительно увеличилось. Впервые объектом пожалования стала сеножатка (№ 123). Упоминания о ней появились и в купчих грамотах: в первой трети XV в. в купчей Болотовичей на село Улино (№ 26), в 80-х гг. — в купчей мохонковлян, продавших свое село Мохонковщину владыке Ионе (№ 249).

Скотоводством, судя по уставной магдебургской грамоте, занимались мещане, имевшие земли в долине реки Ушачи. Возможно, домашний скот держали и мещане, жившие в самом Полоцке. Уставная грамота 1498 г. формулирует разрешение пасти скот в самой общей форме (на тех же землях, что и прежде, № 349), однако расположение этого установления в грамоте указывает, что речь идет о жителях города Полоцка.

В качестве тяглой силы, судя по грамотам, использовались лишь лошади. Велика была их роль и в транспортировании стругов вверх по Двине, зимой — саней (№ 57). Лошади, как правило, покупались в Риге. На сохранении этого порядка полочане настаивали в своем проекте договора с Ригой в 1405 г. (№ 52). В случаях ограбления полочане теряли и коней (№ 131).

В. Данные грамот об освоении леса

Грамоты позволяют представить себе древний ландшафт Полоцкой земли, в том числе степень ее заселенности.

В районах старинного (XII–XIII вв.) земледельческого освоения лесов, по-видимому, не осталось. Так, грамоты, касающиеся земель к югу от Полоцка, о них не упоминают. Я. Д. Туровейский, передавая 6 сентября 1507 г. свою землю («прадѣдиноу и дѣдиноу и ѡтчиноу свою») Иоанно-Предтеченскому монастырю, умалчивает о лесах (№ 424); Микипор Коробо-

[42] *Мелешко В. И.* Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVII–XVIII вв. (до воссоединения с Россией) // ЕАИВЕ за 1964 год. Кишинев, 1966. С. 256. Те же культуры преобладали и в центральной Руси: *Шапиро А. Л.* Основные хлеба в лесной полосе Древней Руси // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 74; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 112.
[43] ПР 1552 г. С. 109.
[44] Впрочем, таможенная книга 1616 г. относится ко времени русско-польской войны, когда нарушились привычные устои и традиции и сельского хозяйства, и торговли (*Копысский З. Ю.* Рыночные связи сельского хозяйства Белоруссии XVI первой половины XVII вв. // ЕАИВЕ за 1962 г. Минск, 1964. С. 143).

вич, дважды оформивший великокняжеское подтверждение купчих на земли на Менице, ни разу не указал лесов (№ 433, 438).

В акты упоминания о лесе проникли лишь в конце XV в. В это время жалованные, купчие, уставные стали называть лес в составе передаваемых, продаваемых или упоминаемых земель, свидетельствуя тем самым о формировании представления о лесе как одном из наиболее ценимых богатств и источников дохода. Так, из уставной 1511 г. явствует, что вокруг Полоцка находились великокняжеские и боярские леса: «лесы, и боры, и дѹбровы, и гаи» (№ 476).

Полагают, что состав леса в древности полностью соответствовал современному[45].

Полотчина принадлежит к западнодвинскому району елово-широколиственных лесов[46], где преобладает своеобразное смешение доледниковой растительности (по преимуществу широколиственных, граба и др.) с занесенной позднее ледником — хвойными породами, полярной березой, ивой и т.д.[47] Между тем, по грамотам предстает иная картина. Жалованные уделяли наибольшее внимание тем видам леса, которые были особенно дороги. Поэтому на первое место в них ставились дубовые рощи. Грамоты великого князя литовского Александра И. Ф. Полубенскому от 18 июня 1506 г. на с. Братовщина Ловожского стана, расположенное, правда, в южной части Полоцкой земли, называет «дубровы» в качестве составной части передаваемых князю земель (№ 398). То же у оз. Улича (№ 473).

В жалованной подтвердительной грамоте Александра от 10 марта 1506 г. земли на Осесне описываются таким образом: «и з боры, и з деревомъ бо*р*тнымъ, и з лесы» (№ 395). Дубравы в начале XVI в. находились и в Полоцком повете (№ 358, 423) и в Бездедовском стане (№ 440), и в Черсвятской (№ 333–336), и в Непоротовской на Островне (№ 475), и в Голомышской волостях.

Купчие грамоты при указании границ земельных участков подробно рисуют картины лесной растительности (см., например, № 266).

Из описаний границ создается впечатление, что в районе Улича, кроме «дубов», не было иных деревьев. Владычное «дубье» в этом же районе сохранялось и в начале XVI в. (№ 473). Даже делая поправку на специфический интерес грамот к дорогим сортам леса[48], можно согласиться с А. М. Сементовским в том, что дуб, в особенности на юге, был одной из самых распространенных лесных культур, в отличие от современности, когда дуб составляет лишь 0,2% всего леса[49].

Однако и иные виды леса на рубеже XV–XVI в. приобретали ценность. В 1507 г. перечень видов растительности пополняется. В жалованных грамотах начала XVI в. лес описывается несколькими терминами: «лес», «бор», «дубрава» и даже «хворостинки» (№ 278). Такое подробное описание лесных угодий связано с тем, что феодалы всё выше и выше ценили свое обладание лесом и старательно охраняли право собственности на него. При вступлении Жигимонта на престол им удалось добиться изменения магдебургского права в области использования леса. Согласно грамоте 1498 г. мещане могли пользоваться любым лесом (крупным и мелким) в округе 3 миль от Полоцка для строительства и отопления, независимо от того, кому он принадлежал (№ 349). В 1506–1507 гг. было принято новое постановление, включенное в уставную грамоту 1511 г. Право пользования мещан лесом в окрестностях города было ограничено только великокняжеским лесом (бором, лесом, дубровами и гаем), категорически запрещалось пользование боярским лесом (№ 476).

---

45 *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 69.

46 *Юркевич И. Д.* Дубравы Белорусской ССР. С. 11.

47 *Силинич И. П.* Географический очерк Белоруссии // Курс белоруссоведения. М., 1918–1920. С. 113–114.

48 *Horstein R.* Wald und Mensch. Theorie und Praxis der Waldgeschichte. Ravensburg, 1958; *Stauffer M.* Der Wald. Zur Darstellung und Deutung der Natur im Mittelaltzr. Zürich, 1958.

49 *Сементовский А. М.* Статистическое описание Витебской губернии в лесном отношении. Витебск, 1862. С. 24–25, 37. То же мнение относительно польских лесов высказал К. Бучек (*Buczek K.* Ziemie polskie przed tysiącem lat. Warszawa; Kraków, 1969. S. 13); *Юркевич И. Д.* Типы лесов Белорусской ССР. М., 1948. С. 8.

Что способствовало повышению ценности леса, формированию представления об этом, что побуждало боярство заботиться об охране своей собственности на леса?

Леса по-прежнему оставались местом охоты ради добывания пищи. По-видимому, добыча крупных зверей в Полоцке была привилегией крупных феодалов, в первую очередь великого князя, в хозяйстве которого вплоть до начала XVI в. сохранялась должность ловчего, получавшего специальный налог со слуг путных (№ 429). В остеологических материалах поселений или городищ XIV–XVII вв. находят только кости лося (в предшествующее время в пищу употреблялись кабаны, зубры и лоси), да и то в небольшом количестве. Кости диких животных составляли лишь от 12 до 21% общего количества костей[50]. Добыча крупных зверей не имела существенного значения в хозяйстве ни феодалов, ни крестьян.

Однако охота не потеряла своей роли в качестве подсобного крестьянского промысла[51]. Ее целью было получение шкурки, а не мяса. Главным предметом такой охоты, судя по материалу грамот, были куницы. Дань пушниной состояла из куниц. Передавая Иоанно-Предтеченскому монастырю целый ряд земель, великий князь Анофрий устанавливал и статус монастыря, освобождение от уплаты куниц и всякого рода пошлин владыке (№ 6). Две куницы платили люди Ставровичи полоцким боярам Гридке и его сыну Сенке Радковичу (№ 145). Эти же бояре при Казимире получили от него с. Свило, жители которого давали только три куницы дани. В пожаловании от 11 марта 1495 г. с. Свило даровалось с куницами и бобровыми гонами. При Александре мещане замка Друя должны были платить подать — «земаные куницы» князьям Масальским (№ 422). К середине XVI в. вместо куниц они платили по 12 грошей[52].

В начале XVI в. куничная дань существовала в тех районах, где в пределах земельных владений сохранялось большое количество леса, дубрав и боров — как в Черсвятской волости, Бездедовском и Ловожском станах (№ 339, 440 и др.), Куницами взимались и некоторые пошлины, в том числе при Казимире — куницы варные (№ 93, 422). Пошлина за примирение после драки при посредничестве децкого уплачивалась «куницей шерстью» (№ 476). Эта пошлина даже в XVII в. уплачивалась таким же архаическим способом[53].

Таким образом, на протяжении XIV–XV вв. существенных перемен в роли охоты не произошло. Подсобный промысел обеспечивал крестьян средствами для уплаты дани, различных налогов, хотя постепенно место пушнины стали занимать деньги — процесс, хорошо известный и на Руси[54], и в Польше[55]. Охота в хозяйстве феодалов играла еще меньшую роль, чем в крестьянском. Стало быть, не охота была причиной повышенного интереса феодалов к обладанию лесами.

Обратимся к бортничеству, одному из главных занятий населения в XIV и даже XV вв.[56] Владение бортями специально оговаривалось в договорных и жалованных грамотах XIII —

---

[50] *Щеглова В. В.* К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века (по материалам раскопок археологических памятников) // Древности Белоруссии. Доклады к конференции по археологии Белоруссии (март 1969 г.). Минск, 1969. С. 407–408, 412–413.

[51] Даже в середине XV в. в жалованные грамоты вносились сведения о «ловах зверы*н*ных и пташъих», входивших в территорию передаваемых сёл, в частности с. Улина (№ 142).

[52] ПР 1552 г. С. 105, 107.

[53] «Тежъ которы*и* ви*д*бляне межи собою побъють ся и за децкимъ поеднають ся, ино намъ куница ше*р*стью», — значилось в Витебском привилее (новейшее издание: LM. Kn. 5. № 255. P. 162). См.: *Kulisiewicz W.* «Postawienie czapki» – studium z dziejów litewskiego postępowania w XV i XVI wieku // Czasopismo Prawno-Historyczne. T. 31. Zesz.1. Warszawa, 1982. S. 1–30. Ср.: *Хорошкевич А. Л.* Об общности средневекового восточнославянского судопроизводства // ВИ. 1984. № 6. С. 172–174; *Сементовский А. М.* Охота и звериные промыслы в Витебской губернии. СПб., 1863. С. 6.

[54] Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 56–57 и др.

[55] Zarys historii gospodarstwa wiejskego w Polsce. T. 1. Warszawa, 1964.

[56] *Сержпутовский А. К.* Бортничество в Белоруссии // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914; *Мальм В. А.* Промыслы древнерусской деревни // Труды ГИМ. Вып. 32. М., 1956. С. 132–134; *Алексеев Л. В.* По-

первой половины XVI в.[57] Сельское население в ранних жалованных грамотах упоминается в качестве бортников[58]. В состав натуральной дани в XIV–XV вв. постоянно входил воск и мед. Дань с одной борти в конце XV в. иногда составляла 5 пудов меда. Мохонковляне обязались поставлять с борти св. Софии, которая находилась на их земле, ежегодно пять пудов меду (№ 249). Взамен этого они получали право «борть ходити». Люди Ставровичи должны были платить 5 пудов меда и две куницы пану Сеньке Радковичу (№ 145).

В конце XV в. употреблялся даже термин «дань медовая» (№ 315, 358). В начале XVI в. дань включала мед. Некий Бобр, пожалованный архиепископу Евфимию в 1510 г., должен был платить ему ежегодно 1 пуд пресного меду[59] (№ 463).

Большое количество бортей находилось во владении великого князя и крупных феодалов, в хозяйстве которых бортями ведали специальные бортники: они выбирали мед и воск и сдавали его на господарский двор. Этот институт бортников просуществовал до XVII в.[60]

Сбор дани медом и воском входил в обязанности лица, держащего «ключ медовый». Он же, по-видимому, наблюдал и за изготовлением напитков из меда вне пределов великокняжеского двора, с чем связан сбор «куниц варных» (№ 93, 476). Мед-сырец, а вместе с тем и воск поступал двумя путями на господарский двор. Здесь, по-видимому, и происходила первичная обработка воска и разделение меда и воска (с этим, вероятно, связана и находка медорезки в кургане у с. Бельчицы под Полоцком)[61].

Итак, традиционное и архаичное занятие сельского населения бортничество, не могло быть главной причиной усиленного внимания боярства к владению лесами. Борьба боярства за право собственности лесом определялась повышением его ценности в результате быстро росшего во второй половине XV в. экспорта этого товара в Прибалтику, Северную и Западную Европу[62].

Особым спросом на рынках Западной и Северной Европы пользовался дуб. Из него собиралась универсальная тара средневековья — бочки, он же шел на изготовление особо прочных деталей кораблей. Для первой цели использовалась дубовая клепка, тонкие дубовые дощечки, продававшиеся по 60 штук — копами, или шоками, нарезаемыми из бревен опреде-

---

лоцкая земля. С. 120–121; см. также: *Żabko-Potopowicz A.* Dzieje bartnictwa w Polsce w świetle dotychczasowych badań // Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych. T. 15. Poznań, 1955. S. 7–56.

[57] Защищая свои владения от покушений ливонцев, кн. Изяслав в договоре с ливонским магистром и Ригой требовал «не приискывати ни людеи, ни земли, ни воды, ни борти» (№ 2). Одним из основных объектов пожалования XIV в. были борти. Великий князь Анофрий в середине XIV в. передавал Иоанно-Предтеченскому монастырю на Острове целый ряд земель, на каждой из которых имелись борти: «на Сомници землю з бортью, борть по великую дорогу, по Соменьцо озеро, на Оуле на реце землю з бортью, на Витебьскомъ рубежи землю з бортью, на Наче на реце землю з бортью» (№ 6). В 1440 г. Казимир пожаловал Ивану Булавину борть и земли на Ушаче (№ 98). Это пожалование позднее было подтверждено Андреем Саковичем, Олехной Судимонтовичем и великим князем Александром (№ 322). К 1458–1459 гг. Болотовичи прикупили земли села Улина « з бо*р*тнымъ дерево*м*» (№ 142). Бортные земли составляли одно из главных земельных угодий и в конце XV — начале XVI в. Яким Денисович Туровейский передал монастырю св. Иоанна Предтечи на Острове свою отчинную землю «з бортью и с сѣножатми» (№ 424). Бортной землей располагали люди поляне в конце XV в. (№ 315). В конце XVI в., в писцовой книге 1570 г., стали указываться размеры «бортного ухожая». Так, дер. Рождественой у оз. Долгого, которая включала 2 двора, принадлежал «ухожай» на 2 версты (Писцовая книга Озерецкой волости: РНБ. Q.IV.70. Л. 96 — 96 об.).

[58] В 1440–1447 гг. Казимир передал Василию Корсаку «шесть ч(о)л(о)в(е)ковъ, а дају*т*(ь) три*д*цать пȣдо*в* медȣ» (№ 78). Его сын Остафий в 1440–1451 гг. получил бортников: «ȣ Поло*ц*ку. Ѡстафью Васильевичу шесть ч(о)л(о)в(е)ковъ да*н*нико*в* на Псȣи. Два*д*цать пȣдо*в* медȣ дани даютъ» (№ 77).

[59] Эта же дань сохранилась и в XVI в. (ПР 1552 г. С. 109). Она существовала и в Польше до XIV в., а в отдельных ее районах, в частности в Мазовии, и позднее: *Żabko-Potopowicz A.* Op. cit. S. 11–12.

[60] *Шлоссберг Е. П.* Фольварочно-барщинное хозяйство и движение феодальной ренты в Белоруссии в XVII–XVIII вв. (по данным инвентарей феодальных владений) // ЕАИВЕ за 1960 г. Киев, 1962. С. 224.

[61] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 121.

[62] В. И. Пичета полагал, что лес не представлял особой ценности даже в начале XVI в. (*Пичета В. И.* История сельского хозяйства. С. 35). Это правильно по отношению ко всем белорусским землям, за исключением Полоцка.

ленной длины. На основания для мачт кораблей и т. д. использовались дубовые брусья, получившие голландское и немецкое названия ванчоса и вагеншоса[63] (это полуобрезной квадрат, с кантом не больше 1½ дюйма, длиной 14–16 ф., у основания 13 дюймов, с одной стороны он сохраняет кору, чтобы было видно, что брус изготовлен не из сухостоя[64]). Ванчос был самым ходовым сортом древесины на экспорт[65].

Для торговли лесом необходимы были многочисленные порубки прежде всего дуба, наиболее ценного и медленно (от 80 до 150 лет) растущего дерева[66]. В XVIII–XIX вв. заготовка леса велась зимой, так как древесина зимой гораздо прочнее и меньше подвержена порче. В XV–XVI вв. дело, по-видимому, обстояло иначе. А. Гваньини рассказывал, что лес рубится летом, а сучья сжигаются только следующей весной. По-видимому, зимой производилась разделка срубленного леса, годного на продажу.

Лес использовался не только в своем натуральном виде. В поправках к магдебургскому праву 12 июля 1499 г. великий князь Александр дал разрешение боярам вывозить за границу золу и смолу наряду с хлебом. При этом было указано: «А попе*л* и смолу маю*т*(ь) жечи въ свои*х* пуща*х*, а не в наши*х*, а ни в ме*ст*скихъ» (№ 354). Фиксация в 1499 г. права бояр вывозить золу показывает, что ее экспорт принял значительные размеры. О способах заготовки золы известно лишь по этнографическим данным.

Вплоть до XIX — начала XX в. применялся варварский способ сжигания целых деревьев. Вырывались ямы, в которые укладывались деревья, накрытые травой или листом. Потом эти кучи поджигались. «…Рука белорусса, — с негодованием писал в середине прошлого века А. М. Сементовский, — обратила тысячи десятин дорогого мачтового леса в малоценную золу»[67]. Западное средневековье тоже знало только этот способ приготовления золы в XI–XVI вв.[68]

Наряду с боярами в торговле золой участвовали и богатейшие мещане, часть которых своим превращением в бояр обязана успешному участию в экспорте золы. Так, на этой торговле разбогател мещанский род Кортеневых, ставших боярами Росицкими. В их владениях на р. Росице вплоть до середины XVI в. оставалась «пуща, в которой борти дворные, буда попельная и гоны бобровые»[69].

Эксплуатация леса и лесных богатств Полотчины носила, как и в других странах Восточной Европы, экстенсивный характер, свойственный хозяйству раннего феодального типа XI–XII вв.[70]

Хвойный лес служил и для изготовления смолы. А. М. Сементовский описывал способ получения смолы в Латвии: «Для того, чтобы добыть несколько бочек смолы, падали… сот-

---

[63] *Плотников С. И.* Разработка леса и лесные промыслы. М., 1927. С. 112–113. Нами этот термин был понят неправильно: *Хорошкевич А. Л.* Русские грамоты. С. 340; *Eadem.* Die Polozker Urkunden. S. 40; см. также: *Даунене З.* Из истории лексики, обозначающей единицы измерения в торговле, в старобелорусском языке (по материалам деловой письменности Великого княжества Литовского XV — нач. XVII вв.) // Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР. Т. 11. Языкознание. Вильнюс, 1965. С. 49–75.

[64] *Кайгородов Д. М.* Русский толковый лесотоварный словарь. СПб., 1883. С. 25–26.

[65] Также обстояло дело и позднее: *Павулане В. П.* Торговля лесоматериалами в Риге в XVII–XVIII вв. Рига, 1969. С. 24; *Dunsdorfs E.* Außenhandel Rigas im 17. Jahrhundert // Pirmā Baltijas vēsturnieku konference. Rīgā, 16. — 20.VIII.1937. Runas un referāti. Rīga, 1938. S. 482.

[66] *Песоцкий Н.* Указ. соч. С. 30; *Плотников С. И.* Указ. соч. С. 129. Ср.: *Цейтлин М. А.* Очерк развития лесозаготовок и лесопиления. М., 1968.

[67] *Сементовский А. М.* Статистическое описание Витебской губернии. С. 6.

[68] О технике смолокурения и изготовления золы в XIX в. см.: *Broda J.* Uwagi o smolarstwie i popielarstawie w lasach państwowych Królestwa Polskiego (1815–1830) // Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. T. 2. Wrocław, 1959. S. 551–650.

[69] ПР 1552 г. С. 147–148.

[70] *Małowist M.* L'approvisionnement des ports de la Baltique en produits forestiers pour les constructions navales aux XV–XVIe siècle // Le navire et l`économie maritime du Nord de l`Europe du Moyen-Age au XVIIIe siècle. Paris, 1960; *Blais R.* La forêt. Paris, 1938; *Duby G.* L'économie rurale et la vie des campagnes; *Devèze M.* La vie de la forêt française au XVIe siècle. Vol. 1–2. Paris, 1961.

ни вековых сосновых дерев, от которых отрубливалась на выделку осмола только небольшая комлевая часть, между тем, как целый ствол оставался на месте»[71].

Смола, так же как и зола, шла на экспорт в Ригу. Об иных способах обработки леса свидетельствует появление в начале XVI в. таких прозвищ, как Дегтярь[72]. Лесными промыслами особенно интенсивно занимались жители бассейна р. Ушачи и Полоцкой низменности, что нашло отражение и в топонимике. Названия, произошедшие от лесных промыслов (Поташня, Тартак)[73], особенно распространены в этих районах. Хотя такие названия появились позднее изучаемого времени, сами занятия могли иметь место и в начале XVI в.

В середине XV в. коренным образом изменилось использование леса. Ценность приобрели сами деревья, росшие в лесу — как стройматериалы и как сырье для изготовления золы и смолы[74]. Пионерами в использовании леса в этом новом качестве выступили бояре, первыми начавшие широкую торговлю лесоматериалами и продуктами лесопереработки.

Г. Данные грамот об освоении вод

Полотчина изобиловала водными бассейнами. Озера, по большей части ледникового происхождения, занимали почти 3% территории в XIX в. В средневековье этот процент мог быть несколько выше, поскольку размеры некоторых озер быстро сокращались. Так, оз. Черсвяты, расположенное в открытой котловине и окруженное несколькими уступами террас, очень мелководно, малопроточно. Быстро заплывающие пески сокращают его зеркало, оно быстро зарастает[75].

Озера, как правило, не очень большие. Так, в Ушачской группе озер (включающей оз. Гомель, Яново, Паульское, Береговое, Черсвяты, Веркуды, Столовое, Кривое) самое большое, Черсвяты, имеет площадь 9,35 кв. км, а самое маленькое, Веркуды — 1,8 кв. км. Площадь остальных колеблется около 7–8 кв. км.

В Полоцкой земле протекает несколько рек: Западная Двина и ее притоки (с левой стороны Улла, Ушача, Нача, с правой — Оболь, Дисна, Дрисса). Всё это реки узкого и глубокого профиля без выработанных пойменных террас. Крупнейшая из них, Западная Двина, пробила путь через ледниковые наносы. Долина ее чрезвычайно узка. Притоки Двины имеют в верхнем течении глубокие, в нижнем — плоскую, слабо профилированные долины.

Право верховной собственности и использования вод и рек с водоплавающей птицей, бобрами и рыбой[76] принадлежало великому князю полоцкому, а после потери Полоцком независимости перешло к великому князю литовскому. Ему и его наместникам принадлежало право рыбной ловли, охоты на бобров и птицу. Черсвятский наместник великого князя ездил на Черсвятское озеро в с. Мосор, принадлежавшее церкви св. Петра, «ꙋтичу бити» (№ 365). Вплоть до конца XV в. только он имел право распоряжения бобровыми гонами, и только его слуги-«бобровники» — право охоты на бобров. Лишь в качестве исключения отдельные озера и реки передавались феодалам. Во второй половине XIV в. князь Анофрий передал Иоанно-Предтеченскому монастырю «на Лисне ѥзъ и оустье» (№ 6), а великий князь Андрей — церкви св. Троицы реку Званицу «з гоны з б(об)ровыми» (№ 10).

Право «бобров гонити на себе» довольно рано появляется в жалованных Казимира. Одно из первых — пожалование Ивану Булавину этого права на реках Травне, Ушаче, Наче, Сомнице

---

[71] *Сементовский А. М.* Статистическое описание Витебской губернии. С. 6.
[72] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 53.
[73] *Жучкевич В. А.* Топонимика. С. 146.
[74] То же происходило и в Польше: *Małowist M.* L'approvisionnement; *Broda I.* Dewastacyjna eksploatacja lasów // Zarys historii gospodarstwa wiejskiego. T. 2. Warszawa, 1959. S. 229–249.
[75] *Якушко О. Ф.* Озера Белоруссии. С. 131, 182, 190.
[76] Вплоть до XIX в. здесь водились сомы, судаки, лещи, окуни, караси, лини, налимы, форель, селява. *Сементовский А. М.* Озера и торговля рыбой в Витебской губернии // Памятная книжка Витебской губернии на 1878 год. Витебск, 1878. С. 113; Памятная книжка Витебской губернии на 1861 год. С. 3.

(№ 98). На Наче получил право гнать бобров и другой боярин: «Ходорꙋ бобры гонити на себе на Начи а по Ле*ж*не*в*цы» (№ 80). Сенька Радкович, как и его отец Гридка, получил от Казимира право охоты на бобров на земле Ставровичей и на оз. Мошно. В начале XVI в. Яким Денисович Туровейский имел право охоты на бобров в оз. Пушно и р. Туровье (№ 424). Казимир весьма неохотно расставался с правом гнать бобров. Даже пожаловав Сеньке Епимаховичу ловлю рыбы в р. Белейке, он оставил за собой право гнать бобров в этой же речке (№ 255).

В 80-х — начале 90-х гг. (1484–1492 гг.) Казимир по просьбе мещан, дворян и всех волостных людей передал право гнать бобров во всех реках, принадлежавших королю и протекавших по мещанской земле, самим мещанам. Последние обязаны были платить за это 200 руб. в год. Однако уже приблизительно через 10 лет они просили снизить эту сумму вдвое. 10 апреля 1497 г. Александр удовлетворил просьбу мещан. Более того, за тот же откуп мещане получили право гнать бобров по бобровым рекам и озерам владыки, игуменьи и бояр (№ 343). Снижение размеров откупа и передача в ведение мещан всех бобровых гонов, вероятно, были следствием того, что к самому концу XV в. значительное количество бобров уже было выбито и возможности бобровой охоты снизились[77].

Право рыбной ловли передавалось несколько реже. До 1484 г. мещане по распоряжению наместника Богдана Андреевича имели право «рыбы ловить... кому хочеть» на р. Белейке (№ 255). Несмотря на значительное удаление этой реки от Полоцка, мещане не останавливались перед этим препятствием. Отдельные мещане располагали правом рыбной ловли в водах, прилегающих к их землям (№ 249).

В конце XV в. Казимир иногда передавал право рыбной ловли боярам[78]. Процесс раздачи вод с целью эксплуатации их рыбных запасов на протяжении изучаемого периода не закончился. По-видимому, большая часть вод оставалась в руках великого князя.

Орудия лова (езы или нороть) зависели от экономической силы хозяйства. В реках, входивших в район княжеского хозяйства, в XIV в. сооружались езы (№ 6). Их забивали в конце XV — начале XVI в. и на великого князя литовского (№ 429): «ез замковы» находился на реке Лисне. Крупные феодалы также имели возможность устраивать ез (№ 255, 410, 446, 479).

Упоминание еза — очень сложного и трудоемкого рыболовного сооружения[79] — свидетельствует о том, что в княжеских и крупных феодальных владениях рыболовство в XIV–XV вв. достигло высокого уровня благодаря мастерству тяглых людей. Жители с. Домники, выполнявшие различные повинности к Бельчицкому двору, «на езъ дерево робливали» (№ 422). Работами по строительству еза руководил великокняжеский езовничий, который с жителей с. Кохановского получал 6 корцов ржи старой меры, «езъ забившы» (№ 429).

Впрочем, в начале XVI в. великому князю литовскому уже не хватало пригонных людей и приходилось платить за сооружение еза. Восковничие в 1507 г. «выдали на езъ и на и*н*шые речи 7 копъ бе*з* 15 г*р*(ошеи)» (№ 419). Норотью (вершей) пользовались мещане и земляне[80]. В начале XVI в., судя по жалованным, и путные люди стали ставить езы[81].

---

[77] Тем не менее бобровые гоны и в начале XVI в. еще часто упоминаются в жалованных грамотах: вероятно, они были около Шоловиничей (№ 399), в с. Братовщина Ловожского стана (№ 398). Бобровые гоны сохранялись даже в непосредственной близости от Полоцка на реке Туровле (№ 424).

[78] Сенько Епимах 12 августа 1484 г. получил от Казимира жалованную указную грамоту на право «по то*и* речьце Бели*и*цы езы бити и рыбꙋ ловити ꙋдо*л*жъ милю» (№ 255).

[79] *Куза А. В.* Рыбный промысел в Древней Руси, М., 1970.

[80] При решении спора об озере Солонце Евлашко Козчич получил свою долю в этом озере и право «нороть при свое*м* березе класти, и в порубежни*х* речка*х* ѡ*т* своего [б]ерега ему норо*т*(ь) класти, и где его землѧ пришла» (№ 121).

[81] Так, у путных людей каменчан (№ 446), у путного человека Семёнки Сверщка на Озерище (№ 479) были езы. Впрочем, существование еза у Сверщка спорно. Ез упоминается в жалованной подтвердительной Жигимонта Василию Богдановичу Яцковичу, который получил земли Сверщка еще при Александре и за десятилетие владения ими вполне мог сам поставить ез.

Несмотря на распространение более совершенных способов ловли рыбы, особого прогресса в этом деле, вообще весьма архаичном, не было. То же самое относится и к охоте на бобров.

В использовании вод только в одном отношении на протяжении XIV–XV вв. наблюдался прогресс — это в их использовании как путей сообщения и торговли. Главными торговыми артериями средневековья были реки. В пределах Полоцкой земли, пересекая всю ее с юго-востока на северо-запад, на протяжении 150 км протекала Двина. Она соединяла Полоцк как с другими русскими и белорусскими землями, так и с Прибалтикой, являясь кратчайшим путем до одного из главных центров восточно-балтийской торговли — Риги (455 км).

Многочисленные притоки Двины были удобными речными путями, использовавшимися не только в средневековье, в том числе и в XV–XVI вв.[82], но и значительно позднее[83].

Значение рек в XV в. резко возросло в связи с развитием торговли такими громоздкими товарами, как лес и зерно. Навигация, по-видимому, начиналась тотчас после вскрытия рек и окончания весенних паводков. В середине прошлого века Западная Двина в районе Полоцка вскрывалась в последних числах марта — самом начале апреля (крайние даты, весьма редкие, 15 марта и 8 апреля), в районе Витебска с задержкой дня на 2–3, Полота и Улла — дня на 2 раньше. Замерзали же реки от конца октября до конца ноября, позднее всех Улла — во второй половине ноября[84]. Даты назначения владыкой священника в церковь св. Николая в Риге, уезжавшего туда вместе с первой партией спускавшихся вниз стругов, указывают на конец апреля — начало мая (№ 74, 254)[85]. Весеннее половодье, когда уровень Двины поднимался на 5–8 м, продолжалось 2–2,5 месяца и заканчивалось в конце мая — первой половине июня[86]. Осеннее половодье, более краткое, приходилось на сентябрь — октябрь вплоть до ледостава.

Сроки осенних ярмарок показывают, что закрытие навигации приходилось на конец сентября — начало октября. Осенняя ярмарка в Полоцке приурочивалась ко дню Успения Богородицы — 15 августа (№ 155), а ярмарка в Риге — к Михайлову дню (29 сентября)[87]. Струги, нагруженные полоцкими товарами, спускались по Двине до Риги, где перегружались и после 29 сентября отправлялись вверх по Даугаве. Иногда навигация продолжалась и позднее. Так, 22 октября 1496 г. рижский городской совет предъявлял претензии дюнабургскому комтуру за задержание полоцких стругов, возвращавшихся из Риги в По-

[82] Об этом свидетельствуют жалобы полочан на наместника Станислава Глебовича (№ 381), который, злоупотребляя своим положением, «слуг своих по рекам положил, на Дисне и на Лисне и на Сари и велел тым слугам своим з их (мещан — *А. Х.*) стругов, с кажъдого стругу по грошу мыта брати». На северо-западной окраине Полоцкой земли на небольших речушках также ходили струги. На р. Вихрове были ограблены 3 струга, а 9 человек их команды отведены к Лыкошкову (LECUB. Bd. 10. № 194. S. 129, 3 февраля 1446 г.).

[83] РГИА. Ф. 1347. Оп. 64. Ч. 1. Ед. хр. 321 (23 мая 1800 г.). В 1701 г. Максим Цызырев писал, что на Улле «ходят струги» (*Токмаков И. Ф.* Сборник материалов для исторического и церковно-археологического описания Витебской губернии. Вып. 1. Витебск, 1888. С. 11). В середине прошлого века во время весеннего половодья по ней вплоть до середины мая ходили барки до 8 т и большие лодки до 1500 пудов (т. е. 24 т.). Их грузоподъемность в XVIII–XIX вв. была значительно выше (*Грасмане И. Э.* Значение торгового пути реки Даугавы в доставке экспортных товаров в Ригу в конце XVIII и первой половине XX в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1970. С. 174). Позднее, в XIX в., по Улле (ее длина 98 верст) перегонялись плоты со строевым и мачтовым лесом из Минской губ. (Памятная книжка Витебской губернии на 1861 год. Ч. 2: Географическое описание губернии. Витебск, 1861. С. 7). Весной лес гнали и по Ольшанке, притоку Уллы (Памятная книжка Витебской губернии на 1862 год. Витебск, 1862. С. 18). Для сплава дровяного леса использовалась и р. Полота (длиной 65 верст), протекающая через оз. Ведето, Колжень, Туричино и другие и р. Оболь (105 верст). Для судоходства в XIX в. была пригодна и р. Дрисса, однако не на всём своем протяжении (128 верст), а только до р. Дерновичи, куда «по бичеве» ходили так называемые лайбы, вывозившие хлеб, льняное семя, лен, коровье масло. По Дриссе сплавлялся строевой лес (Там же. С. 17–18).

[84] Сведения о вскрытии и замерзании судоходных, сплавных рек, озер и каналов Витебской губернии за десятилетие с 1856 по 1866 гг. // Памятная книжка Витебской губернии на 1866 год. Витебск, 1866. С. 173–174.

[85] Изредка из Полоцка прибывали в Ригу уже в начале мая: LECUB. Bd. 11. № 339. S. 297 (5 мая 1454 г.).

[86] *Шкляр А. Х.* Климат Белоруссии и сельское хозяйство. Минск, 1962. С. 17–18.

[87] Das rigische Schuldbuch (1286–1352) / Hrsg. von H. Hildebrand. SPb., 1872. S. 2, 5, 6 u. a.

лоцк[88]. Вероятно, это событие произошло незадолго до написания жалобы. Полочанам требовалось около 2 недель, чтобы поставить рижан в известность об этом происшествии. Таким образом, полоцкие струги двигались по Двине в первой декаде октября.

В остальное время в межень с июня по сентябрь плавание по Двине было затруднено многочисленными мелями и перекатами.

Поэтому по Двине могли передвигаться только суда специальной конструкции, широкие плоскодонки, накрытые покатой в обе стороны крышей[89]. Форма стругов, выработанная в течение веков, длительное время оставалась неизменной. Их можно видеть на рисунках XVIII в. И. Х. Бротце. О грузоподъемности судов позволяют судить случайные и краткие сведения об ограблениях этих кораблей.

Так, в конце XIV в. дюнабургский комтур забрал струг с 7 мешками и 1 ластом соли[90]. От середины XV в. сохранились сведения, что подобный корабль вмещал 16 мехов соли (№ 144). Как бы ни переводить эти данные на метрическую систему (из расчета 120 кг в мешке или 320[91]), оказывается, что на струге было товаров не менее 2 или 5 тонн. Возможно, впрочем, в этом известии указан не весь товар, находившийся на струге.

О размерах стругов некоторое представление может дать и состав команды, обслуживающей их. В 1446 г. на р. Вихрове подверглись нападению три судна, один лоцман был убит, 9 матросов ранены, а товаров отнято больше чем на 100 руб. Из контекста неясно, составляли ли все эти люди команду одного корабля или они служили на всех трех. Даже в последнем случае на каждом из них было не менее 3 «матросов»[92].

Струги изготовлялись в Полоцке. Об этом свидетельствует их наименование «русскими кораблями» в источниках, написанных в Риге[93], и широкое распространение термина «струги» в памятниках русской письменности[94]. Струги были, по-видимому, основным средством передвижения по Даугаве-Двине. Во время конфликта 1409 г. полочане требовали от рижан возвращения струга «с товаром, што есте поимали» и обещали по получении товаров, «што на струзех идут», вернуть и рижанам их товар (№ 57). В конце XV в. дюнабургский комтур задержал полочан с их стругами[95].

Впрочем, рижские корабли, названные «учанами» (№ 40), также участвовали в перевозках по реке. В основном же рижане пользовались стругами. «Ганусов струг» (Гануса Герковича) с шестнадцатью мехами соли в 1458 г. утонул на глазах у другого рижанина Гануса Романовича (№ 144). На стругах, несомненно, полоцких, вернулись в Ригу осенью 1454 г. немецкие купцы со своим священником[96].

Команда стругов — «кормники» (лоцманы) и «теглецы» (бурлаки) формировались по преимуществу из полочан. «Наймит» Гануса Герковича, некий Олферий, не уберег струга с товаром рижанина. Возникла распря. В Полоцке состоялось разбирательство причин гибели судна между Олферием, складником Онанья, и Сопроном (№ 144). Из послания полочан в связи с этим делом, как и из других посланий полочан неясно, были ли «кормники» владельцами стругов. Однако во время конфликта 1466–1478 гг. основные претензии предъявляли

---

[88] LECUB. Abt. 2. Bd. 1. № 434. S. 316 (22 октября 1496 г.).
[89] Памятная книжка Витебской губ. на 1862 год. Витебск, 1862. С. 16.
[90] LECUB. Bd. 6. № 2935. Sp. 297 (около 1397 г.).
[91] Последнюю цифру дает документ 1412 г.: LECUB. Bd. 6. № 2992. Sp. 376–377 (9 декабря 1412 г.). Ср.: *Грасмане И. Э.* Указ. соч. С. 174.
[92] LECUB. Bd. 10. № 194. S. 129 (3 февраля 1446 г.).
[93] LECUB. Bd. 11. № 339. S. 297 (1454 г.) («naves rutenicae»).
[94] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903. Стб. 558–559. Первое упоминание этого термина восходит к Русской Правде.
[95] LECUB. Abt. 2. Bd. 1. № 434. S. 316 (22 октября 1496 г.).
[96] LECUB. Bd. 11. № 339. S. 297.

полоцкие лоцманы, потерпевшие большие убытки из-за того, что их корабли вернулись пустыми на родину. Было ли это связано с потерей платы за провоз товаров или потерей «найма» за проведение кораблей, трудно сказать. В XVII в. струги принадлежали лоцманам, которые подряжались на перевоз товаров[97]. Однако документы, связанные с конфликтами полочан и рижан, также не свидетельствует в пользу того, что струги принадлежали купцам. Так, в 1465 г. Мина Зесембек, должник Ивана Варушинича, дал в Риге нагрузить струги солью. «Ка*к* тыи струги пришли до Полоцка», соль взял другой полочанин Буцко (№ 171). Судя по этому ни один из упомянутых полоцких купцов не был владельцем струга.

Судоходство по Двине-Даугаве было довольно оживленным.

Передвижение по Даугаве осложнялось тем, что земли вдоль нее принадлежали различным феодальным владетелям. Мелкие феодалы Кукенойса, Ашераде, Кирхгольма, а также на северо-западе соседи Лыкошкова не упускали случая поживиться за счет купцов. Как правило, струги собирались в караваны, чтобы легче было оказать друг другу помощь во время неудачного прохождения мелей и порогов или внезапного нападения дюнабургского комтура, злого гения даугавской торговли. От каждого каравана в 20 кораблей дюнабургский комтур в 1446 г. брал пошлину 4 руб.[98]

По Двине проходил и зимний санный путь. Этим путем в Полоцк из Риги отправлялись такие тяжелые грузы, как соль.

Во второй половине XV в., когда укрепились связи Полоцка с другими литовскими городами, у двинского сухопутного пути появились конкуренты. Это был путь по суше до Вильны[99]. Сухопутная торговля, ведшаяся помимо ганзейских городов, в которой участвовало и немецкое купечество, вызывала большое беспокойство Ганзы и неоднократно запрещалась ею[100].

Д. Данные грамот о переработке продуктов сельского хозяйства и промыслов

В связи с общим ростом сельскохозяйственного производства, с одной стороны, и его концентрацией в руках крупных бояр, с другой, были созданы предпосылки для переработки зерна на мельницах. Если раньше мука заготавливалась в каждом хозяйстве на ручных мельницах, то в конце XV в. повсеместно началось строительство водяных мельниц. В жалованных грамотах конца XV в., наряду с земельными угодьями, появляются и упоминания о мельницах. Жалованная подтвердительная Александра князю Семёну Богдановичу на землю на Осесне включала «земли… и з млыны, и зъ и*х* выме*л*ками» (№ 395). «Млыны» и «ихъ вымелъки» существовали и во владениях И. Ф. Полубенского в 1510 г. (№ 460), и в Непоротовской волости в 1511 г. (№ 475). Разрешение сооружать мельницы («ставы и млыны справити») входило во все жалованные начала XVI в.: князьям Соколинским от 25 марта 1509 г. (№ 446), И. Ф. Полубенскому от 6 сентября 1510 г. (№ 460). Скупив земли полочан Мартиновичей (местонахождение которых неизвестно) и земли на Острове, наместник Станислав Глебович поспешил получить подтвердительную грамоту Жигимонта I с разрешением «ставы и млыны собѣ справи*ти*» (№ 477). Подложная жалованная Ярослава Изяславича, относящаяся к началу XVI в., имеет единственным объектом пожалования «сожыждение млына», с точным указанием места его расположения (№ 33). По-видимому, в условиях общего хозяйственного оживления Борисоглебский монастырь занял удобное для строительства место на р. Бельчице, но, не надеясь на поддержку прокатолически настроенных великих князей, вынужден был прибегнуть к изготовлению «жалованной грамоты» Ярослава Изяславича.

Вместе с постройкой мельниц начался новый этап в использовании водных богатств Полотчины. Отныне реки стали не только источниками пищи, удобными транспортными ма-

[97] ИЮМ. Вып. 5. Витебск, 1874. С. 254–255 (1652 г.).
[98] LECUB. Bd. 10. № 194. S. 129 (3 февраля 1446 г.).
[99] LECUB. Bd. 6. № 2981. Sp. 362.
[100] LECUB. Bd. 11. № 316. S. 278 (6 декабря 1458 г.); HR. Abt. 1. Bd. 4. № 180. § 13.

гистралями, но и источником дешевой энергии для технических целей. Узкие в верховьях реки Полотчины с низким весенним и осенним подъемом вод сравнительно легко давали себя обуздать и соорудить «ставы и ставищи», т. е. различного рода плотины. Упоминания о них содержат все жалованные грамоты с разрешением владельцу земли возводить «млыны». Устройство плотин и мельниц было по тому времени технически сложным и крайне трудоемким делом. Строительство мельниц в Полоцке соответствовало общему для Центральной и Восточной Европы уровню переработки зерна (в Польше сооружение водяных мельниц в массовых масштабах началось во второй половине XIII в., а в центральной Руси водяные мельницы распространились в середине XV в.[101]). Сведений о мельницах, принадлежавших мещанам, нет.

Лишь крупные феодалы, обладавшие достаточным количеством рабочей силы, могли позволить себе отвлекать ее от сельского хозяйства. На первое место выходит шляхта, на второе — церковные организации. Аналогичная картина наблюдается в Малой Польше в конце XV в., с той поправкой, что здесь на первом месте оказались церковные организации, им принадлежало 48% мельниц, а шляхте — лишь 26%[102].

Иначе обстояло дело с производством воска. Вплоть до середины XV в. перетопка воска находилась исключительно в руках мещан, скупавших вощины у крестьян, бояр или получивших их со своих владений. В 60-е гг. XV в. перетопкой воска вместе с мещанами стали заниматься и бояре. Первое появление на рынке воска, изготовленного боярскими людьми, сопровождалось конфликтом с рижанами, т. к. их воск оказался очень скверного качества.

В 60-е гг. было принято постановление о клеймении воска городской печатью (№ 156, ср. № 162), а соответственно, вероятно, и о перетапливании его в городской капнице, хотя в грамоте полочан, извещающей рижан, об этом говорилось очень неопределенно.

По-видимому, вплоть до конца XV в. капница не была сооружена. Уставная грамота на магдебургское право содержала лишь разрешение иметь капницу (№ 349). Подтвердительная уставная грамота Жигимонта от 27 августа 1510 г. повелевала устроить в г. Полоцке и воскобойню, доход от которой должен был поступать на ремонт городских укреплений (№ 459). Отныне «капница» действовала исправно, а городские жители потеряли право топить дома воск, предназначенный на продажу: «…никому не вольно в дому своем воску топити, ѡдно в капницы, и мает[ь] его на важницы зважити и цехъ наложити, и мыто г[оспо]д[а]ръское ѡт[ъ] него заплативши, тожъ продати»[103].

Таким образом, на протяжении XIV–XV вв. полоцкое хозяйство проделало значительную эволюцию. Место промыслов (охоты и бортничества), игравших ведущую роль в XIV — начале XV в., заняло земледелие и разработка леса. Эти два последних занятия шли рука об руку. Лесоруб, валивший тысячи деревьев, выступал позднее в качестве земледельца, чтобы засеять свежевырубленные участки земли рожью и овсом. Плоды его тяжкого труда шли владельцу земли, охотно сбывавшему и лес, и золу, и рожь, часто за бесценок в Ригу. Ради прибыли бояр начали хищнически уничтожаться немногие природные богатства Полотчины.

В результате хозяйственного освоения Полотчины ее животный мир и ландшафт менялся для эпохи феодализма в очень быстром темпе. На Росице (на правом берегу Двины ниже устья Дисны), там, где во времена Казимира находились его «ловы зубриные», в начале XVI в. уже сидели люди Кортеня, которые жгли деревья на золу и пахали землю[104]. На карте Ст. Пахоловицкого видно, что Полоцк к концу XVI в. оказался на обезлесенном участке[105].

---

[101] *Buczek K.* Z dziejów młynarstwa w Polsce średniowiecznej // Studia historyczne. 1969. T. 12. № 1. S. 17–51; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1949. С. 566–567.

[102] *Podwińska Z.* Rozmieszczenie wodnych młynów zbożowych w Malopolsce w XV wieku // KHKM. Warszawa, 1970. R. 18. № 3. S. 377.

[103] БА. № 407. С. 287 (1538 г.).

[104] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 53–54.

[105] *Alexandrowicz St.* Nowe żródło ikonograficzne do oblężenia Połocka w 1579 r. // KHKM. 1971. R. XIX. № 1. S. 12–13.

Сокращение площади лесов в Полотчине XIV–XV вв. несколько напоминало тот же процесс в других странах Европы, происходивший в XII–XIV вв.[106], где, напротив, в XV в. в связи с сельскохозяйственным кризисом и сокращением посевных площадей, что отчасти было связано с поступлением дешевого хлеба с востока, размеры лесных массивов, напротив, несколько увеличились. Очень интенсивным было освоение лесных пущ в Литве XV–XVI вв.[107]

Всё ниже и ниже спускались люди с гребней морен на менее удобные для земледелия и скотоводства места. Массовый свод леса с последующей расчисткой земель под пашню сопровождался расширением посевных площадей, располагавшихся уже не только на гребнях морен, но и находившихся в низменных менее удобных для земледелия и скотоводства местах. Пашные земли и сеножати Хотьевичей в районе оз. Улина в начале XVI в. вплотную подходили к болотам[108].

Е. Данные грамот о сельских поселениях

Для обозначения крестьянского лесного поселения, основывавшегося на индивидуальной эксплуатации лесов и рек, вод и бортей, употреблялся общеславянский термин «село» (№ 4, 6)[109].

Жалованные грамоты XIV в., как правило, не указывают населенных пунктов, а лишь реки, выступающие ориентиром расположения земель.

Ранние жалованные Казимира также не знают названий земельных участков; топонимы, происходившие обычно от имени владельца земли, появляются во второй половине XV в. Так, одно из неопределенных пожалований Казимира начала 40-х XV в. — Ивану Булавину известно в конце XV в. как «Заскорки» — от Тимофея Заскорки, которому Иван Булавин передал свою землю. Пожалования князя Анофрия последней трети XIV в. монастырю Иоанна Предтечи выступают позднее как Иванские сёла и т. д. (№ 4, 6).

В середине XV в. появился новый тип поселений, соответствовавший иному способу хозяйственного освоения[110], которое В. И. Пичета называет «частновладельческой колонизацией»[111]. Наряду с крестьянскими селами появились имения шляхты с обязательным двором как центром этого поселения. Именно эти поселения стали новыми ядрами хозяйственной жизни. Двор Зерчиничи, имение Болдавицы и др. упоминаются в источниках в конце XV в. (№ 339, 344, 382). Ту же эволюцию, только несколько раньше проделывали соседние русские и польские, в частности мазовецкие, поселения[112]. Однако если в Мазовии новые шляхетские поселения возникали в основном на удобных путях сообщения, то на Полотчине они располагались в непосредственной близости от старых крестьянских поселений. И если крестьяне сами передавали земле свое имя, то бояре в конце XV — начале XVI вв. в качестве фамилий стая употреблять названия земель. Так появились Туровейские (Полупяты), Быстрейские, Бобыницкие (Корсаки). Мода эта быстро прошла, бояре вернулись к своим старым родовым прозвищам. Показателен, однако, самый факт, свидетельствующий о роли владения уже освоенными землями для шляхты рубежа XV–XVI вв.

[106] *Štěpánek M.* Patrocinia a středověké cesty // Československý časopis historický. Praha, 1968. Sš. XVI. № 4. S. 551–570.
[107] *Łowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. S. 95.
[108] Это ясно видно из «обвода» земли: «з бро*д*кꙋ… да в болота, а и*з* болота межею да въ пру*д*, а и*з* прꙋда межою да *в* дворищъны*и* мо*х* <…>, ис прорытое горы ꙋ-во *м*хи <…>, из рова долинами да въ чисты*и* мо*х*, <…> а ѡтъ Пи*с*ку*л* да въ заборъски мо*х*, а ѡтъ забо*р*ского мхꙋ ꙋ ресеньски*и* мо*х* <…>, а ѡтъ креста на лавъки, куды к озерꙋ ходимъ, а ѡтъ лавокъ чере*з* Вовхромеевꙋ нивꙋ да чере*з* владычное дꙋбье…» (№ 473, 1511 г.).
[109] Тогда как в соседней Литве в этом же значении выступал другой термин — «поле» (*Lowmiański H.* Op. cit. S. 88–89).
[110] О нём применительно к Северо-Восточной Руси см.: *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 152–155.
[111] *Пичета В. И.* История сельского хозяйства. С. 35.
[112] *Zaborski B.* O kształtach wsi w Polsce i ich rozmieszczeniu // Prace Komisji Etnograficznej Akademii Umiejętności. 1926. № 1. S. 74–78; *Smoleński W.* Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej. Kraków, 1908.

Сёла и имения (последние — с середины XV в.) — вот два типа ядер хозяйственного освоения в Полоцкой земле, характерные для всех слабо заселенных аграрных стран Восточной Европы.

***

Особенностью Полоцкой земли было отсутствие иных поселений городского типа, кроме центра земли — ее бывшей столицы. Если на более западных славянских и более восточных русских землях в это время разрасталась сеть многочисленных мелких городков, окружавших древнейшие центры, возникшие в X–XII вв., то Полоцкая земля, подобно Новгородской, остановилась на предшествующей стадии, когда существовал лишь один городской центр притяжения для весьма значительной сельской округи[113].

В целом хозяйственное освоение Полотчины, полностью аграрное, происходило весьма медленно. Внутренняя колонизация края не сопровождалась ни демографическим взрывом, ни появлением новых городов или поселений городского типа.

По направлению и типу хозяйственного освоения Полотчина была образцом восточноевропейского развития с крайне медленной эволюцией, и если ее можно сравнивать с какими-то отдельными регионами Центральной Европы, то всего ближе по направлению развития она была к Мазовии. Их роднила общность географического положения (сугубо континентального), природных условий, предопределивших аграрный характер экономики, втягивание в международные экономические связи в качестве поставщика леса и лесоматериалов и сельскохозяйственных продуктов.

Степень, направление и характер хозяйственного развития в период феодализма зависели от совокупности географических условий того или иного региона: природных условий, наличия или отсутствия полезных ископаемых, добыча которых была возможна при данном уровне производительных сил, особенностей географического положения и связей с другими районами.

Совокупность различных географических или, точнее, природных факторов определяет специфику не только экономического, но и опосредованно — социального и политического развития того или иного района. Это очень ясно обнаруживает история Полотчины XIV–XV вв.

Удаленность от основных путей торговли средневековья, расположение этой земли в глубине континента (связь с морем осуществлялась лишь по реке Западной Двине, судоходство на которой представляло в XIV–XV вв. значительные трудности) — всё это придавало хозяйственному развитию Полотчины несколько замкнутый характер. Отсутствие же полезных ископаемых, которые могли быть освоены при тогдашнем уровне развития производительных сил, предопределило сугубо аграрное развитие Полотчины — сугубо аграрное, даже принимая во внимание общий аграрный характер экономики средневековой Европы.

Не опережая центрально-русские земли по темпам хозяйственного развития, Полоцкая земля тем не менее гораздо раньше центральной Руси оказалась втянутой в торговые сношения при посредничестве Прибалтики со странами Северной, Западной и Центральной Европы, и эти сношения оказали весьма существенное влияние на ее дальнейшее развитие.

Река Западная Двина играла такую же роль для экономики Полотчины, как Висла для освоения Мазовии. По этим рекам сплавлялся лес, а вслед за тем и хлеб в более промышленно развитые районы Европы. Полотчина, как и большинство районов Восточной Европы, уже поддерживавших постоянную торговлю с Западом, в XV в., когда складывалось разделение труда между Восточной Европой и другими частями континента, стала поставщиком сырья для строительной, лесоперерабатывающей, химической промышленности Европы.

Источники крайне скудно сообщают о социальных силах, участвовавших в освоении Полотчины. В предшествующее время весьма активной силой внутреннего освоения земли вы-

---

[113] *Stoob H.* Minderstädte. Formen der Stadtentstehung im Spätmittelalter // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1959. Bd. 46. Hf. 1. S. 1–28.

ступала княжеская власть. Наряду с княжескими людьми в этом процессе активно участвовали и мещане. Именно им в конце XIV — первой половине XV в. принадлежала ведущая роль. Однако в середине XV в. она перешла к боярам, крупное хозяйство которых, основывающееся, по-видимому, преимущественно на холопском труде, было способно поставлять на внешний рынок большие количества леса и хлеба.

Существенной особенностью Полотчины, отличавшей ее от центрально-русских районов, была слабая роль монастырей и церквей, лишь в начале XVI в. активно включившихся в хозяйственное освоение земли.

§ 2. Грамоты как источник по социальной истории

А. Терминология грамот о социальном составе населения

В литературе рубежа XIX–XX вв. велся долгий спор о существовании или отсутствии сословных начал в ВКЛ, в том числе и в Белоруссии XV в. Ф. И. Леонтович приписывал появление сословий политике великих литовских князей[114]. С опровержением этой точки зрения выступил М. В. Довнар-Запольский тщательно собравший факты о наличии социально-экономических группировок, предшествовавших образованию сословий[115]. Мнение М. В. Довнар-Запольского поддержали позднее И. И. Лаппо[116] и В. Каменецкий[117].

Материалы полоцких грамот содержат ценные материалы по данному вопросу. Для определения социального состава населения проследим время и обстоятельства упоминаний о нём в грамотах, попытаемся понять уровень правового самосознания этих групп, поскольку это нашло отражение в документах, составленных правящими кругами. Заодно попытаемся ответить на вопросы, насколько точно правовая терминология отражает действительный социальный состав Полоцкой земли[118]. К сожалению, лингвисты, поставившие этот вопрос применительно к XVI в., ограничивались рассмотрением самых общих терминов, в связи с чем специфика отдельных областей исчезала[119], важные наблюдения были сделаны относительно заимствования социально-политической лексики из других языков[120].

Договор — «ряд» князей с Полоцком не делал различия ни для каких сословий и не выделял никаких форм земельной собственности, кроме церковной. Он предусматривал лишь не-

---

[114] *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894; *Он же.* К истории административного строя Литовского государства. Варшава, 1899. С. 1, 3, 19–20.

[115] *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев, 1901. С. 56–71.

[116] И. И. Лаппо писал: «Наличие вполне определенных и достаточно сильных при крупном землевладении военного класса в литовских и русских землях <...>, последних и класса торгового... создавало почву... для выработки сословий с их привилегиями» (*Лаппо И. И.* Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. Прага, 1924. С. 112).

[117] *Kamieniecki W.* Społeczeństwo litewskie w XV w. Warszawa, 1947; *Idem.* Państwo litewskie. Warszawa, 1918; *Idem.* Rozwój własności na Litwie w dobie przed pierwszym statutem. Kraków, 1914; *Dąbkowski P.* Dobra rodowe i nabyte w prawie litewskim od XIV do XVI wieku. Lwów, 1916; *Łowmiański H.* Studia nad dziejami. S. 142–155.

[118] О национальном составе, как правило, грамоты умалчивают, в том числе и грамота на магдебургское право (*Копысский З. Ю.* Магдебургское право в городах Белоруссии (конец XV — первая половина XVII вв.) // Советское славяноведение. 1972. № 5. С. 27).

[119] *Лазоўскі Г. М.* Юрыдычная тэрміналогія ў беларускіх пісьмовых помніках XV–XVII ст. // Пытанні мовазнаўства і методыка выкладання моў. (Матэрыялы IX канферэнцыі маладых вучоных АН БССР. Вып. 5.) Мінск, 1965. С. 123–131; *Кривчик В. Ф.* Лексика белорусских письменных памятников XVI в., отражающая социально-экономическое и общественно-политическое положение населения // Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса. Программа и тезисы межреспубликанской конференции по изучению лексики старобелорусских письменных памятников XV–XVII вв. 15–16.V.1964. Вильнюс, 1964. С. 13–14. Исключение составляет довоенная работа М. Корнеевой-Петрулан: *Корнеева-Петрулан М.* К социальным диалектам Белоруссии XVI в. // Ученые записки БГУ. Серия филологическая. Вып. 1. Минск, 1940. С. 167–189).

[120] *Булыка А. М.* Лексічныя запазычэнні ў беларускай мове XIV–XVIII ст. Мінск, 1980.

прикосновенность «купленин», «безадщин и отумерщин» (№ 476, § 7), независимо от того, что это были за «купленины», по ком оставались «безадщины и отумерщины». Таким образом, судя по «ряду» князей с Полоцком, внутренняя структура общества XIV в. представляется мало расчлененной. Князю противостояли «полочане», или «мужи полочане», с одной стороны, духовные феодалы — с другой. Те же неопределенные полочане выступают в договоре Витовта с Полоцком. Витовт обещал «полочаны... не дарытисѧ никому», не посылать в «в заставы», освободил их от мыта и т. д. (№ 476, § 32, 18, 33). Никаких следов сословного разделения «полочан» не чувствуется и в статьях уставной грамоты, возводимых ко временам Витовта.

В течение всего XIV в. вплоть до присоединения Полоцка к ВКЛ в современных памятниках выступает князь, владыка, располагавший правом взимания: «на попех полоцких куница соборная шерстью», многочисленные церкви — «дом» св. Софии, Спаса и др., неопределенные полочане, и, наконец, холопы и рабы. О них идет речь в «ряде» князей с Полоцком: «А холопѹ и робе веры не инѧти» (№ 476, § 14).

В источниках конца XIV — начала XV в. население г. Полоцка выступает под названием «всехъ мужъ… полочанъ» (№ 32), или «мужей полочан» (№ 55, 14 мая 1407 г.), «erbaren und wysen» (№ 45), «всех полочан», или просто «полочан» (№ 52, 65), «полочан добрых лодей» (№ 40). Последние были правомочны целовать крест рижскому бургомистру Т. Ниенбрюгге в 1399 г. на том, что рижанам будет предоставлено право свободной торговли в Полоцке. Весьма любопытна терминология полоцкого проекта торгового договора с Ригой 21 июня 1405 г. Он написан от имени «полочан, всех добрых людей и малых». С этим проектом в 1405 г. в качестве послов в Ригу были отправлены «добрыи лю*д*(и) чесныи» (№ 52), а в 1409 г. туда поехал «добрый человек Климята» (№ 57). «Мужи полочане» («manen tho Ploskow») и «вси мужи полочане» фигурируют в качестве отправителей наряду с наместником князем Иваном Семёновичем и в грамотах 1409 г. (№ 56, 57). Все эти термины: «полочане», «мужи полочане добрые люди» и отдельные «добрые человеки» — взаимозаменяемы, поскольку в документах конца XIV — начала XV в. полочане называют себя то так, то иначе.

Если говорить об одном из этих терминов — «мужи», то обращает на себя внимание необычайное сходство его с терминологией памятников раннефеодального периода, таких как Русская и Салическая правда.

В почти синхронном известии псковской третьей летописи в качестве взаимозаменяемых выступают термины «мужи псковичи» и «бояре»[121]. По мнению М. Х. Алешковского, именно они имели право участвовать в вече и войске и жили в пределах обнесенного стеною города[122], как и в Полоцке «мужи псковичи» противопоставляются «братье молодшей»[123]. При всей нерасчлененности правовых понятий полочан документы конца XIV — начала XV в. из общей массы жителей выделяют «добрых людей» и «малых», в какой-то мере выделяют «доброго человека» из всех остальных.

«Муж добр» в Новгороде — это феодал, владеющий селами, пожнями, табунами скота, участвующий в торговле, располагающий штатом слуг.

Противопоставление «добрых» людей и «малых» в проекте договора с Ригой 1405 г. заставляет предполагать, что «добрые люди» — это не просто «мужи», но привилегированная

[121] ПЛ. Вып. 2. М; Л, 1955. С. 152–160; ср. с. 54, 161 (под 1465 г.).

[122] *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Пскова X–XVI вв. (в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города) // СА. 1978. № 2. С. 118–119. Вряд ли прав М. Х. Алешковский относительно Новгорода. В «мужах» Новгорода третьей четверти XIII в. он увидел купцов. См.: *Алешковский М. Х.* Социальные основы сформирования территории Новгорода IX–XV веков // СА. 1974. № 3. С. 106.

[123] *Буров В. А.* «Муж добръ Есифъ Давыдович» // СА. 1975. № 4. С. 267–273.

их часть, как показывают данные об одном из них, Климяте, послé наместника кн. Ивана Семеновича в 1409 г. По-видимому, это тот же; самый Климята Мясникович, который присутствовал в 1400–1407 гг. при захвате рижанами воска церкви св. Софии. Вместе с ним при этом находились наместники Домонт, Василий Дмитриевич, Овдошко Толстоусович, Терешко Константинович, Александр Лобьинич и никак не названные Лука Попович, Игнат Немчинович (№ 40). Судя по расположению имен в грамоте, Лука Попович, Климята Мясникович и Игнат Немчинович не принадлежали к числу наместников. Отчество Климяты указывает на занятия его отца. Вспомним, что мясники были одной из наиболее зажиточных пропрослоек средневековых ремесленников[124]. Вероятно, и сам Климята Мясникович занимался торговлей, но уже не только внутренней, но и внешней (экспортом воска). Наименование по имени-отчеству намекает на высокое положение этого лица.

И позднее, в 30-е гг. XV в., «добрые люди», также названные по имени-отчеству, были свидетелями торговых сделок рижан с полочанами (Озарья Сутреевич, Демешко Юшинич, наряду с ними Ходар Медведь), присутствовали при сделке полочанина Черняты с рижанином Александром (№ 67). В последующих грамотах полочане, участвовавшие во внешней торговле, названы просто по именам (Хварз, Яков, Пётр). Не исключено, что Климята принадлежал к городской верхушке — патрициату. Все вышеуказанные термины: «полочане», «мужи полочане», «добрые люди» принадлежат самим полочанам и могут рассматриваться как самоназвания.

Рижский же проект договора с Полоцком того же 1405 г. по мнению М. В. Довнар-Запольского, показывает высокое значение местного боярства и дворянства, т. к. он приравнивает «бояр» к «кунторам» (т. е. комтурам), а «дворян» к «риделям»[125] (т. е. рыцарям)[126].

В полоцком проекте договора и в «русском» противне Копысского договора в соответствующих местах говорится крайне неопределенно об обидах, «завадах», рубежах и т. д., о спорах «межи земли и люди». Таким образом, вступающие в конфликт лица социально не определены (см. № 52, 55).

Полная неопределенность в обозначении сторон в полоцком проекте договора в противоположность рижскому дает основание для предположения, что его терминология не адекватно отражает действительность, что полоцкие источники упорно подчеркивают единство соотечественников, жителей земли, «што Руськаѧ землѧ словеть Полочькаѧ» (№ 1). Мысль о том, что в начале XV в. отдельные прослойки в Полоцке еще не конституировались, отпадает при сравнении полоцких документов с рижским проектом договора 1405 г. Остается думать, что конкретные условия конца XIV — начала XV в. не стимулировали полочан к обозначению всех сословий. Возможно, в конце XIV в. ряды боярства поредели, а оставшиеся легко смешались с численно преобладавшими «мужами полочанами». Кроме того, Полоцк конца XIV – начала XV в. противопоставлял себя как монолитное целое и государственной власти, которой он покорился, и иным государственным образованиям.

Раньше всего в Полоцке терминологически определилась верхушка господствующего класса — наместники. Уже с начала второго десятилетия XV в. они по польскому образцу величают себя «панами». Сначала титул «пан», известный в Белоруссии с 1340 г.[127], применялся лишь к литовцам (так во втором десятилетии XV в. паном назывался Немир, см. № 63), затем его стали носить и полоцкие феодалы. Первый из них был Василий Дмитриевич Кор-

---

[124] *Стоклицкая-Терешкович В. В.* Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси // СВ. Вып. 3. М., 1951. С. 84.
[125] В Белоруссии термин «ридель» известен с 1388 г. Ср.: *Булыка А. М.* Лексічныя запазычанні. С. 25.
[126] *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство. С. 61.
[127] *Булыка А. М.* Лексічныя запазычанні. С. 21. Ср.: *Skardžius P.* Die slawischen Lehnwörter im Altlittauischen. Kaunas, 1931. S. 172, 248, 249; *Jurginis J.* Baudžiavos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962. P. 107–116.

сак, наместник 30-х гг. XV в. (№ 71)[128]. Термин «пан», несомненно, проник из Польши. Как известно из более поздних источников, слово «пан» употреблялось лишь по отношению к высшим слоям феодального класса, будущей белорусской шляхте[129].

Так же рано выделились и зависимые люди. Низшие слои полоцкого общества, известные по «ряду» XIV в. как «холопы» и «рабы», в первой четверти XV в. выступают под собирательным термином «челядь» (см. грамоты князя Ивана Семёновича от 11–26 августа 1409 г.: № 56, 57).

От первой четверти XV в, сохранились послания полочан в Ригу, касающиеся не только торговых конфликтов, но и судебного разбирательства в Полоцке. Рассмотрим грамоту наместника Фёдора (№ 61). В качестве ее отправителя указан только сам наместник. Участники торговли или, вернее, свидетели торговой сделки полочанина Петра с рижанином Пантелеем названы «людниками», чем ясно подчеркивается их более низкое социальное положение, нежели Климяты Мясниковича, Игната Немчиновича и Луки Поповича в грамоте начала XV в. (№ 40). Подчеркивается, что они не находились ни в какой форме зависимости от Петра. Наконец, суд вершили впервые упоминающиеся в посланиях в Ригу бояре.

Итак, к первой четверти XV в. исчезло представление о монолитности общества. Это нашло отражение в терминологии, обозначавшей население города.

В конце 30-х гг. XV в. была написана грамота воеводы Прижкинта, «всех бояр и всех мужей полочан», т. е. всех полноправных полочан. Именно в это время в качестве отправителей грамоты впервые названы бояре, игравшие, как видно из предшествующего, значительную роль в управлении городом и его внешних сношениях. На этот раз они вместе с воеводой просят отпустить пленников (?) из Ливонии «на воеводины руки и все*х* боѧръ и мужь полочаны» (№ 44).

Противопоставление «бояр» «мужам полочанам» или даже просто выделение первых свидетельствует о консолидации высших слоев феодальной иерархии города, возможно, даже более интенсивной, чем в городах Северо-Западной Руси.

Следующим этапом развития социальных представлений господствующих кругов полоцкого общества, находившихся у власти, можно считать 30-е гг. Это были годы феодальной войны, ускорившие развитие социального самосознания.

Любопытна характеристика верхушки общества в грамоте Василия Дмитриевича Корсака. Она написана от имени «пана Василиѧ Дмитрiевича, и ѡ*т* боѧръ полоцкы*х*, и ѡ*т* мѣстичовъ, и ѡто всѣ*х* моужь полочанъ, всего поспольства» (№ 71). В ней появляются два новых термина, обозначающих социальную принадлежность. Один из них, «местич», впервые в полоцких грамотах употреблен несколько ранее, однако он был приложен не к полочанам, но к рижанам. Грамота неизвестного наместника и всех «муж полочан» была адресована «все*м* ратьмано*м* болши*м* и все*м* местице*м* рижано*м* малу и велику» (№ 68). Несколько позднее, в середине XV в., так стали именовать жителей Смоленска[130]. Термин «местич» также, по-видимому, обязан своим происхождением польскому влиянию. Посредничество польского между чешским и белорусским отмечает А. Н. Булыко[131]. Впервые из состава общества было выделено городское население, весьма приближавшееся к положению иных прослоек феодалов. Появление этого термина связано с получением мещанами жалованной грамоты литовского князя Свидригайлы, узаконившей их права. Появился и термин — также польского происхождения — известный в Белоруссии с 1432 г.[132], «поспольство», который призван был цементиро-

---

[128] *Булыка А. М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. Л., 1972. С. 235.

[129] Иную точку зрения высказал С. А. Лазутка: *Лазутка С. А.* I Литовский статут — феодальный кодекс Великого княжества Литовского. Вильнюс, 1973. С. 120.

[130] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 14.

[131] *Булыка А. М.* Лексічныя запазычанні. С. 25–26.

[132] Там же. С. 38.

вать разделяющееся на отдельные группы общество «мужей полочан». Недаром этот новый термин указан в конце обозначения адресанта: «ѡто всѣ*х* моужь полочанъ, всего поспольства» (№ 71). В следующей грамоте того же Василия Дмитриевича термина «поспольство» нет. Вместо этого читаем: «ѡ*т*то всихъ мужъ полоча*н* ѡ*т* велика и до ма*л*(а)» (№ 67). Это отчасти напоминает в полоцком проекте от 21 июня 1405 г. «полочан всех добрых людей и малых» (№ 52).

В терминологии первой грамоты Василия Дмитриевича обращает внимание не только появление обозначения различных социальных группировок, но и противоречивость ее. Составитель грамоты, вынужденный перечислить все социальные прослойки, не только не потерял представления об их единстве, но и подчеркивает, что все они вместе: пан, бояре, местичи составляют общество недавно безликих «мужей полочан». Подчеркивает это и содержание грамоты. Она посвящена вопросам возвращения на родину пленных, которых задерживает у себя ливонский магистр. Полочане названы то просто «нашими людьми», то «нашей братьей» (№ 68). Кем они могли быть в действительности — боярами, местичами или кем-нибудь иным, трудно сказать, но независимо от социального положения и происхождения названы «братьей» полоцкого «поспольства», пана Василия Дмитриевича, боѧТермин «поспольство» подчеркивает неоформленность социальных представлений и самосознания полоцкого общества в 30-е гг. XV в. В унисон с этим звучит и заключительная фраза Василия Дмитриевича, в которой он просит рижских ратманов ходатайствовать перед магистром, «штобъ велѣлъ наши*х* людеи ѡ*т*пускати по миру и по цѣлованью, занюж Б(о)жьею м(и)л(о)*с*тью есмо ѡдины люди», и обозначение полочан, ведших торговлю в Риге. Как и прежде, отчетливо сквозит стремление подчеркнуть монолитность полоцкого общества. Несколько ранее, чем в Полоцке, в городах Северо-Западной Руси вошел в употребление аналогичный «поспольству» термин «весь» («весь Новгород», «весь Псков»), связываемый с расширением состава веча и усилением роли сотенного населения[133].

Горожане в грамоте не названного по имени наместника характеризуются как «наша братья» (№ 68). Местич Русан Кожчич назван «нашим братом» (№ 105).

Наконец, в 40-е гг. из грамот узнаем и о феодально-зависимом (уже не рабском) населении Полоцка. Это «данники» или просто «чоловеки», которых Казимир щедро раздает боярам в начале 40-х гг. XV в. (№ 78, 79). В конце 40-х гг. в одной из грамот впервые идет речь о «путном человеке». Карпка, сын Санки Чюпринова, просил отпустить его отца, оказавшегося в плену после сражения при Святой реке, и на братном пути в Полоцк задержанного в Дюнабурге (Даугавпилсе) и вновь возвращенного в Ригу. К его просьбе присоединились и городские власти, подчеркивавшие, что Санко Чюпринов «ѡсп(о)д(а)ря нашо*г*(о) короле*в* путный ч(о)л(о)в(е)къ» (№ 124).

Итак, в грамотах 40-х гг. XV в. в той или иной связи упомянуты многие сословия и прослойки полоцкого общества. Дальнейшее расширение состава полоцкого общества показывают грамоты 40–50-х годов. В это время принимает более законченные формы характеристика адресантов полоцких грамот, отправленных в Ригу. Грамоты отправляет то один воевода (№ 109, 112, 113), то наместник с боярами и местичами (№ 42), то наместник с боярами (№ 107), то бояре и местичи и всё поспольство (№ 105), то, наконец, «местичи и все мужи полочане» (№ 108) или одни «местичи». Среди тех, кто стоял у власти, вершил суд внутри и вне Полоцка, не появляется новых элементов.

Однако к 40-м гг. XV в. еще не все социальные прослойки упомянуты грамотами. Еще одну называет правая грамота наместника Андрея Саковича 1447–1459 гг. (№ 121). Разбира-

---

[133] *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Пскова. С. 124. О значении термина «весь» в Польской правде см.: *Он же*. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // СА. 1974. № 3. С. 108.

ется дело о праве пользования озером Солонцом. На него претендует мещанин Евлашко Козчич; в качестве ответчика, препятствующего Козчичу ловить рыбу в этом озере, выступает Александр Оскерчинич. Рубежи земли спорящих сторон осматривались неоднократно: и боярами, и слугами наместника Андрея Саковича, и «добрыми людьми», вероятно, теми же, которые в грамоте названы «мужами». Всё оказалось бесполезным. Для нового разбора дела спорящие стороны «послалисѧ на добрыи люди, на мѣстич(и) и на земланѣ, на свои суседи» (на 6 человек). В правой грамоте Андрея Саковича появляется новый термин «земяне»[134], которые вместе с местичами в 40–50-е гг. и составляли категорию «добрых людей». Из 6 свидетелей — трое, несомненно, мещане (Иван Оникеевич, Яцко Козчич, Пилипок Телитчинич). Были ли и остальные трое (Пахомий Одинец, Филка Чиковчинич, Василий Красавка) мещанами — неизвестно. Из правой грамоты Андрея Саковича неясно, соответствовал ли термин «земяне» термину «местичи», или он употреблялся для обозначения какого-то иного слоя населения.

В полоцких памятниках вплоть до самого конца XV в. нет терминов для определения отдельно торгового и ремесленного населения. Не встречается столь распространенный на Руси термин «гости» для обозначения купцов, ведших торговлю за пределами родины, вплоть до конца XV в. неизвестно ни одного названия узкой специальности ремесленника. Всё городское население суммарно характеризовалось как мещане. Помимо них в городе жили многочисленные бояре с их челядью и слугами, церковнослужители, ремесленники и в некотором удалении от центра, на Бельчице, находился великокняжеский и наместничий двор. Мещане жили в замке в районе древнейшей Пятницкой церкви.

В современной белорусской историографии принято считать, что половина населения города в XVI–XVII вв. состояла из ремесленников[135]. Действительно, по археологическим материалам кожевенное, сапожное и ювелирное дело принадлежали к древнейшим занятиям городского населения Полоцка[136], однако соотношение различных прослоек городского населения в период развитого средневековья неясно.

Ремесленники в качестве особой прослойки населения выделены в памятниках письменности лишь в конце XV в., впервые — в грамоте на магдебургское право 1498 г. Судя по грамоте 1502 г., в городе работали золотари (ювелиры)[137], рымари (шорники)[138], седляры, кузнецы, сыромятники, сапожники, гончары, плотники, пивовары (№ 381). В грамоте 1510 г., кроме того, видим кушнеров (меховщики), портных, слесарей, кожемяков, теслей, муралей (каменщики), «дряголей» (носильщики), скрынников (столяры), резников и др. (№ 459). Среди этих специальностей важен институт транспортных рабочих, который существовал во всех северо-западных русских городах[139], где процветала транзитная торговля.

Отсутствие цветных металлов на востоке Европы затрудняло развитие металлообрабатывающих ремесел. Даже болотные руды добывались сравнительно далеко от Полоцка. Железную руду в предшествующий период IX–XI вв. добывали на окраине Полоцкой земли к севе-

---

[134] Этот термин в Белоруссии впервые зафиксирован в 1431 г.: *Булыка А. М.* Лексічныя запазычанні. С. 89.

[135] *Копысский З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI–XVII вв.). Минск, 1966. С. 79. Позднее З. Ю. Копысский пересмотрел свое мнение, см.: *Копысский З. Ю.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVII — первой половине XVII в. Минск. 1975. С. 71.

[136] *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978. С. 26–27, 113; *Он же*. Опыт исследования древнеполоцкой кожи // СА. 1963. № 4. С. 240–241.

[137] О них см.: *Палеес А.* Майстры залатых і сярэбраных спраў // Беларусь. 1947. № 1. С. 59.

[138] *Булыка А. М.* Лексічныя запазычанні. С. 89.

[139] *Казакова Н. А.* Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. // ИЗ. Т. 47. М., 1954. С. 164; *Хорошкевич А. Л.* Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII в. // Города феодальной России. Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 209.

ро-востоку от Полоцка и в районе Лепеля[140]. По составу специальностей полоцкое ремесло напоминало сельское[141].

О слабом[142] и позднем развитии некоторых отраслей ремесла свидетельствует тот факт, что в названиях полоцких, как и других белорусских, ремесел, очень высок процент иностранных терминов[143], появившихся в Белоруссии из Польши (например, дряголь, мураль, кушнер) и происходящих из немецкого языка.

Полоцк в изучаемое время, как и другие города ВКЛ и большинство средневековых городов, не терял сельскохозяйственного характера[144]. Выше уже неоднократно указывалось, что вплоть до начала XVI в. в Полоцке обрабатывались огороды, пашни и т. д.[145] Судя по материалам археологических раскопок, горожане также содержали скот[146], вокруг города на 3 мили простирались пастбища. Социальное положение ремесленников вплоть до конца XV в. неясно. Судя по материалам жалованных грамот конца XV в., многие из них находились в зависимости от бояр. Никаких организаций ремесленников до начала XVI в. не существовало[147]. Лишь в конце XV в. произошло организационное оформление ремесла по польско-немецкому образцу. Ремесленники жили в городе, как правило, на землях, принадлежавших боярам или мещанам. В ревизии 1552 г. указано, что в Кривцове посаде 30 мещан платят позем Василию Кортеню[148].

О незначительной роли ремесленников в социальной и экономической жизни города можно судить по их доле в «городовом деле». Ремесленники, находившиеся под «присудом замковым», в 1552 г. участвовали в строительстве лишь одной из 204 городен замка, правда, отдельные ремесленники — мясник и кузнец — еще трех[149].

Вплоть до середины XV в. полоцкое ремесло переживало период застоя. В то время как в русских городах северо-запада и центра на протяжении XIV–XV вв. происходил процесс возрождения утраченных традиций, ремесло Полоцка по степени развития производительных сил, по степени дифференциации оставалось на уровне древнерусского. Трудно выделить главные причины этого застоя: была ли это узость сырьевой базы, натуральность хо-

---

[140] *Ляўдански А. Н., Палікарповіч К. М.* Да гісторыі жалезнай прамысловасьці на Беларусі па даных археолёгіі (папярэднія даныя) // Савецкая краіна. 1928. № 5. С. 76–77.

[141] *Samsonowicz H.* Rzemiosło wiejskie w Polsce XIV–XVII w. Kraków, 1954. S. 170–172; *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 539–557.

[142] Традиционный характер носили кожевенное и сапожное дело, инструменты, используемые ремесленниками этих специальностей, оставались неизменными на протяжении XI–XX вв. (*Штыхаў Г. В.* Шавецкае рамяство старажытнага Полацка // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1962. № 3. С. 83).

[143] *Жураўскі А. І.* Лексіка нямецкага паходжання у беларускай пісьменнасці XV–XVII ст. // Беларуская мова (Даследаванні па лексікалогіі). Мінск, 1965. С. 60–73; *Чертко И. И.* Проникновение германизмов в лексику старобелорусского языка // Весці АН БССР. 1966. № 1. С. 120–128; *Кривчик В. Ф.* Лексика белорусских письменных памятников XVI в., отражающая социально-экономическое и общественное положение населения. С. 13–14; *Булыка А. М.* Лексічныя запазычанні. С. 103, 209 и др.

[144] *Ochmański J.* W kwestii agrarnego charakteru miast Wielkiega księstwa Litewskiego w XVI w. // Studia historica. Warszawa, 1958. S. 291–292. О существовании земледельцев-горожан в средневековой Германии см.: *Leuschner J.* Deutschland im späten Mittelalter. Göttingen, 1975. S. 178. Обзор литературы о городах Восточной и Центральной Европы см.: *Грицкевич А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. (Социально-экономическое исследование истории городов). Минск, 1975. С. 14–15.

[145] Впрочем, З. Ю. Копысский показал, что и позднее, в XVII в., часть горожан имела пашни: *Копысский З. Ю.* Экономическое развитие. С. 54–60.

[146] *Штыхаў Г. В.* Гарбарнае рамяство старажытнага Полацка // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1961. № 3. С. 64.

[147] К тому же выводу пришел и Г. В. Штыхов: *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. С. 114. Однако в середине XVI в. в городе существовала «брацкая грыдня» (ПР 1552 г. С. 15).

[148] ПР 1552 г. С. 148.

[149] Там же. С. 1, 9, 10.

зяйства, общая экономическая конъюнктура, неспособствовавшая развитию ремесла, или совокупность всех этих обстоятельств — трудно сказать.

***

Терминология полоцких грамот начала XV в. обнаруживает необычайное сходство с терминологией памятников раннефеодального периода, таких как Русская и Салическая правда. Вплоть до первого десятилетия XV в. общество представляет нерасчлененным на отдельные прослойки. В XIV в. выделяются лишь князь, церковь (владыка, священники, церковные организации) и рабы (под названием «холопы» и «рабы»). Только в первом десятилетии XV в. впервые упоминаются бояре, термином «челядь» объединяются холопы и рабы. В 30-е гг. XV в. узнаем о местичах, в 40-е — о феодально-зависимом населении (данниках и путных людях), в конце 40-х — 50-х гг. еще об одной категории землевладельцев — «земянах», и в самом конце XV в. — о ремесленниках.

В целом терминология грамот свидетельствует о несомненном архаизме социальных представлений верхушки полоцкого общества (даже в 70-е гг. XV в. социальная характеристика заменяется патриархально-неопределенной. В грамоте от 2 сентября 1474 г. полочане просили дать справедливость «доброму ч(о)л(о)в(е)коу, ѿ*т*(е)цькомоу с(ы)ноу») (№ 206), с одной стороны, и о тесней связи города с его волостью, с другой.

А. Ю. Дворниченко недавно подчеркнул это последнее обстоятельство, указав, что и в пределах ВКЛ города-государства сохраняли свои особые черты, к которым он относит общинное и индивидуальное землевладение горожан, деятельность веча, некоторые черты суверенности городской общины, наконец, «единство земли» с ее центром-городом[150]. Если эти явления действительно характерны для городов ВКЛ, то вряд ли стоит противопоставлять подобное устройство феодальному. На раннефеодальной стадии, а отчасти и в период развитого феодализма в большинстве стран Европы все эти черты сохранялись.

Не следует забывать и того обстоятельства, возможно, даже решающего, что из названных выше грамот лишь две трети касаются внутренней истории города, подавляющее же большинство данных о социальном составе населения содержат полоцкие послания в Ригу, самим своим назначением призванные подчеркивать единство и монолитность общества города и Полоцкой земли.

§ 3. Грамоты о княжеском землевладении

Установление форм княжеского землевладения, и их эволюции на протяжении XIV — начала XVI в. наталкивается на большие трудности в связи с недостатком источников. Сведения, включающие всю территорию Северной Белоруссии, относятся только к середине XVI в. (это ревизия 1552 г.), от предшествующего времени остались лишь жалованные полоцких и литовских князей отдельным духовным и светским феодалам, комплекс которых недостаточно полон, чтобы в деталях восстановить историю княжеского, а затем и великокняжеского домена. Можно выделить две формы княжеского землевладения.

Прежде всего князь в качестве главы государства пользовался верховной собственностью на всю территорию княжества[151], а позднее воеводства или наместничества. Это явствует из жалованной Андрея Ливонскому ордену, Владислава Скиргайле и т. д. В своей ленной грамоте Андрей Ольгердович 10 октября 1385 г. передавал Полоцкое княжество ливонскому ма-

---

[150] *Дворниченко А. Ю.* О предпосылках введения магдебургского права в городах западнорусских земель в XIV–XV вв. // Вестник ЛГУ. История, язык, литература. 1982. № 2. Вып. 1. С. 105.

[151] *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 108, 208.

гистру «со всеми владениями, правами, свободами, угодьями, со всем, принадлежащим к нему, а именно землями, городами, замками, водами, лесами и прочим, от чего можно получить какую бы то ни было пользу, подобно тому, как мы владели и в настоящее время владеем упоминаемым выше королевством» (№ 13). Почти то же о Полоцком княжестве повторено в его грамоте от 11 октября 1385 г. (№ 14). 28 апреля 1387 г. Владислав пожаловал Скиргайле город Полоцк и право «володети городомъ Полоцкомъ и оусеми тыми месты и городы… што коли тѧгло и тѧгнеть к городу Полоцку» (№ 16).

Права великого князя полоцкого на эти земли ограничивались «рядом». Это явный пережиток раннефеодальных отношений, сохранявшийся и в Новгороде[152], когда вольные города приглашали князя, ограничивали сферу его прерогатив особым договором содержание которого зависело от тех «Правд», которые действовали в том или ином городе, конкретных социально-экономических и политических условий. Договор с полочанами предусматривал: «А полочаны намъ не дарытисѧ никому»; «Такъже и въ беза*д*шчины ихъ и *в* ѡ*т*меръшчыны не *в*стꙋпатися» (№ 476, § 32, 7)[153], наконец, великий князь обязывался не «вступаться» и в церкви. Если правильно предположение о том, что первый из указанных пунктов восходит к «ряду» князей с полочанами, то великий князь полоцкий не имел права раздачи земель, то есть государственной территории, населенных свободными, феодалами или церкви[154].

Дань, уплачиваемая князьям, вероятно, в форме пушнины, частично реализовалась на внешнем рынке. Грамота княгини Андреевой неопровержимо свидетельствует об участии во внешней торговле великой княгини, отправлявшей в Ригу беличьи шкурки (№ 15). Великие князья литовские, унаследовавшие от полоцких князей право верховной собственности, в отличие от великих князей московских, власть которых усилилась в условиях борьбы против монгольского ига, вынуждены были вплоть до начала XVI в. заключать договор с городом. В «ряд» Полоцка с великими князьями литовскими по-прежнему включались условия XIV в.

Население территориально-административных единиц — волостей, станов, аналогичных, по-видимому, русским «путям», обязано было первоначально содержать князя и его окружение во время их пребывания на этих территориях. Эти волости раздавались в кормления, сохранившиеся со времен Древнерусского государства, когда доходы князя складывались из дани и полюдья.

Кормленые волости — это волости, где располагались княжеские станы, на которых князь мог получить ночлег и корм. Обязанность доставлять еду и обеспечивать ночлег падала на окрестное сельское население, тянувшее к этим станам — так называемых людей путных. Слуги путные поставляли лошадей и подводы, обязаны были платить дань князю. Источники середины XV в. знают людей данников, бортников, уплачивающих дань медом.

Второй формой княжеской земельной собственности был домен[155], рано выделившийся в Полоцке, территория, на которой князь или король был одновременно и сеньором[156].

---

[152] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 34–51, особ. 48.

[153] Эта статья полоцкого «ряда» с князем, ставившая пределы расширению княжеского домена, по форме сохранилась вплоть до XVI в. Однако по существу она в это время уже потеряла силу. Она имела смысл только тогда, когда князю приходилось основывать свои права на «безадщины» и «отумерщины», освоенные земли, потерявшие своих хозяев, важный резерв пополнения великокняжеского домена и предоставления пожалований. Великий князь, как правильно писал М. В. Довнар-Запольский, не присоединял их к своему домену, но распоряжался по рекомендации наместника, отдавая местным боярам: *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство. С. 142.

[154] Для сравнения укажем, что в Новгороде князь не имел права владеть землями на окраинных, только еще колонизируемых землях: *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР 1970. № 1. С. 47.

[155] О его ранней истории на Руси см.: *Фроянов И. Я.* Княжеское землевладение и хозяйство на Руси X–XII веков // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 43–52; *Он же*. Киевская Русь. Очерки социально-экономи-

Если правильно толкование статьи ряда XIV в.: «А полочаны намъ не дарытися никому» как полного запрещения раздавать государственные земли, то пожалования XIV в. могли происходить лишь из фонда домениальных земель. Однако полной уверенности в этом допущении нет.

На ранних ступенях развития феодализма, когда только еще происходило становление феодальной земельной собственности, король, унаследовав от вождей право верховной собственности на землю, раздавал ее в феодальное держание, не ограничиваясь пределами, вероятно, даже еще не существовавшего тогда домена[157]. Как уже неоднократно отмечали исследователи, формулы жалованных не изменяются в зависимости от того, *какие* земли раздавались — домениальные или государственные. Поэтому дипломатический анализ не может помочь определению размеров домениальных земель. Ответ на вопрос о границах домена не облегчает сопоставление с практикой земельных раздач в других странах. Практика пожалований варьировалась в зависимости от конкретных условий. Английские короли XI–XIII вв. видели, например, в домене основной источник земель для раздач светской знати[158]. В Испании раздавались, по-видимому, не только домениальные земли[159].

Попытаемся сопоставить расположение земель, поступавших в раздачу светским и духовным (в XIV в.) феодалам с теми остатками домена, который сохранился к середине XVI в. При совпадении их географического положения будем считать, что раздаваемые земли принадлежали домену. К старинной территории домена, несомненно, относились великокняжеские сёла, известные по актам начала XVI в, и ревизии 1552 г. Они находились в самом Полоцке[160], в Бельчице в непосредственной близости от города и, наконец, в Черсвятах, на озере одноименного названия к юго-западу от города. Бельчицы, ближайший к городу двор в период независимости, возможно, играл роль княжеской резиденции такой же, как Городище в Великом Новгороде, или Смядынь в Смоленске[161]. В Бельчицах находился Борисоглебский монастырь[162], по-видимому, также княжеский[163]. Здесь располагался дворцовый княжеский комплекс[164].

ческой истории. Л., 1974; *Черепнин Л. В.* Русь. С. 157–158. О более поздней истории см.: *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. Т. 63. М., 1958. С. 180 и далее.

[156] Это определение А. Люшера (*Luchaire A.* Histoire des institutions monarchiques. T. 1. Paris, 1895. P. 115) принимает М. А. Барг. См.: *Барг М. А.* Судьбы коронного домена Англии в XI–XIII в. // СВ. Вып. 32. М., 1969. С. 127. В советской литературе по русскому феодализму домен характеризуется как «частная собственность на те земли, которые принадлежали ему (князю) как землевладельцу-феодалу, которые в дальнейшем получили название дворцовых» (*Черепнин Л. В.* Русь. С. 198) или как «имения, принадлежащие не государству, а самим князьям как феодалам». (Там же. С. 157–158).

[157] *Гуревич А. Я.* Англосаксонский фолькленд и древненорвежский одаль (опыт сравнительной характеристики дофеодальных форм землевладения) // СВ. Вып. 30. М., 1967. С. 66.

[158] *Барг М. А.* Судьбы коронного домена Англии. С. 123–145.

[159] *Мильская Л. Т.* К вопросу о характере землевладения в Астурии IX–XII вв. (по документам епископства Овьедо) // СВ. Вып. 30. М., 1967.С. 84–101.

[160] Здесь еше в XII в. был построен княжеский терем. О том, что он был обитаем и в XIV — начале XV в., свидетельствуют дополнительные перестройки интерьера, в частности появление изразцовой печи. *Булкин В. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* Раскопки памятников архитектуры в Полоцке // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 401. Ср.: *Паничева Л. Г.* Полоцкая архитектурно-декоративная керамика XIV–XVII вв. // КСИА. № 160. М., 1980. С. 53–64.

[161] *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации. С. 47.

[162] *Говорский К. А.* Документы, служащие материалом для истории белорусской церкви // Вестник юго-западной и западной России. Киев, 1862. Т. 2. С. 13.

[163] Культ Бориса и Глеба широко распространился в XII в. См.: Памятники древнерусской литературы. Вып. 2. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печ. Д. И. Абрамович. Петроград, 1916; *Воронин Н. Н.* Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 11–56; *Смирнова Э. С.* Отражение литературных произведший о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 312–321; *Штыхов Г. В.* Древнеполоцкое каменное зодчество // Белорусские древности Минск, 1967. С. 277–280.

[164] *Воронин Н. Н.* Бельчицкие руины. К истории полоцкого зодчества XII в. // Архитектурное наследство. Вып. 6. М., 1956. С. 3–19.

Можно предполагать, что эти дворы принадлежали еще великим князьям полоцким. В XV в. роль каждой из этих резиденций — великокняжеских или наместничьих — изменилась сравнительно с периодом независимости. Великие князья крайне редко посещавшие Полоцк, не нуждались ни в черсвятском дворе, слишком удаленном от города, ни в бельчицком. Они всегда останавливались в самом Полоцке. Здесь же жили и их наместники, когда они бывали в Полоцке. Можно предполагать, что полоцкий господарский двор относится к новообразованиям Витовта[165]. Черсвятским двором управлял «тивун» (в 1505 г. известен Яков Красна) и подтивун (Лукьян того же времени, см. № 391)[166]. Всего к этим трем дворам в середине XVI в. тянуло 8 сёл: волость Заборская с селами Заборьем, Замшанами, Крешутами, Нещедрою, Дрисою, Бедчановичами, Бордиловичами, Сарой.

Подобные же княжеские сёла существовали и в других землях северо-восточной Белоруссии и Западной Руси, соседних с Полоцком: господарские сёла (с. Усвят и Озерище в Витебской земле), дворы — под Смоленском. За исключением этого района такие же сёла в пределах ВКЛ находились в Волынской земле[167].

Исследователи, давно обратившие внимание на этот факт, истолковывали его по-разному. Некоторые, в частности В. И. Панов, в этих селах и видели великокняжеский домен[168]. Действительно, эти сёла, скорее всего, входили в «старинный» домен времени независимости, который на протяжении конца XIV — начала XVI в. подвергался серьезным изменениям.

Сведения о земельных раздачах князей XIV в. весьма скудны. Великий князь Анофрий передал церкви св. Иоанна Предтечи землю на Сомнице, Улле, Наче, Лисне (№ 6), великий князь Андрей — Троицкому приделу церкви св. Софии реку Званицу (протяжением 20–25 км к северу от Полоцка) вплоть до Дриссы (№ 10), а также село в Замшанах[169], Фёдору и Дмитрию Корсакам — село на Березвячи (№ 11), великий князь Семён, предположительно в 1387–1392 гг., — Троицкому же приделу село на Ушачи[170]. Все эти земли позднее тесно соприкасались с территорией великокняжеских сёл.

Население всех этих земель не охарактеризовано в жалованных грамотах, позднее в XV в. оно выступает в качестве тяглого данного населения. Вероятно, и в XIV в. население этих земель уплачивало князю дань, как всегда в то время, пушниной.

Упомянутые в жалованной Анофрия местности соответствуют или соседствовали с селами, тянувшими к великокняжеским дворам в XV в., уже после присоединения Полоцка к ВКЛ По-видимому, княжеский домен времен независимости Полоцка в конце XIV в. превратился в великокняжеской, поскольку присоединение Пололка произошло на условиях заключения нового «ряда» полочан — на этот раз с великим князем литовским[171].

Особый этап в развитии княжеского домена приходится на конец XIV — начало XV в., время потери Полоцком самостоятельности. Смена династий в Полоцке на протяжении XII–XIV вв., исчезновение Рогволодовичей, появление литовских князей на полоцком столе не могло не отразиться и на судьбах домена.

---

[165] Не связаны ли с княжескими резиденциями две башни-донжоны, построенные не позднее XIV в. в Верхнем и Среднем замках Полоцка? (*Ткачоў М. А.* Замкі Беларуси (XIII–XVII ст.). Мінск, 1977. С. 12). Они хорошо видны на карте С. Пахоловицкого (впервые опубликована: *Коркунов М.* Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. тогдашние планы города Полоцка и окрестных крепостей // ЖМНП. 1837. Ч. 15. С. 235–249).

[166] ПР 1552 г. С. 65, 67, 69.

[167] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 221, 227–228.

[168] *Панов В. И.* Социальный строй Полоцкой земли по полоцкой ревизии 1552 года // ЖМНП. 1915. № 4. С. 234, 237–239.

[169] ПР 1580 года. С. 4.

[170] ПР 1580 года. С. 4.

[171] По наблюдениям М. В. Довнар-Запольского, в Киеве великому князю переходили все владения удельного (*Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство. С. 21).

Грамоты почти не отвечают на чрезвычайно интересный вопрос: совпадал ли домен Ольгердовичей, литовско-полоцких князей, с доменом Рогволодовичей; унаследовали ли литовские князья домен своих предшественников или создавали его заново. Принимая во внимание устойчивые и даже застойные формы собственности в Полоцкой земле, более вероятно первое. Можно предполагать, что в период присоединения Полоцка Витовту Удалось расширить домен. Любопытный случай такого расширения зафиксировала грамота 9 августа 1502 г. В ней идет речь о том, что некий Терех Непоротович «поступи*л*ся» Витовту сельцом в Скоромошовичах на Коровайне (№ 378). О причинах и условиях такого обмена Скоромошевичи на с. Петрово можно только гадать. Однако в результате великий князь получил сельцо с полным правом распоряжения им. Вероятно, это было не единственным приращением великокняжеского домена во времена Витовта.

Первые раздачи Витовта и Казимира относились к тем же районам междуречья Ушачи и Начи, где уже раздавали земли полоцкие князья. В результате пожалований земель Витовтом (Сущевичам, Теличиничам и Оскерчиничам, № 22, 28) и Казимиром (Булавиным и Кожчичам)[172] уже в 70–80-м гг. XV в. здесь остались весьма редкие великокняжеские сёла, в частности с. Завечелье. По соседству с мещанами Теличиничами и Оскерчиничами жили «по*д*даные… замку Поло*ц*кого завечеляне» (№ 221).

Пожалования Казимира концентрировались, в основном, в бассейне р. Ушачи. Это сёла на Ушачи, Усомнице. В юго-западной части Полоцкой земли находились с. Погост и Ладосна. Земли на Островне были розданы очень рано. Здесь их получили Иван Булавин (№ 98) и, вероятно, Василий Корсак (№ 78), позднее вассал его внука Мартин Проселок осел именно в этом районе на земле Фалеевщине в Островне (№ 338, 18 июля 1496 г.). Однако другие жители Островна вплоть до XVI в. служили к Черсвятскому замку[173].

К домену были «держаны» пригонные люди горчане, переданные Александром Глебу Остафьевичу Корсаку «со всими и*х* землѧми, и служъбами, и с податьми, со всимъ с тымъ, какъ на на*с* к замъку нашомꙋ де*р*жаны» (№ 420, 11–12 августа 1507 г.). По-видимому, об этих же Горках идет речь в привилее Жигимонта от 9 января 1508 г. на земли в Горках и Мочажи (№ 427). Люди мничане, городчане и заболотчане до передачи их князьям Соколинским великим князем Александром «служи*ли* къ замкꙋ» полоцкому (№ 472, 14 июля 1507 г.), однако были ли это люди путные или пригонные — неизвестно. Пригонные люди жили в Замшанах (№ 449). Позднее Замшане считались селом, тянувшим к Полоцкому двору[174]. Люди замшане участвовали в ремонте одной из веж Полоцкого замка[175].

Черсвятский двор обслуживали люди — поляне, которые в 1492 г. были переданы в частное владение. Однако ни о каких службах этих людей не говорится. Они платили только грошовую и медовую дань (№ 315, 12 декабря 1492 г.). К Черсвятскому двору тянули село Ладосно, населенное путным людьми (№ 431, 29 июня 1508 г.), а также Величковичи, Дернцы. Эти сёла в начале XVI в. были переданы князьям Соколинским, временно отняты у них наместником Станиславом Глебовичем и, в соответствии с распоряжением Александра «…къ дворꙋ своемꙋ Че*р*святу приверънꙋти», возвращены к замку, однако Соколинским удалось добиться новой жалованной на эти сёла (№ 466, 24 июня 1511 г.).

В XVI в. к Черсвятскому двору тянула также Меница[176]. В конце XV — начале XVI вв., когда Александр передал людей на Менице Микифору Коробовичу, об этом не было сказано

[172] См. подробнее: *Хорошкевич А. Л.* Генеалогия мещан и мещанское землевладение в Полоцкой земле конца XIV — начала XVI вв. // История и генеалогия. М., 1977. С. 140–160.
[173] БА. Т. 2. № 300. С. 214–215 (12 февраля 1534 г.).
[174] ПР 1552 г. С. 59.
[175] Там же. С. 8.
[176] ПР 1552 г. С. 64–63.

(№ 433, 438, 5 августа 1508 г., 21 января 1509 г.), как и при споре из-за имения Румболт на Менице в 1534 г.[177]

Вероятно, к Черсвятскому двору служили тяглые и путные люди «на *и*мѧ Словани», переданные в начале XVI в. И. Ф. Полубенскому (№ 460, 6 сентября 1510).

Слуги путные Черсвятского двора жили и на Островне. Правда, в 1496–1503 гг. они продали свои земли Занке, при этом великий князь Александр «с тыхъ всихъ стародa*в*ныхъ слꙋжо*б*, и подачо*к*, и подво*д*, которые с тое земли Ѡстрове*н*ское кꙋ дворꙋ его м(и)л(о)*с*ти Че*р*святъскомꙋ бывали, з ласки своее тꙋю землю рачи*л* вызволити» (№ 333–336, 1496–1501 гг.).

Слуги путные Андрей и Василий Супети и Микита Дегтяр с братьею, поставлявшие «ку службе господарской» трех коней и выполнявшие свои повинности к Черсвятскому двору вместе с ладошнянами, продали свои земли наместнику Станиславу Глебовичу[178]. Григорий Пашкович, прадед дворянина Семёна Борисовича и его брата Васки, получил от Казимира «на Ладостъне сельцо пꙋстое» (№ 116).

Тяглые люди, служившие в Бельчицкому двору, жили недалеко от Ловожского стана, на р. Улле находилась сеножать, которую они косили, а сено оттуда возили «на полоцкий замок» (№ 481, 19 августа 1511 г.). Люди в Домниках также служили к Бельчицкому двору, «ва*р*ное и земѧные куницы даивали, и въ пригонъ на Бе*л*(ь)чицꙋ ходивали, и на езъ дерево робливали, и бобро*в*щину, де*и*, то*л*(ь)ко дають ты*и* люди копу гроше*и*» (№ 422, 22 августа 1507 г.). Наконец, известно, что и Лугинцы к двору Бельчицкому «пашню пашу*т*(ь) и вси потѧгли тѧгнуть» (№ 481, 19 августа 1511 г.).

Из перечисления всех сёл, встречающихся в актах и принадлежавших к великокняжескому домену, ясно, что подавляющую часть их населения составляло тяглое, выполнявшее и натуральные повинности, в связи с чем в конце XV в. жители этих сёл получили название пригонных людей. Передав сельских путников городу, великий князь Александр обнаружил, что «замъку нашому Поло*ц*кому шко*д*но, занꙋжъ прыгонъны*х* люде*и* к нему мало» (№ 367, декабрь 1500 г.).

К середине XVI в. эти сёла составляли должностной (министериальный) лен, т. к. жители их давали «подачки» только на воеводу[179]. Однако ранее, до введения магдебургского права, эти владения составляли великокняжеский домен. Процесс превращения их в министериальный лен происходил в 20–40-е гг. XVI в.

Ко времени княжения Александра в руки бояр и мещан перешло уже такое количество собственных великокняжеских земель, что дальнейшее их сокращение грозило нормальному содержанию великокняжеских дворов. Домен дошел до минимума. Неслучайно в конце княжения Казимира и в начале княжения Александра раздача земель резко сократилась. Великокняжеская власть ограничивалась лишь подтверждением пожалованного ранее или купленного боярами.

На протяжении XV — начала XVI вв. великокняжеский литовский домен в Полоцке, унаследованный от князей времени независимости, основательно менялся. Вплоть до начала XVI в. основной тенденцией было неуклонное сокращение домена, бывшего основным ресурсом земельных пожалований великого князя литовского. Последние играли весьма существенную роль в развитии мещанского и в формировании более крупного боярского землевладения. К тому же выводу пришел В. И. Панов. Он считал, что домен уменьшался за счет пожалований великих князей, захватов господарской территории и продажи ее господарскими людьми[180].

---

[177] БА. Т. 2. № 329–330. С. 236–237 (15 января и 26 мая 1534 г.).
[178] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 53.
[179] *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство. С. 166.
[180] *Панов В. И.* Социальный строй Полоцкой земли по полоцкой ревизии 1552 года // ЖМНП. 1915. № 4. С. 234, 237–239. Два последних способа сокращения домена касаются на наш взгляд, не коренной территории домена, а его новых приращений за счет путных земель.

Наряду с процессом сокращения домена происходил его рост за счет государственной территории. Хотя «ряд» Казимира, Александра и Жигимонта по-прежнему включал ограничения княжеских прерогатив, во второй половине XV в. к домениальным землям оказались приравненными многие государственные.

Поскольку земельные раздачи были основной формой «финансирования» боярства, великокняжескому правительству необходимо было изыскивать новые резервы земли, в которой оно так нуждалось в условиях непрекращавшихся войн с Русью и непрерывного уменьшения территории княжества. И оно их нашло — за счет путных людей и путных слуг. Кормленые волости оказались приравненными к домену и поступили в раздачу, но первоначально не всем полоцким феодалам, а лишь наместникам и знати из других районов Великого княжества. На правах домена в начале XVI в. оказались некоторые волостки Полоцкой земли — Голомышская, переданная в 1506–1513 гг. Станиславу Глебовичу (№ 410), Непоротовская, временно оказавшаяся у князей Соколинских (№ 472, 22 июля 1511 г.). Слугам путным Непоротовской волости удалось освободиться от зависимости от Соколинских, доказав, что «ѡни су*т*(ь) за*м*к*ꙋ*… Полоцкомꙋ потребъни», и великий князь Жигимонт дал им свои «листы… вызволеныи» (№ 482, 1511–1513 гг.). Путных людей Шоловиничей Александр передал дворянину Стефану (№ 399, 21 июня 1506 г.), каменчан — Юрию, Василию и Андрею Семеновичу Соколинским (№ 446, 25 марта 1509 г.). Индрик Лодятич (№ 404, 1506–1509 г.) стал владельцем путных слуг Бездедовского стана с сельцом Дубровками.

В первом десятилетии XVI в. произошло весьма значительное увеличение домена. В первую очередь к домену были приравнены земли путных людей, «поднимавших» господаря на тех или иных станах. Таким образом, самый стан был уподоблен великокняжеским дворам, а путное население — пригонным людям этих дворов. Во втором десятилетии XVI в. в раздачу поступали почти исключительно земли путных людей. С. Ситняны на московском порубежье с его жителями Хомой с детьми, Ильей с братьею и Терешко было передано в 1511 г. Костюшке Волфромеевичу (№ 464). Люди путные, служившие четырьмя службами на Могильне, 19 августа 1511 г. были пожалованы Яцке Сенковичу (№ 481). Позднее, в 1533 г., их держала Михайловая Сенкевича Ульяна и требовала освобождения своих людей от городового дела в Полоцке вместе с Непоротовской волостью[181]. Боярам Михаилу и Ивану Невельскому их перешедшие к Русскому государству земли были возмещены великим князем за счет кублицких путных людей, выполнявших две службы (№ 480, 12 августа 1511 г.). В Кубличах существовал стан, где «отмену», по сведениям 1538 г., давал Гридко Охремов и Давид Десятник с братом[182]. По-видимому, люди путные в Кубличах продолжали нести путную службу и после передачи их Невельским. Гридко Охремов — это сын переданного Невельским Охрема (№ 479, 8 августа 1511 г.). Семёнка Сверщчок еще при Александре из путного господарского превратился в человека боярина Василия Богдановича Яцковича и его братьев (№ 479). Три службы в Себежском пригоне человека с Невельской землей и путного Антона Зеновковича в Саниках великий князь Александр передал Ивану Зеновьевичу (№ 423, 22 августа 1507 г.).

Юридическим обоснованием приравнивания путных слуг или, как их называли в конце XV в., сельских путников, к тяглому населению великокняжеского домена послужила уставная грамота 1500 г., содержавшая поправки к магдебургскому праву: «Тыи се*л*(ь)скии пу*т*ники вси, котории жъ зъдавна в селе*х* мешкаю*т*(ь) и поспо*л* с пу*т*ники се*л*(ь)скими на*м* служивали и в месте Полоцъкомъ дворовъ свои*х* не де*р*живали, тыи и тепере мають служити к за*м*ку нашому Полоцъкомꙋ, маеть и*х* заведати наместъникъ нашъ полоцкии, хто кольве бу*д*(и)» (№ 367, декабрь 1500 г.).

[181] БА. Т. 2. № 166. С. 123.
[182] Там же. № 412. С. 289–290 (1538 г.).

Итак, в течение первых десятилетий XVI в. домен великих князей литовских резко увеличился. Если в других странах, например в Англии, он расширялся за счет выморочных земель, выкупленных и других держаний, перешедших к сеньорам, полученных в дар путем обмена и т. д.[183], то в Полоцке источники расширения были несколько у́же[184] (выморочные имения, согласно рядной грамоте, князья не могли захватывать)[185]. Однако здесь существовали иные возможности расширения домена за счет присоединения к нему земель некоторых разрядов населения, также освоения и инфеодации пустовавших дотоле земель, входивших в домен или примыкавших к нему.

Расширение домена путем приравнивания путных слуг к тяглому населению великокняжеского домена делает почти невозможным ответ на вопрос, какая часть сёл принадлежала к «коренной» территории домена, — а соответственно, его равновеликости домену в других русских землях, в частности в Новгороде, — и какая оказалась новым приращением.

В конце XV в. исчез или, вернее, переродился еще один реликт времени независимости — входившие в великокняжеский домен реки и озера с бобровыми гонами: их берега были переданы полочанам. Эта часть домена восходит еще ко временам независимости. Статью, регулирующую отношения полочан с князем по поводу вод, И. Якубовский относит к «ряду» XIV в. Вот она: «А полочаномъ… рекъ ни ѡзе*р* (княжих, — добавляет И. Якубовский) не таити, а хто потаить, казнити» (№ 476, § 31)[186]. Действительно, судя по древности языка эту статью можно отнести к XIV в. Вместе с тем и владение князем полоцкими водами восходит к XIV в. Не случайно в своей жалованной приделу св. Троицы на р. Званице с бобровыми гонами великий князь Андрей писал: «А к тои реце никому прихода нетъ» (№ 10).

По ходатайству полочан Казимир передал им почти очищенные от бобров воды за 200 коп грошей (№ 343, 10 апреля 1497 г.). Мещане получили право бить бобров не только в водах, протекавших по их землям, но и «по… река*м* бобровы*м* и по ѡзеромъ владыки поло*ц*кого, и игѹменьи поло*ц*кое, и боя*р* поло*ц*кихъ». В 1497 г. Александр снизил сумму бобровщины с Полоцкой земли до 100 коп грошей (№ 343).

Таким образом, вторая часть домена полоцких князей прекратила свое существование в 80–90-х гг. XV в., превратившись в налог, составлявший исключение среди многочисленных и разнообразных налогов, взимавшихся в ВКЛ.

Каковы были формы зависимости жителей княжеского домена? Это были люди тяглые, обязанные выполнением различного рода натуральных повинностей в пользу великокняжеских дворов.

Сравнение с развитием княжеского землевладения на Руси показывает, что в Северной Белоруссии уцелели традиции времени Древнерусского государства, когда существовали сильные города. Вернее, это был просто другой вариант развития феодального общества. Ни во времена независимости, ни во времена литовского господства Северная Белоруссия, в отличие от центральной Руси, не знала сильной княжеской власти. Периферийные районы ВКЛ на протяжении всего XV в. сохраняли сильные остатки прежней автономии, носителем которой выступал город, не подвергшийся убийственному для него воздействию монголо-татарского ига.

Слабостью княжеской власти объясняется факт длительного существования земян — жителей черной волости — и отсутствие даже попыток великого князя раздавать и их частные владения.

---

[183] *Барг М. А.* Судьбы коронного домена. С. 127.
[184] *Панов В. И.* Социальный строй // ЖМНП. 1915. № 4. С. 234, 237–239.
[185] М. В. Довнар-Запольский толкует эту статью иначе. Он полагает, что ею полочане защищали неделимость территории своей земли (*Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство. С. 31), что верховная власть в лице великого князя была ограничена в раздаче земель и людей вне круга полоцких же жителей (Там же. С. 142).
[186] *Якубовский И.* Указ. соч. С. 296.

§ 4. Данные грамот о церковном землевладении

В Полоцке, как и вообще на Руси, церковное и монастырское землевладение принадлежало к древнейшим. Об очень раннем конституировании этой формы землевладения свидетельствует включение в княжеский «ряд» с полочанами пункта о неподсудности церкви и неприкосновенности церковных имуществ (№ 476).

По сохранившимся документам XIV в. известны лишь три храма: св. Софии[187] с приделом св. Троицы[188], Иоанна Предтечи на Острове и св. Спаса, построенный в XII в. кн. Евфросинией. По-видимому, в это время их было значительно больше[189]. К. А. Говорский на основе данных, извлеченных им из архивов полоцкой архиепископии, перечисляет несколько церквей и монастырей, оставшихся в Полоцке еще при Стефане Батории[190].

Это, — кроме указанных выше, — монастыри Борисоглебский на р. Бельчице, основанный якобы в 1222 г. Борисом Васильевичем[191], Петровский на Верхнем замке, основанный неким князем Михаилом в 1235 г., Михайловский Городецкий за Полотой, основанный Петром и Иваном Порожскими, Никольский на Лучне, Воскресенский или Мошонецкий на Нижнем замке, Троицкий и св. Спаса на Рынке, Козмодемьянский за Полотой, Богородицкий, Преображенский, Георгиевский в Поле, Пятницкий на р. Бельчице, рядом с Борисоглебским, наконец, Вознесенский. Судя по ревизии 1552 г., существовал и Покровский монастырь. Новейшими исследователями выяснено, что значительная часть этих храмов создана в XII–XIII вв. Так, к первой половине XII в. относится храм вблизи от Спаса, вероятно, Георгиевский в Поле, церковь в Нижнем замке — возможно ц. Воскресения, разрушенная в 1501–1508 гг. при великом князе Александре[192]; храм Иоанна Предтечи в Бельчицком монастыре, близкий по архитектурным формам киевскому зодчеству, был возведен в начале XII в.[193]

Особенность Полоцка заключалась в том, что монастыри концентрировались в городе, за пределами которого вплоть до XV в. не известно ни о каких других[194]. В этом факте отразился общий характер развития социально-политической жизни в Полотчине, где центром, из которого исходили все общественные импульсы, долго оставалась столица княжества. В этом отношении Полоцк был очень близок Новгороду. Сходным было и положение владык этих городов, которые являлись политическими главами своих земель.

---

[187] О его строительстве в XI в. см.: *Булкин В. А., Булкин Вас. А. Смирнов В. Н., Ратнер И. Е.* Раскопки в Полоцке // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 430–431; *Булкин В. А.* Исследование Софийского собора в Полоцке // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 331–332.

[188] О раскопках придела св. Троицы см.: *Булкин В. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* Раскопки памятников архитектуры Полоцка // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 401. Вероятно, позднее возник Троицкий монастырь, который на рубеже XVII–XVIII вв. находился в посаде на правой стороне Двины. См. также: *Булкин В. А., Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Раскопки памятников архитектуры в Полоцке // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 410–411.

[189] На протяжении XVI–XVII вв. составлялись многочисленные инвентари церковных владений — в 1580, 1617 гг. и позднее: См.: Опись монастырских и церковных имений, лежащих в воеводстве Полоцком, отданных королем Стефаном Баторием полоцкой иезуитской коллегии, при основании оной, составленная Скуминым Тышкевичем // ИЮМ. Т. 2. Витебск, 1871. С. 286–316 (июль 1580 г.) (ср.: *Лаппо И. И.* Описание полоцких владычных, монастырских и церковных земель ревизорами 1580 года // ЧОИДР. М., 1907. Кн. 3. Ч. 1. С. 1–25); Инвентарь всех имений, принадлежащих полоцкой греко-униатской архиепископии // ИЮМ. Т. 2. С. 317–354 (копия 21 января 1730 г. с документа 10 января 1618 г.); *Токмаков И. Ф.* Указ. соч. С. 11.

[190] *Говорский К. А.* Документы, служащие материалом для истории белорусской церкви // Вестник юго-западной и западной России. Киев, 1862. Т. 2. С. 13–14; ср.: *Беляев И. Д.* Полоцкая православная церковь до Брестской унии // Православное обозрение. 1870. № I. С. 107–109.

[191] ПСРЛ. Т. 32. М., 1980. С. 22, 130.

[192] О Георгиевском храме см.: *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII в. // СА. 1980. № 3. С. 149–150; о Воскресенском см.: Там же. С. 151–155; разрушен в 1501–1506 гг. (Там же. С. 155, 157–160).

[193] *Штыхов Г. В.* Древнеполоцкое каменное зодчество // Белорусские древности. Минск, 1967. С. 270.

[194] *Беляев И. Д.* Полоцкая православная церковь. С. 107, 108, 110.

Все монастыри и церкви, основанные в период независимости Полоцка, были ктиторскими. Их основателями, согласно преданию, выступали князья (троицкий придел церкви св. Софии), мещане (церковь св. Пятницы)[195], крупные феодалы (Корсаки — Борисоглебский монастырь, церкви Рождества Христова и св. Дмитрия в замке[196]).

По-видимому, к ним в полной мере может быть отнесена характеристика, данная И. У. Будовницем русским монастырям до середины XIV в. и А. Я. Гуревичем — норвежским XIII в.[197] Это были мелкие ктиторские монастырьки, основанные князьями, епископами, боярами, иногда купцами, служившие «прибежищем» для крупных вкладчиков. Их земли, которые могли и обмениваться, и выкупаться прежними владельцами, были немногочисленными, а право владения неустойчивым. Первыми жертвователями земли в пользу духовенства были князья. От XIV в. сохранились жалованные церкви св. Софии, ее приделу св. Троицы и церкви св. Иоанна на Острове, согласно которым первая из них получала земли на р. Званице, вторая — на р. Улле. Владения церкви Иоанна Предтечи на Острове сходились в результате ряда пожалований. Это, прежде всего, загадочное пожалование князя Анофрия на бортные земли и угодья на р. Сомница, Улла к Нача (№ 6)[198] и ез на р. Лисне, который монастырь сохранил вплоть до 1552 г.[199] Второй, не менее загадочный документ является вставкой в жалованную Владислава, короля польского и великого князя литовского, князю Скиргайле от 28 апреля 1387 г. Это данная грамота некой княгини. Последнее заключаем из того, что речь исходит от особы женского пола, которая называет князя Скиргайлу своим братом. Эта княгиня передает церкви Иоанна Предтечи «логозкаѧ дань и лю*д*(и), и весь доходъ, что Воишвилтъ держалъ». Пожалование было сделано до появления Скиргайлы в Полоцке. Он лить подтвердил пожалование княгини, несколько уточнив понятие дани (как любого «дохода» — серебряной дани, бобров, белки и сукон, см. № 16). О судьбе этого пожалования в более позднее время ничего неизвестно. Логожские доходы не упомянуты в ревизии 1552 года. Из сопоставления двух жалованных грамот XIV в. Иоанно-Предтеченскому монастырю, их условий (в первой дважды повторяется запрет владыке вступаться «в нашь монастырь» и взимать с него пошлины, № 6) и дарителей напрашивается вывод, что в конце XIV в. этот монастырь занимал особое положение в политической и социальной жизни города. Будучи княжеским, он противопоставлялся владыке. После потери Полоцком независимости «честь и слава» Иоанно-Предтеченского монастыря, о которых так пеклась неизвестная княгиня, померкли. К середине XVI в. монастырь владел лишь 107 человеками в селах Коптевских, Демидовских, Пристойских, на Теребешове и др. на р. Улле, Наче, Туровье[200].

От XIV в. сохранилась и жалованная грамота князя Андрея церкви св. Троицы на р. Званицу (№ 10). Ей же пожертвовали свои земли и два полочанина: Андрей Данильевич передал ей свое сельцо на Просмужице (№ 4), Иван Никонович Дементьев — огород в старом городе, полгумна, луг на Полоте и «три места ролеиная на Великомъ поли» (№ 5).

В период присоединения Полоцка к ВКЛ вопрос о церковных землях приобрел некоторую остроту. Не случайно Скиргайле, первому наместнику великого князя литовского и короля

---

[195] Как указывалось в описи 1580 г., эта церковь была основана «в давних временах мещанами полоцкими» (ИЮМ. Т. 2. С. 315).

[196] Там же. С. 307–308, 311.

[197] *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966. С. 46–47, 73–76; *Гуревич А. Я.* Основные этапы социально-экономической истории норвежского крестьянства в XIII–XVI вв. // СВ. Вып. 16. М., 1959. С. 51–53.

[198] Больше всего известно об иванских владениях на р. Улле: здесь «з людей манастыра ѡстровъского зъ Еванъскихъ в[ъ] Демидовичохъ, а зъ Еванъчан[ъ], а с Пристои, и с Копътевичъ» шла дань сначала великокняжеским бобровникам, а, вероятно, с 70–80-х гг. XV в. бобровникам пана Сеньки Григорьевича (БА. Т. 2. № 195. С. 143, 28 апреля 1533 г.). Бобровщина с этих земель в 1552 г. вообще не указана.

[199] ПР. 1552 г. С. 171.

[200] ПР 1552 г. С. 171.

польского Владислава Ягайлы, в ленной грамоте пришлось записать пункт о свободе наместника передавать земли церкви и неприкосновенности этих дарений (№ 17). Хотя Скиргайле удалось отстоять право передачи земель церквам, ни он, ни другие наместники, как и великие князья литовские, этим правом не пользовались. С переходом Полоцка в состав ВКЛ один из наиболее важных источников пополнения земельных владений церкви иссяк.

За XV в. не известно ни одного пожалования великих князей литовских в пользу церкви. В начале XVI в. передача ей земли самими полочанами стала таким редким и торжественным событием, что требовала присутствия многих церковных иерархов. Так, пожалование Якима Денисовича Туровейской земли в пользу Иоанна-Предтеченского монастыря оформлялось в присутствии священнослужителей из многих церквей — св. Софии, бобыничской церкви св. Николы, церкви св. Рождества и св. Николы на Полупяте (№ 424).

В течение XV в. появились немногочисленные церкви вне Полоцка, Около Бобыничей существовала церковь Николы Чудотворца основанная Корсаками[201], действовала церковь в с. Словани над Черсвятом[202], владычная церковь св. Воскресения находилась в с. Старом.

Состав дарителей земли церквам и монастырям XV — начала XVI в. весьма примечателен. Это представители старых боярских и мещанских фамилий, обладавшие землями в непосредственной близости от города. В 1447–1458 гг. боярин Иван Михайлович Полупята передал монастырю Иоанна Предтечи на Острове сеножатку Железковскую около Савина ручья между Воронежской и Бобыницкой дорогами (к юго-западу от Полоцка, № 123). В 1507 г. Яким Денисович Туровейский отдал в Островский монастырь свою прадедину, дедину и отчину между Двиной, Девиным ручьем, реками Бологвиной и Туровьей, а также озеро Пушно и реку Туровью. Во изменение своего завещания он отдал этому же монастырю землю, предназначенную им сначала своему внуку Ивану (№ 424). О пожалованиях Якима Денисовича Туровейского сохранилась память вплоть до конца XVI в. Земля на Щолкове, где к 1552 г. жило 4 человека, записана как «от Якима, мещанина Полоцкого, наданая»[203].

Зиновий Васильевич Корсак в 70-х — начале 80-х гг. XV в. (до 1483 г.) передал Бельчицкому Борисоглебскому монастырю землю на Уроде, купленную им у полочанина Игната (№ 468, 25 июня 1511 г.).

Борисоглебский монастырь в XVI в. до занятия Полоцка русскими войсками имел очень большие владения. По-видимому, он издавна был ктиторским храмом Корсаков. В ревизии 1552 г. указаны владения монастыря в Долгом, на Крупнице, Усвятице, Туровье, а сам он назван «надан[ь]ем земянъ Полоцъких пановъ Корсаковъ всих»[204]. Остальные земли были приобретены игуменами монастыря после 1511 г. Это с. Отоки, Санники, Суя. К. А. Говорский дополняет этот список с. Турец, Пустныки; Бельчица, Кулаково, Шолково, Белое, Межно, Стуганы, Пауленково, Пяски, Корманы, Звоне, Церковно[205].

По фрагментарным данным грамот о росте монастырского землевладения в XV в. судить трудно. Еще при великом князе Казимире земли в верховьях Уллы (от Гремячего ручья, ее притока, до великой дороги к Лукомску до Черного ручья, затем Черным ручьем в оз. Уллу, а затем по реке до Гремячего ручья) принадлежали полоцкой (?) церкви св. Спаса. На этом основании церковные люди отсудили ее у пана Федьковича в 1534 г.[206] Земля Петровская, на

---

[201] ПР 1552 г. С. 171.
[202] ПР 1552 г. С. 176.
[203] ПР 1552 г. С. 171.
[204] ПР 1552 г. С. 176.
[205] *Говорский К. А.* Историческое описание Полоцкого Борисоглебского монастыря // Витебские губернские ведомости. 1859. № 43. Эти сведения извлечены им из Борисоглебского архива, архива Полоцкого Софийского собора, архива Полоцкой духовной консистории и актовых книг Полоцкого уездного суда, ныне не существующих.
[206] ПР 1552 г. С. 176–177.

которой сидели люди петровские, находилась на оз. Черсвяте. Людьми — мосорянами ведала церковь св. Петра в замке. Кроме того, этой же церкви до 1501 г. принадлежал огород и 6 «клеток» около замка (№ 461, 19 ноября 1510 г.). Где-то рядом с владениями князя Полубенского были земли Михайловского монастыря на Городке, то есть в районе р. Уллы и Ловожа (№ 462, 28 января 1511 г.).

Церковь св. Троицы имела огород, вероятно, тот самый, который передал ей еще в XIV в. Иван Никонович Дементьев. В 1498–1506 г. этот огород был отобран под бернардинский монастырь. В компенсацию за это церковь св. Троицы получила следок Онанькин в Замшанах, который перед этим держал Гордей (№ 345).

Монахи и монахини в полоцких, как и в других русских, монастырях до середины XIV в. жили на келиотском уставе. У каждого из них была своя келья, они ели свою пищу, вели мирские дела, завещали имущество родственникам мирянам[207], покупали и продавали земли. В начале XVI в. начался переход от келиотского устава к общежительному, что показывает способ присвоения феодальной ренты с зависимого населения церковных земель.

О том, как эксплуатировались монастырские земли, можно судить на примере Иоанно-Предтеченского Островского монастыря. В 1533 г. возникло дело о неправильном присвоении архимандритом медовой дани с Туровейских земель. Чернцы утверждали, что «медъ пресный… у Туровли на полы архиманъдриту с чернъцы идеть. А з ынъшихъ селъ церковныхъ на чернъцы медъ не йдеть, ѡдно на самого аръхиманъдрита. А ѡнъ тымъ медомъ своимъ повиненъ пановъ воеводъ полоцъкихъ або его врадниковъ честовати. А чернцы ему его жъ медомъ мають помогати ихъ честовати… А у инъшихъ поплатехъ пенежныхъ, и въ збожью, и в ловехъ рыбныхъ и зверынъныхъ, и во всякихъ доходахъ архиманъдриту половица, а другую половица чернъцомъ»[208].

С податной точки зрения М. В. Довнар-Запольский разделил все церковные земли в ВКЛ XV в. на три категории: к первой и второй относились земли, полностью освобожденные от повинностей, — это земли, дарованные великими князьями или частными лицами в древнее время. Третью категорию составляли земли, обязанные уплачивать все повинности. Это новые пожалования и великих князей и частных лиц и приобретения самих церквей[209].

Наряду с церковными корпорациями собственниками земли выступали и отдельные священнослужители — белое и черное духовенство. Какой-то поп Омельян до начала XVI в. имел землю в Себежском пригоне. Иван Зеновьевич также в начале XVI в. купил землю на Девиче у Костки Климятина, сына поповича, которую тот сам приобрел лишь в конце XV в. (№ 423).

Протопоп св. Софии Юрий имел с. Горсплля (возможно, совместно со своим родственником Петром Фёдоровичем), на которое Александр дал ему иммунитетную грамоту, освобождавшую жителей села от всяких пошлин (№ 245). Игуменья Настасья Сопежина имела в Полоцке двор (№ 423, 22 августа 1507). Однако не все монахи и церковнослужители удерживали свои земли. Старица монастыря св. Михаила в Полоцке вместе до своим зятем Варфоломеем и дочкой Татьяной, продали сельцо на Болдавицах великокняжескому писарю Ивашке Сопежичу [№ 339 (29 сентября 1496); № 344 (20 декабря 1497)].

О роли каждого из духовных феодалов дает представление ревизия 1552 г., причем тот ее раздел, где идет речь о раскладке городовой повинности. Судя по этим данным, крупнейшим феодалом Полоцка был владыка. На его долю доставалось сооружение вежи (башни), носившей название Софийской. Правда, за нее он отвечал совместно со всем духовенством города. Еще одну вежу, вторую по нумерации ревизии, строили «поплечники» «людей духовных» из Сельца. Пять городен (между Софийской и Устьинской вежами) владыка должен

[207] *Будовниц И. У.* Указ. соч. С. 47.
[208] БА. Т. 2. № 167. С. 125 (27 апреля 1533 г.).
[209] *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство. С. 632.

был сооружать и поддерживать собственными силами. По-видимому, владыке немногим уступала и игуменья Спасского монастыря: на ее долю приходилось строительство десяти городен, из них пяти — «наметных» «на игуменство».

Остальные духовные феодалы значительно уступали по своим экономическим возможностям: по 2 городни должны были сооружать петровский игумен, монастырь св. Ивана «з Острова»; игумен св. Николы с Лучны, больше двух — архимандрит Михайловского монастыря (за одну из них он отвечал вместе с игуменом Воскресенским и Пятницким, за другую с этим игуменом и попом (или попами) Троицким, Спасским и Никольским из Полупят, одна городня была Борисоглебская, одна пятницкого игумена Василия Скорины. Всего на долю духовных феодалов приходилось строительство 2 веж и 27 городен в Полоцком замке[210].

Итак, архиепископ выступает в качестве самостоятельного земельного владельца независимо от владений отдельных церковных организаций. Великие мастера по стяжанию земель, полоцкие владыки в конце XV в. превратились в крупнейших землевладельцев. В 1481–1488 гг. Иона купил землю в Болдавицах у Якова Красчинича, которую затем перепродал Фетинье, старице св. Михаила (№ 339, 29 сентября 1496 г.). 28 февраля 1482 г. Иона продал мохонковлянам борти, которые находились на их земле (№ 249). Для своего сына великокняжеского коморника Андрея он купил с. Низголово на Улле, с. Митковичи Студеницкие над Двиной. 26 и 30 мая 1499 г. Андрей получил подтверждение на оба эти приобретения (№ 351, 352).

Архиепископское хозяйство было организовано по типу крупного светского. В начале XVI в. существовали владычные бояре, маршалки и наместники.

В конце XV в. владычные люди жили в Уличе (№ 380, 26 декабря 1502 г.). 7 января 1487 г. к этим землям архиепископ присоединил и Мохонковщизну, купленную им у людей мохонковлян (№ 266). В районе Улича образовался большой комплекс владычных земель, где в середине XVI в. жило «людеи отчычов зъ их старцомъ дымов трыдцать тры»[211]. Архиепископ, как и другие церковные феодалы, весьма незначительно расширяли свои владения за счет дарений. Иван Юрьевич Мстиславский передал архиепископу Калисту и Софийскому собору в 1458–1459 гг. с. Марынец с прилегающими к нему землями на среднем течении р. Оболи (№ 138).

В распоряжение архиепископа попадали иногда и владения других церковных феодалов. Так, за бортью св. Софии, находившейся в Мохонковщизне, «ходили» владычные люди из Улича (№ 249, 28 февраля 1482 г.). Мохонковляне, выпрашивая у владыки эту борть, обязались платить по 5 пудов меда ежегодно, однако не самому владыке, а церкви св. Софии.

Однако далеко не все владения церкви св. Софии находились в управлении и подчинении владыки. До конца XVI в. сохранилась «деревня софейских попов полотцких Кофонова» на р. Оленке и Каменке[212]. Клирошане церкви св. Софии на рубеже XIV–XV вв. располагали таким количеством земель, население которых было обязано медовой данью, что они могли экспортировать воск в Ригу в самом начале XV в. (№ 40).

По-видимому, в Полоцке, как и в Новгороде, существовала разница между собственно владычными землями, пожалованными или купленными архиепископом, и фондом государственных земель, поручавшихся собору св. Софии и владыке. А. Л. Шапиро сравнивает эти категории владычных земель с дворцовыми и государственными землями Русского государства[213].

В Полоцке их очень легко разделять: первые носили название владычных, вторые — софийских. Эти последние принадлежали клирошанам, священникам всех городских церквей,

---

[210] ПР 1552 г. С. 1–11.

[211] ПР 1552 г. С. 165.

[212] РНБ. Q.IV.70. Л. 96 об.

[213] Относительно Новгорода эту мысль высказал еще в 1914 г. Б. Д. Греков (*Греков Б. Д.* Новгородский дом св. Софии // Греков Б. Д. Избранные труды. Т. 4. М., 1960. С. 213–215), а в 1971 г. поддержал А. Л. Шапиро (Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 60).

отправлявшим в соборе св. Софии повседневные службы. Клирошане принадлежали к верхушке городского населения. Организации клирошан имели «определенные административные и судебные функции и права на часть дохода, получаемого владыкой... Организация клирошан занимала особое место в феодальной церковной системе. Получая ренту с принадлежащих собору и его приделам крестьян и деля доходы с епископом от литургических, административных и судебных функций, эта корпорация была привилегированным институтом, стоявшим над другими приходскими и провинциальными церквами»[214]. Каким образом и когда произошло разделение собственно владычных и софийских владений, насколько полно оно было произведено, трудно сказать. Возможно один из этапов этого разделения относится к концу XIV в., когда церковь св. Софии стала символом городской независимости, а владыка потерял свою роль в управлении городом, оставаясь, вероятно, одним из крупнейших феодалов.

С течением времени роль софийских владений сократилась параллельно падению роли города в социальной и политической жизни земли. Один из этапов постепенного превращения государственных земель собора св. Софии во владычные приходится на конец XV – начало XVI в., когда исчезли остатки городского самоуправления древнего типа, унаследованные от времен независимости, когда церковь св. Софии потеряла все свои государственные функции, а ее печать была сменена новой, употребление которой началось одновременно с введением магдебургского права.

Последний исследователь организации полоцких клирошан Я. Н. Щапов концом XV – началом XVI в., датирует рост их влияния[215]. При этом он ссылается на факт назначения в 1508 г. в рижскую Никольскую церковь попа клирошанина (№ 447).

Предшествовавшие этому драматические события 1499–1502 гг. и неудача хозяйственных начинаний попа Прокопа в Риге, вызванная активно враждебной по отношению к нему политикой архиепископов, заставляют с сомнением отнестись к выводу Я. Н. Щапова. В конце XV в. завязался очень длительный спор архиепископа Луки с крылошанами церкви св. Софии из-за сёл Дольцы, Весницк, Путилковичи. Первый суд имел место 5 июня 1499 г. Противниками Луки выступили войт, бурмистры и радцы. Войт и новые городские власти отняли у владыки эти сёла, которые он назвал «селами и людьми звечными церъковъными». Войт ссылался на волю князя Скиргайлы, который якобы передал эти сёла крылошанам (№ 353). У владыки же не было никаких грамот, удостоверявших права его владения. Крылошане обвинили владыку в том, что он незаконно присвоил себе эта сёла. Весьма возможно, что он действительно не имел никаких документов, ибо, даже тщательно храня свой архив, не смог извлечь из него ни одной грамоты на эти сёла.

Спор относительно этих сёл продолжался несколько лет с переменным успехом. На первом суде чаша весов склонилась на сторону горожан не столько даже из-за отсутствия у владыки письменных документов, сколько из-за общей политики Александра в церковном вопросе. В конце XV в. Александр предпринял попытку если не секуляризации церковных земель, то проверки их прав на землю[216]. Горожане и бояре на этом не успокоились. Они вновь объявили, «што жъ бы тыи люди таки не по*д* владычынымъ прысꙋдомъ были и в прыгонъ николи не хоживали» (№ 380). Александр подтвердил эти три сельца городу особой грамотой, данной боярину Глебу Остафьевичу, лентвойту, бурмистрам и радцам. Полоцким город-

[214] *Щапов Я. Н.* Библиотека Полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 271–272; см. подробнее: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. М., 1880. С. 436–437; *Лотоцький О.* Соборні клироси на Україні та Білій Руси в XV–XVI вв. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 9. Львів, 1896. С. 1–34.
[215] *Щапов Я. Н.* Указ. соч. С. 24.
[216] *Хорошкевич А. Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики. С. 54–55.

ским властям вменялось в обязанность защищать население этих сёл от архиепископа (№ 368, 19 марта 1501 г.).

На сторону архиепископа стал наместник Юрий Пацевич, который произвел расследование и установил, что эти люди были подсудны владыке и «на пригонъ на владычынъ дворъ хоживали за пе*р*вы*х* владыкъ поло*ц*кихъ» в течение всего XV в. В результате этого дознания воевода Юрий Пацевич передал этих людей архиепископу Луке (№ 380, 26 декабря 1502 г.).

Однако и это не положило конца распре владыки с городом. Наместник Станислав Глебович, вновь разбиравший это дело представил грамоты — правую грамоту («лист судовый») Олехны Судимонтовича по делу церковных людей долчан с судиловцами, принадлежавшими великому князю, о подводной повинности. В правой грамоте указано было якобы, «што жъ то з вековъ люди владычыны». В пользу архиепископа свидетельствовал и боярин Сенько Епимах. Владыка же, сообщая, что спорные люди «з вековъ владычины», признал одновременно, что они «крылошано*м* Светое Софеи только дань даивали, а владыце ѡсобнꙋю дань дають». Таким образом, он сам признал факт зависимости, хотя и неполной, дольчан, весничан, путилковлян от крылошан церкви св. Софии. Ссылаясь на грамоту Олехны Судимонтовича и свидетельство Сеньки Епимаха, великий князь передал эти три села архиепископу, даже не оговорив, что жители этих сёл должны платить дань крылошанам св. Софии. Позднее эти сёла остались у владыки, однако 103 дымов «отчичей» весничан, путилковлян и дольчан в середине XVI в. по неделям должны были служить к замковому двору владыки, давая одновременно дань (по 18 пудов меда и 59 шир. грошей) софийским клирошанам[217].

Своей победой, хотя и относительной, над крылошанами св. Софии архиепископ обязан временным поворотом в политике Александра по отношению к православной церкви — поворотом, обусловленным войной с Русью 1500–1503 гг.

Польские короли и великие князья литовские даже тогда, когда они не проводили политику окатоличивания, ни материально, ни морально не поддерживали православную церковь. Более того, Александр в первые же годы своего княжения запретил передачу земель светских феодалов церкви и монастырям. В его жалованных с 1493 г. полностью исчезла формула о свободе передачи светским владельцам своих земель в пользу церкви. Только в конце XV в., перед лицом непосредственной угрозы перехода западнорусских и белорусских земель в состав энергично продвигавшегося на запад Русского государства, Александр, несмотря на очевидную склонность к упрочению католичества[218], был вынужден принять ряд мер по поддержке православной церкви в Смоленске и Полоцке с тем, чтобы она превратилась в опору литовской власти на востоке ВКЛ.

В ответ на введение магдебургского права, с одной стороны, и наступление католичества, с другой, архиепископ настоял на подтверждении так называемого «свитка Ярославля» от 26 декабря 1502 г.[219], составленного, как полагает Я. Н. Щапов[220], еще в первой четверти XV в. (№ 379).

Привилей Александра от 26 декабря 1502 г. закреплял за владыкой церкви — его «наданье» и утверждал границы духовного суда по всем делам, касавшимся священнослужителей. Одновременно с подтверждением «свитка Ярославля» владыке удалось добиться возвраще-

[217] ПР 1552 г. С. 165.

[218] В Полоцке он проводил покровительственную по отношению к ордену бернардинцев политику. В 1498–1506 гг. он передал этому ордену огород св. Троицы, а этой церкви отдал следок Онанькин в Замшанах, который держал перед этим некий Гордей (№ 345). Бернардинский монастырь был воздвигнут на месте огорода монастыря св. Петра около замка, в обмен на это жители села Мосора, принадлежавшего св. Петру, были освобождены от поездок черсвятских наместников на охоту на уток (№ 365).

[219] Устав Ярослава опубликован: ПРП. Вып. 1 / Сост. А.А. Зимин. М., 1952. С. 258–274; ДКУ. С. 85–126. Его западнорусская редакция — так называемой «Свиток Ярославль»: ПРП. Вып. 1. С. 275–276; ДКУ. С. 136–138.

[220] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 231.

ния ему спорных сёл. Используя благоприятную ситуацию, владыка предпринял коренную реконструкцию собора св. Софии: он был перестроен в пятикупольный, вернее, в пятибашенный храм. При этом к местным традициям зодчества добавились и традиции готики, выработавшиеся на сооружении военно-оборонительной архитектуры[221].

Подобно тому как русско-литовская война 1500–1503 гг. способствовала улучшению положения православной церкви в Полоцке, те же результаты имела и следующая, 1512–1522 гг. В 1511 г. Жигимонт дважды выступил на стороне церкви. Он подтвердил Борисоглебскому монастырю землю на Уроде, купленную паном Зеновием у Фёдора Игнатовича и дарованную им церкви (№ 468), второй раз защитил церковных людей Михайловского монастыря. Архимандрит Михайловского монастыря Антоней жаловался, что «княз(ь) Полꙋбенъским ꙋ его людеи ꙋ монастырскихъ у бобровъщизне драпежит(ь) через наши листы». На эту жалобу последовал совершенно необычный для великих князей литовских ответ: Жигимонт I освободил церковных людей от бобровщины, стаций и мостовщины. Несколько необычна и мотивировка выдачи этой привилегии: «абы ѡнъ (архимандрит. — *А. Х.*) нам бол(ь)шеи того не жаловал, дали бы имъ во всем покои конечно» (№ 462, 28 января 1511 г.).

Временным расположением великого князя литовского к православной церкви поспешили воспользоваться и другие церковные феодалы, не отстававшие от архиепископа в изготовлении грамот, якобы подтверждающих их права на те или иные земельные угодья. Так, Борисоглебский монастырь решил доказать свое право собственности на берег реки Бельчицы, где была поставлена монастырская мельница с помощью жалованной несуществовавшего князя Ярослава Изяславича, вероятно, такому же несуществовавшему архимандриту этого монастыря Филарету, датированной 1396 г. и написанной по всем правилам дипломатического искусства 10-х годов XVI в. (№ 33).

По-видимому, великокняжеская бюрократия еще не разбиралась в тонкостях оформления актов, и этот документ приняла на веру так же, как и отредактированный во владычной канцелярии «свиток Ярославль». Эта подложная грамота 10-х гг. XVI в. (скорее всего, 1510–1511 гг.) весьма показательна. Вслед за светскими феодалами церковь также активно включилась в хозяйственную жизнь страны. Если прежде только крупнейшие церковные феодалы участвовали во внешней торговле города (так, церковь св. Софии экспортировала воск в начале XV в. и в 60-х гг. XV в.), то теперь церковь претендовала на право переработки сельскохозяйственных продуктов — вероятно, не только тех, которые были выращены на ее собственных землях.

Таким образом, грамота «Ярослава Изяславича» — первая ласточка того хозяйственного переворота, который переживала церковь в начале XVI в. Хотя характер его иной и масштабы значительно скромнее, этот хозяйственный переворот обнаруживает некоторое сходство с тем, который произошел в жизни русской церкви в середине XIV в. Хотя в Полоцке духовные феодалы почти не участвовали во внутренней колонизации и развитие их хозяйственных начинаний замедляла политика окатоличивания белорусских земель ВКЛ, поворот к активной хозяйственной деятельности полоцких монастырей в начале XVI в. столь же очевиден, как обращение к ней русских в середине XIV в.

Монастырь св. Спаса, находившийся в ведении игуменьи, в середине XVI в. владел с. Яковковичи и Глубоким, в с. Туровье и Наволоком, отдельными людьми в с. Харпиничи, Мосары, Мошники, Нещерде, Тоболки, Захаринича и многими другими[222]. К этому времени он стал одним из крупнейших полоцких духовных феодалов. Однако в актах история его землевладения не отразилась. Игумен Ловожского монастыря св. Николы в 1477–1484 гг. ку-

[221] *Ткачоў М. А.* Замкі Беларусі. С. 62.
[222] ПР 1552 г. С. 167–170.

пил у путного черсвятского человека Тита Дернячина землю Каракевскую, которую, по-видимому, вскоре продал мещанину Матысу Трухаковичу[223].

Более подробные сведения содержит опись 1580 г. о церкви св. Пятницы, основанной полоцкими мещанами «в давних временах». Ей принадлежали с. на Ушачи, в Бездедовичах, на Язне, в Тройдевлянах[224]. О пожалованиях владыки Симеона II (Симеона Новгородца) в первой половине XV в. монастырю св. Николы на Лучне сёл Кугани и над Сосной известно как из описей[225], так и из подлинной грамоты (№ 135).

К середине XVI в. архиепископ располагал гораздо большими владениями, чем можно судить на основании грамот XV — начала XVI в. Около оз. Тростенца за большой дорогой находилось владычное с. Ужлятино, в волости Встеча на оз. Стечи также были владычные сёла, и кроме того, в с. Старом Полоцкого повета располагался владычный храм[226]. В XVII в. архиепископ сохранил свое исключительное положение крупнейшего феодала. Таким образом, из сопоставления сохранившегося комплекса грамот, данных ревизии 1552 г. и описи церковных имуществ 1580 г. можно сделать вывод о том, что грамоты в целом довольно полно отразили процесс складывания церковного землевладения и дают надежный материал для его характеристики. Грамоты неоспоримо свидетельствуют, что, несмотря на наличие различных форм церковного землевладения — архиепископского, церковного и отдельных священнослужителей — в Полоцкой земле XIV и особенно XV – начала XVI в., оно не приобрело сколько-нибудь значительных размеров. Слабость его была характерна не только для Полотчины, но и для других районов Белоруссии, входивших в состав ВКЛ. Следы этого ощущаются вплоть до нынешнего времени. Топонимов, связанных с церковным землевладением, в Белоруссии гораздо меньше, чем в центрально-русских землях. Названий культового и религиозного характера в Белоруссии насчитывается только 0,4%[227].

***

Развитие церковного землевладения очень ярко показывает те особенности социально-экономической жизни Полоцка, которые обязаны своим происхождением влиянию литовской великокняжеской политики. До конца XIV в. полоцкое церковное землевладение развивалось в том же направлении, что и общерусское. Строились новые церкви, получавшие земли от великих князей полоцких и светских феодалов.

В период независимости полоцкие князья щедро раздавали земли православной церкви, пытаясь сделать из той или иной церковной корпорации опору своей политики (прорусская политика Андрея и Семёна выразилась в поддержке церкви св. Троицы, культ которой был широко распространен на Руси). Полоцкий владыка вплоть до начала XV в., подобно владыкам русских городов, участвовал в управлении городом. В середине XV в. произошло временное восстановление его роли.

Тенденция развития церковного землевладения была прервана в конце XIV в. Оно остановилось примерно на уровне, характерном для XIV в. Новые церкви не появлялись, старые располагались в пределах города. Ни церковь, ни епископ практически не участвовали в политической жизни города и земли.

На Руси же в XV в. духовные феодалы продолжали расширять свои владения, активно участвуя в колонизации новых земель, пользуясь постоянной поддержкой великих князей московских, скупая и получая в дар земли мелких феодалов. На северо-западе Руси церковь приобре-

---

[223] Там же. С. 67–68.
[224] ИЮМ. Т. 2. С. 315.
[225] Там же. С. 313; ПР 1552 г. С. 177–178.
[226] Инвентарь недвижимого имущества Полоцкой архиепископии (10 января 1618 г.): Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 9. Акты Виленского земского суда. Вильно, 1878. № 1. С. 3–15.
[227] *Жучкевич В. А.* Происхождение географических названий (топонимика) Белоруссии. Минск, 1961. С. 60.

ла такое влияние, что активно участвовала в политической жизни наряду со светскими феодалами, благодаря чему Псков и Новгород превратились в феодально-клерикальные республики.

В то самое время, когда в центральных и северных русских землях происходил быстрый рост церковных земель[228], на Полотчине церковным организациям приходилось с трудом отстаивать свои владения от посягательств литовской великокняжеской власти. Кроме того, позиции церкви подрывались антагонизмом владыки и города, принимавшим форму антагонизма различных церковных корпораций — архиепископа и клирошан Софийского собора.

История церковного землевладения отразила общие особенности развития социально-экономической жизни — медленное развитие феодальных отношений, незавершенность процесса феодализации, характерную для многих стран Северной и Восточной Европы. В замедленном росте церковного землевладения нашел свое отражение факт прочной связи непосредственных производителей с землей, которую они некогда держали на аллодиальном праве. Слабый рост крупного привилегированного землевладения, вытеснявшего в Центральной Руси по преимуществу средних и малых владельцев[229], в Полоцке способствовал сохранению этих мелких владений.

§ 5. Данные грамот о боярском землевладении

Полоцкая земля отличалась ранним формированием боярства. М. В. Довнар-Запольский писал, что русское боярство ВКЛ, в том числе и полоцкое, занимало выдающееся место в общественном строе, обладало признаками социальной организации и стремилось играть преобладающую роль в государстве, вызывая оппозицию «демократических» низов[230].

В XIV в. бояре входили в состав совета при Андрее Ольгердовиче. Ленная грамота этого князя Ливонскому отделению Тевтонского ордена 1385 г. упоминает Фёдора Корсака (№ 13), члена совета при князе, первого из династии Корсаков, игравшей выдающуюся роль в истории Полоцка. Грамоты называют его первым землевладельцем из числа бояр. Ему и его сыну Дмитрию Корсаку кн. Андрей передал с. Семенцово на Березвячи (невдалеке от р. Дисны, № 11).

Возможно, что к боярам принадлежал некий Андрей Данильевич, владелец «отчины и дедины» — села на Просмужке, в 2 км к востоку от Полоцка (№ 4). Еще шире были владения у Ивана Никоновича Дементьева, также, впрочем, не названного боярином. Его имение включало в себя пашные земли, пожни и луг в окрестностях Полоцка, а также огород в старом городе (№ 5). Некий Терех Непоротович либо в период княжения Витовта, либо в предшествующее время владел сельцом Скоморошичи на Коровойне. Он «поступи*л*ся» этим сельцом Витовту, который пожаловал его Фёдору Сущову (№ 378). Социальная принадлежность Тереха Непоротовича неизвестна. Не исключено, что он или его отец в качестве держателя или владетеля дали имя Непоротовской волости в северо-восточной части Полоцкой земли. Это предположение также подтверждается тем, что многие населенные пункты в XV в. получали название от имени их первого владельца.

Насколько было развито боярское землевладение в период независимости Полоцка, все или только некоторые бояре были владельцами земли — трудно сказать. Нельзя ответить и на вопрос о том, произошла ли ломка боярского землевладения в период присоединения Полоцка к ВКЛ.

Все грамоты о землевладении XV в., за исключением церковного, отражают реалии не ранее времени правления Витовта. Подтвердительные грамоты Казимира и Александра не упоминают в качестве давних держателей земли никого кроме отцов и дедов. Бояре конца XV – начала XVI в. должны были служить, как «отцы и деды их служивали». Срок землевла-

---

[228] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М., 1966. С. 94; *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение. С. 227–236.
[229] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история. С. 94.
[230] *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство. С. 62.

дения бояр конца XV — начала XVI в. исчисляется только жизнью двух поколений[231]. Боярское землевладение XV–XVI вв. восходит, таким образом, только к концу XIV – началу XV в., т. е. ко времени княжения Витовта. Прежние бояре либо сами покинули Полоцк в период коренной ломки политического строя, либо вынуждены были расстаться со своими землями под давлением новой власти. Терех Непоротович «поступился» своей землей Витовту, который пожаловал ее Фёдору Сущову (№ 378), Андрей Данильевич и Иван Никонович Дементьев накануне потери Полоцком независимости передали ее в монастыри.

Еще одно возможное объяснение происходивших событий состоит в том, что массовое оседание бояр на землю началось лишь при Витовте, а до этого члены великокняжеской администрации получали вознаграждение из рук князя, подобно тому, как это было на Руси в период Древнерусского государства. Скудость сведений не дает права принять в качестве окончательной ту или иную гипотезу, но по аналогии с Русью и другими землями, входившими в состав ВКЛ, можно предположить, что боярское землевладение до конца XIV в. находилось в зачаточном состоянии.

Ко времени княжения Витовта большинство исследователей относит возникновение фольварочной системы[232] в ВКЛ. Впрочем, исследователи подчеркивали небольшие размеры дворов и небольшое количество челяди, обслуживавшей феодала[233]. По-видимому, при Витовте боярские имения в Полоцке появлялись крайне редко.

Не сохранилось никаких сведений и о землевладении наместников начала XV в. В одной из грамот начала XV в. указаны имена пяти наместников — Довмонта, Овдошки, Толстоусовича, Терешки Константиновича, Александра Любьинича и Василия Дмитриевича (№ 30). По контексту грамоты следует предполагать, что все упомянутые люди были боярами. Неизвестны ни их наследники[234], ни их земли. Чем это объясняется? Случайное исчезновение документов о землях пяти человек, если они принадлежали к знати, маловероятно. Можно думать, что они происходили не из Полоцка. Действительно, великие князья литовские часто присылали наместников из соседних русских земель, но, как правило, только одного. В данном случае список из 5 человек делает высказанное предположение сомнительным — более вероятны две другие гипотезы. Первая — что эти бояре еще не имели земель, получая достаточно доходов от своих должностей[235]. Вторая — что они принадлежали к тем боярам, которые потеряли земли при Витовте или в ходе феодальной войны 30-х гг. Что больше соответствует истине — трудно сказать.

Скудость сведений о боярском землевладении даже времени княжения Витовта, то есть рубежа XIV–XV вв. и первой трети XV в., заставляет предполагать, что главным источником доходов бояр в это время еще не стала земельная собственность, они получали значительные доходы от держаний. Факт держания волостей давно отмечен в литературе. М. В. Довнар-Запольский писал, что в руках местного боярства сосредоточивалось держание отдельных волостей или городков[236]. Случайным осколком широко распространенной системы держаний остался пересказ грамоты великого князя Витовта, данной предку бояр Бириболдичей, «што

---

[231] Этот факт В. Каменецкий объяснил отсутствием до этого времени всяких родственных уз (*Kamieniecki W.* Społeczeństwo litewskie. S. 71) что находится в противоречии с существованием боярских родов в Литве в XIII в. и на украинских землях ВКЛ в XIV в.

[232] Точнее было бы говорить не о фольварках, где организатором сельского хозяйства выступал феодал, но о появлении боярских имений, носивших в начале XV в. еще потребительский характер.

[233] *Łowmiański H.* Studia nad dziejami. S. 149–152.

[234] Если не считать сыном Терешки Константиновича Ивашку Терешковича, мещанина середины XV в., участвовавшего во внешней торговле Полоцка (№ 239).

[235] На роль подобных источников средств для покупки земли обратил внимание В. Л. Янин. См.: *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

[236] *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство. С. 33.

праде*д* ихъ Михалько де*р*жалъ ѡ*т* его милости воло*ст*(ь) Поло*ц*кого повета на *и*мѧ Моро*д*но» (№ 25). Позднее при Казимире в 1447–1463 гг. их дед Сурвило «кѹницы ва*р*ны*и*… выбиралъ» и «ключъ медовы*и* де*р*жалъ». Наконец, в 1463–1476 гг. Сурвиле с его братом Ивашкой после дознания наместника Олехны Судимонтовича о том, «ижъ го*д*но имъ то*т* вр*ѧд* де*р*жати, казалъ (Олехно Судимонтович. — *А. Х.*) имъ тотъ ключъ заведати два годы после Сенька Яцъкевича Епимаховича» (№ 93, 94). Еще более краткая запись в книге данин Казимира 40-х и 50-х гг. XV в. характеризует держание Себежа: «А Ходорѹ волость Собе*ж* после Ва*л*фромеѧ» (№ 80).

Неизвестно, как широко была распространена система держаний, все ли волости раздавались или нет. Что касается Себежа, то это сравнительно новое присоединение к Полоцкой земле, которое могло находиться в исключительных условиях. В конце XV в. в боярском держании оставалась, по-видимому, Дрисецкая волостка (№ 354). Три волости, которые ранее, так же как и другие, могли держать по годам бояре: Голомысл, Домники и Освейскую — «выслужил» Станислав Глебович в княжение или Александра или Жигимонта I[237]. Таким образом, на протяжении всего XV в. существовала система держаний или кормлений.

В XV в. держания были двух видов. Первое — это держание волостей на определенный срок, по-видимому, на два года в середине века, на один — в конце[238]. Боярин, получавший волость, судил и рядил ее население. Второе — это «держание» должности, уряд. Известен «медовый ключ», вероятно, был и бобровый. В обязанности боярина, державшего ключ, входил сбор медовой и бобровой дани. И тот и другой вид держаний весьма близки к тем, которые существовали в средневековой Руси XI–XV вв.[239] Система кормов, известная в Древней Руси, в конце XV — начале XVI в. повсеместно отмирала[240]. Пережитком ее в Новгородской земле была обязанность крестьянского населения давать корм черноборцам и судьям во время их пребывания в Обонежье, а также князю во время его переездов по Новгородской земле[241]. В Новгороде вплоть до конца XV в. существовали и наместничьи, и владычные, и монастырские кормленские волостки.

К сожалению, нельзя установить всех бояр, получавших тот или иной «ключ», тот или иной уряд. Однако даже по крупицам сведений о системе кормлений ясно, что все представители крупнейших боярских родов в XV в. принимали участие в управлении Полоцкой землей. Это и Сенька Яцкович Епимахович, и Ходор Радкович, и Василий Дмитриевич Корсак, наместник и наместник наместника, и некий Варфоломей. Наряду с ними «уряды» держали и представители захиревших к концу XV в. родов (Бириболдичи — № Держание волостей и урядов способствовало накоплению крупных денежных средств в руках знати Полоцка. Дополнительным источником накопления средств была внешняя торговля. Сведения об участии бояр во внешней торговле известны уже с начала XV в. В списке должников рижанина Людеке Сварте, имевшего, по-видимому, какое-то отношение к деятельности товарищества Фекингузенов, значится: «Item her Juryan Fedeler to Plotzkow 12 mark

---

237 *Малиновский И. А.* Сборник. С. 324. См. также: ПР 1552 г. С. 11.

238 На Руси в XVI в. земли раздавалась в кормление на 1 год, этот срок удлинялся крайне редко, максимум на ½ — 1 год (*Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение. С. 275).

239 *Черепнин Л. В.* Русь. С. 152, 161–162; *Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // Древнерусское государство. С. 52–53; *Зимин А. А.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // Исторический архив. 1960. № 3. С. 143–150; *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957; *Флоря Б. Н.* Кормленые грамоты XV–XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 109–126.

240 *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение. С. 274–280.

241 *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 66–67. Относительно XIII–XIV вв. Л. В. Черепнин пишет: «Корм — это хлебное довольствие, доставляемое крестьянам слугам феодала, его хозяйственным и судебным агентам, а также обязанность кормить их коней»: *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 233.

unde I ferd.»[242]. Юрий Фёдоров или Юрий Фёдорович несомненно принадлежал к городской верхушке, на что указывает титул «господина», который в рижских и любекских документах этого времени применялся лишь по отношению к членам городского совета. Юрий Фёдорович мог быть сыном Фёдора Корсака, члена боярской думы великого князя Андрея Ольгердовича.

В 60-70-е гг. XV в. боярство занимает ведущее место во внешней торговле, оттесняя мещан, концентрировавших ранее эту отрасль хозяйства в своих руках. Крупнейшие боярские роды — Корсаки и Селявы — поставляли в Ригу главные экспортные товары — лес, золу (№ 194, 240). Не меньшим спросом пользовались продукты сельского хозяйства, производимые в боярских владениях (№ 354).

Держание волостей и урядов, с одной стороны, и участие во внешней торговле, с другой, дало возможность боярам быстро расширить свои земли в середине XV века за счет покупок. Не исключено, что в отдельных случаях держания волости, как и на Руси[243], сами превращались в феодальную собственность.

В Полоцкой земле лишь в 40-е гг. XV в. с некоторым опозданием сравнительно с другими районами ВКЛ начинается тяга боярства к приобретению земли, которая в 50–60-е гг. становится очень сильной. Их земли быстро заселяются: на месте одного селения появляются два, а иногда и три, они заводят собственные «дворы», после чего их «имения» начинают жить барщинным трудом «пригонных» и тяглых людей. Они лихорадочно скупают земли у мешан, присваивают земли путных людей, опираясь на безотказную поддержку верховной власти. История боярских родов второй половины XV в.[244] — это история расширения их земельных владений и коренной перестройки хозяйства.

В литературе долго шел спор о том, была ли боярская собственность индивидуальной или нет. В. Каменецкий называл боярскую родовую общность (т. е. то, что позднее М. О. Косвеном было названо патронимией) ни на чем не основанным мифом[245]. Противоположный взгляд представлен в польской науке Х. Ловмяньским[246], Ю. Бардахом[247], в советской — С. Б. Веселовским[248]. Ю. Бардах четко определил разницу боярской патронимии и общины сябров, потужников и поплечников. Боярская патронимия, опираясь на узы кровного родства, не требовала общности владения и хозяйства. В самой патронимии мог существовать целый ряд общин.

Происхождение боярской родовой собственности также было предметом бурной полемики. Некоторые авторы возводили ее к древней славянской родовой организации[249]. В современной же литературе считается, что боярская патронимия — явление средневекового общества[250]. Это мнение подтверждается процессом образования родовых имен до XV в. Основа-

---

[242] *Stieda W.* Hildebrand Veckinchusen. Leipzig, 1921. № 428 (без даты). По-видимому, это упоминание относится к 1407 г., когда товарищество сбывало в Полоцк соль и сукна.

[243] Факт перерастания кормлений в поместье в XIV–XV вв. отметил А. А. Зимин. См.: *Зимин А. А.* Рец.: А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960 // История СССР. 1962. № 4. С. 173.

[244] Генеалогия полоцких бояр привлекала некоторое внимание в XIX в. См.: *Пташицкий С. Л.* Деспоты Зеновичи // Русская старина. 1878. С. 78–81; *Idem.* Z dziejów starego rodu // Charitas. Księga zbiorowa, wydana na rzecz Rz.-K. Towarzystwa dobroczynności przy kościele św. Katarzyny w Petersburgu. Petersburg, 1894. S. 503–509; *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkiém Księstwie Litewskiém w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego (1386–1795). Kraków, 1885.

[245] *Kamieniecki W.* Społeczeństwo litewskie. S. 71; *Dąbkowski P.* Dobra rodowe.

[246] *Łowmiański H.* Z zagadnień spornych społeczeństwa litewskiego w wiekach średnich // PH. T. XI (1949–1950). № 1. S. 120.

[247] *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego księstwa Litewskiego XIV–XVI wieku. Warszawa, 1970. S. 128.

[248] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение. С. 21 и далее.

[249] *Tymienicki K.* W sprawie powstania szlachectwa w Polsce // Miesięcznik heraldyczny. Warszawa, 1934. T. XIII. S. 72.

[250] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 21–22 и далее.

тель династии передает свое имя всей семье, а также земле или основанному им селу[251], иногда, впрочем, получая это имя от населенного пункта[252].

Основоположниками боярских родов грамоты называют отдельных лиц: пожалования начала XV в. предоставлялись боярам поодиночке, а не группами[253].

Обратимся к роду, из которого вышел Сурвило. Его можно представить так:

20–30-е гг. XV в.	Михалко
60–70-е гг.	Сурвило, Ивашко
Конец XV в.	Богдан, Хришч, Тишко Ракуса, Ососко, их братья Бириболдиничи Васко, Микула, Остафий, Редко, Юшко[254]

Только в 60-е гг. Сурвило, если правильно отождествление двух полных тезок Григория Сурвиловича и Гриньки Сурвиловича, стал землевладельцем. Его земли были в 60-е гг. подтверждены сыну: «Гринъку Сурвиловичу Островъ, люд[и] его, отчина его, что за Игнатомъ Юражичомъ было»[255].

Рядом с Сурвиловичами имели свои земли Ракусы — Бириболдиничи. В 30-е гг. XVI в. Ракуса и Бириболдиничи считались боярами. Боярыней называли Настасью Ракусиную, просто «подданным господарским» Василия Ракусу[256]. Свидетелями сделки Кунцы Евлашковича Козчича и Федьки Григорьевича в 1493 г. названы Римко Ивашков сын Бириболдинич и его брат Иван (№ 316). Земли Бириболдичей находились в районе Ушачи, а их родственники Василий и Иван Богдановичи Ракусы владели «имен[ь]ем отчызным на Погосте»[257].

Некий Григорий Пашкович получил от Казимира в 1447–1458 гг. пустое сельцо на Ладосне. Его правнуки сохранили свои владения на Ладосне вплоть до 1537 г. Семён Борисович в это время был дворянином (№ 116), а его брат Василий назван просто «подданым господарским полоцким... з Ладосна»[258].

20–30-е гг. XV в.	Пашко
Сер. XV в.	Григорий
Конец XV в.	Яков, Митько
Начало XVI в.	Борис
1537 г.	Семён, Василий

Одним из древнейших боярских родов был род Полупятиничей

До 1447–1458 гг.	Михаил
50–60-е гг. XV в.	Иванко, Леонид
конец XV в. — начало XVI в.	Пётр, Ивашко

Ивану Полупяте и его брату Леониду в середине XV в. принадлежали земли в Суши и Ухвище, которые они продали Зеновию Сущову и его сыну Артему Буцкову Тулубею (№ 378).

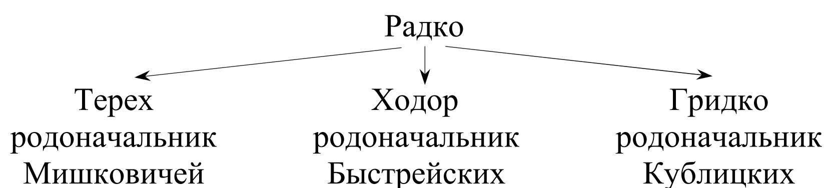
Иван Михайлович Полупята в 1447–1458 гг. передал монастырю Иоанна Предтечи на Острове сеножатку Железковскую около Савина ручья между Воронечской и Бобыницкой

[251] *Górnowicz H.* Studia nad rodowymi nazwami miejscowymi w języku polskim na tle innych języków słowiańskich. Gdańsk, 1968. S. 54–59, 87, 98–99.
[252] *Кобрин В. Б.* Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV–XVI вв.) // История и генеалогия. М., 1970. С. 102–111; *Taszycki W.* Rozprawy i studia polonistyczne. T. 1. Onomastyka. Wrocław; Kraków, 1958.
[253] Иная практика существовала на собственно литовской территории.
[254] Даже в XVI в. наследники Сурвилы оставались состоятельными людьми: БА. Т. 2. № 359. С. 256 (30 мая 1535 г.).
[255] РИБ. Т. 27. Стб. 122.
[256] БА. Т. 2. № 278, 374. С. 200–201, 264.
[257] ПР 1552 г. С. 143.
[258] БА. Т. 2. № 242. С. 173 (23 июня 1533 г.).

дорогами (№ 123). Сыновья Ивана Михайловича Петрашко и Ивашко до 5 апреля 1497 г. продали землю и сеножати на Просмужице возле города великокняжескому писарю Федьке Григорьевичу (№ 341). В XVI в. они породнились с Ловейковичами, которые в 1533 г. названы «шурьей» Ивана Полупяты[259]. Вплоть до конца XVII в. шляхтичи Полупяты владели своими землями на Двине. В описании придвинских земель 1701 г., составленном Максимом Цызыревым, владения Полупят помещены на правой стороне р. Двины выше города у с. Острова[260].

Во владениях Полупят существовала церковь Николы[261]. Скорее всего, это был родовой храм Полупятиничей. О политической карьере представителей этого рода в XV в. ничего не известно. Лишь в 30-е годы XVI в. Иван Полупята принимал участие в разрешении спорных земельных дел вместе с другими старшими боярами.

В 30–40-х годах XV в. в Полоцке жили три брата Терех, Ходор, Гридко Радковичи, возможно, потомки выходца из западно-славянских земель, скорее всего из Чехии. Род Радковичей к концу XV — началу XVI в. разделился на три ветви: Быстрейских, Мишковичей, Кублицких.

Терех Радкович был основателем рода Мишковичей. Еще при Витовте полученное Терехом Радковичем с. Петрово было подтверждено его наследникам Казимиром и затем Александром.

Неясно, кому из великих князей принадлежит освобождение с. Петрова от различных повинностей. По-видимому, это было сделано еще до Александра, т. к. речь идет об освобождении села от въезда бобровничих и бирчих, а также от обязанности давать подводы. «А наместник наш, напотом будущие, также бобровничие и всякие бирчие наши никакого дела до них имети и с листами в подводы и сами они людеи и... посылати не мают». 5 мая 1501 г. Александр подтвердил это село Вальке Федковичу и Гришке Исаковичу Мишковичам, которые должны «з нами, господаром, службу военную služыти, как отцы и деды их служывали». Поскольку наместник Станислав Глебович не признавал Мишковичей боярами, «великие крывды и утиски делает(ь) и тую отчызну их отымает(ь)», Александр в своей жалованной грамоте подчеркнул обратное — боярские права Мишковичей (№ 375). В 1538 г. Василий Мишкович (вероятно тот же самый, что Василий Федкович Мишкович грамоты 1501 г.) был владельцем с. Хотьевичей[262]. Род Мишковичей в XVI в. постепенно хирел. Об этом можно судить и по родственным связям этого рода. Одна из Мишковичей — Ганка, дочь Мавры, в 1531 г. была замужем за «служебником боярына г[оспо]д[а]ръского Полоцъкого» Логвином[263].

В источниках середины XV в. фигурируют Ходор и Ходор Радкович. Ходор получил от Казимира право гнать бобров на р. Наче, вплоть до Лежневцев (№ 80). По-видимому, берега р. Начи принадлежали ему до 1440–1455 гг. Однако населенного пункта еще не существовало. Иначе он был бы упомянут в грамоте. Село, возникшее в среднем течении р. Начи, получило название Ходорова и просуществовало до начала XX в. Боярин Ходор Радкович в 1447–1458 гг. по поручению наместника Андрея Саковича рассматривал границы владений Евлашки Козчича и Александра Оскерчинича (№ 121).

---

[259] БА. Т. 2. № 150. С. 114–115 (3 марта 1533 г.).
[260] *Токмаков И. Ф.* Указ. соч. С. 11.
[261] БА. Т. 2. С. 179, 180, 188, 202, 204, 205, 218, 226, 227, 251.
[262] БА. № 412. С. 290 (1538 г.).
[263] Там же. № 63. С. 43 (27 января 1531 г.).

Его сын Яцко Ходорович вместе с отцом в 1442 г. получил 8 человек в Быстрейской волости и Милковскую и Кобейковскую земли. Яцко Ходорович присутствовал на суде по делу Евлашки Козчича и Александра Оскерчинича (№ 80, 121). Внуки Яцко Василий (до 1533 г.) (о пожаловании ему см. № 479), Яцко и Дмитрий Богдановичи приняли фамилию Быстрейских от волости Быстрея, где были расположены их земли.

Третья ветвь рода Радковичей восходит к Гринке Радковичу, брату Тереха и Ходора Радковичей.

Известны следующие представители этого рода:

40–е гг. XV в.	Гридко (Гринко)
60–80-е гг. XV в.	Яцко, Сенко (№ 321)
Конец XV в.	Богдан, Иван, Василий, Богдан, Гаврило (№ 318)
Начало XVI в.	Яцко, Михаил, Василий (№ 481)

Младшее поколение Сеньковичей Радковичей было, по-видимому, в родстве с Сапегами. Сын Сеньки Григорьевича, Ивашко Сенкович, был дядей Семёна Богдановича Сапеги.

Пан Сенько принадлежал к знати и в качестве старшего боярина присутствовал на суде по делу Евлашки Козчича и Александра Оскерчинича (№ 121). 11 июля 1466 г. он выехал с весьма ответственным посольством в Ригу и в верительной грамоте был назван так: «шлѧхотныи му*ж* па*н* Сенько Григорьеви*ч* полоцкии» (№ 181). Любопытно смешение терминов, восходящих к местной традиции («муж») с новыми заимствованиями из польского языка («шляхотный», «пан»). В 1478 г. с посольством, целью которого было урегулирование рижско-полоцкого конфликта из-за убытков полоцким «кормникам», затянувшегося на 12 лет, снова поехал Сенько Григорьевич, названный «ѡ*т* бояръ брат свои пан» (№ 225). Сенько Григорьевич Радкович пользовался благорасположением Казимира. В книге данин 1488 г. записаны пожалования и ему и его сыновьям. Сам Сенько Григорьевич должен был получить 12 руб. «з винъ въ Полоцъкѹ» от наместника Яна Заберезинского и 6 возов соли «с ключа берасте*и*ского», а сыновья Михаил и Якуб — и деньги, и сукно, и коней (№ 268). Сыновья его продолжили отцовские традиции. Ивашко Сенкович значительно умножил доставшиеся ему владения. Он купил землю на Осесне у восьми человек Осташковичей. Его невестка, жена его брата князя Богдана Сенковича, купила там же соседнюю землю у 6 человек — сыновей Ивана Максимовича (№ 395). Другой сын Сеньки Григорьевича Михаил Сенькович получил пожалование от Казимира «4 рѹбли гроше*и* з вины ѹ пана Яна Заберезинъского» (№ 263). Третий из сыновей Сеньки Григорьевича Яцко Сенкович 19 августа 1511 г. получил четыре службы людей путных на Могильне и пригонных людей Лугинцев (№ 328). Это владение сохранилось в роде Сенковичей до 1533 г.[264]

Крупнейшим боярским родом Полоцка был род Корсаков. Основателем этого рода был Фёдор, член боярского совета при Андрее. К сожалению, о его сыне Дмитрии Корсаке, деятельность которого должна приходиться на начало XV в., ничего не известно. Внук Фёдора Корсака Василий Дмитриевич был крупным политическим деятелем 30–50-х гг. XV в. Он имел двух сыновей Остафия и Зеновия, по-видимому, старшим был Остафий. Они появляются на политической арене Полоцка в 70–80-е гг. В конце 80-х гг. Остафия сменяют его сыновья Глеб и Богдан, а в начале XVI в. известно о сыновьях Глеба Остафьевича Иване и Василии. Гораздо больше наследников было у Зеновия. Это Иван, Михаил, Степан, Андрей и Юрий, иные из которых умерли уже в 90-х гг. XV в., а другие дожили до начала XVI в.

О землевладении этого широко разветвленного и крайне активного рода известно с конца XIV в., когда Фёдор и Дмитрий Корсаки получили с. Семенцово, около р. Дисны (№ 11).

[264] БА. Т. 2. № 161. С. 123–124 (27 марта 1533 г.).

Нельзя даже сказать, где находилось так называемое родовое гнезде Корсаков. Хотя на карте Полоцкой земли существует несколько топонимов, восходящих к их фамилии — Корсаки, древность этих топонимов доказать довольно трудно. Первое пожалование Казимира Василию Корсаку относится к 1440–1447 гг. Согласно ему Василий получил 6 человек данников, которые обязаны ему данью в 30 пудов меда (№ 78). Тогда же Остафий Васильевич получил 6 данников (№ 77). В жалованной грамоте Остафию точнее указано местожительство данников — Псуя (село в юго-западной части Полоцкой земли при озере того же названия).

О владении старшей ветви Корсаков известно крайне мало. Остафий Васильевич в 1470 г. жил на Славне (Словне), откуда он и обратился с просьбой о содействии его слуге Ивану Похистке к рижскому бургомистру Иоганну Шёнингу (№ 192). Время приобретения этого села в грамотах не указано. В 70–80-е гг. у него же уже было Марково — село, которое в течение 9 лет держал его слуга Проселок (№ 338, 346)[265]. 22 апреля 1475 г. Остафий Васильевич получил от Казимира путного человека Мякала на оз. Язно. В жалованной было уточнено, что во владение Остафия передается Мякало, который «*з* сы*н*ми своими не дели*л*сѧ» (№ 210) — то есть целая семья. Те же сведения о владениях Остафия, за исключением Маркова, сообщает и ревизия 1552 г.[266]

Глеб и Богдан Остафьевичи унаследовали от отца людей на Островне и землю Фалеевщину, на которой сидели Мартин и Проселок. Из-за того, кому должны были служить Мартинец, Федков сын, и Проселок, а также того, на каких условиях могли они пользоваться землей Остафия Корсака, потом возникло судное дело. Богдан и Глеб Остафьевичи в 1499 г. были ответственными за строительство одной городни в Полоцке (№ 359). Александр дал Глебу Остафьевичу человека на Горках Селивестра с пятью братьями, «с которы*х* же люде*и* идеть чотыри слу*ж*бы», ему же Александр пожаловал Мочажи с 17 человеками «со всими ихъ землями» и «тры пѹстовъщины» (№ 427). Позднее, в 1507 г., когда Глеба, вероятно, уже не было в живых, пани Глебовая (№ 420), а в 1508 г. их дети Иван и Василий получили жалованную подтвердительную на те же Горки и Мочажи (№ 427). Богдан Остафьевич, судя по ревизии 1552 г., имел двор на Славне с селами, тянувшими к нему — Гомье, Ножчыничи, Залесье, двор на Язне с церковью св. Спаса и с с. Островно, двор Плисо с церковью св. Пятницы, с. Березвяче с церковью св. Михаила, и, наконец, двор Ластовицу на «московском рубеже»[267].

Несколько больше известно о землевладении младшей ветви Корсаковичей. Зеновий Васильевич имел земли на Сущи, которые он продал Зеновию Буцко Сущевичу и его сыну Артему Буцкову Сущевичу (№ 378). К 1552 г. у Зеновия Васильевича Корсака были сёла Бобыничи, Селище, Дисна, Заселье[268]. Помимо земель в Полоцкой волости Зеновей имел владения и в других волостях. Он оставил своей дочери Настасье три имения — Узду, Гатово и Закревье в Минском повете (№ 317). После ее выхода замуж за двоюродного брата, Глеба Остафьевича, последний «держал» эти имения.

Старшими среди сыновей Зеновия Корсака были Михаил и Иван. Именно они названы ответственными за строительство одной городни в Полоцком замке (№ 359). Продолжая традицию деда, они приобретали владения в других землях. Так, Михаил Зеновьевич, женатый на родной сестре пана Богдана Милошевича, просил у Александра имение Озерницу, которое отец Богдана обменял на его собственное имение[269].

В начале XVI в. Иван Зеновьевич расширил свои земли не только покупкой, но и с помощью великокняжеских пожалований. Ряд земель в Себежском и Полоцком поветах, а также с. Санники дал ему Александр (№ 382, 423). Сёла Виховичи и на Вели были оставлены Ива-

---

[265] БА. Т. 2. № 160. С. 120 (16 марта 1533 г.).
[266] ПР 1552 г. С. 77, 79.
[267] ПР 1552 г. С. 74, 77–79.
[268] Там же. С. 79–84, 90.
[269] ПГ. Вып. 2. № 251. С. 188–189. В настоящее издание грамота не включена (см. введение: Т. 1. С. 00).

ном Корсаком Глебу и Фёдору, а с. Росоно передано одному Фёдору[270]. Еще более значительны приобретения, сделанные Иваном Зеновьевичем с помощью покупки в конце XV — начале XVI в. В княжение Александра он купил треть Юховицкой земли у путных людей (№ 423), здесь же, в Юховичах, он купил пашные, бортные земли и сеножати у Ходора и Игната Кузьминых, Матвея и Дмитрия Гавриловича, Тимофея, Овдея, Гридка Орехвиных детей Ходотовича, Мокея Гавриловича и его сыновей Кузьмы и Селивестра, у Микиты и Окатья Новошича и Костюшки Волфромеевича (последний, вероятно, был боярином). У того же Костюшки Волфромеевича он купил по половине следов Мартиновщины и Васковщины в Захарьиничах, которые тот сам недавно купил (№ 423).

Сам Иван Зеновьевич в начале XVI в. держал часть имений Оболь и Зерчиничи, принадлежавших его покойному брату Степану. Эти земли ему подтвердил Александр. Однако Ивану Зеновьевичу всего этого было мало. Он претендовал еще на имение Плино, которое вместо ее растраченного вена отдал своей бывшей жене, дочке Епимаха, его брат Степан. Михаил Зеновьевич выкупил у нее это имение и держал его один. В 1509 г. Иван Зеновьевич, в то время красносельский наместник, потребовал и части имения Плина. Великокняжеский приговор был таков, что Иван должен внести свою долю выкупа за имение Плино, а после этого разделить все бывшие владения Степана, в том числе и с. Плино, на равные части (№ 441). Позднее с. Плино оказалось в руках сына Ивана — Богдана.

Иван Зеновьевич сохранил все владения, приобретенные им в княжение Александра. У его сына Ивана к середине XVI в. оказались: с. Псуя, одну часть которого он отдал Баркулабу Ивановичу, другую — Глебу, который, в свою очередь, передал ее своим сыновьям Яцу и Остафию (№ 442)[271]; Залесье; часть Бобыничей с селами Давыдковичи и Плина, а также с. Санники, пожалованное ему князем Александром, с. Голубичи, Туросо, сёла на Оболи, в Горанах Виховичи и Вели, полученные от Александра, с. Росоно[272].

Значительно меньшие пожалования, чем Иван Зеновьевич, получил его брат Михаил. Это с. Заселье и земли Кондратовщина, Ваколовщина и Териконщина где-то в районе Славна, оставшиеся в наследство Ивану Михайловичу Корсакову, с. Дерновичи, ставшее собственностью Михаила Корсака[273]. Михаилу Зеновьевичу досталось и имение Озерница[274].

Имения Дерновичи на Туросе, Бобыничи и Селище оставались во владениях Ивана и Василия Зеновьевичей Корсаков-Бобыницких вплоть до 1550 г.

Известны и три поколения бояр Епимпхов. Сенько Яцкевич Епимахович в 1463–1476 гг. периодически держал медовый ключ в Полоцке (№ 154). При наместнике Богдане Андреевиче в 1477–1484 гг. он — «боярин г(о)*с*(по)д(а)ря нашого короля его м(и)л(о)*с*ти», посол в Ригу (№ 223). В 1494 г. он вместе с Заберезинским, его сыном Станиславом Яновичем, двумя Корсаковичами входил в состав литовского посольства, приезжавшего в Москву за княжной Еленой Ивановной[275]. Сенько Епимах, находившийся, по-видимому, уже в почтенном возрасте, в 1484 г. получил пожалование на право рыбной ловли на р. Белейке от Листна до Белого оз. (№ 255). Он владел землею на Полоте в районе оз. Логова[276].

Сын Сеньки Пётр Семёнович Епимах исправно, «статку и гарла своего не лютуючи», служил новому великому князю и королю польскому, защищая прежние пределы ВКЛ. Весной 1502 г. «пан Петраш Епимаховичь» возглавлял поход на волость Пуповичи[277]. В декабре

---

[270] ПР 1552 г. С. 96, 97, 90 (1501–1506 гг.).
[271] ПР 1552 г. С. 96.
[272] Там же. С. 86, 87, 90, 93–102.
[273] Там же. С. 81–82, 86 (1501–1506 гг.).
[274] ПГ. Вып. 2. № 251. С. 188–189.
[275] Сб. РИО. Т. 35. Стб. 160. Ср.: *Хорошкевич А. Л.* Из истории дворцового делопроизводства конца XV века. Опись приданого великой княжны Елена Ивановны 1495 г. // Советские архивы. 1984. № 5. С. 29–34.
[276] БА. Т. 2. № 304. С. 219 (19 октября 1533 г.).
[277] ПСРЛ. Т. 28. С. 335–336.

1503 г. Пётр Епимах ездил с посольством в Москву[278]. За верную службу Александр передал ему земли мещан Теличиничей (№ 411), а Жигимонт подтвердил ему владение Тоболчиничами и Теличиничами (№ 478), а в 1515 г. дал 15 служб в Угольницком стане.

За время войн с Россией первой четверти XVI в. много земель Епимахов вышло из состава ВКЛ. Поэтому в ревизии 1552 г. у Епимахов (Андрея, Богдана Андреевича, Войны Петровича и др.) записаны только двор Усвие, двор на Славне, имение Ветрино и с. Оболье, а также целый ряд мелких владений — на Ушачи, в Санниках и др. С. Тоболки унаследовал Война Петрович. Вероятно, к XV в. восходят владения Епимахов на Якиманском посаде в Полоцке, где в середине XVI в. «сидело» 12 мещан[279].

Отец Андрея Селявы, вероятно, по имени Микита (в грамоте от 30 марта 1487 г. Ян Юрьевич пишет о посольствах в Ригу боярина Андрея Микитинича — № 267[280]) в 1440–1447 гг. получил от Казимира людей сельчан (№ 342). Андрей Селява около 1473 г. приставлял полоцкие интересы в Риге (№ 203). Его вдова Опреня и дети Андрей, Иван, Василий и Юхно в 1497 г. потребовали у Александра подтверждения на людей сельчан (№ 342). В середине XVI в. двор Веденичи, построенный отцом Андрея Селявы, поделили Иван, Богдан и Василий Андреевичи Селявы. По московским писцовым книгам 70-х гг. XVI в. волость Веденичи (Виденичи) записана за Иваном, Богданом и Василием Селявами[281]. Во владениях первого из них находилась церковь Ильи Пророка. Когда Иван, Богдан и Василий Селявы стали обладателями земли на Горспле, Менице и Ушачи — неясно.

На карте Полоцкой земли много населенных пунктов, происходящих от слова «Селява». Однако неизвестно, кому эти населенные пункты обязаны своим названием — рыбе того же названия, водившейся до XIX в., или боярам. Пожалуй, последним можно приписать название с. Селявщины, к югу от оз. Росоно, т.к. суффикс -*щина*, как правило, употреблялся для образования названий населенных пунктов, происходящих от имени (см. Дорошковщина, Данилковщина, Хвостовщина, Перфуровщина и др.). Этот суффикс получил распространение в последней четверти XV — начале XVI в.

Менее известны земли Ловейковичей. Гринь Ловейкович 6 октября 1501 г. получил человека Афанаска с его детьми и землею, а также три пустовщины — Данилковщину, Дорошковщину и Кинговщину (№ 366а). Он же купил у путных слуг Ходосовичей и Сидоровичей половину земли Кохановской (№ 429). Фёдору Ловейко и Васке Ловейко Жигимонт 20 ноября 1506 г. подтвердил землю Тоболчиничи, которую они купили у слуг путных еще при Александре. Последний по ошибке передал ее же Петру Епиховичу, Жигимонт вернул землю Ловейкам (№ 411).

К 30-м гг. XVI в. Ловейковичи породнились с родом Полупят. Иван Полупята и «шурья его» Ловейковичи в 1533 г. претендовали на землю Хвостовщину, переданную Казимиром Богдану Альшутиничу[282].

В конце XV в. в Полоцке жили бояре, родовую принадлежность которых очень трудно установить. Это Митька Петрович, купивший у тяглых людей с. Даниловичи (№ 416, 421). Тот же Митька Петрович купил у одноземцев Хотьевичей их землю на оз. Уличе. Неясно, к какому роду относились пан Яцко Григорьевич и его брат Сенко Мокидернятич (№ 121) и дед Марины Михайловны, которая в 1552 г. названа женой Глеба Есмана. Этот дед «на Александре» выслужил сёла Поло, Хотино, Лотыгола[283]. То же самое приходится сказать и о Мики-

---

[278] Сб. РИО. Т. 35. С. 444–450.

[279] ПР 1552 г. С. 132–134.

[280] Впрочем, Андрей Микитинич мог быть сыном боярина Никиты Оплечуева, в середине XV в. названного «паном» (№ 121). Неизвестны ни его земли, ни родственники.

[281] *Калачов Н. В.* Писцовые книги. С. 438.

[282] БА. Т. 2. № 150. С. 114–115 (13 марта 1533 г.).

[283] БА. Т. 2. № 304. С. 219 (19 октября 1533 г.).

поре (Никифоре) Коробовиче. При Александре он получил 5 чел. на Менице (№ 433, 438). Грыдко Юрьевский, ссылаясь на то, что отец его имел «отъчизное» сельцо Браташино на р. Начи, просил освободить это сельцо от повинности, «абы*х*мо емȣ не казали на ста*н* ходити и бобровъщины пла*ти*ти, и на мо*ст* на Воронъцо*в*скȣю дорогу не ходити и бобровъщины платити» (№ 363).

Трудно определить происхождение Костюшки Волфромеевча начала XVI в. В середине и конце XV в. в Полоцке было несколько Волфромеев. Волфромей Шипило в 1447–1458 гг. был свидетелем на суде по делу Евлашки Козчича и Александра Оскерчинича (№ 121). В конце XV в. упомянут сын Ходота Есковича «зять владычен Волфромей» (1482 г., № 249), наконец, в 1539 г. полоцким бурмистром был Олхромей Андреевич[284]. Костюшко Волфромеевич получил от Александра три службы — Матвея, Демида, Афанаса с братьей и пустую землю Перфуровщину. Другое пожалование великого князя передавало ему же двух человек в Полоцком повете и Домниках — Кузьму и Кострицу и пустовщины их братьев — Прокову и Давыдову. Все эти жители Домников «к дворȣ… Бе*л*(ь)[ч]ицы служили». Здесь же, в Домниках, Костюшко Волфромеевич получил еще одну «пустовскую землю» — Козловщину и Токаревщину. Кроме этого он владел 3 людьми в Ситне и землями Ярмоловичей, упорно отказывавшихся ему служить. 22 августа 1507 г. Костюшко Волфромеевич продал Ивану Зеновъевичу свои купли «в Заха*р*(ь)иничохъ половину следȣ Ма*р*тиновщину, а половину следȣ Васковщины» (№ 422, 423). Позднее он отдал свои земли полоцкому игумену, получив взамен них земли в Витебском повете[285].

В составе боярства на протяжении всего XV в. очень заметен инонациональный элемент. Еще в 40–50-е гг. слугой Андрея Саковича был чех Миклаш (№ 121). Позднее на Полотчине и Витебщине фамилия «Чех» была довольно широко распространена[286]. В 30-е гг. XV в. часть полоцких Чехов были мещанами, жившими вне замка[287].

Выходцы из других славянских земель, как правило, вступали в ряды великокняжеских слуг. У Андрея Саковича, подобно Миклашу, служил и Данило Волынец (№ 123).

Ряды полоцкой шляхты в конце XV в. пополнялись выходцами из мещан. В особенности поразительна карьера представителей рода Кортеневых, принявших в начале XVI в. фамилию Росицких.

Другим источником расширения шляхетского сословия, гораздо более слабым, были боярские слуги и урядники. Они занимались сбытом сельскохозяйственной и лесной продукции боярских имений, а также ведали самим сельским хозяйством и промыслами в боярских землях. Так, у пани Андреевой Епимаховича в 1533 г, урядником был Михаил Сергеевич. Еще во время наместничества пана Яна Заберезинского он служил пану Сеньке Епимаховичу, у которого Михаил Сергеевич был и урядником, и подлазником. У того же Сеньки Епимаховича был бортник, но не из его людей, а юрьевский земец Яшка Яковлевич. Вероятно, слуги бояр были условными держателями земли и вассалами крупных светских феОтносительно этих субфеодалов, по-видимому, немногочисленных, известно только из документов, связанных с родом Корсаков-Остафьевичей. К 80-м гг. относятся первые упоминания об условном феодальном землевладении боярских слуг. Так, Остафий Васильевич Корсак, по-видимому, имел у себя на службе неких Проселка и Мартина, которые получили от этого боярина землю. По завещанию О. В. Корсака Проселок и Мартин и впредь могли пользоваться землей Фалеевщиной, но при условии службы одному из его сыновей[288]. Из

---

[284] ПГ. Вып. 3. № 295. С. 41–42. О передатировке этой грамоты, в 1-м издании ПГ датированной 1509 г., см. введение к настоящему изданию в т. 1.

[285] БА. Т. 2. № 304. С. 219 (19 октября 1533 г.).

[286] БА. Т. 2. С. 39, 40, 75, 127.

[287] Там же. № 171. С. 127 (29 сентября 1533 г.). Упомянуты Андрей Чех и его братья Ахимец и Тишка.

[288] БА. Т. 2. № 304. С. 218 (19 октября 1533 г.).

подтвердительной Александра от 18 июля 1496 г. ясны условия этой службы. Слуги покойного к тому времени Остафия Васильевича Проселок и Мартин объявили, что получили землю Фалеевщину от этого пана, и предъявили его грамоту, в которой значилось, что по прекращении службы любому из сыновей они должны были оставить землю (№ 338).

Каждый из сыновей Остафия Васильевича подтвердил условия владения Проселком половиной земли Фалеевщины. Богдан дословно повторил распоряжения отца, а Глеб Остафьевич полностью передавал Проселку право владения его частью земли. Однако Богдана Остафьевича эти условия не удовлетворили. Уже 4 июня 1498 г. он обратился к великому князю с просьбой рассудить его с Мартинцем Федковым сыном: «иска*л* ѡ*н* того Ма*р*тинъца за непохожго слꙋгу». Мартынец, ссылаясь на грамоты Остафия Васильевича и самого Богдана Остафьевича, настаивал на своей свободе служить, кому захочет. Великокняжеский суд стал на сторону Мартинца. Богдан Остафьевич посягал не только на свободу своего слуги или «боярина», как Мартинец назван в заголовке великокняжеской грамоты, но и на имущество его невестки, Проселковой жены. Он «пограби*л* чела*д*(ь) и иныи ста*т*ки домовые», принадлежавшие жене Проселка. Великий князь велел отдать всё забранное их владельцам. Землю Проселка и Мартинца великокняжеская грамота подтвердила боярину Богдану Остафьевичу. Копия грамоты в Литовской метрике конца XVI в. так и называется: «Бояринꙋ поло*ц*ко*м*ꙋ Богданꙋ Ѡстафъевичꙋ на зе*м*лю Просе*л*кову а Ма*р*ти*н*цову, боя*р* его». Любопытно, что заголовок и текст называют ответчиков по-разному. Заголовок, вероятно, составленный уже в XVI в., говорит о боярах Богдана Остафьевича. Сам же Богдан пишет о «непохожем слуге» (№ 346). Вопреки распоряжению великокняжеской грамоты земля осталась за Мартином и Проселком, но дело на этом не закончилось. 27 сентября 1500 г. вдова Проселка жаловалась перед великим князем на своего деверя Мартина Проселка, что тот выгнал ее с детьми из мужнего «имения» «з дельницы ее». Александр вновь присудил истице «де*л*(ь)ницꙋ мужа ее». Грамота называет вдову Проселка «боярыней полоцкой» (№ 366). В период наместничества Станислава Глебовича (1501–1513 гг.) Мартин Проселок и Васко Богатыревич купили половину земли Кохановской у путных слуг Василия Демидовича, Гафона, Кохоны и Хомы Ходосовичев и у Ермолы и Андрея Сидоровичей. В этой грамоте Мартин Проселок и Васко Богатыревич названы так: «слуги полоцъкие городские» (№ 428).

Однако, несмотря на то что Мартин Проселок таким образом дважды на протяжении 60-х гг. XV в. — 10-х гг. XVI в. стал землевладельцем, вопрос о социальной принадлежности Проселков оставался открытым вплоть до 30-х гг. XVI в.[289] Сенько Мартинович Проселок потребовал, чтобы его вызывали на суд «листы позовными», а не через децких, ссылаясь на то, что он принадлежит к шляхте. Тут же он сознался: «Ѡтец[ъ] мой служилъ деду (Остафию. — *А. Х.*) и ѡтцу твоему (Глебу. — *А. Х.*) и ѡт[ъ] деда твоего пана Ѡстафъя Маръково девять годъ държалъ, и именье под[ъ] нимъ в Залесе имелъ, але шляхта былъ»[290]. Суд бояр не решил, к какому же сословию следует отнести Сенька Проселка.

Окончательно превращение Проселков в бояр завершилось на протяжении конца 30-х — 40-х гг. XVI в. К 1552 г. они уже прочно закрепились в составе шляхты. В ревизии 1552 г. Проселки названы владельцами с. Кохановского возле Клясиц[291].

Проселки были единственными известными вассалами бояр, державшими земли. В грамотах не было специальных терминов для обозначения вассалов. Грамоты называют Проселков слугами бояр, а их заголовки конца XVI в. — боярами. Редкость сведений об условном землевладении боярских слуг, вероятно, соответствовала реальному состоянию дел. Для Полоцкой земли характерна неразвитость вассалитета, тенденция быстрого превращения субфео-

[289] БА. Т. 2. № 162. С. 121 (5 мая 1533 г.).
[290] БА. Т. 2. № 160. С. 120 (16 марта 1533 г.).
[291] ПР 1552 г. С. 149–156.

далов в феодалов, зависимых непосредственно от великого князя. В Полоцкой земле не сложилось развитой иерархической системы, подобной той, что отличала период развитого феодализма в странах Центральной и Западной Европы. То же характерно и для Руси[292]. Одной из важнейших причин отсутствия иерархической системы как на Руси, так и в Белоруссии можно считать незавершенность процесса внутренней колонизации. Существование неосвоенных земельных территорий способствовало расселению вчерашних боярских слуг в качестве равных с их бывшими господами княжеских подданных.

Еще в начале XV в. появился термин «дворянин» или «дворянин городской» (последний термин встречаем в уставной грамоте на магдебургское право)[293], однако первые известные пожалования земли дворянам относятся к началу XVI в. Юхно Воронич 12 октября 1501 г. получил от великого князя Александра двор Мильковичи с людьми (№ 376). По-видимому, дворянское землевладение было совсем не развито в Полоцке вплоть до начала XVI в.

В конце XV в. в Полоцкой земле, как и в центральной Руси, появились новые категории феодалов.

В первую очередь следует назвать великокняжескую бюрократию. Уже с 80-х гг. великокняжеские писари, наиболее активные в это время собиратели земель ВКЛ, распространили свои притязания и на Полоцкую землю. Первым начал скупать земли в Полоцке писарь Федко Григорьевич, один из влиятельнейших людей при дворе Казимира. Еще до 1492 г. он купил у Кунцы Евлашковича Козчича с. Усая (№ 358). До 5 апреля 1497 г. Федко Григорьевич купил у бояр Петрашки Полупятинича и брата его Ивашки Полупятинича село на Просмужке, а у мещан Микиты Козчича и его сыновей Богдана, Федка и Васенка — село Доложце (№ 341).

Наряду с этим и великий князь щедро раздавал своим слугам земли в Полоцке. Так, в 1492 г. Александр пожаловал Федке Григорьевичу 10 человек Полян, служивших ранее Черсвятскому двору (№ 315, 12 декабря 1492 г.). До 1497 г. в руках Федки Григорьевича оказалось 4 участка земли в Полоцке.

Примеру Федки Григорьевича последовал другой великокняжеский писарь — Иван Сапега, так называемый Сапега Старый. Его интерес к полоцким землям пробудился в середине 90-х гг. XV в. Вероятно, немалую роль в этом сыграли родственные связи. Его мать Настасья Сапежина была в это время игуменьей. В конце 1496 — конце 1497 г. он приобрел у Волфромея Есковича Ходотова двор Безумовский в Полоцке, в непосредственном соседстве с материнским — игуменским двором. В это же время Иван Сапега купил земли на Березуе и за Березуем. Мать Настасья Сапежина передала ему Еленские сёла (№ 344). 29 сентября 1496 г. он купил сельцо на Болдавицах, выше города Полоцка, выше Шеша на Двине у старицы св. Михаила Фетиньи, вероятно, вдовы владыки Ионы (№ 339). В 1515 г., уже будучи наместником браславским, он купил право держать корчму и вести торги в своем имении на Вяте на Двине, а в 1514 г. получил подтвердительную грамоту на земли лужан[294]. Его приобретения в Полоцке по сравнению с его нововладениями в других районах ВКЛ были ничтожны, однако по полоцким они масштабам были значительными. Правда, большая часть этих владений оставалась в его руках недолго. Так, уже в первом десятилетии XVI в. он перепродал часть своих земель Станиславу Глебовичу, наместнику полоцкому.

Крупнейшими представителями великокняжеской администрации в Полоцке были наместники. Если большинство наместников XV в., во всяком случае тех, о которых сохранились сведения в источниках, совсем не интересовалось приобретением земель в Полоцке, про-

[292] *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения на Руси // ВИ. 1959. № 11. С. 130–142.

[293] О его бытовании в Северо-Восточной Руси см.: *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. // ИЗ. Т. 103. М., 1979. С. 197; *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 111.

[294] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 261 об., 116 — 116 об. (по старой пагинации л. 227 об., 75–75 об.); публ.: LM. Kn. 9. Vilnius, 2002. № 466, 139. P. 270, 138–139.

должая собирать их в тех краях, откуда они сами были родом, то в начале XVI в. положение изменилось. Станислав Глебович начал активно и решительно скупать земли в Полоцке. Он перекупал их у других представителей великокняжеской администрации, бояр, мещан и путных людей, не брезговал даже не совсем легальными с точки зрения XVI в. способами приобретения земли, идя на обман короля и великого князя (как это случилось с селом Дернцы). Станислав Глебович купил землю на Острове у слуг путных Андрея и Василия Сущей и Микиты Дегтяра с братьей[295]. Здесь же он купил имение Дернцо у Богдана Фёдоровича, «материзну его подле Островна», отделенную от владений кн. Соколинских р. Прудавицей.

В руки Станислава Глебовича перешло и с. Низголово, купленное в 1499 г. владыкой Лукой для его сына Андрея (№ 389). В 1510–1511 гг. Станислав Глебович перекупил у Ивана Зеновьевича, ставшего к тому времени витебским и браславским наместником, земли Медведковскую, Маркьяновскую и Хроловскую. К этим землям Станислав Глебович купил целый ряд других здесь же, на Островне. В 1511 году Станислав Глебович купил с. Дернцы, пожалованное Жигимонтом I в 1508 г. князьям Соколинским. Объявив, что это пожалование «шкодно» великому князю, Станислав Глебович получил разрешение отнять эти земли у Соколинских. А после этого сам купил с. Дернцы (№ 455). Но ему не удалось удержать это село. По жалобе Соколинских с. Дернцы было им возвращено (№ 466, 475). Тем не менее Станислав Глебович стал одним из крупнейших землевладельцев Полоцка, держателем Голомышской волости.

В грамотах не сохранилось сведений о владениях в Полоцкой земле Волимунтовичей, хотя в фундацийном привилее так называемой Кезгайловской каплицы в Виленском кафедральном соборе 1476 г. упоминаются владения этого рода в Полоцкой, а также Минской землях[296]. Несомненно, литовского происхождения некий Сурвило, державший во времена Казимира медовый ключ и собиравший варные куницы (№ 93, 94, 154). Х. Ловмяньский вслед за Вл. Семковичем считает, что братом Минигайлы Гедигольдовича конца XIV — начала XV вв. был Сурвило[297]. Его появление в Полоцке могло быть облегчено наместничеством в Полоцке Семена Гедигольдовича (№ 98, 29 июля 1440 г.).

Для представителей великокняжеской администрации конца XV — начала XVI в. характерен не только быстрый темп умножения владений, но и способ их приобретения. Как это ни парадоксально, великокняжеские пожалования играют второстепенную роль по сравнению с куплями[298]. Из четырех сёл Федки Григорьевича только одно было ему пожаловано; Иван Сапега только покупал земли; из 7 новых приобретений Станислава Глебовича — только 1 пожалование. И наконец, такой же отличительной чертой землевладения бюрократии является его непрочность. Новые владельцы из великокняжеского окружения легко покупали земли и так же легко их продавали. Исключением стал Станислав Глебович, который сохранил и передал их сыну Петру Станиславовичу, будущему наместнику[299].

Второй новой категорией феодалов в Полоцке конца XV — начала XVI вв. были выходцы из других, по преимуществу восточных, земель ВКЛ. Целая армия потерявших свои земли смоленских князей устремилась в Полоцк. Такие феодалы приобретали свои земли не куплей, в отличие от великокняжеской бюрократии, а главным образом в результате пожалова-

[295] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 20. Л. 53.

[296] *Semkowicz W.* O litewskich rodach. bojarskich, zbratanych ze szlachtą polską w Horodle r. 1413 // Miesięcznik Heraldyczny. 1914. T. 7. S. 12; *Łowmiański H.* Studia. S. 144.

[297] *Semkowicz W.* Op. cit. S. 56; *Łowmiański H.* Studia. S. 145.

[298] Такую же роль, по наблюдениям В. Л. Янина, купли играли и в процессе образования крупного землевладения в Новгороде: *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 249–256.

[299] Однако его дочери пани Катерине Матеевой Войтеховича Яновича не досталось ничего: *Лаппо И. И.* К истории панского класса в Великом княжестве Литовском // ЧОИДР. Кн. 2 (253). Ч. 1. М., 1915. С. 1–25.

ний самого великого князя. Князья Соколинские, Полубенские, Масальские, Фёдор Иванович Глинский спешили наперебой выпрашивать у великого князя и короля лакомые куски. Великий князь не был тароват, еще скупее был наместник, который иногда позволял себе не давать титулованным «новоприходцам» «увезанье» на те земли, что жаловал король. Недолго задержался в Полоцке Иван Трубецкой. Некоторое время, до своей измены великому князю Александру в 1501 г., он держал двор Мильковичи с людьми (№ 376). Князь Иван Федорович Полубенский, родом из Смоленска, в Полоцке появился значительно ранее 1506 г. Он при Александре выслужил имения Ловож и Опонасковичи, а потом прикупил к ним двор с церковью над оз. Черсвятом (№ 398). По-видимому, этот двор и церковь находились в с. Словане. Земли князя Ивана перешли пану Герцику. В 1533 г. в числе его людей названы Опонасковичи и Словенчане[300]. К 1506 г. И. Ф. Полубенский уже успел купить землю Братовщину около своего имения Ловож (№ 398). К этому Жигимонт I добавил 10 человек путных в Черсвятской вол. и 10 дымов тяглых служб «на *и*мѧ Словани» (№ 460).

Фёдор Иванович Глинский при Александре получил 4 пожалования в Полоцком и Витебском поветах: людей Овдеевичей на Двине, людей Тулубеевцев, людей Омбросовичей над оз. Будовестом, людей Санников между Двиной и Кривиной (№ 444)[301].

Соколинские осели в Полоцке целым семейством. Юрий, Василий и Андрей Семёновичи Соколинские получили 28 людей путных каменчан Черсвятской волости (№ 446), один князь Юрий — с. Бабцо[302], с. Кривина, Василий и Андрей — путных людей в с. Ладосне, Величковичах и Дернцах (№ 431). С последним пожалованием князьям Соколинским не повезло. По жалобе Станислава Глебовича великому князю тот велел отнять Ладосну, Величковичи и Дернцы у Соколинских и «къ дворꙋ своемꙋ Че*р*святу приверънꙋти» (№ 466). Вместо этих сёл Станислав Глебович дважды давал другие и дважды их отбирал. Сам он в это время купил одно из этих сёл — с. Дернцы без великокняжеского разрешения. Жигимонт подтвердил Соколинским три села[303]. Наконец, 14 июля 1511 г. князья Семён и Иван Семёнович Соколинские получили людей мничан, городчан и заболотчан (№ 472), а 22 июля того же года Василий и Андрей Семёновичи — Непоротовскую волость (№ 475). Жители Непоротовской волости не смирились с этим и добились возвращения их «къ замъкꙋ… Полоцкомꙋ» на прежнем положении (№ 482). По ревизии 1552 г. князья Соколинские предстают владельцами с. Кривина (Василий, Андрей и Юрий), с. Мильковичи (Андрей, Юрий), с. Бабцо (Юрий) и некоторых других земель. В целом можно сказать, что Соколинские прочно обосновались на территории Полоцкой земли, пополнив ряды местной шляхты титулованной знатью.

Князь Тимофей Масальский, тоже смольнянин, получил замок Друю от Александра, женился на дочери Ивана Соколинского, которая принесла ему в приданое часть с. Кривина. Не отставали от него по темпам приобретения имений и сыновья. Пётр в 1524 г. получил имение Щолно, а Юрию в том же году была подтверждена земля Собутевщина, купленная у мещан Ивана и Дениса Голенищевичей[304].

Третьей категорией феодалов были наемники, преимущественно немцы. Процесс возникновения новых групп дворянства, выполнявших военную службу за плату, характерен для всей Европы этого времени. Он связан с серьезными переменами в военном деле и социальном составе войск. Тяжеловооруженный рыцарь в сопровождении слуг, как и он, восседавших на лошади, уступал свое место новым пешим войскам, которые возглавлялись наемны-

---

300 БА. Т. 2. № 299. С. 214 (4 ноября 1533 г.).
301 ПР 1552 г. С. 110–111, 130.
302 ПР 1552 г. С. 107–110 (1501–1506 гг.).
303 ПР 1552 г. С. 107–112.
304 РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 12. Л. 268 — 268 об., 305 об. — 306 (по старой пагинации л. 164 — 164 об., 201 об. — 202); публ.: LM. Kn. 12. Vilnius, 2001. № 351, 433. P. 308, 351–352.

ми военачальниками. Последние защищали не свои родовые земли или право владеть ими, но продавали свое военное искусство за деньги[305].

В Полоцке начала XVI в. количество наемников, вероятно, превышало их число где бы то ни было в ВКЛ, поскольку город был ставкой великого князя во время русско-литовской войны начала XVI в. Даже после ее окончания Михаил Скепьевский, великокняжеский слуга, нанимал здесь солдат — «жолнеров». Среди них были некие Барбер и Харитон (№ 392), в 1502 г. находившиеся на службе у ливонского магистра.

Однако, в отличие от Центральной, здесь, в Восточной Европе, и наемники, и наниматели не ограничивались уплатой денег, в которых великие князья испытывали постоянный недостаток. Великие князья литовские охотно раздавали оставшиеся части великокняжеского домена. Наемники тоже видели в земле более надежное выражение богатства, нежели в деньгах, и охотно принимали ее, а также покупали сами и в конце концов «оседали» в Полоцке, пополняя ряды шляхты.

К таким представителям новой шляхты относятся Митька Ганусович и Индрик Лодятич, которые за свои великие услуги по спасению убывающих территорий княжества получали от его главы земли. Индрик Лодятич — это, по-видимому, «наместник» (houptman) (отлучившегося воеводы Станислава Глебовича?) 1505 г. Полоцка (№ 393). Кем был отец Митьки Ганусовича, неизвестно. Ясно лишь, что он был немцем. Ганус владел землей Лещинской, Митько же продал ее И. Ф. Полубенскому (№ 460). Индрик Лодятич (Лодята) получил от Жигимонта I двор Бездедовичи, переданный потом Миколаю Индрыховичу[306], и с. Дубровки Бездедовского стана (№ 404). Сам Индрик купил у Анастасьи, вдовы мещанина Тишки Колчижинича, и ее детей Андрея и Ивана «ѹгол земли… подле Кузовищъ ѡт Дубровокъ» (№ 374). Путные люди Бездедовского стана в 1509 г. пытались доказать, что они мещане, владеют «землями местскими», а служат «путною слу*ж*бою в па*н*цирехъ». Вынудив их признаться во лжи, Жигимонт 9 февраля 1509 г. снова присудил земли Индрику Лодятичу (№ 404, 440).

Одним из таких наемников мог быть господарский дворянин Стефан, получивший от Александра земли путных людей Шоловиничей и купивший сам земли Олешчиничей (№ 399), а также Тишко Грицкович Козинский, получивший 3 службы тяглых людей с дворищами Полютичами, Мысовичами и Климковскими и пустыми дворищами Конковским и Давыдовским[307].

Доля этих новых прослоек класса феодалов была далеко не одинакова. На первом месте находились представители великокняжеской бюрократии, а смоленские аристократические роды значительно уступали им, разорившись, вероятно, в результате потери своих «кровных» земель. Наконец, совсем незначительным было землевладение оседавших на землю наемников.

Каковы же были последствия вторжения новых слоев феодалов в Полоцкую землю? Нарушалась сохранявшаяся довольно долго замкнутость круга феодалов, ограничивавшегося в предшествующее время по преимуществу местными уроженцами. Вместе с пришельцами нарушались старинные права и обычаи земли. Недаром именно в начале XVI в. Жигимонту I потребовалось подтвердить уходящие в прошлое права отдельных сословий и систем отношений, уже не вполне соответствовавших действительности.

Полоцкие феодалы, в особенности крупнейшие из них, не ограничивались своими родовыми и вновь приобретенными землями в Полоцкой земле. Для начала XVI в. особенно ха-

---

305 *Голицын Н. С.* Всеобщая военная история средних веков. Ч. 1–3. СПб., 1876–1878; *Он же*. Всеобщая военная история новых времен. Ч. 1–3. СПб., 1872–1876; *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1–7. М., 1936–1939; *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 1. М., 1955.

306 ПР 1552 г. С. 137 (19 августа 1506 г. — 9 февраля 1509 г.).

307 РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 110 — 110 об. (по старой пагинации л. 69 — 69 об.); публ.: LM. Kn. 9. № 121. P. 132 (13 июня 1513 г.).

рактерна фигура Ивашки Зеновьевича Корсака, зятя Якуба, великокняжеского писца середины XV в. Породнившись с представителем великокняжеской бюрократии и получив таким образом доступ в правящие круги ВКЛ, Иван Зеновьевич быстро продвигался по служебной лестнице. В течение многих лет он был бессменным наместником красносельским. Его брат Юрий Зеновьевич получил Браславское наместничество, соседнее с Полоцком. Оба Корсака спешили обосноваться в новых районах и быстро скупали тем земли.

Деятельность Станислава Глебовича по приобретению земель в Полоцке также не осталась без последствий. Его владения были переданы сыну Петру Станиславовичу, который вместе с землями получил и официальный пост отца, став следующим наместником. Таким образом, впервые в 10-е гг. XVI в. установилась кровная преемственность в наместничестве в Полоцке. Наконец-то великие князья литовские и короли польские не убоялись назначить в Полоцк почти уже полоцкого выходца. Такого в середине XV в. (даже во второй его половине) не случалось.

Для начала XVI в. характерно смешение разных видов боярского привилегированного землевладения на территории различных земель, входивших в состав ВКЛ, что способствовало объединению интересов этих феодалов — в сохранении ВКЛ в годы трудных для него испытаний — справедливой борьбы Русского государства за возвращение исконных русских земель. Этим можно объяснить тот факт, что сравнительно небольшой круг феодалов окраинных земель, еще не успевших обзавестись землями в других районах Литовского княжества, добровольно переходил на службу великому князю московскому.

Боярское землевладение, сведения о котором менее многочисленны, чем о мещанском, в основном позднего происхождения.

Основной комплекс боярских земель, сохранившихся до начала XVI в., образовался в 40-е гг., когда расширили старые или приобрели новые земли Корсаки, Селявы, Радковичи-Сеньковичи и др.

В формировании этого комплекса в Полоцке, как и во многих других странах Европы, очень большую роль сыграли великокняжеские пожалования. Процесс роста боярского землевладения продолжался и в 70–90-е гг. В это время роль пожалований почти уравнялась с куплями[308]. Бояре скупали земли мещан, путных людей и землян. Большинство бояр имели по нескольку сёл. Таким образом, их собственность принадлежала к категории, преобладавшей среди шляхетской собственности в Польше[309] и на Руси[310].

Для всех боярских владений этого времени характерна разбросанность и лоскутность. Боярское землевладение вгрызается в массив мещанских, великокняжеских и путных земель. Каждый новый шаг — это потеря земли мещанами, великим князем или путными людьми.

Сохранению и усугублению лоскутности боярских владений способствовала и практика наследования земель, когда каждый населенный пункт с тянувшими к нему землями делился между потомками предшествующего собственника[311].

---

[308] В Польше приобретение земли шляхтой с помощью покупки стало преобладающим уже в XIII в. (*Szaniecki M.* Nadania ziemi na rzecz rycerzy w Polsce do końca XIII wieku. Poznań, 1936. S. 143). На Руси в XIV–XV вв. земля, по наблюдениям Л. В. Черепнина, стала объектом купли-продажи, на приобретение ее крупные феодалы тратили большие средства (*Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства. С. 179).

[309] По терминологии В. Щигельского (*Szczygielski W.* Zmiany w stanie posiadania i strukturze własnościowej szlachty powiatu Wieluńskiego od połowy XVI do końca XVIII wieku // Rocznik Łódzki. T. 1. Łódz, 1958. S. 261) шляхетская собственность по размерам делилась на частичную (меньше, чем 1 поселение), из одного села (вплоть до 1,9 поселения) и из многих (от 2 и больше). Как правило, в Польше была распространена шляхетская собственность от 2 до 110 поселений (*Zajączkowski St. M.* Studia nad wielowioskową własnością szlachecką w Łęczyckiem i Sieradzkiem i jej rola w osadnictwe (od końca XIV do połowy XVI w.) // KHKM. 1966. T. XIV. № 2. S. 189; *Wawrzyńczyk A.* Rozwój wielkiej własności na Podlasiu w XV i XVI wieku. Wrocław, 1951. S. 114–115, 126).

[310] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение. С. 163.

[311] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение. С. 50–55.

Разбросанность боярских владений, такая же, как и в Польше[312] и на Руси[313], показывает, что эта форма землевладения более новая, чем все предшествующие.

Отсутствие крупных боярских владений в ВКЛ, что особенно бросается в глаза при сравнении, например, с Новгородом Великим[314], давно обратило на себя внимание исследователей. Слабое развитие крупной собственности на коренных литовских землях исследователи объясняют по-разному: одни — господством аллодиальной собственности[315], другие — гибелью старой аристократии в период кровавых битв за политическую власть в образующемся государстве[316]. В Полоцкой земле, условия развития которой, несомненно, отличаются от Литвы, действовали, по-видимому, оба эти фактора.

Смена состава крупных земельных собственников после вхождения Полоцка в Великое княжество Литовское, вероятно, нанесла серьезный удар развитию крупного землевладения.

Вплоть до середины XV в. еще не существовало значительных предпосылок для складывания такого рода собственности. Сравнительно слабое развитие земледелия, характер и уровень промыслового хозяйства предшествующего времени не создавали возможности для развития крупного землевладения[317]. Быстрое освоение новых земель сопровождалось бурным ростом боярского землевладения. Вторая волна великокняжеских раздач и второй этап роста боярского землевладения связан с углублением внутренней колонизации края и началом экспорта сельскохозяйственных продуктов.

Конец XV — начало XVI вв. можно считать апогеем развития боярской собственности. В дальнейшем на смену шляхетской собственности из нескольких поселений приходит собственность частичная или дробная[318]. Прежние владения делятся на много частей в зависимости от количества членов рода. Это показывает, что к концу XV — началу XVI в. были исчерпаны дальнейшие возможности для расширения боярского землевладения в пределах уже освоенных к этому времени районов. Новым источником боярской собственности могло стать перераспределение земель, принадлежавших или находившихся во владении иных социальных групп. Так и случилось в начале XVI в. Великие князья литовские Александр и Жигимонт передавали боярам земли путных людей. Прежние владения шляхты подтверждались великими князьями[319].

Третье увеличение великокняжеских земельных раздач обусловлено не хозяйственными, а политическими причинами. Оно относится ко времени русско-литовской войны, когда в Полоцк нахлынули толпы титулованных беженцев из западнорусских земель, воссоединявшихся с Русью.

---

[312] *Zajączkowski St. M.* Studia. S. 191.

[313] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение. С. 146–150.

[314] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., 1961; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина.

[315] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 303, 324.

[316] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение. С. 152.

[317] На Руси этого времени переход к товарному производству в сельском хозяйстве происходил лишь в очень редких случаях (*Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение. С. 156–158), тогда как для Польши это стало характерным уже в середине XV в.

[318] Судя по ревизии 1552 г., ни один полоцкий шляхтич не владел целым селом. Им принадлежали части этих сёл, или сёла одноименного названия, отпочковывавшиеся от прежних.

[319] Это показывает, что в Белоруссии права шляхты на ее земельную собственность еще не были так прочны, как в Польше, где уже в XIII в. шляхта считала земли как пожалованные, так и унаследованные своей полной собственностью.

§ 6. Данные грамот о земянах и слугах путных

Среди купчих и жалованных грамот лишь 6 касаются земян — мелких землевладельцев[320]. Эта прослойка была широко распространена во всей Белоруссии. Земяне из поколения в поколение сидели на одной и той же земле[321], «отчизной» и «дедизной» (№ 461, 473), обладали правом передачи ее по наследству, в большинстве своем вплоть до середины XVII в. обрабатывали ее собственными силами и обязаны были участвовать в ополчении[322]. Право владения бортями доказывалось «клейнами», вырубленными на них, при этом учитывалась давность в три поколения (№ 473).

Земяне, как правило, владели землей сообща, родственными общинами. На Наволоке, недалеко от Суйского стана, 40 лет жил Сидор Макаров брат, и 30 лет — Фёдор Макаров внук. Три брата Харпиных сидели на Щовенской земле (№ 360, 24 октября 1499 г.), а рядом, на Березуе и за Березуем, Олтушковичи (№ 344, 20 декабря 1497 г.).

В Хотьевичах также жили родственники-одноземцы: двое Ивановых сыновей, трое Ходоровых, двое Петровых, четверо Зеновьевых, еще пять Ивановых, два сына Власа и его зять, отец Артём и сын Антон и их братаничи — трое Овсеевых сыновей (№ 473, 16 июля 1511 г.). Родственниками, по-видимому, были и некоторые из земцев, живших на Мосорыне (№ 461, 19 ноября 1510 г.)[323].

Длительное сохранение общины в среде земян Ю. М. Бардах объясняет нуждами мелкого хозяйства, которые земяне вели собственными силами без помощи крестьян[324].

Земцы в конце XV — начале XVI в. при продаже земли имели право выкупа. Иван Юшкович выкупил землю в Юревичах, которую его мать продала мещанину Саве Бернищеву (№ 473). Однако выкуп земли в 20-е гг. XVI в. уже вызывал некоторые затруднения. Савичи, сыновья Савы Бернищева, «пенезеи... брати и... тое земли... поступити не хотели». Земцу пришлось обратиться к воеводе Петру Станиславичу, который в соответствии с земским правом присудил землю ее прежнему владельцу.

Можно предполагать, что таким же путем происходило сокращение аллодиальной собственности, переходившей в руки феодалов и в предшествующую пору становления феодализма на Полотчине.

Земляне или одноземцы в начале XVI в. при продаже земли давали обязательство («всимъ… ѡ*д*ноземъцо*м*, и нашы*м* жонамъ, и дете*м* нашы*м*, и ближни*м* нашы*м*, никомꙋ из наши*х* родовъ… тое зе*м*ли... не поискивати...» — № 473). Нарушение этого обещания каралось штрафом в пользу короля и воеводы (№ 461). Земяне лично свободны. В качестве свободных людей они правоспособны и выступают свидетелями при заключении различных земельных сделок. Однако в отличие от бояр, мещан, слуг путных и даже боярских слуг, собственные печати имели не все земцы. В 1510 г. земцы с Мосорына на своей купчей (продажной) изобразили свои «клейна» (№ 461).

[320] В источниках конца XV — начала XVI в. наряду с термином «земяне» встречается и термин «земцы», служивший для обозначения постоянно живущего в данной местности человека в противоположность прихожему (№ 461). Это было характерно и для более позднего времени. О неком Костьке говорили в 1533 г.: «ѡнъ не Ладоский земецъ, — прихожий ч[е]л[о]в[ѣ]къ з Мосара». См.: БА. Т. 2. № 242. С. 173 (23 июня 1533 г.).

[321] Вот обычная формула описания земли в купчих земян: «се*л*(ь)ца… зъ землѧми пашными и бо*р*тными, и з сеножа*т*(ь)ми, и со вси*м* ты*м*, што здавна к ты*м* се*л*(ь)цо*м* слꙋшало, и какъ ѡни сами и*х* де*р*жали» (№ 344, 20 декабря 1497 г.).

[322] *Леонтович Ф. И.* Правоспособность. С. 253, прим. 1; *Шлоссберг Е. П.* Фольварочно-барщинное хозяйство. С. 224; *Грицкевич А. П.* Хозяйственное и правовое положение военно-служилого населения в Слуцком княжестве в XVI–XVIII вв. // ЕАИВЕ. 1962. Минск, 1964. С. 242–252; *Сементовский А.* Историческая записка о панцырных боярах // Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 год. СПб., 1868. С. 43–59.

[323] БА. Т. 2. № 202. С. 149 (23 февраля 1533 г.).

[324] *Bardach J.* Studia. S. 149.

Принадлежность земян к шляхте ни у кого из исследователей не вызывала сомнений, хотя происхождение этого слоя объяснялось по-разному. Е. П. Шлоссберг считает, что они вышли из крестьян[325]. А. Сементовский называл их остатками древней польской (?) общины, по мнению А. П. Грицкевича, земяне Слуцка — это потомки основной массы бояр и пришлых шляхтичей[326].

Генетически полоцкие земяне — наследники свободных крестьян-аллодистов предшествующего времени, времени разложения общинно-родового строя. В условиях раннего феодализма, когда хозяйственной единицей стала индивидуальная семья, обладавшая земельным наделом и усадьбой, переходившими по наследству по мужской линии, и сложилась прослойка земцев. Позднее в XV в. владения земян или «земцев» было одной из форм феодального владения. Тот же путь развития характерен для французского аллода, английского фольклenda, норвежского одаля. Любопытно, что этимология названия подобного владения в разных языках схожа (фолькленд в английском, земяне в белорусском, земцы — в русском языках).

Возможно, типологически белорусские земяне близки польским «владыкам», исчезнувшим на протяжении XIV–XV вв.[327] Бросается в глаза сходство земян с новгородскими своеземцами: и размеры владений (1–2 обжа, изредка до 20 обеж), и характер обработки земли (15% самостоятельно обрабатывали свои земли), роднили новгородских своеземцев и полоцких земян.

Однако процесс феодализации зашел в Новгороде значительно дальше, чем в Полоцкой земле. В Новгороде, вернее в Водской пятине, почти 50% своеземцев использовали труд крестьян и холопов, около трети не жили в своих владениях, а оставляли их в пользование крестьянам. Кроме того, среди водских своеземцев преобладали горожане из Новгорода, Ладоги, Ямы, владевшие землей[328]. Как показал В. Л. Янин, новгородские своеземцы исторически восходят к обедневшим потомкам житьих людей[329].

Хотя в Полоцке с его слаборазвитым церковным землевладением, поздно сформировавшимся боярским и преобладавшим мещанским было больше места для сохранения земянами их позиций, чем в Польше или Новгороде, однако и здесь период конца XV — начала XVI в. застает процесс быстрого сокращения этой социальной прослойки.

В грамотах земяне упоминаются в основном в связи с продажей ими земли. В 1482 г. пять человек «добрых» мохонковлян купили землю с бортью св. Софии и обязались платить владыке 5 пудов меда ежегодно. Однако в 1487 г. они продали свои земли владыке (№ 249, 266). 26 мая 1505 г. группа «земцев» «своею доброю волею» рассталась с «отчизной» землею на Отулове (№ 391).

Земянами, вероятно, были Олтушковичи (Михаил Левкович и его сыновья и Гридко Баскович) и Посадникович (Гафон Прокофиев сын), владевшие землями на Березуе и за Березуем, и Харпины дети (Зеновей, Василий, Яков, владельцы земли Щовенской, продавшие свои земли: первые — Ивашке Сопежичу, вторые — Юрию Зеновьевичу [№ 344 (20 декабря 1497 г.); № 360 (24 октября 1499 г.)].

Земли на Осесне были куплены матерью князя Семёна Богдановича и боярином Ивашкой Сеньковичем, который передал ей свою куплю за долг в 50 коп грошей (№ 395, 10 марта 1506 г.).

Не совсем ясно, кем были Иван Михайлович, продавший свою купленную землю в Головне на Оболи, Костка Климятич, сын поповича — продавший свою куплю на Девичи, Якуб Миткович и его братья Огапид и Карп, которые совместно с Борисом Омельяновым сыном

---

[325] *Шлоссберг Е. П.* Фольварочно-барщинное хозяйство. С. 224.
[326] *Грицкевич А. П.* Хозяйственное и правовое положение военно-служилого населения. С. 244.
[327] *Górski K.* Les structures sociales de la noblesse polonaise au moyen âge // Le Moyen âge. 1967. № 1. P. 77.
[328] Аграрная история Северо-Запада России. Т. 1. С. 91–92, 114–115, 134, 189–339, 340.
[329] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 157–181.

Пашковича, владевшие отчинной землей в Заобельи, и Степан, Филипп Лукьянович, Тимофей Семёнов, Иван и Яков Левоновы дети, также владевшие отчинной землей вплоть до конца XV в. (№ 423, 22 августа 1507 г.).

Тем не менее прослойка земян была весьма многочисленной и в более позднее время.

Материалы относительно слуг путных относятся к концу XV — началу XVI в. и застают эту категорию сельского населения в период, когда резко изменялся ее статус[330]. Путные слуги в это время должны были выполнять не только «путную» или «листовную» службу (т. е. ездить по поручениям наместников, старост, воевод на великокняжеские дворы и т. д.[331]), от которой они и получили свое наименование.

Все они предстают обремененными многочисленными дополнительными обязанностями: поставкой «подвод», уплатой «подачек» (№ 333–336, 398). Иногда идет речь только о службе и бобровщине (№ 423, 22 августа 1507 г.). До 1514 г., до продажи земель Ивану Сапеге, слуги путные Полоцкого повета Лужане (около р. Мнютицы) выполняли такие же натуральные повинности, как и пригонные люди. Они косили сено «на замо*к*»[332].

В жалованной подтвердительной Александра кн. И. Ф. Полубенскому на путных и тяглых князей Ловожского стана их повинности описаны вместе. Земли передаются «з даныю грошовою, и медовою, и бобровою и куни*ч*ною, и со всѧкими иными попла*т*ками и пода*т*(ь)ми» — и те и другие, по-видимому, «послов и го*н*цовъ нашы*х* (великокняжеских. — *А. Х.*) на то*м* стану Ловожско*м* стациѧми и по*д*водами по*д*нимывали» (№ 398, 18 июня 1506 г.). Описание даней путных людей каменчан ничем не отличается от описания даней тяглых людей. Однако в их повинности вместо «поплаток» включались «служъбы и подводы, подати волостные и городовые роботы». Указывались, однако, и «въсе право и панство» (№ 446). То же можно сказать и об описании Непоротовской волости, переданной Жигимонтом князьям Соколинским. Хотя речь идет о пожаловании «волостки з лю*д*(ь)ми нашими путными… на имѧ Непорото*в*ци», по перечислению повинностей ее населения об этом трудно было бы догадаться (№ 475, 22 июля 1511 г.). Жалованная 29 июня 1508 г. кн. Соколинским почти так же определяет обязанности («службы… и подати») путных людей (№ 431).

Наиболее подробное описание повинностей путных людей содержит только одна грамота от 10 мая 1508 г. Путные люди Ходосовичи (трое), Сидоровичи (двое) и Василий Демидович, переданные Александром боярину Гриньке Ловейке, платили копу грошей бобровщины, 2 гроша сторожевщины, какую-то сумму ловчему, служили путную службу, предоставляли подводы воеводе, забивали ез на р. Лисне и давали корм езовничему (№ 429). Крайне редко сохранялись земли путные «безо всѧки*х* инши*х* слѹжобъ». Обладателем такой земли вплоть до конца XV в. был Василий Семёнович Редка (№ 347, 7 сентября 1498 г.).

Слуги путные, как и тяглое население, сохранили право свободного распоряжения землей, которую они очень часто продавали, но очень редко покупали (исключение — покупка Антоном Зеновковичем земли в Санниках у попа Омельяна, № 423, 22 августа 1507 г.). Одновременно с этим начались продажи слугами путными своих земель. 18 путных слуг Черсвятского двора продали земли на Усвае Сенке Григорьевичу в 1463–1476 гг. (№ 321, 13 июля 1495 г.), в 1480–1506 гг. Давид Осташкович и его братья — землю на Осеене Ивашке Сенковичу (№ 395, 10 марта 1506 г.), путные люди Студеницкие при наместнике Юрии Пацевиче (между 1496 и 1499 гг.) уступили земли над Двиной сыну полоцкого епископа Луки (№ 352, 30 мая 1499 г.). В 1498 г. Василий Семёнович Редка продал отчинную землю «ѹ-во вси*х* Рылковичо*х* десѧтыи жеребеи» Богдану Есковичу Бардовскому (№ 347, 7 сентября 1498 г.). Пут-

[330] Не исключено, что первоначально их положение имело сходные черты с положением новгородских чернокунцев (Аграрная история Северо-Запада России. С. 223–224).

[331] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 348.

[332] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 116 (по старой пагинации л. 75); упом.: *Любавский М. К.* Областное деление. С. 351; публ.: LM. Kn. 9. № 139. P. 138–139.

ные люди и мещане Олешчиничи продали свои отчизные земли на р. Переслове дворянину Стефану (№ 399, 21 июня 1506 г.). Наместник Станислав Глебович купил земли на Острове у путного человека Ивана, Левонида и у Семёна Суща.

В соответствии с изменением их экономического и социального положения переменилась и терминология, которой обозначались лица, некогда выполнявшие путную службу. На смену термину «путные слуги» пришел термин «путные люди» (№ 431, 29 июня 1508 г.). Поскольку «людьми» называлось тяглое или рабское население, то даже прилагательное «путные» не скрывало уравнения положения путных слуг с другими категориями зависимого населения.

Однако в это же время началась раздача земли путных слуг и их самих в частное держание. М. К. Любавский полагал, что слуги путные — это вольные люди, которых великий князь никому не передавал во владение. Раздавались якобы только их земли, у них же самих оставалось право выбора — служить или не служить новому владельцу[333]. Для иллюстрации он ссылается на эпизод 1506 г. В решении по этому делу Жигимонт широковещательно объявил: «то неслушная речъ, абы слуги пѹтъные мяли кому в неволю даны быти» (№ 411, 20 ноября 1506 г.). Это заявление Жигимонта не соответствовало действительности начала XVI в. Пожалуй, такое можно было утверждать только до 70-х гг. XV в.

Первые пожалования Казимиром путных слуг, а вместе с тем и процесс превращения слуг путных в близкое к тяглым людям состояние относится к 1475 г. В этом году Остафий Васильевич Корсак просил у великого князя Казимира человека по имени Мякало на оз. Язно и сообщил, «што жъ, де*и*, то*т* Мякало ч(о)л(о)в(е)къ служебны*и* путны*и*, а не тяглы*и*, а *з* сы*н*ми своими не дели*л*сѧ» (№ 210, 22 апреля 1475 г.). Любопытно, что Корсак сам подчеркивал противоположность тяглых и путных людей. Однако Казимира не остановило, что Мякало был путным человеком, он передал и его и земли пану Корсаку.

Это была первая ласточка. Массовая раздача земель путных людей и их самих относится к княжению Александра и первым годам княжения Жигимонта. Юридическим обоснованием этого послужила уставная грамота сельским путникам, обнародованная вскоре после введения магдебургского права. Первоначально Александр передал путных людей под управление войта, однако уже 12 июля 1499 г. были внесены поправки: все вопросы, связанные с земельными делами, должен был решать уже не войт, а наместник со старшими боярами. Путники Дрисецкой волости подлежали суду только бояр. Грамота 12 июля 1499 г. гарантировала неприкосновенность земель, купленных путными слугами у бояр и мещан (№ 354). Через полтора года было принято новое постановление о слугах путных (№ 367, декабрь 1500 г.). Теперь они были названы «сельскими путниками»[334]. В уставной грамоте 1500 г. подчеркивается противоположность путников мещанам, поэтому у М. К. Любавского создалось представление, будто сельские путники — это только мещане, приобретшие недвижимость вне города. Возможно, частично это было и так. Однако большая часть слуг путных вообще не была генетически связана с мещанами.

С последними их объединяли обязанности платить серебщину, исполнять военную службу и участвовать в «городовом деле». Всё это были основные обязанности путных слуг. По грамоте 1500 г. сельские путники — слуги путные обязаны были служить «к замку», подтверждалась их подсудность наместнику. Весьма любопытна формулировка причин передачи слуг путных к замку: «порозѹмели есмо, што жъ замъку нашому Поло*ц*кому шко*д*но,

---

[333] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 347.

[334] Это обстоятельство ввело в заблуждение одного из исследователей западнорусского крестьянства — И. Л. Новицкого, который решил, что речь идет о какой-то новой категории сельского населения (тяглых или пригонных): *Новицкий И. Л.* Очерки истории крестьянского сословия юго-западной России в XV–XVIII вв. Киев, 1876. С. 53, прим. 2. Его ошибку исправил М. К. Любавский, который правильно понял содержание этого термина: *Любавский М. К.* Областное деление. С. 352.

занѹжъ прыгонъны*х* люде*и* к нему мало» (№ 367, декабрь 1500 г.). Таким образом, эта грамота исходила из представления о сходности положения и повинностей пригонных и путных людей. Следующая грамота от 30 декабря 1502 г., посвященная тому же вопросу, уточняет, почему «шкодно» замку. Оказывается, наместник Станислав Глебович «не маеть, чымъ пожывитися, прысѹды, што з мещанъ, вси ѡтошли» (№ 381).

Хотя грамота 1500 г. декларировала возможность участия слуг путных в литовском войске, на деле она приравняла их к пригонным людям Полоцкого замка и открыла серию передач путных людей новым феодалам, наводнявшим Полоцк в годы войны 1500–1503 гг. Действительно, в 1552 г. путные люди обязаны были строить и ремонтировать 5 городен из 204 городен Полоцкого замка (за одну из них отвечали путные люди Теличиновичи, за одну — путные Озерецкой волости, за одну — с Белого, Друган и Крынок, наконец, еще за одну — из Цветина и Борисова[335].

В 1501–1502 гг. кн. Юрий, Василий и Иван Семёновичи Соколинские получили от Александра поистине королевский дар — 28 людей путных каменчан Черсвятской волости с их братьею и детьми, а Василий и Андрей в 1508 г. — в Ладосне больше 15 человек, в Величковичах — больше 25, в Дернцах — больше 5 человек путных людей (№ 446, 25 марта 1509 г.). Путные люди Шоловиничи были переданы дворянину Стефану (№ 399, 21 июня 1506 г.). В Санниках на Косомеевском Александр дал Ивашке Сапеге человека путного Антона Зеновковича с его братьею (№ 423, 22 августа 1507 г.). А 4 брата Панышевичи и Андрей Александрович, жившие в с. Дубровках Бездедовского стана, в конце 1506 — 1509 гг. были пожалованы Индрику Лодятичу (№ 440, 9 февраля 1509 г.).

В первые годы XVI в. И. Ф. Полубенский получил 15 путных людей в Ловожском стане, с которых шло 6 служеб путных, здесь же Александр передал ему путного человека Васка Добрынца с двумя его братьями (№ 398, 18 июня 1508 г.). В 1506–1510 гг. Жигимонт пожаловал этому же князю 10 путных человек в Черсвятской волости. (№ 460, 6 сентября 1510 г.). Путный человек Семён Сверщок был передан Василию Богдановичу Яцковичу Быстрейскому (№ 479, 8 августа 1511 г.).

Что сулила путным слугам потеря ими земли в результате великокняжеского пожалования ее или продажи?

Формально слуги путные должны были исполнять прежнюю службу: в жалованной Стефану на людей путных Шоловиничей говорилось, что «мають тые люди ему служити не мне*и*, ни*ж*ли тою слу*ж*бою, какъ и на*м* самому г(о)*с*(по)д(а)ру служили» (№ 399). При этом они сохраняли личную свободу и право перехода к любому другому феодалу. Принцип свободы службы путных людей действовал еще в начале XVI в. В случае ухода они сохраняли движимое имущество, но теряли права на землю (№ 411, 20 ноября 1506 г.). Фактически же и при передаче путной земли отдельными феодалами, и при продаже ее самими путными людьми они превращались в феодально-зависимых людей. В жалованных данных и в жалованных подтвердительных описание земель и повинностей, лежавших на путных людях, не различалось. Даже в случае их ухода с прежнего места жительства они не могли сохранить своего прежнего положения. Господарь и отдельные феодалы нуждались только в рабочих руках на пашне, т. е. в людях тяглых, пригонных.

Многие слуги и путные пытались доказать, что они мещане, только для того, чтобы сохранить свой статус. Панышевичи, жившие в с. Дубровках Бездедовского стана, 9 февраля 1509 г. заявляли: «мы, де*и*, мешчане полоцкии, а земли по*д* собою маемъ купъчии, а с того служи*м* путъною слу*ж*бою в па*н*цирехъ» (№ 440). Противоположное свидетельство бояр и мещан решило участь Панышевичей; по подтврдительной грамоте Жигимонта они обязаны были служить Индрику Лодятичу, которому был передан весь Бездедовский стан. Такова же

[335] ПР 1552 г. С. 2–3.

была судьба людей путных Тоболчиничей. Лишь очень небольшая часть слуг путных уцелела в пределах великокняжеских земель.

Слуги путные отдельных волостей, приобретшие название панцырньк бояр, сохраняли свое независимое положение вплоть до XIX в. В 1832–1838 гг. панцырные бояре Непоротовского и Истецкого воеводств добились возвращения им земель, отобранных при межевании в 1828 г.[336] При этом они ссылались на решение Жигимонта I, отобравшего их у кн. Соколинских, никому их больше не передавать[337].

Краткие сведения о слугах путных, содержащиеся в грамотах, показывают, что в начале XVI в. постепенно стирается разница между людьми тяглыми и слугам путными, не за счет возвышения людей тяглых до «свободы» путных слуг, но наоборот, за счет низведения недавно еще свободных слуг путных до положения людей тяглых. Прав был М. К. Любавский, приравнивавший слуг путных к положению данников и тяглых и полагавший, что все эти категории волостных людей по своему положению были противоположны боярам и мещанам[338]. Впрочем, противоположность их мещанам была относительной, поскольку низшие слои мещанства по своему положению были близки к людям путным. Стефан покупал земли на р. Переславе у путных людей и мещан Олешничиничей, не разделяя их (№ 399, 21 июня 1506 г.). Кроме того, ряды путных людей пополнялись за счет бывших мещан. В начале XVI в. упоминаются несколько Сущей. В жалованной от 29 июня 1508 г. Семёнка Сущов, «его братья и зъ ихъ де*т*(ь)ми» названы среди путных людей (№ 431). Вероятно, это тот же Семён Сущ, который вместе с путным человеком Левонидом и Якимом продал наместнику Станиславу Глебовичу землю на Острове. Его родственниками был Андрей Сущ, который в свою очередь, по-видимому, приходился родственником Василию Сущю. Вероятно, Семёнка принадлежал к тому же роду, что и мещане Сущовы, получившие свое имя от Фёдора Сущова. Если это, действительно, так, то перед нами факт превращения одного из мещан в путного человека. Все они жили в Острове, т. е. в том же районе, где находилось родовое гнездо мещан Сущей.

Переход к новой форме войска — наемной — делал излишней военную службу целого ряда категорий населения, в том числе беднейшего, каким были путные люди, плохо вооруженного и совершенно не обученного военному делу. Их воинская повинность становилась анахронизмом, а вместе с тем исчезала и заинтересованность государства в сохранении этой категории населения.

***

Структура феодального землевладения на протяжении XV в. резко изменилась.

Право верховной собственности в конце XIV в. перешло от великого князя полоцкого великому князю литовскому. Его собственный домен, первоначально довольно значительный, на протяжении XIV–XV вв. резко сократился. В конце XV в. государственные земли, населенные слугами путными, стали рассматриваться наравне с домениальными и в начале XVI в. стали объектом великокняжеских пожалований, а сами слуги путные приравнивались постепенно к тяглому населению.

Церковная собственность до конца XIV в. была крайне слабо развита. Расширение владений церкви прекратилось с переходом Полотчины в состав ВКЛ в конце XIV в.

До середины XV в. ведущим было мещанское землевладение, представленное селами, раскиданными по преимуществу в южной и юго-западной части Полотчины. Мещанское землевладение по размерам приближалось к земянскому.

[336] РГИА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 1104.

[337] РГАДА. Ф. 389. Д. 14. Л. 256 об. — 257 (1511–1513 гг.); публ.: LM. Kn. 14. № 689 (600). P. 285–286.

[338] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 356.

Боярские земельные владения до 40-х гг. XV в. были единичны. Лишь крупнейшие из полоцких бояр обладали землями, полученными ими в качестве пожалований от великого князя.

В середине XV в. ситуация меняется. Быстро начинает расти боярская собственность, в 50–60-х гг. пока еще пользующаяся поддержкой великого князя. Некоторую тенденцию к расширению показывает мещанское землевладение, еще в 40-е гг. XV в. увеличивающееся за счет великокняжеских пожалований. 40–60-е гг. XV в. можно назвать порой временного равновесия мещанского и боярского землевладения. В 70-е гг. темпы роста последнего заметно превалируют, причем в это время резко увеличивается количество покупок боярами земель у мещан, слуг путных и земян.

Земля концентрируется в руках представителей нескольких боярских родов — Радковичей, двух ветвей Корсаков — Зеновьевичей и Остафьевичей, Селяв, Епимахов.

На смену мелкому мещанскому и земянскому землевладению приходит крупное боярское. Новые и прежние владения подтверждаются великим князем Александром на протяжении всего его княжения.

В начале XVI в. наряду с собственностью бояр, полоцких уроженцев, увеличивается землевладение белорусской и западнорусской шляхты, терявшей свои родовые земли и переселяющейся в Полоцк, а также великокняжеской бюрократии. Новая знать Полоцка, активно участвовавшая в военных начинаниях Александра и Жигимонта, пользовалась всемерной поддержкой великих князей. Фонд государственных земель тает, переходя в руки частных владельцев.

Несмотря на быстрое сокращение мещанского и земянского землевладения, боярству не удалось совершенно вытеснить мещан и земян. Мелкое землевладение этих двух прослоек вплоть до середины XVI в. оставалось характерным для Северной Белоруссии.

Неизменными остаются лишь ничтожные по размеру церковные владения, хотя наряду с православными церковными феодалами в Полоцке появляются и католические.

Изучение динамики феодального землевладения в Северной Белоруссии показывает коренные сдвиги, произошедшие в его структуре, под влиянием развития производительных сил в сельском хозяйстве, где сменилась система земледелия, в котором уверенно победила подсека. Это создало предпосылки для втягивания всего региона в товарно-денежные отношения со странами Северной и Западной Европы, но требовало новых форм землевладения и землепользования, адекватных этим отношениям, и тем самым способствовало формированию фольварочного хозяйства в условиях слабости мещанского и земянского хозяйства, не выдерживающего конкуренции со шляхетским, пользующимся мощной поддержкой государственной власти.

§ 7. Данные грамот о феодально-зависимом и рабском населении

Сведения о положении феодально-зависимого населения относятся по преимуществу к последней четверти XV — началу XVI в. Общим названием для всех его групп было «люди». Все они сидели на земле, принадлежавшей различным феодалам — светским (в том числе и великому князю) или духовным. Эта земля находилась скорее в их пользовании, чем владении[339].

К 70-м годам XV в. наиболее велика была группа великокняжеских — «господарских» людей данных, плативших основной налог, именуемый, как и на Руси, данью[340]. В 1475 г.

[339] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 305.

[340] *Юревич Е. К., Янович Е. И.* Названия пошлин и податей в языке памятников старобелорусской письменности // Программа и тезисы Межреспубликанской конференции по изучению лексики старобелорусских письменных памятников XV–XVII вв. 15–16 мая 1964 г. Вильнюс, 1964. С. 17–18. Впервые дань упоминается во включенной в грамоту 1387 г. жалованной неизвестной княгини Иоанно-Предтеченскому монастырю. Она до 1387 г. пере-

они впервые названы «тяглыми» (№ 210). Другой термин, употреблявшийся в Северо-Восточной Руси, — черные люди, в сохранившихся в Полоцке грамотах применялся лишь по отношению к низшим слоям городского населения. В подтвердительной уставной Жигимонта I Полоцку на магдебургское право черные люди названы в одном ряду с мещанами: «вси мещане, и чорные люди, и всякие закла*д*ни» (№ 456). И в уставной 1486 г. черные люди скорее принадлежали к горожанам, нежели к «сельчанам»: «мещане, и дворане, и чо*р*ные люди» жаловались на существовавшие порядки, а затем узнали великокняжеское распоряжение: «бе*з* боѧ*р* мещаномъ, и двораномъ горо*д*скимъ, и че*р*ни со*и*мовъ не надобе чинить» (№ 265). Во втором случае термином «чернь» заменено словосочетание «чорные люди».

В середине XV в., когда началась усиленная раздача великокняжеских земель, данники стали переходить в руки бояр и отчасти мещан[341], при этом их повинности сохранялись[342]. Однако этот процесс не зашел еще настолько далеко, чтобы сами данники потеряли право распоряжаться землей, в том числе покупать и продавать ее. Тяглые люди из Даниловичей в 1507 г. продали свои купленные земли «звечны*и*… со всимъ, какъ ѡтъци ихъ и ѡни сами де*р*жали» земли в Даниловичах боярину Митьке Петровичу (№ 421; ср. № 416). Исходя из жалованной Жигимонта невозможно сделать заключение о том, какова их дальнейшая судьба: остались ли они на своих насиженных местах или ушли оттуда. Зато судьба земли ясна: она перешла из разряда великокняжеской «черной» в разряд боярской.

Первоначально дань носила натуральный характер, включая часть доходов, получаемых черными людьми от эксплуатации местных угодий (№ 421, 21 августа 1507 г.). Чаще всего в источниках середины XV в. упоминается дань медовая или пушниной. Так, жители с. Свило давали дани 3 куницы (№ 318, 11 марта 1495 г.), люди Корсаков на Псуе уплачивали дань медом, другие люди Корсаков — медом, пушниной и куницами. Вплоть до 10-х гг. XVI в. дань включала мед: человек Бобр, переданный владыке Евфимию, должен был давать один пуд пресного меду дани (№ 463). Только в конце XV в. впервые упоминается денежная дань, «дань грошовая». Впрочем, люди поляне, служившие к Черсвятскому двору, наряду с новой данью платили и старую «дань медовую» (№ 315, 12 декабря 1492 г.). В начале XVI в. сосуществовали различные формы дани — грошовая, медовая, куничная[343].

Эволюцию экономического положения сельского населения зависимого от великого князя, можно выразить в нескольких словах: дань, из натуральной превращавшаяся в денежную, вытеснялась тяглой, а затем пригонной службой[344]. В конце XV — начале XVI в. дань отступала на задний план по сравнению с другими повинностями и податями[345]. В жалованной подтвер-

---

дала монастырю «Логозкую дань и лю*д*(и), и весь доходъ», «оусю тую дань, што нь есть дохода, — дань серебренаѧ, бобры, белки и лукна всѧ, и люди оуси» (№ 16, 28 апреля 1387 г.).

[341] При передаче данников жалованными середины XV в., счет шел отдельными «людьми». В грамотах конца XV — начала XVI в. тяглые люди исчисляются «дымами» или «подымами». Кн. С. Соколинский получил тридцать четыре подыми людей мничан, городчан, заболотчан, ранее служивших к полоцкому замку (№ 472, 14 июля 1511 г.).

[342] Люди Ставровичи, переданные Гридке Радковичу, платили в качестве дани 5 пудов меду и 2 куницы. Радкович получил право гнать бобров на их землях (№ 145, 1459–1476 гг.). Сама медовая дань, судя по тому, что платили люди Ставровичи, в середине XV в. не увеличивалась. И в 40-е и в 60-е гг. XV в. Ставровичи платили одну и ту же дань.

[343] № 427, 444 (9 января 1508 г., 20 марта 1509 г.). Так, пожалованные Никифору Коробовичу люди на Менице — Борис, Сергей, Гридка, Мотфей Ромбольтович, их Зеновка и невестка их Нелюба платили бобровщину господарю (№ 433, 5 августа 1508 г.), а также, как уточняла жалованная Жигимонта, «дань грошовую и мѣ̆довую» (№ 438, 21 января 1509 г.).

[344] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 337.

[345] Овдеевичи Тулубеевцы, переданные Ф. И. Глинскому Александром, были подтверждены ему же «зъ данью медовою, и грошевою, и кꙋничною, и со въсѣ̆ми ихъ служъбами, и пода*т*ми волостными, и городовыми роботами, и со въсѣ̆мъ правомъ и па*н*ствомъ» (№ 444, 20 марта 1509 г.). С тяглых людей Ловожского стана, переданных И. Ф. Полубенскому великим князем Александром, шли различные виды дани. Однако об их натуральных повинностях говорилось особо: «А тѧглы*х* люде*и*, которые к двору нашому к Бе*л*(ь)чицы служили, на *и*мѧ Ѿтрохима,

дительной Жигимонта от 20 марта 1509 г. (№ 444) наряду с данью впервые применительно к тяглым людям указываются повинности «службы», «волостные подати», «городовые работы», хотя последние, несомненно, относятся к древнейшим видам повинностей (см. № 209).

Эволюция тяглых людей привела к появлению в конце XIV в. пригонных людей, «Пригон» — работы, выполняемые населением, живущим вне данной местности[346], которые по определению М. К. Любавского, «обязаны работать и ставить подводы на господарском дворе или пашне всегда, когда это было нужно»[347].

С конца XV в. барщинные повинности, выполняемые населением великокняжеских сёл, тоже стали именоваться пригоном. Так же стали называть и население, обязанное выполнять натуральные повинности, прежде всего строительные. В 1502 г. положение пригонных людей регулировалось уставной грамотой короля Александра. Пригонные великокняжеские люди жили в разных местах Дрисецкой волости: в Замшанах, Ситне, Заборье, в окрестностях Полоцка, Черсвят, в Домниках и т. д. Люди поляне «служили» к Черсвятскому двору, а кроме того платили грошовую и медовую дань. К началу XVI в. они предстают вполне организованными. Вероятно, раньше они имели некоторую форму самоуправления. Местными начальниками были десятники, распоряжавшиеся «потужниками» своего «пригона» (№ 449, 6 августа 1509 г.). Десятники — бывшие органы черной волости[348] — в конце XV в. превратились в органы великокняжеского управления. В 1509 г. упоминаются десятники замшанский и дрисецкий Бакун и Рожко. Такими же десятниками были Рожка с Ситна и Хома из Заборья. Сторожь на Ситненской дороге, вероятно, была временным явлением. Пригонные люди обязаны были ловить контрабандистов, которые вопреки указу великого князя вывозили на Русь благородные и цветные металлы. Они отвечали за выполнение повинностей, в том числе сторожевой. Они же выступали ходатаями перед великим князем по делам своего пригона. Потеряв роль представителей волости, десятники в конце XV — начале XVI вв. уже не выступали в суде.

Формы использования пригонных великокняжеских людей были различны. В 1509 г. пригонные люди Дрисецкие ходили на Ситненскую дорогу, «на сторожу» вместе со слугами великого князя и «стациею по*д*нимали» этих слуг, т. е. снабжали их продовольствием (№ 449, 6 августа 1509 г.). Пригонные люди Лугинцы «къ двору нашому (великокняжескому. — *А. Х.*) Бе*л*(ь)чицкому пашню пашу*т*(ь) и вси потѧгли тѧгнуть» (№ 481, 19 августа 1511 г.). «Пригон полоцкий», т. е. пригонные люди Полоцкого замка, участвовал в строительстве замка в городе (№ 209, 27 марта 1475 г.): они рубили дерево на ез, давали варное (вероятно, то же самое, что варные куницы, сбором которых в 40–60-е годы XV в. ведал Сурвило, № 93), т. е. традиционно со времен полюдья установленное отчисление в пользу князя с любого пира или братчины (ради которых предпринималась варка пива), земяные куницы и бобровщину (№ 422, 22 августа 1507 г.).

Итак, относительно крестьянских повинностей господарских крестьян сохранилось очень мало сведений, в актовых материалах содержится лишь глухое упоминание о сохранении старой нормы повинностей или отработок, либо случайное сообщение о введении той или иной новой повинности. Так, в начале XVI в. на Ольбецкую и Себежскую волости была воз-

---

а Па*н*крата, а Ѡнтипу ꙋставнико*в*, а Ѡста*ш*ка, а Тимона, а Ивана, а Ма*т*фея и сеножа*т*(ь) на реце на Ꙋле, которую тые *ж* люди кошивали и тое сѣно на замокъ нашъ Поло*ц*ки*и* воживали» (№ 398, 18 июня 1506 г.).

[346] О жителях с. Дольцы, Весницк и Путилковичи говорилось, что они «на пригонъ на владычынъ дворъ хоживали за пе*р*вы*х* владыкъ поло*ц*кихъ». Те же отказывались, заявляя, что «в прыгонъ николи не хоживали» (№ 380, 26 декабря 1502 г.). Люди в Домниках до 1507 г. «къ дворꙋ нашому Бе*л*(ь)[ч]ицы служили, и ва*р*ное и земѧные куницы даивали, и въ пригонъ на Бе*л*(ь)чицу ходивали, и на езъ дерево робливали, и бобро*в*щину, де*и*, то*л*(ь)ко дають ты*и* люди копу гроше*и*» (№ 422, 22 августа 1507 г.). В грамоте 1475 г. было указано, что городовое дело в Полоцке наряду с черными людьми из задвинских и других волостей выполняет «пригон полоцкий» (№ 209, 1475 г.).

[347] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 315–316.

[348] См. об этом относительно Переяславского уезда Московского княжества: *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история. С. 31.

ложена повинность платить полоцким хоружим 10 коп грошей. В 1533 г. Фёдор Епимахович заявлял, что эти волости «водле стародавного ѡбычая хоружимъ полоцькимъ, предкомъ моимъ и мне самому плачивали по десяти копъ грошей»[349]. Этот «стародавний» обычай был, вероятно, не очень древним. При Петре Станиславовиче эти волости отказались уплачивать деньги хоружему, по-видимому, еще не смирившись с введением этого платежа. Первые хоружие в Полоцке появились в первое десятилетие XVI в.

Несколько глубже и подробнее вопрос о положении черных людей позволяет осветить уставная грамота Жигимонта III от 15 июля 1589 г., которая подтверждала жителям нескольких сёл и волостей старые нормы их повинностей[350], восходящие, по-видимому, к концу XV — началу XVI в. Предусматривалась уплата денежной дани, бобровщины, поставки пресного меда, уплата записного, закосного, завозного, вознаграждение городничему, конюшему (поклон), бирчему, подорожнику, ключнику, медосытцу, ловчему. В этом документе одни и те же платежи носили разные названия — иногда писалось «сторожевщина», иногда речь шла о платеже «на сторожы замковые» (с Нищенской вол.). Несколько раз повторялось, что все платежи жители этих сел должны платить в Полоцке: «завозного отвезши мають заплатить у Полоцкомъ замку», то же повторяется и относительно сторожевщины, и относительно всех остальных платежей, которые поступали с Клясицкой вол.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшой удельный вес хлеба и хлебных изделий. Кроме перечисленных в списке хлеба «по бохону с дыма» неводничему, жители Нищи, Уклеинского, Клясицкого, Зябицкого сёл, должны были поставлять 26 «букатов», то есть тех же буханок хлеба, и с. Крощуцкого — 4 солянки овса, конюшему. Не совсем понятна и терминология относительно с. Крощуцкого — «жита посѣвальни и гуменного куницы грошей пятьдесятъ широкихъ». Возможно, неоднократно упоминавшиеся «осмаки» представляли собой какую-либо хлебную меру. На деньги переводились прежние натуральные платежи: с с. Нещерда — «за овсомъ ключнику пана воеводыному грошей сорокъ, одъ валовъ ему копы двѣ и грошей шесть, за хлѣбъ по грошу одному… за щуки грошей двадцать одинъ». Кроме того, жители перечисленных местностей вынуждены были исполнять и натуральные повинности. Жители Нещерденской и Клясицкой волостей и с. Лисна обязаны были строить королю одну светлицу в Полоцке, жители с. Зябицкого — «кухню на дворѣ господарскомъ робить повинни». Очень многочисленны и разнообразны были повинности, связанные с рыболовством. Жители Нищи и с. Уклеинского и Клясицкого должны были «въ сѣти… тянуть людьми волости Нещередское», с. Лисна — «однымъ неводомъ зимѣ повинни тягнуть», «езъ все лето заведати», нещержане с потужником Даишеном в Усвятском озере должны были один раз ловить рыбу («тягнути»). Третьей формой натуральных повинностей было кошение сена и перевозка его в Полоцк. За Уклеинской волостью было закреплено «луги косить на Дрысѣ рѣцѣ, до двора господарского возить до Полоцка». Жители с. Крошуцкого «повинни сѣна косить на Дрисѣ рѣцѣ», с. Язна — косить «луги надъ Рычею рѣкою» (вероятно, тоже Дриса), с. Зябицкого — «два луги сена». Все они должны вывозить сено в Полоцк. Гораздо меньшее место занимали повинности, связанные с охотой. Только жители с. Нещерда «повинни до лѣсу господарского до пущи Страдины въ ловы ходити».

Для того чтобы понять, насколько тяжелы были натуральные повинности, нужно представить себе, сколько времени требовало их выполнение. В особенности трудным был, повидимому, вывоз сена в Полоцк, так как одно путешествие занимало несколько дней.

В уставной грамоте 1589 г. не всегда указывалась единица обложения. Лишь в связи с взиманием сторожевщины и платежа неводничему упоминается «дым», весьма древний термин, восходящий ко временам Древнерусского государства.

---

[349] БА. Т. 2. № 148. С. 113 (5 марта 1533 г.).

[350] АЮЗР. Т. 1. № 193. С. 229–230.

В жалованных же грамотах начала XVI в., как правило, повинности великокняжеских тяглых людей исчислялись службами. Значение этого термина неясно. «Служба» не соответствовала ни повинностям с семьи, ни повинностям с двора — дыма[351]. Применение термина «служба» по отношению к тяглому населению свидетельствует об уравнивании положения слуг путных и людей — данных. Первые приближались к положению людей тяглых. Тяглые же смешивались с путными.

О положении крестьян в частных владениях известно очень немногое. Даже переходя в руки боярина или мещанина, крестьяне сохраняли свои повинности на господаря. Они обязаны были давать подводы и ходить на стан[352]. Редкие жалованные освобождали их от этого. Так, население с. Ушачи и Лодыжиничей, принадлежавших Евлашке Фёдоровичу Козчичу со 2 марта 1458 г. (№ 140), и тяглые люди Ловожского стана, в начале XVI в. переданные И. Ф. Полубенскому, были освобождены от этого (№ 398, 18 июня 1506 г.). В жалованных данных великих князей, как правило, указывалось, что крестьяне передаются в руки великокняжеских вассалов со всеми данями и «поплатками» («ка*к*… зда*в*на», № 472, 14 июля 1511 г.). Несмотря на освобождение бывших великокняжеских крестьян от стаций и подвод, их положение после перехода в частную вотчину резко ухудшалось. Они жаловались на «грабежы великие», которые им делают их новые господа.

Господарские люди упорно сопротивлялись переходу их в зависимость от отдельных феодалов. Люди сельчане несколько раз на протяжении второй половины XV в. поднимали вопрос о возвращении в великокняжескую волость. Они заявляли, что вдова Андрея Селявы держит их «без данины» Казимира, «а мы люди твоее м(и)л(о)*с*ти г(о)*с*(по)д(а)ръские». Однако сельчанам пришлось смириться со своим положением, т. к. вдова предъявила жалованную Казимира. Они вынуждены были признать, что они действительно были даны деду детей Андрея Селявы. Александр потребовал, чтобы сельчане по-прежнему служили детям Андрея Селявы, так же как их деду и отцу (№ 342, 9 апреля 1497 г.).

К великокняжеской власти обратились и жители с. Горок, которые обвинили вдову Глеба Остафьевича и ее детей в том, что «ѡни ты*х* люде*и* бе*з* данины и безъ листовъ за себе забрали и грабежы великие имъ поделали». Исход дела был предрешен заранее. Великий князь, ссылаясь на грамоту Александра, присудил горчан пани Глебовой Остафьевой и ее детям (№ 420, 11–12 августа 1507 г.).

Наряду с обращением к великому князю и королю черные люди использовали и пассивные методы борьбы, а именно расходились со своих земель. Так, свиляне в конце XV в. отказались служить своим прежним господам — боярам Радковичам. Бояре жаловались: «розно от них прочь розъшли». Однако права свободного выхода они в это время, по-видимому, уже не имели. Они ссылались на Андрея Саковича, который их якобы «отнял» от бояр Радковичей. Несмотря на это, Александр предписал возвращать людей этого села, где бы их ни нашли, и возвращать их на прежнее место «со всими их статки» (№ 314, 4 сентября 1492 г.).

Прикрепление в конце XV в. еще не приобрело массового характера. Черное крестьянство имело право распоряжения своей землей, в частности продажи. В этом отношении они были похожи на земян, также обладавших этим правом.

---

[351] Так, И. Ф. Полубенский получил «десять дымовъ, ѡсмъ слꙋжобъ тяглыхъ на имѧ Словани» (№ 460, 6 сентября 1510 г.). В пожаловании Александра земли на Горках значатся 9 человек: некий Селиверст с тремя сыновьями и 5 братьями, «с которы*х* же люде*и* идеть чотыри слу*ж*бы» (№ 420, 11–12 августа 1507 г.; № 427, 9 января 1508 г.). Кроме того Глебу Остафьевичу Александр передал еще семнадцать человек на Мочажы три сына Ханкова, два сына Хотеева, Иван Александровича троих Охремовых и еще 7 человек, названных только по именам. Сколько «служеб» шло с этих людей, неизвестно (№ 427, 9 января 1508 г.).

[352] Так, люди игумена Мошонского св. Воскресения Кольчи (Колчичи) «мають посполь с ними (Кушликовлянами. — *А. Х.*) к тому стану Кушликовъскому тягнути, и стацеи на г[оспо]д[а]ря короля его м[и]л[о]сть и на пановъ воеводъ Полоцъкихъ давати» (БА. Т. 2. № 312. С. 226–227, 15 декабря 1533 г.).

В отношении к земле между пригонными и тяглыми людьми не было принципиальной разницы. По привилею Жигимонта I от 27 августа 1510 г. (№ 460), пригонные люди, как и люди данные, могли продавать свою землю, право владения которой таким образом признавалось за ними.

О положении и роли челяди грамоты почти ничего не сообщают. Включение же в рядную грамоту Полоцка с князьями пункта, общего для всех грамот подобного типа на Руси: «А холопу и робе веры не няти», свидетельствует о повсеместном использовании челяди[353]. У пани Якубовой был «дворецъ з лю*д*(ь)ми и с чела*д*(ь)ю невольною» (№ 423, 22 августа 1507 г.). Челядь составляла часть движимого имущества слуг О. В. Корсака — Проселка и Мартина (№ 338, 18 июля 1496 г.). Возможно, в первом случае речь шла об обозначении дворовой прислуги, подобно Руси XV в., то во втором — этим термином могло обозначаться всё сельское зависимое от феодала население аналогично русскому понятию челяди в XII–XIV вв. Челядь, которой владели Проселки, несомненно занималась сельским трудом.

Введение магдебургского права нарушило прежний статус челяди. Оно приравняло боярских людей в податном отношении к мещанам. «А которыи люди боя*р*скии живу*т*(ь) в городе и на месте, на и*х* земла*х* ѡ*т*чизны*х*, а любо на кȣпла*х*, будȣть ли сѧ которые то*р*гомъ ѡбыходити, и ѡни мaю*т*(ь) з мещаны серебщизну и иныи попла*т*ки на*м* платити». Однако они не имели права переходить в магдебургское право: «А вои*т* и мещане не маютъ и*х* сȣдити и в право неме*ц*кое писати». Часть этих «людей» находилась в холопьей зависимости от бояр, часть получала от них денежные ссуды, как явствует из грамоты Александра от 12 июля 1499 г. (№ 354). Однако Александр распорядился, чтобы в судебном отношении холопы по-прежнему подчинялись наместнику. Мещане, вероятно, раньше бояр отказались от рабского труда. По ревизии 1552 г. на землях мещан сидят исключительно «вольные люди». Разумеется, это свидетельство более позднее, однако и око может пролить некоторый свет на явления конца XV в.

Каковы источники рабства в Полоцке XV в.? Приведенная выше жалоба бояр 1499 г. ставит на одну доску невольных холопов, рабынь и «иных людей, в пенязях будучи», это делает возможным предположение, что дорога к рабству лежала через долг, закабаление. Купля и продажа челяди, в том числе и на внешнем рынке, по-видимому, была не редким явлением. В 1409 г. полочане обратились к рижанам с требованием вернуть им их товары и челядь, которую рижане «без кун поимали». (№ 57, 26 августа 1409 г.). Если бы «куны» были уплачены, челядь могла бы перейти в руки покупателя безо всяких затруднений.

Сходство терминологии и клаузул в договорных и рядных грамотах Полоцка и других русских земель — центральных и северо-западных — свидетельствует о сходстве явлений. Неизвестно, происходил ли в Полоцке, как и на Руси в XV в.[354], процесс сокращения рабского населения, вытесняемого различными прослойками феодально-зависимого населения.

---

[353] *Пичета В. И.* Институт холопства в Великом княжестве Литовском в XV–XVI вв. // Пичета В. И. Белоруссия и Литва. С. 152–182.

[354] *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 311–338; *Он же.* Отпуск холопов на волю в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 71.

Справочные материалы

Полоцкие князья, наместники, воеводы и епископы XIV – начала XVI в.*

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки составить перечни полоцких князей XIV в.[1], наместников и воевод конца XIV – начала XVI в.[2], православных епископов и архиепископов XIV – начала XVI в.[3], однако почти все они по разным причинам неполны или неточны.

Приводимые ниже списки не претендуют на то, чтобы полностью отразить деятельность включённых в них лиц. Их задача гораздо скромнее: систематизировать сведения о персональном составе полусуверенных правителей, светских сановников и духовных иерархов Полоцкой земли, помочь сориентироваться в их последовательности и хронологии деятельности. Для каждого из них приводятся два упоминания – наиболее раннее и наиболее позднее, либо единственное упоминание; строкой ниже в круглых скобках указывается его источник. Если известна дата смены или смерти князя, наместника, воеводы или епископа, то она выделяется полужирным шрифтом. Если то или иное упоминание не имеет даты, но можно установить его хронологические рамки, то они заключаются в квадратные скобки.

Отдельную проблему представляет собой именование указанных лиц – титулатура князей, название должности высшего светского сановника Полоцкой земли, сан полоцкого владыки. Обычно исследователи стремятся усмотреть в их смене некую систему. Однако один и тот же человек мог именоваться попеременно наместником, воеводой и державцей (в «руских» источниках), архиепископом и епископом и т. д. Именование зависело от целого ряда факторов: в каком источнике содержится упоминание – в документальном, нарративном или на печати; на каком языке написан этот источник, если это документ, то чей писец его писал, подлинник это или список, перевод, черновик. Можно лишь отметить, что последовательное именование словом «pallatinus» или «воевода» встречается примерно с 1504 г., но при этом «воеводы полоцкие» встречаются в «руских» источниках и раньше, с начала XV в. (если верна датировка № 44), а в особенности в середине – третьей четверти этого столетия: так именовали себя Семён Гедигольдович, Андрей Сакович, Пётр Монтигирдович и Олехно Судимонтович (однако великокняжеские документы всё равно называют их наместниками), тогда как впоследствии (при Богдане Андреевиче, Яне Юрьевиче Заберезинском, Юрии Пацевиче и в начале службы в Полоцке Станислава Глебовича) утверждается термин «наместник», в том числе как самоназвание. Та же тенденция наблюдается в XV столетии в других «руских» землях Великого княжества Литовского, хотя официально должности воевод были введены в 1413 г. лишь в Вильне и Троках. Значительно слабее документальными источниками освещена деятельность полоцких князей XIV в. и епископов, однако есть основания полагать, что и их именование не было столь последовательным и систематичным, как это нередко изображается в литературе.

Наименования перечисленных лиц указываются в правом столбце. При этом сначала приводятся наименования из «руских» источников, затем из латинских и, наконец, из немецких

---

* Перечни составил С. В. Полехов с использованием материалов В. А. Воронина, а также материалов, собранных для «полоцкого» тома серии «Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego» Х. Люлевичем, А. Рахубой и Т. Ящолтом, которым составители приносят искреннюю благодарность.

[1] См.: *Данилевич*. 1896; *Варонін*. 1996.

[2] *Wolff*. 1885б. S. 44–45; *Boniecki*. 1887. S. XLV; *Backus*. 1957; *Pietkiewicz*. 1995. S. 208; *Petrauskas*. 2003. P. 319–320 (перевод на белорусский язык: *Пятраўскас*. 2013. С. 331–332).

[3] *Грыгаровіч*. 1992. С. 27–31; *Строев*. 1877. Стб. 496–498; ВС. Т. 5. Ч. 1. С. CXXXIX–CLXVII; *Баловнев, Назаренко*. 1995. С. 645; *Флоря*. 1996а. С. 519; *Шейкин*. 1997. С. 19–24; *Варонін*. 2009б.

(источник указывается в круглых скобках, если упоминание данного лица в Полоцке – не единственное; в последнем случае ссылка на источник приводится лишь при дате). Если наименование должности или сана того или иного лица встречается в документе, юридическим автором (или одним из юридических авторов) которого является это лицо, а этот документ сохранился в подлиннике, то это наименование выделяется полужирным шрифтом. Если это наименование встречается в документе, юридическим автором которого является великий князь литовский, и сохранился полный текст этого документа (вне зависимости от того, подлинник это или список), то оно выделяется курсивом.

Полоцкие князья (1326–1393)

Воинь, брат Гедимина[4]	1326/27 (НПЛ. С. 98)		Полоцкий князь
Глеб Наримонт Гедиминович[5]	1338 г. ноября 1 (№ 8, 9)	**† 1348 г. февраля 2** (SRP. Bd. 2. S. 76; Bd. 3. S. 593; Bd. 5. S. 119)	Koni(n)ghe van Ploscowe (№ 8). Князь (№ 9). Rex Rutenorum (SRP. Bd. 2. S. 76). Der Rewsen konig (SRP. Bd. 3. S. 593; ср.: Bd. 5. S. 119).
Андрей Ольгердович[6]	1350/51 (ПЛ. Вып. 2. С. 27, 99 – упоминается поход Андрея на Воронацкую волость «с полочаны»)	1377/78 (НПЛ. С. 375; ПЛ. Вып. 1. С. 24; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 307)	**Великий князь полоцкий** (№ 10, 11; ср.: ПР 1552 г. С. 174).
Семён Лугвень Ольгердович	1379 г. сентября 29 (GStAPK. Perg.-Urk. Schiebl. 52. № 3; *Rimša*. 2002. P. 91–92)[7]		**Великий князь полоцкий** (ср.: ПР 1552 г. С. 174).
Андрей Ольгердович	1385 г. октября 10 (№ 13; ср. № 14)[8]	1386 г. сентября 16 (СГ. С. 72)	**Rex in Ploscovia** (№ 13, 14).
Иван Скиргайло Ольгердович	1387 г. апреля 28 (№ 16)	1393 г. апреля 27 (Прил. № 3)	**Dux Litwanie et dominus Trocensis ac Polocensis** (№ 17).

[4] В рассказах ряда летописей о событиях 1341–1342 гг. полоцким князем именуется Любко, сын Воиня. На этом основании Я. Никодем считает, что он мог какое-то время княжить в Полоцке (*Nikodem*. 2001. S. 618–619). Больше оснований полагать, что Любко именуется полоцким князем как сын Воиня из-за того, что последний действительно какое-то время княжил в Полоцке. К 1341 г. полоцким князем, вопреки мнению Я. Никодема, был уже Наримонт (см. следующее примечание).

[5] Попытка Я. Никодема доказать, будто Наримонт никогда не княжил в Полоцке (*Nikodem*. 2001. S. 613–619), неубедительна, поскольку основана на умозрительных аргументах и отвергает прямую ссылку договора смоленского князя Ивана Александровича с Ригой, в котором упоминается договор с Ригой, «како то бра*т* мои старѣиšii Кедименъ докончалъ и ѥго дѣти Глѣбъ и Алкердъ» (СГ. С. 70) – имеется в виду договор от 1 ноября 1338 г. (№ 8). В битве на р. Стреве, в которой погиб Наримонт, участвовали воины из Полоцка (SRP. Bd. 2. S. 75).

[6] «Князь великий Полоцъкий Михаил», упоминаемый в ревизии 1552 г. (ПР 1552 г. С. 173), скорее всего, был сыном Андрея Ольгердовича (*Варонін*. 1996. С. 45–46).

[7] Великим князем полоцким Семён-Лугвень назван лишь в надписи на печати, привешенной к литовско-орденскому договору 1379 г. В перечне свидетелей этого договора полоцкое княжение Семёна-Лугвеня не отмечено (CDPr. Bd. 3. № 134. S. 180–182).

[8] Андрей Ольгердович повторно вокняжился в Полоцке не ранее 27 февраля 1380 г., когда великий князь литовский Ягайло и полочане заключили перемирие с ливонским отделением Тевтонского ордена (№ 12).

Полоцкие наместники и воеводы (1393–1513)

Кн. Семён Лугвень Ольгердович	[1393 г. апреля 28 – ок. 1395 г.] (№ 32, 36)		—
Монтигирд	[1394–1396 гг.] (№ 32)	до 1399 г. июля 25 (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 80)	**Наместник полоцкий** (№ 32). *Hawptman* (№ 36). *Namezdnyk* (№ 37).
N., родственник жены Витовта [Анны]	1399 г. июля 25[9] (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 80)		Namestnek.
Домонт Василий Дмитриевич [Корсак], Овдошко Толстоусович, Терешко Константинович (?)	[1399 г. июля 25 – 1407 г. марта 25] (№ 40)		**Наместники полоцкие** (№ 40). Домонт назван «hovetma(n) to Plosko» в недатированном послании немецких купцов из Полоцка в Ригу (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 79).
Прижкинт	[1402–1403 гг.] (№ 44)		**Воевода полоцкий**.
Кн. Иван Семёнович [Баба] Друцкий	1409 г. [августа 11–25] (№ 56)	1409 г. августа 26 (№ 57)	**Наместник полоцкий** (№ 57). Hovetman tho Ploskow (№ 56).
Фёдор [Корсак]	[1409 г. августа 27 – 1412 г. апреля 14] (№ 61)		**Наместник полоцкий**.
Ян Немир	1412 г. апреля 15 (CEV. № 492. P. 231)	1413 г. октября 2 (AUPL. № 49. S. 54)	**Наместник полоцкий** (№ 62, 63). *Capitaneus Polocensis* (CESXV. T. 2. № 49. P. 55; AUPL. № 49. S. 54).
Кн. Григорий [Семёнович Друцкий]	[Около 1420–1429 гг.] (№ 66)		**Наместник полоцкий**.
Ходко	1422 г. сентября 27 (Dokumenty. 2004. S. 11)		*Polocensis capitane[us]*.
Василий Дмитриевич Корсак	[1422 г. сентября 28 – 1434 г. декабря 24] (№ 67)		**Наместник полоцкий.**
Михаил	1434/35 (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 192)		Houetman van Ploske.
Семён Гедигольдович	1440 г. июля 29 (№ 98А)		**Воевода полоцкий** (№ 97). *Наместник полоцкий* (№ 98А).
Иван Гойцевич	[1440 г. июля 30 – 1444 г. апреля 15[10]] (№ 101)		**Наместник полоцкий**.

[9] О недавнем назначении полоцким наместником не названного по имени родственника жены Витовта сообщается в письме Клауса Римана из Полоцка в Ригу, которое датируется 25 июля 1399 г.: «It(em) so hevet h(er)toghe Vitowete Montegherden of ghesad un(de) is ne(ne) namestnek mer, un(de) hevet hir ene(n) ander(en) sad, dat is en Růsse un(de) sal tobehore(n) der h(er)toghinen van Letowen».
[10] Уже 15 сентября 1445 г. упоминается как наместник витебский (LECUB. Bd 10. № 170. S. 108).

Андрей Сакович	1444 г. апреля 16 (?) (KDKW. № 179. S. 206[11]) 1445 г. сентября 15 (LECUB. Bd 10. № 170. S. 108)	1458 г. марта 2[12] (№ 140)	**Воевода полоцкий** (№ 109, 112, 126, 127, 129; ср. № 107, 113, 117, 122, 123, 131). **Наместник полоцкий** (№ 121). *Наместник полоцкий* (№ 140). Tenutarius in Poloczko (KDKW. № 179. S. 206) (?). **Capitaneus Polocensis** (*Rowell*. 2005. Priedas 2. P. 49; ср.: KDKW. № 208, 226. S. 236, 252). **Hoptman zcu Ploczkaw** (*Korczak*. 2008a. Dod. 4, 5. S. 169, 171).
Пётр Монтигирдович	1459 г. февраля 18 (№ 143)	1459 г. августа 9 (№ 146)	**Воевода полоцкий** (№ 141, 143, 144, 145). Haubtman zu Ploczko (MAB RS. F 15–73. P. 280).
Олехно (Александр) Судимонтович	1463 г. мая 20 (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 202–207; *Срезневский*. 1863. Ч. I. С. 82–86; *Kiaupa*. 1992. P. 34–39)	1476 г. февраля 24[13] (№ 214)	**Воевода полоцкий** (№ 158[14], 159, 161, 163, 164, 165, 166, 169, 180, 181, 200, 201; ср. № 162). **Наместник полоцкий** (№ 160, 190). *Наместник полоцкий* (№ 209, 210). **Державца полоцкий** (№ 214). **Capitaneus Polocensis** (№ 197; ср.: KDKW. № 264. S. 305). **Howptman zcu Polotczke** (CESXV. T. 3. № 148, 188. P. 173, 213; *Korczak*. 2008a. Dod. 9. S. 175).
Богдан Андреевич (Саковича)	1477 г. марта 24 (№ 222)	1484 г. августа 25 (*Ліцкевіч*. 2009. № 16. С. 29)	**Наместник полоцкий** (№ 223, 238, 239, 240). *Наместник полоцкий* (№ 255; *Ліцкевіч*. 2009. № 16. С. 29). *Capitaneus in Poloczko* (KDKW. 341. S. 397). *Howetma[n] czu Ploczko* (№ 222).
Ян Юрьевич (Заберезинский)	1484 г. октября 10 (LM. Kn. 25. № 9. P. 76)	1496 г. июля 1 (LM. Kn. 6. № 156. P. 129; ср.: *Pietkiewicz*. 1995. S. 208 – с датой 1496 г. июля 8)	**Наместник полоцкий** (№ 257, 258, 264, 267). *Наместник полоцкий* (№ 314). *Tenutarius Polocensis* (KDKW. № 376, 423. S. 439, 491; ср.: № 391, 411. S. 451, 476). *Capitaneus Polocensis* (LM. Kn. 25. № 9. P. 76; KDKW. № 389. S. 447).
Юрий Пацевич	1496 г. июля 25 (LM. Kn. 6. № 199.	1500 г. июня 4[15] (LM. Kn. 5. № 232.	**Наместник полоцкий** (AGAD. AR. Dz. XV. T. 13. P. 1. K. 1).

[11] Подлинность документа вызывает сомнения издателей, но перечень свидетелей полностью достоверен.
[12] Андрей Сакович стал трокским воеводой не позже 6 апреля 1459 г. (AS. T. 1. № 53. S. 51).
[13] В начале 1477 г., после смерти Михаила Кезгайловича, Олехно Судимонтович стал воеводой виленским и канцлером (UWKL. T. 1. S. 192. № 1101; GStAPK, OBA 16652).
[14] В современном немецком переводе должность «воевода» передана словом «hovetman» (№ 158, 180).
[15] Юрий Пацевич упоминается без указания должности 1502 г. июля 12 (LM. Kn. 5. № 247. P. 155)

	P. 147; ср.: CESXV. T. 3. № 422, 423. P. 438, 440)	P. 144)	В «руских» великокняжеских документах систематически именуется *наместником полоцким*. Capitaneus Poloczensis (KDKW. № 462. S. 542).
Станислав Глебович	1501 г. марта 29[16] (KDKW. № 481. S. 566)	1513 г. ноября 30[17] (*Варонін*. 2013а. С. 216–218)	В «руских» великокняжеских документах систематически именуется *наместником полоцким* до 1503 г. октября 20 (№ 383), *воеводой полоцким* — с 1505 г. февраля 19 (№ 389). Tenutarius Plocensis (KDKW. № 481. S. 566). *Capitaneus Polocensis* (KDKW. № 559, 563, 564. S. 665, 676, 679). *Palatinus Polocensis* (АЛРГ. Вып. 1. № 87. С. 112; KDKW. № 704, 711. S. 591, 595).

Полоцкие епископы и архиепископы (XIV в. – 1511/12 г.)

Яков	[1298–1305 или 1308] (№ 3)		**Епископ полоцкий** (№ 3).
Григорий	1331 г. августа 25 (ПСРЛ. Т. 10. С. 205)	[1338 г. ноября 1 – 1341] (№ 8, 9)	Biscope van Ploscowe (№ 8; ср. № 9).
Феодосий	**1391/92** (ПСРЛ. Т. 25. С. 219)	1415 г. ноября 15 (АЗР. Т. 1. № 24. С. 33; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 414)	Епископ полоцкий (ПСРЛ. Т. 25. С. 219). Владыка полоцкий (ПЛ. Вып. 1. С. 25; Вып. 2. С. 107–108; ПСРЛ. Т. 25. Вып. 226 — ошибочно «Подольскыи»; АСД. Т. 1. Вып. 1. С. 1; АЗР. Т. 1. № 25. С. 36). **Архиепископ полоцкий** (№ 58). Архиепископ полоцкий (вариант – «и литовский»: АЗР. Т. 1. № 24. С. 33; ОР ГИМ. Муз. 1209. Л. 227 об.; в летописном известии именуется епископом: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 414; Т. 35. С. 33, 55, 73).
Симеон II (Старый, Новгородец)	[Около 1440 г. – 1446 г. апреля 27] (№ 74)	[1452–1458] (№ 135; *Абеленцева*. 2009. № 27. С. 375)	**Владыка полоцкий** (№ 74, 75, 102; *Абеленцева*. 2009. № 27. С. 375). **Архиепископ полоцкий** (№ 135)[18].

[16] По-видимому, еще 19 марта 1501 г. не был полоцким наместником (№ 368)

[17] Согласно Ю. Вольфу (*Wolff*. 1885б. S. 45), Станислав Глебович умер в 1513 г. В январе 1514 г. полоцким воеводой был уже Ольбрахт Мартинович Гаштольд (РИБ. Т. 20. № 201, 202. Стб. 844–850).

[18] Согласно предположению А.В. Кузьмина, полоцкий епископ Симеон II упоминается в 1440–1447 гг. во вкладной записи Евангелия Апракос РГБ. Ф. 256. № 108 (л. 117 об.), датированной «в лѣ*т*(о) 7000-ное при великомъ кн(ѧ)зи Казимире, при еп(и)*с*(ко)пе Семионе» (*Кузьмин*. 2007в).

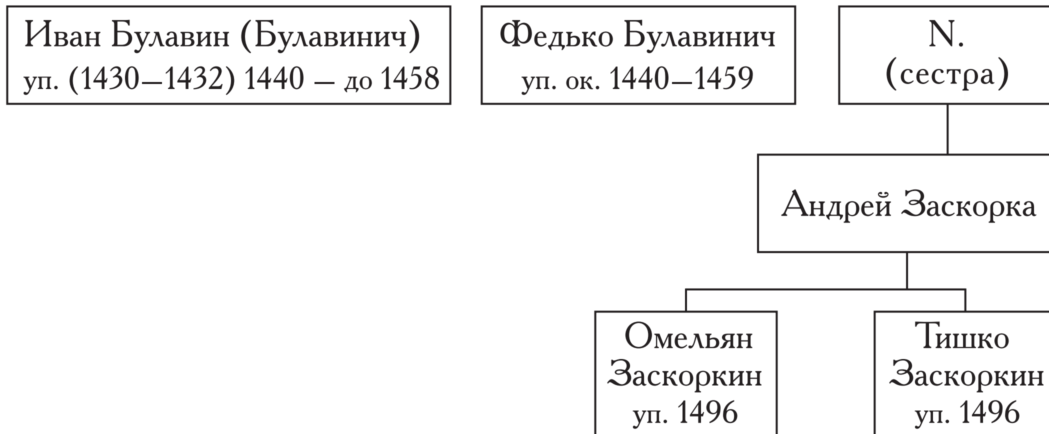
Калист	Не позже 1458 г., июля 25 — нареченный епископ (*Абеленцева*. 2009. № 44. С. 414–416)	1459 г. августа 9 (№ 148)	Нареченный епископ полоцкий (*Абеленцева*. 2009. № 44. С. 414–416). **Владыка полоцкий, епископ полоцкий** (№ 139 и надпись на печати; РИБ. Т. 6. № 84. Стб. 632). **Архиепископ полоцкий** (№ 138, 148).
Симеон III	1470 г. мая 4 (№ 195)	1481 г. августа 21 (№ 243)	**Владыка полоцкий** (№ 191, 195). **Владыка полоцкий, витебский и рижский** (№ 213). **Владыка полоцкий и витебский** (№ 215, 243), **нареченный митрополит киевский и всея Руси** (№ 243).
Иона (Глезна)	1482 г. февраля 28 (№ 249)	1487 г. января 7 (№ 266)	**Архиепископ полоцкий** (№ 249, 266). **Архиепископ полоцкий и витебский** (№ 251). **Владыка полоцкий** (№ 254).
Лука	1495 (ПСРЛ. Т. 35. С. 123)	1505 г. февраля 19 (№ 389)	Епископ полоцкий (ПСРЛ. Т. 35. С. 123, 125). *Владыка полоцкий* (№ 337, 351, 352, 353, 365, 368, 389). *Архиепископ полоцкий и витебский* (№ 379). *Владыка полоцкий и витебский* (№ 380; LM. Kn. 224. № 366. P. 307).
Евфимий (Окушкович)	1508 г. августа 6, 1509 г. апреля 25 и 27 – нареченный архиепископ 1510 г. января 19 — епископ (№ 434, 447, 448, 456; АИ. Т. 1. № 289. С. 525)	[1511 г. июня 1 – октября 20] (№ 463)	**Архимандрит, нареченный архиепископ полоцкий и витебский** (№ 434). **Архиепископ полоцкий и витебский** (№ 456, 458, 470). *Владыка полоцкий* (№ 463). **Владыка полоцкий и витебский** (№ 465, 471). Епископ полоцкий и витебский (АИ. Т. 1. № 289. С. 525).

Генеалогии полоцких боярских и мещанских родов конца XIV – начала XVI в.

Настоящее приложение призвано систематизировать и наглядно продемонстрировать родственные и свойственные связи между представителями наиболее влиятельных и состоятельных полоцких боярских и мещанских родов XIV – начала XVI в., которые упоминаются в грамотах, включенных в издание. Поэтому составители не ставили перед собой задачу проследить генеалогию представителей данных родов, действовавших после 1511 г. По возможности отмечено время появления представителей этих родов в источниках и матримониальные связи (при этом даты, установленные по косвенным признакам, заключаются в круглые скобки). Предположительные родственные связи обозначаются пунктирными линиями. В примечаниях отмечаются источники, по которым выполнена реконструкция генеалогии (номера грамот, известных лишь по упоминаниям, отмечены звездочкой), и литература о каждом роде.

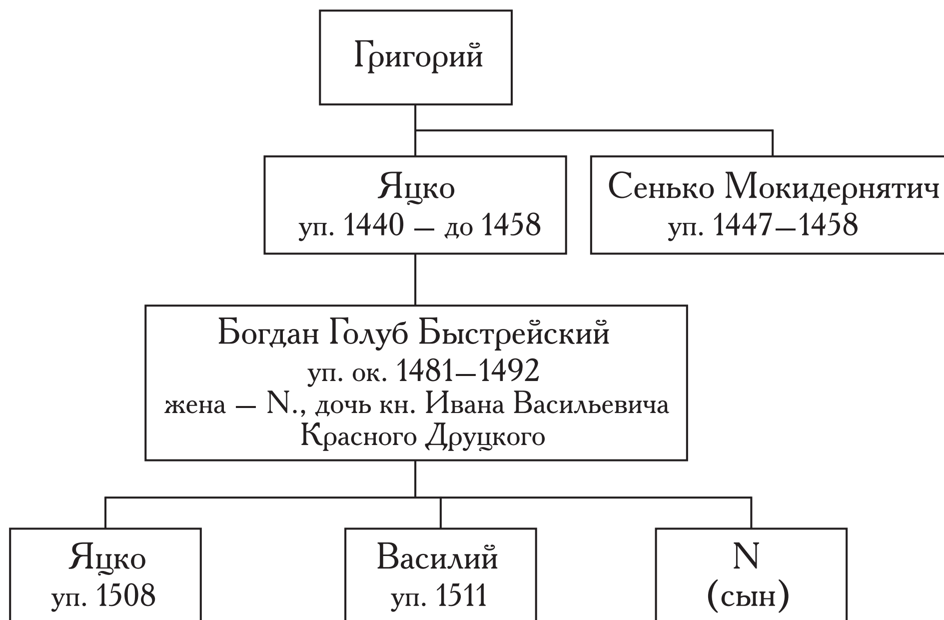
Схемы составлены А. Л. Хорошкевич и С. В. Полеховым с использованием материалов В. А. Воронина. Их графическое оформление выполнено С. Н. Темушевым.

БУЛАВИНЫ – ЗАСКОРКИ

Источники: № 98, 99*, 107, 132*, 135, 136*, 151*, 152*, 322.
Лит.: *Хорошкевич*. 1977а. С. 151–152 (неточно).

БЫСТРЕЙСКИЕ

Источники: № 79, 81, 121, 242, 277, 310*, 451, 479; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 583. Л. 113.
Лит.: *Варонін*. 1998. С. 49–50.

КОЗЧИЧИ (КОЖЧИЧИ)

Федор
Евлашко уп. 1447–1478
Сенько уп. 1448–1469
Русан уп. 1441
Яцко уп. 1447–1458
Кунца уп. (1486) 1492–1493
Климята Зубрык уп. ок. 1500–1502
Микита уп. 1463–1469 (1497)
Фёдор
Иван уп. (1492)1511
Степан
ЗУБРЫКОВИЧИ
Сава
Богдан уп. 1497–1530-е гг.
Федор уп. 1497
Василий уп. 1497
Андрей уп. в 1530-е гг.
Марина
Поладья

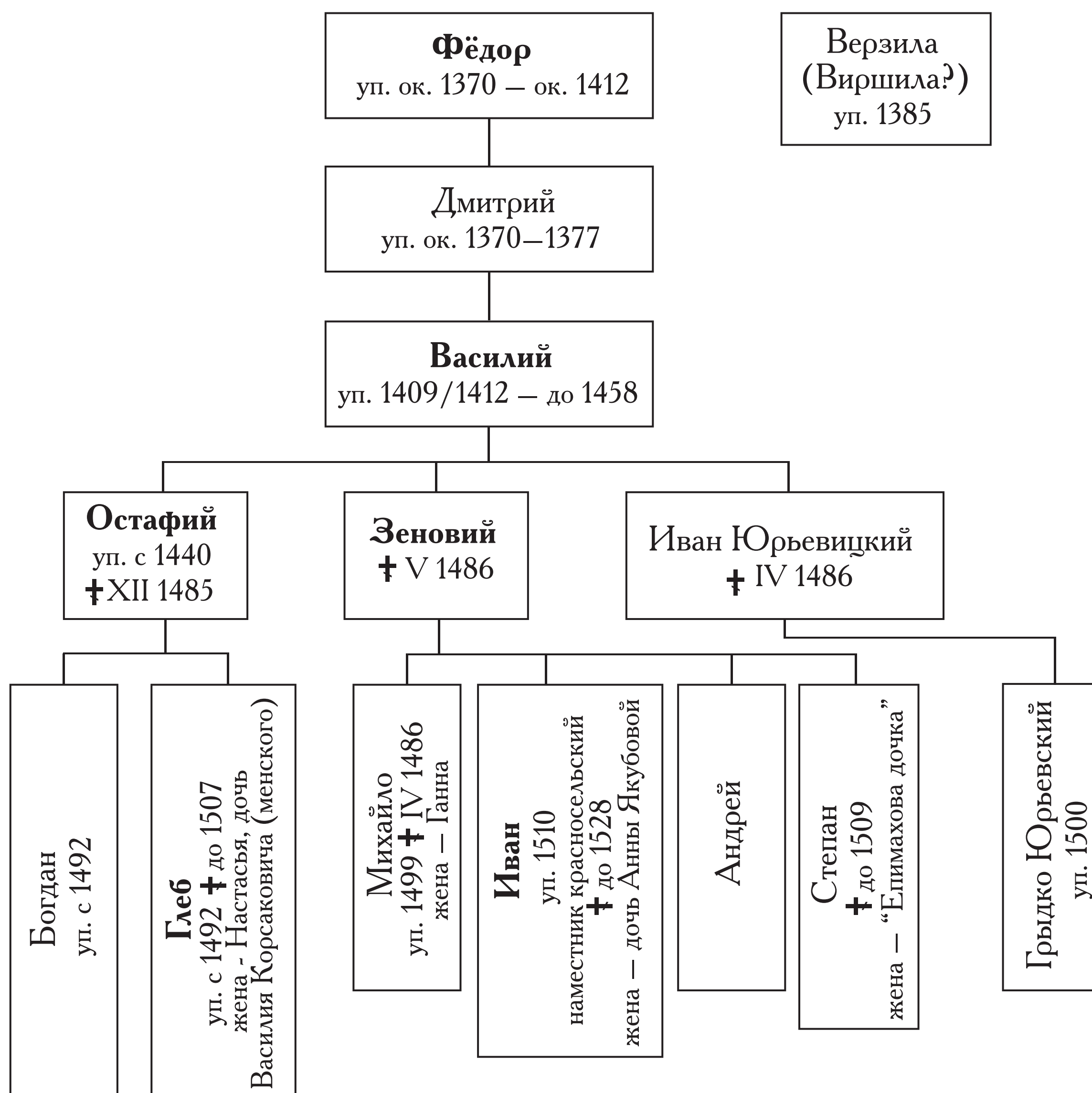
Источники: № 105, 121, 132, 140, 146, 147, 148, 155, 166, 171, 181, 182, 187, 189, 216, 225, 226, 262*, 277, 316, 341, 358, 362*, 469*, 478; *Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 308; БА. Т. 2. № 357; ПР 1552 г. С. 160.
Лит.: *Хорошкевич*. 1977а. С. 146–149.

КОЛЧИЖИНИЧИ

Мокей уп. 1459
Микита уп. 1464–1487
Тимофей уп. 1482–1487 † до 1510 жена – Настасья
Андрей
Федько
Андрей уп. до 1510
Иван уп. до 1510

Источники: № 146, 147, 148, 162, 171, 181, 182, 216, 249, 266, 373*, 374*, 408*, 460; БА. Т. 2. № 164, 274, 348.
Лит.: *Хорошкевич*. 1977а. С. 155–157.

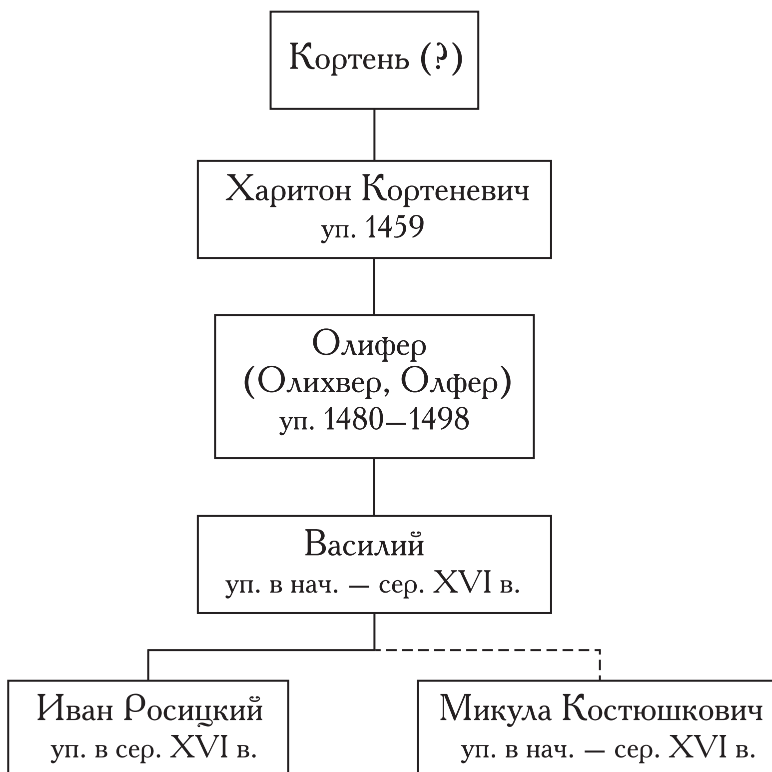
КОРСАКИ

Примечание. Полужирным шрифтом выделены имена представителей рода, о которых известно, что они были старшими из полоцких бояр.

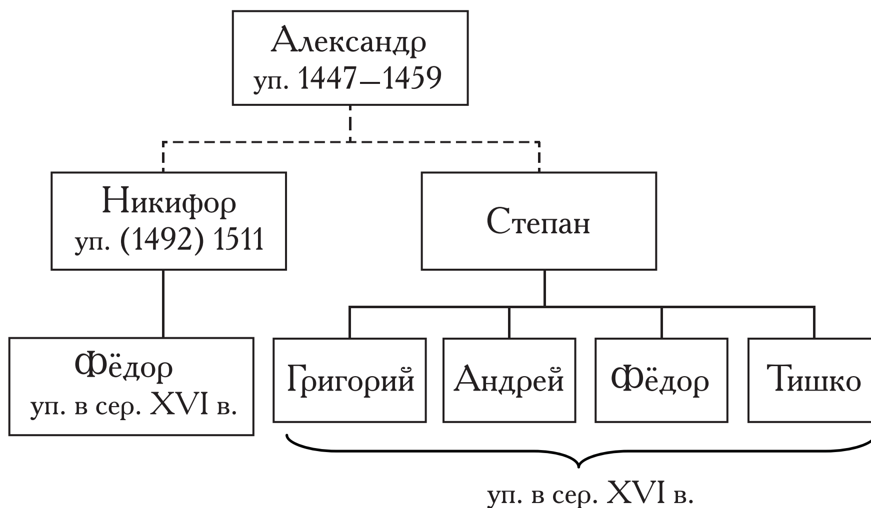
Источники: № 13, 40, 61, 67, 70, 71, 77, 78, 107, 135, 172*, 173*, 174*, 175*, 192, 194, 210, 230*, 231*, 232, 233, 234, 235 (254а), 236, 237, 249, 250*, 261*, 277, 278*, 279*, 280*, 288*, 293*, 294*, 295*, 296*, 297*, 298*, 299*, 300*, 301*, 302*, 303*, 304*, 305*, 306*, 317, 338, 340*, 346, 353, 359, 363, 368, 382, 409*, 420, 423, 427, 441, 450, 455, 461, 468; ВР. Т. 5. № 1361; *Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 191, 272, 303; *Заторський*. 2013. С. 410; *Калечыц*. 2011. С. 119, 222.
Лит.: *Насевіч*. 1992; *Варонін*. 1998; *Рыбчонак, Свяжынскі*. 2000.

КОРТЕНЕВИЧИ

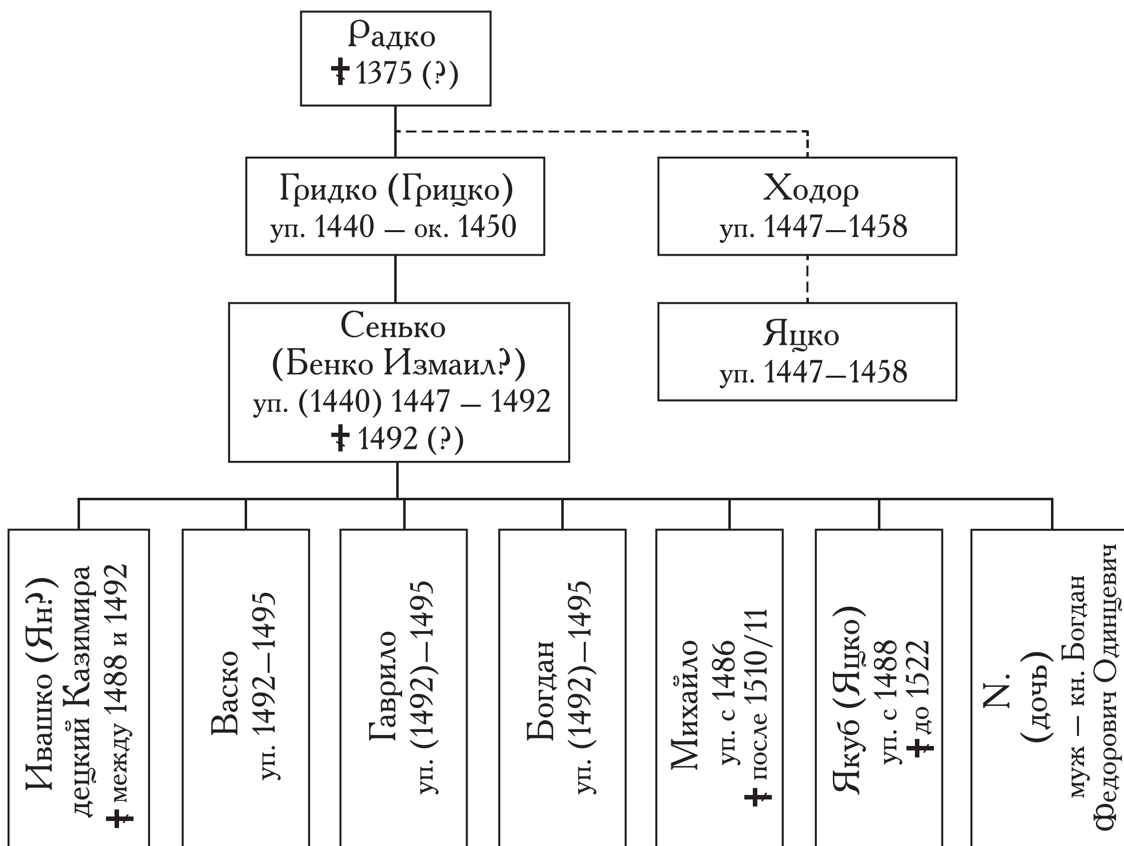
Источники: № 89*, 90*, 146, 147, 148, 238, 240, 241, 258, 327*, 348, 350; ПР 1552 г. С. 147–148.
Лит.: *Хорошкевич*. 1977а. С. 153–154; ПГ. Вып. 4. Комм. № 233. С. 148.

ОСКЕРЧИНИЧИ

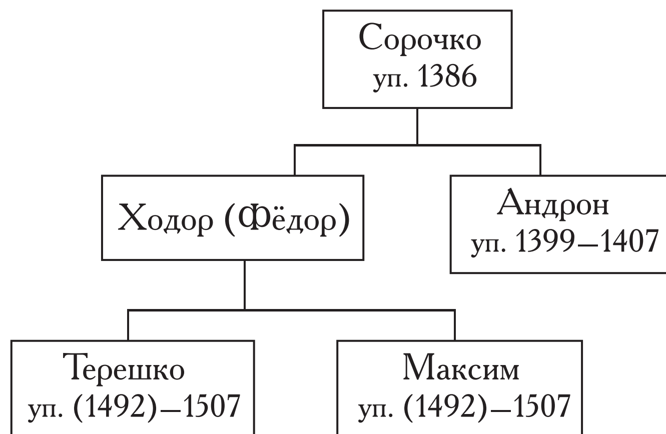
Источники: № 28*, 64*, 121, 221*, 469*, 478; ПР 1552 г. С. 39–40.
Лит.: *Хорошкевич*. 1977а. С. 152–153.

РАДКОВИЧИ–КУБЛИЦКИЕ

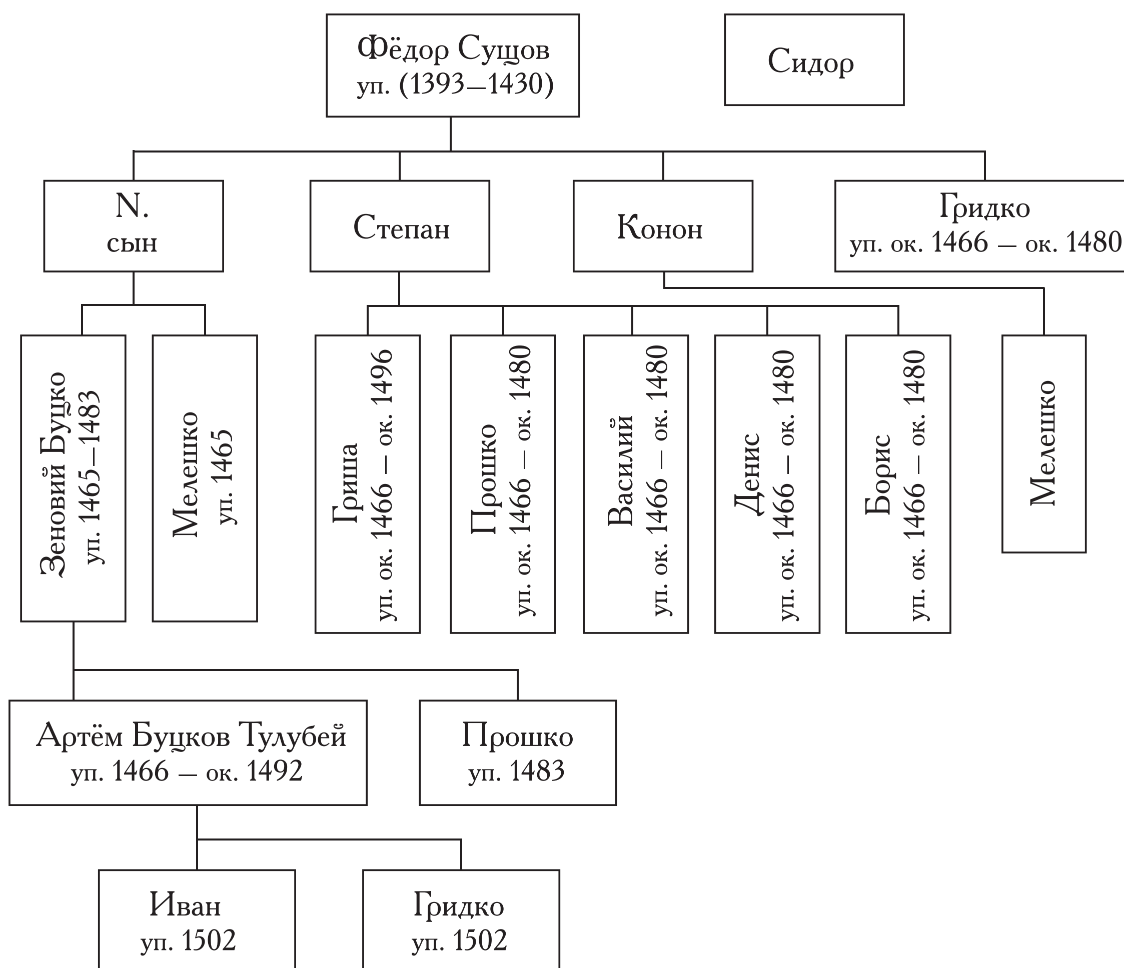
Источники: № 21*, 81, 82*, 86*, 87*, 91*, 114*, 115*, 121, 145, 181, 182, 183*, 189, 190, 220*, 225, 226, 240, 249, 263, 268, 269*, 270*, 271*, 314, 318, 348, 395, 452, 481; SRP. Bd. 2. S. 108; ПСРЛ. Т. 35. С. 282.
Лит.: ПГ. Вып. 4. Коммент. № 206. С. 119.

СОРОЧКОВИЧИ

Источники: № 15, 40, 298*, 423.
Лит.: *Хорошкевич*. 1977а. С. 142

СУЩЕВИЧИ

Источники: № 22*, 23*, 172*, 173*, 174*, 175*, 229*, 331*, 332*, 377*, 378.
Лит.: ПГ. Вып. 4. Комм. № 252. С. 169 (неточно).

ЧЕРНЯТИНИЧИ

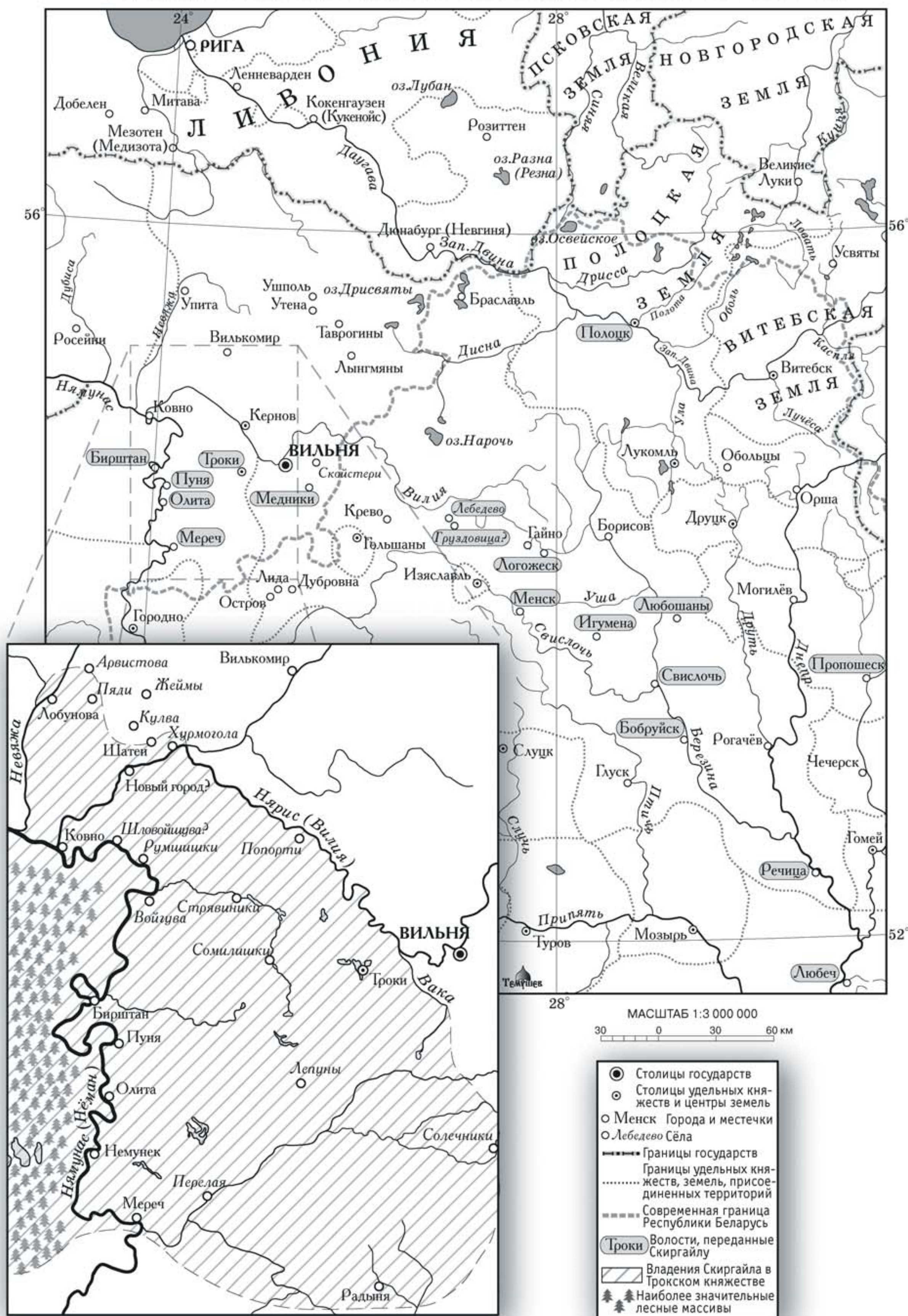
Источники: № 67, 107, 108; ПР 1552 г. С. 176.
Лит.: *Хорошкевич*. 1977а. С. 154–155 (неточно).

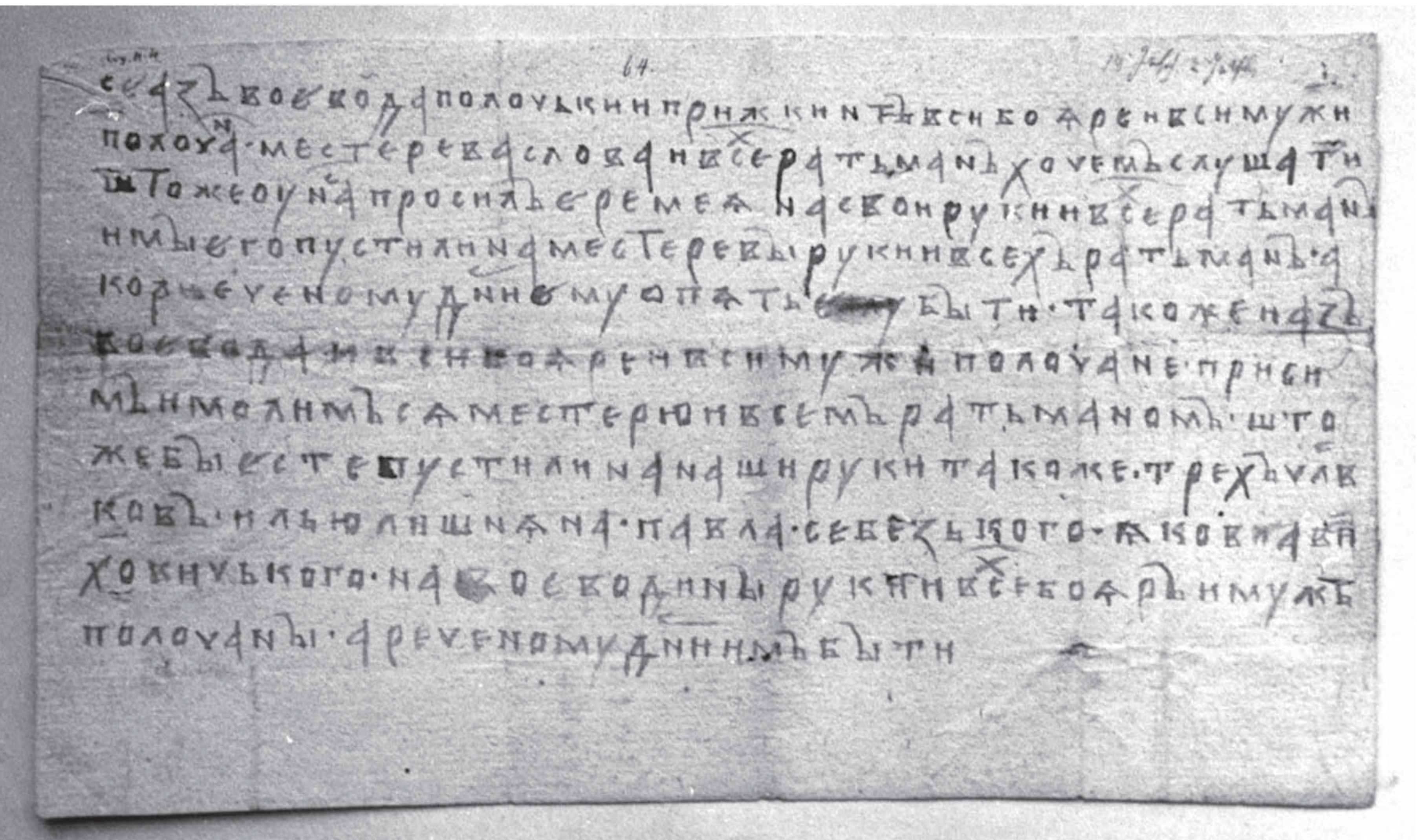
Карты. Иллюстрации

МИРНАЯ ЗОНА ПО ДОГОВОРУ 1338 г. (№ 8)

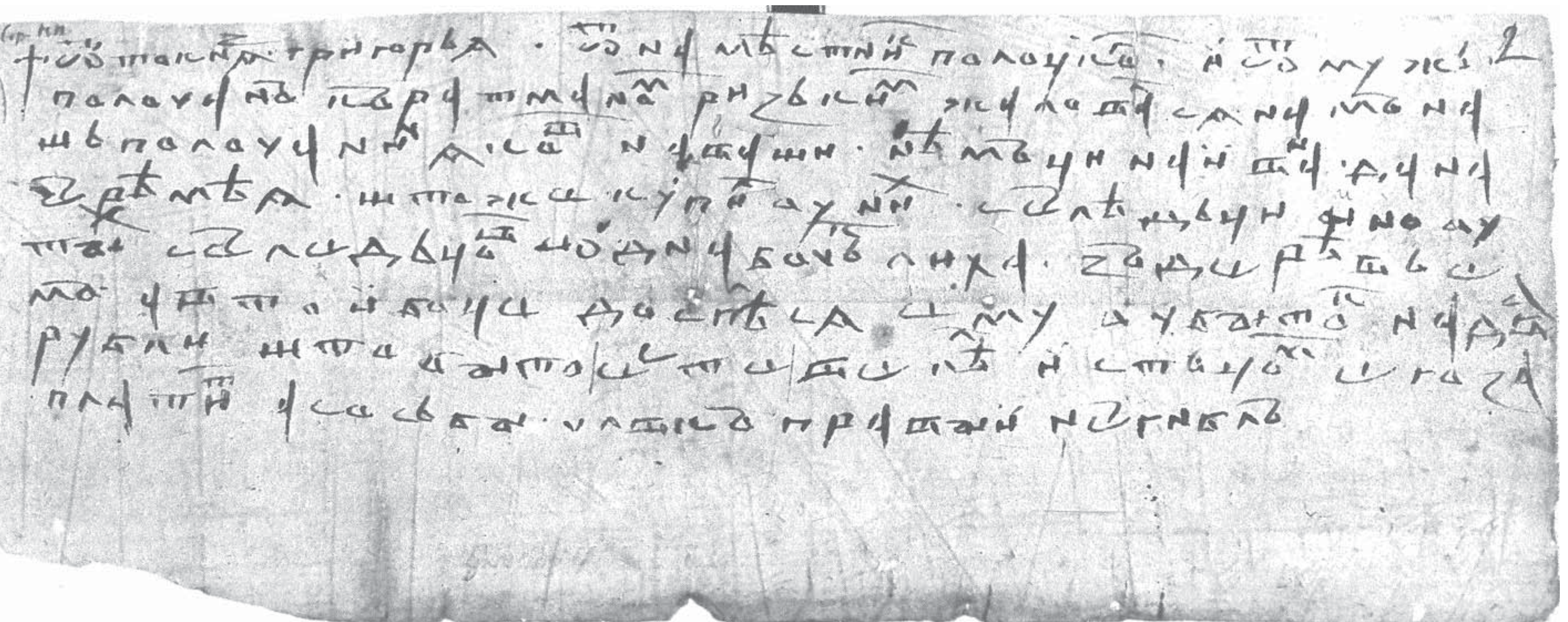
Владения Скиргайла по жалованной грамоте Ягайла 1387 г. (№ 16)

104. [1402–1404 гг.]. — Послание пол. воев. Прижкинта, пол. бояр и «всех полочан» лив. магистру и совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 66. Lp. 2 (грамота № 44). Фотография 1985 г.

105. [Около 1420–1429 гг. Полоцк]. — Послание пол. нам. кн. Григория и полочан совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 154. Lp. 2 (грамота № 66). Фотография 70-х гг. XX в.

106. [Около 1430–1439 гг. Полоцк]. — Послание пол. нам. и «всех полочан» совету г. Риги

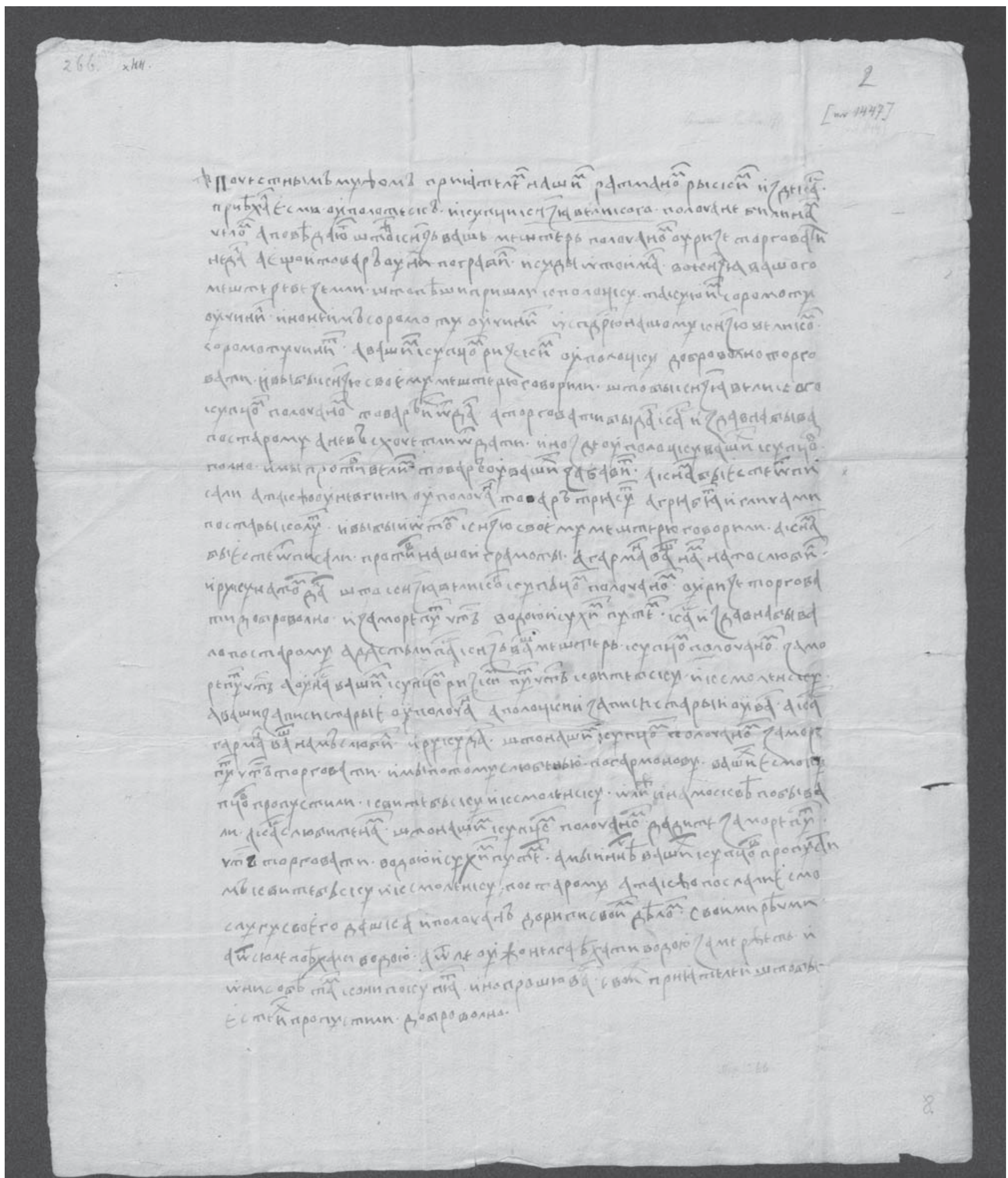
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 160. Lp. 2 (грамота № 68). Фотография 70-х гг. XX в.

107. 1440 г. [июля 30]. Троки. — Послание вел. кн. лит. Казимира совету г. Данцига

APG. 300 D/8,5 (грамота № 99). Фотография 2013 г.

108. [Около 1444 г. апреля 16 — 1446 г. октября 1]. — Послание пол. воеводы Андрея Саковича совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 186a. Lp. 2 (грамота № 112). Фотография 2014 г.

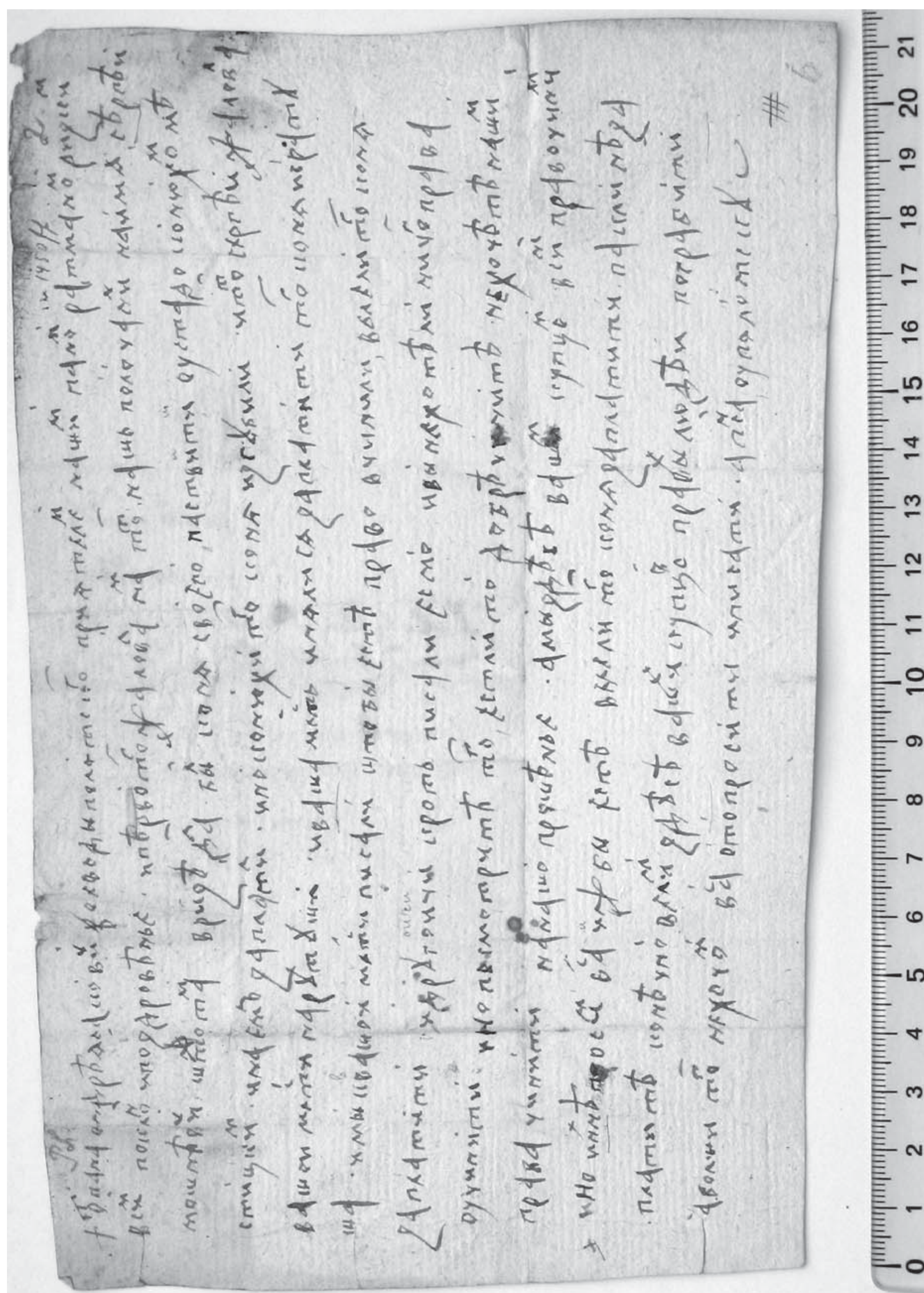

109. [1446 г. октября 1 — декабря 31. Полоцк.] — Послание [не названного по имени пол. наместника] совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 167. Lp. 2 (грамота № 118). Фотография 2014 г.

110. [1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17; около 1449–1451 гг. (?)]. — Послание пол. воеводы Андрея Саковича совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 185. Lp. 2 (грамота № 126). Фотография 2014 г.

111. [1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17; 1450–1451 гг. (?)]. Полоцк. — Послание пол. воеводы Андрея Саковича совету г. Риги

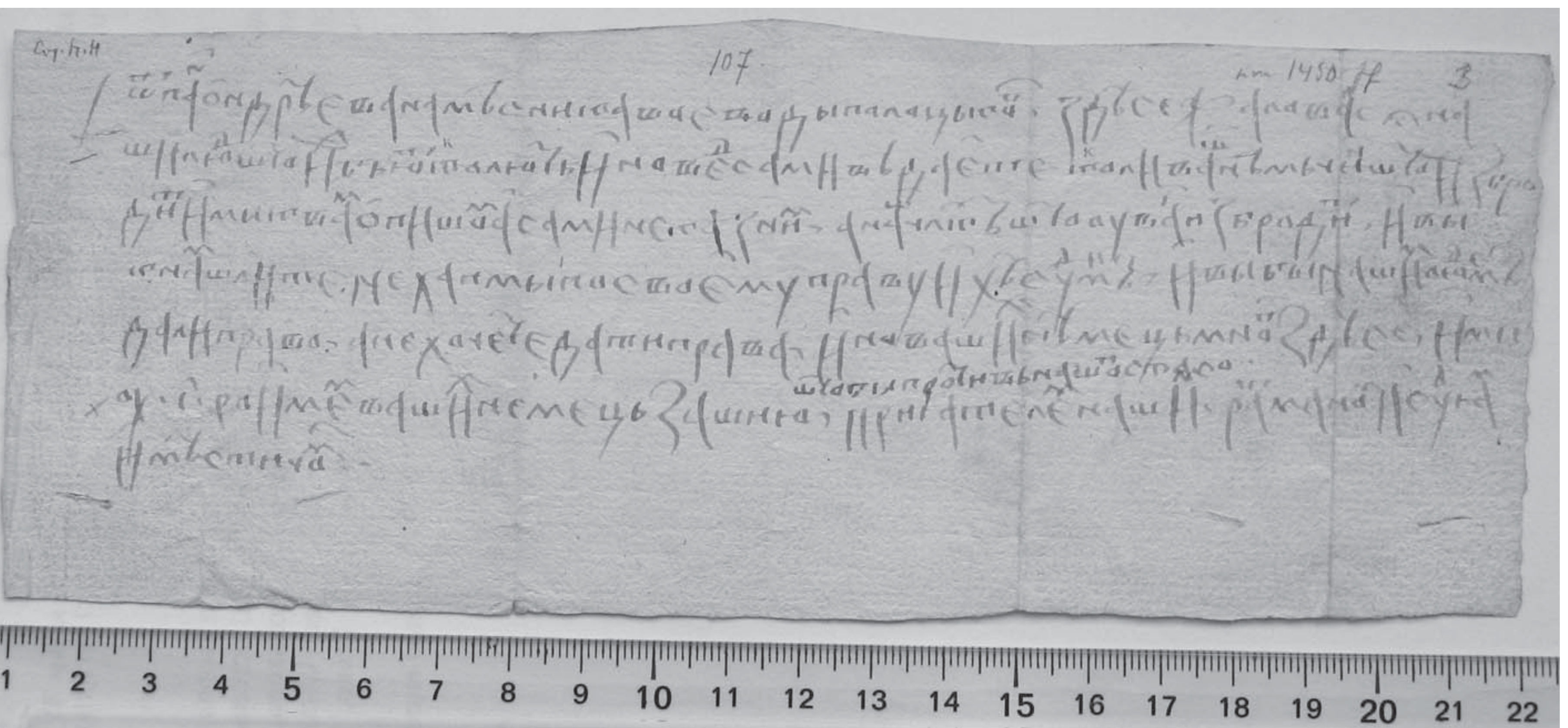
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 187. Lp. 2 (грамота № 129). Фотография 2014 г.

112. [Около 1444 г. апреля 16 — 1447 г. июня 25 (?) или 1459 г. февраля 17]. — Послание нам. пол. воеводы Андрея [Саковича] Омельяна, пол. бояр и местичей совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 175. Lp. 2 (грамота № 110). Фотография 2014 г.

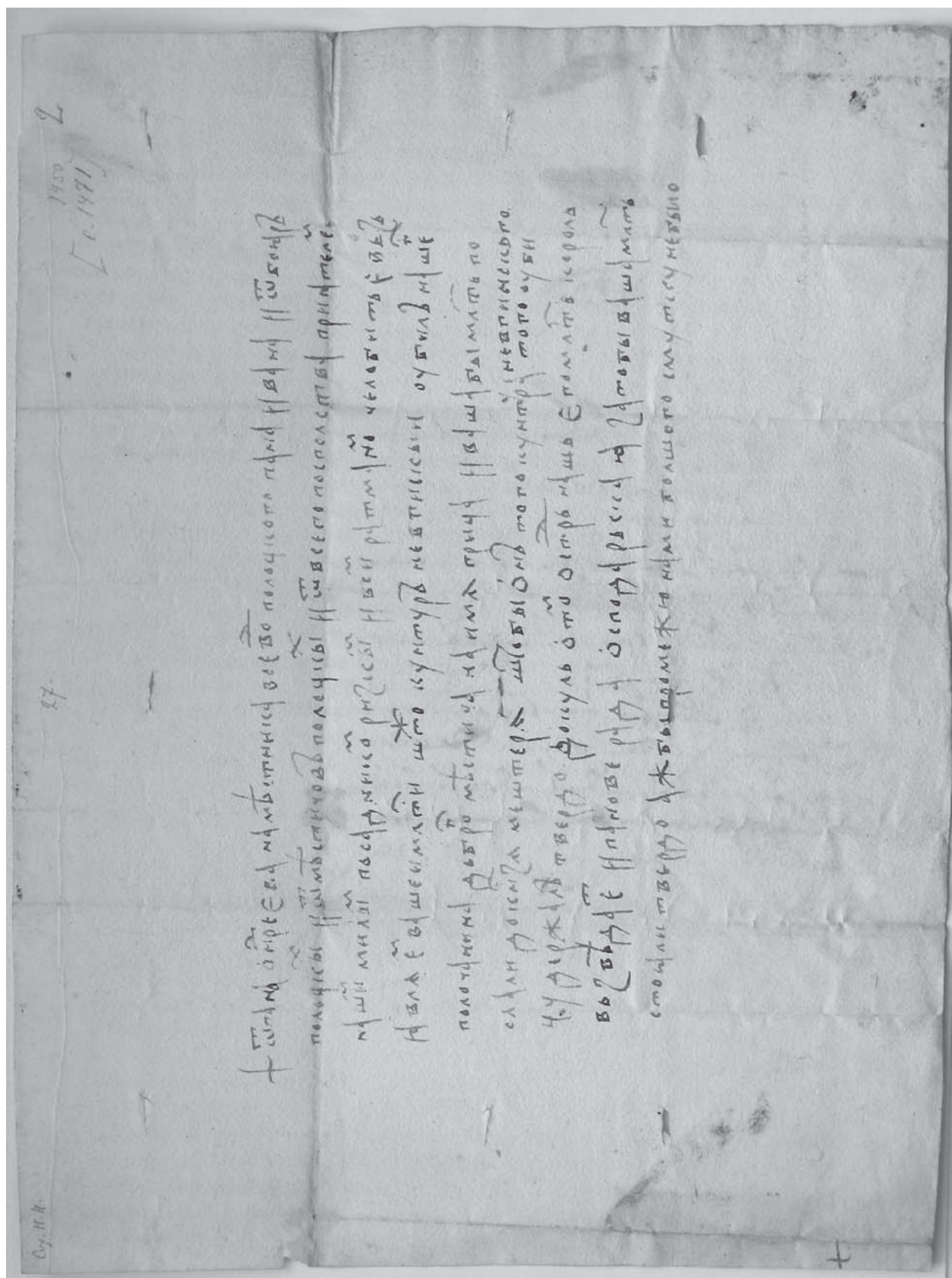
113. [Около 1444 г. апреля 16 — 1447 г. июня 25 (?) или 1459 г. февраля 17]. — Послание наместника пол. воеводы Андрея [Саковича] Омельяна совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 176. Lp. 2 (грамота № 111). Фотография 2014 г.

114. [Около 1444 г. апреля 16 или около 1454 г. (?) — 1459 г. февраля 17]. — Послание [не названного по имени] наместника пол. воеводы Андрея [Саковича] совету, «судьям» и «местичам» г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 179. Lp. 3 (грамота № 113). Фотография 2014 г.

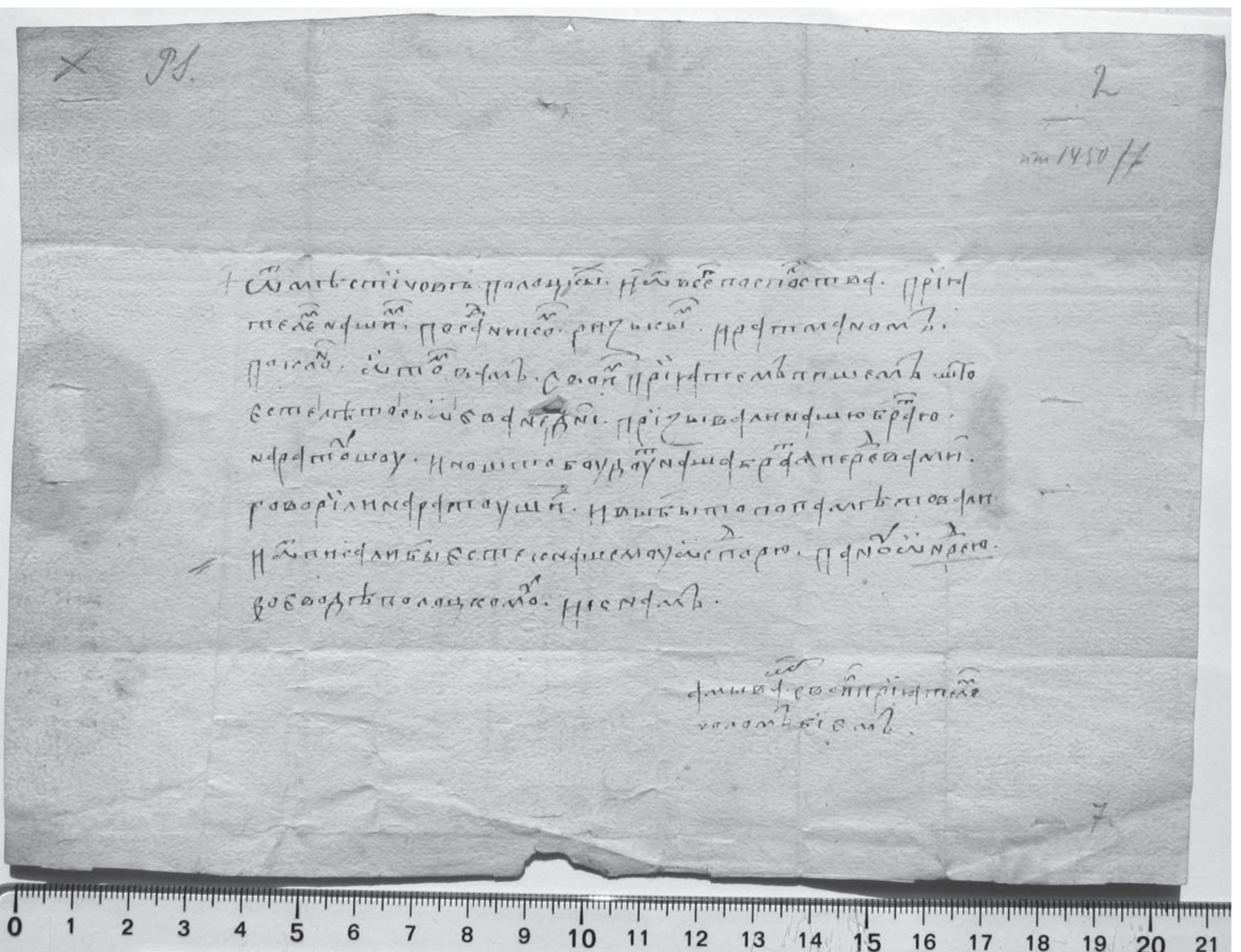

115. [1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17]. — Послание наместника пол. воеводы Андрея [Саковича] Ивана, пол. бояр и местичей и «всего поспольства» совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 180a. Lp. 2 (грамота № 122). Фотография 2014 г.

116. [1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17]. — Послание [не названного по имени] наместника пол. воеводы Андрея [Саковича], пол. бояр и местичей совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 180. Lp. 2 (грамота № 124). Фотография 2014 г.

117. [Около 1444 г. — 1458 г., вскоре после 24 июня.] — Послание пол. местичей и «всего поспольства» совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 183. Lp. 2 (грамота № 117). Фотография 2014 г.

118. [Около 1448 г.] — Верительная грамота пол. бояр и местичей [пол. местичам] Митку Труфановичу и Павлу Медведю, направленным для ведения переговоров с советом г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 182. Lp. 2 (грамота № 130). Фотография 2014 г.

119. Взвешивание товаров. Рельефы на «Доме Черноголовых» в Риге. Рисунок И. Х. Бротце. Конец XVIII в.

Brotze J. Chr. Sammlung verschiedner Liefländischer Monumente. Bd. II // LUAB. Bl. 202.

120. [1458 г. марта 3 — около 1459 г. декабря 31]. — Послание пол. воеводы Петра Монтигирдовича совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 197. Lp. 2 (грамота № 141). Фотография 2014 г.

121. [1459 г.] марта 10. Полоцк. — Послание пол. воеводы Петра Монтигирдовича совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 196. Lp. 2 (грамота № 144). Фотография 2014 г.

122. [1464 г.] марта 8. Черсвет. — Послание пол. нам. Олехна Судимонтовича совету г. Риги

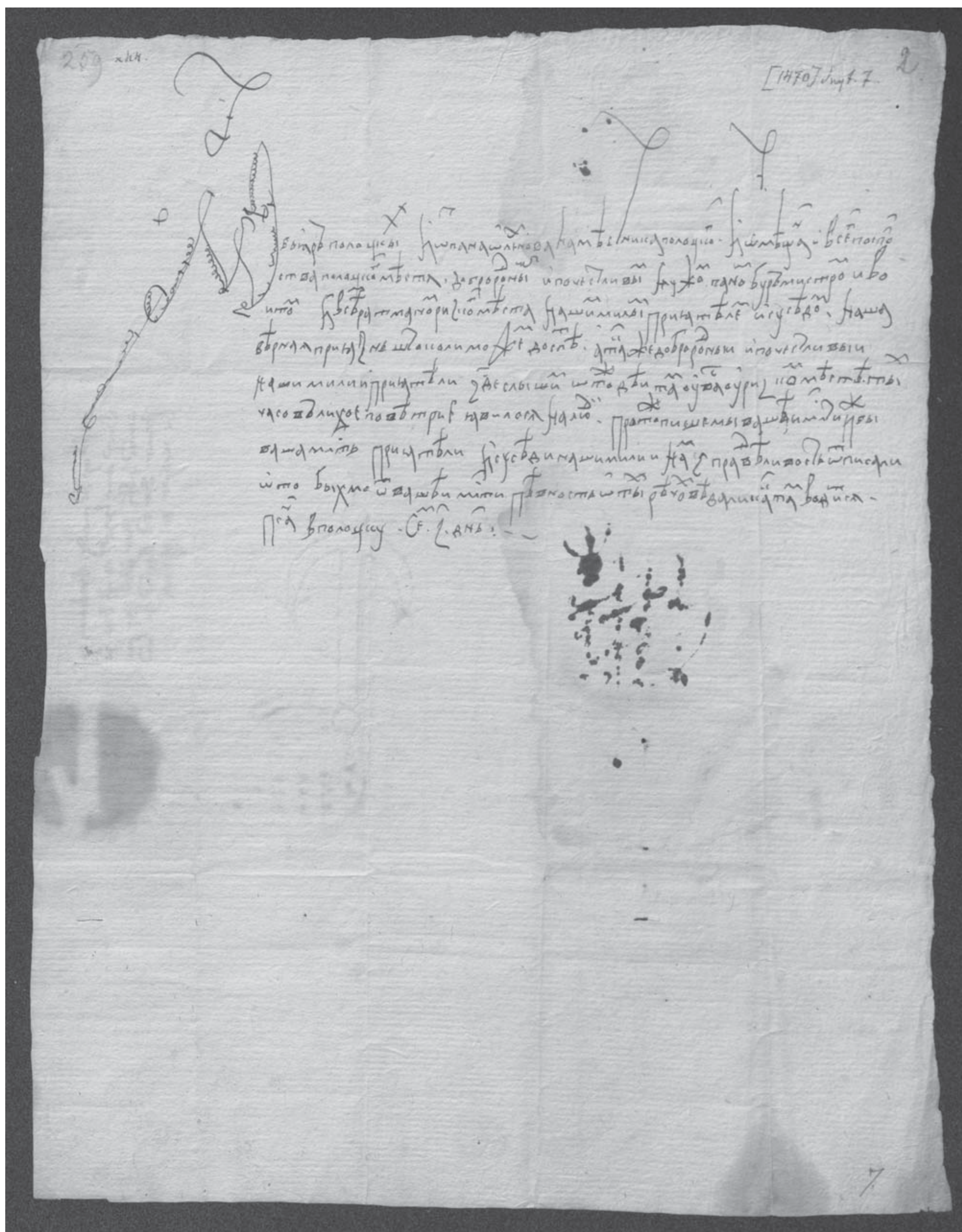
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 232a. Lp. 1 (грамота № 160). Фотография 2014 г.

123. [Около 1464 г.] сентября 16. Полоцк. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру, совету и всем «мещанам» г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 207a. Lp. 1 (грамота № 164). Фотография 2014 г.

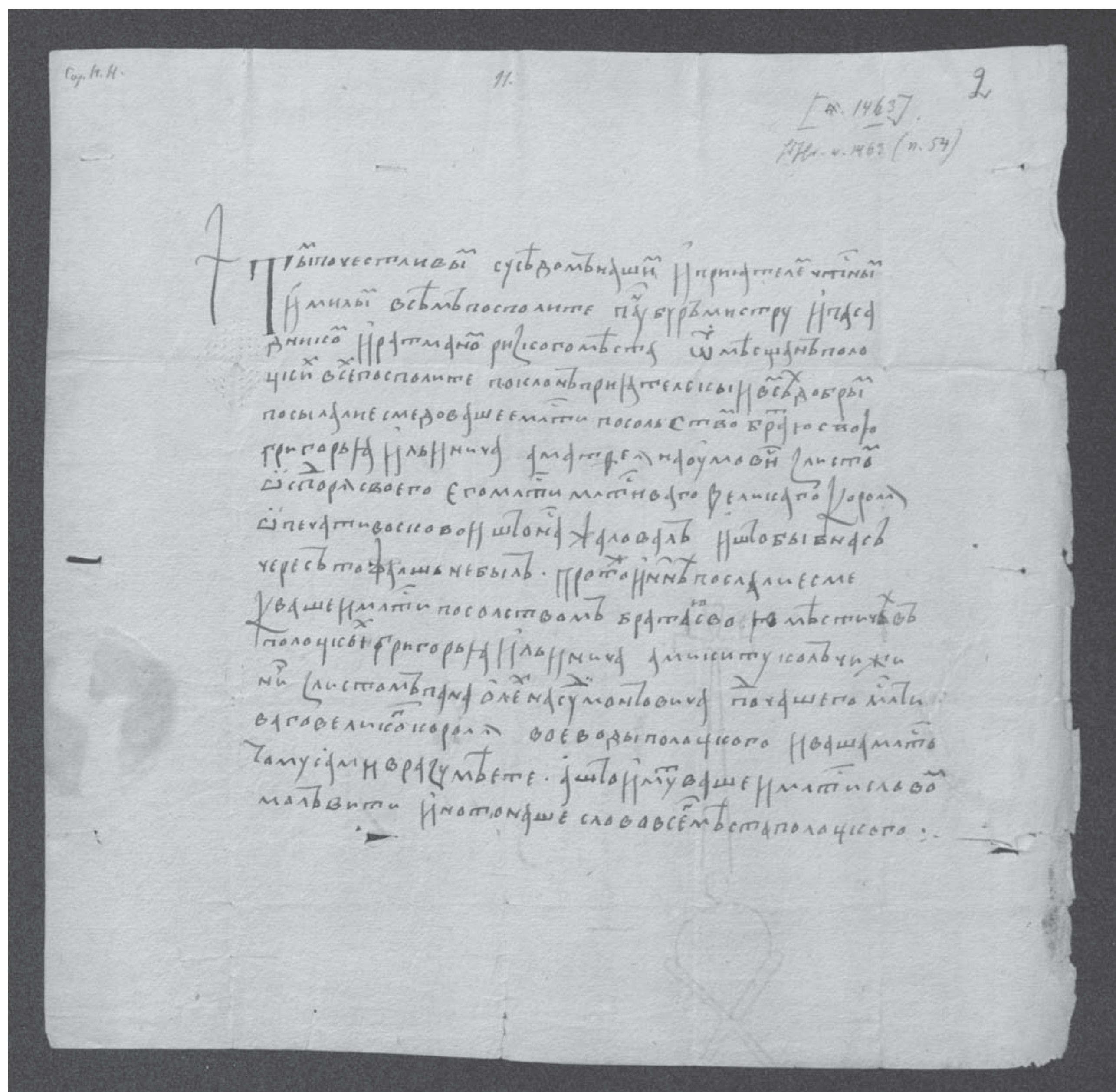
124. [1465–1466 гг.] марта 19. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру и совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 233a. Lp. 1 (грамота № 169). Фотография 2014 г.

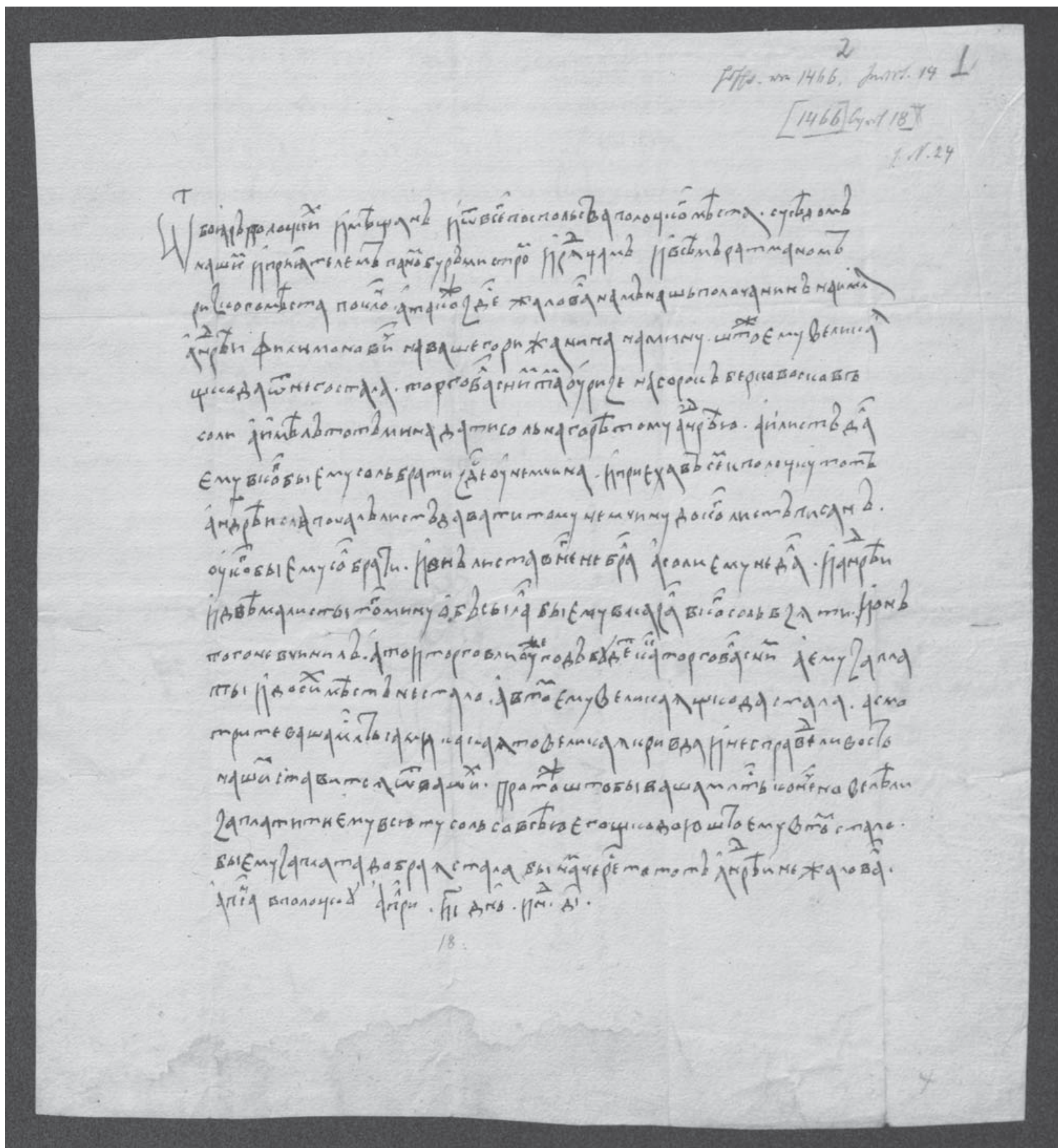
125. [1470 г.] сентября 7. Полоцк. — Послание наместника [пол. воеводы] Олехна [Судимонтовича], пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 267. Lp. 2 (грамота № 196). Фотография 2014 г.

126. [1464 г. июля 18 — 1465 г. января 11. Полоцк]. — Верительная грамота пол. мещан «всех пасполите» пол. мещанам Григорию Ильиничу и Миките Колчижиничу, направленным для переговоров с бурмистром и советом г. Риги с посланием пол. воеводы Олехна Судимонтовича

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 219. Lp. 2 (грамота № 162). Фотография 2014 г.

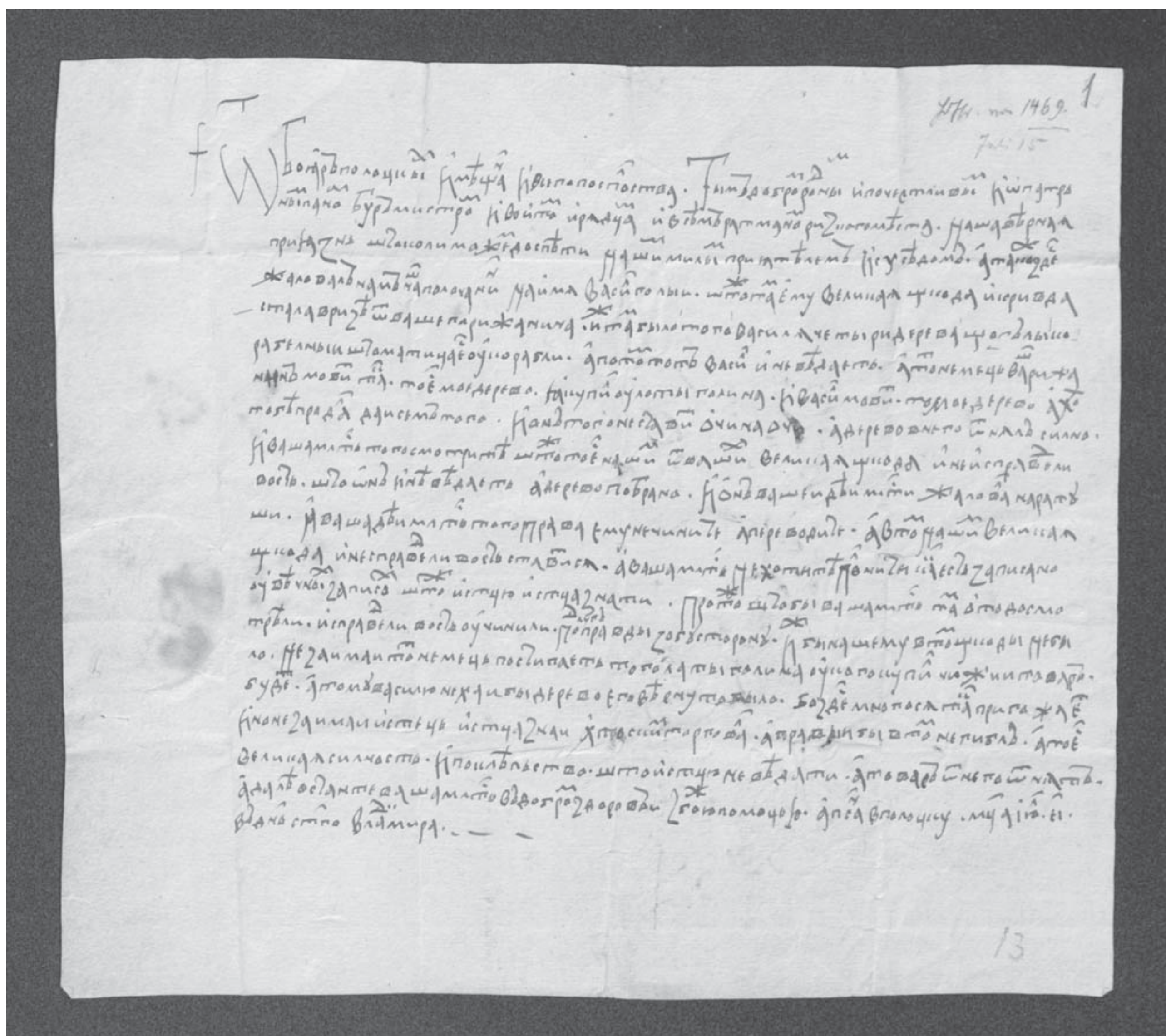

127. [1466 г.] апреля 18. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 232b. Lp. 1 (грамота № 177). Фотография 2014 г.

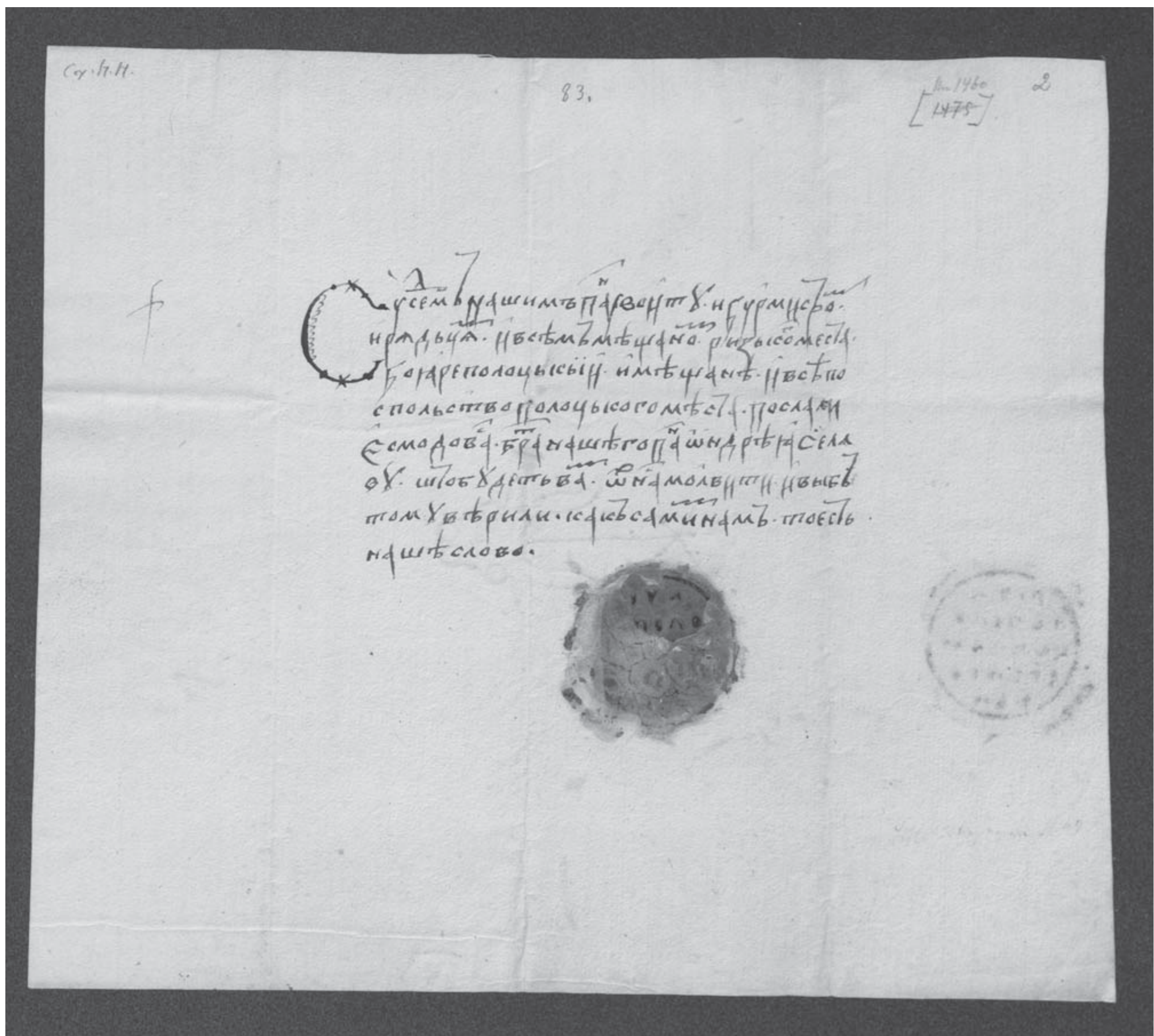
128. [1466 г.] мая 20. Полоцк. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и всего поспольства писцу Тулубею, послу к архиепископу риж. Сильвестру. Современный перевод

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 233. Lp. 2 (грамота № 179). Фотография 2014 г.

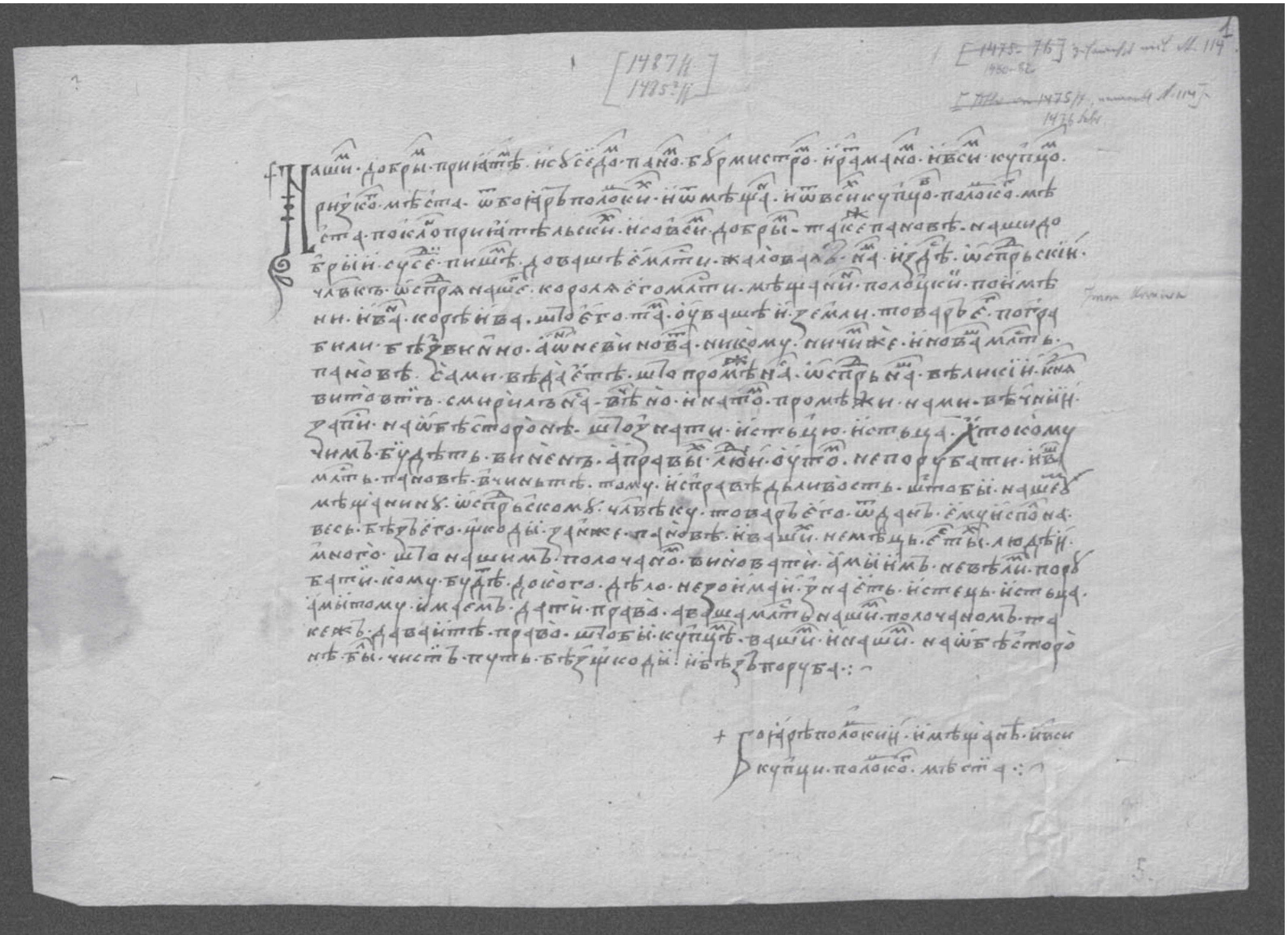
129. [1469 г.] июля 15. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 262b. Lp. 1 (грамота № 188). Фотография 2014 г.

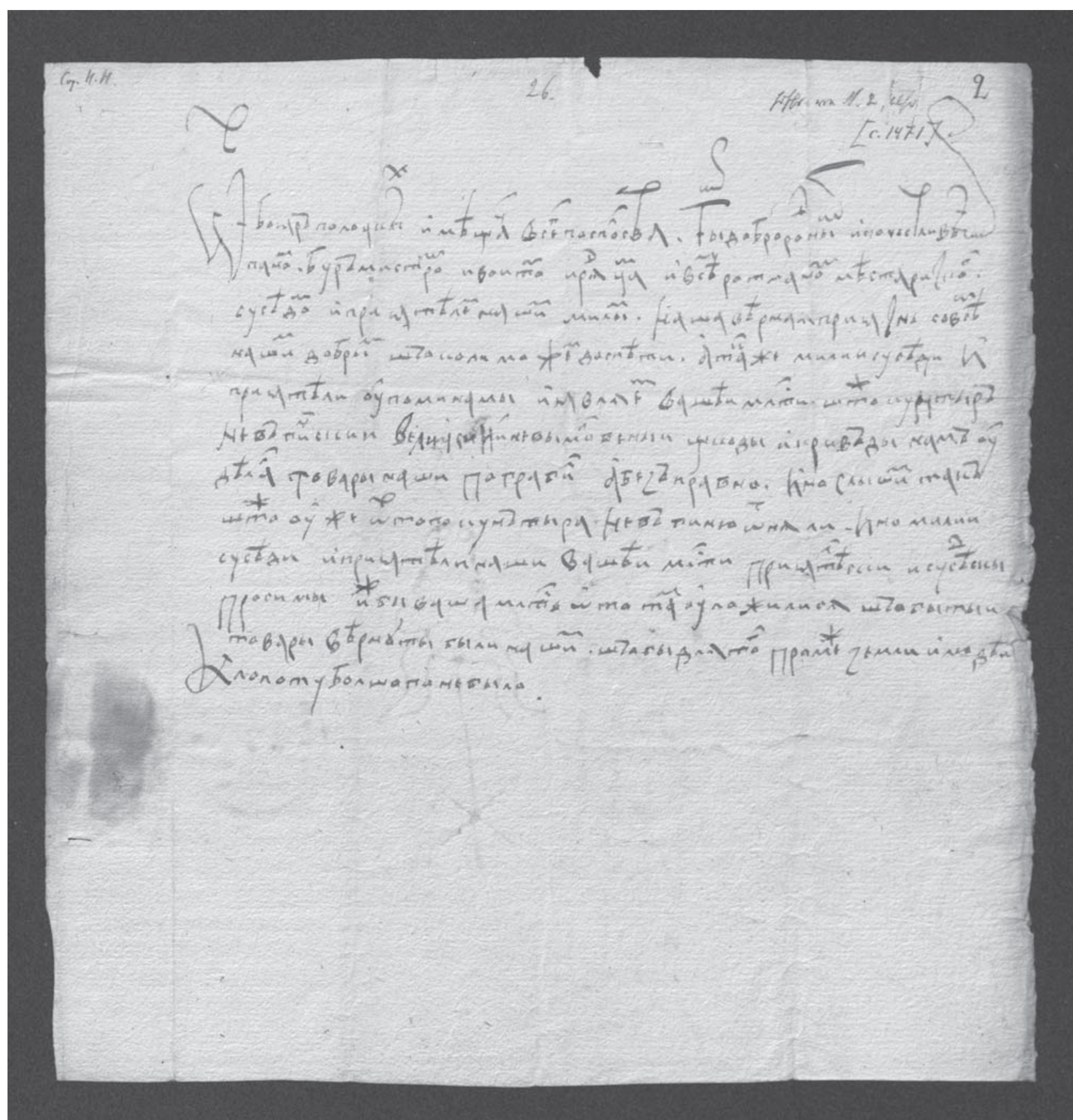
130. [Около 1473 г. Полоцк]. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всего поспольства» [пол. боярину] Андрею Селяве, направленному для ведения переговоров с войтом, бурмистрами, советом и «всеми мещанами» г. Риги. Почерк полоцкого городского дьяка Бориса Толандинича

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 204. Lp. 2 (грамота № 203). Фотография 2014 г.

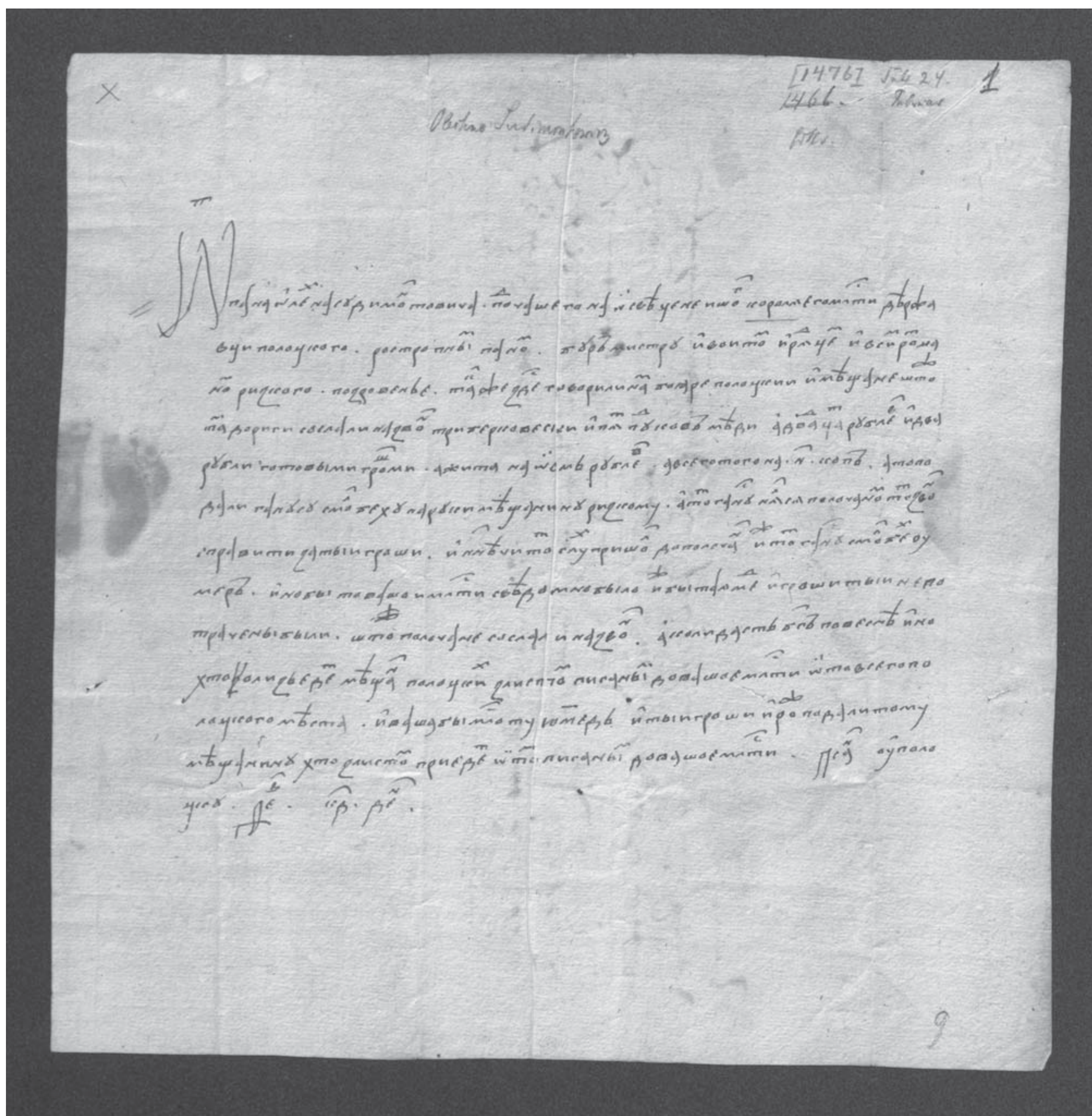
131. [1485–1492 гг. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всех купцов» г. Полоцка бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги. Почерк полоцкого городского дьяка Бориса Толандинича

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 53. Lp. 1 (грамота № 259). Фотография 2014 г.

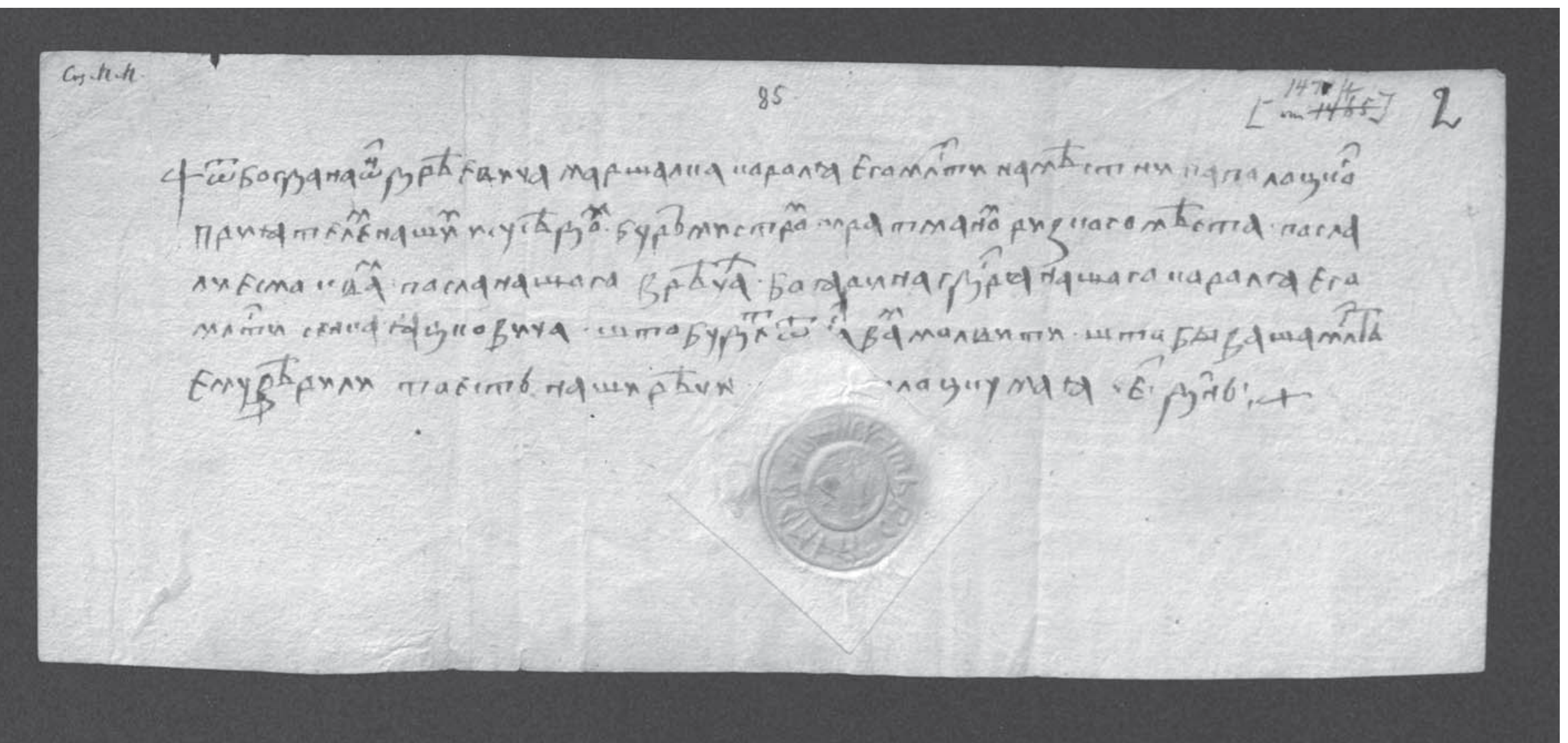
132. [Около 1474 г. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войту и совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 11. Lp. 2 (грамота № 204). Фотография 2014 г.

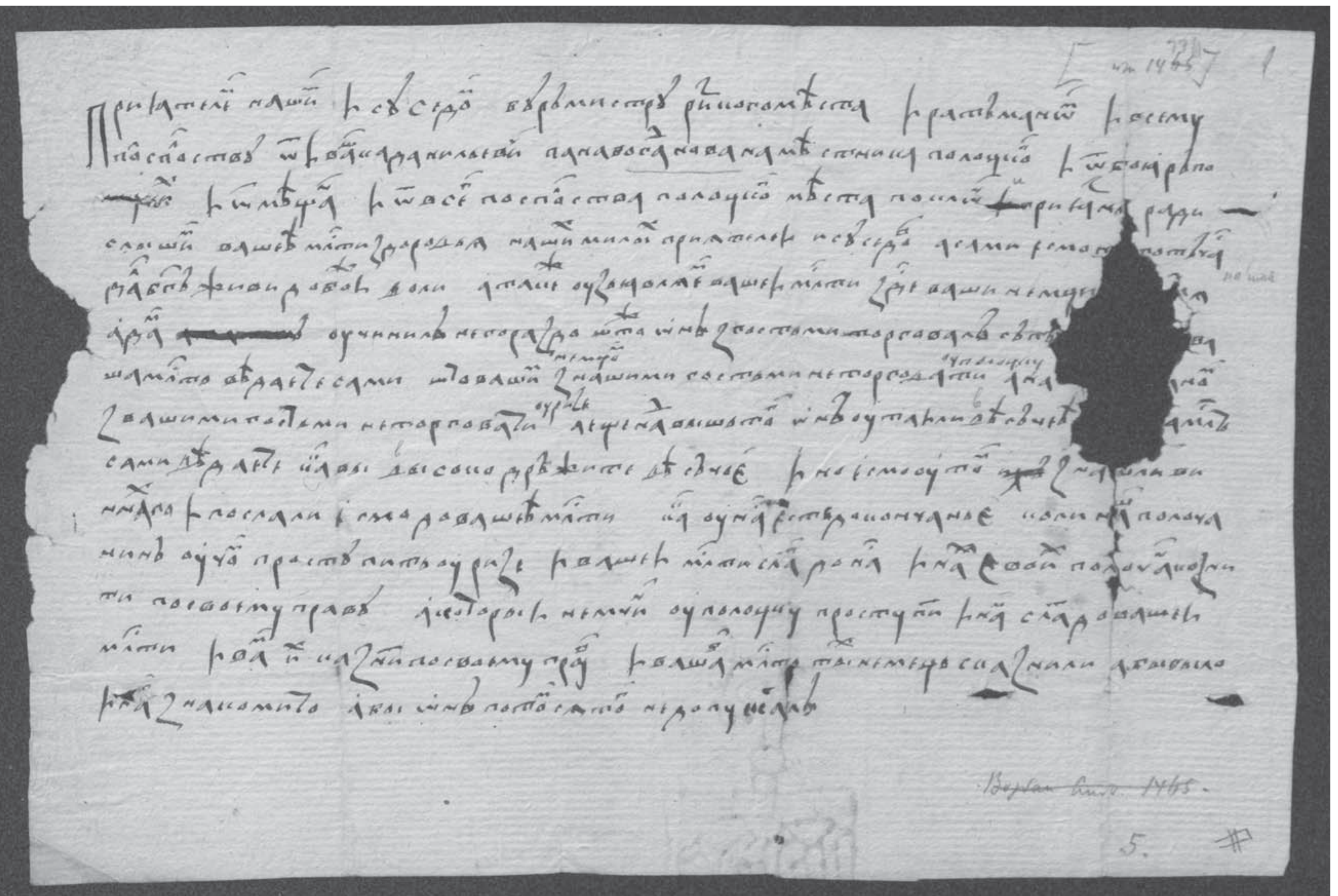
133. [1476 г.] февраля 24. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол., витебского и рижского Симеона III бурмистру Ганусу Пилиповичу [Иоганну Зольтрумпу], войту и совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 27. Lp. 2 (грамота № 213). Фотография 2014 г.

134. [1477–1484 гг.] мая 5. Полоцк. — Верительная грамота пол. наместника Богдана Андреевича [Саковича пол.] боярину Сенку Яцковичу [Епимаху], направленному для переговоров с бурмистрами и советом г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 230. Lp. 2 (грамота № 223). Фотография 2014 г.

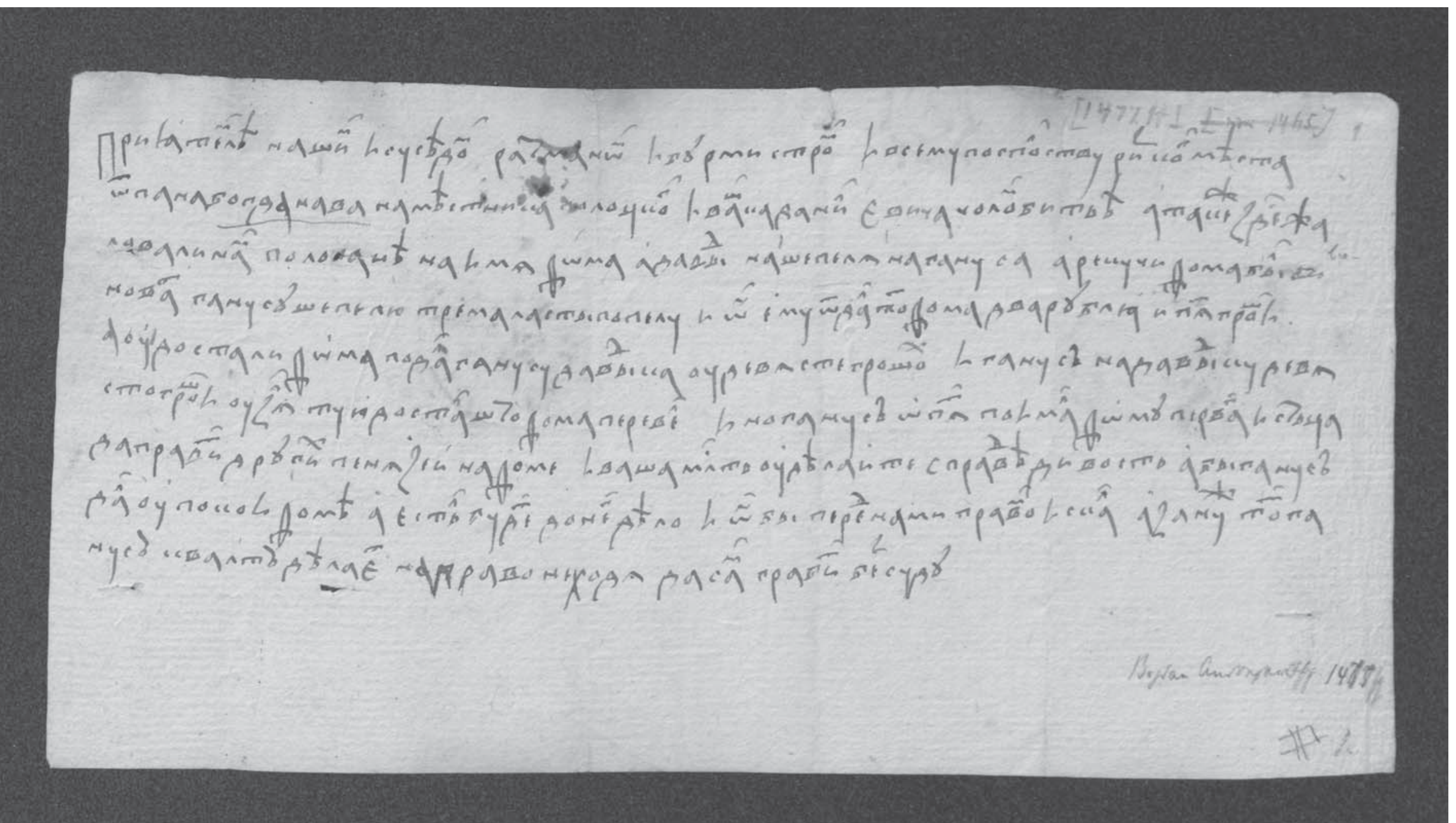

135. [Около 1477 г. января 1 –1481 г. октября 31. Полоцк]. — Послание наместника пол. [наместника] Богдана [Андреевича Саковича] Ивашки Данильевича, пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистру, совету и «всему поспольству» г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 29. Lp. 1 (грамота № 217). Фотография 2014 г.

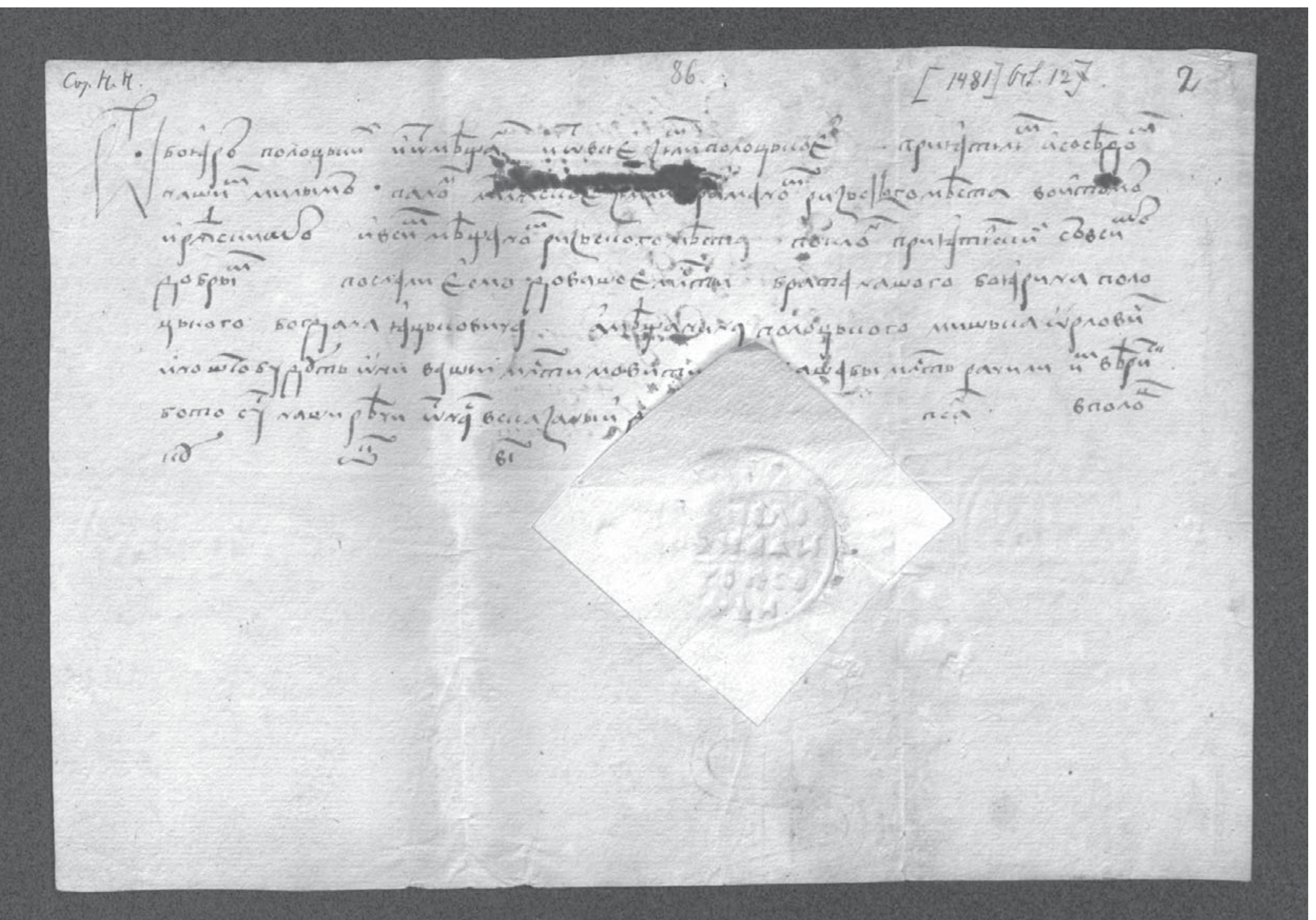
136. [Около 1477 г. января 1 — 1484 г. октября 9. Полоцк]. — Послание нам. [пол. наместника] Богдана Андреевича [Саковича] [Ивашка Данильевича], пол. бояр, мещан и всего поспольства г. Полоцка совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 231. Lp. 2 (грамота № 218). Фотография 2014 г.

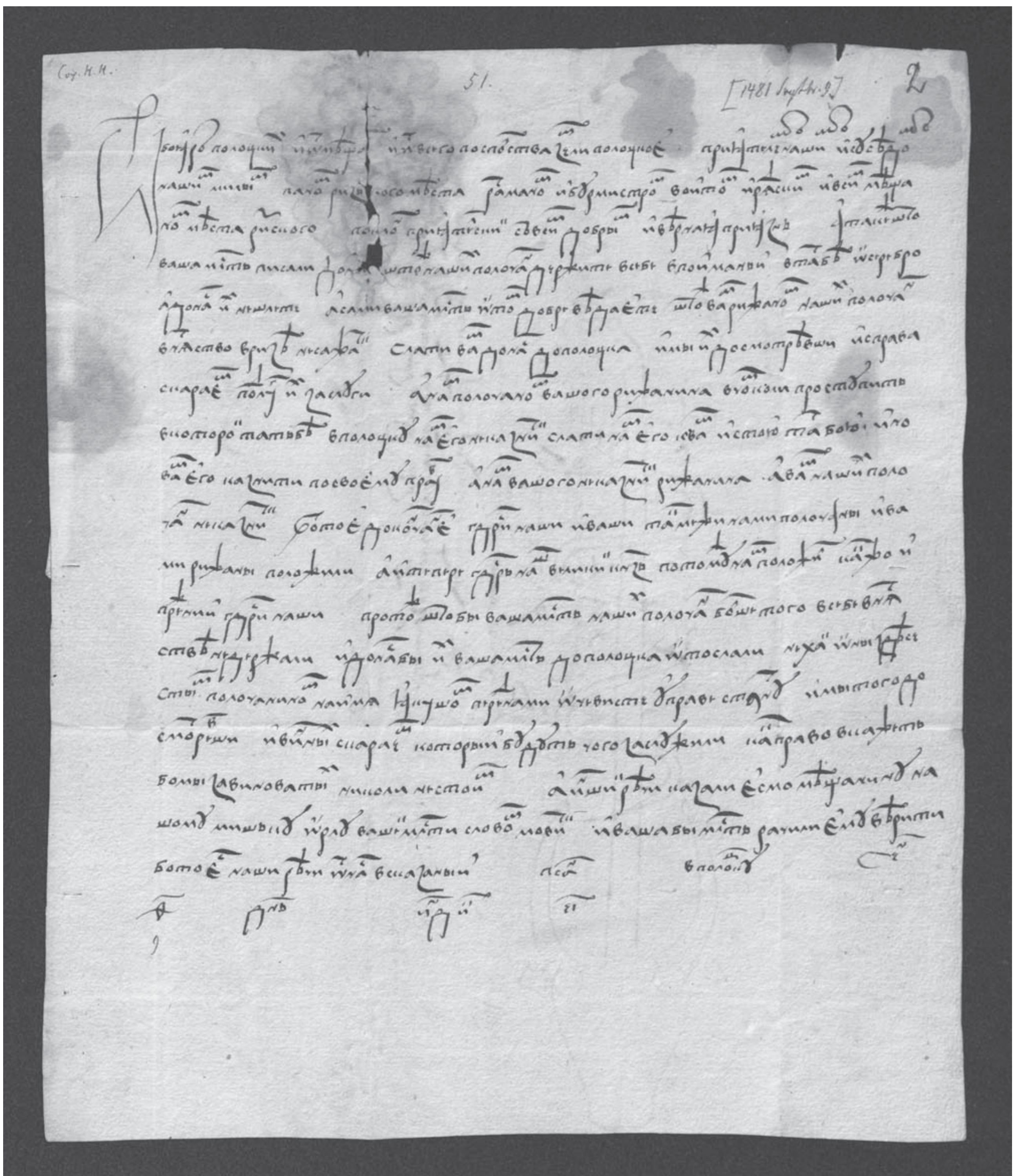
137. [Около 1477 г. января 1 — 1484 г. октября 9. Полоцк]. — Послание наместника [пол. наместника] Богдана [Андреевича Саковича] Ивашка Данильевича бурмистрам, совету и «всего поспольства» г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 30. Lp. 1 (грамота № 219). Фотография 2014 г.

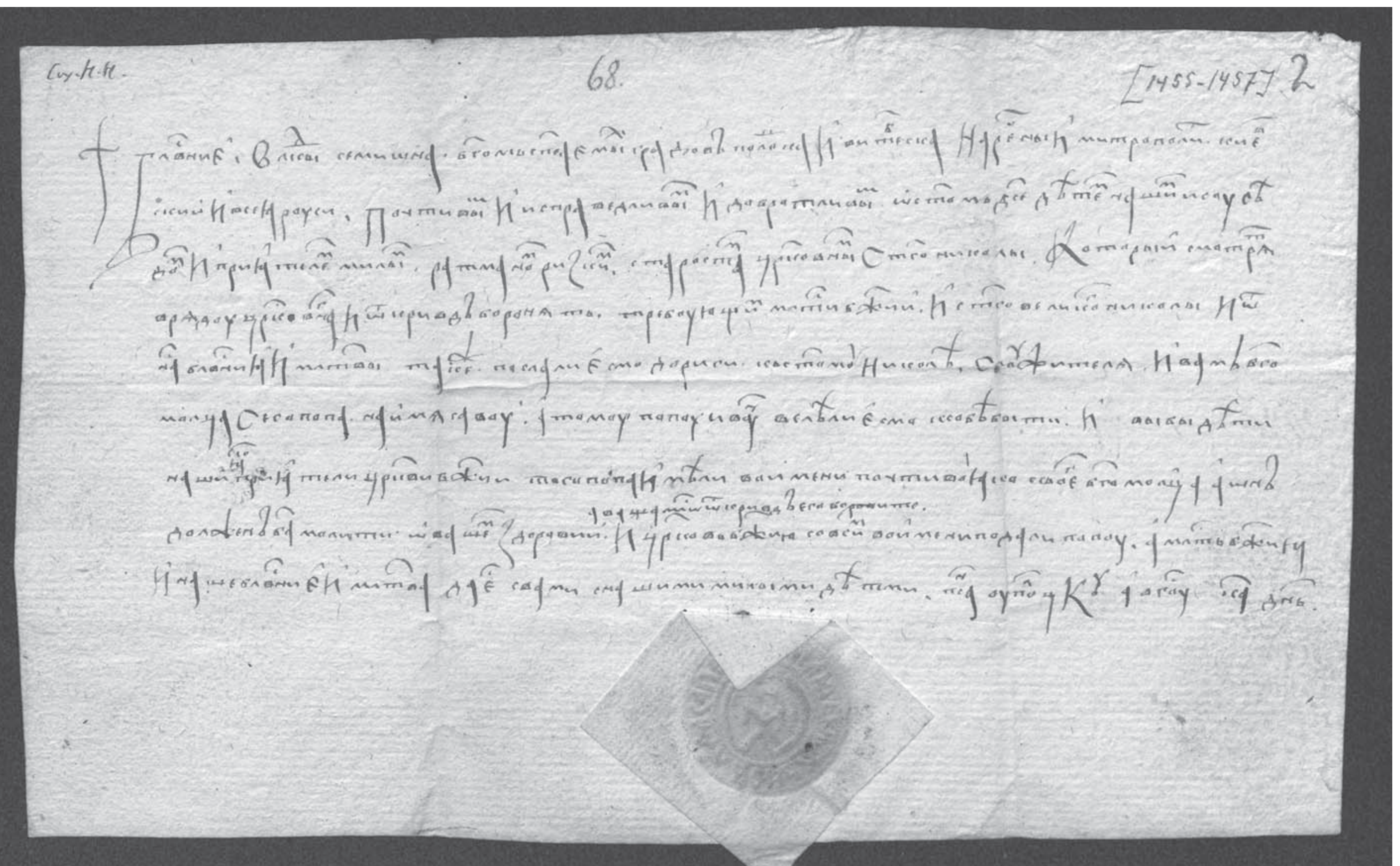
138. [Около 1481 г.] октября 12. Полоцк. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всей Полоцкой земли» пол. боярину Богдану Яцьковичу и пол. мещанину Мишку Орловичу, направленным в г. Ригу для переговоров с войтом, советом и «всеми мещанами» г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 43. Lp. 2 (грамота № 242). Фотография 2014 г.

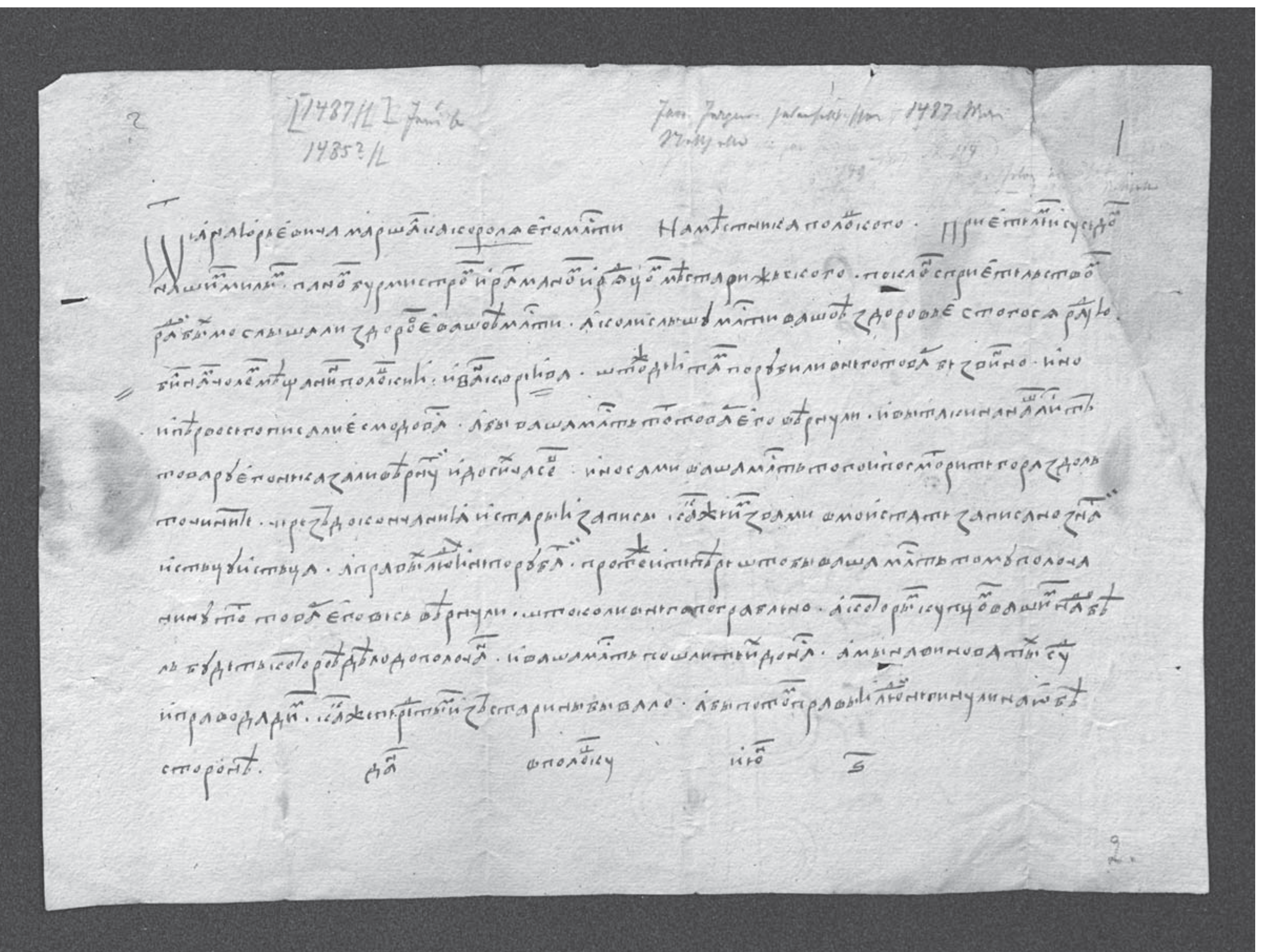
139. [1481 г.] сентября 9. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам, совету и «всем мещанам» г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 40. Lp. 2 (грамота № 247). Фотография 2014 г.

140. [1481 г.] августа 21. Полоцк. — Послание [архиеп.] полоцкого и витебского, нареченного митрополита Киевского и всея Руси Симеона III совету г. Риги и церковным старостам ц. Св. Николая в Риге

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 195. Lp. 2 (грамота № 243). Фотография 2014 г.

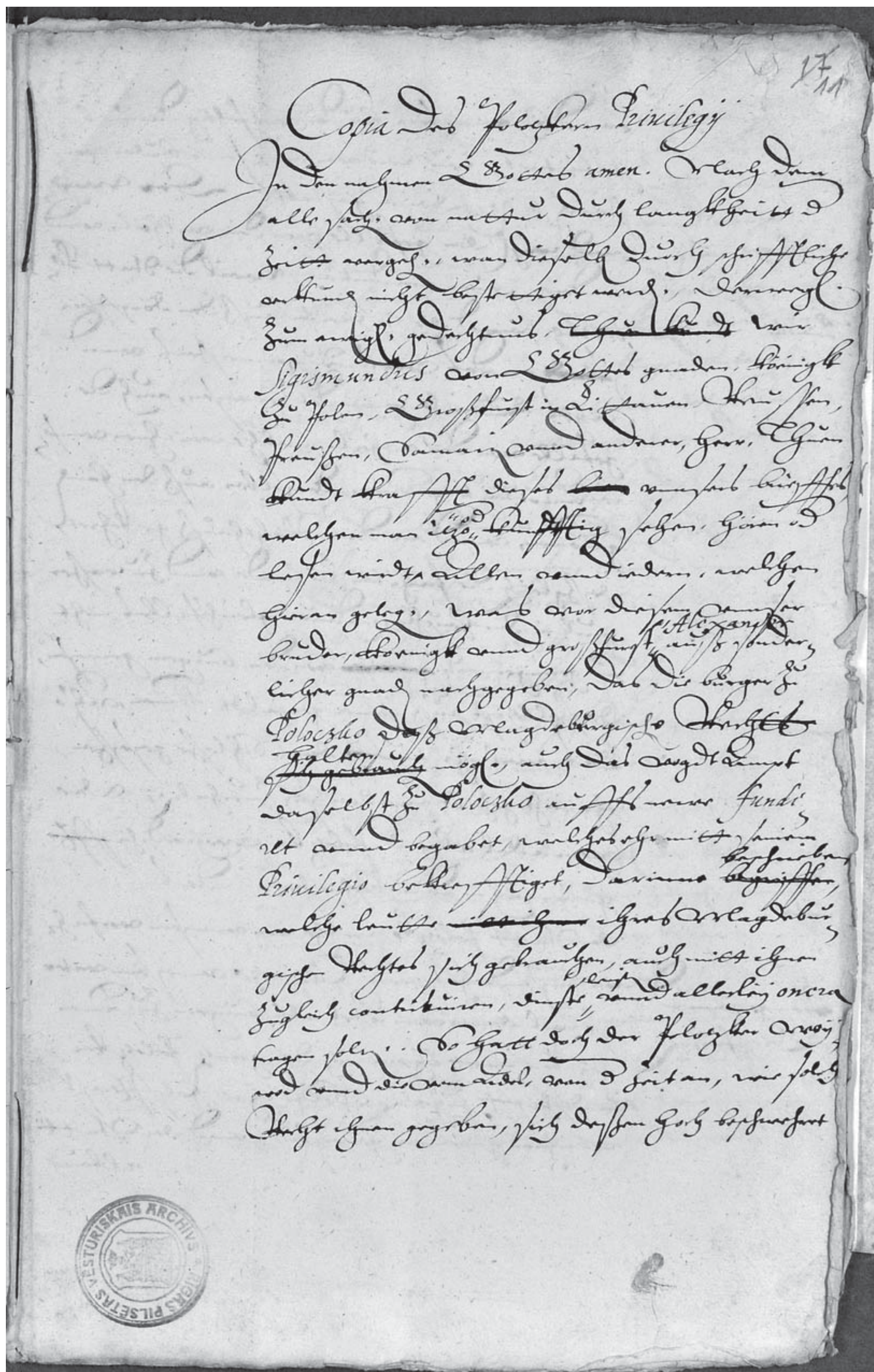

141. [1486–1492 гг.] июня 6. Полоцк. — Послание пол. нам. Яна Юрьевича [Заберезинского] бурмистру и совету г. Риги

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 52. Lp. 1 (грамота № 264). Фотография 2014 г.

142. 1511 г. июля 20. Берестье. — Подтвердительный привилей кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого мещанам г. Полоцка на магдебургское право и другие свободы (позднейшая переработка и компиляция)

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 76. Lp. 2 (грамота № 474). Фотография 2012 г.

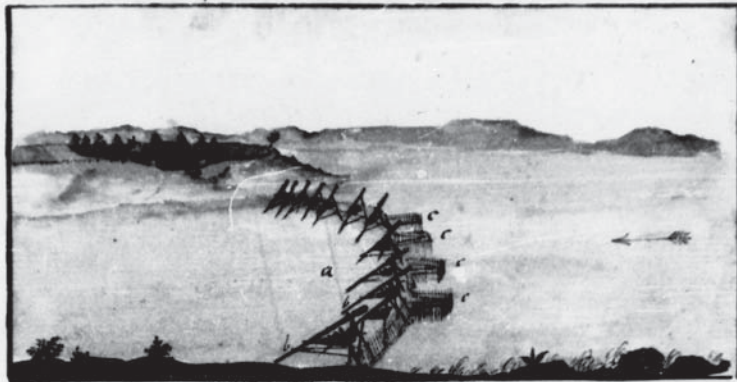
143. 1511 г. июля 20. Берестье. — Подтвердительный привилей кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого мещанам г. Полоцка на магдебургское право и другие свободы (позднейшая переработка и компиляция). Немецкий перевод

LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 76. Lp. 11 (грамота № 474). Фотография 2012 г.

144. 1396 г. Полоцк. — Вкладная грамота пол. кн. Ярослава Изяславича Борисоглебскому м-рю на берег на р. Бельчице для строительства мельницы. Рисунок начала XIX в.

ОР РГБ. Ф. 256. Ед. хр. 69. № 8. Л. 16 (грамота № 33).

Vorstellung einer Lachswehre.

Lachswehren werden an untiefsten Oertern der Flüsse geschlagen, und bestehen aus einem von Rickern (: Stangen :) in den Strom eingeschlagenen mit Bast oder Weiden verbundenen Zaun, welcher 2 mal gebogen ist, so daß er bey a eine Bucht macht, die dem Strome entgegen liegt. Dieser Zaun, der stückweis in Schlangen in den Strom gesetzt ist, wird durch Strebebäume b, die mit Steinen beschwert sind, gehalten; damit ihn das Wasser nicht umreiße. In der Mitte dieser Wehre sind bey c viereckigte Umzäunungen, die Kammern genannt werden, angelegt. Diese Kammern haben, wie nebenstehende Figur zeigt, einen engen Eingang bey d.

f
e d e

Hier drängt sich der Lachs, welcher immer den Strom aufwärts steigt, durch: kann aber wenn er in e ist, nicht mehr zurück, und muß sein Schicksal erwarten; welches darinn bestehet, daß des Abends od. Morgens die Bauren, denen die Aufsicht über die Wehre anvertraut ist, ihn mit einem Handnetze heraus holen, und mit Keulen todt schlagen. Der Hauptvortheil bey Verfertigung der Kammern kömt darauf an, daß 1) die Oefnung bey d ihre gehörige Weite habe; damit ein großer Lachs gemächlich durchschlüpfen könne, und daß 2 die Weite vom Eingange d bis f nicht zu groß sey, sondern nur die Hälfte der Länge eines Lachses betrage; damit der einmal in die Kammer eingeschlichene Lachs nicht bequem heraus kommen könne.

145. Ез. Рисунок И. Х. Бротце. Конец XVIII в.

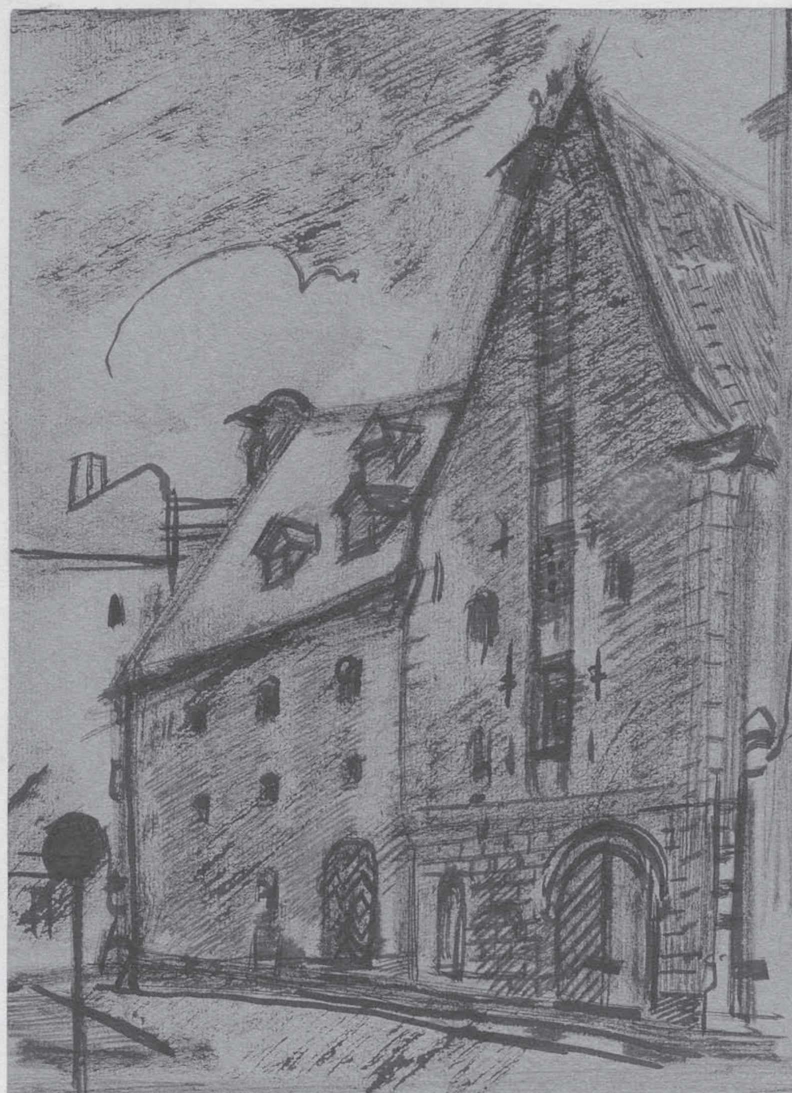
Brotze J. Chr. Sammlung verschiedner Liefländischer Monumente. Bd. II // LUAB. Bl. 10.

146. Прибытие стругов весной [в Ригу]. Рисунок И. Х. Бротце. Конец XVIII в.

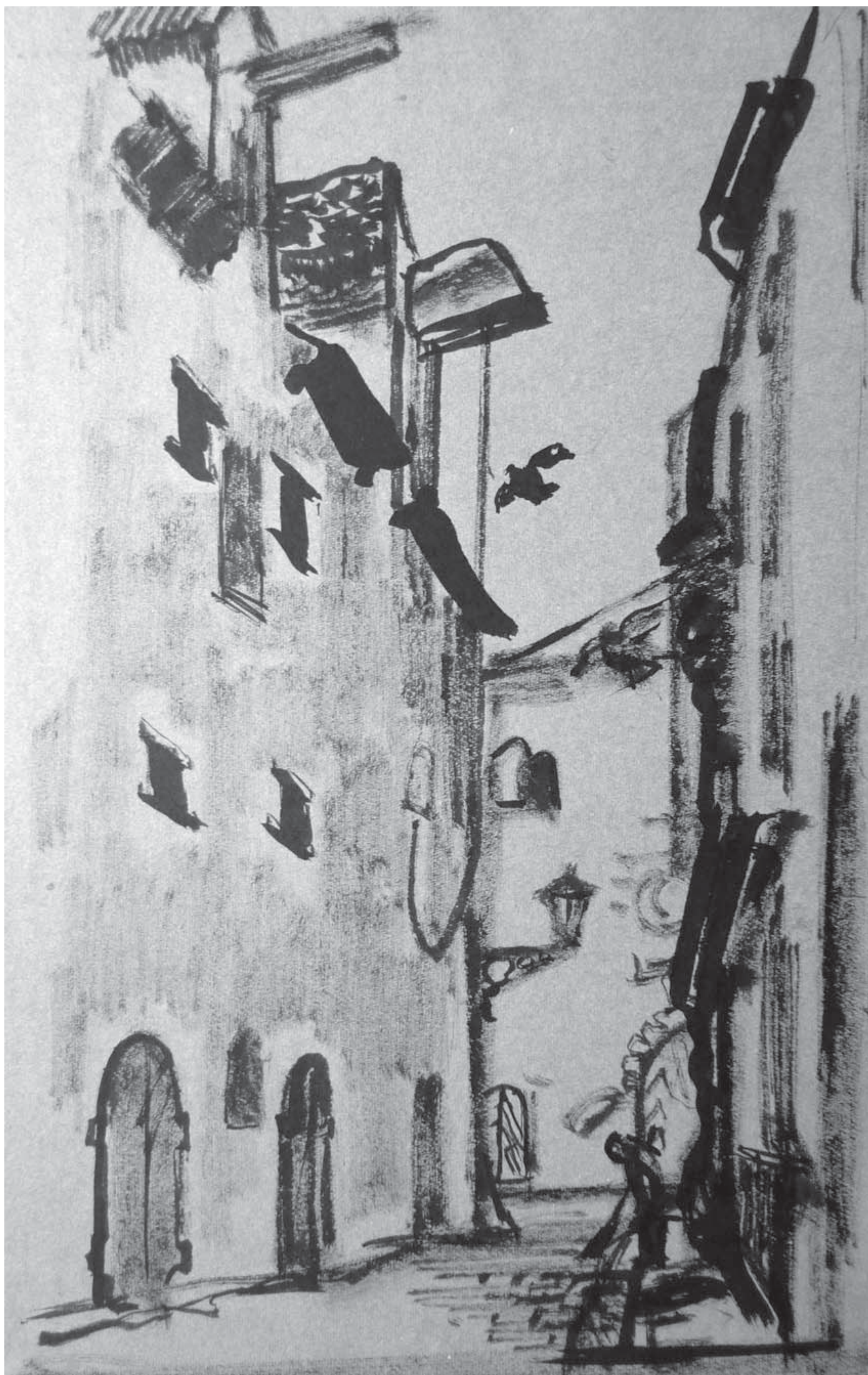
Brotze J. Chr. Sammlung verschiedner Liefländischer Monumente. Bd. II // LUAB. Bl. 105.

147. Устье Витьбы. Успенский собор. Акварель Юзефа Пешки. Начало XIX вв.

148. Рижские склады. Рисунок Л. Н. Хорошкевича. 1945

149. Рига. Улица в старом городе. Рисунок Л. Н. Хорошкевича. 1945–1946

Перечень иллюстраций

1. 1263 г. декабря 28. Рига. — Грамота кн. Герденя о его договоре с лив. магистром [Конрадом фон Мандерном] и городами Ригой, Полоцком и Витебском
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 4 (грамота № 1). Фотография 2006 г.

2. [1264 г. января 1 — 1267 г. июня 31. Полоцк]. — Грамота («слово») кн. пол. Изяслава архиеп. риж., лив. магистру, совету и «всем горожанам» г. Риги о заключении договора
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 4 (грамота № 2). Фотография 2006 г.

3. [1299–1305 гг. или 1308 г. Полоцк]. — Послание еп. пол. Якова риж. пробсту, нам. архиеп. риж., и совету г. Риги. Лицевая сторона
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 9. Lp. 3 (грамота № 3). Фотография 2006 г.

4. [1299–1305 гг. или 1308 г. Полоцк]. — Послание еп. пол. Якова риж. пробсту, нам. архиеп. риж., и совету г. Риги. Оборотная сторона
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 9. Lp. 3 o. p. (грамота № 3). Фотография 2006 г.

5. [XIV в. Полоцк]. — Вкладная запись Андрея Данильевича ц. Св. Троицы на его отчинное и дединное сельцо на Просмужке
РНБ. Погод. 12. Л. 35 об. (грамота № 4). Фотография 2012 г.

6. [XIV в. Полоцк]. — Вкладные записи Ивана Никоновича Дементеева сына и вел. кн. пол. Андрея Ольгердовича ц. Св. Троицы
РНБ. Погод. 12. Л. 128 об. (грамоты № 5, 10). Фотография 2012 г.

7. [1338 г. ноября 1 — 1341 г. Полоцк]. — Договор кн. пол. Глеба [Наримонта Гедиминовича] и еп. пол. Григория, с одной стороны, и лив. магистра [Эберхарда фон Мунхайма] и г. Риги, с другой, о порядке торговли весовыми товарами
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 30. Lp. 1 (грамота № 9.I). Фотография 2014 г.

8. [1338 г. ноября 1 — 1341 г. Полоцк]. — Договор кн. пол. Глеба [Наримонта Гедиминовича] и еп. пол. Григория, с одной стороны, и лив. магистра [Эберхарда фон Мунхайма] и г. Риги, с другой, о порядке торговли весовыми товарами. Список «руского» текста и средненижненемецкий перевод
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 32. Lp. 3 (грамота № 9.II). Фотография 2014 г.

9. [1338 г. ноября 1 — 1341 г.]. — Грамота совета г. Риги [полочанам] по вопросам торговли
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 36. Lp. 2 (грамота № 9.I). Фотография 2012 г.

10. 1380 г. [февраля 27]. Рига. — Договор лив. магистра [Вильгельма фон Фримерсгейма], с одной стороны, и вел. кн. лит. Ягайла и полочан, с другой, о перемирии сроком до 1380 г. мая 13
AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. № 4529 (грамота № 12). Фотография 2014 г.

11. 1385 г. [октября 10]. Недрица. — Ленная грамота кн. пол. Андрея Ольгердовича ливонскому магистру [Робину фон Эльтцу]
1385 г. [октября 11]. Недрица. — Послание пол. кн. Андрея Ольгердовича великому магистру Тевтонского ордена Конраду Цёльнеру фон Ротенштейну
1386 г. марта 13. Рига. — Видимус грамот вел. кн. пол. Андрея Ольгердовича
GStAPK. OF 281. S. 53 (грамоты № 13, 14, Прил. № 2). Фотография 2014 г.

12. [1386 г. февраля 2 — декабря 31. Полоцк]. — Послание вел. кнг. пол., супруги кн. Андрея Ольгердовича, и ее детей Семёна и Ивана [Андреевичей] совету и «купцам» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 77. Lp. 2 (грамота № 15). Фотография 2014 г.

13. 1387 г. апреля 28. Скойстери, «ловы». — Жалованная грамота кор. польск. и вел. кн. лит. Владислава [Ягайла] кн. лит. Скиргайлу на Трокское, Менское и Полоцкое княжения
БАН. 4.6.44 (грамота № 16). Фотография 1903 г. (*Соболевский*, *Пташицкий*. 1903. № 14).

14. 1387 г. июня 18. Лида. — Ленная грамота кн. лит., трокск. и пол. Скиргайла кор. польск. Владиславу [Ягайлу], кор-ве Ядвиге и Польскому королевству
AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. № 4439 (грамота № 17). Фотография 2014 г.

15. 1387 г. июля 9. Курчмы. — Договор кн. лит. Скиргайла с лив. магистром Робином фон Эльтцем о перемирии сроком до 1388 г. декабря 25
AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. № 4485 (грамота № 18). Фотография 2014 г.

16. [1393 г. апреля 27]. — Послание Германа Дасберга немецким купцам, находящимся в г. Полоцке
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 49. Lp. 2 (Прил. № 3). Фотография 2014 г.

17. [1397 г.] января 23. В четырех милях от Вильны, на охоте. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги. «Вторая рука» канцелярии Витовта (по классификации Р. Чапайте)
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 54. Lp. 2 (грамота № 36). Фотография 2014 г.

18. [1393 г. апреля 28 — 1406 г. июля 2]. — Послание вел. кн. лит. Витовта немецким купцам, находящимся в г. Полоцке. «Вторая рука» канцелярии Витовта (по классификации Р. Чапайте)
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 70. Lp. 2 (грамота № 19). Фотография 2014 г.

19. [1400 г.] октября 23. Полоцк. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги. «Третья рука» канцелярии Витовта (по классификации Р. Чапайте)
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 115. Lp. 2 (грамота № 41). Фотография 2014 г.

20. 1403 г. июня 5. Городно. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру г. Риги и «всем рижанам». «Третья рука» канцелярии Витовта (по классификации Р. Чапайте)
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 119. Lp. 2 (грамота № 46). Фотография 2014 г.

21. [1393–1412 гг.] ноября 8. Новогородок. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги. «Четвертая рука» канцелярии Витовта (по классификации Р. Чапайте)
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 60. Lp. 2 (грамота № 29). Фотография 2014 г.

22. 1409 г. октября 1. Троки. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги. «Шестая рука» канцелярии Витовта (по классификации Р. Чапайте).
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 138. Lp. 2 (грамота № 59). Фотография 2014 г.

23. [1409 г.] декабря 23. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги. «Рука E» канцелярии Витовта (по классификации Р. Чапайте).
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 139. Lp. 2 (грамота № 60). Фотография 2014 г.

24. 1399 г. марта 6. Полоцк. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта бургомистру г. Риги Т. Ниенбрюгге и риж. купцам на право свободной торговли рижан в г. Полоцке
LVVA. F. 8. Apr. 3. Caps. B. № 42 (грамота № 39). Фотография 2012 г.

25. [1394–1396 гг. Полоцк]. — Послание пол. нам. Монтигирда и полочан совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 52. Lp. 2 (грамота № 32). Фотография 2006 г.

26. [1409 г. августа 27 — 1412 г. апреля 14]. — Послание пол. нам. Фёдора совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 157. Lp. 2 (грамота № 61). Фотография 2006 г.

27. [1411 г. февраля 2 — 1422 г. сентября 26; скорее всего, около 1412–1413 гг.]. — Послание пол. нам. Немира совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 156. Lp. 2 (грамота № 62). Фотография 2006 г.

28. [1411 г. февраля 2 — 1422 г. сентября 26]. — Послание пол. нам. Немира совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 155. Lp. 2 (грамота № 63). Фотография 2014 г.

29. 1409 г. [августа 26]. Полоцк. — Послание пол. нам. кн. Ивана Семёновича и «всех полочан» лив. магистру и совету г. Риги
LVVA. F. 8. Apr. 3. Caps. C. № 9 (грамота № 57). Фотография 2014 г.

30. 1414 г. ноября 7. Полоцк. — Грамота полочан об освобождении лив. магистром задержанных полочан и возвращении их товара
LVVA. F. 8. Apr. 3. Caps. C. № 1 (грамота № 65). Фотография 2014 г.

31. [Около 1405 г. мая 17. Рига]. — Договор между г. Полоцком и г. Ригой о торговле. Рижский проект. Черновик
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 269. Lp. 1 (грамота № 48). Фотография 2014 г.

32. 1405 г. мая 17. [Рига]. — Договор между г. Полоцком и г. Ригой о торговле. Рижский проект
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 120. Lp. 2 (грамота № 49). Фотография 2014 г.

33. 1405 г. июня 21. — Договор между г. Полоцком, с одной стороны, и лив. магистром [Конрадом фон Фитингхофом] и г. Ригой, с другой стороны, о торговле. Полоцкий проект
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 121. Lp. 2 (грамота № 52). Фотография 2014 г.

34. [1399 г. марта 7 — 1407 г. марта 25. Полоцк]. — Послание пол. нам. и полочан совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 68. Lp. 2 (грамота № 40). Фотография 2014 г.

35. 1407 г. мая 14. Могилёв, Рига. — Договор между г. Полоцком и г. Ригой о торговле. Экземпляр г. Полоцка
LVVA. F. 8. Apr. 3. Caps. C. № 8 (грамота № 55.I). Фотография 2014 г.

36. [1407 г. мая 14]. Могилёв. — Договор между г. Полоцком и г. Ригой о торговле. Экземпляр г. Риги. Современный список
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 128. Lp. 2 (Прил. № 4). Фотография 2014 г.

37. 1406 г. февраля 23. Вильня. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта рижанам на земельный участок в г. Полоцке для строительства католической церкви. Немецкий экземпляр
LVVA. F. 8. Apr. 3. Caps. C. № 2 (грамота № 53.I). Фотография 2014 г.

38. 1406 г. февраля 23. Вильня. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта рижанам на земельный участок в г. Полоцке для строительства католической церкви. «Руский» экземпляр и его список
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 126. Lp. 2, 3 (грамота № 53.II). Фотография 2014 г.

39. [1409 г. сентября 1 — после 1415 г. ноября 15. Полоцк]. — Послание архиеп. пол. Феодосия совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 48. Lp. 4 (грамота № 58). Фотография 2006 г.

40. [Около 1440 г. — 1446 г.] декабря 29. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. Симеона II совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 168. Lp. 2 (грамота № 75). Фотография 2014 г.

41. [1422 г. сентября 28 — 1434 г. декабря 25. Полоцк]. — Послание пол. нам. Василия Дмитриевича Корсака, пол. бояр, местичей и «всех полочан» совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 194. Lp. 2 (грамота № 67). Фотография 2014 г.

42. [1435 г. декабря 1 — 1436 г. августа 31. Полоцк]. — Послание Василия Дмитриевича [Корсака], пол. бояр, местичей и «всех полочан» совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 158. Lp. 2 (грамота № 71). Фотография 2006 г.

43. 1439 г. [февраля 5]. Троки. — Подтвердительный лист вел. кн. лит. Сигизмунда [Кейстутовича] договора вел. кн. лит. Витовта с лив. магистром Конрадом фон Фитингхофом и советом г. Риги о торговле между г. Полоцком и г. Ригой
LVVA. F. 8. Apr. 3. Caps. C. № 23 (грамота № 73). Фотография 2014 г.

44. 1447 г. [мая 3]. Вильня. — Договор избранного кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира с г. Ригой о торговле между г. Полоцком и г. Ригой
LVVA. F. 8. Apr. 3. Caps. C. № 27 (грамота № 120). Фотография 2014 г.

45. [Около 1440 г. июля 29 — 1444 г. апреля 15]. — Послание пол. воеводы Семёна Гедигольдовича совету и «судьям» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 165. Lp. 2 (грамота № 97). Фотография 2006 г.

46. [1440 г. июля 30 — 1444 г. апреля 15]. — Послание пол. нам. Ивашка Гойцевича совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 163. Lp. 2 (грамота № 101). Фотография 2014 г.

47. [1458 г.] марта 2. Вильня. — Лист кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира пол. наместнику Андрею Саковичу об освобождении пол. мещанина Евлашка Козчича от хождения на стан и дачи подвод с его с. Лодыжиничи [Полоцкого пов.]
LVIA. F. 599. Apyr. 1. B. 43. L. 3 (грамота № 140). Фотография 2012 г.

48. [1461 г.] мая 8. Городно. — Послание кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 213. Lp. 2 (грамота № 149). Фотография 2014 г.

49. [1463 г.] сентября 11. Брест Куявский. — Послание кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира бурмистру и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 222. Lp. 2 (грамота № 156). Фотография 2014 г.

50. 1477 г. марта 24. Городно. — Послание кор. польск. и вел. кн. лит. Казимира бургомистру и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 13. Lp. 2 (грамота № 222). Фотография 2014 г.

51. [1447 г. июня 25 — 1459 г. апреля 5]. — Приговор суда пол. наместника Андрея Саковича, пол. бояр и местичей
LVIA. F. 599. Apyr. 1. B. 43. L. 7 (грамота № 121). Фотография 2012 г.

52. [Около 1444 г. апреля 16 — 1459 г. апреля 5]. — Послание пол. воеводы Андрея [Саковича] совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 184. Lp. 2 (грамота № 109). Фотография 2014 г.

53. [1447 г. июня 25 — 1459 г. апреля 5]. — Послание пол. воеводы Андрея Саковича совету и «всем местичам» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 186. Lp. 2 (грамота № 127). Фотография 2014 г.

54. [1451 г. апреля 10 — 1459 г. февраля 17]. — Послание наместника пол. воеводы Андрея Саковича Верькстня пол. бояр, мещан и «всего поспольства» г. Полоцка совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 188. Lp. 2 (грамота № 134). Фотография 2014 г.

55. [1459 г.] февраля 18. Ветрено. — Послание пол. воеводы Петра Монтигирдовича риж. ратману Ганусу Пилиповичу [Иоганну Зольтрумпу]
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 198. Lp. 2 (грамота № 143). Фотография 2014 г.

56. 1470 г. декабря 24. Волпа. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бургомистру и совету г. Риги
LVVA. F. 214. Apr. 6. L. 116. № 136. Lp. 85 (грамота № 197). Фотография 2014 г.

57. [1464 г. июля 18 — 1465 г. января 11]. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру, совету и всем «мещанам» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 223. Lp. 2 (грамота № 163). Фотография 2014 г.

58. [1464–1465 гг.] ноября 17. Бельчица. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистрам, войтам и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 10. Lp. 1 (грамота № 165). Фотография 2014 г.

59. [1447 г. июня 25 — 1459 г. апреля 5]. — Вкладная запись Ивана Полупяты Михайловича ц. Св. Иоанна Предтечи на Острове
РНБ. F. п. I. 17. Л. 1 об. (грамота № 123). Фотография 2012 г.

60. [1447 г. июня 25 — 1459 г. апреля 5]. — Вкладная запись Ивана Полупяты Михайловича ц. Св. Иоанна Предтечи на Острове
РНБ. F. п. I. 17. Л. 2 (грамота № 123). Фотография 2012 г.

61. [Около 1458 г. — 1470 г. мая 3]. — Вкладная запись кн. Ивана Юрьевича Мстиславского ц. Св. Софии в г. Полоцке на сельцо «на Мырынцы»
РНБ. Q. п. I. 2. Л. 82 (грамота № 138). Фотография 2012 г.

62. [Около 1458 г. — 1470 г. мая 3]. — Вкладная запись кн. Ивана Юрьевича Мстиславского ц. Св. Софии в г. Полоцке на сельцо «на Мырынцы»
РНБ. Q. п. I. 2. Л. 82 об. — 83 (грамота № 138). Фотография 2012 г.

63. [1452 г. февраля 11 — около 1458 г.]. — Вкладная грамота архиеп. пол. Симеона II монастырю Св. Николая на Лучне. Лицевая сторона
ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 (грамота № 135). Фотография 2012 г.

64. [1452 г. февраля 11 — около 1458 г.]. — Вкладная грамота архиеп. пол. Симеона II монастырю Св. Николая на Лучне. Оборотная сторона
ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 об. (грамота № 135). Фотография 2012 г.

65. [1441–1442 гг. Полоцк]. — Верительная грамота «всех полочан» Курилу
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 209. Lp. 2 (грамота № 104). Фотография 2014 г.

66. [Около 1444 г. апреля 16 — 1459 г. апреля 5. Полоцк]. — Послание пол. местичей и «всех полочан» совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 178. Lp. 3 (грамота № 108). Фотография 2014 г.

67. [1447 г. июня 25 — около 1459 г. апреля 6; 1449 г. (?). Полоцк]. — Послание пол. местичей и «всего места Полоцкого» совету и «местичам» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 206. Lp. 2 (грамота № 125). Фотография 2014 г.

68. [1447 г. июня 25 — 1459 г. апреля 5; около 1449–1451 гг. (?). Полоцк]. — Послание пол. местичей и купцов совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 181. Lp. 3 (грамота № 128). Фотография 2014 г.

69. [1459 г. августа 9. Полоцк]. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всего поспольства» [пол. мещанам] Сеньку Фёдоровичу, его брату Евлашку и др., направленным для ведения переговоров с советом г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 200. Lp. 2 (грамота № 147). Фотография 2014 г.

70. 1465 г. января 12. Полоцк. — Послание пол. мещан и «всего поспольства» бурмистру, совету и «всем мещанам» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 226. Lp. 2 (грамота № 167). Фотография 2014 г.

71. [Около 1470 г. — 1476 г.] августа 17. Словня. — Послание пол. боярина Остафия Васильевича [Корсака] бурмистру г. Риги Ганусу Пилиповичу [Иоганну Зольтрумпу]
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 264. Lp. 2 (грамота № 192). Фотография 2014 г.

72. [70-е гг. XV в. — 1485 г. декабря 31]. — Послание [пол. боярина] Остафия Васильевича [Корсака] бурмистру и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 17. Lp. 2 (грамота № 194). Фотография 2014 г.

73. 1471 г. [марта 30 — июля 20. Полоцк]. — Удостоверительный лист [пол. бояр и мещан] о передаче по приказу кор. польск. и вел. кн. лит. [Казимира] рижанам товаров, конфискованных у них
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 8. Lp. 2 (грамота № 198). Фотография 2014 г.

74. [1471 г. марта 30 — июля 20. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 2. Lp. 1 (грамота № 199). Фотография 2014 г.

75. [1471 г. сентября 8 — декабря 31. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 9. Lp. 2 (грамота № 202). Фотография 2014 г.

76. [1481 г.] сентября 9. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» г. Полоцка бурмистрам, войтам, совету и «всем мещанам» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 41. Lp. 1 (грамота № 246). Фотография 2014 г.

77. [1478 г.] июля 4. Полоцк. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всего поспольства» [пол.] боярину Сеньку Радьковичу, мещанам Евлашку Фёдоровичу Кожчицу и Зенову Буцьку, направленных для переговоров с бурмистром, войтом, советом, «всеми мещанами» и «всем поспольством» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 31. Lp. 2 (грамота № 225). Фотография 2014 г.

78. 1478 г. июля 22. Полоцк, Рига. — Договор между г. Полоцком и г. Ригой об урегулировании конфликта 1466 г. и порядке дальнейшей торговли
LVVA. F. 8. Apr. 3. Caps. C. № 43 (грамота № 226.I). Фотография 2014 г.

79. [1487 г.] января 7. [Полоцк]. — Продажный лист мохонковлян Семёна Санковича, Андрея и Овсея Игнатовых детей и др. архиепископу пол. Ионе на землю Мохонковщину. Почерк полоцкого городского дьяка Бориса Толандинича
LVIA. F. 599. Apyr. 1. B. 43. L. 4 (грамота № 266). Фотография 2012 г.

80. [1480 г. июня 1 — ноября 25]. Полоцк. — Послание пол. [боярина] Зеновия Васильевича [Корсака] бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги. Почерк полоцкого городского дьяка Бориса Толандинича
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 36. Lp. 1 (грамота № 236). Фотография 2014 г.

81. [1480 г. ноября 1 — 1484 г. Полоцк]. — Послание пол. нам. Богдана Андреевича [Саковича] бурмистру и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 39. Lp. 1 (грамота № 239). Фотография 2014 г.

82. [1485–1492 гг.] февраля 20. Полоцк. — Послание пол. нам. Яна Юрьевича [Заберезинского] бурмистру и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 50. Lp. 1 (грамота № 257). Фотография 2014 г.

83. [Около 1458 г. — 1470 г. мая 3]. — Послание еп. пол. Калиста совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 202. Lp. 2 (грамота № 139). Фотография 2014 г.

84. [1509 г.] апреля 25. Витебск. — Верительная грамота нареченного архиеп. пол. и витеб. Евфимия вновь назначенному священнику ц. Св. Николая в г. Риге Миките
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 70. Lp. 1 (грамота № 447). Фотография 2014 г.

85. [1476 г.] февраля 24. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол., витеб. и риж. Симеона III бурмистру Ганусу Пилиповичу [Иоганну Зольтрумпу], войту и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 27. Lp. 2 (грамота № 213). Фотография 2014 г.

86. [1476–1481 гг.] апреля 29. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол. и витеб. Симеона III бурмистрам и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 192. Lp. 2 (грамота № 215). Фотография 2014 г.

87. [1482–1488 гг.] апреля 25. Полоцк. — Послание архиеп. пол. и витеб. Ионы бурмистру г. Риги Ганусу, другим бурмистрам и «мещанам» Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 49. Lp. 2 (грамота № 251). Фотография 2014 г.

88. [1483 г.] апреля 5. Носилицы. — Послание [архиеп.] пол. Ионы совету г. Риги и старосте ц. Св. Николая в этом городе
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 48. Lp. 2 (грамота № 254). Фотография 2014 г.

89. [1496 г. июля 9 — 1501 г. марта 28. Полоцк]. — Послание нам. пол. [воеводы] Юрия Пацевича Сенька Моньковича бурмистрам, совету и войтам г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 59. Lp. 3 (грамота № 324). Фотография 2006 г.

90. [1510 г.] марта 5. Полоцк. — Послание пол. воеводы Станислава Глебовича совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 74. Lp. 4 (грамота № 457). Фотография 2006 г.

91. [1498 г.] сентября 7. [Полоцк]. — Продажный лист Василия Семёновича Редки из с. Рылковичи Богдану Есковичу Бардовскому
MAB RS. F 18. B. 206/1/6. L. 587 (грамота № 347). Фотография 2014 г.

92. [1509 г.] октября 20. Полоцк. — Завещание кнг. Софьи Подберезской
ANK. Oddz. III. Zbiór Rusieckich. Dokumenty papierowe. Sygn. 18.

93. 1506 г. мая 12. Вильня. — Подтвердительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра господарскому маршалку, канцлеру королевы, браславскому и жижморскому наместнику Ивану Семёновичу Сопеге на купли у пол. мещанина Митка Петровича [Харинича], путных слуг и тяглых людей земель «на Сарьи»
LVIA. F. 599. Apyr. 1. B. 312. L. 1 (грамота № 397). Фотография 2014 г.

94. 1507 г. июля 2. [Полоцк]. — Продажный лист Трухона и Давыда Василевичей, Курила Филиповича, Парасковьи Кузьминой жены Филиповича с детьми и Игната, Якова и Дениса Адамовичей пол. мещанину Митьку Петровичу Харинича на земли «в Даниловичох» в Полоцком пов.
LVIA. F. 599. Apyr. 1. B. 313. L. 18–19 (грамота № 497). Фотография 2014 г.

95. 1499 г. [августа 27]. Полоцк. — Послание войта и совета г. Полоцка бургомистру и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 57. Lp. 2 (грамота № 357). Фотография 2014 г.

96. 1509 г. февраля 27. Полоцк. — Послание бурмистров и совета г. Полоцка лив. магистру Вольтеру фон Плеттенбергу
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 65. Lp. 2 (грамота № 443). Фотография 2006 г.

97. [1504 г. февраля 4 или 5. Пётрков]. — Учредительный лист кор. польск. и вел. кн. лит. Александра на основание монастыря и костела бернардинцев в г. Полоцке
AGAD. Metryka Koronna. Libri Inscriptionum. Ks. 20. K. 173 (грамота № 384). Фотография 2004 г.

98. 1508 г. октября 6. Полоцк. — Послание бывшего священника ц. Св. Николая в г. Риге Прокопия совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 61. Lp. 2 (грамота № 435). Фотография 2006 г.

99. [Около 1505 г.] августа 12. Полоцк. — Послание бургомистра и совета г. Полоцка совету г. Риги
LVVA. F. 214. Apr. 6. L. 114. № 62. Lp. 41 (грамота № 386). Фотография 2006 г.

100. 1505 г. августа 23. Полоцк. — Послание наместника [пол. воеводы Станислава Глебовича?] Хинрика, войта и совета г. Полоцка совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 60. Lp. 2 (грамота № 393). Фотография 2006 г.

101. [1486 г. или 1501 г.] июля 15. Рига. — Поручная грамота псковских купцов Оксентия Кожевника, Стефана Портного мастера, Ивана Тверитина и др. по [псковском купце] Иване Цюзонове, получившем товар своего брата, псковского купца Василия Цюзонова, умершего в Риге
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 268. Lp. 2 (Прил. № 5). Фотография 2014 г.

102. [XIV в. Полоцк]. — Вкладная запись вел. кн. Анофрея м-рю Св. Иоанна Предтечи на Острове на бортные земли на реках Сомнице, Улле и Наче и на ез на р. Лисне (фальсификат)
РНБ. F. п. I. 17. Л. 144 об. (грамота № 6). Фотография 2012 г.

103. Владельческая запись Рейнгольда Зольтрумпа-мл.
Codex magistri ac decretorum baccalarii Reynaldi Saltrumpp, clerici Rigensis, gnati circumspecti

ac providi viri domini Johannis Saltrumpp, sancte Rigensis ecclesye archygastaldi necnon burgimagistri civitatis Ryghe. R. S.
Ferraris J. P. de. Practica judicalis. Strassburg: Heinrich Eggestein, ca 1475. LUAB IK 72, R 2505. Фотография 2014 г.

104. [1402–1404 гг.]. — Послание пол. воев. Прижкинта, пол. бояр и «всех полочан» лив. магистру и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 66. Lp. 2 (грамота № 44). Фотография 1985 г.

105. [Около 1420–1429 гг. Полоцк]. — Послание пол. нам. кн. Григория и полочан совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 154. Lp. 2 (грамота № 66). Фотография 70-х гг. XX в.

106. [Около 1430–1439 гг. Полоцк]. — Послание пол. нам. и «всех полочан» совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 160. Lp. 2 (грамота № 68). Фотография 70-х гг. XX в.

107. 1440 г. [июля 30]. Троки. — Послание вел. кн. лит. Казимира совету г. Данцига
APG. 300 D/8,5 (грамота № 99). Фотография 2013 г.

108. [Около 1444 г. апреля 16 — 1446 г. октября 1]. — Послание пол. воеводы Андрея Саковича совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 186a. Lp. 2 (грамота № 112). Фотография 2014 г.

109. [1446 г. октября 1 — декабря 31. Полоцк.] — Послание [не названного по имени пол. наместника] совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 167. Lp. 2 (грамота № 118). Фотография 2014 г.

110. [1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17; около 1449–1451 гг. (?)]. — Послание пол. воеводы Андрея Саковича совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 185. Lp. 2 (грамота № 126). Фотография 2014 г.

111. [1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17; 1450–1451 гг. (?)]. Полоцк. — Послание пол. воеводы Андрея Саковича совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 187. Lp. 2 (грамота № 129). Фотография 2014 г.

112. [Около 1444 г. апреля 16 — 1447 г. июня 25 (?) или 1459 г. февраля 17]. — Послание нам. пол. воеводы Андрея [Саковича] Омельяна, пол. бояр и местичей совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 175. Lp. 2 (грамота № 110). Фотография 2014 г.

113. [Около 1444 г. апреля 16 — 1447 г. июня 25 (?) или 1459 г. февраля 17]. — Послание наместника пол. воеводы Андрея [Саковича] Омельяна совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 176. Lp. 2 (грамота № 111). Фотография 2014 г.

114. [Около 1444 г. апреля 16 или около 1454 г. (?) — 1459 г. февраля 17]. — Послание [не названного по имени] наместника пол. воеводы Андрея [Саковича] совету, «судьям» и «местичам» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 179. Lp. 3 (грамота № 113). Фотография 2014 г.

115. [1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17]. — Послание наместника пол. воеводы Андрея [Саковича] Ивана, пол. бояр и местичей и «всего поспольства» совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 180a. Lp. 2 (грамота № 122). Фотография 2014 г.

116. [1447 г. июня 25 — 1459 г. февраля 17]. — Послание [не названного по имени] наместника пол. воеводы Андрея [Саковича], пол. бояр и местичей совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 180. Lp. 2 (грамота № 124). Фотография 2014 г.

117. [Около 1444 г. — 1458 г., вскоре после 24 июня.] — Послание пол. местичей и «всего поспольства» совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 183. Lp. 2 (грамота № 117). Фотография 2014 г.

118. [Около 1448 г.] — Верительная грамота пол. бояр и местичей [пол. местичам] Митку Труфановичу и Павлу Медведю, направленным для ведения переговоров с советом г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 182. Lp. 2 (грамота № 130). Фотография 2014 г.

119. Взвешивание товаров. Рельефы на «Доме Черноголовых» в Риге. Рисунок И. Х. Бротце. Конец XVIII в.
Brotze J. Chr. Sammlung verschiedner Liefländischer Monumente. Bd. II // LUAB. Bl. 202.

120. [1458 г. марта 3 — около 1459 г. декабря 31]. — Послание пол. воеводы Петра Монтигирдовича совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 197. Lp. 2 (грамота № 141). Фотография 2014 г.

121. [1459 г.] марта 10. Полоцк. — Послание пол. воеводы Петра Монтигирдовича совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 196. Lp. 2 (грамота № 144). Фотография 2014 г.

122. [1464 г.] марта 8. Черсвет. — Послание пол. нам. Олехна Судимонтовича совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 232a. Lp. 1 (грамота № 160). Фотография 2014 г.

123. [Около 1464 г.] сентября 16. Полоцк. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру, совету и всем «мещанам» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 207a. Lp. 1 (грамота № 164). Фотография 2014 г.

124. [1465–1466 гг.] марта 19. — Послание пол. воеводы Олехна Судимонтовича бурмистру и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 233a. Lp. 1 (грамота № 169). Фотография 2014 г.

125. [1470 г.] сентября 7. Полоцк. — Послание наместника [пол. воеводы] Олехна [Судимонтовича], пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 267. Lp. 2 (грамота № 196). Фотография 2014 г.

126. [1464 г. июля 18 — 1465 г. января 11. Полоцк]. — Верительная грамота пол. мещан «всех посполите» пол. мещанам Григорию Ильиничу и Миките Колчижиничу, направленным для переговоров с бурмистром и советом г. Риги с посланием пол. воеводы Олехна Судимонтовича
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 219. Lp. 2 (грамота № 162). Фотография 2014 г.

127. [1466 г.] апреля 18. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 232b. Lp. 1 (грамота № 177). Фотография 2014 г.

128. [1466 г.] мая 20. Полоцк. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и всего поспольства писцу Тулубею, послу к архиепископу риж. Сильвестру. Современный период
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 233. Lp. 2 (грамота № 179). Фотография 2014 г.

129. [1469 г.] июля 15. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 262b. Lp. 1 (грамота № 188). Фотография 2014 г.

130. [Около 1473 г. Полоцк]. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всего поспольства» [пол. боярину] Андрею Селяве, направленному для ведения переговоров с войтом, бурмистрами, советом и «всеми мещанами» г. Риги. Почерк полоцкого городского дьяка Бориса Толандинича
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 204. Lp. 2 (грамота № 203). Фотография 2014 г.

131. [1485–1492 гг. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всех купцов» г. Полоцка бурмистру, совету и «всем купцам» г. Риги. Почерк полоцкого городского дьяка Бориса Толандинича
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 53. Lp. 1 (грамота № 259). Фотография 2014 г.

132. [Около 1474 г. Полоцк]. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войту и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 11. Lp. 2 (грамота № 204). Фотография 2014 г.

133. [1476 г.] февраля 24. Полоцк. — Послание [архиеп.] пол., витебского и рижского Симеона III бурмистру Ганусу Пилиповичу [Иоганну Зольтрумпу], войту и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 27. Lp. 2 (грамота № 213). Фотография 2014 г.

134. [1477–1484 гг.] мая 5. Полоцк. — Верительная грамота пол. наместника Богдана Андреевича [Саковича] пол. боярину Сенку Яцковичу [Епимаху], направленному для переговоров с бурмистрами и советом г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 230. Lp. 2 (грамота № 223). Фотография 2014 г.

135. [Около 1477 г. января 1 –1481 г. октября 31. Полоцк]. — Послание наместника пол. [наместника] Богдана [Андреевича Саковича] Ивашки Данильевича, пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистру, совету и «всему поспольству» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 29. Lp. 1 (грамота № 217). Фотография 2014 г.

136. [Около 1477 г. января 1 — 1484 г. октября 9. Полоцк]. — Послание нам. [пол. наместника] Богдана Андреевича [Саковича] [Ивашка Данильевича], пол. бояр, мещан и всего поспольства г. Полоцка совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 231. Lp. 2 (грамота № 218). Фотография 2014 г.

137. [Около 1477 г. января 1 — 1484 г. октября 9. Полоцк]. — Послание наместника [пол. наместника] Богдана [Андреевича Саковича] Ивашка Данильевича бурмистрам, совету и «всему поспольству» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 30. Lp. 1 (грамота № 219). Фотография 2014 г.

138. [Около 1481 г.] октября 12. Полоцк. — Верительная грамота пол. бояр, мещан и «всей Полоцкой земли» пол. боярину Богдану Яцьковичу и пол. мещанину Мишку Орловичу, направленным в г. Ригу для переговоров с войтом, советом и «всеми мещанами» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 43. Lp. 2 (грамота № 242). Фотография 2014 г.

139. [1481 г.] сентября 9. Полоцк. — Послание пол. бояр, мещан и «всего поспольства» бурмистрам, войтам, совету и «всем мещанам» г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 40. Lp. 2 (грамота № 247). Фотография 2014 г.

140. [1481 г.] августа 21. Полоцк. — Послание [архиеп.] полоцкого и витебского, нареченного митрополита Киевского и всея Руси Симеона III совету г. Риги и церковным старостам ц. Св. Николая в Риге
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 195. Lp. 2 (грамота № 243). Фотография 2014 г.

141. [1486–1492 гг.] июня 6. Полоцк. — Послание пол. нам. Яна Юрьевича [Заберезинского] бурмистру и совету г. Риги
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 52. Lp. 1 (грамота № 264). Фотография 2014 г.

142. 1511 г. июля 20. Берестье. — Подтвердительный привилей кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого мещанам г. Полоцка на магдебургское право и другие свободы (позднейшая переработка и компиляция)
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 76. Lp. 2 (грамота № 474). Фотография 2012 г.

143. 1511 г. июля 20. Берестье. — Подтвердительный привилей кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого мещанам г. Полоцка на магдебургское право и другие свободы (позднейшая переработка и компиляция). Немецкий перевод
LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 76. Lp. 11 (грамота № 474). Фотография 2012 г.

144. 1396 г. Полоцк. — Вкладная грамота пол. кн. Ярослава Изяславича Борисоглебскому м-рю на берег на р. Бельчице для строительства мельницы. Рисунок начала XIX в.
ОР РГБ. Ф. 256. Ед. хр. 69. № 8. Л. 16 (грамота № 33).

145. Ез. Рисунок И. Х. Бротце. Конец XVIII в.
Brotze J. Chr. Sammlung verschiedner Liefländischer Monumente. Bd. II // LUAB. Bl. 10.

146. Прибытие стругов весной [в Ригу]. Рисунок И. Х. Бротце. Конец XVIII в.
Brotze J. Chr. Sammlung verschiedner Liefländischer Monumente. Bd. II // LUAB. Bl. 105.

147. Устье Витьбы. Успенский собор. Акварель Юзефа Пешки. Начало XIX вв.

148. Рижские склады. Рисунок Л. Н. Хорошкевича. 1945

149. Рига. Улица в старом городе. Рисунок Л. Н. Хорошкевича. 1945–1946

Список сокращений и литературы

Архивы, музеи и хранилища рукописей

Архив СПбИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук.
БАН — Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург). Рукописное отделение.
БГАМЛИ — Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (Минск).
ГЭ — Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург).
НИАБ — Национальный исторический архив Беларуси (Минск).
ОН ГИМ — Отдел нумизматики Государственного исторического музея (Москва).
ОР ГИМ — Отделение рукописей Государственного исторического музея (Москва).
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва; до 1992 г. ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов).
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
СПбФАРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области (Нижний Новгород).

AGAD — Archiwum Główne Akt Dawnych (Главный архив древних актов, Варшава).
ANK — Archiwum Narodowe w Krakowie (Национальный архив в Кракове).
APG — Archiwum Państwowe w Gdańsku (Государственный архив в Гданьске).
BCz — Biblioteka XX. Czartoryskich (Библиотека Кн. Чарторыйских, Краков).
BPAN — Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku (Библиотека Польской академии наук в Курнике).
BPAU — Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie (Библиотека Польской академии искусств и наук и Польской академии наук в Кракове).
BUW — Biblioteka Uniwersytecka w Warszawie (Университетская библиотека в Варшаве).
DSHI — Dokumentesammlung des Herder-Instituts (Собрание документов Гердеровского института, Марбург).
GStAPK — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv) (Секретный государственный архив Фонда «Прусское культурное наследие», XX главное отделение — Кёнигсбергский архив, Берлин).
LNB R — Latvijas nacionālā bibliotēka. Reto grāmatu un rokrakstu nodaļa (Национальная библиотека Латвии, Отдел редких книг и рукописей, Рига).
LUAB — Latvijas Universitātes Akadēmiskā bibliotēka (Академическая библиотека Латвийского университета, Рига).
LVIA — Lietuvos valstybės istorijos archyvas (Литовский государственный исторический архив, Вильнюс).
LVVA — Latvijas valsts vēstures arhīvs (Латвийский государственный исторический архив, Рига).
MAB RS — Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius (Отдел рукописей Библиотеки им. Врублевских Академии наук Литвы, Вильнюс).
TLA — Tallinna Linnaarhiiv (Городской архив Таллинна).

Архивные собрания

ОИРК — Отдел истории русской культуры (ГЭ).
ОЛДП — Общество любителей древней письменности (РНБ).
Погод. — Собрание рукописей М. П. Погодина (РНБ).
AS — Archiwum Sanguszków (Архив Сангушек; ANK).
Dok. perg. — Zbiór dokumentów pergaminowych (Собрание пергаменных документов; AGAD, BCz).
MK — Metryka Koronna (Коронная Метрика; AGAD).
OBA — Ordensbriefarchiv (Архив орденских писем; GStAPK).
OF — Ordensfoliant (Орденский фолиант; GStAPK).
Perg.-Urk. — Pergament-Urkunden (Пергаменные грамоты; GStAPK).
SA — Senieji aktai (Древние акты; LVIA).
TN — Teki Naruszewicza (Папки Нарушевича; BCz).
Tzw. ML — Tak zwana Metryka Litewska. Transkrypcje (Так называемая Литовская метрика. Транскрипции; AGAD)
ZR — Zbiór Rusieckich (Собрание Русецких; ANK).

Серийные, периодические и продолжающиеся издания

АЕ — Археографический ежегодник.
БГА — Беларускі гістарычны агляд.
БГЧ — Беларускі гістарычны часопіс.
ВИ — Вопросы истории.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
ГАППЗ — Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі.
ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г. — Древнейшие государства на территории СССР).
ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики.
ЕАИВЕ — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИЗ — Исторические записки.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности.
ИСССР — История СССР.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
ПЗАК — Протоколы заседаний Археографической комиссии.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.
ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских.
СА — Советская археология.
СВ — Средние века.
AW — Ateneum Wileńskie.
CPH — Czasopismo Prawno-Historyczne.
KH — Kwartalnik Historyczny.
KHKM — Kwartalnik Historii Kultury Materialnej.
LIM — Lietuvos istorijos metraštis.
LSP — Lituano-Slavica Poznaniensia.
PH — Przegląd Historyczny.
PSB — Polski słownik biograficzny.
RH — Roczniki Historyczne.
SHEO — Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы.
ZH — Zapiski Historyczne.

Словари, справочные издания, методические рекомендации*

Груша. МР. 2003 — Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII стст., перыяд Вялікага княства Літоўскага) / Аўтар-складальнік А. І. Груша. Мінск, 2003.
Грыгаровіч. 1992 — *Грыгаровіч І. І.* Беларуская іерархія. Мінск, 1992.
ГСБМ. Вып. 15 — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 15: Катъ — Коречный. Мінск, 1996.
ГСБМ. Вып. 17 — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 17: Лесничий — Местский. Мінск, 1998.
ГСБМ. Вып. 18 — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 18: Местце — Надзовати. Мінск, 1999.
Даль. 1881. Т. 2 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И — О. СПб.; М., 1881.
Даль. 1882. Т. 3 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3: П. СПб.; М., 1882.
Жлутка. МР. 2005 — Метадычныя рэкамендацыі да выдання лацінскіх дакументаў X–XIV ст. / Аўтар-складальнік А. А. Жлутка. Мінск, 2005.
Кайгородов. 1883 — *Кайгородов Д. М.* Русский толковый лесотоварный словарь. СПб., 1883.
Ковальский. МР. 1987 — Методические рекомендации по использованию документов Литовской метрики в курсе источниковедения отечественной истории / Сост. Г. В. Боряк, В. С Страшко и др.; отв. ред. Н. П. Ковальский. Днепропетровск, 1987.
Назвы. 2009 — Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць / У. М. Генкін, І. Л. Капылоў, В. П. Лемцюгова; пад рэд. В. П. Лемцюговай. Мінск, 2009.

* Словарные и энциклопедические статьи, имеющие исследовательское значение, включены в список научно-исследовательской литературы.

ПКВГ. 1861. Ч. 2 — Памятная книжка Витебской губернии на 1861 год. Ч. 2: Географическое описание губернии. Витебск, 1861.

ПКВГ. 1862 — Памятная книжка Витебской губернии на 1862 год. Витебск, 1862.

ПКВГ. 1866 — Памятная книжка Витебской губернии на 1866 год. Витебск, 1866.

Сапунов. 1906 — *Сапунов А. П.* Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906.

СДРЯ. Т. 4 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4: изживати — молениѥ. М., 1991.

СлРЯ. Вып. 2 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2: В — Волога. М., 1975.

СлРЯ. Вып. 4 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4: Г — Д. М., 1977.

СлРЯ. Вып. 5 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5: Е — Зинутие. М., 1978.

СлРЯ. Вып. 6 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6: Зипунъ — Иянуарий. М., 1979.

СлРЯ. Вып. 7 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7: К — Крагуярь. М., 1980.

СлРЯ. Вып. 8 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8: Крада — Лящина. М., 1981.

СлРЯ. Вып. 9 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9: М. М., 1982.

СлРЯ. Вып. 15 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15: Перстъ — Подмышка. М., 1989.

Срезневский. Т. 1 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1: А — К. СПб., 1890–1893.

Срезневский. Т. 2 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2: Л — П. СПб., 1895–1902.

Срезневский. Т. 3 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3: Р — Ѡ, доп. А — Я. СПб., 1903–1912.

Строев. 1877 — *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.

Фасмер. Т. 2 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2: Е — Муж. М., 1986.

Фасмер. Т. 4 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4: Т — ящур. М., 1973.

Хорошкевич, Каштанов. 1985 — Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / Сост. А. Л. Хорошкевич, С. М. Каштанов; отв. ред. В. Т. Пашуто, Ю. М. Юргинис. Вильнюс, 1985.

ЭВКЛ. Т. 2 — Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя ў двух тамах. Т. 2 (К–Я). Мінск, 2007.

Ališauskas etc. 2009 — *Ališauskas V., Jaszczołt T., Jovaiša L., Paknys M.* Lietuvos katalikų dvasininkai XIV–XVI a. (Bažnyčios istorijos studijos. T. 2.) Vilnius, 2009.

Eubel. 1913 — *Eubel C.* Hierarchia catholica medii aevi sive summorum pontificum, S. R. E. cardinalium, ecclesiarum antistitum series. Ed. altera. T. 1 (1198–1431). Monasterii, 1913.

Gams. 1931 — *Gams P. B.* Series episcoporum Ecclesiae catholicae, quotquot innotuerunt a beato Petro Apostolo. Ed. altera. T. 1. Lipsiae, 1931.

Grotefend. 1891. Bd. 1 — *Grotefend H.* Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit. Bd. 1. Hannover, 1891.

Heckmann. 2013 — *Heckmann D.* Leitfaden zur Edition deutschsprachiger Quellen (13.–16. Jahrhundert) // Preussenland. 2013. Jg. 3. S. 7–13.

MNDHWB. Bd. 2. T. 1 — Mittelniederdeutsches Handwörterbuch / Begr. von A. Lasch und C. Borchling, fortgeführt von G. Cordes, hrsg. von D. Möhn. Bd. 2. Teil 1: G — opperscherf. Neumünster, 2004.

Nasze Kościoły. 1913. T. 1 — Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich kościołów i parafji znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. T. 1: Archidjecezja Mohylowska. Warszawa; Petersburg, 1913.

Niermeyer. 1954. Fasc. 1 — *Niermeyer J. F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Fasc. 1. Leiden, 1954.

Niermeyer. 1956. Fasc. 4 — *Niermeyer J. F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Fasc. 4. Leiden, 1956.

Niermeyer. 1957. Fasc. 5 — *Niermeyer J. F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Fasc. 5. Leiden, 1957.

Niermeyer. 1962. Fasc. 9 — *Niermeyer J. F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Fasc. 9. Leiden, 1962.

Niermeyer. 1964. Fasc. 10 — *Niermeyer J. F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Fasc. 10. Leiden, 1964.

Normes internationales. 1984 — Normes internationales pour l'édition des documents médiévaux // Folia Caesaraugustana. Vol. I. Diplomatica et sigillografia. Zaragoza, 1984. S. 13–64.

Richtlinien. 2000 — Richtlinien für die Edition landesgeschichtlicher Quellen / Hrsg. von W. Heinemeyer. 2. Aufl. Marburg, 2000.

Ritterbrüder. 1993 — Ritterbrüder im livländischen Zweig des Deutschen Ordens / Hrsg. von L. Fenske und K. Militzer. (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 12.) Köln; Weimar; Wien, 1993.

SGKP. T. 10 — Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 10. Warszawa, 1889.

SŁŚ. T. 7 — Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce. T. 7 (P–Q) / Wyd. pod red. K. Weyssenhoff-Brożkowej. Kraków, 1992–2001.

Thumser. 2008 — *Thumser M.* Zehn Thesen zur Edition deutschsprachiger Geschichtsquellen (14.–16. Jahrhundert) // Editionswissenschaftliche Kolloquien 2005/2007. Methodik — Amtsbücher — Digitale Edition — Projekte. (Publikationen des Deutsch-Polnischen Gesprächskreises für Quellenedition. Bd. 4.) Toruń, 2008. S. 13–19.

UDR. T. 11 — Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. Spisy / Pod red. A. Gąsiorowskiego. T. 11: Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy / Oprac. H. Lulewicz i A. Rachuba. Kórnik, 1994.

UWKL. T. 1 — Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1: Województwo wileńskie, XIV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2004.

UWKL. T. 2 — Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 2: Województwo trockie, XIV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2009.

UWKL. T. 4 — Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4: Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie, XIV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2003.

Публикации и перечни источников, описания рукописных собраний, каталоги печатей

ААЭ. Т. 1 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 1. СПб., 1836.

АВАК. Т. 1 — Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 1. Акты Гродненского земского суда. Вильна, 1865.

АВАК. Т. 9 — Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 9. Акты Виленского земского суда. Вильна, 1878.

АВАК. Т. 13 — Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 13. Акты Главного Литовского трибунала. Вильна, 1886.

АЗР. Т. 1 — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1340–1506. СПб., 1846.

АЗР. Т. 2 — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2: 1506–1544. СПб., 1848.

АЗР. Т. 3 — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3: 1544–1587. СПб., 1848.

АЗР. Т. 1 (6) — Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1 (6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / Сост. М. Е. Бычкова (отв. сост.) и др.; отв. ред. тома С. М. Каштанов. М.; СПб., 2012.

АИ. Т. 1 — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1334–1598. СПб., 1841.

Актавая кніга. 2006 — Актавая кніга Полацкага магістрата 1650 г.: Зборнік дакументаў / Падр. М. Ю. Гардзееў. Мінск, 2006.

АЛМ. Т. 1. Вып. 1 — Акты Литовской метрики / Собр. Ф. И. Леонтович. Т. 1. Вып. 1. Варшава, 1896.

АЛМ. Т. 1. Вып. 2 — Акты Литовской метрики / Собр. Ф. И. Леонтович. Т. 1. Вып. 2. Варшава, 1897.

АЛРГ — Акты Литовско-Русского государства, изданные М. Довнар-Запольским. Вып. 1 (1390–1529 г.). М., 1900.

Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 6 — Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Волынском и Подольском генерал-губернаторе. Ч. 1: Акты о церковно-религиозных отношениях в Юго-Западной Руси (1322–1648 гг.). Т. 6. Киев, 1883.

Архив ЮЗР. Ч. 4. Т. 1 — Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Волынском и Подольском генерал-губернаторе. Ч. 4: Акты о происхождении шляхетских родов в Юго-Западной России. Т. 1. Киев, 1867.

АСД. Т. 1 — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. 1. Вильна, 1867.

АСЭИ. Т. 1 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М., 1952.

АСЭИ. Т. 2 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 2. М., 1958.

АСЭИ. Т. 3 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964.

АФЗХ. Ч. 1 — Акты феодального земдевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1. М., 1951.

АЮЗР. Т. 1 — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 1. СПб., 1862.

БА. Т. 2 — Беларускі архіў. Т. 2. XV–XVI ст. Літоўская мэтрыка. Кніга Запісаў № 16 / Падрыхт. З. Даўгяла. Менск, 1928.

БАДГ. Ч. 1 — Белорусский архив древних грамот. Ч. 1. М., 1824.

Барбаро, Контарини. 1971 — Барбаро и Контарини о России / Подг. Е. Ч. Скржинская. Л., 1971.

Боголюбова, Таубенберг — Боголюбова Н. Д., Таубенберг Л. И. О древнерусских памятниках XIII–XIV вв. Рижского городского архива // Учёные записки Латвийского государственного университета имени П. Стучки. Рига, 1960. Т. 36. Вып. 6. С. 7–22.

Бычкова. 2009 — Договор 1440 г. между Псковом и Великим княжеством Литовским / Вступительная статья М. Е. Бычковой, подготовка текста А. А. Бондаренко и О. И. Хоруженко // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4. С. 231–237.

БЭФ — Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. Т. 1. Минск, 1959.

Варонін. Рэестр. 2009 — *Варонін В. А.* Рэестр путных баяр Полацкага ваяводства 1585 года. Мінск, 2009.

Востоков. 1842 — *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842.

Восточнославянские и южнославянские книги. Вып. 1 — Восточнославянские и южнославянские книги в собраниях Польской Народной республики / Сост. Я. Н. Щапов. Вып. 1. М., 1976.

ВРА — Віцебска-Рыжскія акты XIII–XVII ст. Дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі (з былога комплекса *Ruthenica* Дзяржаўнага Гістарычнага архіва Латвіі) / Падрыхт. А. І. Дзярновіч. Вып. 1. Дакументы гаспадарча-гандлёвыя XV–XVI ст. (Athenaeum. Commentarii historiae et culturae. Vol. 11.) Мінск, 2005.

ВС. Т. 1 — Витебская старина / Сост. и изд. А. П. Сапунов. Т. 1. Витебск, 1883.

ВС. Т. 5. Ч. 1 — Витебская старина / Сост. и изд. А. П. Сапунов. Т. 5. Ч. 1. Витебск, 1888.

ГБДМ — Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т. 1. IX–XVIII ст. / Склалі В. К. Шчарбакоў, К. І. Кернажыцкі, Д. І. Даўгяла. Менск, 1936.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Генрих Латвийский. 1938 — *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / Подг. С. А. Аннинский. М.; Л., 1938.

Говорский. 1862 — *Говорский К. А.* Документы, служащие материалом для истории белорусской церкви // Вестник юго-западной и западной России. Киев, 1862. Т. 2. С. 12–40.

Гранстрем. 1953 — *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л., 1953.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин; Отв. ред. С. В. Бахрушин. М.; Л., 1950.

Дзярновіч. 2007 — *Дзярновіч А.* «Тубылец віцебскі»: новы дакумент з былога архіўнага комплекса MOSCOWITICA-RUTHENICA (Дзяржаўнага Гістарычнага Архіва Латвіі) // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 8. Мінск, 2007. С. 199–206.

ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подг. Я. Н. Щапов. М., 1976.

ДМАМЮ. Т. 1 — Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1 / Подг. М. В. Довнар-Запольский. М., 1897.

ДПЛЕ — Русско-еврейский архив: Документы, материалы для истории евреев в России. Т. 3. Документы к истории польских и литовских евреев (1364–1569). СПб., 1903.

ДРВ. Ч. 6 — Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся. Ч. 6. Изд. 2-е. М., 1788.

Древний помянник. 1892 — Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.) / Сообщил С. Т. Голубев // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1892. Кн. 6. С. 1–88 (4-й паг.).

Жемайтис. 1997 — *Жемайтис С. Г.* Привилей Новогрудской земле 1440 г. // Рукописные памятники. Публикации и исследования. Вып. 4. СПб., 1997. С. 215–225.

Жлутка. 2006 — *Жлутка А. А.* Ліст Папы Клімента V 1310 г. аб становішчы ў Лівоніі і ў суседніх краінах у другой палове XIII — пачатку XIV ст. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 7. Мінск, 2006. С. 147–165.

Заторський. 2013 — *Заторський Назар, о.* «Послання Мисаїла» за Смоленським списком // Український археографічний щорічник. Нова серія. Вип. 18. (Український археографічний збірник. Вип. 21.) Київ, 2013. С. 401–428.

Зимин. 1970 — *Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. 1970. № 5. С. 68–73.

Иван Грозный. 2014 — Иван Грозный — завоеватель Полоцка: (новые документы по истории Ливонской войны) / Сост. В. Ю. Ермак. СПб., 2014.

Иванов, Кузнецов. 2009 — *Иванов А., Кузнецов А.* Смоленско-рижские акты. XIII в. — первая половина XIV в. Документы комплекса Moscowitica-Ruthenica об отношениях Смоленска и Риги. (Исторические исследования. Vēstures Avoti. Т. 6.) Рига, 2009.

Иванов, Кузнецов. 2013 — *Иванов А. С., Кузнецов А. М.* Псковские грамоты первой трети XVI в. из Латвийского государственного исторического архива // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2012–2013. М., 2013. С. 179–195.

Игнатенко, Сидорцов — Хрестоматия по истории Белоруссии. С древнейших времен до 1917 г. / Сост. А. П. Игнатенко, В. Н. Сидорцов. Минск, 1977.

ИЮМ. Вып. 1 — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске. Вып. 1 / Под ред. Созонова. Витебск, 1871.

ИЮМ. Вып. 2 — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске. Вып. 2 / Под ред. Созонова. Витебск, 1871.

ИЮМ. Вып. 23 — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске. Вып. 23 / Под ред. М. Веревкина. Витебск, 1892.

ИЮМ. Вып. 28 — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске. Вып. 28 / Под ред. Д. И. Довгялло. Витебск, 1900.

ИЮМ. Вып. 29 — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске. Вып. 29 / Под ред. Д. И. Довгялло. Витебск, 1901.

Калайдович, Строев. 1825 — *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей гр. Ф. А. Толстова. М., 1825.

Калачов. 1877 — Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Писцовые книги XVI века / Под ред. Н. В. Калачова. Отд. 2. Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. СПб., 1877.

Казакова. 1983 — *Казакова Н. А.* Договор Пскова с Ливонией 1509 г. // ВИ. 1983. № 1. С. 90–98.

Казакоў. 2010 — *Казакоў А. У.* Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г. // SHEO. Вып. 3. Минск, 2010. С. 291–300.

Кеппен. 1822 — *Кеппен П. И.* Список русским памятникам, служащих к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М., 1822.

Конев. 1995 — *Конев С. В.* Синодикология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Вып. 6. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. С. 95–106.

КПМВКЛ. Ч. 1–2 — Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигисмунда Августа с 1545 по 1572 год. Ч. 1–2 / Изд. М. Оболенский, И. Данилович, М. Погодин, Д. Дубенский. М., 1843.

Кузнецов, Иванов. 2011 — *Кузнецов А. М., Иванов А. С.* Рижский список Нибурова мира (1392 г.) // Новгородика-2010. Вечевой Новгород. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Великий Новгород, 2011. С. 118–128.

Кучкин. 2008а — *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // ДРВМ. 2008. № 1 (31). С. 95–108.

Кучкин. 2008б — *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // ДРВМ. 2008. № 2 (32). С. 129–132.

Кучкин. 2008в — *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. Душевная грамота великого князя Симеона Ивановича // ДРВМ. 2008. № 3 (33). С. 123–125.

Кучкин. 2008г — *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // ДРВМ. 2008. № 4 (34). С. 97–101.

Кучкин. 2009 — *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // ДРВМ. 2009. № 1 (35). С. 93–100.

Лазутка, Гудавичюс. 1993 — *Лазутка С., Гудавичюс Э.* Привилегия евреям Витаутаса Великого 1388 года. Москва; Иерусалим, 1993.

Лицкевич. 2010 — *Лицкевич О. В.* Документы по истории Менской земли за 1386–1393 гг. // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам магдэбурскага права): матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 4–5 верасня 2009 г. Мінск, 2010. С. 8–15.

Лицкевич. 2014 — *Лицкевич О. В.* Поручительство литовско-русской знати за нобиля Братошу Койлутовича (1387–1394 гг.) // Беларуская даўніна. Вып. 1. Мінск, 2014. С. 29–58.

Ліцкевіч. 2009а — *Ліцкевіч А.* Старабеларускія граматы XV ст. з Archiwum głównego akt dawnych у Варшаве // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Вып. 11. Мінск, 2009. С. 6–41.

Малиновский. Сборник материалов. 1901 — *Малиновский И. А.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901.

Матвеев — *Матвеев И. И.* Неизвестная полоцкая грамота второй половины XV в. // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. № 4. М., 1953. С. 71–84.

Матузова, Назарова. 2002 — *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г.: Тексты, перевод, комментарии. М., 2002.

МВКЛ. Кн. 28 — Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552): Кніга запісаў 28 / Падрыхт. В. С. Мянжынскі, У. М. Свяжынскі. Менск, 2000.

МВКЛ. Кн. 523 — Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кніга публічных спраў 1 / Падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч. Мінск, 2003.

МВКЛ. Кн. 560 — Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга № 560 / Падрыхт. А. І. Дзярновіч. Мінск, 2007.

Мікульскі. 2014 — З архіўных і бібліятэчных сховішчаў (XIV–XVII ст.) / Падрыхт. Ю. М. Мікульскі // Беларуская даўніна. Вып. 1. Мінск, 2014. С. 123–184.

Міндаў. 2005 — Міндаў, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньях. Mindowe, rex Lithowiae, in litteris et testimonies / Уклад., пер., камэнт. А. Жлуткі. Мінск, 2005.

Напьерский. Грамоты — Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке / Найдены в Рижском архиве К. Э. Напиерским и изданы Археографическою комиссиею. (С 8 литографированными снимками.) СПб., 1857.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Подг. А. Н. Насонов. М.; Л., 1950.

ОАПП. Ч. 1 — Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подг. В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. Ч. 1. М., 1977.

Обнорский, Бархударов. 1952 — *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. М., 1952.

ОДБ. Кн. 21 — Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 21. М., 1915.

Однороженко. 2009 — *Однороженко О.* Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. (Monumenta Rutheniae heraldica. Vol. 2.) Харків, 2009.

Орешников. 2011. Т. 2 — *Орешников А. В.* Дневник. Т. 2. М., 2011.

Пазднякоў. 2013 — *Пазднякоў В. С.* Беларуская грамата XV стагоддзя: дароўны ліст княгіні Марыі намесніку віцебскаму Івану Ільінічу на сяльцо каля ракі Друць // Герольд Litherland. № 19. Горадня; Менск, 2013. С. 118–125.

Памятники древнерусской литературы. Вып. 2 — Памятники древнерусской литературы. Вып. 2. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печ. Д. И. Абрамович. Пг., 1916.

ПГ. Вып. 1 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. А. Л. Хорошкевич; отв. ред. А. А. Зимин. Вып. 1. М., 1977.

ПГ. Вып. 2 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. А. Л. Хорошкевич; отв. ред. А. А. Зимин. Вып. 2. М., 1978.

ПГ. Вып. 3 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. А. Л. Хорошкевич; отв. ред. А. А. Зимин. Вып. 3. М., 1980.

ПГ. Вып. 4 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. А. Л. Хорошкевич; отв. ред. А. А. Зимин. Вып. 4. М., 1982.

ПГ. Вып. 5 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. А. Л. Хорошкевич; отв. ред. А. А. Зимин. Вып. 5. М., 1985.

ПГ. [Вып. 6] — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Подг. А. Л. Хорошкевич. [Вып. 6]. Указатели. М., 1989.

Перетц. 1906 — *Перетц В. Н.* Челобитная о благословении на Киевскую и всея Руси митрополию архиеп. полоцкого Ионы Глезны // Eranos. Сборник статей по истории и литературе в честь заслуженного профессора Императорского Университета Св. Владимира Николая Павловича Дашкевича. Киев, 1906. С. 44–49.

Пещак — Грамоти XIV ст. / Упор. М. М. Пещак. Київ, 1974.

ПЛ. Вып. 1 — Псковские летописи / Подг. А. Н. Насонов. Вып. 1. М.; Л., 1941.

ПЛ. Вып. 2 — Псковские летописи / Подг. А. Н. Насонов. Вып. 2. М.; Л., 1955.

Полоцко-Витебская старина. Вып. 3 — Способ запашки земли и посева хлебов в Белоруссии и в Великом княжестве Литовском в конце XVI и нач. XVII века (Перевод с латинского) / Сообщил А. П. Сапунов // Полоцко-Витебская старина. Вып. 3. Витебск, 1916. С. 325–329.

Послания Гедимина. 1966 — Послания Гедимина. Gedimino laiškai / Подг. В. Т. Пашуто и И. В. Шталь. Вильнюс, 1966.

Послания Гедимина. 2011 — Послания Гедимина // *Пашуто В. Т.* Русь. Прибалтика. Папство. (Избранные статьи.) (ДГ. 2008.) М., 2011. С. 496–570.

ПР 1552 г. — Полоцкая ревизия 1552 года / Подг. И. И. Лаппо. М., 1905. (Отдельный оттиск из: ЧОИДР. 1905. Кн. 2.)

ПР 1580 г. — *Лаппо И. И.* Описание полоцких владычных, монастырских и церковных земель ревизорами 1580 года // ЧОИДР. 1907. Кн. 3. Ч. 1. С. 1–25.

Присёлков, Фасмер. 1916 — *Присёлков М. Д., Фасмер М. Р.* Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века (Посвящается В. Н. Бенешевичу) // Известия ОРЯС. Т. 21. Кн. 1. Пг., 1916. С. 48–70.

ПРП. Вып. 1 — Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин. М., 1952.

ПРП. Вып. 2 — Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Сост. А. А. Зимин. М., 1953.

ПРП. Вып. 3 — Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / Сост. В. Н. Автократов, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, А. Г. Поляк. М., 1955.

ПСРЛ. Т. 2 — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. (Репринт: М., 1998.)
ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1 — Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 1–3. Пг. (Л.), 1915–1929. (Репринт: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.)
ПСРЛ. Т. 6 — Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.
ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1 — Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 15 — Полное собрание русских летописей. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. (Репринт: ПСРЛ. Т. 15. М., 2000.)
ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1 — Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1922. (Репринт: ПСРЛ. Т. 15. М., 2000.)
ПСРЛ. Т. 17 — Полное собрание русских летописей. Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907. (Репринт: М., 2008.)
ПСРЛ. Т. 18 — Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. (Репринт: М., 2007.)
ПСРЛ. Т. 20 — Полное собрание русских летописей. Т. 20. Пол. 1: Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910; Пол. 2: Львовская летопись. Ч. 2. СПб. 1914. (Репринт: ПСРЛ. Т. 20. М., 2004.)
ПСРЛ. Т. 25 — Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. (Репринт: М., 2004.)
ПСРЛ. Т. 27 — Полное собрание русских летописей. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М., 1962. (Репринт: М., 2004.)
ПСРЛ. Т. 28 — Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М., 1963.
ПСРЛ. Т. 32 — Полное собрание русских летописей. Т. 32. Хроники: Литовская и жмойтская, и Быховца. М., 1975.
ПСРЛ. Т. 35 — Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980.
Пудалов. 2000 — *Пудалов Б. М.* Загадка комиссионных грамот. XVI век // Исторический архив. 2000. № 5. С. 202–205.
РИБ. Т. 6 — Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (Памятники XI–XV в.). Изд. 2-е. СПб., 1908.
РИБ. Т. 20 — Русская историческая библиотека. Т. 20. Литовская Метрика. Т. 1. Книги судных дел. СПб., 1903.
РИБ. Т. 27 — Русская историческая библиотека. Т. 27. Литовская Метрика. Отд. 1. Ч. 1. Книги записей. Т. 1. СПб., 1910.
РИБ. Т. 33 — Русская историческая библиотека. Т. 33. Литовская Метрика. Отд. 1. Ч. 3. Книги публичных дел. Переписи войска литовского. Пг., 1915.
РЛА — Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским, изданы Археографическою комиссиею. Russisch-livländische Urkunden. СПб., 1868.
Розов. 1928 — *Розов В.* Українські грамоти. Т. 1: XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928.
Рэвізія — Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года / Укл. В. Варонін. Мінск, 2011.
Сапунов, Друцкий-Любецкий — Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии / Изд. А. Сапунов и В. Друцкий-Любецкий. Витебск, 1896.
Сахаров — *Сахаров И. П.* Образцы древней письменности, снимки судебного письма русского, литовско-русского и малорусского (XIII–XVIII вв.). СПб., 1841.
Сб. РИО. Т. 35 — Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1 (1487–1533 гг.). Изд. 2-е. СПб., 1892.
Сб. РИО. Т. 41 — Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 1: С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. СПб., 1884.
Сб. РИО. Т. 59 — Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1 (1533–1560 гг.). СПб., 1887.
Сборник Муханова — Сборник Муханова. Изд. 2-е, доп. СПб., 1866.
СГ — Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подг. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963.
СГГиД. Ч. 1–2 — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. Ч. 1–2. М., 1812–1813.
СГЧА. Ч. 1 — Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (от 1387 до 1710 года) / Изд. М. Крупович. Ч. 1. Вильно, 1858.
СДГА. Ч. 1 — Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей, и по разным предметам. Ч. 1. Вильна, 1843.

СК XI–XIII вв. — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. М., 1984.

СК XIV в. Вып. 1 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М., 2002.

Смирнов — *Смирнов А. И.* Сборник древнерусских памятников и образцов народной русской речи. Варшава, 1882.

Соболевский, Пташицкий — *Соболевский А. И., Пташицкий С. Л.* Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. СПб., 1903.

Срезневский. 1862. Т. 10. Вып. 3 — *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка: Общее повременное обозрение // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1862. Т. 10. Вып. 3. Стб. 161–234.

Срезневский. 1862. Т. 10. Вып. 4 — *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка: Общее повременное обозрение // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1862. Т. 10. Вып. 4. Стб. 273–373.

Срезневский. 1863 — *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. СПб., 1863.

Срезневский. 1863. Т. 10. Вып. 6 — *Срезневский И. И.* Дополнения к общему повременному обозрению древних памятников русского письма и языка // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1863. Т. 10. Вып. 6. Стб. 593–704.

Срезневский. 1867 — *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I–XL. СПб., 1867.

Срезневский. 1882 — *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. 2-е изд. СПб., 1882.

Судебники — Судебники XV–XVI вв. / Под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952

ТЛ — *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950 (Репринт: СПб., 2002).

УГ XV ст. — Українські грамоти XV ст. / Підг. В. М. Русанівського. Київ, 1965.

Фотий. 2005 — *Фотий, митрополит Киевский и всея Руси.* Сочинения. Книга глаголемая Фотиос / Подг. Н. А. Кобяк, А. И. Плигузов, Е. В. Крушельницкая, А. Л. Лифшиц, Э. В. Шульгина. М., 2005.

Хорошкевич. 1964 — *Хорошкевич А. Л.* Новые новгородские грамоты XIV–XV вв. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 264–276.

Хорошкевич. 1966 — *Хорошкевич А. Л.* Русские грамоты 60–70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 325–341.

Хорошкевич. 1969 — *Хорошкевич А. Л.* Псковская полная грамота 1511 г. // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 68–72.

Хорошкевич. 1974а — *Хорошкевич А. Л.* Источники по истории полного холопства конца XV — начала XVI в. // Советские архивы. 1974. № 4. С. 82–84.

Хорошкевич. 1984а — *Хорошкевич А. Л.* Из истории дворцового делопроизводства конца XV века. Опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. // Советские архивы. 1984. № 5. С. 29–34.

Хорошкевич. 1998 — *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши. XI–XX вв. М., 1998. С. 39–57.

Хрэстаматыя — Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы / Рэд. Р. І. Аванэсаў; склад. У. В. Анічэнка і ін. Ч. 1. Мінск, 1961.

Янин, Гайдуков. 1998 — *Янин В. Л, Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998.

AA — Akta Aleksandra, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego i t. d. (1501–1506) / Wyd. F.Papée. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 19.) Kraków, 1927.

AJSK — Lietuvos didžiojo kunigaikščio Aleksandro Jogailaičio dvaro sąskaitų knygos (1494–1504) / Par. D. Antanavičius ir R. Petrauskas. Vilnius, 2007.

AKH. T. 2 — Archiwum Komisji Historycznej. T. 2. Kraków, 1880.

Antanavičius. 1994 — *Antanavičius D.* Du neskelbti 1396 m. Vytauto raštai // LIM. 1993. Vilnius, 1994. P. 138–146.

AS. T. 1 — Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 1. 1366–1506 / Wyd. Z. L. Radzimiński, P. Skobielski, B. Gorczak. Lwów, 1887.

AS. T. 2 — Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 2. 1284–1506 / Wyd. Z. L. Radzimiński, B. Gorczak. Lwów, 1888.

AUPL — Akta unji Polski z Litwą (1385–1791) / Wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. Kraków, 1932.

Berens. 1780 — *[Berens J. C.]* Verzeichnis der in dem Rigischen inneren Raths-Archiv bewahrten älteren Urkunden // Blatt zur Chronik von Riga mit angezeigten Urkunden. An den Grafen von Falckenstein. Riga, 1780. Bl. 1–6.

Bulmerincq. 1909. Bd. 1 — Kämmerei-Register der Stadt Riga 1348–1361 und 1405–1474 / Bearb. von A. von Bulmerincq. Bd. 1: Die Kämmerei-Register. Leipzig, 1909.

Bulmerincq. 1923. Bd. 1 — Vier Bücher der Landvogtei der Stadt Riga. Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte / Bearb. von A. Bulmerincq. Bd. 1. Riga, 1923.

BP. T. 5 — Bullarium Poloniae litteras apostolicas aliaque monumenta Poloniae Vaticana continens. T. 5: 1431–1449 / Ed. I. Sułkowska-Kuraś et S. Kuraś cooperantibus M. Kowalczyk et A. ac H. Wajs. Romae; Lublin, 1995.

CDL — Codex diplomaticus Lithuaniae / Ed. E. Raczyński. Wrocław, 1845.

CDPr. Bd. 3 — Codex diplomaticus Prussicus. Urkunden-Sammlung zur ältern Geschichte Preussens aus dem Königl. geheimen Archiv zu Königsberg, nebst Regesten / Hrsg. von J. Voigt. Bd. 3. Königsberg, 1848.

CDPr. Bd. 4 — Codex diplomaticus Prussicus. Urkunden-Sammlung zur ältern Geschichte Preussens aus dem Königl. geheimen Archiv zu Königsberg, nebst Regesten / Hrsg. von J. Voigt. Bd. 4. Königsberg, 1853.

CESXV. T. 1 — Codex epistolaris saeculi XV. T. 1 / Ed. A. Sokołowski, J. Szujski. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 2.) Cracoviae, 1876.

CESXV. T. 2 — Codex epistolaris saeculi XV. T. 2 / Ed. A. Lewicki. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 12.) Cracoviae, 1891.

CESXV. T. 3 — Codex epistolaris saeculi XV. T. 3 / Ed. A. Lewicki. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 14.) Cracoviae, 1894.

CEV — Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae. 1376–1430 / Ed. A. Prochaska. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6.) Cracoviae, 1882.

Chartularium. 2003 — Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedimino laiškai / Par. S. C. Rowell. Vilnius, 2003.

David L. Preussische Chronik. Bd. 7 — *David L.* Preussische Chronik nach der Handschrift des Verfassers mit Beifügung historischer und ethymologischer Anmerkungen. Bd. 7. Königsberg, 1815.

Dlugossius. 1985. Lib. 10 — *Dlugossii J.* Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber decimus (1370–1405). Varsaviae, 1985.

Dlugossius. 2003. Lib. 12 (1445–1461) — *Dlugossii J.* Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber duodecimus (1445–1461). Cracoviae, 2003.

Dokumenty. 2004 — Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju mełneńskiego z 1422 roku / Wyd. P. Nowak i P. Pokora. Poznań, 2004.

Dorna. 2013 — *Dorna M.* Akt delimitacji litewsko-inflanckiej z 7 lipca 1473 roku // LSP. T. 14. Poznań, 2013. S. 87–102.

Działyński. 1841 — *Działyński T.* Statut litewski. Poznań, 1841.

ELB. Th. 4 — Est- und livländische Brieflade. Th. 4. Siegel und Münzen der weltlichen und geistlichen Gebietiger über Liv-, Est- und Kurland bis zum Jahre 1561 nebst Siegeln einheimischer Geschlechter. Aus dem Nachlasse von R. v. Toll… hrsg. von R. Sachsendall. Reval, 1887.

Erbebücher. 1888 — Die Erbebücher der Stadt Riga. 1384–1579 / Bearb. von J.-G.-L. von Napiersky. Riga, 1888.

Franciscus de Moliano. 1912 — Das Zeugenverhör des Franciscus de Moliano (1312). Quellen zur Geschichte des Deutschen Ordens / Bearb. von A. Seraphim. Königsberg i. Pr., 1912.

Franciscus de Moliano. 2010 — Franciska no Moliano izmeklēšanas protokols 1312. gadā. Liecinieku nopratināšana par notikumiem Livonijā 13.–14. gadsimta mijā. Franciscus de Moliano. Conscriptio inquisitionis testium 1312 / Ed. Ē. Mugurēvičs. Rīga, 2010.

Gwagninus. 1578 — *Gwagninus A.* Sarmatiae Europeae descriptio. Cracovia, 1578.

Halecki. 1919a — *Halecki O.* Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materyały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku // Archiwum Komisyi Historycznej. T. 12. Cz. 1. Kraków, 1919. S. 146–218.

Hein. 1937–1940 — *Hein [M.]*. Königsberg. Staatsarchiv. Ordensfoliant Nr. 281. Ältestes Formularbuch der hochmeisterlichen Kanzlei // Chroust A. Monumenta palaeographica. Abt. 1. Ser. 3,3. 1937–1940. Reihe 3. Lfg. 21. Taf. 4 (Taf. 684 des Gesamtwerkes).

HR. Abt. 1. Bd. 4 — Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256–1430 / Bearb. von K. Koppmann. Bd. 4. Leipzig, 1877.

HR. Abt. 3. Bd. 1 — Hanserecesse. Abt. 3 (1477–1530) / Bearb. von D. Schäfer. Bd. 1. Leipzig, 1881.

HUB. Bd. 1 — Hansisches Urkundenbuch. Bd. 1 / Bearb. von K. Höhlbaum. Halle, 1876.

HUB. Bd. 2 — Hansisches Urkundenbuch. Bd. 2 / Bearb. von K. Höhlbaum. Halle, 1879.

HUB. Bd. 5 — Hansisches Urkundenbuch. Bd. 5 (1392 bis 1414) / Bearb. von K. Kunze. Halle, 1899.

HUB. Bd. 6 — Hansisches Urkundenbuch. Bd. 5 (1415 bis 1433) / Bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1905.

HUB. Bd. 7. Hbd. 1 — Hansisches Urkundenbuch. Bd. 7. Halbband 1 (1434–1441) / Bearb. von H.-G. von Rundstedt. Weimar, 1939.

HUB. Bd. 9 — Hansisches Urkundenbuch. Bd. 9 (1463 bis 1470) / Bearb. von W. Stein. Leipzig, 1903.

IC. Th. 1–2 — Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehst- und Kurland's… von den Ritterschaften Liv-, Ehst- und Kurland's zusammengebracht worden ist. Th. 1. Vom Jahre 1198 bis zum Jahre 1449 incl. Th. 1–2. Dorpat; Riga, 1833–1835.

Inventarium — Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum, scripturarum et monumentorum, quacunque in archivo regni in arce Cracoviensi per commissarios a sacra regia majestate et republica ad revidendum et connotandum omnes scripturas in eodem archivo existentes deputatos confectum anno domini 1682 / Ed. E. Rykaczewski. Paryż; Berlin; Poznań, 1862.

Ioannes de Comorowo. 1888 — *Ioannes de Comorowo.* Breve memoriale ordinis fratrum Minorum // Monumenta Poloniae Historica. T. 5. Lwów, 1888. P. 1–418.

Jablonskis. 1933a — *Jablonskis K.* Archyvinės smulkmenos // Praeitis. T. 2. Kaunas, 1933. P. 412–436.

Jablonskis. 1933b — *Jablonskis K.* Nauji Vytauto laikotarpio aktai // Praeitis. T. 2. Kaunas, 1933. P. 375–411.

Jakubowski J. Opis księstwa Trockiego z r. 1387 // Przegląd Historyczny. T. 5. № 1. Warszawa, 1907. S. 22–48.

Katalog — Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Mit 34 Lichtdrucktafeln. Riga, 1896.

KDKM — Kodeks dyplomatyczny Księstwa Mazowieckiego, obejmujący bulle papieżów, przywileje królów polskich i książąt mazowieckich, tudzież nadania tak korporacyj, jako i osób prywatnych / Wyd. T. J. Lubomirski. Warszawa, 1863.

KDKW — Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej / Wyd. J. Fijałek i W. Semkowicz. T. 1. Kraków, 1932–1948.

Kennedy Grimsted, Sułkowska-Kurasiowa. 1984 — *Kennedy Grimsted P. with the collaboration of I. Sułkowska-Kurasiowa.* The «Lithuanian Metrica» in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. Including An Annotated Edition of the 1887 Inventory Compiled by Stanisław Ptaszycki. Cambridge, 1984.

LECUB. Bd. 3 — Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 3. Nachträge zu den zwei ersten Bänden, Fortsetzung von 1368–1393 / Hrsg. von F. G. Bunge. Reval, 1857.

LECUB. Bd. 4 — Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 4. 1394–1413 / Hrsg. von F. G. Bunge. Reval, 1859.

LECUB. Bd. 6 — Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 6. Nachträge zu den fünf ersten Bänden / Hrsg. von F. G. Bunge. Riga, 1873.

LECUB. Bd. 7 — Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. Bd. 7. 1423 Mai — 1429 Mai / Hrsg. von H. Hildebrand. Riga; Moskau, 1881.

LECUB. Bd. 8 — Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. Bd. 8. 1429 Mai — 1435 / Hrsg. von H. Hildebrand. Riga; Moskau, 1884.

LECUB. Bd. 9 — Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. Bd. 9. 1436–1443 / Hrsg. von H. Hildebrand. Riga; Moskau, 1889.

LECUB. Bd. 10 — Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. Bd. 10. 1444–1449 / Hrsg. von Ph. Schwartz. Riga; Moskau, 1896.

LECUB. Bd. 11 — Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. Abt. 1. Bd. 11. 1450–1459 / Hrsg. von Ph. Schwartz. Riga; Moskau, 1905.

LECUB. Bd. 12 — Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. Abt. 1. Bd. 12. 1460–1472 / Hrsg. von Ph. Schwartz und A. von Bulmerincq. Riga; Moskau, 1910.

LECUB. Abt. 2. Bd. 1 — Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 1. 1494 Ende Mai — 1500 / Hrsg. von H. Hildebrand, Ph. Schwartz und L. Arbusow. Riga; Moskau, 1900.

LECUB. Abt. 2. Bd. 2 — Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 2. 1501–1505 / Hrsg. von L. Arbusow. Riga; Moskau, 1905.

LECUB. Abt. 2. Bd. 3 — Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 3. 1506–1510. Nachträge / Hrsg. von L. Arbusow. Riga; Moskau, 1914.

LEKUB. Bd. 13 (в печати) — Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Abt. 1. Bd. 13: 1472–1479 / Hrsg. von K. Neitmann, M. Thumser, M. Mahling, A. Baranov (в печати).

LEKUR — Liv-, est- und kurländische Urkundenregesten bis zum Jahre 1300 / Von F. G. von Bunge, mit Ergänzungen von L. Arbusow jun. neu hrsg. von F. Benninghoven. Hamburg, 1959.

Livländische Reimchronik. 1876 — Livländische Reimchronik / Hrsg. von L. Meyer. Paderborn, 1876.

LM. Kn. 3 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Užrašymų knyga 3 / Par. L. Anužytė, A. Baliulis. Vilnius, 1998.

LM. Kn. 4 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4 / Par. L. Anužytė. Vilnius, 2004.

LM. Kn. 5 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5 / Par. A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2012.

LM. Kn. 5 (1993) — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5 / Par. E. Banionis. Vilnius, 1993.

LM. Kn. 6 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / Par. A. Baliulis. Vilnius, 2007.

LM. Kn. 7 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 7 (1506–1539). Užrašymų knyga 7 / Par. I. Ilarienė, L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius, 2011.

LM. Kn. 8 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8 / Par. A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius, 1995.
LM. Kn. 9 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9 / Par. K. Pietkiewicz; tekstus lietuvių k. — A. Baliulis. Vilnius, 2002.
LM. Kn. 10 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 10 (1440–1523). Užrašymų knyga 10 / Par. E. Banionis, A. Baliulis. Vilnius, 1997.
LM. Kn. 12 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12 (1522–1529). Užrašymų knyga 12 / Par. D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius, 2001.
LM. Kn. 14 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529). Užrašymų knyga 14 / Par. D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba) ir L. Karalius. Vilnius, 2008.
LM. Kn. 15 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1538). Užrašymų knyga 15 / Par. A. Dubonis. Vilnius, 2002.
LM. Kn. 17 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 17 (1530–1536). Užrašymų knyga 17 / Par. L. Karalius, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2015.
LM. Kn. 20 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 20 (1536–1539). Užrašymų knyga 20 / Par. R. Ragauskienė, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2009.
LM. Kn. 22 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 22 (1547). Užrašymų knyga 22 / Par. A. Blanutsa, D. Vashchuk, D. Antanavičius. Vilnius, 2010.
LM. Kn. 37 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 37 (1552–1561). Užrašymų knyga 37 / Par. D. Baronas. Vilnius, 2011.
LM. Kn. 224 — Lietuvos Metrika (1522–1530). 4-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija) / Par. S. Lazutka (ats. red.) ir kt. Vilnius, 1997.
LM. Kn. 231 — Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija) / Par. I. Valikonytė, N. Šlimienė, S. Viskantaitė-Saviščevienė, L. Steponavičienė. Vilnius, 2007.
LM. Kn. 523 — Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 523 (1528). Viešųjų reikalų knyga 1 / Par. A. Baliulis, A. Dubonis (įvadas ir priedai). Vilnius, 2006.
Mienicki. 1930 — *Mienicki R.* Trzy dokumenty z wieku XV dotyczące ziemi połockiej // AW. 1930. R. 7. № 3–4. S. 893–903.
Mindaugo knyga — Mindaugo knyga. Istorijos šaltiniai apie Lietuvos karalių / Par. A. Dubonis (ats. sud.) ir kt. Vilnius, 2005.
MLA. T. 4 — Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und anderen schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's dienen. Bd. 4: Beiträge zur älteren Geschichte der Stadt Riga. Riga; Leipzig, 1844.
PrUB. Bd. 1/2 — Preussisches Urkundenbuch. Politische (allgemeine) Abteilung. Bd. 1. Hbd. 2 / Hrsg. von A. Seraphim. Königsberg i. Pr., 1909.
PrUB. Bd. 2 — Preussisches Urkundenbuch. Bd. 2. 1309–1335 / Hrsg. von M. Hein und E. Maschke. Königsberg, 1939.
Rachunki dworu. 1896 — Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 po 1420. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 15.) Kraków, 1896.
RHD — Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum. 1198–1525. P. 2. Regesta privilegiorum Ordinis S. Mariae Theutonicorum. Regesten der Pergament-Urkunden aus der Zeit des Deutschen Ordens. Göttingen, 1948.
Rigisches Schuldbuch. 1872 — Das rigische Schuldbuch (1286–1352) / Hrsg. von H. Hildebrand. SPb., 1872.
Roman, Vetulani. 1959 — *Roman S., Vetulani A.* Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. Wrocław; Kraków, 1959.
Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Lübeck, 1916.
SD. T. 1 — *Daniłowicz I.* Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich, książęcych. T. 1. Wilno, 1860.
SRP. Bd. 1 — Scriptores Rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Hrsg. von Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. 1. Leipzig, 1861.
SRP. Bd. 2 — Scriptores Rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Hrsg. von Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. 2. Leipzig, 1863.
SRP. Bd. 3 — Scriptores Rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Hrsg. von Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. 3. Leipzig, 1866.
Statuten. 1890 — Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Handschriften / Hrsg. von M. Perlbach. Halle, 1890.
Stein. 1899 — *Stein W.* Handelsbriefe aus Riga und Königsberg von 1458 und 1461 // Hansische Geschichtsblätter. 1898. [Jg. 26.] Leipzig, 1899. S. 57–125.
Stryjkowski. 1846. T. 2 — *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Wyd. nowe. Warszawa, 1846.
SVDO — Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert. Bd. 1 (1398–1437) / Hrsg. von E. Weise. Königsberg, 1939 (Репринт: Marburg, 1970).
Theiner. 1860. T. 1 — *Theiner A.* Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae / Ed. A. Theiner. T. 1: 1217–1409. Roma, 1860.
Tonnies Fenne. 1960–1961 — Tonnies Fenne's Low German Vocabulary of Spoken Russian. Vol. I–II. Copenhagen, 1960–1961.

Ungedruckte Urkunden — Ungedruckte livländische Urkunden nach den Originalen in den Kaiserl. öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. Bd. 5. Hf. 2–3. Riga, 1850. S. 393–403.

Vitoldiana — Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi, magni ducis Lithuaniae, 1386–1430 / Wyd. J. Ochmański. Warszawa; Poznań, 1986.

Каталоги водяных знаков

Лихачев — *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1–3. СПб., 1899.

Шварц — Новгородские рукописи XVI века. Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / Сост. Е. М. Шварц; отв. ред. А. И. Копанев. М.; Л., 1989.

Briquet — *Briquet C. M.* Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusque'en 1600. T. 1–4. Geneve, 1907 / Leipzig, 1923.

Laucevičius — *Laucevičius E.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967.

Piccard. Bd. 1 — Die Kronenwasserzeichen. Findbuch I der Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart / Bearb. von G. Piccard. (Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch 1.) Stuttgart, 1961.

Piccard. Bd. 2 — Die Ochsenkopf-Wasserzeichen / Bearb. von G. Piccard. T. 1–3. (Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch 2.1–2.3.) Stuttgart, 1966.

Piccard. Bd. 3 — Wasserzeichen Buchstabe P / Bearb. von G. Piccard. T. 1–3. (Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch 3.1–3.3.) Stuttgart, 1977.

Piccard. Bd. 6 — Wasserzeichen Anker / Bearb. von G. Piccard. (Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch 6.) Stuttgart, 1978.

Piccard. Bd. 9 — Wasserzeichen Werkzeug und Waffen / Bearb. von G. Piccard. (Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch 9.1–9.2.) Stuttgart, 1980.

Piccard. Bd. 10 — Wasserzeichen Fabeltiere: Greif, Drache, Einhorn / Bearb. von G. Piccard. (Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch 10.) Stuttgart, 1980.

Piccard. Bd. 14 — Wasserzeichen Frucht / Bearb. von G. Piccard. (Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch 14.) Stuttgart, 1983.

Piccard. Bd. 15.3 — Wasserzeichen Vierfüßler / Bearb. von G. Piccard. T. 3: Verschiedene Vierfüßler. (Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch 15.3.) Stuttgart, 1987.

Piekosiński — *Piekosiński F.* Wybór znaków wodnych średniowiecznych. Kraków, 1896.

WO — Wasserzeichen-Informationssystem [Электронный ресурс]. — URL: www.wasserzeichen-online.de.

Научно-исследовательская литература

Абеленцева. 2009 — *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб., 2009.

Аграрная история. 1971 — Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.

Александров, Володихин. 1994 — *Александров Д. Н., Володихин Д. М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994.

Алексеев Л. В. 1966 — *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля IX–XIII вв. М., 1966.

Алексеев Ю. Г. 1966 — *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М., 1966.

Алексеев. 1980 — *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980.

Алешковский. 1974 — *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // СА. 1974. № 3. С. 100–111.

Алешковский. 1978 — *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Пскова X–XVI вв. (в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города) // СА. 1978. № 2. С. 117–126.

Ангерманн. 2003 — *Ангерманн Н.* Русские и белорусские купцы в средневековой Ливонии // От Древней Руси к России нового времени. К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. Сборник статей / Сост. А. В. Юрасов; отв. ред. В. Л. Янин. М., 2003. С. 264–271.

Анужите. 2003 — *Анужите Л.* Константинас Яблонскис и Литовская метрика // Новости Литовской метрики. Вып. 6 (2002). Вильнюс, 2003. С. 26–31.

Арсеньев. 2001 — *Арсеньев Ю. В.* Геральдика. Лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907–1908 году. М., 2001.

Базилевич. 1952 — *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.

Баловнев, Назаренко. 1995 — *Баловнев Д. А., Назаренко А. В.* Архиереи Русской Православной Церкви (1240–1448) // *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 3. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отд. I. Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448). М., 1996. С. 641–648.

Банёнис. 1978 — *Банёнис Э. Д.* Писари дипломатической службы в канцелярии Великого княжества Литовского в начале XVI века // Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР. Кн. 1: Источниковедение. Вильнюс, 1978. С. 30–35.

Барг. 1969 — *Барг М. А.* Судьбы коронного домена Англии в XI–XIII в. // СВ. Вып. 32. М., 1969. С. 123–145.

Барэйша. 2007 — *Барэйша Ю.* Аб атрыбуцыі і датаванні дзвюх манет Алексінскага скарбу // Банкаўскі веснік. 2007. № 13. С. 65–69.

Бектинеев. 2014 — *Бектинеев Ш. И.* Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках: нумизматические исследования. Минск, 2014.

Бекцінееў. 1989 — *Бекцінееў Ш. І.* Грашова-вагавая сістэма XIV ст. у Полацка-Віцебскім Падзвінні // Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамадскіх навук. 1989. № 2. С. 62–67.

Беляев. 1870 — *Беляев И. Д.* Полоцкая православная церковь до Брестской унии. [Ч. 1] // Православное обозрение. 1870. № 1. С. 103–128.

Бережков. 1879 — *Бережков М. Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879.

Бережков. 1946 — *Бережков Н. Г.* Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год. М.; Л., 1946.

Бережков. 1962 — *Бережков Н. Г.* Итинерарий великих князей литовских по материалам Литовской метрики (1481–1530 гг.) // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 180–205.

Бережков. 1963 — *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

Бернадский. 1961 — *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., 1961.

Бершадский. 1888 — *Бершадский С. А.* Аврам Езофович Ребичкович — подскарбий Великого княжества Литовского, член рады Великого княжества Литовского // Киевская старина. 1888. Т. 22. № 9. С. 467–499; Т. 23. № 10 С. 69–120; № 11. С. 235–265; № 12. С. 417–458.

Бессуднова. 2011 — *Бессуднова М. Б.* Псковские события 1509 — начала 1510 г. в конктексте ливонской орденской политики // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Сборник трудов международной научной конференции, 19–21 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 129–139.

Бессуднова. 2015 — *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015.

Бірыла. 1966 — *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. Мінск, 1966.

Брэжга. 1938 — *Брэжга Б.* Жалаба рыскае рады канца XIII стаг. // Запісы Беларускага навуковага таварыства. Сш. 1. Вільня, 1938. С. 35–40.

Будовниц. 1966 — *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966.

Бужилова. 2005 — *Бужилова А. П.* Homo sapiens: История болезни. М., 2005.

Булахаў. 1961 — *Булахаў М. Г.* Аб лексічных сувязях рускай літаратурнай мовы з беларускай у XVI–XVIII стагоддзях // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1961. № 3. С. 74–86.

Булкин. 1981 — *Булкин В. А.* Исследование Софийского собора в Полоцке // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 331–332.

Булкин и др. 1979 — *Булкин В. А., Булкин Вас. А. Смирнов В. Н., Ратнер И. Е.* Раскопки в Полоцке // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 430–431.

Булкин, Раппопорт, Шолохова. 1978 — Булкин В. А., Раппопорт П. А., Шолохова Е. В. Раскопки памятников архитектуры в Полоцке // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 410.

Булкин, Раппопорт, Штендер. 1977 — *Булкин В. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* Раскопки памятников архитектуры в Полоцке // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 400.

Булыка. 1972 — *Булыка А. М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. Л., 1972.

Булыка. 1980 — *Булыка А. М.* Лексічныя запазычэнні ў беларускай мове XIV–XVIII ст. Мінск, 1980.

Буров. 1975 — *Буров В. А.* «Муж добръ Есифъ Давыдович» // СА. 1975. № 4. С. 267–273.

Бычкова. 1977 — *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей / Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Т. 38. М., 1977. С. 104–125.

Валк. 1920 — *Валк С. Н.* Рец.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1918 // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 244–258.

Варонін. 1996 — *Варонін В. А.* Вялікія князі полацкія (канец XIV ст.) // Полацк: карані нашага радавода: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 1996. С. 44–50.

Варонін. 1998 — *Варонін В. А.* Палітычны лад Полацкага ваяводства ў першай палове XVI ст. // БГА. 1998. Сш. 1 (8). С. 27–64.

Варонін. 2000а — *Варонін В. А.* Полацкія путныя слугі ва ўрадавай палітыцы ВКЛ (XV — сярэдзіна XVI ст.) // БГА. 2000. Сш. 2 (13). С. 305–324.

Варонін. 2000б — *Варонін В. А.* Рэцэнзія на: Тарасаў С. В. Полацк IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія Мінск, 1998 // БГА. 2000. Сш. 1 (12). С. 246–254.

Варонін. 2000в — *Варонін В. А.* Рышард Мяніцкі як гісторык Полаччыны // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця. Мінск, 2000. С. 202–205.

Варонін. 2001 — *Варонін В. А.* Гісторыя публікацый прывілея гораду Полацку на магдэбургскае права // Беларускі горад у часе і прасторы: 500 гадоў Полацкай магдэбургіі. Зб. навук. прац. Наваполацк; Мінск, 2001. С. 25–30.

Варонін. 2002 — *Варонін В. А.* Друцкія князі XIV стагоддзя // БГА. 2002. Сш. 1–2 (16–17). С. 3–29.

Варонін. 2004а — *Варонін В. А.* Дрыса ў XVI стагоддзі // Commentarii Polocenses Historici. Полацкія Гістарычныя Запіскі. 2004. Т. 1. С. 20–31.

Варонін. 2004б — *Варонін В. А.* «Wielkiego Księstwa Litewskiego Kroniczka krótko pisana» // БГА. 2004. Сш. 1–2 (20–21). С. 40–56.

Варонін. 2005 — *Варонін В. А.* Кнігі Метрыкі 16 і 228: склад і паходжанне // Актуальныя пытанні вывучэння і выдання Метрыкі Вялікага княства Літоўскага: Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск, 2005. С. 110–117.

Варонін. 2007а — *Варонін В. А.* Войт-ваявода і мяшчане ў канфлікце 1558 года ў Полацку // Соціум. Альманах соціальної історії. Вип. 7. Київ, 2007. С. 59–65.

Варонін. 2007б — *Варонін В. А.* «Книга Светого Софея» (да гісторыі полацкіх кніжных збораў XV–XVI стст.) // БГЧ. 2007. № 3. С. 46–51.

Варонін. 2009а — *Варонін В. А.* Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору // ГАППЗ. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). Полацк, 2009. С. 30–40.

Варонін. 2009б — *Варонін В. А.* Полацкія архіепіскапы першай паловы XVI стагоддзя (біяграфічныя матэрыялы) // Silva rerum nova: Штудыі ў гонар 70-годдзя Г. Я. Галенчанкі. Вільня; Мінск, 2009. С. 60–67.

Варонін. 2009в — *Варонін В. А.* Праваслаўныя цэрквы і манастыры горада Полацка (да 1582 г.) // SHEO. Вып. 2. Минск, 2009. С. 152–174.

Варонін. 2009г — *Варонін В. А.* Старонка біяграфіі князя Андрэя Полацкага // Гістарычны альманах. Т. 15. Гародня, 2009. С. 2–6.

Варонін. 2010 — *Варонін В. А.* Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі. Гістарычны партрэт. Мінск, 2010.

Варонін. 2011 — *Варонін В. А.* Мядовыя брацтвы ў Вялікім Княстве Літоўскім: паходжанне, эвалюцыя, уплывы // Российские и славянские исследования. Вып. 6. Минск, 2011. С. 55–65.

Варонін. 2012а — *Варонін В. А.* Замкі Полацкай зямлі напярэдадні Лівонскай вайны // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 22–23 мая 2012 г.). Мінск, 2012. С. 114–122.

Варонін. 2012б — *Варонін В. А.* Полацкі і цвярскі епіскап XIII стагоддзя Сімяон: вехі біяграфіі і дзейнасці // БГЧ. 2012. № 10. С. 14–18.

Варонін. 2013а — *Варонін В. А.* Падзеі вайны 1512–1522 гадоў у Беларускім Падзвінні // SHEO. Вып. 6. Минск, 2013. С. 192–218.

Варонін. 2013б — *Варонін В. А.* Чарсцвяды: ад двара княскага да двара гаспадарскага // ГАППЗ. Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі (1–3 лістапада 2012 г.): у 2 ч. Ч. 1. Полацк, 2013. С. 68–74.

Варонін. 2013в — *Варонін В.* Вучоба немцаў на Беларусі ў 1-й палове XVI ст. // Беларускі гістарычны агляд. 2013. Т. 20. Сш. 1–2. С. 3–11.

Васильев. 1902 — *Васильев Л.* Новгородское Евангелие Императорской Публичной Библиотеки и его западно-русские вкладные // Русский филологический вестник. 1902. № 1–2. С. 152–168.

Васильевский. 1872 — *Васильевский В. Г.* Обращение Гедимина в католичество // ЖМНП. 1872. Ч. 159. № 2. С. 135–196.

Ващук. 2008 — *Ващук Д*. «Абыхмо деръжали ихъ подлѣ права ихъ земъли» (Населення Київщини та Волині і великокнязівська влада в XV–XVI ст.). Київ, 2009.
Введенський. 1939 — *Введенський О. А*. Підробка і фальсифікація історичних документів на Україні і в Білорусі в XIV–XIX ст. // Наукові записки Київськ. держ. пед. ін-ту ім. О.М. Горького. Київ, 1939. Т. 3. С. 77–113.
Веселовский. 1947. Т. 1 — *Веселовский С. Б*. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947.
Витебская губерния. 1890 — Витебская губерния. Историко-географический и статистический обзор. Вып. 1. История, природа, население, просвещение / Под ред. В. М. Долгорукова. Витебск, 1890.
Волков. 1974 — *Волков С. С*. Лексика русских челобитных XVII в. Л., 1974.
Воронин. 1956 — *Воронин Н. Н*. Бельчицкие руины. К истории полоцкого зодчества XII в. // Архитектурное наследство. Вып. 6. М., 1956. С. 3–19.
Воронин. 1957 — *Воронин Н. Н*. Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 11–56.
Воронин. 2007 — *Воронин В. А*. Московские писцовые книги Белорусского Подвинья: исторический источник на границе войны и мира // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. P. 315–328.
Воронин. 2012а — *Воронин В. А*. Полоцк в составе Великого Княжества Литовского // Полоцк. Минск, 2012. С. 219–232.
Воронин. 2012б — *Воронин В. А*. Полоцк в составе Речи Посполитой // Полоцк. Минск, 2012. С. 232–237.
Воронин. 2012в — *Воронин В. А*. Магдебургское право в Полоцке в 1498–1563 гг. // Полоцк. Минск, 2012. С. 237–245.
Воронин. 2012г — *Воронин В. А*. Основные тенденции торговли Полоцка во второй половине XII — XVI в. // Полоцк. Минск, 2012. С. 387–396.
Воронин. 2012д — *Воронин В. А*. Храмовое и монастырское строительство в XIII–XVI вв. // Полоцк. Минск, 2012. С. 437–444.
Воронин. 2013 — *Воронин В. А*. Княжение Ольгерда в Витебске // Ukraina Lituanica. Студії з історії Великого князівства Литовського. Т. 2. Київ, 2013. С. 21–38.
Воскресенский. 1896 — *Воскресенский Г. А*. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по ста двадцати рукописям Евангелия XI–XVI вв. М., 1896.
Галубовіч. 2013 — *Галубовіч В*. Тыпалогія выяў пячатак полацкіх уладыкаў XII — першай паловы XVI в. // Сфрагістичній щорічник. Вип. 4. Київ, 2013. С. 191–204. То же опубл. в кн.: *Галубовіч В. У*. Miscellanea historica Polocensia. Даследаванні па гісторыі Полаччыны XII–XVII стст. Гродна, 2014. С. 39–60.
Гильдебранд. 1879 — *Гильдебранд Г*. Немецкая контора в Полоцке // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879. С. 44–80.
Говорский. 1859 — *Говорский К. А*. Историческое описание Полоцкого Борисоглебского монастыря. (Продолжение) // Витебские губернские ведомости. 1859. 24 октября. № 43. Неофициальная часть. С. 177–178.
Голицын. 1872–1876. Ч. 1–3 — *Голицын Н. С*. Всеобщая военная история новых времен. Ч. 1–3. СПб., 1872–1876.
Голицын. 1876–1878. Ч. 1–3 — *Голицын Н. С*. Всеобщая военная история средних веков. Ч. 1–3. СПб., 1876–1878.
Голубинский. Т. 1. Пол. 1 — *Голубинский Е. Е*. История русской церкви. Т. 1. Первая половина тома. М., 1880.
Голубинский. Т. 2. Пол. 1 — *Голубинский Е. Е*. История русской церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1900
Горский. 1969 — *Горский А. Д*. Сельское хозяйство и промыслы // Очерки русской культуры. XIV–XV вв. Ч. 1. М., 1969. С. 47–58.
Грасмане. 1968 — *Грасмане И. Э*. Значение торгового пути реки Даугавы в доставке экспортных товаров в Ригу в конце XVIII и первой половине XX в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 173–186.
Греков. 1960 — *Греков Б. Д*. Новгородский дом св. Софии // Греков Б. Д. Избранные труды. Т. 4. М., 1960.
Греков. 1975 — *Греков И. Б*. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.
Грицкевич. 1964 — *Грицкевич А. П*. Хозяйственное и правовое положение военно-служилого населения в Слуцком княжестве в XVI–XVIII вв. // ЕАИВЕ. 1962. Минск, 1964. С. 242–252.
Грицкевич. 1975 — *Грицкевич А. П*. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. (Социально-экономическое исследование истории городов). Минск, 1975.
Грицкевич. 1976 — *Грицкевич А. П*. Историография истории православной церкви в Белоруссии (XIV — середина XVI века) // Из истории книги Белоруссии. Минск, 1976. С. 122–139.
Груша. 2000 — *Груша А*. Да некаторых праблем гісторыі Метрыкі ВКЛ (першыя гістарычныя назвы; па матэрыялах кніг Метрыкі ВКЛ першай паловы XVI ст.) // Інфармацыйнае забеспячэнне навукі: праблемы, пошукі, рашэнні. Да 75-годдзя з дня заснавання ЦНБ імя Я. Коласа НАН Беларусі. Мн., 2000. С. 152–162.
Груша. 2003 — *Груша А. І*. Перапіс войска ВКЛ 1528 г.: гісторыя стварэння // Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга Публічных спраў 1 / Падрыхт. А. І. Груша, М. А. Вайтовіч, М. Ф. Спірыдонаў. Мінск, 2003. С. 30–44.
Груша. 2005 — *Груша А. І*. Віцебска-рыжскія акты і праблема іх выдання // Беларускі гістарычны агляд. Т. 12. Сш. 1–2 (22–23). Мінск, 2005. С. 210–240.

Груша. 2006а — *Груша А. І.* Беларуская кірылічная палеаграфія: Вучэбны дапаможнік для студэнтаў гістарычнага факультэта. Мінск, 2006.

Груша. 2006б — *Груша А. І.* Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006.

Груша. 2010а — *Груша А. І.* Мяноўная грамата князя Васіля Нарымонтавіча і фарміраванне пісьмовай культуры ў прававой сферы Вялікага княства Літоўскага ў апошняй трэці XIV — першай трэці XV ст. Мінск, 2010.

Груша. 2010б — *Груша А. И.* Недоверие — не из-за него ли появился письменный акт? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1 (7). С. 131–156.

Груша. 2011а — *Груша А. І.* Дакументы як сродак пісьмовай камунікацыі паміж палачанамі і рыжанамі ў канцы XIV — пачатку XVI стст. // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Зборнік навуковых прац міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 160-годдзю з дня нараджэння А. П. Сапунова (Полацк, 21–23 красавіка 2011 г.). Ч. 2. Наваполацк, 2011. С. 50–53.

Груша. 2011б — *Груша А. И.* Насколько полным должно быть описание печати при издании актовых источников эпохи Средневековья? // Сфрагістичний щорічник. Вип. 1. Київ, 2011. С. 259–297.

Груша. 2012а — *Груша А. І.* Ваколіцы Менска і іх уладальнікі ў 30-х гадах XV — пачатку XVI ст. // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць (да 945-годдзя Мінска): зборнік навуковых артыкулаў. Мінск, 2012. С. 50–89.

Груша. 2012б — *Груша А. И.* Письменная культура конца X — первой трети XVI в. // Полоцк. Минск, 2012. С. 468–488.

Груша. 2014а — *Груша А. І.* Улада непарушнасці і памяці: «Старина» і яе трансфармацыя ў XV — першай трэці XVI ст. // Соціум. Альманах соціальної історії. Вип. 10. Київ, 2014. С. 216–245.

Груша. 2014б — *Груша А. И.* «Хранить вечно». Архивы Великого княжества Литовского конца XIV — первой трети XVI в. // Исторический вестник. Т. 7 (154): Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. М., 2014. С. 6–53.

Груша. 2015а — *Груша А. И.* Вкладные записи XIV века в книгах Евангелия: акты или протоакты? // Русский книжник. М., 2015. С. 32–63.

Груша. 2015б — *Груша А. И.* Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XIV — первая треть XVI в.). Минск, 2015.

Грушевський. 1907. Т. 4 — *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 4. XIV — XVI віки — відносини політичні. Київ; Львів, 1907. (Репринт: Київ, 1993.)

Гуревич. 1959 — *Гуревич А. Я.* Основные этапы социально-экономической истории норвежского крестьянства в XIII–XVI вв. // СВ. Вып. 16. М., 1959. С. 49–76.

Гуревич. 1967 — *Гуревич А. Я.* Англосаксонский фолькленд и древненорвежский одаль (опыт сравнительной характеристики дофеодальных форм землевладения) // СВ. Вып. 30. М., 1967. С. 61–73.

Данилевич. 1896 — *Данилевич В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.

Данилевич. 1898 — *Данилевич В. Е.* Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV столетия. (Отдельный оттиск из: Сборник Учено-Литературного Общества при Императорском Юрьевском Университете. Вып. 1.) Юрьев, 1898.

Данилова. 1955 — *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955.

Даўгяла. 1928 — *Даўгяла З.* Polociae moenia. (Гістарычна-тапаграфічны нарыс Полацкіх умацаваньняў) // Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Інститут Беларускае Культуры. Кн. 3. Працы клясы гісторыі. Т. 2. Менск, 1928. С. 209–239.

Даунене. 1965 — *Даунене З.* Из истории лексики, обозначающей единицы измерения в торговле, в старобелорусском языке (по материалам деловой письменности Великого княжества Литовского XV — нач. XVII вв.) // Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР. Т. 11. Языкознание. Вильнюс, 1965. С. 49–75.

Дворниченко. 1982 — *Дворниченко А. Ю.* О предпосылках введения магдебургского права в городах западнорусских земель в XIV–XV вв. // Вестник ЛГУ. История, язык, литература. 1982. № 2. Вып. 1. С. 105–107.

Дельбрюк. 1936–1939. Т. 1–7 — *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1–7. М., 1936–1939.

Дзярновіч. 2001 — *Дзярновіч А. І.* Прызабытая публікацыя матэрыялаў Метрыкі ВКЛ // Metriciana. Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Т. 1. (Athenaeum. Vol. 4.) Мінск, 2001. С. 145–151.

Дзярновіч. 2013а — *Дзярновіч А. І.* Ёган Хрыстаф Броцэ і пачатак вывучэння кірылічных актаў рыжскага архіўнага комплекса Moscowitica-Ruthenica // SHEO. Вып. 5. Минск, 2013. С. 205–217.

Дзярновіч. 2013б — *Дзярновіч А.* Тытул вялікіх князёў літоўскіх: дзе месца «рускай» традыцыі? // Ukraina Lituanica. Студії з історії Великого князівства Литовського. Т. 2. Київ, 2013. С. 61–80.

Довгялло. 1902 — *Довгялло Д. И.* Лепельские архивы. Лепель, 1902.

Довнар-Запольский. 1896 — *Довнар-Запольский М. В.* [Рец.:] Акты Литовской метрики. Том первый. Выпуск первый. 1413–1498 гг. // ЖМНП. 1896. № 12. С. 341–351.

Довнар-Запольский. 1901 — *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев, 1901.

Долбилов. 2010 — *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

Дорошенко. 1957 — *Дорошенко В. В.* Акты Литовской метрики как источник по истории Латвии // Известия АН Латвийской ССР. 1957. № 12. С. 61–72.

Дорошенко. 1958 — *Дорошенко В. В.* «Estonica» в актах Литовской метрики // Известия АН Эстонской ССР. 1958. № 4. С. 319–327.

Доўнар-Запольскі. 2009 — *Доўнар-Запольскі М. В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009.

Дубонис. 2014 — *Дубонис А.* Две модели литовской экспансии на Руси (XIII — начало XIV века). Овладение Полоцком и Новогрудком // Исторический вестник. Т. 7 (154): Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. М., 2014. С. 54–85.

Дук. 2007 — *Дук Д. У.* Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада. Наваполацк, 2007.

Дук. 2010 — *Дук Д. У.* Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк, 2010.

Енш. 1981 — *Енш Г. А.* Из истории архивного дела в Латвии. Рига, 1981.

Жураўскі. 1965 — *Жураўскі А. І.* Лексіка нямецкага паходжання у беларускай пісьменнасці XV–XVII ст. // Беларуская мова (Даследаванні па лексікалогіі). Мінск, 1965. С. 60–73.

Жучкевич. 1961 — *Жучкевич В. А.* Происхождение географических названий (топонимика) Белоруссии. Минск, 1961.

Жучкевич. 1964 — *Жучкевич В. А.* Топонимика. (Краткий географический очерк). Минск, 1964.

Залилов. 2014 — *Залилов И. З.* Граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке XII–XVII вв. Полоцк, 2014.

Зейд. 1970 — *Зейд Т. Я.* Характеристика изданий письменных источников по истории феодализма в Латвии // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 345–361.

Земзарис. 1955 — *Земзарис Я. К.* Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII–XVI вв.) // Проблемы источниковедения. Т. 4. М., 1955. С. 177–222.

Зимин. 1956 — *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII–XV вв. // Проблемы источниковедения. Т. 5. М., 1956. С. 300–327.

Зимин. 1958 — *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. Т. 63. М., 1958. С. 180–205.

Зимин. 1959 — *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения на Руси // ВИ. 1959. № 11. С. 130–142.

Зимин. 1960 — *Зимин А. А.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // Исторический архив. 1960. № 3. С. 143–150.

Зимин. 1962 — *Зимин А. А.* Рец.: А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960 // История СССР. 1962. № 4. С. 170–174.

Зимин. 1963 — *Зимин А. А.* [Рец.]: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962 // СА. 1963. № 3. С. 272–279.

Зимин. 1967 — *Зимин А. А.* Отпуск холопов на волю в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. (Труды Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Вып. 9.) Л., 1967. С. 55–71.

Зимин. 1973 — *Зимин А. А.* Холопы на Руси с древнейших времен до конца XV в. М., 1973.

Зимин. 1979а — *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. // ИЗ. Т. 103. М., 1979. С. 195–241.

Зимин. 1979б — *Зимин А. А.* О дипломатике жалованных грамот Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 164–178.

Золтан. 1977 — *Золтан А.* О старорусском «мѣстичь» // Studia Slavica. T. 23. Budapest, 1977. P. 161–163.

Золтан. 2002 — *Золтан А.* К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 554–590.

Золтан. 2014 — *Золтан А.* Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М., 2014.

Иванов. 2004а — *Иванов А. С.* «Moscowitica-Ruthenica» в Латвийском государственном историческом архиве: История формирования комплекса, состав и введение в научный оборот // ДРВМ. 2004. № 3 (17). С. 47–54.

Иванов. 2004б — *Иванов А. С.* «Moscowitica-Ruthenica» в Латвийском государственном историческом архиве: История формирования комплекса, состав и введение в научный оборот. Важнейшие публикации документов комплекса «Moscowitica-Ruthenica» // ДРВМ. 2004. № 4 (18). С. 94–106.

Иванов. 2011 — *Иванов А. С.* Комплекс источников по истории Великого Новгорода в Латвийском государственном историческом архиве (XII–XVI вв.) // Новгородика-2010. Вечевой Новгород. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Великий Новгород, 2011. С. 89–103.

Ивина. 1965 — *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1965.

Казакова. 1954 — *Казакова Н. А.* Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. // ИЗ. Т. 47. М., 1954. С. 259–290.

Казакова. 1975 — *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.

Казакоў. 2011 — *Казакоў А. У.* Лёсы маскоўскай знаці ў Вялікім Княстве Літоўскім у першай палове XVI ст. // SHEO. Вып. 4. Минск, 2011. С. 150–174.

Калечыц. 2011 — *Калечыц І. Л.* Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. Мінск, 2011.

Калнынь. 1980 — *Калнынь В.* Очерки истории государства и права Латвии в XII–XIX веках. Рига, 1980.

Кампе. 1938 — *Кампе П.* Православная церковь Св. Николая Чудотворца в гор. Риге // Вера и жизнь. 1938. № 6. С. 174–181; № 7. С. 192–200.

Каралюс. 2001 — *Каралюс Л.* Белорусское периодическое издание, посвященное исследованиям Литовской метрики // Новости Литовской метрики. Вып. 5. Вильнюс, 2001. С. 20–23.

Карский. 1908 — *Карский Е. Ф.* Белоруссы. Т. 2. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908. (Репринт: *Карский Е. Ф.* Белорусы. в 3 томах. Т. 2. Язык белорусского народа. Кн. 1. Минск, 2006.)

Каштанов. 1969а — *Каштанов С. М.* Дипломатический состав древнерусского акта // ВИД. Вып. 2. Л., 1969. С. 143–159.

Каштанов. 1969б — *Каштанов С. М.* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 158–162.

Каштанов. 1973 — *Каштанов С. М.* Богословская преамбула жалованных грамот // ВИД. Вып. 5. Л., 1973. С. 81–107.

Каштанов. 1975 — *Каштанов С. М.* Русские княжеские акты X–XIV вв. (до 1380 г.) // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 94–116.

Каштанов. 1976 — *Каштанов С. М.* Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. (Опыт первичной классификации) // ВИД. Вып. 8. Л., 1976. С. 69–84.

Каштанов. 1996 — *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.

Каштанов. 1998 — *Каштанов С. М.* Актовая археография. М., 1998.

Каштанов. 2010 — *Каштанов С. М.* Распространение бумаги на Руси в XIV–XVI вв. // Столярова Л. В., Каштанов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. С. 91–126.

Каштанов, Курносов. 1962 — *Каштанов С. М., Курносов А. А.* Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. 1962. № 4. С. 173–186.

Клейненберг. 1968 — *Клейненберг И. Э.* Новгородский вощаной берковец XV в. (Мера веса) // СА. 1968. № 4. С. 110–125.

Клейненберг. 1973 — *Клейненберг И. Э.* Орудия взвешивания в балтийской торговле Великого Новгорода и Полоцка (до конца XV в.) // ВИД. Вып. 5. Л., 1973. С. 137–152.

Клибанов. 1960 — *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960.

Клімаў. 2003 — *Клімаў М. В.* Лучна-1: стратыграфія і храналогія феадальнай сядзібы // ГАППЗ. Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 2003. С. 150–159.

Кобрин. 1970 — *Кобрин В. Б.* Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV–XVI вв.) // История и генеалогия. М., 1970. С. 102–111.

Ковальский. 1978 — *Ковальский Н. П.* Источниковедение истории Украины XVI–XVII вв. Ч. 2. Анализ дореволюционных отечественных публикаций источников. Днепропетровск, 1978.

Ковальский. 1979 — *Ковальский Н. П.* Источники по истории Украины XVI — первой половины XVII в. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА: учебное пособие. Днепропетровск, 1979.

Ковальский. 1988 — *Ковальский Н. П.* Вопросы изучения и использования Литовской метрики как важного комплекса источников по социально-экономической и политической истории Украины XVI–XVII вв. // Литовская метрика: тезисы докладов Международной научной конференции в апреле 1988 г. Вильнюс, 1988.

Копысский. 1964 — *Копысский З. Ю.* Рыночные связи сельского хозяйства Белоруссии XVI первой половины XVII вв. // ЕАИВЕ за 1962 г. Минск, 1964. С. 141–151.

Копысский. 1966 — *Копысский З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI–XVII вв.). Минск, 1966.

Копысский. 1972 — *Копысский З. Ю.* Магдебургское право в городах Белоруссии (конец XV — первая половина XVII в.) // Советское славяноведение. 1972. № 5. С. 26–41.

Копысский. 1975 — *Копысский З. Ю.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVII — первой половине XVII в. Минск. 1975.

Коркунов. 1837 — *Коркунов М.* Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. тогдашние планы города Полоцка и окрестных крепостей // ЖМНП. 1837. Ч. 15. С. 235–249.

Корнеева-Петрулан. 1940 — *Корнеева-Петрулан М.* К социальным диалектам Белоруссии XVI в. // Ученые записки БГУ. Серия филологическая. Вып. 1. Минск, 1940. С. 167–189.

Коробушкина. 1978 — *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. Минск, 1978.

Кочин. 1985 — *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1985.

Кривчик. 1964 — *Кривчик В. Ф.* Лексика белорусских письменных памятников XVI в., отражающая социально-экономическое и общественно-политическое положение населения // Программа и тезисы Межреспубликанской конференции по изучению лексики старобелорусских письменных памятников XV–XVII вв. 15–16 мая 1964 г. Вильнюс, 1964. С. 13–14.

Кром. 2010 — *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

Куза. 1970 — *Куза А. В.* Рыбный промысел в Древней Руси, М., 1970.

Кузьмин. 2001 — *Кузьмин А. В.* Торопецкая знать в XIII в. Из истории Смоленской земли // Russia mediaevalis. München, 2001. Т. 10. Fasc. 1. С. 55–75.

Кузьмин. 2007а — *Кузьмин А. В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. [Ч. 1] // ДРВМ. 2007. № 2 (28). С. 33–42.

Кузьмин. 2007б — *Кузьмин А. В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. [Ч. 2] // ДРВМ. 2007. № 4 (30). С. 50–68.

Кузьмин. 2007в — *Кузьмин А. В.* К истории бытования пергаменного Евангелия начала XIV в. (РГБ. Ф. 256. № 108) на территории Великого княжества Литовского в середине XV — начале XVI в. // Памяць стагоддзяў на карце Айчыны. Зборнік навуковых прац у гонар 70-годдзя М. Ф. Спірыдонава. Мінск, 2007. С. 240–256.

Кузьмин. 2012 — *Кузьмин А. В.* Грамоты, связанные с деятельностью Полоцких епископов и архиепископов в XIV — середине XV в., как источник по истории Полоцкой епархии // Вестник церковной истории. 2012. № 1–2. С. 229–254.

Кучкин. 1966 — *Кучкин В. А.* О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. С. 103–114.

Кучкин. 1980 — *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 26–112.

Кучкин. 2003 — *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003.

Кучкин. 2008 — *Кучкин В. А.* Десятские и сотские Древней Руси // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 270–425.

Лазоўскі. 1965 — *Лазоўскі Г. М.* Юрыдычная тэрміналогія ў беларускіх пісьмовых помніках XV–XVII ст. // Пытанні мовазнаўства і методыка выкладання моў. (Матэрыялы IX канферэнцыі маладых вучоных АН БССР. Вып. 5.) Мінск, 1965. С. 123–131.

Лазутка. 1973 — *Лазутка С. А.* I Литовский статут — феодальный кодекс Великого княжества Литовского. Вильнюс, 1973.

Лаппо. 1915 — *Лаппо И. И.* К истории панского класса в Великом княжестве Литовском // ЧОИДР. 1915. Кн. 2 (253). Ч. 1. С. 1–25.

Лаппо. 1924 — *Лаппо И. И.* Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. Прага, 1924.

Лаппо-Данилевский. 1920 — *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

Лемцюгова. 1970 — *Лемцюгова В. П.* Беларуская айканімія. Мінск, 1970.

Леонтович. 1894а — *Леонтович Ф. И.* Источники русско-литовского права // Варшавские университетские известия. 1894. № 1. С. 1–71 (3-я паг.).

Леонтович. 1894б — *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894.

Леонтович. 1899 — *Леонтович Ф. И.* К истории административного строя Литовского государства. Варшава, 1899.

Лихачев. 1930 — *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. (Труды Музея палеографии. Вып. 2.) [Л.], 1930. (Репринт: *Лихачев Н. П.* Избранные труды. Т. 1: Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. М., 2014.)

Ліцкевіч. 2007 — *Ліцкевіч А. У.* «Аповесць пра аблогу Мсціслаўля» канца XIV — пачатку XV стст. // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. Вып. 9. Мн., 2007. С. 127–146.

Ліцкевіч. 2009б — *Ліцкевіч А. У.* Да пытання пра рутэнізацыю балтаў ВКЛ у XIV — пачатку XV стст. // Arche. 2009. № 11–12. С. 24–80.

Ліцкевіч. 2010а — *Ліцкевіч А. У.* Некалькі заўваг пра мову Ягайлы і геаграфічныя асаблівасці Гарадзенскай зямлі ў 1379 г. // Arche. 2010. № 1–2. С. 688–700.

Ліцкевіч. 2010б — *Ліцкевіч А. У.* Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367–1398 гг.) // Arche. 2010. № 10. С. 39–123.

Ліцкевіч. 2012 — *Ліцкевіч А. У.* Атручэнне князя Скіргайлы ў Кіеве (1395 год). Гістарычны каментарый і праблема аўтарства другой часткі «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» // Arche. 2012. № 3. С. 8–52.

Ліцкевіч. 2013 — *Ліцкевіч А. У.* Гароднря і Гарадзенскі рэгіён у другой палове XIII — XIV ст.: назва і межы // Гарадзенскі палімпсест. 2012. Гродна, 2013. С. 10–51.
Лотоцький. 1896 — *Лотоцький О.* Соборні клироси на Україні та Білій Руси в XV–XVI вв. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 9. Львів, 1896. С. 1–34.
Лукин. 2013 — *Лукин П. В.* Новгородское вече в XIII — XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.). (Res publica. Вып. 6) СПб., 2012. С. 10–60.
Лукин. 2014 — *Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014.
Лурье. 1960 — *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. Л., 1960.
Любавский. 1892 — *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892.
Любавский. 1900 — *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900.
Лялин. 1880а — *Лялин В.* Витебский архив бывшего генерал-губернаторства. СПб., 1880.
Лялин. 1880б — *Лялин В.* Витебский центральный архив // Сборник археологического института. Кн. 3. СПб., 1880. Отд. 1. С. 55–82.
Ляўданскі, Палікарповіч. 1928 — *Ляўданскі А. Н., Палікарповіч К. М.* Да гісторыі жалезнай прамысловасьці на Беларусі па даных археолёгіі (папярэднія даныя) // Савецкая краіна. 1932. № 5. С. 55–84.
Макараў. 2008 — *Макараў М.* Ад пасада да магдэбургі: правовае становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV — першай палове XVII ст. Мінск, 2008.
Макараў. 2014 — *Макараў М. Д.* Месцкія ўлады Полацка (1580–1772 гг.): арганізацыя, персанальны склад. Смаленск, 2014.
Макарий. 1996 — *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 5. Период разделения Русской Церкви на две митрополии. История Западнорусской, или Литовской, митрополии (1458–1596). М., 1996.
Мальм. 1956 — *Мальм В. А.* Промыслы древнерусской деревни // Труды ГИМ. Вып. 32. М., 1956. С. 106–138.
Масленникова. 1982 — *Масленникова Н. Н.* О земельной политике правительства Василия III во Пскове // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 58–65.
Медведев. 1959 — *Медведев А. Г.* Супесчаные и песчаные дерново-подзолистые почвы севера Белоруссии, развитые на озерно-ледниковых песках и супесях. Минск, 1959.
Мелешко. 1966 — *Мелешко В. И.* Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVII–XVIII вв. (до воссоединения с Россией) // ЕАИВЕ за 1964 год. Кишинев, 1966. С. 249–260.
Микротопонимия. 1967 — Микротопонимия. М., 1967.
Мильская. 1967 — *Мильская Л. Т.* К вопросу о характере землевладения в Астурии IX–XII вв. (по документам епископства Овьедо) // СВ. Вып. 30. М., 1967. С. 84–101.
Михайловський. 2012 — *Михайловський В.* Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV — 70-х роках XVI століття. — Київ, 2012.
Мицько. 2000 — *Мицько І.* Про початки Святоонуфріївського монастиря у Лаврові // Мицько І. Статті, написані після вигнання з Інституту українознавства НАН України. Львів, 2000. С. 25–31.
Молвыгин. 1963 — *Молвыгин А.* Номиналы мелких монет Ливонии с середины XIII до второй половины XVI в. и некоторые вопросы денежного дела Новгорода и Пскова // Известия Академии наук Эстонской ССР. Т. XII. Серия общественных наук. 1963. № 4. С. 379–389.
Муравская. 1961а — *Муравская Е. И.* Организация торговли Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII–XV вв. // Учёные записки Латвийского государственного университета им. П. Стучки. Т. 40. Вып. 3. Рига, 1961.
Муравская. 1961б — *Муравская Е. И.* Торговые связи Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII–XIV вв. // Известия Академии наук Латвийской ССР. 1961. № 2.
Набиев. 2014 — *Набиев Р.* Рижские документы о «золотоордынской» торговле на Балтике // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. № 3/4. С. 243–246.
Насевіч. 1992 — *Насевіч В. Л.* Род Корсакаў — адзін са старажытных баярскіх родаў Полаччыны // ГАППЗ (Навуковая канферэнцыя, прысвечаная 1130-годдзю Полацка). Тэзісы дакладаў. Полацк, 1992. С. 45–47.
Насонов. 1951 — *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
Нейман. 1895 — *Нейман В. И.* Военное зодчество в Прибалтийском крае в средние века // Труды Девятого археологического съезда в Вильне (1893). Т. 1. М., 1895. С. 27–61.
Никифоровский. 1894 — *Никифоровский Н. Я.* Очерки Витебской Белоруссии // Этнографическое обозрение. Кн. 20. М., 1894. С. 31–88.
Никифоровский. 1895 — *Никифоровский Н. Я.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895.

Никонов. 1962 — *Никонов В. А.* Славянский топонимический тип // Вопросы географии. Сб. 58: Географические названия / Отв. ред. Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов. М.; Л., 1962. С. 17–33.

Никонов. 1965 — *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965.

Новикова. 2014 — *Новикова О. Л.* Особенности креплений вислых печатей иерархов Северо-Восточной Руси в конце XIV — XVI вв. // Вестник «Альянс-Архео». № 5. М.; СПб., 2014. С. 3–19.

Новицкий. 1876 — *Новицкий И. Л.* Очерки истории крестьянского сословия юго-западной России в XV–XVIII вв. Киев, 1876.

Носов. 1957 — *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957.

Оглоблин. 1880 — *Оглоблин Н. Н.* Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во второй половине XVI века // Сборник Археологического института. Кн. 3. СПб., 1880. Отд. II. С. 3–53; Кн. 4. СПб., 1880. С. 1–75.

Однороженко. 2009 — *Однороженко О.* Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. (Monumenta Rutheniae heraldica. Vol. 2.) Харків, 2009.

Павлов-Сильванский. 1910 — *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.

Павулане. 1969 — *Павулане В. П.* Торговля лесоматериалами в Риге в XVII–XVIII вв. Рига, 1969.

Палеес. 1947 — *Палеес А.* Майстры залатых і сярэбраных спраў // Беларусь. 1947. № 1. С. 49–50.

Палехаў. 2014 — *Палехаў С.* Не толькі Гарадзенская унія. Да ацэнкі палітыкі вялікага князя літоўскага Жыгімонта Кейстутавіча (1432—1440) // Arche. 2014. № 11. С. 61–105.

Паничева. 1980 — *Паничева Л. Г.* Полоцкая архитектурно-декоративная керамика XIV–XVII вв. // КСИА. № 160. М., 1980. С. 53–64.

Панов. 1915 — *Панов В. И.* Социальный строй Полоцкой земли по полоцкой ревизии 1552 года // ЖМНП. 1915. № 4. С. 209–263; № 5. С. 1–64.

Пашуто. 1959 — *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

Пашуто. 1964 — *Пашуто В. Т.* Голодные годы в Древней Руси // ЕАИВЕ на 1962 год. Минск, 1964. С. 61–94.

Пашуто. 1965 — *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Пашуто. 1972 — *Пашуто В. Т.* Страны Прибалтийского региона // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма: (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 252–301.

Пелда. 1980 — *Пелда К. Р.* Нумизматические памятники как источник экономической истории Латвии XIII — первой половины XVI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рига, 1980.

Переписка митрополита киевского Евгения. Вып. 3 — Переписка митрополита киевского Евгения [Болховитинова] с государственным канцлером гр. Н. П. Румянцевым и некоторыми другими современниками (1813–1825 гг. включительно). Вып. 3. Воронеж, 1885.

Переписка протоиерея Иоанна Григоровича. 1864 — Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с графом Н. П. Румянцевым // ЧОИДР. 1864. Кн. 2. Отд. 1. С. 1–83.

Першая беларуская анамастычная канферэнцыя. 1967 — Першая беларуская анамастычная канферэнцыя «Тапанімія», 1–3 снежня 1967 г. Тэзісы дакладаў. Мінск, 1967.

Петров. 1963 — *Петров В. Н.* Подсечное земледелие. Киев, 1963.

Петрухин. 2012а — *Петрухин П. В.* К вопросу о языке Смоленской договорной грамоты 1229 г. // От значения к форме, от формы к значению. Сб. ст. в честь чл.-корр. РАН А. В. Бондарко. М., 2012. С. 477–488.

Петрухин. 2012б — *Петрухин П. В.* О новом издании смоленско-рижских актов // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012. С. 386–398.

Петрухин. 2013 — *Петрухин П. В.* О датировке списка А договора Смоленска с Ригой и Готским берегом // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2012–2013. М., 2013. С. 161–178.

Пичета. 1927 — *Пичета В. И.* История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Ч. 1: До конца XVI в. Минск, 1927.

Пичета. 1961 — *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV–XVI вв. Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития. М., 1961.

Плотников. 1927 — *Плотников С. И.* Разработка леса и лесные промыслы. М., 1927.

Полехов. 2014а — *Полехов С. В.* Свидригайло и литовская Русь: стереотипы историографии и свидетельства современников // Studia z Dziejów Średniowiecza. Nr 18. Warszawa, 2014. S. 171–196.

Полехов. 2014б — *Полехов С. В.* Смоленское восстание 1440 г. // Исторический вестник. Т. 7 (154): Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. М., 2014. С. 160–197.

Полехов. 2015 — *Полехов С. В.* Малоизвестные сведения о роде Франциска Скорины // Берковские чтения — 2015. Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы III Международной научной конференции (Минск, 26–27 мая 2015 г.). Минск; М., 2015. С. 389–392.

Полоцк. 1987 — Полоцк: Исторический очерк. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 1987.

Полоцк. 2012 — Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв. Минск, 2012.

Пресняков. 1939 — *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939.

Прищепчик. 1970 — *Прищепчик А. М.* Микротопонимия Столбовщины. Минск, 1970.

Прохоров. 1989 — *Прохоров Г. М.* Фотий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2 (Л–Я). Л., 1989. С. 475–484.

Пташицкий. 1878 — *Пташицкий С. Л.* Деспоты Зеновичи в конце XVI и начале XVII веков // Русская старина. 1878. Т. 21. № 1. С. 125–138; Т. 22. № 7. С. 503–511.

Пятраўскас. 2009 — *Пятраўскас Р.* Фармаваньне інстытуцыйнага двара вялікага князя ў Літве (XIV — пачатак XV ст.) // Arche. 2009. № 9. С. 39–71.

Пятраўскас. 2014 — *Пятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV — XV ст.: Склад — структура — улада / Пераклад з літ. мовы А. Мікуса. Смаленск, 2014.

Разин. 1955. Т. 1 — *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 1. М., 1955.

Раппопорт. 1980 — *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII в. // СА. 1980. № 3. С. 143–163.

Родевальд. 2001 — *Родевальд Ш.* От вече к городскому совету: о развитии органов власти полоцких горожан до начала XVI в. // Беларускі горад у часе і прасторы: 500 гадоў Полацкай магдэбургіі. Зб. навук. прац. Наваполацк; Мінск, 2001. С. 15–25.

Романова. 2002 — *Романова А. А.* Эсхатологические ожидания XV в. и записи в пасхалии // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 217–242.

Русина. 1998 — *Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998.

Рыбаков. 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рыбчонак. 2014 — *Рыбчонак С. А.* Да праблемы паходжання магнатаў Глябовічаў — уладальнікаў Заслаўскага замка ў XVI ст. // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV–XVIII стст.). Мінск, 2014. С. 79–104.

Рыбчонак, Свяжынскі. 2000 — *Рыбчонак С., Свяжынскі У.* Радавод Корсакаў гербу Корсак // Спадчына. 2000. № 2. С. 200–216.

Рыбчонок. 2014 — *Рыбчонок С. А.* Родословие князей Друцких XIV–XVII вв. // Друцк. Минск, 2014. С. 214–234.

Рябцевич. 1965 — *Рябцевич В. Н.* Топография монетных кладов на территории Белоруссии. Л., 1965.

Рябцевич. 1968 — *Рябцевич В. Н.* О чем рассказывают монеты. Минск, 1968.

Сапунов. 1889 — *Сапунов А. П.* Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX в. Витебск, 1889.

Сапунов. 1893 — *Сапунов А. П.* Река Западная Двина: Историко-географический обзор. Витебск, 1893.

Сапунов. 1898 — *Сапунов А. П.* Архив Полоцкой духовной консистории. М., 1898.

Сванидзе. 1978 — *Сванидзе А. А.* Возникновение монетной чеканки и некоторые проблемы догородского развития Швеции // Средневековый город. Межвузовский научный сборник. Вып. 5. Саратов, 1978. С. 3–29.

Свиньин. 1904 — Свиньин Павел Петрович // Русский биографический словарь. Сабанеев — Смыслов / Изд. под наблюдением А. А. Половцова. СПб., 1904. С. 218–221.

Семенченко. 1986 — *Семенченко Г. В.* Византийское право и оформление русских завещаний XIV–XV вв. // Византийский временник. Т. 46. М., 1986. С. 164–173.

Сементовский. 1862 — *Сементовский А. М.* Статистическое описание Витебской губернии в лесном отношении. Витебск, 1862.

Сементовский. 1863 — *Сементовский А. М.* Охота и звериные промыслы в Витебской губернии. СПб., 1863.

Сементовский. 1868 — *Сементовский А. М.* Историческая записка о панцырных боярах // Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 год. СПб., 1868. С. 43–59.

Сементовский. 1878 — *Сементовский А. М.* Озера и торговля рыбой в Витебской губернии // Памятная книжка Витебской губернии на 1878 год. Витебск, 1878. С. 99–141.

Сержпутовский. 1914 — *Сержпутовский А. К.* Бортничество в Белоруссии // Материалы по этнографии России: в 2 т. Т. 2. М., 1914. С. 13–34.

Силинич. 1918–1920 — *Силинич И. П.* Географический очерк Белоруссии // Курс белоруссоведения. М., 1918–1920. С. 101–125.

Синицына. 1978 — *Синицына Н. В.* Пергаменные кириллические акты XIV–XVII вв. в собраниях Польской народной республики и задачи их изучения // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 244–251.

Смирнова. 1958 — *Смирнова Э. С.* Отражение литературных произведший о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 312–321.

Сморгунова. 1966 — *Сморгунова Е. М.* О пограничных сигналах в скорописи (наблюдения над графикой смоленских грамот XVII века) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 176–190.

Соболева. 1967 — *Соболева Н. А.* К проблеме обращения пражских грошей в русских землях в XIV–XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1967. № 2. С. 49–61.

Соболева. 1975 — *Соболева Н. А.* Хронология и области распространения пражских грошей на территории СССР // Numismatický sbornik. Sv. 13. Praha, 1975. S. 153–165.

Соболевский. 1886 — *Соболевский А. И.* Смоленско-полоцкий говор в XIII–XIV вв. // Русский филологический вестник. 1886. Т. 15. № 1. С. 7–27.

Спірыдонаў. 1990 — *Спірыдонаў М. Ф.* Полаччына: XVI стагоддзе // За передовую науку. 1990. 19 января, 26 января, 2 февраля, 9 февраля и 16 февраля.

Спірыдонаў. 2004 — *Спірыдонаў М. Ф.* Полаччына ў сярэдзіне XVI ст. // Полацкія гістарычныя запіскі. Т. 1. Навaполацк; Мінск, 2004. С. 5–19.

Станкевіч. 1938 — *Станкевіч Я.* Мова дыплёматычнага лісту Рыскае рады 1271–1280 г. // Запісы Беларускага навуковага таварыства. Сш. 1. Вільня, 1938. С. 40–50.

Старостина. 1976 — *Старостина И. П.* О месте Судебника Казимира 1468 г. в праве Великого княжества Литовского // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 94–113.

Старостина. 1979 — *Старостина И. П.* Некоторые особенности развития права восточнославянских земель в Великом княжестве Литовском // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 118–134.

Старостина. 1991 — *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988–1989. М., 1991. С. 170–344.

Старостина. 2005 — *Старостина И. П.* К вопросу об изучении областных привилеев Великого княжества Литовского // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Москва, 19–22 апреля 2005 г. Тезисы докладов. Ч. 2. М., 2005. С. 254–257.

Стоклицкая-Терешкович. 1951 — *Стоклицкая-Терешкович В. В.* Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси // СВ. Вып. 3. М., 1951. С. 74–102.

Стрельбицкий. 1889 — *Стрельбицкий И.* Исчисление поверхности Российской империи в общем ее составе в царствование имп. Александра III и смежных с Россиею азиатских государств. СПб., 1889.

Сулковска-Курасёва. 1990 — *Сулковска-Курасёва И.* Итинерарий Казимира Ягеллона (состояние подготовки) // Исследования по истории Литовской метрики. Ч. 2. М., 1990. С. 264–335.

Сэларт. 2004 — *Сэларт А.* Полацкі князь Канстанцін і гісторыя Інфлянтаў у трэцяй чвэрці XIII ст. // БГА. 2004. Т. 11. Сш. 1–2 (20–21). С. 3–25.

Тарасаў. 1998 — *Тарасаў С. В.* Полацк IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія. Мінск, 1998.

Ткачоў. 1977 — *Ткачоў М. А.* Замкі Беларусі (XIII–XVII ст.). Мінск, 1977.

Токмаков. 1888 — *Токмаков И. Ф.* Сборник материалов для исторического и церковно-археологического описания Витебской губернии. Вып. 1. Витебск, 1888.

Турилов. 2004 — *Турилов А. А.* К истории библиотеки и скриптория Кирилло-Белозерского монастыря в первой трети XVI в. (Проблема Христофора) // Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. СПб., 2004. С. 373–390.

Турилов. 2005 — *Турилов А. А.* Жалованная грамота Любарта Гедеминовича Луцкой кафедре и ситуация на Волыни после гибели галицко-волынских Рюриковичей // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. IV чтения памяти д. и. н. А. А. Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г. Тезисы докладов. Ч. 2. М., 2005. С. 266–268.

Улащик. 1973 — *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973.

Усманов. 1979 — *Усманов М. А.* Жалованные грамоты Джучиева улуса XIV–XV вв. Казань, 1979.

Філіпович. 2014 — *Філіпович М. А.* Полоцька земля в літописних та актових джерелах XI–XVI століть. Київ, 2014.

Флоря. 1971 — *Флоря Б. Н.* Кормленые грамоты XV–XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 109–126.

Флоря. 1980 — *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М., 1980. С. 142–173.

Флоря. 1995а — *Флоря Б. Н.* Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // ОИ. 1995. № 5. С. 110–116.

Флоря. 1995б — *Флоря Б. Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках. К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 10–38.

Флоря. 1996а — *Флоря Б. Н.* Архиереи Киевской митрополии 1458–1596 гг. // *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский*. История Русской Церкви. Кн. 5. Период разделения Русской Церкви на две митрополии. История Западнорусской, или Литовской, митрополии (1458–1596). М., 1996. С. 516–521.

Флоря. 1996б — *Флоря Б. Н.* Комментарии // *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 5. Период разделения Русской Церкви на две митрополии. История Западнорусской, или Литовской, митрополии (1458–1596). М., 1996. С. 421–492.

Флоря. 2000 — *Флоря Б. Н.* Две грамоты князя Любарта (о луцкой епископской кафедре в первой половине XIV в.) // ДГ. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 250–254.

Флоря. 2001 — *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию акад. Г. Г. Литаврина. М., 2001. С. 172–196.

Флоря. 2005 — *Флоря Б. Н.* О грамоте Любарта Гедиминовича Луцкой епископской кафедре // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 177–181.

Флоря. 2007а — *Флоря Б. Н.* Договор Дмитрия Донского с Ягайло и церковная жизнь Восточной Европы // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 233–237.

Флоря. 2007б — *Флоря Б. Н.* Отношения государства и Церкви у восточных и западных славян (эпоха Средневековья) // *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007. С. 5–121.

Фроянов. 1971 — *Фроянов И. Я.* Княжеское землевладение и хозяйство на Руси X–XII веков // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 43–52.

Фроянов. 1974 — *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

Харашкевіч. 1974 — *Харашкевіч Г. Л.* Полацкія пячаткі XV стагоддзя // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1974. № 1. С. 26–30.

Харлашов. 2013 — *Харлашов Б. Н.* Археологические исследования в Себеже в 2011 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 г.). М.; Псков, 2013. С. 213–220.

Хоронжичевски, Деген. 2013 — *Хоронжичевски В., Деген Р.* Рышард Меницкий — исследователь белорусских архивов // Историческое наследие Беларуси: выявление, сохранение и изучение. Материалы международной конференции. Ч. 2. Минск, 2013. С. 161–173.

Хорошкевич. 1963а — *Хорошкевич А. Л.* Договоры Полоцка 1405–1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 79–87.

Хорошкевич. 1963б — *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963.

Хорошкевич. 1966 — *Хорошкевич А. Л.* Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII в. // Города феодальной России. Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 207–215.

Хорошкевич. 1970 — *Хорошкевич А. Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики, Рига, 1970. С. 47–74.

Хорошкевич. 1972 — *Хорошкевич А. Л.* Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 4. Л., 1972. С. 128–146.

Хорошкевич. 1973 — *Хорошкевич А. Л.* К истории издания и изучения Литовской метрики // Acta Baltico-Slavica. T. 8. Warszawa, 1973. S. 69–94.

Хорошкевич. 1974б — *Хорошкевич А. Л.* Внешняя торговля Полоцка и ее влияние на политическое и социально-экономическое развитие Полоцкой земли // Społeczeństwo — gospodarka — kultura. Studia ofiarowane Marianowi Małowistowi w czterdziestolecie pracy naukowej. Warszawa, 1974. S. 59–68.

Хорошкевич. 1977а — *Хорошкевич А. Л.* Генеалогия мещан и мещанское землевладение в Полоцкой земле конца XIV — начала XVI в. // История и генеалогия. М., 1977.

Хорошкевич. 1977б — *Хорошкевич А. Л.* Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // ИСССР. 1977б. № 2. С. 125–140.

Хорошкевич. 1980 — *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI вв. М. 1980.

Хорошкевич. 1984б — *Хорошкевич А. Л.* Об общности средневекового восточнославянского судопроизводства // ВИ. 1984. № 6. С. 172–174.

Хорошкевич. 2005 — *Хорошкевич А. Л.* Городовые работы в Великом княжестве Литовском в канун Стародубской войны // Ad fontem. У источника. Сборник статей в честь С. М. Каштанова. М., 2005. С. 280–282.

Хорошкевич. 2013 — *Хорошкевич А. Л.* Терминология и дипломатика полоцких коммуникативных документов как когнитивный код // Человек-творец в художественном пространстве славянских культур. М.; СПб., 2013. С. 16–49.

Хорученко. 2007 — *Хорученко О. И.* Опыты публикации и изучения «бортных знамен» // Проблемы исторической географии и демографии России. Вып. 1. М., 2007. С. 172–183.

Хорученко. 2014 — *Хорученко О. И.* «Печать князя Дмитрия» XV в.: проблемы интерпретации // ДРВМ. 2014. № 3 (57). С. 122–128.

Цауне. 2009 — *Цауне А.* Русское подворье в средневековой Риге // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 533–545.

Цейтлин. 1968 — *Цейтлин М. А.* Очерк развития лесозаготовок и лесопиления. М., 1968.

Цітоў. 1989 — *Цітоў А.* Гарадская геральдыка Беларусі. Мінск, 1989.

Цітоў. 1993 — *Цітоў А*. Пячаткі старажытнай Беларусі: Нарысы сфрагістыкі. Мінск, 1993.
Цітоў. 1998 — *Цітоў А. К*. Геральдыка беларускіх месцаў. Мн., 1998.
Цітоў. 1999 — *Цітоў А*. Сфрагістыка і геральдыка Беларусі. Мінск, 1999.
Черепнин. 1951. Ч. 1 — *Черепнин Л. В*. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М., 1951.
Черепнин. 1960 — *Черепнин Л. В*. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.
Черепнин. 1969 — *Черепнин Л. В*. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
Черепнин. 1972 — *Черепнин Л. В*. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 126–251.
Чертко. 1966 — *Чертко И. И*. Проникновение германизмов в лексику старобелорусского языка // Весці АН БССР. 1966. № 1. С. 120–128.
Шадурскі. 1965 — *Шадурскі І. В*. З гісторыі земляробчай лексікі ў беларускай мове // Весці АН БССР. Сер. гуманітарных навук. 1965. № 2. С. 123–130.
Шаланда. 2001 — *Шаланда А. І*. Зямельныя гербы Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ў XIV–XVIII ст. // Герольд Litherland. 2001. № 2 (2). С. 52–67.
Шаланда. 2014 — *Шаланда А. И*. Гербы князей Друцких и Льва Сапеги // Друцк. Минск, 2014. С. 316–351.
Шапиро. 1971 — *Шапиро А. Л*. Основные хлеба в лесной полосе Древней Руси // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 68–75.
Шахматов. 1935 — Отчет проф. М. В. Шахматова о научной поездке в Латвию и Эстонию в 1932 году // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. V.–VII. (1932–1934). Praha, 1935. S. 150–152.
Шварц. 1898 — *Шварц Ф*. Рижский городской архив // Древности. Труды Археографической комиссии императорского Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 2. М., 1898. Стб. 353–355.
Шейкин. 1997 — *Шейкин Г*. Полоцкая епархия: Историко-статистическое обозрение. Минск, 1997.
Шейн. 1902 — *Шейн П. В*. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 3. СПб., 1902.
Шеламанова. 1969 — *Шеламанова Н. Б*. Себежская земля в XVI в. // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 73–95.
Шеламанова. 1970 — *Шеламанова Н. Б*. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1970.
Шкляр. 1962 — *Шкляр А. Х*. Климат Белоруссии и сельское хозяйство. Минск, 1962.
Шлоссберг. 1962 — *Шлоссберг Е. П*. Фольварочно-барщинное хозяйство и движение феодальной ренты в Белоруссии в XVII–XVIII вв. (по данным инвентарей феодальных владений) // ЕАИВЕ за 1960 г. Киев, 1962. С. 218–225.
Шмигельските-Стукене. 2006 — *Шмигельските-Стукене Р*. Литовская метрика: перевозки и упорядочение архивов во второй половине XVIII в. // Международная научная конференция «Литовская метрика и Литовский статут как источниковедческая база для славистики и балтистики». Памяти Анатолия Павловича Непокупного. Тезисы докладов. Москва, 23–25 ноября 2006 года. М., 2006. С. 29.
Штыхаў. 1961 — *Штыхаў Г. В*. Гарбарнае рамяство старажытнага Полацка // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1961. № 3. С. 63–73.
Штыхаў. 1962 — *Штыхаў Г. В*. Шавецкае рамяство старажытнага Полацка // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1962. № 3. С. 81–90.
Штыхов. 1963 — *Штыхов Г. В*. Опыт исследования древнеполоцкой кожи // СА. 1963. № 4. С. 240–246.
Штыхов. 1967 — *Штыхов Г. В*. Древнеполоцкое каменное зодчество // Белорусские древности. Доклады к конференции по археологии Белоруссии (январь — февраль 1968). Минск, 1967. С. 262–297.
Штыхов. 1978 — *Штыхов Г. В*. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978.
Шумейко. 2005 — *Шумейко М. Ф*. Археография. Минск, 2005.
Щапов. 1972 — *Щапов Я. Н*. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.
Щапов. 1974 — *Щапов Я. Н*. О судьбе библиотеки Полоцкого Софийского собора // ВИ. 1974. № 6. С. 200–204.
Щапов. 1976 — *Щапов Я. Н*. Библиотека Полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 262–288.
Щеглова. 1969 — *Щеглова В. В*. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в Средние века (по материалам раскопок археологических памятников) // Древности Белоруссии. Доклады к конференции по археологии Белоруссии (март 1969 г.). Минск, 1969. С. 406–426.
Энгельман. 1858 — *Энгельман А. Е*. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб., 1858.
Юревич, Янович. 1964 — *Юревич Е. К., Янович Е. И*. Названия пошлин и податей в языке памятников старобелорусской письменности // Программа и тезисы Межреспубликанской конференции по изучению лексики старобелорусских письменных памятников XV–XVII вв. 15–16 мая 1964 г. Вильнюс, 1964. С. 17–18.
Юркевич. 1948 — *Юркевич И. Д*. Типы лесов Белорусской ССР. М., 1948.

Юркевич. 1960 — *Юркевич И. Д.* Дубравы Белорусской ССР и их восстановление. Минск, 1960.
Ючас. 1971 — *Ючас М. А.* Начало разложения крепостничества в Литве (60-е годы XVIII — 30-е годы XIX в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Вильнюс, 1971.
Якубовский. 1903а — *Якубовский И. В.* Земские привилеи Великого княжества Литовского. Ч. 1. Введение. Критический разбор текстов общеземских привилеев // ЖМНП. 1903. № 4. С. 239–278.
Якубовский. 1903б — *Якубовский И. В.* Земские привилеи Великого княжества Литовского. Ч. 2. Критический разбор текстов областных привилеев // ЖМНП. 1903. № 6. С. 245–303.
Якушко. 1966 — *Якушко О. Ф.* Озера Белоруссии и их использование в народном хозяйстве. М., 1966.
Якушко. 1967 — *Якушко О. Ф.* География озер Белоруссии, Минск, 1967.
Янин. 1960 — *Янин В. Л.* Две неизданные новгородские грамоты XV века // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 333–339.
Янин. 1970 — *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР 1970. № 1. С. 44–54.
Янин. 1981 — *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.
Янин. 1991 — *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
Янин. 1998 — *Янин В. Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
Янин. 2003 — *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003.
Ясінскі. 1928 — *Ясінскі А.* Спроба крытычнага вывучэньня Кнігі Данін вялікага князя Казіміра // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 3: Працы клясы гісторыі. Т. 2. Менск, 1928. С. 155–205.

Adamska. 1999 — *Adamska A.* Średniowiecze na nowo odczytane. O badaniach nad kulturą pisma // Roczniki Historyczne. R. 65 (1999). Poznań, 1999. S. 129–154.
Adamus. 1930 — *Adamus J.* O tytule panującego i państwa Litewskiego parę spostrzeżeń // KH. 1930. R. 44. T. 1. № 3. S. 313–332.
Alexandrowicz. 1971 — *Alexandrowicz St.* Nowe żródło ikonograficzne do oblężenia Połocka w 1579 r. // KHKM. 1971. R. 19. № 1. S. 3–29.
Angermann. 2001 — *Angermann N.* Preußisch-russische Handelsbeziehungen im späten Mittelalter // Preußische Landesgeschichte. Festschrift für Bernhart Jähnig zum 60. Geburtstag. (Einzelschriften der Historischen Kommission für ost- und westpreußische Landesforschung. Bd. 22.) Marburg, 2001. S. 347–354.
Antoniewicz. 2011 — *Antoniewicz M.* Protoplaści książąt Radziwiłłów :dzieje mitu i meandry historiografii. Warszawa, 2011.
Arbusow. 1899/1901 — *Arbusow L. (sen.).* Die im Deutschen Orden in Livland vertretenen Geschlechter // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik. 1899. Mittau, 1901. S. 27–136.
Arbusow. 1900/1902, 1901/1902, 1902/1904, 1911–1913/1914 — *Arbusow L.* Livlands Geistlichkeit vom Ende des 12. bis ins 16. Jahhundert // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik. Jg. 1900. S. 33–80. Mitau, 1902; Jg. 1901. Mitau, 1902. S. 1–160; Jg. 1902. Mitau, 1904. S. 39–134; Jg. 1911–1913. Mitau, 1914. S. 1–432.
Backus. 1957 — *Backus O. P.* Motives of West Russian nobles in deserting Lithuania for Moscow, 1377–1514. Lawrence (Kansas), 1957.
Balaban. 1911 — *Balaban M.* Skizzen und Studien zur Geschichte der Juden in Polen. Berlin, 1911.
Baranauskas. 2000 — *Baranauskas T.* Lietuvos valstybės ištakos. Vilnius, 2000.
Baranauskienė. 2012 — *Baranauskienė I.* Onos Vytautienės kilmė i giminė // Kultūros barai. 2012. № 2. P. 64–74.
Bardach. 1970 — *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego księstwa Litewskiego XIV–XVI wieku. Warszawa, 1970.
Bardach. 1980 — *Bardach J.* Miasta na prawie magdeburskim w Wielkim Księstwie Litewskim od schyłku XIV do połowy XVII stulecia // KH. 1980. R. 87. № 1. S. 21–50.
Bardach. 1988 — *Bardach J.* Ustrój miast na prawie magdeburskim w Wielkim Księstwie Litewskim do połowy XVII wieku // Bardach J. O dawnej i niedawnej Litwie. (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza. Ser. Historia. № 141.) Poznań, 1988. S. 72–119.
Baronas. 2014 — *Baronas D.* Piligrimai iš Lietuvos — Romos Šv. Dvasios brolijos nariai 1492–1503 m. // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. T. 38. Vilnius, 2014. P. 15–28.
Baumgarten. 1936 — *Baumgarten N. de.* Polotzk et la Lithuanie: une page d'histoire // Orientalia Christiana periodica. 1936. № I–II. P. 223–253.
Białuński. 2012 — *Białuński G.* Surwiłłowie. Przykład kariery Litwinów w Prusach // Istorijos šaltinių tyrimai. T. 4. Vilnius, 2012. P. 13–44.
Biskup, Labuda. 1986 — *Biskup M., Labuda G.* Dzieje zakonu krzyżackiego w Prusach: Gospodarka — Społeczeństwo — Państwo — Ideologia. Gdańsk, 1986.
Blais. 1938 — *Blais R.* La forêt. Paris, 1938.
Blumenbach. 1901 — *Blumenbach E.* Die Gemeinde der Stadt Riga in 700 Jahren, 1201–1901. Riga, 1901.
Błaszczyk. 1998. T. 1 — *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 1: Trudne początki. Poznań, 1998.
Błaszczyk. 2007. T. 2 — *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich. T. 2: Od Krewa do Lublina. Cz. 1. Poznań, 2007.

Boniecki. 1887 — *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkiém Księstwie Litewskiém w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887.
Bonnell. 1862 — *Bonnell E.* Russisch-liwländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862.
Böthführ. 1877 — *Böthführ H. J.* Die rigische Ratslinie von 1226 bis 1876, nebst einem Anhang: Verzeichniss der Aeltermänner, Aeltesten und Dockmänner der grossen Gilde in Riga von 1844 bis 1876. Aufl. 2. Riga; Moskau; Odessa, 1877.
Brensztejn. 1937 — *Brensztejn M.* Towarzystwo przyjaciół nauk w Wilnie. Wilno, 1937.
Briggs. 2000 — *Briggs Ch. F.* Historiographical essay. Literacy, reading, and writing in the medieval West // Journal of medieval history. 2000. Vol. 26. No 4. P. 397–420.
Broda. 1959a — *Broda J.* Dewastacyjna eksploatacja lasów // Zarys historii gospodarstwa wiejskiego. T. 2. Warszawa, 1959. S. 229–249.
Broda. 1959б — *Broda J.* Uwagi o smolarstwie i popielarstawie w lasach państwowych Królestwa Polskiego (1815–1830) // Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. T. 2 / Red. J. Leskiewiczowa. (Studia i materiały z historii kultury materialnej. T. 5.) Wrocław, 1959. S. 551–650*.
Brück. 2003 — *Brück Th.* Riga in der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts: das Verhälnis der Stadt zum Orden, zum Erzbischof und zur Hanse // Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse. Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar. (Schriftenreihe Baltische Seminare, hrsg. von der Carl-Schirren-Gesellschaft e. V. Bd. 10.) Lüneburg, 2003. S. 43–92.
Brück. 2004 — *Brück Th.* Vom Kaufmann zum Erzvogt — der Ratsherr und Bürgermeister von Riga Johann Schöning in der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts // Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag. (Schriften der Baltischen Historischen Kommission. Bd. 12.) Münster, 2004. S. 137–168.
Buczek. 1969a — *Buczek K.* Z dziejów młynarstwa w Polsce średniowiecznej // Studia historyczne. 1969. T. 12. № 1. S. 17–51.
Buczek. 1969b — *Buczek K.* Ziemie polskie przed tysiącem lat. Warszawa; Kraków, 1969.
Bulmerincq. Bericht. 1909 — *Bulmerincq A. von.* Der Bericht über die Arbeiten für das Liv-, est- und curländische Urkundenbuch, sowie die Akten und Recesse der livländischen Ständetage. Riga, 1909.
Bumblauskas. 2005 — *Bumblauskas A.* Senosios Lietuvos istorija. 1009–1795. Vilnius, 2005.
Bunge. 1874 — *Bunge F. G. von.* Geschichte des Gerichtswesens in Liv-, Est- und Curland. Reval, 1874.
Bunge. 1877 — *Bunge F. G. von.* Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark. Gotha, 1877.
Čapaitė. 2007 — *Čapaitė R.* Gotikinis kursyvas Lietuvos didžiojo kunigaikščio Vytauto raštinėje. Vilnius, 2007.
Čapaitė. 2012 — *Čapaitė R.* Ślązacy na dworze wielkiego księcia litewskiego w pierwszej połowie XV wieku // Podróże i migracje w Europie Środkowej. (Kultura Europy Środkowej. T. 15.) Katowice; Zabrze, 2012. S. 48–56.
Čelkis. 2014 — *Čelkis T.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV–XVI amžiuje. Vilnius, 2014.
Čelkis, Antanavičius. 2011 — *Čelkis T., Antanavičius D.* 1545 metų Livonijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės sienos patkrinimas (Livonijos pareigūnų ataskaita) // Lietuvos istorijos studijos. T. 27. Vilnius, 2011. P. 164–178.
Chodynicki. 1934 — *Chodynicki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny. 1370–1632. Warszawa, 1934.
Choroschkewitsch. 1970 — *Choroschkewitsch A. L.* Die Polozker Urkunden aus dem ehemaligen Stadtarchiv Riga als Quelle zur Geschichte der russisch-hansischen Beziehungen am Ende des 15. Jahrhunderts // Neue Hansische Studien. (Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte. Bd. 17.) Berlin, 1970. S. 29–57.
Choroškevič. 2001 — *Choroškevič A. L.* Der Handel Rigas mit Polock im 14./15. Jahrhundert: Nach den Polocker Urkunden // Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit. Beiträge zur Erforschung mittelalterlicher und frühneuzeitlicher Handelsbeziehungen und -wege im europäischen Rahmen. (Schriften der Baltischen Historischen Kommission. Bd. 11.) Lüneburg, 2001. S. 137–155.
Clanchy. 1979 — *Clanchy M. T.* From memory to written record: England 1066–1307. London, 1979.
Dąbkowski. 1916 — *Dąbkowski P.* Dobra rodowe i nabyte w prawie litewskiem od XIV do XVI wieku. (Studya nad historyą prawa polskiego. T. 6. Zesz. 3.) Lwów, 1916.
Devèze. 1961 — *Devèze M.* La vie de la forêt française au XVIe siècle. Vol. 1–2. Paris, 1961.
Dubonis. 2009 — *Dubonis A.* Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje. 1268–1282. Vilnius, 2009.
Dubonis. 2012 — *Dubonis A.* Das Grenzgebiet zwischen Litauen und dem Deutschen Orden: soziale, wirtschaftliche, administrative, ethnische und kulturelle Kommunikation in den Jahren 1290–1422 // Tannenberg — Grunwald — Zalgiris 1410: Krieg und Frieden im Späten Mittelalter. (Deutsches Historisches Institut Warschau. Quellen und Studien. Bd. 26.) Wiesbaden, 2012. S. 53–65.
Duby. 1962 — *Duby G.* L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval (France, Angleterre, Empire IXe–XVe siècles). T. 1. Paris, 1962.

* Данное название приводится в оглавлении и колонтитулах. В тексте статья озаглавлена иначе: «Smolarstwo i popielarstwo w lasach rządowych Królestwa Polskiego w okresie wczesnego kapitalizmu».

Dunsdorfs. 1938 — *Dunsdorfs E.* Außenhandel Rigas im 17. Jahrhundert // Pirmā Baltijas vēsturnieku konference. Rīgā, 16.–20.VIII.1937. Runas un referāti. Rīga, 1938. P. 457–486.

ELB. T. 3 — Est- und Livländische Brieflade. T. 3: Chronologie der Ordensmeister über Livland, der Bischöfe von Riga und der Bischöfe von Leal, Oesel-Wiek, Reval und Dorpat. Riga; Moskau; Odessa, 1879.

Ewald. 1914 — *Ewald W.* Siegelkunde. München; Berlin, 1914.

Feiereizens. 1932 — *Feiereizens A.* Rīgas pilsētas vēsturiskais arķīvs // Rīga ka Latvijas galvas pilsēta. Rīga, 1932. Lpp. 677–696.

Feodālā Rīga. 1978 — Feodālā Rīga. Rīga, 1978.

Finkel. 1910 — *Finkel L.* Elekcya Zygmunta I. Sprawy dynastyi jagiellońskiej i unii polsko-litewskiej. Kraków, 1910.

Forstreuter. 1931 — *Forstreuter K.* Russische Schreiber beim Deutschen Orden in Preußen // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 8. Leipzig, 1931. S. 85–92.

Forstreuter. 1952 — *Forstreuter K.* Zur Frage der Registerführung in der zentralen Deutschordenskanzlei // Archivalische Zeitschrift. Bd. 52. München, 1952. S.49–61.

Forstreuter. 1955 — *Forstreuter K.* Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände. (Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung. H. 3.) Göttingen, 1955.

Forstreuter. 1963 — *Forstreuter K.* Latein und Deutsch im Deutschen Orden // Studien zur Geschichte des Preussenlandes. Festschrift für Erich Keyser zu seinem 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern. Marburg, 1963. S. 373–391.

Forstreuter. 1970 — *Forstreuter K.* Erzbischof Friedrich von Riga (1304–1341). Ein Beitrag zu seiner Charakteristik // Zeitschrift für Ostforschung. 1970. Bd. 19. S. 652–665.

Gąsiorowski. 1972 — *Gąsiorowski A.* Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434. Warszawa, 1972.

Gąsiorowski. 1973 — *Gąsiorowski A.* Itineraria dwu ostatnich Jagiellonów // Studia Historyczne. R. 16. 1973. № 2 (61). S. 249–275.

Gieysztor. 1960 — *Gieysztor A.* W sprawie początków trójpolówki w Polsce i w krajach sąsiednich // Prace z dziejów Polski feudalnej, ofiarowane R. Grodeckiemu w jego 70. rocznicę urodzin. Warszawa, 1960. S. 71–79.

Glauert. 2002 — *Glauert M.* Schreiben auf der Marienburg. Anmerkungen zur nichturkundlichen Schriftlichkeit in der zentralen Kanzlei des Deutschen Ordens im 14. Jahrhundert // Kancelarie krzyżackie. Stan badań i perspektywy badawcze. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej. Malbork, 18–19 X 2001. Malbork, 2002. S. 89–106.

Goetz. 1916 — *Goetz L. K.* Deutsch-russische Hadelsverträge des Mittelalters. (Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. 37.) Hamburg, 1916.

Goetz. 1922 — *Goetz L. K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. (Hansische Geschichtsquellen. Bd. 5.) Lübeck, 1922.

Górnowicz. 1968 — *Górnowicz H.* Studia nad rodowymi nazwami miejscowymi w języku polskim na tle innych języków słowiańskich. Gdańsk, 1968.

Górski. 1967 — *Górski K.* Les structures sociales de la noblesse polonaise au moyen âge // Le Moyen âge. 1967. № 1.

Gudavičius. 1998 — *Gudavičius E.* Mindaugas. Vilnius, 1998.

Gudavičius. 2006 — *Gudavičius E.* Lietuvos akto promulgacijos kelias: nuo Vytauto kanceliarijos iki Lietuvos Metrikos. Vilnius, 2006.

Gumowski. 1919 — *Gumowski M.* Pieczęcie królów polskich. Kraków, 1919.

Gumowski. 1930 — *Gumowski M.* Pieczęcie książąt litewskich // AW. 1930. R. 7. № 3–4. S. 684–725.

Gumowski. 1966 — *Gumowski M.* Handbuch der polnischen Siegelkunde. Graz, 1966.

Gutzeit. 1865 — *Gutzeit W. von.* Zur Geschichte der Kirchen Rigas // Mitteilungen aus dem Gebiet der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. Bd. 10. Riga, 1865. S. 313–335.

Halecki. 1915 — *Halecki O.* Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915.

Halecki. 1919б. T. 1 — *Halecki O.* Dzieje unii Jagiellońskiej. T. 1. W wiekach średnich. Kraków, 1919.

Halecki. 1922 — *Halecki O.* Litwa w połowie XV wieku w świetle najdawniejszej księgi metryki (Komunikat) // Rozprawy historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. T. 1. Zesz. 4. Warszawa, 1922. S. 25–26.

Halecki. 1935 — *Halecki O.* Na marginesie najdawnieszych dyplomów katedry wileńskiej // AW. 1935. R. 10. S. 44–70.

Hedemann. 1930 — *Hedemann O.* Historja powiatu Brasławskiego. Wilno, 1930.

Hedemann. 1934 — *Hedemann O.* Dawne puszcze i wody. Wilno, 1934.

Hellmann. 1993 — *Hellmann M.* Der Deutsche Orden und die Stadt Riga // Stadt und Orden. Das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preußen und im Deutschen Reich. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 44.) Marburg, 1993. S. 1–33.

Hildebrand. 1869 — *Hildebrand H.* Bericht über die in Rigischen Archiven vornähmlich für litauische und westrussische Geschichte angestellten Forschungen (1868) // Bulletin de l'academie imp. de St. Petersbourg. T. 13 (1869). S. 548–567.

Hildebrand. 1873 — *Hildebrand H.* Das deutsche Kontor zu Polozk // Baltische Monatsschrift. Riga, 1873. Bd. 22. N. F. Bd. 4. S. 342–387.

Hildebrand. 1875 — *Hildebrand H.* Die Arbeiten für das Liv-, est- und curländische Urkundenbuch im Jahre 1873/1874. Riga, 1875.

Hildebrand. 1876 — *Hildebrand H.* Die Arbeiten für das Liv-, est- und curländische Urkundenbuch im Jahre 1874/1875. Riga, 1876.

Hildebrand. 1880 — *Hildebrand H.* Verbesserungen zu K. E. Napiersky's Russisch-Livländische Urkunden // Mittheilungen aus der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Bd. 12. Riga, 1880. S. 259–294.

Horstein. 1958 — *Horstein R.* Wald und Mensch. Theorie und Praxis der Waldgeschichte. Ravensburg, 1958.

Hruša. 2007 — *Hruša A.* Pismo dokumentów kancelarii Wielkiego Księstwa Litewskiego pierwszej połowy XVI w. jako źródło do historii urzędu (w świetle materiałów Narodowego Historycznego Archiwum Białorusi) // Belliculum diplomaticum II Thorunense. Kancelarie władców na ziemiach polskich w średniowieczu i czasach nowożytnych na tle porównawczym. Toruń, 2007. S. 87–95.

Hruša. 2011 — *Hruša A.* Problemy badań kancelarii Wielkiego Księstwa Litewskiego lat 40. XV wieku — pierwszej ćwierci XVI wieku // Belliculum diplomaticum IV Thorunense. Dyplomatyka staropolska — stan obecny i perspektyvy badań. Toruń, 2011. S. 75–94.

Hruša. 2015 — *Hruša A.* Import polski «dobrych praw chrześcijańskich» i ich recepcja w Wielkim Księstwie Litewskim od schyłku XIV wieku do pierwszej połowy XVI wieku // Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich. Od Krewa do Zaręczenia Wzajemnego Obojga Narodów. Warszawa, 2015. S. 119–124.

Ilgiewicz. 2008 — *Ilgiewicz H.* Societates Academicae Vilnenses: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Wilnie (1907–1939) i jego poprzednicy. Warszawa, 2008.

Ivanovs. 2006 — *Ivanovs A.* Zespół dokumentów «Moscowitica-Ruthenica» w Łotewskim Państwowym Archiwum Historycznym // ZH. 2006. T. 71. Z. 2–3. S. 125–143.

Ivanovs. 2010 — *Ivanovs A.* Dokumenti par Rīgas, Gotlandes un Hanzas attiecībām ar Lielo Novgorodu Latvijas Valsts vēstures arhīvā (12.–16. gs.) // Latvijas Arhīvi. 2010. № 2. Lpp. 7–34.

Jähnig. 2011 — *Jähnig B.* Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. (Schriften der Baltischen Historischen Kommission. Bd. 16.) Berlin, 2011.

Jakštas. 1935 — *Jakštas J.* Vokiečių Ordinas ir Lietuva Vytenio ir Gedimino metu // Senovė. T. 1. Kaunas, 1935. P. 125–155.

Jakštas. 1936 — *Jakštas J.* Vokiečių Ordinas ir Lietuva Vytenio ir Gedimino metu // Senovė. T. 2. Kaunas, 1936. P. 5–59.

Jankauskas. 2013 — *Jankauskas V.* Gediminaičių padėties manifestacijos XIV a. antspauduose // Ministri Historiae. Pagalbiniai istorijos mokslai Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės tyrimuose. Mokslinių straipsnių rinkinys, skirtas dr. Edmundo Antano Rimšos 65-mečio sukakčiai. Vilnius, 2013. P. 65–75.

Jaszczołt. 2015 — *Jaszczołt T.* Ród Niemiry z Wsielubia — Niemirowiczowie i Szczytowie herbu Jastrzębiec do połowy XVI wieku // Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich. Od Krewa do Zaręczenia Wzajemnego Obojga Narodów. Warszawa, 2015. S. 175–250.

Jonynas. 1930 — *Jonynas I.* Vytauto ženklas // Vairas. 1930. № 4 (7). P. 24–34.

Jonynas. 1996 — *Jonynas I.* Lietuvos didieji kunigaikščiai. Vilnius, 1996.

Jóźwiak etc. 2010 — *Jóźwiak S., Kwiatkowski K., Szweda A., Szybkowski S.* Wojna Polski i Litwy z Zakonem Krzyżackim w latach 1409–1411. Malbork, 2010.

Jurginis. 1962 — *Jurginis J.* Baudžiavos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962.

Kaliszuk. 2011 — *Kaliszuk J.* Przemiany społecznych funkcji pisma w późnym średniowieczu. Programy badawcze i ich rezultaty // Historia społeczna późnego średniowiecza. Nowe badania. Warszawa, 2011. S. 169–188.

Kamieniecki. 1914 — *Kamieniecki W.* Rozwój własności na Litwie w dobie przed pierwszym statutem. Kraków, 1914.

Kamieniecki. 1918 — *Kamieniecki W.* Państwo litewskie. Warszawa, 1918.

Kamieniecki. 1947 — *Kamieniecki W.* Społeczeństwo litewskie w XV w. Warszawa, 1947.

Kamieniecki. 1965 — *Kamieniecki W.* Chorążowie w parlamentaryzmie litewskim przed unią Lubelską // Antemurale. T. 9. Warszawa, 1965. S. 165–203.

Karalius. 2006 — *Karalius L.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės materialinės kultūros terminų istorijos problemos (ваньчес, клепка, василки, фашольц, клепачи) // LIM. 2005. T. 2. Vilnius, 2006. P. 163–178.

Kampe. 1937 — *Kampe P.* Nikolaja Brīnumdarītāja baznīca // Latviešu konversācijas vārdnica. 15. sej. Rīga, 1937. 28950–28955 sl.

Karpavičienė. 2006 — *Karpavičienė J.* Zur Frage des Magdeburger Rechts in Litauen // Völker, Staaten und Kulturen in Ostmitteleuropa. Bd. 1. München, 2006. S. 241–257.

Karpova. 2007 — *Karpova V.* Stačiatikių įsiliejimas į katalikišką LDK visuomenę. Bratošų — Zenavičių giminės atvejis (XIV a. pabaiga — XVII a. pirma pusė). Magistrinis darbas. Vilnius, 2007.

Kelma. 1989 — *Kelma E.* Ród Sakowiczów i jego majętności w XV i pierwszej połowie XVI wieku // LSP. T. 3. Poznań, 1989. S. 155–177.

Kennedy Grimsted. 1985 — *Kennedy Grimsted P.* Czym jest i czym była Metryka Litewska? (Stan obecny i perspektywy odtworzenia zawartości archiwum kancelaryjnego Wielkiego Księstwa Litewskiego) // KH. 1985. R. 92. Zesz. 1. S. 119–126.

Kiaupa. 1992 — *Kiaupa Z.* Pirmosios Kauno miesto privilegijos // Lietuvos miestų istorijos šaltiniai. T. 2. Vilnius, 1992. P. 6–39.

Kiersnowski. 1988 — *Kiersnowski R.* Godła Jagiellońskie // Wiadomości Numizmatyczne. 1988. R. 32. № 1–2. S. 1–28.

Kleinenberg. 1981 — *Kleinenberg I. E.* Preise, Maße und Profit im Hansischen Novgorod-Handel im 14. und 15. Jahrhundert // Zins, Profit, ursprüngliche Akkumulation. Weimar, 1981. S. 51–62.

Klovas. 2014 — *Klovas M.* Privataus dokumento juridinė galia XV–XVI a. pradžioje // Istorijos šaltinių tyrimai. T. 5. Vilnius, 2014. P. 43–56.

Kłoczowski. 1973 — *Kłoczowski J.* Łosowicz Jan // PSB. T. 18/3. Zesz. 78. Wrocław etc., 1973. S. 427–428.

Koeppen. 1958 — *Koeppen H.* Die Anfänge der Verwendung von Chiffren im diplomatischen Schriftwechsel des Deutschen Ordens // Preussenland und der Deutsche Orden. Festschrift für Kurt Forstreuter zur Vollendung seines 60. Lebensjahres dargebracht von seinen Freunden. (Ostdeutsche Beiträge aus dem Göttinger Arbeitskreis. Bd. 9.) Würzburg, 1958. S. 171–191.

Kolankowski. 1930 — *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1 (1377–1499). Warszawa, 1930.

Koppmann. 1890 — *Koppmann K.* Zum Gedächtnis an Hermann Hildebrand // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Bd. 14. Riga, 1890. S. 502–514.

Korczak. 1993 — *Korczak L.* Sakowicz Bogdan Andrzejewicz // PSB. T. 34/3. Zesz. 142. Kraków, 1993. S. 340–341

Korczak. 1998 — *Korczak L.* Litewska rada wielkoksiążęca w XV wieku. (Polska Akademia Umiejętności. Rozprawy Wydziału historyczno-filozoficznego. Ogólnego zbioru t. 88.) Kraków, 1998.

Korczak. 2008a — *Korczak L.* Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim. Kraków, 2008.

Korczak. 2008б — *Korczak L.* Sudymontowicz Olechno (Aleksander) // PSB. T. 40/3. Zesz. 186. Warszawa; Kraków, 2008. S. 351–353.

Kosman. 1969 — *Kosman M.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda // Studia Żródłoznawcze. T. 14. Warszawa, 1969. S. 91–119.

Kosman. 1971 — *Kosman M.* Dokumenty wielkiego księcia Witolda // Studia Żródłoznawcze. T. 16. Warszawa, 1971. S. 139–169.

Kroeger. 1930 — *Kroeger G.* Erzbischof Silvester Stodewescher und sein Kampf mit dem Orden um die Herrschaft über Riga. Riga, 1930.

Kuczyński. 1934 — *Kuczyński S. M.* Rodowód Michała Chaleckiego // Miesięcznik Heraldyczny. 1934. № 1. S. 6–10; № 2. S. 17–23.

Kuczyński. 1978 — *Kuczyński S. K.* Pieczęcie książąt mazowieckich. Wrocław etc., 1978.

Kuczyński. 1993 — *Kuczyński S. K.* Polskie herby ziemskie. Geneza, treści, funkcje. Warszawa, 1993.

Kulisiewicz. 1982 — *Kulisiewicz W.* «Postawienie czapki» — studium z dziejów litewskiego postępowania w XV i XVI wieku // CPH. T. 31. № 1. Warszawa, 1982. S. 1–30.

Kuraszkiewicz. 1932 — *Kuraszkiewicz W.* Gramoty XIV–XV wieku. Studjum filologiczne // Byzantinoslavica. Roč. 4. Praha, 1932. S. 335–364.

Kuraszkiewicz. 1934 — *Kuraszkiewicz W.* Gramoty halicko-wołyńskie XIV–XV wieku. Studjum językowe. (Prace Polskiego Towarzystwa dla badan Europy Wschodniej i Bliskiego Wschodu. Nr 7.) Kraków, 1934.

Kuraszkiewicz. 1985 — *Kuraszkiewicz W.* [Rec.:] Chr. S. Stang. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935 // Kuraszkiewicz W. Ruthenica. Studia z historycznej i współczesnej dialektologii wschodniosłowiańskiej. Warszawa, 1985. S. 272–291 [Репринтное переиздание 1-го изд.: Rocznik Slawistyczny. R. 13 (1937). S. 39–58.]

Leuschner. 1975 — *Leuschner J.* Deutschland im späten Mittelalter. Göttingen, 1975.

Lewicki. 1892 — *Lewicki A.* Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Kraków, 1892. (Отдельный оттиск из изд.: Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. T. 29.)

Lietuva. 2009 — Lietuva senuosiuose istorijos šaltiniuose: Lietuvos tūkstantmečio programos parodos katalogas. Taikomosios dailės muziejus, Vilnius, 2009 m. liepos 5 — spalio 4 d. Vilnius, 2009.

Lietuvos istorija. T. 3 — *Baronas D., Dubonis A., Petrauskas R.* Lietuvos istorija. T. 3. Valstybės iškilimas tarp Rytų ir Vakarų. Vilnius, 2011.

Lietuvos istorija. T. 4 — *Kiaupienė J., Petrauskas R.* Lietuvos istorija. T. 4. Nauji horizontai: dinastija, visuomenė, valstybė. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė 1386–1529 m. Vilnius, 2009.

Łowmiański. 1931 — *Łowmiański H.* Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. T. 1. Wilno, 1931.

Łowmiański. 1949–1950 — *Łowmiański H.* Z zagadnień spornych społeczeństwa litewskiego w wiekach średnich // PH. 1949–1950. T. 40. № 1. S. 96–127.

Łowmiański. 1983 — *Łowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. (UAM. Ser. Historia. № 108.) Poznań, 1983.

Luchaire. 1895 — *Luchaire A.* Histoire des institutions monarchiques. T. 1. Paris, 1895.

Maciejewska. 1933 — *Maciejewska W*. Dzieje ziemi Polockiej za Witolda (1385-1430) // AW. 1931–1932. R. 8. S. 1–56.

Maciszewska. 2001 — *Maciszewska M*. Klasztor bernardyński w społeczeństwie polskim. 1453–1530. Warszawa, 2001.

Mahling. 2011 — *Mahling M*. Die Kanzleiordnung des Rigaer Rats von 1598. Historischer Kommentar und Edition // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. Bd. 57. Köln; Weimar; Wien, 2011. S. 181–204.

Mahling. 2012 — *Mahling M*. Ad rem publicam et ad ignem. Das mittelalterliche Schriftgut des Rigaer Rats und sein Fortbestand in der Neuzeit. Berlin, 2012. (Неопубликованная диссертация, защищённая в Свободном университете Берлина; в печати.)

Małowist. 1960 — *Małowist M*. L'approvisionnement des ports de la Baltique en produits forestiers pour les constructions navales aux XV–XVIe siècle // Le navire et l'économie maritime du Nord de l'Europe du Moyen-Age au XVIIIe siècle. Paris, 1960. P. 25–40.

Matusas. 1991 — *Matusas J*. Švitrigaila Lietuvos didysis kunigaikštis. 2-as leid. Vilnius, 1991.

Maué. 1998 — *Maué H*. Verschlossene Briefe — Briefverschlußsiegel // Kommunikationspraxis und Korrespondenzwesen im Mittelalter und in der Renaissance. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1998. S. 205–231.

Mienicki. 1937 — *Mienicki R*. Stanisław Dowojno wojewoda połocki // AW. 1937. R. 12. S. 404–481.

Mienicki. 1939 — *Mienicki R*. Archiwum akt dawnych w Witebsku (Centralne archiwum Witebskie). Warszawa, 1939.

Mienicki. 2009 — Ryszard Mienicki (1886–1956). Archiwista i historyk. Toruń, 2009.

Miklosich. 1924 — *Miklosich F*. Die Bildung der Ortsnamen im Slawischen. Heidelberg, 1924.

Mikulski. 2002 — *Mikulski W*. O pieczęci średniej litewskiej Kazimierza Jagiellończyka. Przyczynek do dziejów sfragistyki hospodarskiej XV wieku // Studia Źródłoznawcze. T. 40. Warszawa, 2002. S. 89–93.

Militzer. 2002 — *Militzer K*. Wykaz urzędów Zakonu Kawalerów Mieczowych i zakonu krzyżackiego w Inflantach z Estonią // Inflanty w średniowieczu. Władztwa zakonu krzyżackiego i biskupów / Pod red. M. Biskupa. Toruń, 2002. S. 107–121.

Militzer. 2007 — *Militzer K*. Historia zakonu krzyżackiego / Przekł. E. Marszał, J. Zakrzewski SJ. Kraków, 2007.

Misāns. 2014 — *Misāns I*. Leonid Arbusow und die lettische Geschichtsschreibung // Leonid Arbusow (1882–1951) und die Erforschung des mittelalterlichen Livland. (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 24.) Köln; Weimar; Wien, 2014. S. 79–109.

Możejko. 1999 — *Możejko B*. Starosra bielski Iwaszko Dowojnowicz w sporze z mieszczanami gdańskimi. Nieznane źródła do badań nad mentalnością szlachecką i bielską hierarchią urzędniczą // Społeczeństwo Polski średniowiecznej. T. 8. Warszawa, 1999. S. 207–218.

Możejko. 2006 — *Możejko B*. Kontakty polskiej kancelarii królewskiej z Gdańskiem w okresie wojny trzynastoletniej // Kancelaria wielkich mistrzów i polska kancelaria królewska. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej. Malbork, 2–3 IX 2003. Malbork, 2006. S. 191–210.

Neitmann. 1986 — *Neitmann K*. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen 1230–1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen Territorialstaates. (Neue Forschungen zur Brandenburg-Preussischen Geschichte. Bd. 6.) Köln; Wien, 1986.

Neitmann. 1991 — *Neitmann K*. Um die Einheit Livlands. Der Griff des Ordensmeisters Bernd von der Borch nach dem Erzstift Riga um 1480 // Deutsche im Nordosten Europas. (Studien zum Deutschtum im Osten. Bd. 22.) Köln; Wien, 1991. S. 109–137.

Neitmann. 1998 — *Neitmann K*. Geschichte und Zukunft des Liv-, est- und kurländischen Urkundenbuches // Stand, Aufgaben und Perspektiven territorialer Urkundenbücher im östlichen Mitteleuropa. (Tagungen zur Ostmitteleuropa-Forschung. Bd. 6.) Marburg, 1998. S. 107–122.

Neuman, Pietkiewicz. 1996 — *Neuman M., Pietkiewicz K*. Lietuvos didžiojo kunigaikščio ir Lenkijos karaliaus Aleksandro Jogailaičio itinerariumas (1492 m. birželis — 1506 m. rugpjūtis) // LIM. 1995. Vilnius, 1996. P. 154–240.

Nikodem. 1998 — *Nikodem J*. Rola Skirgiełły na Litwie do 1394 roku // Scripta minora. T. 2. Poznań, 1998. S. 83–129.

Nikodem. 2001 — *Nikodem J*. Narymunt Giedyminowic i jego uposażenie // Scriptura custos memoriae. (Publikacje Instytutu Historii UAM. № 44.) Poznań, 2001. S. 609–622.

Nikodem. 2013 — *Nikodem J*. Witold, wielki książę litewski (1354 lub 1355 — 27 października 1430). Kraków, 2013.

Nikžentaitis. 1990 — *Nikžentaitis A*. Gediminas. Vilnius, 1990.

Nowak. 2004 — *Nowak P*. Niemieckojęzyczne dokumenty króla Władysława Jagiełły // Studia Źródłoznawcze. T. 42. Warszawa, 2004. S. 97–114.

Ochmański. 1958 — *Ochmański J*. W kwestii agrarnego charakteru miast Wielkiega Księstwa Litewskiego w XVI w. // Studia historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego. Warszawa, 1958. S. 279–294.

Ochmański. 1961 — *Ochmański J.* Rolnictwo na Litwie feudalnej w świetle nowszych badań // KHKM. 1961. R. 9. № 4. S. 819–826.

Papée. 1999 — *Papée F.* Aleksander Jagiellończyk. Wyd. 2. Kraków, 1999.

Papée. 2006 — *Papée F.* Jan Olbracht. Wyd. 2. Kraków, 2006.

Paszkiewicz. 1933 — *Paszkiewicz H.* Jagiellonowie a Moskwa. T.I. Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku. Warszawa, 1933.

Peltz. 1971 — *Peltz W.* Ród Giedygołda i jego majętności // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Ser. Historia. Zesz. 11. Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Poznań, 1971. S. 23–44.

Petrauskas. 2002 — *Petrauskas R.* Ponas savo žemėje: Lietuvos pareigūnai XIV a. pabaigoje — XV amžiuje // LIM. 2001. T. 1. Vilnius, 2002. P. 9–30.

Petrauskas. 2003 — *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a.: Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius, 2003.

Petrauskas. 2005a — *Petrauskas R.* Ankstyvosios valstybinės struktūros Lietuvoje XIII amžiuje — XV amžiaus pradžioje // Lietuvos istorijos studijos. Vilnius, 2005. T. 16. P. 19–30.

Petrauskas. 2005б — *Petrauskas R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės seimo ištakos: didžiojo kunigaikščio taryba ir bajorų suvažiavimai XIV–XV a. // Parlamento studijos. T. 3. Vilnius, 2005. P. 9–32.

Petrauskas. 2006 — *Petrauskas R.* Didžiojo kunigaikščio institucinio dvaro susiformavimas Lietuvoje (XIV a. pabaigoje — XV a. viduryje) // LIM. 2005. T. 1. Vilnius, 2006. P. 5–38.

Petrauskas. 2007 — *Petrauskas R.* Nuo Vytauto iki Aleksandro Jogailaičio: didžiojo Lietuvos kunigaikščio dvaro tęstinumo problema // Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha. Vilnius, 2007. P. 47–55.

Piech. 2003 — *Piech Z.* Monety, pieczęcie i herby w systemie symboli władzy Jagiellonów. Warszawa, 2003.

Pietkiewicz. 1987 — *Pietkiewicz K.* Radziwiłł (Radziwiłłowicz) Mikołaj // PSB. T. 30/2. Zesz. 125. Wrocław etc., 1987. S. 315–316.

Pietkiewicz. 1994 — *Pietkiewicz K.* Dokument ruski w kancelarii litewskiej Aleksandra Jagiellończyka (1492–1506) // Litwa i jej sąsiedzi od XII do XX wieku. Studia ofiarowane Prof. dr. hab. Jerzemu Ochmańskiemu w sześćdziesiątą rocznicę urodzin. Poznań, 1994. S. 65–86.

Pietkiewicz. 1995 — *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiełłończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. (UAM. Ser. Historia. № 185.) Poznań, 1995.

Pietkiewicz. 1997 — *Pietkiewicz K.* Dwór litewski wielkiego księcia Aleksandra Jagiellończyka // Lietuvos valstybė XII–XVIII a. Vilnius, 1997. P. 75–131.

Pietkiewicz. 2007 — *Pietkiewicz K.* Uwagi o dokumencie łacińskim w praktycze kancelarii litewskiej Aleksandra Jagiellończyka // Praeities pėdsakais. Skiriama Profesoriaus daktaro Zigmanto Kiaupos 65-mečiui. Vilnius, 2007. P. 119–134.

Pociecha. 1947 — *Pociecha W.* Ezofowicz Jan Abracham // PSB. T. 6. Zesz. 29. Kraków, 1947. S. 328–331.

Podwińska Z. Rozmieszczenie młynów wodnych zbożowych w Małopolsce w XV wieku // KHKM. 1970. T. 18. № 3. S. 373–402.

Prochaska. 1894 — *Prochaska A.* Przyczynki krytyczne do dziejów Unii // Rozprawy Akademii Umiejętnosci. Wydział historyczno-filozoficzny. Ser. II. T. 8 (Ogólnego zbioru t. 33). Kraków, 1894. S. 55–122.

Ptaszycki. 1894 — *Ptaszycki S.* Z dziejów starego rodu // Charitas. Księga zbiorowa, wydana na rzecz Rz.-K. Towarzystwa dobroczynności przy kościele św. Katarzyny w Petersburgu. Petersburg, 1894. S. 503–509.

Purc. 1971 — *Purc J.* Itinerarium Witolda wielkiego księcia Litwy (17 lutego 1370 roku — 27 października 1430 roku) // Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. (Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza. Ser. Historia. Zesz. 11.) Poznań, 1971. S. 71–115.

Ragauskienė. 2012 — *Ragauskienė R.* XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės didikų archyvo atvejis: Dubrovnos linijos Hlebavičių dokumentų aprašai Lietuvos metrikoje // Istorijos šaltinių tyrimai. T. 4. Vilnius, 2012. P. 109–132.

Reitemeier. 2002 — *Reitemeier A.* Sprache, Dolmetscher und Sprachpolitik im Rußlandhandel der Hanse während des Mittelalters // Novgorod. Markt und Kontor der Hanse. (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. N. F. Bd. 53.) Köln u. a., 2002. S. 157–175.

Rimša. 1997 — *Rimša E.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės antspaudų vaškas XIII–XVIII a. // Lituanistica. 1997. № 3 (31). P. 3–18.

Rimša. 1999 — *Rimša E.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės miestų antspaudai. Vilnius, 1999.

Rimša. 2002a — *Rimša E.* 1385 m. Krėvos akto antspaudai // 1385 m. rugpjūčio 14 d. Krėvos aktas. Vilnius, 2002. P. 79–98.

Rimša. 2002б — *Rimša E.* Pieczęcie Olgierda, wielkiego księcia litewskiego — dane historiograficzne a rzeczywistość // Heraldyka i okolice. Warszawa, 2002. S. 201–215.

Rimša. 2004 — *Rimša E.* Heraldika: iš praeities į dabartį. Vilnius, 2004.

Rimša. 2005 — *Rimša E.* Lietuvos didžiojo kunigaikščio Algirdo antspaudai: istoriografijos klystkeliai ir tikrovė // Konstantinas Jablonskis ir istorija. Vilnius, 2005. P. 123–142.

Rimša. 2007a — *Rimša E.* Aleksandro antspaudai — naujas etapas valstybės sfragistikoje // Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha. Vilnius, 2007. P. 152–165.

Rimša. 2007b — *Rimša E.* Pieczęcie miast Wielkiego Księstwa Litewskiego / Tłum. J. Sienkiewicz. Warszawa, 2007.

Rimša. 2009 — *Rimša E.* Burlaiviai sfragistikoje ir heraldikoje // Vėjas rėjose. Burlaivių epochos atspindžiai Lietuvoje. Klaipėda, 2009. P. 177–190.

Rimša. 2011 — *Rimša E.* Vytauto didysis antspaudas — pirmoji valdžios ir valstybės herbinė manifestacija // Jogailos ir Vytauto laikai. Mokslinių straipsnių rinkinys, skirtas Žalgirio mūšio 600-osioms metinėms. Kaunas, 2011. P. 82–96.

Rimša. 2013a — *Rimša E.* Horodlės aktai ir Lietuvos kilmingųjų heraldika // 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai). Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius; Kraków, 2013. P. 173–210. То же на польском языке: *Rimša E.* Akta horodelskie a heraldyka litewskich bojarów // Ibid. P. 211–254.

Rimša. 2013б — *Rimša E.* Pieczęcie dokumentu bojarów litewskich z 1413 r. // 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai). Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius; Kraków, 2013. S. 423–452.

Rohdewald. 2005 — *Rohdewald S.* «Vom Polozker Venedig». Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914). (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 70.) Stuttgart, 2005.

Rospond. 1937 — *Rospond St.* Południowo-slowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -ity-. Kraków, 1937.

Rowell. 1994 — *Rowell S. C.* Lithuania ascending: A pagan empire within East-Central Europe. 1295–1345. Cambridge, 1994.

Rowell. 2005 — *Rowell S. C.* Trumpos akimirkos iš Kazimiero Jogailaičio dvaro: neeilinė kasdienybė tarnauja valstybei // LIM. 2004. T. 1. Vilnius, 2005. P. 25–56.

Rowell. 2007 — *Rowell S. C.* Archival interface: The Goschowiczes in Gdańsk and Vilnius, 1442 — 1483 // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. P. 383–393.

Rowell. 2009 — *Rowell S.C.* Anekdota emporika: kaip XV a. Lietuvos pirkliai įveikė Dievo ir valdovų sukurtas kliūtis prekiauti // LIM. 2008. T. 2. Vilnius, 2009. P. 85–100.

Rutkowska. 2014 — *Rutkowska G.* Itinerarium króla Kazimierza Jagiellończyka 1440–1492. (Itineraria Jagiellonów. T. 1.) Warszawa, 2014.

Samsonowicz. 1954 — *Samsonowicz H.* Rzemiosło wiejskie w Polsce XIV–XVII w. Kraków, 1954.

Saviščevas. 2008 — *Saviščevas E.* Suvaldyti chaosą: Bandymas naujai tirti Lietuvos didžiojo kunigaikščio Kazimiero suteikčių knygą // Istorijos šaltinių tyrimai. T. 1. Vilnius, 2008. P. 115–173.

Saviščevas. 2010 — *Saviščevas E.* Žemaitijos savivalda ir valdžios elitas 1409–1566 metais. Vilnius, 2010.

Schmidt. 1938 — *Schmidt G.* Das Eindringen der hochdeutschen Schriftsprache in der Rigaschen Ratskanzlei. (Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga. Mitteilungen aus der baltischen Geschichte. Bd. 1. H. 1.) Riga, 1938.

Schubert. 1993 — *Schubert B.* Die russische Kaufmannschaft und ihre Beziehung zur Hanse // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse. (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. N. F. Bd. 39.) Köln u. a., 1993. S. 13–22.

Schubert. 1994 — *Schubert B.* Die Bedeutung des Handels für die wirtschaftliche Entwicklung der Ruś // Norwegen und die Hanse. Wirtschaftliche und kulturelle Aspekte im europäischen Vergleich. Frankfurt a. M. u. a., 1994. S. 177–189.

Schubert. 2002a — *Schubert B.* Der Novgoroder Seehandel und der «freie Weg auf dem Meer» // Beiträge zur Geschichte des Ostseeraumes. Vorträge der ersten und zweiten Konferenz der Ständigen Konferenz der Historiker des Ostseeraumes. Katzow, 1996; Greifswald, 1998. (Greifswalder Historische Studien. Bd. 4.) Hamburg, 2002. S. 35–51.

Schubert. 2002б — *Schubert B.* Hansische Kaufleute im Novgoroder Handelskontor // Novgorod. Markt und Kontor der Hanse. (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. N. F. Bd. 53.) Köln u. a., 2002. S. 79–98.

Schwarz. 2007 — *Schwarz J.* Zwischen Kaiser und Papst. Der Rigaer Erzbistumsstreit 1480–1483 // Zeitschrift für historische Forschung. 2007. Jg. 34. S. 373–401.

Selart. 2006 — *Selart A.* Fürst Konstantin von Polock und die Geschichte Livlands im dritten Viertel des 13. Jahrhunderts // Forschungen zur Baltishen Geschichte. 2006. Bd. 1. S. 29–44.

Semkowicz. 1914a — *Semkowicz W.* Braterstwo szlachty polskiej z bojarstwem litewskim w unii horodelskiej 1413 roku // Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa; Lublin; Łódź; Kraków, 1914. S. 393–446.

Semkowicz. 1914б — *Semkowicz W.* O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413 // Miesięcznik Heraldyczny. 1914. T. 7. № 1–2. S. 7–16; № 3–4. S. 51–59; № 5–6. S. 96–103.
Semkowicz. 1931 — *Semkowicz W.* Sfragistyka Witołda. Kraków, 1931. (Отдельный оттиск из: Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. T. 13. Kraków, 1930. S. 65–86.)
Semkowicz. 1989 — *Semkowicz W.* O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413 // LSP. T. 3. Poznań, 1989. S. 7–139.
Skardžius. 1931 — *Skardžius P.* Die slawischen Lehnwörter im Altlittauischen. Kaunas, 1931.
Skurvydaitė. 2000 — *Skurvydaitė L.* Lietuvos valdovo Vytauto titulatūra: kada Vytautas ima tituluotis didžiuoju kunigaikščiu? // Lietuvos istorijos studijos. T. 8. Vilnius, 2000. P. 9–19.
Smoleński. 1908 — *Smoleński W.* Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej. Kraków, 1908.
Smolka. 1889 — *Smolka St.* Kiejstut i Jagiełło. Kraków, 1889. (Отдельный оттиск из: Pamiętnik Akademii Umiejętności. T. 7. Kraków, 1889.)
Sochaniewicz. 1928–1929 — *Sochaniewicz K.* Pieczęć Kiejstuta w zbiorze sfragistycznym miasta Torunia // Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. 1928–1929. T. XII. S. 92–94.
Stauffer. 1958 — *Stauffer M.* Der Wald. Zur Darstellung und Deutung der Natur im Mittelaltzr. Zürich, 1958.
Steinführer. 2002 — *Steinführer H.* Erzbischof Stefan v. Riga († 1483) — Eine biographische Skizze // Figuren und Strukturen. Historische Essays für Hartmut Zwahr zum 65. Geburtstag. München, 2002. S. 171–181.
Squires. 2006 — *Squires C.* Die Hanse und Novgorod: drei Jahrhunderte Sprachkontakt // Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung. Jg. 2006. Bd. 129. Neumünster, 2006. S. 43–87.
Stang. 1935 — *Stang Chr. S.* Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935.
Stang. 1939 — *Stang Chr. S.* Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.
Stankiewicz. 1936 — *Stankiewicz J.* [Rec.:] Stang, Chr. S.: Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935 // Balticoslavica. T. 2. Wilno, 1936. S. 374–398.
Stieda. 1921 — *Stieda W.* Hildebrand Veckinchusen. Leipzig, 1921.
Stoob. 1959 — *Stoob H.* Minderstädte. Formen der Stadtentstehung im Spätmittelalter // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1959. Bd. 46. Hf. 1. S. 1–28.
Sułkowska-Kurasiowa. 1967 — *Sułkowska-Kurasiowa I.* Rewizje nadań królewskich na przełomie XV–XVI wieku // KH. T. 74. № 2.Warszawa, 1967. S. 289–297.
Sułkowska-Kurasiowa. 1977 — *Sułkowska-Kurasiowa I.* Dokumenty królewskie i ich funkcja w państwie polskim za Andegawenów i pierwszych Jagiellonów (1370–1444). Warszawa, 1977.
Sułkowska-Kurasiowa. 1983 — *Sułkowska-Kurasiowa I.* Nieznane egzemplarze ksiąg Metryki Litewskiej z lat 1440–1518 // KH. 1983. R. 90. № 1. S. 119–126.
Szacherska. 1991 — *Szacherska S. M.* Płock czy Połock? Rzekomy dokument rady płockiej z 1501 r. w sprawie kupca wrocławskiego // Czas, przestrzeń, praca w dawnych miastach. Studia ofiarowane Henrykowi Samsonowiczowi w sześćdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 1991. S. 361–372.
Szaniecki. 1936 — *Szaniecki M.* Nadania ziemi na rzecz rycerzy w Polsce do końca XIII wieku. Poznań, 1936.
Szczygielski. 1958 — *Szczygielski W.* Zmiany w stanie posiadania i strukturze wlasnościowej szlachty powiatu Wieluńskiego od połowy XVI do końca XVIII wieku // Rocznik Łódzki. T. 1 (ogólnego zbioru t. 1). Łódz, 1958. S. 259–281.
Szulc. 2005 — *Szulc D.* Z problematyki konfliktu Glińskich z Zabrzezińskimi w latach 1504–06. Spór o dzierżawę starostwa w Lidzie i jego odbicie na sejmach litewskich w Brześciu i Grodnie oraz sejmie koronnym w Radomiu // Koło Historii. 2005. № 9. S. 155–179.
Szulc. 2014 — *Szulc D.* Geneza i początek konfliktu Michała Glińskiego z Janem Zabrzezińskim w roku 1503. Z dziejów przeobrażeń elity władzy na Litwie w początku XVI wieku // Lietuvos istorijos studijos. T. 33. Vilnius, 2014. P. 44–65.
Szweda. 2009 — *Szweda A.* Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454. Toruń, 2009.
Szybkowski. 2013 — *Szybkowski S.* Uwagi o pieczęciach Aleksandra Jagiellończyka // Studia Źródłoznawcze. T. 51. Warszawa, 2013. S. 33–42.
Šmigelskytė-Stukienė. 2007 — *Šmigelskytė-Stukienė R.* Między Warszawą a Wilnem: Metryka Litewska w latach 1792–1794 // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. P. 199–212.
Štěpánek. 1968 — *Štěpánek M.* Patrocinia a střednevěké cesty // Československy časopis historicky. Praha, 1968. Sš. 16. № 4. S. 551–570.
Taimiņa. 2004 — *Taimiņa A.* 15. gs. metāla griezuma jeb «skrošu» gravīras un Rīgas patricieša Reinholda Soltrumpa grāmatu likteņi. Vēstījums ar atkāpēm par Aglonas bazilikas bibliotēkā jaunatrasto inkunābulu // Mākslas: vēsture & teorija. 2004. № 2.

Taimiņa. 2009 — *Taimiņa A.* «…aus ächten und unverfälschten Quellen»: Ernst Hennig, Wilhelm Friedrich Freiherr von Ungern-Sternberg, Johann Christoph Brotze und ihre Arbeit an den Dokumenten aus dem Geheimen Archiv in Königsberg // Forschungen zur baltischen Geschichte. Bd. 4. Tartu, 2009. S. 115–144.

Taimiņa. 2013 — *Taimiņa A.* Johana Kristofa Broces (Brotze, 1742–1823) dzīvesgājums un viņa rokrakstu kolekcija LU Akadēmiskajā bibliotēkā. Promocijas darbs Dr. philol. grāda iegūšanai komunikāciju zinātnē. Rīga, 2013.

Taszycki. 1958 — *Taszycki W.* Rozprawy i studia polonistyczne. T. 1. Onomastyka. Wrocław; Kraków, 1958.

Tęgowski. 1999 — *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. (Biblioteka genealogiczna. T. 2.) Poznań; Wrocław, 1999.

Tęgowski. 1995 — *Tęgowski J.* Małżeństwa Witolda Kiejstutowicza // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. N. S. T. 2 (13). Warszawa, 1995. S. 177–182.

Tęgowski. 2005 — *Tęgowski J.* Dokumenty Koriatowiczów władców Podola w XIV wieku. Tendencje kulturowe Podola za Koriatowiczów // Tekst źródła. Krytyka, interpretacja. Warszawa, 2005. S. 227–237.

Tęgowski. 2006 — *Tęgowski J.* Uzupełnienia i uwagi do itinerarium Witolda Kiejstutowicza // Studia Źródłoznawcze. T. 44. Warszawa, 2006. S. 67–76.

Tęgowski. 2009 — *Tęgowski J.* W sprawie genezy unii Polski z Litwą. Projekt małżeństwa Jagiełły z córką Dymitra Dońskiego wielkiego księcia moskiewskiego — próba ustalenia daty // Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Seria: Zeszyty Historyczne. 2009. № 10. S. 51–64.

Thumser. 2014 — *Thumser M.* Oskar Stavenhagen, Leonid Arbusow und die «Akten und Rezesse der livländischen Ständetage». Geschichte und Perspektiven eines Editionsunternehmens // Leonid Arbusow (1882–1951) und die Erforschung des mittelalterlichen Livland. (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 24.) Köln; Weimar; Wien, 2014. S. 109–123.

Trusen. 1983 — *Trusen W.* Chirograph // Lexikon des Mittelalters. Bd. 2: Bettlerwesen bis Codex von Valencia. München, 1983. Sp. 1844–1845.

Tymieniecki. 1934 — *Tymienicki K.* W sprawie powstania szlachectwa w Polsce // Miesięcznik Heraldyczny. 1934. T. 13. № 5. S. 69–73; № 6. S. 86–91.

Varakauskas. 1982 — *Varakauskas R.* Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a. Vilnius, 1982.

Vossberg. 1854 — *Vossberg F.* Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. Berlin, 1854.

Wawrzyńczyk. 1951 — *Wawrzyńczyk A.* Rozwój wielkiej własności na Podlasiu w XV i XVI wieku. Wrocław, 1951.

Węcowski.1998 — *Węcowski P.* Działalność publiczna możnowładztwa małopolskiego w późnym średniowieczu. Itineraria kasztelanów i wojewodów krakowskich w czasach panowania Władysława II Jagiełły. Warszawa, 1998.

Węcowski. 2000 — *Węcowski P.* Itineraria Jagiellonów // Studia Źródłoznawcze. T. 37. Warszawa, 2000. S. 153–163.

Wiśniewski. 1979 — *Wiśniewski J.* Pac Jerzy // PSB. T. 24. Wrocław etc., 1979. S. 703–704.

Witthöft. 2002 — *Witthöft H.* Der Smolensker Vertrag und die Überlieferung von Waage und Gewicht aus dem Novgoroder und dem Düna-Handelsraum // Novgorod. Markt und Kontor der Hanse. (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. N. F. Bd. 53.) Köln u. a., 2002. S. 177–209.

Wojtkowiak. 2010 — *Wojtkowiak Z.* Północna granica Litwy w średniowieczu. «Limites inter Litvaniam et Livonia» z 1473 r. // Poznań — Wilnu. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego. Poznań, 2010. S. 213–270.

Wolff. 1885a — *Wolff J.* Pacowie. Warszawa, 1885.

Wolff. 1885б — *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego (1386–1795). Kraków, 1885.

Wolff. 1885в — *Wolff J.* Żyd ministrem króla Zygmunta. Kraków, 1885.

Wolff. 1895 — *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca XIV wieku. Warszawa, 1895.

Wójcik. 1959 — *Wójcik W.* Wpływ sytuacji wewnętrznej państwa na wspomoganie kościoła polskiego w średniowieczu // Prawo kanoniczne. T. 2. Z. 3–4. Warszawa, 1959. S. 114–122.

Wójcik. 1967 — *Wójcik W.* Interwencje monarsze u sędziów kościelnych w Polsce XV–XVI wieku // CPH. T. 19. № 2. Warszawa, 1967. S. 88–105.

Wróbel. 2013 — *Wróbel W.* Krąg rodzinny Zofii z Chożowa Holszańskiej i jej testament z 29 VII 1518 r. // Rody, rodziny Mazowsza i Podlasia. Źródła do badań genealogicznych. Łomża, 2013. S. 345–366.

Zaborski. 1926 — *Zaborski B.* O kształtach wsi w Polsce i ich rozmieszczeniu // Prace Komisji Etnograficznej Akademii Umiejętności. 1926. № 1. S. 74–78.

Zajączkowski. 1966 — *Zajączkowski St. M.* Studia nad wielowioskową własnością szlachecką w Łęczyckiem i Sieradzkiem i jej rola w osadnictwe (od końca XIV do połowy XVI w.) // KHKM. 1966. T. 14. № 2. S. 179–208.

Zarys historii gospodarstwa wiejskiego. T. 1–2 — Zarys historii gospodarstwa wiejskiego w Polsce. T. 1–2. Warszawa, 1964.

Zemzaris J. Mērs un svars Latvijā 13.–19. gs. Rīga, 1981.

Żabko-Potopowicz. 1955 — *Żabko-Potopowicz A.* Dzieje bartnictwa w Polsce w świetle dotychczasowych badań // Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych. T. 15. Poznań, 1955. S. 7–56.

Żebrawski. 1865 — *Żebrawski T.* O pieczęciach dawnej Polski i Litwy. Kraków, 1865..

Содержание

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.

Том 2

Подписано в печать 20 февраля 2015 г.. Бумага офсетная.
Формат 70x100 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Тираж 600 экз. Заказ №

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
119435, Москва, Малая Пироговская, 13.
www.s-and-e.ru

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6